

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P Slaw 176.11

Harvard College Library

FROM THE REQUEST OF

MRS. ANNE E. P. SEVER,

OF BOSTON,

WIDOW OF COL. JAMES WARREN SEVER,

(Class of 1817)

28 Nov. 1898 - 27 Dec.

P Slav 176.44

Harvard College Library

FROM THE REQUEST OF

MRS. ANNE E. P. SEVER,

OF BOSTON,

WIDOW OF COL. JAMES WARREN SEVER,

(Class of 1817)

28 Nov. 1898 - 27 Dec.

UNIVERSITY COLLEGE
NOV 28 1898
CAMBRIDGE, MASS.

ВЪСТЪЖЪ ЕВРОПЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ.

ЖУРНАЛЪ.

ТРИДЦАТЬ-ТРЕТІЙ ГОДЪ.—КНИГА II-я.

НОЯВРЬ, 1898

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 11-я. — НОЯБРЬ, 1898.

Стр.

I.—ИВАНЪ ОБОДОРОВИЧЪ ГОРЕУНОВЪ.—Очеркъ.—I-VIII.—А. О. Коки . . .	5
II.—ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА И ЕЯ СУДЬБА.—I-VII.—Ф. Ф. Зблинскаго . . .	64
III.—ПОЩЕЧИННА.—Рассказъ.—К. Ф. Головина	120
IV.—СВИТЕЗЬ.—Блазуда Мицкевича.—Перев. В. П. Маркова	175
V.—СЛАВЯНОФИЛЫ, ЗАПАДНИКИ И ГЕРЦЕГЪ.—И. Бѣлозерскаго	185
VI.—БРАТЪЯ.—Рассказъ.—Кн. М. И. Волконскаго	202
VII.—ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЯ БОЛЕЗНИ РАБОЧИХЪ.—Очеркъ.—I-II.—Ив. Кер- чипера	228
VIII.—ИЗЪ ДВИЖЬЯГО МІРА.—„The maiden's Progress“, by V. Hunt.—I-XIII.— Перев. А. Б.—г.	264
IX.—ТРИ СВИДАНИЯ.—Поэма.—Вл. С. Соловьева	328
X.—ХРОНИКА. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Взлманіе земскихъ сборовъ— прежде и теперь. — Различныя способы улучшить положеніе земскихъ фи- нансовъ. — Продѣли земскаго облаженія. — Васильевое уѣздное земское со- браніе. — Вопросъ объ отношеніи губернскаго земства къ ходатайствамъ уѣздныхъ земскихъ собраній. — Земская адвокатура. — Реляціонная почта и земство	335
XI.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Открытіе парламентской сессіи во Фран- ции. — Засѣданіе палаты депутатовъ 25 (13) октября и паденіе министер- ства Бриссона. — Дѣло Дрейфуса и антисемиты. — Рѣшеніе кассационнаго суда. — Англо-французскій споръ о Фаводѣ	353
XII.—МІРЪ—ИЛИ НОВАЯ ВОЙНА?—Письмо въ Редакцію.—П. А. Тверскаго . . .	365
XIII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. В. Сузлова, Памятники древняго русскаго воздѣвства, 4 выпуска.—А. П.—Собраніе сочиненій Каролина.—А. А. Кауф- манъ, Къ вопросу о причинахъ и вѣроятной будущности русскихъ пересе- леній.—Т.—П. М. Коркуновъ, Исторія философіи права.—Э. Рахлова.— Поэма книги в брошюры	380
XIV.—ПОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. — I. Points sèches, par Ad. Brissot. — II. Vesoliques, par J. Renard. — III. The Journalist, by G. F. Keary.—В. В.	404
XV.—НЕКРОЛОГЪ.—Яковъ Петровичъ Поздвискій.—Вл. С. Соловьева . . .	419
XVI.—ВѢТЬ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ. — Дѣло всеяда Бѣлзевича и коммен- тарія къ нему къ печати. — Официальное опроверженіе по дѣлу субтан- това съеза Екатеринбургскаго.—Дѣя рѣчи финляндскаго генераль-губернатора.— Особое вниманіе по вопросу о воинской повинности въ Финляндіи.—Письмо финляндскаго генераль-суперинтендента въ редакцію „Сиб. Вѣдомостей“ . . .	421
XVII.—ВИЗУАЛЬНО-ГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—„Искусство и художественная промыш- ленность“, журн. в. р. П. П. Собко, № 1 и 2.—А. Гузевичъ, Война и народ- ное хозяйство. — Выборный мировой судъ, сборникъ.—Собраніе сочиненій А. А. Грядовскаго, т. I.—Сочиненія В. Г. Бѣлзевича, т. I и II.	
XVIII.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; I-XVI стр.	

Подписка на годъ, полугодіе и послѣднимъ четверть 1898 года.
(См. подробности о подлинкѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

ТРИДЦАТЬ-ТРЕТИЙ ГОДЪ. — ТОМЪ VI.

ГОДЪ LXII. — ТОМЪ CCCLXVIII. — 1/13 НОЯБРЯ 1898.

**ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ**

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ДЕВЯНОСТО-ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ТРЕТИЙ ГОДЪ

ТОМЪ VI

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: || **Экспедиція журнала:**
на Васильевскомъ Острову, 5-я линія, № 28. || **на Вас. Остр., Академич. переулокъ № 7.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1898

846¹⁹/₃ ~~Slav. 30.2~~
P Slav 176. 25

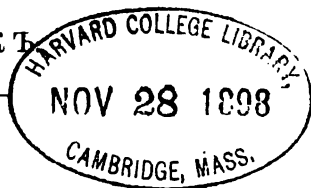
1878
Jaww

2702

ИВАНЪ ѲЕДОРОВИЧЪ ГОРБУНОВЪ

О Ч Е Р К Ъ

I.

Немного лѣтъ прошло со смерти И. Ѳ. Горбунова, а столь обычное у насъ забвеніе начинаетъ уже вступать и по отношенію къ нему въ свои права. Образъ его тускнѣетъ, расплывается въ отрывочныхъ воспоминаніяхъ, рисуется въ невѣрныхъ очертаніяхъ. Имя его почти ничего уже не говоритъ тѣмъ, кто не зналъ или не слышалъ его лично. Рѣдко кто имѣетъ возможность прочесть собраніе его, ставшихъ библиографическою рѣдкостью, рассказовъ. Едва ли найдется и много желающихъ пожертвовать кропотливымъ трудомъ и временемъ на разысканіе въ старыхъ повременныхъ изданіяхъ его произведеній, напечатанныхъ послѣ 1881 года,—года послѣдняго изданія его рассказовъ. И уходитъ, такимъ образомъ, изъ памяти общества замѣчательный по своему дарованію русскій человѣкъ, умѣвшій воплощать въ сжатыхъ и яркихъ формахъ типическія черты нашей бытовой жизни. Уходитъ—не оставивъ, въ виду своеобразности своего творчества, и преемника. Пока еще не изсякли личныя о немъ воспоминанія, пока еще помнятся, болѣе или менѣе „съ подлиннымъ вѣрно“, нѣкоторые его нигдѣ не напечатанные рассказы,—необходимо постараться задержать его, не дать ему уйти совсѣмъ, необходимо попробовать отдать себѣ отчетъ въ томъ,

что такое былъ въ своей художественной дѣятельности Горбуновъ. Это тѣмъ болѣе нужно, что въ представленіе о немъ закралось много ложнаго, что обобщеніе отдѣльныхъ случаевъ и мимолетныхъ, иногда совсѣмъ непродуманныхъ выводовъ и непровѣренныхъ впечатлѣній создало такой образъ Горбунова, который не соотвѣтствуетъ ни его душевному складу, ни дѣйствительному, внутреннему содержанию его произведеній. Многие думаютъ и говорятъ о немъ, судя по единичнымъ встрѣчамъ, какъ о веселомъ собесѣдникѣ, о застольномъ увеселителѣ, о *забавникѣ*. Взрывы смѣха зрительной залы въ театрѣ, когда, въ чей-нибудь бенефисъ, добрый и обязательный Горбуновъ выступалъ съ новою „сценою изъ народнаго быта“, — хохотъ сотрапезниковъ, которымъ, „entre poire et fromage“, кажется очень смѣшнымъ то, что разсказалъ имъ Горбуновъ, — веселое настроеніе какого-нибудь интеллигентнаго кружка, восхищеннаго тѣмъ, „какъ это тонко подмѣчено!“ или „какъ оно мѣтко схвачено!“ — представляются многимъ правильною оцѣнкою и опредѣленіемъ всего смысла творчества Горбунова. Но тѣ, кто думаетъ такъ, не знаютъ и не понимаютъ его. Они видятъ во внѣшнемъ, бьющемъ въ глаза, результатѣ — выраженіе сокровенной душевной работы художника, — и глубиною пониманія слушателей опредѣляютъ глубину проныновенія его въ свойство и значеніе изображаемыхъ имъ явленій.

Этотъ близорукій и поверхностный взглядъ особенно неправиленъ относительно Горбунова. Извѣстность выдающагося актера, разсказчика и вообще воплотителя житейскихъ и поэтическихъ образовъ — имѣетъ одну завидную особенность. Она не сопряжена съ нравственною отвѣтственностью. Она не влечетъ за собою ни строгаго осужденія прозрѣвшаго человечества, ни суда исторіи, ни угрызеній совѣсти, напоминающей о средствахъ, которыми иногда куплена слава полеводца, политика, властителя. Но она, вмѣстѣ съ тѣмъ, временна и непрочна. За извѣстнаго дѣятеля на поприщѣ другихъ искусствъ или въ области государственной говорятъ — неприкосновенная цѣлость ихъ трудовъ, безчисленныя историческія и житейскія послѣдствія ихъ дѣлъ. Лютеръ, Наполеонъ и Петръ, „чей каждый слѣдъ — по словамъ кн. Вяземскаго — для сердца русскаго есть памятникъ священный“, — постоянно напоминаютъ о себѣ; Рембрандтъ будетъ вѣчно говорить со своихъ удивительныхъ холстовъ; Пушкинъ — со своихъ вдохновенныхъ страницъ. Не такова судьба сценическаго дѣятеля. Его извѣстность поддерживается почти исключительно живыми свидѣтелями того, какъ прочно и глубоко влиялъ онъ на зрителей или слушателей; совокупность ихъ

однородныхъ впечатлѣній и воспоминаній—создаетъ конкретный обликъ артиста. Но когда они уходятъ, а за ними слѣдуютъ и тѣ, кому они передали свои непосредственныя ощущенія,—живое представленіе объ артистѣ начинаетъ быстро сглаживаться, теряя свою яркость, и громкія имена людей, потрясавшихъ сердца,—имена Клина, Гаррика, Тальмы—ничего яснаго и опредѣленнаго не говорятъ послѣдующимъ поколѣніямъ. Извѣстность носителей этихъ именъ принимается на вѣру,—такъ сказать, въ кредитъ. Ссылаясь на нее, приходится, по большей части, *jugare in verba magistri*, не обращаясь къ критикѣ источниковъ и оставляя въ сторонѣ *современныя* требованія, предъявляемыя и къ сценическимъ произведеніямъ, и къ приемамъ и способамъ ихъ исполненія. Имя артиста переживаетъ его дѣла; въ другихъ областяхъ нерѣдко дѣла переживаютъ имя. Хотя значительная часть рассказовъ Горбунова и была напечатана, но существовали, однако, многіе варианты и дополненія къ нимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлый рядъ сценъ, никогда не видѣвшихъ печати и не записанныхъ даже самимъ авторомъ. Все это, вмѣстѣ съ оригинальною формою, въ которую они были облечены, и со свойственными Горбунову средствами исполненія, грозитъ кануть въ „пропасть забвенія“. Наконецъ, и то, что было когда-то напечатано и будетъ, надо надѣяться, вновь перепечатано,—въ виду своей отрывочности и обособленности, только тогда можетъ дать вѣрное понятіе о Горбуновѣ, когда будетъ подвергнуто нѣкоторому анализу и группировкѣ по своему содержанію. Для этого надо попытаться изъ отдѣльныхъ эпизодовъ разныхъ рассказовъ, изъ сверкающихъ въ нихъ всплывшій юмора и звучащихъ въ нихъ звуковъ грустнаго раздумья составить нѣчто по возможности цѣльное, нѣчто въ родѣ мозаическихъ изображеній изъ различныхъ цвѣтныхъ кусочковъ. Такая работа была бы достойна памяти народнаго русскаго художника, какимъ былъ Горбуновъ.

Далекій отъ мысли представить, въ настоящемъ очеркѣ, подобную работу, я хотѣлъ бы лишь намѣтить нѣкоторыя ея стороны и приемы, необходимые, по моему мнѣнію, для выясненія личности и творческой дѣятельности Горбунова. *Feci quod potui, faciant meliora potentes...*

Какъ бы сложны, разнообразны и даже противорѣчивы ни были требованія, предъявляемыя къ художнику, между ними есть, однако, такія, на которыхъ сходится большинство. Наличие ихъ выполненія служитъ доказательствомъ сознательной творческой его дѣятельности. Эта наличность существовала, и притомъ въ высшей степени—у Горбунова. Онъ вносилъ въ свои про-

изведенія самого себя, онъ чувствовался въ нихъ. Изображая избранный имъ предметъ тѣмъ или другимъ способомъ, въ той или другой формѣ, истинный художникъ невольно вкладываетъ въ это изображеніе и свое отношеніе къ тому, что онъ изображаетъ. Это отношеніе выражается въ настроеніи, почвою для котораго часто служитъ сужденіе художника о предметѣ своего труда. Безстрастное воспроизведеніе видѣннаго и слышаннаго, безъ внутренняго смысла, безъ вкладыванія въ него своей души, а лишь съ заботою, иногда доходящею до болѣзненности, о технической отдѣлкѣ, никогда не оставитъ глубокаго впечатлѣнія, не произведетъ сильнаго дѣйствія. Объективная безсодержательность произведенія можетъ вызвать лишь мимолетный эффектъ, но не создать въ зрителѣ или слушателѣ прочнаго воспоминанія о прочувствованномъ, какъ бы силенъ ни былъ холодный блескъ техническаго исполненія. Во всѣхъ родахъ искусства — умѣнье проникнуться извѣстнымъ настроеніемъ и передать его, путемъ творчества, другимъ—составляетъ главную задачу и проявленіе дѣятельности художника. Знатоки въ дѣлѣ пониманія искусства, И. А. Гопчаровъ, не разъ высказывалъ эту мысль. Между прочимъ, въ „Литературномъ вечерѣ“ онъ говоритъ, устами одного изъ выводимыхъ имъ лицъ: „духъ, фантазія, мысль, чувство художника должны быть разлиты въ произведеніи, чтобы оно было созданное живымъ духомъ тѣло, а не вѣрный очеркъ трупы, созданіе какаго-то безличнаго чародѣя. Живая связь между художникомъ и его произведеніемъ должна чувствоваться зрителемъ и читателемъ; они, такъ сказать, съ помощью чувствъ автора получаютъ возможность наслаждаться сами“... Исходя изъ такового же взгляда, Брюнетьеръ („L'art et la nature“) проводитъ мысль, что произведеніе искусства является проводникомъ или посредникомъ между душевнымъ настроеніемъ художника и его слушателей, зрителей или читателей.

Несмотря на поразительную жизненность изображеній въ сценахъ и разсказахъ Горбунова, дающую имъ вполне объективный характеръ, онъ постоянно чувствуетъ въ нихъ, не равнодушный и спокойный, а съ чутко настроенною душою, умѣющею переживать то, что онъ изображаетъ. Поэтому за житейскою правдоподобностью, за тѣмъ, что французскіе критики называютъ *crédibilité*, у него вездѣ видно его отношеніе къ описываемому. Оттого его разсказы—кромя самыхъ первоначальныхъ, не нашедшихъ себѣ даже и мѣста въ его изданіяхъ, возбуждаютъ не одинъ смѣхъ, не одно удивленіе предъ его наблюдательностью. Они приводятъ, въ своей совокупности, къ невольному, но неизбѣжному выводу нравственнаго

или общественнаго характера. Изъ интереснѣйшаго въ бытовомъ отношеніи содержанія ихъ звучитъ его отношеніе къ добрымъ и темнымъ, печальнымъ и примирительнымъ сторонамъ нашего народнаго быта и къ отдѣльнымъ явленіямъ нашей общественной жизни. Съ точки зрѣнія тѣхъ, кто утверждаетъ, что чистая художественность должна отличаться совершеннымъ отсутствіемъ нравственнаго или утилитарнаго начала, Горбуновъ, конечно, не былъ служителемъ чистаго искусства, но тѣмъ ближе и понятнѣе онъ намъ, тѣмъ глубже западали въ память создаваемые имъ образы. Онъ былъ вполнѣ народнымъ художникомъ. Умѣвъ стать въ своихъ изображеніяхъ въ тѣсную связь съ народомъ и отразить въ нихъ міросозерцаніе послѣдняго, онъ осуществлялъ завѣтъ Эмерсона, требующаго, чтобы истинный художникъ былъ „le délégué intellectuel du peuple“, т.-е., чтобы онъ былъ „un homme, dont les éléments constitutants existent à l'état diffus dans tous les membres de la société, au milieu de laquelle il a pris naissance“. Онъ бралъ содержаніе для своихъ сценъ преимущественно изъ жизни крестьянъ, мастеровыхъ, купцовъ, духовенства и мелкаго чиновничества и рѣдко касался другихъ слоевъ общества,—но вѣдь эти-то люди и составляютъ громадное, подавляющее большинство русскаго народа. При этомъ надо замѣтить, что Горбуновъ всегда умѣлъ схватить общенародные типы и мотивы, придавая имъ лишь бытовую или сословную окраску. Если въ его рассказахъ почти не встрѣчается представителей свѣтскаго общества, то это потому, что, по условіямъ и обстановкѣ своей жизни, по ея, такъ сказать, космополитическому складу, это общество утратило, въ обыденныхъ обстоятельствахъ, свой народный характеръ и въ этомъ отношеніи все болѣе и болѣе обезцвѣчивается. Русскаго человѣка, имъ описываемаго и выводимаго, Горбуновъ глубоко понималъ и любилъ горячо, безъ фразъ и подчеркиваній, любилъ потому, что жалѣлъ. Жалость эта сквозитъ во всѣхъ его сценахъ, гдѣ чувствуется, какъ различныя условія народной жизни или свойства характера не даютъ богатой природѣ этого человѣка пробиться къ свѣту и широко расправить крылья своихъ способностей или толкаютъ ее на ложный и темный путь. У простаго русскаго человѣка *жалость*—синонимъ *любви*, и на вопросъ: „любишь ли?“—простая женщина нерѣдко отвѣчаетъ: „извѣстно, жалѣю!“ Таки любилъ народъ и Горбуновъ, не идеализируя его и не замалчивая его недостатковъ.

Дѣлаясь съ публикою своимъ творчествомъ, Горбуновъ никогда, какъ и подобаетъ истинному художнику, не поддѣлывался подъ

ея подчасъ низменные вкусы. Онъ былъ нравоописатель, но не льстецъ своихъ слушателей, не слуга ихъ преходящихъ и измѣнчивыхъ вкусовъ, не соискатель дешеваго успѣха дешевыми и не всегда опрятными средствами. Его своеобразные, подчасъ возбуждавшіе неудержимый смѣхъ, рассказы—чужды пошлости и низменнаго характера. Въ нихъ нѣтъ ничего банальнаго, подражательнаго, избыткаго. Чуткій художникъ, онъ не изображалъ лицъ и положеній смѣшныхъ лишь съ внѣшней стороны, по формѣ, а не по существу. Поэтому въ его рассказахъ нѣтъ дѣйствующихъ лицъ чужой національности, съ ихъ неправильнымъ и комическимъ выговоромъ русскихъ словъ, съ особенностями ихъ произношенія, съ ихъ жаргономъ,—нѣтъ нѣмцевъ, чухонъ, евреевъ, армянъ,—нѣтъ, однимъ словомъ, попытки вызвать грубою насмѣшкою надъ человѣкомъ другого племени смѣхъ, котораго потомъ нерѣдко стыдится человѣкъ развитый, и который ничего свѣтлаго не вноситъ въ нравственное настроеніе и пониманіе человѣка неразвитаго. Нѣтъ сомнѣнія, что при талантѣ Горбунова, при его умѣнѣ овладѣвать вниманіемъ аудиторіи, такіа изображенія могли бы ему очень удаваться. При несомнѣнномъ пониженіи уровня вкусовъ общества за послѣдніе годы,—этимъ изображеніемъ всегда обезпеченъ успѣхъ, а при средствахъ Горбунова онъ былъ бы громаднѣй. Но онъ ни разу имъ не соблазнился, и если „нѣмецъ“ два раза и мелькаетъ у него въ рассказахъ („Воздушный шаръ“ и „Блонденъ“), то лишь для того, чтобы двумя-тремя рѣзкими штрихами обрисовать отношеніе въ нему *русскаго* человѣка.

Господствующій тонъ произведеній Горбунова есть юморъ, безъ оскорбительной насмѣшки и безъ ядовитой ироніи. Когда онъ попробовалъ однажды писать въ лично-насмѣшливомъ и ироническомъ родѣ—это ему совершенно не удалось („Записная книжка“). Лишь роль, взгляды и иногда цѣлое міровоззрѣніе дѣйствующихъ лицъ служатъ содержаніемъ его рассказовъ, но никогда не личность, въ осмѣяніи ея бытовыхъ или племенныхъ особенностей. Поэтому въ томъ, что онъ повѣствуетъ и что онъ такъ неподражаемо рассказывалъ—полное отсутствіе анекдотичности. Улыбку и раздумье, видимый смѣхъ и подчасъ невидимую скорбь возбуждаетъ въ немъ, а черезъ него и въ слушателяхъ не *смѣшной случай*, не искусственное сплетеніе комическихъ положеній и неожиданныхъ обстоятельствъ, а, если можно такъ выразиться, *кусочекъ жизни*, выхваченный изъ дѣйствительности или вѣрнаго ея подобія и показанный съ милымъ и безобиднымъ юморомъ, который искрится и бьетъ черезъ край.

Этотъ юморъ, въ устахъ Горбунова, возбуждалъ иногда смѣхъ до слезъ, до невозможности въ теченіе нѣкотораго времени слушать продолженіе разсказа. Но когда послѣдній бывалъ оконченъ, когда дѣйствующія лица, благодаря своей яркой образности, рѣзко запечатлѣлись въ памяти слушателей, засѣвъ въ ней прочно и надолго,—когда возникалъ самъ собою итогъ разсказаннаго, то подводимая въ немъ картина русской жизни вызывала нерѣдко въ глубинѣ души слушателей и, благодаря удивительному таланту Горбунова,—почти-что очевидцевъ—далеко не радостные звуки. Въ лицѣ Горбунова юмористъ, передававшій съ особымъ искусствомъ и правдивостью бытовья черты изъ книги скорбей и радостей народной жизни, умѣлъ наводить на серьезные вопросы всякаго, кому дорого нравственное развитіе народа, кому народъ интересенъ, а не забавенъ только, какъ предметъ смѣхотворныхъ застольныхъ анекдотовъ.

И съ точки зрѣнія *мастерства*, т.-е. формы и способа исполненія, Горбуновъ былъ истинный художникъ. Трудно видѣть въ немъ импровизатора, готоваго наскоро, умѣлыми руками набросать оригинальный разсказъ, сцену, бытовую картинку. На всѣхъ его произведеніяхъ и на всемъ, что онъ передавалъ устно, лежитъ печать продуманности. Она являлась необходимою—для разсказовъ съ историческимъ оттѣнкомъ, для полученія котораго требовалось предварительное и внимательное изученіе историческихъ матеріаловъ,—для сочиненій на старомъ русскомъ языкѣ, гдѣ одно неудачное и несвоевременное выраженіе портило бы цѣлостность общаго впечатлѣнія, звучало бы рѣзкимъ диссонансомъ. Но и кромѣ того, Горбуновъ вообще стремился сжать свои произведенія до крайнихъ размѣровъ, устранивъ изъ нихъ все излишнее и ненужное. А это требовало обдумыванья и неоднократныхъ, хотя бы только и мысленныхъ, передѣловъ и перероекъ. Онъ дѣйствовалъ какъ бы по программѣ другого большаго художника—Федотова, который говаривалъ: „въ дѣлѣ искусства надо дать себѣ *настояться*; художникъ-наблюдатель—тоже, что бутылъ съ наливкой: вино есть, ягоды есть—нужно только умѣть разливать въ-время...“ Такъ и онъ, безъ сомнѣнія, „настаивался“, и лишь выработавъ вполне и всесторонне то, чѣмъ хотѣлъ подѣлиться съ публикою, пускалъ это въ обращеніе. Однажды, въ 1878 году, въ Москвѣ, Горбуновъ изложилъ пишущему эти строки фрагменты будущаго разсказа изъ дѣятельности несуществующаго общественнаго учрежденія,—разсказа, полнаго самаго захватывающаго интереса,—объясняя, что *все это* надо еще отдѣлать и кое-что переработать. Лѣтъ черезъ десять, на

просьбу дать возможность выслушать этотъ разсказъ, онъ отвѣчалъ: — „да все не готово: — не клеится что-то!.. хочется по-серьезнѣе сдѣлать...“ — и неизвѣстно, не осталось ли это произведение лишь „im Werden“, какъ говорятъ нѣмцы. Онъ не считалъ возможнымъ остановиться на отдѣльныхъ отрывкахъ, связавъ ихъ намеками или искусственными нитями, и признавалъ себя въ правѣ пустить въ обращеніе свое произведение только тогда, когда оно было обработано до той ясности, съ которою оно возникло въ его душѣ. Оттого-то онъ и произвелъ сравнительно довольно немного. „En fait d'art, — говоритъ Жоржъ Зандъ, — il n'y a qu'une règle, qu'une loi: montrer et éprouver“. Но для того, чтобы успѣшно и цѣлесообразно *показывать* и *трогать*, необходимо устранить все, что затемняетъ образъ или цѣлую картину, созданные художникомъ, что мѣшаетъ ихъ „показать“ столь выпукло и ярко, чтобы они произвели опредѣленное и цѣльное душевное движеніе въ слушатель или созерцатель. Это устраненіе излишняго — l'élimination du superflu, по удачному выраженію одного русскаго живописца, — усматривается во всемъ, созданномъ Горбуновымъ. Онъ былъ до крайности сжатъ и кратокъ, держалъ на привязи чужое вниманіе и умѣлъ заставить его, ничѣмъ не отвлекаясь, почти сразу направиться на самый жизненный нервъ своего разсказа, не связаннаго никакою предвзятою формою, никакими условными правилами. Слушатель захватывался имъ съ первыхъ же словъ и слѣдилъ за нимъ съ неослабвающимъ интересомъ. Такъ именно совѣтуетъ Лессингъ поступать художнику: „не впадай въ непростительную ошибку, — не оставляй насъ ни на минуту равнодушными, интересуй насъ и дѣлай затѣмъ съ правилами искусства — маленькими и механическими — что хочешь!“.

Вслѣдствіе этого, у Горбунова выработались особые приемы повѣствованія. Въ большинствѣ случаевъ, онъ не дѣлалъ никакого вступленія; въ рѣдкихъ случаяхъ, когда оно было неизбѣжно, онъ ограничивался двумя-тремя словами. Разсказчикъ спѣшилъ стертись и отойти въ сторону, предоставивъ самой жизни, которую онъ изображалъ, говорить за себя, очевидно находя, что вступленіе излишне тамъ, гдѣ съ первыхъ словъ дѣйствующихъ лицъ предъ слушателемъ, мало-мальски знакомымъ съ русскою дѣйствительностью, сама собою возникаетъ живая обстановка и условія, въ которыхъ происходитъ дѣйствіе. „— Скоро полетитъ? — Не можемъ, сударь, знать. Съ самыхъ вечереи надуваютъ, раздутъ, говорить, невозможно. — А чѣмъ это, братцы, его надуваютъ? — Должно, кислотою какою... безъ кислоты тутъ ничего не сдѣлаешь“ ... — такъ

начинается одинъ изъ лучшихъ разсказовъ Горбунова, и картина рисуется сама собою, безъ всякаго предваренія слушателя... — Вы обвиняетесь въ томъ, что въ гостинницѣ „Ягодка“ вымазали горчицею лицо трактирному служителю... — Бушевали мы—это точно... — начинается Горбуновъ, и обстановка возстаетъ невольно предъ слушателемъ. Онъ видитъ мирового судью и людей, которые „бушевали“, и даже самый характеръ ихъ „бушеванья“ ясенъ изъ первыхъ же словъ судьи. — „Наслышаны мы объ васъ, милостивый государь, — начинается, бывало, Горбуновъ вкрадчивымъ голосомъ, — что, напимѣрь, ежели что у мирового — сейчасъ вы можете человека оправить...“ — и не нужно говорить, что дѣло происходитъ въ кабинетѣ адвоката и притомъ специалиста по практикѣ у мировыхъ судей... Иногда разсказъ начинался пѣніемъ чувствительнаго романса о „канареечкѣ“, и фигура перерѣлой замоскворѣцкой барышни съ картавымъ голосомъ тотчасъ рисовалась предъ слушателемъ и предвѣщала общій тонъ будущаго разсказа; иногда сильный голосъ, нагѣвающая съ ожесточеніемъ: „спрятался мѣсяцъ за тучи“ — изобличалъ самъ собою молодого гуляку, размаху широкой натуры котораго положенъ предѣлъ какимъ-нибудь неизбѣжнымъ, но тѣмъ не менѣе не-приятнымъ обстоятельствомъ...

Горбуновъ любилъ разсказывать стоя. Только въ качествѣ генерала Дитятина, о которомъ рѣчь будетъ ниже, онъ обыкновенно сидѣлъ. Ставъ въ естественную, непринужденную позу, онъ, если это было въ частномъ собраніи, брался за спинку стула, откидывалъ со лба нависавшую прядь волосъ и глядѣлъ передъ собою въ пространство, слегка прищуренными, живыми глазами, взоръ которыхъ по ходу и смыслу разсказа становился съ удивительною легкостью то посоловѣлымъ, то комически-томнымъ, то лукавымъ, то испуганнымъ. Живая, передаваемая игра фizioноміи Горбунова, — выраженіе его губъ, то оттопыренныхъ, то растянувшихся въ сладкую или ехидную улыбку, то старчески отвислыхъ, то презрительно сжатыхъ, — его, рѣдкій вообще, жестъ съ растопыренными пальцами или выразительный ударъ могучаго кулака въ грудь, — наконецъ, удивительно тонкіе оттѣнки его, небогатаго самого по себѣ, голоса, его шопотъ, всхлипыванья, взволнованная скороговорка, выразительныя паузы — все это населяло его разсказы массою лицъ, обрисованныхъ яркими, типичными чертами, различныхъ по темпераменту, развитію, настроенію и одинаковыхъ по своей реальности, по своей тѣсной связи съ своеобразными сторонами русской жизни и натуры. Подобно началу разсказа, и конецъ бывалъ простъ и

естественъ. Многіе рассказы кончались эпически, вдругъ, неожиданно, обрываясь, когда все, что составляло ихъ внутренней смыслъ, уже было сказано. Дальнѣйшее ихъ продолженіе являлось бы лишь развитіемъ послѣдствій того или другого положенія, представлять себѣ которыхъ скупой на слова Горбуновъ представлялъ самому слушателю.

II.

Передать, хотя бы въ общихъ чертахъ, *содержаніе* рассказовъ Горбунова—очень трудно. Не говоря уже о богатствѣ и разнообразіи этого содержанія, оно такъ тѣсно и органически связано съ формою и съ особенностями выполненія ея Горбуновымъ, что излагать своими словами это живое воспроизведеніе русской дѣйствительности, блестящее юморомъ и талантомъ, было бы задачею, смѣлость которой равнялась бы ея бесплодности. Горбунова нужно было слышать, его слѣдовало бы читать серьезно и вдумчиво, особливо будь у насъ издано полное собраніе его рассказовъ; говорить же о его произведеніяхъ возможно лишь намѣтивъ главные ихъ мотивы и освѣщая ихъ небольшими отрывками, изложенными подлинными словами автора.

Русская жизнь и русскій человѣкъ представлены имъ въ самыхъ разнородныхъ сочетаніяхъ, всегда однако не только правдоподобныхъ, но поражающихъ своею вѣрностью во всѣхъ отношеніяхъ. Горбуновъ вообще скупъ на описанія и не любитъ рисовать картинъ. Его интересуетъ самъ человѣкъ, а не фонъ, на которомъ вырисовывается и житейская обстановка, среди которой онъ дѣйствуетъ. Тѣмъ не менѣе у него нашли себѣ яркое изображеніе—унылое однообразіе великорусскаго села съ неизбѣжнымъ „заведеніемъ“; тоскливая тишина и незамѣтно ползущая жизнь уѣзднаго города общаго средне-русскаго типа, съ обычнымъ гостиннымъ дворомъ, какъ двѣ капли схожимъ по архитектурѣ, вывѣскамъ и даже по запаху со всѣми другими гостинными дворами другихъ уѣздныхъ же городовъ; московское „захолустье“, гдѣ фонари освѣщаютъ лишь свой собственный столбъ и ночной сторожъ протяжно кричитъ: „посма-а-атривай!“, хотя именно посматривать-то и некому; постоялый дворъ въ посадѣ при монастырѣ, гдѣ „теперича клопъ со всего свѣту собрался, потому богомольцевъ-то какая сила!“. Но набросавъ такое изображеніе, Горбуновъ спѣшитъ перейти къ людямъ,—столь близкимъ ему и понятнымъ русскимъ людямъ, „среднимъ“ и „мо-

лодшимъ“, какъ говорилось въ старину, вращающимся среди обычныхъ мотивовъ и элементовъ своей несложной, хотя подчасъ и очень своеобразной жизни. Ихъ повѣрья и обычаи, ихъ доброта и ихъ слабости, проявленія ихъ душевной теплоты, а подчасъ и нравственнаго паденія, ихъ отношеніе къ власти, къ суду, къ церкви и наукѣ,—будни и праздники, скорби и трагедіи ихъ существованія, смѣняя другъ друга и переплетаясь между собою, проходятъ въ пестрой картинѣ предъ каждымъ, кто перечтетъ и припомнитъ рассказы Горбунова.

Любовь къ этому русскому человѣку, несмотря на трезвый взглядъ на его слабости и недостатки, теплится и свозитъ въ большинствѣ того, что повѣствуетъ Горбуновъ. Не закрывая глазъ на неприглядныя стороны родной жизни, рѣзко отгнѣняя тѣ внутренніе диссонансы и „безобразія“, которыми иногда проявляетъ себя русскій человѣкъ, Горбуновъ не забываетъ про тяжелыя историческія и бытовыя условія, оставившія, даже и отойдя въ область прошедшаго, свой слѣдъ на нравственномъ складѣ и многихъ сторонахъ „поведенія“ этого человѣка. Крѣпостное право, до-реформенное безсудье на ряду съ стремительностью и непосредственностью начальственной расправы, тяжкая, обрывающая всѣ личныя связи, многолѣтняя военная служба и мракъ невѣжества, не только не разсѣиваемый, но, бывало, и любовно оберегаемый, мелькають въ рассказахъ Горбунова, внося темные тоны въ ихъ, въ общемъ, свѣтлую и веселящую взоръ ткань.

„Вся-то жизнь наша—слезы,—говорить, въ „Медвѣдѣ“, лежащій на печи старикъ,—родимся мы въ слезахъ и помремъ въ слезахъ... И сколько я этихъ слезъ на своемъ вѣку видѣлъ, и сказать нельзя! Бывало хоть въ некрутчину: и мать-то воетъ, и отецъ-то воетъ, а у жены у некрутиковой изъ глазъ словно смола горячая капаетъ“... Эта „некрутчина“, наводившая ужасъ на разрушаемую ею семью, вызывала ее иногда на крайнее напряженіе силъ, выражавшееся въ наймѣ „охотника“; и среди рассказовъ Горбунова былъ одинъ, героемъ котораго являлся такой охотникъ, гуляющій на счетъ нанявшихъ и всячески безвозбранно надъ ними надмывающійся. Въ порывистыхъ жестахъ его, въ окрикахъ на нанятого имъ музыканта: „дѣлай! дѣлай!“, въ его пьяныхъ вопляхъ и слезахъ слышалось глубокое, безысходное отчаяніе загубившаго себя человѣка. Отголоски этой же некрутчины звучатъ и въ словахъ кухарки на „постояломъ дворѣ“—о мужѣ, котораго „угнали на Кавказъ, такъ что и слуховъ объ ѣмъ нѣтъ... должно къ австріякамъ попалъ“,—и въ простодушныхъ рассказахъ Прохора, въ „Лѣсу“, объ отведен-

номъ имъ „для порядку“ къ становому бѣглому солдатѣ, котораго онъ не испугался, потому что „на войнѣ ежели, вѣстимо убьешь, а въ лѣсу онъ ничего, потому отощаетъ, въ лѣсу ему ѣсть нечего... ягоды—да ягодой, или корешкомъ какимъ ни на есть, сытъ не будешь, ну и отощаль человѣкъ, силу, значить, забрать не можешь, опять же и ружья этого при ѣмъ нѣтъ“.

Слезы „некрутиковой жены“ невольно напоминаютъ горькое, пришибленное положеніе, которое часто выпадаетъ въ удѣлъ простой русской женщины въ крестьянской средѣ, а подчасъ и въ той, гдѣ властвуетъ, не препятствуя своему нраву, „господинъ купецъ“. За комической растерянностью и смѣшными по своей трусливой узости житейскими взглядами обывательницъ захолустья, описываемыхъ Горбуновымъ, видится ихъ непрестанный трепетъ предъ домашнимъ произволомъ, неожиданность и безпричинность проявленій котораго нагоняютъ невольный страхъ постоянного ожиданія какой-нибудь домашней бури. Стоить вдуматься въ источникъ этихъ взглядовъ, и трагическая дѣйствительность сотретъ ихъ веселыя краски. Не даромъ одна изъ жительницъ захолустья признаетъ, что сынъ былъ правъ, когда „убѣгъ“ съ молодою супругою изъ родительскаго дому, такъ какъ „не втерпѣжъ жить, потому что не всякая *можетъ* по здѣшнему безобразію, надо дѣло говорить; и прежде у насъ въ домѣ варамболь былъ, а теперь хоть святыхъ вонъ неси,—продолжаетъ она,—самъ-то лютей волка сталъ, день деньской ходитъ, не знаетъ, на комъ злость сорвать“... „За что же я должна за старика идти?“ спрашиваетъ молодая дѣвушка отца. „Не твое дѣло!.. Значить, такъ нужно для моихъ дѣловъ,—отвѣчаетъ отецъ:—что я задумалъ, никто этого знать не можетъ. А ваше дѣло: что я приказываю—кончено. Не мерзавецъ я въ своей жизни и чувствую свою дѣятельность. Учить вамъ меня нечего“. Этотъ гнетъ заглушаетъ мало-по-малу естественныя чувства и логику, и изъ устъ запуганныхъ существъ раздаются сентенціи неожиданнаго свойства. Мать, понимавшая сына, который „убѣгъ“ съ женою, говоритъ однако послѣдней: „другая бы хорошая баба на твоёмъ мѣстѣ въ ногахъ досыта навалаялась, а ты фыркаешь“... Въ отвѣтъ на слезы дочери, выдаваемой за старика, слышится материнское удивленіе: „что ты, Богъ съ тобой,—за маіора за военнаго выходить да скучно? да другая на твоёмъ мѣстѣ такъ бы носъ вздернула да хвостъ растопырила!“ Тяжкія картины семейной обстановки даже и во снѣ давятъ на мысль. У одной изъ выводимыхъ Горбуновымъ купчихъ „вся душевья выболѣла отъ страшнаго сна: будто бы стою я, матушка,

на горѣ, а мужъ-то, Иванъ-то Петровичъ, пьяный-распьяный внизу стоитъ, да на меня эдакъ пальцемъ грозитъ "... Печальная судьба русской „бабы“, этой — по выраженію Некрасова — „вѣбовѣчной печальницы“, выступаетъ эпизодически у Горбунова. Тяжело ей бываетъ съ пьянымъ и драчливымъ мужемъ. „Другого такого мужика, пожалуй, и на свѣтѣ нѣтъ, — говорятъ про зажиточнаго мужика, — ужъ на что баба, и та отъ него во всю жизнь худого слова не слыхала, а баба наша, извѣстно, на побой рожденная: тамъ какая она ни будь, а ужъ все ей влетитъ, либо съ сердцовъ, либо съ пьяну“ ... Не менѣе тяжело и въ безпріютномъ сиротствѣ и вдовствѣ. — „Это чтò такое?“ — кричитъ на собравшихся для облавы на медвѣдя крестьянъ пріѣхавшій изъ Петербурга богатый охотникъ, замѣтивъ среди нихъ бабу съ ребенкомъ на рукахъ. „Бабеночка, сударь, наша... — Чтò-жъ она съ ребенкомъ въ лѣсъ пойдетъ? — Мужъ, сударь, у ней замерзъ, такъ, значить, кормится, въ чужихъ людяхъ живетъ... — Ничего, сударь, мы привычные“, — робко говоритъ бабенка.

Начатый великимъ Петромъ „смѣлый посѣвъ просвѣщенія“, воспѣтый Пушкинымъ, шелъ медленно, съ остановками, захватывая лишь высшіе классы общества, причемъ имѣлись въ виду преимущественно служебныя цѣли. Настоящая систематическая забота о народномъ образованіи появляется у насъ лишь послѣ крымской войны, но и до сихъ поръ мы, по достигнутымъ въ этомъ отношеніи результатамъ, находимся почти на вершинѣ извѣстной выставочной пирамиды, изображавшей грамотность въ европейскихъ странахъ. Время ранней молодости Горбунова, изъ которой онъ вынесъ многія впечатлѣнія на всю свою творческую дѣятельность, совпало съ господствовавшей въ провинціальномъ бюрократическомъ строѣ недоброжелательностью къ „ученымъ“ и „сочинителямъ“, какъ презрительно называли окончившихъ курсъ въ университетѣ, чему рѣзкіе примѣры приводилъ еще недавно на страницахъ „Русской Старины“ въ своихъ воспоминаніяхъ о срединѣ пятидесятихъ годовъ Ф. Я. Лучинскій. Скупости въ просвѣщеніи массъ соотвѣтствовали, особливо подальше отъ столицъ, за немногими свѣтлыми исключеніями, самые пріемы преподаванія и слабое развитіе педагогической литературы, чрезвычайно затруднявшее попытки къ самообразованію. Не даромъ воспоминалъ Горбуновъ урокъ „диетовки“ изъ древней исторіи и учебникъ математики Войтяховскаго, бывшій въ частномъ употребленіи еще въ сороковыхъ годахъ. „Начнемъ, — говоритъ учитель, — исторію мидянъ. Пишите: исторія... исторія... мидянъ, ми-дянъ. Написали? Точка. Подчерк-

нать!—Начало исторіи мидянъ... Написали? Точка. Подчеркнуть.—Ну, теперь: исторія мидянъ темна... те-м-на и—написали? и—непонятна. Точка. Конецъ исторіи... исторія... мидянъ. Точка. Подчеркнуть!—Не лучше, въ своемъ родѣ, были и задачи Войтховскаго о цѣнности вещей въ чемоданѣ „нововѣзжей французской мадамы“, и о „смѣшеніи вещей въ коронѣ сирагузскаго царя Іерона“. Благодаря этому, въ средѣ, описываемой Горбуновымъ, просвѣщеніе „обрѣтается не въ авантажѣ“, съ трудомъ просачиваясь между враждебными ему взглядами, суевѣріями, наивными завѣтами старины и неохотою утруждать себя ученіемъ дальше самыхъ элементарныхъ свѣдѣній и болѣе чѣмъ сомнительнаго правописанія. „Вотъ, все прочиталъ,—заявляетъ управляющій изъ крѣпостныхъ, Никита Николаевъ, закрывая книгу Экартсгаузена „Ключъ къ тайнствамъ природы“,—а въ голову забрать ничего не могу—не обученъ,—если бы меня съ малолѣтства обучали, я бы до всего дошелъ“.—„Вы господамъ служили,—отвѣчаетъ ему жена,—а господину зачѣмъ ваша наука? Науки вашей ему не нужно. Вотъ хотя бы по вашей, по лавейской части, ученья вамъ совсѣмъ не нужно. Опять же покойница барыня, царство ей небесное, терпѣть не могла, кто книжки читаетъ“...

Не любятъ чтенія книжекъ и въ томъ Замоскворѣчѣ, нравы котораго описывалъ Горбуновъ. Тамъ полагаютъ, что если „все въ книжку глядѣть“, такъ можно „зачитаться“ какъ Дѣмушка („Смотрины“), стать „чуднымъ“ какъ Егорушка, или начать проходимъ кланяться въ ноги, какъ старичокъ, называемый, несмотря на свои сѣдые волосы, Володею, у котораго *отъ книжки* и отъ долгаго сидѣнія въ долговомъ отдѣленіи „растопилось сердце“ и „помутился разумъ“ („Самодуръ“). Не даромъ „нашъ лекарь сказывалъ“, что даже блины—вредъ для тѣхъ, „кто ежели мозгами часто шевелить, значить по книгамъ доходить или выдумываетъ“. Если въ той средѣ, откуда беретъ свой матеріалъ Горбуновъ, неграмотность не составляетъ бѣды или не грозитъ особыми стѣсненіями въ жизни, то съ другой стороны безграмотность, какъ всякое полубразованіе, съ увѣренностью въ себѣ и самодовольствіемъ выставляетъ себя на показъ. Достаточно припомнить московскія вывѣски, остановившія на себѣ вниманіе Горбунова и постепенно вытѣсняемыя изъ столицы въ провинцію. „Кофейная справомъ входа для купцовъ и дворянъ“, существовавшая въ Грузинахъ, въ Москвѣ, въ пятидесятыхъ годахъ, уступила мѣсто уѣзднымъ: „Въ новъ открытой белой харчевнѣ Русскій пиръ“ и трактиру „Константинъ Нополь“;—московской

вывѣсѣ: „Съ дозволенія правительства медицинской конторы засѣданія господъ врачей въ семь залѣ отворяютъ кровь заграничнымъ инструментомъ пьвочную, баночную и жильную, прическа невѣсть, бандо, стрижка волосъ, завивка и бритве и прочія принадлежности мужского туалета, по желанію на домъ по соглашенію экзаменованный фельдшерный мастеръ Ефимъ Филипповъ и дергаетъ зубы“—соотвѣтствуютъ: „С.-Петербургской колоніально-бакалейный магазинъ съ продаждю всехъ предметовъ химической лабораторіи и прочего“, „Постояль дворъ и при немъ лавка съ продажею хомутовъ, кнутовъ, веревокъ и прочихъ съѣстныхъ припасовъ“, „Magazin mod e rob Moscou“ и т. п. Не лучше и объявленія, въ родѣ: „съ разрѣшенія начальства, въ непродолжительномъ времени пѣвцы *братья* Мальчугины, изъ воихъ одна сестра будутъ имѣть честь и т. д.“.

Медленнымъ распространеніемъ образованія и даже грамоты—объясняется взглядъ Горбуновскихъ дѣйствующихъ лицъ на науку и на природу. Съ презрѣніемъ относятся они къ первой, съ ужасомъ—къ естественнымъ явленіямъ послѣдней. „Хозяйка наша въ баню поѣхала и сейчасъ спрашиваетъ: зачѣмъ народъ собирается? а кучеръ-то, дуракъ, и лишні: затменія небеснаго дожидаются... сырой-то женщикѣ!..—такъ та и покатила! домой подъ руки потащили“... „Зашелъ онъ въ трактиръ,—разсказываетъ у Горбунова замоскворѣцкій дѣятель—и сталъ это свои слова говорить. Теперь, говорить, земля вертится, а Иванъ-то Ильичъ какъ свиснетъ его въ ухо!.. Развѣ мы, говорить, на вертушкѣ живемъ?“... Не однимъ людямъ страшны явленія природы. Опасны они и для лѣсовиковъ, которые очень боятся, на примѣръ, грозы, гоняющей ихъ по лѣсу и бьющей „молонькою, которая какъ зубомъ перекусить, потому стрѣла у ей очень тонкая“. Хотя „дворянинъ одинъ, въ Калугѣ“, и отрицаетъ существованіе лѣшаго, „но много онъ знаетъ—дворянинъ-то“, когда „кого хошь спроси“ лѣшій есть, да только показывается не всякому, а „кого ежели очень любить“, и видъ притомъ имѣетъ совершенно опредѣленный:—„одна ноздря у него, а слинны нѣтъ“... Этимъ онъ отличается отъ людоедовъ-одноглавыхъ, „по чьему закону *все* можно“, которыхъ излюбленные Замоскворѣцкѣмъ странники за обіянь-рѣвою *видѣли*, причемъ этому и „описаніе есть въ книжкахъ“... Впрочемъ, „все можно“ не однимъ людоедамъ,—но, почему-то, и англичанамъ, которые весь постъ ѣдятъ говядину—потому, что „по ихъ вѣрѣ все возможно“, ибо они „вѣруютъ въ пѣтуха“, о чемъ съ полною увѣренностью заявляетъ въ московскомъ захолустьѣ дворникъ дома,

хозяйка котораго, со вздохомъ и усиліями истребля блины на масляной, на заявленіе внука, что онъ сбился со счета, сколько съѣлъ, говоритъ: „грѣхъ батюшка считать-то,—кушай такъ, во славу Божию“. За то жизнь въ этомъ захолустѣ полна вѣщными снами и слышимыми въ ночи „трубными звуками“, — зато жительницы его, отправившись слушать провозглашеніе „анаемы“, всхлипывая отъ жалости и умиленія рассказываютъ, что видѣли, подъ потрясающіе возгласы церковнаго баса, и ее, самую анаему, съ сѣденькою бородкою и трясущею головою...

Большая человѣческая природа тоже вызываетъ къ себѣ въ этомъ мірѣ особое отношеніе. „Какъ здоровье, матушка?“ — спрашиваетъ одна богомольная старушка другую. — „О-о-охъ! голубка—мѣстами! мѣстами болитъ, мѣстами поджигается!“ Сверхъ такого общаго недомоганья чаще всего одолеваетъ человѣка бѣлая горячка,—у простаго человѣка „сердце чешется“, —а у купеческой вдовы по ночамъ подъ сердце подвываетъ—„словно бы этакое забвеніе чувствъ, и вдругъ эдакъ... знаете... даже удивительно! и такъ, знаете, вздрогнешь...“. Если случится утопленникъ — его откачиваютъ, и чѣмъ шибче, тѣмъ лучше, лишь бы при этомъ не разговаривать, „не пужать его“; — если грозитъ повальная болѣзнь, отъ нея защищаются крестами, сдѣланными мѣломъ надъ косяками оконъ и дверей. Иногда дѣйствуютъ по правилу *similia similibus curantur*. „Да что доктора, — говоритъ одинъ охотникъ, помятый медвѣдемъ, — да что-жь эти доктора! Для господъ они, можетъ, хороши, а намъ они ни къ чему... Нашу натуру они не знаютъ, порошки ихніе на мужика не дѣйствуютъ. Жена меня лечила. Медвѣдемъ же и лечила, саломъ его, значить, медвѣжьимъ прикладывала. Отопалъ я въ тѣ поры очень, на ѣду не тянуло. Глазомъ пицу-то берешь, а нутро-то не примаешь. Ну, ничего—выправился“.

Однако „выправиться“ приходится не всегда, особливо если дѣло идетъ о соленой рыбѣ, съѣденной безъ предосторожностей, не предусмотрѣнныхъ, впрочемъ, никакими врачами... „Маленько и поѣли-то ее,—и отчего бы это, кажись? Оно точно — начальство не велитъ ее сырую ѣсть, да развѣ удержишься, если эпевить пришелъ. Конечно — спервоначалу надо бы ее порошкомъ вытереть хорошенько, а не то въ щелокъ окунуть — тогда ничего“... Иногда, впрочемъ, душевное и тѣлесное недомоганье является вполне естественнымъ, предвидѣннымъ и, такъ сказать, узаконеннымъ послѣдствіемъ свято соблюдаемаго обычая. — „Блины извоили кушать? — Да я крещеный человѣкъ, аль нѣтъ? Эхъ ты — образование!“... Въ виду этого, „кушать блины“ становится

своего рода священною обязанностью, которая выполняется въ такихъ размѣрахъ и съ такимъ рвеніемъ, что „инда въ глазахъ мутится“ — и такъ какъ это продолжается цѣлую недѣлю, то „на послѣднихъ-то дняхъ одурь возьметъ,—постомъ-то не скоро на истинный путь попадешь“, ибо „послѣ хорошей масляницы человекъ не вдругъ очувствоваться можетъ, и ликъ исказится, и все“... Понятно, послѣ этого, почему старожилъ московскаго захолустья, съ восторгомъ вспоминая, какъ „въ старину, бывало, идешь по улицѣ и чувствуешь, что она, матушка (масляница), на дворѣ: воздухъ совсѣмъ другой, такъ тебя и обдаетъ, такъ и обхватываетъ“, замѣчаетъ: „а вотъ посмотрю я на *гостодъ* — какіе они къ блинамъ робкіе: штуки четыре съѣсть и сейчасъ отстанеть...“ — „Книжка не выдерживаетъ!“ — авторитетно замѣчаетъ собесѣдникъ. Сверхъ исключительныхъ способовъ леченія отъ недуговъ, помощи ищутъ преимущественно въ наговариваніи, нашептываніи на корочку и въ совѣтахъ какого-нибудь Филиппа Іоновича, который „отъ сорока-восьми недуговъ знаетъ лечить — только черепа подымать не можетъ...“, причемъ, надо думать, что его лекарство дѣйствуетъ успѣшнѣе, чѣмъ средство, употребленное противъ таракановъ, которыхъ „и морили, сударь, и морозили,—и изъ С.-Петербурга былъ какой-то, мазью смазывалъ, но, между прочимъ, куры всѣ передохли, а тараканы остались“.

Едва ли нужно напоминать рассказы Горбунова изъ купеческаго быта, изображающіе гульбу на ярмаркѣ въ Нижнемѣ, различныя семейныя сцены и т. п. Все это чрезвычайно характерно, выпукло, но, представляя разработку тѣхъ же типическихъ особенностей этого быта, которыя такъ ярко очерчены въ комедіяхъ А. Н. Островскаго, не превосходитъ послѣднія ни по мастерству, ни по богатству отгѣнковъ и языку. Болѣе оригинальны картины изъ жизни выводимыхъ Горбуновымъ мѣщанъ, фабричныхъ и вообще городского населенія. Въ нихъ такъ и брызжетъ юморъ, тонкая наблюдательность и умѣнье нѣсколькими штрихами обрисовать цѣлое положеніе.—Поразительно жизненны были также въ устныхъ разсказахъ Горбунова особо-излюбленныя имъ лица духовнаго званія. Но чиновничій бытъ и такъ называемая интеллигенція, затрогивались имъ мало и мелькомъ, обыкновенно съ довольно явною струйкою насмѣшки. Въ этомъ отношеніи особенно выдержанъ разсказъ: „Медвѣжья охота“, гдѣ забава скучающихъ баръ переплетается со споромъ мужиковъ изъ-за обложеннаго однимъ изъ нихъ и перешедшаго на землю другихъ звѣря. Предъ слушателемъ—рядъ типичныхъ лицъ, начинающая съ мужичка-охотника, который заряжаетъ ружье, пере-

вязанное около курка веревкою, выдергивая паялю для пыжья изъ шапки, и кончая франтоватымъ молодымъ человѣкомъ, со стеклышкомъ въ глазу, изъ Петербурга, облеченнымъ въ черкесскій костюмъ, съ кинжаломъ и разными затѣйливыми принадлежностями. Охота идетъ неудачно, несмотря на суетню загонщиковъ и отборную брань пріѣзжаго полковника,—что, по видимому, особенно огорчаетъ господина въ черкесскомъ костюмѣ. Всѣ ѣдутъ обратно. Черкесь, при въѣздѣ въ деревню, убиваетъ въ упоръ пѣтуха, говоря съ озлобленіемъ: „тебѣ этого, что-ль, хотѣлось?“—Очень характерна, на примѣръ, и столичная штатская генеральша тепличнаго воспитанія, впервые пріѣхавшая въ уѣздный городъ. Исправникъ показываетъ ей требующую немедленной помощи—телеграмму о горящемъ лѣсѣ, угрожающемъ желѣзнодорожной станціи, и съ отчаяніемъ восклицаетъ: „А съ чѣмъ я поѣду? двѣ трубы только, и то одна безъ рукава!“— „Какъ безъ рукава?“—съ недоумѣніемъ спрашиваетъ генеральша.— „То-есть, попросту сказать: безъ кишки“. Но тепличная дама и этого не понимаетъ, и съ еще бѣльшимъ недоумѣніемъ взглядываетъ въ глаза исправнику...

III.

Область личныхъ отношеній и различныхъ бытовыхъ явленій частной жизни, несмотря на все свое разнообразіе, не могла, однако, дать исключительное содержаніе разсказамъ Горбунова. Изображаемые имъ люди выходятъ, а иногда, помимо своей воли, выводятся изъ узкихъ рамокъ личной жизни—семейной или одинокой—въ круговоротъ жизни общественной. Сходясь въ дѣловыхъ общественныхъ собраніяхъ, собираясь для публичныхъ празднованій, отыскивая развлеченія, русскій человѣкъ имѣетъ случай проявлять свою общительность, свои взгляды на общіе интересы и задачи, и все своеобразіе своей природы, поставленной въ непосредственное соприкосновеніе съ тѣми или другими сочетаніями людей. Все это не могло, конечно, ускользнуть отъ наблюдательности Горбунова. Обратилъ онъ и особое, вполне заслуженное вниманіе на отношеніе изображаемаго имъ русскаго человѣка ко *власти* вообще и къ *суду* въ особенности. Сложившіеся вѣками, подъ вліяніемъ условій и причинъ, имѣющихъ корни въ нашемъ историческомъ прошломъ, взгляды народа на власть и ея представителей, на неизбѣжныя свойства ихъ и наконецъ на то, какъ надо къ нимъ относиться, имѣютъ ориги-

нальную форму и особенный, соответственный той или другой средѣ колоритъ. Изученіе этихъ взглядовъ могло бы имѣть своимъ послѣдствіемъ выводъ цѣлаго ряда ходячихъ въ народѣ житейскихъ, неписанныхъ правилъ о томъ, какъ понимать власть и какого „поведенія“ надлежитъ съ нею придерживаться. Если отбросить подчасъ комическую сторону этихъ правилъ, ихъ явное несоответствіе разумному соотношенію различныхъ элементовъ гражданскаго строя и ихъ, такъ сказать, фаталистическую непреложность, то въ нихъ можно увидѣть цѣлое *правосозерцаніе*, надъ которымъ нельзя не задуматься.

Ближайшая власть, съ которою приходится имѣть дѣло народу—полицейская. Ея представители и агенты составляютъ почти неизбѣжный элементъ его общественной жизни. Восстановленіе порядка, ближайшая помощь и защита, предварительное разбирательство всякихъ житейскихъ столкновеній—все это въ рукахъ мѣстной полиціи. „До Бога высоко—до царя далеко“,—говоритъ народная пословица,—и въ то время, когда носитель верховной власти живетъ въ сознаніи народа, какъ недосягаемый, свѣтлый и всемогущій представитель правды и справедливости, которыя лишь вопреки его волѣ не осуществляются въ обыденной жизни исключительно и постоянно,—главный обиходъ отношеній народа къ государству, не считая воинской повинности, замыкается въ тѣсную дѣятельность ближайшихъ къ нему чиновъ полиціи и органовъ суда. Посредствующія звѣнья, іерархическія ступени, на которыхъ стоятъ облеченныя властью лица, ихъ разнообразныя функціи, права и обязанности—все это представляется народу въ неясныхъ и по большей части невѣрныхъ очертаніяхъ, все тонетъ въ одномъ и общемъ туманномъ понятіи о *начальствѣ*. Близокъ и понятенъ городской, околоточный, становой, мировой судья—и, быть можетъ, земскій начальникъ, смѣнившій, но не замѣнившій послѣдняго; съ ними—и особенно съ первымъ—стоитъ народъ лицомъ къ лицу, они осуществляютъ предъ нимъ волю той неопредѣленной, но осязательной силы, называемой „начальствомъ“, критиковать которую бесполезно, не повиноваться которой въ концѣ концовъ невозможно. Правда, строгое раздѣленіе властей, къ которому одно время стремилось наше законодательство, постепенное смягченіе правовъ, медленное, но все-таки чувствуемое развитіе просвѣщенія и связаннаго съ нимъ правосознанія — понемногу начинаютъ создавать болѣе правильное пониманіе значенія, круга и законныхъ способовъ дѣятельности ближайшихъ къ народу представителей власти. Но это—приобрѣтеніе, и притомъ довольно еще шаткое, недавняго

времени, а повѣствовательная дѣятельность Горбунова беретъ свое начало еще изъ тѣхъ годовъ, когда знаменитый и въ своемъ родѣ популярный кварталный надзиратель, соединявшій въ своихъ рукахъ всѣ мѣстныя проявленія судебной и административной власти, былъ альфой и омегой общественной жизни обыкновеннаго обывателя. Какъ „deus ex machina“, являлся онъ разрѣшителемъ всякихъ необычныхъ положеній и непривычныхъ вопросовъ, возникавшихъ въ жизни.. Когда злополучный портной уже собирается садиться въ шаръ вмѣстѣ съ „нѣмцемъ“, происходитъ слѣдующій краткій разговоръ: „Ты что за человекъ?— Портной...—Какой портной?—Портной отъ Гусева, съ Покровки, —предупредительно поясняетъ одинъ изъ присутствующихъ, —купцы его летѣтъ наняли...—Летѣтъ!.. Гриненко, сведи его въ часть!—Помилуйте!..—Я те полечу!.. Гриненко... Извольте видѣть! Летѣтъ!.. Гриненко, возьми...“—И окружающіе, еще недавно сочувствовавшіе портному, сразу становятся на сторону того, кто такъ энергично проявилъ свою власть, уже въ самомъ фактѣ его вмѣшательства усматривая, безъ долгихъ разсужденій, доказательство неправильности и предосудительности дѣйствій портного, получившихъ заслуженное осужденіе. „Полетѣлъ голубчикъ!“—„Да за этакія дѣла“... „Народъ-то ужъ очень избаловался, придумываетъ, что чуднѣй!“—слышится въ толпѣ,—и на вопросъ прохожаго—не вора ли это повели, и что такое онъ укралъ—ему отвѣчаютъ: „нѣтъ, сударь... онъ, изволите видѣть... бѣдный онъ человекъ... и купцы его наняли, чтобы, значить, сейчасъ въ шару летѣтъ, — ну, а *квартальному это обидно* показалось...“—„Потому—безпорядокъ“, прибавляетъ одинъ изъ присутствующихъ. „И какъ это возможно безъ начальства летѣтъ?!“—безапелляціонно и укоризненно заключаетъ другой... и правосозерпаніе — въ силу котораго все, что дѣлается не съ разрѣшенія начальства, есть безпорядокъ, составляющій притомъ личную обиду для представителя этого начальства—возникаетъ предъ слушателемъ какъ основаніе цѣлой системы взаимныхъ отношеній.

Эти отношенія были особенно сложны въ то время, когда кварталный — или, какъ его называли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, „коммисаръ“ — обязанъ былъ разбирать и маловажныя дѣла, идущія нынѣ судебнымъ порядкомъ. Являясь и судьей, и защитникомъ, онъ, подобно римскому претору, тутъ же творилъ свое неписанное право, понятное уму и сердцу обывателя. Въ рядѣ сценъ Горбунова проходитъ онъ предъ нами, начиная съ ранняго утра, проводимаго имъ въ канцеляріи, когда тре-

щитъ голова и требуется „селедва съ яблоками“, и когда просителю-купцу, встрѣченному лавоническими словами: „что за чловѣкъ?“—говорится ласково: „прошу васъ садиться... въ чемъ ваше дѣло?“—послѣ того какъ тотъ высказалъ не на словахъ, а на дѣлѣ теплое участіе въ домашнему обиходу квартальнаго,—и кончая ужиномъ въ купеческомъ домѣ, гдѣ бутербродъ съ густымъ слоемъ свѣжей икры запивается тенерифомъ братьевъ Змиевыхъ. День „коммисара“ наполненъ трудомъ на пользу общества. Ему часто приходится принимать на себя высокія обязанности примирителя. „Иванъ Семенычъ, да помирись ты съ этою анаеомой; вѣдь тебѣ же хуже будетъ, если она направитъ дѣло въ управу благочинія“,—говоритъ онъ.—„Обидно это мнѣ очень, обидно мириться-то, вѣдь я по первой гильдіи.—Ну, дай ты ей *пятнадцать* цѣлковыхъ... — Ну, такъ и быть, получи! только нельзя ли ее хоть дня на три въ часть посадить. — Ужъ сдѣлаемъ, что можно“. Приемы примиренія очень просты, хотя и неожиданны.—„Позвольте узнать, въ какомъ положеніи мое дѣло?—спрашиваетъ, подходя къ столу, среднихъ лѣтъ женщина.—Вы Анна Клюева? вдова сенатскаго копѣиста?—Да-съ.—Тэкъ-съ! А вы давно кляузами изволите заниматься?—Помилуйте, какія же это кляузы, когда онъ на паперти меня прибилъ...—А свидѣтели у васъ есть? А докторъ васъ свидѣтельствовалъ?—Помилуйте...—Вы насъ, матушка, помилуйте! И безъ васъ у насъ дѣла много. Вы женщина бѣдная, возьмите *пять* рублей и ступайте съ Богомъ. А то мы васъ сейчасъ должны будемъ отправить въ частному доктору для освидѣтельствованія нанесенныхъ вамъ побоевъ, тотъ раздѣвать васъ будетъ... Что хорошаго, вы—дама“. Просительница начинаетъ всхлипывать.—„А какъ тотъ, съ своей стороны, озлится, да приведетъ свидѣтелей, которые подъ присягой покажутъ, что его въ этотъ день не только въ церкви, а и въ Москвѣ не было, такъ васъ за облыжное-то показаніе...—Помилуйте, прерываетъ просительница. — Позвольте, дайте мнѣ говорить... Вы не бывали на Ваганьковскомъ кладбищѣ?—Мой мужъ тамъ схороненъ. — Стало быть, мимо острога проѣзжали. Непріятно вѣдь вамъ будетъ въ острогѣ сидѣть.—Я правду говорю! Неужели за правду... — Полноте, возьмите *пять* рублей. Василій Ивановичъ, возьмите съ г-жи Клюевой подписку, что она дѣло прекращаетъ миромъ. Вамъ напишутъ, а вы подпишите.—Извольте, я подпишу, только пяти рублей не возьму... Богъ съ нимъ!—Ну, какъ хотите!“ Выступаетъ онъ и въ роли защитника угнетенныхъ, съ примѣненіемъ тѣхъ упрощенныхъ приемовъ, въ цѣлесообразность и воспитательное значеніе ко-

торыхъ до сихъ поръ не хотять, по упорству, вѣрить нѣкоторые теоретики, пропитанные кабинетными идеями. „Батюшка, ваше благородіе, защити ты меня, отецъ родной! — голосить, валяясь въ ногахъ у него, старуха. — Все пропишь... — Кто пропишь? — грозно вскрикиваетъ онъ. — Сынъ, батюшка, родной сынъ... Защити ты меня... — Это ты? — обращается квартальный къ молодому, щеголевато одѣтому мастеровому. — Я! — отвѣчаетъ нахально мастеровой. — Ты кто таковой? — Цеховой кислощейнаго цеха. — То-то у тебя и рожа-то кислая!.. Ты знаешь божью заповѣдь: „Чти отца твоего и матеръ твою“... — Баць! Цеховой летить въ стѣну. — Ты знаешь, что твоя мать носила тебя въ своей утробѣ сорокъ недѣль? — Зн... — Баць! — Ваше благородіе... — Ступай съ Богомъ! На первый разъ съ тебя довольно. Василій Ивановичъ, возьмите съ него *подписку*, что впредь онъ будетъ оказывать матери сыновнее почтеніе“. — Являлся онъ, наконецъ и въ роли блюстителя народнаго здравія и охранителя чужихъ имущественныхъ правъ. „Что это ты, братецъ, — говоритъ онъ купцу, — весь кварталъ заразилъ“. — „Мнѣ и самому тошно, — отвѣчаетъ тотъ, — да что жъ дѣлать-то! Три года не выкачивали. Капуста, милый человекъ, дѣйствуетъ! Заходи уже — портфейнцу по рюмочкѣ выпьемъ“. — „Шуба соболя!“ выкрикиваетъ при описи имущества несостоятельнаго должника охранитель. Писарь записываетъ. „Что ты, въ первый разъ, что ли, на описи-то? — говоритъ тихо комиссаръ, — пиши: *мѣховая*“. — „Ложекъ серебряныхъ“... возглашаетъ охранитель... Писарь записываетъ. „Да *металлическихъ!* чортъ тебя возьми! *металлическихъ!*... я такого дурака еще не видывалъ!“

Быстрота и самоувѣренная беззащитность распоряженій, примѣры которыхъ приводитъ Горбуновъ, не давая обывателю ни времени, ни привычки къ критической оцѣнѣ, къ любознательности о томъ, гдѣ тотъ законъ, на который они опираются, держала, вмѣстѣ съ тѣмъ, человекъ не только въ спасительномъ, но даже и суевѣрномъ страхѣ. Особенно сильно навелъ его, въ до-реформенное время, становой, какъ изслѣдователь всякихъ происшествій, могшихъ таить въ себѣ слѣды преступленія. Возможность огульнаго обвиненія или, во всякомъ случаѣ, заподозрѣнія, пелась предъ становымъ приставомъ, какъ вѣтеръ предъ грозой, совсѣмъ пригибая къ землѣ привыкшія жить въ трепетѣ души. „Вотъ когда становой прійдетъ!“ — говорятъ около трупа убитаго молніей мальчика. „Что-жъ, становой?.. становой ничего“... — „Становой-то ничего?“ — „Мужички почтен-

ные, — становой ежели прїѣдетъ — мы ничего не знаемъ “... „А что, его потрошить будутъ?“ — „Само собою: — не по закону померъ, потрошить“. „Становой! становой!“ — слышатся крики — и окружающіе обращаются къ ни въ чемъ неповинному парню и, чувствуя, что *необходима* виновный, говорятъ ему: „Петрунька! голубчикъ, не погуби! прими все на себя!“ — и, не ожидая отвѣта, спѣшатъ на встрѣчу становому съ заявленіемъ: „Ваше благородіе! Петруньки это дѣло, мы ни въ чемъ не причинны“... Когда, въ „Утопленникъ“, вытацившіе трупъ, при звукахъ волокола, ударившаго въ далекомъ монастырѣ къ заутрени, крестятся и говорятъ: — „упокой, Господи, душу раба твоего, — отмаялся ты на семь свѣтъ, голубчикъ!“ — наступившую благоговѣйную тишину прерываетъ заявленіе: — „Что-жь, ребята, теперь ступай къ становому, — объявить надо — такъ и такъ“. — „Затаскаютъ, насъ, братцы таперича“. — „Да, не помилуютъ!“ — „Я сидѣлъ разъ въ острогѣ-то, за подозрѣніе. Главная причина, братцы, говори всѣ одно, не путайся. Мѣсяца два меня допрашивали. Сейчас приведутъ тебя, становой скажетъ: „вотъ братецъ, человека вы утопили, — скажывай, какъ дѣло было?“ — Ничего молъ, ваше благородіе, этого я не знаю, — а что собственно услыхамши мы крикъ и таперича, какъ человекъ ежели тонетъ, — отвязали мы, значить, лодку... А насчетъ того, что отвачивали — молчи, потому скажетъ: какъ ты смѣлъ до его дотронуться? Какое ты полное право имѣешь?.. — Я, молъ, какъ свѣча горю предъ вашимъ благородіемъ, прикажите хоть огни надо мною поджигать — я ничего не знаю. „Я, скажетъ, братецъ, вѣрно знаю, что это *ваше дѣло*“. Говори одно — какъ вашей милости угодно будетъ, я этому дѣлу не причиненъ“.

Очевидно, что говорящіе такъ смотрѣли на представителей мѣстной власти, какъ на стихійную силу, противъ которой одно средство спасенія — все отрицать, терпѣливо и упорно. Резоновъ она не принимаетъ и налетаетъ съ предвзятымъ и твердымъ рѣшеніемъ. Безполезно опровергать его, это пустая трата словъ, — все равно не повѣрятъ, да и слушать не станутъ. Надо запиратъся во всемъ — вотъ и все. Система запирательства, выработанная вѣками безсудья (недаромъ и о раскладываніи огня говорится въ безсознательномъ переживаніи судебныхъ ужасовъ XVII и даже XVIII столѣтій) — эта система приходитъ въ голову простому человеку едва лишь ему довелось быть случайнымъ свидѣтелемъ смерти отъ несчастнаго случая или даже пытаться спасти утопленника. Возможность того, что „затаскаютъ“ и „въ острогъ влетишь“ — слишкомъ реальна и основана на горь-

комъ опытѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, стараясь увернуться отъ осуществленія этой возможности, изображаемый Горбуновымъ простой русскій человѣкъ далекъ отъ желанія не только разбирать, но даже и объяснять себѣ основанія и поводы дѣйствій представителей мѣстной власти. Должно быть, все, что она предпринимаетъ, такъ и надо,—такъ неизбѣжно и до такой степени само собою разумѣется, что даже и говорить объ этомъ не стоитъ. „Пожалуй—въ острогъ влетишь“,—говоритъ продрогшій паренъ, вытащившій на берегъ утопленника.—„Хитрого нѣтъ!“—отзывается другой.—„За что?“—спрашиваетъ третій. „А за то“.—„За что,—за то?“—„Тамъ уже опосля выйдетъ разрѣшеніе“,—заключаетъ успокоительно первый... Этому благодушному примиренію съ неизбѣжнымъ и ненуждающимся въ какомъ-либо обоснованіи „разрѣшеніемъ“ часто соотвѣтствуетъ представленіе о какихъ-то особыхъ правахъ, составляющихъ принадлежность всякаго сколько-нибудь „значительнаго“ человѣка. Хотя брань на вороту не виснетъ, по пословицѣ, и мужики, собравшіеся для медвѣжьей охоты, благодушно замѣчаютъ: „шибче полковника никому не изругаться, такъ обложить—лучше требовать нельзя“... но и ихъ благодушію есть предѣлъ.—„Возилъ я нынче купца петербургскаго, трактирщика,—разсказываетъ крестьянинъ-ямщикъ,—ужь оченно ругается... Такъ ругается—нѣтъ никакой возможности! Предъявляютъ, что въ Петербургѣ онъ очень значительный. Я, говорить, при своемъ капиталѣ кого хошь въ острогъ посажу“.—„А вы и вѣрите?“—„Да какъ же не вѣрить? Можетъ, *права* такія имѣть. Мы этого не знаемъ. Петербургъ отъ насъ далеко“... Вотъ почему въ былые годы исполненіе требованій властнаго человѣка, даже и не вытекающихъ никоимъ образомъ изъ его должности или положенія, считалось мірскимъ дѣломъ, повинностью, несомою всѣми за одного и однимъ за всѣхъ, во избѣжаніе разныхъ непріятностей. Старый слѣпой дѣдъ, лежащій на печи, услышавъ стукъ старосты въ окно, переговоры вполголоса и крикливое возраженіе дѣвушки, призываемой для услуги къ наѣхавшему чиновнику: „да что это, въ самомъ дѣлѣ, точно другихъ дѣвокъ на селѣ нѣтъ?! третьяго дня къ одному посылали, вчерась къ другому требовали, а нынче, наось, и къ третьему иди! не пойду я!“—говоритъ ей наставительно: „Полно, полно, Матрена,—послужи міру-то“...

Рядомъ съ этимъ, готовность обращаться къ полицейской власти по всякому случаю—часто живописуется въ разсказахъ Горбунова. Русскій человѣкъ любитъ видѣть вмѣшательство полици, призываетъ ее и относится въ ней съ сочувствіемъ не какъ

участникъ, но какъ зритель, играя, въ составѣ толпы, иногда роль хора античныхъ трагедій.— „Нѣтъ, вы про затменіе докажете! вы только народъ въ сумнѣніе приводите“, — говоритъ кто-то изъ толпы астроному-добровольцу, собравшемуся смотрѣть въ одномъ изъ за-москворѣцкихъ переулковъ на солнечное затменіе—и, не дожидаясь отвѣта, при общемъ сочувствіи, кричитъ:— „Городовой! городовой!“ — „Вотъ онъ тебѣ покажетъ затменіе!“ — одобрительно говорятъ въ толпѣ. „Да! нашъ городовой никого не помянетъ“. — „Что это за народъ собравши?—Да вотъ пьяный какой-то выскочилъ изъ трактира, наставилъ трубочку на солнышко, говорить—затменіе будетъ...—Да гдѣ жъ городовой-то?—Чай пить пошелъ. — Надо бы въ часть вести. — Сведутъ, ужъ это безпремѣнно.—За такія дѣла не похвалять“... Самимъ говорящимъ неясно—въ чемъ состоитъ дѣло, за которое *похвалять нельзя*, и за что *не помянетъ городовой*, но ясно и непреложно одно: необходимъ городовой. Онъ разрѣшитъ натянутое положеніе и успокоитъ напряженіе нервовъ. Не даромъ къ нему даже обращаются съ вопросами о томъ, „какъ понимать эту самую „фруфру“, обозначенную въ театральной афишѣ“. Вотъ и онъ! увѣренный въ себѣ и солидарный съ толпою во взглядахъ на свои задачи. Онъ сразу становится на высоту своего официального положенія, и первое его слово, обращенное къ жадно ждущей его толпѣ—„осади назадъ!“. Но толпа дорожитъ даровымъ зрѣлищемъ, гдѣ она и зритель и дѣйствующее лицо вмѣстѣ, она лѣзетъ, напираетъ, спѣшитъ „излить мольбы, признанья, пени“... и ея страстный говоръ постоянно прерывается окриками: „не наваливайте!—которые...“ и „осадите назадъ!“ — „Сейчасъ выручить!“ — радостно говорятъ среди окружающихъ.— „Иванъ Павлычъ, ты—нашъ тѣлохранитель, выручи“... — обращаются къ нему, И онъ выручаетъ, самъ вѣроятно не зная—*кого* и изъ *чего*. Услышавъ выраженіе: „вы тогда поймете, когда въ дискѣ будетъ“, — онъ говоритъ: „почтенный, вы за это отвѣтите!“ — „За что?“ — „А вотъ за это слово ваше нехорошее!“ — „Сейчасъ затмится“. — „Можетъ, и затмится, а вы, господинъ, пожалуйста въ участокъ. Этого дѣла такъ оставить нельзя“... — „Какъ возможно!“ — убѣжденно замѣчаютъ въ толпѣ...

IV.

Судебная реформа внесла новыя начала въ нашу народную жизнь. Она пробудила въ обществѣ силы, не находившія себѣ дотолѣ достаточнаго примѣненія, она послужила нравственной

школою народу и съ такою систематическою настойчивостью стала вызывать въ обществѣ стремленіе къ истинному правосудію и уваженіе къ человѣческому достоинству, что составленное Горбуновымъ шуточное филологическое изслѣдованіе о *розословіи, брадоиздраніи, власосстищеніи и прочемъ*—стало казаться безвозвратно отошедшимъ въ область прошлаго. Знаменитый „комисаръ“ потерялъ, какъ говоритъ Горбуновъ въ своихъ воспоминаніяхъ, свой престижъ. „Онъ не имѣлъ уже прежняго значенія въ купеческихъ домахъ, ни на похоронахъ, ни на свадьбѣ. Уже его не подводилъ хозяинъ подъ-руку къ закускѣ, съ упрощеніемъ вывешать на доброе здоровье, а предлагалъ ему просто, мимоходомъ:— „Ермилъ Николаевичъ, ты бы водки выпилъ. Настойка тамъ есть“ ... Мировой судья сдѣлался, чрезъ мѣсяць послѣ своего появленія на свѣтъ, популярнымъ учрежденіемъ, и попросту сталъ называться *мировымъ*. Мѣсто стихійности понемногу, увѣренно въ себѣ стопою, стала стараться заступать законность, а гласное разбирательство представило обширное поле для наблюденій надъ жизнью, такъ сказать, захваченною врасплохъ и раскрываемою безъ искусственнаго освѣщенія, умолчаній и прикрасъ. Рядомъ съ этимъ судъ присяжныхъ, еще не обратившійся въ предметъ различныхъ обвинительныхъ литературныхъ упражненій, сдѣлать народъ въ качествѣ представителей общественной совѣсти не пассивнымъ участникомъ и не празднымъ зрителемъ, а окончательнымъ разрѣшителемъ судебной драмы. Засѣданія этого суда въ первое время были полны захватывающаго интереса и не столько съ юридической точки зрѣнія, сколько со стороны бытовой. Жизнь прилиwała къ стѣнамъ суда шумными волнами, и эти волны выбрасывали на берегъ— въ лицѣ свидѣтелей, подсудимыхъ, потерпѣвшихъ, а иногда даже и участниковъ суда, обвинителей, защитниковъ и самихъ присяжныхъ— такихъ разнородныхъ и разнообразныхъ представителей всѣхъ слоевъ общества и всѣхъ условій бытовой обстановки, что романистъ, художникъ и изслѣдователь народной жизни, съ не меньшимъ правомъ, чѣмъ юристъ, могъ считать залу суда мѣстомъ для плодотворныхъ наблюденій и изученій. Ниже мы будемъ говорить объ отношеніи Горбунова къ новому суду, но здѣсь не можемъ не указать, что въ его разсказахъ суду этому было отведено видное мѣсто. Горбуновъ умѣлъ уловить всѣ его особенности, выхватить изъ него рядъ живыхъ и содержательныхъ сценъ, съ чрезвычайно наблюдательностью изобразивъ тѣ комическія положенія, которыя создавались столкновеніемъ между теоретическими предписаніями закона, имѣющаго въ виду отвле-

ченную личность, и живымъ лицомъ, приносившимъ въ судъ всѣ особенности своихъ бытовыхъ и правовыхъ воззрѣній.— „Не угодно ли вамъ дать ваше заключеніе въ качествѣ эксперта о достоинствѣ шампанскаго, въ продажѣ котораго подъ извѣстною и пользующеюся довѣріемъ чужою иностранною маркою обвиняется подсудимый?“ —обращается предсѣдатель къ „свѣдущему человѣку“, благообразному старому негоціанту, вызванному въ судъ, какъ опытный знатокъ въ винахъ. „Свѣдущій человѣкъ“ истово беретъ бокаль съ только-что откупореннымъ шампанскимъ, прикладываетъ къ нему губами, вытираетъ ротъ фуляровымъ платкомъ, смотритъ вино на свѣтъ и молчитъ. „Ваше заключеніе?“ — „Чего-съ?“ — „Ваше заключеніе?“ — „То-есть—это о чемъ же?“ — „Соотвѣтствуетъ ли испробованное вами шампанское по своимъ качествамъ вину той марки, подъ названіемъ которой оно пущено въ продажу подсудимымъ?“ —Негоціантъ снова пробуетъ вино, вытираетъ ротъ и молчитъ.— „Какое же ваше заключеніе?“ — „Мое-съ?“ — „Ну да! конечно ваше“, —нетерпѣливо говоритъ предсѣдатель. Свѣдущій человѣкъ переступаетъ съ ноги на ногу, задумывается, потупляется и вдругъ, поднявъ голову, рѣшительно говоритъ: „Покупатель выпьетъ!“...

Въ разсказахъ Горбунова судебное засѣданіе оживало со всѣми своими дѣйствующими лицами,—съ публикою и свидѣтелями. Жеманная барышня, картавящая, говорящая скороворкою и прерывающая вопросы защитника восклицаніемъ: „ахъ! что вы!“; —пришепетывающая и захлебывающаяся отъ волненія старушка; —говорливый приказчикъ; —испуганный свидѣтель „изъ простыхъ“, никакъ не умѣющій выбраться изъ рокового круга словъ: „значить“, „то-есть“, „выходитъ“ и т. п., и цѣлый рядъ прямо выхваченныхъ изъ жизни лицъ, очерченныхъ кратко, но чрезвычайно мѣтко,—насеяли тѣ придуманныя Горбуновымъ засѣданія, вымышленность которыхъ исчезала за ихъ яркою житейскою правдоподобностью. Особенно удаченъ былъ его большой разсказъ о судѣ по очень важному дѣлу. Усердный посѣтитель судебныхъ засѣданій, убѣжденный и, какъ онъ самъ выражался, „радостный“ поклонникъ новаго суда, Горбуновъ умѣлъ подмѣтить и нѣкоторыя его, извинительныя въ большинствѣ случаевъ, слабыя стороны. Отъ него не ускользнули—кое-какой излишекъ торжественности въ обстановкѣ, непонятная простымъ зрителямъ условность иныхъ судебныхъ дѣйствій, приподнятый тонъ и высокий слогъ, которыми вооружались „для пушей важности“ въ первое время нѣкоторые, весьма впрочемъ почтенные, предсѣдатели,—запутанность юридическихъ опредѣленій преступныхъ дѣйствій, вызван-

ныхъ привітiемъ къ корявому стволу устарѣлаго уложенія молодыхъ черенковъ судебныхъ уставовъ, за которою подчасъ исчезали дѣйствительныя житейскія черты преступленія, — и, наконецъ, излюбленныя и далеко не всегда оправдываемыя обстоятельствами дѣла ссылки на невѣроятность... Съ тонкимъ юморомъ указывая на это, Горбуновъ былъ, однако, далеко во всѣхъ своихъ судебныхъ разсказахъ отъ недоброжелательной насмѣшки надъ судомъ. Онъ понималъ, что новыя формы, внезапно возникшія среди стараго бытового и общественнаго строя, могли естественно создавать, особливо въ первое время, неловкія и неожиданныя положенія, ошибки и затрудненія, способныя вызвать улыбку и смѣхъ, но не злорадство, ибо за ними чувствовалась чистота и высота наполнявшаго ихъ принципиальнаго содержанія. Слушаніе процесса по очень важному дѣлу откладывается довольно долго, за невозможностью разыскать главнаго свидѣтеля — цехового Прокофьева. Но вотъ онъ найденъ — и вмѣстѣ съ нимъ, надо полагать, найденъ ключъ къ разрѣшенію всѣхъ могущихъ возникнуть по дѣлу сомнѣній. Назначенъ день слушанія. Публика съ ранняго утра наполняетъ зданіе суда, терпѣливо ожидая интереснѣйшихъ разоблаченій. Предсѣдатель, чувствуя себя главнымъ руководителемъ давно ожидавшаго процесса, рѣшается „стать на высоту положенія“ и съ особою торжественностью открываетъ засѣданіе. Молодой секретарь, быть можетъ впервые выступающій публично, читаетъ обвинительный актъ, смущаясь, торопясь, глотая слова и не соблюдая паузъ. Слова слѣдуютъ одно за другимъ безъ перерывовъ, съ неумѣлыми передышками, сливаясь въ однотонномъ и быстромъ чтеніи, изъ котораго лишь по временамъ вырываются, нарушая его общее гипнотизирующее и усыпляющее вліяніе „страшныя слова“ въ родѣ: *оказалось, показали, не признавая, на основаніи, предусмотрно, предается* и т. п. Обвиняемыхъ двое, молодые люди, мужчина и женщина. Предсѣдатель, многозначительно обращаясь къ первому изъ нихъ, говоритъ: „Подсудимый — студентъ технологическихъ наукъ Сидоровъ, признаете ли вы себя виновнымъ въ томъ, что 30-го февраля (sic!) сего года, на Лиговеѣ, имѣли съ обдуманномъ заранѣе намѣреніемъ и умысломъ, продолжительный разговоръ о предметахъ, суду неизвѣстныхъ?“ — „Нѣтъ, не признаю!“ — мрачно отвѣчаетъ тотъ. Предсѣдатель, съ еще большею многозначительностью: — „Подсудимая, окончившая курсъ кулинарныхъ предметовъ Иванова, признаете ли себя виновною въ томъ, что въ то самое время, когда Сидоровъ имѣлъ упомянутый разговоръ, вы, тоже съ умысломъ, находились въ Гороховой, съ цѣлью покуши

себѣ шерстяныхъ чулокъ?“ — Подсудимая, срываясь съ мѣста, стремительно отвѣчаетъ: — „Да! признаю, но я была *въ состояніи аффекта*...“ (иногда Горбуновъ дѣлалъ варіантъ, и подсудимая у него отвѣчала, послѣ нѣкотораго размышленія: „*Въ фактъ* — да!“). Предсѣдатель торжественно и вмѣстѣ любезно: — „Садитесь!“ — Начинается приводъ къ присягѣ свидѣтелей, неподражаемо изображавшійся Горбуновымъ. Лицо, названное предсѣдателемъ — „святѣмъ отцомъ“ и неожиданно для себя застигнутое обязанностью сдѣлать свидѣтелямъ внушеніе, говоритъ довольно сбивчиво, съ внезапными повышеніями голоса и сильно напирая на ѵ, и кончаетъ заявленіемъ, что не *только* законъ гражданскій, но *даже* и небесный судъ наказываютъ за ложное показаніе. Свидѣтели присягаютъ каждый по-своему. Дворникъ, размашистымъ жестомъ съ силою ударяетъ себя въ плечи, лобъ и грудь; франтъ поношеннаго вида и неопредѣленныхъ занятій со снисходительною улыбочкою небрежно болтаетъ пальцами надъ подбородкомъ; городской бляха № 999 смотритъ все время на предсѣдателя, даже и прикладываясь, и потому чуть не попадаетъ мимо... Наступаетъ пауза, свидѣтели мнутъ съ ноги на ногу, а затѣмъ предсѣдатель, обращаясь къ судебному приставу, говоритъ взволнованнымъ голосомъ: — „Удалите свидѣтелей!“ — многозначительно прибавляя: — „останется цеховой Прокофьевъ“ ... Прокофьевъ стоитъ посреди залы. На немъ старый скюртувъ, застегнутый на одну уцѣлѣвшую пуговицу, и очень короткіе брюки, съ оттопыренными буффами на колѣняхъ. Признаковъ бѣлья не имѣется. Всѣ обращаются въ слухъ. — „Господинъ Прокофьевъ, доложите суду въ связномъ и послѣдовательномъ разказѣ все, что вамъ извѣстно по настоящему дѣлу... или, быть можетъ, вы предпочтете *подвернуть себя* перекрестному допросу?“ — Напряженіе общаго вниманія достигаетъ крайняго предѣла. Прокофьевъ обводитъ сидящихъ предъ нимъ глазами, перебираетъ привычно-трясущимися руками борты засаленнаго и поружѣлаго скюртука, и вдругъ плаксивымъ голосомъ заявляетъ: — „Ваше сіятельство... я человекъ пьяный...“

Интересуясь всѣми выдающимися процессами, Горбуновъ по-своему отзывался на нихъ, заключая иногда тонкую иронию въ юморъ выхваченнаго изъ жизни разказа. Многимъ памятно надѣлавшее столько шуму дѣло Мироновича, обвинявшагося въ задушеніи Сары Беккеръ. Въ кулачкѣ несчастной дѣвочки, при открытіи этого темнаго злодѣянія, оказался зажатый клоѣвъ волосъ, очевидно принадлежавшій тому, съ кѣмъ ей пришлось бороться за свою жизнь. Волосы были бережно вынуты, сложены

на бумагѣ и положены на подоконникѣ, но когда, по окончаніи протокола осмотра трупа и мѣста совершенія преступленія,—при чемъ въ комнату входили и выходили изъ нея разные люди, хватились волосъ—ихъ уже не оказалось, а съ ними исчезла весьма важная улика, которую надо было потомъ возмѣщать рядомъ болѣе или менѣе остроумныхъ предположеній и смѣлыхъ догадокъ. Какъ извѣстно, дѣло разбиралось два раза, чрезвычайно занимая и даже волнуя общество, раздѣлившееся по вопросу о виновности Мироновича на лагеря. Въ первый разъ Мироновичъ былъ обвиненъ, во второй—оправданъ. Дѣло прошло, оставивъ неразъясненнымъ вопросъ о совершителѣ и о мотивахъ загадочнаго преступленія—и лишь представивъ во всемъ неприглядномъ своемъ блескѣ образъ *психопатки*, самое названіе котораго, впервые заявленное учеными экспертами во всеуслышаніе на судѣ, приобрѣло себѣ съ тѣхъ поръ право гражданства въ нашемъ житейскомъ обиходѣ. Вскорѣ послѣ этого Горбуновъ сталъ рассказывать о приказчикѣ, который, побывавъ съ товарищемъ въ Зоологическомъ саду и сдѣлавъ „честь-честью“ все, что *полагается*, т.-е. поклонившись Михайлу Ивановичу (медвѣдю), предоставивъ яблочко обезьянамъ, покормивъ слона булочкою и *подразнивъ* льва, отправился на Крестовскій островъ и на дорогѣ вздумалъ выпить бутылочку „попутяго“. Въ погребѣ, послѣ предложенія посѣтителемъ преісь-еуранта, „по которому имъ пить невозможно“, ихъ соблазняютъ разговоромъ о томъ, что недавно „фундаментъ перекладыли“ и въ немъ нашли замуравленными три бутылки, которымъ, поэтому, должно быть не менѣе 80 лѣтъ. Когда откупориваютъ одну изъ такихъ дорогихъ—потому что рѣдкостныхъ—бутылокъ, изъ нея вылетаетъ муха. „Какъ же это ты, такой-сякой,—говоритъ Иванъ Ѳедоровъ, товарищъ рассказчика,—увѣряешь, что вину 80 лѣтъ, когда въ ѣмъ живая муха?!“ — „Что же,—отвѣчаетъ сидѣлецъ,—муха завсегда въ спирту жить можетъ“. — „Ну, *натурально*,—продолжаетъ рассказчикъ,—Иванъ Ѳедоровъ его сейчасъ въ ухо... Поднялся это крикъ, пришелъ городской, привели околоточнаго, бутылку взяли, составили актъ, насъ записали, *муху къ дѣлу припечатали*... Теперь не миновать подъ арестъ. Мировой засудить! Одна надежда: коли ежели эта муха пропадетъ—оправдаютъ!“

Понятно, что мировое судебное разбирательство, непосредственно касающееся явленій повседневной народной жизни, должно было давать Горбунову краски и мотивы для самыхъ разнообразныхъ рассказовъ. Нѣтъ возможности не только перечислить, но

даже и припомнить всё его повѣствованія о происходящемъ въ замерахъ мировыхъ судей и у тѣхъ мелкихъ ходатаевъ, которые преимущественно принимаютъ на себя защиту у послѣднихъ. Своеобразный взглядъ на свое положеніе и обязанности, на отношеніе къ правамъ другихъ и въ условіямъ житейскаго поведенія у дѣйствующихъ лицъ этихъ рассказовъ тѣсно связанъ со страхомъ отвѣтственности и въ особенности огласки. Безобразные размахи широкой натуры какъ-то странно переплетаются тутъ съ этимъ страхомъ и уживаются вмѣстѣ. При всей пестротѣ этой картины, въ ней чувствуются вѣрныя дѣйствительности краски, не исчезнувшія подъ виѣшнимъ лоскомъ поверхностной и наносной культуры. Въ силу этихъ особенностей, напр., два приказчика изъ Апраксина двора, не отрицая того, что они *бушевали* въ трактирѣ „Ягодка“, разбили зеркало и вымазали горчицею лицо трактирному служителю, — тѣмъ не менѣе рѣшительно не признаютъ себя ни въ чемъ виновными потому, что „за все за это заплочено и мальчишкѣ дадено, что слѣдуетъ, а ежели и смазали маленько — бѣды тутъ большой нѣтъ, вотъ ежели бы скипидаромъ смазали, опять же за это и деньги заплочены“. По тѣмъ же основаніямъ и хозяинъ пекарни, гдѣ найдена масса всякой нечистоты и таракановъ и гдѣ подмастерья спятъ въ повалку на столахъ, на которыхъ дѣлаютъ хлѣбы, отказывается понять, за что его хочетъ присудить къ штрафу мировой судья, такъ какъ „гдѣ человекъ, тамъ и тварь всякая водится, и не должнъ же онъ своимъ рабочимъ *диваны* покупать“; а когда судья ему не внемлетъ, то замѣчаетъ сокрушенно: „теперича я, значить, за кажиннымъ тараканомъ съ палькою ходить должнъ!“. Иногда дѣло не доходитъ до отрицанія вины, но предъявляются резоны, въ силу которыхъ наказаніе по всей справедливости должно быть смягчено. Подсудимый, признавая себя виновнымъ въ томъ, что два раза смазалъ кого-то въ дракѣ, возникшей въ „Орфеумѣ“ вслѣдствіе замѣчанія какого-то „е то господина, не то писаря“ — относительно „необразованія“ кутящей компаніи, на что одинъ изъ нея — „какъ свиснетъ его: вотъ, говоритъ, какое наше образованіе!“ — Подсудимый, узнавъ отъ защитника, что придется сидѣть въ тюрьмѣ недѣли три, и удивленно спрашиваетъ: „все равно какъ простой человекъ? съ арестантами?“, прибавляя затѣмъ: — „а ежели я купецъ, напримѣръ, гильдію плачу?“ — и услышавъ, что „вдобавокъ въ газетахъ обозначатъ“, спрашивается: — „а ежели, напримѣръ, пожертвовать на богадельню или куды?“

Таимъ обвиняемымъ нерѣдко соотвѣтствуютъ и надлежащія

защитники ихъ невинности. Горбуновъ, понимая необходимость защиты въ уголовныхъ дѣлахъ, зналъ, что присяжная адвокатура сослужила русскому судебному дѣлу большую службу, способствуя развитію правопониманія въ обществѣ и во многихъ случаяхъ безкорыстно содѣйствуя суду въ отысканіи истины. Но онъ нашелъ для себя богатый матеріалъ въ дѣятельности представителей низшихъ слоевъ адвокатуры, уцѣлѣвшихъ отчасти изъ контингента дореформенныхъ ходатаевъ, строившихъ свой успѣхъ часто на незнаніи закона тѣми, кто къ нимъ обращался. На этомъ поприщѣ состязанія корысти и невѣжества имъ выведено нѣсколько яркихъ фигуръ.— „Прежде проще было, — жалуется попавшій „къ мировому“ буянь, — я у квартальнаго раза два судился: дашь, бывало, писмоводителю и кончено; а теперича и дороже стало, и страму больше; — сейчасъ, вотъ, былъ тоже у одного адвоката — три синенькихъ отдалъ за разговоръ. Я, говоритъ, твое дѣло выслушаю, только ты мнѣ, говоритъ, за это пятнадцать рублей и деньги сейчасъ. Ну, отдалъ, рассказалъ все какъ слѣдуетъ... Уповай, говоритъ, на Бога! и ничего больше. Уповай, говоритъ, и шабашъ!“. Это — *до-судебная* помощь. Но и помощь *на судъ* можетъ оказаться не лучше.— „Г. мировой судья! — восклицаетъ защитникъ сотворившихъ „смазь“ горчицею, — чистосердечное раскаяніе, принесенное въ судъ, на основаніи новаго законоположенія, ослабляетъ... законъ разрѣшаетъ по внутреннему убѣжденію...“ — „Позвольте! — прерываетъ судья, — вы въ какомъ видѣ?“ — „Чего-съ?“ — Судья повторяетъ вопросъ, на который слѣдуетъ наивно-вопросительный отвѣтъ: „Въ какомъ-съ?“ — „Я васъ штрафую тремя рублями. Извольте выйти вонъ“. — „Скоро, справедливо и милостиво!“ — заплетающимся языкомъ и силясь гордо взглянуть посоловѣлыми глазами, восклицалъ Горбуновъ, дѣлая видъ, что захлопываетъ толстую книжку судебныхъ уставовъ... Не даромъ, поэтому, обыватель, подлежащій явѣ къ мировому, не всегда благосклонно относится къ вопросу о вознагражденіи за будущую защиту.— „Ищу адвоката, — говоритъ купецъ, допустившій по отношенію къ бѣдной дѣвушкѣ-переводчицѣ „безобразіе бабушки“ и собственное „малодушіе“, — былъ у одного, да не понравился: чѣмъ, говорю, прикажете васъ вознаграждать? — всталъ, эдакъ, выпрямился: — мнѣ кажется, говоритъ, что опосля изобрѣтенія денежныхъ знаковъ вашъ вопросъ совершенно лишній...“

V.

Въ области общественной службы, публичныхъ развлеченій и общественныхъ торжествъ творчество Горбунова и его способность подмѣтить, въ юмористической формѣ, выдающіеся внутренніе моменты—находили себѣ обильную пищу. Почти во всѣхъ этихъ его разсказахъ и сценахъ изъ-за отдѣльнаго, яркаго и жизненно-правдиваго эпизода выступаетъ пронизательное и прочувствованное изображеніе *отношенія* русскаго человѣка къ различнымъ сторонамъ и вопросамъ жизни,—того отношенія, которое присуще именно русскому человѣку, составляя оригинальное проявленіе свойствъ его природы и условій его культурнаго развитія. Въ ряду такихъ сценъ одно изъ первыхъ мѣстъ занимало, въ словесномъ изложеніи Горбунова, фантастическое засѣданіе уѣзднаго земскаго собранія, въ которомъ разрѣшается вопросъ о назначеніи дополнительнаго содержанія отъ земства одному изъ должностныхъ лицъ, приходящему по своей дѣятельности въ частое соприкосновеніе съ земскими дѣлами и повинностями. На вопросъ предсѣдателя собранія о томъ, принимаетъ ли оно предложеніе о прибавкѣ, встаетъ рядъ гласныхъ, произноситъ рѣчи и дѣлаетъ заявленія. Ораторы обрисованы Горбуновымъ съ неподражаемымъ и незабываемымъ мастерствомъ. Къ сожалѣнію, разсказъ этотъ не напечатанъ и передать его въ подробности не представляется возможнымъ. Представитель крупныхъ землевладѣльцевъ спрашиваетъ небрежнымъ тономъ, какъ о вещи, ясной сама по себѣ:—„это по той же *прерогативѣ*, какъ было сдѣлано въ Казани?“—и получивъ успокоительный отвѣтъ: „да, по той же“, говоритъ кратко:—„Я согласенъ!“—Гласный изъ купцовъ переспрашиваетъ, какая сумма, и узнавъ, что 100 рублей въ годъ, заявляетъ:—„Чтожь, воли ежели дѣйствительно имъ въ томъ надобность, то можно безъ сумлѣнія, потому при нашемъ капиталѣ это дѣло возможное“.—Третій гласный, говорящій на ъ и вѣтievато, испросивъ разрѣшеніе „слово отрыгнуть“, начинаетъ словами:—„О чемъ рѣчь? О прибавкѣ!—Кому?—Господину NN.—За что?—За труды!—Однако же уповательно...“—и неожиданно предъявляетъ требованіе объ ассигнованіи и ему, и его сослуживцамъ такой же суммы, поясняя это тѣмъ, что безъ ихъ участія многія существенныя событія въ жизни обывателя обойтись не могутъ.—„Да вѣдь это не относится къ настоящему дѣлу“,—останавливаетъ его предсѣдатель.—„То-есть по-о-звольте, господинъ предсѣдатель,—возражаетъ гласный,—какъ же это не относится,

когда я имѣю семь душъ дѣтей женскаго пола, которыя всѣ требуютъ пищевого довольства!?" — „Все-таки не относится“, — упорствуетъ предсѣдатель. — „Прошу занести въ протоколъ“, — обиженно говоритъ гласный, надъ горькимъ и зависимымъ матеріальнымъ положеніемъ котораго невольно заставляетъ придуматься Горбуновъ, умѣвшій въ его комическое по формѣ заявленіе вложить нотку, идущую изъ настрадавшагося сердца. — „Господинъ предсѣдатель, — встаетъ, играя золотымъ ринсе-пезъ, случайный гость собранія, пріѣзжій гласный, изысканно-одѣтый и брезгливо осматривающійся кругомъ молодой господинъ изъ Петербурга, — позвольте э-э-э... мнѣ... э-э-э слово“... — и начинается безсвязная, тягучая, наполненная нечленораздѣльными звуками и легкимъ мычаніемъ рѣчь, съ неожиданными модуляціями голоса, то повышаемаго, то доходящаго до многозначительнаго шопота, въ которой, повторяя съ недоумѣвающимъ и какъ бы обиженнымъ видомъ названіе должности, занимаемой „воспособляемымъ“ чиновникомъ, петербургскій франтъ силится выжать изъ себя какой-то вопросъ или упрекъ собранію. „Да что вы заладили одно и то же! — нервно восклицаетъ одинъ изъ гласныхъ, ожесточенный „канителью“ оратора и сверканіемъ его крутящагося около пальца ринсе-пезъ, — вы скажите — ассигновать или отказать?“ — „Господинъ предсѣдатель, — презрительно оглядываясь, говоритъ ораторъ, — я просилъ бы — э-э-э — пригласить... э-э-э... господъ... э-э-э — не перебивать теченіе моихъ мыслей... Я продолжаю. Я говорю...“ — и наконецъ послѣ долгихъ потугъ и повтореній одного и того же названія должности, онъ разрѣшается заявленіемъ, что сто рублей — столь малая сумма, что едва ли чиновникъ, о которомъ идетъ рѣчь, захочетъ ее взять... Но едва произнесено имъ предположеніе, какъ гласный отъ крестьянъ, преодолевъ навѣянную рѣчами дремоту и внезапно оживившись, восклицаетъ съ твердою и почти радостною увѣренностью и одушевленіемъ: — „Онъ возьметъ! онъ все возьметъ!“...

Верхомъ совершенства въ смыслѣ тонкой наблюдательности и яркости изображенія является разсказъ Горбунова о засѣданіи „общаго собранія общества прикосновенія къ чужой собственности“, — въ которомъ юмористическая форма прикрываетъ содержаніе, выхваченное изъ дѣйствительной жизни. Тотъ, кому по личному горькому опыту или по хроникамъ уголовного суда знакомы недостатки нашего недавняго акціонернаго законодательства, частыя злоупотребленія голосами подставныхъ акціонеровъ и тщетная борьба дѣйствительныхъ владѣльцевъ акцій съ произвольными дѣйствіями правленій, поддерживаемыхъ искус-

ственно созданнымъ большинствомъ, найдеть, что Горбуновъ въ своемъ вымыслѣ вовсе не далекъ отъ проявленій дѣйствительности, одно время столь частыхъ, что они чуть не обратились въ общее правило съ рѣдкими изъ него исключеніями. Открывая засѣданіе, предсѣдатель имѣетъ честь предложить обсужденію „милостивыхъ государей“ *первый* главный вопросъ объ увеличеніи содержанія тремъ директорамъ, *второй*—о сложеніи съ кассира невольныхъ прочетовъ, *третій*—о преданіи забвенію, въ виду стѣсненнаго семейнаго положенія, неблагоприятнаго поступка одного члена правленія, *четвертый*—о назначеніи пенсіи супругѣ лишеннаго всѣхъ особыхъ правъ состоянія кассира, и *пятый*—о расширеніи правъ правленія по личнымъ позаймствованіямъ изъ кассы. Совершенно неожиданно раздается чье-то: „ого!“ Но предсѣдатель твердо сидитъ въ своемъ сѣдлѣ, поддерживаемый безгласнымъ и безличнымъ большинствомъ.—„Что это „ого“? — прошу взять назадъ это „ого“! я не могу допустить никакого „ого!“—воскликаетъ онъ.—Выступаетъ болѣе краснорѣчивый ораторъ. „Прошу слова,—говоритъ онъ.—Какъ ежели директоръ, хранитель нашего портфеля, обязанный, на примѣръ, содѣйствовать... и все прочее... а мы, значить, съ полнымъ уваженіемъ... и ежели теперича директоръ, можно сказать, лицо... Я къ тому говорю: по нашимъ коммерческимъ оборотамъ, когда, на примѣръ, затрещалъ скопинскій банкъ...“—„Вы задерживаете пренія и ставите ихъ на отвлеченную почву,—прерываетъ предсѣдатель,—нельзя ли вамъ просто выразиться, такъ сказать реально: да или нѣтъ“...—„Когда, на примѣръ, разнесли скопинскій банкъ, ограбили вдовъ и сиротъ... можетъ и теперь сиротскія-то слезы не обсохли...“—„Все это вѣрно, но эти слезы—область поэзій. Правленію нѣтъ никакого дѣла до сиротскихъ слезъ. Позвольте вамъ повторить мое предложеніе стать на реальную почву“.—„Мы не знаемъ этой вашей почвы, а грабить не приказано“.—„Стало быть, мы грабили,—обиженно спрашиваетъ предсѣдатель и обращается, отъ лица правленія, съ протестомъ къ общему собранію, которое реветъ: „вонъ! вонъ его!“ Является однако миротворецъ и, обращаясь къ „милостивымъ государямъ“, вкрадчиво говорить:—„Я позволилъ бы себѣ такъ понять это столкновеніе: почтеннѣйшій членъ не совсѣмъ уяснилъ себѣ предложеніе предсѣдателя, не понялъ, такъ сказать...“—„Какъ не понять! Я говорилъ насчетъ грабежу“... Начинается шумъ, баллотируется выраженіе порицанія оратору, слышатся воззванія къ ревизіонной комиссіи... „Въ Милютиныхъ лавкахъ устрицы ѣсть ваша ревизіонная комиссія“,—

кричить кто-то въ толпѣ.—Пошумѣвъ въ интересахъ правленія, общее собраніе переходитъ, по требованію одного изъ присутствующихъ, къ ознакомленію съ *неблаговиднымъ поступкомъ* одного изъ членовъ правленія.—„Съ юридической точки зрѣнія,— объясняетъ предсѣдатель,—поступокъ этотъ... наша юстиція очень рѣзко разграничиваетъ дѣянія, совершенныя...“ — „Стациль, вотъ тебѣ и *естюція*“ ... слышится голосъ... „совершенныя по злой волѣ... Принимая во вниманіе семейное положеніе...“ — „Ну стациль! это вѣрно!“ — „Въ терминологіи нашей юстиціи нѣтъ слова: стациль...“ — „Ну можно нѣжнѣе сказать—укралъ...“ — Засѣданіе кончается баллотировкою вопроса объ увеличеніи содержанія директорамъ.— „Отдай имъ сундукъ съ деньгами, а они туда тебѣ, замѣсто ихъ, бронзовыхъ векселей наворотятъ... Чудесно!..“ — восклицаетъ прежній протестантъ.— „Бронзовые векселя, какъ вы изволили выразиться, перебиваетъ предсѣдатель,—нисколько не отягощаютъ кассу... Позвольте мнѣ докончить!.. Позвольте васъ остановить!.. Вопросъ исчерпанъ, ставлю его на баллотировку!“

Не разъ изображалъ Горбуновъ и общественныя обѣденныя собранія по разнымъ поводамъ. Проявленія разившейся у насъ за послѣдніе годы маніи къ юбилейнымъ обѣдамъ нашли себѣ въ немъ остроумнаго изобразителя, со всѣми своими комическими сторонами,—съ юбиляромъ, узнающимъ впервые и съ изумленіемъ изъ обращенныхъ къ нему рѣчей о своихъ необыкновенныхъ заслугахъ предъ вѣдомствомъ, государствомъ и даже человѣчествомъ, и не знающимъ хорошенько, тонко ли смѣются надъ нимъ или грубо ему льстятъ,—съ вынужденнымъ его отвѣтомъ, при чемъ „виновникъ торжества“ обыкновенно „не находитъ словъ...“ и признаетъ этотъ, далеко не безопасный для его желудка день „лучшимъ въ своей жизни“,—и съ тѣмъ, наконецъ, психологическимъ моментомъ, когда вино развязываетъ языкъ и туманитъ голову, когда всѣ начинаютъ говорить вмѣстѣ, забывая иногда цѣль собранія и выбалтывая истинныя чувства, скрытыя дотолѣ подъ юбилейною условностью рѣчи,—однимъ словомъ, когда становится возможнымъ конецъ одного изъ такихъ юбилейныхъ рассказовъ Горбунова, въ которомъ одновременно, съ одного конца стола, изъ-подъ облака нависшаго надъ нимъ сизаго табачнаго дыма, слышится нестройное „ура!“, а съ другого несется силное: „бей его!“ ...

Между торжественными обѣдами и чествованіями, описываемыми Горбуновымъ, видное мѣсто по мастерству разсказа занималъ обѣдъ, будто бы даваемый въ Москвѣ „нашимъ заатлантическимъ друзьямъ“. Во время дипломатическихъ осложненій 1863 года, когда западная Европа стала грозить Россіи вмѣша-

тельствомъ въ „старый споръ славянъ между собою“, рассчитывая повліять на нее совокупнымъ воздѣйствіемъ великихъ и даже малыхъ державъ, нѣсколько судовъ русскаго флота, подъ командою С. С. Лесовскаго; зашли въ Нью-Йоркъ и другіе главные порты С.-А.-С.-Штатовъ, и были тамъ, въ память сочувственнаго отношенія русскаго правительства къ сѣверянамъ въ ихъ тяжелой и священной борьбѣ за уничтоженіе невольничества, восторженно приняты. Черезъ нѣкоторое время, въ 1866 году, предъ Кронштадтомъ появился броненосецъ новаго тогда типа, носившій индѣйское названіе „Міантономо“, подъ командою капитана Фокса, пришедшій „отдавать визитъ“. Американцы сдѣлались сразу популярными и чествованіе ихъ подчасъ принимало гомерическіе размѣры. Изъ Петербурга они уѣхали въ Москву, и тамъ имъ пришлось узнать, что кромѣ обыкновенныхъ, знакомыхъ имъ морей, въ „сердцѣ Россіи“ существуетъ еще особенное „разливанное море“, при плаваніи по которому настоящее море, несмотря на свое грозное величіе, начинаетъ становиться лишь „по колѣна“. Объ одномъ изъ пиршествъ на берегу такого моря и рассказывалъ Горбуновъ.—Съѣзжающіеся гости, освѣдомляясь, кто будетъ говорить рѣчи, не могутъ дожидаться начала обѣда, и смягчаютъ томительность ожиданія предварительной пробой винъ. „А не попробовать ли хересу?“ — спрашиваютъ одни. — „Что-жь, попробуйте, — отвѣчаютъ другіе, — вы пробуйте, а мы подъ васъ подражать будемъ“... Въ срединѣ обѣда начинаются рѣчи „заатлантическихъ друзей“. Въ этихъ рѣчахъ Горбуновъ превосходилъ самого себя. Онъ не зналъ по-англійски — а между тѣмъ рѣчи и довольно длинныя, говорились имъ именно на этомъ языкѣ. Въ нихъ, кромѣ обращенія къ слушателямъ, не было почти ни одного *слова* англійскаго — но были всѣ англійскіе *звуки* — и притомъ связанные между собою и переданные сообразно темпераменту говорящихъ. — „Ladies and gentlemen!“ — начиналъ свою рѣчь капитанъ Фоксъ, и говорилъ серьезнымъ тономъ, со сдержанною энергіею, съ паузами, вводными предложеніями и съ поднятіемъ голоса въ концѣ, при предложеніи госта. — „Ladies and gentlemen!“ — срывался съ своего мѣста молодой лейтенантъ американскаго флота, — и его быстрая, живая, веселая рѣчь лилась неудержимо, пересыпанная вопросами себѣ, отвѣтами на нихъ, радостными восклицаніями и ованчиваемая бурнымъ финаломъ, который *долженъ* былъ вызывать рукоплесканія собравшихся на пиръ, при чемъ большинство изъ нихъ не понимало, конечно, что именно говорить этотъ гость съ типичною американскою бородкою, но чувствовало, что гово-

рить онъ отъ полноты души и что самъ онъ — „милый человѣкъ“ ... А между тѣмъ предварительная проба, въ связи съ тѣмъ, что полагалось по обѣденному питейному обиходу, производила свое дѣйствіе и вызывала приливъ особой любви къ новымъ друзьямъ, которые такъ задушевно заявляютъ что-то, должно быть, очень хорошее. Въ такомъ настроеніи все кажется возможнымъ и достижимымъ, всѣ реальныя очертанія дѣйствительности сливаются и смѣшиваются, а затѣмъ и самая дѣйствительность въ видѣ яснаго сознанія мѣста и времени исчезаетъ. Поэтому въ отвѣтъ гостямъ слышится восторженное воззваніе: „Господа американе! — какъ теперича мы друзья, — коли будетъ приказаніе — при нашемъ капиталѣ — мостъ черезъ Атлантическій океанъ — въ три дня! — въ лучшемъ видѣ! Господа американе — ура!“ . Поэтому, послѣ еще нѣсколькихъ тостовъ, встаетъ, несмотря на оживленное противодѣйствіе сосѣдей, силившихся удержать его за фалды скюртука, одинъ изъ участниковъ обѣда и съ опасностью потерять равновѣсіе, протягивая бокаль Фоксу, вскрикиваетъ: — „Выпьемъ п-п-патріотическій т-т-тостъ отъ русскаго сердца“ ... — и на отвѣтное движеніе гостя, неожиданно заявляетъ: — „За здоровье... за здоровье отца-архимандрита! ура!..“

Въ сценахъ, имѣющихъ предметомъ народныя развлечения, особое, непосредственное отношеніе простого народа и отдѣльных, близкихъ ему по кругозору, личностей, у Горбунова изображается выпукло и чрезвычайно колоритно. Стоитъ припомнить его „Блондена“ или „Травіату“. Дѣйствующимъ лицамъ этихъ сценъ „хоть что хошь представляй“, — и за мѣстами они не гонятся, избирая „которыя попроще“ и „выше чего быть невозможно“, но пусть только будетъ именно то, „что въ афишѣ обозначено, на чести, безъ подвоху“ ... Поэтому и Сара Бернаръ аттестуется такъ: „насчетъ тѣлеснаго сложенія, говорить, не совсѣмъ, а что игра — на совѣсть!“. Содержаніе представляемаго зрители уже сами себѣ уяснить по-своему и даже, гдѣ нужно, дополнять. Вслѣдствіе этого имъ *кажется*, что они слышатъ, какъ нѣмецъ „какъ есть настоящій, и человѣкъ, надо полагать, степенный“, котораго долженъ нести на спинѣ по канату знаменитый акробатъ, говорить ему: „батьюшка, господинъ Блонденъ, — пусти душу на покаяніе!“ — на что тотъ отвѣчаетъ: „нѣтъ, Карла Ивановичъ, сиди, а то уроню, — намъ публику обманывать не приказано: вишь, квартальный стоитъ!“ . Поэтому, видя, что „таліянскіе эти самые актеры дѣйствуютъ, сидятъ, примѣрно, за столомъ и закусываютъ“, такіе зрители *слышатъ*, какъ тѣ поютъ, что имъ „жить

оченно превосходно, такъ что лучше требовать нельзя". И всѣ дальнѣйшіе разговоры переводятся ими на языкъ и понятія своей среды, при чемъ, благодаря удивительной русской способности пониманія сущности дѣла или предмета по мимолетнымъ и разрозненнымъ его признакамъ, остовъ содержанія происходящаго предъ ними, хотя бы и на чуждомъ языкѣ, схватывается ими вѣрно. Оказывается, что г-жа Патти подносить г-ну Канцеляри стаканчикъ красненькаго, со словами: „выкушайте, милостивый государь“, и, услышавъ отъ него признаніе въ любви, говорить ему: „извольте идти куда вамъ требуется, а я сяду и подумаю объ своей жизни, потому наше дѣло женское, безъ оглядки намъ невозможно“; оказывается, затѣмъ, что, выйдя съ отцомъ героя, пришедшимъ, „имени, отчества ея не зная“, просить „турнуть запутавшагося парнишку“ въ садъ, ибо „на вольномъ воздухѣ разговаривать гораздо превосходнѣе“, она общается исполнить его желаніе, заявляя, что сама „баловства терпѣть не можетъ“... Отсюда становится понятнымъ, почему одинъ изъ зрителей, на вопросъ другого: „въ чему клонить?“, увѣренно отвѣчаетъ: „парнишка пришелъ прощенья въ своемъ невѣжествѣ просить: „я ни въ чемъ не причиненъ, все дѣло тятенька напуталъ“, при чемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, становится несомнѣннымъ, что Патти „между прочимъ, помереть должна“, вслѣдствіе чего она „попѣла еще съ полчаса, да Богу душу и отдала“... Пытливый взоръ слушателей и безъ пониманія ими чуждаго языка умѣетъ наслаждаться сценическимъ движеніемъ и по-своему объяснить себѣ его внутренней смыслъ. „А какаѣ у нихъ игра,—предлагается вопросъ о Сарѣ Бернаръ,—куплеты поютъ, или что?“ — „Игра разговорная. Очень, говорятъ, чувствительно дѣлаетъ. Такіе поступки производить—на удивленіе!.. Ты то возьми: разъ по двѣнадцати въ представленіе переодѣвается...“

VI.

„Руси есть веселіе пити“, сказано было на зарѣ историческаго существованія русскаго народа. Среди многихъ неприглядныхъ сторонъ жизни простаго русскаго человѣка, въ его тяжелой, не всегда умѣлой и часто неблагоприятной борьбѣ съ суровою природою, при отсутствіи, до шестидесятыхъ годовъ, систематической заботы о его просвѣщеніи и о доставленіи ему здоровыхъ развлеченій, при развращающемъ вліяніи фабрики и окружающихъ ее соблазновъ,—„зелено-вино“ сдѣлалось для него

не только главнымъ развлеченіемъ, но и утѣшеніемъ, потому что доставляетъ забвеніе. И такъ какъ, чѣмъ дольше не чувствуется сѣрая и гнетущая дѣйствительность, тѣмъ легче становится на душѣ, то русскій человѣкъ привыкъ набрасываться на это забвеніе безъ чувства мѣры, мирясь съ его неизбѣжными результатами... Не вкусовыхъ ощущеній, даже не скоро переходящаго веселаго настроенія (да и всегда ли веселаго?) привыкъ искать онъ въ винѣ, а того особаго, приподнятаго отношенія къ окружающему, благодаря которому мимолетное ощущеніе принимаетъ видъ чего-то реального и прочнаго, а горе-злосчастіе отходитъ на отдаленный, едва видный планъ... „А добрый сонъ пришелъ—и узникъ зреть себя царемъ...“ — говорится въ „Русскихъ женщинахъ“ Некрасова. „А добрый хмель пришелъ“ — можно бы сказать, пародируя эти слова и прибавивъ къ нимъ краткую характеристику искусственно счастливаго самоощущенія пьянаго. По вѣрному, подтверждаемому научными изслѣдованіями, замѣчанію Ровинскаго, въ сущности русскій человѣкъ пьетъ менѣе иностраннаго, да только пьетъ онъ рѣдко и на тощій желудокъ, потому и пьянѣетъ скорѣе, и напивается гораздо чаще противъ иностраннаго. Много духовной силы надо, чтобъ устоять предъ могущественнымъ хмелемъ, говорить онъ. Потому-то и поетъ народная пѣсня: „пей, забудешь горе“, и старинная лубочная картина, изображающая хмель, имѣетъ подпись: „азъ есмь хмель высокая голова, болѣ всѣхъ плодовъ земныхъ, — силенъ и богатъ, а добра у себя никакого не имѣю; ноги мои тонки, а утроба прожорлива, — руки же обдержатъ всю землю“. Вѣроятно вслѣдствіе этого свойства нашего роднаго опьяненія—въ большинствѣ случаевъ, за исключеніемъ крайняго безобразія, русскій человѣкъ относится къ пьяному не съ брезгливымъ и тревожнымъ отвращеніемъ, какъ это дѣлается на Западѣ, а съ участіемъ, часто съ сочувствіемъ и иногда даже съ нѣкотораго рода завистью. Не даромъ Некрасовъ, хорошо знавшій наши бытовые особенности, въ предсмертные свои годы, когда становилось очевиднымъ, что поэма его „Кому на Руси жить хорошо“ не будетъ окончена, на недоумѣвающіе вопросы: „кому же живется весело, вольготно на Руси?“—отвѣчалъ своимъ глухимъ, разбитымъ голосомъ:— „пьяному!“ . Нельзя, однако, обобщать причину пьянства безусловно, и приходится признать, что, поднимаясь отъ низшихъ слоевъ населенія вверхъ, въ кругъ большаго развитія и образованія, пьянство постепенно, за исключеніемъ случаевъ проявленія болѣзни, переходитъ изъ области слабости и несчастія въ область чувственныхъ излишествъ и порока.

Горбуновъ,—искренній изобразитель родной жизни,—не могъ же отвести пьяному виднаго мѣста въ своихъ разсказахъ, между которыми, однако, нѣтъ ни одного, гдѣ пьяный былъ бы центральною фігурой, дающею содержаніе и окраску всему разсказу... Горбуновъ слишкомъ любилъ русскаго человѣка, чтобы глумиться надъ этою его слабостью и указывать какъ на общее явленіе на тѣ почти патологическіе случаи, когда она одна наполняетъ все его бытіе. Но онъ не закрывалъ глаза на дѣйствительность — и потому *пьяный* проходитъ во множествѣ его разсказовъ, то оставляя цѣлостное впечатлѣніе, то лишь мелкая, какъ неизбѣжная житейская принадлежность общаго фона картины. „Одинъ полетитъ—или съ человѣкомъ?“—спрашиваютъ изъ толпы, въ чудесномъ разсказѣ его „Воздушный шаръ“. — „Нѣтъ! съ человѣкомъ... Нѣмецъ полетитъ—и съ имъ портной...“ — „Пьяный?!“ — „Нѣтъ, тверезый“, и т. д. Кто слышалъ этотъ разсказъ въ превосходномъ исполненіи Горбунова, конечно, помнитъ, что слово „пьяный (пьянай!)“ онъ произносилъ съ отѣнкомъ особаго восхищенія въ голосѣ спрашивающаго. Торжество „хмеля - высокой головы“ въ русской деревнѣ видится въ яркихъ сценахъ разныхъ мѣстъ большого разсказа „Изъ деревни“. — „Подобно мы, теперича,—говорить мужикъ,—какъ бы, напримѣръ, пчелы къ колодежъ, такъ и мы къ кабаку:—онѣ со сластью, а мы за сластью“... Сласть эта покупается не въ одномъ кабакѣ, но и въ трактирахъ, харчевняхъ, откуда несутся несвязныя рѣчи, слышатся крики, гдѣ спорять и поютъ, цѣлуются и дерутся... — „Не я пью—горе мое пьетъ... Горе мое горецкое!“—декламируетъ съ паѳосомъ хохлатый, съ разстегнутымъ воротомъ, босой мужикъ, стоя на порогѣ бѣлой харчевни. — „Какое твое горе?“ — „Горе? Хуже быть невозможно: погорѣлъ! По той причинѣ, *были остъ вытимиши*... Вишь ты! Но только, между прочимъ...“

Вотъ она!—та горящая деревня, такими грустными и рѣзкими чертами описанная Чеховымъ въ его „Мужикахъ“. Но Горбуновъ знаетъ, что хмельной человѣкъ далеко не *весь* русский человѣкъ, и что за его подчасъ звѣровидной отъ опьяненія оболочкой есть стороны трогательныя и глубокія. — „Я къ тому, главная причина, — понимать моей души никто не можетъ, какая есть она у меня душа. Вотъ что!“ — бормочетъ пьяный мужикъ. — „Въ кабакѣ вся ваша душа-то мужицкая!“ — рѣзко замѣчаетъ толстая лавочница. — „Напрасно! Матушка, Прасковья Петровна! Ты, голубушка, за нашей душой въ кабакѣ не ходи, вотъ я тебѣ что скажу! Въ кабакѣ мы только блажимъ, а

душа наша у насъ въ грудяхъ заросла... не доберешься ты даже...
 — Но кабакъ завладѣлъ имъ сильно... Дай Богъ, чтобы общественнымъ начинаніямъ, вызваннымъ къ жизни казенною винною продажею, удалось хоть отчасти изгладить послѣдствія вѣкового вліянія кабака и дать народу другія развлеченія и отвѣты на запросы его „заросшей“ души! — „Хозяинъ твой теперича, — утѣшаетъ фабричный Слѣзкинъ плачущую бабу, указывая на кабакъ, — такъ будемъ говорить... окромя эстаго мѣста ему негдѣ быть...“, и когда мужъ ея при этихъ словахъ выходитъ изъ кабака, прибавляетъ: „вишь ты! ужъ это значить такъ точно!“

Рядами проходятъ у Горбунова пьяные люди разнаго званія: крестьяне и мѣщане, купцы, пѣвчіе, причетники, актеры и всякіе „запойные люди“. Всѣми ими признается, что быть пьянымъ не только не зазорно, но и вполне въ порядкѣ вещей; всѣмъ имъ хмель отшибаетъ сознание... „Были мы у кума на именинахъ въ Прокшинѣ, — рассказываетъ Дѣмка въ „Утопленникѣ“, — ну, *известно* — нацились. И такъ я этого хмелю въ голову засыпалъ — себя не помню. Кума прибилъ, тетѣ Степанидѣ шаль изорвалъ. Просто — сейчасъ умереть — лютой волка сдѣлался. И съ чего бы казись — окромя настойки ничего не пили. Кумъ-то: что-жъ ты, говорить, мою хлѣбъ-соль ѣшь, а самъ... да какъ хлясь меня въ ухо, хлясь въ другое! И такъ мнѣ пьяному-то это обидно показалось!“... Выскочивъ въ окно и побѣжавъ во тьмѣ и подъ дождемъ „ровно очумѣлый, не зная куда“, Дѣмка попадаетъ въ рѣчку; отъ неожиданной холодной ванны хмель проходитъ, и утопающій кричитъ такъ, что „давай теперича тысячу рублей — такъ не крикнешь: два года опосля глотка болѣла“. Его вытаскиваютъ и приводятъ къ куму, гдѣ онъ опять „этой настойки выпилъ три стаканчика — согрѣлся“... „Къ концу-то ужина я уже дьякона не вижу, а только вижу руку наливающую, — по вѣствуетъ „на ярмаркѣ“ купецъ, — да и думаю: рука его здѣсь, а самъ-то гдѣ отецъ дьяконъ? Какъ домой попалъ, не помню...“

Поэтому привычное пьянство, если и не составляетъ добродѣтели, то, во всякомъ случаѣ, является обстоятельствомъ, извиняющимъ многое, кладущимъ предѣлъ извѣстнымъ требованіямъ и создающимъ своеобразное положеніе въ обществѣ. Какъ у Островскаго молодой человекъ, на вопросъ о своемъ званіи, отвѣчаетъ спокойно и не смущаясь: „Я, сударыня, *празднолюбецъ*“, — такъ и у Горбунова, сосредоточившій на себѣ вниманіе публики и судебной власти свидѣтель говорить многозначительно: „я человекъ пьяный!“ — характеризуя этимъ не свое состояніе въ данный моментъ, а свое, такъ сказать, личное общественное

положеніе, властно освобождающее отъ всякихъ разспросовъ, не достигающихъ цѣли. Такое положеніе и такое состояніе служатъ въ его глазахъ, да и въ глазахъ окружающихъ, достаточнымъ объясненіемъ его словъ и поступковъ. Во мнѣніи большинства состояніе опьяненія не есть ненормальное и постыдное явленіе, идущее въ разрѣзъ съ обычнымъ строемъ жизни человѣка, напротивъ, оно есть какъ бы законное и естественное проявленіе этой жизни. Когда наступаютъ неизбѣжныя послѣдствія хроническихъ состояній опьяненія и кто-нибудь изъ человѣка пьянаго обращается уже въ „пьянаго человѣка“, о немъ говорятъ съ извѣстною нѣжностью, что онъ „ослабѣлъ“, и его слабость, особливо если онъ „смирень во хмелю“, считается вполне понятнымъ укладомъ жизни, почти столь же естественнымъ, какъ и разные другіе. Подъ вліяніемъ такого благодушнаго отношенія окружающихъ развивается и у „пьянаго человѣка“, и по отношенію къ нему особая, своеобразная логика. Горбуновъ рисуетъ сцены и разговоры въ Бѣломъ залѣ московскаго трактира Барсова, великимъ постомъ, между антрепренерами провинціальныхъ театровъ и ищущими ангажемента актерами. „Первый любовникъ“, садясь къ столу, требуетъ отъ полового дать ему *по обыкновенію графинчикъ добраго, русскаго, бѣлаго, простаго... очищеннаго вина* и пирожекъ въ гривенникъ; за другимъ столикомъ, антрепренеръ, выслушавъ уворизненное указаніе „трагика“ на то, что въ содержимомъ имъ театрѣ актеръ, игравшій Гамлета, въ знаменитой сценѣ съ матерью, вышелъ съ папироскою въ зубахъ, отвѣчаетъ коротко и вразумительно: „Ну, что-жь—пьяный былъ!“... Невольно вспоминается при этомъ слышанный нами отъ покойнаго А. Д. Градовскаго рассказъ о господинѣ, который, въ жаркій лѣтній день, войдя на рѣчной пароходъ, придерживаясь за поручни, сталъ сильно терять равновѣсіе и, устремивъ мутный взоръ на свободное мѣсто на кормѣ, стремительно двинулся къ нему, толкая встрѣчныхъ, наступая на ноги сидящимъ и опираясь на нихъ руками. Когда публика стала роптать, онъ, усѣвшись наконецъ на намѣченномъ мѣстѣ, снялъ фуражку съ краснымъ околышемъ, вытеръ лысину, улыбнулся доброю и виноватою улыбкою и сказалъ:—„Извините... я, когда надо ѣхать на пароходъ... всегда... немножко... *потому—не стобитъ!*“—Въ виду всего этого понятно изумленіе окружающихъ при видѣ пѣвчаго-октавы, не пьющаго водки при закускѣ въ купеческомъ домѣ.—„Это даже удивительно, — говорятъ ему, — такой видный человѣкъ и не пить“.—„Прежде былъ подвержень, — отвѣчаетъ

октава, — въ больницѣ разъ со второго этажа въ окошко высочилъ: докторъ не приказаль...“

Особенно рѣзкимъ образомъ проявляется привычное служеніе хмелю на почвѣ самодурства, развитого сознаниемъ своей денежной силы. Много разъ, — преимущественно въ сложныхъ бытовыхъ сценахъ, происходящихъ „На ярмаркѣ“, или же въ разныхъ перипетіяхъ „Женитьбы“, Горбуновъ обращался къ купеческому самодурству, принимающему, подобно хамелеону, то покрытыя легкимъ лоскомъ образованности, болѣе утонченныя, но грубыя въ существѣ и даже жестокія формы, — то къ откровенному и паразитическому въ своемъ непризнаніи никакихъ условій мѣста и времени. Таковъ, на примѣръ, у него образъ купеческаго сына Дмитрія Даниловича, посланнаго отцомъ въ чужіе края по машинной части, въ сопровожденіи переводчика, и настряпавшаго такихъ бѣдъ, натворившаго такихъ чудесъ, что даже въ газетахъ распечатали... „Пріѣхали они, матушка ты моя, въ какой-то городъ нѣмецкій, а тамъ для короля ихняго, али прынецъ онъ, что-ли, какой, — феверики приготовили. У Дмитрія-то Даниловича въ головѣ должно быть было: зажигай, говорить, скорѣй! А тамъ и говорятъ: погодите, почтенный, пока прынецъ пріѣдетъ. Я, говорить, московскій купецъ, за все плачу. Тѣ, голубушка, заглядѣлись, а онъ цыгарку туда, въ феверку-то и сунуль, — такъ все и занялось! Самъ-то ужъ просьбу подай, чтобы по этапу его оттуда сюда предоставили...“

Выводимые Горбуновымъ типы и разновидности пьяныхъ людей такъ же разнообразны, какъ и изображаемыя имъ явленія и сцены русской жизни. Перечислить ихъ нѣтъ возможности. Длинною и пестрою вереницею проходятъ они предъ слушателемъ и будутъ проходить предъ читателемъ, начиная съ купеческаго племянника, привозящаго къ почти незнакомымъ людямъ на рыбную ловлю „троичку ледерцу“, прося окупить бутылки „на полчаса въ родничокъ: — живо озябнуть!..“ и кончая трагическою фигурою спившагося съ кругу стараго московскаго студента, восклицающаго: „чѣмъ я занимаюсь? — пью! да, пью! Утромъ пью, и днемъ пью, и ночью пью!“ и, отдавшись затѣмъ воспоминаніямъ о славномъ прошломъ своего университета и московской сцены, о Грановскомъ, Крыловѣ, Садовскомъ, горько плачущаго отъ сознанія, что „промоталъ свои идеалы!“.

Въ изображеніи пьяныхъ Горбуновъ былъ неподражаемъ. Не говоря уже объ удивительномъ разнообразіи въ игрѣ лица, интонаціяхъ голоса и въ особенности въ выраженіи глазъ, свойственныхъ различному темпераменту и степени опьяненія того

или другого лица, онъ умѣлъ почти неуловимыми чертами нарисовать предъ слушателями картину постепеннаго перехода въ настроеніи пьяняющаго отъ условной сдержанности къ разговорчивости и полной откровенности, съ потерю, подчасъ, сознанія окружающей дѣйствительности. Въ этомъ отношеніи особенно выдѣлялся его рассказъ, въ которомъ переплетались *Wahrheit und Dichtung*, рассказъ о томъ, какъ, охотясь съ Некрасовымъ и очень озябши, они заходятъ отогрѣться въ село къ старичку, живущему въ домигѣ-особнякѣ, и угощаютъ его чаемъ съ обильно подливаемымъ ромомъ, при чемъ хозяинъ, очень сдержанный въ разговорѣ сначала, постепенно хмелѣетъ и начинаетъ развертывать предъ гостями повѣсть своихъ отношеній къ предпоставленнымъ лицамъ и учреждениямъ. По мѣрѣ развитія рассказа окружающая дѣйствительность уходитъ изъ его сознанія, и онъ, вмѣсто двухъ охотниковъ, видитъ предъ собою кого-то, кому можно повѣдать *все*: и то, какъ на требованіе „даровъ“ съ указаніемъ на то, что у него хорошія куры, онъ отвѣчалъ многозначительно: „въ какое время — и какія куры!“, и то какъ жена его „смотреть эдакъ косвенно“... Но вотъ хмель уступаетъ, севозъ облако самозабвенія проглядываютъ лица чуждыхъ гостей — и старикъ, еще заплетающимся языкомъ, говоритъ: „только по-о-жалуйста это м-между нами!“

Не одна водка сокрушаетъ слабого человѣка. Не менѣе сильно выбиваютъ его изъ сѣдла вина „собственного розлива“, кашинская мадера и шипучее, такъ называемая „купеческая гибель“, особливо когда оно фигурируетъ подъ названіемъ красныхъ, золотыхъ и др. головокъ и значитъ въ нарочито заманчивыхъ прейсъ-курантахъ подъ фантастическими этикетами въ родѣ поражающаго пріятелей, прикосновенныхъ къ „дѣлу о мухѣ“, шампанскаго „свадебнаго — пли!“, съ примѣчаніемъ: „пробка съ пружиною, — просить опасаться взрыва“. Пьющіе эти вина сами сознаютъ ихъ вредныя, одурманивающія свойства, но пьютъ по привычкѣ и „для восторга-съ!“... Рассказывая о книжкѣ, гдѣ обозначено, какого званія Сара Бернаръ, по какимъ землямъ ѣздила и какое вино кушаетъ, одинъ изъ собесѣдниковъ замѣчаетъ: „нашего, должно быть, не употребляютъ, потому отъ нашего одна меланхолія, а игры настоящей быть не можетъ“... — „Этотъ хересъ помягче будетъ, — говоритъ чиновникъ приказнику, — а третьяго дня, вѣрите ли, всю внутренность сожгло. — Мудренаго нѣтъ, — отвѣчаетъ ласково приказчикъ: — не та бутылка попалась, спирту, должно быть, перепущено. — Ужъ я не знаю тамъ чтѣ, только поутру руки трясутся, а тутъ при-

вели двоихъ арестантовъ...—Ну, такъ, тепериче вѣрно. Это—который хересь для подрядчика слѣдуетъ, вамъ отпустили. Хересь онъ дивный, только къ нему надо приспособиться. — Да, этотъ много мягче... сравненія нѣтъ“.

VII.

Таковы, въ существенныхъ чертахъ, картины быта излюбленной Горбуновымъ среды. Нельзя сказать, чтобы онѣ были особенно угѣшительны. Возбуждая въ отдѣльныхъ случаяхъ смѣхъ, отъ котораго трудно удержаться, онѣ въ общемъ, въ связи одна съ другою, вызываютъ вовсе не веселое настроеніе. За яркими вспышками юмора рассказчика слышится и чувствуется печальное раздумье,—и переходъ отъ смѣха къ грусти совершается въ душѣ читателя или слушателя невольно и самъ собою. „Какъ это смѣшно! — восклицаетъ онъ въ первыя минуты. — Какъ это вѣрно, какъ глубоко захвачено!“—говоритъ онъ себѣ затѣмъ... „Но что же это, однако, такое? зачѣмъ же *это* такъ?“—спрашиваетъ онъ себя нерѣдко, вдумавшись въ смыслъ разсказа, когда на фонѣ изображенной талантливомъ художникомъ картины начинаютъ вырисовываться тѣ свойства нашей жизни, которыя характеризуются знаменитыми „авось!“, „ничего!“, „сойдетъ!“, „наплевать!“ и укладываются въ употребленный княземъ В. О. Одоевскимъ терминъ: „рукавоспустіе“,—когда изъ глубины картины выступаетъ наше обычное безволіе, отсутствіе характера и взаимно чередующееся хвастливое самомнѣніе и смиреніе, граничащее съ приниженностью,—когда подъ шуточками надъ окружающими и надъ самими собою сквозитъ поверхностное отношеніе къ жизни, не принимаемой „въ серьезъ“, и отсутствіе не только вчерашняго, но даже и завтрашняго дня.

Было бы, однако, несправедливо указывать только на эту сторону разсказовъ Горбунова. И въ грустномъ выводѣ изъ совокупности рисуемыхъ имъ сценъ есть элементъ, въ нѣкоторой степени примиряющій со многимъ въ нихъ. Это — доброта, несомнѣнная, трогательная доброта и незлобивость русскаго человѣка. Она составляетъ, въ разныхъ своихъ проявленіяхъ, *положительную* сторону этихъ разсказовъ. Широко разлиты въ нихъ черты, указывающія на гостепріимство, безразсчетливое и радушное, одинаково присущее всѣмъ описываемымъ Горбуновымъ слоямъ. Накормить и отогрѣть чужого человѣка въ нуждѣ, не критикуя его и не резонируя надъ причинами этой нужды, не только удо-

зольствіе, но и непререкаемый долгъ для русскаго человѣка; если достатокъ позволяетъ, то это удовольствіе усиливается еще и возможностью „поднести“. Рядомъ съ этимъ свойствомъ, ставящимъ человѣческія и сочувственныя отношенія между людьми выше матеріальныхъ соображеній, идетъ любовь къ дѣтямъ и заботливость о сиротахъ. Вездѣ, гдѣ у Горбунова является среди взрослыхъ ребенокъ — отношеніе къ нему всегда; шутливо-нѣжное, при чемъ въ грубыя формы, облекается ласка и подчасъ трогательная заботливость. Нѣкоторыя Горбуновскія сцены, въ которыхъ участвуютъ дѣти, могутъ, по сжатости и теплотѣ, стать на ряду съ чудеснымъ разговоромъ Митрича во „Власти тьмы“ съ Анюткою о „дѣтосѣвѣ“. Доброе отношеніе къ „ребяткамъ“ до такой степени представляется русскому человѣку естественнымъ, что онъ приписываетъ его даже и тому, кого вообще онъ осуждаетъ. „Въ старину въ нашей сторонѣ, — говоритъ Потапъ въ „Утопленникѣ“, — тоже разбойникѣ жилъ. И грабить какъ... страсть! проѣзду не было. Дѣдушва-покойникѣ сказывалъ, — онъ еще махонькій въ тѣ поры былъ: — бывало, говоритъ, соберетъ маленькихъ ребятшекъ къ себѣ, въ лѣсъ — и ничего, не трогаешь; не то, чтобы, въ примѣру, билъ, или что, ничего... Ходи, говоритъ, ребята завсегда“. Весь дальнѣйшій разговоръ Потапа съ мальчикомъ Микиткою, а также длинная бесѣда Дементія съ малолѣтними Степкою и Серегою на „Постояломъ дворѣ“ преисполнены душевной теплоты, несмотря на то, что на послѣднихъ такъ и сыплются названія „чертенка“, „дурашки“ и „паршиваго“... „И гдѣ такой воръ парень родился, — говоритъ съ нѣжностью Потапъ, тщательно укрывая засыпающаго мальчика армявомъ, — въ какомъ полку онъ служить будетъ, на какой народъ воевать пойдетъ?“ — „Сироты теперича много, говоритъ старикъ-купецъ въ холерный годъ, — столько теперича этой сироты — и куда пойдетъ она, кто ее вспоить-вскормить, одѣнетъ-обуетъ... и должно, значить, чувствовать сиротское дѣло; — самъ куска не ѣшь — сиротѣ отдай, потому она, сирота, ни въ чемъ неповинная“... И на почвѣ этихъ разсужденій вырастаетъ рѣшимость набрать въ домъ сиротъ и создается затѣмъ цѣлое убѣжище съ училищемъ для нихъ...

Любить русскій человѣкъ природу и съ чуткою наблюдательностью относится къ ней. Въ рядѣ разсказовъ Горбунова упоминается объ этой любви, о тихомъ восторгѣ предъ „божьимъ твореніемъ“. Рѣка и въ особенности лѣсъ и „пустыня“, вослѣдствіемъ еще въ „Асафѣ Царевичѣ“, манятъ къ себѣ „разнаго

званія "людей, населяя, лишь только ночь раскинетъ надъ ними свое покрывало, ихъ фантазію таинственными образами. „Въ лѣсу чтобы мнѣ ночью,—говоритъ Калина Митричъ въ превосходномъ очеркѣ „*Безотѣтнѣй*“,—первое это мое удовольствіе! Выду я въ лѣсъ, когда почка развернется, да и стою. Тихо! Духъ такой здоровый!.. Мать ты моя родная, какъ я лѣсъ люблю!“... На ряду съ любовнымъ отношеніемъ къ природѣ идетъ, конечно не безъ наивно-жестокихъ исключеній, любовь къ животнымъ. Вѣрный правдѣ въ своихъ разсказахъ, Горбуновъ иногда вставлялъ въ свои картины жизни московскаго захолустья слѣдующій эпизодъ:—Знойный полдень. Все спитъ во дворѣ замоскворѣцкаго дома,—куры, лошади, собаки, люди,—даже подсолнечники въ палисадникѣ—и тѣ какъ будто спятъ. Дремлющій у воротъ и широко зѣвающій дворникъ спрашиваетъ проходящихъ:—вы маляры будете?—и получивъ утвердительный отвѣтъ, говоритъ:—а можете вы нашему кобелю... брюхо скипидаромъ смазать?—А *что онъ?* отвѣчаютъ ему, „ничтоже сумняся“, маляры. Дворникъ зоветъ злополучную собаку, сладко спавшую на самомъ припѣкѣ.—Держите!—говорятъ маляры.—Что-о! завертѣлся!—восклицаетъ восхищенный дворникъ,—не любишь?!—*Очень вамъ благодарны! прощайте...*“ и снова все погружается въ дремоту... Но это—исключеніе, а вообще доброе отношеніе къ „животинѣ“ преобладаетъ. Особенно ярко проявляется любовь и даже восторженное отношеніе—къ птицѣ. „Это такой соловей,—отвѣчаетъ на предложеніе продать соловья „горькій человекъ“, проторговавшійся и нѣсколько лѣтъ томившійся въ „ямѣ“ (т.-е. долговомъ отдѣленіи) купецъ Дятлевъ,—что, кажется, умереть мнѣ легче, чѣмъ его лишиться. Вчера онъ, батюшка, какъ пошелъ это вечеромъ орудовать, думаю—не въ царствѣ ли я небесномъ? вотъ это какой соловей! Птицу, сударь, ее любить надо, надо понимать ее. Скворецъ у меня говорилъ все одно какъ человекъ и любилъ меня, какъ отца родного... Будилъ меня. Утромъ, бывало, сядетъ на подушку:—вставай, Петровичъ, вставай, Петровичъ!“ Эту горячую любовь къ пѣвчей птицѣ русскій человекъ не только чувствуетъ самъ, но всю силу ея признаетъ и за другими. „Дочь у меня родами мучилась, письмо написала: тятенька, помоги!—продолжаетъ одушевившійся при разсказѣ о птицахъ старикъ,—всю ночь я проплакалъ, утромъ всталъ, взялъ его, голубчика, закрылъ клѣтку платкомъ, да и понесъ въ Охотный рядъ. Несу, а у самого слезы такъ въ три ручья и текутъ, а онъ оттуда, изъ клѣтки-то:—куда ты меня несешь, куда ты меня несешь!—да таково жалобно“... Бѣдному старику, сѣвшему на тум-

бочку и „ревущему какъ малый ребенокъ“, не приходится, однако, разстаться со своимъ, быть можетъ, единственнымъ въ жизни утѣшеніемъ. Кто-то, узнавъ, въ чемъ дѣло, покупаетъ у него скворца за двѣ синенькихъ и, отдавъ деньги, говоритъ: „неси его съ Богомъ домой!..“

Любовь къ пѣнію птицъ можетъ быть разсматриваема какъ одно изъ проявленій любви русскаго человѣка къ пѣнію вообще. Онъ поетъ на работѣ, — поетъ въ одиночествѣ, — подъ звуки „дубинушки“ общими усилиями поднимаетъ и опускаетъ тяжести; онъ „въ томленіи“, какъ выражается Горбуновъ, и, постепенно одушевляясь, слушаетъ пѣсню и сопровождающую ее музыку... „Дѣлай! ухъ! — кричитъ купецъ Наконечниковъ пѣвцу-гитаристу. — На зелененькую! на всю!.. Подсинимъ! Катай! катай! Старайся! отъ насъ забыть не будешь...“ Особенно трогаетъ слушателей церковное пѣніе. Оно возвышаетъ душу и наводитъ раздумье на самыя забубенныя головы. У Горбунова есть превосходное, богатое типическими чертами, изображеніе пѣнія хора „прокофьевскихъ пѣвчихъ“ въ купеческомъ домѣ, въ присутствіи сына — широкой натуры, который привыкъ „чертить“, и его матери, худой, высокой старухи въ темномъ платьѣ и черномъ платьѣ, съ выговоромъ на ъ. „Пѣвчіе размѣстились по порядку: басы назади, тенора на правомъ крылѣ, альты на лѣвомъ, дисканты впереди. Прокофьевъ, сѣдой, почтенный, строгой наружности старикъ, вынулъ камертонъ, куснулъ его зубами, подставилъ къ уху... еще разъ... погладилъ по головѣ гладко выстриженнаго маленькаго мальчика-дисканта, нагнулся къ его уху и промычалъ ему нотку, затѣмъ оборотился къ басамъ: — соль-си-ре-си... — потомъ громко сказано: — „Покаянія отверзи ми двери“. — Хоръ шевельнулъ нотами и запѣлъ очень стройно. Изрѣдка слышалось только дребезжаніе старческаго голоса самого регента, но оно тотчасъ же покрывалось басами. Кончили. Басы отвашлялись, тенора поправили волосы, альты завертѣли нотами, регентъ закусилъ камертонъ, опять послышалось: — ля-до-ми — и торжественный концертъ Бортнянскаго: „Кто взыдетъ на гору Господню“, огласилъ не только залу, но и улицу, и близлежащія переулки. Мальчишки съ улицы прислонились къ овнамъ и приплюснули къ стекламъ свои носы. Сильно подѣйствовала на душу „матушки“ пропѣтая пѣснь. Она обтерла рукой увлажившіяся слезами глаза и посмотрѣла на сына. Сынъ глубоко вздохнулъ и, покачавъ головой, сказалъ: — „Да!“

Конечно, и въ любви къ пѣнію не обходится безъ крайностей. Между цѣнителями церковнаго пѣнія есть особыя любя-

тели, для которыхъ главное—сила голоса поющего, и для нихъ, по свидѣтельству Горбунова, свадьба не въ свадьбу, если не будетъ „пущена октава“.—„Ты ужъ, Николай Ивановичъ, приготовься,—упрашиваютъ „октаву“,—то возьми во вниманіе: одна дочь, опять же и родство большое... Голубчикъ, грохни“.—„У Егорья на вспольѣ,—отвѣчаетъ октава,—на прошлой недѣлѣ вѣнчали, худенькая такая невѣста, на половинѣ апостола сморщилась, а какъ хватилъ я: „жену свою сице да любить“, такъ она такъ на шафера и облокотилась...“—„Нѣтъ, наша выдержитъ! Наша даже до пушекъ охотница... Вотъ когда въ царскій день палять... А ужъ ты дѣйствуй во всю, сколько тебѣ Господь Богъ голосу послалъ“.

Выдается въ разказахъ Горбунова русскій человекъ своею отвагою, къ сожалѣнію, по большей части, совершенно безцѣльною, своимъ равнодушіемъ къ элементарнымъ условіямъ безопасности, своимъ, чуждымъ страха или рисовки, простымъ отношеніемъ къ несчастію и къ смерти. Блестая находчивостью, легкостью усвоенія и остроуміемъ, его богато одаренная натура, такъ часто не имѣющая правильнаго и достаточнаго выхода для своихъ способностей, сквозитъ какъ лучъ свѣта среди сгущенной тьмы невѣжества и нищеты или нездоровыхъ сумерокъ фабрично-городской „образованности“. У Горбунова то-и-дѣло попадаются „словечки“, очевидно, прямо выхваченныя изъ жизни и образныя выраженія, сдѣлавшіяся ходячими. Таковъ, напр., „мужчина съдой наружности“. Есть и много проявленій тонкой народной ироніи по отношенію къ стѣснительнымъ для него порядкамъ. Такъ, напр., старуха стряпуха въ „Медвѣжьей охотѣ“ говоритъ: „медвѣдь не по пачпорту вѣдь ходитъ,—вольный звѣрь, гдѣ захочетъ, тамъ и ляжетъ“. Наконецъ, иногда мелькаетъ въ этихъ разказахъ чистый огонекъ твердой и трогательной вѣры. „Эхъ, господинъ честной,—говоритъ одинъ изъ вытацившихъ трупъ утопленника и задумавшійся надъ возможностью „влетѣть въ острогъ“,—хлопотъ намъ твое тѣло бѣлое надѣлало“.—„Ничего!—отвѣчаетъ другой.—Богу тамъ за насъ помолить“.

Пытаясь въ краткомъ и далеко не полномъ очеркѣ дать хоть нѣкоторое понятіе о внутреннемъ смыслѣ произведеній Горбунова, нельзя, въ заключеніе, не отмѣтить его тонкихъ психологическихъ наблюденій и умѣнья въ вызывающіе улыбку образы вложить указаніе на тяжелыя, а подчасъ и трагическія стороны жизни. Въ первомъ отношеніи стоитъ припомнить хотя бы изо-

браженіе заразительности страха и свойственнаго всякому робѣющему желанія убѣдить другихъ въ отсутствіи опасности и въ ихъ спокойствіи почерпнуть поддержку противъ сжимающаго сердце ощущенія. Ямщикъ Никита, везущій купца, приближается къ мѣсту, гдѣ „шалаять“, и, по разнымъ примѣтамъ, чувствуетъ недоброе... „Душу бы намъ свою здѣсь не оставить...“, —говоритъ онъ купцу, поддаваясь первому приливу боязни. — „Что ты, дуракъ, меня пугаешь, —отвѣчаетъ купецъ и, едва ли самъ себѣ вѣря, прибавляетъ успокоительно: —вѣдь наша душа нужна?“ — „Садись, сударь, со мной на козлы, не такъ жутко будетъ“, — говоритъ ямщикъ. Купецъ, уже подпавшій заразѣ страха, безпрекословно исполняетъ это предложеніе, —а самъ „ровно бы вотъ листь трясется“. Теперь ужъ ямщикъ начинаетъ его ободрять. „Чего же такъ, вапа милость, — замѣчаетъ онъ, —робѣть намъ нечего, коли ежели что, насъ двое!..“ — „А у самого-то у меня, братецъ ты мой, —передаетъ онъ вполсѣдствіи, —духъ захватило, руки отымаются...“

Изученіе психическихъ настроеній и процессовъ съ отдѣльнаго человѣка перешло, какъ извѣстно, въ послѣднее время на случайную совокупность людей — *тому* и на сплоченную историческими, этнографическими и территоріальными условіями массу — *націю*. Послѣдователи уголовно-антропологической школы — Тардъ (*Les crimes des foules*) и Сигелѣ (*La foule criminelle*), а также Густавъ Лебонъ (*La psychologie des foules*), Обри (*La contagion du meurtre*) и др. — стараются опредѣлить тѣ общія начала, къ которымъ можетъ быть сведена психологія толпы, и изучить вліяніе психологическихъ факторовъ на представленія и настроеніе толпы, опредѣляющія, въ концѣ концовъ, ея собирательную волю и ея совокупныя дѣйствія. Альфредъ Фуллѣ, въ недавнихъ своихъ оригинальныхъ трудахъ, пробуетъ изслѣдовать душу цѣлаго народа и подмѣтить внутренніе процессы, происходящіе въ ней. Западная литература представляетъ произведенія, по которымъ, шагъ за шагомъ, можно прослѣдить образованіе и развитіе душевныхъ движеній толпы. Стоитъ указать на полныя захватывающаго интереса сцены съ участіемъ толпы въ „Ткачахъ“ Гергарда Гауптмана. И въ нашей литературѣ мы имѣемъ не одно изображеніе постепеннаго нарастанія впечатлѣній, на почвѣ которыхъ создается настроеніе толпы, часто складывающееся въ порывистую волю, „безсмысленную и беспощадную“, по выраженію Пушкина. Первое, безспорно, мѣсто между ними принадлежитъ удивительному разсказу графа Л. Н. Толстого объ убійствѣ, въ 1812 году, Верещагина въ Москвѣ. Эта же тема затронута и

у Горбунова въ его „Забытомъ домѣ“, гдѣ одинъ изъ представителей возглаждавшей жертвы толпы, оборванный мастеровой съ воспаленными глазами, вричитъ: „мы сейчасъ пойдемъ на трехъ горахъ сражаться... всѣ кабаки уничтожимъ, всѣ!.. нѣтъ, погоди! Купецкій сынъ вздумалъ бушевать—сейчасъ графъ разделюю ему сдѣлать... я те, говорить, побушую! ребята, говорить, возьмите! Сейчасъ наши мѣщане растеребили! Потроху не осталось!.. Отецъ его стоялъ въ воротахъ—плакалъ... Ничего не подѣлаешь—приказано! Бей, говорить, въ мою голову!..“ Толпа часто выступаетъ въ разсказѣ Горбунова то въ видѣ цѣлаго, охваченнаго однимъ чувствомъ, мыслью, стремленіемъ, какъ, напр., въ „Московскомъ захолустѣ“, гдѣ происходитъ такъ называемый холерный бунтъ, то въ видѣ выхваченныхъ изъ нея мнѣній, замѣчаній и восклицаній, ярею рисующихъ преобладающія въ ней и быстро смѣняющіяся настроенія противоположнаго характера. Таковы, напр., „Медвѣжья охота“, „Воздушный шаръ“ и др. Въ послѣднемъ разсказѣ съ большимъ искусствомъ намѣчается переходъ толпы отъ спокойнаго *созерцанія* происходящаго („Шаръ, сударь, надувають... съ самыхъ вечереь надувають и никакъ его раздуть невозможно! — А чѣмъ его надувають? — Кислотой! — Да! — безъ кислоты тутъ не обойдешься!“)—къ живѣйшему *участію* въ немъ, когда оказывается, что вмѣстѣ съ нѣмцемъ полетитъ портной, который „завертѣлся—ну, и летитъ“, потому что „отъ хорошей жизни не полетишь“. Хотя одинъ изъ пьяныхъ купцовъ, нанявшихъ его, и увѣряетъ, что „если онъ оттѣда упадетъ“, то онъ, наниматель, „его не позабудетъ“, но толпа начинаетъ чувствовать сожалѣніе и сочувствіе къ тому, чья судьба ужъ такая, чтобы „ему, значить, летѣть“. И это сочувствіе растетъ, захватываетъ окружающихъ. Раздаются добродушныя предостереженія на случай, „ежели этотъ пузырь вашъ лопнетъ“,—обращенія къ чувствамъ портного—„пустой ты человекъ“, выходитъ: мать старуха плачетъ, а ты летишь...“, просьбы „кланяться *тамъ!*“ и совѣты—„милый, ты бы подпоясался, тебѣ легче будетъ...“—„Сажаютъ, сажаютъ!..“—въ восхищеніи говорятъ въ толпѣ. Еще минута—шаръ плавно подыметъ, и, быть можетъ, радостное, сочувственное ура огласитъ воздухъ... Но вдругъ—грозный вопросъ:—„ты что за человекъ?“ и резолюція: „я те полечу! Гриненко, возьми его...“—Настроеніе сразу мѣняется и толпа раздѣляетъ чувство квартальнаго, которому „это обидно показалось“...

Мы уже говорили, какъ въ заявленіи гласнаго въ „Земскомъ Собраніи“ о томъ, что у него семь душъ дѣтей женскаго

пола, требующихъ пищевого довольства, Горбуновъ приподымаетъ уголокъ завѣсы надъ картиною нужды человѣка, поставленнаго своимъ общественнымъ положеніемъ между случайнымъ и неопредѣленнымъ заработкомъ и обязанностью служить возвышеннымъ потребностямъ человѣческаго духа. Этотъ приемъ, подсказанный ему его теплымъ сердцемъ, повторяется у него нерѣдко. Въ чрезвычайно живомъ и полномъ юмора рассказѣ повѣствуется о молодомъ купцѣ, изъ строгой и благочестивой семьи, получившемъ на выставкѣ извѣстной картины „Нана“, принадлежащей къ особому роду откровеннаго искусства, совѣтъ прочесть одноименный романъ Золя, гдѣ „всѣ обстоятельства обозначены во всю, и слова на ихъ счетъ такія, что и пропечатать на нашемъ языкѣ невозможно, а надо по-французски“. „И сказали мнѣ,—говорить купецъ,—что въ Казанской улицѣ живетъ съ матерью дѣвица и французскимъ языкомъ орудовать можетъ. Къ ней. Блѣдная, худая, волосы подрѣзаны въ свобѣ; мать тоже старуха старая, слѣпая... Видно, что дня три не ѣли... Грусть на меня напала! Вотъ, думаю, обдѣлилъ Господь. Можете, говорю, перевести на нашъ языкъ французскую книжку? Посмотрѣла. Извольте, говорю. Что это будетъ стоить? Семьдесятъ пять рублей. Это, говорю, мы не въ силахъ... За пятнадцать рубликовъ нельзя ли? Она такъ глаза и вытаращила, а глаза такіе добрые, чудесные.. инда мнѣ совѣстно стало. Вы, говорю, не обижайтесь: мы этимъ товаромъ не торгуемъ, цѣнъ на него не знаемъ. Я, говорю, съ васъ беру очень дешево, и то потому, что намъ съ мамашей ѣсть нечего, а по щекамъ слезы, словно ртуть, скатились. Жалко мнѣ ее стало, чувствую этакой переворотъ въ душѣ. Извольте, говорю, только чтобъ переводъ былъ сдѣланъ на чести, чтобы всѣ слова и обстоятельства... Покончили. Зашелъ какъ-то черезъ недѣлю навѣдаться, смотрю—сидитъ, строчитъ. Матери не въ зачетъ рубль далъ на кофій. Покончила она все это дѣло, да, не дождавшись меня, на Калашникову пристань и приперла. Вошла въ калитку-то, собаки какъ залягутся—чужого народу въ намъ не ходить... А бабушку въ это время въ экипажъ усаживали, въ баню везти, бобковой мазью оттирать... Что за человѣкъ? Зачѣмъ? Къ кому? По какому случаю?.. Все дѣло-то и обозначилось“.

Какая драма чувствуется за этимъ простымъ, повидимому, эпизодомъ! Какая жестокая дѣйствительность, разрушающая здоровье и грубо оскорбляющая душу, видится въ этомъ подыскиваніи дѣвушкою „съ добрыми глазами“ русскихъ выраженій для передачи словъ, которыми „всѣ обстоятельства обозначены во

всю“, и въ этомъ рублѣ „на кофій“! Какъ невольно останавливается мысль—не на злополучномъ бупчикѣ, котораго стала пить бабушка, бросившая въ огонь и книжку, и тетрадку,—терзать дядя и „точить“ приглашенные для наставленія благодетельные старцы, изъ которыхъ „одинъ-то еще ничего—пить, а другой, окромя кровоочистительныхъ капель, ничего не трогаетъ“,—а на одной изъ картинъ скорбной жизни столичнаго образованнаго пролетаріата. И когда представишь себѣ эту дѣвушку на глухомъ дворѣ старозавѣтнаго молчаливаго дома, окруженную лающими собаками, предъ чинящею допросъ бабушкою, предъ кучеромъ и прислугою, довольными неожиданнымъ зрѣлищемъ,—когда представишь себѣ формы и выраженія этого допроса, становится вовсе не смѣшно... Нѣтъ! не становится смѣшно... Не мѣньшая драма слышится въ отдѣльныхъ эпизодахъ „Женитьбы“ и въ простомъ, но характерномъ рассказѣ лихача о томъ, какъ бѣдная дѣвушка, которую онъ возилъ на тройкѣ, когда ее въ первый разъ путемъ обольщенія, а быть можетъ и насильственно, окунули въ житейскую грязь,—съ его *легкой руки* „жить пошла“... Ямщикъ-лихачъ стоитъ какъ живой, со всѣми ухватками своей профессіи,—кажется, что морозный бодрящій воздухъ вѣетъ въ лицо и что гармонично позвякиваютъ бубенчики его гостепріимной тройки,—но когда рассказъ конченъ прозаическою просьбою „на чайкъ“,—рисуетъ нѣчто иное, и разбитая жизнь, втоптанная въ развратъ, среди бездушнѣйшей столичной суеты, взываетъ къ сердцу слушателя...

VIII.

Особнякомъ отъ созданныхъ Горбуновымъ типовъ и фигуръ стоитъ знаменитый отставной *генералъ Дитятинъ*, всѣми своими корнями сидящій въ томъ общественномъ строѣ, который сложился на Руси въ послѣднія десятилѣтія предъ крымскимъ погромомъ и былъ пересозданъ, а отчасти и вовсе разрушенъ реформами Александра II. Горбунову пришла счастливая мысль дать живое изображение челоѣка этого времени, окаменѣвшаго въ своемъ міросозерцаніи, прочно остановившагося въ своихъ, на половину безсознательныхъ, взглядахъ и чувствахъ, окруженнаго со всѣхъ сторонъ измѣнившеюся дѣйствительностью, на шумъ и брызги которой ему невольно приходится отзываться по-своему. Задача изображенія таковой личности должна была въ своемъ фактическомъ осуществленіи стать, и стала, неисчерпае-

мою. „Довлѣтъ дней злѣба его“, и каждый новый моментъ общественной жизни, каждое внѣшнее или внутреннее событіе, каждый всплывавшій на поверхность чѣмъ-либо замѣчательный человѣкъ, стали давать матеріалъ для выраженія своеобразныхъ сужденій оригинальной личности, задуманной Горбуновымъ. Постепенно создавался образъ, разработанный съ особою любовью, съ тончайшею наблюдательностью и необыкновенною *находчивостію* тѣмъ, кто стоялъ за нимъ, почти органически съ нимъ сливаясь... Мало-по-малу, *генералъ Дитятинъ* сдѣлался неизбѣжнымъ посѣтителемъ всѣхъ кружковъ и собраний, въ которыхъ Горбуновъ чувствовалъ себя хорошо и свободно. Рѣшительныя резолюціи и отрывистыя характеристики генерала, его тонъ—презрительный по отношенію къ настоящему и подчасъ возбужденный или восхищенный по отношенію къ прошедшему,—его добродушный, отзывавшійся приближеніемъ „второго дѣтства“, смѣхъ,—его довольно разнообразная начитанность, съ неожиданными изъ нея выводами, его тусклый взоръ и отвислая нижняя губа, его добрая, беспомощная улыбка и глухой старческій голосъ,—наконецъ, его всегдашняя готовность отвѣчать „ничтоже сумняся“ на почтительные вопросы собесѣдниковъ—остались, безъ сомнѣнія, въ памяти всѣхъ, кто разставался съ разговорившимся генераломъ, сожалья, что бесѣда настала конецъ.

Создалась, по отрывистымъ отвѣтамъ Дитятина, и его біографія. Онъ самъ не знаетъ хорошенько года своего рожденія, то относя его къ восшествію на престолъ Павла Петровича въ 1796 году, то вспоминая о своемъ участіи въ штурмѣ Праги, при Суворовѣ, въ 1774 г. Наивное самообольщеніе, побуждавшее его „пристегнуться“ къ Суворову, отнюдь не слѣдовало, однако, понимать, какъ выраженіе сочувствія взглядамъ великаго полководца на военное дѣло и на отношеніе къ солдатамъ. Онъ, напротивъ, всецѣло стоялъ на точкѣ зрѣнія одного изъ высокопоставленныхъ мирныхъ героевъ войны, находившаго, что „война *портитъ* солдатъ, *пачкаетъ* мундиры и *разрушаетъ* строй“. Солдатъ, по мнѣнію Дитятина, существуетъ, такъ сказать: „*an und für sich*“, и созданъ не для пагубнаго безпорядка войны, а для караульной службы, для вытяжки, маршировки и для необходимаго ихъ условія—муштровки. Неизбѣжныя при этомъ, по его мнѣнію, зуботычины, были гораздо нужнѣе, чѣмъ выдуманная „мальчишками“ грамотность и другія нововведенія, которыми „увлекся“ военный министръ Милютинъ, по адресу котораго Дитятинъ не скупился на краткіе, но выразительные эпитеты. Эти нововведенія, а особливо общая воинская повин-

ность, приводили его сначала въ негодованіе, а потомъ въ мрачное уныніе, не лишенное, впрочемъ, надежды, что „тамъ, наконецъ, образуются“. Последнимъ изъ военныхъ администраторовъ, на которомъ со снисходительною благосклонностію считалъ онъ возможнымъ остановиться, былъ тотъ, который къ нѣкоторымъ реформамъ въ русскомъ военномъ строѣ, осуществленнымъ въ послѣдствіи, относился скептически, „сумлѣваясь штопъ...“ и признавая ихъ за „оимъ“ (т.-е. мнѣ). Было, впрочемъ, время, когда Дитятинъ преодолѣлъ свое отвращеніе ко „всему этому разврату“ и даже предложилъ свои услуги для службы въ новыхъ военныхъ судахъ. Въ принятіи этихъ услугъ онъ видѣлъ величайшую несправедливость, но вообще не любилъ распространяться о причинахъ отказа, ограничиваясь лишь словомъ: „...мерзавцы!“, неизвѣстно, къ кому относившимся и произносимымъ съ непередаваемымъ безразличнымъ презрѣніемъ. Изрѣдка, впрочемъ, онъ рѣшался быть въ этомъ отношеніи вполне откровеннымъ и съ неподдѣльнымъ изумленіемъ сопоставлялъ послѣдовавшій отказъ съ блистательно выдержаннымъ экзаменомъ, во время котораго, на предложеніе рассказать „о системѣ и мѣрѣ наказаній по Миттермайеру“,—онъ отвѣтилъ: „да! какже, помню, былъ у насъ въ полку, въ моей молодости, капитанъ Миттермайеръ,—система у него была, какъ и у всѣхъ, а мѣра... да мѣры онъ не соблюдалъ, а всыпалъ столько, сколько душѣ угодно,—какже! помню!“

Дитятинъ не былъ чуждъ и литературѣ. Онъ охотно цитировалъ Ломоносова и Державина; любилъ декламировать „красоты“ изъ сочиненій Дмитріева и снисходительно ссылаясь на басни Крылова. Къ Пушкину его отношеніе было двойное. Долгое время онъ находилъ его „легкомысленнымъ юношею“, который злоупотреблялъ добротою и „непонятною слабостію“ графа Бенкендорфа, не зажавшаго ему ротъ. Но, будучи, какъ всегда, желаннымъ гостемъ въ собраніяхъ пишущей братіи, Дитятинъ поддался общему восторженному отношенію къ Пушкину въ Москвѣ, при открытіи памятника поэту въ 1880 г., и послѣ торжественнаго обѣда неожиданно высказалъ свои симпатіи къ нему. Онъ сдѣлалъ это, впрочемъ, съ оговорками, строго осудивъ многія его произведенія, но припомнивъ, однако, съ похвалою, нѣкоторыя воинственныя его стихотворенія и указавъ слушателямъ, что даже фамилія „Пушкинъ“ звучитъ пріятно для уха стараго служаки.

И къ Тургеневу отнесся онъ довольно благосклонно. Когда, въ 1880 году, знаменитому русскому писателю давали литера-

турный обѣдъ въ Петербургѣ, Дитятинъ сказалъ, въ общему удовольствію, рѣчь, полную цѣнныхъ указаній на свое пониманіе исторіи и истиннаго положенія нашей литературы. „Милостивые государи,—сказалъ онъ,—вы собрались сюда чествовать отставнаго коллежскаго секретаря Ивана Тургенева. Я противъ этого ничего не имѣю! По приглашенію господъ директоровъ, я явился сюда не приготовленнымъ встрѣтить здѣсь такое собраніе російскаго ума и образованности“... Выразивъ, затѣмъ, желаніе говорить, Дитятинъ нашель, однако, что это сдѣлать очень трудно, какъ „разницѣ взглядовъ и по своему официальному положенію“, такъ и по присущей людямъ его эпохи осторожности, ибо „ихъ учили больше *осматриваться*, чѣмъ *всматриваться*, больше *думать*, чѣмъ *говорить*; однимъ словомъ, учили тому, чему, милостивые государи, въ сожалѣнію, уже не учать теперъ“. Бросая затѣмъ ретроспективный взглядъ на нашу литературу 30-хъ и 40-хъ годовъ, ораторъ сказалъ, между прочимъ: „Въ началѣ 30-хъ годовъ, выражаясь риторическимъ языкомъ, среди безоблачнаго неба, тайный совѣтникъ Дмитріевъ внезапно былъ обруганъ семинаристомъ Каченовскимъ. Подняли шумъ... Критикъ скрылся... Далѣе, генераль-лейтенантъ, сочинитель патриотической исторіи 12-го года, Михайловскій-Данилевскій былъ обруганъ. Были приняты мѣры... Критикъ испыталъ на себѣ быстроту фельдъегерской тройки... Стало тихо. Но на почвѣ, усѣянной, удобренной мыслителями 30-хъ годовъ, показались всходы. Эти всходы заколосились, и первый тучный колось, сорвавшійся со стебля въ 40-хъ годахъ, были „Записки Охотника“, принадлежащія перу чествуемаго вами литератора, отставнаго коллежскаго секретаря Ивана Тургенева. Въ простотѣ сердца, я взялъ эту книгу, думая найти въ ней записки какаго-либо военнаго охотника. Оказалось, что подъ поэтической оболочкой скрываются такія мысли, о которыхъ я не рѣшился не доложить графу Загребскому. Графъ сказалъ: „Я знаю“. Я въ разговорѣ упомянулъ объ этомъ князю Сергію Михайловичу Голицыну. Онъ сказалъ: „Это дѣло администраціи, а не мое“. Я сообщилъ митрополиту Филарету. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что это—„вѣяніе времени“. Я увидѣлъ что-то странное. Я повялъ, что мое дѣло проиграно, и посторонился. Теперъ я, мм. гг., стою въ сторонѣ, пропуская мимо себя нестройные ряды идей, мнѣній, постоянно сбивающіеся съ ноги, и всѣмъ говорю: „хорошо!“. Но мнѣ уже никто не отвѣчаетъ, а только взводные киваютъ съ усмѣшкой головой. Я кончилъ, и пью за здоровье отставнаго коллежскаго секретаря Ивана Тургенева...“

Доживая свой вѣкъ въ отставкѣ, Дитятинъ слѣдилъ за мимо бѣгущею жизнью и о каждомъ ея явленіи составлялъ себѣ совершенно опредѣленное мнѣніе. Въ этомъ отношеніи онъ былъ человекъ самый многосторонній, всегда стоявшій съ готовою „резолюціей“ по вопросамъ, интересовавшимъ или волновавшимъ общество. Онъ, между прочимъ, почиталъ, но не любилъ Бисмарка, находилъ, что Макъ-Магонъ „сплоховалъ“ во время своего президентства, о Гамбеттѣ выражался презрительно: „хе! хе! — воздухоплаватель“...; строго осуждалъ назначеніе министромъ финансовъ человека, происходившаго изъ духовнаго званія; негодовалъ на Шопенгауэра за „прекращеніе человѣческаго рода“ и желалъ лично „вразумить его“... Прочитавъ въ русскомъ переводѣ сочиненія Лассала, котораго онъ называлъ „Лапсалеми“, Дитятинъ рѣшительно заявилъ: „я на это не согласенъ“. Увѣренность въ безусловной справедливости своихъ взглядовъ и брюзжаніе Дитятина — не мѣшали ему, однако, быть пріятнымъ и въ высшей степени интереснымъ собесѣдникомъ. Едва раздавался его голосъ — всѣ присутствующіе обращались въ слухъ, при чемъ нѣкоторые спѣшили вызвать на подробныя объясненія старика, который, несмотря на свою нравственную осиротѣлость среди чуждыхъ ему повольтни, обойденный ушедшею впередъ жизнью и болѣзненно пережившій крушеніе воспитавшаго его строя, умѣлъ оставаться незлобивымъ, довѣрчивымъ и подчасъ даже веселымъ.

Строгая выдержанность этого образа представляла собою блестящее доказательство творческой силы Горбунова. Дитятинъ былъ живой человекъ. Онъ дѣйствительно существовалъ между нами. Скончавшись, вѣроятно, отъ старческаго мазама, одновременно съ Горбуновымъ, онъ оставилъ навсегда пустое мѣсто. Съ чутьемъ тонкаго психолога, Горбуновъ, вкладывая въ его уста удивительныя по своей архаичности сужденія, умѣлъ дать почувствовать доброе, въ сущности, сердце старика. Есть фотографія, изображающая Горбунова въ мундирѣ, со сложенными на груди руками, въ армейской каскѣ со старомоднымъ орломъ, держащимъ въ лапахъ перуны и вѣнки. Экземпляры этой фотографіи очень рѣдки. Извѣстно, между прочимъ, что на экземплярѣ, поднесенномъ одному лицу, есть надпись, сдѣланная старческимъ, дрожащимъ почеркомъ: „J'у suis, j'у reste — фраза, украденная у меня Макъ-Магономъ. Генераль-маіоръ Дитятинъ 2-й“. При взглядѣ на этотъ оригинальный портретъ невольно чувствуется, что таковъ именно, въ своей непреклонности и добродушной строгости, и долженъ былъ быть незамѣнимый и незабвенный генералъ Дитятинъ...

Дитятинъ являлся однимъ изъ типическихъ представителей цѣлаго періода нашей общественной жизни. Изображая его, Горбуновъ заходилъ въ область нашей исторіи, которую изучалъ вдумчиво и съ любовью. Рассмотрѣніе его разсказовъ на исторической подкладѣ и ознакомленіе съ его подражаніемъ старой письменности убѣдятъ насъ въ этомъ.

А. Ѡ. Кони.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА

и

ЕЯ СУДЬБА

I.

Въ настоящее время у насъ не принято придавать особое значеніе вопросамъ, касающимся художественности прозаическаго изложенія. Съ тѣхъ поръ, какъ Мольеровскій буржуа сдѣлалъ открытіе, что и онъ умѣетъ — „faire de la prose“, и притомъ такъ, что никакія ухищренія его учителя не въ состояніи исправить ее хотя бы на іоту, — убѣжденіе въ бесполезности выработки прозаическаго стиля стало распространяться все шире и шире. Ему пришло на помощь неогуманистическое движеніе конца минувшаго вѣка, съ его культомъ естественности и пренебрежительнымъ отношеніемъ ко всему искусственному: и всѣмъ извѣстны и памятны пламенныя слова объ этомъ молодого Гёте въ первыхъ сценахъ „Фауста“. У насъ же, дуновеніе неогуманизма попало на твердую еще кору (псевдо) классицизма, не успѣвшую размякнуть и растаять подъ лучами „просвѣщенія“, какъ это было повсемѣстно въ западной Европѣ. Его дѣйствіе было, поэтому, прямо разрушительно: нигдѣ, какъ у насъ, поворотъ не былъ такъ крутъ, нигдѣ кумиры отцовъ не были сожжены такъ быстро и истреблены такъ безслѣдно, какъ среди нашей интеллигенціи, отважной въ сознаніи своей молодой силы и совсѣмъ почти не отягченной бременемъ традиціи. Это не значитъ, чтобы художественная проза на практикѣ подверглась заgonу: совершенно напротивъ, — именно теперь начинается ея расцвѣтъ, такъ какъ только въ этому вре-

мени взопли брошенные отцами сѣмена формальной красоты, а совершенное, подѣ влияніемъ неогуманистическихъ идей, возвращеніе къ природѣ дало возможность надѣлать прекрасную форму достойнымъ содержаніемъ. Нѣтъ, непосредственно пострадала не практика, а теорія: можно было и даже слѣдовало писать хорошо, т.-е. художественно, но не слѣдовало давать себѣ и другимъ отчетъ въ этой художественности, не слѣдовало сознательно къ ней стремиться путемъ ученія, упражненія и подражанія; всѣ попытки въ этомъ направленіи пахли „риторикой“, а риторика—это самая квинтъ-эссенція псевдо-классицизма, это самый уродливый изъ благополучно сожженныхъ и истребленныхъ кумировъ. Недавно только у насъ возникъ союзъ среди интеллигенціи, цѣли котораго по своей природѣ близки къ затронутому здѣсь вопросу; этому союзу можно бы было пожелать всякаго благополучія, еслибы въ его программѣ не красовалась на главномъ мѣстѣ въ высшей степени странная задача—содѣйствовать словомъ и дѣломъ (и, повидимому, дѣйствительно „словомъ и дѣломъ“) изгнанію изъ русской рѣчи иностранныхъ словъ. Къ чести славянскаго гостепріимства слѣдуетъ сказать, что эта мысль сама по себѣ не внутренняго производства: она—порожденіе ультра-націоналистическаго убожества, появившагося у нашихъ сосѣдей въ качествѣ оборотной стороны вычеканенной въ 1870 г. медали. Все же—ея проникновеніе къ намъ доказываетъ, до какой степени намъ трудно соединиться для одной только созидательной, а не разрушительной работы подѣ великодушнымъ лозунгомъ Парини: *Viva la libert  —e morte a nessuno.*

А между тѣмъ сговориться относительно „художественной прозы“, оставаясь въ то же время вѣрными завѣтамъ неогуманизма,—для насъ гораздо легче, чѣмъ для народовъ западной Европы: самый гений русскаго языка приходитъ намъ тутъ на помощь. Нельзя произнести слова *Kunst, l'art*, не ощущая того особаго, не для всѣхъ пріятнаго привкуса, который эти слова получили вслѣдствіе своего этимологическаго родства съ *kunstlich, artificiel*, и не ставя ихъ этимъ въ противоположность къ великой богинѣ неогуманистовъ—Природѣ; никто не бываетъ вполне свободенъ отъ предубѣжденій, заключающихся въ самой философіи родной рѣчи, и внимательный русскій читатель съумѣетъ найти у нѣмецкихъ и французскихъ мыслителей немало невольныхъ софизмовъ, основанныхъ на мнимомъ антагонизмѣ понятій: *Kunst und Natur, l'art et la nature.* У насъ этой опасности не существуетъ; одно—искусственность, другое—художественность, и если намъ трудно смотрѣть пристально на

„Kunstprosa“ такъ, чтобы, замуривъ глаза, не увидѣть, какъ особаго рода дополнительный цвѣтъ къ ней, призрака „Naturprosa“, то слова: „художественная проза“ — никакихъ неудобствъ въ этомъ направленіи не представляютъ.

Сговориться, повторяю, можно; пути для этого два — теоретическій и историческій. Для перваго — время, кажется, еще не наступило. Метафизическая эстетика потеряла кредитъ; мы справедливо отказываемъ въ довѣрїи методу, доказывающему необходимость эстетическихъ постулатовъ съ такою же точно убѣдительною, съ какою онъ нѣкогда доказывалъ необходимость семипланетной системы. Въ наше время, только *эмпирическая* эстетика можетъ разсчитывать на интересъ образованныхъ людей, притомъ, какъ это и понятно, основанная на *экспериментѣ* эстетика — въ большей мѣрѣ, чѣмъ основанная на простомъ *наблюденіи*. Но именно экспериментальная эстетика представляется еще пока невозможной; пока не будетъ достроено зданіе экспериментальной психологіи, она представляетъ изъ себя не науку, а лишь пустопорожнее мѣсто, отдаваемое подъ построеніе науки. Возможна лишь эстетика, основанная на наблюденіи; а такая будетъ по преимуществу носить историческій характеръ, такъ какъ сводъ наблюденій за жизнью минувшихъ поколѣній — это и есть то, что мы называемъ исторіей. Исторія развитія художественной прозы покажетъ намъ, имѣетъ ли она право на существованіе, и если — да, то въ какой степени.

Понятно, что историки словесности не оставляютъ безъ вниманія этой области своей науки; но одинъ изъ самыхъ значительныхъ шаговъ впередъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ недавно нѣмецкимъ филологомъ Эд. Норденомъ въ его книгѣ: „Die antike Kunstprosa, vom VI Jahrhundert v. Chr. bis in die Zeit der Renaissance“ (Leipzig, 1898). Дѣйствительно, развитіе новѣйшей прозы отъ Бальзака Старшаго, приблизительно, представлялось намъ и раньше въ довольно ясномъ свѣтѣ; гораздо темнѣе была предшествовавшая эпоха, обнимавшая болѣе двухъ тысячъ лѣтъ. Ей-то и посвящено названное только-что объемистое, двутомное сочиненіе. Пользуясь чрезвычайно богатымъ матеріаломъ, собраннымъ имъ съ замѣчательнымъ трудолюбіемъ, авторъ во многихъ мѣстахъ влилъ свѣтъ и смыслъ въ скрытую до него связь литературно-историческихъ явленій. Читая его (а было это, скажу между скобоекъ, дѣломъ не легкимъ, такъ какъ ученѣйшая книга Нордена соединяетъ въ себѣ всѣ достоинства, кромѣ одного — удобочитаемости) и углубляясь въ приведенный авторомъ матеріалъ, я чувствовалъ, какъ ощущавшіеся мною раньше въ исторіи

развитія прозы пробѣлы сами собою заполнялись, узлы распутывались; продолжая думать надъ затронутыми авторомъ вопросами, для которыхъ онъ зачастую давалъ одинъ только сырой матеріалъ, безъ выводовъ, безъ надлежащаго освѣщенія культурно-историческими соображеніями,—я получилъ, въ концѣ концовъ, стройный очеркъ развитія художественной прозы, которымъ и могу подѣлиться съ читателями въ нижеслѣдующихъ главахъ.

II.

Античность—общая колыбель нашихъ культурныхъ силъ—была, разумѣется, также и колыбелью художественной прозы. Время ея зарожденія—понимая это слово съ необходимыми, во избѣжаніе нелѣпости, ограниченіями—извѣстно намъ съ рѣдкою въ подобныхъ случаяхъ опредѣленностью: это былъ 427-ой годъ до Р. X. По случаю одной изъ безчисленныхъ междоусобныхъ войнъ, волновавшихъ древне-греческій міръ во все время его существованія, былъ отправленъ въ Аѣны своимъ роднымъ городомъ извѣстный „софистъ“ Горгія просить помощи противъ неугомонныхъ сосѣдей. Въ народномъ собраніи онъ произнесъ рѣчь о необходимости заключенія союза и привелъ ея въ восторгъ своихъ впечатлительныхъ слушателей; союзъ былъ заключенъ—правда, это не важно, такъ какъ изъ него все равно ничего не вышло, но важно было то, что рѣчь Горгія вызвала сильнѣйшее, долго не унимавшееся броженіе, результатомъ котораго была именно художественная проза.

Что же произошло? Чѣмъ это такъ плѣнилъ Горгія свою аудиторію? Проще всего было бы обратиться къ самой рѣчи софиста; но такъ какъ она не сохранена, то ее долженъ замѣнить рассказъ нашего свидѣтеля. Свидѣтель этотъ говоритъ вотъ что: „Онъ (Горгія) поразилъ аѣнчанъ своеобразностью своихъ ораторскихъ приемовъ, такъ какъ они сами были хорошо одарены природою и любили краснорѣчіе: онъ впервые пустилъ въ ходъ особыя искусныя фигуры рѣчи, антитезы, исколы, созвучія, риторическія риемы (homoeoteleuta) и еще нѣкоторыя въ томъ же родѣ, которыя тогда, вслѣдствіе своей необычайности, нашли благодарныхъ слушателей, но теперь считаются мелочными, и—вслѣдствіе того, что ими пользовались не въ мѣру—кажутся смѣшными“. Повидимому, выгодно для памяти Горгія, что его рѣчь не сохранена; если такъ о ней судить нашъ свидѣтель—его землякъ, къ слову сказать,—историкъ Діодоръ Сицилійскій, то

насть и подавно постигло бы разочарованіе. Но мы здѣсь не наслажденія ищемъ, а пониманія: послѣ ясныхъ и опредѣленныхъ словъ Діодора, рассказанный имъ фактъ представляется намъ еще менѣе понятнымъ, чѣмъ прежде, когда мы могли написать рѣчи Горгія какія угодно достоинства.

Нѣтъ, она просто была „фигуральна“, и въ этомъ заключалась причина ея успѣха. Фигуры же, если прибавить къ нимъ тропы, составляютъ заловѣдную рухлядь риторики, которая въ свою очередь неразрывно связана съ псевдо-классицизмомъ, а псевдо-классицизмъ прямо противоположенъ природѣ, которая въ области слова совпадаетъ съ народностью. При такомъ положеніи дѣла, тотъ фактъ, что Горгій фигуральностью своей рѣчи плѣнилъ именно народъ,—представляется сущимъ парадоксомъ. Очевидно, тутъ что-то не такъ; но чтѣ именно? При столкновеніи факта съ мнѣніемъ долженъ торжествовать фактъ—это ясно; ошибка заключается въ мнѣніи, въ томъ сцѣпленіи понятій, которое мы сначала назвали словомъ „фигуральность“, а кончили словомъ „народность“. Правда ли, что эти два понятія песовмѣстимы? Самое полное, самое яркое выраженіе народности въ области слова—это народная пѣсня: беремъ для провѣрки народную пѣсню—и на первомъ мѣстѣ встрѣчаемъ въ ней фигуральность:

Було-бъ тоби, ой ты моя маты,
Тихъ бривъ не даваты;
Було-бъ тоби, ой ты моя маты,
Счастье—долю даты!

Въ этой краткой строфѣ мы имѣемъ (если не считать созвучія) всѣ фигуры, которыя Діодоръ находилъ у Горгія, и кромѣ нихъ еще нѣсколько другихъ, и всѣ онѣ естественны; мы чувствуемъ, что не ихъ наличность, а ихъ отсутствіе было бы противно природѣ. Пѣвецъ сознаетъ себя несчастнымъ; это основное чувство той пѣсенки, чувство слишкомъ неопредѣленное пока, такъ сказать непластичное, чтобы вылиться сразу въ опредѣленную мысль. И вотъ, духъ его ищетъ опоры и находитъ ее въ контрастѣ между своей несчастной долей и физической красотой, единственномъ и, увы, бесполезномъ наслѣдіи матери. Да, *контрастъ*; это—самая естественная, самая законная форма, которую только можетъ найти чувство, стремящееся воплотиться въ мысли. Мысль же, въ свою очередь, стремится воплотиться въ словахъ: выраженіе въ словахъ контраста—это и есть то, чтѣ мы называемъ антитезой. Такъ-то и получается главная, коренная „фигура“ пѣсенки; всѣ остальные служатъ

къ тому лишь, чтобы сдѣлать ее ярче, выразительнѣе. Сюда относится равномерность обоихъ членовъ антитезы—это и есть то, что Діодоръ разумѣетъ подь „исоколомъ“; затѣмъ, повтореніе тѣхъ же словъ въ началѣ обоихъ членовъ („анафора“, здѣсь особенно развитая); затѣмъ, одинаковое окончаніе обоихъ членовъ, такъ называемая риторическая рима¹⁾. Теорія слова, та разумная и интересная наука будущаго, которая, выросши изъ экспериментальной психологіи, замѣнитъ со временемъ нашу обветшалую риторику, съумѣетъ доказать, что добрая часть изъ такъ называемыхъ фигуръ и троповъ, надъ которыми теперь принято смѣяться, является самыми естественными и законными выраженіями нашихъ аффектовъ, остальные же имѣютъ интеллектуальное основаніе, какъ средство сдѣлать нашу рѣчь болѣе понятной и болѣе легкой для запоминанія; слѣдовательно, не фигуральная, а та сѣрая и безцвѣтная рѣчь, которую теперь незаслуженно называютъ „дѣльной“ и „серьезной“, должна считаться противоестественной и неосмысленной.

Такимъ образомъ, указанный выше узелъ благополучно распутывается; но за то мы получаемъ другое, не менѣе значительное затрудненіе. Выходитъ, что рѣчь сицилійскаго софиста со всей своей фигуральностью была вполнѣ естественна; а между тѣмъ намъ говорятъ, что онъ поразилъ свою аудиторію именно *необычайностью* своихъ ораторскихъ приемовъ. Какъ же это согласовать? Неужели придется допустить, что до Горгія естественность рѣчи была въ загонѣ? Дѣйствительно, это—единственный исходъ; при болѣе близкомъ ознакомленіи съ дѣломъ, онъ потеряетъ свою странность. Необходимо, замѣчу, отнестись съ особеннымъ вниманіемъ къ этому пункту; здѣсь сталкиваются, взаимно отгнѣняя другъ друга, понятія: „естественность“, „художественность“ и „искусственность“; здѣсь находится влючъ къ выясненію самого термина: „художественная проза“.

Аффектъ самъ по себѣ—явленіе, въ области сознанія, доступное одному лишь самонаблюденію; чужому наблюденію доступны только *выраженія* аффектовъ въ движеніяхъ и словахъ. Изъ этихъ выраженій мы одни называемъ естественными, другія—дѣланными, искусственными, неестественными; чѣмъ руководимся мы, давая имъ то или другое наименованіе? Скажутъ: наблюденіемъ. Да; но только отчасти. Человѣкъ, получившій внезапно горестное извѣстіе, опредѣленнымъ образомъ хватается

¹⁾ Риторическія рими—одинаковыя окончанія одинаковыхъ флексій (напр., дать—брать); напротивъ, поэтическія рими—одинаковыя окончанія различныхъ флексій (напр., дать—мать). Послѣднія считаются неважными въ прозѣ, первыя—въ поэзій.

руками за голову; человекъ, поставленный въ тупикъ, определеннымъ образомъ разводитъ руками; — эти движенія кажутся намъ естественными выраженіями соответствующихъ аффектовъ. А между тѣмъ, наблюденіе въ девяти случаяхъ изъ десяти не подтвердитъ этого предположенія: многіе, при всей живости аффекта, совершенно воздержатся отъ всякаго крупнаго движенія—что дѣлать! неудобство нашей одежды мало-по-малу отучаетъ насъ отъ жестивуляціи; другіе исполняютъ его, смотря по своему тѣлосложенію или темпераменту, слишкомъ рѣзко или слишкомъ неуклюже, слишкомъ вяло или слишкомъ торопливо, и этимъ разрушаютъ впечатлѣніе естественности. Очевидно, одного наблюденія мало: мы руководимся, кромѣ него, еще другимъ актомъ, неизмѣнно въ большей или меньшей степени сопровождающимъ всякое наблюденіе—*абстракціей*. Съ помощью ея, мы—часто бессознательно—устраиваемъ вліяніе случайностей тѣлосложенія или темперамента, исправляемъ недостатки, дополняемъ невыдержанное или недосказанное, отбрасываемъ преувеличенное и излишнее—и такимъ образомъ, изъ массы болѣе или менѣе неудачныхъ выраженій извлекаемъ выраженіе удачное, чистое, идеальное. Его мы въ дѣйствительности можемъ встрѣтить рѣдко, можемъ и не встрѣтить никогда; какъ бы то ни было—человекъ, который (въ силу ли природнаго дарованія, или сознательной рефлексіи—это все равно; мы этого непосредственно знать не можемъ, а потому и не разбираемъ), — человекъ, повторяю, который осуществить на дѣлѣ это удачное, чистое, идеальное выраженіе, будетъ для насъ художникомъ въ его области. Художественность, такимъ образомъ, есть та же естественность, но естественность отвлеченная, полученная путемъ абстракціи изъ ряда единичныхъ, въ одинаковой степени конкретно-естественныхъ случаевъ.

Это—первый пунктъ; и мнѣ кажется, что уже онъ даетъ намъ возможность понять указанное выше явленіе. Придется только допустить, что именно Горгій былъ такимъ художникомъ, и что онъ плѣнилъ афинянъ именно тѣмъ, что возвелъ въ степень художественности знакомую имъ до тѣхъ поръ лишь по неполнымъ своимъ осуществленіямъ естественность. Но это еще не все; есть и второй пунктъ, и онъ едва ли не важнѣе перваго.

Данное только-что определеніе правильно выражаетъ *качественное* различіе между художественностью, какъ отвлеченной естественностью, и естественностью конкретной; мы можемъ, однако, установить и другое различіе—различіе *количественное*. Каждый нормальный человекъ бываетъ одаренъ умѣреннымъ

огнемъ чувства, способнымъ объять умѣренную задачу въ области чисто личныхъ, житейскихъ отношеній; возложите на него болѣе значительную задачу—и этотъ огонь ослабнетъ, и вмѣсто пламени получится дымъ и чадъ. Тотъ самый человѣкъ, который художнически изобразить простое чувство или событіе въ формѣ коротенькой пѣсни или разсказа, не съумѣетъ справиться съ болѣе сложной задачей: полюбуются однообразныя, скучныя фразы; скачки и недомолвки съ одной стороны, повторенія и водянистость—съ другой, путаница—вездѣ. Вотъ почему мы имѣемъ прекрасныя народныя пѣсни и сказки, но нѣтъ и не можетъ быть ни народнаго эпоса (это окончательно установлено), ни народной драмы, ни народнаго романа. А между тѣмъ, жизнь ставитъ свои задачи: человѣку приходится въ рѣчи отстаивать свои притязанія передъ судомъ, приходится, если онъ гражданинъ свободной общины, въ рѣчи же развивать свои мысли о необходимыхъ для ея блага мѣропріятіяхъ. Такъ, мы знаемъ, что въ древнѣйшемъ аѳинскомъ судѣ, ареопагѣ, было запрещено сторонамъ всякое воздѣйствіе на судей путемъ „аффектовъ“, другими словами, всякое попользованіе на художественность рѣчи. Этотъ запретъ, безъ сомнѣнія, лишь освятилъ то, что въ старину само собою разумѣлось: тогда говорили сухо не потому, чтобы не хотѣли или не должны были, а потому, что не умѣли говорить иначе.

Нуженъ былъ огонь гораздо большій, чѣмъ тотъ, который природа вложила въ грудь обыкновеннаго человѣка, для того, чтобы воспламенить рѣчь высокаго стиля, рѣчь судебную, рѣчь политическую, историческое повѣствованіе, философское разсужденіе; если Горгій дѣйствительно съумѣлъ впервые это сдѣлать, то онъ былъ по истинѣ великимъ художникомъ прозы. Разсказъ о немъ при этихъ условіяхъ вдвойнѣ понятенъ; онъ поразилъ слушателей своимъ новшествомъ, такъ какъ имъ до тѣхъ поръ съ политической трибуны преподносились лишь сухія, безыскусныя рѣчи; и въ то же время онъ ихъ увлекъ, такъ какъ въ его ораторскихъ приемахъ они сразу признали тѣ самыя средства, которыя ихъ плѣняли въ болѣе близкой ихъ сердцу сферѣ личныхъ отношеній,—рисунковъ былъ тотъ же, только масштабъ былъ увеличенъ до грандіознаго. Какъ же это ему удалось,—допустимъ, что это ему дѣйствительно удалось? Не иначе, какъ и всякое увеличеніе масштаба,—путемъ *аналогіи*. Художественная проза должна быть пронизана аффектомъ, выраженіемъ котораго является, какъ мы видѣли, *фигуральность*; передачей выраженія передается и выражаемое, т.-е. аффектъ. Такая проза должна быть *образна*, такъ

какъ образъ непосредственнѣе воспринимается духомъ и глубже запечатлѣвается, чѣмъ то отвлеченное представленіе или отношеніе, символомъ котораго онъ служитъ. Она должна отличаться старательнымъ *подборомъ словъ*, если она рассчитана на то, чтобы долѣе оставалась въ памяти слушателей: мы охотно пропускаемъ мимо ушей то или другое неловкое выраженіе въ обыденномъ разсказѣ, довольствуясь увлеченною мыслью, но любимъ углубляться въ тѣ остатки художественной рѣчи, которые память намъ воспроизводитъ, и бываемъ благодарны автору за скрытыя красоты его языка. Она должна отличаться архитектурной *стройностью* въ своемъ дѣленіи и въ соотношеніи своихъ частей: при сложности матеріи слушатель легко потеряетъ нить и перестанетъ понимать насъ, если мы всѣми силами не позаботимся о сохраненіи перспективы во всѣхъ направленіяхъ. Она—и это стоитъ въ связи съ только-что затронутымъ требованіемъ—должна быть старательно *периодизована*, такъ какъ вслѣдствіе сложности взаимнаго тяготѣнія частей и частицъ темы, періодъ—этотъ живой организмъ съ его столь опредѣленно выраженной субординаціей второстепенныхъ мыслей главнымъ—является необходимой крупной единицей разсужденія, безъ которой построеніе доказательства, или повѣствованія, было бы такъ же затруднено, какъ сложныя алгебраическія вычисленія безъ заключенныхъ въ скобки полиномовъ. Она, наконецъ, должна быть *ритмична*; ударенія, опусканія голоса и паузы должны быть разставлены такъ, чтобы ни голосъ говорящаго, ни ухо слушающаго отъ этого не страдали. Не трудно убѣдиться, что всѣ эти шесть элементовъ художественной прозы, хотя и въ гораздо меньшемъ масштабѣ, даны уже народной словесностью; первый художникъ прозы (прошу позволенія пока считаться съ этой мистической личностью) извлекъ ихъ оттуда, возвелъ на болѣе высокую степень и, путемъ аналогіи, приспособилъ къ своей сравнительно болѣе трудной задачѣ.

Итакъ, наблюденіе, абстракція, аналогія—вотъ три силы, съ помощью которыхъ создается художественная проза. Ясно, однако, что послѣдняя изъ нихъ, по способу своего дѣйствія, существенно отличается отъ первыхъ: вопросъ о *сознательности*, оставленный нами прежде въ состояніи безразличнаго равновѣсія, здѣсь безъ всякаго колебанія долженъ быть рѣшенъ утвердительно. Описанныя только-что шесть дѣйствій художника прозы высшаго стиля немислимы безъ глубокой и сильной рефлексіи. Народная пѣсня или сказка можетъ быть атомъ безсознательнаго

творчества; но рѣчь, повѣствованіе, разсужденіе—постольку сознательны, поскольку и художественны.

Вотъ тѣ два соображенія, на основаніи которыхъ намъ дѣлается вполнѣ понятнымъ разсказъ о Горгіѣ и дѣйствиіи его краснорѣчія на его „хорошо одаренныхъ природой и расположенныхъ къ рѣчамъ“ слушателей,—допуская, что онъ дѣйствительно былъ тѣмъ истиннымъ художникомъ прозы, каковымъ мы, ради удобства, его до сихъ поръ считали. Но въ томъ-то и дѣло, что все извѣстное намъ о немъ заставляетъ насъ видѣть въ немъ не волшебника, а вудесника рѣчи; и прежде чѣмъ продолжать нашъ историческій очеркъ, мы должны нѣсколько остановиться на этомъ третьемъ и послѣднемъ предварительномъ пунктѣ.

Художественная рѣчь должна быть проникнута аффектомъ; художественная рѣчь должна быть сознательна. Согласуемы ли эти два требованія? Повидимому, нѣтъ; мы привыкли разумѣть подъ аффектомъ непосредственное, предшествующее сознательности и, слѣдовательно, бессознательное движеніе души. Дѣйствительно, указанная антиномія вызвала много споровъ въ ту эпоху, когда занятія человѣческой рѣчью и ея теоріей не считались еще „пустяками“, т.-е. въ эпоху древности; тогда же она и была благополучно разрѣшена. Рѣшеніе мы, своими словами, можемъ формулировать такъ: вдохновителемъ художественной рѣчи долженъ быть не первичный, а *сознательно воспроизведенный аффектъ*. Въ возможности такого сознательнаго воспроизведенія аффекта никто сомнѣваться не станетъ, кромѣ тѣхъ, которые никогда за собой не наблюдали. Отъ меня зависитъ дать моей фантазіи такое направленіе, чтобы передо мной воскресали, при самомъ яркомъ освѣщеніи, всѣ подробности когда-то раздражившаго меня событія; при этомъ воскресаетъ и самый аффектъ; я чувствую физическіе его симптомы: и учащенное сердцебіеніе, и приливъ крови къ лицу, и все прочее; но въ то же время сознательность не прерывается, умъ продолжаетъ работать, память запоминаетъ слова и обороты, которые мнѣ подсказываетъ гнѣвъ, и сочиненная при такихъ условіяхъ рѣчь будетъ въ то же время и пронизана аффектомъ, и сознательна. Таковъ исходъ изъ указанной антиноміи; это—исходъ единственный. Но—и тутъ мы приближаемся къ роковому пункту—онъ же содержитъ въ себѣ и величайшую для художника рѣчи опасность. Очень узка межа, отдѣляющая сознательное воспроизведеніе дѣйствительнаго аффекта отъ того, что у насъ называютъ „самозвнчиваніемъ“, и требуется немало такта и выдержки для того, чтобы ея не переходить. Самозвнчиваніе можетъ быть

качественнымъ или количественнымъ, смотря по тому, вносимъ ли мы аффектъ туда, гдѣ ему съ точки зрѣнія нормальнаго человѣка быть не должно, или раздуваемъ умѣренный и здоровый аффектъ до крайнихъ и болѣзненныхъ размѣровъ; въ обоихъ случаяхъ теряется естественность рѣчи, а слѣдовательно и ея художественность; мы имѣемъ передъ собой прозу не художественную, а *искусственную*.

Разумѣется, искусственность заключается не въ одномъ этомъ: она можетъ касаться каждаго изъ вышеозначенныхъ шести элементовъ художественной прозы. Все же этотъ пунктъ самый существенный: остальное—болѣе или менѣе касается внѣшности, здѣсь же зараза проникаетъ въ самое сердце рѣчи. При этомъ надобно твердо помнить два факта. Первый—къ указанному самовзвнчиванію болѣе всего бываютъ склонны люди молодые, одаренные впечатлительнымъ сердцемъ и пылкой фантазіей. Второй—у здоровыхъ людей эта склонность проходитъ съ годами, не оставляя дурныхъ слѣдовъ на правдивости характера человѣка, и давая въ результатъ немаловажную прибыль—быстрый полетъ мысли и гибкость языка.

Судя по всему, что намъ извѣстно, Горгій, отецъ греческой художественной прозы, самъ говорилъ и писалъ не художественной, а именно искусственной прозой. Правда, та его рѣчь, которая произвела сильный переворотъ въ афинскомъ краснорѣчьи, намъ не сохранена; за то сохранены другія, болѣе мелкія, и онѣ вполне подтверждаютъ сужденіе серьезныхъ писателей древности, упрекавшихъ его въ „манерности“ (*casozelia*). Объ этой манерности переводъ можетъ дать лишь очень неполное представленіе, уже потому, что онъ не въ состояніи передать той особой, свойственной однимъ только древнимъ языкамъ, ритмичности, рассчитанной на очень своеобразное, пѣвучее произношеніе; все же будетъ небезполезно привести хоть одинъ образчикъ,—заключительную фразу изъ рѣчи въ честь павшихъ въ бою воиновъ. Перечисливъ ихъ достоинства, ораторъ заключаетъ: „Свидѣтелями этого были воздвигнуты трофеи надъ врагами, Зевсу на украшеніе, себѣ же на прославленіе; они не были незнакомы ни съ дарованной имъ отъ природы доблестью, ни съ дозволенной отъ закона любовью, ни съ браннымъ споромъ, ни съ яснымъ миромъ, были благочестивы передъ богами своей праведностью и почтительны передъ родителями своей преданностью, справедливы передъ согражданами своей скромностью и честны передъ друзьями своей вѣрностью; вотъ почему, когда они погибли, любовь къ нимъ не погибла съ ними, а, бессмертная въ безплот-

ныхъ тѣлахъ, она и теперь живетъ надъ неживущими“. Прошу читателя, не долго останавливаясь на содержаніи, вникнуть немного въ построение этой фразы, въ ея строго проведенную „анти-тетичность“: эти попарно соединенные члены, состоящіе изъ одинаковаго числа словъ (isocolon), при чемъ симметричность подчеркивается и риторическими приемами въ окончаніи каждаго члена (homoeoteleuta), и тѣмъ, что стоящіа на соответствующихъ мѣстахъ слова по возможности состоятъ изъ равнаго числа слоговъ, — эти члены, повторяю, сами собою напрашиваются на приподнятое и въ то же время модулированное произношеніе и поэтому очень ощутительны для слуха. Они-то, главнымъ образомъ, и сдѣлали имя Горгія популярнымъ среди тогдашнихъ аѳинянъ; аѳиняне, какъ „люди, прекрасно одаренные отъ природы и друзья рѣчи“ — такъ ихъ аттестуетъ Діодоръ — стали пламенными поклонниками искусственной рѣчи сицилійскаго софиста. Гладкія антитезы („бри-тия“, какъ ихъ насмѣшливо называла тогдашняя комедія) стали необходимой приправой всякаго претендующаго на важность стиля: онѣ проникають и въ политическое, и въ судебное краснорѣчіе, и въ серьезную исторію, и въ еще болѣе серьезную философію, и даже въ трагедію; только суровыя ступени ареопага остаются по прежнему недоступными для всякой попытки дать искусству мѣсто въ области правосудія. И насъ не удивляетъ этотъ молодой энтузіазмъ самаго даровитаго изъ всѣхъ народовъ въ мірѣ: онъ иллюстрируетъ собою *первый* изъ обоихъ законовъ, касающихся соотношенія между искусственной и художественной рѣчью. Иллюстрацію же ко *второму* дала дальнѣйшая судьба художественной прозы на греческой почвѣ.

III.

Нашъ краткій очеркъ не можетъ касаться всѣхъ подробностей процесса, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь; интересуясь одними лишь руководящими идеями, мы по неволѣ оставляемъ въ сторонѣ болѣе или менѣе случайныя ихъ пертурбаціи, какую бы важность онѣ ни имѣли въ глазахъ историка словесности. Мы обошли молчаніемъ предшественниковъ Горгія, хотя для всякаго ясно, что такое крупное направленіе, какъ введенное имъ краснорѣчіе, не могло возникнуть внезапно и безъ подготовительныхъ явленій; равнымъ образомъ, мы не могли избѣгнуть того, чтобы Горгій казался единственнымъ установителемъ искусства прозы въ Аѳинахъ, между тѣмъ какъ на дѣлѣ все было иначе. Въ

этой неточности большой бѣды нѣтъ: пусть не всѣ шесть элементовъ художественной прозы восходятъ къ Горгію, пусть его славу, если только слава тутъ есть, съ нимъ раздѣляютъ его сверстники, имена которыхъ извѣстны специалистамъ.—но если и сама древность видѣла въ немъ начало и воплощеніе всего направленія, о которомъ мы говоримъ, то и намъ это можетъ быть дозволено.

Самъ Горгіи былъ въ Аѳинахъ довольно рѣдкимъ гостемъ; но его манера свила себѣ тамъ довольно прочное гнѣздо. Вся молодежь была на его сторонѣ и толпилась вокругъ него въ тѣ дни, когда онъ навѣщалъ ея родину. Она-то и не давала остыть его славѣ; всякій разъ, когда изъ устъ боготворимаго учителя вылетала какая-нибудь мѣткая антитеза или смѣлая метафора,—когда онъ, говоря о персидскомъ царѣ, построившемъ для своего пѣшаго войска мостъ черезъ Геллеспонтъ и прорывшемъ для кораблей каналъ черезъ Аѳонъ, отчеканивалъ фразу, что этотъ царь *велъ сухопутную войну на моръ и морскую на материкъ*; или когда онъ, говоря о коршунахъ, называлъ ихъ *живыми могилами людей*—она неистово ему хлопала, и онъ могъ быть увѣренъ, что его фраза обойдетъ всю аѳинскую интеллигенцію и долго не будетъ забыта... Оно въ дѣйствительности такъ и вышло: оба только-что приведенныя выраженія Горгія нашли себѣ многочисленныхъ подражателей чуть ли не въ каждомъ столѣтїи позднѣйшей греко-римской литературы, а *живыя могилы* даже пережили ее и перешли къ Шекспиру, который отвелъ имъ очень эффектное мѣсто въ одномъ монолוגѣ своего Макбета. Правда, то была молодежь: что касается старцевъ, то объ ихъ настроенїи мы можемъ судить по пренебрежительному отношенію ареопага къ новому роду краснорѣчію, равно какъ и по насмѣшкамъ комедїи, этого всегдашняго вѣрнаго органа старо-аѳинской партїи. Съ однимъ, впрочемъ, трудно было не согласиться: пусть рѣчь Горгія искусственна, дѣланна, не искренна, пусть его муза—блудница (какъ ее позднѣе не разъ называли) и слова ея—пускай звонъ колокольчиковъ; все же его техника была громаднa, и эта *техническая* сторона его краснорѣчія могла имѣть очень большое воспитательное значеніе. Сколько въ народѣ истиннаго, горячаго чувства, способнаго, кажется, двинуть горы, но его носителю необходимо найти средство выразить его, вмѣсто того, чтобы безпомощно заглушать въ своей груди! А тутъ предлагаютъ самое средство, предлагаютъ форму, алчущую содержанія; неужели народу отъ этого дара отказаться? И вотъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше вкореняется убѣжденіе, что

Горгіеву краснорѣчію мѣсто въ *школь*, что будетъ очень недурно, если подростящая молодежь научится, благодаря его техники, легко и изящно пользоваться словомъ; если она обойдетъ вдоль и поперекъ всю область мысли, на полозьяхъ его антитезъ; со временемъ же жизнь возьметъ свое, и когда послѣ легковѣснаго хвороста школьныхъ темъ дѣло дойдетъ до солиднаго дерева дѣйствительности, то и бурное, трескучее и искрометное пламя краснорѣчія само собой прекратится и дастъ тихій, ровный и надежный жаръ. Были ли правы поборники этого оптимистическаго взгляда на риторику? У нихъ были и противники, сильные если не количествомъ, то качествомъ—не забудемъ, что къ нимъ принадлежалъ Сократъ,—и они съ тревогой указывали на соблазнъ, заключающійся въ неограниченной власти надъ словомъ; устоитъ ли неокрѣпшій еще въ добрѣ умъ юноши, когда ему дадутъ въ руки средство, одинаково пригодное для дурныхъ, какъ и для хорошихъ цѣлей? Вы предлагаете ему „форму, алчущую содержанія“, не спрашивая его о томъ, какимъ содержаніемъ ему угодно будетъ ее наполнить; а что, если это будетъ содержаніе дурное, опасное для свободы и добрыхъ нравовъ родины? На это, однако, оптимисты отвѣчали: „Это—другое дѣло! Вѣдь вы заботитесь же о развитіи физическихъ силъ своихъ сыновей, обучаете ихъ и борьбѣ, и кулачному бою, но и тутъ учитель передаетъ имъ только технику, не спрашивая ихъ, какой цѣли они посвятятъ приобрѣтенныя ими ловкость и силу. А что, если это будетъ дурная цѣль, если обученный кулачному бою юноша воспользуется своимъ умѣньемъ для того, чтобы прибить отца и мать? Вы вѣдь не будете пенять на учителя гимнастики и на его искусство, а сочтете виновными самихъ себя, за то, что не дали своему сыну болѣе нравственнаго направленія. То же самое и здѣсь“.

Таковъ былъ отвѣтъ приверженцевъ новой школьной дисциплины, съ которыми мы можемъ согласиться тѣмъ смѣлѣе, что насъ здѣсь интересуеть только эстетическая, а не нравственная сторона вопроса. „Софистическое“ краснорѣчіе основалось въ школѣ и завоевало себѣ въ ней даже первое мѣсто; начиная съ эпохи Горгія, оно было тѣмъ родникомъ, который орошалъ ниву аѳинскаго, а вскорѣ и обще-греческаго слова на всемъ ея протяженіи. И смотря по большому или меньшему обилію орошающей влаги, возникаютъ—ниже приподнятой „школьной“ витиеватости съ ея дѣланымъ паѳосомъ, но выше ползучей гражданской рѣчи съ ея отсутствіемъ всякаго аффекта—различныя направленія художественной—и на этотъ разъ дѣйствительно худо-

жественной—прозы. Въ V-мъ вѣкѣ до Р. Х., видѣвшемъ расцвѣтъ поэзіи, идеаль прозы достигнуть еще не былъ. Правда, мы встрѣчаемъ въ немъ могучую личность историка Фукидида; но Фукидидъ интересенъ для насъ именно тѣмъ, что онъ, какъ художникъ стиля, олицетворяетъ собой борьбу, броженіе, а не спокойное обладаніе достигнутымъ идеаломъ. То онъ подчиняется манерѣ Горгія,—и мы встрѣчаемъ у него такія же выточенные фразы, какъ приведенныя выше изъ надгробной рѣчи послѣдняго; то у него мелькаетъ мысль, что частичнымъ нарушеніемъ симметріи можно сильнѣе отгнать понятія, чѣмъ черезчуръ строгою уравниженностью членовъ предложенія. Онъ сознаетъ, что греческій языкъ, съ его обиліемъ союзовъ, съ его множествомъ причастныхъ и другихъ конструцій, такъ и напрашивается на стройную періодизацію; но его попытки въ этомъ направленіи еще несовершенны, его періоды зачастую лишены перспективы, и даже древніе признавали, что въ нихъ разбираться не легко. Конечно, его очень любили, и онъ въ высокой степени стоитъ этой любви и понынѣ: нѣтъ писателя, болѣе приспособленнаго къ такому, такъ сказать, перемежающемуся чтенію, при которомъ читатель, прочитавъ нѣсколько фразъ, останавливается и невольно задумывается про себя—а мы справедливо ставимъ на счетъ своихъ собесѣдниковъ тѣ хорошія мысли, на которыя они насъ наводятъ. И если мы говоримъ, что стиль Фукидида тяжелъ, то мы должны помнить, что онъ преисполненъ *мысли*.

Къ тому же, это—историкъ; стиль же долженъ былъ выработаться прежде всего въ области краснорѣчія, такъ какъ только въ ней бываетъ на лицо требуемое разнообразіе сюжетовъ при единствѣ темы; только здѣсь творчество является полнымъ, обнимающая и сочиненіе, и произнесеніе; только здѣсь, наконецъ, при взаимодѣйствіи между говорящимъ и его слушателями, дѣлается возможнымъ контроль ораторской техники, при помощи живой дѣйствительности. И вотъ, при умѣренномъ еще орошеніи нивы слова родникомъ софистической техники, расцвѣтаетъ первый скромный цвѣтокъ аттическаго краснорѣчія—*строгий* стиль оратора Лисія. Этотъ стиль немногимъ, повидимому, отличался отъ того, который былъ допускаемъ передъ судомъ ареопага; мы находимъ въ немъ всѣ элементы художественной рѣчи, но находимъ ихъ въ сравнительно слабой мѣрѣ: ораторъ больше стремится къ отчетливости рисунка, чѣмъ къ яркости колорита. Чтобы избѣгнуть пышности, онъ не даетъ разгораться аффекту; чтобы избѣгнуть темноты, онъ не строитъ сложныхъ періодовъ. Старательно приспособивъ свою задачу къ своимъ силамъ, онъ справился съ нею

вполнѣ и достигъ въ своемъ родѣ совершенства, какъ достигли его и родственные ему по направленію итальянскіе художники XV вѣка, предшественники Рафаэля, цѣломудренная красота которыхъ насъ плѣняетъ до тѣхъ поръ, пока мы не вспомнимъ о „станцахъ“ Ватикана и о сивиллахъ сикстинской капеллы. Въ обоихъ случаяхъ, однако, искусство двинулось впередъ, къ другимъ идеямъ, достиженіе которыхъ стало возможнымъ лишь при усиленномъ дѣйствиіи того родника, который, въ обоихъ случаяхъ, орошалъ обрабатываемую художникомъ ниву—при усиленномъ дѣйствиіи школы.

Представителемъ школы краснорѣчія въ Аѣнахъ IV вѣка былъ Исократъ; его имя не можетъ быть пропущено ни въ одномъ очеркѣ развитія художественной прозы. Онъ былъ ученикомъ Горгія и у него позаимствовалъ технику рѣчи; будучи природнымъ аѣнининомъ, онъ имѣлъ полное право принимать непосредственное участіе въ политической жизни своей родины, но физическій недостатокъ не позволялъ ему выступать публично ораторомъ, и онъ посвятилъ себя школѣ. Все же его краснорѣчіе стояло ближе къ жизни и было менѣе искусственнымъ, чѣмъ краснорѣчіе его учителя; онъ отказался отъ многихъ внѣшнихъ средствъ, которыми такъ любилъ пользоваться Горгія, зато—и въ этомъ его главная заслуга передъ потомствомъ—онъ сосредоточилъ свое вниманіе на періодизаціи. Лишь благодаря его трудамъ въ этомъ направленіи, греческій языкъ выказалъ все свое богатство, все разнообразіе своихъ конструкцій; обдуманно группируя второстепенные элементы рѣчи вокругъ главныхъ, онъ подготовилъ своимъ слушателямъ цѣлыя вереницы періодовъ, легкихъ, просторныхъ и ясныхъ отъ одного края до другого, подобно колоннадамъ тѣхъ портиковъ, которые окружали площадь ихъ родного города. Теперь только было создано орудіе, котораго не доставало строгому стилю Лисія и его современниковъ; форма рѣчи достигла своего совершенства и нуждалась только въ содержаніи для того, чтобы былъ осуществленъ новый идеалъ красоты. Содержаніе это было недалеко, его могла дать политическая жизнь аѣнинянъ, всѣми силами старавшихся тогда возстановить свое утерянное главенство среди греческихъ государствъ; но не Исократу, представителю школы, было дано совершить требуемое сліяніе искусства и жизни. Это было дѣломъ послѣднихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ лучшихъ изъ политическихъ ораторовъ свободныхъ Аѣинъ—Демосоена и Эсхила. Намъ, конечно, трудно становиться на точку зрѣнія чистаго искусства по отношенію къ людямъ, игравшимъ столь важную и столь роковую роль въ исторіи гибели своей родины;

тѣмъ не менѣе такое ограниченіе горизонта здѣсь необходимо. Для историка художественной прозы, Демосенъ и Эсхиль, эти два непримиримыхъ врага, стоятъ рядомъ,—первый, какъ представитель *сильнаго*, второй—какъ представитель *прекраснаго* стиля въ искусствѣ рѣчи, и сравненіе съ Діоскурами итальянской живописи напрашивается само собой.

Аѳины никогда не могли оправиться отъ удара, нанесеннаго имъ Филиппомъ; никакая призрачная самостоятельность не могла дать имъ политической жизни, а стало быть и ихъ краснорѣчію—то содержаніе, которымъ были такъ богаты оба предъидущихъ столѣтія. Объ остальныхъ греческихъ государствахъ и говорить нечего; таковъ былъ уже характеръ античныхъ народовъ, что только политическая независимость и республиканское равноправіе могли служить надежной, живительной атмосферой для талантовъ. Особенно же это касается художественной прозы: ея главнымъ органомъ была живая рѣчь, рѣчь оратора, свободно говорящаго передъ свободными согражданами въ народномъ собраніи, или въ засѣданіи суда; она была потому неразрывно связана съ политическою жизнью, въ которой примѣнялось и провѣрялось приобрѣтенное въ школѣ умѣнье.

Теперь жизнь отошла, а школа осталась. Что было дѣлать ученику, усердно изучившему подъ руководствомъ своего учителя техническую сторону краснорѣчія, основательно овладѣвшему этой „формой, алчущей содержанія“, но не находившему въ жизни содержанія для нея? Если онъ не хотѣлъ замолкнуть—а къ этому эливы теперь уже были неспособны—ему оставалось только одно:—продолжать въ жизни то, что онъ дѣлалъ въ школѣ, сосредоточиться на формѣ, выработать ее до виртуозности, а затѣмъ—собирать вокругъ себя аудиторію досужихъ людей не для того, чтобы передать имъ какое-нибудь серьезное поученіе или вынудить у нихъ то или другое рѣшеніе, а только для того, чтобы служить предметомъ ихъ восторженнаго удивленія. Такъ оно и случилось. Параллелью и тутъ можетъ служить исторія живописи, манерность XVII вѣка, но пожалуй еще лучше—вслѣдствіе своей бѣльшей близости къ намъ—развитіе инструментальной музыки, послѣ Шумана и Шопена. Въ этихъ двухъ генияхъ инструментальная музыка досказала то, что она имѣла сказать нашей душѣ: отнынѣ она обращается въ нашему уху. Virtuozы выступаютъ публично, въ концертахъ, и стараются поразить насъ своей техникой; и мы идемъ слушать ихъ, не справившись даже предварительно, что они будутъ намъ играть—до такой степени намъ стало безразлично содержаніе. Попробуйте

сказать, что вамъ содержательная вещь стараго репертуара въ исполненіи даже какой-нибудь почтенной посредственности интереснѣе, чѣмъ виртуозно-исполненные современные пустяки—и васъ сочтутъ выходящемъ съ другой планеты. Быть можетъ, это и хорошо; быть можетъ, это увлеченіе техникой—необходимое условіе для какого-нибудь возрожденія музыки, которое намъ готовить двадцатый вѣкъ; во всякомъ случаѣ, переживаемый нами нынѣ періодъ музыкальной риторики поможетъ читателю разобратъся въ совершенно аналогичномъ риторическомъ краснорѣчьи, распространившемся по всей Греціи въ III вѣкѣ до Р. X.

Краснорѣчіе это мы называемъ „азіанизмомъ“; названіе это было ему дано потому, что его представители были болѣею частью родомъ изъ Малой Азіи. Характеризовать его нѣтъ надобности послѣ того, что было сказано выше; читатель уже знаетъ, что имѣеть здѣсь дѣло не съ художественной, а съ искусственной прозой. Впрочемъ, уже древніе различали въ немъ не одинъ, а два различныхъ стили; слѣдуя ихъ указаніямъ,—а мы вынуждены это сдѣлать, такъ какъ ни одинъ изъ представителей азіанизма намъ не сохраненъ; и мы можемъ назвать одинъ изъ нихъ *иривымъ*, а другой—*пышнымъ* стилемъ. Игривый стиль тѣсно примыкаетъ къ манерѣ Горгія: тѣ же краткіе члены, состоящіе изъ двухъ или трехъ словъ, съ очень замѣтнымъ ритмомъ. Пышный стиль, напротивъ, примыкаетъ къ Исократу; онъ отдаетъ предпочтеніе длиннымъ, сложнымъ періодамъ. Общимъ признакомъ ихъ была бессодержательность и фальшивый пафосъ, одинаково свойственный и слащавой граціи перваго, и ходульной высокопарности втораго стили; все же, если сравнивать между собой обѣ манеры въ отношеніи ихъ воспитательнаго значенія, то предпочтеніе придется отдать второму. Пышный стиль былъ хорошъ хотя тѣмъ, что сохранилъ всѣ выработанныя предыдущими поколѣніями техническія преимущества, между тѣмъ какъ игривый носилъ на себѣ явные признаки вырожденія.

Задавшись цѣлью прослѣдить главное теченіе исторіи греческой художественной прозы, мы по неволѣ, какъ было замѣчено выше, должны оставить въ сторонѣ ея побочные каналы. Но одинъ изъ нихъ заслуживаетъ хоть краткаго упоминовенія. Политическая жизнь, постепенно умиравшая на греческомъ материкѣ, сохранилась, однако, на островѣ Родосѣ; родосская республика крѣпла и развивалась и приобрѣла въ послѣдствіи могущество, напоминающее нѣсколько могущество Венеціи въ средніе вѣка. Здѣсь, стало быть, было открыто убѣжище художественному краснорѣчью; и дѣйствительно, мы знаемъ, что Эсхинъ, послѣ паденія

Афинъ, перешель туда и сталъ тамъ учителемъ родосской молодежи, которая, такимъ образомъ, познакомилась съ его „красивымъ“ стилемъ. Много объ его послѣдователяхъ говорить не приходится; но необходимо помнить, что пока азіанизмъ торжествуетъ во всемъ греческомъ мірѣ, художественное краснорѣчіе красиваго стиля продолжаетъ существовать въ Родосѣ.

Реакція противъ „азіанизма“ наступила во II-мъ вѣкѣ; ея возникновеніе находится въ связи съ успѣхами греческой филологіи. Долгое время греческая муза беззаботно творила, счастливая въ сознаніи богатства своей творческой силы; теперь же сила стала убывать, и греческая муза озабоченно оглядывается назадъ, чтобы собрать тѣ дары, которые она раньше легкомысленно расточала повсюду. Основываются бібліотеки, начинается изученіе сокровищъ, стекавшихся въ ихъ широкія хранилища. Изученіе воснулось, что и понятно, прежде всего поэтическихъ памятниковъ, какъ наиболѣе трудныхъ и цѣнныхъ; но вскорѣ очередь дошла и до прозаиковъ. Прошло нѣсколько десятилѣтій, и старательное изученіе вызвало потребность подражанія. Въ этомъ ясно сформулированномъ требованіи, — а именно, чтобы позднѣйшая проза признала образцомъ для себя художественную прозу давнопрошедшихъ временъ, — заключалась означенная реакція противъ азіанизма, который только теперь получилъ эту презрительную кличку; а такъ какъ образцами были объявлены — и относительно этого не могло быть колебанія — аттические писатели IV вѣка, то и новое направленіе было названо *аттицизмомъ*. Его возникновеніе имѣло рѣшающее вліяніе на дальнѣйшую судьбу греческой прозы: *все ея развитіе было обусловлено борьбою аттицизма съ азіанизмомъ*.

Которая же изъ этихъ двухъ борющихся сторонъ болѣе заслуживаетъ симпатій? На первый взглядъ, отвѣтъ не представляется сомнительнымъ. Съ одной стороны — стиль строгій, стиль сильный, стиль красивый, съ другой — выборъ между двумя болѣзненными манерами, игривой и пышной; съ одной стороны — художественность, основанная на естественности, съ другой — искусственность. Все же, при болѣе близкомъ ознакомленіи съ характеромъ новаго направленія, симпатіи къ нему должны сильно охлаждаться. Причины такого охлажденія три.

Первая — принципіальнаго характера и стоитъ въ ближайшей связи съ самой идеей прогресса. Есть два предрассудка, которые, будучи противоположны другъ другу, одинаково гибельно вліяютъ на умственный прогрессъ: одинъ состоитъ въ томъ, что идеаль прошлаго объявляется чѣмъ-то отжившимъ и несомвѣстимымъ

съ живую дѣятельностью, требующею, будто бы, для своего благополучія возможно скорого и полнаго отреченія отъ него; другой—въ томъ, что этотъ идеаль объявляется, наоборотъ, нормой, въ рамкѣ котораго должна укладываться дѣйствительность. Среднее между этими двумя предразсудками мѣсто занимает истина, гласящая, что идеаль прошлаго не долженъ быть забытъ, онъ долженъ вліять на современную намъ дѣйствительность, *но не какъ норма, а лишь какъ сѣмя*, для того, чтобы оплодотворяться имъ. Древности, въ лицѣ ея лучшихъ представителей, эта истина не была безъизвѣстна; но именно аттицисты ея не знали. Ихъ лозунгомъ было *подражаніе*: вы будете—думали они—тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ болѣе съумѣете приблизиться къ великимъ образцамъ прошлаго. Но только приблизиться; что же касается того, чтобы достигнуть ихъ, то объ этомъ и думать было нечего, это было совершенно невозможно,—и въ этомъ отношеніи они были, разумѣется, правы. Итакъ, первымъ недостаткомъ новаго направленія было то, что оно заранѣе дѣлало невозможнымъ всякую оригинальность въ области художественной прозы.

Второй недостатокъ носилъ на себѣ болѣе практической характеръ. Однимъ изъ важнѣйшихъ элементовъ художественной прозы былъ, какъ мы видѣли, подборъ словъ,—оно и понятно. Художникъ прозы долженъ отдавать себѣ отчетъ въ характерѣ употребляемыхъ имъ словъ, въ ихъ вѣсѣ и, если можно такъ выразиться, въ ихъ тембрѣ, т.-е. въ характерѣ возбуждаемыхъ ими побочныхъ представленій и чувствъ. Эти побочныя представленія въ ужѣ чуткаго слушателя невольно сливаются съ главнымъ; у художника рѣчи—что слово, то аккордъ, и слѣдуетъ заботиться о томъ, чтобы аккордъ этотъ не сдѣлался диссонансомъ. Съ этой точки зрѣнія забота о старательномъ подборѣ словъ вполне разумна; трудно подъискать и въ воспитательномъ отношеніи болѣе развивающее упражненіе. Но не такъ отнеслись къ этому вопросу аттицисты. Въ ихъ глазахъ важно было прежде всего, чтобы не допускалось въ художественную рѣчь ни одно слово, которое не могло бы быть узаконено ссылкой на аттическіе образцы. Чтобы понять всю стѣснительность этого запрета, нужно припомнить, что между этими образцами и современностью аттицистовъ лежалъ промежутокъ въ два столѣтія, во время которыхъ аттическій языкъ успѣлъ сдѣлаться обще-греческимъ, а греческій—мировымъ; понятно, что языкъ этотъ не могъ не измѣниться самымъ существеннымъ образомъ: тотъ говоръ, который въ IV-мъ вѣкѣ былъ еще живымъ, теперь сталъ вниженнымъ. Но вотъ

онъ подвергается серьезному, усиленному изученію; создаются словари, въ которыхъ аттическія слова сопоставляются съ соотвѣтствующими имъ по значенію „эллинскими“, т.-е. общегреческими; появляются виртуозы памяти, видящіе свою гордость въ томъ, чтобъ экспромптомъ отвѣчать на заданный имъ вопросъ, встрѣчается ли данное слово у аттическаго писателя, и если да, то гдѣ именно. Нѣтъ спора, что въ этомъ была и своя хорошая сторона: аттическій языкъ обладалъ многими достоинствами, которыхъ общегреческій не сохранилъ; онъ былъ самобытнѣе, поэтичнѣе, глубокомысленнѣе, въ немъ геній эллинской рѣчи слышался яснѣе и вытнѣе. Все это вполне оправдывало бы его старательное изученіе, но аттицисты этимъ не удовольствовались; они воздвигли произвольную стѣну между художественной прозой своихъ послѣдователей и языкомъ живой дѣйствительности, и этимъ осудили первую на вѣчное прозябаніе въ холодномъ полумракѣ искусственности.

Третій недостатокъ обуславливался самимъ реакціоннымъ характеромъ аттицизма. Разъ азіанизмъ былъ преданъ анаемѣ— было дано, вмѣстѣ съ тѣмъ, и мѣрило для сравнительной оцѣнки самихъ образцовыхъ писателей,—мѣрило простое и радикальное: они были тѣмъ лучше и тѣмъ образцовѣе, чѣмъ менѣе они были похожи на азіанцевъ и—наоборотъ. Съ этой точки зрѣнія, Эсхинъ и даже Демосѣенъ казались не совсѣмъ благонадежными; наиболѣе восторгались строгимъ стилемъ Лисія, и особаго рода иронія судьбы заключалась въ томъ, что этотъ человѣкъ, не бывшій даже по происхожденію аѳиняниномъ, былъ объявленъ прямимъ воплощеніемъ духа аттической рѣчи. Конечно, эти „прерафаэлиты“ аттицизма, если можно такъ выразиться, составляли крайнее крыло партіи; ядро ея образовали люди разумные, умѣренные, находившіе хорошимъ все, что носило печать аттическаго духа, и по общему характеру своему аттицизмъ, если допускать иллюстрацію изъ исторіи живописи, можетъ быть скорѣе всего сопоставленъ съ болонской школой Карраччи и прочихъ эклектиковъ; какъ эта послѣдняя, вооружаясь противъ манерности своего вѣка, рекомендовала старательное изученіе великихъ мастеровъ Возрожденія, такъ и аттицизмъ съ его призывомъ къ подражанію ораторамъ IV-го вѣка былъ протестомъ противъ излишествъ азіатизма, грозившаго изгнать правдивость и серьезность изъ греческой прозы.

IV.

„Азианизм“ и „аттицизм“ были охарактеризованы нами въ предъидущей главѣ сами по себѣ, съ точки зрѣнія того значенія, которое они имѣли для своей среды и своего времени. Но не въ этомъ ихъ единственное значеніе: разгаръ борьбы этихъ двухъ направленій совпалъ съ тѣмъ временемъ, когда грубый до тѣхъ поръ, но сильный и жаждущій образованія Римъ сталъ все ближе и ближе знакомиться съ греческимъ духовнымъ міромъ и готовится къ своей памятной роли посредника между древней и новой цивилизаціей. Уже въ первомъ столѣтіи до Р. Х. Римъ, по словамъ одного изъ главныхъ представителей аттицизма, Діонисія Галикарнасскаго, *заставлялъ всѣ города обращать на него свои взоры*; каково бы ни было, само по себѣ, то или другое направленіе въ тогдашней Греціи, его мировое значеніе зависѣло отъ вліянія, которое оно способно было оказать на тогдашній Римъ.

При этомъ слѣдуетъ прежде всего сознаться, что матеріальныя преимущества были на сторонѣ азианизма. Онъ былъ на цѣлое столѣтіе старше; знакомство Рима съ Греціей началось въ эпоху пуническихъ войнъ, когда аттицизма еще на свѣтѣ не было. Такимъ образомъ, азианизмъ могъ пользоваться всѣми выгодами, которыя даетъ инерція, но главное было то, что азиатизмъ былъ силенъ техникой, а аттицизмъ—образцами. Техника—это сводъ правилъ, выработанныхъ съ замѣчательною тщательностью многими поколѣніями юристовъ, философовъ и риторовъ; о ней было написано много томовъ, но она же, упрощенная до крайности для потребностей школы, удобно умѣщалась въ небольшой брошюркѣ, которую можно было безъ особаго труда перевести и на другой языкъ. Напротивъ, образцы—это Лисій, Демосѣенъ, Эскинъ, перевести которыхъ по-латыни было нелегко, да и бесполезно, такъ какъ они при этомъ переводѣ потеряли бы тотъ свой ароматъ, которымъ болѣе всего дорожили аттицисты. Другими словами: азианизмъ былъ возможенъ и въ переводѣ на латинскій языкъ; аттицизмъ былъ приврѣпленъ къ землѣ, къ родной ему почвѣ греческаго языка.

Казалось бы, что при этихъ условіяхъ побѣда азианизма въ Римѣ была обезпечена; тѣмъ не менѣе вышло иначе, хотя и не такъ скоро.

Тутъ впервые вступаетъ въ силу то, что мы можемъ теперь назвать *западной* точкой зрѣнія на способъ усвоенія чужой куль-

туры. Дѣйствительно, культура—мы говоримъ здѣсь о культурѣ умственной—есть прежде всего содержаніе и интересуется насъ именно какъ таковое; но, будучи содержаніемъ, она тѣмъ не менѣе болѣе или менѣе тѣсно связана съ формой, въ которую она влита въ данную минуту. Во взглядахъ на важность этой связи и усматривается разница между востокомъ и западомъ. Западъ проникнуть уваженіемъ къ ней; ему нужно содержаніе вмѣстѣ съ формой, т.-е. съ языкомъ того народа, отъ котораго онъ получаетъ культуру. Востокъ же говоритъ своему народу-учителю:—дай мнѣ содержаніе, переливъ его предварительно въ мою форму, а свою оставь себѣ; она мнѣ не нужна.

Римъ потребовалъ содержанія вмѣстѣ съ формой, и случилось это слѣдующимъ образомъ.

Въ началѣ, идея культурнаго воздѣйствія Греціи на Римъ встрѣтила въ этомъ послѣднемъ столько же сопротивленія, сколько и сочувствія: Сципіоны съ жадностью воспринимали сѣмена греческой цивилизаціи, но зато вождь староримской партіи, Катонъ Старшій, брезгливо ея чуждался и ничего хорошаго отъ ея прививки къ Риму не ожидалъ.— *„Дай только этому народу передать намъ свою литературу, — говорилъ онъ пророчески своему сыну, — и онъ съ корнемъ насъ растлитъ“*. Природа и исторія надѣлили самобытный языкъ Рима неподражаемой силой и выразительностью, чѣмъ и приспособили его на всѣ времена быть языкомъ девизовъ и эпитафій; эти качества, столь ярко сказывающіяся въ языкѣ законовъ XII таблицъ, выступали еще ярче при сравненіи съ рѣчью словоохотливой Греціи. Контрастъ былъ поразителенъ; греческіе толмачи должны были прибѣгать къ цѣлымъ предложеніямъ для передачи того, что Катонъ выражалъ однимъ словомъ; *„это происходитъ отъ того, — гордо пояснялъ онъ, — что у насъ слова вытекаютъ изъ сердца, а у васъ — изъ устъ“*. Но время брало свое, и время было живое; великія дѣла рѣшались въ сенатѣ и въ народномъ собраніи, и рѣшались при помощи краснорѣчія. Можно было обойтись безъ теоретическихъ разсужденій тамъ, гдѣ ежедневный опытъ указывалъ вѣрный путь; а какого рода былъ этотъ опытъ—видно изъ того, что подь-конецъ самъ Катонъ сталъ учиться по-гречески и слѣдовать въ своихъ рѣчахъ указаніямъ греческой техники. Этимъ онъ достигъ того, что съ его имени начинается исторія римскаго краснорѣчія, какъ и римской художественной прозы вообще; понятно, однако, что здѣсь слово „художественность“ должно быть понимаемо въ очень условномъ смыслѣ. Его рѣчи—намъ отъ нихъ сохранилось довольно много—представляютъ изъ себя замѣча-

тельную смѣсь зрѣлаго и дѣльнаго содержаніе съ ученической иногда формой. Такъ, чтобы дать представленіе о послѣдней, онъ основательно затвердилъ правило, что понятіе выигрываетъ въ силѣ, если его передать не однимъ, а двумя (или тремя) родственными по содержанію словами; но онъ примѣняетъ его иногда слѣдующимъ образомъ: „я знаю, что у большинства людей, подъ вліяніемъ счастья, успѣха и благополучія, духъ окрыляется и ихъ гордость, и высокоуміе увеличивается и растетъ“...

Все же Катономъ староримская плотина была окончательно прорвана; греческое краснорѣчіе позже вливается въ столицу міра—и на первыхъ порахъ, именно, краснорѣчіе азіанское. Конечно, въ Римѣ республиканской эпохи азіанизмъ не могъ быть той чисто-технической виртуозностью, какою онъ былъ въ тогдашней Греціи: сама жизнь наполняла его содержаніемъ. Мы знаемъ, что знаменитый Кай Гракхъ имѣлъ учителемъ азіанца, и сохранившіеся отрывки его рѣчей вполне доказываютъ азіанскій характеръ его краснорѣчія; все же, несчастный трибунъ, въ моментъ разрушенія всѣхъ надеждъ его жизни, такъ вызываетъ къ измѣняющему ему народу: „Куда мнѣ обратиться, гдѣ искать убѣжища? Въ Капитолій? Онъ обогрѣнъ кровью моего брата. Или дома? Чтобы видѣть въ слезахъ и горѣ мою несчастную мать“? Въ этомъ воззваніи приобрѣтенная долгимъ навыкомъ техника участвовала въ такой же мѣрѣ, какъ и истинное чувство.

Но Кай Гракхъ еще учился у грека—это значить, что онъ, предварительно овладѣвъ греческимъ языкомъ въ совершенствѣ, долгое время, параллельно съ изученіемъ теоріи, упражнялся подъ руководствомъ своего учителя въ „декламаціяхъ“, т.-е. школьныхъ рѣчахъ на вымышленныя темы. Ту же школу прошелъ и глава слѣдующаго поколѣнія римскихъ ораторовъ, Крассъ; школа эта, несмотря на азіанскую закваску, была серьезна и плодотворна; разъ ознакомившись основательно съ греческимъ языкомъ, молодой ораторъ отрывалъ себѣ доступъ и къ греческой литературѣ, въ которой онъ находилъ, и помимо образцовъ краснорѣчія, массу образовательнаго матеріала. Такъ, мы знаемъ о Крассѣ, что онъ, вышедши изъ азіанской школы, тѣмъ не менѣе былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени и, что еще важнѣе, признавалъ и проповѣдовалъ необходимость общаго образованія также и для оратора. Но уже при его жизни доступъ въ краснорѣчію былъ римлянамъ значительно облегченъ. Мы видѣли, что сила азіанизма заключалась именно въ легкости, съ которой онъ могъ быть перелитъ въ языкъ другого народа; при все увеличивающемся спросѣ на краснорѣчіе въ Римѣ было бы удиви-

тельно, если бы онъ этой своей силой не воспользовался. Греческіе отпущенники (т.-е. первоначально рабы греческаго происхожденія, въ совершенствѣ изучившіе латинскій языкъ въ домѣ своихъ римскихъ господъ, а затѣмъ отпущенные ими на волю, и ихъ сыновья), были естественными посредниками между греческимъ и римскимъ культурнымъ міромъ; и вотъ въ Римѣ возникаетъ и, при благосклонномъ къ нему отношеніи публики, все увеличивается классъ такъ-называемыхъ латинскихъ риторовъ. Они учили по-латыни и могли, поѣтому, принимать всякаго; въ основаніе своего обученія они клали тощій учебникъ, переведенный ими съ греческаго; тамъ ученики находили правила риторической техники и примѣры къ нимъ—послѣдніе, впрочемъ, иногда были сочинены самими учителями, что и являлось тогда съ подобающимъ аппломомъ. Такъ явилось „содержаніе безъ формы“, ученіе безъ создаваемаго его языка; въ виду чисто технического характера этого содержанія, его можно, съ другой точки зрѣнія, назвать также формой безъ содержанія; но мы здѣсь говоримъ не о томъ—содержаніе безъ формы предлагалось Риму на самыхъ сходныхъ условіяхъ; можно ли было ожидать, что онъ его отвергнетъ?

И все-таки онъ его отвергъ—отвергъ эдиктомъ своихъ цензоровъ 91 года, однимъ изъ которыхъ былъ вышеупомянутый ораторъ Крассъ. Эдиктъ этотъ столь своеобразенъ и интересенъ, что его не лишне будетъ привести полностью; вотъ онъ: *„Намъ докладываютъ, что появились распространители новаго рода образованія, созывающіе молодежь къ себѣ въ школу; они называютъ себя латинскими риториками и держатъ у себя молодежь по цѣлымъ днямъ. Наши предки указали и предметы обученія для своихъ дѣтей, и школы, какія имъ слѣдуетъ посѣщать; эти нововведенія противныя нашимъ обычаямъ и завѣтамъ предковъ, не заслуживаютъ одобренія и представляются неправильными. Поэтому мы сочли нужнымъ объявить наше мнѣніе и содержателямъ этихъ школъ, и ихъ посѣтителемъ—именно, что мы этого дѣла не одобряемъ“*... Не подлежитъ сомнѣнію, что Крассомъ и его коллегой руководили отчасти и соображенія политическаго характера. Краснорѣчіе было политической силой; прикрѣпляя ее къ греческому языку, они отнимали ее у демократовъ, или во всякомъ случаѣ сосредоточивали въ рукахъ аристократической партіи. Но все, что мы знаемъ о Крассѣ и его взглядахъ на образованіе, доказываетъ намъ, что на первомъ планѣ у него стояли именно вышеуказанныя мысли: „латинскіе риторы“ были невѣждами и воспитывали невѣждъ; только дѣй-

ствительно образованному человѣку можно было безъ опасеній ввѣрить оружіе краснорѣчія, и только знаніе греческаго языка открывало доступъ въ образованію. Такъ объясняется это едва ли не единственное въ своемъ родѣ событіе: въ 91 г., Римъ закрылъ у себя всѣ латинскія школы краснорѣчія, оставляя однѣ только греческія. Пришлось воспитанникамъ латинскихъ школъ искать себѣ другихъ учителей; это было очень важно, такъ какъ въ ихъ числѣ былъ и Цицеронъ.

Этимъ былъ положенъ предѣлъ исключительному вліянію азіанизма; но самъ онъ не былъ еще свергнутъ, его только стало убывать. Нѣкоторое время онъ, однако, держался; подобно Крассу и его ближайшій преемникъ, „царь судовъ“, Гортензій, былъ азіанцемъ; азіанцемъ былъ еще и Цицеронъ въ началѣ своей судебной дѣятельности. Повидимому, онъ имѣлъ охоту остаться таковымъ, когда онъ, послѣ первыхъ шаговъ въ Римѣ, отправился въ Грецію кончать свое высшее образованіе: главной цѣлью его поѣздки была Малая Азія; главные учителя, лекціи которыхъ онъ посѣщалъ, были наиболѣе знаменитые представители азіанизма того времени. Но онъ навѣстилъ также и сосѣдній съ Азіей Родосъ; а тамъ, какъ мы видѣли выше, еще существовало, одинаково свободное и отъ азіанской манерности, и отъ аттической сухости, живое продолженіе „красиваго“ стиля Эскина, носившее названіе „родосскаго стиля“. Къ нему-то и пристрастился Цицеронъ; когда онъ вернулся въ Римъ, онъ, по собственному признанію, былъ другимъ человѣкомъ. Школа азіанизма, при всѣхъ своихъ излишествахъ, не осталась, впрочемъ, безъ хорошаго вліянія на него: согласно развитому выше закону, эта усиленная умственная школа доставила ему быстрый полетъ мысли и замѣчательную гибкость языка; но его идеалами были отнынѣ великіе аѳонскіе мастера IV вѣка, особенно послѣдніе по времени изъ нихъ, давно примиренные между собою враги, Демосѳенъ и Эскинъ. Ихъ онъ старательно изучалъ, но не такъ, какъ ихъ изучали аттицисты; они были для него не нормой, а сѣменемъ, которымъ онъ оплодотворялъ свой духъ, чтобъ создать *художественную прозу латинской рѣчи*.

Отнынѣ азіанизмъ умолкаетъ въ Римѣ на цѣлое столѣтіе; царствуетъ въ лицѣ Цицерона „красивый“ стиль. Аттицизмъ почувствовалъ, что эта эволюція ему встати, и въ свою очередь пустилъ корни въ Римѣ. Разумѣется, это былъ пока аттицизмъ угнѣренный; главное отличіе крайняго аттицизма, отвращеніе ко всѣмъ не-аттическимъ словамъ, не имѣло смысла для людей, которымъ предстояло говорить не по-гречески, а по-латыни. Все

же и въ этой умѣренной формѣ онъ довольно рѣзко отличался не только отъ азіанизма, — объ этомъ и говоритъ нечего, — но и отъ воплощеннаго въ Цицероновскомъ краснорѣчїи идеала. Здѣсь сѣмя, тамъ норма; къ тому же — въ силу реакціоннаго характера аттицизма, о которомъ была рѣчь выше, — нормой были объявлены не современные, а ранніе писатели IV-го вѣка, не Демосѣенъ съ Эскиномъ, а Лисій съ его строгимъ стилемъ; нашлись даже оригиналы, вздумавшіе подражать Фукидиду. Борьба съ аттицистами, — къ которымъ принадлежали, на примѣръ, Цезарь и Брутъ, — заняла послѣдніе годы жизни Цицерона, поскольку они были посвящены литературѣ. Когда его не стало, аттицизмъ почувствовалъ себя побѣдителемъ въ Римѣ и гордо заявлялъ устами своего главнаго теоретика, Діонисія Галикарнасскаго, свое удовольствіе по поводу окончательнаго изгнанія азіанской „блудницы“.

Его торжество, однако, было преждевременнымъ; азіанизмъ не замедлилъ появиться вновь, и все дальнѣйшее развитіе греко-римской художественной прозы состоялось подъ вліяніемъ борьбы обоихъ направленій, азіанизма и аттицизма. Дѣйствительно, результатомъ умственной жизни Рима въ I в. до Р. Х., однимъ изъ симптомовъ которой былъ вышеупомянутый эдиктъ Красса, было полное проникновеніе эллинизма въ римскій духовный міръ: греческій и латинскій языки стали оба національными языками римской имперіи. Постараемся вкратцѣ охарактеризовать дальнѣйшее развитіе художественной прозы обѣихъ литературъ, поскольку оно обуславливалось борьбой вышеназванныхъ направленій.

Съ установленіемъ монархическаго принципа краснорѣчіе перестало быть двигательной силой въ Римѣ; для художественной прозы наступили условія, совершенно аналогичныя съ тѣми, которыя мы встрѣчаемъ въ Греціи послѣ Александра Великаго. Неудивительно, поэтому, что и послѣдствія здѣсь и тамъ были одинаковы: когда трибуна потеряла свое руководящее значеніе, ей мѣсто заняла школа и книга. Школа въ Греціи породила азіанизмъ, книга — аттицизмъ; и школу, и книгу, мы находимъ въ Римѣ. Школа была современною, книга — старинною, и представители школьнаго краснорѣчїя охотно называли себя „новыми“ (неотеристами), а представители книжнаго краснорѣчїя — „старыми“ (архаистами).

Школа была одинаковою въ обѣихъ половинахъ римской имперіи; правда, въ западной много говорили по-латыни (запретъ, наложенный Крассомъ на латинскую риторическую школу, давно уже былъ снятъ), но это разницы не составляло, такъ какъ духъ былъ одинаковъ. Другое дѣло — книга; въ эпоху

Цицерона римскіе архаисты, подобно греческимъ, старались подражать (хотя, разумѣется, на латинскомъ языкѣ) аттическимъ писателямъ IV вѣка, почему мы и имѣемъ полное право называть и ихъ аттицистами; но въ эпохѣ имперіи у римлянъ была уже своя старинная литература, греческіе образцы можно было замѣнить латинскими. Такъ изъ римскаго аттицизма развивается родственное національное направленіе, къ которому терминъ „аттицизмъ“ уже не подходитъ; мы имъ, поэтому, болѣе пользоваться не будемъ и замѣнимъ его терминомъ „классицизмъ“, распространяя послѣдній также и на греческій аттицизмъ, къ которому онъ одинаково подходитъ. Займемся прежде всего судьбой греко-римскаго классицизма.

Судьба его несложна; разъ подражаніе было объявлено правиломъ, весь вопросъ состоялъ въ томъ, кому подражать; и съ обѣихъ точекъ зрѣнія мы встрѣчаемъ классицистовъ крайнихъ и классицистовъ умѣренныхъ. Первые подражали не просто стариннымъ писателямъ, а наиболѣе раннимъ между ними, и подражали имъ рабски; они не признавали образцовыми ни Демосоена, ни Цицерона, а старались воскресить еще болѣе древнюю старину, Лисія и Катона, старательно избѣгая словъ, которыхъ не было у нихъ, и, съ другой стороны, вводя въ литературу по возможности всѣ встрѣчающіяся у нихъ слова, даже совершенно отжившія и никому непонятныя. Этотъ крайній классицизмъ—архаизмъ—былъ по временамъ въ модѣ, но именно только въ модѣ; будучи лишень всѣхъ жизненныхъ элементовъ, онъ ничего жизнеспособнаго въ литературу не внесъ. Другое дѣло—классицисты умѣренные, родоначальникомъ которыхъ былъ на римской почвѣ знаменитый Квинтиліанъ; дѣлая разумныя уступки современности, особенно въ области языка, они были настоящими представителями классической художественной прозы въ обѣихъ литературахъ. Но именно вслѣдствіе этихъ уступокъ они не очень рѣзко отличаются отъ умѣренныхъ второго, азіанскаго направленія; такъ одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ представителей римской прозы II вѣка, Плиній Младшій, самъ съ гордостью называетъ себя подражателемъ Цицерона, какимъ онъ и долженъ былъ быть, имѣя учителемъ Квинтиліана; но въ то же время онъ насмѣшливо отзывался о „благонамѣренныхъ“ (euzeloi), т.-е. классицистахъ строгаго толка, и въ своей прозѣ часто отдаетъ азіанизмомъ. На римской почвѣ такая неопредѣленность была тѣмъ скорѣе возможна, что главный образецъ умѣренныхъ классицистовъ, Цицеронъ, самъ въ молодости былъ азіанцемъ, да и позднѣе, какъ это ни естественно,

не могъ вполнѣ отрѣшиться отъ своей азіанской заѣваски; строже можно провести грань на греческой почвѣ. И справедливость требуетъ признать, что самые серьезные греческіе писатели императорской эпохи принадлежатъ именно къ лагерю умѣренныхъ классицистовъ—Плутархъ, Арріанъ, Кассій, Діонъ; только Лувіанъ колеблется между обоими лагерями, какъ это и подобало его неустойчивому и легкому, хотя и блестящему таланту. Они съ честью поддерживали знамя аттицизма, пока не передали его въ руки христіанскихъ писателей—какъ мы это увидимъ ниже.

Все же для насъ интереснѣе, какъ историко-литературный симптомъ, *азіанская муза*. Отъ нанесеннаго ей въ I-мъ вѣкѣ до Р. Х. пораженія она скоро оправилась; императорская эпоха была второй эпохой расцвѣта азіанизма. И надобно сознаться: этотъ второй успѣхъ не былъ вполнѣ незаслуженнымъ; если азіатская муза плѣнила публику, то потому, что она дѣйствительно была плѣнительна. Разумѣется, мы должны и тутъ оставить въ сторонѣ крайнихъ представителей партіи, ораторовъ, пѣвшихъ и плясавшихъ на амвонѣ и потерявшихъ всякую способность отличать дѣйствительность отъ своихъ фантазій. „Зачѣмъ ты такъ мрачно на меня смотришь, Северъ?“—взывалъ однажды, въ роли защитника, слѣшкомъ быстро перенесенный въ зданіе суда питомецъ риторической школы; „и не думалъ“,—преспойкойно отвѣчалъ ему тотъ,—„а впрочемъ, если у тебя въ тетрадѣ такъ стоитъ, изволь“,—и при дружномъ хотѣ публики онъ взглянулъ на него со всей свирѣпостью, на какую только былъ способенъ. Объ этихъ фанатикахъ азіанизма говорить не стоитъ; ограничимся тѣми, которые наложили свою печать на свое время—и не на свое только время.

„Азіанскихъ“ стилей, какъ мы видѣли, было два: игривый и пышный; второй, съ его торжественными періодами, рекомендовался для панегириковъ, изъ которыхъ мы его и знаемъ. Интереснѣе первый. Со временъ Горгія онъ замѣчательно возросъ и окрѣпъ; не прошла для него безслѣдно и философія, хотя азіанизмъ въ принципѣ ея и чуждался; изъ ребяческихъ иногда антитезъ и „исоколовъ“ сицилійскаго софиста и первыхъ азіанцевъ, выросла блестящая и не всегда поддѣльная жемчужина стиля—„сентенція“. Сентенція—я нарочно оставляю это непереводимое слово—не должна была быть непременно общаго содержанія; требовалось, чтобы она своей краткостью, мѣткостью и неожиданностью (славились *breves vibrantesque sententiae*) поражала слушателя. „Человѣкъ этотъ ничѣмъ не грѣшитъ—развѣ только

тѣмъ, что онъ ничѣмъ не грѣшитъ“; жестокій рабовладѣлецъ изъ отпущенниковъ „слишкомъ мало, или, правильнѣе, слишкомъ хорошо помнить, что онъ самъ былъ рабомъ“. Въ „сентенціи“ старались умѣстить какъ можно болѣе содержанія, употребляя при этомъ какъ можно менѣе словъ; вслѣдствіе этого именно лучшія сентенціи — непереводимы; не угодно ли передать по-русски: *portum ignoanti nullus ventus suus* и т. п. Въ настоящее время мастеръ „сентенціи“ — Фр. Нитцше; его, наприм.: „*ja, ich habe die Ehe gebrochen; aber zuerst brach die Ehe mich*“; или: „*einst zog ich diesen Schluss; nun aber zieht er mich*“ — скорѣе всего могутъ дать читателю представленіе о томъ, чѣмъ была сентенція азіанскаго краснорѣчія.

Другимъ средствомъ была такъ-называемая „экфраза“, т.-е. описаніе какой-нибудь мѣстности, картины, красавицы и т. д. Тутъ главнымъ была гармонія между тономъ описанія и описываемымъ предметомъ. И этотъ элементъ имѣлъ передъ собою широкую будущность: тѣ описанія природы, которыя такъ плѣняютъ насъ у Тургенева, происходятъ по прямой линіи отъ экфразъ азіанской риторики. Всѣхъ прочихъ ея улововъ я перечислять не буду: замѣчу только, что сама постановка темы была рассчитана на то, чтобы сильнѣйшимъ образомъ вліять на фантазію. Объ этомъ нѣсколько словъ. Чѣмъ было для художественной прозы дѣйствительное краснорѣчіе, политическое и судебное, тѣмъ было для искусственной прозы азіанизма краснорѣчіе фиктивное: ораторъ переносился въ вымышленную обстановку, пронизался особенностями своего фантастическаго положенія, и по этому поводу произносилъ мнимо-совѣщательную или мнимо-судебную рѣчь. Обстановка выбиралась, разумѣется, самая благодарная, т.-е. самая эффектная, самая богатая всякаго рода конфликтами. Послѣ гибельнаго отступленія аѳинскаго войска изъ-подъ Сиракузъ, раненый, неспособный продолжать путь солдатъ молитъ полководца, чтобъ онъ прикончилъ его: „*ради бога, Никій, ради бога, отецъ мой! Такъ да увидишь ты Аѳины!*“ (послѣдняя сентенція въ подлинникѣ вразумительнѣе). Безрукій богатырь, убѣдившись въ измѣнѣ своей жены, требуетъ отъ сына ея смерти, и хочетъ отречься отъ него, когда онъ отказывается ему; сынъ защищается. Все это напоминаетъ сцену изъ „*Les Misérables*“ В. Гюго, гдѣ герой, бывший каторжникъ, а потомъ всѣми уважаемый мэръ, размышляетъ о томъ, не слѣдуетъ ли ему, разрушая все свое счастье и счастье многихъ другихъ, раскрыть окружающую его тайну, когда за совершенное имъ когда-то преступленіе другой попадаетъ на скамью подсудимыхъ;

или—изъ „Le souvable“ Фр. Коппе—сцену, гдѣ прокуроръ-отецъ долженъ произнести обвинительную рѣчь противъ подсудимаго, въ которомъ онъ узналъ своего сына. Все это—настоящiе цвѣтки азіанскаго краснорѣчія II вѣка по Р. X.

Дѣйствительно, азіанизмъ—и въ этомъ едва ли не наибольшая его заслуга—породилъ *романъ*; всѣ греческіе и латинскіе романисты были азіанцами. А нашъ современный романъ, какъ онъ ни измѣнился въ смыслѣ художественности и серьезности,—прямой потомокъ древне-греческаго; родословная можетъ безъ труда быть восстановлена во всѣхъ подробностяхъ. Да и измѣнился онъ только за послѣднее полстолѣтія.

Вотъ каковъ былъ общій характеръ азіанизма императорской эпохи. Его внѣшняя судьба тоже была разнообразнѣе, чѣмъ судьба классицизма. Въ первомъ вѣкѣ по Р. X. онъ даетъ римской литературѣ богатыря въ лицѣ Сенеки-философа, неподражаемаго мастера „сентенціи“; въ концѣ вѣка его нѣсколько отгѣсняетъ Квинтиліанъ, что не помѣшало ему, однако, имѣть сильнѣйшее вліяніе на обоихъ учениковъ послѣдняго, Плинія Младшаго и особенно Тацита. Во второмъ вѣкѣ онъ снова отступаетъ, на этотъ разъ передъ архаистами эпохи Антониновъ, но въ третьемъ—онъ опять овладѣваетъ римской литературой: появляется такъ-называемая африканская латынь, съ ея главнымъ представителемъ Апулеемъ. Африканская латынь—это вырожденіе азіанизма на римской почвѣ, второе дѣтство азіанской прозы; опять появляются попарно соединенные члены съ риторическими приемами и равнымъ количествомъ словъ и даже слоговъ; но всѣ эти красоты нагромождаются безъ всякаго чувства мѣры, съ кажимъ-то ребяческимъ пристрастіемъ ко всему фокусному и уродливому. „Женщина сварливая, спѣсивая, хмельная, бездѣльная, бойкая, стойкая, съ гнусныхъ стяжаніяхъ жадная, на подмыя затраты повадная“, и далѣе, и далѣе, страница за страницей, все въ томъ же стилѣ. Африканская латынь была, однако, ясно оформленнымъ, а потому и импонирующимъ явленіемъ; Апулей—послѣдняя оригинальная личность въ языческой римской литературѣ, и его вліяніе на дальнѣйшее развитіе прозы было не всѣмъ незначительнымъ.

V.

Главнымъ результатомъ развитія античной прозы за описанныя въ предъидущихъ главахъ эпохи было раздѣляемое всѣми одинаковое убѣжденіе, что писать какъ случится—нельзя; что

во всякомъ писательствѣ необходимъ стиль, выборъ котораго зависитъ отчасти отъ замышляемаго произведенія, отчасти отъ личныхъ наклонностей автора; еслибы Мольеровскій буржуа жилъ въ то время — онъ быстро разочаровался бы въ своемъ умѣньѣ „faire de la prose“. Возникло это убѣжденіе въ Греціи; но такъ велико было обаяніе выдержаннаго стиля, что оно покорило Римъ, и выработанныя греками для греховъ правила были приспособлены къ римской рѣчи: одно и то же выраженіе аффектовъ, одна и та же періодизація, одинъ и тотъ же ритмъ были признаны законными для обоихъ языковъ. Можно ли было сомнѣваться въ естественности художественной прозы, если она, разъ возникши, не только не встрѣтила никакихъ сопротивленій себѣ со стороны того народа, среди котораго она возникла, но и подчинила себѣ рѣчь другого, чуждаго народа? И все-таки это первое испытаніе не было еще рѣшающимъ. Теперь предстояло второе, гораздо болѣе серьезное, со стороны новой культурной силы — *христіанства*.

Могло ли христіанство признать за художественной прозой какую-либо важность? Могло ли оно считать желательнымъ или даже допустимымъ обученіе ея законамъ своихъ молодыхъ послѣдователей? На первый взглядъ, никакой другой отвѣтъ, кромѣ отрицательнаго, не представляется возможнымъ. Противъ нея говорили, прежде всего, самый яркій и самый обязательный для христіанства *примѣръ* — языкъ священныхъ книгъ Новаго Завета. Но при этомъ необходимо отказаться отъ того мнѣнія, которое каждый составилъ себѣ объ ихъ стилѣ по новѣйшимъ переводамъ, — конечно, болѣе или менѣе литературнымъ: подлинникъ въ этомъ отношеніи носить совершенно другой характеръ. Появившись среди простого народа и даже по происхожденію негреческаго, онъ былъ написанъ языкомъ, который образованными людьми той эпохи, будь они азіанцы или классицисты, не могъ быть признанъ, не только литературнымъ, но даже и строго грамотнымъ: множество неправильныхъ, съ точки зрѣнія грамматики, формъ; множество неупотребительныхъ, съ точки зрѣнія лексикографіи, словъ; введеніе недопустимыхъ, съ точки зрѣнія пунктуации, латинскихъ и арамейскихъ выраженій — это по части языка; крайняя бѣдность періодизаціи, отсутствіе всякой диспозиціи, скачки и недомолвки, полная неритмичность — это по части стиля. И что же? Эта книга, при всемъ томъ, побѣждаетъ міръ; завоевываетъ недоступныя для Платона и Цицерона сердца; каково же, послѣ этого, сдѣлалось значеніе художественной прозы?

Языкъ священныхъ книгъ давалъ примѣръ ясный и, казалось бы,

обязательный для христіанина. Но кромѣ того у него было и не менѣе ясное и недвусмысленное указаніе въ словахъ: „не заботьтесь, какъ или что сказать, ибо въ тотъ часъ дано вамъ будетъ, что сказать; ибо не вы будете говорить, но духъ Отца вашего будетъ говорить въ васъ“ (Ев. отъ Мате., 10, 19). Не подлежитъ, поэтому, сомнѣнію, что съ чисто христіанской точки зрѣнія художественная проза была въ теоріи осуждена. Она была бы осуждена и въ дѣйствительности, еслибы не тотъ фактъ, что греческіе и римскіе отцы церкви были только одной половиной своего существа христіанами, другой же половиной—греками и римлянами; а потому, оставаясь подъ вліяніемъ вѣковой традиціи, чувствовали такое стихійное влеченіе къ художественной обработкѣ стила, что никакія преграды противъ него устоять не могли. Пришлось пойти на компромиссы, чтобы совмѣстить несовмѣстимое, спасти художественность рѣчи, не переставая быть вѣрными примѣру и завѣтамъ Учителя. Для этого открывались три пути—и отцы церкви воспользовались всѣми тремя.

Первый былъ самымъ радикальнымъ.—„Напрасно язычники кичатся художественностью своихъ книгъ и воображаютъ, что наши книги ея лишены; наша художественность столь же несомнѣнна, только она другого рода, чѣмъ та, къ которой привыкли они“. Эта странная на первый взглядъ теорія была подготовлена уже Амвросіемъ Медиоланскимъ, у котораго мы читаемъ (посл. VIII) слѣдующія интересныя слова: „*Большинство людей отрицаетъ, что наши писатели писали согласно искусству (secundum artem—т.-е. сознательно-художественно); и мы не споримъ: дѣйствительно, они писали не согласно искусству, а согласно благодати (secundum gratiam—т.-е. бессознательно-художественно), которая выше всякаго искусства; они писали то, что ихъ заставляла писать Духъ. Все же тѣ, которые писали объ искусствѣ (т.-е. о теоріи прозы), назвали его въ ихъ сочиненіяхъ, и такимъ образомъ создали руководства и учебники искусства“.* Амвросій разумѣетъ здѣсь, конечно, книги Ветхаго Завѣта, согласно своей излюбленной идеѣ, что вся эллинская мудрость потекла изъ еврейской. Его ученикъ, великій Августинъ, привелъ эту теорію въ систему въ двухъ объемистыхъ сочиненіяхъ, изъ которыхъ одно (De doctrina Christiana) намъ сохранено, другое, еще болѣе специальное (De modis locutionum)—не уцѣлѣло. Въ первомъ—онъ желаетъ „*ответить неучамъ, которые считаютъ себя въ правѣ пренебрежительно относиться къ нашимъ писателямъ, не потому, чтобы у нихъ не было той художественности рѣчи (eloquentia), которой эти люди не въ*

мѣру преданы, а потому, что они не выставляютъ ея на показъ“, — и въ доказательство того онъ анализируетъ не только мѣста изъ Ветхаго Завѣта, но и періоды ап. Павла. Во второмъ же — онъ, по свидѣтельству Кассіодора, развилъ и „фигуры языческой рѣчи, и много другихъ оборотовъ, свойственныхъ одному только Писанію и не перешедшихъ въ языческую прозу, озабочиваясь, какъ бы читатели не были смущены непривычными для нихъ способомъ изложенія; въ то же время наши незабвенный учитель хотѣлъ доказать, что общепризнанные обороты, т.-е. грамматическія и риторическія фигуры, потекли изъ Писанія, и что въ немъ все-таки осталось много такого, чему до сихъ поръ никто изъ язычниковъ подражать не сумѣлъ“. Съ такимъ взглядомъ на стиль Писанія Августинъ, понятно, не считъ нужнымъ обуздывать стремленія къ художественности формы, которое было привито ему самымъ основательнымъ и неизгладимымъ образомъ въ риторической школѣ; онъ даже написалъ руководство риторики для христіанъ. А при авторитетѣ, которымъ онъ пользовался въ западной церкви, его починъ имѣлъ рѣшающее значеніе.

Теорія Амвросія и Августина сослужила свою службу въ дѣлѣ спасенія художественности рѣчи; но съ точки зрѣнія теоретической истины она не выдерживаетъ критики. Гораздо серьезнѣе былъ въ этомъ отношеніи *второй* компромиссъ: онъ состоялъ въ слѣдующемъ: прежде всего, простота и безыскусственность Писанія, и главнымъ образомъ Новаго Завѣта, не оспаривались; напротивъ, въ виду блистательныхъ побѣдъ христіанства, именно эта безыскусственность могла служить доказательствомъ его божественности. „Если бы, — говоритъ Оригенъ, возражая противъ обвиненія Цельса, что евангеліе написано языкомъ рыбаковъ, — еслибы ученики Господа пользовались діалектическими и риторическими уловками эллиновъ — можно бы было подумать, что Исусъ выступаетъ основателемъ новой школы философовъ. Но нѣтъ — они говорили прямо отъ сердца, какъ имъ внушалъ Духъ: тутъ люди удивленно спрашивали другъ друга: откуда у этихъ людей эта сила убѣжденія? это вѣдь не та, которой обладаютъ всѣ другіе. И потому они стали думать, что ихъ устами говоритъ высшее существо“. Того же мнѣнія Златоустъ, Θεодоритъ, Исидоръ Пелусійскій на востокѣ, Арновій, Лавтанцій, Иеронимъ на западѣ. Но — и здѣсь былъ рѣшающій пунктъ — отсюда не выводили заключенія, что стиль первыхъ учителей христіанства былъ обязателенъ и для ихъ послѣдователей. Тотъ же Исидоръ Пелусійскій, который съ такимъ жаромъ отстаивалъ

безыскусственность языка апостоловъ, не колеблется принять краснорѣчіе въ число слугъ истины (посл. V). „У божественной мудрости,—говоритъ онъ,—языкъ низмененъ, мысль же паритъ въ небесахъ; а у той другой—изложеніе блестящее, но содержаніе низкое. Итакъ, еслибы кто могъ у одной позаимствовать мысль, а у другой изложеніе, мы по праву назвали бы его мудрѣйшимъ; краснорѣчіе можетъ быть орудіемъ надземной мудрости, если оно будетъ повиноваться ей, какъ тѣло—душѣ, или лира—пѣснѣ, сопровождающаго себя къ ней, объясняя ея небесныя мысли, но никакихъ нововведеній не внося отъ себя; если же оно пожелало бы превратить это отношеніе въ противоположное, еслибы оно, долженствующее быть рабомъ, сочло себя способнымъ быть вождемъ, правильнѣе — тираномъ мысли, тогда оно было бы достойнымъ изгнанія“. Еще недвусмысленнѣе выразился Григорій Богословъ: отвѣчая, въ качествѣ константинопольскаго епископа, на упреки противника, что онъ, вмѣсто того, чтобы слѣдовать примѣру евангельскихъ „рыбаковъ“, вносить въ церковь эллинскую риторику,—онъ сказалъ: „я послѣдовалъ бы примѣру рыбаковъ, еслибы имѣлъ силу творить чудеса подобно имъ; но такъ какъ моя единственная сила заключается въ моей рѣчи, то я ее и посвящаю службѣ доброму дѣлу“.

То же твердили на западѣ Иларій Пиктавійскій, ученикъ восточныхъ богослововъ, Павланъ Нолинскій и другіе; они требовали, чтобы искусство слога, столь долго служившее приманкой въ рукахъ лживой мудрости, теперь содѣйствовало распространенію истины.

Съ этимъ вторымъ компромиссомъ можно легче всего примириться; онъ менѣе перваго грѣшитъ натяжкой, и въ немъ, въ то же время, сказывается несомнѣнное стремленіе сознательно выяснитъ себѣ свое отношеніе къ самому орудію христіанской пропаганды. Въ не менѣе интересномъ *третьемъ* компромиссѣ замѣтно отсутствіе не столько искренности и доброй воли, сколько именно сознательности. Безыскусственность языка Писанія и первыхъ христіанскихъ учителей открыто признавалась, такъ же, какъ и во второмъ компромиссѣ. Обязательность этого примѣра, въ противоположность къ послѣднему, тоже признавалась. „Мы,—пишетъ Василій Великій учителю краснорѣчія, Ливанію,—стоимъ на сторонѣ Моисея, Иліи и подобныхъ имъ блаженныхъ мужей, которые говорили намъ о своихъ дѣяніяхъ на варварскомъ языкѣ; такъ же, какъ онъ, говоримъ и мы, держась смысла истиннаго, но слога неученаго. Вѣдь если мы и научились чему-либо у васъ, то мы успѣли это позабыть“. Равнымъ образомъ, Сульпицій

Северь, приступая къ описанію жизни св. Мартина, просить читателей извинить его, „если ихъ уши будутъ оскорблены не-правильностью языка, такъ какъ царство Божіе—не въ красно-рѣчїи, а въ вѣрѣ; надо помнить, что спасеніе было возвѣщено міру не ораторами, а рыбаками“. Въ теорїи, такимъ образомъ, послѣдовательность соблюдена вполнѣ; но на практикѣ тѣ же писатели отказываются отъ своихъ собственныхъ обязательствъ. И Василій Великій, и Сульпицій Северь, въ своихъ сочиненіяхъ явно стремятся въ красотѣ и художественности слога; Северь среди римлянъ заслужилъ почетное имя христіанскаго Саллюстія; Василій же былъ среди грековъ рядомъ со Златоустомъ самымъ могучимъ христіанскимъ витіей. Такъ-то, вопреки всѣмъ выводамъ теорїи, природа предъявляла свои права: греки и римляне могли принять христіанство, но новая религія не могла заставить ихъ забыть о своемъ происхожденіи.

Результатомъ всей этой борьбы было *полное торжество художественной прозы* во всей древнехристіанской словесности, какъ греческой, такъ и римской. Но мы видѣли, что развитіе художественной прозы въ императорскую эпоху обуславливалось борьбой двухъ ея направленій, классицизма и азіанизма; которое же изъ нихъ наложило свою печать на художественную прозу христіанской литературы?

Прежде всего ясно, что мы не можемъ ожидать отъ христіанскихъ писателей никакихъ теоретическихъ указаній на этотъ счетъ. Уже сама защита художественной прозы стала у нихъ возможной лишь благодаря сдѣлѣ съ собственной совѣстью; нельзя было требовать, чтобы проповѣдники небесной мудрости вступали еще между собой въ препирательства относительно превосходства того или другого стиля. *Открытая борьба*, поэтому, *на христіанской почвѣ прекращается*,—но именно только открытая борьба, съ полемическими рѣчами и статьями съ той и другой стороны; оба направленія продолжаютъ существовать и тихо вербуютъ себѣ сторонниковъ среди представителей молодой христіанской литературы.

И надобно сознаться, что положеніе азіанизма было опять несравненно выгоднѣе. Не слѣдуетъ, при этомъ, смущаться выраженіями: „игривый стиль“ и „пышный стиль“, предложенными мною выше для обѣихъ манеръ этого направленія, считая первый несовмѣстимымъ со святостью, а второй—съ простотой и цѣломудріемъ евангельскихъ истинъ; термины эти имѣли въ виду только форму и могли уживаться со всякимъ содержаніемъ. Рѣшающимъ было и здѣсь то обстоятельство, что азіанизмъ былъ

силенъ техникой, классицизмъ—образцами. Христианство же могло разрѣшить своимъ адептамъ изученіе техники рѣчи—ея правила. никакого отношенія въ той или другой религіи не имѣли, а примѣры можно было подобрать либо безразличныя, либо даже христіанскія; но могло ли оно такъ же благодушно отнестись къ чтенію языческихъ *образцовъ*, насъкозь пропитанныхъ ненавистной „лживой мудростью“? Конечно, эти образцы читались,— надо же было откуда-нибудь почерпнуть образованіе,—и христіанскіе учителя смотрѣли на это снисходительно; но отъ простаго чтенія еще далеко до того любовнаго изученія, при которомъ человѣкъ усваиваетъ сознательно стиль, а незамѣтно—и манеру мыслить у своего образца. Отсюда слѣдуетъ, что азіанизмъ скорѣе могъ рассчитывать на снисхожденіе въ христіанской средѣ, чѣмъ классицизмъ. Этотъ ясный выводъ теоріи вполне подтверждается практикой.

Что касается, прежде всего, греческой христіанской литературы, то надо сознаться, что крайнихъ азіанцевъ мы находимъ только среди еретиковъ; христіанство дѣйствовало смягчающе на форму изложенія и игриваго краснорѣчія не допускало. Азіанизмъ мы встрѣчаемъ только въ его умѣренномъ видѣ, но зато въ этому умѣренному азіанизму принадлежатъ всѣ болѣе или менѣе выдающіеся христіанскіе проповѣдники. Особенно характеренъ въ этомъ отношеніи IV-й вѣкъ, когда краснорѣчіе восточной церкви достигло своего апогея въ лицѣ знаменитаго триумвирата: Григорія Богослова, Василия Великаго и Іоанна Златоуста. Оба первые имѣли учителемъ краснорѣчія крайняго азіанца. Имерія, Іоаннъ—крайняго классициста Ливанія; тѣмъ не менѣе всѣ они значительно умѣрили манеру своихъ учителей. И въ легкомъ стилѣ Григорія, и въ пышномъ—Василія замѣтно чувство такта, не дающее имъ переходить извѣстные предѣлы. Мы здѣсь вторично встрѣчаемся съ тѣмъ явленіемъ, которое выше обратило уже на себя наше вниманіе; какъ тамъ римская государственность, такъ здѣсь христіанская религіозность была тѣмъ ядромъ жизни, которое, сплочивая вокругъ себя разрѣженную подъ тропическимъ солнцемъ фантазіи атмосферу азіанскаго краснорѣчія, давало ему болѣе оформленности и силы. Таково же было и отношеніе Златоуста къ классицизму: жизнь не давала старательно очищать лексическій огородъ и смотрѣть за тѣмъ, чтобы въ немъ не водилось не-аттическихъ словъ и оборотовъ; она не давала подгонять непосредственно возникавшій аффектъ къ мѣреѣ Лисія или даже Демосѣена: такъ стиль Златоуста, несмотря на противоположную точку исхода, не очень отли-

чается отъ пышнаго стиля Василія; казалось, что въ лицѣ этихъ трехъ великихъ проповѣдниковъ христіанство хотѣло примирить между собою оба главные направленія художественной прозы, столь долго враждовавшія между собой.

Этимъ миромъ мы и закончимъ обзоръ развитія греческой прозы. Конечно, оно на немъ не остановилось; но, въ силу той *восточной* точки зрѣнія, о которой рѣчь была выше, его дальнѣйшіе шаги не имѣли большого вліянія на другіе народы. Византизмъ — затонъ на великой рѣкѣ всеобщей словесности; можно пріятно отдыхать на дремлющей поверхности его водъ, подъ тихій шелестъ его камыша, но слѣдуетъ помнить, что пловцу тамъ пути нѣтъ; если вы жаждете жизни, движенія, силы, то вамъ нужно повернуть челнокъ и отдаться главному теченію рѣки; а оно выноситъ васъ, черезъ Римъ, на дѣвственные берега едва охристіанившагося Запада.

Въ Римѣ о заключеніи мира и рѣчи не было, но война и тутъ велась подъ землею. Азіанизмъ и тутъ въ началѣ торжествуетъ; Тертуллианъ весь поддается вліянію той его разновидности, которую мы называемъ африканской латынью, и его знаменитое „*credo quia absurdum*“ — не чтѣ иное какъ „сентенція“ въ духѣ азіанской риторики. Но онъ былъ не подражателемъ, а творцомъ; въ его лицѣ азіанизмъ вступилъ въ новый фазисъ: никогда еще легкость формы не была соединена съ такой страстностью содержанія. Онъ безпрестанно играетъ, не хуже Апулея, но не мячиками, какъ тотъ, а мечами и фавелами. Но великій Августинъ? Кто знаетъ технику и образцы, тотъ безъ труда сумѣетъ выдѣлить ихъ роль въ знаменитыхъ самобичеваніяхъ его „Исповѣди“ — этихъ чисто азіанскихъ *colloques*. Если этотъ послѣдній неудобно-объяснимый терминъ мало понятенъ, то мы попросимъ выкинуть въ слѣдующее мѣсто изъ одной его проповѣди, помня, что это — одно изъ очень многихъ (говорится о праведномъ и окаянномъ): „Этотъ бодрствуетъ, чтобы хвалить врага — освобожденный; тотъ бодрствуетъ, чтобы хулить судью — приговоренный; этотъ бодрствуетъ, умами ¹⁾ благими трепеща и сіяя; тотъ бодрствуетъ, зубами своими скрежеща и изнывая; этому доброта, тому неправота, этому христіанская бодрость, тому бѣсовская подлость не даютъ въ многолюдіи заснуть“. Таковы образцы азіанской прозы въ христіанской духовной литературѣ.

¹⁾ Въ подлинникѣ та же „катахрѣза“ ради рѣимы: *vigilat iste mentibus piis ferrens et lucescens, vigilat ille dentibus suis frendens et tabescens*.

Классицизму служило главной помѣхой, какъ было сказано выше, требованіе старательнаго изученія образцовъ, безъ котораго онъ былъ невозможенъ; но разъ путь къ компромиссамъ былъ облегченъ признаніемъ допустимости художественной прозы вообще, то и это препятствіе долго устоять не могло. Конецъ. III-го вѣка далъ христіанской литературѣ своего Цицерона въ лицѣ Лактанція, этого если не наиболѣе славнаго, то наиболѣе любимаго христіанскаго писателя, красота души котораго соперничала съ красотой его стиля. Къ сожалѣнію, онъ слишкомъ мало говоритъ о себѣ и лишаетъ насъ этимъ возможности судить о той душевной борьбѣ, которой ему стоило его пристрастіе къ своему языческому образцу; зато объ этой борьбѣ пространно говоритъ другой „цицеронианецъ“ изъ отцовъ церкви, Иеронимъ. Намъ приходилось уже („Вѣстн. Европы“ 1896, февр., 667 стр.) говорить о ниспосланномъ ему въ назиданіе видѣніи, послѣ котораго онъ далъ—увѣ! неисполнимый для него—обѣтъ: никогда болѣе не читать ни Цицерона, ни другаго представителя живой языческой мудрости!

Былъ ли этотъ классицизмъ дѣйствительно только книжнымъ, дѣланымъ, безжизненнымъ? Уже оба только-что названныхъ писателя должны бы, кажется, убѣдить насъ въ противномъ, но пришло время, когда только этотъ стиль сталъ способнымъ выражать одинъ живой и жгучій аффектъ. Римъ палъ подъ натискомъ варваровъ, дикое племя готовъ завладѣло „святою“ почвой Италіи; тогда и христіане изъ римлянъ стали со скорбью вспоминать о минувшемъ величій развѣнчанной царицы міра, и естественнымъ выразителемъ этой скорби сталъ языкъ великой старины, языкъ архаистическій. Имъ писалъ Боэтіи, приближенный и жертва Теодерика; его „Утѣшеніе“—послѣдній памятникъ художественной римской прозы, величавый и грустный, подобно древнимъ гробницамъ пустынной Аппіевой дороги.

VI.

Римъ палъ,—и на первый взглядъ представляется непонятнымъ, какъ его художественная проза могла пережить его паденіе. Намъ не удивляетъ ея переходъ изъ Греціи въ Римъ—общность религіи, культурная эллинизация римской интеллигенціи подготовили этотъ переходъ. Мы понимаемъ также ея обращеніе въ христіанство—общность расы и языка навели новыхъ христіанъ на компромиссы, сдѣлавшіе возможнымъ это обраще-

ніе. Но теперь предстояло *третье* испытаніе: носителями христіанства дѣлаются люди, никакимъ племеннымъ родствомъ не связанные съ тѣми, которые произвели и выростили художественность рѣчи; чѣмъ могло быть для нихъ это чуждое имъ во всѣхъ отношеніяхъ дѣтище? Пусть Иеронимъ, Оригенъ и другіе стремятся къ художественной отдѣлкѣ своей рѣчи—на то они греки и римляне; но къ чему было Алкуину и Эгингарду слѣдовать ихъ примѣру?

Вотъ тутъ-то и слѣдуетъ подчеркнуть рѣшающее значеніе того, что мы выше назвали западной точкой зрѣнія на способъ усвоенія чужой культуры; заимствуя у Рима христіанство, варварскій западъ заимствовалъ за-одно съ нимъ и латинскій языкъ. Папизмъ здѣсь ровно ни-при-чемъ: ирландскія и англійскія миссіи учениковъ Колумбана не были независимы отъ епископальной власти Рима, и въ то же время—такія же латинскія, какъ и остальные, даже болѣе. Правда, была сдѣлана попытка націонализировать христіанство: готы перевели писаніе на свой языкъ, но, къ счастью для Запада, эта попытка не удалась. Не будемъ разрушать величія культурно-историческихъ моментовъ мелочными и поверхностными мотивировками; лучше признать таинственность той инстинктивной силы, которая указывала Западу единственный путь къ его будущей славѣ. Латинскій языкъ сдѣлался интернациональнымъ, правильнѣе говоря—супра-национальнымъ языкомъ христіанскаго Запада; этимъ самымъ христіанину былъ врученъ ключъ, который, со временемъ, открылъ ему сокровищницу древняго образованія.

Первый шагъ былъ сдѣланъ,—но оттуда до усвоенія художественной прозы было еще далеко. Благодаря монастырямъ съ ихъ разнообразными обитателями, благодаря правовымъ и другимъ условіямъ, о которыхъ говорить здѣсь не мѣсто, латинскій языкъ сдѣлался настоящимъ живымъ языкомъ средневѣковой интеллигенціи, или тѣхъ, кто занималъ ея мѣсто; на немъ говорили такъ же бойко, какъ на родномъ. Что же могло помѣшать этимъ людямъ писать такъ же, какъ они говорили? Очевидно, ничто и никто. Самъ папа Григорій Великій подалъ этому примѣръ: „Я нисколько не забочусь о томъ,—пишетъ онъ,—чтобы слѣдить за окончаніями падежей и соблюдать правила относительно предлоговъ; я считаю въ высшей степени недостойнымъ подчинять слова божественной рѣчи законамъ грамматики Доната“. Много вѣковъ спустя, на констанцскомъ соборѣ, императору Сигизмунду, попытавшемуся произвести своей императорской властью—*neutrum* въ *femininum* (*haec schisma*),

былъ данъ классическій отвѣтъ: „*pes Caesar supra grammaticos*“, — то было время зарождающагося гуманизма. Между обоими этими изреченіями лежатъ всѣ средніе вѣка, во время которыхъ беззаботный латинскій стиль жилъ и развивался, пока не достигъ наконецъ знаменитой схоластической латыни Дунса Скота и Омы Аввинскаго. Честь и слава ей за все то, что она сдѣлала для развитія средневѣковой мысли, но намъ этимъ заниматься не приходится. Художественности же въ ней не было никакой; не было даже и стремленія въ ней.

И все-таки художественность появилась, и ея появленіе было послѣдствіемъ, хотя и не прямымъ, прививки латинскаго языка христіанскому западу. Слѣдующія условія содѣйствовали тому.

За послѣднее время существованія древне-римской интеллигенціи, ея дѣятельность напоминаетъ поведеніе экипажа при кораблекрушеніи: стараются связать въ одинъ по возможности негромоздкій узелокъ все самое необходимое для перваго пропитанія. Къ этому самому необходимому принадлежали прежде всего предметы швольнаго преподаванія, — извѣстныя съ давнихъ поръ семь „*artes*“. Онѣ были языческаго происхожденія; неудивительно, поэтому, что среди нихъ, на ряду съ грамматикой, логикой, арифметикой, геометрией, астрономіей и музыкой, находилась и риторика. Христіанство противъ этой организаціи не протестовало, что, въ виду состоявшихся компромиссовъ, тоже особеннаго удивленія не возбуждаетъ. Такимъ образомъ, изученіе риторики, т.-е. техники художественной рѣчи, дѣлается обязательнымъ въ христіанскихъ школахъ и, со временемъ, въ христіанскихъ университетахъ Запада. Но кто же изучаетъ теорію, не чувствуя потребности примѣнять ее на практикѣ? Какова бы ни была грубость новыхъ адептовъ цивилизаціи, но постоянно внушаемое имъ убѣжденіе, что есть нѣкоторое достоинство въ томъ, чтобы слова слѣдовали одно за другимъ и притомъ именно въ такомъ порядкѣ, а не въ другомъ — не могло не ввести въ ихъ сознаніе новый факторъ — факторъ красоты прозаической рѣчи. Это тѣмъ болѣе естественно, что техника краснорѣчія была, какъ мы видѣли въ самомъ началѣ, лишь развитіемъ тѣхъ художественныхъ нормъ, которыя въ зачаточномъ видѣ существуютъ въ природной рѣчи каждаго народа.

Итакъ, интеллигенція Запада почувствовала потребность писать по-своему художественно; она называла это: *dictare* — интересное слово, давшее происхожденіе нѣмецкому „*dichten*“. Конечно, еслибы теорія, которою тогда вдохновлялись, была рациональна, то это имъ, пожалуй, бы и удалось; но могла ли она

быть рациональна? Такая задача и нашему времени оказалась непосильной, древняя же риторика—даже въ лучших своихъ представителяхъ—требовала со стороны учениковъ лингвистическаго чутья для контроля ея законовъ,—подъ рукою же позднѣйшихъ компиляторовъ она потеряла послѣдніе остатки рациональности, и ее давали въ руки людямъ, для которыхъ латинскій языкъ былъ чуждымъ по природѣ. Нечего говорить, что она стала источникомъ самыхъ крупныхъ недоразумѣній. Возьмемъ для примѣра явленіе, называемое „гипербатомъ“, т.-е. нарушение естественнаго порядка словъ въ предложеніи. Мы объясняемъ его столкновеніемъ логическаго принципа съ психологическимъ и ритмическимъ, и знаемъ предѣлы, въ которыхъ оно допускается; эти предѣлы, различные въ различныхъ языкахъ, служатъ намъ интересными данными для психологіи народовъ. Но никто, конечно, не станетъ требовать такого рациональнаго отношенія къ дѣлу отъ средневѣковой риторики,—она просто отвела „гипербату“ мѣсто въ числѣ „троповъ“—какъ „украшенію“ рѣчи. И вотъ монахи вообразили, что ихъ рѣчь будетъ тѣмъ красивѣе, чѣмъ болѣе они перепутаютъ порядокъ словъ; что получается особаго рода изящество, если принадлежащее къ главному предложенію слово перебросить въ придаточное, или наоборотъ, нѣкій британскій грамотѣй удивилъ свою братію открытіемъ, что прелесть настоящаго „гесперическаго“, т.-е. латинскаго слога (*fama hesperica*) достигается тогда, если глаголь ставить по срединѣ и вокругъ него группировать остальные части предложенія, старательно отдѣляя при этомъ опредѣленіе отъ опредѣляемаго, примѣрно такъ: „Лучезарное влажную лобзааетъ свѣтило землю; въ зеленой голосистыя славословяты дубравѣ пернатыя“ и т. п. Другіе точно такъ же злоупотребляютъ риторическими приемами.

Таковы были средневѣковыя „*dictamina*“. Ихъ авторы извлекали свои нелѣпыя теоріи слога, какъ мы видѣли, изъ своихъ учебниковъ риторики; но откуда же брали они свои вычурныя выраженія, о которыхъ мы постарались дать представленіе приведенными только-что образчиками? Тутъ, казалось бы, нужны образцы. Да, но за образцами ходить было недалеко, ими служили тѣ же „*artes*“. Особенно популярна была въ средніе вѣка нынѣ забытая энциклопедія Марціана Капеллы, одного изъ упомянутыхъ въ началѣ этой главы спасителей культурнаго ручнаго багажа передъ кораблекрушеніемъ; она сплошь была написана той африканской латынью, которую мы знаемъ изъ Апулея. Результатъ интересный: выходитъ, что стиль средневѣковыхъ

„dictamina“ — прямое продолженіе древняго азіанизма; мы тѣмъ болѣе имѣемъ право такъ его назвать, что и онъ, подобно своему древнему родоначальнику, находился подъ ближайшимъ вліяніемъ теоріи.

Подобно ему, затѣмъ, и онъ не стоялъ на мѣстѣ, а развивался—или, по крайней мѣрѣ, измѣнялся. Не всѣ „диктаторы“ были похожи на вышеуказанныхъ; были между ними и умѣренные; и вотъ въ ихъ-то манерѣ стали различать нѣсколько отдѣльныхъ „стилей“. Такихъ стилей Данте насчитываетъ четыре: „первый,—говоритъ онъ,—стиль безвкусный, свойственный неучамъ, въ родѣ: „Петръ очень любитъ госпожу Бертю“; второй—просто умственный (*sapidus*—затрудняюсь переводомъ), свойственный строгимъ школарамъ и магистрамъ, въ родѣ: „я не доволенъ своими согражданами, но еще болѣе сожалѣю о тѣхъ, которые, изнывая въ изгнаніи, лишь во снѣ навѣщаютъ свою родину“; есть, затѣмъ, умственно-изящный стиль, свойственный людямъ, поверхностно ознакомившимся съ риторикой, въ родѣ: „достохвальная скромность графа д'Эсте и его всѣмъ доступная щедрость дѣлаютъ его предметомъ всеобщей любви“; есть, наконецъ, умственно-изящно-возвышенный, свойственный знаменитымъ „диктаторамъ“, въ родѣ: „исторгнувъ большую часть цвѣтовъ изъ твоего лона, Флоренція, поздній Тотила напрасно посѣтилъ Тринакрию“. Этотъ стиль мы называемъ превосходнымъ; его ищемъ мы, когда стремимся въ наивысшему“... „Тотила“—древній король итальянскихъ готвъ; здѣсь иносказательно обозначается Карлъ Валуа, а Тринакрія — мифическое имя Сициліи; необходимо знать исторію и миѳологію, если хочешь понимать красоты возвышеннаго стиля!

Вспоминая о древнемъ азіанизмѣ, мы безъ труда признаемъ въ изящномъ стилѣ Данте „игривую“, а въ его возвышенномъ стилѣ— „пышную“ манеру азіанскихъ риторовъ; но, какова бы ни была справедливость этого послѣдняго сближенія—фактъ тотъ, что, благодаря допущенію въ средневѣковое образованіе „*artes*“ и ихъ учителей, средневѣковое человѣчество поняло художественность прозы.

Это, конечно, не художественность, а искусственность. Согласны,—но, во всякомъ случаѣ, эта искусственность могла подготовить почву для настоящей художественности. „*Artes*“ были только первымъ изъ намѣченныхъ выше условий ея появленія; вторымъ были сохранившіеся *авторы* и ихъ изученіе. Но съ ними дѣло обстояло гораздо менѣе благополучно.

„*Artes*“ въ средніе вѣка пользовались неизмѣннымъ покрови-

тельствомъ церкви; требовалось только, чтобы человѣкъ изучалъ ихъ не ради нихъ самихъ, а какъ орудіе къ лучшему пониманію богословія. Подъ этимъ условіемъ онѣ всѣ были допустимы, начиная съ грамматики; да и можно ли было сомнѣваться въ благонадежности грамматики? Сколько въ спряженіи лицъ?—три, столько же, сколько и въ св. Троицѣ,—и ужь, конечно, не по какой-либо иной причинѣ. По какому склоненію склоняется homo?—по третьему; это значитъ, что человѣкъ долженъ склоняться, т.-е. смиряться трижды—передъ Богомъ, передъ ближнимъ и передъ самимъ собою. Таково было религиозно-нравственное значеніе законовъ Доната; но можно ли было сказать то же про авторовъ? Конечно, нѣтъ, если не считать Virgilіа, предсказавшаго, будто бы, въ одной эклогѣ пришествіе Спасителя и описавшаго въ Энеидѣ иносказательно мытарства души на пути къ спасенію,—за что Virgilій едва не попалъ въ святые. Но Virgilій былъ поэтомъ, и потому насъ здѣсь не интересуютъ; остальные же „аuctores“ были въ загонѣ. Страшное видѣніе Иеронима, подвергшагося бичеванію за свой „цицероніанизмъ“, было памятно всѣмъ и повторялось нерѣдко—при склонности средневѣкового аскетизма къ экзальтаци, мы не имѣемъ причины сомнѣваться въ истинѣ того, что намъ объ этомъ говорится. И вотъ церковь, взявъ подъ свое покровительство „artes“, отказываетъ въ немъ „авторамъ“, объявляя ихъ излишними и даже вредными; мы часто читаемъ о запретахъ, налагаемыхъ на занятія въ языческихъ половинахъ монастырскихъ библиотекъ. И все-таки эти авторы дошли до насъ, съ рѣдкими исключеніями, въ копіяхъ средневѣковыхъ монаховъ. Какъ это объяснить?

Говоря правду—прочностью средневѣковой бумаги. Даже противники проклятыхъ „авторовъ“ не были непремѣнно вандалами, которые стали бы намѣренно разрушать имѣющіяся въ монастыряхъ сокровища языческой литературы.—ихъ просто оставляли въ покоѣ, давали имъ покрываться пылью и паутиной,—въ крайнемъ случаѣ, за недостаткомъ помѣщенія бросали ихъ въ какой-нибудь смрадный и темный чуланъ. Такъ они и лежали въ продолженіе одного, двухъ, трехъ поколѣній, пока монастырь не получалъ какого-нибудь болѣе либеральнаго игумена. Тогда о нихъ вновь вспоминали; конечно, того, что было съѣдено крысами, вернуть нельзя было; зато остальное приводилось въ порядокъ, очищалось, переписывалось; мало того, посылали за оригиналами въ другіе монастыри, съ тѣмъ, разумѣется, чтобы, взятіи копій, вернуть ихъ по принадлежности, если требованія будутъ очень настойчивы. Такимъ образомъ, положительное отно-

шеніе въ „авторахъ“ приносило болѣе пользы, чѣмъ отрицательное—вреда; насъ же эти рѣдкіе покровители древней литературы интересуютъ тѣмъ болѣе, что они были въ то же время ревнителями новой художественности латинской прозы въ средніе вѣка—художественности, основанной на сознательномъ подражаніи древнимъ авторамъ. Ее мы, по самой природѣ вещей, можемъ назвать классицизмомъ; въ противоположность къ школьному краснорѣчію „диктаторовъ“ и въ точномъ соотвѣтствіи съ древнимъ классицизмомъ, этотъ стиль зарождается въ библіотекахъ; своимъ возникновеніемъ онъ обязанъ книгѣ и ея усердному изученію.

Такъ-то въ средніе вѣка возобновляется старинная борьба между „авианизмомъ“ и классицизмомъ; она возникла изъ борьбы между „artes“ и „auctores“—авторами. Въ обстоятельной характеристикѣ классицизмъ не нуждается, такъ какъ онъ никакихъ новыхъ идеаловъ не создалъ; требовалось возможно-близкое воспроизведеніе стиля образцовыхъ писателей древности, и прежде всего—Цицерона, имя котораго не потеряло своего блеска и въ средніе вѣка, даже въ глазахъ тѣхъ, которые воображали, что Туллій и Цицеронъ—это два различныхъ автора. Такъ писали при Карлѣ Великомъ—Эгингардъ, при Карлѣ Лысомъ—Серватъ Лупъ, при первыхъ Капетингахъ—Гербертъ (онъ же и папа Сильвестръ II), въ эпоху схоластики—Іоаннъ Саресберійскій. При послѣднемъ, борьба между „artes“ и „auctores“ велась самымъ ожесточеннымъ образомъ; твердыней первыхъ былъ Парижъ, твердыней вторыхъ—Шартръ. Нечего говорить, что при такомъ положеніи дѣлъ, авторитетъ первыхъ былъ несравненно выше, и пренебреженіе, съ которымъ ихъ представители относились къ покровителямъ „авторовъ“ и ревнителямъ чистой художественной рѣчи, внушило одному изъ учениковъ шартрской школы, только-что названному Іоанну, дѣйствительно краснорѣчивые стихи, о которыхъ мы желали бы дать посильное представленіе въ нижеслѣдующемъ переводѣ:

Если ты „авторовъ“ любишь, охотно ихъ книги читаешь,
 Съ тѣмъ, чтобъ изнестества путь, слѣдуя имъ, обрѣсти,—
 Крикъ подымается всюду:—На что этотъ „древній оселъ“ намъ?
 Что онъ намъ древнихъ слова, древнихъ дѣянья твердить!
 Мудры своимъ мы умомъ; молодежь научили мы нашу:
 Догматы древнихъ твоихъ наша откинула рать.

Бѣдный безумецъ! Зачѣмъ подгоняешь ты къ времени время,
 Вяжешь падежъ съ надежомъ, числа подводимъ къ числу?
 Трудъ кропотливый тутъ нуженъ, и средствъ облегчить его мало;

День утекает за днемъ, жизнь пронападаетъ твоя.
 Можешь безъ лишнихъ усилій быть многимъ рѣчьствѣ, другъ мой.
 Тѣхъ, что подь ветхій законъ выю покорную гнуть:
 Все, что взбредеть на языкъ, говори и отважно, и гордо;
 Только теорію (arg) знай: дѣлаетъ смѣлымъ она.

Невесело было настроеніе у человѣка, писавшаго эти стихи, и дѣйствительно, могущество схоластикова было таково, что защитникамъ „авторовъ“ ихъ дѣло должно было казаться заранѣе проиграннымъ. Все-же шартрская школа стойко держала знамя художественности рѣчи въ XII вѣкѣ; въ XIII вѣкѣ оно переходитъ къ орлеанской школѣ. „Схоляры, — говорятъ намъ, — учатся семи „artes“ въ Парижѣ; „авторамъ“ — въ Орлеанѣ, законовѣдѣнію — въ Болоньѣ; врачеванію — въ Салерно; черноокнижію — въ Толедо, а добрымъ нравамъ — нигдѣ“. Но и тогда роль „авторовъ“ была очень скромна, и Генрихъ д'Андели, одинъ изъ тогдашнихъ „труверовъ“, изобразившій въ комическомъ стихотвореніи войну между парижскими „artes“ и орлеанскими „авторами“, кончаетъ ее побѣдой первыхъ. Самъ онъ, однако, сочувствуетъ вторымъ; „торжество тѣхъ „artes“, — говоритъ онъ, — продлится еще лѣтъ тридцать; но когда вступить на арену новое поколѣніе, то нынѣшняя побѣдительница будетъ побѣждена“...

Пророчество это исполнилось, хотя и нѣсколько позже; въ эпоху „Возрожденія“ борьба между „auctores“ и „artes“ возобновилась съ новой силой и кончилась полной побѣдой первыхъ, а съ ними и классицизма, т.-е. художественной прозы въ духѣ древнихъ. Само собою разумѣется, что не къ этому сводится важность „Возрожденія“; его дѣятели служили и многимъ другимъ, несравненно болѣе высокимъ цѣлямъ, часто сами того не сознавая; но наиболѣе сознательно, наиболѣе усердно преслѣдуемою цѣлью было у нихъ — *воскрешеніе древней художественной рѣчи*. Въ Италіи они легко побѣдили; болѣе серьезное сопротивленіе оказалъ сѣверъ. Въ Парижѣ, Кельнѣ и другихъ университетахъ почтенные „magistri nostri“ были возмущены подувшимъ съ юга вѣтромъ; „чего хотятъ они со своей новой латынью“? — сердито говорили они, тщетно стараясь предать осмѣянію „grossa vocabula“, — какъ они ихъ называли, — своихъ враговъ. Но осмѣянію подверглись они сами; безсмертныя „epistolae obscurorum virorum“ схоронили подь гнетомъ всеобщаго презрѣнія кельнскихъ магистровъ и бакалавровъ съ ихъ схоластикой, кухонной латынью, dictamina — и всѣмъ прочимъ.

Какъ видно отсюда, побѣда классицизма въ эпоху „Возрожденія“ была двойная: и надъ варварскимъ „азіанизмомъ“ упомяну-

тыхъ „dictamina“, и надъ беззаботнымъ обиходнымъ языкомъ латинской схоластики. О первомъ жалѣть было нечего,—но второй?..

За побѣдой послѣдовалъ, какъ это было естественно, расколъ въ лагерѣ побѣдителей. Первые гуманисты стремились къ подражанію,—но не къ подражанію рабскому; любили прежде всего Цицерона, а затѣмъ и другихъ, стараясь брать прекрасное всюду, гдѣ оно было. Но вотъ возникаютъ фанатики пуризма, не допускающіе ни одного слова, ни одного оборота, который бы нельзя было узаконить ссылкой на Цицерона; подобно большинству фанатиковъ, это были посредственности, старавшіяся возмѣстить недостатокъ таланта строгостью подчиненія „регулѣ“. Называли они себя „цицероніанцами“, не понимая того, что ихъ кумиръ первый отвергъ бы ихъ не по разуму усердную службу; это они называли соколовъ орлами, на томъ основаніи, что слово „falco“ случайно у Цицерона не встрѣчается, и приглашали верховнаго жреца, т.-е. папу, уповать на помощь бессмертныхъ боговъ, намѣстникомъ которыхъ онъ состоитъ на землѣ. Разумные люди не раздѣляли ихъ увлеченія, и глава сѣвернаго гуманизма, Эразмъ, осмѣялъ ихъ въ своемъ бойкомъ и ѣдвомъ діалогѣ „Ciceronіanus“. Такъ-то мы уже въ сравнительно раннее время встрѣчаемъ умѣренныхъ и крайнихъ классицистовъ. Но умы были возбуждены, и этимъ дѣло не кончилось. Ужъ если подражать, то почему непременно Цицерону? Чѣмъ плохъ былъ Сенека, мастеръ и глубокой, и хлѣсткой „сентенціи“? И онъ находитъ себѣ почитателей, къ которымъ принадлежалъ, между прочимъ, знаменитый Липсій; другими словами, „азіанизмъ“, недавно лишь похороненный въ лицѣ средневѣковыхъ „диктаторовъ“, вновь водворяется на расчищенной почвѣ классической рѣчи. Но и этого было мало; колесо, разъ приведенное въ движеніе, не могло остановиться на Сенека. Вотъ—Апулей съ его африканской латынью; почему бы не писать, какъ онъ? Появляются апулеянцы, одинаково ненавистные обѣимъ партіямъ, и классицистамъ, которымъ они рѣзали уши, и „азіанцамъ“, которыхъ они компрометтировали. На бѣду, главное сочиненіе Апулея носило заглавіе: „Осель“; можно себѣ представить остроты, которые посыпались на его поклонниковъ. Теперь комплектъ былъ полнымъ; мы имѣемъ крайнихъ классицистовъ, умѣренныхъ классицистовъ, умѣренныхъ „азіанцевъ“, крайнихъ „азіанцевъ“; могла быть дана генеральная битва. И она была дана. Съ одной стороны, предавалась анаемѣ „ересь цицероніанцевъ“; съ другой стороны—осмѣивались люди, которымъ пріятнѣе было „ревѣть“ съ Апулеемъ, чѣмъ говорить съ Цицерономъ. Все болѣе и болѣе разгорался бой; онъ перешелъ изъ XVI вѣка въ

XVII-ый и все еще не обѣщаль конца; но воюющіе не замѣтили въ пылу сраженія, что они мало-по-малу оставили землю и поднялись въ поднебесное пространство, между тѣмъ какъ землю, изъ-за которой они сражались, мирно подѣлили между собою ихъ общіе враги—природные языки новыхъ европейскихъ народовъ.

И вотъ какъ это случилось.

VII.

Антагонизмъ между латинскимъ языкомъ и новыми языками начинается въ одно и то же время, какъ и самый гуманизмъ; мы встрѣчаемъ его уже у Петрарки. Съ точки зрѣнія гуманистовъ, германскіе языки были варварскими, романскіе—искаженной латынью. Въ средніе вѣка отношенія были лучше; внимательный изслѣдователь безъ труда убѣдится, что условіемъ такихъ хорошихъ отношеній было явленіе, называемое въ физикѣ „осмосомъ“—взаимный обмѣнъ матеріаловъ. То же самое мы видимъ и въ политической жизни народовъ: сосѣднія государства живутъ въ мирѣ между собой, пока ввозъ и вывозъ продуктовъ происходитъ взаимно на равныхъ условіяхъ; но отношенія тотчасъ обостряются, если одно изъ нихъ вздумаетъ воспрепятствовать ввозу продуктовъ своего сосѣда.

Въ средніе вѣка, повторяю, „осмосъ“ былъ обоюднымъ; чтобы понять это и вмѣстѣ съ тѣмъ оцѣнить всю пользу, которую извлекали новые языки изъ своего, такъ сказать, сожителства съ латинскимъ, слѣдуетъ представить себѣ особенность „продуктовъ“ той и другой области. Особенностью новыхъ языковъ была вѣрная и мѣткая передача самыхъ разнообразныхъ объектовъ *внѣшнихъ ощущеній*; только на новыхъ языкахъ можно было дать свое имя отдѣльнымъ предметамъ домашней утвари, составнымъ частямъ лошадиной сбруи, корабельнымъ снастямъ и т. д. Конечно, у древнихъ римлянъ эти предметы, по скольку они не были изобрѣтеніями новыхъ народовъ, тоже имѣли свои названія; но, во-первыхъ, эта послѣдняя категорія была довольно значительна—и съ каждымъ столѣтіемъ дѣлалась значительнѣе; во-вторыхъ, извлеченіе древнеримскихъ названій требовало особаго филологическаго труда; а въ-третьихъ, оно часто было совершенно бесполезно: чтò пользы въ томъ, что мы изъ Горация, Ювенала, Марціала, можемъ составить довольно полный списокъ словъ, передающихъ различныя разновидности общаго понятія слова: „чаша“, когда мы не знаемъ, какаѣ разновидности и какимъ словомъ

обозначается? Поступали, поэтому, проще—брали требуемое слово прямо изъ новаго языка; надо было явиться гуманизму и Раблѣ для того, чтобы „reddite nobis clochas nostras“ показалось смѣшнымъ. Это проникновеніе новыхъ словъ въ латинскій языкъ создало то, что позднѣе стали называть „кухонною латынью“. Гораздо серьезнѣе выгода, полученная новыми языками благодаря ввозу съ латинскаго. Въ противоположность къ послѣднему, новые языки были почти лишены *интеллектуалистическихъ* элементовъ; не было или почти не было словъ для выраженія объектовъ внутренняго познаванія, равно какъ не было средствъ для передачи отвлеченныхъ отношеній между наблюдаемыми—хотя бы и внѣшними чувствами—явленіями. Новые языки—первоначально языки видимости; человѣкъ какъ бы видитъ то, что онъ говоритъ о предметахъ, и говоритъ о нихъ такъ, какъ онъ видитъ, выражая только послѣдовательность, но не связь. Отсюда крайняя бѣдность „временъ“, почти полное отсутствіе „наклоненій“, отчаянная скудость „союзовъ“: во всемъ этомъ варваръ по складу своего ума не нуждался. Но вотъ варвара стали учить по-латыни: весь внутренній міръ, не существовавшій для него до тѣхъ поръ, открылся ему. Мало-по-малу онъ съ нимъ освоился и уже обойтись безъ него не могъ. И вотъ онъ исподволь сталъ приспособлять и свою родную рѣчь къ выраженію этого внутренняго міра, то заимствуя латинскія слова, то развивая и измѣняя, по аналогіи латинскихъ словъ, формы или значенія родныхъ, то стараясь подражать въ родной рѣчи оборотамъ латинской. Такъ-то латинскій языкъ, благодаря богатству своего *интеллектуалистическаго* фактора, сдѣлался не только необходимымъ дополненіемъ къ преимущественно сенсуалистическимъ новымъ языкамъ, но и ихъ учителемъ; школа была продолжительна и серьезна, но зато и въ высшей степени плодотворна: къ концу средневѣкового періода новые языки были уже *почти* культурными языками, и въ такомъ качествѣ *почти* уже могли замѣнить латинскій языкъ во всѣхъ его отправленияхъ.

Такова была цивилизаторская миссія латинскаго языка на Западѣ; правильность „западной“ точки зрѣнія на способъ усвоенія чужой культуры была блистательно подтверждена.

Дважды употребленнымъ только-что словомъ „почти“ я имѣлъ въ виду количественные недочеты новыхъ языковъ въ сравненіи съ латинскимъ, восполнимые съ теченіемъ времени и теперь давно уже восполненные; но кромѣ нихъ слѣдуетъ указать на два принципиальныхъ ихъ недостатка. Во-первыхъ, они были познаны каждый лишь у себя дома, между тѣмъ какъ латинскій

языкъ былъ интернаціональнымъ; во-вторыхъ, *они не знали художественной прозы*. Это второе обстоятельство—единственное, которое интересуеть насъ здѣсь.

Художественной прозы новые языки знать не могли потому, что ея не знали и тотъ латинскій языкъ, подъ вліяніемъ котораго они находились, а была это, какъ мы видѣли въ прошлой главѣ, латынь *схоластическая*. Отъ красотъ „*dictamina*“ хорошаго воздѣйствія нельзя было и требовать, представителей же дѣйствительно художественной, классической латыни было слишкомъ мало. Нужно было, чтобы западный міръ сначала на латинскомъ языкѣ почувствовалъ всю красоту художественной прозы, а затѣмъ перенесъ ее на чуждую ей первоначально почву новыхъ языковъ; вторично латинскій языкъ сдѣлался учителемъ этихъ послѣднихъ, и это второе ученіе было такъ же плодотворно, какъ и первое. Съ этой точки зрѣнія, и борьба за превосходство того или другого стиля въ латинской рѣчи теряетъ свой характеръ мелочности и получаетъ особое историческое значеніе: латинскій языкъ былъ въ этомъ случаѣ лишь матеріей для опытовъ, результаты которыхъ должны были имѣть рѣшающее значеніе для всей художественной прозы вообще.

Уже Боккаччіо писалъ свои безсмертныя новеллы съ явнымъ стремленіемъ воспроизвести на итальянскомъ языкѣ роскошную „периодизацію“ Цицерона. Нельзя сказать, чтобы это ему вполне удалось, и многимъ, безъ сомнѣнія, безыскусственный и безпріязательный стиль его предшественниковъ, напр. Франко Саккетти, покажется болѣе приятнымъ; тѣмъ не менѣе, итальянцы считаютъ справедливо именно Боккаччіо основателемъ своей художественной прозы—хотя онъ увлекся и перешелъ мѣру; дѣломъ его послѣдователей было вернуться къ этой мѣрѣ. Къ тому же, онъ былъ только предвѣстникомъ; латинская художественная проза была возсоздана лишь въ XV-мъ вѣкѣ, а между тѣмъ ясно, что сначала она должна была окрѣпнуть и развернуться, а затѣмъ уже передать свою красоту идущимъ по ея стопамъ новымъ языкамъ. Случилось это въ XVI-мъ вѣкѣ; да и тутъ новые языки еще сильно отстаютъ. Какъ хороши, съ точки зрѣнія стиля, латинскія сочиненія Гуттена, и какъ неудобочитаемы его же произведенія, написанныя по-нѣмецки! Послѣднія, положимъ, болѣе прославляются въ настоящее время патріотами изъ его эпигоновъ—ихъ счастье, что ихъ самихъ не заставляютъ читать ихъ.

Подражаніе было тутъ вполне сознательнымъ. Гуманисты не особенно рекомендовали употребленіе новыхъ языковъ, но все

же иногда его допускали и только совѣтовали развивать ихъ по образцу латинскаго; такъ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ дѣятелей XVI-го вѣка, испанецъ Вивесъ, требуетъ, чтобы ученики особенно старательно знакомились съ латинскимъ языкомъ, „какъ для того“, — говоритъ онъ, — „чтобы хорошенъко понимать его и черезъ него всю науку, такъ и для того, чтобы, пользуясь имъ, очищать и обогащать свою родную рѣчь, точно отведенной отъ источника водой“. Одновременно съ нимъ французъ дю-Беллѣ, стоявшій вообще на противоположной точкѣ зрѣнія, — предлагая отдать предпочтеніе французскому языку передъ латинскимъ — требуетъ, однако, чтобы писатели обогащали этотъ языкъ путемъ подражанія древнимъ авторамъ. То же требованіе выставилъ въ концу вѣка и знаменитый законодатель французскаго стиля, предвѣстникъ французскаго классицизма, Ронсаръ.

Такимъ образомъ, влияніе латинской художественной прозы на художественную прозу новыхъ языковъ не только было фактомъ, но и признавалось законнымъ; въ виду этого, вопросъ о томъ, кому будетъ присуждена побѣда въ борьбѣ за „цицероніанизмъ“, былъ довольно существеннымъ. Кто заглядывалъ въ произведенія тогдашнихъ „цицероніанцевъ“ и ихъ противниковъ, тотъ знаетъ, сколько тѣми и другими было въ ней обнаружено стилистическаго чутья; бесспорно, эти люди могли многому научить своихъ современниковъ. Самымъ благодарнымъ для ученія возрастомъ былъ возрастъ школьный; поэтому намъ небезъинтересно знать, за которой изъ враждующихъ партій осталась побѣда въ школахъ, а именно, — такъ какъ художественную прозу на новыхъ языкахъ создала романская Европа, — въ школахъ католическихъ, т.-е. іезуитскихъ. Педагогика іезуитовъ намъ теперь извѣстна въ точности; мы знаемъ, что въ ихъ школахъ процвѣтала цицероніанизмъ. „Мы желаемъ, — читаемъ мы въ „Memoriale“ іезуита Ө. Бузея (1609 г.), — „чтобы занимающіеся наукой, и учителя, и ученики, держались въ богословіи св. Өомы, въ философіи — Аристотеля, а въ „humaniora“ слѣдовали и подражали Цицерону“. Такъ-то Цицеронъ, создавшій художественную прозу въ древнемъ Римѣ, создалъ ее вторично для языковъ новой Европы: прозаическая литература романскихъ языковъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше подчиняется его влиянію. Особенно замѣтно это на писателѣ, котораго можно считать завершителемъ классической прозы французовъ, Бальзакъ Старшемъ (первой пол. XVII вѣка); онъ и въ теоріи былъ „цицероніанцемъ“; болѣе позднихъ авторовъ онъ сравнивалъ съ Икаромъ и Фаэтонтомъ, и на практикѣ счумѣлъ

болѣе, чѣмъ кто-нибудь до него, воспроизвести въ французской рѣчи величавость и грацію цicerоновскихъ періодовъ.

Но „цицероніанизмъ“, т.-е., согласно сказанному выше, классицизмъ,—не былъ единственнымъ теченіемъ въ художественной прозѣ новѣйшихъ народовъ, какъ онъ не былъ единственнымъ теченіемъ въ художественной прозѣ современнаго имъ латинскаго языка. Мы видѣли, какую роль игралъ въ этой послѣдней „азіанизмъ“, какъ въ его крайнихъ, такъ и въ его умѣренныхъ представителяхъ; если принять во вниманіе плѣнительность, свойственную ему именно въ глазахъ молодого общества, то его отсутствіе въ Европѣ XVI-го и XVII-го вѣковъ покажется а priori невѣроятнымъ. Къ счастью онъ существовалъ, и его наличность еще разъ подтверждаетъ и безъ того уже несомнѣнный фактъ, что художественная проза новыхъ народовъ образовалась подъ непосредственнымъ вліяніемъ художественной прозы гуманистической латыни.

„Антитеза“ была первымъ конькомъ „азіанскаго“ краснорѣчія: вторымъ—была позднѣе разившаяся „сентенція“. Само собою разумѣется, что „азіанскій“ характеръ свазывается только въ злоупотребленіи той и другой; совсѣмъ безъ нихъ не обходится ни одинъ художественный стиль, какъ не обходится безъ нихъ и первообразъ художественной рѣчи, языкъ естественный, народный. И то, и другое злоупотребленіе мы встрѣчаемъ въ художественной прозѣ тогдашней Европы, притомъ—не злоупотребленіе случайное, безсознательное и невольное, а систематическое, сознательное и намѣренное, возведенное въ норму и давшее опредѣленную окраску стилю: построенный на „сентенціи“ стиль назывался „драгоцѣннымъ стилемъ“ (*style précieux*), а построенный на „антитезѣ“—извѣстенъ подъ именемъ „эвфизма“ (*euphuism*).

О „драгоцѣнномъ“ стилѣ у насъ теперь опять стало возможнымъ говорить, не рискуя остаться непонятымъ: послѣдній французскій поэтъ, Ростанъ, снова его сдѣлалъ популярнымъ во Франціи и, по крайней мѣрѣ, извѣстнымъ у насъ. На вопросъ, что такое „драгоцѣнный“ стиль, можно дать краткій отвѣтъ: это—Сирано де-Бержеракъ. Мы затруднились выше русскимъ переводомъ слова „sententia“; по-французски переводъ возможенъ самый точный и выразительный: сентенція, это—„pointe“. „Драгоцѣнный“ стиль весь построенъ на немъ; ошеломите своего слушателя фейерверкомъ непрерывныхъ „pointes“, какъ это дѣлаетъ Сирано, говоря о своемъ носѣ,—это будетъ стиль „rhébus“; прибавьте къ нимъ пафоса и сентиментализма, какъ это дѣлаетъ Сирано, объясняясь въ любви,—вы получите „style alambique“; затемните ихъ

совершенно намеками на самые разнородные предметы такъ, чтобы каждое слово требовало комментарія, и въ то же время нагромождайте ихъ такъ, чтобы слушатель не имѣлъ времени подумать и не вынесъ изъ вашей рѣчи ровно ничего, кромѣ безграничнаго благоговѣнія предъ вашей эрудиціей и вашимъ esprit—чего Сирано, впрочемъ, не дѣлаетъ,—и вы будете владѣть самымъ возвышеннымъ изъ „драгоцѣнныхъ“ стилей—„style galimatias“.

Теперь всѣ эти разновидности „драгоцѣннаго“ стиля, кромѣ послѣдней, стяжавшей себѣ печальное безсмертіе, давно забыты; но въ свое время онѣ надѣлали много шума. Въ Испаніи, главнымъ представителемъ „style grécieux“ былъ Гонгора, давшій ему имя „гонгоризмъ“; въ Италиі, его пропагандировалъ Вирджиліо Мальвецци; въ Англии, онъ вызвалъ полемику Роджера Ашама и Филиппа Сиднэ; въ Германіи, имъ прониклась вся т.-наз. вторая силезійская школа. Но откуда же онъ взялся? Тогдашніе теоретики знали это отлично: въ діалогѣ Бонура: „La manière de bien penser dans les ouvrages d'esprit“ (1649), поклонникъ „драгоцѣннаго“ стиля открыто называетъ свои образцы: это—Веллей, Сенека, Тацитъ, представители, какъ мы видѣли выше, „азіанизма“ въ римской словесности. Недаромъ въ одномъ изъ произведеній поваго стиля самъ Сенека выставленъ его первообразомъ: передъ своею смертію римскій философъ обращается къ своему винжалу съ такими pensées alambiquées, что мы проникаемся живѣйшей симпатіей къ Нерону. А когда Бальзакъ за свой ципероніанизмъ подвергся нападеніямъ современныхъ ему grécieux, то защитникъ Бальзака, Ожье, ставя имъ въ вину ихъ „fausses subtilités“, ихъ „sottises étudiées“, извиняетъ ихъ до нѣкоторой степени тѣмъ—„qu'en cela ils ont imité les Anciens“, а именно, какъ онъ прибавляетъ ниже (называя, конечно, только косвенные образцы), Горгія, Калисоена, Клитарха, Гегесія, т.-е. „азіанцевъ“ и ихъ родоначальника. Такова была борьба между „архаизмомъ“ и „азіанизмомъ“ на почвѣ новыхъ языковъ.

Впрочемъ, „драгоцѣнный“ стиль былъ только одной отраслью новѣйшаго „азіанизма“; другой былъ, какъ было сказано выше, „эвфизмъ“. Своимъ названіемъ онъ обязанъ, какъ извѣстно, появившемуся въ 1579 г. роману Джона Лили подъ заглавіемъ: „Euphuus, the anatomy of wit“; стиль этого романа весь построенъ на антитезѣ, но антитезѣ чисто внѣшней, формальной, подчеркнутой созвучіемъ соотвѣтствующихъ другъ другу словъ, какъ въ вышеприведенныхъ примѣрахъ изъ Горгія, Апулея и Августина. Вотъ образчики: „Господа, если я могъ быть запо-

дозрѣнь вами въ недомыслии, выслушивая ваши рассказы, то теперь я могу быть уличенъ вами въ легкомыслии, отвѣчая на такой вздоръ; конечно, насколько вы заставили краснѣть мои уши исторіей вашей любви, настолько вы ожесточили мое сердце воспоминаніемъ о вашемъ безразсудствѣ". Этотъ стиль, пріобрѣтшій всемірное значеніе своимъ вліяніемъ на Шекспира, не былъ оригинальнымъ открытіемъ Лили: онъ заимствовалъ его у испанца Гевары, автора знаменитаго въ тѣ времена романа о Маркѣ Авреліѣ; Гевара въ свою очередь почерпнулъ свою страсть къ антитезамъ у Исократы; нѣкоторыя рѣчи послѣдняго какъ разъ въ это время, шесть лѣтъ до появленія только-что упомянутаго романа, были Вивесомъ переведены по-испански. Это родство между Геварой и Исократомъ, замѣченное еще современникомъ Лили, Джорджемъ Петтенгэмомъ, еще разъ уполномочиваетъ насъ отнести и „эуфуизмъ“, наравнѣ съ „драгоцѣннымъ“ стилемъ, къ возрожденному въ новой Европѣ „азіанизму“:

Только теперь мы въ состояніи вполнѣ оцѣнить значеніе литературной борьбы, кипѣвшей въ западной Европѣ въ продолженіе XVI и XVII вѣковъ. Усиліями гуманистовъ, латинской прозѣ возвращается художественность, которая ей была свойственна въ древнія времена—и тотчасъ на почвѣ художественной латинской рѣчи возобновляется борьба между классическимъ стилемъ съ одной—и „азіанскимъ“—съ другой стороны. Но новые языки, привышіе орошать свою ниву неисчерпаемымъ родникомъ латинской рѣчи, вскорѣ и сами явились на арену; имъ нужно было только добыть себѣ „дворянскую грамоту“, т. е. художественность, для того, чтобы принять участіе въ турнирѣ. И въ ихъ рядахъ мы находимъ „классиковъ“ и „азіанцевъ“; и нужно ли доказывать, что эта борьба все еще не прекращается; отпадаютъ лишь крайности, но классицизмъ, какъ классицизмъ, продолжаетъ жить, и „азіанизмъ“ подъ различными масками—сентиментализма, романтизма, неоромантизма—постоянно воскресаетъ и собираетъ вокругъ себя своихъ поклонниковъ? И нѣтъ причины желать, чтобъ эта борьба прекратилась: „классицизмъ“ и „азіанизмъ“ по природѣ своей вѣчны, какъ вѣчны оба источника всякой художественной прозы: разумъ и фантазія.

Зато вторая борьба, повидимому, кончилась; это — борьба между латинской художественной прозой и художественной прозой новыхъ языковъ за преобладаніе въ литературѣ. Стараніемъ гуманистовъ—латинскому языку была возвращена его художественность; зато была принесена въ жертву обожденность „осмоза“ между нимъ и новыми языками; было устранено все то, что ла-

тинскій языкъ принялъ въ себя въ теченіе всего средневѣкового періода, и что сдѣлало его способнымъ выражать мысли современныхъ людей. Это — разъ. Во-вторыхъ, „новая латынь“ гуманистовъ была гораздо труднѣе схоластической, именно потому, что была художественной; если прежняя была желѣзомъ, ковать которое могъ любой кузнецъ, то новая была золотомъ, обращаться съ которымъ могъ только ювелиръ. Вступало въ силу возраженіе парижскаго „артиста“ противъ классической латыни:

Трудъ кропотливый тутъ нуженъ, и средствъ облегчить его мало:
День утекаетъ за днемъ, жизнь пропадаешь твою.

Положимъ, средства облегчить этотъ трудъ были возможны, и сами гуманисты позаботились о томъ, чтобы ихъ добыть, — куда легче и пріятнѣе было учиться латинскому языку по „colloquia“ Эразма, чѣмъ по чудовищному доктриналу Александра de Villa Dei, — но интеллигенція не хотѣла ждать. Такимъ образомъ, гуманизмъ, возвращая латинской прозѣ ея художественность, противъ своей воли содѣйствовалъ ея паденію: съ одной стороны, онъ сдѣлалъ ее самоѣ и непрактичнѣе, и труднѣе; съ другой стороны, онъ ту же художественность доставилъ и новымъ языкамъ, которые, почувствовавъ свою красоту, потребовали для себя первенствующей и вскорѣ исключительной роли въ литературной жизни.

Этому принято радоваться; оно и понятно. Каждый человѣкъ принадлежитъ къ какому-нибудь народу и по одному этому съ удовольствіемъ привѣтствуетъ возвышеніе „національной“ прозы; а оно обуславливалось паденіемъ латинской прозы, мѣсто которой національная и заняла. Не слѣдуетъ, однако, забывать и о жертвахъ, которыми было искуплено это возвышеніе. Былъ утерянъ, прежде всего, международный языкъ, а съ нимъ не только неоптимальное орудіе для научныхъ, дипломатическихъ, судебныхъ и торговыхъ сношеній, — даже и торговыхъ: не забудемъ, что и двойная бухгалтерія, по мнѣнію Нибура, была извѣстна римлянамъ, — но и живой символъ международнаго мира. А затѣмъ, — съ націонализацией литературы и науки, европейскіе народы вступили въ тотъ фазисъ своего развитія, которому въ экономической ихъ жизни соответствуетъ капитализмъ. Эразмъ былъ голландецъ, Рейхлинъ — нѣмецъ; пока они оба писали по-латыни, ихъ сочиненія находили себѣ одинаковый сбытъ во всей цивилизованной Европѣ. Но заставьте cadaго писать на своемъ національномъ языкѣ — и публика перваго уменьшится болѣе чѣмъ

вдесятеро противъ публики второго, а публика—это капиталъ писателя. Допустите націонализацію литературы и науки—и Рейхлинъ окажется въ такихъ же точно условіяхъ по отношенію къ Эразму, въ какихъ находится заводчикъ по отношенію къ ремесленнику. А націонализація школы и вызванная ею борьба, въ которой всѣ удары сыплются на безвинныя головы мальчиковъ и дѣвочекъ! сочтены ли слезы, которыхъ она стоила уже теперь? опредѣлено ли психологами, какой ядъ губительнѣе для дѣтскихъ душъ: ожесточеніе ли побѣжденныхъ, или злорадство побѣдителей?

Націонализмъ и капитализмъ—одинаково необходимые факторы нашей культуры въ настоящемъ фазисѣ ея развитія; насколько они необходимы и въ будущемъ—рѣшить потомство. Нашъ очеркъ—историческій; а чѣмъ ближе человѣкъ знакомится съ исторіей, тѣмъ болѣе онъ дѣлается склоннымъ ограничивать область безапелляціонныхъ ея приговоровъ.

Ө. Зѣлинскій.

ПОЩЕЧИНА

РАЗСКАЗЪ.

I.

Звонъ великопостныхъ колоколовъ пробудилъ Сережу Горянцева отъ утренней дремоты. Былъ чистый понедѣльникъ. Наканунѣ, послѣ придворнаго бала, окончившагося ровно въ полночь, онъ поѣхалъ къ одному изъ полковыхъ товарищей, гдѣ собралась веселая компанія отпраздновать, какъ слѣдуетъ, послѣдній день масленицы. Тамъ, чуть не до пяти часовъ, шла крупная игра, и Горянецъ, которому сильно везло, остался въ большомъ выигрышѣ. Возвратился онъ домой уже за пять, а теперь, когда Сережа проснулся ровно въ десять, онъ чувствовалъ себя совершенно бодрымъ и свѣжимъ, послѣ недолгаго, но крѣпкаго сна. Онъ потянулся съ минуту въ кровати, и, вскочивъ на ноги, поспѣшилъ окунуть лицо въ лахань. Привосновеніе холодной воды вызвало у него удвоенное ощущеніе бодрости и молодой силы, и мигомъ впечатлѣнія истекшаго дня ярко воскресли у него въ памяти. Это былъ одинъ изъ самыхъ удачныхъ дней за всѣ пять лѣтъ, проведенныхъ имъ въ полку. Никогда еще въ его жизни такъ высоко не поднималась носившая его съ собой волна успѣха. Его сѣрые красивые глаза самоувѣренно блеснули въ отвѣтъ на это воспоминаніе, и довольная улыбка заиграла-было на губахъ, отгѣненныхъ мягкими бѣлокурыми усами. Но блескъ этотъ потухъ тотчасъ, улыбка исчезла. Что-то почти болѣзненное присоединилось къ счастливымъ воспоминаніямъ минувшаго дня, что-то портившее ихъ праздничную радость.

А за послѣднее время ему, въ самомъ дѣлѣ, необыкновенно везло. Какъ разъ за эту зиму его положеніе и въ полку, и въ обществѣ, поднялось замѣтно. На первыхъ порахъ, когда послѣ университета онъ поступилъ вольноопредѣляющимся, а потомъ такъ и остался въ полку, гдѣ сразу полюбился товарищамъ, Сережѣ Горянцеву приходилось не легко. Связей у него въ Петербургѣ не было никакихъ, да и въ деньгахъ тоже недостатокъ ощущался большой. Приходилось себя обрѣзывать во всемъ, съ нѣмецкою аккуратностью беречь каждую копѣйку, и терпѣть за то не мало насмѣшекъ. Не будь Горянецъ такимъ всеобщимъ любимцемъ за открытый, веселый, совсѣмъ необидчивый нравъ, онъ едва ли бы могъ удержаться въ полку. Теперь было совсѣмъ уже не то. Веселое добродушіе его натуры, готовность полѣзть за товарища въ огонь и воду, дѣлали его популярнымъ, а за лихую, красивую ѣзду онъ былъ у начальства на самомъ лучшемъ счету. Завелись у него и многочисленныя знакомства въ свѣтскомъ кругу, и недостатка въ деньгахъ уже не было, или, вѣрнѣе, не чувствовалось. Словомъ, онъ былъ теперь среди товарищей въ самомъ первомъ ряду, какъ одинъ изъ наиболѣе блестящихъ офицеровъ. Недавно переведенный къ нимъ изъ другого полка, молодой князь Суздальскій—красавецъ собою, лихой наѣздникъ, заразительно веселый, когда ему хотѣлось быть такимъ, и въ то же время умѣвшій осадить хоть кого приступомъ ледящей холодности, ни съ кѣмъ такъ близко не сошелся, какъ съ Сережей. Съ нимъ однимъ Суздальскій былъ совсѣмъ вараспашку, съ полною задушевною искренностью повѣряя ему самые затаянные помыслы, даже тѣ, которыхъ онъ внутренно стыдился. Горянецъ платилъ ему тѣмъ же лишь на половину. Иной разъ его подмывало душу совсѣмъ обнажить передъ Суздальскимъ, но онъ всегда умѣлъ во-время остановить неосторожное признаніе.

А было въ его жизни кое-что, въ чемъ признаваться даже самому себѣ не всегда хотѣлось. Иной разъ въ самый разгаръ безудержнаго веселья къ нему толкнется въ сердце острое, колючее сознаніе, что въ этомъ весельѣ что-то нехорошее таится на днѣ. Такъ, когда онъ немилосердно вышучивалъ добродушнаго толстяка, Колю Разрубина, который былъ такъ смѣшонъ своей вѣчной неловкостью въ женскомъ обществѣ, онъ часто стыдился про себя этой немилосердной и незаслуженной травли. Когда онъ цѣлый мѣсяць, а не то и годъ, заставлялъ дожидаться уплаты по какому-нибудь счету, и въ то же время аккуратно платилъ карточные долги, ему часто приходило въ голову,

какъ нелѣпо и несправедливо установившееся въ его кругу житейское правило, что какому-нибудь мастеровому можно, пожалуй, и не платить вовсе, а съ богатымъ товарищемъ, которому проигралъ, рассчитаться надо во что бы то ни стало. Въ прошлую зиму, ровно годъ назадъ, когда этотъ добрѣйшій Иванъ Федоровичъ Телѣгинъ, сосѣдъ Горянцева по курскому имѣнью и старинный другъ его отца, пріѣхалъ въ Петербургъ со своею двадцатилѣтнею Вѣрочкою, — какъ холодно обошелся онъ съ ними, съ какою жестокою умыленною тонкостью далъ онъ имъ понять, что рассчитывать на него, какъ на будущаго жениха дочери, незачѣмъ. А три года передъ тѣмъ, когда Сережа въ послѣдній разъ побывалъ лѣтомъ въ деревнѣ, — какъ искренно увлекался онъ тогда молодою дѣвушкою, ея робкою, едва распускаяшеюся прелестью. Оба они были еще слишкомъ молоды, чтобы думать о свадьбѣ, но Горянецъ недвусмысленно давалъ понять и Вѣрочкѣ, и ея отцу, что въ недалекомъ будущемъ, черезъ годъ или два, эта свадьба непременно состоится. Вѣрочка хранила въ сердцѣ невысказанное на словахъ обѣщаніе, и считала себя почти невѣстою Сережи. Въ деревенской тиши три года прошли незамѣтно, не принеся съ собою никакихъ переменъ, и дѣвушка твердо вѣрила, что не измѣнился и Горянецъ: онъ писалъ вѣдь ей не разъ за эти три года, хоть и не особенно часто.

А для него, между тѣмъ, эти года были временемъ полнаго, быстрого расцвѣта. И теперь самая мысль о женитьбѣ на Вѣрочкѣ ему казалась чѣмъ-то совершенно нелѣпымъ и смѣшнымъ. Какое мѣсто заняла бы она среди женщинъ того круга, гдѣ онъ постоянно бывалъ, — Софи Мендеръ, княгини Бетси Краснохолмской, баронессы Шварценбахъ, Мери Свольской... Одни только эти бѣдные провинціалы, заиспшіе въ своей деревенской глуши, могли этого не понимать. Вѣдь неизмѣримо далеко было отъ ирежняго Сережи, застѣнчиваго, молоденькаго офицера, до теперешняго блестящаго Горянцева, котораго знаетъ весь Петербургъ, и кому завидуютъ многіе изъ сверстниковъ. Боязливо-строгія правила, выработанныя съ дѣтства, подъ вліяніемъ отца, незамѣтно для Сережи смягчились и ослабли въ полковой обстановкѣ, гдѣ никто не задумывался надъ тратами, и долги считались ни во что. Въ числѣ офицеровъ полка былъ одинъ, старше его лѣтъ на шесть, и представлявшій съ нимъ полную противоположность. Звали его Полабинымъ. Это былъ сухощавый, невысокаго роста человекъ, съ тонкими, какъ у дѣвушки, руками и совсѣмъ мелкими, необыкновенно подвижными чертами некра-

сиваго лица. Но съ виду тщедушная его фигура скрывала силу и упругость чрезвычайную. Ловокъ онъ былъ какъ кошка. На скачкахъ бралъ какое угодно препятствіе, и любую строптивую лошадь укрощалъ маленькою, но желѣзною рукою. Несмотря на болѣзненную почти блѣдность, никакой усталости онъ не боялся. Послѣ безсонной ночи, проведенной за карточнымъ столомъ, голова его оставалась свѣжа, и сколько бы онъ ни выпилъ, владѣть собою Полабинъ не переставалъ. Въ полеу его не любили, и въ то же время боялись за острый языкъ, всегда готовый на язвительный отвѣтъ. Полабину Сережа понравился, и онъ взялся выдрессировать его по-своему. Разъ въ его присутствіи Горянцева схватилъ за плечи какого-то расхоловавшегося пьянаго нахала и съ такою силою толкнулъ, что тотъ со всего размаху отлетѣлъ, и чуть было не разбился объ стѣну. Такая расправа съ рослымъ дѣтиною, который былъ цѣлою головою выше Сережи, внушила Полабину уваженіе къ молодому товарищу: ни передъ чѣмъ на свѣтѣ онъ такъ не преклонялся, какъ передъ физической силой. Сережа отъ него понемногу научился, что, живя въ Петербургѣ и нося мундиръ ихъ полка, въ деньгахъ нуждаться смѣшно, что можно широко жить, не получая доходовъ, и карточная игра для небогатаго человѣка—вѣрное средство не оставаться безъ денегъ. Для всего этого одно только нужно—владѣть собою и смотрѣть на жизнь какъ на партію, въ которой, конечно, не каждая карта возьметъ, но въ проигрышѣ остаются одни дураки.

— Проигрываешься въ пухъ, знаешь отчего,—твердилъ онъ Сережѣ: — оттого, что вбилъ себѣ въ голову, что непременно надо сегодня же сорвать кушъ. И оттого-то лѣзутъ на стѣну, когда не везетъ. Разумѣется, это глупо до-нельзя. Надо деньги такъ рассчитать, свои или занятыя,—это конечно, все равно,—чтобы ихъ разъ на пятнадцать или на двадцать хватило и, какъ скоро положенную сумму продулъ, имѣть твердость встать со стола, не отыгрываясь. Зато, когда повезетъ,—а это случится когда-нибудь,—иди, не бойся, бери штурмомъ, но непременно, чтобы изъ выигранныхъ денегъ отложить что-нибудь — ну, тамъ пятьсотъ, тысячу рублей, и ужъ ни подъ какимъ видомъ ихъ не спускать. И вотъ съ этой системой, другъ мой, всегда въ барышѣ останешься: карты—это та же вѣдь жизнь, гдѣ хладнокровіемъ все возьмешь, потому что огромное большинство горячится. И нечестнаго тутъ ровно ничего нѣтъ: бараны на то и созданы, чтобы ихъ стричь. И во всемъ это такъ, повѣрь мнѣ.

Эта мораль мало-по-малу оказывала свое дѣйствіе. Полабинъ свою теорію о „баранахъ“ примѣнялъ ко всему рѣшительно, и къ

службѣ, и къ товарищамъ, и къ свѣту, гдѣ онъ бывалъ часто, и въ особенности къ женщинамъ. Щадилъ онъ одного Серезу, щадилъ за прямодушіе и наивность, — какъ разъ за тѣ свойства, которыя онъ силился въ немъ искоренить. Онъ повезъ его и въ свѣтъ, добросовѣстно стараясь вытравить въ немъ застѣнчивость, дѣлясь съ нимъ десятилѣтнею опытностью. Сереза входилъ во вкусъ. Его все сильнѣе тянуло въ искусственный міръ, гдѣ за яркимъ блескомъ обстановки не видишь скрытыхъ тревогъ и страданій, гдѣ всѣ лица, всѣ движенія выдрессированы, какъ лошади въ циркѣ, гдѣ нѣтъ даже отдаленнаго намека на заботу о деньгахъ и на необходимость себѣ отказывать въ чемъ-либо. За-одно съ прежнею застѣнчивостью у Горянцева пропадала и боязнь должать. У него былъ теперь одинъ изъ лучшихъ парадеровъ въ полку, уступленный товарищемъ за карточный проигрышъ, жеребецъ хорошаго завода, котораго онъ старался беречь, запрягая его только разъ въ день, когда надо было показаться и пустить пыль въ глаза. Деньги всегда имѣлись, какъ скоро нужно было поднести дорогой подарокъ или принять участіе въ свѣтскомъ пикникѣ. Были, конечно, и долги, которыхъ онъ пересталъ бояться, съ тѣхъ поръ, какъ замѣтилъ, что ростовщики неохотно даютъ только въ первый разъ, а потомъ сами навязываются съ услугами. И зеленого стола пересталъ онъ бояться, слѣдуя буквально совѣтамъ Полабина.

“Словомъ, къ тому времени, когда начинается этотъ рассказъ, Сереза Горянецвъ былъ на вершинѣ успѣха во всемъ, что составляетъ внѣшнюю, показную сторону жизни. По службѣ онъ шель отлично: недавно его сдѣлали полковнымъ адъютантомъ. Въ свѣтѣ онъ усвоилъ себѣ ту вѣжливую наглость, съ помощью которой въ мужчинахъ вселяешь увѣренность, что даромъ не сойдетъ насмѣшливое словцо, а въ женщинахъ — что не поможетъ имъ самое испытанное двоедушіе. И при всемъ этомъ онъ все-таки не переставалъ слыть за прекраснаго малаго, „un excellent garçon“, съ которымъ никогда не бываетъ скучно, и который не откажетъ товарищу дать займы радужную.

„Какой несносный этотъ звонъ!“ — подумалъ Горянецвъ, продолжая умываться, и невольно прислушиваясь къ унылымъ, мѣрнымъ ударамъ колокола. Было что-то навязчивое въ этомъ звонѣ, что-то напоминавшее о совершенно иной жизни, о какихъ-то докучливыхъ обязанностяхъ. Когда-то, въ далекіе уже дѣтскіе годы, совершенно инья чувства пробуждалъ въ немъ призывъ великопостнаго колокола. Ему хорошо помнилось, какъ въ деревнѣ, послушный вліянію набожной матери, онъ съ мягкимъ

умилениемъ внималъ этому призыву; потомъ и въ университетскіе годы, тамъ, въ Москвѣ, по старой привычкѣ, онъ все еще съ какимъ-то смутнымъ и въ то же время добрымъ ощущениемъ не то раскаянія, не то любви, прислушивался къ строгому голосу великопостныхъ колоколовъ. Теперь было не то: Сережа не сдѣлался, правда, открыто невѣрующимъ, — онъ только совершенно пересталъ отзываться на тотъ особый рядъ мыслей, какой навѣвалъ унылый великопостный звонъ. Слишкомъ ужъ былъ далекъ этотъ рядъ мыслей отъ теперешней его жизни, и напоминаніе про старое, давно забытое, его раздражало.

„Взять бы другую квартиру на будущій годъ, — продолжалъ онъ раздумывать, — подальше отъ церкви“... И онъ почти съ ненавистью окинулъ взглядомъ свои двѣ небольшія комнаты, спальню и кабинетъ, недавно, въ эту самую зиму меблированные заново и, разумеется, въ долгъ. Необыкновенно мизернымъ ему показалось убранство этихъ комнатъ, такъ далеко отстававшее отъ широкой роскоши богатыхъ товарищей. Горянцева жилъ въ казармахъ и очень хорошо зналъ, что снять какую-нибудь иную квартиру ему не по средствамъ.

„Проклятая бѣдность“! — стиснувъ зубы, сказалъ онъ себѣ, и разгорѣвшійся, озлобленный взглядъ остановился на кожаномъ бумажникѣ, съ вечера оставленномъ на столикѣ, возлѣ кровати. Оттуда торчала цѣлая пачка ассигнацій: это былъ его вчерашній выигрышъ, или, вѣрнѣе, только часть этого выигрыша. Всей суммы проигравшій Разрубинъ выплатить не могъ. А сумма была изрядная, — цѣлыхъ четыре тысячи. Но сознаніе, что ему теперь надолго хватитъ наличныхъ денегъ, не разогнало озлобленія молодого человѣка. Къ этому озлобленію прибавилось только нѣчто иное: онъ вспомнилъ, какимъ растеряннымъ глядѣлъ этотъ бѣдный, добрый Коля Разрубинъ, всегда такой осторожный за картами, и нечаянно, вдругъ такъ зарвавшійся вчера.

„Что за мерзость, — опять сказалъ себѣ Горянецва, — жить на выигранные деньги, смотрѣть на удовольствіе, какъ на средство наживы!.. Холодно разсчитывать, что кто-нибудь изъ товарищей, просидѣвъ за картами часа три и при этомъ выпивъ изрядно, непременно зарвется и дастъ себя остричь, какъ барана... Подлая мерзость! Вѣдь пользоваться своимъ кладнокровіемъ, чтобы слабонервныхъ обирать — это почти то же, что шулерство“...

И онъ снова окинулъ комнату сердитымъ взглядомъ.

„Ну, вотъ, женюсь“, — добавилъ онъ мысленно, и что-то

смѣлое, вызывающее блеснуло въ его глазахъ, — жениюсь на Варѣ Чертолиной, и всему этому безобразію конецъ“...

И воображеніе, быстро закусивъ удила, унесло его впередъ, къ ожидавшей его широко обезпеченной жизни...

„Это будетъ, наконецъ, жизнь вполне порядочнаго чело-
вѣка“...

Но выступившая передъ нимъ блестящая картина не разсѣяла его недовольства собою: что-то ѣдко-насмѣшливое, горькое искривило его красивыя губы, при воспоминаніи, какъ вчера на балу, во дворцѣ, онъ почти сталъ объявленнымъ женихомъ Вари. Танцую съ ней мазурку, онъ такъ недвусмысленно говорилъ ей про свое давнишнее поклоненіе, и она выслушивала это съ такой ободряющею улыбкою, что стоило ему еще сказать одно рѣшающее слово, и будущее его связано навсегда. Онъ могъ сказать это слово вчера же, но что-то его удержало — тайное ли желаніе подольше насладиться своею властью надъ этой капризною, недоступною дѣвушкою, или, быть можетъ, послѣднія колебанія вполне установившейся воли. Варя Чертолина была одна изъ самыхъ блестящихъ невѣстъ Петербурга, одинаково заманчивая и крупнымъ приданымъ, и видными связями: ея родной дядя, графъ Александръ Иларіоновичъ, занималъ очень высокій постъ и могъ вытянуть въ люди кого угодно. Разъ онъ даже сказалъ это, въ присутствіи молодого челоѣка, многозначительно улыбнувшись всѣмъ своимъ широкимъ, морщинистымъ, притворно-добродушнымъ лицомъ. Варя отказывала многимъ, и благодаря этому, должно быть, не вышла замужъ до двадцати-пяти лѣтъ. Успѣхъ у нея былъ такой громкій съ самаго появленія въ свѣтъ, и самоувѣренное, мастерское по тонкости кокетство придавало такую своеобразную прелесть ея подвижнымъ, выразительнымъ чертамъ, что, конечно, ей стоило только захотѣть — и давно она была бы подъ вѣнцомъ. Видѣтъ ее возлѣ себя съ такой покорной, даже смущенной радостью на разгорѣвшемся лицѣ—это, конечно, было для Сережи очень лестной побѣдой. И все-таки, хоть и находился Горянецъ, какъ всѣ, подъ обаяніемъ ума Вари и ея тонкаго изящества, онъ полной радости не испытывалъ. Еслибы кто-нибудь изъ близкихъ наивно спросилъ его, любить ли онъ молодую дѣвушку, онъ разсмѣялся бы, вѣроятно, въ отвѣтъ. Развѣ такое обыденное, затасканное чувство, какъ влюбленность, могло годиться для избалованной, гибкой тѣломъ и душою, своенравной Вари! Ей самой оно показалось бы чѣмъ-то устарѣлымъ и смѣшнымъ: слишкомъ хорошо она знала, каково истинное счастье большинства ея замужнихъ

сверстницѣ, въ томъ числѣ и тѣхъ, кто счастья этого искалъ, помимо мужа. Она дастъ мужу деньги, положеніе; станетъ принимать безукоризненно, и взаимнѣ всего этого узнаеть недоступныя свѣтской дѣвушкѣ наслажденія—а вѣдь не узнать ихъ вовсе женщинѣ нельзя... Нельзя не выйти замужъ: это было бы смѣшно и нелѣпо.

II.

И Сережа все это сознавалъ отлично: онъ тоже иллюзіи себѣ не дѣлалъ, а все-таки на порогѣ рѣшенія чего-то ему было словно жаль, чего-то пустого, бессмысленнаго, конечно, но юнаго, хорошаго и свѣжаго въ то же время...

Тяжелые шаги послышались въ кабинетѣ: это былъ деньщикъ Горянцева.

— Сидоренко, одѣваться!—крикнулъ ему Сережа.

Вошелъ рослый, почти въ сажень, дѣтина, съ необычайно глупымъ и въ то же время плутовато-преданнымъ лицомъ.

— Письмо къ вашему благородію, —сказалъ онъ, входя.

И всякаго поразилъ бы его удивительно тонкій, почти дискантовый голосъ, всегда вызывавшій смѣхъ полковыхъ товарищей Горянцева.

Сережа съ перваго взгляда узналъ, чей былъ этотъ почеркъ, мелкій, быстрый и нервный, и чуть-чуть задрожавшими пальцами торопливо вскрылъ конвертъ. Содержаніе записки онъ пробѣжалъ въ одинъ мигъ, и румянецъ выступилъ на его щекахъ, глаза побрылись влагой и, блеснувъ на секунду, почему-то опустились.

„Мужъ сегодня уѣзжаетъ съ почтовымъ, я останусь дома одна отъ трехъ до пяти. Можетъ быть, вамъ захочется узнать, что отвѣчу я на вашъ странный вопросъ—помните, четыре дня назадъ, когда мы катались съ горъ?“

Вмѣсто подписи стояли двѣ только буквы: „В. Р.“ Это—начальныя буквы имени жены Коли Разрубина, Веты, съ которой онъ обвинчался всего годъ передъ тѣмъ. Этотъ добрякъ, увалень Коля, вдругъ, невзначай вздумалъ жениться на 17-лѣтней дѣвочкѣ, у которой была такая сладкая, таинственная поволока на темносинихъ глазахъ, которая всѣмъ своимъ тонкимъ, дѣвственно-трепетнымъ тѣломъ, нервной, почти электрическою живостью въ движеніяхъ и во взглядѣ, словно такъ и тянулась къ невѣдомой ей страсти, знойной, какъ то южное солнце, подъ

которымъ она выросла. Темные волосы, матовый цвѣтъ лица, гдѣ вспыхиваль порой быстрый румянецъ, гибкость стана,—все это говорило о южной, горячей крови. И такая жена у Коли Разрубина, лѣниваго, рыхлаго, съ вѣчно улыбающимся лицомъ, отличнаго малаго, всегда довольнаго собою и другими. Всю эту зиму у Сережи Горянцева тѣла на душѣ зародившаяся алчная любовь къ молоденькой женщинѣ, сохранившей и въ замужествѣ что-то дѣвственное и въ очертаніяхъ фигуры, и въ выраженіи глазъ. И самый этотъ видъ невинной дѣвушки, сливавшейся въ ней съ бессознательною жаждою страсти, придавалъ Ветѣ Разрубиной особенную, незаурядную прелесть. Съ первой же ихъ встрѣчи Сережа опянялъ сразу отъ ея вкрадливой, возбуждающей красоты, и сначала добросовѣстно пытался ея избѣгать: Коля былъ однимъ изъ его лучшихъ друзей. Онъ раньше всѣхъ прочихъ товарищей съ нимъ сблизился, и не разъ выпутывалъ изъ бѣды, давая взаимы деньги. Ухаживать за его женою было чѣмъ-то недостойнымъ, даже низкимъ.

Но какъ ни твердилъ себѣ это Горянецъ, онъ не устоялъ противъ соблазна этихъ лучистыхъ глазъ, такъ обманчиво глядѣвшихъ еще совсѣмъ по-дѣвичьи, а пороку вспыхивавшихъ такимъ обольстительнымъ пламенемъ. Молодая женщина и не думала скрывать, что Горянецъ ей нравится. Не замѣчалъ этого одинъ только мужъ, влюбленный въ свою дѣвочку, какъ онъ называлъ ее, съ чисто юношескою довѣрчивостію. Коля Разрубинъ и не догадывался, что за тайная жажда запретныхъ наслажденій поднимается подчасъ въ полудѣтской, съ виду, груди его молоденькой Веты, какъ далеко заходятъ ея совсѣмъ недѣтскія грезы. Онъ не замѣчалъ даже, сколько холодности было въ ея ласкахъ. А Горянецъ чувствовалъ, что и его самого все сильнѣе проникаетъ жгучее до боли желаніе овладѣть этимъ юнымъ существомъ, въ которомъ бессознательно развращенное воображеніе такъ странно мирилось съ чарующей невинностью облика.

Разъ послѣ шумной „partie de plaisir“, затѣянной на святкахъ, Горяnceву пришлось случайно ѣхать назадъ въ городъ вдвоемъ съ Ветой: онъ думалъ, по крайней мѣрѣ, что это было случайно. Почти у самаго Троицкаго моста одна изъ пристяжныхъ запуталась ногой въ постромкахъ, и чуть-было не понесла. Молодая женщина испугалась, или притворилась испуганной, и прильнула всѣмъ тѣломъ къ Сережѣ, только-что заставившаго ее громко разсмѣяться какою-то двусмысленною шуткой. Неожиданное прикосновеніе ея упругаго стана загло мгновенно въ

немъ кровь, и онъ невольно обнялъ молодую женщину, и не отнялъ руки даже послѣ того, какъ ямщикъ успокоилъ раскодившихся лошадей. Вѣхшіе сзади успѣли замѣтить, что съ ихъ санями что-то неладно, и Коля Разрубинъ, нагнавъ ихъ, выскочилъ и бросился впередъ къ зашалившимъ лошадямъ.

— Ничего, Коля, ничего!—весело и совершенно спокойно остановила его молодая женщина.—Сейчасъ все придетъ въ порядокъ. Не правда ли, Сергѣй Николаевичъ?

Горянцевъ удивился этому поразительному спокойствію. Выраженія лица молодой женщины онъ не могъ ясно разглядѣть, но въ голосѣ ея слышалась улыбка, безобязненная и задорная, и рука его все не выпускала прижимавшагося къ нему тонкаго стана. А Коля, убѣдившись, что опасности никакой нѣтъ, добродушно посовѣтовалъ Горянцеву получше наблюдать за ямщикомъ, и вернулся къ своимъ санямъ. До самаго подъѣзда Разрубиныхъ Сережа и Вета почти не разговаривали. Молодой чело-вѣкъ почувствовалъ, какъ они вдругъ сблизились, и его встревожило это сближеніе.

— Вы не слишкомъ перепугались? — спросилъ онъ только, отнимая руку.

— Я не пуглива!—отвѣтила она, и при свѣтѣ фонаря онъ ясно разглядѣлъ электрической блескъ ея глазъ.

Когда они простились, обѣщавъ другъ другу свидѣться опять на слѣдующій день, сперва на каткѣ, а вечеромъ на балу, ея ручка вѣрнѣе отвѣтила на его пожатіе. И за всю эту зиму много накопилось такихъ мелкихъ впечатлѣній, все безнадежнѣе погружавшихъ Горянцева въ волну запретной страсти. Онъ уже не боролся со своимъ чувствомъ. Очертя голову, онъ самъ теперь сталъ призывать блаженную минуту, когда можно будетъ отвѣдать жгучей струи опьяняющихъ наслажденій. Горянцевъ сознавалъ, что готовится совершить позорный, низкій поступокъ. Отвращеніе къ самому себѣ въ немъ поднималось не разъ. Но онъ шелъ къ своей цѣли, не оглядываясь, только жмуря глаза порою, точно передъ слишкомъ яркимъ, обличительнымъ свѣтомъ.

На масляницѣ, когда они вдвоемъ катались съ горъ, и Вета, стоя на колѣняхъ позади него, опиралась обѣими руками на его плечи, и онъ чувствовалъ на своей шеѣ ея сладкое дыханіе, на спинѣ прикосновеніе молодой груди, Горянцевъ вдругъ спросилъ, оборачиваясь къ ней:

— А что, Лизавета Григорьевна, если я нарочно опривину сани?

— Не опрокинете, — чуть-чуть засмѣявшись искристымъ смѣхомъ, отвѣтила она.

— А, право, хочется, — засмѣялся онъ тоже, и въ его голосѣ что-то злое слышалось. — Да такъ опрокинуть, чтобы намъ обоимъ ушибиться до смерти...

Онъ посмотрѣлъ на нее опять, и она вздрогнула.

— Полноте, не говорите пустяковъ, — совсѣмъ уже инымъ, холоднымъ голосомъ сказала она.

Горянцевъ промолчалъ. Но когда они докатились, и Вета выпрыгнула изъ саногъ, онъ остановилъ ее, сжавъ руку до боли.

— Послушайте! — онъ нагнулся къ самому ея уху. — Я долѣе сдерживаться не въ силахъ... Я...

— Что — вы?.. — она перебила его задорною трелью смѣха.

— А если бы я попросилъ васъ не на шутку — онъ впился въ нее блестящимъ, почти наглымъ взглядомъ — пуститься со мною по такому же быстрому скату, и...

— Вы сейчасъ наговорите глупостей, — остановила она его, и быстро ускользнула на своихъ конькахъ.

Съ тѣхъ поръ прошло четыре дня. И вотъ его давнишнее, мучительное желаніе исполнялось. Онъ перечитывалъ ея записку, страстно вдыхая въ себя тонкій запахъ духовъ, которымъ вѣяло отъ плотной бумаги. Но почему-то за-одно съ радостью что-то болѣзненное, что-то ужалившее его въ самую глубь совѣсти проникало къ нему въ душу изъ этихъ же плѣнительныхъ строкъ.

III.

— Здравствуй, Горянцевъ! Ты еще не одѣтъ? — раздался изъ кабинета хриплый голосъ Полабина, и по ковру зазвенѣли шпоры.

Сережа будто очнулся. Онъ встряхнулъ головою, какъ бы желая освободиться отъ внутреннего голоса, мѣшавшаго ему безраздѣльно отдаться радости, и, поспѣшно спрятавъ записку, вышелъ къ пріятелю.

— Послѣ вчерашней побѣды хорошенько выспался, какъ всѣ побѣдители? — беззвучно засмѣялся Полабинъ, пожимая руку Сережи своею маленькою, холодною, какъ ледъ, рукою, съ длинными выхоленными ногтями. Лицо у него было совершенно безцвѣтно, съ блѣдными, тонкими, искривленными губами, прямымъ носомъ и маленькими острыми глазами. И носъ этотъ, и губы,

и заостренный подбородокъ, говорили объ энергiи недюжинной. Чѣмъ либо смутить этого человѣка было не легко.

— Видѣ однако не особенно у тебя торжествующій, — продолжалъ Полабинъ, и, чиркнувъ спичкой, засунулъ себѣ папироску въ лѣвый уголъ рта. У него была привычка такъ курить. — А вѣдь признайся, эти четыре тысячи пришлось тебѣ очень кстати. Чтò, Разрубинъ сполна расплатился?

— Почти, — нѣхотя проронилъ Горянцевъ, которому очень непріятно было напоминаніе о вчерашнемъ выигрышѣ.

— То-то „почти“... А сегодня въ деревню отправился. Должно быть, за фондами. Непремѣнно заверну сегодня къ Лизаветѣ Григорьевнѣ...

Говоря это, онъ пристально, исподлобья, взглянулъ на товарища. У того глаза вспыхнули на мигъ, и тотчасъ опустились.

— А ты къ ней не собираешься?

— Не знаю! какъ придется, — съ притворнымъ равнодушіемъ отвѣтилъ Сережа. — Сидоренко, чаю! — крикнулъ онъ деньщику, и бокомъ присѣлъ на стулъ, разсѣянно забарабанивъ пальцами по спинкѣ.

Полабинъ продолжалъ стоять.

— Ну, да я не за этимъ! — онъ выпустилъ струйку голубоватаго дыма. — Мы съ тобой вмѣстѣ обѣдаемъ у графа Александра Иларіоновича?.. — спросилъ онъ.

— Нѣтъ! Онъ меня не приглашалъ.

— Пригласитъ!.. Должно быть, вчера не успѣлъ тебѣ сказать. И, пожалуйста, не вздумай ломаться! Ты догадываешься вѣдь, кто тамъ будетъ? Обѣдъ этотъ устроился вчера только, на балу. Кстати, поздравляю тебя съ успѣхомъ!

Полабинъ оперся лѣвымъ колѣномъ на кресло, и опять всмотрѣлся въ товарища. Сережа поморщился: ему въ первый разъ были въ тягость покровительственные совѣты его ментора. Да и рѣзало ему какъ-то слухъ это напоминаніе о его почти совершившейся помолвѣ. Такъ ужъ далеко было отъ этого ряда мыслей до тѣхъ жгучихъ ощущеній, черезъ которыя онъ только-что прошелъ. И въ эту минуту Варя Чертолина и ея сановный дядя стали ему какъ-то вдругъ ненавистны.

— Что же чаю? — недовольнымъ голосомъ повторилъ онъ приказъ входившему Сидоренкѣ, у котораго въ рукахъ была записка.

— Слушаю-съ, ваше благородіе! — Вотъ, письмо сейчасъ принесли!

— Ага! Вотъ оно, приглашеніе, — сказалъ Полабинъ. — Узнаю почеркъ графа.

Графъ Александръ Иларіоновичъ писалъ необыкновенно крупно, по военному. Въ почеркѣ была у него та же приторно-добродушная развязность — *cette rondeur de bon enfant*, — какъ и во всемъ его обращеніи.

— Ну, стало быть, все какъ слѣдуетъ!

Полабинъ снялъ колѣно съ кресла и прошелся по комнатѣ.

— Въ семь часовъ мы у графа, и, надѣюсь, ты поведешь свои дѣла рѣшительно. Вотъ-то обрадуются твои кредиторы!

Сережа поморщился опять, и Полабинъ теперь это замѣтилъ.

— Ты, кажется, принимаешь кисло-сладкій видъ, *un air digne*. Заранѣе вкушаешь будущія grandères: напрасно, Сережа! Намъ-то другъ передъ другомъ стѣсняться!.. Ну, слушай—до половины одиннадцатаго ты занимайся ухаживаніемъ, а я съѣзжу устроить одно дѣлишко. Потомъ я приѣду за тобой, и мы катимъ вмѣстѣ къ княгинѣ Бетси. Тамъ будутъ всѣ наши дамы—Софи Мендеръ, баронесса Шварценбахъ, Мери Свольская.

— И опять ужинъ, и опять до трехъ часовъ ночи! Какая скука!—воскликнулъ Сережа.

— Вотъ и скука! А давно ли ты мечталъ въ этотъ кружокъ попасть? *Vous vous êtes bien vite dégoûté, mon cher...* И всѣмъ ты не угадалъ. Никакого ужина у княгини Краснохолмской не будетъ. Я придумалъ всей компаніей въ тройкахъ ѣхать на Каменный.

— Къ Фелисьену? Это по-твоему веселѣе?

— Да чтѣ ты въ самомъ дѣлѣ? Или у тебя уже завелись добродѣтели женатаго человѣка? У насъ будетъ какъ нельзя забавнѣе, и вотъ почему. Я знаю, туда собирается другая компанія—Равичъ везетъ двухъ французеновъ цыганъ слушать. Двѣ богемы столкнутся. А мы привеземъ съ собою третью—велико-свѣтскую... А такъ какъ ты знаешь про отношенія Равича къ Софи Мендеръ—выйдетъ преинтересно... Я, конечно, постараюсь устроить встрѣчу трогательною!

Полабинъ закурилъ вторую папироску и размѣялся необыкновенно злымъ, хоть и негромкимъ смѣхомъ.

Гадливое чувство поднималось въ груди Сережи, пока онъ разсѣянно слушалъ, весь въ плѣну у мечты объ ожидавшемъ его свиданіи. Полабинъ казался ему необыкновенно противнымъ въ эту минуту. Но вылиться наружу возмущенное чувство не успѣло: въ дверяхъ показался князь Суздальскій, а вслѣдъ за нимъ входилъ Сидоренко съ чаемъ.

Суздальскій и Полабинъ не были друзьями: это замѣтилъ бы всякій. Съ виду они казались близкими товарищами; но въ глазахъ у Полабина, когда онъ пожалъ руку князя, была какая-то полускрытая враждебная усмѣшка, а на лицѣ Суздальскаго промелькнуло что-то почти брезгливое, и руку эту онъ протянулъ какъ-то неохотно, словно торопясь ее отдернуть.

„Знаю, какого ты мнѣнія на мой счетъ,—будто говорилъ быстрый недобрый взглядъ Полабина;—но повѣрь, мой милѣйшій, это мнѣ рѣшительно все равно“... Только равнодушіе это было притворное, и Полабинъ, въ сущности, ненавидѣлъ молодого князя за холодное презрѣніе къ себѣ, какое онъ въ немъ чувствовалъ. А Суздальскій и не давалъ себѣ труда разбирать, какъ относится къ нему товарищъ. Его равнодушіе къ Полабину было вполне искреннимъ.

— Что, порѣшили, наконецъ, насчетъ Вельскаго? Выходить ему изъ полка?

Полабинъ спросилъ это, стараясь придать себѣ и своему голосу что-то независимое и насмѣшливое, хотя онъ, въ сущности, зналъ, что его личное мнѣніе цѣнится товарищами невысоко; и бѣсило это его до крайности.

— По-моему нѣтъ,—коротко отвѣтилъ князь, и голубые его глаза открыто устремились на Полабина.

Въ наружности князя Бориса Алексѣевича не было ничего особенно внушительнаго. Невысокаго роста и некрѣпкаго сложенія, онъ не поражалъ здоровьемъ и силою, какъ Сережа, и стальною упругостью тѣла, какъ Полабинъ. Его превосходство было внутреннее, духовное. Оно сказывалось въ благородномъ спокойствіи выраженія, въ сознаніи независимой правоты, которая чувствовалась всѣми, кто съ нимъ имѣлъ дѣло.

— Вотъ какъ! Слышишь, Горянцевъ?—притворно закипятился Полабинъ.—Я такъ и зналъ, что Борисъ это скажетъ. Человѣкъ получилъ нравственную пощечину, и предпочелъ извиниться, чѣмъ выйти на барьеръ. Чудесно!

— Еслибы онъ получилъ не только нравственную, а настоящую пощечину, я бы сказалъ то же,—все съ тѣмъ же спокойствіемъ отвѣтилъ Суздальскій.

— Прекрасно!—Полабинъ нервно прошелся по комнатѣ.—Еслибы, по крайней мѣрѣ, исторія эта осталась въ нашемъ кругу! Но про нее знаетъ весь городъ!

— А по-твоему, —отчеканилъ князь,—оскорбленіе только тогда что-нибудь значитъ, когда оно огласилось?

Полабинъ хотѣлъ возразить, но Суздальскій его остановилъ:

— Скажи, прямо,—дуэль по-твоему нравственная обязанность передь другими въ доказательство того, что человекъ не трусъ, или, напротивъ, послѣднее и къ тому же очень печальное средство защитить себя отъ мерзавца, когда иной защиты нѣтъ?.. Вельскій былъ кругомъ виноватъ, и по-моему онъ прекрасно сдѣлалъ, что извинился.

— Да, коли онъ трусъ,—рѣзко возразилъ Полабинъ.

— Трусъ?.. Значить, когда сдѣлаешь гадкѣй поступокъ, надо, вдобавокъ, убить или искалѣчить того, кому нанесъ обиду? Это по-твоему хорошо? И ты позволяешь себѣ называть Вельскаго трусомъ, когда онъ себя десятки разъ вель какъ настоящій молодецъ... Если ужъ выходить ему изъ полка, такъ за то развѣ, что онъ гадко поступилъ съ Лабунинимъ... И не извинись онъ, я бы первый... Да, впрочемъ, что тутъ толковать! Мы съ тобой въ этомъ не сойдемся! А твое мнѣніе, Сережа?—обратился онъ къ Горянцеву, все время молчавшему.

— Да не знаю, право! Исторія северная,—повусывая лѣвый усъ, неохотно отвѣтилъ Сережа.

— Да, северная! И знаешь почему?.. Потому что товарищъ, котораго мы всѣ любимъ, и которому все дано отъ жизни—и умъ, и богатство, и положеніе—столько времени злоупотреблялъ всѣмъ этимъ, чтобы всячески преслѣдовать, унижать бѣднаго Лабунина—вотъ какъ ты, Сережа, съ Разрубинимъ поступаешь. Ну, мы про это съ тобою еще поговоримъ. И когда у Лабунина терпѣніе, наконецъ, лопнуло—вѣдь и слабое существо, коли его довести до отчаянія, способно огрызнуться—онъ при всѣхъ сказалъ Вельскому дерзость... Ты помнишь, Горянецъ, какъ Алеша Вельскій поблѣднѣлъ и затрясся всѣмъ тѣломъ? Я былъ увѣренъ, что онъ бросится на Лабунина и сомнетъ его. А выраженіе лица у Лабунина въ эту минуту помнишь?—и бѣшенство, и отчаяніе, какъ у затравленнаго звѣря. Ну, и слава Богу, что Вельскій удержался... Вотъ тутъ-то онъ себя настоящимъ молодцомъ и показалъ, потому что настоящій молодецъ—тотъ, кто собою владѣетъ. Вѣдь убей онъ Лабунина,—а убилъ онъ его бы навѣрняка,—что же, лучше это было бы? Полно те, господа, пора старые эти предрасудки бросить. Я, вѣжета, не трусъ, и Горянецъ тоже, а на мѣстѣ Вельскаго мы оба...

— Ну, за себя я не поручусь,—вставилъ Сережа.

Полабинъ закусилъ себѣ губу до боли.

— И я вѣдь не трусъ,—сказалъ онъ, и что-то нехорошее заискрилось въ его маленькихъ зрачкахъ. — А по-моему... Ну, господа, не стану спорить. Пожалуй, заводите новые порядки,

и посмотримъ тогда, что́ станется съ нашимъ мундиромъ. До свиданья!

Онъ надѣлъ фуражку и протянулъ руку Горянцеву и князю.

— Чаю не хочешь?—спросилъ Сережа?

— Нѣтъ, спѣшу. А вечеромъ не забудь!—выйдетъ прекомично.—Онъ пристегнулъ пальашъ, приложился къ возырьку и вышелъ.

Суздальскій посмотрѣлъ ему молча вслѣдъ, и повернулся къ Сережѣ, который маленькими глотками отпивалъ чай.

— Что́ это у васъ,—спросилъ онъ,—затѣяно на сегодняшній вечеръ?—Заговоръ какой?

— Ничего, пустяки!—слегка покраснѣвъ, отдѣлался Сережа отъ вопроса.

Какъ его ни возмутила затѣя Полабина, рассказывать о ней Суздальскому—ему не хотѣлось. Вѣдь онъ самъ почти согласился въ ней участвовать, молчаливо, по крайней мѣрѣ согласился, до того не хотѣлось ему отрываться отъ носившихся передъ нимъ сладкихъ грѣзъ.

— Собираемся въ Бетси Краснохолмской, — сказалъ онъ небрежно.

— Что-жъ! Это не въ диковину! и я тамъ буду!

Онъ почему-то вздохнулъ и задумался.

— Что́ съ тобою?—спросилъ Горянецъ.

— Эхъ, Сережа! надоѣла мнѣ эта жизнь дурацкая! Эта мнимая близость съ товарищами, которыхъ мы иногда... просто не уважаемъ, возня съ женщинами, которыхъ не ставимъ ни въ грошъ, этотъ смѣхъ безъ веселья, балагурство безъ остроумія... Ну,—оборвалъ онъ вдругъ,—я не затѣмъ пришелъ, чтобы философію разводить. Это вѣдь тоже преглупое занятіе... Я собирался тебѣ сказать, Сережа, что вчера былъ очень, очень тобою недоволенъ. Я слѣдилъ за твоей игрою и—ты положительно втравилъ Разрубина въ проигрышъ. Да, втравилъ... потому что когда имѣешь дѣло съ слабымъ противникомъ, который вести игры не умѣетъ, да еще выниль изрядно, пользоваться этимъ—то же, что́ драться неравнымъ оружіемъ... Коли тебѣ нужны были деньги,—занялъ бы ты лучше у меня.

Горянецъ отрицательно качнулъ головой, отворачивая отъ пріятеля запылавшее лицо.

— Ты знаешь, я никогда не занимаю у товарищей!

— Знаю! и это хорошо! Но обыгрывать человѣка, который во всѣхъ отношеніяхъ слабѣе тебя, это... боюсь даже назвать по имени. И обѣщай мнѣ, что ты дашь ему отыграться.

Суздальскій всталъ.

— Ты всегда былъ хорошимъ, честнымъ малымъ—честнымъ, какъ я это понимаю, а не такъ, какъ всѣ; за это я тебя и полюбилъ такъ. Мнѣ не хотѣлось бы, чтобъ у тебя даже зашевелилось на душѣ нехорошее чувство. Такъ дай мнѣ слово!

Онъ протянулъ руку пріятелю и посмотрѣлъ на него пристально—и съ уворомъ, и съ ласкою въ то же время.

Сереза обѣщалъ, и не одними словами только. Въ глазахъ его что-то искреннее, прямое блеснуло, и рука крѣпко и горячо отвѣтила на пожатіе товарища. Въ эту минуту онъ былъ именно такимъ, какимъ его всегда хотѣлъ видѣть Суздальскій.

Борисъ вторично пожалъ ему руку и вышелъ.

Но едва стихъ за дверями звукъ его шаговъ, слова пріятеля будто стерлись въ головѣ Серези, и новая лихорадочная волна, приносящая съ собою обѣщаніе безвѣчнаго счастья, залила ему всю грудь.

IV.

Ровно въ три часа, сани Горянцева подкатили къ подъѣзду двухъ-этажнаго дома на Моховой, гдѣ жили Разрубины. Сереза поспѣшно отстегнулъ полость и повзвонилъ. Ему отперли тотчасъ.

— А Николай Семеновичъ только-что уѣхать изводили,—съ добродушной усмѣшкою объявилъ стоявшій въ сѣняхъ широкولیцкій лакей Разрубина.

— Хорошо! Доложи барынѣ! — кивнувъ головой, отвѣтилъ Горянецвъ, и вслѣдъ за лакеемъ быстро поднялся во второй этажъ.

Лакей пошелъ докладывать, и шаги его затерялись по мягкому ковру кабинета.

„Неужели,—мелькнуло въ головѣ у Серези,—она приметъ его тамъ, въ кабинетѣ мужа, гдѣ столько хорошихъ часовъ онъ провелъ въ дружеской бесѣдѣ съ этимъ добрымъ, довѣрчивымъ Колей“? Что-то очень похожее на дрожь пробѣжало по всему его тѣлу при этой мысли. Невольно онъ закрылъ глаза рукою, какъ бы желая отогнать нахлынувшее тяжелое ощущеніе. Но мигъ спустя онъ уже овладѣлъ собою, внутренно смѣясь надъ своимъ малодушіемъ. Вѣдь всего нѣсколько минутъ передъ тѣмъ онъ рвался сюда всею силою неудержимаго, хищнаго желанія. И три часа, истекшіе послѣ его разговора съ Суздальскимъ, онъ не переставалъ лихорадочно торопить нестерпимо медленно тянувшееся время...

— Пожалуйте!—сказала вернувшийся лакей, показываясь на этот раз въ дверяхъ гостиной:—Елизавета Григорьевна у себя.

Горянцевъ быстро прошелъ черезъ пустую гостиную и бережно растворилъ дверь въ другую маленькую комнату, куда дневной свѣтъ лишь слабо проникалъ сквозь полуопущенныя тяжелыя шелковыя занавѣси. Это былъ кабинетъ молодой женщины, убранный необыкновенно строго, съ преднамѣреннымъ отсутствіемъ чего-либо блестящаго, всякихъ дорогихъ бездѣлушекъ. Темныя обои, нѣсколько картинъ и портретовъ въ черныхъ рамкахъ, мебель, обитая оливковымъ шёлкомъ—все это не вызывало образа едва распѣвающей молодости, а говорило скорѣе о долгихъ годахъ, протекшихъ въ уединеніи, можетъ быть—въ раскаяніи. Шкафъ изъ стараго рѣзного дуба съ полками книгъ свидѣтельствовалъ о строгихъ вкусахъ хозяйки. И съ перваго взгляда обитавшее здѣсь маленькое, тонкое существо совсѣмъ подходило къ этой обстановкѣ. Смуглое личико Веты, ея большіе глаза, неподвижные, пока она молчала, тоже глядѣли строго, а чистыя линіи ея молодого стана придавали ей что-то почти отшельническое. Но стоило ей только засмѣяться своимъ тихимъ груднымъ смѣхомъ, звучавшимъ какимъ-то затаеннымъ задоромъ, и все ея существо мгновенно измѣнялось. Въ глазахъ электрической огонь зажигался, какъ молнія по безоблачному южному небу, и въ каждомъ ея движеніи, въ каждомъ словѣ, въ каждой черточкѣ подвижнаго личика пробуждалось что-то безпокойное, что-то говорившее о страстномъ зноѣ юга, безъ его лѣнливой нѣги.

Когда Сережа вошелъ, она сидѣла откинувшись къ спинкѣ глубокаго низкаго кресла. Слегка опущенные глаза были устремлены въ сторону оконъ, и не взглянули даже на вошедшаго. Руки скрестились на колѣняхъ. Сувонное темносѣрое платье совсѣмъ плотно облегалo станъ, отчетливо вырисовывая его нѣжное изящество. Ноги, обутыя въ зеленые полусапожки, выдвинулись впередъ.

Что-то неподвижно усталое было въ ея позѣ. Но мигъ спустя, едва Горянцевъ успѣлъ сдѣлать два шага по комнатѣ, она поднялась съ мѣста и, чуть слышно, будто исподтишка засмѣявшись, протянула ему руку.

— Вы аккуратны,—сказала она.—А мужъ всего только десять минутъ, какъ уѣхалъ на поѣздъ.—Она посмотрѣла на часы:—нѣтъ, четверть часа будетъ.

— Вы не боитесь, что онъ опоздаетъ?—невольно вырвалось у Сережи.

— Вы, вѣжета, этого боитесь,—устремилa она на Горян-

цева свои глаза, въ эту минуту съ откровенною дерзостью глядѣвшіе на молодого человѣка. — Нѣтъ, можете успокоиться: не опоздаетъ! Хотите чаю?

И, не дождавшись отвѣта, молодая женщина нажала пуговку звонка.

— Чаю! — приказала она вошедшему лакею. — И отойдите дверь настежь. Что за привычка ее вѣчно запирасть!

И опять она смѣло, съ вызовомъ взглянула на Серезу. „Такъ гораздо лучше“, — читалось въ ея глазахъ.

— Вы не повѣрите, — добавила она громко, когда лакей вышелъ, — какъ этотъ человѣкъ глупъ. А представьте себѣ, я люблю глупую прислугу... Ну, садитесь и закуривайте! Вотъ вамъ пельница! Да рассказывайте, коли имѣете, что рассказать!

Она тряхнула кудрявой головкой и снова опустилась на свое кресло. Но прежняго спокойствія въ ея позѣ уже не было. Она смотрѣла теперь вертлявымъ бѣсѣнкомъ-шалуномъ.

— Скажите, — вдругъ перебила она Серезу на какой-то шутиливой фразѣ: — что подумали вы, когда получили сегодня мою записку? Очень удивились?

— Очень!

Горянцева хотѣлъ придать этому короткому отвѣту что-то развязно-самоувѣренное, но противъ воли словечко „очень“, срываясь съ его губъ, искренно выдало его скрытую тревогу. Борьба съ собою не улеглась и теперь. Все его существо жадно тянулось къ запретному счастью, до котораго ему было рукой подать; и въ то же время это самое счастье внушало ему отвращеніе, и онъ ненавидѣлъ въ эту минуту и самого себя, и эту женщину, которую онъ жаждалъ покрыть поцѣлуями. И не въ силахъ былъ онъ отогнать отъ себя образъ товарища, котораго поѣздъ уносилъ къ Москвѣ. Честное лицо Коли глядѣло на него съ обычною добродушною усмѣшкой, и въ этой улыбкѣ ему чудился укоръ. Онъ хотѣлъ стряхнуть съ себя наводненіе, силился говорить съ Ветой въ развязномъ тонѣ, а его будто сковывало что-то, будто, леденило струившійся по его жиламъ огонь.

— Станный вы человѣкъ, Сергѣй Викторовичъ, — сказала она, сперва пристально взглядѣвшись въ него: — задаете непозволительные вопросы, и...

— Самъ удивленъ, что собираетесь мнѣ отвѣтить, — приторно засмѣявшись, досказалъ онъ за нее.

Но Вета словно уже не слушала. Она внимательно разсматривала свою правую руку.

— Ахъ!—воскликнула она:—чернильное пятно!.. это еще когда я вамъ писала!

Она поднялась, но Горянцевъ удержалъ ее.

— Дайте мнѣ эту руку!—сказалъ онъ, и глаза его обожгли молодую женщину:—ту самую руку, которая сегодня утромъ мнѣ написала эти радостныя слова... Дайте! Я смою съ нея это пятнышко! гдѣ оно?!

И онъ поцѣловалъ ее въ самую ладонь, крѣпко стискивая ея руку. Волна проснувшейся страсти разомъ снесла всѣ его сомнѣнія, всѣ упреки совѣсти.

— Оставьте! Идутъ! — прошептала она, слабо отдергивая руку и улыбаясь въ то же время изъ самой глубины своихъ темныхъ глазъ.

Лавей вошелъ съ подносомъ и, поставивъ столикъ съ чайнымъ приборомъ передъ кресломъ Веты, беззвучно удался.

Молодая женщина принялась заваривать чай, быстро перебирая маленькими ручками чашки и тарелочки съ печеньемъ. Ручки эти съ розовыми ногтями и маленькими ямочками на чуть-чуть выгнутыхъ пальчикахъ мелькали передъ воспаленнымъ взоромъ молодого человѣка, и вся она, тонкая, упругая, почти хрупкая, въ плотно облегавшемъ ее платьѣ, смотрѣла какимъ-то сказочнымъ существомъ—полудѣвушкой и полубѣсенкомъ—существомъ, казавшимся такимъ чистымъ и нетронутымъ и въ то же время сулившимъ столько жгучихъ радостей.

У Сережи все сильнѣе туманилась голова. Вета не переставала болтать, такъ и дразня его задорными нотками въ голосъ и блестящими искрами, сыпавшимися изъ ея глазъ.

Сережа отвѣчалъ лишь коротко, словно цѣпенѣя отъ охватившаго его сладкаго дурмана.

— Ну, вотъ,—она подала ему чашку,—а я пойду уничтожить слѣды моего неосторожнаго писанія... Вы все-таки не смыли пятна...

Она засмѣялась, и острые ея жемчужные зубки блеснули изъ-подъ ея губъ.

Вета беззвучно исчезла. Дверь въ сосѣднюю комнату только скрипнула чуть-чуть. А Горянцевъ оставался неподвижнымъ, не дотрогиваясь до чашки. Голова его опустилась на руки; пальцы принялись невольно ерошить волосы, и вновь образъ товарища предсталъ передъ нимъ, но теперь уже блѣдный, съ грустью на лицѣ. И въ сильно забившееся сердце Горянцева такъ и стучался неугомонный голосъ, не перестававшій твердить о нарушенныхъ священныхъ правахъ дружбы.

— Да... это гнусно... Я поступаю подло... — говорилъ онъ себѣ, все глубже уходя въ свои тяжелыя мысли...

Онъ не слышалъ, какъ она вернулась. И вдругъ неожиданно онъ почувствовалъ, какъ двѣ нѣжныя тонкія руки сзади обвились вокругъ его шеи...

Огонь зажегся по всему его тѣлу. Онъ вскочилъ на ноги, увидѣлъ ее передъ собою, всю смѣющуюся, всю облитую свѣтомъ грѣшной чувственной любви, съ распущенными, спадавшими ей на плечи волосами. Онъ почти вскрикнулъ отъ какого-то радостнаго и въ то же время болѣзненно диваго ощущенія, и крѣпко, яростно не обнявъ только, а стиснулъ ее всю. Вета послушно склонила въ нему свою головку, спокойная, какъ ребенокъ на рукахъ у матери. А изъ-подъ шелковистыхъ рѣсницъ синіе глаза лукаво манили, суля неизвѣданное блаженство.

Звѣрь проснулся въ немъ...

V.

Было уже за шесть, когда Сережа вернулся домой. У себя на столѣ онъ нашелъ письмо отъ отца. Весь еще въ плѣну у только-что испытанныхъ жгучихъ ощущеній, онъ принялся читать разсѣянно, почти нѣхота, самъ удивляясь, отчего у него такъ дрожать пальцы. Сережа не отдавалъ себѣ яснаго отчета, что подъ сладкою пѣною счастья сочилось у него иное, горькое чувство тревожнаго недовольства собою и чего-то очень похожего на презрѣніе къ этой женщинѣ... Первые же строки отца протрезвили его разумъ.

Викторъ Николаевичъ Горянцева былъ человекъ прямолинейныхъ, несложныхъ правилъ, которыхъ онъ всю жизнь держался. Зная это, Сережа за послѣднее время писалъ ему рѣдко и далеко не вполне искренно. Викторъ Николаевичъ хорошенько не зналъ, какую жизнь вести въ Петербургѣ сынъ, но что-то неладное ему, все-таки, чужалось въ короткихъ, уклончивыхъ письмахъ Сережи. Читать ему наставленій онъ, однако, не думалъ. Отставной морякъ, потерявшій лѣвую руку подъ Севастополемъ, и видѣвшій тамъ гибель своего дорогого черноморскаго флота, Викторъ Николаевичъ былъ не мастеръ писать красно, и многословія не жаловалъ. Зато въ каждой его строчкѣ чувствовалось простое, непоколебимое міросозерцаніе, не допускавшее уклоненій и компромиссовъ. И для взволнованнаго сердца Сережи письмо отца было какъ ударъ о подводную скалу для ко-

рабля, которымъ завладѣли волны. Ставшій теперь ему чужимъ, когда-то дорогой и близкій, домашній строй пѣликомъ, какъ живой, выступалъ передъ нимъ. Викторъ Николаевичъ извѣщалъ о помолвкѣ племянницы, выросшей у него въ домѣ, говорилъ вкратцѣ, какъ идутъ дѣла, обѣщая къ половинѣ марта выслать денегъ— очень небольшія были эти деньги, всего триста рублей,—и рассказывалъ, какъ полюбовно окончился давнишній споръ о землѣ съ сосѣдней деревней. И во всемъ этомъ чувствовалась здоровая простота честной, незамысловатой жизни, гдѣ всѣ домашніе—въ самомъ дѣлѣ близкіе, дорогие люди, гдѣ всѣ отношенія къ окружающему міру пронивнуты искреннимъ благожелательствомъ и непоколебимою правдой. Насмѣшливое чувство зашевелилось было на сердцѣ у Сережи, когда онъ читалъ про всѣ эти мелкія дѣла, столь чуждыя блестящей шумной средѣ, гдѣ вращалась за послѣднее время его собственная жизнь. Но чувство это замерло тотчасъ, заслоненное невольнымъ ощущеніемъ стыда. Кузина, выходявшая замужъ, была, правда, некрасивая и ничѣмъ не выдающаяся дѣвушка, и споръ о землѣ съ крестьянами казался Сережѣ очень ужъ мизернымъ. Но эта неизящная и не особенно умная даже кузина Маша была такимъ добрымъ, безконечно преданнымъ существомъ, и ожидавшее ее совсѣмъ ужъ негромкое счастье наполняло такую искреннюю радостью Виктора Николаевича! И мать, столько лѣтъ уже больная, лишенная даже возможности писать, такъ сердечно посылала черезъ мужа благословеніе почти забывшему ее сыну... За всю эту зиму, гдѣ столько разнообразныхъ интересовъ наполняло его жизнь, онъ вспомнилъ о ней едва-ли хоть разъ. „Для конца я приберегъ тебѣ еще новость“,—говорилъ затѣмъ Викторъ Николаевичъ:— „Иванъ Ѳедоровичъ мнѣ вчера сообщилъ, что дочь его помолвлена съ однимъ сосѣдомъ. Фамилія его Ральскій. Впрочемъ, тебѣ это все равно: ты его не знаешь. Ужасно мнѣ было совѣстно передъ Иваномъ Ѳедоровичемъ. Казалось мнѣ, что онъ сожалѣетъ о другомъ женихѣ; да и Вѣрочка едва ли съ большою радостью выходитъ за этого Ральскаго... Я ее видѣлъ на дняхъ—она что-то не смотритъ счастливой невѣстою. Не хочу тебя ни въ чемъ упрекать, Сережа: ты, вѣдь не виноватъ, коли разлюбилъ Вѣрочку. И слова по-настоящему вы другъ другу не давали. А мнѣ все-таки тяжело сознавать, что сынъ мой, да и я самъ, какъ будто, не сдержали обѣщанія, хоть и прямо невысказаннаго. Мнѣ впервые пришлось это почувствовать: никогда въ жизни я никому по доброй волѣ не причинялъ горя и обиды. Ну, да, видно, ужъ не судьба“...

Вѣрочка Телѣгина! Какъ далеко было это имя теперь для Сережи; какимъ чужимъ, постылымъ оно звучало! Могла она развѣ своею деревенскою, непритязательною, хоть и свѣжею красотою состязаться съ огненною прелестью Веты?.. И все-таки, на самой глубинѣ души у Сережи, какъ будто, сожалѣніе зашевелилось, какъ будто сознание, что онъ оттолкнулъ отъ себя хрустально-чистое существо, у котораго все-таки было что-то своеобразно милое, какая-то особая невинная привлекательность, которой недоставало Ветѣ... И вѣдь онъ испортилъ, быть можетъ навсегда, непоправимо испортилъ, бѣдную жизнь этого ничѣмъ передъ нимъ невиноваго существа...

— Горянцева, я за тобой! Ты, надѣюсь, готовъ?—раздался изъ передней голосъ входившаго Полабина.—Какъ! Еще не одѣтъ, и преспокойно читаешь какое-то письмо? Да вѣдь безъ четверти семь! Мы опоздаемъ...

Они, однако, не опоздали. Вороной рысакъ Горянцева ровно въ четверть восьмого подвезъ ихъ къ дому графа Александра Иларіоновича, гдѣ обѣдали въ семь, но всегда дожидались лишнихъ четверть часа. Дорогою пріятели не разговаривали. Полабинъ тщетно старался расшевелить Сережу шутками насчетъ предстоящаго свиданія съ Варей.

— А вѣдь умѣть-таки графъ быстро вести дѣло, когда захочетъ. Стремительная атака на тебя, нечего сказать! И вѣдь не возьму въ толкъ, изъ-за чего такая прыть! Видно, сія барышня очень ужъ по тебѣ сгораетъ, хоть и совсѣмъ на нее это не похоже. Ну, да сердце дѣвичье,—буде таковой совершенно излишній органъ у современныхъ барышень имѣется—бездонная пучина, преисполненная тайнъ, а порой и чего-нибудь похуже...

Сережа на все это только морщился, да „помалкивалъ“. Варя Чертолина стала ему вдругъ ненавистной, онъ самъ бы не могъ сказать—почему. И когда онъ увидѣлъ ее стоявшею въ углу гостиной и оживленно разговаривающею, увидѣлъ одѣтою, какъ всегда, мастерски, съ какою-то ею одной свойственною изящною оригинальностью, онъ почувствовалъ въ ней почти отвращеніе. „Ложь“,—подумалъ онъ,—все ложь. И красивая поза, и спокойное выраженіе глазъ, и мнимый интересъ, съ какимъ она ведетъ разговоръ, будто даже не замѣчая меня совсѣмъ, и этотъ сдержанный смѣхъ, какъ разъ въ пору, и самый ея туалетъ, съ виду простой, а надъ которымъ она просидѣла, можетъ быть, болѣе часа“. Варя была въ платьѣ темнаго цвѣта, съ небольшимъ вырѣзомъ на шеѣ, и платьѣ это казалось ей совсѣмъ не

по лѣтамъ—оно будто ее старило. Зато, когда она стояла, бесѣдуя съ совѣтникомъ австрійскаго посольства, оно словно обливало ее стань, вырисовывая его изящные, будто змѣйные изгибы. И темный цвѣтъ былъ выбранъ нарочно, по случаю перваго дня великаго поста, и для того, въ особенности, чтобы не подчеркнуть характеръ этого обѣда, въ сущности очень похожаго на смотрины.

— А, молодые люди!—громко привѣтствовала съ обычнымъ радушіемъ графъ Александръ Иларіоновичъ входившихъ пріятелей.—Не слишкомъ рано, и все-таки какъ разъ въ пору, именно какъ слѣдуетъ такимъ элегантнымъ юношамъ.—Лѣвый глазъ у графа, при этихъ словахъ, какъ-то добродушно прищурился, и его богатырскіе выхоленные усы чуть чуть запрыгали надъ мясистымъ ртомъ. Онъ взялъ Сережу за локоть и подвелъ къ дамамъ, оставляя Полабина нѣсколько позади, какъ лицо въ данномъ случаѣ второстепенное. Дамы эти были: жена графа, очень набожная и въ то же время злоязычная особа; его сестра, до-нельзя полная—Софья Иларіоновна Чертолина, слышавшая не безъ основанія самую практическую женщиною въ Петербургѣ, и вѣчно усталая, разсѣянная, суетящаяся Лили Боровская—дальняя ихъ родственница, разъ навсегда признанная всѣми „une femme charmante“, хотя рѣшительно никто не могъ сказать, въ чемъ этотъ „charme“ заключался. Семейный характеръ обѣда еще усиливался присутствіемъ двухъ племянниковъ графа—лицеиста Миши Сурикова и дипломата Вани Горбина, изъ которыхъ послѣдній уже дѣлалъ карьеру, а первый объ этомъ пока мечталъ. Австрійскій совѣтникъ и Полабинъ одни только слегка нарушали этотъ семейный характеръ. Но такъ именно было надо, чтобы не слишкомъ чувствовалась подготовка будущей свадьбы, и присутствіе чуждаго элемента не дало обѣду выйти натянутымъ.

Будущая невѣста, не дрогнувшая бровью при видѣ жениха, съумѣла, однако, устроить такъ, чтобы за двѣ короткія минуты, пока всѣ не пошли въ столовую, уединиться съ Сережею и сказать ему нѣсколько словъ, напомилавшихъ о ихъ близости. И сдѣлала она это совершенно просто, закончивъ свой разговоръ съ австрійцемъ красивой фразой, казавшейся очень умной, хотя въ ней ровно никакого смысла не было.

— Я увѣрена,—вполголоса заговорила она, — что вчера, послѣ бала, вы не уѣхали домой, и сочли нужнымъ еще нѣсколько часовъ провести самымъ непозволительнымъ образомъ.

— Я люблю контрасты, Варвара Андреевна, — отвѣтил Горянецъ.

— Да?.. Только, я думаю, контрасты эти въ сущности очень другъ на друга похожи... Вѣдь мы всѣ непозволительно живемъ, — всѣ съ утра до вечера, и намъ когда-нибудь за это очень дурно придется. И знаете, что? — она сдѣлала видъ, что всматривается въ него пристально: — вы очень блѣдны сегодня, какъ будто даже больны. И это къ вамъ очень идетъ. Есть что-то грубое въ здоровомъ видѣ. Только берегитесь, надо всего въ мѣру... Ахъ, пойдете! — Вошедшій лакей доложилъ, что подавъ обѣдъ, и она взяла Серезу подъ руку.

„Что это, участіе или насмѣшка?“ — спросилъ у себя Горянецъ, пока они шли въ столовую.

Онъ сразу вошелъ въ тонъ небрежной шутливости, изъ-подъ которой должно было чувствоваться сдержанное поклоненіе. И это ему не стоило никакого труда. Воздухъ, которымъ дышалось въ домѣ графа, заразилъ его. Уже во время закуски австріецъ успѣлъ рассказать два изъ тѣхъ неприличныхъ анекдотовъ, до которыхъ такъ падки такъ-называемыя порядочныя женщины; поддержалъ эту тему и Полабинъ, а Лили Боровская подчеркнула впечатлѣніе всеобщей испорченности, замѣтивъ, между прочимъ, „que nous faisons de la pénitence à rebours“.

И за обѣдомъ было все то же. Полабинъ приводилъ въ ужасъ госпожу Чертолипу, въ сущности ее очень забавляя; австріецъ заговорилъ о французской литературѣ, и по этому поводу о французскихъ нравахъ, коснувшись и политическихъ сферъ. Графъ подхватилъ-было эту тему снисходительнымъ тономъ, рассказавъ недавній случай изъ оффиціального міра, гдѣ подъ видомъ благодушія просвѣчивала самая злая иронія. Но когда лицейскій воспользовался этимъ, чтобы отпустить громкую фразу насчетъ властей предрежащихъ, — онъ воображалъ себя либераломъ, хотя въ его головѣ мечты о вкоктахъ смѣнялись надеждами на камеръ-юнкерскій мундиръ; — когда затѣмъ австрійскій дипломатъ съ нѣкоторымъ ехидствомъ захотѣлъ поглубже разузнать подкладку разыгравшейся исторіи, — графъ, спохватившись, очень ловко повернулъ разговоръ на почву свѣтскихъ безвинныхъ сплетенъ. Варя дѣлала видъ, что не слушаетъ, хотя въ сущности оцѣнивала по достоинству всю прелесть сыпавшихся вокругъ нея скандальныхъ анекдотовъ, и завела со своимъ кавалеромъ запутанную бесѣду, гдѣ было понемножку всего: и литературы, и замѣчаній о дамскихъ туалетахъ, и философіи Нитцше, и даже религии. Она увѣряла Серезу, что очень инте-

ресуется его вѣрованіями, хотя истинно вѣрующій человѣкъ ужаснулся бы тона, какимъ она говорила это, давая чувствовать, сколько презрительнаго равнодушія ей внушаетъ религіозный вопросъ.

Горянцевъ не ударилъ лицомъ въ грязь, и вполне оставался на уровнѣ этого умственнаго изысканнаго разврата. Странное дѣло, онъ ощущалъ даже какое-то злобное удовольствіе, оттого, что ему такъ легко было превозмочь свое отвращеніе къ Варѣ и дѣлать видъ, будто и въ немъ—одинъ только себялюбивый расчетъ и готовность все осмѣивать: и нравственные принципы, и тѣхъ, кто ихъ нарушаетъ. Подъ конецъ обѣда въ немъ какъ-то вдругъ сложилось рѣшеніе стать мужемъ Вари. „Это вѣдь ничему не помѣшаетъ,—думалъ онъ про себя;—совсѣмъ даже напротивъ... Въ сущности, есть только двѣ вещи, изъ-за которыхъ стоить жить—женщины и блестящее общественное положеніе, а все остальное“...

И мысленно онъ махнулъ рукою на это остальное. А когда графъ Александръ Иларіоновичъ, за кофеемъ предлагая ему сигару, намекнулъ, что для него подходитъ время бросить фронтную службу и подумать о чемъ-нибудь посолиднѣе, а самъ онъ, графъ, не прочь оказать ему необходимое содѣйствіе,—лѣвый глазъ сановника при этомъ сильно щурился, и его толстыя щеки тряслись,—Сереза рѣшился, далѣе не откладывая, ковать желѣзо въ время.

И ему была дана полная возможность это исполнить. Тотчасъ послѣ обѣда графиня уѣхала ко всенощной, боясь опоздать на ефимоны. Вслѣдъ за нею вскорѣ уѣхалъ и Полабинъ, напомнивъ Серезѣ, что заѣдетъ за нимъ въ одиннадцать.

— А вы куда?—спросила Варя, и узнавъ, что онъ собирается къ Бетси Краснохолмской, она съ притворнымъ ужасомъ вскинула плечами.—Вы рѣшительно ни одного вечера не можете провести тихо, благоразумно! Какъ вамъ не стыдно!..—она будто считала уже себя въ правѣ дѣлать ему наставленія.

— Современемъ исправлюсь,—въ томъ же тонѣ притворной серьезности отвѣтилъ Сереза,—когда будетъ у меня достаточно причины оставаться дома.

И онъ усѣлся возлѣ дѣвушки, самъ удивляясь, какъ у него хватало наглости разыгрывать эту жалкую комедію мнимаго сближенія. Имъ не мѣшали. Австріецъ, окончательно убѣдившись, что здѣсь ему ничѣмъ не пополнить своихъ дипломатическихъ наблюденій надъ изнанкою правящихъ сферъ, тоже долго не засидѣлся. Лили Боровская, которой некуда было въ этотъ ве-

черъ ѣхать, чтобы исполнять свою официальную роль свѣтской обворожительницы, усѣлась за особымъ столомъ съ обоими молодыми людьми, дая имъ свои драгоцѣнныя улыбки. Юноши были, разумѣется, на седьмомъ небѣ, хотя въ сущности, разговоръ съ блестящей молодой дамой ихъ забавлялъ не слишкомъ. А графъ увелъ къ себѣ въ кабинетъ сестру, съ которой ему всегда было о чемъ говорить: кто знаетъ, быть можетъ, на этотъ разъ темой ихъ разговора были оставшіеся вдвоемъ молодые люди.

А Горянцева и Вара бесѣдовали другъ съ другомъ какъ совершенно близкіе друзья. Молодая дѣвушка совсѣмъ уткнулась въ глубину кресла, придавъ всей своей позѣ что-то внимательное, интимное, непринужденное. Маленькая ея ручка лѣниво играла вѣеромъ, вѣки слегка были опущены, голосъ понизился почти до шопота.

— Удивляюсь, право,—говорила она, и на тонкихъ ея чертахъ что-то необыкновенно искреннее читалось:—какъ это васъ никогда, никогда не тяготитъ эта вѣчно суетливая и въ то же время незанятая жизнь. Неужели васъ не тянетъ иной разъ къ чему-нибудь новому, настоящему, чему можно было бы отдать и сердце, и умъ?

Горянцева тихо засмѣялся:

— А съ вами развѣ не то же? Развѣ постоянная роль салонной звѣзды не должна надоѣсть?

Глаза у Вари чуть-чуть блеснули.

— Во-первыхъ,—проговорила она, слегка стиснувъ зубы и принимаясь бить лѣвой ножкой о коверъ:—я совсѣмъ ужъ не такъ давно играю эту роль, и могла бы не устать...

Но вдругъ ея лицо измѣнилось, и что-то мягкое, доброе на немъ засвѣтилось.—А во-вторыхъ,—она еще понизила голосъ:—кто вамъ сказалъ, что моя свѣтская служба мнѣ не въ тягость? Развѣ вы такъ хорошо меня уже знаете?

Взглядъ, сопровождавшій эти слова, какъ будто приглашалъ узнать ее поближе.

— Это въ васъ говорить великопостное настроеніе,—отшутился Горянцева.

По всему существу Вари пробѣжала точно электрическая струя. Она выпрямилась вся, коснулась вѣеромъ Сережиной руки и возразила живо:

— Вотъ это нехорошо!.. Вы отвѣтили какъ человѣкъ, у котораго нѣтъ сердца. Или вы не понимаете, что есть минуты, когда этотъ вѣчно насмѣшливый тонъ не у мѣста. Я хотѣла рас-

крыть передъ вами свое сердце, а вы точно сковали его холодной рукой!

На этотъ взрывъ чувства нельзя было не отвѣтить тѣмъ же. И Сережа сдѣлалъ это почти искренно.

— Ради всего на свѣтѣ, не останавливайтесь на полусловѣ! Я бы никогда не утѣшился, если бы лишился счастья услышать вашу исповѣдь.

— Счастья? Вотъ какъ! даже счастья! — она умоляла на мигъ, и принялась снова за прерванную исповѣдь.

— Вы думаете, — заговорила она медленно, — что насъ можетъ удовлетворить, — впрочемъ, нѣтъ — я прямо скажу, — меня: многихъ это удовлетворяетъ... Вы думаете, во мнѣ нѣтъ потребности, даже жажды, услышать, наконецъ, искреннее, сердечное слово, на которое можно было бы отвѣтить тѣмъ же?

Исповѣдь продолжалась довольно долго. Но, увы, это была самая заурядная исповѣдь, очень напоминавшая заученный урокъ. Горянцева слушалъ внимательно, все ожидая, когда развернется передъ нимъ настоящая душа этой умной и, какъ онъ думалъ, этой оригинальной дѣвушки. Но оригинально выходило то лишь, что звучало уклончивымъ языкомъ свѣта, въ чемъ сердечной струны не слышалось. Желая поразить слушателя искренностью, Варя невольно выдавала ему свое вышелоенное бездушіе.

„Она чертовски умна, — подумывалъ онъ, когда ей попадалось на языкъ особенно острое замѣчаніе: — но сердца въ ней ни-ни“. И все-таки, чѣмъ болѣе длился этотъ разговоръ, тѣмъ сильнѣе онъ ихъ связывалъ обоихъ полу-высказанными намегами на то, что должно было совершиться вскорѣ.

— Какъ я радъ, что мы такъ сходимся! — вдругъ почему-то вырвалось у Сережи. — Какъ вы думаете, Варвара Андреевна, хватило бы у васъ смѣлости попробовать, можемъ ли мы сойтись во всемъ?

— Можетъ быть! Не знаю... Я про это не думала... — было ея отвѣтомъ. Но улыбка, сопровождавшая этотъ будто колеблющійся отвѣтъ, недвусмысленно говорила о ея согласіи.

— Господинъ Полабинъ за вами пріѣхалъ, — доложилъ лакей, показываясь въ дверяхъ.

Сережа всталъ.

— И вотъ какъ прерываются, — тоже поднимаясь съ мѣста и слегка вздохнувъ, отвѣтила Варя, — самыя искреннія, самыя хорошія бесѣды!.. Ну, да ничего! Я васъ не удерживаю! Обѣщаніе свято — помните это! Мы вскорѣ возобновимъ этотъ раз-

говоръ. Кстати, не отобѣдаете ли вы у насъ въ воскресенье?— и она крѣпко, по-мужски, пожала ему руку.

VI.

Зоркій глазокъ Полабина пристально вглядѣлся въ Сережу, когда тотъ подсѣлъ къ нему въ извозничьи сани. При яркомъ свѣтѣ полного мѣсяца лицо Горянцева казалось совсѣмъ каменнымъ, до того оно было блѣдно и неподвижно. Напускное оживленіе, охватившее его, было, во время долгаго разговора съ Варей, вдругъ почему-то остыло.

— Ну, чтѣ?—спросилъ Полабинъ;—какъ дѣла?

— Ничего!—коротко и беззвучно отвѣтилъ Сережа, плотнѣе укутываясь въ шинель.

— Гм!—пробормоталъ Полабинъ:—больно ты сегодня уже неразговорчивъ. Точно воды набрался въ ротъ. Ну, рассказывай же!

Сережа отвернулся, не отвѣтивъ. Скрытое чувство отвращенія къ товарищу опять у него заговорило въ груди. Онъ стиснулъ зубы, какъ бы желая вернуть себѣ упрямую рѣшимость идти напроломъ, подавляя въ себѣ ропотъ возмущенной совѣсти.— „Нечего оглядываться назадъ“, твердилъ онъ себѣ мысленно.— „Когда ставка сдѣлана, игры не бросаютъ“...

Но онъ не могъ уже вернуть себѣ задорный цинизмъ, какой навѣяла на него искусственная, душная атмосфера гостиной, гдѣ его будто околдовывала та странная дѣвушка, вся проникнутая ложью, но ложью такой обаятельной, такую блестящую. Свѣжій ли ночной воздухъ, будто разгонявшій своимъ чистымъ дыханіемъ суетливое вѣяніе испорченнаго свѣта, мѣсяцъ ли, безпощадно ярко озарявшій улицу, дѣйствовали на Сережу, какъ бы отрезвляя его, но теперь онъ съ ненавистью къ себѣ вспоминалъ весь этотъ проведенный имъ день, въ который онъ такъ много обманывалъ и себя, и другихъ.

— Нельзя ли оставить этотъ допросъ до другого раза!—не хотя отвѣтилъ онъ на повторенное настояніе Полабина, всматриваясь въ него холодно, почти враждебно.

— Вотъ какъ!—сухо засмѣялся тотъ.—Запираться отъ меня хочешь, что-ли? Собираешься выходить въ люди, такъ по боку стариннаго товарища? А кому, позволь узнать, ты обязанъ, что теперь открыты настежь передъ тобою всѣ двери? А?

— Можетъ быть, лучше было бы, кабы ты никогда мнѣ ихъ не открывалъ,—глухо проронилъ Горянцева.

Полабинъ отвернулся въ свою очередь, принимаясь насвистывать какой-то мотивъ.

— А что твое намѣреніе побывать сегодня у Лизаветы Григорьевны? Я заѣзжалъ въ четвертомъ часу, но меня не приняли! Подозрительно мнѣ что-то показалось. Ужъ не ты ли, чего добраго?

Но онъ прочелъ такую нешуточную угрозу въ глазахъ товарища, что далѣе не настаивалъ.

— Въ тотъ же день,—пробормоталъ онъ севозъ зубов:—стать женихомъ, а нѣсколькими часами ранѣе... *Ce serait diablement fort...* Отъ тебя я этого не ожидалъ!

Молчаніе опять водворилось на нѣсколько минутъ. Извозчикъ медленно тащился по набережной.

— Ну, пошелъ!—нетерпѣливо крикнулъ ему Полабинъ.

Они проѣхали мимо памятника Петра. До внягини Бетси оставалось уже недалеко. Ея домъ былъ на Англійской набережной. Горянцеву казалось, что на сердцѣ у него все нарастаетъ какая-то тяжесть. Онъ ясно сознавалъ теперь, что чувство это давило его весь этотъ день, что даже горячія ласки страстно любимой женщины его не разогнали, и воспоминаніе о ея поцѣлуяхъ точно жгло его теперь, какъ позорное клеймо.

— Послушай,—сказалъ онъ хриплымъ голосомъ, когда они уже почти подъѣзжали къ подъѣзду. — Брось ты эту нелѣпую поѣздку на Острова!

— Отчего нелѣпую! — осклабился Полабинъ: — презабавно будетъ!

— Ставить въ неловкое положеніе эту бѣдную Софи Мендеръ, которая ни тебѣ, ни мнѣ, не сдѣлала никакого зла,—что тутъ забавнаго?

— Про это позволъ уже мнѣ знать...

У Полабина были свои причины, правда, очень мелкія, искать случая отмстить господамъ Мендеръ, очень холодно встрѣтившей его попытку добиться ея благосклонности. Такія обиды онъ прощаль не скоро.

— И охота же тебѣ,—продолжалъ онъ:—сентиментальную жалость чувствовать къ каждой потерянной женщинѣ! Вольно ей взмѣнять мужу съ этимъ глупымъ верзилой Равичемъ. За грѣшки свои надо казниться. Больно ужъ ты размякъ за послѣднее время! Ну, вотъ мы и пріѣхали!

„Да,—пронеслось въ головѣ у Горянцева:—за свои грѣхи

надо взыгнаться! Когда сдѣланъ первый шагъ, нечего отвертываться отъ дальнѣйшихъ... Это слабость, малодушіе... Потерянная женщина никакой жалости не заслуживаетъ "... Съ какимъ-то ожесточеніемъ повторилъ онъ мысленно слова Полабина.

Они вошли.

Княгиню Бетси и ея гостей они застали въ кабинетѣ князя вокругъ длиннаго зеленого стола, за игрою въ рулетку.

— *Cinque, rouge, impraige et manque!*—раздался хрипловатый, изящно-усталый голосъ князя, когда молодые люди подходили къ играющимъ.

— Присядьте, господа!—торопливо здороваясь, проговорилъ онъ.—Вы, конечно, примете должное участіе въ этомъ полуночномъ занятіи? Полабинъ, вотъ свободное мѣсто возлѣ баронессы. А вы, Горянцева...

— Сюда,—перебила мужа княгиня,—между Софи и мною. Здравствуйте! Какъ вы поздно!—Было почти двѣнадцать.

Она уронила въ пепельницу докуренную папироску и подала Сережѣ крошечную руку, съ многочисленными кольцами.

— А вы спросите, княгиня, гдѣ онъ былъ,—звернулъ Полабинъ.

Софи Мендеръ, совсѣмъ маленькая бѣлокурая женщина съ миловидными, необыкновенно кроткими чертами, вопросительно устремила на Сережу свои прекрасные темные глаза. Она была вообще любопытная особа, и Горянцева съ нѣкоторыхъ поръ интересовалъ ее, какъ разъ отъ того, можетъ быть, что извсѣхъ членовъ кружка княгини Бетси она знала его всего менѣе.

— Такъ гдѣ же вы были? исповѣдывайтесь!—снисходительно и будто лѣниво спросила хозяйка дома.

Горянцева съ полнымъ хладнокровіемъ отвѣтилъ, что засидѣлся у графа Александра Иларіоновича, гдѣ обѣдалъ.

— А!—проронили тонкія губы княгини.—Понимаю! Это продолженіе вчерашней мазурки...

Горянцева сдѣлала видъ, будто не поняла, и съ какимъ-то вопросомъ обратился къ Софи. Вопросъ былъ самаго безразличнаго свойства, но почему-то госпожа Мендеръ отвѣтила на него оживленно, явно желая завязать разговоръ.

— А вѣдь есть на свѣтѣ еще люди, собирающіеся жениться, — пробормоталъ супругъ госпожи Мендеръ, полный и вѣчно случаящій офицеръ генеральнаго штаба. — Пора бы отъ этой глупой привычки отстать.

Онъ былъ, разумѣется, единственнымъ человѣкомъ въ Петербургѣ, не знавшимъ о романѣ своей жены съ Равичемъ. Но супружеское его счастье отъ такого невѣдѣнія не выигрывало.

Горянцевъ пропустилъ мимо ушей и это замѣчаніе, продолжая бесѣдовать со своей бѣловурой сосѣдкою. Прежде онъ не обращалъ на нее вниманія, а теперь, зная, что за злую шутку ей готовить Полабинъ, Сережа хотѣлъ убѣдиться, заслуживаетъ ли она его участія. Развязно болтая съ ней, онъ самъ удивлялся, какъ это онъ такъ свободно можетъ говорить всякій вздоръ, когда еще нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, подѣзжая къ дому княгини, онъ весь былъ охваченъ давящимъ сознаниемъ, будто его закрутилъ какой-то злой вихрь, противъ воли его заставлявшій весь этотъ день совершать одинъ нехорошій поступокъ за другимъ. И Горянцевъ почти любовался своей хладнокровной властью надъ собою.

— *Ne faites, donc, pas la cour à Sophie...* — нетерпѣливо сказала баронесса Шварценбахъ, очень недовольная тѣмъ, что приостановилась игра.

Баронесса—пышная, уже слегка отцвѣтавшая красавица,—относилась къ игрѣ чрезвычайно серьезно, старательно отмѣчая на карточкѣ каждый выходившій номеръ.

— Посоветуйте мнѣ, на что поставить, — спросила она у подѣзшаго къ ней Полабина, который вмѣсто отвѣта сказалъ ей вполголоса такую неприличную фразу, что она вѣеромъ съ ужасомъ отъ него отмахнулась.

— Князь, вамъ до неприличія везетъ сегодня,—обратилась она къ Суздальскому, который, игралъ до того разсѣянно, что постоянно забывалъ подбирать свои выигрыши.—Я буду ставить вмѣстѣ съ вами. Можетъ быть, вы мнѣ принесете счастье.

Суздальскій отвѣтилъ только холоднымъ взглядомъ, и когда игра возобновилась,—не сдѣлалъ никакой ставки. Въ этотъ вечеръ общество княгини Бетси и ея друзей ему особенно претило. Какъ-то живѣе обыкновеннаго онъ чувствовалъ все притворство этой мнимой близости, этой напускной развязности тона, за которымъ не было ни настоящей дружбы, ни искренняго веселья; между тѣмъ онъ самъ вѣдь постоянно вращался въ этомъ кружкѣ, повинувся какой-то лѣнливой привычѣ... и ему стыдно становилось за себя.

Въ кружкѣ княгини Бетси играли часто. Почти каждый вечеръ собирались то въ ея домѣ, то у одной изъ ея пріятельницъ, намѣренно обособляясь среди петербургскаго свѣта. У многихъ изъ непринужденныхъ къ кружку эти вечера, считавшіеся такими исключительными и элегантными, вызывали тайную зависть и сильное желаніе туда проникнуть. А между тѣмъ, непрощенная

гостя—скука, все-таки, прокрадывалась на эти вечера, гдѣ было столько громкаго смѣха и откровеннаго цинизма. Грубоватая соль очень прозрачныхъ двусмысленностей и возбужденіе азартной игрой едва спасали отъ тоски этихъ людей, стоявшихъ на вершинѣ общественнаго положенія и воображавшихъ себя избранниками судьбы. Особенно скучали мужчины, все болѣе убѣждавшіеся, что чужія жены ничуть не забавнѣе собственныхъ, когда съ ними встрѣчаешься такъ часто и небрежность языка позволяетъ даже забывать, что онѣ—чужія. Конечно, ревности они не чувствовали вовсе, и присутствіе неженатыхъ молодыхъ людей, присяжныхъ ухаживателей за ихъ женами, они въ душѣ пріѣтствовали. И пока имъ не приходилось въ этомъ раскаиваться: товарищество съ женщинами, говорить, лучшее противодіе любви. Молва не касалась княгини Бетси и ея друзей. Одна Софи Мендеръ составляла исключеніе.

Игра шла въ этотъ день необыкновенно вяло; то-и-дѣло вспыхивали обрывки шуточныхъ разговоровъ, загоравшіеся и потухавшіе, какъ ракеты.

Горянцевъ совсѣмъ бросилъ играть и пересѣлъ съ госпожою Мендеръ на широкій кожаный диванъ, все яснѣе сознавая особую прелесть этой вроткой маленькой женщины, которой онъ до сихъ поръ почти не замѣчалъ. Софи была не умна и даже не особенно красива. Но такая искренняя способность любить свѣтилась въ ея лучистыхъ глазахъ, что осудить ее, заподозрить въ порочности ея полу-безсознательную натуру было невозможно. И когда раза два до слуха Горянцева дошелъ тяжелый, размашистый смѣхъ ея мужа, онъ охотно извинялъ ея увлеченіе даже этимъ грубоватымъ, ограпиченнымъ красавцемъ Равичемъ. И все сильнѣе онъ повторялъ себѣ, что нельзя дать совершиться замыслу Полабина.

— Cessons, plutôt, ma chère! Nous ne sommes pas disposés ce soir,—обратилась къ хозяйкѣ дома маленькая вертлявая Мери Свольская, самая бойкая изъ дамъ кружка. — Надо придумать что-нибудь позабавнѣе. Полабинъ увѣряетъ, что ночь такая чудная! Пошлемте за тройками!

Горянцевъ насторожилъ уши и попробовалъ отговорить отъ поѣздки. Но Полабинъ такъ ловко сѣумѣлъ возбудить у дамъ внезапное желаніе провайтись на морозномъ воздухѣ, что его возраженія были замяты разомъ, несмотря на то, что его поддерживалъ и Суздальскій.

— Мы цѣлыхъ двѣ недѣли не слушали цыганъ! — настаивала Мери Свольская. — И я не понимаю, какъ вы, князь, съ

вашею артистическою душою относитесь къ этому такъ холодно.

— Не всё любить одно и то же искусство, — чуть-чуть улыбнувшись, отвѣтилъ Суздальскій. — Да и скоро часъ...

— Что-жъ такое! Тогда только и хочется хорошенько забавляться, когда прочіе спятъ! *Décidément vous avez des instincts bourgeois.*

— *En tout cas, ce ne sont pas des instincts canaille!* — съ преувеличенно вѣжливымъ поклономъ отвѣтилъ князь.

Мери не обидѣлась нисколько.

— Слышите, Бетси, какія намъ любезности говорить Суздальскій.

— Суздальскій невозможенъ, — проронила княгиня. — Его пора давно наказать.

Тройки приѣхали необыкновенно быстро. У Краснохолмскихъ были лакеи, умѣвшій въ нѣсколько минутъ добывать что угодно. Зато дамы, хоть и спѣшили очень, просуетились еще цѣлыхъ двадцать минутъ, болтая вздоръ и укутываясь въ шубки.

VII.

Въ послѣднюю минуту Горянцева сдѣлалъ еще попытку удержать Софи Мендеръ отъ поѣздки.

— У меня дурныя предчувствія! — сказалъ онъ шутливо, хотя ему совсѣмъ было не до шутокъ. — Изъ этого катанья ничего хорошаго не выйдетъ... Мы всё стараемся только подогрѣть себя на веселье, а въ сущности никому изъ насъ веселиться не хочется...

Такіе доводы не могли, конечно, подѣйствовать. Софи только, смѣясь, покачала головой.

— Вы ошибаетесь! Мнѣ, по крайней мѣрѣ, очень хочется цыганъ послушать!

Онъ нагнулся къ ней и сказалъ уже совсѣмъ инымъ, почти взволнованнымъ голосомъ:

— Я серьезно совѣтую вамъ не ѣхать, Софья Арсѣевна... Кто знаетъ, на кого мы тамъ можемъ наткнуться...

Она посмотрѣла на него широкимъ удивленнымъ взглядомъ.

— Наткнуться?.. Что хотите вы этимъ сказать? И зачѣмъ вы меня пугаете!

На секунду онъ колебался, не раскрыть ли ей всю истину. Но это было совершенно невозможно, въ особенности въ при-

сутствіи ея мужа Да и съ какою стати! Чтò ему въ сущности было за дѣло до всего этого? И холодное насмѣшливое чувство опять поднялось въ немъ. Онъ добавилъ только, снова придавая своему голосу смѣшливую интонацію:

— А чтò скажете вашъ мужъ! Я увѣренъ, ему сильно не хочется, чтобы вы поѣхали. Вы замѣтили, какъ онъ грозно на васъ взглянулъ?

На зло, однако, Анатолій Петровичъ—такъ звали мужа Софи—въ самую эту минуту подошелъ къ женѣ и сказалъ съ своимъ обычнымъ грубоватымъ смѣхомъ:

— Ну, матушка, поѣзжай, коли хочешь до трехъ часовъ этимъ безобразнымъ цыганскимъ визгомъ наслаждаться. А я домой, да на боковую.

Софи посмотрѣла на Горянцева, какъ бы призывая его въ свидѣтели равнодушія мужа, и поспѣшила въ переднюю.

— А жаль, что не поѣдетъ съ нами этотъ болванъ,—проговорилъ Сережѣ Полабинъ.—Вотъ хорошо было бы, кабы онъ присутствовалъ при встрѣчѣ своей благовѣрной съ этимъ пьянымъ олухомъ Равичемъ... Я заранѣе потираю себѣ руки отъ удовольствія!..—и онъ прошелъ мимо, что-то насвистывая.

А Горянецъвъ вздрогнулъ отъ его словъ. Онъ чувствовалъ на себѣ отвѣтственность за то, чтò могло случиться.

Теперь онъ только вполне отчетливо сознавалъ всю низость затѣянной Полабинымъ шутки. А не помѣшать злу—почти вѣдь то же, что участвовать въ немъ...

Въ сѣняхъ онъ столкнулся съ Борисомъ Суздальскимъ. На мигъ они остались вдвоемъ. Прочіе мужчины уже вышли на улицу, а сверху доносились оживленные голоса дамъ.

— Горянецъвъ! — сказалъ пріятелю Борисъ.—Я понялъ, на чтò они намекали во время игры. Ты собираешься жениться?.. Это всѣмъ извѣстно, и одному мнѣ ты ничего не сказалъ.

Уворъ слышался въ голосѣ Суздальскаго.

— Извини, Борисъ, ничего еще не рѣшено! И ты, конечно, будешь первымъ...

Но, почувствовавъ на себѣ пристальный взглядъ Суздальскаго, Сережа невольно опустилъ глаза.

— Любезный мой,—холодно перебилъ князь:—я не имѣю ни права, ни охоты вступаться въ твои дѣла. И если мой вопросъ тебѣ показался неумѣстнымъ...

— О, вѣтъ! Конечно вѣтъ!—поспѣшилъ оправдаться Сережа.

— Хорошо!—еще холоднѣе прежняго отвѣтилъ князь.—Въ такомъ случаѣ я обязанъ тебя предупредить—ты знаешь, я услов-

ныхъ деликатностей не признаю. Варя Чертолина—моя кузина, правда, очень дальняя, но съ самаго дѣтства я хорошо съ нею знакомъ. Не такая она дѣвушка, чтобы видать тебѣ съ нею счастья... Впрочемъ, твое дѣло: я вовсе не осуждаю браковъ по расчету. Это просто дѣло вкуса. По-моему, всѣ вкусы равноправны... не всѣ только одинаково симпатичны!

Дамы теперь нахлынули сверху. Разговора продолжать было нельзя, и этотъ вынужденный перерывъ еще яснѣе далъ почувствовать Сережѣ, какъ порвалось что-то между нимъ и Суздальскимъ.

Всѣ успѣшили размѣститься по тройкамъ, Горянцеву пришлось ѣхать съ Софи и княгиней. Четвертое мѣсто занялъ Борисъ.

Лошади тронули. Вѣтеръ теперь совершенно стихъ. Надъ опустѣлыми улицами стояла полная, неумолимо-зоркая тишина лунной ночи. Голубоватая блѣдная тѣни ложились на бѣлую снѣжную пелену. Будто алмазный вѣнецъ блестялъ вокругъ полнаго мѣсяца. На душѣ Горянцева эта свѣтлая ночь, такъ широко раскинувшаяся надъ спящимъ городомъ, вызывала ощущение чего-то давящаго, —некуда было уйти отъ ея спокойнаго, назойливаго свѣта.

Они ѣхали въ первой тройкѣ. Лошади скакали быстро, спустившись на Неву. Сани беззвучно скользили по льду. Сзади слышались веселые бубенчики остальныхъ троекъ. Все сильнѣе Сережа ощущалъ глухое чувство омерзѣнія къ себѣ и полную невозможность освободиться отъ него. Всѣ событія дня вихремъ проносились въ его головѣ, теперь только представляясь ему въ настоящемъ свѣтѣ. Поступки его за весь этотъ день выступали передъ нимъ въ полной уродливой наготѣ. Никакой поэзии не было уже въ его любви къ Ветѣ Разрубиной. Угаръ честолюбивыхъ надеждъ, призракъ свѣтскаго блеска, прежде скрывавшіе отъ Сережи некрасивыя стороны его сватовства за Варю, исчезли тоже. И лицо будущей невѣсты будто дразнило его, складываясь въ презрительную улыбку.

— Что вы такъ упорно молчите, Горянецъ?—спросила, наконецъ, княгиня Бетси.—Неоплатные долги или испорченный желудокъ? Еслибы я знала напередъ, что вы будете такимъ скучнымъ, я бы васъ съ собой не взяла.

Сережа сдѣлалъ неудачную попытку отшутиться. И удивительно натянутымъ прозвучалъ его смѣхъ.

Бетси его оставила въ покоѣ. И онъ опять уткнулся бы въ свое тяжелое молчаніе, но теперь заговорила съ нимъ Софи.

— Вы были гораздо любезнѣе тамъ, у княгини! — сказала она, улыбаясь.

— Я на васъ сержусь за то, что вы меня не послушались!

— Не говорите пустяковъ! Не все ли равно, что бы я ни сдѣлала! Вы, въ сущности, совсѣмъ меня не знаете.

Эти простые слова кольнули его больнѣе, чѣмъ могъ бы то сдѣлать упрекъ.

— Какъ! Что! зачѣмъ вы не хотѣли, чтобы мы поѣхали? — съ проснувшимся любопытствомъ спросила княгиня.

— Боюсь, какъ бы мы не встрѣтили тамъ не совсѣмъ пріятное общество. Туда, кажется, собиралась цѣлая компанія съ французенками.

— Ахъ! и вы подумали, мы этого побоимся? — засмѣялась княгиня. — Напротивъ, мы будемъ очень рады! Представьте себѣ, какъ я часто ни ужинала въ ресторанѣ, мнѣ никогда не удавалось тамъ встрѣтиться съ настоящими кокотками... Очень бы мнѣ хотѣлось видѣть, на что онѣ похожи!

— Ты навѣрно знаешь, кто тамъ будетъ? — спросилъ Горянцева Борисъ, подчеркивая вопросъ пристальнымъ взглядомъ.

— Догадываюсь, по крайней мѣрѣ!..

Строгий взглядъ товарища опять на немъ остановился.

Еще нѣсколько минутъ, и они пріѣхали. Глухой шумъ, стукотня шаговъ, запахъ кухни обдали ихъ тотчасъ.

Трое официантовъ-татаръ выбѣжали къ нимъ на встрѣчу.

— Большой номеръ свободенъ? — спросилъ у одного изъ нихъ князь Краснохолмскій.

— Сейчасъ, ваше сіятельство! Тамъ собирался цыганъ слушать одинъ господинъ съ дамами. — Только это ничего-съ! Для вашего сіятельства очистимъ залу.

— Пожалуйста! — холодно-лѣниво отвѣтилъ князь, скидывая шинель. — И цыгане здѣсь? Отлично! Мы хотѣли за ними послать. Такъ устрой ужъ такъ, чтобы они для насъ пѣли!.. — Онъ проговорилъ это тономъ, не допускавшимъ возможности отказа.

И дамы, услыхавъ про цыганъ, зашебетали хоромъ:

— Les bohémiens? c'est justement cequ'il nous faut!

— Конечно, нельзя ихъ уступить другимъ!

И княгиня Бетси добавила, смѣясь:

— Это для какихъ-то французенокъ заказано, увѣряетъ Горянецъ! Разумѣется, мы имъ не уступимъ!

— Да, княгиня! Но можетъ выйти исторія! — вмѣшался Суздальскій.

— Такъ вотъ что,—рѣшила княгиня.—Давайте слушать цыганъ всѣ вмѣстѣ! Avec ses dames... Будетъ презабавно!..

Но до этого еще не доросъ кружокъ княгини, Бетси. Мужчины запротестовали.

Да и не оказывалось, повидимому, никакой надобности уступать. Оффиціантъ провелъ все общество въ залъ, гдѣ успѣлъ уже собраться цыганскій хоръ.

Дамы шумно усѣлись въ углу комнаты, съ большимъ вниманіемъ разсматривая цыганокъ въ лорнетъ, хотя всѣхъ почти участницъ хора онѣ знали въ лицо. Ихъ почему-то интересовало подробное изученіе этихъ смуглыхъ лицъ съ усталою наглостью въ чертахъ.

— Лучшей пѣвицы нѣтъ сегодня,—проговорила княгиня.—Таней ее, кажется, звать! Полабинъ, не правда ли?

Но княгиня напрасно отыскивала его глазами. Полабинъ куда-то скрылся, и она поручила мужу узнать, отчего не было Тани.

— Она больна,—отрапортовалъ князь, обмѣнявшись нѣсколькими шуточками съ цыганками.

Заговорили съ ними и прочіе мужчины, за исключеніемъ Бориса Суздальскаго и Сережи.

— *Comme c'est ennuyeux!*—съ недовольнымъ видомъ произнесла княгиня.—Какъ будто эти цыганки бываютъ когда-нибудь больны!.. А гдѣ Полабинъ? Онъ такъ вѣдь хорошо умѣетъ подтягивать!

Полабина, однако, не оказывалось, и княгиня Бетси съ удвоеннымъ неудовольствіемъ откинулась на спинку стула. Хоръ началъ: „Задремалъ тихій садъ“...

Краснохолмскій не переставалъ шептаться съ одной изъ цыганокъ, мѣшая ей пѣть. Не успѣли цыганки окончить романсъ, какъ раздался изъ корридора чей-то рѣзкій голосъ.

— Это что значить!—крикъ былъ такъ громокъ, что изъ залы можно было разслышать слова.—Я послалъ за хоромъ, а ты, дуракъ, говоришь, что тамъ княгиня какая-то его потребовала! Да чортъ съ ней, съ твоей княгиней!

Голосъ приближался къ дверямъ.

Софи Мендеръ вдругъ поблѣднѣла: она узнала, кто это тамъ кричитъ въ корридорѣ. Узнали голосъ теперь Горянцева и Борисъ. И въ перемежку съ крикомъ слышались совсѣмъ уже близко къ дверямъ залы слова Полабина, который, повидимому, старался удержать кричавшаго. Еще одинъ мигъ—и пьяный Равичъ ворвался бы въ комнату. Горянцева поймалъ на лету

брошенный на него испуганный, умоляющій взглядъ Софи. Онъ кинулся впередъ къ дверямъ. За нимъ послѣдовалъ Борисъ. Едва успѣлъ онъ раскрыть двери, какъ тутъ же передъ его глазами выросла крупная фигура конвойца Равича съ искаженнымъ до бѣшенства пьянымъ лицомъ. Равичъ былъ необыкновенно рослый человѣкъ, съ грубыми, но красивыми чертами лица. Неподвижные, хотъ и воспаленные темные глаза, крупный носъ, густая черная борода и такіе же жесткіе, всклокоченные волосы обличали въ немъ южанина. Родомъ онъ былъ изъ Бессарабіи, не то сербъ, не то молдаванинъ по происхожденію. Необыкновенно мизернымъ, при всей своей копячей ловкости, глядѣлъ передъ нимъ вертѣвшійся вокругъ него Полабинъ.

— Послушай, Равичъ!—твердилъ онъ.—Нельзя! говорю тебѣ, нельзя! Тамъ княгиня Бетси съ цѣлымъ обществомъ.

— Наплевать!—хрипѣлъ Равичъ, отстраняя Полабина, который полушопотомъ добавилъ:

— Тамъ еще Софья Аркадьевна...

— Говорю тебѣ—наплевать!—громче прежняго повторилъ тотъ.

Двери въ залу оставались раскрытыми, и тамъ каждое слово можно было слышать. Дамы суетились, предвидя неизбѣжный скандалъ. Софи Мендеръ не въ силахъ была скрыть охватившаго ее растеряннаго волненія. Княгиня Бетси успокоивала ее съ подавленной улыбкой на губахъ.

Равичъ, не слушая Полабина, хотѣлъ войти. Но ему заслонилъ дорогу Сережа.

Онъ чувствовалъ за собою обязанность спасти все общество, спасти въ особенности бѣдную Софи отъ грозившей разыгратъся исторіи. Да онъ, впрочемъ, и не раздумывалъ, что ему дѣлать—онъ просто повиновался безсознательному инстинкту.

— Извольте не кричать, господинъ Равичъ!—проговорилъ онъ спокойно, удерживая конвойца за руку.

— Чего тамъ не кричать!—хрипѣлъ тотъ по прежнему.

— Идите къ себѣ! Вы не имѣете права здѣсь бушевать! Здѣсь дамы!

— Какія дамы! Пустите!—стараясь вырвать руку, закричалъ Равичъ.

— Вы совершенно пьяны! Я васъ не пущу!

— Не пустите? Хотѣлъ бы я видѣть!

Лицо пьянаго силача налилось кровью, рука судорожнымъ движеніемъ вырвалась изъ державшей ее руки Горянцева и со всего размаху ударила Сережу по щекѣ.

И его теперь охватило бѣшенство. Онъ ринулся впередъ, чтобы отмстить за оскорбленіе—Равичъ невольно подался назадъ, какъ бы испуганный тѣмъ, что онъ сдѣлалъ,—рука Сережи поднялась для удара, но его противника держали уже съ обѣихъ сторонъ схватившіе его Суздальскій и Полабинъ. Подбѣжали на шумъ и другіе.

— Я прикажу васъ связать,—сквозь зубы сказалъ Равичу Суздальскій.

Рука Сережи остановилась. Бить по лицу человѣка, у котораго свобода движеній отнята, это показалось ему тѣмъ же, что бить лежачаго.

Странное дѣло—спокойствіе теперь вернулось и къ Равичу. Хмель его прошелъ. Онъ устыдился своего почти невольнаго поступка.

— Я готовъ на все, что вамъ будетъ угодно, — сказалъ онъ подавленнымъ голосомъ.—Извиниться... дать вамъ удовлетвореніе...

— Извиниться?—хихикнулъ Полабинъ.—Точно Горянецвъ приметъ твои извиненія! Я буду, коли хочешь, твоимъ секундантомъ, Сережа! А ты, Равичъ, ступай!

И Равичъ далъ себя теперь уговорить безъ труда. Медленно, пристыженно онъ вернулся къ дверямъ своего кабинета, откуда высовывались перепуганныя и въ то же время любопытныя головы двухъ сильно напудренныхъ женщинъ.

Секунда прошла въ оцѣпѣнѣломъ молчаніи. Столпившіеся вокругъ Сережи люди глядѣли на него съ растеряннымъ недоумѣніемъ. Всѣ очевидно не знали, что теперь должно случиться, что имъ сдѣлать и что сказать. Одинъ Борисъ выдвинулся впередъ и крѣпче пожалъ Сережѣ руку.

— Ты хорошо поступилъ!—сказалъ онъ.—Благодарю тебя отъ имени всѣхъ!..

Горянецвъ самъ чувствовалъ, что поступилъ хорошо, заступившись за всѣхъ, хотя онъ смутно сознавалъ въ то же время, что всѣ прочіе, словно, ждутъ чего-то. И нѣкое ожиданіе это неминуемо обратится въ грозный судъ, если онъ не исполнитъ того, чего требовалъ обычай.

— Я къ твоимъ услугамъ, Горянецвъ,—повторилъ свое предложеніе Полабинъ.

И Сережѣ показалось, будто скрытая насмѣшка звучала въ этихъ словахъ. Его мгновенно взорвало. Вѣдь то, что онъ сдѣлалъ, было единственнымъ чистымъ, истинно хорошимъ поступкомъ за весь этотъ день, и какъ разъ за это его готовы осу-

дить тѣ самые люди, которыхъ онъ только-что спасъ отъ непоправимаго скандала.

— Allons-nous en! Quelle affreuse histoire!—донесся до его слуха голосъ княгини Бетси.

— Oui, oui! Dérêchons-nous!—вторили ей прочія дамы.

Грубый эгоизмъ всякой толпы овладѣвалъ уже этимъ избраннымъ кружкомъ его ближайшихъ друзей, которые объ одномъ только помышляли, какъ бы имъ поскорѣе спасти себя отъ всякаго участія въ происшедшемъ столкновеніи,—его одного, своего защитника, предоставивъ въ жертву злословной молвѣ. И какъ разъ потому, что жалкая трусость этихъ людей такъ беззащитчиво выступала передъ нимъ, Сережа почувствовалъ себя выше и лучше ихъ въ эту минуту, и въ немъ возросло желаніе—какъ бы въ отместку имъ—поступить какъ разъ наперекоръ требованіямъ ихъ условной морали.

За его спиной уже слышалось осторожное шуршанье платьевъ торопившихся дамъ. Спѣшили уѣхать, даже не простившись съ нимъ. Но ему было все равно. Чѣмъ открытѣе высказывалось отреченіе отъ него близкихъ людей, тѣмъ болѣе онъ самъ отворачивался отъ нихъ, освобождался отъ всякихъ обязанностей передъ ними. Иной, болѣе высокой долгъ выросталъ передъ Горяцевымъ. Чувство понесеннаго оскорбленія ступшевывалось передъ сознаніемъ, сколько дурного и постыднаго сдѣлалъ онъ въ этотъ день. Онъ совершилъ цѣлый рядъ отвратительныхъ поступковъ. Соблазнилъ жену своего лучшаго друга, и въ то же время гдаль отдавшейся ему Ветѣ Разрубиной, которую въ сущности любилъ только похотью своей воспаленной крови, а не искреннимъ безкорыстіемъ преданнаго сердца. Онъ сталъ женихомъ дѣвушки, которую не любилъ даже этой грубой любовью, обольщенный призракомъ ея денегъ, ея высокаго положенія. Правда, ее онъ не обманывалъ: то, чего требовала отъ него невѣста, онъ могъ ей дать и не любя ее. Но въ самихъ живыхъ увѣреніяхъ, какими онъ обмѣнивался съ нею, было что-то позорное, какое-то принесеніе себя въ жертву постыдному идолу озолоченнаго тщеславія. И теперь онъ уже не любовался, какъ тогда, своимъ холоднымъ цинизмомъ. Онъ глубоко презиралъ себя за все это, тѣмъ болѣе презиралъ, что никто изъ его свѣтскихъ друзей не укорилъ бы его за совершенное имъ въ этотъ день. И если единственный его хороший, безкорыстный поступокъ награжденъ незаслуженнымъ оскорбленіемъ, а впереди его ждутъ презрительныя насмѣшки товарищей и свѣта,—онъ получилъ только заслуженное возмездіе за совершенное имъ зло.

Пусть онъ передъ обществомъ прослыветъ за труса—зато пощечина Равича смыла съ него тяжкое обличеніе собственною совѣстью. И гордо поднявъ голову, Сережа посмотрѣлъ въ упоръ на Полабина.

— Благодарю тебя! Я драться не намѣренъ! — И не давъ ему времени отвѣтить, онъ обратился къ Суздальскому: — Борисъ! мнѣ съ тобой переговорить надо! Поѣдемъ домой вмѣстѣ.

Въ глазахъ Суздальскаго онъ прочелъ недоумѣніе, только совсѣмъ иное, чѣмъ во взглядѣ Полабина. Борисъ молча кивнулъ головой, и приказалъ татарину нанять извозчика.

VIII.

— Борисъ!—началъ Сережа, едва они отъѣхали:—два раза сегодня вечеромъ я прочелъ въ твоихъ глазахъ, что ты мною недоволенъ — помнишь, когда ты со мною заговорилъ о твоей кузинѣ Чертолиной, и потомъ, когда ты догадался, что за гадкую шутку затѣялъ Полабинъ.

— Ахъ! это было, значить, дѣло Полабина! — воскликнулъ Суздальскій. — Какой негодяй!—сезовъ зубы добавилъ онъ.

— А ты подумалъ, это моя выдумка?—съ горечью спросилъ Горянцева. — Впрочемъ,—продолжалъ онъ,—и я виноватъ кругомъ! Я зналъ, что готовится, и не помѣшалъ въ-время. Я поступилъ скверно, какъ мальчишка! Зато теперь, Борисъ, — и, говоря это, Сережа поднялъ голову, открыто всматриваясь въ товарища,—теперь я твоего порицанія не заслуживаю. То, что я сдѣлалъ сейчасъ, вотъ единственный поступокъ за весь этотъ день, котораго я не стыжусь.

— Я тебя и не порицаю, — отвѣтилъ Суздальскій.

Но въ тонѣ, какимъ онъ это сказалъ, Сережа разслышалъ отгнѣное недоумѣніе. А самъ онъ, какъ разъ въ эту минуту, ощущалъ мучительную потребность въ ободряющемъ словѣ. У него была настоящая жажда услышать посторонній судъ и почерпнуть въ немъ силу довести до конца принятое рѣшеніе. Сережѣ теперь нечего было скрывать отъ товарища. И все то нехорошее, что онъ чувствовалъ за собою, просилось теперь наружу. Надо было, во что бы то ни стало, очиститься передъ собой, сбросить съ себя давившее сознание позорной виновности. Сережа понималъ въ эту минуту, въ первый разъ, можетъ быть, за всю свою жизнь, что постыдна сама вина, а не только ея огласа.

— Нѣтъ! — продолжалъ онъ, качая головой. — Ты втайнѣ, можетъ быть, все-таки безсознательно меня осуждаешь. А я вѣдъ сдѣлалъ то самое, что ты сегодня утромъ такъ хвалилъ въ поступкѣ Вельсваго съ Лабуниннымъ.

— Вельскій былъ кругомъ виноватъ... это совсѣмъ другое дѣло! — вырвалось у Бориса.

— По-твоему, стало быть, — съ живостью возразилъ Сережа, — какъ разъ потому, что я былъ правъ, на мнѣ лежитъ нравственная обязанность вызвать Равича и по возможности убить его? Хотя, представь себѣ, я ни малѣйшей злобы противъ него не ощущаю.

— Я этого не говорю, но...

— Нѣтъ! говоришь! или, по крайней мѣрѣ, думаешь! — съ жаромъ перебилъ его Сережа. — По твоему — и ты совершенно правъ — дуэль послѣднее средство защиты, когда иного нѣтъ... Но защиты — кого? себя или другихъ, болѣе слабыхъ? Если бы Равичъ оскорбилъ женщину, я бы вызвалъ его въ ту же минуту. Но онъ нанесъ оскорбленіе человѣку, который постоять за себя можетъ, и который принималъ это оскорбленіе, какъ заслуженное возмездіе за все, что онъ сдѣлалъ дурного за весь тотъ день. Да, Борисъ! Я былъ совершенно правъ, заступившись за эту бѣдную Софи. И какъ разъ поэтому я почувствовалъ, что Равичъ будто смылъ съ меня всю грязь съ моей жизни. Понимаешь это, Борисъ? Понимаешь?.. Знать, что велъ себя какъ подлець, какъ истинный подлець, и что никто за это не скажетъ мнѣ ни слова порицанія! И вдругъ, за единственный хорошій, честный поступокъ... — онъ остановился, переводя духъ. — Видишь, Борисъ, — мигъ спустя, заговорилъ онъ опять: — понять вдругъ, что за рядъ мерзостей былъ въ моемъ такъ-называемомъ успѣхѣ, и почувствовать, что вновь получилъ право уважать себя, оттого, что понесъ незаслуженное оскорбленіе, — это... это... Я не скажу — радость, конечно, но какое-то особое, возвышающее ощущеніе.

— Ты правъ, Сережа! ты правъ! — горячо теперь отвѣтилъ Суздальскій. — Ты хорошій человѣкъ, и я тебя понимаю! — онъ схватилъ Горянцева за руку, и хотѣлъ эту руку пожать, но Сережа ее отнял.

— Нѣтъ!.. Ты меня все-таки не понимаешь... И совсѣмъ не хорошій я человѣкъ... Въ этомъ-то все дѣло... Не могу тебѣ сказать, что со мной было сегодня, и вчера, и всѣ эти дни, потому что здѣсь другіе замѣшаны... Но знай одно: я натворилъ много, много скверныхъ вещей, и не только не стыдился этого,

а любовался собой, своимъ гадкимъ, дряннымъ цинизмомъ. А теперь у меня пелена будто спала съ глазъ. Я хочу страдать незаслуженно, потому что въ этомъ для меня—очищеніе! Понимаешь?..

Борисъ опять схватилъ его за руку, и теперь Сережа ее уже не отнималъ. Это нѣмое пожатіе было для него какъ будто возвращеніемъ честнаго имени и права на уваженіе товарища.

Долго еще послѣ того, какъ они вернулись въ казармы, приятели горячо толковали. Почти свѣтало, когда Борисъ простился съ Сережей. Для бѣднаго малаго сочувствіе любимаго товарища было въ эту минуту поддержкой, безъ котораго онъ не могъ бы выдержать своего тяжкаго испытанія. Едва Борисъ вышелъ, Сережа упалъ на диванъ и уткнулъ голову въ обѣ руки, какъ бы уйдя весь въ мучительное созерцаніе того, что случилось и что его ждало впереди. Онъ могъ еще свободно выбрать любой исходъ—драться съ Равичемъ и на половину смыть оскорбленіе,—да, на половину только,—пощечину вѣдь, по настоящему, не смыть ничѣмъ, въ какомъ бы правомъ дѣлѣ ее ни получить,—или остаться вѣрнымъ своему рѣшенію и дать обрушиться на себя всему негодованію полка, всему презрительному смѣху петербургскаго общества. Но въ первомъ случаѣ, если онъ даже и спасетъ на половину свою честь, онъ лишится того чувства самоудовлетворенія, которое теперь помогаетъ ему идти на встрѣчу тяжкимъ униженіямъ. Честь!—онъ горько разсѣялся, когда это слово пронеслось у него въ головѣ.—А гдѣ была она, эта честь, когда онъ, какъ измѣнникъ, страстно цѣловалъ, прижималъ къ груди жену Коли Разрубина? Гдѣ была она, когда изъ-за житейскихъ выгодъ онъ сдѣлалъ предложеніе Варѣ Чертолиной, и тѣ же уста, на которыхъ еще не остыли поцѣлуи Веты, расточали нелюбимой дѣвушкѣ лживыя увѣренія. И за это нието бы его вѣдь не осудилъ... Многие бы ему позавидовали даже. А теперь, когда онъ наказанъ безвинно,—то самое общество, которое онъ хотѣлъ защитить, обратилось противъ него съ своимъ ядовитымъ злорѣчіемъ.

Оставалось, правда, еще одно средство—выйти на барьеръ и дать себя убить, не защищаясь. Тогда, по крайней мѣрѣ, никакого пятна не останется на его памяти. Убитыхъ не осуждаютъ,—твердилъ онъ себѣ съ тайной горечью, и заранѣе, съ болѣзненнымъ наслажденіемъ представлялъ себѣ, какъ сразить его пуля противника, и онъ уже не увидитъ и не услышитъ того, что произойдетъ затѣмъ. Жизни ему не было жаль. Что, однако, если Равичъ не убьетъ его, а какъ-нибудь искалѣчитъ,

если потомъ ему придется страдать многіе, многіе дни, выдержать, быть можетъ, мучительную операцію?.. Страхъ смерти въ немъ не было, но передъ физическимъ страданіемъ онъ испытывалъ неодолимый ужасъ. Онъ какъ бы чувствовалъ напередъ, что въ его молодое, здоровое тѣло вонзится пуля, и рисовалъ себѣ, какъ рука хирурга будетъ зондировать рану и врѣзываться въ его тѣло, чтобы достать ее... Сережа невольно вздрогнулъ, и тотчасъ поймалъ себя на этомъ ощущеніи.

— Я трусь!—громко воскликнулъ онъ, вскакивая. — Да! Я трусь! трусь! И они совершенно правы будутъ, презирая меня.

Какъ раненый звѣрь, онъ съ дикимъ воплемъ пробѣжался по комнатѣ, стараясь припомнить такіе случаи изъ своей жизни, которые бы наглядно доказывали, что онъ не трусь.

Да! на медвѣжьей охотѣ, еще мѣсяць назадъ, когда его первая пуля только задѣла звѣря, и тотъ шелъ прямо на него, онъ твердой рукою пустилъ второй и послѣдній зарядъ медвѣдю прямо въ лѣвый глазъ и убилъ его наповаль. Сердце у него не дрогнуло тогда, и рука тоже. А два года назадъ, когда вдвоемъ съ Полабинымъ онъ случайно наткнулся въ ресторани на скверную исторію и заступился за совершенно незнакомаго ему молодого малаго, на котораго набросился какой-то пьяный нахаль, онъ не задумался, что рискуетъ своимъ положеніемъ и вытолкалъ изъ комнаты этого человѣка, злоупотреблявшаго физическою силой. Полабинъ этого бы не сдѣлалъ, Сережа зналъ это очень хорошо, и съ этой минуты товарищи стали его уважать больше прежняго. А въ чемъ, въ сущности, сегодняшняя исторія отличалась отъ тогдашней? Отчего сегодня позоръ, а въ тотъ день—общія громкія похвалы? Оттого только, что онъ тогда вышелъ побѣдителемъ? и весь вопросъ, стало быть, сводится къ силѣ кулака. Есть чѣмъ гордиться, нечего сказать!..

И Сережа усѣлся опять успокоенный. Принятое рѣшеніе въ немъ крѣпло.

IX.

Когда въ полку распространилась вѣсть о вчерашнемъ событіи, сперва не хотѣли вѣрить, что Сережа Горянцевъ отказался драться. Это было совершенно невозможно; это не вязалось съ его характеромъ. И какъ разъ за то, что такого поступка отъ Сережи ожидать было нельзя,—на него обрушились всѣ, когда убѣдились, что все было именно такъ, какъ рассказывалъ Полабинъ. Вспышка презрительнаго негодованія охватила всѣхъ то-

варищей, разжигаемая этимъ самымъ Полабинымъ. Никто такъ озлобленно не выражался про Сережу, какъ именно онъ. Полабинъ сознавалъ, что случившаяся исторія можетъ задѣть, пожалуй, и его, и потому старался топить Сережу, чтобы тѣмъ лучше себя выгородить. Одинъ Борисъ Суздальскій за Сережу горячо заступился. Но даже авторитетъ Бориса не могъ побѣдить общаго настроенія. Съ Полабинымъ у него произошелъ обмѣнъ довольно колкихъ замѣчаній. Но въ первую минуту, въ пылу спора, всѣ пропустили мимо ушей оскорбительныя слова Бориса по адресу Полабина. Презрѣнiе, долго копившееся въ душѣ Суздальскаго, вылилось теперь все. Полабинъ долго отмалчивался, пробуя свернуть объясненiе на шутку. Но когда Суздальскій сказалъ ему въ упоръ, что въ случившемся виноватъ онъ, и обозвалъ его поступокъ съ Софи Мендеръ подлостью, Полабинъ, сильно поблѣднѣвъ, отвѣтилъ сквозь зубы, что послѣ наединѣ переговорить обо всемъ этомъ съ княземъ.

Ровно въ два часа Горянцева вызвали къ полковому командиру. Полковой командиръ, всегда очень благоволившій къ Горянцеву, принялъ его съ выраженiемъ грустной строгости на лицѣ, преувеличенно любезно прося его рассказать все какъ было.

— Я вполне могу довѣриться только вашимъ словамъ, — сказалъ онъ при этомъ. — Вы постоянно выказывали себя такимъ прекраснымъ офицеромъ, что... ну, словомъ, прошу ничего отъ меня не утаивать.

И онъ принялся слушать, а на лицѣ его, замѣчательно полнымъ и здоровомъ, выраженiе строгой грусти все усиливалось. Сережа говорилъ сухо, сдержанно, точно дѣло шло не о немъ.

— И что же вы намѣрены дѣлать? — съ меньшей сухостью спросилъ командиръ, когда онъ кончилъ. — Меня увѣряли, будто вы не думаете воспользоваться своимъ правомъ на удовлетворенiе?

Онъ наклонилъ голову и, получивъ утвердительный отвѣтъ, продолжалъ:

— Видите ли, г. Горянецъ! Я былъ всегда сторонникомъ миролюбивыхъ развязокъ, и, какъ вашъ начальникъ, могъ бы радоваться подобной развязкѣ и теперь... Но вы понимаете, что дѣло получило такую огласку, и честь мундира, который мы съ вами оба носимъ... — Онъ видимо затруднился высказаться прямо.

Сережа хотѣлъ-было разъяснить ему мотивы своего рѣшенiя, но онъ вдругъ почувствовалъ, что это было совершенно невозможно.

— Я знаю, ваше превосходительство, чего требуетъ отъ меня

мундиръ, и сегодня же подамъ въ отставку,—коротко отвѣтилъ онъ начальнику.

Это былъ первый безвозвратный шагъ на пути къ разрыву со всѣмъ его прошлымъ. Сережа зналъ, что за этимъ шагомъ быстро послѣдуетъ рядъ другихъ, и, не давая себѣ задуматься надъ будущимъ, онъ принялся за прошеніе. Не предвидѣлъ онъ того лишь, что должно было случиться теперь же, пока онъ судорожнымъ почеркомъ заканчивалъ официальную бумагу. Изъ передней донесся глухой женскій голосъ, и минуту спустя дама подъ густою вуалью вошла къ нему въ кабинетъ.

— Сережа, это правда, что я слышала?—приподнимая вуаль и бросаясь къ нему, тревожно проговорила Вета. — Ты будешь драться?

Появленіе молодой женщины не только не обрадовало, но подлило новой горечи въ его переполненное сердце. Онъ понялъ вдругъ разомъ, что настоящая виновница случившагося—она, в что недавняя страсть вся, до послѣдней капли исчезла, и не возвратиться ей никогда. Онъ едва не отстранилъ отъ себя Вету.

— Ну, говори же! Рассказывай!—страстно прижималась она къ нему.—Какой ты странный сегодня!.. Ты забылъ, какъ вчера, еще вчера...

Ея губы жаждали сомкнуться съ его губами. Но Сережа не отвѣтилъ на ихъ нѣмую мольбу.

— Помню!—сказалъ онъ горько.—Слишкомъ хорошо помню! Ты хочешь знать все? Ну, изволь! Садись тутъ!—Онъ подвелъ ее къ дивану.

Она испуганно, скрестивъ руки, принялась слушать, вниваясь въ него горящими глазами.

— Очень нужно было изъ-за этихъ женщинъ впутываться въ такую исторію! И въ особенности изъ-за этой дуры Софи... Всѣ вѣдь знаютъ, что Равичъ—ея любовникъ! Что-жь тутъ было скрывать? Напротивъ, было бы очень весело, еслибы она растерялась и надѣлала глупостей!

— А ты бы желала, — холодно проговорилъ онъ, — чтобы тебя сейчасъ кто-нибудь у меня засталъ?

— Я—и Софи Мендеръ!—обиженно воскликнула молодая женщина.

— Конечно! это совсѣмъ другое дѣло! Ты—добродѣтельная женщина!..

Онъ прямо ненавидѣлъ ее въ эту минуту.

— Сережа!—опять воскликнула она.

— Ну, а теперь я тебѣ скажу, что драться не буду! Ты довольна?

Она сама не могла бы сказать, исполнѣ ли она этимъ довольна. Инстинктъ, заставляющій каждую почти женщину втайнѣ предпочитать кровавыя развязки, заговорилъ въ ней. Она была почти разочарована.

— И знаешь, отчего я драться не буду? — продолжалъ Сережа. — Оттого, что пощечина Равича въ моихъ глазахъ — искупленіе за то, что я сдѣлалъ вчера, за мой подлый поступокъ съ твоимъ музеемъ... И это „вчера“ не повторится болѣе, никогда не повторится!..

Она сперва не захотѣла вѣрить, хотя злоба блеснула на ея полудѣтскихъ чертахъ. Но Горянцевъ такъ недвусмысленно выказалъ ей не холодность только, а ненависть, какую она въ немъ возбуждала теперь, что Вета должна была, наконецъ, покориться и понять.

Она вышла съ отчаяніемъ и желаніемъ мести на душѣ.

А между тѣмъ она была единственнымъ существомъ, готовымъ выказать ему сочувствіе, несмотря на случившееся наказаніе, — она и еще Борисъ Суздальскій.

И въ этотъ, и въ ближайшіе дни быстро посыпались на Сережу явныя доказательства полной утраты имъ прежняго блестящаго положенія въ петербургскомъ обществѣ. Товарищи избѣгали съ нимъ заговаривать, почти даже отъ него отворачивались. Многіе изъ знакомыхъ, встрѣчаясь съ нимъ на улицѣ, дѣлали видъ, что его не узнаютъ. Какой-то статскій господинъ, часто бывавшій у княгини Бетси и прежде въ немъ заискивавшій, не отдалъ ему даже поклона. Горянцевъ самъ пересталъ кланяться знакомымъ, все болѣе сторонясь отъ людей. Овладевъвшее имъ чувство презрѣнія къ этимъ людямъ помогало ему выносить уволю самолюбія. Онъ какъ-то воодушевлялся даже гордымъ упоеніемъ борьбы съ обществомъ, среди котораго постоянно вращался за послѣдніе годы. Какъ разъ потому, что такъ быстро и незаслуженно рухнуло это положеніе, исчезла, какъ театральная декорация, окружавшая его мнимая дружба многочисленныхъ знакомыхъ, весь этотъ непрочный блескъ разомъ утратилъ для него всякую цѣну. Рѣшимость, какъ можно скорѣе покончить съ Петербургомъ надолго, быть можетъ, навсегда уйти въ свой родной уголь, выросла у Сережи какъ-то сама собою. Надо всѣмъ надо было поставить крестъ, въ томъ числѣ, конечно, и надъ Варей Чертолиной. Онъ и не сомнѣвался, что невѣста поспѣшитъ къ нему повернуться спиной, и раздумывалъ, какъ бы ему

самому сдѣлать первый шагъ къ разрыву. Но Чертолины его предупредили. Отъ Софьи Иларіоновны онъ получилъ въ четвергъ записку, въ которой она съ сожалѣніемъ извѣщала, что сынъ ея, семнадцатилѣтній гимназистъ, заболѣлъ корью, и вслѣдствіе того предположенный на воскресенье обѣдъ не состоится. Съ холодной усмѣшкой онъ разорвалъ на клочки раздушенную бумажку, не почувствовавъ даже сожалѣнія. Ему казалось, что, порывая одну за другой нити, связывавшія его съ Петербургомъ, онъ точно свободу себѣ возвращаетъ и выздоравливаетъ отъ заразившаго его повѣтрія. Борисъ Суздальскій подкрѣплялъ его въ этомъ настроеніи. Онъ часто заходилъ къ нему въ первые три дня.

— Я тоже, — повторилъ Борисъ, — уѣду отсюда, если только... Суздальскій не договорилъ.

Слухъ о его столкновеніи съ Полабинымъ не дошелъ еще до Сережи. Когда узнали въ полку, что Полабинъ вызвалъ князя, всѣ засуетились, на этотъ разъ добросовѣстно стараясь уладить дѣло. И Полабинъ далъ уговорить себя безъ труда. Онъ готовъ былъ удовольствоваться самымъ легкимъ извиненіемъ. Дуэль съ Суздальскимъ, даже при самомъ благоприятномъ исходѣ, была равносильна необходимости выйти изъ полка. Но ко всеобщему удивленію несговорчивымъ оказался Борисъ.

— Полабину было неприятно то, что я ему сказалъ, — неизмѣнно отвѣчалъ онъ на всѣ примирительныя попытки, — такъ пусть онъ теперь не уклоняется отъ дуэли, потому что я ни слова не возьму назадъ изъ сказаннаго мной, и, пожалуй, повторю это еще разъ. — И переговоры не повели ни къ чему. Дуэль должна была состояться въ четвергъ. Наканунѣ только узналъ про это Сережа, и тотчасъ бросился къ товарищу.

— Какъ! Ты изъ-за меня стрѣляешься! — воскликнулъ онъ. — Я этого не допущу! Позволь мнѣ занять твое мѣсто. Я вѣдь не трусь, какъ ты, быть можетъ, думаешь, и я радъ буду держать этого мерзавца подъ дуломъ своего пистолета. А коли онъ меня убьетъ, туда мнѣ и дорога!

Но Борисъ про это и слышать не хотѣлъ.

— У меня давнишніе счеты съ Полабинымъ, — спокойно отвѣчалъ онъ. — Пора имъ подвести итогъ!

— Да ты пойми, — твердилъ Горянецъ, — я съ Равичемъ не хотѣлъ драться, потому что эту дуэль мнѣ навязывали, какъ исполненіе формальнаго долга! Да и вовсе не нужна мнѣ была кровь этого человѣка!.. Я даже ненависти къ нему не испытываю никакой! А проливать чужую или свою кровь изъ-за фор-

мальныхъ причинъ—нелѣпное безобразіе. Но Полабинъ—другое дѣло! Его дѣйствительно наказывать надо!

— Ну, я его и накажу! Стрѣляю я вѣдь не хуже его! А потому, коли хочешь, если онъ останется живъ и невредимъ, твоя будетъ очередь!

И помѣшать дуэли Сережѣ не удалось. Исходъ ея вышелъ печальный: оба противника были ранены на смерть.

X.

Въ первыхъ числахъ марта Викторъ Николаевичъ Горянецъ тревожно поджидалъ въ своей Ольшанкѣ сына. Изъ письма Сережи старый морякъ хорошенько разобрать не могъ, отчего это онъ вдругъ такъ неожиданно бросилъ службу, и Викторъ Николаевичъ, какъ ни радовался увидеть сына, чуялъ что-то недоброе. А теперь, когда пріѣздъ Сережи почему-то затянулся, беспокойство его съ каждымъ днемъ росло. Но вотъ, наконецъ, пришла телеграмма съ извѣстіемъ, что Сережа будетъ на другой день съ утреннимъ поѣздомъ. Отецъ поѣхалъ его встрѣчать на станцію. Онъ горячо обнялъ сына единственною уцѣлѣвшею рукой, но, увидавъ его въ статскомъ, не могъ удержаться, чтобы не окинуть Сережу долгимъ вопрошающимъ взглядомъ.

— Послѣ, батюшка!—сказалъ молодой человекъ, сразу понявшій, что означаетъ этотъ взглядъ.—Понемножку все вамъ объясню... А теперь вы мнѣ скажите про себя и про маму.

Они усѣлись въ тарантасъ, и Викторъ Николаевичъ коротко, будто нѣхота, отвѣтилъ на торопливые разпросы Сережи, не переставая вглядываться въ него украдкой, какъ-то искоса. Что-то обидное ему чудилось въ самой одеждѣ сына. Безъ мундира Сережа казался ему далеко не такимъ молодцоватымъ красавцемъ, какъ въ послѣдній пріѣздъ. И старикъ не утерпѣлъ. До Ольшанки было всего шесть верстъ, но они не успѣли проѣхать и половины, какъ Викторъ Николаевичъ уже прямо спросилъ:

— Такъ что-жъ! говори!.. Коли меня; отца твоего, стыдишься,—какъ тебѣ чужихъ было не стыдно? Все хочу знать! Слава Богу, не пугливаго я десятка! Въ Севастополѣ одиннадцать мѣсяцевъ подъ ядрами прожилъ... Имѣю, кажется, право требовать, чтобы единственный сынъ моей старой головы не срамилъ...

Сережа не утаилъ ничего. Но это признаніе едва ли не обошлось ему труднѣе, чѣмъ все, что перенесъ онъ тамъ, въ

Петербургѣ, за послѣднія недѣли. Онъ видѣлъ, какъ все ниже опускается сѣдая голова отца, какъ негодующія гнѣвные восклицанія то-и-дѣло готовы у него сорваться и онъ сдерживаетъ ихъ лишь съ величайшимъ трудомъ.

— Какъ!—воскликнулъ онъ:—и ты далъ Суздальскому изъ-за тебя стрѣляться, и...

— Батюшка!—тихо перебилъ его Сережа.—Еслибы вы знали, что перенесъ я, когда увидѣлъ Бориса раненымъ на смерть и присутствовалъ при его послѣднихъ минутахъ... Онъ промучился цѣлыхъ три дня, и хоть не вернулось къ нему полного сознанія, мнѣ все мерещился упрекъ въ его полу-раскрытыхъ неподвижныхъ глазахъ... Я любилъ его какъ родного брата! А когда онъ изъ-за меня...—Слезы заглушили голосъ молодого человѣка.

— Нечего хныкать! ты не баба,—сурово отозвался Викторъ Николаевичъ, а у него самого наворачивались слезы. Онъ бы не пережилъ, быть можетъ, Сережи, еслибы его постигла судьба Бориса. Но въ эту минуту старому моряку казалось, что легче было бы лишиться сына, чѣмъ услышать, что онъ не захотѣлъ драться.

— Просто не понимаю,—твердилъ онъ про себя.—Въ мое время молодежь такъ не разсуждала.

— А какъ вы думаете, батюшка, легко мнѣ теперь? и много я выигралъ отъ того, что не подчинился обычаю? Смерть во сто разъ лучше того, что я перенесъ!

Старый морякъ не возражалъ. До Ольшанки они доѣхали молча. Мать Сережи, Катерина Федоровна, не встававшая уже пятый годъ, встрѣтила сына съ открытою радостью, которой нивакое иное чувство не мѣшало высказаться. Недоумѣніе мужа она не раздѣляла. „Кто знаетъ еще,—думалось ей,—увидала бы я сына до смерти, кабы не пріѣхалъ онъ теперь!“ Близкая могила точно бросала на нее заранѣе предсмертную тѣнь; но въ этой тѣни ничего не было грустнаго или горькаго. Больная точно вся свѣтлѣла отъ ожиданія недалекаго конца. И Сережа, цѣлуя ее, на мигъ даже совсѣмъ позабылъ о своемъ личномъ горѣ. Передъ возможною утратою матери ступевывалось и оно.

Дни потекли въ Ольшанкѣ мирные, спокойные, ровные. Жизнь будто не шла, а притаилась въ неподвижности, какъ иная, хоть и прозрачная, но тихая рѣка, на глади которой незамѣтно теченіе. Въ состояніи больной замѣтныхъ перемѣнъ не было. Она все такъ же покорно улыбалась, когда сынъ ее навѣщалъ. Викторъ Николаевичъ, не суетясь, занимался своими маленькими дѣлами, которыя были, въ сущности, настолько же чужія, какъ

и свои. Къ нему то-и-дѣло навѣдывался кто-нибудь изъ крестьянъ за совѣтомъ или съ просьбою разрѣшить сосѣдскій либо семейный споръ. Викторъ Николаевичъ, никакой должности въ уѣздѣ не занимавшій, пользовался среди крестьянъ всеобщимъ довѣріемъ. Приходили въ Ольшанку за совѣтомъ и больные. Но это было уже не по части отставного моряка: завѣдывала этимъ племянница его Маша, которая и теперь, ставъ невѣстой, не забывала своихъ добровольныхъ медицинскихъ обязанностей. Счастье ея вообще глядѣло необыкновенно спокойнымъ и негромкимъ. Женихъ, котораго всѣ знавшіе его звали попросту Володей, хотя ему какъ разъ стукнуло тридцать, тоже казался очень скромнымъ, зауряднымъ малымъ, изъ тѣхъ, которыхъ хвалить всѣ, потому что иного про нихъ сказать нечего. Володя навѣзжалъ каждый день, и всѣ въ Ольшанкѣ были ему рады, хотя особеннаго ничего съ собою онъ не приносилъ. Серезѣ немного будничнымъ казалась эта слишкомъ уже незатѣйливая жизнь. И раза два онъ даже чуть-чуть подтрунилъ надъ кузиной Машей за чреамѣрную невозмутимость и за страсть возиться съ больными. Но, услыжавъ ея кроткіе отвѣты, въ которыхъ и тѣни обидчивости не слышалось, Сереза устыдился своихъ насмѣшекъ. Ольшанка, правда, совсѣмъ не походила на Петербургъ съ его вѣчно суетливой толкотней, но, въ сущности, не было ли такъ лучше? Не здоровѣе, не чище ли былъ спокойный воздухъ, которымъ здѣсь дышалось?

И Сереза мало-по-малу входилъ во вкусъ этой неторопливо катившейся жизни. Вѣдь главное, настоящее въ ней было—миръ для себя и польза для другихъ. Пустою ее назвать было нельзя. И единственнымъ человѣкомъ въ Ольшанкѣ, не участвовавшимъ въ ея тихомъ движеніи, оказывался Сереза. Онъ обрадовался было, впервые уловивъ въ себѣ зародившееся сочувствіе къ маленькимъ интересамъ окружавшихъ его людей. Стало быть, и онъ способенъ на безкорыстное, не-эгоистическое чувство.

Но въ то же время сознаніе собственной бесполезности его давило. Ему искренно хотѣлось принять участіе въ скромной работѣ маленькаго ольшанскаго улья. Но какъ взяться за дѣло? Всѣ мѣста въ этомъ ульѣ были заняты. И Серезѣ чувствовалось, что ему дадутъ работу такъ только, для виду, какъ даютъ ее новичку въ министерствѣ. Выходило такимъ образомъ, что даже въ незатѣйливомъ ольшанскомъ мірѣ для блестящаго петербуржца не оказывалось дѣла.

Весна между тѣмъ наступила, яркая, радостная, широкая. Быстро стаяли снѣга. Ручьи шумно побѣжали по оврагамъ, и

какъ-то необыкновенно быстро, на глазахъ у всѣхъ зазеленѣли поля. И главная забота жителя деревни—состояніе этихъ полей радовало взоръ и сулило урожай. Сережа сразу понялъ, какою простою, недвусмысленною становится здѣсь, въ деревнѣ, жизненная задача, которая одна общая у всѣхъ, задача—вырастить и собрать всѣмъ необходимый хлѣбъ. Нѣтъ тутъ ни колебаній, ни вопросовъ, нѣтъ тутъ въ особенности лжи. И ему сильнѣе прежняго захотѣлось войти въ общую колею, стать помощникомъ отца.

Но тотъ какъ-то добродушно отклонялъ эти предложенія сына.

— Гдѣ тебѣ!—повторялъ Викторъ Николаевичъ. — Этого нельзя вѣдь сразу, не подготовившись!

И тайная обида просачивалась въ сердце молодого человѣка. Онъ принялся за чтеніе—кстати въ Ольшанкѣ была довольно большая библиотека—надо было хоть этимъ наполнить время.

Скуки къ себѣ въ душу Сережа подпустить не хотѣлъ. Отецъ давалъ ему просимыя книги, но все-таки съ какой-то полу-скептической улыбкою на губахъ.

— Да я вѣдь бывший студентъ! Не забудьте, папа!—вырвалось какъ-то у молодого человѣка. — И не собираюсь я весь вѣкъ недорослемъ оставаться. Опредѣлюсь куда-нибудь, или въ земство пойду...

Викторъ Николаевичъ ничего не отвѣтилъ, но опять посмотрѣлъ на сына съ загадочнымъ сомнѣніемъ на лицѣ.

И такъ было неоднократно. Сережу особенно мучило это невысказанное безмолвное осужденіе. А теперь имъ приходилось какъ разъ чаще оставаться вдвоемъ. Послѣ свадьбы кузина Маша переѣхала въ усадьбу мужа, откуда она, правда, наѣзжала часто, но старинный уютный ольшанскій домъ все-таки глядѣлъ опустѣлымъ. И съ глазу на глазъ съ Викторомъ Николаевичемъ Сережѣ было еще тяжелѣе прежняго. Часто избѣгая даже глядѣть на отца, онъ чувствовалъ на себѣ скорбный, тяжелый взглядъ. И вотъ, разъ, въ первыхъ уже числахъ мая, Сережа какъ-то вдругъ спросилъ у Виктора Николаевича:

— А что, свадьба Вѣрочки состоялась?

— Нѣтъ, напротив! разстроилась, даже совсѣмъ!—коротко отвѣтилъ старый морякъ.

— Какъ же это? Отчего?—переспросилъ Сережа.

— Не знаю, право! А тебѣ что?

— Такъ!—на этотъ разъ отдѣлался уклончивымъ отвѣтомъ Сережа, и въ свою очередь спросилъ отца:

— А отчего вы совсѣмъ перестали видѣться съ Иваномъ Федоровичемъ?

— Довольно понятно! — сурово отозвался Викторъ Николаевичъ.

„Да, въ самомъ дѣлѣ, — сказалъ себѣ молодой человѣкъ. — Съ какой стати я этимъ интересуюсь“. Но лгать самому себѣ онъ не захотѣлъ, и сразу признался передъ собою, что встрѣча съ Вѣрочкою ему доставила бы удовольствіе.

И встрѣча эта состоялась скорѣе, чѣмъ онъ думалъ — на слѣдующій же день.

Раннимъ утромъ Сережа осѣдлалъ своего гнѣдого жеребца, привезеннаго изъ Петербурга, и шагомъ поѣхалъ въ сосѣднюю дубовую рощу, тянувшуюся какъ разъ вдоль межи Ивана Федоровича. Нерадостныя думы клонили внизъ голову молодого человѣка. Не внималъ онъ и тихой прелести майскаго утра, точно разносившаго во всю ширь полей бодрящую улыбку весенняго солнца. Сквозь прозрачную бахрому разорванныхъ легкихъ облаковъ оно свѣтило, но не жгло, косыми еще лучами пронизывая нечастый дубовый лѣсъ и не разгоняя наполнявшей его душистой свѣжести. Вдругъ, издали еще, за поворотомъ дороги Сережа увидѣлъ шедшую къ нему на встрѣчу легкую фигуру. Не трудно было угадать, чьи это были упругіе, быстрые шаги, кто приближался къ нему въ свѣтломъ лѣтнемъ платьѣ. Онъ пришипорилъ лошадь и поскакалъ на встрѣчу къ Вѣрочкѣ. И сразу какъ-то у него просвѣтлѣло на сердцѣ. Давно онъ пересталъ думать о ней, какъ о близкомъ, миломъ существѣ, и послѣднія ихъ встрѣча, годъ назадъ, оставила ему воспоминаніе, котораго приходилось стыдиться. А между тѣмъ, самъ не зная почему, Сережа чувствовалъ, что въ забытой подругѣ дѣтства онъ встрѣтитъ именно то, чего не было теперь въ его жизни, — открытое, неподдѣльное сочувствіе.

И онъ не ошибся. Увидѣвъ Сережу, Вѣрочка посмотрѣла на него прямымъ взглядомъ своихъ тихо свѣтившихся глазъ, и золотые огоньки будто забѣгали по ея каримъ зрачкамъ. Горечи, упрека не было и тѣни на ея лицѣ, когда они поровнялись, и въ ея голосѣ, когда, протягивая руку, Вѣрочка отвѣтила на его первый вопросъ, — какъ это въ такой ранній часъ онъ встрѣчаетъ ее за цѣлыхъ двѣ версты отъ ихъ усадьбы:

— Я привыкла рано вставать — будто вы забыли, Сергѣй Викторовичъ? — и занята тѣмъ, что въ деревнѣ въ эту пору лучшее занятіе — попросту гуляю и на свѣжее утро люблюсь. У васъ въ Петербургѣ время привыкли терять послонѣе, не правда ли? —

добавила она, чуть-чуть засмѣявшись своимъ золотымъ голосомъ.

Серезѣ вспомнилось вдругъ, что въ дѣтствѣ еще онъ именно такъ называлъ ея голосъ. — Ну, очень радъ, — отвѣтилъ онъ такъ же просто и открыто, соскакивая съ лошади и принимаясь ее привязывать къ дубовому суку. — Вы позволите съ вами пройтись — такъ, по старой памяти?

Она утвердительно качнула головкой и, подойдя къ лошади, сказала: — Какой онъ у васъ славный... и добрый, и умный, должно быть...

— Да, мы знаемъ другъ друга хорошо. Я съ нимъ разстаться не захотѣлъ, прїѣзжая сюда. Это единственный уцѣлѣвшій мой товарищъ.

— Един... — Она не договорила, понявъ, что готова воснуться большого мѣста въ его жизни, хотя до нея дошли только смутные слухи про то, что произошло въ Петербургѣ.

— Послушайте, — началъ онъ прямо, быстро поднимая наклоненную голову и вглядываясь ей въ лицо, — мнѣ передъ вами скрывать нечего. Я вижу, вы меня щадить хотите, а мнѣ именно пощады-то и не нужно. Нужно мнѣ одно изъ двухъ — открытая вражда или открытая дружба. Можетъ быть, хотя я и нехорошій человекъ, — да, Вѣра, не качайте головой, — очень нехорошій, — можетъ быть, какъ разъ теперь я не совсѣмъ пересталъ заслуживать... дружбы.

Она не отвѣтила, догадавшись, что любой отвѣтъ будетъ немѣстень, и постаралась только улыбка своихъ глазъ придать что-то еще болѣе вротвое. Это былъ почти тотъ же взглядъ, что у доброй вузины Маши, только золотыя искорки и красиво изогнутая линія розовыхъ губовъ придавали ему что-то иное, болѣе цѣнное и не такъ ужъ заурядно доброе.

И Сереза рассказалъ ей свою исторію, рассказалъ то, по крайней мѣрѣ, что можно было повѣдать ея дѣвичьимъ ушамъ. Но дѣло было не въ подробностяхъ, а въ томъ, какъ взглянуть она на чувство, руководившее имъ въ роковую минуту встрѣчи съ Равичемъ — на охватившую его вдругъ жажду искупить незаслуженнымъ оскорбленіемъ все совершенное имъ зло. Женщина это, быть можетъ, пойметъ: ей доступнѣе, чѣмъ мужскому сердцу, постичь добровольное отреченіе отъ права отомстить за себя. Многимъ дѣвушкамъ, конечно, эта странная жертва показалась бы унижительной. Она лишила бы въ ихъ глазахъ всякаго обаянія того, кто ее принесъ. Но Вѣрочка, быть можетъ, не такова.

Насколько онъ знаетъ ее съ дѣтскихъ годовъ, ей вѣдь совершенно чужда всякая условность...

Дѣвушка слушала молча, слегка поникнувъ головкой, и краска понемногу выступала на ея изящно округленномъ личикѣ. Раза два, пока длился разговоръ, ее будто охватывало мгновенное волненіе, и, вздрогнувъ, она широко поднимала на молодого человека большіе, открытые глаза. Когда онъ кончилъ, она, скрестивъ руки и поблѣднѣвъ, вдругъ спросила:

— И неужели никто... Никто васъ тамъ, въ Петербургѣ, не понялъ? Никто, кромѣ этого бѣднаго Бориса Суздальскаго?

— Я нарушилъ обычай, Вѣра, а за обычай люди беспощаднѣе стоятъ, чѣмъ за убѣжденія... особенно, когда у нихъ послѣднихъ не водится... Да и легче вѣдь судить по внѣшности: я получилъ оскорбленіе и не дрался—стало быть, я трусь. Это, по крайней мѣрѣ, очень несложно!

— Вы! Вы—трусъ?—воскликнула она.—Да стойте на васъ взглянуть хорошенько, чтобъ этому не повѣрить ни за что. Да неужели они не поняли тамъ, что страдать, какъ вы страдали,—это въ десять разъ хуже любой опасности!

О, какъ онъ былъ ей благодаренъ за эти искреннія слова!—Въ ихъ искренности онъ не сомнѣвался. То, чего онъ не нашелъ даже въ прямомъ, честномъ Викторѣ Николаевичѣ, сразу дала ему эта, оскорбленная имъ нѣкогда, простая деревенская дѣвушка.

— Благодарю васъ,—сказалъ онъ, горячо пожавъ ей руку и вглядываясь въ нее заблестѣвшими глазами:—вы мнѣ возвратили право себя не стыдиться, Вѣра.

— Вы этого права нѣкогда не теряли,—было ея быстрымъ отвѣтомъ.—Да неужели же все дѣло въ чужомъ мнѣніи, а не въ голосѣ собственной совѣсти... для истинно честныхъ людей, по крайней мѣрѣ?

— Да, если бы всѣ думали, какъ вы...

— Многіе такъ думаютъ, я въ этомъ убѣждена... Не смѣютъ только высказать этого.

— Вы смѣете, потому что на это нужна та смѣлость, которая только у васъ, женщинъ, бываетъ,—и къ блеску его глазъ присоединилось теперь нѣчто иное, почти неуловимое, но снова вызвавшее краску на ея щекахъ.—Скажите, — рѣшился онъ вдругъ спросить, а они дошли уже до опушки лѣса и возвращались къ тому мѣсту, гдѣ произошла ихъ встрѣча:—когда я пріѣхалъ сюда, я слышалъ... что вы собираетесь...

Краска стала еще ярче на ее лицѣ, но она все-таки бодро отвѣтила, засмѣявшись даже:

— Выходить замужъ? хотѣли вы спросить.—Ну, да, это было и прошло,—какъ очень многое проходить. Я убѣдилась, что...—Вѣрочка запнулась на мигъ:—ну, просто, что мы съ женихомъ не сходимся характерами. И разстались мы очень мирно—я могла бы даже обидѣться тавой спокойной развязкой.

Она проговорила это очень смѣло и быстро, но Сережа понялъ, какого труда ей стоили эти слова, въ которыхъ ему чувствовалась неполная правда. Молодой человекъ догадался, что его прїѣздъ не совсѣмъ былъ чуждъ новому рѣшенію Вѣрочки.

— Простите,—сказалъ онъ, и улыбка невольно проскользнула на его губахъ,—что я позволилъ себѣ коснуться вашей маленькой тайны.

— Мы товарищи дѣтства, полноте!—отвѣтила она, краснѣя.

— Ну, такъ еще одна просьба, Вѣра,—могу я прїѣхать къ вамъ, въ Теплое... могу я проводить васъ туда, хоть сейчасъ вотъ?

— Сейчасъ?—она показала удивленной его вопросомъ:—ну, да, да, разумѣется—можете...

И когда они дошли до того мѣста, гдѣ была привязана лошадь, Сережа взялъ ее подъ уздцы и продолжалъ идти рядомъ съ дѣвушкой по дорогѣ къ усадьбѣ Ивана Ѳедоровича. Легкое кружево облаковъ теперь исчезло, солнце поднялось выше. Оно глядѣло прямо на молодыхъ людей, и обоимъ имъ казалось, что радостное свѣтило поднялось и надъ ихъ недавно еще затуманенной жизнью.

К. Головинъ.

С В И Т Е З Ъ

БАЛЛАДА МИЦКЕВИЧА.

Коль въ край Новогрудскій лежитъ вамъ дорога
По дикому, старому бору,
Тамъ озеро видно,—постойте немного
И дайте натѣшиться взору.

Свитѣзь разстилаетъ тамъ тихія воды
Вокругъ необъятной картиной,
Въ опушеѣ изъ роцъ,—этой рамкѣ природы,—
Блестить онъ кристальною льдиной.

Придешь ли къ нему ты въ часы полуночи—
И сверху, и снизу сверкаютъ
Все звѣзды и звѣзды, какъ ясныя очи,
Два мѣсяца вдругъ выплываютъ.

Вы мните, что зеркало тамъ подъ ногами
До неба равниной поднялось,
Иль небо само опустилось подъ вами
И такъ въ глубинѣ и осталось.

До той стороны не досмотрятъ взоры,
Сливается берегъ съ водою,
И кажется, будто повисъ безъ опоры
Надъ бездною ты голубою.

Такъ озеро путника взоръ поражаетъ
Въ часъ ночи прозрачной и лунной,
Томъ VI.—Ноябрь, 1898.

Но ночью до озера тотъ достигаетъ,
Кто храбрости полонъ безумной.

Въ ту пору тамъ бѣсы снуютъ ежечасно,
Тамъ страшныя вѣдмы гнѣзятся;
Объ ужасахъ этихъ рассказывать страшно,
И въ мысли ихъ страшно васаться.

На днѣ его шумъ городского движенья,
Огни подъ водою мелькають,
И женщинъ стenanья, и клики сраженья,
И звонъ до ушей долетаютъ.

Но гаснуть огни и смолкаетъ вдругъ ропоть,
Шумятъ лишь вершинами ели,
Да тихой молитвы доносится шопоть,
И пѣсенъ печальныхъ трели.

Что значить все это?.. различно толкуютъ:
Нельзя же на дно опуститься,—
Повѣрять въ народѣ хотя существуютъ,
Но правды въ нихъ трудно добиться.

Задумалъ разъ панъ тотъ, котораго дѣды
Когда-то Свитѣземъ владѣли,
Собравши сначала друзей для бесѣды,
Достигнуть таинственной цѣли.

Для этого неводъ большой приготовилъ,
Громадныя деньги затратилъ,
Вглубь футовъ на триста его онъ устроилъ,
И лодки, и чолны наладилъ.

Я имъ говорилъ, что по-моему нужно,
Чтобъ дѣло молитвой начѣли,
И вотъ всѣ въ костѣлѣ собралися дружно,
Ксендза изъ прихода позвали.

Во всемъ облаченъ подходитъ онъ къ вѣднамъ,
Съ молитвою снасть окропляетъ.
Велитъ панъ скорѣ отваливать чолнамъ,
И неводъ съ нихъ шумно спадаетъ.

Спадаетъ онъ, тонетъ и съ верхомъ уходитъ,
 Каменья до дна не хватаютъ;
 Вотъ тянутся снасти, и неводъ подходитъ,
 Не врадъ ли что въ тону поймаютъ.

Ужь на берегъ втянуты длинныя крылья,
 Ужь стала мотня приближаться...
 Связать ли, что панъ получилъ за усилья?
 И скажешь,—такъ вѣры не дастся.

Не чудище съ неводомъ тѣмъ подплывало,
 Живая красавица плыла;
 Уста ея ярче морского коралла,
 Ленъ вудрей вода омочила.

Вотъ ближе она... и пока въ онѣмѣнны
 Часть бывшихъ недвижима стала,
 Другая же прочь убѣгала въ смятеньи,
 Имъ дѣвушка нѣжно связала:

„О, юноша! водъ сихъ, безъ кары ужасной,
 „Весломъ человекъ не касался,
 „И озера зѣвомъ, какъ пропастью страшной,
 „Смѣльчакъ навсегда поглотался.

„Вся челядь твоя и съ тобой, безразсуднымъ,
 „Всѣ были бы въ водныхъ могилахъ,
 „Но предокъ владѣлъ твой симъ берегомъ чуднымъ,
 „Течетъ наша кровь въ твоихъ жилахъ.

„Хоть кара за дерзость заслужена вами,
 „Но дѣло молитвой начато,
 „И Богъ говоритъ вамъ моими устами,
 „Что здѣсь совершилось когда-то:

„На мѣстѣ, что нынѣ пески ужъ замыли,
 „Поросшемъ осокою мирной,
 „И тамъ, гдѣ на лодкахъ вы съ неводомъ плыли,
 „Когда-то былъ городъ обширный.

„Оружьемъ Свитезь себя, городъ прославилъ
 „И дѣвъ красотой величавой;

„Изъ рода Тугановъ князь городомъ правиль,
„Вѣка процвѣтаетъ онъ со славой.

„Тогда еще сосны въ бору не чернѣлись,
„И за плодородной долиной
„Далеко Новгрудскія стѣны виднѣлись,
„Литовской столицы старинной.

„Однажды въ расплохъ и съ дружиной громадной
„Царь русскій напалъ на Миндовга;
„Миндовгу ли выдержать бой безпощадный...
„Литву охватила тревога.

„Князь войскъ не сзываетъ съ далекой границы,
„Къ отцу моему посылаетъ:
„—Туганъ, на тебя лишь надежда столицы,
„Князь съ войскомъ тебя ожидаетъ.

„Прочелъ лишь Туганъ это княжее слово,
„И тотчасъ походъ объявили,
„Пять тысячъ мужей было къ строю готово,
„Конями ихъ всѣхъ надѣлили.

„Рать вышла въ ворота подь трубные звуки,
„Туганъ булавою свергаетъ,
„Но сталъ вдругъ, какъ вкопанный, къ небу взвелъ руки,
„Обратно къ дворцу подѣзжаетъ.

„И такъ говорить:—Неужли для спасенья
„Чужихъ я пожертвую вами?
„Иного Свитѣзъ не найдетъ укрѣпленья,
„Какъ мечъ нашъ и мощныя длани.

„Дѣлать мое войско нельзя безусловно,
„Родного лишитъ обороны,
„А всѣмъ уходить намъ на бой поголовно—
„Какъ бросить васъ, дщери и жены!

„—Отецъ, говорю я, чего утратился,
„Иди, куда долгъ призываетъ;
„Богъ—наша защита! сегодня мнѣ снился
„Тотъ ангель, что насъ охраняетъ.

„ Мечомъ опоясавъ Свитезя твердыни
 „ И ихъ осѣняя крылами,
 „ Сказаль, что пока не вернутся дружины,
 „ Онъ будетъ защитой надъ нами.

„ Туганъ мнѣ повѣрилъ, вернулся обратно;
 „ Но ночь лишь на землю слетаетъ,
 „ Какъ издали шумъ вдругъ слышался внятно,
 „ И грозно ура долетаетъ.

„ Грохочутъ тараны, и стѣны распались,
 „ Скрещаются стрѣлы, какъ сѣти,
 „ И старцы, и жены къ дворцу направлялись,
 „ И дѣвы, и малыя дѣти.

„ — Спасайтесь! кричатъ всѣ, ворота заprite!
 „ Русь въ замѣѣ появится скоро,
 „ Отъ собственныхъ рукъ уже лучше умрите,
 „ И смерть васъ спасетъ отъ позора!

„ Но страхъ исчезаетъ, и съ бѣшенствомъ страшнымъ
 „ Всѣ тащатъ изъ дома пожитки,
 „ Въ костры ихъ бросаютъ и съ воплемъ ужаснымъ
 „ Въ огнѣ сожигаютъ до нитки.

„ Себя не убьетъ кто, тотъ проклять будь Богомъ!
 „ Совѣтамъ моимъ не внимають,
 „ Одни уже выи склоняють къ порогамъ,
 „ Другіе—сѣкиры хватають.

„ Минута настала: всѣ лучше готовы
 „ Отъ рукъ своихъ жизни лишиться,
 „ Чѣмъ рабски отдаться подъ вражьи оковы;
 „ Одна лишь я стала молиться:

„ — О, Боже всеильный! коль нѣтъ ужъ спасенья,
 „ Дай смерть намъ руками Твоими!
 „ Пускай поражаетъ насъ грома паденье,
 „ Земля поглощаетъ живыми!

„ Вдругъ вся я въ туманѣ себя ощущаю,
 „ День тьмою смѣнился ночью,

„Я съ трепетомъ взоры на землю бросаю—
И нѣтъ ужъ земли подо мною.

„Вотъ какъ мы избѣгли рѣзни и позора!
„Ты видишь цвѣты предъ глазами?
„То жены и дщери Свитѣзя,—для взора
„Ихъ сдѣлалъ Всевышній—цвѣтами!

„Какъ бабочки будто, они налетѣли
„На воды, блестя бѣлизною,
„И въ листьяхъ зеленыхъ похожи на ели,
„Что снѣгъ опушили пеленою.

„Цвѣты тѣ, какъ образы жизни невинной,
„Невинности стали эмблемой,
„И смертный не смѣетъ до нихъ ни единый
„Коснуться рукой дерзновенной.

„Царь русскій съ дружиной ихъ силу узнали:
„Прельстившись невольно цвѣтами,
„Срывая ихъ, шлемы свои убирала,
„Главы украшали вѣнками.

„Но всякій, кто къ нимъ лишь протягивалъ руку,—
„Таилась въ нихъ грозная сила,—
„Испытывалъ тотъ безконечную муку,
„И смерть его быстро разила.

„Теперь ужъ забыли объ этихъ дѣяньяхъ,
„Лишь помнать о карѣ ужасной
„И царской травой, въ народныхъ преданьяхъ,
„Цвѣтокъ называютъ прекрасный“...

Сказавъ это, тихо она отдалилась...
Тонуть стали лодки съ сѣтями,
Лѣсъ дрогнулъ со стономъ, вода расходилась
И берегъ покрыла валами.

Вотъ воды подъ нею до дна распахнулись,
Но взоръ мы напрасно бросали,
Надъ дѣвою волны на вѣки сомкнулись,
И мы ужъ о ней не слышали.

Съ польск. В. П. Марковъ.

СЛАВЯНОФИЛЫ, ЗАПАДНИКИ

и

ГЕРЦЕНЪ

I.

Быль ли Герценъ славянофиломъ или западникомъ, и къ кому изъ нихъ онъ долженъ быть поставленъ ближе — вопросъ наименѣе выясненный изслѣдователями его публицистической дѣятельности. Въ то время, какъ одни считаютъ Герцена наиболѣе яркимъ и типичнымъ представителемъ тагъ называемаго „западническаго“ направленія, другіе причисляютъ его къ „славянофильскому“ лагерю. Биографъ Герцена, В. Д. Смирновъ, рѣшительно заявляетъ, что „славянофиломъ Герценъ не былъ никогда и не могъ быть: его жизненный опытъ и темпераментъ по необходимости дѣлали его человѣкомъ другого лагеря“. Г-нъ Смирновъ, правда, ничѣмъ не подкрѣпляетъ своего отрицанія въ Герценѣ славянофильства, а потому оно и не можетъ быть убѣдительно. Притомъ, съ другой стороны, извѣстный публицистъ славянофильскаго лагеря, Н. Страховъ, въ статьѣ своей: „Главное открытіе Герцена“, пытается убѣдить читателей въ томъ, что Герценъ былъ истиннымъ славянофиломъ въ томъ именно смыслѣ этого слова, какъ его понимаетъ самъ Н. Страховъ. „Съ невыразимой силой, — говоритъ онъ, — въ немъ (т.-е. въ Герценѣ) вкоренилось убѣжденіе, что *Западъ страдаетъ смертельными бо- лѣзнями, что его цивилизаціи грозитъ неминуемая гибель, и что нтъ въ немъ живыхъ началъ*, которыя бы могли спасти его. Хорошо зная зап. Европу, Герценъ пришелъ къ заключе-

нію, что на Западѣ нѣтъ живого духа, что всѣ его (т.-е. Запада) мечты не имѣютъ внутренней силы, что одно вѣрно и несомнѣнно—смерть, духовное вырожденіе, гибель всѣхъ формъ тамошней жизни, всей западной цивилизаціи "... („Мнимая борьба съ Западомъ“, стр. 53). Желая во что бы то ни стало сдѣлать Герцена славянофиломъ, Страховъ приписываетъ ему такіе взгляды которые, конечно, гораздо ближе къ взглядамъ самого автора, чѣмъ къ міровоззрѣнію Герцена, насколько послѣднее выразилось въ его публицистическихъ работахъ.

Всѣмъ извѣстно, съ какимъ благоговѣйнымъ восторгомъ относился Герценъ къ з. Европѣ, когда еще только мечталъ о ней, проживая въ Россіи. Даже такія крупныя и въ то время болѣе Герцена опредѣлившіяся личности, какъ Бѣлинскій, Грановскій, „были ослѣплены сіяніемъ Запада“: контрастъ между русской дѣйствительностью и западно-европейскимъ общественнымъ строемъ былъ слишкомъ неблагоприятенъ для первой, чтобъ можно было устоять противъ „ослѣпленія“ послѣднимъ. „Было время,—говоритъ Герценъ,—когда въ ссылкѣ, вблизи Уральскаго хребта, я облекалъ Европу фантастическими красками; я тогда вѣрилъ въ Европу и особенно во Францію. Я воспользовался первой минутой свободы, чтобъ летѣть въ Парижъ,—это было еще до февральской революціи“... „Это были времена наивной вѣры“, пишетъ онъ нѣсколько лѣтъ спустя послѣ этого въ своей статьѣ „Colonie russe“ (Paris-Guide, 1867 г.). Разочарованіе Герцена въ зап. Европѣ начинается съ 1848 года: благоговѣйно-восторженное отношеніе смѣняется холоднымъ скептицизмомъ, переходящимъ порой въ полное отчаяніе передъ тѣмъ будущимъ, которое ожидаетъ Европу. Франція была первой страной, обманувшей Герцена въ его ожиданіяхъ и надеждахъ. Когда пришлось подводить итоги февральской революціи, они оказались далеко не такими, на какіе рассчитывали всѣ искренніе друзья свободы, съ глубокимъ интересомъ слѣдившіе за великой исторической драмой, разыгрывавшейся на берегахъ Сены. Причиной этой неудачи Герценъ считаетъ главнымъ образомъ національный характеръ французовъ, особенности ихъ психическаго склада. „Французы оказались французами,—не больше,—пишетъ онъ:—это народъ, который богатъ инициативой въ дѣятельности, но бѣденъ въ мышленіи; онъ думаетъ принятыми повятіями, въ принятыхъ формахъ; онъ даетъ поплымъ идеямъ модный покровъ—и доволенъ этимъ“... Фраза—разъ она высказана громко, или облечена въ красивую, блестящую форму—имѣетъ въ жизни этого народа огромное, часто рѣшающее значеніе:

ей охотно вѣрять, за нею идти... Въ минуты увлеченія ея французскій народъ грозно поднимается, какъ взбаламученное море, и смѣло вступаетъ въ борьбу со зломъ, беретъ Бастилю, разбиваетъ цѣлыя арміи. Но по мѣрѣ того, какъ онъ одолеваетъ врага, силы его слабѣютъ, умъ тускнѣетъ, энергія исчезаетъ, и народъ дѣлается совершенно равнодушнымъ къ тому, за что еще такъ недавно проливалъ свою кровь. Съ этимъ не можетъ не согласиться всякій, кто знакомъ съ Франціей и французами не по однімъ книжкамъ о ней, но и путемъ личныхъ наблюденій надъ ея жизнью, надъ психическимъ складомъ этого въ высшей степени впечатлительнаго и чуткаго къ красивой фразѣ народа. Но помимо причинъ внутреннихъ, лежащихъ въ психическихъ особенностяхъ французской націи, были, конечно, и причины внѣшнія, помѣшавшія осуществленію тѣхъ надеждъ, какія возлагались на движеніе 48-го года: въ наше время, полвѣка спустя, мы относимся къ оцѣнкѣ этихъ причинъ и слѣдствій гораздо спокойнѣе и объективнѣе, но въ тѣ „печальные дни“, когда Герценъ писалъ о Франціи, рана, нанесенная дѣйствительностью его надеждамъ, была еще слишкомъ свѣжа, чтобъ мы могли требовать отъ него спокойствія и безпристрастія, какія возможны на рубежѣ XX столѣтія. Вотъ почему слѣдуетъ осторожно относиться какъ къ „разочарованію“ Герцена въ Европѣ, такъ и ко всѣмъ тѣмъ „горькимъ мыслямъ“, которыя вылились изъ-подъ его пера подъ вліяніемъ этого разочарованія.

Республика, какъ понимала ее вся Франція въ 1848—49 годахъ, представляется Герцену плодомъ теоретическихъ измышлений, отвлеченной формулой,—„апоеозомъ существующаго государственнаго порядка“; такая республика—„послѣдняя мечта, поэтический бредъ стараго міра“... Народъ не вѣритъ теперь въ республику—и превосходно дѣлаетъ; пора перестать вѣрить въ какую бы то ни было единую спасающую формулу. Формальная республика показала себя послѣ іюньскихъ дней. Теперь начинаютъ понимать несомвѣстимость равенства и братства съ этими бапканами, называемыми устоями свободы,—и съ этими бойнями, извѣстными подъ именемъ военно-судныхъ комиссій; теперь никто не рѣшитъ въ подтасованныхъ присяжныхъ, которые рѣшаютъ въ жмурки судьбу людей безъ апелляціи,—въ гражданское устройство, защищающее только собственность, ссылающее людей въ видѣ мѣры общественнаго спасенія, содержащее хоть сто человѣкъ постоянного войска, которые, не спрашивая причины, готовы спустить бурокъ по первой командѣ. Такая республика не могла,

разумѣется, разсчитывать на сочувствіе къ ней народныхъ массъ, а слѣдовательно—и на прочность существованія; она неизбежно должна была превратиться въ имперію... И дѣйствительно, не прошло и пяти лѣтъ, какъ Наполеонъ III провозгласилъ себя императоромъ, а великій Парижъ, „очагъ безумныхъ надеждъ и дерзкихъ упованій“, сталъ быстро превращаться въ огромный веселый трактиръ, „караванъ-сэрай всей Европы“. Вслѣдъ за „разочарованіемъ“, въ Парижѣ и Франціи начались и другія разочарованія. Римъ палъ подъ ударами французовъ, Бадень былъ захваченъ пруссаками, Венгрію усмирлялъ кн. Паскевичъ Эриванскій... Прояснившійся—было на короткое время горизонтъ политической жизни зап. Европы снова заволокло густымъ туманомъ. Теперь мы знаемъ, что этотъ туманъ не могъ помѣшать дальнѣйшему развитію тѣхъ освободительныхъ идей, которыя лежали въ основаніи политическихъ движеній Европы въ 1848 году. Спустя десять лѣтъ, началось объединеніе Италіи, которая своимъ недавнимъ торжественнымъ празднованіемъ пятидесятилѣтія своей конституціи съумѣла вполне достойнымъ образомъ показать всему цивилизованному міру, чѣмъ именно она обязана 48-му году. Благодаря ему именно, Венгрія приобрѣтаетъ въ составѣ австрійской имперіи съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе доминирующую роль, что должно будетъ привести въ концѣ концовъ, а можетъ быть въ недалекомъ будущемъ, къ полной политической автономіи венгерскаго народа. Чѣмъ былъ 1848-ой годъ для Германіи, можно хорошо видѣть изъ преній, происходившихъ въ германскомъ рейхстагѣ во время его послѣдней сессіи, въ мартѣ текущаго года. Когда консервативный депутатъ Путтвамеръ, въ отвѣтъ на рѣчь Бебеля, сказалъ, что „за такимъ злоупотребленіемъ, какъ возстаніе 18 марта, должна была неизмѣнно наступить реакція“,—изъ группы свободомыслящихъ поднялся извѣстный адвокатъ Мункель, убѣжденный либераль, но далеко не сторонникъ какихъ-нибудь радикальныхъ идей. „Путтвамеръ не могъ выбрать болѣе неудачнаго мѣста для своихъ нападокъ на 48-й годъ,—сказалъ Мункель:—этого рейхстага не было бы, какъ не существовала бы и объединенная Германія, если бы не было 48-го года. День 18 марта для насъ день траура, потому что грустно всякое зрѣлище междоусобной войны; но это и день радости, потому что отъ него начинается новая жизнь. Съ трибуны рейхстага я считаю долгомъ заявить, что пока въ Германіи не исчезнетъ любовь къ родинѣ и стремленіе къ свободному развитію, до тѣхъ поръ нѣмцамъ не придется стыдиться

18 марта 1848 года". Для Германии 18-ое марта означает то же самое, что означало 24 февраля для Франции. Въ библиотекѣ берлинской городской думы намъ показывали особую комнату, гдѣ собрано до десяти тысячъ томовъ книгъ, брошюръ и рисунковъ, относящихся къ событіямъ 1848 года. Будущій историкъ Германии найдетъ въ этой сокровищницѣ богатый матеріалъ для характеристики этой замѣчательной эпохи и ея ближайшихъ послѣдствій; но уже и въ наше время ясно для каждаго не предубѣжденного человѣка, что именно „безумному“ 48-му году Германия обязана учрежденіями, которыми одинаково дорожатъ всѣ мыслящіе нѣмцы, какъ бы они ни расходились въ своихъ взглядахъ по другимъ вопросамъ общественнаго устройства.

О значеніи историческихъ событій гораздо легче судить, имѣя необходимую для правильной оцѣнки перспективу, чѣмъ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ совершающихся на нашихъ глазахъ событій. Герценъ не имѣлъ передъ собой такой перспективы, и поэтому въ своихъ сужденіяхъ о событіяхъ 48-го года и ихъ послѣдствіяхъ онъ слишкомъ сильно поддается субъективному настроенію, мѣшающему ихъ безпристрастной оцѣнкѣ. Что пережилъ онъ въ короткіе дни „томительной неизвѣстности относительно будущаго“ — даетъ ясное понятіе его отзывъ о революціонной бурѣ, пронесшейся надъ Европой. „Мы довольно долго изучали, — писалъ онъ, — хилый организмъ Европы во всѣхъ слояхъ, и вездѣ находили вблизи персть смерти, и только изрѣдка, вдали, слышалось пророчество. Мы сначала тоже надѣялись, вѣрили, старались вѣрить. Предсмертная борьба такъ быстро искажала одну черту за другой, что нельзя было обманываться. Жизнь потухала, какъ послѣднія свѣчи въ окнахъ, прежде разсвѣта. Сложивъ руки, мы смотрѣли на страшные успѣхи смерти. Что мы видѣли въ февральской революціи? Довольно сказать, что мы были молоды два года тому назадъ, и стары теперь“. Было время, когда слово „республика“ заставляло усиленно биться сердце Герцена, а теперь, послѣ 1848—51 годовъ, слово это возбуждаетъ въ немъ „столько же надеждъ, сколько и сомнѣній“. „Развѣ мы не видѣли, — спрашиваетъ онъ въ своемъ журналѣ, — что республика съ правительственной инициативой, съ деспотической централизаціей, съ огромнымъ войскомъ, гораздо меньше способствуетъ свободному развитію, чѣмъ англійская монархія, безъ инициативы, безъ централизаціи? Развѣ мы не видѣли, что французская демократія, т.-е. равенство въ рабствѣ, — самая близкая форма къ безграничному самовластию“?

(1-го янв. 1859 г.) „Утративъ вѣру въ слова и знамена, въ канонизированное человечество и единую спасающую церковь западной цивилизаціи, я вѣрилъ въ нѣсколько человѣкъ, вѣрилъ въ себя. Видя, что все рушится, я хотѣлъ спастись, хотѣлъ начать новую жизнь, бѣжать, скрыться... Я стучался, какъ путникъ, потерявшій дорогу, какъ нищій, во всѣ двери, останавливалъ встрѣчныхъ и разспрашивалъ о дорогѣ; но каждая встрѣча и каждое событіе вели къ одному результату: я уцѣлѣлъ, но *безо всего*“.

Въ этомъ „безо всего“, какъ мы увидимъ изъ послѣдующаго, было сильное преувеличеніе: изъ своихъ наблюденій надъ западно-европейской общественной жизнью Герценъ вынесъ не только разочарованіе въ Европѣ съ ея „мѣщанствомъ“, глубоко видѣвшимся въ социальную жизнь Запада, но и вѣру въ лучшее будущее, зародышъ котораго заключается въ самомъ буржуазномъ строѣ Европы. Сила европейскаго „мѣщанства“, его живучесть, поражали и возмущали Герцена на каждомъ шагѣ, въ каждой странѣ, съ общественной жизнью которой ему приходилось соприкасаться въ годы своихъ заграничныхъ скитаній. Онъ считаетъ „мѣщанство“ грозной и могучей силой, совершенно перевернувшей весь складъ европейской жизни: рыцарская доблесть, изящество аристократическихъ нравовъ, строгая чинность протестантовъ, гордая независимость англичанъ, роскошная жизнь итальянскихъ художниковъ, искрящійся умъ энциклопедистовъ и мрачная энергія террористовъ — все это переплавилось и выродилось въ „мѣщанство“, которое представляетъ въ настоящее время цѣлое, вполне законченное мировоззрѣніе съ своимъ собственнымъ нравственнымъ кодексомъ, со своимъ добромъ и зломъ, со своими правилами и преданіями. Рыцарская честь замѣнилась бухгалтерской честностью, гордость — обидчивостью, вѣжливость — чопорностью, дворцы и замки — гостинницами, открытыми для всѣхъ, у кого есть деньги. Вся нравственность свелась на то, что неимущій долженъ всѣми средствами приобрѣтать, а имущій — хранить и увеличивать свою собственность. Человѣкъ сдѣлался, такимъ образомъ, принадлежностью собственности, а общественная жизнь свелась на непрерывную и жестокую борьбу за существованіе, за средства къ жизни, за то или другое социальное положеніе. Такъ какъ общество, построенное на такихъ анти-соціальныхъ началахъ, существовать долго не можетъ, то и западно-европейскій общественный строй, несмотря на всю его кажущуюся прочность, постепенно разлагается, умираетъ. Но „умираетъ“ не самый міръ западно-европейскій, какъ думаютъ

наши славянофилы, а умирають тѣ внѣшнія формы, въ которыхъ проявляется общественная жизнь западно-европейскихъ народовъ. Историческія формы этой жизни не соотвѣтствуютъ больше современнымъ условіямъ, современному пониманію жизни; но это пониманіе развилось здѣсь же—на Западѣ, и съ тѣхъ поръ какъ оно было сознано и высказано, оно сдѣлалось общечеловѣческимъ достояніемъ всѣхъ мыслящихъ людей любой просвѣщенной страны земного шара. „Западъ носить въ себѣ зародышъ,—говоритъ Герценъ,—но желаетъ, какъ французская свѣтская дама, продолжать прежнюю жизнь, и дѣлаетъ все, чтобы произвести абортивъ. Кто изъ нихъ останется живъ, мать ли, ребенокъ ли, или какъ они примирятся, этого мы не знаемъ. Но что мать представляетъ больше воспоминаній, а зародышъ больше надеждъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣній“... „Мѣщанская Европа изживетъ свою бѣдную жизнь въ сумеркахъ тупоумія; слабыя, вырождающіяся поволенія протянутся какъ-нибудь до взрыва, до той или другой лавы, которая покроетъ ихъ каменнымъ покрываломъ и предастъ забвенію лѣтописей. А затѣмъ настанетъ весна, молодая жизнь закипитъ на гробовой доскѣ только-что похороненнаго прошлаго; варварство младенчества, полное неустроенныхъ, но здоровыхъ силъ, замѣнитъ старческое варварство, дикая свѣжая мощь распахнетъ въ молодой груди новыхъ народовъ, выступившихъ на историческую арену, и тогда начнется новый кругъ событій,—третій томъ всеобщей исторіи. Объ основномъ его характерѣ, по представленію Герцена, можно легко догадаться: онъ будетъ принадлежать социализму. Социализмъ, по его мнѣнію, это—„необходимое послѣдствіе“, „живой силлогизмъ, неизбежно вытекающій изъ тѣхъ посылокъ, которыя созданы современной общественной жизнью цивилизованныхъ народовъ“. Но и при этомъ Герценъ не считаетъ этотъ „силлогизмъ“ послѣднимъ словомъ историческаго развитія челоѣчества, и думаетъ, что когда социализмъ разовьется во всѣхъ своихъ фазахъ и займетъ мѣсто нынѣшняго консерватизма, онъ будетъ въ свою очередь побѣжденъ новою, неизвѣстною намъ революціей... Это неизбежно, потому что этого требуетъ „вѣчная игра жизни, *corsi e ricorsi* исторіи, *perpetuum mobile* жизни“...

Одною изъ любимыхъ и—можетъ быть—болѣе другихъ обособленныхъ мыслей Герцена въ области его историческаго міросоверпанія, является мысль о сходствѣ переживаемой нами эпохи съ другою, болѣе отдаленной эпохой, — временемъ появленія на землѣ христіанства. Эта мысль объ историческомъ параллелизмѣ этихъ двухъ эпохъ проходитъ яркой полосой черезъ большую

часть публицистическихъ работъ Герцена, составляя собою основаніе его взглядовъ на историческія судьбы Европы, ея прошлое, настоящее и ожидающее впереди будущее. Восемнадцать вѣковъ тому назадъ, когда появилось на землѣ христіанство, старый міръ не могъ быть спасенъ ни щегольскими фразами Цицерона, съ его жиденькой моралью, ни вольнодумствомъ Лукіана,—этого Вольтера римлянъ, ни нѣмецкой философіей Прокла. Но не надо забывать, что одинаково онъ не могъ быть спасенъ ни элевзинскими таинствами, ни Аполлономъ Тіанскимъ, ни всѣми опытами продолжить и воскресить язычество. Это было не только невозможно, но—какъ оказывается—и не нужно, потому что старый міръ окончателно дожилъ свой вѣкъ, чтобъ уступить дорогу новому міру, идущему ему на смѣну. Въ наше время „новый міръ“ точно такъ же приближается къ концу, какъ тогда. Правда, всѣ появившіяся до сихъ поръ новыя школы и ученія о преобразованіи стараго міра въ новый крайне бѣдны по своему содержанію: „это только первый лепетъ, чтеніе по складамъ“, какъ выражается Герценъ. „Но кто же не видитъ,—спрашиваетъ онъ дальше,—не чувствуетъ сердцемъ огромнаго содержанія, просвѣчивающаго черезъ одностороннія попытки, или кто станетъ казнить дѣтей за то, что у нихъ трудно рѣжутся зубы?“ Описывая положеніе римскихъ философовъ въ первые вѣка христіанства, Герценъ находитъ въ этомъ положеніи много сходнаго со своимъ собственнымъ: они также были во враждѣ съ прошедшимъ, у нихъ также ускользало и настоящее, и будущее. „Но они умѣли величаво и гордо дожидаться, пока разгромъ захватитъ кого-нибудь изъ нихъ, умѣли умирать, не напрашиваясь на смерть, но и безъ притязанія спасти себя или міръ; они умѣли, пощаженные смертью, завертываться въ свою тогу и въ молчаніи ожидать, что станетъ съ Римомъ“... Последнее время, передъ вступленіемъ въ новую фазу жизни, становится тягостно, невыносимо для всякаго мыслящаго чело-вѣка; всѣ вопросы принимаютъ какой-то „скорбный“ характеръ: люди готовы принять самое нелѣпое ихъ рѣшеніе, лишь бы успокоиться. Фанатическія вѣрованія идутъ рядомъ съ холоднымъ невѣріемъ, безумныя надежды—объ руку съ отчаяніемъ; томитъ предчувствіе, хочется событий, а повидимому, ничто вокругъ не совершается. „Промежуточныя поколѣнія“, на долю которыхъ выпало жить въ такія „переходныя времена“, погибаютъ на полдорогѣ, отъ изнуренія, отъ потери силъ. „Бѣдныя выморочныя поколѣнія!—воскликаетъ Герценъ:—они не принадлежатъ ни къ тому, ни къ другому міру,—они несутъ всю тягость зла про-

шедшаго и отлучены отъ всѣхъ благъ будущаго“... Тоска современной жизни представляется Герцену тоской сумерекъ, тоской перехода, предчувствія: извѣстно, что даже звѣри беспокоятся передъ землетрясеніемъ. Къ тому же жизнь какъ будто остановилась въ своемъ развитіи, и судорожно топчется на одномъ мѣстѣ: одни хотятъ силой раскрыть двери будущему, другіе—такъ же насильственно,—не выпускають прошедшаго. У однихъ впереди пророчества, у другихъ—воспоминанія. вмѣсто того, чтобы похоронить покойника и дать возможность вздохнуть наслѣдникамъ, люди непременно хотятъ вылечить его, и всячески задерживають смерть; вмѣсто того, чтобы провозгласить: *vive la mort!* и да водрузится будущее, они только мѣшчаютъ другъ другу, и тѣ и другіе стоятъ въ болотѣ... Но стоять долгое время въ болотѣ, не двигаясь при томъ съ мѣста, нельзя безнаказанно: необходимо найти какой-нибудь выходъ изъ подобнаго положенія. Выходъ этотъ—въ признаніи, что человѣческое развитіе, человѣческая мысль достигли до одного изъ тѣхъ рубежей, которые развивають всемірную исторію на огромныя законченныя части: между ними ложатся, какъ между материками, цѣлые океаны. Жертва, которой требовало восемнадцать вѣковъ тому назадъ христіанство отъ античнаго міра, была мала сравнительно съ той, которая потребуется теперь. „Христіанство за землю давало небо, за Олимпъ—Голгоѳу, за бессмысленный Рокъ—сознательный Промыселъ, за потерю временнаго богатства на землѣ—вѣчное блаженство въ раю. У новаго свѣта, толкущагося въ двери исторіи, нѣтъ неба, нѣтъ рая; въ немъ можетъ выиграть только тотъ, кому нечего терять“...

Таково въ общихъ чертахъ „разочарованіе“ Герцена въ Европѣ, въ строѣ западно-европейской общественной жизни. Въ этомъ разочарованіи нѣтъ ни дряблой старческой ворчливости, съ какой относятся къ „гнилому Западу“ славянофилы и самобытники, ни того безнадежнаго отчаянія въ будущемъ, голоса котораго раздаются по временамъ въ средѣ зап.-европейскаго общества. Напротивъ, убѣжденный и послѣдовательный „эволюціонистъ“, Герценъ глубоко вѣритъ въ непрерывность человѣческаго развитія, въ неизбѣжность замѣны однѣхъ формъ общественной жизни, отжившихъ, другими—новыми, болѣе соответствующими измѣнившимся общественнымъ отношеніямъ. Этой вѣрой въ „новый міръ“, грядущій на смѣну стараго, проникнуты особенно сильно позднѣйшія произведенія Герцена, написанныя имъ въ періодъ болѣе спокойнаго и потому болѣе безпристрастнаго отношенія къ окружающей его дѣйствительности. Несмотря на ко-

лебанія и сомнѣнія, которыя часто приходилось ему переживать подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ внѣшнихъ обстоятельствъ его скитальческой жизни, онъ не измѣнилъ этой вѣрѣ до конца своей жизни. По весьма удачному выраженію г. Смирнова, Герценъ иногда „отходилъ“ отъ себя то въ ту, то въ другую сторону (но никогда слишкомъ далеко), и всегда оставался вѣрнымъ самому себѣ, — тому внутреннему человѣку, какимъ онъ успѣлъ сложиться еще до начала своей публицистической дѣятельности.

Покончивъ со взглядами Герцена на сущность и характеръ западно-европейской общественной жизни, посмотримъ теперь, какъ относился Герценъ къ вопросамъ русской исторіи, къ современной ему родной дѣйствительности.

II.

Изъ біографіи Герцена мы узнаемъ, что романтическая струя идеалиста, сложившагося въ мечтательные тридцатые годы, не замолкала въ Герценѣ довольно долго. Его восторженное отношеніе къ Европѣ до 1848-го года смѣнилось потомъ, послѣ разочарованія, такимъ же восторженнымъ отношеніемъ въ Россіи, какъ къ странѣ, для которой будто бы легче, чѣмъ для какой-либо другой европейской страны, разрѣшить общественный вопросъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ Герценѣ довольно рано проявилась и другая черта, которой онъ не измѣнялъ всю свою жизнь, и которая не разъ удерживала его отъ слишкомъ смѣлыхъ предсказаній относительно будущаго и черезчуръ прямолинейныхъ сужденій въ области настоящаго. Эта умственная осторожность, если можно такъ выразиться, проявляется и въ вопросѣ о томъ, какой народъ легче другихъ можетъ разрѣшить назрѣвающій съ каждымъ годомъ роковой вопросъ борьбы капитала съ трудомъ. Подобно людямъ, которые, благодаря ограниченности своего горизонта и узкости взглядовъ, удовлетворяются въ своей жизни очень малымъ, есть, по мнѣнію Герцена, и цѣлые народы (напр., китайцы), у которыхъ такія же скромныя, порой просто ничтожныя потребности; найдя наиболѣе удобную форму общественной жизни удовлетворенія своихъ потребностей, такіе народы обыкновенно останавливаются въ своемъ развитіи и застываютъ на этой формѣ навсегда.

Въ періодъ остраго разочарованія въ зап. Европѣ, когда Герценъ утратилъ всякую надежду на возможность быстрого измѣненія ея социальнаго строя, онъ высказываетъ предположеніе,

правда, довольно робко, что—*можетъ быть*—Европа тоже близка къ насыщенію, и—усталая, утомленная своими неудачными попытками устроиться лучше, стремится теперь осѣсть, скристаллизоваться въ прочномъ „мѣщанскомъ“ устройствѣ. Сравнительно съ предшествовавшимъ ему военно-олигархическимъ строемъ, „мѣщанское устройство представляетъ собою несомнѣнный шагъ впередъ, но Герценъ не допускаетъ даже и мысли, чтобы „все человѣчество дошло до мѣщанства и застряло на немъ окончательно. Правда, нѣкоторые народы (главнымъ образомъ народы германской расы) чувствуютъ себя въ мѣщанскомъ устройствѣ какъ рыба въ водѣ, зато другіе тяготятся имъ, стремятся найти изъ него какой-нибудь выходъ. Народы романской расы и въ особенности славяне кажутся Герцену менѣе другихъ способными примириться съ буржуазнымъ строемъ жизни, потому что ихъ общественные идеалы выше этого строя, переросли его. Вотъ почему „реформація“ русской жизни должна, по убѣжденію Герцена, начаться съ сознательнаго возвращенія къ началамъ, признаннымъ народнымъ смысломъ и вѣковыми обычаямъ. Отрекаясь отъ формъ, навязанныхъ народу извнѣ и потому совершенно чуждыхъ ему, мы только продолжаемъ насильно прерванное историческое движеніе, вводя въ него новую силу,—силу человѣческой мысли. Энергично отстаивая надѣленіе крестьянъ землей и крестьянское самоуправленіе, Герценъ считаетъ искусственное разрушеніе общины варварствомъ, преступленіемъ противъ исторіи; но онъ не требуетъ непремѣннаго сохраненія общины въ томъ именно видѣ, въ какомъ она существовала искони вѣковъ. Напротивъ, дорожа ея, какъ ячейкой, изъ которой при благоприятныхъ условіяхъ могутъ выработаться болѣе совершенныя общественныя формы, онъ ставитъ обязательнымъ условіемъ этого развитія постепенное видоизмѣненіе этого социальнаго института въ зависимости отъ общаго хода развитія, въ союзѣ съ наукой и мыслью, съ опытомъ предшествовавшихъ поколѣній. Подчеркивая преимущества Россіи передъ другими европейскими государствами въ дѣлѣ социальнаго обновленія человѣчества, Герценъ дѣлаетъ все-таки со свойственной ему осторожностью довольно серьезную оговорку. Изъ того, что нѣкоторые народы имѣютъ своимъ идеаломъ болѣе совершенное, чѣмъ „мѣщанство“, общественное устройство, вовсе не слѣдуетъ,—говоритъ онъ,—что они непремѣнно достигнутъ высшаго состоянія или не свернутъ на буржуазную дорогу. Одно стремленіе къ чему-нибудь, хотя бы и очень хорошему, еще ничего не обезпечиваетъ, потому что недостаточно знать, что такое-то устройство намъ противно, а на-

добно еще знать, какого именно строя мы хотимъ и возможно ли его осуществленіе. Вѣдь впереди много возможностей: самые буржуазные народы могутъ „взять другой курсъ“, пойти по новой дорогѣ; и наоборотъ—самые поэтическіе сдѣлаться лавочниками. Мало ли стремлений и возможностей гибнуть, развитій отклоняется?—спрашиваетъ онъ.

Коснувшись вопроса объ отношеніи Россіи въ зап. Европѣ, Герценъ говоритъ, что дѣло вовсе не въ томъ, догнали ли мы Западъ или нѣтъ, а въ томъ, слѣдуетъ ли догонять его по длинному шоссе, когда можно пуститься въ объѣздъ. „Намъ кажется, что, пройдя западной дрессировкой, подкованные ею, мы можемъ стать на свои ноги и вмѣсто того, чтобы твердить чужіе зады и примѣривать стоптанные сапоги, намъ слѣдуетъ подумать, нѣтъ ли въ народномъ быту, въ народномъ характерѣ нашемъ, въ нашей мысли, въ нашемъ художествѣ, чего-нибудь такого, что можетъ имѣть притязаніе на общественное устройство несравненно выше западнаго. Хорошіе ученики часто переводятся черезъ классъ“. Но въ русской жизни есть нѣчто такое, что кажется Герцену выше общины и государственнаго могущества: это та внутренняя сила, которая, несмотря на всѣ неблагоприятныя условія исторической жизни Россіи, сохранила лучшія черты психическаго склада нашего крестьянина, и на царскій приказъ учиться отвѣтила черезъ сто лѣтъ колоссальнымъ явленіемъ Пушкина. Въ то время, какъ другіе народы Европы чувствуютъ себя усталыми и отжившими, Россія, благодаря этой внутренней силѣ, является народомъ полнымъ юношескихъ стремлений и вѣры въ ожидающее его будущее. Передъ лицомъ исторіи русской человѣкъ бѣднѣе бедунна пустыни, бѣднѣе еврея: въ прошломъ у насъ нѣтъ великихъ преданій, которыми стоило бы дорожить или которыя слѣдовало бы отстаивать. Но въ этой бѣдности есть и своя свѣтлая, утѣшающая сторона: намъ легче, чѣмъ кому бы то ни было, освободиться отъ самихъ себя, отъ вѣры и нравовъ своихъ отцовъ. „Мыслящій русскій человѣкъ—самый свободный человѣкъ на свѣтѣ; что можетъ его остановить? Уваженіе къ прошлому? Мы свободны, потому что начинаемъ жить съизнова. Мы независимы, потому что ничего не имѣемъ“,—говоритъ Герценъ въ своемъ письмѣ къ Мишлѣ (22 сент. 1851 г.). У насъ нѣтъ умиленныхъ свѣтлыхъ воспоминаній, идущихъ изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе; мы—бѣдное мужичье государство, „les gueux“ міра сего, у которыхъ нѣтъ ничего, кромѣ стремлений, кромѣ вѣры въ себя. Благодаря исключительнымъ историческимъ условіямъ, при которыхъ совершалось развитіе русскаго

общества, мы, будучи лишены возможности заниматься своими собственными дѣлами, перебирали отъ скуки дѣла не только давно рѣшенные въ Европѣ, но и сданныя уже въ архивъ; при этомъ мы нашли, что дѣла эти большей частью или вовсе нерѣшены, или рѣшены пристрастно. Отъ этого мы спрашиваемъ и доискиваемся тамъ, гдѣ западно-европейскій умъ только справляется и отвѣчаетъ“.

Въ этомъ неуваженіи къ общимъ предразсудкамъ Герценъ видитъ одну изъ національных особенностей русской мысли, русскаго духа. Русскій человѣкъ лѣнивъ умомъ, проводитъ большую часть жизни въ спячѣвѣ или дремотѣ, но когда просыпается, его трудно бываетъ убавокать авторитетами. „Не принося съ собой никакихъ унаслѣдованныхъ догматовъ, безъ связи со своимъ былымъ, книжно-соединенный съ чужими преданіями, онъ свободно и безбоязненно щупаетъ, осматриваетъ и качаетъ головой тамъ, гдѣ не вѣрять. Отъ этого онъ не благоговѣетъ безъ разбора, но и не презираетъ по наслѣдству“. Вѣра въ Россію, въ ея живыя творческія силы не покидала Герцена въ теченіе всей его публицистической дѣятельности, даже въ минуты самыхъ горькихъ разочарованій, какія ему тогда причиняла родная дѣйствительность. Россію онъ считаетъ фактомъ, который необходимо прежде всего признать, для того чтобы разобрать его и понять. „Мы можемъ разсуждать, слѣдовало или не слѣдовало быть, напр., Монблану въ Савойѣ, но это будетъ совершенно праздное разсужденіе: Монбланъ—фактъ, котораго не сотрешь никакимъ разсужденіемъ“... Герценъ признаетъ, что современная общественная жизнь Россіи не можетъ похвастаться какими-нибудь свѣтлыми и бодрящими духъ явленіями, но въ самомъ неустройствѣ Россіи, въ ея неловкихъ движеніяхъ, онъ видитъ молодую мощь будущаго богатыря: „чувствуется,—говоритъ онъ,—что въ этой колыбели, въ этихъ туго-затянутыхъ свивальникахъ расправляетъ члены будущая исторія. Участвовать въ ростѣ и судьбахъ такого народа—огромное, великое дѣло“... Весь новый періодъ нашей исторіи, начиная съ Петра Великаго, представляется Герцену какой-то загадкой; такой же загадкой кажется ему и нашъ настоящій бытъ,—этотъ разноначальный хаосъ взаимно-противоположныхъ направлений, гдѣ иной разъ вспыхиваетъ что-то европейское, прорѣзывается что-то широкое и человѣческое, и потомъ тонетъ или въ болотѣ восно-страдательнаго славянскаго характера, или въ волнахъ дикихъ понятій о народности исключительной, понятій, какъ трупные черви, выползающихъ порой изъ сырыхъ могилъ. До крымской войны никто и не подозрѣвалъ внутренней

работы Россіи: за нѣмыми устами всѣ предполагали нѣмой умъ и нѣмое сердце, а между тѣмъ критическая мысль, сѣмена которой залетали по временамъ Богъ вѣсть откуда-то издалека, постепенно разбѣдала и подтачивала устои, на которые опиралась жизнь до-реформенной Россіи. Когда устои эти, съ паденіемъ Севастополя, окончательно рухнули, — скрытое внутри, сдавленное движеніе вырвалось наружу со всей мощью искусственно сжатой силы, то забѣгая впередъ, то отставая, то отклоняясь въ сторону. Произошло это оттого, что задержать ростъ такъ же невозможно, какъ воспрепятствовать посѣянному и уже взошедшему зерну превратиться въ свое время въ зрѣлый колосъ. Къ счастью для человѣчества, судьбы народовъ совершаются независимо отъ желанія отдѣльныхъ лицъ; человѣку дана только власть „пособлять“ силамъ природы, а не останавливать ихъ; вотъ этой-то властью и должно пользоваться, чтобы направлять свой народъ въ сторону дальнѣйшаго прогрессивнаго развитія, а не попятнаго движенія къ тому, что умерло безвозвратно. „Когда народъ созрѣлъ и ясно заявляетъ свои требованія и права на лучшую жизнь, тогда надо смѣло рѣшиться на улучшенія и давать ихъ народу вполнѣ, а не ключами, не торгуясь изъ-за уступокъ, въ которыхъ приходится жертвовать своимъ личнымъ интересомъ“ ...

Вѣра въ Россію, въ русскій народъ, не мѣшала все-таки Герцену высказывать пороку и горькія истины по адресу своей родины. Его художественную натуру глубоко огорчаетъ, что всякое историческое явленіе, просѣянное сквозь рѣшето ежедневности, вездѣ и всегда теряетъ для современника свою грандіозность; „но въ Россіи, — говоритъ онъ, — въ этому еще присоединяется такая пошлость обстановки, такая неправда, такая нравственная золотушность, что, признаюсь по совѣсти, любоваться Россіей можно только издали, съ береговъ Женевского озера, или въ гаданіяхъ о будущемъ, въ созерцаніи прошедшаго“. Чтобы жизнь въ Россіи была сколько-нибудь сносною, надобно постоянно напоминать самому себѣ и толковать другимъ объ общемъ всемірно-историческомъ значеніи Россіи, „надобно постоянно влѣзать на какую-нибудь верхушку историческаго созерцанія, съ высоты которой только и можно мириться съ русской ежедневностью“. Русскую жизнь, не установившуюся, задержанную, искаженную въ своемъ развитіи, вообще трудно понимать безъ особаго къ ней сочувствія, но это пониманіе становится особенно труднымъ, благодаря нѣмецкому переводу (при томъ дурному), въ которомъ мы только и читаемъ эту жизнь. Она ускользаетъ отъ

готовыхъ, чужихъ опредѣленій, не поддается имъ, а сама не достигла еще того отстоявшагося полнаго сознанія и отчета, которые являются у старыхъ культурныхъ народовъ вмѣстѣ съ сѣдиной. Какъ понималъ Герценъ *патриотизмъ* въ истинномъ значеніи этого слова, видно изъ письма Герцена къ одному польскому патриоту: „Развитой человекъ,—пишетъ Герценъ,—можетъ любить по сердцу, по уму свою родину, служить ей, умереть за нее, но патриотомъ быть не можетъ. Христіанство еще восемнадцать вѣковъ тому назадъ стало полоть эту языческую добродѣтель, но ничего не сдѣлало, потому что обращало людей къ другой родинѣ, существующей на небѣ. Ее выполетъ социализмъ снятіемъ земныхъ границъ, но отъ этого люди, должно быть, еще очень далеки, если даже мы съ вами хлопочемъ о ихъ обозначеніи“...

Мы уже видѣли, въ какой Европѣ разочаровался Герценъ, какія именно формы западно-европейской общественной жизни онъ обрекалъ на смерть и неизбежное исчезновеніе; остановимся теперь нѣсколько подробнѣе на вопросѣ о томъ, въ какую Россію вѣрилъ Герценъ. Отрицая жизнеспособность „гнилого Запада“, славянофильское ученіе, какъ извѣстно, признаетъ, что единственный міръ будущаго—это славянскій міръ, наиболѣе сильнымъ и типичнымъ выразителемъ идеаловъ котораго является Россія. Вѣра въ провиденціальное назначеніе Россіи, долженствующей обновить умирающій западный міръ, являясь однимъ изъ важнѣйшихъ догматовъ славянофильства, тѣсно связана съ вѣрой въ самобытность и вѣковѣчность устоевъ національной русской жизни, что въ свою очередь ведетъ за собой отрицательное отношеніе къ реформѣ Петра Великаго и ко всему такъ называемому „петербургскому періоду“ нашей исторіи. Разницу между славянофилами и западниками самъ Герценъ опредѣляетъ въ слѣдующихъ словахъ: „они (славянофилы) всю любовь, всю нѣжность перенесли на свою угнетенную мать. У насъ, воспитанныхъ внѣ дома, эта связь ослабла. Мы были на рукахъ французской гувернантки, довольно поздно узнали, что мать наша не она, а загнанная крестьянка, и то мы сами догадались по сходству въ чертахъ да потому еще, что ея пѣсни были намъ роднѣе водевилей. Мы сильно ее полюбили, но... мы знали, что ея счастье *впереди* (тогда какъ славянофилы видятъ золотой вѣкъ *позади*), что подъ ея сердцемъ бьется зародышъ, нашъ меньшой братъ, которому мы безъ чечевицы уступимъ старшинство“. Изъ этихъ строкъ ясно видно, въ какую Россію вѣрилъ Герценъ: это Россія будущаго, но никакъ уже не прошедшая, даже не

настоящая. Онъ вѣрилъ въ будущность своей родины, какъ мы вѣримъ вообще въ будущее народа молодого, имѣющаго свою исторію въ прошломъ, полнаго юношескихъ стремлений въ настоящемъ. Уже въ одномъ изъ своихъ раннихъ писемъ (1 марта, 1841 г.) Герценъ высказываетъ мысль, что послѣ нашего времени начнется для Россіи періодъ органическаго субстанціального развитія, и при томъ — *чисто-человѣческаго*. Періодъ преобразования Россіи въ европейское государство, потребовавшій столько неистовыхъ и кровавыхъ мѣръ, приходитъ къ концу и долженъ смѣниться положительной ролью европейски-національной державы, въ которой она и предстанетъ міру со временемъ. Позднѣ эта вѣра въ необходимость, неизбѣжность для Россіи превращенія въ европейское государство на общечеловѣческихъ, а не узко-національныхъ началахъ, опредѣлилась яснѣе, вылилась въ болѣе строгія и точныя формулы.* За свою исторію, по мнѣнію Герцена, должны отвѣчать только тѣ народы, которые развивались органически, безъ рѣзкихъ перерывовъ, которые могутъ гордиться своимъ славнымъ прошлымъ; мы же напротивъ, только разрывая съ нашимъ прошлымъ, идемъ впередъ. „Въ этомъ отношеніи,—говоритъ онъ,—мы скорѣе похожи на двутрубку, бѣгущую съ обнищалаго поля, унося свое будущее поколѣніе, чѣмъ на верблюда, несущаго черезъ степи кивоть со старымъ завѣтомъ“.

Реформаціонная дѣятельность Петра Великаго подвергалась, какъ извѣстно, жестокой критикѣ прежде всего со стороны представителей высшихъ привилегированныхъ классовъ; даже такая высокообразованная для своего времени женщина, какъ кн. Дашкова, высказываетъ въ своихъ „Запискахъ“ неудовольствіе противъ Петра Великаго за то, что онъ посылалъ дворянъ за границу учиться. „Если нуждались въ рабочихъ рукахъ, — пишетъ она, — то каждый дворянинъ охотно послалъ бы за себя 3—4 человѣка своей дворни“. Въ XIX вѣкѣ Петровская реформа обсуждается въ связи съ вопросомъ о значеніи въ исторіи государственнаго начала, а также и тѣхъ важныхъ послѣдствій, какія оказало западно-европейское вліяніе на всѣ стороны русской общественной жизни. По ученію славянофиловъ, петербургскій періодъ нашей исторіи представляетъ собой насильственное сочетаніе различныхъ культурныхъ типовъ—Россіи и Европы, двухъ разнородныхъ міровъ, будто бы не имѣющихъ ничего общаго между собою. Преобразования Петра I совершенно исказили характеръ нашихъ частныхъ, семейныхъ и общественныхъ отношеній: государство, разорвавъ всякую связь

съ землею и подчинивши ее своей власти, положило тѣмъ самымъ начало новому порядку вещей,—такъ думаетъ одинъ изъ столбовъ славянофильства, И. С. Аксаковъ. Въ дѣйствительности же, „единеніе“ земли, какъ совокупности свободныхъ народныхъ общинъ, и власти, какъ охранительницы внѣшняго порядка, существовало лишь въ воображеніи ученыхъ, идеализировавшихъ московскую Русь. Крѣпостнымъ правомъ, въ области социальноекономической, и системой приказнаго правленія, въ сферѣ политической, населеніе московскаго государства довольно рано раздѣлилось на высшіе и низшіе классы. При Петрѣ I и его преемникахъ это пирамидальное строеніе общества только рѣзче опредѣляется, чѣмъ это было прежде. Правовыя и имущественныя различія, существовавшія съ основанія государства, усиливаются еще различіемъ въ степени и типѣ культуры: въ высшіе, привилегированные классы проникаютъ чужеземныя понятія, нравы, обычаи, новыя начала образованности и общественности, не имѣющія ничего общаго съ народнымъ міросозерцаніемъ и складомъ народной жизни.

Герценъ считаетъ Петра I самымъ полнымъ типомъ эпохи, призванной имъ къ жизни; это—жестокій геній, начавшій, такъ сказать, каторжную работу нашей исторіи, продолжающуюся полторавѣка и достигнувшую колоссальныхъ результатовъ. Герценъ согласенъ со славянофилами въ томъ, что реформа Петра убила весь московскій періодъ нашей исторіи: „онъ разсѣялся, какъ дымъ, и тихо перешелъ въ какое-то книжное воспоминаніе, и то не у народа, а у ученыхъ и духовенства“. Но то, что было съ московскимъ періодомъ, неминуемо должно случиться, по убѣжденію Герцена, и съ петербургскимъ,—бюрократически-централизованнмъ періодомъ. Нашъ государственный строй постепенно реорганизовался, хотя и довольно медленно: процессъ раскрѣпощенія сословій, закрѣпощенныхъ нѣкогда государствомъ, растянулся почти на два столѣтія. Жалованная грамота дворянству 1785 г. завершила дворянскую эманципацію; крестьянская реформа 1861 г. положила начало еще болѣе важной и далеко еще не законченной эманципаціи народной массы. „Намъ нечего заводить вновь или усиливать тотъ бюрократическій строй, который господствовалъ до послѣдняго времени, да пожалуй кое-гдѣ еще господствуетъ и до сихъ поръ въ зап. Европѣ. Развитіе бюрократіи въ з.-европейскихъ странахъ объясняется тѣмъ, что тамъ главное — города, а села имъ подчинены; у насъ же городовъ нѣтъ, потому что нашъ городъ въ большинствѣ случаевъ только по названію городъ, а не въ дѣйствительности. Главное у насъ

села: дайте селамъ устроиться своимъ путемъ, и Россія останется спокойной, да и правительству будетъ легче“.

Петръ В., конечно, былъ геній, — одинъ изъ тѣхъ геніевъ, которые рождаются вѣками. Но въ наше время, чтобы продолжать его дѣло, вовсе не нужно быть геніемъ. Герценъ даже думаетъ, что геній въ данномъ случаѣ повредилъ бы многому, какъ это было съ самимъ Петромъ I: „онъ втѣснилъ бы свою личную волю на мѣсто зародышей, которые взошли и которыхъ не надо только ни полоть, ни топтать, ни насиловать, представляя имъ самимъ ростъ и устраняя препятствія“. Петру В. приходилось создавать и казнить: въ одной рукѣ у него былъ заступъ, въ другой — топоръ. Онъ дѣлалъ просьбы въ дикомъ первобытномъ лѣсу и, разумѣется, рядомъ съ дурнымъ могъ порубить иное и хорошее; притомъ, онъ вбилъ намъ просвѣщеніе такимъ клиномъ, что Русь не выдержала и треснула на два слоя. И только теперь, черезъ полтора столѣтія, сдѣлалось ясно, какъ раздвинулась эта трещина, и какъ опасно дальнѣйшее ея увеличеніе... Отъ указанія нѣкоторыхъ слабыхъ сторонъ въ преобразовательной работѣ Петра I, конечно, еще далеко до отрицанія великаго историческаго значенія этой реформы или признанія ея ненужной, можетъ быть — даже вредной. При всемъ желаніи найти что-нибудь подобное въ сочиненіяхъ Герцена, этого нельзя сдѣлать: колоссальная фигура великаго преобразователя русской земли выступаетъ все время подъ перомъ Герцена въ такомъ яркомъ, вполне достойномъ ея освѣщеніи, что врядъ ли еще можетъ оставаться какое-нибудь сомнѣніе въ рѣшеніи вопроса о томъ, какъ именно относился Герценъ къ реформѣ Петра; а вѣдь то или другое отношеніе къ этой реформѣ, какъ мы уже связали, — своего рода пробный камень для отличія западника отъ славянофила, самобытника — отъ сторонника общечеловѣческихъ началъ въ культурѣ.

Исходной точкой для сужденія о реформѣ Петра I долгое время служило убѣжденіе въ возможности крупныхъ и внезапныхъ переворотовъ, не подготовленныхъ всѣмъ предшествующимъ ходомъ историческаго развитія. Но теперь мы уже знаемъ, что реформа Петра была только итогомъ, конечнымъ выводомъ всего предыдущаго развитія. Петръ Великій только лучше другихъ понялъ и удачно разрѣшилъ назрѣвшіе вопросы времени. Руководящимъ принципомъ въ дѣятельности Петра являлось не расширеніе предѣловъ отечества, не организація бюрократическаго строя по европейскимъ образцамъ, но сознаніе потребности создать для Россіи условія, необходимыя для національнаго развитія на на-

чалахъ общечеловѣческой культуры и цивилизаціи. Идти въ настоящее время по слѣдамъ Петра В.—не значить разсуждать и дѣйствовать такъ именно, какъ разсуждалъ и дѣйствовалъ Петръ Великій: экономическая эволюція выдвинула на первый планъ новыя задачи, которыя требуютъ и новыхъ средствъ для ихъ разрѣшенія. Но значеніе государства, какъ фактора культуры, не только не уменьшилось въ наше время, но скорѣе возросло и вширь и вглубь. Благо народа и польза государства, сближеніе русской жизни съ общеевропейской, какъ необходимое условіе нашего дальнѣйшаго національнаго развитія, — таковы намѣченные еще той эпохой преобразованія историческіе пути и высокія нравственныя задачи государственной дѣятельности.

Н. Бѣлозерскій.

БРАТЯ

РАЗСКАЗЪ.

I.

У моихъ знакомыхъ, занятыхъ ежедневно на службѣ, почему-то выходить всегда гораздо больше свободнаго времени, чѣмъ у меня,—а я рѣшительно ничего не дѣлаю.

По крайней мѣрѣ, они поспѣваютъ всегда всюду, а я, не смотря на то, что съ октября до половины ноября ни одного утра, ни вечера, не провелъ дома,—обидѣлъ еще многихъ, у кого не успѣлъ побывать.

Я уже серьезно думалъ о томъ—не поступить ли на службу, чтобы имѣть больше свободнаго времени? Но такая крайняя мѣра оказалась преждевременною.

По николаевской дорогѣ жила у меня тетуска въ своемъ имѣньѣ и давно звала къ себѣ.

Въ имѣнье свое,—собственно небольшую усадьбу, благопріобрѣтенную ея покойнымъ мужемъ,—переселилась она, овдовѣвъ, и жила тамъ, получая пенсію, съ горничной Ѳедосей, котомъ Сувениромъ и собачкой Оскаркой.

Тетуска—тѣтя Соня, какъ звали мы ее—была барыня высокаго роста, сохранившая, по модѣ семидесятыхъ годовъ, шиньонъ на головѣ и совсѣмъ чуждая преданіямъ старой помѣщичьей жизни.

Въ усадьбу свою она укрылась главнымъ образомъ по тому, что не могла продолжать въ Петербургѣ той жизни, которую они вели съ мужемъ на его крупное жалованье. Сложнаго домашняго хозяйства онѣ съ Ѳедосей не вели, жили по город-

скому, но варенье у нихъ все-таки было, и была мутная сладкая настойка, которую онѣ называли наливкой.

Тетя Соня очень обрадовалась моему приѣзду, стала кормить меня куринымъ супомъ, битками, пилавомъ изъ курицы, и поить виномъ, которое я ей привезъ въ подарокъ...

Нѣтъ лучше тишины деревенскаго уголка зимою для работы, и работа у меня шла отлично, какъ вдругъ разъ утромъ послышался звонъ колокольчика у крыльца, и на порогѣ моей комнаты появилась тетя Соня:

— Ждутьевъ приѣхалъ; ты выйдешь къ нему?

— Какой Ждутьевъ?

— Нашъ земскій начальникъ. Пожалуйста, приди въ гостиную. Я тебя прошу...

— А онъ меня не выпоретъ?

— Чтò за глупости!—Такъ непременно выйди къ нему...

И она величественно поплыла въ гостиную на встрѣчу гостю. На шиньонѣ у нея была неупотреблявшаяся въ ежедневномъ обиходѣ накладка изъ лентъ.

Ждутьевъ, за которымъ тетка, очевидно, ухаживала, какъ за человѣкомъ нужнымъ, оказался господиномъ въ скуртуѣ изъ толстой темной, пиджачной матеріи, съ большою, тщательно расчесанною бородою, прической съ проборомъ по срединѣ и зачесанными назадъ висками, какъ во время оно носили такъ называемые „фаты“. На лѣвой руцѣ у него была лайковая перчатка на одну пуговицу.

— Авениръ Исидоровичъ,—повторяла тетка,—вотъ, Авениръ Исидоровичъ, мой племянникъ очень радъ познакомиться съ вами, Авениръ Исидоровичъ...

Самъ Ждутьевъ не отличался бойкостью рѣчи. Говорилъ онъ самыя простыя вещи съ такимъ значительнымъ выраженіемъ, точно воображалъ себя великимъ человѣкомъ, произносящимъ историческое изреченіе... Сообщилъ онъ нѣсколько извѣстій изъ старыхъ газетъ, которыя тетя Соня нашла очень интересными.

— Я газетъ не читаю,—заявила она.

Другого впрочемъ она тоже ничего не читала. Поговорили потомъ о погодѣ и о ревматизмѣ, и Ждутьевъ, просидѣвъ столько времени, сколько полагается на обыкновенный городской визитъ, надѣлъ перчатку на правую руку, поднялся и сталъ прощаться...

— Милости прошу къ намъ,—сказалъ онъ мнѣ на прощанье.

Я конечно былъ увѣренъ, что приглашеніе это ни къ чему меня не обязываетъ, но тетя Соня взглянула на дѣло иначе.

Въ тотъ же день, за обѣдомъ, она стала спрашивать меня, когда я намѣренъ отправиться въ Будырьево?

— Куда, тетя?

— Въ Будырьево, къ Ждутьеву.

— Я думаю, никогда, — рѣшилъ я. — Что мнѣ у него дѣлать? Тетюшка такъ и забеспокоилась вся:

— Что ты, мой голубчикъ! Да вѣдь онъ же звалъ тебя. Неловко не поѣхать, для меня неловко. Нѣтъ, ты — поѣзжай, все-таки — ты петербургскій, онъ мнѣ человекъ нужный... и потомъ весьма образованный, а ужъ хозяинъ вагой!.. Его Будырьево — образцомъ считаютъ. Хозяйство посмотришь у него... И онъ вовсе не деревенскій бюрокъ — ты видѣлъ его тепе, настоящий джентльменъ... У него камердинеръ Валеріанъ — бывшій парикмахеръ, и ты знаешь, мнѣ его жена рассказывала — какъ пріѣдетъ венгерецъ съ разными разностями, онъ ужъ никогда не утерпитъ — купить себѣ стѣлянку туалетнаго уксуса...

— Нынче, тетя, туалетнаго уксуса никто уже не употребляетъ...

— Ну, я не знаю, — словомъ, онъ человекъ вполне порядочный...

И съ этихъ поръ началось каждый день все то же самое.

Я уже пробовалъ отшучиваться. Звалъ кота не иначе, какъ Сувениромъ Исидоровичемъ, что неизмѣнно вызывало у тети всегда одинаковую веселость, но все-таки она упорно стояла на своемъ, чтобы я ѣхалъ къ Ждутьеву.

Черезъ недѣлю представился этому удобный случай.

По дорогѣ изъ города, со станціи, заѣхалъ исправникъ, толстый мужчина съ сѣдѣвшими, опущенными внизу усами и лысой головой.

— Волнорѣзъ, Иванъ Адамычъ, нашъ исправникъ, — назвала его тетка, и потомъ въ минуту, заставшую меня врасплохъ, проговорила:

— Вотъ м-г Волнорѣзъ ѣдетъ прямо къ Авениру Исидоровичу и можетъ подвести тебя, а я за тобой пришлю лошадей. Тутъ близко.

М-г Волнорѣзъ провелъ рукою по лысинѣ и сворѣе вдохнулъ, чѣмъ сказалъ:

— Отчего же-съ, я съ большимъ удовольствіемъ!..

II.

Исправникъ сидѣлъ рядомъ со мною въ кибиткѣ, молча, закрытый своею огромною шинелью съ широкимъ, желтобураго, грубаго, мохнатого мѣха воротникомъ, на подобіе хомута, облежавшимъ его шею, голову и лицо,—только фуражка торчала сверху...

Трудно было разобрать—важничалъ онъ со мною, конфузился или просто лѣнился разговаривать.

Изъ-за края кибитки и спины вучера, въ сѣромъ армякѣ, виднѣлись ноги мохнатой пристяжной съ подвязаннымъ хвостомъ и искрившаяся на солнцѣ алмазно-бѣлая пелена снѣжнаго сугроба съ изрѣдка высовывавшимися изъ него тонкими черными прутьями кустарника да запушонными верхами молодыхъ елочекъ.

День былъ хорошій, солнечный, зимній, одинъ изъ тѣхъ дней, когда снѣгъ не таетъ, но липнетъ, полозья мягко скользятъ по немъ, и въ воздухѣ пахнетъ мокрою древесною корою. Отъ сырой бодрящей свѣжести пріятно стягивается кожа на щекахъ, и чувствуешь, словно молодѣешь...

Я злился на себя. Въ поѣздѣ моей рѣшительно не было надобности. И чѣмъ дальше тянулось однообразіе сугроба и пристяжная старательнѣе перебирала мохнатыми ногами, тѣмъ досаднѣе становилось мнѣ...

— Вы знаете въ Петербургѣ генерала Рамызникова?—проговорилъ вдругъ Волнорѣвъ изъ-за воротника, не двинувшись, точно одна его шинель съ фуражкой лежали рядомъ со мною.

— Генерала Рамызникова?—Нѣтъ, не знаю...

Опять мы проѣхали нѣкоторое время, молча.

— Говорятъ, большія дѣла дѣлаетъ!—снова сказалъ исправникъ изъ-за воротника...

Одного дѣльца петербургскаго, старика Рамызникова — я зналъ. Это былъ человѣкъ беззащитный и въ былое время не стыдился получать до наивности большія деньги за довольно наивное тоже участіе въ дѣлахъ, до которыхъ ему рѣшительно не было никакого дѣла...

— Такъ какою же это генераль?—спросилъ я.

— Чинъ „дѣйствительнаго“ имѣетъ, если не „тайнаго“...

Чинъ „дѣйствительнаго“ мой Рамызниковъ, правда, имѣлъ. Получилъ онъ его по благотворительнымъ учрежденіямъ. Даже лѣнта у него была. Онъ управлялъ когда-то богатымъ, нелѣпымъ, но устроеннымъ на подобіе института приютомъ, гдѣ, подъ ви-

домъ бѣдныхъ, воспитывались больше дочери петербургской барской челяди...

Я постарался объяснить все это Волнорѣзу.

— Та-акъ,—протянулъ онъ:—а я думалъ—онъ изъ важныхъ...

— А вы знакомы съ нимъ?

— Недавно только знакомство свели у Авенира Сидорыча.

— У Ждутьева?

— Да-съ; онъ и посейчасъ тамъ. Акціонерное предпріятіе затѣваютъ... на земельныхъ началахъ. Будутъ крестьянъ въ долгъ обстраивать и скотомъ снабжать... дѣло, вѣжета, хорошее...

— Рамызниковъ, значить, въ отхожіе промыслы пошелъ...

— А что-съ?

— Да прежде имъ и въ Петербургѣ лафа была. Теперь тамъ люди умѣе стали—такъ онъ въ провинцію поровитъ...

— Какъ вы изволили сказать?—переспросилъ Волнорѣзъ:—лафа?

Онъ вдругъ сталъ разговорчивѣе, снисходительнѣе и даже задвигался, пока я рассказывалъ ему про Рамызникова.

— Конечно, лафа. Прежде можно было получить концессию самую глупую...

Исправникъ досталъ серебряный портсигаръ и вынулъ толстую набивную папиросу, точно понюшку табаку изъ табакерки.

— Не прикажете ли?

— Благодарю—не курю на воздухѣ...

— Такъ вѣдь это дѣло затѣваютъ они настоящее,—заговорилъ онъ, закуривъ о фитиль:—его нельзя назвать глупымъ.

— Тѣмъ скорѣе онъ перепродаетъ его, значить...

— Т.-е., какъ это перепродаетъ?

— А видите ли, Рамызниковъ началъ съ того, что на его имя графъ Щуровскій откупа держалъ. Потомъ онъ къ золотому промыслу тоже въ качествѣ подставнаго лица пристроился... А потомъ черезъ графа самыя невозможныя концессіи получалъ...

— Только для того, значить, чтобъ продать ихъ?..

— Разумѣется...

— И находились покупатели?

— Находились. Пока Щуровскій былъ живъ, у него и шли дѣла, и деньги были...

— Ну, а теперь, значить, туго?

— Вѣроятно.

— Ну, а скажите, а въ Москвѣ господина Агодаева не знаете?

— Кажется, нѣтъ; но фамилію Агодаевыхъ слыхалъ.

— Лаврентія Борисыча Агодаева? — повторилъ Волнорѣзъ.

— Нѣтъ, Лаврентія Борисыча—не знаю...

— Очень важный баринъ... Всѣ замашки барственныя. Купца съ собой возить.

— Какого купца?

— Не то что сумасшедшаго, а такъ, какъ вамъ сказать— рехнувшася... Фабрика у него была и сгорѣла. Онъ срокъ страховки пропустилъ, а она и сгори...

— Ну, и что же онъ?

— Какъ загорѣлась фабрика ночью—онъ, говорятъ, одѣлся въ скуртку, какъ надо, взялъ подушку, пошелъ на берегъ Москвы рѣки, легъ и заснулъ. А проснулся—не въ своемъ умѣ... Теперь у господина Агодаева живетъ. Тотъ его съ собою всюду возить. Вотъ вы увидите.

— А этотъ Агодаевъ тоже въ Будырьевѣ?

— Тоже. И съ купцомъ. Они для окончательнаго обсужденія дѣла съѣхались. Тоже участіе принимаетъ. Ну, Агодаевъ—человѣкъ богатый, свои дома на Москвѣ имѣеть... Только барственъ ужъ очень. Онъ мнѣ съ перваго разу довѣрія не внушить...

Онъ пыхнулъ два раза папирской, опалилъ воротникъ и бросилъ ее.

Теперь онъ замолчалъ какъ-то уже скромнѣе, не такъ важно, уткнувшись въ уголь.

Изъ-за воротника онъ лицо высунулъ и нѣсколько разъ заглянулъ на меня.

Только подъѣзжая къ самому Будырьеву, когда изъ-за огненныхъ вѣтокъ лѣска показался на пригорѣ каменный домъ усадьбы и лошади потянули въ гору, онъ вдругъ обернулся ко мнѣ:

— Я долженъ поблагодарить васъ за свѣдѣніе. Вѣдь чуть, было, у меня десять тысячъ не выманили они на предпріятіе...

III.

Въ Будырьевѣ мы застали все общество въ большой гостиной, въ нижнемъ этажѣ.

Самый будырьевскій домъ, правда, двухъ-этажный, камен-

ный, былъ построенъ на манеръ коробки, по той „мѣщанской“ архитектурѣ, въ которой единственную роскошь представляетъ „венеціанское окно“. Гостиная была обставлена съ большою претензіей на вкусъ, но вещи были новаго, рыночнаго производства, такія, что никогда старинными не стануть, а только состарятся и придуть въ негодность.

Жена Ждутьева, бѣлокурая, подслѣповатая, поднялась намъ на встрѣчу съ дивана въ углу, гдѣ сидѣлъ съ нею Рамызниковъ.

На другомъ концѣ комнаты игралъ въ пикетъ за ломбернымъ столомъ Авениръ Исидоровичъ съ Агодаевымъ, курчавымъ баринкомъ съ усами и желтымъ, болѣзненнымъ цвѣтомъ лица. Рядомъ съ нимъ, смотрѣлъ ему въ карты коренастый старикъ, опрятно одѣтый въ черный сюртукъ, особенно рѣзко выдѣлявшій бѣлизну его сѣдой, окладистой, подстриженной бороды и густыхъ, тоже какъ снѣгъ бѣлыхъ волосъ.

— Купецъ Гудинъ,—представилъ его Агодаевъ, и сейчасъ же обратился къ Ждутьеву, взявшись за карты:—Что жъ, Авениръ Исидорычъ, кончимъ, или будемъ продолжать?

— Если гости позволяютъ!—отвѣтилъ тотъ и усѣлся за столъ.

Я чувствовалъ, что непріятное для меня своею безцѣльностью посѣщеніе никому не доставило и въ Будырьевѣ особеннаго удовольствія.

Рамызниковъ узналъ меня и фамиллярно протянулъ мнѣ на встрѣчу двѣ руки, но когда я пожалъ только одну изъ нихъ, напыжился и важно опустился въ кресло, подобравъ губы.

Онъ брилъ усы и подбородокъ и носилъ коротко подстриженные бакенбарды котлетками.

— Золотое, золотое дѣло!—проговорилъ онъ г-жѣ Ждутьевой, какъ бы ставя точку прежнему ихъ разговору, который продолжать при насъ не считалъ нужнымъ...

Волнорѣзъ тяжело вздохнулъ при этомъ и какъ-то судорожно придержалъ карманъ на груди, топырившійся у него подъ сюртукомъ.

Лицо Ждутьевой выражало усиліе мысли. Очевидно, она силилась придумать, чѣмъ занять насъ, или же соображала, хватить ли у нея обѣда на всѣхъ.

— Вы давно изъ Петербурга?—спросила она, наконецъ, какъ будто ей очень важно было знать это навѣрное.

Я сообщилъ и, въ свою очередь, узналъ, что она съ мужемъ была въ Петербургѣ нынче весною.

— Двадцать-восемь, двадцать-девять, шестьдесятъ, — счи-

талъ Агодаевъ въ это время,—шестьдесятъ-одинъ, а это ваши... Мы, кажется, живемъ недурно, Гудинъ?—обратился онъ къ своему купцу, отмѣчая мѣломъ выигрышъ.

— Харчи тутъ хорошия,—согласился тотъ.

Агодаевъ захохоталъ:

— Поликсена Андреевна,—слышите? я говорю Гудину про карты, что хорошо живемъ мы, а онъ говорить, что у васъ харчи хорошия—развѣ не прелесть?..

И онъ, быстро стасовавъ колоду, сталъ сдавать новую игру.

Подслѣповатая Поликсена Андреевна глянула въ его сторону испуганно, точно ее бить оттуда собирались, и, сейчасъ же успокоившись, какъ только Агодаевъ умолкъ, снова пристала къ нѣмъ—бываю ли я въ оперѣ?..

— А я по части музыки больше всего духовенство люблю,—заявилъ исправникъ.

— Духовенство? какое духовенство? почему духовенство?—вдругъ поднявъ брови, но пріятно улыбаясь, сталъ спрашивать Рамызниковъ.

— Духовую-съ музыку, — трубачей!—пояснилъ исправникъ и недовольно нахмурился.

Черезъ нѣкоторое время, когда Ждутьева наладила-таки со мной разговоръ, Рамызниковъ наклонился къ Волнорѣзу и сталъ ему важно, убѣдительно, но тихо говорить что-то.

— Нѣтъ-съ, я, по размышленіи, рѣшилъ подождать,—громко отвѣтилъ исправникъ и опять вздохнулъ.

— Чего же ждать, Иванъ Адамычъ?

— Да вотъ утвержденія, и потомъ вообще... какъ-съ это будетъ...

Рамызниковъ опустилъ углы губъ и развелъ руками.

— Какъ угодно-съ. Я для васъ хотѣлъ это сдѣлать—вотъ по просьбѣ Авенира Исидорыча, а если вы сами пришли къ яному конечному результату, то какъ вамъ угодно... Только имѣйте въ виду, что пай послѣ утвержденія увеличится въ цѣнѣ въ полтора раза по крайней мѣрѣ...

Исправникъ ничего не отвѣтилъ, еще разъ вздохнулъ, сдѣлалъ попытку дернуться рукою къ карману, но раздумалъ и вынулъ свой серебряный портсигаръ.

Бывшій парикмахеръ Валеріанъ, въ сѣромъ пиджакѣ, черныхъ брюкахъ, красномъ галстухѣ и нитяныхъ перчаткахъ, показался въ дверяхъ и какъ-то скороговоркой произнесъ:

— Па-а-а-айте кушать!..

Въ столовой, куда всѣ перешли сейчасъ же подъ предводительствомъ хозяйки, оказалось новое лицо:

— Степушка, родственникъ мой,—мелькомъ знакомя его со мною, проговорилъ Авениръ Исидоровичъ, рассаживая насъ за столъ.

— Ну, такъ какъ же, Гудинъ, харчи хорошія?—хохоча, повторилъ Агодаевъ, оборачиваясь къ купцу и засовывая салфетку за воротникъ.

— Вотъ грибки, грибки я люблю...—пригибаясь къ хозяйкѣ, проговорилъ Рамызниковъ, и потянулъ тарелку съ маринованными грибами.

Закуска была накрыта не отдѣльно, а стояла тутъ же, на столѣ.

— Водочки?—слегка наклоняясь въ мою сторону, проговорилъ Ждутъевъ, и взялся за маленькій, совсѣмъ чуждый остальной посудѣ графинчикъ, въ которомъ плавали кусочки апельсиновой корки. Я отказался.

— Не желаете!—строго произнесъ Ждутъевъ и поставилъ графинъ на мѣсто.

— Селедочки?—вопросительно умильно обратилась ко мнѣ хозяйка, и показала на ничѣмъ не приправленную тощую селедку, сиротливо лежавшую на тарелкѣ...

Столовая была оклеена ярко-желтыми, глянцевыми подъ дерево обоями съ совсѣмъ не подходившею къ нимъ темною панелью, чтò порядочно рѣзало глазъ. По стѣнамъ, ничуть не украшая ихъ, на длинныхъ сукахъ торчали какія-то глупыя чучела птицъ, точно удивлялись, зачѣмъ ихъ примастили сюда на ярко-желтые обои? Одна изъ нихъ была удивительно похожа на самого хозяина. По срединѣ стола стояла жестяная корзинка съ кустомъ какого-то растенія.

— Лѣтомъ у насъ тутъ цвѣты стоятъ,—пояснила хозяйка, замѣтивъ, что я смотрю на растеніе...

Ждутъевъ сидѣлъ съ своимъ расчесаннымъ на двѣ стороны проборомъ и проводилъ рукою съ дѣланной граціей по длинной бородѣ, очень, повидимому, довольный и желтыми обоями, и птицами, и селедкой, и грибами и кустомъ въ жалкой корзинкѣ.

— Валеріанъ!—какъ-то гѣвуче позвалъ онъ своего парикмахера, и когда тотъ появился изъ-за дверей, приказалъ ему, хотя Рамызниковъ возился еще съ грибами:

— Подавай супъ и пирожки!..

„На правахъ хозяина“!—неволью мелькнуло у меня.

— А что же Гудинъ водки такъ и не пьетъ?—спросилъ,

ухмыляясь, Рамызниковъ, видимо, чтобы сдѣлать удовольствіе Агодаеву...

— Гудину водки нельзя, Гудинъ водки не пьетъ,—заговорилъ сейчасъ же Агодаевъ:—вы знаете, я далъ ему разъ сельтерской воды,—сталъ онъ рассказывать мнѣ, потому что вѣроятно остальнымъ анекдотъ былъ извѣстенъ:—онъ выпилъ бутылку и опьянѣлъ, да вѣдь такъ совсѣмъ запатался отъ одного эрфивсу... Гудинъ, хочешь сельтерской воды, а?

Старикъ поднялъ глаза на Агодаева и поглядѣлъ тусклымъ, ничего не выражавшимъ взглядомъ.

Хозяйка вдругъ забеспокоилась и начала, стараясь незамѣтно наклониться вбокъ (кустъ по срединѣ стола мѣшалъ ей), тревожно поглядывать на противоположный конецъ, гдѣ помѣстился родственникъ Степушка. Онъ своими, немного слишкомъ большими для мужского лица, выпуклыми глазами пристально смотрѣлъ на Агодаева. Губы его слегка дергались. Казалось, онъ расплатится сейчасъ...

Но въ это время Валеріанъ сталъ разносить супъ, мокая въ тарелки большой палецъ, и Агодаевъ оставилъ Гудина, а Степушка успокоился.

Закуски онъ не бралъ—никто и не передавалъ ему ея—и съѣлъ только весь хлѣбъ, положенный ему на тарелку. Успокоившись, онъ неловко сталъ подбирать пальцемъ крошки со скатерти. Вообще весь онъ былъ не то что какой-то неловкій, но все на немъ—и сѣрый пиджачокъ, и галстучекъ „эжоссѣ“, и отложные воротнички чистой, но плохо глаженной манишки—все казалось, точно не онъ самъ, а кто-то другой выбралъ ему это и увѣрилъ, что такъ будетъ хорошо; самъ же онъ не умѣлъ сказать, почему оно ему не годится, какъ слѣпой, которому покупаютъ и заказываютъ вещи другіе... И довольно коротко остриженные волосы—очевидный образчикъ париемахерскаго искусства Валеріана—тоже не шли къ нему. Только, вотъ, когда поглядѣлъ онъ на Агодаева, взглядъ этотъ былъ настоящей, его собственный и не показался страненъ. Ълъ онъ, не разбирая кушанья, до тѣхъ поръ, пока не насытился. Когда Валеріанъ подаль ему послѣдному послѣ супа ветчину съ горошкомъ, онъ сталъ накладывать себѣ кусокъ за кускомъ, такъ что Поликсена Андреевна, все время слѣдившая за нимъ, остановила его:

— Степушка, вѣдь другимъ не хватитъ, если пожелаютъ повторить,—проговорила она, и онъ, ничуть не смутившись, положилъ вилку на блюдо.

За обѣдомъ, по приказанію Ждутьева, Валентинъ приносилъ

стеклянную рюмку времени Анны Іоанновны—съ цвѣтной полоской внутри ножки, и мы всё эту рюмку разглядывали. Говорилъ больше другихъ Рамызниковъ. Онъ даже сказалъ нѣчто въ родѣ спича и упомянулъ о дѣлѣ, собравшемъ ихъ вмѣстѣ. — Деньги,—сказалъ онъ,—представлены тутъ Москвою, т.-е. почтеннѣйшимъ Лаврентіемъ Борисовичемъ; знаніе и рабочая сила—уважаемымъ Авениромъ Исидоровичемъ, а администрація и вообще (онъ провелъ рукою по воздуху и показалъ на себя)—Петербургомъ!..

Исправникъ поглядѣлъ нѣсколько разъ въ окошко и выразилъ опасеніе, какъ бы не разгулялась погода. Надвигалась туча, и вѣтеръ что-то усилился.

Когда кончился обѣдъ и собирались уже вставать, Гудинъ, задремавшій на своемъ мѣстѣ, вдругъ вскинулъ голову и сказалъ Агодаеву:

— Вы, Лаврентій Борисычъ, заплатите пока коли что за обѣдъ по счету...

IV.

Кофе послѣ обѣда подали въ гостиную. Я подошелъ съ чашкою въ рукахъ къ окну. Снѣгъ теперь былъ покрытъ пепельно-лиловою дымкою и не свѣтился алмазами. Солнце склонилось, и густая туча заслонила его. Воздухъ быстро темнѣлъ. Въ немъ уже кружились снѣжинки, пока, правда, еще весело и миролюбиво. Издали доносился слабый гулъ вѣтра. Окно выходило на деревянный балконъ, какіе бываютъ на дачахъ, и странно было видѣть досчатый его перила занесенными снѣгомъ. Передъ балкономъ стояли деревья—единственная, кажется, старина въ Бударевѣ, кромѣ рюмки съ цвѣтной полоской въ ножкѣ. У деревьевъ верхушки были низко срублены, такъ что они похожи были скорѣе на высокіе пни съ вѣтками. На подоконникѣ, въ видѣ предмета роскоши, стояла широкая ваза изъ мелкихъ сѣрыхъ раковинъ. Кой-гдѣ онѣ обвалились, и былъ виденъ картонъ съ засохшимъ на немъ клеємъ. На столѣ у окна въ тщательномъ порядкѣ стояли коробки, напоминавшія мнѣ дѣтство. Тутъ былъ „Гусекъ“, „Аюнъ, или Стража королевы“, „Колоколь и Молотокъ“...

— Еще играть заставятъ!—неволью подумалъ я, и поглядѣлъ на стоявшіе на зеркалѣ въ простѣннѣ часы, наклонившіе къ нимъ, чтобы узнать, не стоятъ ли они.

— Часики изволите разсматривать?—подошелъ ко мнѣ Аве-

чирь Исидоровичъ.—Я-съ ихъ перехватилъ за семьдесятъ рублей въ городѣ, по случаю. Нарочнаго ко мнѣ прислали, давали сейчасъ же полтораста. Ну да ужъ что съ возу упало—то пропало...

Часы были плохенькой бронзы, съ привинченной кривоногой нимфой въ раковинѣ, какіе попадаются въ дешевыхъ гостиницахъ.

— А вотъ эти я въ приданое за женой взялъ—ну, они, конечно, полегче...

Онъ провелъ меня въ другому зеркалу, гдѣ стояли другіе часы, съ темно-бронзовой лошадкой, тоже плохенькіе, но все-таки лучше кривоногой нимфы.

— Вотъ, если вы знатокъ,—продолжалъ Авениръ Исидоровичъ,—посмотрите картинки...

И онъ сталъ показывать мнѣ висѣвшія у него на стѣнахъ четыре длинныя картины, совсѣмъ черныя и, судя по размѣрамъ, служившія когда-то створками ширмъ. На нихъ среди безконечно высочихъ деревьевъ съ курчавою зеленью прыгали кабаны въ видѣ крысъ съ очень длиннорылыми собаками.

— Вотъ-съ,—объяснилъ Авениръ Исидоровичъ, зажигая свѣчу и поднимая ее къ стѣнѣ, потому-что сумерки замѣтно сгустились:—отдалъ я въ городъ живописцу *ресторнировать* эти картины, а онъ взялъ да и пририсовалъ рты всѣмъ животнымъ.

У кабановъ и собакъ дѣйствительно оказались неестественно разинутые, ярко-красные рты съ цѣлымъ частоколомъ такихъ длинныхъ зубовъ, что челюсти у нихъ никакъ сойтись не могли бы...

Авениръ Исидоровичъ имѣлъ, однако, видъ, по которому трудно было судить, доволенъ онъ этимъ художествомъ или нѣтъ...

— А отчего у васъ передъ окнами у деревьевъ верхушки срублены?—полюбопытствовалъ я...

— Видъ изъ верхняго этажа заграждали онѣ, такъ срубить ихъ пришлось ради пейзажа. Разрастались слишкомъ сильно...

Рамызниковъ, про котораго ходили слухи, что до своей дѣятельности по откупамъ былъ онъ учителемъ музыки, сѣлъ за фортепіано и, смѣло ударивъ по клавишамъ, быстро забѣгалъ по нимъ пальцами.

Получилась довольно пріятная музыка, главное по тому, что чувствовалась очень ужъ большая увѣренность въ самомъ играющемъ.

Должно быть, эта музыка въ соединеніи съ усилившимся завываніемъ вѣтра на дворѣ, гдѣ вмѣсто снѣжинокъ крутилось уже цѣлое облако метели, привела Агодаева въ подбодренное состояніе. Онъ не выказалъ желанія продолжать игру въ пикетъ

и, засунувъ руки въ карманы, ходилъ вдоль гостиной, выдвигая ноги одну за другою, скользя носкомъ и нагибаясь въ сторону выдвинутой ноги всѣмъ туловищемъ.

Исправникъ подсѣлъ къ подносу съ кофеемъ, гдѣ стояла бутылка съ коньякомъ.

Въ комнатѣ почти совсѣмъ стемнѣло.

Поливсена Андреевна юркнула въ дверь, и сейчасъ же вслѣдъ за этимъ явился Валентинъ и зажегъ сѣрной спичкой лампу на столѣ у дивана и на стѣнѣ надъ роялемъ.

Агодаевъ, все продолжая скользить, приблизился ко мнѣ и вдругъ проговорилъ шопотомъ:

— Хотите, весело сейчасъ будетъ, хотите?—и, не дожидаясь отвѣта, подмигнулъ и направился къ Ждутьеву.

— Авениръ Исидоровичъ, можно вѣдь, а?—спросилъ онъ его.

— Отчего же, пожалуйста!—пожалъ тотъ плечами.

Агодаевъ, крадучись, направился въ уголь, къ печкѣ, гдѣ (я только-что замѣтилъ это) сидѣлъ Степушка.

Рамызниковъ продолжалъ бойко разыгрывать шумную импровизацію. Онъ встряхивалъ энергично головою и часто перекидывалъ руки крестъ на крестъ...

Ждутьева вернулась въ гостиную съ мотками шерсти и сверткомъ канвы и, внимательно прищурившись въ тотъ уголь, гдѣ Агодаевъ, размахивая рукою, говорилъ со Степушкой, недовольно сдвинула брови, но сейчасъ же расправила ихъ.

Она стала устроиваться съ своею работою у лампы, и мужъ пододвинулъ ей подъ ноги скамеечку.

— Ну, а чтѣ же драма?—вдругъ переставая играть и откидываясь на спинку стула, проговорилъ Рамызниковъ:—вѣдь monsieur Степушка обѣщаль рассказать намъ свою драму...

Онъ произнесъ это французское „monsieur“ очень плохо, но съ не меньшей увѣренностью, чѣмъ игралъ...

— А вотъ мы только-что говоримъ о ней, — отвѣтилъ съ другого конца комнаты Агодаевъ: — видите, — обернулся онъ къ Степушкѣ, — вашей драмой интересуются...

Рамызниковъ всталъ отъ рояля и подошелъ къ столу, снисходительно улыбаясь, какъ улыбался, должно быть, графъ Щуровскій, когда находился среди подчиненныхъ.

— А какая разница между драмой и мелодрамой?..—спросилъ онъ, опустившись въ кресло и выше обыкновеннаго поднявъ брови.

— Драма—это когда актеры комедію на театрѣ... того... —на-

чаль-было Гудинъ, все время молча сидѣвшій у стола до сихъ поръ...

— Когда чувства въ драмѣ, такъ сказать, доходятъ до сильнѣйшаго выраженія, то это уже мелодрама,—пояснилъ Рамызниковъ тихимъ голосомъ, какъ человекъ, привыкшій, что его слушаютъ въ молчаніи...

Гудинъ искоса и нѣсколько робко поглядѣлъ на него, провѣлъ концами пальцевъ по лбу и побарабанилъ ими потомъ по столу.

Авениръ Исидоровичъ подсѣлъ къ исправнику, налилъ ему еще коньяку въ рюмку и началъ что-то рассказывать вполголоса, показывая на бутылку и на ея этикетъ...

V.

— Ну, что же, Степушка, мы ждемъ?—предательски сочувственнымъ голосомъ произнесъ Агодаевъ, и опять подмигнулъ мнѣ...

— Да что же? — она у меня не сложилась еще совсѣмъ, лучше въ другой разъ какъ-нибудь,—отвѣтилъ Степушка не тихо, не громко, но точно разсуждалъ самъ съ собою...

— Ну, все равно, разскажите, что у васъ есть,—настаивалъ Агодаевъ,—ну, первое дѣйствіе съ чего у васъ начинается, первое дѣйствіе....

— Съ эпиграфа.

— Какъ съ эпиграфа?

— Такъ. На сценѣ у меня маскарадъ... общественный какой-нибудь... Ну, хоть въ дворянскомъ собраніи въ Петербургѣ... Толпа костюмированныхъ. Выдѣляются двое. Одинъ одѣтъ Фаустомъ, другой—Мефистофелемъ. Тотъ и говоритъ: „Мнѣ скучно, бѣсъ“, изъ Пушкина— а Мефистофель отвѣчаетъ:— „Что дѣлать, Фаустъ, — таковъ вамъ положѣнъ предѣлъ“... и такъ далѣе, нѣсколько стиховъ...

— Позвольте,—перебилъ Рамызниковъ,—такого приѣма, насколько я знаю, не употребляется въ драматургіи... Такъ ни одна пьеса не начинается...

— Ну, а у насъ она начнется, — мигая и якобы стараясь сдерживать уже готовый смѣхъ, остановилъ его Агодаевъ:—ничего, Степушка, — продолжайте...

— Да это, впрочемъ, не важно,—махнулъ рукою Степушка:—это такъ только—ну, вотъ видите ли, Фаустомъ одѣтъ молодой человекъ такъ себѣ — полная ничтожность — богатый, безъ

отца и матери... Онъ мнѣ нуженъ, потому что его обдѣлываютъ кругомъ... Мефистофелемъ одѣтъ Бѣльскій. Вотъ этотъ очень труденъ для изображенія, какъ надо... Онъ долженъ быть и уменъ, и остроуменъ, и мѣшать...

— Въ печкѣ или въ каминѣ? — спросилъ Агодаевъ, вертя щипцами изъ каминнаго прибора, стоявшаго тутъ у печки.

— Правдѣ мѣшать, всякой правдѣ,—продолжалъ Степушка, отмахнувшись, точно отъ мухи:—онъ олицетвореніе ума человѣческаго, понимаете—не мысли, не разума, а того узкаго практическаго ума... Какъ это связать... Словомъ, теперешніе люди, да не всѣ теперешніе, а такъ называемое общество наше, нашли бы его разсудительнымъ... Затѣмъ приходятъ и выясняются остальные лица... Тутъ адвокатъ, финансистъ, репортеры, чиновникъ...

Агодаевъ, какъ будто взявъ уже подрядъ на „показываніе“ Степушки, снова перебилъ онъ:

— Погодите, Степушка, какъ же это приходятъ „и выясняются“?..

Степушка опять махнулъ рукою.

— Ну, все равно, это ужъ зависитъ отъ таланта, какъ сдѣлать. Офицеръ тоже приходитъ.

— И выясняется,—подсказалъ Агодаевъ.

— Да. Онъ ухаживаетъ за одной барышней. Адвокатъ съ этой же барышней въ близкихъ отношеніяхъ. Онъ указываетъ на ея мужа, когда финансистъ спрашиваетъ, нѣтъ ли у него кого-нибудь для подставнаго лица въ одномъ дѣлѣ. Наконецъ, сцена пустѣетъ. За колоннами въ залѣ танцы начинаются. Толпа уходитъ туда. Въ это время между колоннъ является человѣкъ. Я такъ вотъ и вижу этотъ выходъ. Онъ долженъ быть блѣденъ... или нѣтъ, не блѣденъ... а впрочемъ — не знаю... Только сразу должно быть ясно, что тяжело ему... Ужасно тяжело...

— Словомъ, Фатиница! — заявилъ неожиданно исправникъ, примѣриваясь отпить изъ рюмки, которую не успѣлъ еще донести до рта...

— Какая Фатиница?—удивился Степушка.

— А вотъ про которую поютъ:—„о, Фатиница, Фатиница, сколько ты перестрадала!“! — пропѣлъ Волнорѣвъ и, какъ бы вдругъ рѣшившись, опрокинулъ всю рюмку въ ротъ.

Сидѣвшій рядомъ съ нимъ Ждутъевъ ухмыльнулся и положилъ ногу на ногу.

Рамытниковъ вскрикнулъ, а Агодаевъ захохоталъ такъ, что Гудинъ вздрогнулъ и произнесъ:

— О, ваше превосходительство!..

— Его зовутъ Метузалемовъ, — сказалъ Степушка, обращаясь ко мнѣ.

— Какъ? — переспросилъ Рамызниковъ и поднялъ брови.

Степушка повторилъ.

— Метузалемовъ, почему Метузалемовъ? — словно обидѣлся Рамызниковъ...

— Ну, все равно, пусть такъ называется, — снова остановилъ его Агодаевъ, все еще хохоча, — ну, хорошо, такъ выходитъ чело-вѣкъ... — обратился онъ къ Степушкѣ.

— Потомъ появляется маска. Онъ пришелъ потому, что она позвала его сюда. Тутъ она, какъ бы это сказать, вдохновляетъ его... И знаете, чтѣ онъ дѣлаетъ? Онъ тутъ же, сейчасъ, въ мас-карадѣ хочетъ сказать имъ всѣмъ, что жить такъ, какъ они жи-вуть, нельзя, что худо такъ жить... И онъ говоритъ... Становится у колонны и говоритъ... А тутъ скандалъ... Бѣгутъ распорядители, спрашиваютъ: „гдѣ скандалъ“? Составляютъ протоколъ. Выскаки-ваютъ репортеры. Пикантно это для нихъ. Маски спѣшаютъ — гдѣ пьяный? — увели его! — „ахъ, какъ жаль, что мы опоздали“!.. На этожъ занавѣсь, это первое дѣйствіе...

— Хорошее дѣйствіе, — одобрилъ Агодаевъ. — Гудинъ, оно тебѣ нравится?

— Мнѣ Степушка нравится, — отвѣтилъ Гудинъ, не подни-мая глазъ.

Поликсена Андреевна поправила на диванѣ, выбрала но-вую шерстинку, продѣла ее въ иголку, низко наклонившись подъ абажуромъ лампы, посмотрѣла на Степушку и снова начала шить, быстро и высоко махая рукою надъ канвой...

Степушка глянулъ на нее, точно подождать, не остановить ли она его, и снова заговорилъ:

— Второй актъ — на квартирѣ Метузалемова на другой день утромъ. Жена его, ну, хоть Вѣра Ивановна, бранится съ гор-ничной. Та золоченый стулъ вытерла грязной тряпкой. Обста-новка довольно богатая. Приѣзжаетъ Бѣльскій. Онъ рассказы-ваетъ, что Метузалемовъ, пьяный, вчера буянилъ въ маскарадѣ, и удивляется вообще, какъ Вѣра Ивановна могла выйти за него замужъ. А чтѣ дѣлать? У нея еще пять сестеръ — не сидѣтъ же ей было въ вѣвовушахъ. И потомъ онѣ думали, что онъ богатъ. Посмотрите обстановку — это ему отъ матери перешло. Онъ одинъ сынъ. Отецъ его занималъ такое мѣсто, что не могъ умереть ни съ чѣмъ, а ничего не оставилъ — вотъ и выходитъ хваленая чест-ность!.. Были бы деньги — никто бы не посмѣлъ кольнуть въ глаза, а за глаза все равно и теперь, при всей честности имени ругаютъ...

— Это разсужденіе не лишено правдоподобія!—вдругъ, какъ серьезный человѣкъ къ серьезному человѣку, оставляя шутки въ сторону, обратился Рамызниковъ къ Авениру Исидоровичу.

— Ну, Степушка, Степушка, повеселѣй, повеселѣй... продолжайте!—сказалъ Агодаевъ, сдерживая зѣвокъ...

Степушка оглянулся на него.

— Приѣзжаетъ адвокатъ, предлагаетъ разныя комбинаціи Метузалемову. Сомнительныя дѣла, но сразу хорошія деньги зато. Тотъ ото всего отказывается. Говорить, что будетъ бороться съ ними. Вѣра Ивановна спрашиваетъ, можетъ ли женщина взяться за эти дѣла. Можетъ. Она на все готова для своего сына. И вездѣ на первомъ планѣ деньги, деньги и деньги...

— Какъ вообще въ жизни,—сказалъ Рамызниковъ.

— Вотъ именно,—подхватилъ Степушка,—и вѣдь ими можно принудить другихъ людей все что угодно сдѣлать... а пріятно это? Ну, вотъ, Вѣра Ивановна и хочетъ имѣть больше денегъ. Она ловка, умна. Въ третьемъ актѣ у нея вечеръ. Для всѣхъ нужныхъ людей вечеръ. На сценѣ кабинетъ Метузалемова. Полная темнота. Одна только лампа подъ такимъ абажуромъ (Степушка приподнялъ руки и развелъ ихъ) на письменномъ столѣ. Въ среднія двери, когда отворяютъ ихъ, видна гостиная. Тамъ свѣтло, ярко. Оттуда входитъ Бѣльскій. Онъ спрашиваетъ, выйдетъ ли тотъ къ гостямъ? Нѣтъ, ни за что. Бѣльскій уходитъ, двери отворяются снова, но за ними темно, изъ темноты возвращается Бѣльскій, садится... Дразнить онъ тутъ, почти издѣвается надъ слабостью и безсиліемъ... Въ этой сценѣ—вся драма... Что дѣлать?—Жить нельзя... эта жизнь—ложь... Жить ею нельзя, если созналъ ложь... А сдѣлать что-нибудь—силъ нѣтъ, возможности... Вѣдь былъ же Савонарола, вѣдь увлекъ же людей и послушались его...

— Въ последнемъ актѣ—идиллія, полная идиллія—въ гостиной Вѣры Ивановны пьютъ послѣобѣденный кофе. Тутъ всѣ: адвокатъ, Бѣльскій, финансистъ, офицеръ... Офицеръ такой, которые вдругъ отвѣчаютъ однимъ словомъ: „вдребезги“... Всѣ очень благодущны, отлично настроены, и хвалятъ, и превозносятъ Вѣру Ивановну. Она—удивительная женщина. Она съ непостижимымъ умомъ ведетъ свои дѣла. Она воспитываетъ сына и содержитъ сумасшедшаго мужа въ больницѣ...

— Палата въ больницѣ. На койкѣ сидитъ Метузалемовъ... Являются сторожа, видятъ, что больной разбушевался... вяжутъ его... „Вяжите, вяжите!“—кричитъ онъ...

• Степушка замолчалъ и опустил на стулъ.

Агодаевъ, скрестивъ на груди руки и склонивъ голову, спалъ,

или притворился, что спит... Вѣтеръ гудѣлъ за окнами и въ трубахъ. Поликсена Андреевна низко притнулась къ своему шитью, и что-то долго расправляла его, переставъ вышивать... Рамызниковъ поднялъ брови и поджалъ губы, какъ бы обдумывая—долженъ онъ выразить что-нибудь? Исправникъ прищурилъ лѣвый глазъ. Авениръ Исидоровичъ сидѣлъ съ яснымъ лицомъ, положивъ ногу на ногу, и курилъ папиросу.

— Это все, такъ сказать, въ конечномъ результатѣ—эмпирей!.. — проговорилъ Рамызниковъ, рѣшивъ, должно быть, что слово его необходимо...

— Степушка, вы кончили?..—какъ бы просыпаясь, спросилъ Агодаевъ, и даже вздрогнулъ.—Это вы, милый мой, какъ я вижу, уклонились отъ правильнаго пути мышленія... Вы меня простите, но, резюмируя все сказанное, я вижу, что ваша эта самая драма—чепуха...

Онъ говорилъ въ нѣсколько повышенномъ тонѣ, какъ человѣкъ, который во что бы то ни стало хочетъ разыграть до конца взятую на себя роль. По этому тону его ясно стало, что онъ притворился, что спалъ.

Степушка опустилъ руки и тихо повернулся къ нему:

— Неужели для васъ это чепуха?

— Я думаю, не для меня одного, — возразилъ Агодаевъ:— вотъ и для Григорія Порфирыча то же... Степушка! — вдругъ, всплеснувъ руками, воскликнулъ онъ:—неужели я васъ оставляю неисправленнымъ? Мы уѣдемъ послѣ-завтра, а вы такъ и не воспользуетесь моими совѣтами. Вѣдь вы погибнете, Степушка... Или наши бесѣды, которыя мы вели здѣсь по вечерамъ, останутся втунѣ...

— Да какія же бесѣды?—сказалъ Степушка:—вѣдь вы смѣялись надо мной постоянно...

— Степушка!—опять всплеснулъ руками Агодаевъ:—да какъ вамъ не стыдно предполагать это! Я спасти васъ стремился, спасти, движимый человѣколюбіемъ, которымъ вы заражены сами. Я спасти желаю васъ!..

Агодаевъ всталъ, вынулъ папироску, постучалъ ею о портсигаръ, закурилъ о лампу и, сдѣлавъ въ сторону Степушки видъ, что и, дескать, хотѣлъ пошутить съ тобою, доставить тебѣ удовольствіе, а теперь пеняй на себя, подошелъ къ Ждутьеву и предложилъ докончить пикетъ, сказавъ:

— До чаю еще успѣемъ!..

VI.

Лошадей, очевидно благодаря снѣжной бурѣ, тетушка за мной не прислала. Послѣ чая мы вмѣстѣ съ исправникомъ, оставшимся тоже ночевать, были водворены въ такъ-называемую библиотечку—комнату, уставленную разнокалиберными шкафами, одностворчатыми, со стекломъ, какіе покупаютъ дѣтямъ, для ихъ книгъ и игрушекъ. Библиотека была похожа поэтому на шкафную лавку на рынкѣ. На подоконникахъ были разложены рубанки и стамески, а на стѣнѣ висѣли довольно игривыя гравюры...

Была принесена сюда съладная кровать. Другую постель постлали на диванѣ.

— Прошу! — проговорилъ Волнорѣзъ, и показалъ мнѣ на кровать, а самъ направился къ дивану.

Онъ вѣрно зналъ уже по опыту эту кровать.

Какъ только легъ я на нее, она запаталась и затѣмъ никакъ не могла уже придти въ спокойное положеніе. Малѣйшее движеніе усиливало качку. Ноги торчали наружу, а голова упиралась въ какую-то желѣзку. О томъ, чтобы повернуться—нечего было и думать. Крушеніе казалось неминуемымъ.

Волнорѣзъ улегся не скоро. Снявъ скюртугъ, онъ вынулъ изъ кармана бумажникъ и толстый пакетъ и сталъ ихъ, сильно сопя, засовывать подъ подушку. Потомъ онъ принялся молиться, и долго кланялась его широкая спина въ голубыхъ муаръ-антиконовыхъ помочахъ съ пузырившейся между ними рубашкой и болтавшимися ленточками галстука на затылкѣ... Потомъ онъ началъ стаскивать сапоги, дребезжа колечками шпоръ, и кое-какъ стащилъ съ себя брюки...

Наконецъ кончилъ онъ свою возню, закричѣлъ, улегся, вытянулся и, словно желая отдохнуть послѣ тяжелой работы, закинулъ руки за голову. На груди у него висѣлъ образъ немного меньше его бумажника.

— Не ладно то, — протянулъ онъ, глядя въ потолокъ и, очевидно, увѣренный, что я на своемъ ложѣ не могъ заснуть такъ скоро:—что онъ позволяетъ издѣвки надъ братомъ своимъ...

— Надъ какимъ братомъ?—спросилъ я.

— Вѣдь Степушка-то братъ Ждутьеву будетъ. Отъ разныхъ матерей, правда, но все-таки братъ...

— Вотъ оно что! — а онъ мнѣ сказалъ: просто родственникъ...

— Это онъ всѣмъ говорить, стыдится, что тотъ въ эмпирахъ

витаеть, какъ вашъ петербургскій генералъ выражается. Онъ, правда, сегодня не такъ, а иногда очень смѣшно выходило, какъ его господинъ Агодаевъ раздражать и онъ на стѣну лѣзеть. Сегодня не то совсѣмъ было. Но все-таки не ладно, что онъ за брата не заступится...

— Да вѣдь тотъ, кажется, не далъ и самъ себя въ обиду...

— Думаю это такъ себѣ, случайно, сегодня.—Господь, что называется, умудряеть слѣпцы,—проговорилъ Волнорѣвъ и, помолчавъ, прибавилъ:—а скажите, пожалуйста, Савонарола, вѣдь это опера такая есть?

— Не помню. Можетъ быть.

— Должно, что есть. Вѣдь онъ монахомъ былъ?

— Савонарола—да, въ Италиі.

— Ну, и что-жь?

— Проповѣдовалъ противъ роскоши. Богатства сносили, онъ жегъ ихъ на площади...

— Нынче у насъ насчетъ этого чисто,—замѣтилъ исправникъ.

— Т.-е., какъ чисто?

— А я-то на что!.. Степушка тоже началъ-было...

— Проповѣдовать?

— А Богъ его знаетъ. Братъ послалъ его въ поле за работами присмотрѣть, поѣхалъ провѣрить, а тотъ собралъ мужиковъ въ кружокъ и „Гамлета“ имъ, принца датскаго, наизусть читаетъ, или что-то въ этомъ родѣ. Ну, тѣ, извѣстно, лишь бы лодырничать. Рады не работать-то.

— Ну, что-жь, если „Гамлета“, то это ничего...

— Да кто его тамъ знаетъ, какого „Гамлета“. И потомъ, на что мужику знать, какъ принцы разсуждаютъ?..

— А давно этотъ Степушка здѣсь?..

— Нынче съ весны. Поликсена Андреевна привезли его. Онъ только ее и слушаетъ. Говорятъ, въ Петербургѣ совсѣмъ завертѣлся, бѣдняга... Если она его не исправитъ—ужъ никто ничего не подѣлаетъ... Мужа-то какъ она перевернула!..

— А что?

— Да до нея другой онъ человекъ былъ. Имѣнье запущено—никуда не годилось... Денежки ея тоже встати пришлось. Съ ста тысячами можно имѣнье поправить... Только растрясеть онъ ихъ по глупости...

Волнорѣвъ повернулся на бокъ, запустилъ руку подъ подушку, пошарилъ тамъ, ощущалъ и зѣвнулъ...

— Однако, пожалуй, и спать пора, — можно свѣчу тушить? — спросилъ онъ.

VII.

На другой день, когда я проснулся въ девятомъ часу, — исправникъ уѣхалъ уже, чѣмъ свѣтъ, и диванъ его оказался пустымъ.

Въ домѣ спали еще. Только Авениръ Исидоровичъ въ столовой кушалъ чай и недожаренную говядину, которую онъ называлъ „кровоавымъ ростбѣфомъ“, предложивъ мнѣ отвѣдать.

— Валентинъ! — ваяъ вчера, пропѣлъ онъ, и отдалъ затѣмъ суровое приказаніе: — Принеси гостю чая!...

— Ну-съ, — сказалъ онъ, наѣвшись до сыта говядины, и показалъ пальцемъ наверхъ: — тамъ еще встануть не скоро, такъ придется мнѣ занять ваше утро. Угодно прогуляться со мною?..

Волей-неволей я былъ въ его власти.

Въ передней надѣлъ онъ валенки, короткій кафтанъ на мѣху, круглую войлочную шапочку и ружье за спину.

— Затѣмъ же ружье? — удивился я.

— А на всякій случай, можетъ, попадетъ что — убить можно...

Мы вышли на крыльцо. Утро послѣ метели было хмурое. Небо заволоклось сѣрымъ покровомъ, низко спускавшимся къ землѣ. Даль туманилась безъ тѣней и свѣта.

Дорожка отъ крыльца была расчищена. Авениръ Исидоровичъ повелъ меня по хозяйственнымъ постройкамъ.

Молодой, съ хитрыми карими глазками, приказчикъ, въ новомъ тулупчикѣ и съ палочкой, очевидно, дожидался и, увидѣвъ насъ, поспѣшилъ на встрѣчу.

Авениръ Исидоровичъ оглянулся на домъ и сдѣлалъ затѣмъ крутой поворотъ къ приказчику:

— Отчего свѣгу съ крыши не сметають?

— Да, Авениръ Сидоричъ, — замылся тотъ: — крыша крута...

— Крыша крута, а свѣгу цѣлый сугробъ!.. Я привазывалъ вчера...

Приказчикъ переступилъ съ ноги на ногу и повертѣлъ палочкой въ свѣгу...

— Идти опасаются — рабочіе, которые... Говорятъ, соскользнуть боятся...

— А деньги получаютъ не опасаются, — вдругъ взвизгнувъ Авениръ Исидоровичъ, и замахалъ руками, — не опасаются...

Имъ бы даромъ хлѣбъ ѣсть... А вы съ народомъ управиться не умѣете...

— Крыша крута, Авениръ Сидорычъ...

— Что-жъ мнѣ ее, передѣлывать, что-ли?—крикнулъ Ждутьевъ, и, вспомнивъ вѣрно обо мнѣ, замолчалъ, недовольно глянулъ въ мою сторону и пошелъ дальше...

— Молотилка работаетъ?—спросилъ онъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ.

— Работаетъ, Авениръ Сидорычъ.

— У меня тутъ при чистѣ работникъ съ крыши свалился— и до смерти—такъ вотъ боятся идти... — сталъ объяснять мнѣ Авениръ Исидоровичъ.

На гумнѣ стучала молотилка, выкидывая вороха мятой, включенной соломы, которая вздымалась, словно мыльная пѣна.

Старикъ рабочій подлаживалъ, разравнивая. Нѣсколько бабъ подавало ему.

— Самъ дѣлалъ—по чертежу!—сказалъ мнѣ Ждутьевъ, показывая на молотилку. — Хорошо работаетъ? — спросилъ онъ у старика.

— Хорошо, Авениръ Сидорычъ!..

У выхода изъ гумна по обѣ стороны лежали двѣ кучи соломы—одна изъ-подъ цѣповъ, другая—отъ молотилки.

Я нагнулся и за спилою Ждутьева взялъ одинъ колосъ, растеръ его на ладони—она оказалась полна зеренъ.

Машина Ждутьева не вымолачивала и трети.

— Ну-съ, теперь мы поѣдемъ въ лѣсъ, — ласково предложилъ онъ, приведенный видимо самодѣльной молотилкой въ наилучшее расположеиіе духа.—Милости прошу!..

— А куда вы дѣваете солому?—спросилъ я, усаживаясь въ большія мужицкія розвальни, которыя подали намъ.

— Мы солому продаемъ вѣрстьянамъ на пуды, — отвѣтилъ Ждутьевъ.

— Всю по одинаковой цѣнѣ?

— А то какъ же?

Я невольно взглянулъ на приказчика.

Приказчикъ съ невиннымъ видомъ, отвернувшись слегка въ сторону, вертѣлъ палочкой.

— Такъ прикажете снѣгъ сметать съ крыши, Авениръ Сидорычъ?—проговорилъ онъ дѣловито и вскинулъ головой, снимая шапку на прощанье.

— Да, да,—вѣд я приказалъ...—сказалъ Авениръ Исидоровичъ, перебравъ возжи, и ударивъ ими лошади...

Розвальни тронулись.

Въ лѣсу мы видѣли молодой осинникъ, березовую рощицу, сосновыя деревья, и Ждутьевъ долго мнѣ рассказывалъ по какому хитрому плану онъ рубить лѣсъ и какъ это хорошо.

Порубокъ у него нигдѣ не было.

— У меня не вырубить!—значительно протянулъ онъ и добавилъ:—мнѣ нельзя не беречь лѣсу—вы знаете, сколько у меня дровъ выходить?

— Ну?

— Двѣ сажени въ день...

Онъ вовсе не смѣялся надо мной. Я это видѣлъ.

Въ одномъ мѣстѣ онъ остановилъ лошадь, просилъ подержать возжи, вылѣзъ изъ саней, прошелъ въ своихъ валенкахъ шаговъ десять въ сторону по снѣгу, вѣроятно представляя себѣ, что углубляется въ лѣсъ, остановился и началъ какъ-то особенно улюлюкать и прислушиваться...

Никто не отвѣчалъ ему.

— Нѣтъ, вѣрно онъ въ другомъ мѣстѣ, не слышитъ,—качая головой и ёжась, заговорилъ онъ, вернувшись...

Это онъ хотѣлъ переключиться по-лѣсничьи со сторожемъ, но оно у него не вышло...

— Вы не знаете,—таинственно сталъ спрашивать онъ меня по дорогѣ домой,—гдѣ въ Петербургѣ можно купить кольчугу?

— Какую?

— Чтобы подъ платьемъ носить. Здѣсь, знаете, народъ звѣрь,—того и гляди, ножомъ пырнетъ!..

Я сказалъ, что такого товара не покупалъ никогда, и не знаю, гдѣ продаютъ такія кольчуги...

VIII.

— А я ждалъ васъ, — встрѣтилъ меня Степушка, когда я вошелъ въ библиотечку:—я навѣрное знаю, что вы зайдете сюда...

Онъ стоялъ спиною къ окну, опершись о подоконникъ, и внимательно разсматривалъ рубанокъ, который держалъ въ рукахъ.

— Отчего же вы знали навѣрное, что я зайду?—улыбнулся я.

— Да ужъ всегда человекъ, разъ выйдя, зайдетъ въ комнату, гдѣ ночевалъ...—онъ ниже нагнулся надъ рубанкомъ.—Я хотѣлъ васъ спросить,—Степушка вдругъ поднялъ голову, глянулъ на меня и положилъ рубанокъ на мѣсто:—вѣдь я не оказался смѣшнымъ вчера?

— Нѣтъ, нисколько!..

Это былъ не вчерашній, совсѣмъ другой Степушка.

Холщевая блуза, которая была теперь на немъ, гораздо больше шла къ нему, чѣмъ галстучекъ „экоссе“. Лицо казалось блѣднѣе, глаза горѣли, точно ночь не спалъ онъ, губы были красны.

— Я видѣлъ, что вы не смѣялись вчера,—заговорилъ онъ,—потому и ждалъ васъ. Агодаевъ издѣвается надо мной. Я это знаю. И надъ Гудинымъ онъ издѣвается. А все-таки я разговариваю съ нимъ. Вы, можетъ быть, думаете, что мнѣ это-то и пріятно, что онъ издѣвается—эта самая обида униженія пріятна? Издѣвайся, дескать, добивай... Ошибаетесь!..

— Я вовсе этого не думаю, — началъ-было я, и сѣлъ на диванъ.

— Все равно, можете думать,—только это неправда. Видите, каждый разъ до сихъ поръ кончалось тѣмъ, что онъ выпучивалъ меня, а я хотѣлъ добиться, чтобы захватить хоть немножко его самого...

— Ну, что-жъ, вчера захватили?..

— Не знаю, можетъ быть. А вотъ васъ не захватилъ, — вдругъ добавилъ Степушка.

— Я съ большимъ вниманіемъ слушалъ вчера...

— Вниманіе—это не то. Вы способны глубже заволноваться...

— То-есть, какъ это—глубже?

— А вотъ, напримѣръ, вѣдь вы сознаете, что всѣ люди—братья, т.-е. должны быть братьями?..

— Ну, хорошо, сознаю.

— Такъ можно вамъ представить по этому нѣкоторый образъ?

— Пожалуйста.

— Жаль, Агодаева нѣтъ,—онъ непремѣнно съострилъ бы, что мой образъ будетъ „безобразіе“... это каламбуръ въ его духѣ. У васъ есть сестра?—неожиданно спросилъ онъ меня.

— Есть.

— Ну, представьте себѣ, только добросовѣстно, во всей реальности, что сестрица ваша, набѣленная и нарумяненная...

Я невольно двинулся на диванъ.

— Набѣленная и нарумяненная,—повторилъ Степушка,—въ этой шляпкѣ соломенной, осенью, поздней осенью, въ дождь и слякоть, подобравши юбочку, по Невскому... и этакъ кавалеры... Вотъ,—вдругъ протянулъ онъ ко мнѣ руку,—вотъ, отъ одного только образа ужъ взволновались — какъ я смѣлъ!.. Ну, а будъ

это на самомъ дѣлѣ, вѣдь вы бы ни одной ночи спокойно не проспали!.. Такъ что-жъ вы спокойно спите теперь, если считаете всѣхъ людей братьями?.. Вы, можетъ, думаете, что невозможно волноваться изъ-за нихъ?—Возможно, очень возможно. Еслибы вы только видѣли, что тутъ у меня дѣлается,—онъ показалъ себѣ на грудь.—Какъ вспомню, что, вотъ, пова мы съ вами теперь въ теплой комнатѣ сытые, разговариваемъ,—сколько народу въ голодѣ и холодѣ! Банально это, пошло. Да въ этомъ-то и ужасъ весь, что оно—банально и пошло!

Онъ прошелся мимо меня по комнатѣ, вернулся снова къ окну и снова заговорилъ:

— И весь ужасъ въ томъ, что не знаешь, что дѣлать?—Раздавать деньги?—Ихъ немного было у меня.—Раздай. Говорить, убѣждать?—Христіанство убѣдительное меня говорить. Успокойся подъ эгидой нашей Поликсены, забудь...

Степушка закрылъ глаза и точно дѣйствительно хотѣлъ въ эту минуту забыть и успокоиться...

— Не могу я, не могу,—снова открылъ онъ глаза,—и сдѣлать ничего не могу...

Онъ отвернулся къ окну, поставилъ локти на подоконникъ, закрылъ лицо руками.

Въ это время сверху послышался шумъ, и цѣлая лавина снѣгу, ссыпаясь, заслонила свѣтъ и бухнула на землю. Степушка вздрогнулъ.

— Что-жъ вы не смѣтаете?—вдругъ обернулся онъ ко мнѣ.—Вѣдь оно очень нелѣпо. Господина Агодаева это всегда въ восторгъ приводитъ. Въ самомъ дѣлѣ, Степанъ Ждутьевъ, въ Будырьевѣ, желаетъ плакать о мірской скорби! Кто такой Степанъ Ждутьевъ, что онъ?

Онъ пріостановился и улыбнулся во весь ротъ.

— А сказать вамъ, что такое Степанъ Ждутьевъ?—сами, небось, не догадаетесь:—негативъ! Ничего больше, какъ обыкновенный фотографическій негативъ...

Степушка нервно обдернулъ свою блузу.

— Поликсена испугалась разъ, когда я ей это объяснить хотѣлъ. Она слышала, что одинъ вообразилъ себя самоваромъ и сѣлся вотъ такъ (онъ уперъ руки въ бока и присѣлъ на корточки), а я негативъ,—сказалъ онъ, снова выпрямляясь.—И все, что для нихъ свѣтъ и тепло—у меня черно... Я воспринимаю отрицательно, положительнаго дать не въ силахъ—и выхожу нюня, кисляй, страдалецъ... Для меня нелѣпость то, что для мраморныхъ женщинъ, статуй, музеевъ въ родѣ дворцовъ строить, а живыя въ

подвалахъ живутъ... Вы слушали какъ-нибудь, какъ море стонетъ? Ну, вотъ, одинъ говорить, что напѣвы райскіе въ немъ слышать, а другой—стонъ людского горя. Какъ это въ стихотвореніи говорится: „Я въ кровавое сраженіе шелъ бы, какъ на пиръ, но повсюду надъ враждою торжествуетъ миръ“! До стиховъ договорился:—глупо!..

И онъ замолчалъ.

— Такъ кто же позитивъ, по-вашему?—спросилъ я, чтобы сказать что-нибудь:—братецъ вашъ, что-ли?

— Нѣтъ-съ, братецъ мой—цинографія. У него всѣ тѣневныя мѣста глубоко выѣдены и не существуютъ. Позитивы негативами печатаются, и въ этомъ—единственная польза насъ, вытывовъ... А впрочемъ, прощайте. Сдѣлайте и изъ себя негативъ. До свиданія!..

Поликсена Андреевна наконецъ спустилась сверху, и я могъ проститься съ нею.

Тетушкины сани съ кучеромъ Андреемъ стояли у крыльца. Онъ медленно зашевелилъ возжами, когда я вышелъ, и подалъ безъ всякой претензіи на молодчество.

— Вчера дѣйствительно погода разыгралась, — отвѣтилъ онъ на мой вопросъ:—я ништо собрался ѣхать, можно было, а барыня не велѣли...

Коренникъ, скользя задними ногами, удерживалъ сани подъ гору.

Я оглянулся на безмолвный сѣрый будырѣвскій домъ, какъ-то сурово глядѣвшій мнѣ вслѣдъ своими окнами.

На крышѣ копошились люди. Оттуда валились вомья снѣгу и тяжело падали съ глухимъ, точно пушечное эхо, придавленнымъ гуломъ.

Кн. М. Н. Волконскій.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЯ БОЛѢЗНИ РАБОЧИХЪ

О Ч Е Р К Ъ .

I.

Фабричная медицина въ Россіи—дѣло совершенно новое и мало извѣстное, хотя по своему назначенію она можетъ имѣть большое значеніе для рабочихъ, и въ нѣкоторыхъ наиболѣе промышленныхъ губерніяхъ центральной и западной Россіи уже начинаетъ пріобрѣтать право гражданства и при помощи земства захватываетъ все большее и большее число фабрикъ. Десять же лѣтъ тому назадъ, ея, можно сказать, почти не существовало даже въ такой губерніи, какъ московская. Профессоръ Эрисманъ, въ своемъ докладѣ московскому съѣзду врачей, бывшему въ 1885 году, крайне мрачными красками обрисовалъ положеніе фабричной медицины. Благодаря неточностямъ фабричнаго закона, дававшимъ возможность обходить его, медицинская помощь на фабрикахъ почти совершенно отсутствовала. Большинство фабрикантовъ находило совершенно излишнимъ заводить при своихъ фабрикахъ больницы и предоставляло рабочимъ лечиться гдѣ угодно или просто увольняло заболѣвшихъ. Существовавшія же немногочисленные лечебницы являлись только показной стороной, а на дѣлѣ не приносили фабричному населенію никакой пользы. Въ 1884 году, удовлетворительное положеніе фабричной медицины наблюдалось лишь на 4⁰/₁₀₀ фабричныхъ заведеній; на 79⁰/₁₀₀ фабрикъ и заводовъ, съ сотней и болѣе рабочихъ было неудовлетворительное.

При этомъ надо замѣтить, что со стороны администраціи тогда

не принималось никакихъ мѣръ, да онѣ и не могли принести какихъ-либо результатовъ. Прежде всего, неточность закона 26 августа 1886 года давала фабрикантамъ полную возможность избѣгнуть лишнихъ расходовъ. Кромѣ того, мѣстная низшая администрація находилась въ большой зависимости отъ богатыхъ и вліятельныхъ заводчиковъ и съвозъ пальцы смотрѣла на нарушение закона. Не больше могли сдѣлать городовые и уѣздные врачи, такъ какъ они получали известное содержаніе за завѣдываніе медицинскою частью на большинствѣ заводовъ и въ ихъ интересахъ было поддерживать хорошія отношенія съ фабрикантами; кромѣ того, они слишкомъ были заняты своими полицейскими обязанностями. Подобное положеніе дѣла вело къ тому, что рабочіе почти не пользовались медицинскою помощью.

Постепенно, однако, фабричная медицина развивалась и расширяла свою область. Улучшеніе началось съ изданія въ 1886 г. московскимъ губернскимъ земствомъ обязательныхъ санитарныхъ постановленій, по которымъ содержатели промышленныхъ заведеній обязаны были оказывать за свой счетъ правильную медицинскую помощь своимъ рабочимъ. Затѣмъ, въ 1891 году былъ учрежденъ особый институтъ санитарныхъ врачей, которые занялись упорядоченіемъ фабричной медицины, совмѣстно съ новымъ органомъ и санитарнымъ совѣтомъ¹⁾. Благодаря имъ, медицинская помощь рабочихъ улучшилась, хотя для ея пользы осталось сдѣлать еще очень много. По даннымъ врача Скибневскаго, въ 1894 году, на 19,3% фабрикъ замѣчалось неудовлетворительное положеніе медицинской помощи, на 43%—сравнительно удовлетворительное, и только на 37%—вполнѣ удовлетворительное. Такъ какъ вторая группа не имѣетъ собственныхъ, постоянно живущихъ врачей, или одинъ врачъ завѣдуетъ нѣсколькими фабриками, то мы не ошибемся, сказавъ, что въ этой группѣ чисто санитарная работа поставлена очень плохо. Дѣло въ томъ, что „при существующихъ условіяхъ почти всѣ фабричные пункты съ наѣзжающими врачами (и, къ сожалѣнію, многіе изъ самостоятельно-врачебныхъ) собственно для санитарно-врачебнаго прогресса въ губерніи не имѣютъ рѣшительно никакого серьезнаго значенія. Въ настоящее время громадное большинство наѣзжающихъ врачей въ своей мимолетной фабричной дѣятельности ограничиваются единственно ролью лечащаго врача, которая очень и очень нерѣдко, по многимъ причинамъ, часто не зависящимъ отъ врачей, низводится до

¹⁾ Скибневскій. Прошлое и настоящее положеніе фабр. мед. въ москов. губ. „Труды XIII губернскаго съѣзда врачей московскаго земства“.

возможнаго минимума. Все же, что находится въ ихъ терапевтической дѣятельности, какъ-то: веденіе правильной записи больныхъ, изученіе причинъ заболѣваемости рабочихъ, принятіе мѣръ по предупрежденію развитія заразно-эпидемическихъ болѣзней, санитарное изученіе фабрики, населенія ея и окрестныхъ деревень и т. д., то-есть все, что имѣетъ крайне важное значеніе съ общественной точки зрѣнія, все это обыкновенно не касается наѣзжающаго врача" ¹⁾. Если сюда присоединить еще первую группу, то окажется, что на 62,3% фабрикъ на общественно-санитарную сторону дѣла обращается весьма мало вниманія.

Извѣстный изслѣдователь А. Погожевъ относительно положенія санитарій въ московской губерніи выражается очень ясно и опредѣленно. Указавъ на то, что, подъ давленіемъ обязательныхъ постановленій, многіе фабриканты пригласили врачей и медицинская помощь увеличилась, онъ прибавляетъ: „но что касается до другихъ отраслей санитарнаго благополучія, то врачи, находясь въ прямой зависимости отъ своихъ хозяевъ-фабрикантовъ, должны быть волей-неволей солидарны съ ними, т.-е. если фабрикантъ человекъ уманный и словорчивый, то и санитарнымъ указаніямъ врача есть мѣсто. Въ противномъ же случаѣ настойчивость врача, какъ бы она ни была законна, можетъ породить между ними непріязненные отношенія, послѣдствіемъ коихъ сплошь и рядомъ бываетъ отставка врача" ²⁾. Погожевъ замѣчаетъ, что это справедливо не только для московской губерніи, но еще больше для другихъ, несмотря на увеличеніе фабричной инспекціи.

И дѣйствительно, въ остальныхъ промышленныхъ губерніяхъ замѣчается такое же печальное положеніе фабричной медицины, заставившее В. Святловскаго сказать слѣдующія печальныя, повѣрные слова: „пока еще въ огромномъ большинствѣ случаевъ слово „фабричный врачъ является пустымъ звукомъ, фикціей, подъ которой можно понимать все, что угодно, а не дѣйствительнаго фабричнаго врача, какъ онъ существуетъ въ Германіи и Англіи“. По его даннымъ, въ харьковскомъ фабричномъ округѣ изъ 658 заведеній, съ 30.193 рабочими, только въ 4 заведеніяхъ съ 2.011 раб. медицинская помощь была вполнѣ удовлетворительна; остальные заведенія или прямо не организовали у себя ничего для подавія помощи заболѣвшимъ рабочимъ, или же имѣли фиктивную организацію. Въ привислянскомъ краѣ меди-

¹⁾ Ibid., стр. 12.

²⁾ А. Погожевъ. Санит. совѣты и фабр. врачи. „Мед. Бесѣда“, 1896, 5 кн., стр. 158.

цинскую помощь на счетъ владѣльцевъ пользовался 41%, и не имѣли ея вовсе 59% рабочихъ; изъ 856 осмотрѣнныхъ заведеній, на 818 не было никакой помощи, на 10 она была фиктивна, на 24 сносна и только на 4 весьма удовлетворительна. Ни при одной изъ варшавскихъ фабрикъ не было ни постоянного врача, ни больницы, ни даже постоянного фельдшера. Во всей Лодзи, съ ея 200 фабрикъ, была только одна больница; въ Сосновицахъ врачъ завѣдывалъ 11 фабриками и 2 больницами на 80 кроватей. Вся медицинская помощь совершалась какъ бы на почтовыхъ. Въ извѣстный день докторъ мчался на всѣхъ парахъ по Сосновицамъ, и если на фабричныхъ воротахъ выкинуть флагъ, значить—есть больные, и врачъ наскоро осматривалъ ихъ; нѣтъ флага—ѣхалъ дальше. Эта метода, по словамъ автора, напоминаетъ методу того узднаго врача добраго стараго времени, который, по приѣздѣ въ деревню, собиралъ всѣхъ больныхъ и, не выходя изъ брички, раскидывалъ въ толпу недужныхъ заранее приготовленные медикаменты, порошки, пилюли и пр. Что кто поймаетъ, тѣмъ и лечись ¹⁾.

Если таково положеніе фабричной медицины и въ частности санитаріи въ промышленныхъ губерніяхъ, гдѣ издаются обязательныя постановленія для фабрикъ и заводовъ, то еще хуже оно въ губерніяхъ отдаленныхъ и производствахъ мало извѣстныхъ. Здѣсь даже трудно встрѣтить правильный надзоръ за примѣненіемъ извѣстныхъ санитарныхъ требованій, такъ какъ врачи совершенно отсутствуютъ. Что касается фабричныхъ инспекторовъ, то они вѣдаютъ дѣла санитаріи только между прочимъ. Инструкція рекомендуетъ имъ обращать также вниманіе и „на устройство фабрикъ въ санитарномъ отношеніи“, но при массѣ дѣлъ и перепискѣ на эту рекомендацію обращается мало вниманія. Кроме того, этотъ вопросъ требуетъ специальныхъ знаній, которыми наши фабричные инспектора,—въ большинствѣ случаевъ техники,—не обладаютъ. Если нѣкоторые инспектора и производили спеціальныя изслѣдованія санитарныхъ условий жизни нашего рабочаго, то подобныя изслѣдованія являются лишь счастливыми исключеніями. Обыкновенно же такія изслѣдованія производились врачами, хотя вообще такихъ работъ у насъ очень мало.

Несмотря на то, что работы московскихъ врачей, особенно Эрисмана, Дементьева и др., съ достаточной наглядностью выяснили всю важность изслѣдованій санитарныхъ условий фабричной работы,—подробныхъ изслѣдованій въ русской литературѣ

¹⁾ Святловскій. Фабричный рабочій, стр. 179—191.

насчитывается всего нѣсколько десятковъ, и то большинство ихъ принадлежитъ одному—двумъ лицамъ. Въ то время, какъ на Западѣ ежегодно появляется нѣсколько серьезныхъ трудовъ по вопросамъ фабричной санитаріи, у насъ они чрезвычайно рѣдки, неполны и недоступны для публики. Обыкновенно такія изслѣдованія появляются въ специальныхъ медицинскихъ журналахъ, которыхъ никто, кромѣ специалистовъ, не читаетъ, да и послѣдніе далеко не всегда интересуются ими. По крайней мѣрѣ, просматривая одинъ журналъ по общественной гигиенѣ, мы находили подобныя изслѣдованія неразрѣзанными, хотя журналъ читали всѣ врачи губернской земской больницы, въ томъ числѣ и санитарные.

Понятно, что обыкновенный читатель, желающій ознакомиться съ этимъ вопросомъ, далеко не всегда можетъ удовлетворить свое желаніе. Статьи разбросаны по отдѣльнымъ книжкамъ журналовъ и отыскать ихъ крайне трудно; поэтому приходится довольствоваться болѣе распространенными трудами, хотя бы уже и устарѣвшими. Въ виду этого мы рѣшились познакомить читателя съ нѣкоторыми весьма интересными выводами, къ которымъ пришли немногочисленные наблюдатели санитарныхъ условій жизни нашихъ фабричныхъ рабочихъ. Мы, конечно, не думаемъ въ журнальной статьѣ дать полное изслѣдованіе этого вопроса, такъ какъ считаемъ эту задачу непосильной для одного человѣка,—а затѣмъ, и въ литературѣ для этого нѣтъ еще достаточнаго количества данныхъ. Хотя многіе фабричные врачи ежегодно выпускаютъ отчеты о дѣятельности своихъ больницъ, но въ большинствѣ случаевъ эти отчеты не отвѣчаютъ на массу интересныхъ и важныхъ вопросовъ, связанныхъ съ жизнью и здоровьемъ рабочаго. Такъ, изъ нихъ почти ничего нельзя узнать о той зависимости, которая несомнѣнно существуетъ между условіями работы на фабрикахъ и тѣми заболѣваніями, которыя наблюдаются у работающихъ. Поэтому воспользоваться этими отчетами при изслѣдованіи вопроса о профессиональныхъ заболѣваніяхъ рабочихъ почти совершенно невозможно.

Между тѣмъ эта сторона фабричной работы является весьма важной и въ то же время малоизслѣдованной. Знаніе санитарныхъ условій работы и вліянія ихъ на здоровье рабочаго важно прежде всего для рѣшенія чисто практическихъ вопросовъ фабричнаго законодательства. Когда доказанъ вредъ извѣстной работы, то она должна быть подвергнута особому наблюденію, и жизнь рабочихъ ограждена тѣмъ или инымъ способомъ. По крайней мѣрѣ такова должна быть связь между чисто научными выводами фаб-

ричной санитаріи и практическимъ примѣненіемъ фабричнаго законодательства. На Западѣ дѣло шло именно такимъ путемъ: фабричное законодательство основывалось всецѣло на данныхъ, полученныхъ спеціальными изслѣдованіями разныхъ производствъ. Эти изслѣдованія доказали вредъ продолжительной работы для дѣтей и женщинъ, вредъ ночной работы, вредное вліяніе нѣкоторыхъ производствъ, и при выработкѣ фабричныхъ законовъ полученные данныя были приняты во вниманіе. Благодаря этому, явилась возможность точно регламентировать разныя отрасли промышленности и до извѣстной степени оградить рабочихъ, особенно женщинъ и малолѣтнихъ. То же самое должно быть и у насъ, и всякія изслѣдованія могутъ только принести пользу.

Съ другой стороны, этотъ вопросъ имѣетъ еще большее значеніе для самого рабочаго, такъ какъ касается его здоровья и даже, до извѣстной степени, жизни, а также и здоровья будущихъ поколѣній. Дѣло въ томъ, что въ фабричныхъ округахъ постепенно образуется особое фабричное населеніе, порвавшее уже связи съ землею и деревней и существующее всецѣло на свой трудъ. Дементьевъ высчитываетъ число ихъ равнымъ 55% всѣхъ рабочихъ, причемъ въ тѣхъ производствахъ, гдѣ примѣняются механическіе двигатели, этотъ процентъ доходитъ до 70 и выше. При этомъ замѣчается, что „дѣти рабочихъ, попавшихъ на фабрику съ семьями, неизбѣжно превращаются, по примѣру своихъ отцовъ, въ фабричныхъ же рабочихъ, рабочихъ съ самаго ранняго дѣтства, частью даже отъ рожденія взрослыхъ на фабрикѣ въ разобщеніи съ деревней, въ смыслѣ условій земледѣльческаго населенія“¹⁾.

Съ самаго почти рожденія дѣти фабричныхъ рабочихъ поставлены въ крайне неблагопріятныя условія, благодаря которымъ они развиваются очень медленно и неправильно. Это подтверждается тѣми немногочисленными наблюденіями, которыя производились надъ дѣтьми фабричнаго населенія. Такъ у насъ есть данныя о дѣтскомъ населеніи шести фабрикъ богородскаго уѣзда, московской губерніи. Данныя эти немногочисленны и неполны, главнымъ образомъ потому, что производившій ихъ врачъ, „желая быть краткимъ“, оставилъ въ сторонѣ бытовую обстановку дѣтскаго населенія фабрикъ, а занялся измѣреніемъ роста и вѣса дѣтей. Тѣмъ не менѣе и эти свѣдѣнія представляютъ большой интересъ.

Изъ данныхъ изслѣдованія оказалось, что среди фабричныхъ

¹⁾ Дементьевъ. Фабрика и т. д., стр. 48.

дѣтей имѣется громаднѣй (43⁰/₀) процентъ рахитиковъ. Причинной этого явленія нужно считать плохое питаніе и тѣ неблагопріятныя условія, въ которыхъ живутъ дѣти рабочихъ. Матери этихъ дѣтей въ большинствѣ случаевъ работаютъ на фабрикахъ, т.-е. подвергаются тѣмъ же вреднымъ, истощающимъ вліяніямъ фабричной обстановки, которыя дѣйствуютъ и на ихъ мужей. Усталость и измученность вредно вліяютъ на молово матерей, а отсутствіе по цѣлымъ днямъ заставляеть прибѣгать къ искусственному вскармливанію жеванымъ хлѣбомъ, соской и т. п. Всѣ эти условія не могутъ не отражаться на дѣтскомъ организмѣ и не задерживать его развитіе. И дѣйствительно, рахитическая часть дѣтей носить на себѣ явные признаки слабости организма: они отстаютъ въ своемъ развитіи отъ дѣтей здоровыхъ, грудь ихъ развивается слабѣе и т. д.

Вліяніе плохихъ условій, въ которыхъ живутъ дѣти фабричныхъ рабочихъ, простирается не только на рахитиковъ, но и на здоровыхъ дѣтей. По даннымъ того же врача оказывается, что фабричныя здоровыя дѣти уступаютъ въ своемъ развитіи дѣтямъ, хорошо питающимся, а это прямо указываетъ на то, что они не пользуются грудью матери и питаются главнымъ образомъ смѣшанной пищей ¹⁾.

По даннымъ д-ра Стерлинга, питаніе грудью дѣтей сувонщиковъ гор. Томашева, петрововской губ., хотя и производится самими работницами, но отличается плохими качествами. Ребенокъ получаетъ грудь передъ уходомъ на фабрику, за обѣдомъ, вечеромъ и ночью, т.-е. остается безъ пищи 4—6 часовъ, и потому его приходится успокаивать разными кашками, настойками и остатками отъ обѣда взрослыхъ ²⁾. То же самое подтверждаютъ и другіе наблюдатели. „Съ первыхъ же дней жизни,—говоритъ Гусевъ,—фабричныя условія отнимаютъ у ребенка мать и отца, и любовь къ дѣтямъ, какъ главный залогъ прочности семьи, мало-по-малу уступаетъ мѣсто чувству покорности досадливой необходимости. Да и сами дѣти какъ растутъ? Недокормленныя, недомытыя, постоянно подъ щелчками, съ задатками всевозможныхъ болѣзней, они мрутъ въ громадномъ количествѣ“ ³⁾. Хотя приведенныя данныя не охватываютъ значительнаго района и большого числа дѣтей, но въ виду однообразія условій, въ ко-

¹⁾ „Труды XI съѣзда моск. вр.“. Докладъ Александра: „Къ вопросу о физич. разв. дѣтей фабр. насел.“, стр. 52.

²⁾ Стерлингъ. Условія професс. труда на сувонн. фабр. „Вѣстн. общ. гигиены“, 1895 г., 12, стр. 270.

³⁾ Тимковскій. Новые матер. по вопросу о норм. раб. вр. „Р. Б.“, 12, стр. 4.

торыхъ живетъ нашъ рабочій и его семья, сдѣланные выводы могутъ быть распространены и на другія мѣстности. Выводы же эти говорятъ, что фабричное населеніе начинаетъ подтачивать свое здоровье съ самаго ранняго дѣтства.

При изслѣдованіи вопроса о заболѣваемости рабочихъ необходимо принимать во вниманіе и тѣ бытовыя условія, которыя ихъ окружаютъ, т.-е. заработную плату, условія труда, условія жизни и проч. Только при сопоставленіи всѣхъ этихъ условій возможно сдѣлать болѣе или менѣе правильное заключеніе о причинахъ болѣзней и той роли, какую играли въ нихъ условія работы. Можно, напримѣръ, съ увѣренностью сказать, что заработная плата и продолжительность труда играютъ весьма важную роль въ жизни рабочаго. Профессоръ Эрисманъ прямо заявляетъ, что „вся совокупность жизненныхъ условій рабочаго, опредѣляемая его матеріальнымъ благосостояніемъ, имѣетъ гораздо больше санитарнаго значенія, чѣмъ тѣ вредные моменты, съ которыми нерѣдко сопряжено его специальное занятіе“¹⁾. Дементьевъ выражается еще болѣе опредѣленно: „съ какой точки зрѣнія нѣ разсматривать вопросы о рабочихъ на фабрикахъ, идетъ ли рѣчь о чисто экономическихъ условіяхъ ихъ жизни, о санитарныхъ ли, объ умственномъ ли развитіи, или, наконецъ, о состояніи среди нихъ нравственности, онъ всегда сводится въ концѣ концовъ къ матеріальнымъ достаткамъ, т.-е. заработной платѣ“²⁾. Хотя оба эти мнѣнія нѣсколько односторонни, но тѣмъ не менѣе громадное значеніе заработной платы въ санитарныхъ условіяхъ жизни нашего рабочаго не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Такое же точно значеніе для здоровья рабочаго имѣетъ длина рабочаго дня, и потому прежде всего остановимся на этихъ двухъ условіяхъ существованія нашихъ рабочихъ.

Заработная плата на тѣхъ фабрикахъ, о которыхъ у насъ имѣются свѣдѣнія, ничѣмъ не отличается отъ платы на такихъ же фабрикахъ другихъ мѣстностей Россіи. Такъ на суконныхъ фабрикахъ гор. Томашева плата получается поденно и поштучно. Малолѣтніе въ недѣлю получаютъ отъ 60 к. до 1 р. 5 к.; подростки—отъ 1 р. 20 к. до 3 р.; женщины, сортирующія шерсть, получаютъ 1 р. 75 к.—2 р.; работающія при механическихъ

¹⁾ Эрисманъ. Професс. гигиена, стр. 228.

²⁾ Дементьевъ, стр. 113.

станкахъ—2 р. 50 к.—5 р. Мужчины получаютъ въ недѣлю 2 р. 50 к.—3 р.; прядильщики—6—11 р.; ткачи на механическихъ станкахъ—3 р. 50—5 р.: на ручныхъ—5—6 рублей ¹⁾. Въ при-висянскомъ краѣ средняя величина заработной платы для суконщиковъ въ мѣсяцъ равняется 18—20 р.; жепщинъ—10—12 р.: малолѣтнихъ—6 руб. Въ харьковскомъ округѣ, для первыхъ—16¹/₂ р., для вторыхъ—8 р., третьихъ—3 рубля ²⁾. Суконщики московскаго округа выработывали отъ 10 до 30 руб., а петербургскаго—отъ 12 до 33 рублей въ мѣсяцъ ³⁾. Заработная плата томашевскихъ суконщиковъ настолько низка, что они едва могутъ свести концы съ концами. Вотъ, напр., рабочій А., 38 лѣтъ, занимается прессованьемъ, имѣетъ жену и 3 дѣтей, заработалъ 204 рубля и починкой башмаковъ за зиму 5 руб. Считается трудолюбивымъ и примѣрнымъ работникомъ; читаетъ и пишетъ; жена—хорошая хозяйка, сама обшивающая всю семью. Эта семья тратитъ на съѣстные припасы 143 р. 10 к., изъ нихъ на животную пищу 37 р. 60 к. (26⁰/₁₀₀); причеиъ мясо употребляется всего 2—3 раза въ годъ, водка тоже. Молокомъ, сахаромъ и чаеиъ пользуются только дѣти. Не лучше живутъ и другіе рабочіе этихъ фабрикъ: хорошее питаніе встрѣчается у 12,4⁰/₁₀₀ мужчинъ и 10,2⁰/₁₀₀ женщинъ; среднее—у 67,1⁰/₁₀₀ мужчинъ и 48,6⁰/₁₀₀ женщинъ; неудовлетворительное—у 21,5⁰/₁₀₀ мужчинъ и 41,2⁰/₁₀₀ женщинъ.

На ярцевской мануфактурѣ, находящейся въ смоленской губерніи, мужчина въ недѣлю зарабатываетъ отъ 1 р. 50 к. до 4 р. 50 к.; подростокъ—отъ 1 р. 20 к. до 2 р. 40 к.; малолѣтній—отъ 1 р. до 1 р. 20 к.; взрослая женщина—отъ 1 р. 8 к. до 3 р. 60 к.; подростокъ—отъ 1 р. 8 к. до 1 р. 92 к., и малолѣтнія—отъ 1 р. до 1 р. 32 к. Если принять во вниманіе, что многимъ рабочимъ этой фабрики приходится уплачивать довольно большіе (въ среднемъ до 62⁰/₁₀₀ заработка) штрафы, то ихъ заработокъ окажется весьма незначительнымъ и необезпечивающимъ существованіе семьи. Такъ, для семьи рабочаго, состоящей изъ мужа, жены и ребенка и добывающей въ среднемъ 20 рублей въ мѣсяцъ (12 р. мужъ и 8 р. жена), на пищу, одежду и прочія потребности останется только 18 р. 50 к., потому что изъ заработка вычитается 75 к. за квартиру, 45 к. за баню и кромѣ того неизбѣжный штрафъ копѣекъ 35 и больше ⁴⁾.

¹⁾ Стерлингъ. „Вѣстн. Общ. Гиг.“, 1895, 12 кн., стр. 265.

²⁾ Святловскій. Фабр. рабочій, стр. 51.

³⁾ Отчетъ главнаго инспектора за 1885 г., стр. 56—59.

⁴⁾ Жбанковъ. Санитарное изсл. фабр. и зав. смол. губ., стр. 335.

Понятно, что на такую сумму можно существовать только съ большимъ трудомъ, особенно при томъ условіи, что припасы приходится брать изъ фабричной лавки по повышеннымъ цѣнамъ.

Ткачи панки въ егорьевскомъ уѣздѣ, московской губерніи, зарабатываютъ въ недѣлю около 3 рублей при самомъ напряженномъ трудѣ, часовъ 12—15 въ сутки. Такъ какъ они не имѣютъ возможности вести дѣло самостоятельно, то имъ еще приходится изъ своего скуднаго заработка переплачивать такъ-называемымъ „мастеркамъ“. Это болѣе или менѣе зажиточные крестьяне, являющіеся посредниками между фабрикантами и рабочими. Они получаютъ на рузи пряжу и уже за свою отвѣтственность раздаютъ ее ткачамъ, получая за это отъ 20 копѣекъ и болѣе за кусокъ. Конечно, какъ цѣны за работу, такъ и за комиссію различны и зависятъ отъ конкуренціи мастерковъ, бѣдности ткачей и пр. Понятно, что дѣло не обходится безъ злоупотребленій и прижимогъ со стороны мастерковъ, и ткачъ далеко не всегда получаетъ заработанныя деньги ¹⁾. Рабочіе на астраханскихъ рыбныхъ промыслахъ за свой тяжелый трудъ получаютъ крайне ничтожное вознагражденіе. Мужчина, работающій на плоту, получаетъ въ день 31—36 копѣекъ; женщина—28—30 коп.; русскій, работающій у невода, получаетъ—38—40 коп.; киргизъ—32—39 коп. Между тѣмъ за каждый прогульный день съ плотоваго рабочаго взыскивается 50 коп., а за дни болѣзни—средняя ежедневная плата. Съ неводныхъ рабочихъ хозяинъ имѣетъ право вычитать со всей артели за каждую несдѣланную тоню по 5 рублей ²⁾.

Матеріальное обезпеченіе нашего рабочаго представляется особенно незавиднымъ, если его сравнить съ заработкомъ иностраннаго рабочаго. Въ Англіи, мѣсячный заработокъ превышаетъ нашъ—на 124⁰/₀; въ Америкѣ—на 379⁰/₀. Сопоставляя его съ количествомъ труда, получаемъ слѣдующую рѣзкую разницу: въ Англіи для мужчинъ—283⁰/₀, женщинъ—114⁰/₀, подростковъ—116⁰/₀ и малолѣтнихъ—1,6⁰/₀; въ Массачузеттѣ для мужчинъ—404,9⁰/₀, женщинъ—254, подростковъ—321,8⁰/₀, малолѣтнихъ—350⁰/₀ ³⁾. Во Франціи заработная плата рабочихъ мужчинъ на сахарныхъ заводахъ превышаетъ таковую же въ Россіи почти въ 4 раза, женщинъ въ 3 раза, и даже подростки получаютъ на 50⁰/₀ больше, чѣмъ наши взрослые рабочіе. Если даже пред-

¹⁾ Санит. усл. наня. пром. въ егорьевск. уѣздѣ. „Общественно-санитарное обозр.“, 1896 г., № 17, стр. 394—5.

²⁾ Шмидтъ. Къ гигиенѣ рыбнаго пром. въ устьѣ р. Волги, стр. 170—1.

³⁾ Дементьевъ, стр. 160—1.

положить, что жизненные продукты во Франціи вдвое дороже нашихъ, то и тогда разница въ платѣ будетъ очень велика ¹⁾. Такую разницу въ заработкѣ можно объяснить лишь большими потребностями заграничныхъ рабочихъ, благодаря которымъ они больше затрачиваютъ на жилище и пищу и другія потребности.

Вполнѣ понятно, что скудный заработокъ русскихъ рабочихъ не даетъ имъ возможности устроить свою жизнь болѣе или менѣе сносно. Имъ приходится отказываться себѣ въ хорошей пищѣ и жилищѣ, и ютиться въ конурахъ, питаясь чѣмъ придется. Большинство нашихъ рабочихъ живетъ въ казармахъ или на вольныхъ квартирахъ, но въ томъ и другомъ случаѣ квартиры ихъ одинаково плохи и негигиеничны. Врачъ Покровская, изслѣдовавшая жилища рабочихъ петербургскихъ пригородныхъ слободъ, описываетъ ихъ весьма мрачными красками. „Общее впечатлѣніе отъ жилищъ рабочихъ петербургскихъ пригородовъ,—пишетъ она,—безотрадное: тѣснота, духота, грязь, нерѣдко полутемное или совершенно темное помѣщеніе,—вотъ господствующія условія этихъ жилищъ. Немощенные, грязные и вонючіе дворы встрѣчаются всюду. Отвратительное состояніе отхожихъ мѣстъ составляетъ общее правило“. Спать на одной кровати вдвоемъ составляетъ общее правило; на 1.016 чел. было всего 465 кроватей. Въ одной комнатѣ помѣщалось отъ 1 до 22 человекъ, въ среднемъ—6,3 человека ²⁾).

Такую же неприглядную картину рабочихъ помѣщеній рисуетъ д-ръ Самецкій, изслѣдовавшій пригороды Петербурга: шлиссельбургскій, петергофскій и др. Его выводы имѣютъ тѣмъ больше значеніе, что въ этомъ районѣ живетъ громадное количество рабочихъ. Напримѣръ, шлиссельбургскій трактъ тянется на 9 верстѣ, на немъ находятся 27 большихъ фабрикъ и заводовъ и полсотни мелкихъ, и живетъ до 50 тыс. рабочихъ; въ петергофскомъ участкѣ также живетъ нѣсколько десятковъ тысячъ рабочаго люда. Осматривая квартиры рабочихъ, онъ нашелъ, что почти всѣ онѣ крайне переполнены и отличаются страшной грязью. Смрадъ и чадъ отъ вухни и чугулки, накаленной въ холодной комнатѣ, паръ отъ самоваровъ, отъ пищи, испаренія отъ развѣшаннаго бѣлья и пеленокъ; обильныя парныя испаренія дѣлаютъ воздухъ такимъ, что въ немъ „хоть топоръ вѣшай“. Отсутствіе хорошей воды, грязные дворы и от-

¹⁾ Святловскій, Фабр. раб., стр. 53.

²⁾ Покровская. О жилищахъ рабочихъ петерб. пригородовъ. „Вѣстн. общ. гил.“, 1896 г., 3 кн., стр. 221.

хожія мѣста—весьма обычное явленіе въ рабочихъ квартирахъ ¹⁾.

Весьма также печально положеніе квартиръ рабочихъ въ Варшавѣ, о чемъ несомнѣнно свидѣтельствуютъ данныя, собранныя спеціальнымъ изслѣдованіемъ. Изслѣдовано было 207 квартиръ, въ которыхъ жило 1.235 человекъ. Изъ нихъ почти 76% квартиръ состояло изъ одной комнаты, 11%—изъ трехъ комнатъ, а остальные—представляли чердаки и подвалы. На одну комнату въ среднемъ приходилось 5,83 человекъ, т.-е. квартиры были переполнены, и такъ какъ $\frac{3}{4}$ ихъ не имѣли вентиляціи, то воздухъ въ нихъ былъ крайне испорченъ. Больше всего воздуха (0,95 к. с.) приходилось на первый этажъ, меньше—на средніе и очень мало—на подвалы (0,54 к. с.) и чердаки (0,33 к. с.). Вообще квартиръ совершенно переполненныхъ было почти на половину.

Несмотря на плохія условія, эти квартиры обходятся рабочему не дешево. Такъ, 31% квартиръ стоили больше 6 рублей въ мѣсяць, т.-е. были недоступны бѣднымъ рабочимъ. Если сравнить стоимость квартиръ съ ихъ размѣромъ, то окажется, что 1 куб. сажень воздуха въ первомъ этажѣ стоитъ 23 р., въ среднемъ—18 руб., въ подвалахъ—22 руб. и на чердакахъ—32 рубля. Изслѣдованныя квартиры ничѣмъ не отличаются отъ остальныхъ квартиръ рабочихъ Варшавы, такъ что относительно всѣхъ ихъ можно сказать, что „квартиры на чердакахъ являются самыми дорогими“ ²⁾.

Стоимость петербургскихъ квартиръ можно точно также считать очень высокою сравнительно съ имѣющимися въ нихъ удобствами. Коммиссія, изслѣдовавшая эти квартиры, нашла, что рабочая семья за квартиру безъ дровъ платитъ 7 р.; за отдѣльную комнату—отъ 2 до 12 р.; за кровать—отъ 1 до 3 р., чаще всего—последнюю сумму. Рабочіе нерѣдко размѣщаются по-двое на кровать; плата за полкровати равняется 1—2 р., чаще—1½ р.; кромѣ того, существуютъ еще мѣста на нарахъ и верстакахъ: за первыя берутъ 1 р. 35 к. въ мѣсяць, за вторыя—2 р. 50 к. Въ пригородахъ большинство рабочихъ занимаетъ половину кровати, плата за это въ среднемъ 2 р. 50 к. При такихъ цѣнахъ, самая плохая комната даетъ

¹⁾ Самецкій. Санит. очеркъ пригор. Петерб. „Вѣсти. общ. гиг.“, 1895 г., кн. 9, стр. 239—47.

²⁾ Тхоржницкій. Жилища раб. въ Варшавѣ. „Обществ.-санит. обозр.“, 1896 г., № 7—8.

хозяину 16 руб. въ мѣсяцъ. Домовладѣльцы, сдающіе квартиры рабочимъ, получаютъ 20% чистой прибыли, тогда какъ обыкновенный доходъ съ домовъ не превышаетъ 5—6%¹⁾.

Рабочіе томашевскихъ суконныхъ фабрикъ въ большинствѣ живутъ въ однокомнатныхъ квартирахъ, причемъ на каждую комнату приходится отъ 4,1 до 5,9 человѣкъ, что, при отсутствіи вентиляціи, сильно портитъ воздухъ. Этотъ воздухъ мѣстный докторъ признаетъ однимъ изъ „главныхъ факторовъ, вредящихъ здоровью рабочихъ“²⁾.

Если состояніе вольныхъ квартиръ рабочихъ оставляетъ желать очень многого, то весьма неважны и тѣ казармы, которыя нерѣдко устраиваются при большихъ заводахъ. Возьмемъ, на примѣръ, хлудовскую мануфактуру, устроенную по послѣднему слову санитаріи. Рабочіе помѣщаются въ трехъ большихъ каменныхъ казармахъ, съ 307 каморками, въ 13 большихъ деревянныхъ казармахъ, съ 16—32 каморками въ каждой, и въ нѣсколькихъ деревянныхъ мѣньшаго размѣра. Всего зданій 55, съ 697 каморками, въ которыхъ живетъ до 5 тыс. человѣкъ. Изъ этихъ каморокъ только въ 19-ти живутъ по 1 человѣку, въ остальныхъ отъ 2 до 10, въ 17 же—отъ 21 до 26 человѣкъ въ каждой. Чтобы показать, насколько хороши эти квартиры, опишемъ нѣкоторыя изъ нихъ. Вотъ казарма № 7, въ которой 18 каморокъ, отдѣленныхъ одна отъ другой досчатыми перегородками, оклеенными бумагой, благодаря чему слышно все, что дѣлается у сосѣдей. Въ каждой каморкѣ по одному окну; размѣръ ея 5¹/₂ арш. длины, 3¹/₄ ширины и 4¹/₄ вышины. Въ одной изъ такихъ каморокъ живетъ мужъ, жена и шестеро дѣтей; очень тѣсно, грязно, душно, воздуха на каждого приходится ²/₃ саж. Въ другой камерѣ, немного побольше первой, живутъ 6 человѣкъ взрослыхъ и 2 ребѣтъ. Въ нѣкоторыхъ каморкахъ живетъ нѣсколько семей, совершенно чужихъ. Такъ, въ одной камерѣ живетъ 8 семей и нѣсколько братьевъ съ взрослыми сестрами, всего 32 человѣка. Для всѣхъ ихъ имѣется только 8 коекъ, т.-е. на каждую приходится по 4 человѣка³⁾.

Незавидно также и состояніе казармъ на кужевской стеклянной фабрикѣ. Въ нихъ жило до 50 семей, причемъ обыкновенно каждая изъ нихъ помѣщалась въ особой каморкѣ, отдѣленной перегородкой, не доходящей до потолка. Почти въ ²/₃ каморокъ на человѣка приходилось менѣе 1 куб. сажени воздуха;

¹⁾ „Русск. Вѣдом.“, 1897 г., № 125.

²⁾ Стерлингъ. „Вѣстн. общ. гиг.“, 1895 г., кн. 12, стр. 285.

³⁾ Жбанковъ. Санит. изслѣд. фабр. и завод. смоленской губ., стр. 328—30.

самыя помѣщенія были совершенно негодны для жилья, благодаря ветхости зданій. Кроме того, въ большинствѣ избъ была замѣчена сырость и слышались жалобы на холодъ, борьба съ которыми посредствомъ желѣзныхъ печей оказывалась мало успѣшной ¹⁾.

На свеклосахарныхъ заводахъ подольской губерніи для пришлыхъ рабочихъ вездѣ устроены казармы. Такихъ пришлыхъ рабочихъ на 33 заводахъ было 5.461 чел., или 37% всѣхъ рабочихъ. Казармы для нихъ находятся при самыхъ заводахъ и въ большинствѣ случаевъ каменныя двухъ-этажныя или одноэтажныя, съ 2—5 палатами для рабочихъ. Почти всѣ казармы устроены на наличное количество рабочихъ, и рабочіе двухъ смѣвъ не помѣщаются въ однѣхъ и тѣхъ же казармахъ. Тѣмъ не менѣе, по отчетамъ врачей видно, что только въ 14 казармахъ кубическое содержаніе воздуха отвѣчаетъ нормѣ; въ 11-ти оно меньше (отъ 0,3 до 0,9 к. с.); въ остальныхъ—отъ 1,1 до 1,4 к. саж. Что касается вентиляціи, то она вездѣ примитивная; благодаря этому, воздухъ загрязненъ и удушливъ, особенно тамъ, гдѣ хранится грязное бѣлье. Въ порчѣ воздуха играетъ роль и близкое сосѣдство выгребныхъ ямъ ²⁾.

Въ санитарномъ отношеніи эти квартиры ничѣмъ не отличаются отъ квартиръ рабочихъ сахарныхъ заводовъ харьковской губерніи и привислянскаго края. Святловскій, изслѣдовавшій ихъ, нашелъ въ нихъ страшную тѣсноту и неопрятность отъ сильной скученности живущихъ. Обыкновенно на 1 комнату приходилось отъ 5 до 8 человѣкъ и на cadaго человѣка менѣе половины нормальнаго количества воздуха. Во многихъ казармахъ суконныхъ фабрикъ черниговской губерніи помѣщенія настолько тѣсны, что мѣсть на нарахъ хватаетъ только для одной смѣвы, а смѣва, возвратившаяся съ работы, ложится на мѣста, еще влажныя отъ чужого пота ³⁾.

Если жилища фабричныхъ рабочихъ неудовлетворительны, то не лучше и жилища рабочихъ не-фабричныхъ. Ткачи нанки въ егорьевскомъ уѣздѣ, московской губерніи, живутъ въ обыкновенныхъ крестьянскихъ хатахъ, никогда не вентилирующихся и потому душныхъ. По крайней мѣрѣ, изслѣдователь, входя нѣсколько разъ ночью въ домъ ткачей, испытывалъ тошноту и головокруженіе. Избы эти освѣщаются маленькими окнами, а ночью—лампочками, копящими и темными. Въ этихъ же избахъ происхо-

¹⁾ К. И. Шидловскій. Бужевская стеклянная фабрика. „Общ.-сан. обозр.“, 1896 г., 9—10, стр. 205.

²⁾ Сулина, О состояніи мед.-сан. части на свеклосах. зав. подольской губ., стр. 8.

³⁾ Святловскій. Фабр. раб., стр. 72—3.

дять тканье нанки, помѣщается новорожденный скоть, такъ что воздухъ въ нихъ страшно испорченъ ¹⁾.

Рабочіе на астраханскихъ рыбныхъ промыслахъ помѣщаются въ землянкахъ или шалапахъ. Неводные рабочіе, живя въ камышевыхъ шалапахъ, нисколько не защищены отъ стужи и непогоды. Послѣ дождя и половодья, почва въ камышевыхъ шалапахъ дѣлается сырой и рабочіе спятъ на сырой землѣ, покрытой слегка камышемъ. Для сушки бѣлья и отдыха, послѣ работы, никакихъ приспособленій не имѣется. Промысловые рабочіе помѣщаются, хотя и не всегда, въ деревянныхъ казармахъ, но крайне скученно, такъ какъ весною и осенью число рабочихъ увеличивается въ нѣсколько разъ. Поэтому очень часто и имъ приходится ютиться въ шалапахъ и терпѣть массу лишеній ²⁾.

Рабочіе на лѣсныхъ промыслахъ новгородской губерніи живутъ 4—6 мѣсяцевъ въ особо построенныхъ избушкахъ, причемъ на вѣздаго изъ нихъ приходится отъ $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{8}$ саж. воздуха. Для сохраненія тепла воздухъ совсѣмъ не освѣжается, и такъ какъ избушки курныя, то въ нихъ постоянно угарно. Но и такія избушки встрѣчаются не вездѣ, и въ тихвинскомъ уѣздѣ рабочіе нерѣдко спятъ въ шалапахъ. Въ нихъ всю ночь горитъ огонь, раскладываемый въ разныхъ мѣстахъ прямо на земляномъ полу. Рабочіе спятъ въ такихъ шалапахъ головой къ стѣнѣ, а ногами къ огню, снявъ обувь и окутавъ голову шубой, а туловище армякомъ. Иногда даже они проводятъ ночи подъ открытымъ небомъ оволо костра ³⁾.

Такое крайне неудовлетворительное санитарное положеніе квартиръ рабочихъ должно, конечно, вредно отражаться на ихъ здоровьѣ. По крайней мѣрѣ въ Варшавѣ, въ округахъ, отличающихся наибольшей концентраціей заводской промышленности и бѣдными жилищами рабочихъ, замѣчается и большая смертность ⁴⁾.

Насколько вредна скученность живущихъ—показываютъ данныя г. Карози. Изъ нихъ видно, что средняя продолжительность жизни въ Буда-Пештѣ равна 35 годамъ и 5 мѣс. въ квартирахъ, гдѣ въ 1 комнатѣ живутъ двое; 33 годамъ и 1 мѣс.—тамъ, гдѣ живутъ 2—5 человекъ; 31 году и 11 мѣсяцамъ—тамъ, гдѣ

¹⁾ Сан. усл. нанк. пром. „Сан.-общ. обзор.“, 1896 г., № 17, стр. 395.

²⁾ Арустамовъ, Очеркъ санит. сост. астр. рыбн. пр. „Вѣстн. общ. гѣг.“, 1894 г., кн. 5, стр. 143—4.

³⁾ Къ вопросу о сан. надз. за лѣси. пр. новгор. губ. „Общ.-сан. обз.“, 1896 г., кн. 12, стр. 268.

⁴⁾ Святловскій. Фабр. рабочій, стр. 74.

приходится отъ 6 до 10 чел. на 1 комнату, и 30 годамъ 6 мѣс. — тамъ, гдѣ приходится болѣе 10 человекъ на комнату. Для Берлина также доказано, что чѣмъ тѣснѣе живетъ населеніе, тѣмъ сильнѣе среди него смертность ¹⁾. По даннымъ д-ра Русселя, сопоставившаго для 8 шотландскихъ городовъ цифру смертности съ цифрами жильцовъ на 1 комнату, выходитъ, что смертность увеличивается съ увеличеніемъ числа живущихъ. Д-ръ Литльтонъ показалъ, что смертность въ квартирахъ Эдинбурга обратно пропорціональна ихъ наемной платѣ ²⁾. У насъ въ Россіи данныхъ по этому вопросу очень мало, и онѣ не отличаются научно цѣнностью, почему мы и не будемъ приводить ихъ, а перейдемъ ко второму фактору—рабочему времени.

Относительно рабочаго времени на нашихъ фабрикахъ и заводахъ и вліянія его на рабочихъ въ послѣднее время собрано достаточное количество данныхъ, какъ въ трудахъ разныхъ комиссій, такъ и въ докладахъ бывшему торгово-промышленному съѣзду. Г-нъ Голгофскій въ своемъ докладѣ о рабочихъ хлопчатобумажной и льняной промышленности говоритъ, что „продолжительность рабочаго дня и въ особенности ночная работа дѣйствуютъ на организмъ рабочаго самымъ угнетающимъ и самымъ губительнымъ образомъ“. На тѣхъ фабрикахъ, гдѣ существуетъ ночная работа, рабочее время распределяется обыкновенно такъ, что послѣ 6 часовъ работы слѣдуютъ 6 часовъ отдыха. Въ большинствѣ случаевъ работающіе съ 4 часовъ утра приходятъ домой въ 10^{1/2} часовъ утра, пьютъ чай и обѣдаютъ, а затѣмъ въ 3^{1/2} часа опять уходятъ на работу. Въ этотъ промежутокъ имъ почти не удается уснуть, благодаря шуму и какой-нибудь неотложной домашней работѣ, такъ что они идутъ на работу, не возстановивъ силъ. Въ результатѣ получается, что „большинство рабочихъ одну недѣлю спятъ, настоящимъ сномъ, 4 часа въ сутки, а другую—только урывками, случайно и не всегда“ ³⁾.

Такіе же точно отзывы о работѣ на ткацкихъ фабрикахъ имѣются въ трудахъ комиссій по нормировкѣ рабочаго времени. Эти отзывы принадлежатъ главнымъ образомъ директорамъ фабрикъ, т.-е. людямъ не особенно пристрастнымъ къ рабочему. Такъ, Денисовъ сообщаетъ, что ткацкая фабрика при 12—13^{1/2}-

¹⁾ Святловскій. Фабричная работа съ санит. точки зрѣнія. „С. В.“, 1891, кн. 4, стр. 202.

²⁾ Святловскій. Фабр. рабочій, стр. 71—2.

³⁾ Анненскій. Вопросы труда на торговопр. съѣздѣ, „Русск. Бог.“, 96 г., 12, стр. 161.

часовомъ рабочемъ днѣ и $2\frac{1}{2}$ часахъ на обѣдъ, ходьбу и проч., оставляетъ для сна и другихъ потребностей 8— $11\frac{1}{2}$ часовъ, т.-е. рабочій почти не живетъ внѣ фабрики. Алянчиковъ заявляетъ, что даже 11-часовая работа можетъ считаться легкой только при небольшомъ разстояніи до квартиръ. Двѣнадцати-часовой день „утомляетъ даже въ томъ случаѣ, если трудъ происходитъ при вполне благопріятныхъ условіяхъ“ ¹⁾.

Что касается рабочаго времени на тѣхъ фабрикахъ, о которыхъ у насъ имѣются свѣдѣнія, то оно также весьма велико. На томашевскихъ суконныхъ фабрикахъ обыкновенно работаютъ $14\frac{1}{2}$ часовъ, считая въ томъ числѣ 1 часъ на обѣдъ; ткачи работаютъ 12 часовъ, прядильщики—13—17 часовъ, рабочіе по ашплетурѣ—17 часовъ въ сутки. При этомъ для взрослыхъ мужчинъ существуетъ ночная работа; для женщинъ и малолѣтнихъ ея нѣтъ ²⁾. Если сравнить продолжительность рабочаго дня на этихъ фабрикахъ съ продолжительностью рабочаго дня на суконныхъ фабрикахъ въ Англіи, то окажется, что на первыхъ она значительно больше, чѣмъ на вторыхъ. По англійскимъ законамъ максимальная продолжительность рабочаго дня равняется для женщинъ и подростковъ 10 часамъ въ день, за исключеніемъ субботы, когда она не превышаетъ $6\frac{1}{2}$ часовъ. Однако, нѣкоторые фабриканты стараются удлинить рабочій день, прибѣгая для этого къ разнаго рода уловкамъ. Напримѣръ, работа начинается на нѣсколько минутъ раньше, а кончается на нѣсколько минутъ позже назначеннаго времени; благодаря этому, въ недѣлю получается $1\frac{1}{2}$ —2 часа лишней работы. Иногда же фабриканты прямо увеличиваютъ число рабочихъ часовъ, заставляя работать днемъ и ночью ³⁾.

У насъ такія прижимки тоже нерѣдки, хотя нашъ рабочій день и безъ того достаточно великъ. Такъ, на ткацкой фабрикѣ Хлудова въ прядильномъ отдѣленіи существуетъ три смѣны: 24-часовая, 18-часовая и 16-часовая. При 24-часовой смѣнѣ мужчины, женщины работаютъ слѣдующимъ образомъ: женщины работаютъ съ 5 до 11 утра, затѣмъ, съ 11-ти до 3 час. дня—мужчины, съ 3 до 9 ч. вечера—опять женщины, и съ 9 вечера до 5 утра—мужчины. Такимъ образомъ, мужчины и женщины работаютъ въ сутки 12 часовъ. Въ 18-часовой смѣнѣ женщины и подростки работаютъ по 9 часовъ; въ 16-часовой

¹⁾ Тимковскій. Новыя мат. по вопр. о нар. раб. вр. „Русск. Бог.“, 1896 г., 12, стр. 6.

²⁾ Стерлингъ. „Вѣстн. общ. гиг.“, 1895, 12.

³⁾ Никольскій. Санит. очеркъ по обраб. волоки. вѣщ. въ Англіи, „Медиц. Бесѣда“, 1896 г., № 1.

малолѣтніе по 8 часовъ. Въ ткацкой работа идетъ непрерывно съ 5 ч. утра до 8 ч. вечера, т.-е. 15 часовъ, причемъ на обѣдъ дается $1\frac{1}{2}$ часа, такъ что ткачи работаютъ $13\frac{1}{2}$ часовъ. Утренній и вечерній чай рабочіе пьютъ въ мастерскихъ, причемъ работа не прекращается. Ночная работа въ ткацкой продолжается съ 10 вечера до 4 ч. утра, т.-е. 6 часовъ; въ ней участвуютъ только мужчины, смѣняясь по-недѣльно; ночная смѣна дѣлается дневной и обратно. Всего въ году работаютъ 270 дней, хотя рабочіе обязаны работать и въ праздники, получая за это полуторную плату ¹⁾.

Такой длинный день особенно вредно отражается на здоровьѣ рабочихъ этой фабрики, такъ какъ они проводятъ его въ крайне пыльных мастерскихъ. Наприм., по словамъ г. Жбанкова, въ трепальнѣ „очень пыльно, хотя всѣ трепальныя машины покрыты кожухами, — одежда рабочихъ (тѣмъ не менѣе) покрыта всегда хлопчато-бумажной пылью. Въ корридорѣ, гдѣ стоитъ волея-машина, воздухъ еще болѣе пыльный, да кромѣ того тамъ постоянный сквознякъ“. Въ чесальной „жарко, пыльно и шумно отъ машинъ“. Въ прядильной также „душно, пыльно и грязно“. Во всѣхъ мастерскихъ очень высокая температура, доходящая до 27° R., а въ нѣкоторыхъ бываетъ не ниже 20 и 22° . Поэтому рабочіе всегда въ поту, а находящіеся въ движеніи „буквально обливаются потомъ“. Несмотря на прикрытіе машинъ, механическую вентиляцію и форточки, увлажненіе, воздухъ въ мастерскихъ представляется загрязненнымъ громадной массой хлопчато-бумажныхъ волоконъ и пыли, въ томъ числѣ наждачной и металлической, обильными испареніями потныхъ рабочихъ и запахомъ газа. Какая масса пыли носится въ мастерскихъ, доказывается хотя бы тѣмъ, что особые подметальщики не успѣваютъ ее собирать и подметать ²⁾. Вся эта пыль вдыхается рабочими и страшно вредитъ ихъ здоровью, о чемъ мы подробно будемъ говорить дальше.

Насколько продолжительная работа утомляетъ организмъ, показываетъ примѣръ малолѣтнихъ, посѣщающихъ школу. Первая смѣна, проработавъ съ 5 до 9 ч. утра, черезъ полчаса должна быть въ школѣ и заниматься до $12\frac{1}{4}$ дня. Къ часу дня она должна быть уже на фабрикѣ и работать тамъ до 5 часовъ вечера. Вторая смѣна работаетъ съ 9 до часу дня, затѣмъ черезъ полчаса идетъ въ школу и учится до $4\frac{1}{4}$ дня, а съ 5

¹⁾ Жбанковъ. Санит. изсгѣд., стр. 317.

²⁾ Ibid., стр. 315.

до 9 ч. вечера работает на фабрикѣ. Такимъ образомъ, малолѣтніе рабочіе, обучающіеся въ школахъ (обученіе обязательное), въ дѣйствительности работаютъ 12 часовъ, едва успѣвая поѣсть. Понятно, что толку отъ такого ученья не получается и ученики въ классѣ нерѣдко спятъ.

На свеклосахарныхъ заводахъ принять 12-часовой рабочей день для каждой смѣны, такъ что одна изъ нихъ работаетъ съ 12 часовъ дня до 12 ночи, другая—съ 12 ч. ночи до 12 ч. дня. Никакихъ перерывовъ въ работѣ не бываетъ и она не прекращается даже въ воскресные и праздничные дни ¹⁾. Приблизительно такія же данныя о длинѣ рабочаго дня приводитъ г. Святловскій для сахарныхъ заводовъ привислянскаго края и харьковскаго округа (стр. 39—40). На писчебумажныхъ фабрикахъ работа ведется и днемъ и ночью, причемъ каждая смѣна работаетъ по 12 часовъ. Воскресный и праздничный отдыхъ имѣютъ постоянно только дневные рабочіе, смѣнные же свободны лишь 27—30 дней въ году. Въ воскресенье они на работѣ, и притомъ одну недѣлю работаютъ по 18 часовъ въ сутки, а другую по 6 часовъ. Обыкновенно имъ даже обѣдъ и завтракъ приносятъ на фабрику. Оставаясь безвыходно по 12 час. въ сутки на фабрикѣ, работая половину года въ ночное время и часто въ неблагоприятныхъ условіяхъ, такой рабочей, конечно, не можетъ отличаться крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и долговѣчностью ²⁾.

Сравнивая рабочей день у насъ и за границей получаемъ, что тамъ онъ гораздо короче. Главный фабричный инспекторъ Я. Т. Михайловскій доказалъ, что на 74% всѣхъ русскихъ фабрикъ работа начинается съ 5 ч. утра и кончается въ 9 ч. вечера, но на нѣкоторыхъ работаютъ 18 часовъ. Вообще фабричныя заведенія съ 12-часовымъ днемъ составляютъ 36,8% изъ общаго ихъ числа, съ 11-часовымъ 20,8%, съ 10-часовымъ 18,1%, съ 9 час. 2,1%, съ 8-часовымъ 1,6%, съ 7-часовымъ 0,4% и съ 6-часовымъ 0,2%. Двѣнадцатичасовая работа практикуется на тѣхъ фабрикахъ, гдѣ рабочей день равняется 13½ часамъ, т.-е. 1½ часа дается на ѣду ³⁾. Между тѣмъ въ Массачузеттѣ число фабрикъ съ рабочимъ днемъ менѣе 10 часовъ составляетъ 17% (у насъ 4,3%), съ 10-часовой работой 4/5 всѣхъ фабрикъ (у насъ 18,1%), наконецъ, 99% массачузетскихъ фабрикъ работаетъ меньше 12 часовъ и только 1%—12 часовъ,

¹⁾ Евтушевскій. Докладъ: О трудѣ женщ. и подрост. на свеклос. заводахъ, стр. 5.

²⁾ Анненскій. Вопросы труда. „Русск. Бог.“, 1896, 10 к., стр. 111—12.

³⁾ Михайловскій. Зараб. плата и продолж. раб. врем. на фабр. и заводахъ, стр. 38.

тогда какъ въ Россіи менѣе 12 часовъ работаютъ всего 14,6%, а остальные—12-ть и больше.

Понятно, что если на фабрикахъ, подчиненныхъ наблюденію фабричныхъ инспекторовъ, встрѣчается такой длинный рабочий день, то въ кустарныхъ и другихъ промыслахъ онъ еще больше. Напримѣръ, у ткачей нанки рабочий день неограниченъ; по зимамъ они спятъ всего 3—4 часа въ сутки. Иногда же такая работа продолжается круглый годъ ¹⁾. Въ валяльномъ и щетинномъ производствѣ работаютъ 13—14 часовъ, начиная работу въ 6 часовъ утра и кончая въ 9—10 вечера ²⁾. На астраханскихъ рыбныхъ промыслахъ работа продолжается отъ 10 до 15 час., причѣмъ неводные рабочіе, одѣтые въ тяжелую кожаную одежду, все время бредутъ по водѣ. Мало заботясь о рабочемъ, промышленники въ то время, когда рыба ловится плохо, заставляютъ рабочихъ дожидаться лучшаго улова, такъ что послѣдніе не знаютъ даже, когда имъ придется отдохнуть. Г-нъ Шмидтъ, изслѣдовавшій промыслы, пришелъ къ заключенію, что такая „непрерывная эксплуатація силы неводнаго рабочаго гораздо утомительнѣе фабричной работы“ ³⁾. Если нѣтъ недостатка въ предложеніи такого труда, говоритъ онъ, то „велика должна быть нужда, заставляющая человѣка уподобляться въ этой работѣ животному, превращаться въ каторжника, весь грѣхъ котораго въ томъ, что онъ не имѣетъ дома достаточно хлѣба“ (стр. 116). Если трудъ неводныхъ рабочихъ изнуряетъ ихъ интенсивностью, то трудъ плотовыхъ—продолжительностью. Большая часть рабочихъ здѣсь—женщины, обязанныя нанизать въ день 5 тыс. рыбъ. За лишнее количество полагается особая плата, и вотъ за ней-то и гонятся многія работницы, тѣмъ болѣе, что эти деньги поступаютъ въ ихъ полное распоряженіе. Конечно, добываніе этихъ грошей ведетъ къ крайнему переутомленію и страшному напряженію силъ. При рѣзкѣ рыбы работаютъ обыкновенно 10—15 часовъ въ день, но, по договору, рабочіе обязаны производить всѣ работы, требуемыя хозяиномъ, и имъ приходится еще очищать плоты и чаны для рыбы.

Едва ли нужно еще говорить о вредѣ, наносимомъ здоровью рабочихъ черезчуръ продолжительной работой и доказывать необходимость ея сокращенія до нормальнаго предѣла. Въ послѣднее время этотъ вопросъ достаточно трактовался нашей пе-

¹⁾ Гаузнеръ. „Общ.-сан. об.“, 1896, 17, стр. 395.

²⁾ Святловскій. Валяльное произв. „Вѣсти. общ. гиг.“, 1895, 1 кн., стр. 13.

³⁾ Шмидтъ. Къ гигиенѣ рыб. пром., стр. 221 и 239.

чатью, и потому приведемъ лишь слѣдующія слова старшаго санитарнаго врача московской губерніи, А. В. Погожева: „Не станемъ, конечно, отрицать громаднаго продуктивнаго значенія устройства мастерскихъ и жилыхъ помѣщеній для рабочихъ и т. д., тѣмъ не менѣ нельзя не присоединиться къ послѣднему слову промышленной гигиены, что главнѣйшимъ залогомъ успѣховъ промышленности въ санитарно-гигиеническомъ отношеніи служить нормировка рабочаго дня“¹⁾. Масса отзывовъ директоровъ фабрикъ и другихъ лицъ, хорошо знакомыхъ съ фабриками и заводами, вполне доказали возможность такой нормировки рабочаго времени и уменьшенія его до 8 часовъ. Теперь лишь необходимо воспользоваться имѣющимъ опытомъ и посредствомъ закона опредѣлить нормальный рабочій день. При этомъ, конечно, необходимо устроить болѣе правильный надзоръ за его примѣненіемъ, т.-е. улучшить фабричную инспекцію, увеличивъ число инспекторовъ и избавивъ ихъ отъ отнимающей массу времени канцелярской переписки. Безъ этого самый прекрасный законъ останется мертвой буквой, и интересы рабочихъ по прежнему не будутъ ограждены.

II.

Разсмотрѣвъ общія условія жизни рабочихъ, перейдемъ къ вопросу о томъ вліяніи, которое оказываетъ работа на ихъ здоровье. Слишкомъ длинный рабочій день, помимо общаго переутомленія, особенно вреденъ для рабочихъ, благодаря крайне ненормальнымъ условіямъ, въ которыхъ имъ приходится работать. Еще Фрейсинэ сказалъ, что на свѣтѣ не существуетъ здоровой фабричной работы, но во всякомъ случаѣ есть болѣе вредныя и менѣе вредныя производства, и кромѣ того вредъ отъ нихъ можетъ быть если не уничтоженъ, то значительно уменьшенъ. Техника и санитарія достаточно уже изслѣдовали какъ вредъ разныхъ работъ, такъ и средства огражденія рабочихъ. Въ этомъ отношеніи западная Европа обладаетъ большимъ опытомъ, хотя на практикѣ многія постановленія продолжаютъ нарушаться. У насъ огражденіе рабочихъ отъ вреднаго вліянія производствъ поставлено крайне плохо, и только въ послѣднее время замѣчаются кое-какія попытки къ улучшенію. А между тѣмъ санитарныя условія на нашихъ фабрикахъ и заводахъ на-

¹⁾ Тимковскій. „Русск. Бог.“, 1896, 12, стр. 7.

столько неудовлетворительны и даже прямо вопіющіи, что нужно возможно скорѣе принять мѣры къ ихъ упорядоченію. Наши фабриканты какъ бы нарочно игнорируютъ всѣ указанія санитаріи и закона и дѣлаютъ то, что имъ вздумается, особенно въ мѣстностяхъ, удаленныхъ отъ надзора фабричной инспекціи. И это вполне понятно, такъ какъ до сихъ поръ у насъ нѣтъ ясно выработанныхъ правилъ объ устройствѣ промышленныхъ заведеній, а издаваемые обязательныя постановленія фабричныхъ присутствій, земскихъ и городскихъ учреждений—далеко не всегда исполняются.

Большинство нашихъ фабричныхъ заведеній, обрабатывающихъ волокнистыя вещества, по своему устройству ничѣмъ не отличаются отъ описанной выше ткацкой фабрики Хлудова. Помѣщенія въ нихъ тѣсны, наполнены пылью и вредными испареніями и не имѣютъ хорошей вентиляціи. При этомъ, въ ткацкой стоитъ такой адскій шумъ, какъ будто бы бѣгутъ сразу нѣсколько поѣздовъ. Этотъ шумъ вызываетъ глухоту у большинства ткачей, а также головокруженія и головныя боли. При опросѣ рабочихъ хлудовской фабрики оказалось, что 26 человекъ могли слышать только самый громкій разговоръ, а двое совсѣмъ оглохли.

На томашевскихъ суконныхъ фабрикахъ условія труда особенно вредно отзываются на здоровьѣ женщинъ. Всего на фабрикахъ работаетъ 2.546 чел., изъ нихъ 1.254 мужчинъ, 1.009 женщинъ, 263 подростка и 20 дѣтей. Самое производство суконъ раздѣляется на нѣсколько отдѣленій, причемъ каждое изъ нихъ имѣетъ свои недостатки, хотя главнымъ образомъ преобладаетъ пылевая атмосфера и неудобное положеніе тѣла. Такъ, сортировка шерсти происходитъ при постоянно согнутомъ, сидячемъ положеніи, однообразномъ движеніи мышцъ и въ пыльной атмосферѣ; при пряжѣ и тканьѣ, ворсованіи и стрижкѣ также въ обильномъ количествѣ вдыхается пыль, а при окрашиваніи—и вредныя краски. Мойка шерсти ведетъ къ раздраженію слизистой оболочки, малокровію отъ влажнаго воздуха и склонности къ простудѣ. „Мы вынуждены признать,—говоритъ изслѣдователь этихъ фабрикъ,—воздухъ фабричныхъ помѣщеній г. Томашева главнымъ факторомъ, вредящимъ здоровью рабочихъ“¹⁾.

Вредный воздухъ и другія условія работы должны сильнѣе отражаться на здоровьѣ рабочихъ еще потому, что многіе изъ

¹⁾ Стерлингъ. „В. общ. гиг.“, 1895, 12, стр. 285.

нихъ работаютъ уже очень давно. Такъ изъ мужчинъ 3,3% начали работать съ 7 лѣтъ; 10% съ 8 лѣтъ; 8,8% съ 9 л.; 11,8% съ 10 лѣтъ; 10,8% съ 11-ти; 13,1% съ 12-ти; 12,1% съ 13-ти; 6,1% съ 14-ти; 4,8% съ 15-ти; 3,4% съ 16-ти; 1,7% съ 17-ти; 2,4% съ 18-ти; 1,2% съ 19-ти; 2,6% съ 20-ти, и 7,9% старше 20 лѣтъ. Слѣдовательно, малолѣтними начали работать 76%; подростками 9,9%, и взрослыми 14,1%. Изъ женщинъ 4,9% начали работать съ 7 лѣтъ; 6,7% съ 8 л.; 5,8% съ 9-ти; 5,4% съ 10-ти; 4% съ 11-ти; 5,4% съ 12-ти; 8,8% съ 13-ти; 4,9% съ 14-ти; 8% съ 15-ти; 5,8% съ 16-ти; 9% съ 17-ти; 8% съ 18-ти; 7,5% съ 19-ти; 6,2% съ 20-ти, и 8,4% съ 21 и старше. Значитъ, малолѣтними стали работать 44,2%; подростками 25,7%, и взрослыми 30,1%, причѣмъ отъ 3 до 5 лѣтъ было на фабрикахъ 6%; отъ 5 до 10 лѣтъ—51%; отъ 10 до 15 лѣтъ—22%; отъ 15 до 20 л.—8%, и отъ 20 до 30 лѣтъ 13% женщинъ. Понятно, что при такой продолжительной работѣ вышеуказанныя вредныя условія производства порождаютъ среди рабочихъ массу болѣзней.

Изъ болѣзней, вызываемыхъ пылью, встрѣчается эмфизема легкихъ, воспаленіе слизистой оболочки, катарры носа и горла, воспаленіе глазъ и чахотка, уносящая не мало жертвъ. Высокая температура, насыщенная парами воды, и плохое питаніе вызываютъ малокровіе, ревматизмъ, пороки сердца; страшный шумъ и грязь — неврастеніи. Работающіе на вольтъ-машинѣ страдаютъ экземой на бедрахъ и голенихъ, такъ какъ жиръ, которымъ они пропитываютъ шерсть, проникаетъ сквозь одежду до кожи; твачи отъ постояннаго движенія рукой получаютъ особую болѣзнь мышцъ предплечья (*tendo vagenitis*).

Вліяніе фабрики вызываетъ не только спеціальныя заболѣванія, но и вообще сокращаетъ жизнь рабочихъ и ведетъ къ вырожденію. Такъ, сравненіе размѣровъ груди томашевскихъ суконщиковъ съ размѣрами груди московскихъ, петербургскихъ рабочихъ и мясниковъ дали слѣдующіе результаты:

	Томашев.	Петерб.	Московск.	Мясники:
Въ 20 лѣтъ . . .	82	83,1	84,5	85
" 30 " . . .	87,1	87,4	87,8	91,3
" 40—45 " . . .	87,7	87,5	88,9	92,5
" 51—60 " . . .	87,4	88,8	88,7	94,5

Такимъ образомъ, томашевскіе суконщики по размѣрамъ груди стоятъ даже ниже петербургскихъ сигарочниковъ, не говоря уже о мясникахъ. При этомъ надо замѣтить, что подобное вырожденіе должно увеличиваться, потому что дѣти фабричныхъ уже

гораздо слабѣе дѣтей крестьянъ. Было, напримѣръ, замѣчено, что мужчины, происшедшіе отъ рабочихъ, гораздо хуже развиты, чѣмъ дѣти ремесленниковъ, чернорабочихъ и крестьянъ ¹⁾. Происходитъ это, конечно, отъ плохого питанія и рано начатой работы. Такъ какъ среди мужчинъ и женщинъ число работающихъ болѣе 10 лѣтъ составляетъ почти половину, то вліяніе фабрики успѣло уже отразиться на нихъ и передалось дѣтямъ, среди которыхъ отъ 44 до 76% начинаютъ работать при неокрѣпшемъ еще организмѣ. Ждать отъ нихъ правильнаго развитія, конечно, не приходится.

Если сравнить положеніе томашевскихъ суконщиковъ съ положеніемъ англійскихъ, то окажется, что и послѣднимъ живется не легко, хотя въ послѣднее время ихъ положеніе значительно улучшилось. На шерстяныхъ фабрикахъ въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ условія работы крайне негигіеничны: работа трепальщиковъ нездорова и грязна, чесальщики вдыхаютъ пыль. У сортировщиковъ даже существуетъ особая профессиональная болѣзнь, которой они заражаются отъ нѣкоторыхъ сортовъ шерсти; смертность отъ нея весьма значительна. На джутовыхъ и льняныхъ фабрикахъ Шотландіи, самыхъ вредныхъ изъ производствъ, обрабатывающихъ волокнистыя вещества, очень часто жалуются на отсутствіе вентиляціи и высокую или низкую температуру. Последняя бываетъ зимой, когда, по небрежности или изъ экономіи, не пускаютъ пара въ нагрѣвательныя трубы, такъ что часто „бываетъ ледяной холодъ“. Рабочіе на нарахъ страдаютъ отъ пыли и высокой температуры; молодыя женщины, работающія на ватерахъ, нерѣдко даже падаютъ въ обморокъ. Особенно вредно дѣйствуетъ на здоровье такъ называемое увлажненіе воздуха въ ткацкихъ посредствомъ пара, дѣлаемое для укрѣпленія пряжи. Паръ нагрѣваетъ воздухъ до 90—95° Ф. и пропитываетъ его влагою, которая осѣдаетъ на одежду рабочихъ, и когда они ее надѣваютъ и выходятъ на воздухъ, то очень часто простужаются. Между ткачами, особенно въ возрастѣ 15—25 лѣтъ, многіе умерли отъ чахотки, воспаленія легкихъ и т. п. ²⁾

Надо вообще замѣтить, что въ производствахъ, сопровождаемыхъ выдѣленіемъ пыли, грудныя заболѣванія встрѣчаются у рабочихъ чаще другихъ. Такъ, среди тряпичниковъ одной писчебумажной фабрики въ Петербургѣ 1 больной дыхательными органами приходится на 4,3 чел., а у остальныхъ рабочихъ—на

¹⁾ Ibid., стр. 290.

²⁾ Никольскій. Санит. очеркъ, „Мед. Вѣст.“, 1896, I.

7 человекъ. Авторъ почему-то старается скрыть этотъ фактъ, но данныя прямо подтверждаютъ его и даже показываютъ, что больныхъ легкими среди рабочихъ было больше, чѣмъ среди горожанъ. Точно также много было больныхъ глазами, что объясняется массой тряпичной пыли ¹⁾. На гусевской фабрикѣ въ прядильной рабочіе болѣютъ въ три раза меньше, чѣмъ въ трепальной, на ватерахъ—въ два раза, на кардъ-машинахъ—въ 2½ раза. Это явленіе вполне будетъ понятно, если вспомнить, что воздухъ въ трепальной наполненъ легкой пылью, отдѣляющейся при трепаніи. Вся эта пыль при дыханіи попадаетъ въ легкія и раздражаетъ слизистую оболочку и глаза. Поэтому, помимо обычныхъ заболѣваній, среди трепальщиковъ, а также прядильщиковъ и ткачей, особенно часто замѣчаются болѣзни кожи, грудныя и глазныя ²⁾. На жирардовскихъ мануфактурахъ, сравнительно хорошо обставленныхъ, общій видъ рабочихъ неважный: они блѣдны, худы, съ вялой мускулатурой; здоровые субъекты—исключеніе; особенно плохи дѣти. Что касается отдѣльныхъ видовъ заболѣваній, то болѣе 1/3 составляютъ болѣзни органовъ дыханія; 1/4—страданія органовъ пищеваренія, что тѣсно связано съ низкой заработной платой и, какъ слѣдствіемъ, плохимъ питаніемъ; затѣмъ идутъ (11%) заразные болѣзни, въ томъ числѣ чахотка. По мнѣнію Лайэ, главнѣйшими причинами развитія легочной чахотки въ прядильной являются ранняя и продолжительная работа малолѣтнихъ, неудобное положеніе тѣла, утомленіе отъ однообразныхъ движеній и плохія жилища. У ткачей чахотка является какъ бы профессиональной болѣзнью. Г-нъ Песковъ нашелъ, что они по размѣрамъ груди обыкновенно не годны къ военной службѣ, а г. Эрисманъ замѣтилъ, что у большинства ткачей лѣвая сторона груди развита лучше правой ³⁾.

Между прочимъ, такія же почти заболѣванія наблюдались у егорьевскихъ ручныхъ ткачей нанки. Изъ осмотрѣнныхъ врачомъ почти двухъ тысячъ рабочихъ, имѣвшіе отъ 12 до 15 лѣтъ составляли 4%; отъ 16 до 20 лѣтъ—11%; отъ 21 до 25 лѣтъ—13%, и старше 25 лѣтъ—72%; причемъ женщинъ было почти вдвое больше мужчинъ. Оказалось, что среди этихъ ткачей всего больше было больныхъ дыхательными органами. Это объясняется исключительно тѣмъ, что ткачамъ приходится дышать воздухомъ, наполненнымъ массой пыли и хлопчато-бумажныхъ

¹⁾ Фреймертъ. Къ вопросу о заб. рабоч. на писчеб. фаб., „Вѣстн. общ. г.“, 1892, 2 кн., стр. 500—6.

²⁾ Отчетъ о гусевской больницѣ. „Труды VIII съѣзда владим. врачей“, стр. 10.

³⁾ Святловскій. Фабр. рабочій, стр. 212—15.

волоконъ, отлетающихъ отъ пряжи. Продолжительное сидѣнье за станомъ и плохое питаніе вызвали значительное число заболѣваній катаррами и геморроемъ. Болѣзни нервныя, а между ними головныя, настолько распространены, что почти нѣтъ ткачей, не страдающихъ ими. Происходить это отъ постоянного стука въ небольшомъ помѣщеніи (обыкновенная изба) и страшной жары и духоты. Напряженная работа при слабомъ свѣтѣ маленькой керосиновой лампочки очень вредно отражается на зрѣніи ткачей. Особенно жалуются они на усталость глазъ, когда имѣютъ дѣло съ синей кубовой нанкой.

Къ числу чисто-профессіональныхъ болѣзней этихъ ткачей надо отнести болѣзнь ногъ, которая въ веснѣ настолько усиливается, что рабочіе едва ходятъ. Вызывается эта болѣзнь тѣмъ, что ткачамъ все время приходится приводить станокъ въ движеніе ногами, которыя въ концѣ концовъ страшно устаютъ. Кроме того, у ткачей замѣчается правостороннее искривленіе позвоночника. Оно настолько часто, что изъ 10 случаевъ осмотра 6 разъ наблюдается если не ясно выраженный сколіозъ, то болѣе низкое положеніе правой лопатки по сравненію съ лѣвой. Объясняется это тѣмъ, что за работу садятся съ 12—13 лѣтъ, когда кости еще неспособны сильно сопротивляться работѣ. При плохомъ же сидѣніи постоянное движеніе правой рукой можетъ быть выполнено не иначе какъ при боковомъ искривленіи позвоночника и приподнятѣмъ правомъ плечѣ. Постоянное же упираніе грудью въ валъ приводитъ къ вдавливанію нижней части грудины. У беременныхъ женщинъ такое надавливаніе ведетъ къ выкидышамъ и другимъ женскимъ болѣзнямъ. Для устраненія этого надавливанія ножки стана и сидѣнье опускаются; отъ этого работа дѣлается хотя безопаснѣе, но утомительнѣе. Поэтому болѣе состоятельныя оставляютъ работу за нѣсколько мѣсяцевъ до родовъ, а бѣдныя „родятъ изъ-за стану“¹⁾. Такія ненормальныя условія особенно вредно отражаются на здоровьѣ женщинъ и дѣтей. Напримѣръ, Гирдъ показалъ, что изъ грудныхъ дѣтей, матери которыхъ работали на фабрикахъ Дольфуса въ Мюльгаузенѣ, умирало прежде на первомъ году 38—39%, но когда работницамъ позволено было оставаться дома три недѣли до и послѣ родовъ, то смертность пала на 25%). По словамъ д-ра Татама, въ то время какъ для 28 большихъ англійскихъ городовъ средняя смертность дѣтей (до

¹⁾ Гаузеръ. Санит. усл. нанковаго пр., „Сан.-общ. обозр.“, 1896, 17, стр. 396.

²⁾ Эрисманъ. Промышл. гигиена, стр. 839.

1 года) за 9 лѣтъ равна 162 на тысячу, для нѣкоторыхъ фабричныхъ округовъ она равнялась: Престона—220; Блэкбурна—191, Манчестера—171 и т. п. Если сравнить эту смертность со смертностью остальныхъ жителей, то она окажется еще выше. Причина этого заключается въ плохомъ питаніи и невозможномъ уходѣ за дѣтьми, матери которыхъ работаютъ на фабрикахъ. По даннымъ извѣстнаго ученаго Форра ¹⁾, смертность новорожденныхъ въ Лондонѣ равняется 6,1‰; въ фабричныхъ работахъ—13,8‰, т.-е. она болѣе, чѣмъ вдвое. Для всей Англій средней смертность была равна въ 1861—65 году 11,2; въ періодъ 1886—90 года, она поднялась до 16, и главной причиной этого Форръ считаетъ увеличеніе числа рабочихъ женщинъ. Въ Бельгіи смертность фабричныхъ дѣтей постоянно растетъ, тогда какъ общая смертность понижается; замѣчалось также, что во время забастовокъ дѣтская смертность падала.

Весьма любопытныя данныя о вліяніи женскаго фабричнаго труда приводитъ д-ръ Рейдъ по городу Стаффордъ. Городъ дѣлится на двѣ части. Въ одной изъ нихъ сосредоточено исключительно фарфоровое, фаянсовое и горшечное производства, въ которыхъ преимущественно работаютъ женщины; въ другой находятся главнымъ образомъ металлургическіе заводы, на которыхъ работаютъ только мужчины. Опредѣляя смертность дѣтей въ обѣихъ частяхъ города, Рейдъ нашель, что тамъ, гдѣ женщины рѣже отлучались изъ дома и болѣе находились съ дѣтьми, средняя смертность между грудными дѣтьми составляла 152 на тысячу; въ другой части, гдѣ женщины работали на фабрикахъ, смертность дѣтей равнялась 195 на тысячу. Производя дальнѣйшія наблюденія, Рейдъ нашель, что то же самое явленіе наблюдается во всѣхъ фабричныхъ центрахъ, гдѣ существуетъ женскій трудъ. Такъ, въ городахъ, гдѣ есть 15‰ фабричныхъ женщинъ, процентъ смертности даетъ 175 на тысячу, въ городахъ, гдѣ ихъ 10‰, смертность дѣтей равна 154 на тысячу ²⁾.

Пагубное вліяніе работы матерей отражается и на болѣе взрослыхъ дѣтяхъ. „Лишенные присмотра,—говорить экспертъ Гольмсъ,—дѣти плохо посѣщаютъ школу и вообще дѣлу ихъ воспитанія наносится неизмѣримый вредъ“. „Я считаю позоромъ для человѣчества,—говорилъ одинъ свидѣтель коммиссіи, изслѣдовавшей положеніе рабочаго класса въ Англій,—чтобы за-

¹⁾ „Вѣстн. общ. гиг.“, 1896, кн. VI.

²⁾ „Волжскій Вѣстникъ“, 1892, № 219.

мужнія женщины вынимали по утрамъ своихъ дѣтей изъ кровати, завертывали ихъ и уносили, быть можетъ за полмили, во всякую погоду въ нянькѣ, а сами шли на фабрику и въ концѣ концовъ занимали мѣста мужчинъ и выбрасывали ихъ на улицу. Мое мнѣніе относительно работъ замужнихъ женщинъ таково, что онѣ должны оставаться дома и смотрѣть за дѣтьми; дѣти были бы гораздо крѣпче, здоровѣе и было бы меньше жалбъ¹⁾.

Чтобы покончить съ производствами, при которыхъ выдѣляется пыль, рассмотримъ еще цементное, валяльно-войлочное и стебельное производства. Данныя о заболѣваемости рабочихъ на крупномъ цементномъ заводѣ г. Подольска, московской губерніи, обнимаютъ періодъ въ пять лѣтъ, что даетъ полное право довѣрять тѣмъ выводамъ, которые дѣлаетъ изслѣдователь. Всего рабочихъ на этомъ заводѣ было 600 человекъ, въ возрастѣ отъ 20 до 40 лѣтъ; все люди крѣпкіе и здоровые, выбираемые передъ поступленіемъ врачомъ, такъ какъ работа требуетъ значительной силы и крѣпкаго здоровья. Большинство изъ нихъ ежегодно мѣняется, и только незначительная часть работает на заводѣ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ. Всего за пять лѣтъ было зарегистрировано болѣе 10 тыс. заболѣваній, такъ что въ среднемъ каждый рабочій болѣлъ 3,3 раза въ годъ. Заболѣванія распредѣлялись такимъ образомъ: первое мѣсто занимали заболѣванія дыхательныхъ путей; второе—воспаленіе подкожной клетчатки, третье—раны; затѣмъ—болѣзни пищевыхъ органовъ, мышечный ревматизмъ и т. д.

Страданія дыхательныхъ путей, главнымъ образомъ въ видѣ катарровъ гортани, трахей и бронховъ, составляютъ, по мнѣнію врача, профессиональную болѣзнь рабочихъ цементнаго завода и зависать отъ попаданія въ дыхательные органы цементной пыли, встрѣчаясь какъ преобладающія одинаково у всѣхъ категорій рабочихъ. При вскрытіи одного умершаго рабочаго, врачъ нашелъ въ дыхательныхъ органахъ отложенія известковой пыли. Былъ также случай смерти отъ болѣзни бронхиальныхъ путей, вызванной вдыханіемъ въ теченіе 12 лѣтъ известковой пыли. Хотя случаевъ тяжелыхъ грудныхъ заболѣваній не встрѣчалось, но это можно объяснить тѣмъ, что рабочіе живутъ на заводѣ только часть года, а на остальное время уходятъ на родину, и вообще долго живущихъ рабочихъ на заводѣ очень мало. Если

¹⁾ Никольскій. Санит. очеркъ, „Мед. Вѣст.“, 1896, I.

еще принять во вниманіе цвѣтущее здоровье и возрастъ рабочихъ, то % грудныхъ болѣзней будетъ весьма высокъ ¹⁾.

Воспаленіе подкожной кѣтчатки происходитъ отъ впитыванія пыли въ кожу и особенно трещинъ на рукахъ; пораненія причиняются массой машинныхъ приспособленій и громоздкостью камней, а также неумѣньемъ рабочихъ обращаться съ механизмами, хотя въ несчастьяхъ бываетъ виноватъ и владѣлецъ, не оградившій нѣкоторыя машины, напримѣръ циркулярную пилу и др. Хорошее питаніе артелями, закупающими свѣжіе продукты, дало сравнительно малое количество желудочныхъ заболѣваній. Въ то время какъ по всей Россіи и въ частности московской губерніи эти заболѣванія даютъ 10—17,3%, на цементномъ заводѣ они составляли всего 9%. Большое сравнительно количество малярійныхъ больныхъ объясняется отчасти почвенными условіями мѣстности, а главнымъ образомъ плохими жилищами рабочихъ, которые лѣтомъ помѣщаются въ крытыхъ досками землянкахъ. Къ этому также нужно присоединить частое пребываніе въ сырой атмосферѣ, напримѣръ при размѣшиваніи цементной массы, ея вывозѣ, подземной работѣ въ шахтахъ. Пыль вызываетъ глазныя заболѣванія, особенно въ лѣтнее время, а тасканіе тяжестей—ревматизмъ ²⁾.

Валяльно-войлочное и шляпное производства являются крайне вредными для рабочихъ, такъ какъ при очисткѣ шерсти выдѣляется масса пыли и мелкихъ волосковъ. При этомъ работы исполняются обыкновенно кустарями и, слѣдовательно, требованія санитаріи совершенно игнорируются. Такъ, шляпныя мастерскія подольскаго уѣзда не имѣютъ ни форточекъ, ни вентиляторовъ, потому что рабочіе боятся, что токъ воздуха разнесетъ пухъ. Температура избъ, несмотря на отсутствіе зимнихъ рамъ, равняется 17—19°, при влажности 85—90%, рѣже—70%. Содержаніе мастерскихъ вообще очень грязное, метутся онѣ нѣсколько разъ въ годъ, на полу масса сору, волоса, состригаемаго съ мѣха; стѣны и всѣ предметы, находившіеся въ мастерскихъ, покрыты пухомъ и т. п. Весь этотъ соръ собирается въ кучи и изрѣдка выбрасывается. Въ результатѣ получается тяжелый, застоявшійся и отравленный воздухъ, наполненный пылью и пухомъ. Отсутствіе какихъ бы то ни было предохранительныхъ снарядовъ и

¹⁾ Моревичъ. Очеркъ заболѣв. раб. на цементн. заводѣ, „Вѣсти. общ. гиг.“, 1894, 6, стр. 155—7.

²⁾ Ibid, стр. 161—164.

нерѣдкія ночевки рабочихъ въ этихъ мастерскихъ ведутъ къ тому, что вредъ производства еще болѣе усиливается ¹⁾).

Начиная съ чистки сырого продукта, рабочіе все время поглощаютъ массу пыли, которая засоряетъ легкія и раздражаетъ слизистыя оболочки. При работѣ съ лучкомъ шерстобитъ стоитъ въ настоящемъ облакѣ пыли изъ волосковъ, частичекъ ртутныхъ солей и мышьяка. Пуанваре нашель, что у шляпниковъ замѣчается исхуданіе, жажда, астма, дрожаніе, а у женщинъ—выкидыши и мертворожденные. Аппретура шляпъ, производимая посредствомъ денатурированного спирта, вызываетъ общее чувство недомоганія, раздраженіе дыхательныхъ путей и нервные припадки. Но особенно вредно отзывается такъ-называемое отравленіе пуха, производимое посредствомъ ртутныхъ соединений. Обыкновенно отравы (азотноватокислая ртуть съ примѣсью мышьяка и сулемы) готовится въ избѣ, такъ что она вся наполняется вредными парами азотноватой окиси ртути. Этой смѣсью натираютъ шкурки, и въ той же избѣ кладутъ на печь для просушки; конечно, воздухъ избы отравляется и отравляетъ рабочихъ. Гирдъ нашель, что вдыханіе отравленной пыли даетъ среди шляпниковъ 32% страдающихъ грудными заболѣваніями; изъ нихъ 15,5% страдаютъ чахоткой; 6,7%—бронхитомъ; 4,7%—эмфиземой, и 5,6%—воспаленіемъ легкихъ. Въ плохо вентилируемыхъ мастерскихъ этими болѣзнями хвораютъ отъ 50 до 75% всѣхъ рабочихъ. Бенуастонъ считаетъ, что на 1.000 больныхъ шляпочниковъ приходится 50 смертей отъ чахотки, а Требюне нашель, что въ Парижѣ на 3 смерти 1 происходитъ отъ чахотки. Стивлеръ замѣтилъ, что у нью-іорскихъ шляпниковъ чахотка встрѣчается очень часто, особенно у занимающихся аппретурой шляпъ ²⁾).

Нельзя не замѣтить, что при машинномъ производствѣ вредныя пылевые моменты почти совершенно устраняются при посредствѣ особыхъ машинъ съ втяжными аппаратами. По крайней мѣрѣ за границей такія машины уже давно примѣняются и даютъ прекрасные результаты.

Исслѣдованіе нашихъ стекольныхъ заводовъ въ санитарномъ отношеніи пока еще мало подвинулось впередъ, и до сихъ поръ болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія имѣются лишь о восьми

¹⁾ Святловскій. Валяльно-войлочное производство. „В. общ. гиг.“, 1895, I, стр. 5—7.

²⁾ Ibid., стр. 15—16.

заводахъ, хотя всѣхъ ихъ не менѣе 250. Эти заводы имѣютъ внутри себя массу отдѣльныхъ производствъ, весьма различно влияющихъ на рабочихъ. Благодаря этому и заболѣваемость разныхъ группъ рабочихъ крайне разнообразна. Такъ, на кужевской стеклянной фабрикѣ, находящейся въ царевokokшайскомъ уѣздѣ, казанской губерніи, у халявныхъ мастеровъ 43% падаетъ на болѣзни органовъ движенія и накожные, и только 12,3%—на болѣзни органовъ пищеваренія, въ то время какъ у посудныхъ мастеровъ послѣднія болѣзни даютъ 32,1%, а первыя—всего 11%. Травматическія поврежденія у посудныхъ мастеровъ составляютъ 5,5%, а у хлопцевъ—19,2%; глазныя болѣзни у стекловаровъ и помощниковъ даютъ 18,4%, у остальныхъ группъ рабочихъ—только 0,9—5,7%¹⁾. Такая разница въ заболѣваемости не можетъ быть объяснена какой-нибудь случайностью, а зависитъ исключительно отъ условій производства. Такъ, болѣзни органовъ пищеваренія объясняются весьма неправильнымъ образомъ жизни, происходящимъ отъ нерегулярной и продолжительной работы. Съ другой стороны, дѣйствіе высокой и неравномѣрной температуры около плавильной печи и связанное съ этимъ оказываніе холодной водой или поглощеніе ея въ значительномъ количествѣ способствуютъ простуднымъ и груднымъ заболѣваніямъ. Распространенію послѣднихъ способствуетъ также чрезмѣрное напряженіе легкихъ при выдуваніи посуды, въ особенности халявъ. Болѣзни органовъ движенія у халявныхъ мастеровъ должны быть объяснены тѣмъ, что при раскачиваніи тяжелой халявы происходитъ страшное напряженіе мускуловъ рукъ и ногъ, причемъ необходимость быстрой работы еще болѣе увеличиваетъ это напряженіе.

Въ доказательство той зависимости, которая существуетъ между условіями работы и заболѣваніями рабочихъ, можно привести сравнительную заболѣваемость рабочихъ кужевской фабрики и окружающаго крестьянскаго населенія, состоящаго главнымъ образомъ (60%) изъ черемисъ и затѣмъ поровну татаръ и русскихъ. Сравнивая главныя группы болѣзней и опредѣляя въ процентномъ отношеніи ихъ мѣсто въ общей болѣзненности фабричнаго и крестьянскаго населенія, получимъ слѣдующія данныя:

	Фабрич. раб.:	Фабр. нас. вообще:	Крестьяне:
Перемежающ. лихорадка	10,2	10,6	4,4
Чесотка	0,8	1,1	12,5

¹⁾ Кужевская стекл. фабрика. „Общ.-сан. об.“, 1896, 9—10, стр. 206.

	Фабрич. раб.	Фабр. нас. вообще:	Крестьяне:
Болѣзни нервныя	3,2	2,7	0,8
„ органовъ дыханія	13,8	13,4	7,7
„ „ пищеваренія	24,5	26,7	15,5
„ „ движенія	9,2	6,1	6,1
„ „ кожи и влѣтчатки	9,9	11	9,4
„ глазныя	5,3	4,8	31,9
Травмы и ожоги	13,5	8,9	4,7

Изъ этой таблицы видно, что среди фабричнаго населенія преобладаютъ лихорадки, травмы съ ожогами, болѣзни органовъ дыханія, пищеваренія, движенія, кожи и нервныя. Среди крестьянскаго населенія замѣчается громадное число глазныхъ и чесоточныхъ больныхъ, превышающее въ 6—12 разъ число такихъ же больныхъ среди рабочихъ. Это вполне понятно, такъ какъ среди инородческаго населенія послѣднія болѣзни распространены особенно сильно.

Чтобы яснѣе выдѣлить наиболѣе существенныя группы заболѣваній, откинемъ въ первой группѣ населенія лихорадки и травмы, а въ другой—глазныя болѣзни и чесотку. Такимъ путемъ мы до извѣстной степени уничтожимъ влiяніе народности, культуры, условій почвы и получимъ зависимость заболѣваній отъ общихъ условій жизни и основныхъ занятій:

Болѣзни орган. дыханія . . .	18,1	16,7	14
„ „ пищеваренія . . .	32,3	33,2	27,9
„ „ движенія . . .	12	7,6	11
„ „ кожи и влѣтчатки . . .	13,1	13,7	17

Такимъ образомъ, для крестьянскаго населенія, кромѣ вышеуказанныхъ болѣзней, довольно типичными являются болѣзни кожи, а для рабочихъ—болѣзни органовъ дыханія и пищеваренія, причемъ послѣдняя группа рѣзче выражена у дѣтей и женщинъ. Что касается болѣзней органовъ движенія, то онѣ почти одинаковы у обѣихъ группъ и понижаются у дѣтей и женщинъ. Если онѣ и повышаются, то только у отдѣльныхъ группъ рабочихъ, напр. у халавныхъ мастеровъ¹⁾.

Приведенныя данныя по стеклянной фабрикѣ выдвигаютъ заболѣванія дыхательныхъ органовъ и травмы, какъ типическія для всѣхъ работающихъ и непосредственно зависящія отъ условій производства. Особенно характерна связь между травмами и профессіей; такъ, при среднемъ для рабочихъ процентѣ ихъ въ 13,5%, халавные мастера дали—15,3%; баночники—21,8% и хлопцы

¹⁾ Ibid., стр. 206—10.

—30,7%, посудные же мастера—6,4%. Объяснить причины такой разницы весьма легко, если припомнить условия работы каждой из этих групп. Такъ, баночники получают частые ожоги благодаря неосторожному обращению съ мундштуками, причистей которыхъ нерѣдко отскакиваютъ куски горячаго стекла. Хлопцы, переносащіе посуду къ калильной печи, очень часто получаютъ ожоги потому, что совки для переноски устроены самымъ примитивнымъ способомъ. Кромѣ того, они причиняютъ себѣ раны острыми краями стекла и его осколками, валяющимися на полу.

Нельзя между прочимъ не упомянуть еще о чисто-профессиональныхъ болѣзняхъ этихъ рабочихъ. Такъ, у гутейскихъ мастеровъ встрѣчалась окраска кожи лѣвой щеки въ темнобурый цвѣтъ (васкуляризація), а у выдувальщиковъ—омозолѣлость губъ. У одного баночника встрѣтился случай воздушной опухоли щеки, образовавшейся во время выдуванія шарика ¹⁾.

Довольно близко къ стекольщикамъ по своимъ заболѣваніямъ стоятъ рабочіе фаянсовыхъ фабрикъ. Подвергаясь дѣйствию пыли и жары, они вообще склонны къ болѣзнямъ органовъ дыханія, пищеваренія и кожи. Напримѣръ, на гусевской фабрикѣ два первые рода болѣзней дали $\frac{1}{3}$ всѣхъ заболѣваній; надо сказать, что данныхъ о заболѣваніяхъ рабочихъ на фаянсовыхъ фабрикахъ у насъ почти совсѣмъ нѣтъ. Мы могли достать лишь свѣдѣнія о здоровьи рабочихъ на одной большой фабрикѣ въ тверской губерніи, причемъ главнымъ образомъ изслѣдованы грудныя болѣзни. Изъ имѣющихся данныхъ видно, что разныя группы рабочихъ не одинаково страдаютъ ими. Мужчины точильщики даютъ 25,2% легочныхъ больныхъ; женщины—20,8%, причемъ чахотка составляетъ—7,46%; рисовальщики даютъ 16,2% легочныхъ больныхъ и 4% чахоточныхъ; подавальщики 15,8% легочныхъ и 2,7% чахоточныхъ; машинные—20,9% легочныхъ и 5,5% чахоточныхъ. Изъ сравненія этихъ четырехъ группъ рабочихъ можно видѣть, что наибольшій процентъ заболѣваній даютъ точильщики и машинные, т. е. рабочіе, больше другихъ подвергающіеся вліянію пыли въ теченіе 12—13-ти часовой работы. Рисовальщики даютъ меньшій процентъ заболѣваній, что, очевидно, зависитъ отъ менѣ вредныхъ условий ихъ работы. Дѣло въ томъ, что имъ приходится вдыхать пары скипидара, вредъ

¹⁾ Ibid., стр. 211.

которыхъ не особенно великъ. Скорѣе можно сказать, что болѣзни легкихъ вызываются работой въ согнутомъ положеніи и на одномъ мѣстѣ. Относительно подавальщиковъ видимъ, что они даютъ высокій сравнительно процентъ легочныхъ заболѣваній, но низкій—чахотки. Причины этого лежатъ въ отсутствіи пыли, но значительномъ колебаніи температуры и вообще тяжелыхъ условій труда ¹⁾.

Зависимость отъ условій работы проявляется особенно ясно, если сравнить число чахоточныхъ въ каждой группѣ съ общимъ числомъ заболѣваній: оказывается, что точильщики даютъ 57,1⁰/о; живописцы—40,7⁰/о; машинные—35,7⁰/о; подавальщики—22,2⁰/о.

Разсматривая возрастъ заболѣвшихъ, видно, что процентъ больныхъ возрастаетъ по мѣрѣ увеличенія возраста. Увеличеніе особенно замѣтно для возраста отъ 18 до 21 года, затѣмъ оно идетъ равномѣрно до 40 лѣтъ, потомъ процентъ понижается до 50 лѣтъ, послѣ чего опять повышается. Послѣдній фактъ, идущій въ разрѣзъ со всѣми наблюденіями, объясняется тѣмъ, что рабочіе, поступившіе на фабрику въ 35—45 лѣтъ, болѣе восприимчивы къ заболѣванію чахоткой. По крайней мѣрѣ у точильщиковъ, въ среду которыхъ рабочіе такого возраста не попадаютъ, совсѣмъ нѣтъ чахоточныхъ, имѣющихъ больше 40 лѣтъ. То же самое подтверждается и процентнымъ отношеніемъ чахотки ко всѣмъ легочнымъ заболѣваніямъ. Процентъ чахоточныхъ увеличивается съ возрастомъ, давая въ возрастѣ 30—40 лѣтъ почти половину всѣхъ легочныхъ страданій этой группы; послѣ 40 лѣтъ число чахоточныхъ значительно понижается, но послѣ 50 лѣтъ опять повышается.

Весьма также интересны цифры, показывающія зависимость легочныхъ заболѣваній отъ продолжительности труда. Наибольшее число заболѣваній приходится между 1 и 5 годомъ, для чахоточныхъ—между 11 и 15-мъ; въ эти года изъ всѣхъ рабочихъ заболѣваютъ чахоткой 31,1⁰/о, среди точильщиковъ—39,6⁰/о. Вообще же заболѣваемость по годамъ работы для легочныхъ больныхъ распредѣляется гораздо равномѣрнѣе, чѣмъ для чахоточныхъ; для послѣднихъ она растетъ по мѣрѣ увеличенія лѣтъ работы, что очевидно зависитъ отъ истощенія организма.

Относительно смертности данныя показываютъ, что на легочную чахотку пришлось 72,7⁰/о, или почти $\frac{3}{4}$ всѣхъ смерт-

¹⁾ Шверингъ. Къ вопр. о разв. хронич. легочн. заб. при фарфор.-фаян. произв. „Вѣстн. общ. гиг.“, 1896 г., 6, стр. 124.

ныхъ случаевъ. Средній возрастъ умершихъ равнялся 37,2 годамъ, а средняя продолжительность работы на фабрикѣ—20,4 годамъ. Въ первый годъ умерло 1,08%, тогда какъ въ Берлинѣ—1,03%¹⁾.

Всѣ эти данныя являются крайне интересными, но незначительными по числу; другихъ же свѣдѣній по этому вопросу въ русской литературѣ не встрѣчается. Но цѣнность ихъ возрастаетъ оттого, что всѣ выводы изъ нихъ вполне подтверждаются данными иностранныхъ изслѣдователей. Такъ, Соммерфельдъ приводитъ весьма любопытныя свѣдѣнія о заболѣваемости рабочихъ на фаянсовыхъ фабрикахъ. Изъ 82 рабочихъ страдало:

	Вертельщики.	Рисовальщики.	Обжигалы.	Шлифовальщики.
Туберкулёзомъ.	16%	15	20,5	25
Бронхіальнымъ катарромъ.	12,2	16,6	7,7	16,7
Легочной эмфиземой. . . .	3,7	—	5,1	—
Плевритомъ.	—	—	2,5	—
Астмой.	—	—	—	16,7
Малокровіемъ.	14,6	18,7	—	—

Слѣдовательно, среди этихъ рабочихъ больше всего страдали легочными болѣзнями шлифовальщики (59,4%); затѣмъ обжигалы (35,8%); вертельщики (31,9%), и рисовальщики (31,6%). Причина такой сильной заболѣваемости среди этихъ рабочихъ заключаются во вдыханіи всякаго рода минеральной пыли, неправильномъ положеніи тѣла и усиленной работѣ¹⁾.

Насколько вредно отражаются условія работы на рабочихъ, показываютъ данныя о причинахъ смертности между ними. По отчетамъ больничныхъ кассъ за 14 лѣтъ средняя продолжительность жизни этихъ рабочихъ равняется 41 году; но Соммерфельдъ признаетъ ее слишкомъ высокой, такъ какъ 693 рабочихъ, умершихъ въ Берлинѣ въ теченіе 13 лѣтъ, достигли въ среднемъ лишь 38 лѣтъ 1¹/₄ мѣс., а рисовальщики—37 лѣтъ 8 мѣс. На русскихъ фарфоровыхъ фабрикахъ возрастъ умершихъ—какъ мы видѣли—почти такой же. Относительно возраста и смертности вертельщиковъ и рисовальщиковъ существуетъ слѣдующая зависимость:

¹⁾ Ibid. „Вѣстн. общ. гиг.“, 1896, 6, стр. 135.

¹⁾ Th. Sommerfeld. Die Berufskrankheiten der Porzellanarbeiter. Vierteljahresschrift f. off. Gesundheitspf. T. 25, ч. 2. Цитируемъ по „Вѣстн. общ. гиг.“, 1895, кн. 8 стр. 173—4.

Возрастъ.	Вертельщики.	Рисовальщики.
14—20	0,49%	5,19%
20—30	14,9	42,85
30—40	22,66	16,44
40—50	34,3	18,61
50—60	21,2	6,51
60—70	4,88	6,06
70—80	1,47	4,34

Такимъ образомъ, у вертельщиковъ наибольшая смертность бываетъ въ возрастѣ отъ 40 до 50 лѣтъ, а у рисовальщиковъ— въ возрастѣ 20—30 лѣтъ. Что касается причинъ смертности, то, по даннымъ кассъ, на первомъ мѣстѣ стоитъ туберкулёзъ (59,1%); вообще же смертность отъ грудныхъ болѣзней составляетъ 74,3%. Эти болѣзни по возрастамъ распределяются такимъ образомъ (берется отношеніе по всѣмъ легочнымъ болѣзнямъ):

	10—15	20—30	30—40	40—50	50—60	60—70	70—74	
Легочныя болѣзни	0,9%	14,2%	36%	35%	10,9	2	7	=100%
Туберкулёзъ	—	16,8	36,7	35,5	9,5	1,5	—	=100%

Изъ этой таблицы ясно видно, что отъ легочныхъ болѣзней умираютъ главнымъ образомъ въ возрастѣ отъ 30 до 50 лѣтъ; отъ туберкулёза—также въ этомъ возрастѣ, хотя и предъидущій возрастъ даетъ $\frac{1}{6}$ всѣхъ умершихъ отъ чахотки. Еще болѣе поразительные выводы получаются при сравненіи числа умирающихъ отъ легочныхъ болѣзней и чахотки съ общимъ числомъ смертей по каждому возрасту. Оказывается, что въ первомъ возрастѣ процентъ умершихъ отъ легочныхъ болѣзней далъ 100%, второй—71%; третій—74%; четвертый—79,8%; пятый—44%; шестой—47%, и седьмой 100%. Даже выкидывая первый и послѣдній возрасты въ виду незначительнаго числа случаевъ, все-таки получаемъ весьма яркую картину смертности различныхъ возрастовъ отъ легочныхъ болѣзней, въ общемъ вполне подтверждающую всѣ прежніе выводы. То же самое получается и для туберкулёза, причемъ, конечно, процентъ смертности немного понижается.

Всѣ эти выводы Соммерфельда вполне подтверждаютъ выводы о заболѣваемости и смертности рабочихъ на русскихъ фаянсовыхъ фабрикахъ. Если о послѣднихъ у насъ нѣтъ болѣе подробныхъ данныхъ, то это не значитъ, что положеніе рабочихъ на нихъ лучше. Скорѣе можно утверждать обратное, такъ какъ несовершенство нашего фабричнаго законодательства, особенно въ области санитаріи, даетъ возможность фабрикантамъ уклоняться отъ исполненія обязательныхъ постановленій и не заботиться о здоровьѣ и жизни своихъ рабочихъ.

Ив. Керчикеръ.

ИЗЪ ДЪВИЧЬЯГО МІРА

„The Maiden's Progress“, by V. Hunt.

I.

Въ своей спальнѣ, на кровати лежитъ въ бѣломъ капотикѣ Марія-Елизавета, или короче, Модъ Масклинъ, прозванная „Модерной“,—современной. Ей всего восемнадцать лѣтъ; ее уложили „отдыхать“ передъ баломъ.

На цыпочкахъ, тихонько, въ комнату входятъ ея сестры—Вэрона и Пегги: одна на годъ, другая на три года моложе ея.

— А? Чего вы? Платье принесли? Который часъ?—окликаетъ ихъ старшая сестра совсѣмъ заспаннымъ голосомъ.

— Ну, вотъ! Значить, ты спала, что ни говори!—слышится въ полутьмѣ возгласъ Пегги. — А еще увѣряла, что ни за что на свѣтѣ не въ состояніи глазъ соменить! Ужъ пять часовъ; я спрашивала Минчингъ,—такъ она говоритъ, что и намека нѣтъ на платье...

— Не будетъ платья—я и не поѣду,—трагически заявляетъ Модъ.

— Ну, все обойдется: миссисъ Ионгъ никогда не надуваетъ. Да, наконецъ, ты можешь тогда надѣть свое бѣлое, или розовое, и...

— Ну, ужъ!.. Одинаковыя съ вами?—Въ тонѣ „старшей“ слышится презрѣніе. — Развѣ вы не понимаете, что мое новое платье совсѣмъ особенное—настоящее бальное?

— Конечно, понимаю: съ длиннымъ шлейфомъ, съ лифомъ дэкольтѣ... О, Боже! Ты больше намъ ужъ не товарищъ!—и Пегги глубоко вздыхаетъ.

— Пустяки! Все будетъ по-старому: я васъ не брошу. Для васъ же лучше: я потомъ могу вамъ давать совѣты, когда *вамъ* придется выѣзжать... Я буду уже опытная и поразкажу вамъ чудеса!

— Господи! Какая ты будешь тогда несносная! Я отъ души желаю, чтобы до тѣхъ поръ ты уже вышла замужъ; а не то покою мнѣ отъ тебя не будетъ!

— Ну, не глупо ли, что этотъ *выздѣвъ съ снѣтъ* вдругъ дѣлаетъ такую разницу между людьми!—задумчиво перебила ее Вэронна: — а вѣдь я всего на годъ моложе тебя и даже выше тебя ростомъ... Ну, словомъ, я уже теперь барышня, какъ барышня, а завтра!.. Завтра *ты* будешь *взрослая*; *ты* будешь сидѣть въ гостиной и принимать гостей, а не въ классной съ учителями. Ты ужъ дошла до половины „Вѣка Лудовика XIV“ и распростишься съ нимъ навсегда,—въ чемъ я тебѣ завидую, понятно! Ты перестанешь заниматься пустяками и предоставишь намъ съ Пегги дальнѣйшія заботы о своихъ птицахъ. У тебя явятся какіе-то таинственные интересы, о которыхъ ты будешь съ мамою шептаться... ну, словомъ, превратишься въ такую же несносную, противную взрослую женщину, какъ и всѣ другія, которыя бывають у мамы въ ея пріемные дни... *Женщина?* Вотъ ужасъ-то!

— На дняхъ я гдѣ-то вычитала, что „женщина—орудіе въ рукахъ дьявола“,—замѣчаетъ поучительно Пегги.

— Чтò ты? Откуда это?

— Въ библіотекѣ, на второй полкѣ отъ дверей есть такая смѣшная-пресмѣшная книга въ родѣ алфавита. Ну вотъ, на букву *Ж* тамъ прямо и стоитъ все, все про *женщину*. Постой, дай припомнить: „Эти нѣжныя созданья, опасныя, какъ притихшая морская зыбь, непостоянныя, какъ вольный вѣтеръ, коварныя, какъ тлѣющая искра... Въ ихъ улыбкѣ таятся скрытый зародышъ всеразрушающей и смертоносной власти... Имъ стѣдить бровями—и цѣлыя государства падаютъ во прахъ...“ Нѣтъ, больше не припомню!

— Неужели все это скрыто... въ насъ?—задумчиво проговорила Модъ.

— Въ тебѣ? Какая же *ты* женщина? Тебѣ на видъ одиннадцатый годъ.

— Послушайте! Да неужели у меня *такой* ужъ юный видъ? Въ чему же тогда меня уложили спать? Если бы я устала хорошенько, я бы навѣрно казалась постарше.

— Да ты и такъ не Богъ знаетъ сколько отдохнешь. Лежи смирно, не вертись!

— Тутъ не завертись, когда вы обѣ сидите у меня на ногахъ... А знаете, мнѣ кажется, мужчинамъ все равно—молоды мы, или нѣтъ... то-есть, конечно, если они сами не первой молодости...

— А если они сами слишкомъ юны, они, все равно, нами пренебрегаютъ. Замѣть, вотъ, наприимѣръ, хоть этотъ Билли Данверсъ: онъ и говорить не хочетъ съ кѣмъ бы то ни было, кромѣ м-съ Мортимеръ. Съ тобою онъ соблаговолитъ, пожалуй, протанцевать два танца, но не больше.

— Кому онъ нуженъ, этотъ Билли?—горячо возразила Вэрона:—тамъ будутъ и другіе. Модъ, душка, обѣщай намъ рассказать всѣ, всѣ любезности, которыя наговоритъ тебѣ.

— Конечно, обѣщаю!.. Если я ихъ услышу,—поправилась Модъ.

— А интересно, съ кѣмъ ты будешь танцевать? Можетъ быть, встрѣтишь тамъ свою судьбу...

— Или „Невѣдомаго бога“,—задумчиво поправила младшую сестру Вэрона. — Папѣ говорить, что каждая дѣвушка поклоняется „невѣдомому богу“...

— Если Модъ сразу найдетъ себѣ кумира, это ужъ будетъ слишкомъ глупо! Какъ будто ей необходимо сейчасъ же выйти замужъ! Нѣтъ, пусть себѣ сперва повеселится хорошенько. И, наконецъ, гости у тети Риддель все народъ серьезный. Я увѣрена, что ея „невѣдомаго кумира“ тамъ не будетъ...

— Тамъ будетъ Билли и м-съ Мортимеръ, и м-ръ Дорси, и Ренсселеры, и Эдвардъ...—перебила Вэрона.

— Ну, Эдвардъ прійдетъ попозже, онъ мнѣ самъ сказать. Онъ спѣшитъ покончить съ каталогомъ; папа его торопитъ.

— А ты, Пегги, кажется, все время торчишь въ бібліотекѣ,—замѣтила Модъ.—Я увѣрена, что ты страшно надоѣдаешь Эдварду...

— Напротивъ! Мы съ нимъ составили общество „взаимопомощи“: онъ помогаетъ мнѣ писать французскіе переводы, а я чиню для него карандаши. Наконецъ, онъ секретарь у папѣ и какой-то намъ родственникъ; его обязанность—быть мнѣ полезнымъ. Папѣ вѣдь ему платить...

— Глупая! Онъ не нуждается въ деньгахъ, онъ и самъ богатъ. Онъ ходитъ заниматься, потому что любитъ рыться въ книгахъ и въ трудахъ древнихъ бриттовъ вмѣстѣ съ нашимъ папѣ; а я предпочитаю современныхъ писателей,—заявила Модъ и,

подумавъ, прибавила:—Я не намѣрена возиться съ Эдвардомъ; я и безъ того вижу его каждый день...

— А мнѣ, признаюсь, Эдвардъ даже очень нравится!—твердо возразила Пегги.

— Какъ и всѣмъ дѣтямъ вообще,—пояснила старшая сестра. Но прежде чѣмъ оскорбленная дѣвочка успѣла обидѣться, дверь отворилась, и Минчингъ вошла съ такою большою коробкою въ рукахъ, что скорѣе уронила ее, нежели поставила на полъ.

— Барышня, платье принесли! Миссъ Пегги, миссъ Вэрона, васъ, кажется, просили не мѣшать сестрицѣ отдыхать? А ноги-то, ноги, какъ это онѣ попали на чудесное, чистенькое покрывало? Право, я не знала, что вы обѣ здѣсь!

— Вамъ и не слѣдовало знать! Посмотримъ лучше, чтò это за платье?

И Пегги помогаетъ вынимать изъ картонки изящное, воздушное бѣлое платье, съ отдѣлкою изъ бѣлыхъ ландышей.

— И молодо, и... прелестно! — объявляетъ авторитетно Минчингъ.

— Послушайте! Отъ этого выраженія „молодо“ просто можетъ стошнить! Лучше, давайте, примѣряемъ сначала: хорошо ли сидитъ?—и Модъ съ лихорадочной поспѣшностью натягиваетъ на себя платье, а Пегги критически оглядываетъ и сестру, и ея бальный нарядъ, глубокомысленно склонивъ голову на-бокъ:

— Ну, на тебѣ все, чтò угодно, будетъ хорошо сидѣть: ты пряма, какъ доска... Чтò-жъ, вообще, довольно мило!

— А мнѣ нравятся эти банты на плечахъ. Только смотри, Модъ, не откуси ихъ какъ-нибудь невзначай.

— А талю чтò-жъ вы зашнуровали кое-какъ?—нетерпѣливо замѣчаетъ Модъ своей вѣрной Минчингъ.

— Не стòить, миссъ. Мы вѣдь только примѣряемъ.

— Ахъ, да! Я и позабыла. Ну, какъ по вашему: сойдетъ?

— Лицо твое немножко желтовато, но платье—просто прелесть! Сара Монтейсъ-Фуллertonъ (Младшая) превзошла себя... А! вотъ и вы, Aurélie! Это у васъ чтò такое?

— Mademoiselle,—un bouquet. Ciel, que c'est jeune, que c'est simple! C'est l'innocence même!—восторженно восклицаетъ Aurélie, всплескивая руками.

— Модъ, чтò съ тобой? — раздается возгласъ Пегги, и обѣ сестры съ ужасомъ видятъ, что „старшая“ подбѣжала къ свѣчкѣ. Мигомъ закоптивъ шпильку на огнѣ, Модъ раздраженно проводитъ ею въ углахъ глазъ.

— Ну, вотъ! Можетъ быть, двѣ-три морщинки придадутъ мнѣ болѣе солидный видъ...

— Не рассчитывай; только лицо твое будетъ казаться грязнымъ. Не дѣлай глупостей, лучше скажи скорѣе: отъ кого будетъ?

— О! Отъ Эдварда!

— А отъ кого же больше? Онъ *пока* единственный мужчина...

— Да: *пока*...—вторить ей Модъ и задумывается.

Платье осторожно откладываютъ въ сторону.

II.

Въ три часа ночи, въ комнатѣ Модъ еще горитъ огонь, въ ожиданіи ея. Она входитъ и молча сбрасываетъ съ плечь ротонду. Минчингъ, тоже молча, расшнуровываетъ свою барышню.

— Ну, вотъ, готово. Минчингъ, можете идти; сповойной ночи! А это платье мнѣ рѣшительно не нравится; оно слишкомъ высоко вырѣзано, и шейфъ слишкомъ коротокъ... Мама выбирала фасонъ. А прическу носить теперь совсѣмъ по-новому; вамъ надо поучиться, Минчингъ. Ну, покойной ночи!..

— Боже! Мой вѣеръ сломанъ! Мнѣ его тетя Лиза подарила. Онъ чудо какъ хорошъ; только совсѣмъ не въ нашемъ вкусѣ. Бѣдная Минчингъ! Она и въ самомъ дѣлѣ не годится въ горничныя; мамой же завладѣла *Angélie*, окончательно... А я вѣдь нисколько не устала; я хоть сейчасъ готова снова танцевать, хоть опять на балъ!..

Въ эту минуту, безъ шума распахнулась дверь большого платяного шкафа, и оттуда въ комнату выпрыгнула Вэрона въ длинномъ ночномъ халатикѣ, а за нею и шалунья Пегги:

— Ну, что же?

— Ну, что же?—вскричали обѣ разомъ.—Съ кѣмъ ты танцевала? Есть у тебя женихъ?.. Много тебѣ говорили любезностей?

— Только не моей наружности, дѣти!

— Вотъ еще! Она будетъ насъ называть „дѣтьми“?!—воскликнула Пегги, горячо негодуя на сестру, и, проворно закутавшись въ ея бальную длинную ротонду, отдѣланную розовыми перьями, усѣлась на полу:—Сядемъ поудобнѣе! (Какъ царапаются эти перья!) А мороженое у васъ было? Говори—какое?

— Неужели ты воображаешь и въ самомъ дѣлѣ думаешь, что я это замѣтила?

— Обыкновенно, мороженое ты болѣе, чѣмъ „замѣчаешь“.

А Сесилія Риддель не растаетъ со своимъ „сердечкомъ“? Она мнѣ обѣщала носить его, не снимая, какъ я ношу свое.

— Какіе вы младенцы!

— Такъ я и знала, что она будетъ продолжать все въ томъ же духѣ!—вспылила Пегги.—Ну-съ, г-жа *взрослая*, лучше расскажите намъ про себя. Видѣла ты *его*?

— „Невѣдомаго бога“,—подказала Вэрона.

— Надоѣли мнѣ эти классики, до тошноты надоѣли! Ужасная старина!—ворчала Модъ.

— Да! Нашъ отецъ способенъ надоѣсть!—подхватила Пегги.—Я на половину не понимаю, про чтò онъ говоритъ, но, конечно, дѣлаю видъ, что понимаю. Это все же лучше, нежели плакать, какъ Вэрона.

— Терпѣть не могу, когда меня „начиняютъ“ выдержками изъ классиковъ!—отозвалась послѣдняя.—Довольно съ меня этого удовольствія и въ училищѣ! Отецъ можетъ святаго вывести изъ терпѣнія, а не то что простую школьницу. Кстати, а какъ *они* оба вели себя?

— Довольно сносно: мама все время посылала мнѣ улыбки черезъ всю залу, а отецъ даже спросилъ меня, во всеуслышаніе: весело ли мнѣ?

— А тебѣ было весело?

— О, да!.. то-есть: такъ себѣ! Но, все-таки, неприлично было спрашивать объ этомъ громко. Придется мнѣ объяснить ему...

— Господи помилуй! Она намѣрена учить отца!.. Впрочемъ, поживемъ—не то увидимъ. Послушай! Можешь ты вѣжливо отвѣтить на вѣжливый вопросъ: съ кѣмъ ты танцевала? Съ кѣмъ-нибудь изъ *моихъ* друзей?

— А кто это *твои* друзья?—насмѣшливо перебила молоденькую Пегги ея старшая сестра.—Я танцевала... постой, съ кѣмъ я танцевала?—и Модъ принимается сосредоточенно загибать пальцы, считая:

— М-ръ Деврель...

— Знаю! Нашъ Таузеръ какъ-то разъ укусилъ его за-ногу, когда онъ зашелъ къ намъ съ визитомъ. Такой чурбанъ! вѣдь такъ и промолчалъ объ этомъ... Ну, чтò же: сколько разъ?

— Два. Съ м-ромъ Дорси тоже два.

— А! Ну, съ кѣмъ еще?

— Съ м-ромъ Данверсомъ.

— М-ръ Данверсъ? Билли?.. О, онъ не считается: онъ и самъ-то еще только начинаетъ выѣзжать. Ну, дальше, дальше!

— Дальше, м-ръ Гонтрамъ Виръ, поэтъ; онъ мнѣ посвятилъ

стихи... И м-ръ Смэдгемъ, академикъ... онъ хочетъ писать съ меня... ангела.

— Какъ ты сказала: ангела?—Въ голосѣ Пегги ясно слышна ироническая нотка.

— Онъ говоритъ, что у меня профиль à la Боттичелли. М-ръ Виръ говоритъ, что я вылит...

— Да ну же, говори: съ кѣмъ ты больше всего танцевала?

— Постой... дай припомнить... Да! Кажется, съ Эдвардомъ.

— А ты говорила, что тебѣ до него дѣла нѣтъ?

— Ну, да. И сама знаю. Но съ нимъ такъ удобно танцевать...

— А за ужиномъ кто былъ твоимъ кавалеромъ?

— Эдвардъ.

— А кто усаживалъ тебя въ карету?

— Эдвардъ.

— Ну, все Эдвардъ, да Эдвардъ!

— Я въ этомъ не виновата: онъ почему-то всегда былъ подъ рукою...—сердито возражаетъ Модъ.

— Что-жъ, онъ мнѣ нравится, — зѣвая во весь ротъ, говорить Вэрона.—Какія странныя синеватые тѣни ложатся на эту занавѣску!

— Глупая! Это заря.

— Ну, такъ зачѣмъ же говорить, что она „съ алыми перстами“? Напротивъ, она такая холодная, такая невзрачная... Она васъ окрасила обѣихъ, особенно Модъ, въ зеленый цвѣтъ.

— Терпѣть не могу, когда на меня глаза уставляютъ! Пора бы вамъ и въ постель: четыре часа!

— Ну, начинается: „Маленькимъ дѣвочкамъ не позволено поздно спать ложиться“ и т. д. Впрочемъ, мы не задерживаемъ тебя. Покойной ночи!

— Пойти-то я пойду; только навѣрно не усну совсѣмъ: эти птицы подняли такую пискотню! Покойной ночи!—уходя на цыпочкахъ, говорить Вэрона, и Модъ остается одна въ своей спальнѣ.

Дневникъ.

„29-го апрѣля.—Мой первый выѣздъ.

„Четыре часа утра. Минчингъ, Пегги и Вэрона только-что ушли. Попробую припомнить главнѣйшія событія этого бала. На мнѣ было бѣлое платье, отдѣланное ландышами; на Сесилии Риддель—отдѣланное незабудками; тетя Риддель была вся въ бриллиантахъ,—цѣлое состояніе! Я протанцевала двадцать-одинъ та-

нецъ, изъ нихъ два—съ молодымъ хозяиномъ дома. Я трижды танцевала съ нѣкимъ м-ромъ Донкиномъ и два или три—не припомню—съ м-ромъ Деверелемъ. Лансье я танцевала съ Эдвардомъ; къ столу меня велъ одинъ разъ м-ръ Виръ и одинъ разъ—Эдвардъ. Вотъ и все, что я могу припомнить. Сначала я была ужасно нервно возбуждена. Не думаю, чтобы меня находили хорошенькой; тамъ была масса страшно хорошихъ дѣвушекъ, которыя все и всѣхъ знали, и казались гораздо старше меня. У меня былъ страшно юный видъ. Но и Цисси Риддель казалась очень молодой въ своемъ свободномъ платьѣ; хоть то утѣшеніе! М-съ Мортимеръ была очень добра ко мнѣ. Она спросила: „Кто васъ причесывалъ, дитя мое?“—и такъ ловко похлопала мою прическу, что совершенно ее измѣнила... къ лучшему, конечно. Ей только двадцать-восьмой годъ, а ея мужъ—уже членъ палаты. Она помыкаетъ Билли; такъ же точно, какъ и я Эдвардомъ. Эдвардъ сказалъ...

„30-го апрѣля.—Что сказалъ Эдвардъ?.. На этомъ я, кажется, вчера задремала. Я только-что вернулась изъ театра. Мы видѣли Кольдеръ-Марстона въ роли „Ингомара, сына лѣсовъ“. Ничего подобнаго я въ жизни еще не видала; онъ—великій артистъ! Лицо его такъ и стоитъ передо мной,—и передъ Сесиліей, тоже. Спектакли мнѣ нравятся больше, чѣмъ балы. Кажется, цѣлый годъ я бы готова видѣть *ею* ежедневно“!..

III.

Въ гостиной у м-съ Масклинъ сидитъ м-съ Риддель. За чайнымъ столомъ—обѣ дѣвицы. Гости съ визитомъ бесѣдуютъ съ хозяйкой дома.

Сесиль тихо шепчетъ подругѣ:

— Ну, милочка, какъ ты себя чувствуешь послѣ вчерашняго?

— Можешь себѣ представить, дорогая! Я нахожу, что въ этой роли онъ выше всего на свѣтѣ. Божественный! Чудесный... (Постой, дай, подамъ мамѣ чаю!) А ты замѣтила, какъ онъ вчера поскользнулся и такъ очаровательно, тихонько засмѣялся, совсемъ какъ свѣтскій человѣкъ въ гостиной,—не правда ли?

— Замѣтила, конечно! Какой онъ восхитительный, должно быть, въ частной жизни...

— Еще бы! Я развѣ тебѣ не говорила, что встрѣтилась съ одной барышней, въ домѣ которой онъ бываетъ.

— А я познакомилась съ господиномъ, который чудесно его

представляетъ. Я закрыла глаза — ну, совсѣмъ Ингомаръ! Мнѣ удалось убѣдить маму, чтобъ она позвала его обѣдать...

— Душеа! Позови и меня!

— Конечно, позову. А ты читала—вотъ гнусность-то!—какой-то репортеришка отзывается о немъ... Нѣтъ, это вѣрно со злости...

— Отъ зависти, — рѣшила Модъ, и Сесилія молча съ нею согласилась.

— Отвращеніе чтò за чай! — воскликнула м-съ Масклинъ, отхлебнувъ отъ чашки.—Чего положила въ него Модъ?

— Очень просто: вмѣсто сахару соли, — улыбаясь, догадалась м-съ Риддель.—Чего не дождешься отъ дѣвочки въ самомъ разгарѣ „марстоновской“ лихорадки!

— Не смѣйся, Анна; меня не на шутку тревожитъ ея возбужденное состояніе. Мнѣ надобно уѣхать на недѣлю, и я на это время пригласила тетю Лизу; только боюсь, чтобъ наша Модъ не выкинула какой-нибудь штуки.

— Ты думаешь, что тетя Лиза можетъ ей въ этомъ помѣшать? Ты сама чудовищно ее избаловала!.. Но, все-таки, не думаю, чтобъ надо было опасаться съ ея стороны чего-нибудь серьезнаго. Это просто дѣвичья нормальная горячка, для излеченія которой я употребляю самое дѣйствительное средство — противоядіе въ видѣ интересныхъ молодыхъ людей. И ничего, дѣйствуетъ себѣ весьма успѣшно: у меня на излеченіи находятся въ настоящее время пять такихъ паціентовъ...

— Знаю, что это увлеченіе вещь обыкновенная, — возразила м-съ Масклинъ:—вѣдь, Модъ бредитъ имъ во снѣ и на-яву, всѣ его роли выучила наизусть и съ утра до ночи истязаетъ брата и сестеръ, заставляя ихъ подавать реплики... Она способна изъ-за презрѣннаго фигляра отказать самому лучшему изъ жениховъ!

— Моя Сесилія—не лучше вашей Модъ. Только я дѣйствую совсѣмъ иначе: я просто-на-просто смѣюсь, что она прячетъ у самаго сердца, за корсетъ, карточку своего кумира.

— А моя-то? Развѣсила ихъ цѣлыхъ сорокъ-девять у себя по стѣнамъ...

— И пятидесятую кладетъ себѣ украдкой подъ подушку?.. А это кто—такой длинноволосый, съ разинутымъ ртомъ, съ выпученными глазами? Какой-то залпесневѣлый купидонъ...

— III-шъ! Онъ можетъ услышать!

— Все равно. Я всегда говорю все, что думаю, не стѣсняясь. А чѣмъ онъ занимается?

— Пишетъ стихи. Зовутъ его м-ръ Гонтрамъ Виръ. Модъ съ нимъ встрѣчалась въ одномъ домѣ.

— Не знаю, не слыхала; только онъ держитъ себя здѣсь, какъ будто ужъ давно знакомъ.

— О, это не опасно! Модъ потѣшается надъ нимъ.

Въ эту минуту Модъ, однако, не смѣялась: она чуть слышно говорила съ Эдвардомъ Конистомъ, который подошелъ къ ея столу.

— Два кусочка?—громко спросила она, наливая чай, и, чуть шевеля губами, прибавила шопотомъ:—Къ чему же вы явились?

— Благодарю васъ: одного довольно!—и тихо, чуть слышно:—Надо не прерывать обычнаго порядка, чтобы не догадались.

— А!.. Ну, хорошо; если это вамъ удобно... Можно васъ познакомить? Надо дать этимъ дамамъ въ собесѣдники мужчину. Пойдемте!..

Проворно вернулась Модъ къ подругѣ и продолжала прерванный разговоръ:

— Представьте себѣ, Флосси Рейсселеръ призналась мнѣ, что караулила его у выхода, съ большимъ букетомъ розъ... И дождалась, но струсила въ послѣднюю минуту и не рѣшилась подойти, а только слышала, что онъ сказалъ своему кучеру:—Ну, Вильесь, домой!—Ты понимаешь, его зовутъ Вильесь!

— О, я бы хотѣла быть его кучеромъ, его лакеемъ и никогда ни за кого не вышла бы замужъ!

— И я тоже, душечка моя! Мнѣ, знаешь, надо тебѣ кое-что сказать... Мнѣ сдѣлалъ предложеніе...

— Какой восторгъ... то-есть, я хотѣла сказать: какой ужасъ! Но кто же это? Говори скорѣй!

— О, только Эдвардъ! Ты знаешь, тому назадъ съ недѣлю, умеръ его дядя, и теперь онъ—лордъ Конистонъ и ѣдетъ за границу; онъ думалъ, что онъ... что я... Ну, словомъ, сдѣлалъ предложеніе...

— Да какъ же именно? Что онъ сказалъ? — допрашивала съ нетерпѣніемъ Сесиль.

— Онъ мнѣ сказалъ: „Я хочу кое-что у васъ спросить“... А я сказала:—Что же именно?—Онъ сказалъ: „Ну, знаете, что полагается всѣмъ“... А я сказала:—Это невозможно!

— Душечка моя! Ты должна была сдѣлать видъ, что не понимаешь, въ чемъ дѣло...

— Но я вѣдь прекрасно поняла! Онъ былъ такой... такой...

— Блѣдный, разстроенный?

— Нѣтъ, такой красивый... Я сказала: извините меня!

— За что же?

— За то, что ему отказала.... вѣроятно. И онъ спросилъ: „Такъ, значить, кто-нибудь другой“?—И я утвердительно наклонила голову.

Сесилія пришла въ ужасъ.

— Надѣюсь, ты не проговоришься, кто такой?

— Конечно, нѣтъ! Неужели я захочу скомпрометтировать ея!.. Какая досада! Къ намъ идетъ Гонтрамъ Виръ; придется еще съ нимъ вести разговоры...

Торжественно, напыщенно обратился молодой поэтъ къ юной хозяйкѣ дома:

— Миссъ Масклинъ! Позвольте вамъ преподнести эту бездѣлушку...—и онъ подаль ей тоненькую книжонку въ зеленомъ переплетѣ.

Она взяла и принялась разглядывать.

„Посвящается *Модерн*“... Премило издано. Но какъ забавно, что вы такъ и оставили за мною мое прозвище „Современной“!

— Да вы и есть „Модерна“, или „Современная“: это прозвище къ вамъ какъ нельзя болѣе подходитъ. Вы развѣ не замѣтили, что всѣ подхватили его на лету и съ тѣхъ поръ иначе никто васъ не зоветъ? Я убѣжденъ, что даже дома, всѣ ваши родные васъ такъ и называютъ.

— Да, это правда!

— Видите? Это потому, что оно къ вамъ подходитъ. Вы такъ глубоко, такъ сильно современны. Вы—въ духѣ времени, и въ жизни вы будете идти съ нимъ въ ногу, воспринимая отпечатокъ каждаго видоизмѣненія, каждой складки, но въ то же время сохраняя въ корнѣ свою индивидуальность. Время будетъ стремительно нестись впередъ, и вы помчитесь вмѣстѣ съ нимъ, не отставая, такъ точно, какъ и я же. Въ васъ это броженіе глубоко засѣло, а это—весьма рѣдкое явленіе среди женщинъ. О, да, я въ васъ читаю, какъ въ раскрытой книгѣ. Придетъ день, когда вы вспомните мои слова и ихъ пророческое предсказаніе... Не прочтаетъ ли вамъ поэму, которая посвящена... *Модерн*?

— О, нѣтъ! Пожалуйста не надо! Это меня только разстроитъ. Я лучше сама прочту на ночь.

— Только, прошу васъ, не принимайте ничего слишкомъ за чистую монету! Маленькій сборничекъ поэмъ и большая доля

цинизма—вещи необходимы для приобрѣтенія патентованнаго лоска свѣтскаго человѣка. Онъ долженъ умѣть танцовать, писать по требованію эпиграммы и сонеты...

— Терпѣть не могу сонетовъ; они тяжелы, какъ... камни.

— Да, пожалуй, такіе сонеты, которые пишутся небрежно между дѣломъ. Напримѣръ, во время визитовъ или когда завязываешь бѣлый галстухъ передъ зеркаломъ, собираясь въ гости. Вы должны быть настроены въ такомъ же духѣ, чтобы ихъ понять.

— „Я буду ихъ читать, шнуруя свои сапоги“ (подумала про себя Модерна).—Благодарю васъ! Но скажите пожалуйста... (простите за вопросъ!) отчего у этой книжечки загнуты ослиныя уши?

— Символическое значеніе! Я всѣми силами старался подъискать подходящій переплетъ, который соотвѣтствовалъ бы непоследовательности содержанія, который самъ по себѣ былъ бы чѣмъ-то грубымъ, хаотическимъ, оборваннымъ, какъ и самыя мысли, выраженные въ немъ; нѣчто такое же, какъ и само его содержаніе: растянутае, неопредѣленное, нѣжное и таинственное, какъ мечты юноши. Въ моей поэзіи нѣтъ ничего законченнаго, ничего установившагося; мои стихи подобны раннимъ цвѣтамъ въ саду поэта, блѣдныя, помятыя лепестки которыхъ гонитъ, суровый весенній вихрь, знаменіе бурнаго расцвѣта юности и смутныхъ впечатлѣній „растрченныхъ напрасно юныхъ лѣтъ“. Замѣтите, я такъ и назвалъ свой сборникъ: „Зеленыя мысли“. Я его писалъ во время моего странствія съ компаніей прекрасныхъ молодыхъ людей: я самъ...

— Сколько мнѣ помнится, вы только-что сказали, что всегда жили на набережной Чельси?—перебила его строго Сесилія.

— О, миссъ Риддель! Развѣ вы не видите?.. Помните чарующія строки стихотворенія:

... „Свести земное все подъ сѣнь
Зеленыхъ думъ и разрушенья,
И зеленѣющую тѣнь“...

— Нѣтъ, вы себѣ представьте: прозрачная зеленая листва...

— Сесилія, вотъ стулъ, садись! Эдвардъ, еще чашечку чаю?

— Благодарю васъ, мнѣ пора!

— Куда?

— Въ Японію.

— Вотъ вздоръ!—рѣзко воскликнула „Модерна“.

— Отчего не въ Бирмингамъ? Тамъ такъ же скучно...—подхватилъ поэтъ.

— Весьма возможно, но не такъ далеко...—невозмутимо возразилъ Эдвардъ Конистонъ, пожимая руки присутствующимъ, и ушелъ.

Виръ смотритъ ему вслѣдъ и сочувственно качаетъ головой:

— Бѣдный! Онъ въ жалкомъ состояніи... Онъ нервно разстроенъ, онъ бѣжитъ отъ людей подальше, онъ ненормаленъ... Словомъ, онъ—влюбленъ!

— М-ръ Виръ, вы не вѣрите въ любовь? — строго замѣчаетъ Сесилія Риддель.

— Почти не вѣрю. Я поэтъ.

— А я такъ вѣрю. Вотъ и Модерна—тоже.

— Право, миссъ Риддель, мнѣ кажется, что ваша добрая мамаша не такъ васъ воспитала...

— Не такъ?—переспросила молодая дѣвушка, начиная хихикать.—Пожалуйста, продолжайте: вы такой забавный!

— Вы только-что начали выѣзжать, если не ошибаюсь. Пройдутъ года, вы перестанете быть такой прямодушной и на краткій мигъ поддадитесь сладостному заблужденію, которое вамъ дастъ хоть временное счастье. И вы извѣдаете блаженство быть глупой, идиотски-глупой и счастливой... Но заблужденія, какъ зубы мудрости, являются позднѣе, а портятся скорѣе...

— Какой вы циникъ, м-ръ Виръ!

— Въ самомъ дѣлѣ? — въ восторгѣ восклицаетъ стихотворецъ. — Но вы-то, вы, миссъ Риддель, начали жизнь не съ того конца. Такъ молода и такъ еще невинна!

— Мнѣ все равно, я вѣрю, что въ наши дни возможна чистая любовь, самоотверженное чувство, которому ничего не надо, которое ничего не требуетъ, кромѣ наслажденія сознавать, что его чувствуешь, о немъ мечтаешь...

Щеки Сесиліи пылаютъ. Вспыхиваетъ и Модерна.

IV.

Во время костюмированнаго бала у м-съ Ренсселеръ, Модъ сидитъ на балконѣ съ незнакомцемъ; на лицѣ у нея маска. Съ улицы къ нимъ доносятся стукотня экипажей и уличный беспорядочный гамъ.

— Да?.. Прошу васъ, продолжайте!—говоритъ незнакомецъ. —Мнѣ это чрезвычайно интересно, и, конечно, нѣтъ ничего дурного въ томъ, что вы такъ откровенно говорите съ совершенно незнакомымъ человѣкомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?.. Такъ онъ сказалъ вамъ... Вонъ онъ, вонъ тамъ—въ костюмѣ Мазаниелло! Да вы не смотрите?

— Мнѣ и не надо. Этотъ типъ я знаю наизусть.

— Ну, такъ вотъ. Онъ мнѣ сказалъ: „Такъ вы и въ самомъ дѣлѣ не имѣли никакихъ намѣреній“?—и я сказала:—Никакихъ, вѣрьте мнѣ! Мнѣ даже очень жаль, что это такъ случилось. „Ну, да! Всѣ вы, женщины, такъ говорите“,—съ горечью въ голосѣ замѣтилъ онъ. — О, неужели,—спросила я,—вы это знаете по собственному опыту? — „Такая нескромность недостойна васъ, но все-таки я вамъ признаюсь: вы—первая женщина, которой я объясняюсь въ любви... и не думаю, чтобы пришлось мнѣ когда-либо полюбить другую“.

— Не думаетъ?! Однако онъ юноша изъ осторожныхъ...

— А я сказала (продолжала Модерна):—О, не говорите такъ, м-ръ Донкинъ! И безъ меня не мало милѣйшихъ дѣвушекъ на свѣтѣ.

— И мнѣ случалось слышать эти рѣчи,—проговорилъ незнакомецъ.

— Я знаю; только не знаю, почему при такого рода обстоятельствахъ естественнѣе всего вырываются рутинныя выраженія..., по крайней мѣрѣ, у меня.

— За исключен...

— Не перебивайте!.. Вставая, онъ показался мнѣ какъ-то вдругъ постарѣвшимъ (и это было даже ему къ лицу!); затѣмъ, онъ посмотрѣлъ твердо мнѣ въ глаза и проговорилъ: „Они лгали, эти глазки... Они мнѣ говорили“... — Ничего они не могли вамъ говорить! Я не намѣрена быть за нихъ въ отвѣтъ! Вы, надѣюсь, не станете доказывать, что я васъ успѣла обидѣть за то короткое время, что длилось наше знакомство? — „Нѣтъ, конечно, обидѣли, какъ только могли—жестоко!—вспылилъ онъ. — Вы присвоили себѣ мою любовь, а вамъ она на самомъ дѣлѣ вовсе не была нужна. Вы отняли у меня способность любить, вы похитили мою первую, мою чудную, юношескую любовь“! Я тотчасъ же отвѣтила ему, что я и не просила его „чудной, юношеской любви“; я высказала убѣжденіе, что, вѣроятно, частицы ея въ немъ еще уцѣлѣли, а затѣмъ попросила его отвести меня обратно къ мамѣ, чтобы сейчасъ же ѣхать.

— Нѣтъ, серьезно вы хотѣли оказать ему это вниманіе?

— Нельзя же было послѣ этого продолжать танцевать...

— ...На развалинахъ человѣческаго сердца?.. Однако, вы

ужасно нетактично и безсердечно поступили, все-таки оставшись, а тѣмъ болѣе углубившись въ бесѣду со мною...

— Да, не правда ли, это ужасно? Я пустилась въ откровенность, а между тѣмъ я даже васъ не знаю.

— Съ женщинами это бываетъ.

— Но почему же? Или вы обладаете даромъ ихъ приворожить?

— Пожалуйста, не говорите такихъ ужасныхъ глупостей!

— Или я инстинктивно чувствую ваше превосходство надомной, какъ превосходство человѣка сильнаго духомъ надъ слабымъ?

— Развѣ вы слабы духомъ? Но почему вы знаете, что я сильнѣе? Для васъ я совершенно незнакомый человѣкъ. Хотите, я вамъ скажу, почему вы со мною не боитесь откровенничать?

— Не имѣю ни малѣйшаго понятія. Скажите!

— Во-первыхъ, потому, что мы съ вами оба сегодня немножко ненормальны, т.-е. сравнительно съ нашимъ обычнымъ положеніемъ, какъ членовъ свѣтскаго общества. Сами того незамѣчая, вы сегодня отчасти заразились „маскараднымъ“ духомъ и поддаетесь ему, временно вдыхая въ себя атмосферу совершенно вамъ чуждаго, искусственнаго міра. И знаете ли что? Не будь вы такъ прелестны, вы были бы несносны и противны въ настоящую минуту... Это во-первыхъ; а во-вторыхъ, ваша чуткость подсказываетъ вамъ, что на меня можно положиться: *узнать* это навѣрно вамъ было невозможно, да и неоткуда. Черезъ полчаса, какъ я вамъ уже самъ сказалъ, я уѣзжаю съ поѣздомъ одиннадцать-сорокъ, и тѣмъ окончится мое общеніе съ тѣмъ кружкомъ людей, къ которому вы принадлежите. Вамъ даже неизвѣстно мое имя, а мнѣ—ваше; но если хотите, я вамъ могу сказать свое?

— Нѣтъ, не хочу!

— Я такъ и зналъ, что вы именно это скажете! Вы рѣшительно умны. Такъ, можетъ быть, вы согласитесь поговорить со мною съ полчаса, какъ съ человѣкомъ, приговореннымъ къ смерти? Это недалеко отъ истины. Наконецъ, развѣ не отрадно хоть на часокъ отдаться наслажденію чувствовать на себѣ узы дружбы, но дружбы чистой, безъ малѣйшей примѣси горечи; безъ настоящаго, какъ и безъ прошедшаго, а равно и безъ будущаго? Говорите, говорите со мной еще и говорите не стѣсняясь: при такихъ условіяхъ, я смѣло гошусь вамъ въ духовные отцы.

— Но у меня вѣдь есть родной отецъ... и братъ!

— Нѣтъ, это не то!.. Если человѣкъ, который вамъ и не

отецъ, и не братъ, а просто какъ бы товарищъ,—словомъ, равный, который видитъ въ васъ не хорошенькое личико, а душу, которая сопутствуетъ ему, и которой не страшно прямо смотреть ему въ лицо...

— Вотъ и вы говорите со мной въ этомъ родѣ, какъ будто я не женщина, а вашъ товарищъ. Вы даже не заботитесь, красива ли я?

— Вы *будете* красивы. Но продолжайте; скажите мнѣ, сколько человѣкъ уже говорили вамъ, что они въ васъ влюблены?

Модъ смутилась и запнулась:

— Да я... я...

— Вы находите, что съ моей стороны это даже... дерзко? Да?

— Да, немножко, пожалуй.

— Нѣтъ, даже *очень*. Но вы вольны не отвѣчать на мои разспросы.

— Я знаю, что не должна бы вамъ отвѣчать, но все-таки я отвѣчаю и *буду* отвѣчать.

— Знаю, что будете.

— А что, еслибы я попросила васъ отвести меня къ мамѣ?

— Собственно, такъ бы оно и слѣдовало съ вашей стороны. Кстати, вотъ и ваша мамѣ сидитъ, кушаетъ мороженое. Я ее узнаю по ея сходству съ вами. Что же, я доведу васъ до нея, расшаркаюсь и любезно выскажу сожалѣніе, что я не танцоръ, и потому лишень былъ удовольствія...

— Ну, такъ къ чему же вамъ ѣздить по баламъ?

— У меня, вѣрно, есть смутная надежда встрѣтить *настоящую* женщину, а балъ—самый удобный для этого случай. Обѣды—для этого неудобны. Ну, мыслимо ли, чтобы душа одного человѣка стремилась въ сродной ей душѣ сквозь паръ дымящагося супа или груди сочнаго жаркого? Или, на примѣръ, музыкальный вечеръ, гдѣ на васъ косятся и громко шикаютъ до того, что кровь вскипаетъ. Но балъ—совсѣмъ другое дѣло: тутъ само общество установило порядокъ, что кавалеру дается право побыть вмѣстѣ со своей дамой по крайней мѣрѣ минутъ десять... Я васъ замѣтилъ сразу, и надѣялся, что вы дадите мнѣ возможность съ вами говорить... И вамъ представили меня...

— Короля Абиссиніи,—улыбаясь, пояснила Модъ.

— А васъ называли „дѣвухой-негритянской“. Но я и безъ того заговорилъ бы съ вами. Такова моя самонадѣянная увѣренность.

— Развѣ я *настоящая* женщина?

— А! Вы возвращаетесь къ старому? Совсѣмъ по-женски! Да, да, вы *настоящая*, но только еще очень молодая. Я полагаю, мнѣ бы не слѣдовало съ вами такъ говорить; но вы такая... Вы наивны, какъ дитя; ваши уста—своевольный ротикъ ребенка, но ваши глаза... (какъ выразался и тотъ злополучный юноша на своемъ нарѣчїи любви) ваши глаза—не дѣтскіе глаза! Мнѣ бы хотѣлось знать, чѣмъ вы кончите; по всей вѣроятности, самымъ обыкновеннымъ образомъ придете къ самому обыкновенному концу.

— Надѣюсь, что нѣтъ!—горячо возразила Модерна.

— Какъ это восхитительно-юно сказано! Но вы... Однако, я боюсь сдѣлаться дерзкимъ, если буду такъ продолжать. Это вы виноваты, что съ чисто-женской непослѣдовательностью мы съ отвлеченной почвы перешли въ личную. Ну, спрашивайте у меня все, что хотите, и я готовъ надавать вамъ сколько угодно дурныхъ совѣтовъ.

— Ну, начинайте!—согласилась Модъ, смѣясь.

— Нѣтъ, вы не нуждаетесь въ совѣтахъ; вашъ путь пока идетъ не уклоняясь въ сторону. Ваши правила въ жизни просты и нетребовательны; найдите себѣ человѣка, которому вы могли бы отдать свою любовь, свое довѣріе и...

— И... что?

— Не выходите за него!

— Вы боитесь, что я сдѣлаю его несчастнымъ? Однако, вы безцеремонны!

— Нѣтъ, я слишкомъ презираю безцеремонность: это прѣбъжище нравственно-несостоятельныхъ людей... Но, кажется, я уже утомился. Я вамъ еще не говорилъ, что я—человѣкъ больной?

— Нѣтъ, но я догадалась.

— Такъ вотъ почему вы были такъ терпѣливы, такънисходительны ко мнѣ? Скажите откровенно: вы не жалѣете, что встрѣтились со мной? Скажите же скорѣе, мнѣ пора на поѣздъ. Куда позволите васъ отвести?

— О, пожалуйста, никуда!

— Я бы желалъ... Нѣтъ, даже не желалъ бы... васъ отвести къ вашей мамѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Лучше оставьте меня здѣсь...

— „И уходите такъ, чтобы никого не встрѣтить“...—подсказалъ онъ.—Хорошо, понимаю: это для того, чтобы я ни у кого не могъ узнать, какъ васъ зовутъ? Какіе вы, женщины, однако, трусы!

— Значить, вы ихъ не знаете!—рѣзко перебила его собесѣдница.— Меня зовутъ Марія-Елизавета Маселинъ.

— Мнѣ это, все равно, ничего не говоритъ; но я извиняюсь за все высказанное мною. Можете ли вы меня простить?

— Конечно. И что же? Вы серьезно уходите?

— Все впечатлѣніе будетъ испорчено, если бы я еще остался... Будьте здоровы!

Немного спустя, въ разговорѣ съ миссъ Ренсселеръ, Модерна спросила:

— А кто такой этотъ король абиссинскій?

— Сэръ Ричардъ Вайзъ, знаменитый метафизикъ. Говорятъ, онъ совсѣмъ помѣшанный и умираетъ отъ чахотки: у него что-то съ полъ-легкаго только уцѣлѣло, или что-то въ этомъ родѣ. Мѣсяцевъ шесть онъ еще проживетъ, но врядъ ли больше. Я познакомлю васъ съ его докторомъ,—онъ здѣсь въ костюмѣ Расселоса.

— О, нѣтъ, не надо!

— Вамъ не понравился сэръ Ричардъ?

— Не знаю, право,—онъ какъ будто невоспитанъ...

Но едва отошла отъ нея миссъ Ренсселеръ, какъ Модъ прибавила про себя:

— „Ну, къ чему я это сказала? Я теперь даже очень, очень объ этомъ сожалею! Вѣдь я, все равно, никогда больше его не увижу! Положимъ, съ его стороны было слишкомъ смѣло такъ говорить; но онъ—такой интересный собесѣдникъ! И жизнь была бы забавнѣе, если бы людямъ не приходилось такъ строго соблюдать свое достоинство. Какъ только человѣкъ осмѣлится сказать нѣчто такое, чего онъ не долженъ говорить, тотчасъ же полагается дать ему за это нагоняй, а все-таки послушать такихъ рѣчей пріятно“!

V.

Въ мастерской художника Фестюжера, въ Чельси, стоитъ тихій говоръ. Молодые люди въ блузахъ, дамы и дѣвицы въ большнхъ передникахъ шопотомъ обмѣниваются шутками или замѣчаніями; порою слышится сдавленный смѣхъ.

Съ другого конца комнаты, гдѣ самъ профессоръ возится надъ работою одной молодой ученицы, помогая себѣ при этомъ перочиннымъ ножомъ и пунцовымъ шелковымъ платочкомъ, доносится его строгое шиканье:

— Ст! Ст!.. Тише!—и мгновенно водворяется глубокое, гробовое молчаніе.

— А мнѣ все еще чудятся отголоски серебристаго голоса миссъ Масклинъ,—начинает снова профессоръ, какъ бы думая вслухъ:

— Прошу васъ, поберегите свой жаргонъ для гостинныхъ вашей матушки... А? Чтò вы тамъ творите?

— О, м-сьё Фестюжеръ! Подойдите ко мнѣ, пожалуйста! Я тутъ такъ напутала!

— Ну, что-жъ, посмотримъ! А знаете, вѣдь ничего себѣ, совсѣмъ недурно. Очень вѣрно схвачено! (Бормочетъ себѣ подъ носъ):—Есть талантъ, есть, только не хватаетъ увлеченія.

Пожимая плечами, онъ отходить прочь, и тотчасъ же вслѣдъ за нимъ слышится мужской шопотъ:

— Миссъ Масклинъ!

— Не говорите со мной; онъ опять навинется! Еще часика два я хочу проработать, какъ негръ... Не мѣшайте.

И въ самомъ дѣлѣ, Модерна горячо принялась за работу. Такъ прошла цѣлая часть; наступилъ второй часъ...

Тихонько, незамѣтно склонилась ея голова на раму станка.

Миссъ Паркеръ потянулась къ ней и замѣтила сурово:

— Миссъ Масклинъ! Вы задремали?

— О, Паркеръ, душка! Не сердитесь! Я танцевала до четырехъ часовъ утра.

— Да! Ваша поза была крайне живописна; и я даже хотѣла набросить васъ на полотно; но все же это не извиненье: непозволительно танцевать такъ долго, чтобы потомъ сюда являться въ такомъ видѣ!

— Слушая васъ, можно, пожалуй, подумать, что я являюсь въ пьяномъ состояніи.

— Ну, а развѣ это не одинъ изъ видовъ неумѣренности? Вы что ни день, то развѣзжаете по баламъ, а сюда являетесь выспаться въ промежуткахъ. Какая вы недомосѣдка! Вы, по видимому, не подозреваете: жизнь—это трудъ, забо...

— „Жизнь серьезна, жизнь сурова“! Вотъ ненавижу эту поэму!

— Она и не взываетъ къ такимъ мотылькамъ общества, какъ вы. Всѣ мы здѣсь, безразлично—какъ женщины, такъ и мужчины—должны упорнымъ трудомъ пробивать себѣ дорогу въ жизни. И вотъ, вдругъ вы являетесь сюда въ своихъ прелестнѣйшихъ, воздушнѣйшихъ нарядахъ, распространяя вокругъ себя обаяніе бальной атмосферы. Ваше появленіе всѣхъ насъ

развлекаетъ и даже... ну да, развращаетъ: вѣдь вы поразительно милы, вы хороши настолько, что сдумѣли бы обезоружить цѣлое судилище „исполнительнаго комитета“, или совратить съ пути истиннаго правосудія самого предсѣдателя. Это не честно, говорю вамъ прямо. Такіе любители, какъ вы, заграждаютъ путь въ настоящей славѣ и загромождаютъ собой стезю искусства.

— Паркеръ! Вы говорите какъ по книгѣ.

— Ну, для чего вы ходите сюда, скажите?—круто обрываетъ ее та.

— Для того, чтобы учиться писать картины, сколько мнѣ кажется,—мягко возражаетъ Модъ.

— „Писать“! „Писать“!! Да въ васъ сидятъ адскія способности!.. Этого я не могу не признать. Для насъ, смиренныхъ вродателей, нѣчто ужасное—наблюдать, до чего малый „минимумъ“ труда вамъ приходится затрачивать, чтобы достигнуть такихъ, результатовъ, надъ которыми намъ надо биться цѣлые дни напролетъ, да и то напрасно! Но—помяните мое слово!—это лишь первая ступень. Вы такъ и остановитесь на этомъ; дальше идетъ упорный и тяжелый трудъ, настоящая, суровая работа, а на *это* вы совершенно неспособны! Вы никогда и ничего не въ состояніи создать! Вы неспособны на творчество. Посмотрите на нашу миссъ Лэнъ: у нея на шеѣ фальшивый жемчугъ и дешевенькій, грошевый передникъ, а прическа—не то копа, не то птичье гвѣздо. А у нея въ мизинцѣ больше настоящаго таланта, чѣмъ у васъ, во всемъ вашемъ тѣлѣ.

— Ну, ну, душечка? Продолжайте!

— О, я знаю, что говорю грубо, но вѣдь на то я и „богема“. Говорю вамъ прямо: я питаю особое уваженіе къ миссъ Лэнъ. Ну, какъ вы думаете, чѣмъ она занимается, вернувшись домой? Вы думаете, можетъ быть, что она порхаетъ по баламъ и вечеринкамъ, какъ, напримѣръ, ваша милость? Нѣтъ, она портитъ себѣ глаза, работая по ночамъ, въ видѣ упражненія, надъ своимъ собственнымъ изображеніемъ въ зеркалѣ. Ей некогда заниматься флёртомъ!

— Я, значить, должна заключить, что я имъ занимаюсь?

— О, да! Въ вашихъ глазахъ мы народъ не настолько еще презрѣнный, чтобы съ нами нельзя было „снизойти“ покетничать и влюбить насъ въ себя. Это вѣдь фактъ: вы положительно всѣхъ насъ обворожили, не исключая и меня. Для меня это даже своего рода отличіе, почетъ, что вы меня избрали вашимъ интимнымъ другомъ. Ирина Гэндъ ревнуетъ меня къ

вамъ и даже не хочетъ со мной говорить. Она васъ обожаетъ, но вы-то, вы?! Смотрите, сколько зла вы ей причинили. Цѣлыми годами Филиппъ былъ ея преданнымъ работъ; они вмѣстѣ приходили и вмѣстѣ отсюда уходили. Теперь онъ ходитъ одинъ, и всѣ его надежды сосредоточены на томъ, чтобы встрѣтить васъ у крыльца. Посмотрите на юношу Валентайна: ему выпало на долю быть художникомъ, и онъ долженъ самъ пробивать себѣ дорогу, но онъ больше заботится о счастіи промывать вамъ кисти, чѣмъ о своей работѣ... Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, это очень дурно съ вашей стороны!

Модерна надулась.

— Сама буду мыть кисти!

— Пойдите, я вамъ помогу.

— Нѣтъ, не надо!

— Миссъ Масклинъ! Кто вамъ подарилъ это бирюзовое колечко? Ужь, конечно, не Валентайнъ: онъ не настолько богатъ.

— Ну, чего вы отъ меня хотите?—вдругъ спросила Модъ.

— Чтобъ вы отстранили отъ себя своего „смирнаго васала“, или сами отъ него отстранились...

— Какъ это такъ?

— Удалитесь отсюда!

— Мнѣ и самой сейчасъ пришло это въ голову. Но развѣ это не жестоко по отношенію ко мнѣ? Вы понимаете,—вѣдь я ничѣмъ не могу помѣшать, чтобы...

— Чтобы всѣ въ васъ влюблялись?.. Ну, конечно, это выходитъ такъ само собой, помимо вашей воли; но вы вѣдь и не пробовали этому сопротивляться? А скажите, встати, почему Франкъ Грезъ ходитъ такой мрачный, и почему вы больше не бесѣдуете съ нимъ?

— Потому что онъ... Онъ какъ-то разъ вздумалъ сдѣлать мнѣ предложеніе...

— А сколько ихъ такихъ, что дѣлали вамъ предложеніе, осмѣлюсь спросить?

— Да, право же, не знаю; то-есть, я хочу сказать, что здѣсь я не могу этого избѣжать, тогда какъ въ свѣтскомъ обществѣ мнѣ это скорѣе удастся. Здѣшніе выслѣживаютъ меня, подстерегаютъ на дорогѣ... И всѣ они—такіе глупые, такіе непрактичные...

— Если Дикъ Валентайнъ не кончитъ своей работы, онъ погибъ!—пророчески вѣщаетъ миссъ Паркеръ, перебивая пріятельницу.

— Я ѣду въ Стильби, къ кузинѣ Сесиліи, сейчасъ же ѣду!— горячо заявляетъ Модерна.

— И потеряете остальное время учебнаго года?—недовѣрчиво возражаетъ Паркеръ.

— Ахъ, не все ли равно? Послѣ всего, что вы сейчасъ мнѣ говорили, очевидно, изъ меня никогда настоящей художницы не выйдетъ.

— Ну, милая миссъ Масклинъ, если говорить откровенно... я искренно убѣждена, что вы пишете премило... но художницей вамъ никогда не бывать!

— Но должна же я, наконецъ, быть хоть чѣмъ-нибудь?

— Вы будете навѣрно *къмъ-нибудь* и, конечно, это для васъ же лучше. Вы выйдете замужъ, у васъ будетъ своя семья, свой домъ, свое мѣсто въ обществѣ, и въ этомъ отношеніи вы потрудитесь на пользу потомства. Искусство же предоставьте намъ, лишеннымъ возможности имѣть поклонника или мужа. Для насъ искусство—все на свѣтѣ, а для васъ оно не больше, какъ модная забава. О, не сердитесь! Сама знаю, что никогда не отличалась благовоспитанностью, а сейчасъ наговорила вамъ грубостей. Простите меня, но я такъ горячусь, глядя на васъ, изящныхъ и милыхъ „любительницъ“ искусства!.. Однако, нашъ профессоръ ужъ вернулся. Завтракъ его конченъ. Пойду, послушаю его окончательный приговоръ моей работѣ.

Въ то время, какъ Паркеръ возвращается къ своему станку, къ Модернѣ подходитъ Валентайнъ и говоритъ застѣнчиво, тихо:

— Миссъ Масклинъ! Вы мнѣ позволите сказать вамъ пару словъ?

— Къ сожалѣнію, вѣроятно, не позволю. Я сію минуту ухожу домой съ миссъ Паркеръ.

— Нельзя ли мнѣ переговорить съ вами объ одномъ чрезвычайно важномъ дѣлѣ... ну хоть мимоходомъ, въ раздѣвальнѣ?

— Да нѣтъ же, право, невозможно! Ступайте и лучше думайте о своемъ дѣлѣ: оно для васъ важнѣе всякаго другого,—прибавила она строго, а про себя подумала: „Паркеръ права; пора мнѣ удалиться отсюда“.

— Знаете, господа? Наша Масклинъ уѣхала и больше не вернется!—говорила одна изъ ученицъ своимъ подругамъ, собравшимся во время завтрака въ женской раздѣвальнѣ.

— Вотъ вамъ и разъ! Кто вамъ сказалъ?

— Нашъ сторожъ, Броунъ. Она собрала всѣ свои пожитки и увезла ихъ съ собой еще вчера.

— Наконецъ-то у насъ все станетъ тихо-смирно!

— Ужъ одинъ ея голосъ чего стоилъ!

— Таланта у нея не было ни крупницы! Фестюжеръ, положимъ, въ ней благоволил и даже додѣлывалъ за нее ея картины.

— О, нѣтъ, какъ можно! Я навѣрно знаю, что она никогда этого не допускала.

— Еще бы! Слишкомъ заносчива она отъ природы и само-надѣянна.

— Вотъ мнѣ и не придется кончить эскизъ съ нея...

— О, неужели вы считаете ее такой хорошенькой? У нея даже не художественный видъ.

— Если считать художественностью неряшливость...

— Она модница!

— Съ позволенія сказать, она вѣрно собралась подъ вѣнецъ. А тогда—конецъ искусству!

— Слышали, господа?—волновались мужчины.—Наша Мас-линъ и въ самомъ дѣлѣ убралась совсѣмъ.

— Нѣтъ, серьезно? Какая тоска! Насъ всѣхъ заберетъ сонъ.

— Да, теперь все кончено! Остались все однѣ дурнушки!

— Я ѣду въ Парижъ.

— А знаете, она вѣдь писала недурно, и пожалуй доработалась бы до чего-нибудь серьезнаго.

— Еслибъ вы всѣ ей не мѣшали.

— Противная болтушка!

— Ловкая каррикатуристка.

— Вѣрно, выходитъ замужъ!..

— А! Это всѣхъ васъ интригуетъ?—перебилъ своего ученика самъ москѣ Фестюжеръ, направляясь черезъ мужскую „раздѣвальню“ въ мастерскую.—Успокойтесь, она больше не вернется. Довольно развлекаться!

— Не правда ли, она была не изъ настоящихъ работницъ? Бывало, войдетъ, небрежно кивнетъ головой натурщицѣ, граціознымъ движеніемъ усядется передъ своимъ станкомъ, вздохнетъ, зѣвнетъ, махнетъ раза два-три по полотну за три-четверти часа... Ну, какой толкъ въ этихъ великосвѣтскихъ дѣвухахъ?—горячился м-ръ Бриггсъ.

— Прекрасно, молодой человекъ! Этого еще не хватало, чтобы вы надъ нею издѣвались! Вы говорите—ни крупницы та-

ланта? Ну, такъ я вамъ предлагаю попробовать сравниться съ нею! Можете себѣ смѣяться, сколько вашей душѣ угодно, а я скажу вамъ по совѣсти чистую правду: ей не хватало увлеченія, восторженности, она была недостаточно прилежна, все это вѣрно. У нея не было того, что Ренанъ такъ прекрасно называетъ „la sainte ardeur du travail“,—но зато у нея было... было... „elle avait ça!“—и Фестюжеръ выразительно щелкнулъ пальцемъ. —Желаю и вамъ того же!—прибавилъ онъ презрительно, взглянувъ мимоходомъ на уничтоженнаго Бриггса.

— А что это за штука: „ça“?—спросилъ тотъ товарищей, подражая жесту профессора.

— Очень просто,—отвѣчали ему въ два голоса.—Тѣ, чего въ тебѣ, дружище, вовсе нѣтъ.

— Какъ бы то ни было, она сумѣла найти слабую сторону нашего старика,—возразилъ Бриггсъ.

— И фигура у нея прекрасная!

— И цвѣтъ лица чудесный!

— И бойкости въ ней пропасть...

— А это развѣ не все равно, что талантъ и геній?.. Да нѣтъ! Я увѣренъ, что *этого* не могъ подразумевать нашъ старикъ!—закключилъ убѣжденно его товарищъ Мергатройдъ.

VI.

Въ Йоркширѣ, въ своемъ помѣстьѣ, Сесилія Риддель сидитъ у себя дома за конторкой. Входитъ Модерна, запыхавшаяся, вся въ пыли.

— А, Модерна!—восклицаетъ кузина.—Какъ я рада! Ты знаешь, мы вѣдь тебя ждали только черезъ недѣлю.

— Да я и сама этого не ожидала! Но вы мнѣ говорили, что я могу пріѣхать въ вамъ когда угодно... Минчингъ еще поднимается по лѣстницѣ. Мы васъ не стѣснимъ? А гдѣ же тетя?

— Не знаю хорошенько, можетъ быть на скотномъ дворѣ.

— А можетъ быть и въ птичникѣ, или въ подлѣвнѣ... Напрасно ожидать встрѣтить ее въ гостиной.

— Это правда, мама терпѣть ее не можетъ, и она сидитъ тамъ только при гостяхъ или на своихъ засѣданіяхъ.

— Я бы страшно ее боялась, еслибъ она не унаслѣдовала отъ своей дочери нѣкоторыхъ изъ ея добрыхъ качествъ.

— Ну, можетъ ли она что-нибудь унаслѣдовать отъ меня!—кратко возразила Сесиль.—А гдѣ же твои вещи?

— На станціи. Пошли ихъ взять!

— Хорошо. Какъ я рада тебя видѣть, хотя у насъ праздничныя хлопоты въ домѣ.

— А! Очень рада тебя видѣть!—раздался голосъ лэди Риддель, и на порогѣ появилась она сама съ корзинкою яицъ въ рукахъ.

Модерна поспѣшила незамѣтно снять свои кольца и спустить ихъ въ карманъ, прежде чѣмъ подать руку теткѣ.

— Сесилія тебя предупредила, какъ у насъ распределено время на сегодня? Жаль, что нельзя взять тебя съ собою: мѣста нѣтъ. Это было бы для тебя полезно.

— Я немного устала, тетя.

— Устала?! Въ твои-то годы? Да у меня Сесилія занутъся не смѣетъ, что она устала; а если это и случится, она знаетъ, что ее ожидаетъ...

— Брионія!—(шепчетъ въ сторону кузинѣ молодая дѣвушка).

— Дѣлать нечего, тебѣ придется примириться съ участью обѣдать наединѣ съ капитаномъ Дживилемъ. Хорошая душа, но ограниченъ! Онъ плохой радикалъ и даже, пожалуй, почти консерваторъ. Извлеки изъ него, какую сумѣешь, пользу, только не завлекай его, а не то Сесилія найдетъ, что на это возразить... Пойду принять управляющаго, мнѣ надо его видѣть.

— Я, кажется, убить ее готова!—раздраженно восклицаетъ вслѣдъ матери Сесиль.

— Полно, дружокъ, это повредило бы всему дѣлу!

— Но зачѣмъ же она такъ сватаетъ меня? — укоризненно возразила Сесиль.

— Полно, я вѣдь не считаюсь. Помнишь, ты сама всегда мнѣ повѣряла свои сердечныя тайны? Кольдеръ-Марстонъ, на примѣръ...

— Это дѣло другое.

— Вы помолвлены?

— Нѣтъ еще, но...

— Этихъ двухъ словъ вполне довольно: они все объясняютъ. Какія водятся за нимъ достоинства? Онъ хорошъ собою?

— Да... Нѣтъ... Не очень... Мнѣ кажется, что онъ хорошъ собою.

— Умень?

— Да!.. Такъ себѣ... Нѣтъ, не умень; то-есть, собственно, не въ твоемъ вкусѣ. Изъ всего графства онъ—самый лучший стрѣлокъ, самый ловкій наѣздникъ. Его имѣнье граничитъ съ нашимъ.

— О, это обстоятельство уничтожаетъ всякое сомнѣніе. Конечно, ты выйдешь за него.

— Но онъ мнѣ еще не дѣлалъ предложенія!—вскрививаетъ Сесиль возбужденно: — Модерна! Онъ еще не сватался, пойми ты! И вѣрно никогда не соберется съ духомъ. Смотри же, — будь осторожна, помни, что ты ничего не подозрѣваешь... Да не забудь: ты такъ легкомысленна!

— Не поковенничать ли съ нимъ, чтобы окончательно доказать ему мое невѣдѣніе?

— Да, и окончательно меня отстранить?—печально подсказала бѣдная Сесиль.

— Душка моя, не безпокойся,—онъ рѣшительно не въ моемъ вкусѣ.

— Онъ во вкусѣ кого угодно.

— Все равно, я не буду знать, о чемъ съ нимъ говорить; вотъ развѣ только о тебѣ...

— Пожалуйста, не надо!

— Сесиль! Коляска готова. Пора ѣхать!—оклинула дочь м-съ Риддель.

— Но, мамѣ...

— Ну, что еще?

— Я бы хотѣла сперва представить Модернѣ капитана.

— Ну, ужъ это! — Чѣмъ скорѣе эти глупѣйшія церемоніи отойдутъ въ вѣчность, тѣмъ лучше! Проще всего — подойти къ нему и объявить: „Я Модерна Масклинъ; а вы кто такой“? Затѣмъ, хорошенько пообѣдать и весело провести время, да пораньше улечься въ постель. Завтра поутру увидимся. Въ половинѣ девятого у насъ завтракъ. Ну, до свиданія! Покойной ночи! — и лэди Риддель удалилась, вслѣдъ за нею и Сесиль.

„Это изъ рукъ вонъ скверно! Три часа просидѣть съ глазу-на-глазъ, не зная этого завзятаго собачника-лошадника! Я ничего не понимаю ни въ лошадяхъ, ни въ собакахъ“, — думала Модерна, спускаясь по лѣстницѣ въ столовую.

„Лучше бы мнѣ лежать въ могилѣ! Меня поцѣловаль мужчина“!..—съ отчаяніемъ проносится въ головѣ у Модерны.

Вокругъ все тихо. Уже одиннадцатый часъ вечера. Модерна сидитъ одна въ амбразурѣ окна, въ большой, длинной галереѣ.

— Вотъ! Вотъ, въ это самое мѣсто! — вытирая щеку, говоритъ про себя Модерна: — И ничѣмъ, ничѣмъ не сотрешь этого униженія, этого позора! Могла ли я подумать, что со мной

случится что-нибудь подобное? Ну, есть ли во мнѣ хоть что-нибудь такое ужасное, дурное? Неужели я изъ такихъ, которыхъ мужчины не стѣсняются цѣловать для забавы? Что я, трактирная дѣвчонка или актриса? Конечно, я—ни то, ни другое; я слишкомъ серьезна. Глядя на меня, никто не скажетъ, что меня цѣловаль мужчина; да и не цѣловаль же... до сихъ поръ!.. Онъ меня обидѣлъ, оскорбилъ; я должна его ненавидѣть, а между тѣмъ... (и это для меня ужаснѣе всего!) я не чувствую къ нему никакой ненависти! Если бы я его презирала, я сама никогда бы не позволила ему... Да и не могла же я, ни на минуту, ожидать, что онъ можетъ меня такъ оскорбить...

— Но, въ сущности, что же такое поцѣлуй, чтобы изъ-за него терзаться? Простое, мимолетное прикосновеніе къ щекамъ, такое же, какими меня награждаютъ брать мой Вильямъ или кузина Сесилія! И къ чему мнѣ придавать этому значеніе?..

— Но вѣдь то былъ мужчина и чужой! И если мнѣ теперь когда-либо случится полюбить порядочнаго человѣка,—или если кому случится полюбить меня,—мнѣ придется... я буду обязана признаться, что меня... цѣловали! Мой первый поцѣлуй достался не „ему“, а кому-то нелюбимому, чужому, и никогда, никогда, больше этотъ первый поцѣлуй никто на свѣтѣ не получитъ. Я замужъ никогда не выйду; такъ даже лучше будетъ! Я и прежде никогда замужъ не собиралась, а теперь не могла бы, даже если бы захотѣла...

— Но какъ это случилось? Я припоминаю смутно и — не могу припомнить. Развѣ я кокетничала съ нимъ? Я ему пѣла, но вѣдь это еще не значитъ кокетничать или—завлекать... Только я никогда не пѣла такъ... такъ... Потомъ онъ вышелъ вмѣстѣ со мною и подаль мнѣ свѣчу, чтобы идти наверхъ... и взглянулъ на меня своими потемнѣвшими глазами...

— Ахъ, зачѣмъ я на него взглянула?.. Мы пожали другъ другу руки и...

Модерна закрыла лицо руками.

— Я убѣжала!.. Я не дала ему сказать ни слова... Что онъ подумалъ про меня? Что я разсердилась или... или онъ улыбнулся мнѣ вслѣдъ? Нѣтъ, вотъ теперь я дѣйствительно его ненавижу! Онъ поцѣловаль меня!..—и Модерна горько зарыдала.

Капитанъ Джикиль, поднимаясь вверхъ по лѣстницѣ, замѣтилъ въ галереѣ одинокую фигуру молодой дѣвушки, и она замѣтила его. Вскочивъ проворно на ноги, она бросилась бѣжать, но ея платье за что-то зацѣпилось. Капитанъ подоспѣлъ ей на помощь.

— Позвольте! — проговорилъ онъ церемонно и высвободилъ ея платье. Ну вотъ, готово! Покойной ночи!.. Боже! да вы въ слезахъ? Какой же я...

— Не будемъ объ этомъ говорить. Прощайте.

— Но я долженъ сказать...

— Да развѣ вы не видите, что вы только хуже сдѣлаете, распространяясь? О, уходите, пожалуйста, уходите! Это будетъ самое лучшее!

— Я знаю; но я готовъ сдѣлать все, что угодно, чтобы васъ убѣдить... Послушайте! Я завтра рано поутру уйду... такъ вы можете смѣло пожать мнѣ руку на прощанье и сказать, что прощаете меня?

— Вы уѣзжаете? Навѣрно? Какъ это хорошо съ вашей стороны!

— Но сперва вы должны пожать мнѣ руку!

— Я бы не особенно желала...

— Значитъ, вы меня не простили?

— Простила, уже простила... только мнѣ не хотѣлось бы смотрѣть прямо вамъ въ лицо. Я не хочу вспоминать про свой позоръ...

— Миссъ Маслинъ! На васъ нѣтъ позора... никакого! Я никогда самъ себя не прощу... Но вы-то, миссъ Маслинъ, вы не должны ни на минуту думать, что я принялъ вашу снисходительность за поощреніе... Я былъ какъ безумный... совершенно какъ безумный, въ теченіе всего пяти минутъ... Неужели вы не можете подарить меня вашимъ прощеніемъ? Скажите!

— Да!.. О, да...

— И постараетесь позабыть происшедшее?

— Нѣтъ, не могу я, не могу!.. — горячо воскликнула Модерна. — Я буду думать, буду вспоминать до конца жизни.

— Постойте! Есть еще средство все исправить...

— Нѣтъ, никакого и никогда!

— Я могъ бы... (запинаясь) могъ бы сдѣлать вамъ предложеніе... Неужели это такъ уже невозможно?

Водворилось молчаніе.

— Не знаю, какая выгода была бы въ томъ, чтобы мы обоюдно сдѣлали себя несчастными навѣки?

— О, за себя я отвѣчаю: я не былъ бы несчастливъ съ вами. Попробуйте, послушайте меня! Я не стану васъ увѣрять, что я люблю горячо, что я вамъ преданъ: я только нѣсколько часовъ тому назадъ встрѣтился съ вами въ первый разъ; но, клянусь спасеніемъ души моей, я васъ люблю, какъ не лю-

билъ еще никого въ жизни, и это слово ближе всего выражаетъ то чувство, которое я испытываю по отношенію къ вамъ. Я такъ хотѣлъ бы убѣдить васъ въ этомъ, дорогая!

— „Я и сама почти хотѣла бы въ этомъ убѣдиться!“ — подумала про себя Модерна, но вслухъ проговорила:— Благодарю васъ! Ну, надѣюсь, теперь все въ порядкѣ? Вы сдѣлали мнѣ предложеніе, а я вамъ отказала. Чего же мнѣ больше? (съ горькимъ смѣхомъ прибавила она). Должна же я быть довольна? Ну, я и довольна. Я готова пожать вамъ руку и пожелать спокойной ночи.

— Ради Бога, отнеситесь ко мнѣ серьезно! Я самъ никогда въ жизни еще ни на что не смотрѣлъ такъ серьезно; никогда еще не былъ такъ влюбленъ. Честью васъ завѣрю, ни одна женщина въ мірѣ не была для меня дороже васъ. Развѣ этого мало? Женихъ имѣетъ право цѣловать свою невѣсту. Но пока мы лучше ничего не скажемъ, а дня черезъ четыре — чтобы сразу ихъ не пугать... Лэди Риддель будетъ очень довольна, а Сесилія...

— Сесилія?!—воскликнула Модерна:— Боже мой, что я надѣлала? Сесилія... и вы...

— Къ чему вамъ понадобилось соединять наши имена? Я никогда не былъ и не буду ничѣмъ по отношенію къ ней.

— Не будете? Но вы уже теперь... Вы должны быть ей дороги. То-есть, я хочу сказать... Пустите меня!

— Нѣтъ, не пуцу, пока не скажете: да или нѣтъ! Слышите стукъ колесъ? Онѣ сейчасъ подѣдутъ. Вы завтра мнѣ отвѣтите: теперь ничего слушать не хочу! Повойной ночи, дорогая, милая! Кажется, все на свѣтѣ готовъ бы я отдать за право... повторить оскорбленіе... Нѣтъ, нѣтъ! Пока не возражайте. Спокойной ночи!

Поутру за чайнымъ столомъ сошлись всѣ, кромѣ Модерны.

— Вамъ чаю или кофе, Франсисъ?—спросила лэди Риддель.

— Позвольте кофе. А гдѣ же миссъ Масклинъ?

— Ахъ, ужъ и не говорите! Уѣхала съ повозомъ 8 час. 20 мин. утра.

— И не оставила никакой записки?

— Она вошла ко мнѣ въ спальню въ семь часовъ и простилась со мною, страшная, какъ привидѣніе; привела какіе-то нелѣпные резоны, почему ей нужно сейчасъ же вернуться въ городъ... Странная дѣвушка!

— По моему, это чрезвычайно нелюбезно съ ея стороны! — замѣтила капризно Сесилія.

— О, моя племянница — совѣмъ сумасшедшая... Прелестнѣйшая дѣвушка, но совѣмъ сумасшедшая!

— Совершенно съ вами согласенъ, лэди Риддель! — какъ-то особенно свирѣпо подтвердилъ капитанъ.

VII.

На дачѣ, въ Сэрреѣ, все общество увлеклось теннисомъ. Не принимала въ немъ участія только Пегги, предпочитавшая сидѣть въ тѣни, въ саду, за чайнымъ столомъ.

— Очень рада, что не играю! — разсуждала она. — Я слишкомъ велика, чтобы такъ играть! Модерна подгоняетъ шаръ Артура Девереля изъ боязни, что онъ можетъ промахнуться, а Вэрона до того углубилась въ разговоръ съ Томомъ, что пропускаетъ свою очередь играть. Не понимаю, почему эта игра называется „теннисъ“: было бы правильнѣе назвать ее: „болтовня“. Взрослые больше всего на свѣтѣ любятъ говорить. Мама и м-съ Дженкинъ вернулись домой. М-съ Дженкинъ бѣсится, что не можетъ играть въ теннисъ; ей мѣшаютъ высокіе каблуки и стяннутый корсетъ. Она все можетъ дѣлать, что угодно, только не играть въ эту игру. Вэрона терпѣть ее не можетъ. Охъ, ужъ эти мнѣ взрослые люди!..

— Меня все допрашиваютъ, не хочется ли мнѣ поскорѣе начать выѣзжать? Конечно, не очень, сколько мнѣ кажется; и къ чему мнѣ такъ стремиться къ выѣздамъ? Они не понимаютъ, они говорятъ: „Бѣдняжка! Ей только пятнадцать лѣтъ! Еще три года ждать, пока ее начнутъ вывозить!“ Благодарю покорно! Знаю, прекрасно знаю, что такое эти хваленые выѣзды: на своихъ сестрахъ видѣла, какъ это хорошо и весело. Во-первыхъ, вамъ заказываютъ бальное платье, и вы думаете, что это — прелестнѣйшее, единственное платье во всемъ мірѣ; оно готово, его приносятъ... Крики, слезы: платье сидитъ нехорошо, и некрасиво, и, словомъ, никуда не годится! Скорѣй умру, чѣмъ наряжусь въ такое безобразіе! Но передѣлывать некогда, — объ этомъ (можете быть спокойны!) позаботилась портниха. Во-вторыхъ, прическу надо сдѣлать по новому; волосы не привыкли и не хотятъ держаться. Вы волнуетесь, вы суетитесь; вы бросаетесь туда и сюда... Карета уже давно ожидаетъ у подъѣзда... Вы смплете себѣ на лицо цѣлое море пудры и бѣжите къ выходу,

не стеревъ хорошенько ея бѣлый слой. Мои сестры, возвратившись домой послѣ бала, бросались на кровать, не раздвѣаясь, и принимались вертѣться и пицать, жалуясь на понесенное разочарованіе: „веселое общество“—не чтò иное, какъ „обманъ пустой“; и ничто не складывается такъ, какъ бы того хотѣлось. Но я и безъ того могла бы имъ сказать, какъ и чтò будетъ. Конечно, онѣ остановили свое вниманіе на самомъ невозможномъ изо всѣхъ танцоровъ въ бальной залѣ, а онъ не только не былъ имъ представленъ, но даже не протанцовалъ ни одного тура. Я, съ своей стороны, вовсе не думаю, чтобы жизнь была „обманъ пустой“. Я всегда творю волю свою, и всегда съумѣю добиться всего, чего захочу...

— А чтò, не съѣсть ли мнѣ еще одинъ „petit four“! Я съѣла ихъ только шесть штукъ, а Вильямъ—цѣлыхъ восемь! Блюдо начинало замѣтно пустѣть,—пу, вотъ, я и прогнала его разыскивать лужайку для шаровъ...

— Вѣдь по моей же инициативѣ, по моему желанью переѣхали мы на дѣто въ этотъ лѣсистый деревенскій уголокъ, вмѣсто церемонныхъ, несноснѣйшихъ купаній и модныхъ курортовъ. Тутъ у насъ, въ Мерро, даже сосѣдей нѣтъ по близости; вотъ развѣ только Деверели,—оба такіе милые и такіе красавцы, что и любого изъ нихъ выбрала бы себѣ въ зятя... Впрочемъ, Фредъ, по моему, лучше Арчера; жаль только, что онъ уже помолвленъ съ Флосси Ренсселеръ. Эта Флосси—порядочная шалунья; я намѣреваюсь часто съ ней видаться, когда она выйдетъ замужъ...

— Боже! Чтò за безконечная игра! Не выпить ли мнѣ еще чаю?.. Ахъ! чай совсѣмъ простылъ. Ну, вотъ—пятно на скатерти! Положу на это мѣсто... (чтò бы такое положить?) носовой платокъ! А, жаль, что онъ такой грязный! И гдѣ онъ могъ такъ вывалиться? А, знаю: я имъ подбирала головастиковъ... Ну вотъ, эта глупая Модерна нарядилась въ юпку съ кружевами, да сама и запуталась въ нихъ...

— Я всегда ношу короткія юбки,—какъ можно короче: это я сама придумала такую хитрость, чтобы мнѣ подольше жилось привольно, какъ подростку. Взрослыя дѣвицы думаютъ, что меня такъ нарочно одѣваютъ, а это все—я сама! Будь на мнѣ длинная юбка, я тотчасъ же была бы обязана держать себя степенно, словно аршинъ проглотила; зато теперь я могу бѣситься, сколько моей душѣ угодно. И какъ смѣшно, когда я вдругъ выкину какую-нибудь шутку или произнесу цѣлыя рѣчи самаго невообразимаго содержанія! Мнѣ все сходитъ съ рукъ,—какъ я ни бываю дерзка и безразсудна...

— Понятно, у меня тоже есть уроки и занятія; дурацкіе уроки! Я думаю, что та женщина—набитая дура, которая не сумѣетъ провести своихъ учителей. У меня есть и учительница тоже,—скучнѣйшая изъ всѣхъ французенокъ на свѣтѣ,—совершенно безобидное созданье. Я весьма старательно ее выбирала, и она мнѣ почти нравится. Она знаетъ, что я не люблю, чтобы она совала носъ въ мои дѣла... Я очень рѣдко съ нею вижусь. Положимъ, мнѣ подають кушать въ классную комнату, и я обѣдаю вмѣстѣ съ нею; но она все время читаетъ свои любезные романы... все неприличныя, конечно! И я была бы не прочь познакомиться съ ними поближе; но, право же, мнѣ нѣбогда!..

— Я всегда спѣшу ѣсть и глотаю жадно, причѣмъ она меня предупреждаетъ, что я испорчу себѣ цвѣтъ лица. Но и на это у меня есть отвѣтъ, я говорю: „Ну, и прекрасно! Когда я выросту, еще успѣю подумать о своемъ цвѣтѣ лица“... Зимой у насъ часто бываютъ званые обѣды, и также часто случается, что насъ всѣхъ тринадцать. Мама говоритъ, что многіе не любятъ видѣть „тринадцать за столомъ“; но главное, это—она сама. Тогда меня зовутъ внизъ, и я обѣдаю „съ большими“, хоть, говоря откровенно, я предпочитаю свои уединенныя обѣды „наверху“: тамъ ужъ прислуга знаетъ, что я люблю покушать, и мнѣ ни въ чемъ нѣтъ отказа. На дняхъ, зная, что у насъ будутъ гости, я упростила Билли Данверса остаться дома, чтобы не ему, а мнѣ досталось быть четырнадцатой. Для разнообразія, и внизу обѣдать иной разъ очень интересно. Милый мальчижъ! Онъ отговорился лихорадкой, а вечеромъ все-таки пришелъ къ намъ, и я его поблагодарила за услугу.

— Модерна думаетъ, что онъ—ея поклонникъ. Совсе нѣтъ:—онъ ничей! Ему даже вовсе не хочется жениться, и я вполне раздѣляю его взгляды: я тоже не хочу выходить замужъ! Можетъ быть, потому мы съ нимъ такъ и дружны, что онъ не видитъ во мнѣ искательницы жениховъ?..

— Я лично не стою за бракъ, но это не мѣшаетъ мнѣ помогать бѣднымъ взрослымъ барышнямъ. Мнѣ, собственно, приходится при нихъ играть ту роль, которую играютъ при мошенникахъ маленькіе мальчишки: юркіе, смѣтливые, они пролѣзаютъ въ щели и окна, чтобы затѣмъ отпереть разбойникамъ изнутри. Вотъ барышни меня и посылаютъ лазить въ такія именно щели и окна. И ничего,—на этотъ счетъ я просто гений!..

— На дняхъ Модерна всю ночь не могла ни спать, ни сидѣть спокойно: она призналась мнѣ, что Арчеръ Деверель (какъ ей показалось) ушелъ домой въ полной увѣренности, что ей больше

нравится поэтъ де-Вирь. Модерна говорить, что ей дорого доброе мнѣніе каждаго; но я думаю, что дороже *каждаго* для нея именно не кто иной, какъ этотъ самый красавецъ-Деверель...

— Модерна повела меня къ себѣ въ комнату, закрыла плотно всѣ двери и окна (удивляюсь, какъ это она забыла заткнуть трубу въ каминѣ!) и повѣдала мнѣ свое желаніе, чтобы Арчеръ съ моихъ словъ могъ догадаться, что онъ ошибся... Только это все надо сдѣлать очень, очень тонко, чтобы онъ отнюдь не заподозрилъ, что она, Модерна, къ нему сама равнодушна!.. Я общалась ей все, что угодно, только бы она, въ свою очередь, не разболтала мое приключеніе съ моимъ пѣсикомъ Таузеромъ... И она общалась; да на придачу подарила свою старую шляпу и старый лоскутъ валансьеновъ, который у нея валялся безъ дѣла...

— Недолго думая, я поутру помчалась прямо туда. Я родственница, и потому никого не могло удивить мое появленіе. Нимало не смущаясь, я назвала, кого мнѣ было надо видѣть, а очутившись съ нимъ съ глазу-на-глазъ, я прямо, безъ какихъ бы то ни было подходовъ, объявила ему, что Модернѣ никто не нравится, кромѣ него. Онъ немного смутился, но сказалъ: „Неужели!“—и видъ его былъ вообще такой, какъ будто онъ самъ этого никогда не замѣчалъ. Я сказала, что мы вообще терпѣть не можемъ поэтовъ, а слѣдовательно, и Модернѣ не можетъ нравиться де-Вирь. Но, можетъ быть, онъ и знать не хочетъ нашу Модерну? Все равно, я ему подала мысль, что онъ могъ ей понравиться,—и того довольно! Меня вдругъ осянула мысль позвать его съ братомъ на теннисъ и на чашку чаю и—не угодно ли полюбоваться?—вотъ они всѣ на лицо, на лужайкѣ, а онъ такъ углубился въ созерцаніе Модерны, что все даетъ мимо. Надо надѣяться, что его заберутъ въ руки!..

— Вильямъ! Плутяга! Гдѣ ты былъ? Достала гнѣздо? Небось, хочешь приберечь его для себя? Нѣтъ, нѣтъ: ты и не думай меня звать! Постой! Оставь печенья въ покоѣ! Ну, можешь съѣсть то, что упало въ муравейникъ,—по крайней мѣрѣ, не такъ жалко будетъ вкуснаго *petit four*'а! Ты можешь вытереть его и съѣсть. Джэмсъ! Джэмсъ! подайте еще пирожковъ: съ ними бѣда случилась. Вильямъ, потомъ пойдемъ, сыграемъ партію вдвоемъ,—да хорошенько! Покажемъ имъ, какъ надобно играть! Пойдемъ скорѣе!

Поздно вечеромъ въ комнату къ Модернѣ входитъ Вэрона въ своемъ ночномъ капотикѣ.

— Вышли вонъ свою Angélie!—просить она сестру.

— Ну, вотъ, она ушла. Въ чемъ дѣло?

— Ни въ чемъ.

— Такъ знаешь, иди лучше спать сама, да и мнѣ не мѣшай.

— Какая ты безчувственная, право! Я хочу поговорить съ тобой про сегодняшній обѣдъ.

— Ну, и говори. Я буду слушать.

Водворяется довольно долгое молчанье.

— Ты обратила вниманіе на вдову? — начинаетъ опять Верона.

— Непремѣнно, какъ всегда. Это прекрасное упражненіе.

— Она очень ухитряется краснѣть.

— Ужъ хоть бы это предоставила намъ,—молодымъ дѣвицамъ.

— Но она сама вѣдь еще молода: ей двадцать-седьмой годъ. Ахъ, какъ бы я хотѣла быть вдовой! Томъ Лауренсъ говоритъ, что м-съ Дженкинъ выразила желаніе быть ему матерью.

— Да кто тебѣ сказалъ это?

— Да онъ самъ, Томъ Лауренсъ. Только онъ не хочетъ: у него дома есть родная мать...

— И все это онъ самъ добровольно говорить тебѣ?

— Онъ все мнѣ говоритъ, всегда!

— Ну, значить, побѣдила ты, а не вдова.

— Но, Модерна, она такая умная, такая хитрая! Онъ говоритъ, что она нестерпимо ему надоѣдаетъ; а все-таки въ концѣ концовъ самъ къ ней бѣжитъ. Она такъ хорошо умѣетъ въ-время сказать, въ-время промолчать.

— И даже смотреть еще лучше, еще краснорѣчивѣе, чѣмъ говорить.

— Очень было нужно приглашать ее гостить!

— Если наняли на лѣто цѣлый домъ, надо же его кѣмъ-нибудь наполнить!—пошутила Модерна.

— Ну, ужъ ее-то можно бы не приглашать.

— Отчего же? Она такъ оживляетъ...

— Только не насъ съ тобою!

— Не для однѣхъ только барышень созданъ весь міръ!

Опять молчаніе.

— Боже! Никакъ ты завиваешься, Модерна? Конечно, для шкнива у Деверелей?

— Нѣтъ, не совсѣмъ. Я вообще люблю быть миловидной.

— А какъ ты думалаше, будетъ завтра дождь?

— Нѣтъ, пусть ужъ лучше вѣтеръ: ея завитушки не выдерживаютъ вѣтра.

— Ну, такъ пусть будетъ вѣтеръ, буря!

— Вотъ глупая!

— Это еще за чтò?

— Ты сама лучше знаешь.

Сестры умолкаютъ.

— А м-съ Дженкинъ, какъ будто, ухаживаетъ за Томомъ?—
начинаетъ опять Верона.

— Нѣтъ, это у нея просто такая ужъ привычка...

— Однако, онъ и за обѣдомъ сидѣлъ рядомъ съ нею.

— Понятно! Его мама тамъ посадила...

— Но говорилъ онъ больше со своей другой сосѣдкой.

— А кто она такая?

— Ну, одна барышня...

Еще молчаніе.

— Эта барышня была—я!—продолжаетъ Верона.

— Вотъ какъ? А я и не замѣтила!.. Послушай, Верона!
Мнѣ надоѣла моя старая прическа; я хочу попробовать новую.
Смотри, вотъ такъ! Хорошо?

— Отвратительно! Совсѣмъ тебѣ не въ лицу.

— Ну, а вотъ такъ?

— Нѣтъ, лучше вотъ такъ..., или такъ... Все равно, какъ-
нибудь!

— Какая ты безучастная!..—и, помолчавъ, прибавила: —Я,
кажется, спать пойду; ты не хочешь слушать...

— Нѣтъ, отчего же? Говори, только о чемъ-нибудь интере-
ресномъ...

— Ради Бога, не будь какъ Арчеръ Деверель!

— А ты не будь груба!

— О, Модерна, неужели ты въ самомъ дѣлѣ влюблена въ
этого фатилку?

— Нельзя ли безъ такихъ названій?

— Чтò же тутъ такого? Это не какая-нибудь вещь, которую
можно измѣнить или передѣлать. И вдобавокъ онъ отврати-
тельно играетъ въ теннисъ.

— Ну, кто его въ намъ приглашаетъ?

— Только не я.

— Ну, такъ, значить, Пегги! Она очень уже бойка на все,
на чтò угодно.

— Вотъ тебѣ и разъ! Ты уже въ постели?

— Кажется, уже довольно поздно?

- Миѣ бы уйти?
 — Пожалуй.
 — Но я бы, кажется, готова всю ночь говорить.
 — Помилосердуй!
 — Сознайся, ты вѣдь злишься?
 — Нѣтъ, только я спать хочу!
 — Покойной ночи, милочка!
 — Покойной ночи!..—и Вэрона уходитъ.

— Модъ, проснись! Проснулась, душка моя, ангелочекъ!— говоритъ, вернувшись, Вэрона.— Скажи ты миѣ...

- Ну, что такое?
 — Да проснись хорошенько: дѣло серьезное!
 — Отстань, Вэрона! Не мучай меня, не мѣшай миѣ спать. Вотъ, вотъ уже засыпаю...

— Постой, Модерна, душка! Погоди минутку! Только скажи: по-твоему, которая изъ двухъ: я или вдова?

- Я думаю, ни та, ни другая!
 — Модерна, ну, будь же милая!
 — Дѣлать нечего, придется покориться, — согласилась Модерна. — Ну, слушай: она уѣзжаетъ съ поѣздомъ одиннадцатидесять, послѣ завтра,—если это можетъ служить для тебя утѣшеніемъ.

— А кто тебѣ сказалъ?

— Мамѣ. И я сама свидѣтельница, какъ Томъ искалъ ей въ росписаніи подходящаго поѣзда.

— О, душка! Въ самомъ дѣлѣ?

— Конечно, дурочка! Развѣ ты не видишь, что она нарочно заигрываетъ съ Томомъ, чтобы подразнить Девереля. А вчера—слушай же, слушай внимательно!—Томъ спрашивалъ у меня, есть ли на свѣтѣ глаза прекраснѣе твоихъ?.. Ну, что, теперь довольна?

— О, Модъ! Ты душка, ты восторгъ! Ты меня сдѣлала счастливой! Никогда въ жизни не забуду, какой ты была доброй для меня сестрой... Фу! Да никакъ она ужъ задремала?..

VIII.

М-съ Мортимеръ даетъ танцевальный вечеръ въ Кенсингтонѣ. Съ первыми звуками вальса, нѣсколько человѣкъ парами уxo-

дять изъ оранжерей въ залу. Модерна остается сидѣть на мѣстѣ и глядитъ имъ во слѣдъ.

— Вонъ, вонъ она идетъ! Я узнаю ее по спинѣ. Нѣтъ... Да нѣтъ же, я къ ней не ревную! Но все-таки мнѣ бы хотѣлось... Вэрона, ты чего?

Вэрона быстро къ ней подбѣжала, оставивъ на минутку своего кавалера, и привялась ее убѣждать.

— Ну, чего тебѣ сидѣть здѣсь, совсѣмъ въ сторонѣ, вмѣсто того, чтобы танцовать и веселиться? Онъ только и видитъ, и слышитъ, что Флосси Ренсселеръ.

— Я не понимаю, что ты хочешь этимъ сказать?

— Ну, вотъ уже и рассердилась! А я-то даже бросила своего кавалера, чтобы только приближать тебя угѣшить...

— „Угѣшить“?! Можешь убираться, откуда пришла!—вспыхнула Модерна, а про себя прибавила:—„Такой отвратительной дѣвчонки еще свѣтъ не производилъ! Все-то онѣ раскопаютъ, эти сестры!.. Ну, вотъ, только еще Флосси не хватало“!

— Чего вы тутъ сидите въ одиночествѣ, Moderna mia? У васъ нѣтъ кавалера?—бойко окликнула ее миссъ Ренсселеръ.

— Не говорите глупостей! Конечно, у меня есть кавалеръ.

— Къ чему же вы запрятались такъ далеко, что онъ навѣрно васъ не сыщеть? Это можетъ даже показаться очень страннымъ...—и Флосси уходитъ.

— Я и сама такъ думаю,—разсуждала Модерна.—Не пойти ли назадъ? А! Вотъ и мой кавалеръ! Ну, что, Билли? Жарко въ залѣ? Идите сворѣй сюда, да посидимъ и поболтаемъ немножко. Танцовать я что-то не хочу.

— Ну, и я также! — подхватилъ Билли Данверсъ.— Когда угодно, я готовъ съ вами съ большимъ удовольствіемъ болтать, нежели танцовать.

— Ужъ будто я такъ отвратительно танцую?

— Полноте! Вы прелесть, что за дама! Только иной разъ больше удовольствія доставляетъ болтовня...

— Что у васъ за прелесть бутоньерка!.. И какая большая!

— Это не моя; ее мнѣ уступилъ Арчеръ Деверель.

— Дайте взглянуть!

— О, нѣтъ! Я боюсь, что пожалуй не получу ее обратно.

— И не нуждаюсь! Такой кочанъ вапуста! Неужели вы можете подумать, что я говорю серьезно?

— Однако, вашъ даръ умиротворяющимъ образомъ дѣйствовать на людей, кажется, пропалъ! И всѣ такіе несносные сегодня!

— А съ кѣмъ вы танцовали? Съ Флосси Ренсселеръ?

— Благодарю покорно! Я не желаю дѣлиться съ Деверелемъ.

— Ну, такъ кто же ваша дама? Я непременно хочу знать, — лѣжливо говоритъ Модерна.

— Да никто же, никто! Удивительно, что барышни считаютъ необходимою для мужчины быть влюбленнымъ. Но жизнь, по-моему, гораздо серьезнѣе такихъ пустяковъ.

— Ну, вамъ придется основательно изучить эти „пустяки“, когда вы будете дипломатомъ: флёртъ и умѣнье играть въ любовь входятъ въ ваши обязанности, какъ дипломата.

— Ну, это-то я сѣумѣю! — убѣжденно говоритъ добродушный Билли. — Только серьезно влюбляться, по-моему, страшная нелѣпость! Я до сихъ поръ умѣлъ этого избѣгать, и ни въ кого не влюблялся, — даже въ васъ!

— Ну, въ меня не быть влюбленнымъ очень легко! — съ горечью замѣчаетъ Модь.

— Совсе нѣтъ! — вѣжливо протестуетъ Билли. — Только вы для меня еще недостаточно стары.

— Попробуйте влюбиться въ Флосси.

— А она старше васъ?

— Право, не знаю хорошенько.

— ...И вдобавокъ, я не хотѣлъ бы пересѣчь дорогу Деверелю...

— Развѣ онъ?..

— Вы только посмотрите, что за парочка! Они вѣдь неразлучны, и Флосси такъ углубилась въ бесѣду съ нимъ! О, это дѣло рѣшенное. Развѣ вы не знали? Я даже готовъ объ закладъ побиться. Хотите пари?

— Я... мнѣ всегда казалось, что она — невѣста его брата, Фреда... Прошлымъ лѣтомъ въ Мерро...

— Знаю! Но они въ чемъ-то разошлись и больше не сближались. Я лично предпочитаю Фреда; Арчеръ — такой фатинка!.. И что онъ въ ней нашель? Она — такая легкомысленная!.. Вотъ и сейчасъ, во время лансѣе, она сунула мнѣ въ руку записочку... Показатъ вамъ?

— Эта записочка къ ...? Нѣтъ, я думаю, вы не имѣете права, — и Модерна, которая было-наклонилась впередъ съ горячимъ любопытствомъ, отшатнулась отъ своего собесѣдника. — Не смѣйте мнѣ показывать! Не то я больше слова съ вами не скажу!

— Ну, ну, конечно: — я вѣдь только пошутилъ! — Въ этой запискѣ она проситъ, чтобы я ей уступилъ тѣ три танца, которые она мнѣ обѣщала. Они понадобились ей для Девереля, это очевидно.

— Она, кажется, вообще дѣвица изъ такихъ, что нравятся мужчинамъ?—спросила Модерна.

— Да, она все время интересничаетъ и дѣлаетъ имъ глазки. Я, съ своей стороны, терпѣть этого не могу... И хоть Арчеръ фатишка, а мнѣ жалъ, что эта американка успѣла его заврутить. Но, можетъ быть, виною ея деньги? Ему такъ хочется попасть въ члены парламента...

— Билли!—вдругъ останавливаетъ его Модъ. — Слѣдующій танецъ вы свободны?

— Да. Но зачѣмъ вамъ знать? Вамъ надо кого-нибудь... обидѣть?

— Да, конечно.

— Бѣдный! Кто бы онъ ни былъ, мнѣ его очень жалъ. Такая вы сегодня прелесть! Сначала, вы были немного блѣдны, но теперь разгорѣлись... А! Музыка заиграла... побѣгу скорѣе...

— Бѣгите, Билли; я подожду васъ здѣсь.

— А кстати: мы держимъ пари... только на что?

— Не знаю... все равно... Ну, хоть на вашу бутоньерку.

— Ага! Вамъ все-таки ее захотѣлось?

— Ну, ну, бѣгите, а не то я разсержусь и никогда ни слова съ вами не скажу!

На смѣну Билли вошелъ Арчеръ Деверель, съ дамской накидкой на рукахъ.

— Наша очередь!—проговорилъ онъ.—Но вмѣсто танцевъ не пойти ли лучше намъ въ оранжерею?

— Пожалуй, для этого немного свѣжо!—довольно холодно возражаетъ Модерна.

— Простите, но я взялъ на себя смѣлость позаботиться объ этомъ. Я замѣтилъ вашу накидку и зашелъ взять ее въ сѣняхъ. Пойдемте, посмотримъ на рѣдкостный цвѣтокъ, который цвѣтетъ только по ночамъ: онъ тамъ, въ оранжереѣ, въ концѣ сада. Всѣ уже видѣли его, а я ждалъ васъ, чтобы пойти намъ вмѣстѣ.

— Но вы вѣдь танцовали съ миссъ Ренсселеръ?

— Да. Наконецъ-то она согласилась выйти за моего брата, Фреда! Я радъ, что мнѣ удалось этого добиться: онъ, бѣдный, такъ по ней страдалъ! Вы вообразить себѣ не можете, до чего я измучился за эти нѣсколько мѣсяцевъ съ чужими дѣлами... Мнѣ некогда было подумать о своихъ... Идемъ скорѣе!—и онъ заботливо помогъ молодой дѣвушкѣ надѣть накидку...

Полчаса спустя, въ залѣ, гдѣ былъ накрытъ ужинъ, они встрѣтили Билли и Вэроу.

— А что, Билли: намъ здѣсь найдется мѣсто? — спросила Модерна.

— Да; мы съ Вэроной сейчасъ устроимъ вамъ мѣсто за столомъ, — проговорилъ онъ и, взглядываясь ей въ лицо, прибавилъ. — А что, Модъ, не хотите ли взять мою бутоньерку?

— Хочу! — мягко согласилась она.

Изъ дневника Модерны.

„28-го мая. — Я ему все сказала... Какъ мнѣ было противно признаваться! Онъ вовсе не такъ горячо принялъ это къ сердцу, какъ я ожидала; онъ даже нашелъ, что капитанъ Дживиль поступилъ прекрасно. Я ему сказала, что шесть мѣсяцевъ тому назадъ онъ женился на Цисси Риддель; значить, я ей во всякомъ случаѣ не повредила. И какъ я счастлива, что все ему сказала!.. Какъ я могла его такъ страшно ревновать, — и къ кому же? къ Флосси Ренсселеръ! Это представляется мнѣ теперь совсѣмъ невѣроятнымъ. Арчеръ считаетъ ее неособенно благовоспитанной дѣвицей, но конечно открыто въ этомъ никогда не признается: она вѣдь будущая его невѣстка... и моя также“!..

IX.

— Ну, что подѣлывала вчера моя крошка Модъ? — спрашивалъ Деверель, идя съ невѣстой по Пикадилли, въ ясное весеннее утро.

— Постой, дай припомнить!.. Не легко мнѣ достался вчерашній день. Вильямъ въ отпуску и ожидаетъ, что я буду исполнять безпревословно его волю, что я и дѣлаю, конечно; затѣмъ, я пошла къ твоей „sainte mère“...

— Къ моей?..

— Ахъ, извини, пожалуйста! Къ лэди Деверель. Это было для меня своего рода испытаніе; но я надѣялась тамъ встрѣтиться съ тобой...

— Въ самомъ дѣлѣ? Я бы хотѣлъ, — нѣжно проговорилъ Деверель, — чтобы ты была въ добрыхъ отношеніяхъ съ моей матерью... Она во многомъ могла бы быть тебѣ полезна...

— Но я и безъ того ее люблю! Я считаю, что она—милая старушка! А твоя сестра—трещотка... О, прости, пожалуйста! Видно, моя судьба все просить у тебя прощенія; но право же, когда Вильямъ дома, я всегда отъ него заражаюсь мальчишечьимъ жаргономъ. Пожалуйста, не думай, что мы съ твоей матерью не ладимъ: совсѣмъ напротивъ! Она просила меня поиграть, и я сыграла ей цѣлую тему съ варіаціями въ старомодномъ духѣ. Въ сущности, она была болѣе современна, нежели слушатели могли себѣ представить. Отгадай!

— Конечно, не могу.

— „Бѣдняжка—понимаете?—И не подозрѣвала“... Прехорошенькая мелодія, а варіаціи импровизировала я сама. Такъ никто и не догадался, откуда тема.

— То-есть, *не хотѣлъ* догадаться! — сухо замѣтилъ Деверель.—Развѣ ты сама не...

— Ну что: „я сама“? — своевольно возразила Модерна. — Валері Уайтъ вѣдь сыграла же на дняхъ фугу на мотивъ: „Не знаю, гдѣ мы, гдѣ мы“!..

— Что-жъ, очень умно съ твоей стороны,—замѣтилъ Деверель примирительнымъ тономъ.—Чего-жъ мы тутъ стоимъ?

— Посмотри, что за прелесть эта танцовщица! — восхищалась Модерна вмѣсто отвѣта, любуясь рисункомъ, изображеннымъ на афишѣ.

— Ради Бога, не останавливайся передъ объявленіями!

— Хорошо, пойдемъ дальше,—кротко согласилась Модъ.— Но послѣ свадьбы развѣ мы не можемъ побывать въ такихъ мѣстахъ?

— Какихъ? Кафе-шантанахъ? Дитя мое, да въ нихъ такая тоска!

— Знаю, что всѣ замужнія дамы такъ говорятъ, чтобы убѣдить въ этомъ своихъ невинныхъ сестеръ. Но Флосси Деверель, твоя невѣстка, была съ мужемъ въ одномъ изъ такихъ театровъ и прелесело провела время, право! Она зашила булавкой отъ шляпы занавѣски въ ложѣ, и, не замѣченные публикой, они съ Фредомъ просидѣли, глядя въ щелочку, все представленіе.

— Пожалуйста, не бери примѣра съ моей невѣстки; „американизмъ“ вовсе не къ лицу прелестной, изящной дѣвушкѣ-англичанкѣ.

— Но я серьезно хотѣла бы научиться легкимъ танцамъ. Неужели я такая неуклюжая? Право, я сѣмъ бы изогнуться, какъ угодно...

— И будешь танцевать, что тебѣ угодно, но только для меня одного, для твоего мужа.

— А!.. — не особенно радостно вырывается у невесты. — Смотри, Арчеръ, смотри! Пожарные! Пойдемъ, посмотримъ на пожаръ.

— Но тамъ будетъ такая давка!..

— Понятно! Это-то и смѣшно! Мальчикъ, скажи мнѣ: гдѣ горятъ?

— Бочарня въ Монпелье. Пожаръ почти утихъ.

— Прошу тебя не заговаривать на улицѣ съ мальчишками. Пойдемъ лучше въ садъ!

— Хорошо, милый! — покорно согласилась Модерна, и вдругъ, неожиданно для своего спутника, проскользнула между двумя общественными каретами и мигомъ очутилась на той сторонѣ улицы, гдѣ ее вскорѣ нагналъ женихъ.

— Люблю проскользнуть подъ самой мордой у лошадей! — воскликнула Модерна. — Сильное ощущеніе!

— Да, милая, конечно; только... брюки у меня всѣ въ грязи.

— Идемъ скорѣй; никто на тебя смотрѣть не будетъ!

Въ саду Модерна мимоходомъ протянула руку и сорвала полу-распустившійся листъ дикаго каштана, зубами пощипала его и бросила, за нимъ — другой, за другимъ — третій.

— Брось, зубки позеленѣютъ! — остановилъ ее Деверель, и оба сѣли отдохнуть.

Модерна послушно перестала кусать ѣдкіе листья, а Деверель не сводилъ съ нея умиленнаго взора.

— Послушай, милая! Надо бы, чтобы твоя прелестная головка занялась когда-нибудь дѣломъ. Я бы хотѣлъ, чтобы въ извѣстный день...

— Отчего прямо не сказать: въ день свадьбы!

— Въ день нашей свадьбы я бы хотѣлъ уже знать заранее, куда я увезу свое сокровище, чтобы вполнѣ имъ безраздѣльно завладѣть.

— Я знаю, куда бы мнѣ хотѣлось! — горячо воскликнула Модерна.

— Въ Шотландію? Въ Норвегію? Прежде тамъ было тихо, но теперь ее наводняютъ иностранцы и туристы.

— Прелестно! Но мнѣ бы хотѣлось лучше въ Парижъ. Флосси и Фредъ проѣхали туда прямо послѣ свадьбы.

— До смерти надоѣлъ мнѣ вашъ Парижъ. Если-бъ ты только знала...

— Въ томъ-то и дѣло, что *мнѣ* онъ не надоѣлъ, и я не

знаю... Я хочу побывать въ театрахъ, въ кафѣ, и въ Латинскомъ кварталѣ, и въ „Хижинѣ“.

— Глупая! „Хижина“ приказала долго жить еще до твоего появленія на свѣтъ.

— О ней упоминается въ „Пришельцахъ“, — пояснила Модъ. — Но, вѣроятно, есть что-нибудь болѣе современное въ томъ же духѣ?

— Конечно, — сухо подтвердилъ Деверель. — Но не могу же я туда водить мое сокровище?

Водворилось молчаніе.

— Какія еще ужасныя продѣлки намѣревается продѣлать моя прелесть, когда мы будемъ мужемъ и женой?

— О, цѣлую вучу самаго запретнаго! Во-первыхъ, прочитать всѣ тѣ французскіе романы, которыхъ я теперь читать не смѣю!

— Но я хоть сейчасъ готовъ сдѣлать для тебя цѣлый выборъ французскихъ книгъ, которыя ты могла бы хоть сейчасъ прочесть, — снисходительно предлагаетъ Деверель.

— Знаю! — довольно рѣзко и грубовато говорятъ Модерна. — Въ родѣ тѣхъ, которыя стоятъ у насъ въ классной комнатѣ, на полкѣ? „Récit d'une Soeur“, или „Le roman d'un jeune homme... bête“, или какъ его тамъ? Я хочу читать Дроза, и Мопассана, и Золя, и...

— Скорѣй умереть моя жена у ногъ моихъ, но не прочтетъ Золя! — свирѣпо восклицаетъ Деверель.

— Ну, и не прочту. Ты самъ расскажешь мнѣ ихъ содержаніе, — мягко и ласково говорятъ невѣста.

— Боже избави! Ты, кажется, не понимаешь, что я хочу уберечь тебя, мою голубку, мой цвѣтокъ благоуханный, мою чистую лилею, такую, какъ ты теперь есть; хочу оградить тебя моей любовью отъ всего непригляднаго, тлетворнаго и злого, что могло бы тебя коснуться...

— Арчеръ! Все это очень мило сказано, но я вовсе не такое нѣжное неземное созданіе... Я даже страшная силачка: опущай мои мускулы! — И Модерна со смѣхомъ протянула къ нему руку съ твердо зажатымъ кулакомъ.

— У тебя не должно быть мускуловъ! — вспыхнулъ Деверель.

— Ни мускуловъ, ни руки, ни даже пальца, на которомъ могло бы красоваться твое хорошенькое обручальное колечко? Даже Вильямъ мною гордится!

Деверель слегка прикасается къ ея рукѣ, а самъ въ это время косится на какого-то старичка, который тутъ же, по близости, кормитъ утокъ.

— Что за прелесть у тебя ноготочки! Въ нихъ столько благороднаго изящества! Я никогда бы не влюбился въ дѣвushку съ квадратными ногтями!

— Я ихъ кусаю!—своенравно объявляетъ Модь.

— Ахъ, ты, маленькая злючка! Надо тебя излечить отъ этого недостатка, и тогда у меня будетъ не жена, а совершенство!

— Ну, да. Вамъ, мужчинамъ, во всемъ и всегда подавай совершенство. Домъ—совершенство! Вино—совершенство! Жена—совершенство!

— Да, милая, конечно!—кратко говоритъ Деверель.—Я такъ считаю, что жена, такъ сказать, дополняетъ мужа.

— Значить, таково ужъ мое назначеніе въ жизни—дополнять собою... тебя? Ну, а меня-то кто же будетъ дополнять?

Деверель сталъ въ тупикъ, не сразу нашелся отвѣчать и, какъ бы нѣсколько смущенный, принялся ласкать ея ручку. Модерна капризно отдернула ее.

— Оставьте!

— Это почему?

— Кто-нибудь можетъ увидѣть изъ окна.

— Я что-нибудь сказалъ такое, что тебя разсердило, дорогая?

— Да... Нѣтъ... Ты не виновать, что говоришь такъ легкомысленно... Просто, у тебя такой узкій взглядъ на вещи. Ты какъ будто бы не хочешь видѣть, что у женщины, какъ и у мужчины, есть своя особая, живая душа, о спасеніи которой она должна заботиться: свои личныя свойства, которыя она должна развивать и измѣнять къ лучшему; своя жизнь, которую она должна прожить.

— Дорогая моя!—печально и тихо возразилъ Деверель:—я вижу, что ты, къ сожалѣнію, заразилась современнымъ жаргономъ и осѣдлала конекъ „Женскихъ правъ“, поправленных несправедливостью и законами мужчинъ. Ты просто начиталась Ибсена! И развѣ ты не видишь, дорогая, что такой мужчина, какъ я, удовлетворяетъ—или, по крайней мѣрѣ, долженъ бы удовлетворять—всѣмъ требованіямъ и свойствамъ женщины. Женщина живетъ, такъ сказать, его жизнью, и ея болѣе поверхностная натура находитъ себѣ выраженіе въ его болѣе глубокихъ свойствамъ...

— Ты совершенно ошеломилъ меня своимъ краснорѣчіемъ! Никогда этотъ вопросъ не былъ мнѣ представленъ съ такою ясностью...

— Ты понимаешь мою точку зрѣнія?—не замѣчая саркастической нотки въ ея голосѣ, подхватилъ женихъ.—Ты знаешь, что я всю жизнь придерживался самыхъ рыцарскихъ воззрѣній на женщинъ. Ихъ хрупкость, ихъ беспомощность—такъ меня умиляетъ! Помнишь, у Теннисона: „Мужъ—древо Господа, а женщина—цвѣтокъ“!..

— Фу, это изъ „Поэтическихъ досуговъ“. Тамъ найдется еще съ дюжину такихъ изреченій, какъ, напримѣръ: „Маститый дубъ и нѣжная лоза“...

— Таковъ законъ природы! Женщина рождена для того, чтобы быть зависимой: въ всѣхъ не въ силахъ поддерживать себя. И какъ это прекрасно, посуди сама! Мужчина выходитъ изъ дому на работу, и, грубымъ трудомъ добывая средства къ существованію, возвращается домой усталый; а дома его ждетъ любящая жена въ своемъ тепломъ гнѣздышкѣ...

— Въ своемъ прелестномъ будуарѣ, въ нарядномъ „домашнемъ“ платьѣ, и разливаетъ чай гостямъ-мужчинамъ, которые пришли къ ней съ визитомъ и таращатъ на нее глаза...

— Модерна!—возмущенно перебилъ ее Деверель.

— Все равно, милый, я зла! Пойдемъ домой...

— Но...

— Сейчасъ будетъ дождь.

— Развѣ ты боишься дождя?

— Да, боюсь расклеиться,—пояснила Модъ, поднимаясь.

— Что-жъ, пойдемъ, если хочешь! Возьми меня подъ-руку.

— Нѣтъ, благодарю... милый...

Дойдя до воротъ парка, Модерна остановилась.

— Сегодня я была нехорошая,—проговорила она,—и думаю, что тебѣ лучше къ намъ не заходить. Вильямъ дома, и голова у меня какъ-то разболѣлась. Пойду, засяду у себя наверху, пока пройдетъ; а вечеромъ я ѣду на обѣдъ къ Мортимерамъ.—Она позвала извозчика.—Такъ будетъ лучше... какъ для тебя, такъ и для меня. До свиданія! Можете завтра придти къ обѣду, если не будетъ пережѣны.

— Ты сама позвала экипажъ?—съ удивленіемъ спросилъ Деверель.

Модъ кивнула головой, и принялась подбирать платье, чтобы сѣсть и уѣхать.

— Никогда не придется тебѣ ѣздить на извозчикѣ, когда ты будешь мнѣ принадлежать.

— А до тѣхъ поръ... Прощай!

— „Милая дѣвушка!—думаетъ ей вслѣдъ женихъ.—Только очень нуждается въ толковомъ руководителѣ. Моя мать“...

— „Съ милымъ рай и въ шалашѣ! — думаетъ, удаляясь отъ него, невѣста,—но рай въ игрушечномъ ящикѣ?!.. Да я скорѣй умру! Надо будетъ найти какой-нибудь исходъ“!..

— „Милая! Почему тебя не было на приемѣ у матери моей, сегодня? Завтра буду у тебя въ три часа дня.—Твой А. Д.“

— „Милый! вмѣсто трехъ, приходи въ четыре.—Твоя М. М.“

— „Милая! Заходилъ къ вамъ ровно въ четыре часа, но уже не засталъ тебя. Какъ же насчетъ четверга?..—Твой А. Д.“

— „Милый Арчеръ! Извини, но я ушла изъ дому въ пять минутъ пятого, и мнѣ очень жаль... Прости, спишу.—Твоя М. М.“

„P. S. Въ четвергъ не могу; занята“!

— „Въ какое же время могу я придти, чтобы застать тебя? Мнѣ надо многое тебѣ сказать. Въ пятницу можно?—Твой А.“

— „Милый Арчеръ! Только не въ пятницу. Мнѣ поутру надо идти на курсы повареннаго искусства, а потомъ въ гимназію.. Послѣ этого я до того устану, что ни на что больше не буду способна. Въ субботу, я ѣду въ Итонъ, на приемъ къ Уильяму—днемъ, а вечеромъ на обѣдъ. Въ воскресенье иду въ церковь съ Билли, а днемъ—на чашку чаю, и не хотѣла бы пропустить этого случая побывать въ кругу нашей богемы. Не предлагай мнѣ пойти со мною: тебѣ это было бы неприятно. И, пожалуйста, больше не безпокойся присылать мнѣ цвѣтовъ: я ихъ больше не ношу, это не въ модѣ и, вдобавокъ, портить платья.—Твоя М. Масклинъ“.

— „Дорогая Модерна! Замѣчаешь ли ты, что уже съ недѣлю все что-нибудь да мѣшаетъ намъ видѣться, и ты сама откладываешь наше свиданіе. Я начинаю чувствовать, что подъ этимъ что-нибудь да кроется. Напиши съ первой же почтой.—Твой навсегда Арчеръ Деверель“.

— „Ну, да, милый Арчеръ! Если ты хочешь знать всю правду,—конечно, кроется. Я и сама хотѣла все это время съ тобой объясниться, но ты всегда такой милый, что мнѣ трудно быть неласковой къ тебѣ. Я все обдумала, и догадайся, что надумала?.. О, какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы ты самъ догадался и меня избавилъ отъ мучительнаго признанія. Ты и самъ, дорогой Арчеръ, долженъ видѣть, что мы, въ самомъ дѣлѣ, не симпатизируемъ одинъ другому. Мы не должны жениться. Я никогда не дала бы тебѣ счастья, какъ, впрочемъ, и ты мнѣ. Но не

ты, а я въ этомъ виновата! Будь добръ и снисходителенъ ко мнѣ—и не требуй бѣльшихъ объясненій. Я ничего *не могу* объяснить; я просто чувствую, что мы отравили бы жизнь другъ другу. Поставь этотъ вопросъ на такую почву: допусти, что я несносна и дурна, а что ты милъ и добръ,—и ты убѣдишься, что ты можешь только поздравить себя съ благополучною развязкой нашихъ отношеній.

„На нѣкоторое время я уѣду изъ дому, и когда вернусь, то надѣюсь, что мы будемъ видѣться и останемся по прежнему друзьями. Но теперь, пожалуйста, не приходи: это будетъ для насъ обоихъ одинаково мучительно.—М. М.“

— „Если это дѣйствительно такъ и есть, я принимаю ваше рѣшеніе, но *долженъ* непремѣнно услышать его отъ васъ самой. Зайду къ вамъ завтра, часовъ въ девять.—А. Д.“

X.

— И для чего имъ непремѣнно нужно *самимъ* слышать такія неприятности?—вслухъ разсуждала Пегги, прочтя послѣднее изъ посланій.—Ужасно глупо! Но неужели у тебя хватить жестокости уѣхать, когда онъ къ тебѣ придетъ въ послѣдній разъ?

— Не могу же я изъ-за него обмануть м-съ Мортимеръ? И зачѣмъ онъ такой недогадливый, таковой безчувственный!—и Модерна жалобно стонетъ.

— Но кто же съ нимъ возьмется объяснить? Неужели мамá?

— А ты, или Вэрона? Да нѣтъ! Ты хоть кого способна озадачить, ты ему прямо такъ и вывалишь всю правду!

— Ну, а мамá напутаетъ...

— Тѣмъ лучше! Все-таки она сдѣлаетъ это вполне лично, какъ настоящая лэди; скажетъ ему, что я вообще не хочу выходить замужъ — ни за него, ни за кого-либо другого, что я считаю мужчинъ тѣмъ противнѣе, чѣмъ я ихъ ближе знаю...

— Это ему понравится!—сухо замѣчаетъ Пегги.—А чтó, Модерна,—случается, что онъ тебя цѣлуетъ?

— Д-да... Мнѣ кажется...

— И тебѣ это нравится?

— Я объ этомъ никогда не думаю. Это не считается: это неотъемлемая собственность или вѣрнѣе—право, которое даетъ жениху обрученіе. Терпѣть не могу быть невѣстой. Судьба меня

въ невѣсты не предназначала. Я бы скорѣй хотѣла быть мальчишкой, носить шпагу или пашку и широкій поясъ, и отчаянно кружила бы голову женщинамъ для того, чтобы сдѣлать ихъ несчастными.. какъ настоящій мужчина. Должно быть, чудеснѣйшее ощущение — самому выбирать вмѣсто того, чтобъ ожидать (какъ это приходится намъ, дѣвушкамъ), пока тебя выберутъ.

— Слава Богу, что ты не мальчишка! Какимъ бы ты была негоднымъ и дряннымъ женщиной!

— А пока, хоть я и дрянная дѣвчонка, а все-таки еще хочу повеселиться, хочу людей посмотреть, хочу имѣть право подаваться своимъ заблужденіямъ и никому не отдавать въ нихъ отчета.

— Ну, знаешь, ты, пожалуй, натворишь что-нибудь такое, что бѣда! Мнѣ страшно становится!—и Пегги содрогнулась:—Ты можешь опозорить наше имя! Чтò бы ты ни сдѣлала, люди скажутъ, что въ этомъ виновата мать, которая тебя такъ дурно воспитала! *Мнѣ* было бы противно имѣть сестру-вѣтрогонку: это могло бы мнѣ повредить... Впрочемъ, нѣтъ! Вотъ уже два года, какъ я выѣзжаю, и стала прагматичнымъ человекомъ: я все поддѣваю, все соображаю... Ты—человѣкъ слова, но не дѣла! Ты будешь говорить, и ничего не исполнишь; но еще это не бѣда, пока ты молода, пока на тебя смотрятъ снисходительно и добродушно и въ шутку принимаютъ твои промахи. Но когда тебѣ перевалитъ лѣтъ за тридцать, тогда „ты перестанешь быть дородной и станешь никуда негодной“,—какъ говорить Билли про лэди Динъ, — и надъ тобой начнутъ смѣяться... а это будетъ ужъ совсѣмъ нехорошо!..

Двѣнадцать часовъ ночи.

Модерна входитъ въ комнату сестры, не снимая своего бѣлаго платья и накидки. Тихонько подойдя къ спящей Пегги, она осторожно трогаетъ ее за плечо и внушительно говорить:

— Это я—Модерна! Ну, чтò же тутъ безъ меня было?

— Погоди, дай проснуться!..—привставая и усаживаясь на постели, отвѣчаетъ Пегги, еще полусонная.—Ну, онъ былъ.

— И злился?

— Не знаю, какъ было сначала; я сидѣла на балконѣ и „вдыхала живительный весенній воздухъ“; но когда онъ пришелъ, я перестала „вдыхать“ и прислушалась.

-- Подслушивала?

— Слушала ихъ разговоръ,—но такъ, чтобы Арчеръ не могъ меня видѣть. Слушать чужой разговоръ съ балкона—все равно, что читать чужія „открытыя“ письма: всѣ это дѣлаютъ и считаютъ весьма естественнымъ.

— Теперь я понимаю, почему открытыя письма такъ медленно идутъ отъ крыльца въ гостиную! — замѣчаетъ въ свободкахъ Модерна.

— Не перебивай меня, если все хочешь знать!.. Ну, мамѣ, принимая его, имѣла страшно внушительный и почтенный видъ.— „Дома нѣтъ“?—спросилъ онъ. Мамѣ забормотала что-то непонятное. „Увѣряю васъ, мнѣ и во снѣ бы не приснилось“...—продолжалъ Арчеръ...—Ты, вѣрно, ловко притворялась?—вставила Пегги.

— Еслибы онъ не былъ такъ самонадѣянъ, онъ могъ бы давно догадаться!—возразила Модерна.—Мнѣ было неприятно, когда онъ бралъ меня за руку; онъ самъ только для виду интересовался моими дѣлами, моими любимыми занятіями, и воображалъ, что я такая дура, и не пойму его притворства; а послѣ свадьбы онъ намѣревался запереть меня въ туалетный ящикъ... Конечно, я люблю и наряды, и красивыя залы, и любезности, которыя мнѣ расточаютъ...

— А мамѣ отвѣтила ему:—„Дочь моя, въ сущности, гораздо моложе своихъ лѣтъ; она ничего не понимаетъ въ дѣлахъ житейскихъ и въ своихъ собственныхъ: мало ли какія у нея явятся фантазіи! Лучше бы вамъ было подождать свататься“.

— Совсѣмъ не то, не то!—горячилась Модерна.

— Постой!.. Вотъ онъ и говорить:—„Мать моя и сестра будутъ огорчены“ (Онъ всюду суетъ свою мать!)...

— Неправда! Онѣ будутъ даже очень рады... Конечно, онѣ женщины благоспитанныя и вида не покажутъ, но обѣ смотрятъ на меня съ отвращеніемъ...

— И мамѣ повторила:—„Вотъ и я тоже весьма огорчена, и совсѣмъ не знаю, что мнѣ съ нею дѣлать“?..

— Въ самомъ дѣлѣ? Вотъ потому-то я главнымъ образомъ и хотѣла выйти замужъ.

— „Какой я былъ дуракъ, что могъ вообразить, будто она влюблена въ меня“...—продолжалъ Арчеръ.

— И была влюблена, да еще какъ! Не понимаю, какъ это могло случиться. Вѣроятно, за неимѣніемъ ничего лучшаго.

— Очень жаль, что это лучшее теперь нашлось,—строго замѣтила младшая сестра:—Смотри, сколько ты горя и тревоги причиняешь! Я ему вѣдь сказала, что онъ никогда не пони-

маль... ни тебя, ни твоихъ ужаснѣйшихъ теорій.— „Вотъ, никогда бы не подумалъ!“— повторялъ онъ, совершенно озадаченный своимъ картиннымъ описаніемъ твоихъ пороковъ: и упряма ты, и капризна, и лѣнива, и неаккуратна, и скучна. Онъ подумаетъ, что я изъ ревности тебя такъ очернила,—ну, и пусть! Все равно, я за него ни за что на свѣтѣ не пошла бы! Кромѣ манеръ, въ немъ нѣтъ ровно ничего хорошаго.

— Послушай! Ну, зачѣмъ же ты представила ему, что у меня такой дурной характеръ? Вовсе я ужъ не такая.

— Да, когда тебѣ не перечать! И, наконецъ, нельзя же быть особенно разборчивой на средства, если надо во что бы то ни стало разочаровать человѣка. И я горжусь тѣмъ, что мои слова имѣли успѣхъ.

— Конечно, я... я очень тебѣ благодарна... Онъ очень огорчился?

— О, да... то-есть, сравнительно. Но въ сущности, вѣроятно, былъ даже радъ, что избѣжалъ таковаго неудачнаго брака.

— И не спросилъ, не замѣшанъ ли тутъ кто-нибудь другой?

— Право, не припомню. Но ты сама вѣдь не мучаешься раскаяніемъ, значить—и онъ не умретъ отъ горя. Онъ уѣзжаетъ на время, а когда вернется,—все будетъ по прежнему. Я заставила его дать обѣщаніе не писать тебѣ. Ну, ступай себѣ спать,—довольно!

— Сначала разстегни мнѣ платье... Значить, онъ никогда серьезно меня не любилъ, если отнесся такъ спокойно,—задумчиво прибавила Модерна.—Даже я, не любя его, я не могу удержаться отъ нервнаго возбужденія.

— Ты разстроена потому, что погрузилась...

— Во что?

— Въ состояніе „старой дѣвы“. Ужъ я не знаю, кто рискнетъ жениться на такой сварливой дѣвчонкѣ? Твое дѣло дрянъ! Я напишу обо всемъ Эдварду.

— Вотъ еще! Къ чему это? — сердито воскликнула Модъ.

— Онъ поручилъ мнѣ, уѣзжая, быть для него, такъ сказать, газетой нашего семейства; а это такая крупная новость...

— Не смѣй! Я тебѣ запрещаю! Пусть самъ узнаетъ... Покойной ночи! Я полагаю, мнѣ все-таки надо поблагодарить тебя...

Модерна на минуту забѣгаетъ къ Билли Данверсу, на квартиру:

— Скорѣй, скорѣй! Пегги сейчасъ за мной зайдетъ! — то-

ропить она его.—Я сказала, что забѣгу сюда приготовить вамъ чаю...

— Не надо бы вамъ сюда ходить, особенно одной,—замѣтила Билли.

— Вотъ еще! Къ вамъ-то? Я помню васъ еще такимъ,—возражаетъ Модерна, и показываетъ рукой какую-то неопредѣленную высоту отъ полу.—Скорѣй, посмотримъ: есть письмо отъ папѣ? Вы видѣли?

— Нѣтъ, признаюсь, просто было лѣнь смотрѣть. Хотите, будемъ вмѣстѣ читать?

— Нѣтъ, нѣтъ! — восклицаетъ Модъ. — Я боюсь, что могу попасть на какое-нибудь раздущенное розовое посланіе... Вы много ихъ получаете?

— Такъ себѣ, случается,—говоритъ Билли.—Вотъ счетъ, другой... А подъ какимъ псевдонимомъ вы писали отцу?

— „Модъ Грэй“. Солидное имя, а?

— Не хуже какой-нибудь Клары Монтэгю или Дэзи Монгомери. Вѣрнѣе всего—м-ръ Маселинъ совсѣмъ не отвѣтитъ.

— О, вы не знаете отца! Ему доставляетъ наслажденіе кого-нибудь отдѣлать, и я твердо вѣрю въ его критическое сужденіе. Онъ скажетъ мнѣ, конечно, что рукопись мою надо предать огню, но все равно! Лучше имѣть безпристрастное мнѣніе... Не этотъ ли большой пакетъ? Или этотъ? Фу, какіе низкопробные духи!

— Это вотъ приглашеніе „отъ сестеръ Брэсъ на балъ въ честь ихъ юбилея на сценѣ“...

— И вы пойдете? Возьмите меня съ собой!

— Подъ маской?

— Все равно, какъ-нибудь... О, Билли! Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ нѣтъ письма?

— Пойдите! Ужъ не этотъ ли большой пакетъ? — спохватился Билли, и опять взялся за тотъ же конвертъ, который отложилъ-было въ сторону:—Да это не счетъ отъ портного, это—цѣлая рукопись!

— Скорѣй, скорѣй!—кричала Модерна въ волненіи.

— Ну, вотъ: — „Я глубоко польщенъ вашимъ мнѣніемъ о моей литературной опытности и европейской извѣстности“...

— Это его затронуло! Такъ я и знала.

„Но я послѣдній человѣкъ въ мірѣ, который можетъ вамъ служить въ качествѣ критика литературнаго произведенія. Я, въ сущности, никогда ихъ не читаю“...

— О!.. Онъ пишетъ еженедѣльное обзорѣніе романовъ въ „Неподкупномъ“.

„Я ихъ разбираю. Тѣмъ не менѣе я не прочь высказать вамъ мое мнѣніе, если оно можетъ быть для васъ полезно.“

„Вы просите, чтобы я не щадилъ васъ,—извольте! Вы говорите, чтобы я высказалъ вамъ всю правду, какъ бы горька она ни была, увѣряя, что вы не обидчивы. Но никто изъ насъ не знаетъ, до какой степени онъ обидчивъ, пока не испробуетъ на дѣлѣ. Итакъ, пробѣжавъ вашу рукопись, я пришелъ къ убѣжденію, что принесу вамъ больше всего пользы, если въ своей оцѣнкѣ буду придерживаться общихъ правилъ. Я только могу предположить (но, конечно, могу ошибаться), что вы—дѣвушка молодая и, что называется, „blasée“, т.е. пресытившаяся свѣтской жизнью и воображающая, что литературная карьера—это верхъ счастья и славы для хорошо проведенной юности. Поэтому, истощивъ описанія всевозможныхъ удовольствій, присущихъ вашему полу, вы принимаетесь за специально мужской... репертуаръ развлеченій: спортъ и другія, о которыхъ вы не знаете (и не должны, *не можете* знать) иначе, какъ по наслышкѣ; а такого рода свѣдѣнія часто бываютъ невѣрны и грѣшатъ неточностью“...

— Ну, миссъ, какъ вамъ понравится? Вотъ каково мнѣніе вашего папа о вашихъ „странствіяхъ и открытіяхъ“, въ которыя вы заставили меня васъ посвящать!—замѣтилъ Билли.

„Не спорю (продолжалъ онъ читать), что вы попали на благодарную завязку: чѣмъ она зауряднѣе, тѣмъ лучше для писателя! Впрочемъ, примите къ свѣдѣнію, что въ герои лучше брать не какого-нибудь маркиза (если вы любите таковыхъ), а показать примѣръ замѣчательнаго мужества (для женщины, конечно) и сдѣлать его чиномъ, или даже двумя, ниже. Избѣгайте герцоговъ и сыщиковъ, горничныхъ и нотариусовъ, докторовъ и demi-monde'a: не стоютъ они хлопотъ. Не вздумайте описывать своихъ родителей, свою старшую сестру (слышите, Модъ?), свою тетку, старую барышню, и приходскаго пастора“...

— А вы ихъ описали?

— Да, всѣхъ, кромѣ пастора. Я съ нимъ незнакома.

— Тѣмъ хуже для васъ!

„Оставьте позади воспоминанія вашей юности,—ихъ было довольно у каждаго изъ насъ. Кто не бѣгалъ на огородъ воровать горохъ? Кто не привязывалъ лейки къ хвосту собаки“?

— Я первая не дѣлала такой пошлости! — въ негодованіи возразила Модерна.

„Что же касается героини,—примите мой совѣтъ: пусть она не соединяетъ въ себѣ всѣхъ совершенствъ ума, души и красоты; пусть лучше будетъ на васъ похожа. Не изображайте ее съ волнами золотисто-шоловыхъ кудрей, мягко ниспадающихъ на бѣлоснѣжное чело, съ пышнымъ и какъ цвѣтокъ прелестнымъ ротикомъ, съ очами, въ глубинѣ которыхъ можно все позабыть и потонуть, какъ въ безднѣ, съ длинными рѣсницами, которыя ложатся на блѣдныя щеки, что собственно — наглядная несообразность. Однако, не вдавайтесь въ крайность, не сдѣлайте ее приземистой, безцвѣтной, съ безцвѣтно-мышинными волосами, блѣдными глазами и блѣднымъ цвѣтомъ лица. Приземистыя героини исчезли со временъ Джэнни Эйръ, а зеленые глаза вывела изъ моды Бекки Шарпъ. Что же касается героя, вы вѣрно представите его похожимъ на единственнаго мужчину, котораго вы любили. Смотрите, не отдавайте всѣ ваши симпатіи вашей „злѣйшѣ“, и не надѣляйте ее пурпуровыми губами „въ ниточку“, мрачными, какъ ночь, глазами, волнообразной походкой, густыми черными волосами и беззащитной совѣстью“...

— О, Боже! Да кто же послѣ этого рѣшится написать романъ?—вскричала Мода.

„Пусть „злѣйшѣ“ вашего романа не нашептываетъ ничего, ни дурного, ни хорошаго, вашей героинѣ, не выставляйте напоказъ „сильнаго волей, но сложеннаго судьбою“, не кончайте главу ходульнымъ выраженіемъ: „и уста ихъ слились въ долгомъ, упоительномъ поцѣлуѣ“... Пусть ваша героиня не идетъ бодро и безъ слезъ на встрѣчу своей судьбѣ, не мечетъ стрѣлы своей неустрашимости и негодованія въ своихъ многочисленныхъ преслѣдователей“...

— Далѣе слѣдуетъ рядъ краткихъ замѣчаній. Читать?—спросилъ Билли.

— Читайте!

„Будьте внимательнѣе къ правописанію. Не слишкомъ превозносите своихъ сестеръ, женщинъ, и не слишкомъ унижайте нашего брата, мужчину. Не расплывайтесь. Не будьте слишкомъ сжаты. Сократите три слова—въ два, и два прилагательныхъ—въ одно. Слѣдите тщательно за знаками препинанія, да не пренебрегайте скромной, но полезной запятой“!.. (Слушайте-ка, что онъ говоритъ въ заключеніе): — „Если послѣ этого отъ вашего произведенія хоть что-нибудь уцѣлѣетъ, примите мой совѣтъ—не посылать свою рукопись, перевязанную голубой ленточкой, первому попавшемуся господину, который имѣетъ несчастіе быть издателемъ.—Жервэзъ Масклинъ“.

— Ну, по-моему, это просто грубо!—объявилъ Билли, дочитавъ до конца.

— О, мнѣ все равно!.. Зато откровенно и остроумно. Я думаю, что и въ самомъ дѣлѣ никому не понесу моей рукописи; хоть она и не совсѣмъ такая, а все-таки дрянъ!—возразила Модерна.—Я ее сожгу!.. А вотъ встаетъ и Пегги идетъ по двору; она идетъ за мною.

XI.

Въ библиотекѣ сидитъ надъ своими фоліантами отецъ Модерны, Жервэзъ Масклинъ, профессоръ нумизматики, египтологія, филологія и всякихъ „ологій“ вообще. Модерна отворяетъ дверь и останавливается на порогѣ.

— Папá, ты звалъ меня?

— Ахъ, да войди же, Бога ради! Стоишь и стучишь ручкой у дверей!

— Я спѣшу на курсы повареннаго искусства, и забѣжала на минуточку спросить, можешь ли ты достать для м-съ Мортимеръ и для меня билеты для входа на лекцію о фагоцитахъ, въ Королевской Академіи.

— Боже! Ну, что ты смыслишь въ фагоцитахъ?

— Не особенно много, а все-таки мнѣ нравится просвѣщать свой умъ: И вдобавокъ, это чудо какъ интересно! Совсѣмъ исторически вѣрная картина войны: Добро и Зло, Свѣтъ и Тьма.

— Ормуздъ и Ариманъ, Индра и Шива и т. п. другіе. У женщинъ есть непремѣнная склонность во всемъ разыскивать романическую подкладку! Пойди сюда, да присядь ко мнѣ; у тебя, конечно, нѣтъ никакого дѣла?

— Но, папá...

— Ты бы могла помочь мнѣ раскопать кое-что о древнихъ монетахъ Цизикуса, вонъ въ той грудѣ „Обозрѣнія нумизматики“. Вотъ, запиши это слово.

— А какъ оно пишется?

— Ахъ, отстань! Какъ ты мнѣ надоѣла!.. Ну, посмотри въ словарь.

— Да я не знаю, на какую бузву искать: на с или на ц?.. Какая я недогадливая, право! Ну, сначала посмотрю на одну, потомъ на другую!..

И Модерна съ горячимъ рвеніемъ принимается перелистывать огромную книжицу.

— Какой ты вѣтеръ дѣлаешь!—воскликнулъ отецъ.—Оставь, я самъ найду скорѣе!..

— О, папа, позволь мнѣ быть тебѣ хоть чѣмъ-нибудь полезной!

— Нѣтъ, благодарю! Ты и такъ ужъ напутала!—сухо говоритъ профессоръ.—Постой, что такое говорила мнѣ сегодня твоя мать? Дай припомнить...

— Припомни, я подожду, а пока понемногу буду приводить въ порядокъ твои фоліанты.

— А? Что?..—спрашиваетъ онъ въ отвѣтъ и, вынувъ изъ кармана лупу, углубляется въ разглядываніе рукописей.

Водворяется полное молчаніе.

— А! почеркъ Эдварда!—раздается возгласъ Модерны:—Только написана какая-то чепуха,—ничего не разобрать!

— Покажи! Вотъ это какъ читается: „Нынѣ главенство въ битвѣ остается за владыкою земли; изъ старшихъ въ родѣ убито трое князей. Земля переходитъ во власть Эллы“...

— И въ такомъ видѣ, все равно, въ этой замѣткѣ мало смысла.

— Такова ужъ привычка „скальдовъ“—переставлять слова. и благодаря этому скандинавскія письма чрезвычайно затруднительно разбирать. Но откуда ты достала эту замѣтку? Я ее ищу цѣлую вѣчность, и не могу найти. Ахъ, еслибы подлѣ меня былъ Эдвардъ! И какъ ты все расстрепала! Безобразіе, а не порядокъ! Пустить женщину въ бібліотеку—все равно, что козла въ огородъ!.. Чортъ поб...!

— Отецъ, какой ты вѣры?—серьезно спросила его дочь.

— Станный вопросъ, совсѣмъ неподходящій для дѣтища девятнадцатаго вѣка.

— Я долго спорила вчера съ Билли Данверсомъ. Онъ хотѣлъ убѣдить меня, что римско-католическая вѣра лучше всѣхъ: удобнѣе и меньше беретъ времени. Но я сказала:—Нѣтъ, я буду держаться вѣры моихъ предковъ (а? красиво сказано?). Онъ разсмѣялся и сказалъ, что для меня будетъ задачей опредѣлить вѣру хотя бы моего *отца*. Вотъ я и принялась ломать себѣ голову: какой ты вѣры?

— И какого добилась рѣшенія?

— Я вспомнила, что ты вчера сказалъ по поводу шляпы, которую тебя просили дать почистить (когда ты шелъ въ гости): „Я не вѣрю въ загробный міръ, но и въ этомъ мірѣ не желаю, чтобы мнѣ надоѣдали“!

— Ты позабыла закрыть чернильницу! — мягко замѣчаетъ профессоръ.

И опять водворяется молчаніе.

— Чѣмъ я еще могу быть для тебя полезна? — начинаетъ Модь.

— А вотъ сыщи мнѣ (на Л!) фамилію Лауренсовъ: мнѣ надо отыскать ихъ гербъ.

— Къ чему это тебѣ понадобилось?—удивилась молодая дѣвушка.

— Ахъ, да! Ты мнѣ напомнила... Есть такой молодой человѣкъ, по фамиліи Лауренсъ.

— Знаю, что есть: онъ отъ насъ не отходитъ ни на шагъ.

— Ты что-нибудь имѣешь противъ него?

— Особеннаго чувства къ нему не питаю,—возражаетъ Модь, предугадывая нѣчто въ родѣ сватовства.

— То-есть, ты вообще противъ жениховъ? Но таинство брака было установлено...

— О, отецъ, пожалуйста, не говори такъ! Это съ ихъ стороны очень глупо говорить со мной не прямо, а черезъ тебя! Сказали бы мнѣ—я бы ихъ въ одну минуту осадила.

— Въ этомъ случаѣ—не думаю! Это весьма достойный молодой человѣкъ!

— Не спорю! Онъ и добрый, и красивый, и богатый, и... вообще прекрасный молодой человѣкъ; но я не люблю его,—онъ для меня рѣшительно не годится!

— Но, милая моя, ... ты...—онъ усердно роется въ бумагахъ на столѣ—ты ошибаешься... Ему надо не тебя, а... Вэрону!.. Д-да! Кажется, Вэрону... У меня тутъ гдѣ-то...

— Вэрону?!—смѣется Модерна.—Неужели ты и это записалъ на листѣ? (А я-то, глупая гордячка, думала, что меня!)

Профессоръ продолжаетъ рыться и нервно бормочетъ:

— Твоя мать (я былъ тогда очень занятъ)... Она мнѣ говорила про молодого человѣка, который сватается за мою дочь Вэрону. Я записывалъ и... вотъ, наконецъ, нашель! Я вѣдь и самъ хотѣлъ бы выдать за него тебя, какъ старшую... Но если ты такъ противъ него настроена, я поставлю это на видъ твоей матери,—пусть сама разсудитъ... А затѣмъ, надѣюсь, могутъ оставить меня въ покоѣ!

— Папъ, постой! Лауренсъ—премильный, право! Добрый и прелестный!

— А? Чтò? Ты вдругъ перемѣнила мнѣніе?

— Не мое, а сестры Вэроны. Ей онъ годится какъ нельзя

лучше! Онъ ее обожаетъ; она его... кажется, любитъ... Да! даже навѣрное любитъ. О, пожалуйста, разрѣши ему сдѣлать предложеніе; вѣдь ты ничего противъ него не имѣешь?

— Ничего, кромѣ дурного мнѣнія моей старшей дочери,—сухо возражаетъ ученый.

— Ну, на нее трудно угодить!—шутить полу-серьезнымъ тономъ Модъ.—Ей въ мужа не годится просто добрый и милый человѣкъ: ей скоро прійдется его доброта и ласка. Надо бы собственно составить смѣсь добра и зла, нѣчто среднее между Богомъ и чортомъ, чтобы *меня* удовлетворить, сдѣлать *меня* счастливою; но *ему* я все-таки не доставила бы счастья... Какъ видишь, я даже очень умно дѣлаю, что предпочитаю оставаться *холостой*.

— Я что-то не могу понять этого слова: *холостая*... Досадно, что вы отняли у меня цѣлое утро—ты и Верона.

— Сейчасъ уйду. Только, пожалуйста, будь поласковѣе съ Томомъ...

— Онъ уже просто—„Томъ“?.. А Верону не мѣшало бы спросить.

— Не безпокойся; объ этомъ я позабочусь!

— О тебѣ,—вотъ о комъ, сударыня, не мѣшало бы позаботиться хорошенько! Но постой! Дай мнѣ только кончить отвѣтъ моему другу профессору X—и въ пухъ разнести всѣ его нелѣпости...

— Пожалуйста, отецъ! А до тѣхъ поръ мнѣ надо ужъ самой о себѣ подумать!—И, пославъ отцу воздушный поцѣлуй, Модерна исчезла за дверью библіотеки.

XII.

„М-ръ и миссисъ Масклинъ имѣютъ честь покорнѣйше просить Васъ пожаловать на бракосочетаніе дочери ихъ, Вероны-Алисы, съ м-ромъ Томасомъ Лауренсомъ, въ церкви св. Павла въ Найтбриджъ, въ 2 ч. 30 м. поп., а оттуда въ д. № 280, Квинсгэтъ“.

Пегги въ волненіи. Она повсюду летаетъ, обо всѣхъ хлопочетъ, всѣмъ даетъ наставленія.

— Смотри, Виль,—говоритъ она брату:—не смѣй повѣсничать ни съ кѣмъ, даже съ тетей Лизой! Я ужъ на тебя полагаюсь; смотри, чтобы она не очень выставлялась впередъ и вообще не привлекала на себя вниманія: не смѣши ее, не мели всякаго вздору. А если ужъ что и случится смѣшное, стран-

ное, сейчасъ же пусти въ оборотъ слухъ, что она очень, очень богатая особа.

— Будь покойна! Я напущу на нее Билли Данверса: онъ съумѣетъ ее прекрасно занять.

— Нѣтъ, ужь лучше ты самъ. Пожертвуй хоть разъ своимъ удовольствіемъ ради общаго блага...

— Ахъ, и вотъ еще что! Посмотри за тѣмъ, чтобы подошвы у жениха были черныя, а то бѣда! Я какъ увижу прямо передъ собою его бѣлыя лепешки... расхожусь, непременно расхожусь!..

— Будь покойна, все сдѣлаю, и тетюшку усмирю, — говорилъ Виль.—Я ее познакомлю съ дядей Лауренса: тоже комикъ порядочный! Они стоятъ одинъ другого! Но какая ты, право, — стыдишься тетви: въ каждой семьѣ есть своя такая же теть Лиза, которую хотѣлось бы не выставлять на показъ, но приходится, все-таки, допускать къ участию въ семейныхъ торжествахъ.

— Хорошо, познакомь ихъ, непременно; а я пройду къ Вэрону, — говоритъ Пегги, и нѣсколько минутъ спустя уже стоитъ подлѣ нея, уговаривая хоть немножко покушать:

— Тебѣ сдѣлается дурно! И чего ты такъ разрыдалась за завтракомъ?

— Послѣдній завтракъ... Послѣдній! — и Вэрона снова залилась слезами.

— Вотъ ченуха! — воскликнула Пегги. — Можно подумать, что ты идешь не замужь, а въ могилу. Вотъ, нѣ, поѣшь, а не то ты хлопнешься, непременно! Кто тамъ?

— М-ръ Лауренсъ приказалъ спросить, можно ли ему на минуту видѣть миссъ Вэрону?

— Конечно, нѣтъ! Гдѣ это видано, чтобы женихъ приходилъ къ невѣстѣ на домъ въ самый день свадьбы? Онъ долженъ самъ это понимать.

— Пегги! — перебила ее Модерна. — Почему ты знаешь: можетъ быть, ему дѣйствительно надо что-нибудь важное сказать? Выйди къ нему, узнай, — а я покормлю Вэрону.

— А вдругъ онъ потерялъ свое разрѣшеніе жениться? Съ него все станется! — и Пегги торопливо выбѣгаетъ вонъ.

— Какая она суетливая! — слабымъ голосомъ говоритъ ей вслѣдъ Вэрона. — А я была бы рада хоть на минуточку взглянуть на Тома!

— Увидишь его черезъ полчаса, моя милая. Ну, покушай хоть немножко и выпей за его здоровье.

— Хорошо,—кушая, говоритъ Верона.—А вѣдь онъ право такой прелестный!

— Ну да, конечно, милочка моя. Скушай-ка еще ложечку... Вотъ такъ.

— Я, кажется, послушное дитя? Ахъ, Модъ! Мнѣ бы такъ хотѣлось, чтобы для тебя нашелся такой же Томъ, какъ мой. Онъ вѣдь красавчикъ, да?

— Да, да!

— И какая у него статная осанка... а, Модерна?

— Чтò ты говоришь?

— А мнѣ кажется, ты его не очень-то любишь.

— Вотъ фантазія! Отчего?

— Ты такъ скупишься на похвалы ему.

— Верона, милая! Я вѣдь также думаю, что онъ—прелесть! Или тебѣ этого мало? Такъ что-жь, ты, вѣрно, тогда только удовлетворишься, когда я скажу, что ревную его къ тебѣ? — шутила Модерна.—Да стой же смирно, я наколю тебѣ на прическу флеръ-д'оранжъ. Не разболѣлась бы только у тебя голова? Это вѣдь настоящій и слишкомъ сильно пахнетъ.

— Зато прямо изъ Ниццы!—радовалась, какъ дитя, невѣста.

— *Via Paris!*—подхватила Модерна.—Да стой же смирно!..

— Жервэзъ, куда ты?—окликаетъ мужа м-съ Масклинъ.

— Да какъ всегда, я полагаю: въ клубъ,—отзывается профессоръ.

— Пожалуйста, не забудь, что въ половинѣ третьяго свадьба твоей дочери, и тебѣ осталось двадцать минутъ одѣться!

— Правда, милая, правда! А я и позабылъ... Сейчасъ пойду, переодѣнусь.

М-съ Масклинъ, провожая его глазами и, спохватившись, восклицаетъ:

— А я-то сама? Тоже неодѣта. *Aurélie! Aurélie!*

— *Miss Aurélie!*—окликаетъ французскую горничную Минчингъ.—Слышите, „ваша“ старуха какъ оретъ?

— Иду, иду! Миссъ Пегги растрепала свою шляпу,—надо же ее подправить. Говорить, что она ей не къ лицу!..

Наступилъ часъ свадьбы...

Въ боковомъ портикѣ церкви кучка молодежи шопотомъ обмѣнивается замѣчаніями:

— А вѣдь, пожалуй, нашъ Томъ счастливѣе другихъ: на его долю достался самый цвѣтъ букета: хорошенькая, милая, кроткая жена!

— И вдобавокъ такая, которая глазъ съ него не сводить. И такая изящная, благовоспитанная, и роль свою прекрасно исполняетъ.

— А крошка Пегги? Какъ у нея глазенки бѣгають,—замѣтили?

— Вертушка и черезчуръ много болтаетъ! Надо цѣлый мѣсяцъ трудиться, чтобы обтесывать да дрессировать хорошенько.

— А старшая?

— Довольно милая дѣвушка; только немножко вѣтрена; но пока бѣды отъ этого никакой не произошло. Посмотримъ, что изъ нея дальше будетъ?

— Ужъ и не знаю; для меня она черезчуръ серьезна и учена. Я слышала, — даже стихи пишетъ; знаете, нѣчто въ такомъ родѣ: „Приди, приди! Лобзай меня, — Хоть холодна я, и мертва“!... Нѣтъ ужъ, благодарю покорно! На тавую особу у меня бы не хватило времени.

— Это у нея только такая оболочка; въ корнѣ это также милая и простая дѣвушка, какъ самая обыкновенная смертная.

— Во всякомъ случаѣ, она не въ моемъ вкусѣ. Та, миссъ Флемингъ, больше мнѣ по вкусу.

Послѣ свадьбы, по возвращеніи въ домъ невѣсты, лэди Риддель въ гостиной остановила Модерну:

— Ну, душа моя, какъ ты себя чувствуешь? А? Пришлось тебѣ танцовать на сестриной свадьбѣ!

— Благодарю васъ, тетя, хорошо! Я очень бодро переношу свою участь. Не беспокойтесь обо мнѣ. Я на судьбу не жалуюсь! — смѣясь, возражаетъ ей Модерна.

— Вотъ еще, беспокоиться? Чепуха! Я и сама не думаю, что надобно жалѣть, если дѣвушка не идетъ замужъ, — нѣтъ, нѣтъ! Ты должна научиться быть полезнымъ членомъ общества, приносить настоящую пользу. Намъ нужны рабочія руки. Вотъ я узнаю, нельзя ли тебя къ намъ пристроить въ одинъ изъ нашихъ комитетовъ?

— Но, тетя, у меня нѣтъ рѣшительно никакихъ стремленій! — смѣясь, возразила Модь.

— Въ твои годы и у Сесилии ихъ не бывало! Во всякомъ случаѣ, ты можешь работать; а тамъ и стремленія придуть сами собою! Кстати: я бы на твоёмъ мѣстѣ не сходилась такъ близко съ этимъ толстощекиимъ чортомъ...

— „Толстощекий чортъ“? Да кто-жь это такой? А! Билли Давверсъ! О, тетя, онъ такой милый мальчикъ; мы съ нимъ неразлучны съ дѣтства. Онъ—мой „мальчикъ-игрушка“, какъ говорятъ американцы.

— Однако, душа моя, совѣтую тебѣ осторожнѣе играть съ нимъ: у него такое неблагородное, пошловатое лицо. А впрочемъ, мнѣ все равно. Сама за собой смотри! Кстати,—Сесилія шлетъ тебѣ кучу поцѣлуевъ. Она идетъ назадъ, отъ нея проку никакого: Джикиль и его младенцы—вотъ всѣ ея интересы!

— Во всякомъ случаѣ, она чувствуетъ себя счастливой.

— Жвачное животное! Корова! Я отъ нея отказалась, а тебя беру вмѣсто дочери, если ты не прочь, конечно! Подумай объ этомъ. Прощай, я ухожу!

Въ пять часовъ, проходя черезъ оранжерею, Билли встрѣчаетъ Модерну:

— А! Вотъ вы гдѣ? Ну, что же, все обошлось благополучно? Молодая уѣхала, а вы блѣдны, какъ смерть. Ну, какъ она просталась? Плакала?

— Какъ полагается.

— Вы-то, я знаю, плакали. Самъ видѣлъ, въ церкви, своими глазами.

— Билли, вы врете!—ласково говорить Модъ.

— На Конистона это произвело сильное впечатлѣнiе. Ужь какъ хотите, а онъ особенно къ вамъ расположенъ.

— Полноте, Билли!—сердито прерываетъ Модъ.

— Ну хорошо! Только помните одно: когда вы будете лэди Конистонъ, пригласите меня къ себѣ на охоту; да не забудьте! Развѣ это не соблазнительная для васъ перспектива?

— То-есть, это самая заманчивая ея сторона.

— Какой чудесный свадебный подарокъ получите вы отъ меня! По этой части ужъ меня никто не превзойдетъ.

— Нѣтъ, милый мальчикъ! Все равно, меня ничто не соблазнить.

— Вотъ еще? Это почему? Развѣ Эдвардъ—такой ужъ заворенѣлый, убѣжденный отшельникъ?

— Можетъ быть, это я—отшель...

— Отшельница? Ну, вы ужъ такъ давно объ этомъ говорите, что никто больше вамъ не вѣрить.

— О, Билли! Что вы за сочинитель!

— Меня испортила ваша почтенная тетушка! Мы съ нею

прекрасно вѣдь дружили (я, знаете, приберегаю ея расположеніе, какъ сокровище, къ старости).

— Билли! Я устала!—говорить Модъ, зѣвая.—Оставьте меня въ покоѣ, уходите.

— Вонъ идетъ Конистонъ, я ускользаю!—И въ самомъ дѣлѣ, Билль проворно удалился, уступая мѣсто лорду Конистону.

— Очень радъ! Наконецъ-то вы отдѣлались отъ этого несноснаго мальчишки „fin de siècle“! Посидимъ немножко. А чтò, все сошло, кажется, благополучно? Вашъ папà благословилъ ту самую дочь, какую предполагалось; и мамà тоже рыдала какъ разъ въ мѣру, чтобы ее не слишкомъ было слышно, и Вильямъ показалъ намъ, какъ умѣютъ себя вести въ обществѣ итонскіе питомцы; и Пегги не слишкомъ вертѣлась; и вы...

— Ну, чтò же—я?

— Вы были самая хорошенькая изъ подругъ невѣсты, какъ ихъ я когда-либо видѣлъ. Но теперь и вы сами, и вашъ букетъ, имѣютъ утомленный видъ. Такъ будьте здоровы! Сегодня уѣзжаю съ послѣднимъ поѣздомъ.

— Куда?

— Въ Парижъ; пожалуй, и въ Миланъ. Я было подумывалъ о томъ, чтобы попасть туда на праздникъ св. Амвросія, а оттуда—въ Константинополь. Я сдалъ въ наймы свое помѣстье „Конистонъ“ на два года... Не думаю, чтобы мнѣ случилось окончательно устроиться въ городъ раньше этого срока...

— А вѣдь вы, пожалуй, такой же непосѣда, какъ и я,—замѣтила Модъ.

— Я люблю самъ все видѣть...

— Вотъ и я также. И я собираюсь... конечно, насколько это для меня доступно. Когда мы оба вернемся изъ своихъ странствій, мы поразкажемъ другъ другу свои впечатлѣнія... Надѣюсь, вы дадите намъ о себѣ вѣсточку?

— Пегги обѣщала вести со мною переписку,—грустно сказала Эдвардъ.—Прощайте!

ХІІІ.

Отрывки изъ писемъ и др.

Дневникъ Модерны. 9-го іюня 18... г.

„Послѣдняя записъ въ этомъ дневникѣ сдѣлана мною *два юда* тому назадъ, въ день свадьбы Вероны, и теперь, когда я ее перечла, она показала мнѣ такой наивной! Но тогда я была другая, чѣмъ теперь,—совсѣмъ другая! И такое различіе между

тѣмъ, чѣмъ я была и чѣмъ стала за это время, просто меня пугаетъ... Но вѣтъ, я не сожгу своего дневника; я только припишу въ концѣ его: *Finis!* и... и спрячу на память, какъ вещественное доказательство“...

Отъ Пегги (изъ Лондона) къ Конистону (въ Римъ):

„Да, что-нибудь такое, изъ римскихъ „fazzoletti“, чтобы сдѣлать платье... Модерна шлетъ свой привѣтъ. Не пишетъ, потому что слишкомъ занята“...

Отъ м-съ Фредъ Деверель къ А. Деверелю:

„Разузнайте, второй изъ дочерей Ж. Маскина Конистонъ сдѣлалъ предложеніе четыре года тому назадъ? Я знаю, что это—фактъ; но которой именно? Онъ былъ тогда секретаремъ у старика и почти безвыходно тамъ находился... Только не игривому котенку-Пегги! А Верона слишкомъ скромна для чего бы то ни было подобнаго“...

Отъ А. Девереля къ м-съ Фредъ Деверель:

„Совершенно уклоняюсь отъ какихъ бы то ни было разслѣдованій по этому вопросу. Ни васъ, ни меня это не касается“...

Отъ Вероны Лауренсъ къ Сесилии Джигиль:

„Доктора посылаютъ papà за границу на всю зиму. Наши сдаютъ домъ и уѣзжаютъ. Модерна объявила, что остается и будетъ жить съ одной отчаянной дѣвицей-журналисткой, миссъ Тримэнъ“...

Отъ м-съ Мортимеръ къ миссъ Маскингъ:

„Мы обѣдаемъ въ 8 ч. веч.,—не забудьте. Вы должны за обѣдомъ занимать нѣкоего м-ра Брауна. Онъ—родственникъ моего мужа и, вдобавокъ, приходскій священникъ въ Вестъ-Эндъ; довольно скучный и молчаливый господинъ, но вы (я знаю!) съумѣете его „разговорить“. Знаю, что онъ не устоитъ; знаю также, что вамъ съ нимъ будетъ скучно; но все-таки, убѣдительно прошу васъ, не скупясь, осыпать его рассказами о кафешантанахъ и французскихъ романахъ. Знаю, что вы не знакомы ни съ тѣми, ни съ другими; но онъ-то будетъ увѣренъ въ противномъ, слушая, какъ вы прекрасно о нихъ говорите“...

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ГАЗЕТЪ:

1.— „На-дняхъ, на столбцахъ газеты „Неподкупный“ передаются опыты и впечатлѣнія одной молодой дѣвушки изъ свѣтскаго общества, которая поступила въ качествѣ горничной въ одно изъ всѣми уважаемыхъ семействъ. Ни для кого не тайна, что эта смѣлая піонерка — не кто иная, какъ дочь одного изъ нашихъ виднѣйшихъ профессоровъ, человѣка высокихъ какъ умственныхъ, такъ и нравственныхъ качествъ“...

2.— „И къ чему это всѣ наши юные поэты считаютъ своимъ долгомъ быть непременно меланхоликами? Передъ нами лежатъ небольшая поэма, подписанная: „М. Е. Масклинъ“; вещь далеко не дурная, но вѣющая такимъ мрачнымъ и упорнымъ разочарованіемъ, что мы давно такихъ уже не видали. Со стороны поэтессы, только ея крайняя молодость можетъ служить ей извиненіемъ въ такихъ „загробныхъ изліяніяхъ“, какъ сказалъ бы Маркъ Твэнъ“...

Отъ миссъ Доли Тримэнъ къ миссъ Масклинъ:

„Смотрите же, не обманите, не раздумайте! Я вѣдь не со всякой рѣшусь поселиться. Мнѣ въ товарищи нужна такая дѣвушка, которая была бы не капризница и не трусиха, а не то наша затѣя рухнетъ. Привезите съ собой свои“...

Отъ Билли къ Модернѣ:

„Какая вы милая! Я попалъ въ петлю... запутался! За-молвите отцу за меня словечко... Онъ васъ послушаетъ во всемя, въ чемъ угодно... А мнѣ никогда еще такъ круто не приходилось“!..

Отъ Сесилии Джикиль къ Вэронѣ Лауренсъ:

„...Ничего не слыхала про эту миссъ Тримэнъ! Модерна больше мнѣ не пишеть, и я боюсь, что она попала въ дурное общество. Мужъ говоритъ, что она—дѣвушка рѣшительная, идетъ своей дорогой безъ колебаній и благополучно переживетъ этотъ новый фазисъ въ своей жизни“...

Отъ лэди Риддель къ Сесилии Джикиль:

„Модерна живетъ себѣ благополучно. Оставь ее въ покоѣ! Въ жизни каждой дѣвушки непременно должны же быть своего рода „Wanderjahre“. И у тебя они были бы, конечно, если бы ты не вышла замуужъ“...

Съ англ. А. Б—г—

Т Р И С В И Д А Н І Я

П О Э М А.

Заранѣ надъ смертью торжествуя,
И цѣпь временъ любовью одолѣвъ,
Подруга вѣчная, тебя не назову я,
Но ты почувешь трепетный напѣвъ...

Не вѣруя обманчивому міру,
Подъ тяжкою корою вещества,
Я осязалъ нетлѣнную порфиру
И узнавалъ сіянье божества...

Не трижды ль ты далась живому взгляду—
Не мысленнымъ движеніемъ, о, нѣтъ!—
Въ предвѣстіе, иль въ помощь, иль въ награду
На зовъ души твой образъ былъ отвѣтъ.

I.

И въ первый разъ,—о, какъ давно то было!—
Тому минуло тридцать-шесть годовъ,
Какъ дѣтская душа неожиданно ощутила
Тоску любви съ тревогой смутныхъ сновъ.

Мнѣ девять лѣтъ, она... ей—девять тоже.
„Былъ майскій день въ Москвѣ“, какъ молвилъ Фетъ.
Признался я. Молчаніе. О, Боже!
Соперникъ есть. А! онъ мнѣ дастъ отвѣтъ!

Дуэль, дуэль! Обѣдня въ Вознесенье.
 Душа выпить въ потокѣ страстныхъ мукъ.
Житейское... отложимъ... попеченье—
 Ткнулся, замиралъ и замеръ звукъ.

Алтарь открытъ... Но гдѣ жъ священникъ, дьяконъ?
 И гдѣ толпа молящихся людей?
 Страстей потокъ,—безслѣдно вдругъ изсякъ онъ.
 Лазурь кругомъ, лазурь въ душѣ моей.

Пронизана лазурью золотистой,
 Въ рукѣ держа цвѣтокъ нездѣшнихъ странъ,
 Стояла ты съ улыбкою лучистой,
 Кивнула мнѣ и скрылася въ туманъ.

И дѣтская любовь чужой мнѣ стала,
 Душа моя—къ житейскому слѣпа...
 А нѣмецка-бонна грустно повторяла:
 „Володинька—ахъ! слишкомъ онъ *люди*“!

II.

Прошли годъ. Доцентомъ и магистромъ
 Я мчуся за границу въ первый разъ.
 Берлинъ, Ганноверъ, Кельнъ—въ движеніи быстромъ
 Мелькнули вдругъ и скрылися изъ глазъ.

Не свѣта центръ, Парижъ, не край испанскій,
 Не яркій блескъ восточной пестроты,—
 Моей мечтою былъ Музей Британскій,
 И онъ не обманулъ моей мечты.

Забуду ль васъ, блаженные полъ-года?
 Не призраки минутной красоты,
 Не быть людей, не страсти, не природа—
 Всей, всей душой одна владѣла ты.

Пусть тамъ снуютъ людскія мириады
 Подъ грохотъ огнедышащихъ машинъ,
 Пусть зиждутся бездушныя громады,—
 Святая тишина, я здѣсь одинъ.

Ну, разумѣется, cum grano salis:
 Я одинокъ былъ, но не мизантропъ;
 Въ уединеніи и люди попадались,
 Изъ коихъ мнѣ теперь назвать когобъ?

Жаль, въ свой размѣръ вложить я не сумѣю
 Ихъ имена, не чуждыя молвы...
 Скажу: два-три британскихъ чудодѣя
 Да два иль три доцента изъ Москвы.

Все-жъ больше я одинъ въ читальномъ залѣ;
 И вѣрите, иль не вѣрите,—видитъ Богъ,
 Что тайныя мнѣ силы выбирали
 Все, что о ней читать я только могъ.

Когда же прихоти грѣховныя внушали
 Мнѣ книгу взять „изъ оперы другой“,—
 Такія тутъ исторіи бывали,
 Что я въ смущеніи уходилъ домой.

И вотъ однажды—къ осени то было—
 Я ей сказалъ: о, божества расцвѣтъ!
 Ты здѣсь, я чую,—что же не явила
 Себя глазамъ моимъ ты съ дѣтскихъ лѣтъ?

И только я помыслилъ это слово,—
 Вдругъ зототой лазурью все полно,
 И предо мной она сіяетъ снова,—
 Одно ея лицо,—оно одно.

И то мгновенье долгимъ счастьемъ стало,
 Къ земнымъ дѣламъ опять душа слѣпа,
 И если рѣчь *серьезный* слухъ встрѣчала,
 Она была невнятна и глупа.

III.

Я ей сказалъ: твое лицо явилось,
 Но всю тебя хочу я увидеть.
 Чѣмъ для ребенка ты не поскупилась,
 Въ томъ—юношѣ нельзя же отказать!

„Въ Египтѣ будь!“—внутри раздался голосъ.
 Въ Парижѣ!—и къ югу паръ меня несетъ.
 Съ разсудкомъ чувство даже не боролось:
 Разсудокъ промолчалъ какъ идиотъ.

На Лонъ, Туринъ, Пьяченцу и Анкону,
 На Фермо, Бари, Бриндизи—и вотъ
 По синему трепещущему лону
 Ужъ мчитъ меня британскій пароходъ.

Кредитъ и кровь мнѣ предложилъ въ Каирѣ
 Отель „Аббатъ“,—его ужъ нѣтъ, увы!—
 Уютный, скромный, лучший въ цѣломъ мірѣ...
 Тамъ были русскіе, и даже изъ Москвы.

Всѣхъ тѣшилъ генераль—десятый номеръ—
 Кавказскую онъ помнилъ старину...
 Его назвать не грѣхъ—давно онъ померъ,
 И лихомъ я его не помяну.

То Ростиславъ Ѡаддеевъ былъ извѣстный,
 Въ отставкѣ воинъ и владѣлъ перомъ.
 Назвать кокотку, иль соборъ помѣстный,—
 Ресурсовъ тѣма была сокрыта въ немъ.

Мы дважды въ день сходились за табль-д'отомъ;
 Онъ весело и много говорилъ,
 Не лѣзъ въ карманъ за скользкимъ анекдотомъ
 И философствовалъ по мѣрѣ силъ.

Я ждалъ межъ тѣмъ завѣтнаго свиданья,
 И вотъ однажды, въ тихій часъ ночной,
 Какъ вѣтерка прохладное дыханье:
 „Въ пустынѣ я—иди туда за мной“.

Идти *тышкомъ* (изъ Лондона въ Сахару
 Не брать даромъ молодыхъ людей,—
 Въ моемъ карманѣ—хоть кататься шару,
 И я живу въ кредитъ ужъ много дней).

Богъ вѣсть куда, безъ денегъ, безъ припасовъ,
 И я въ одинъ прекрасный день пошелъ,—

Какъ дядя Власть, что написалъ Некрасовъ.
(Ну, какъ-ни-какъ, а римоу я нашель ¹⁾).

Смѣялась, вѣрно, ты, какъ средь пустыни,
Въ цилиндрѣ высочайшемъ и въ пальто,
За чорта принятый, въ здоровомъ бедунинѣ
Я дрожь испуга вызвалъ и за то

Чуть не убить,—какъ шумно, по-арабски
Совѣтъ держали шейхи двухъ родовъ,
Что дѣлать имъ со мной, какъ послѣ рабски
Скрутили руки и безъ лишнихъ словъ

Подальше отвели, преблагородно
Мнѣ руки развязали—и ушли.
Смѣюсь съ тобой: богамъ и людямъ сродно
Смѣяться бѣдамъ, разъ онѣ прошли.

Тѣмъ временемъ нѣмая ночь на землю
Спустилась прямо, безъ обиняковъ.
Кругомъ лишь тишину одну я внемлю
Да вижу мракъ средь звѣздныхъ огоньковъ.

Придегши на землю, я глядѣлъ и слушалъ...
Довольно гнусно вдругъ завылъ шакаль;
Въ своихъ мечтахъ меня онъ, вѣрно, кушалъ,
А на него и палки я не взялъ.

Шакаль-то что! Вотъ холодно ужасно...
Должно быть—нуль,—а жарко было днемъ...
Сверкаютъ звѣзды безнощадно ясно;
И блескъ, и холодъ—во враждѣ со сномъ.

И долго я лежалъ въ дремотѣ жуткой,
И вотъ повѣяло: „усни, мой бѣдный другъ!“—
И я уснулъ: когда жъ проснулся чутко,—
Дышали розами земля и неба кругъ.

¹⁾ Приемъ нахождения рими, освященный примѣромъ Пушкина и тѣмъ болѣе простительный въ настоящемъ случаѣ, что авторъ, будучи болѣе неопытенъ, тѣмъ моложе, первый разъ пишетъ стихи въ повѣствовательномъ родѣ.

И въ пурпурѣ небеснаго блистанья
 Очами полными лазурнаго огня ¹⁾
 Глядѣла ты, какъ первое сіянье
 Всемирнаго и творческаго дня.

Что есть, что было, что грядетъ во вѣки—
 Все обнялъ тутъ одинъ недвижный взоръ...
 Синѣютъ подо мной моря и рѣки,
 И дальній лѣсъ, и выси снѣжныхъ горъ.

Все видѣлъ я, и все одно лишь было,—
 Одинъ лишь образъ женской красоты...
 Безмѣрное въ его размѣръ входило,—
 Передо мной, во мнѣ—одна лишь ты.

О, лучезарная! тобой я не обмануть:
 Я всю тебя въ пустынѣ увидалъ...
 Въ моей душѣ тѣ розы не завянутъ,
 Куда бы ни умчалъ житейскій валъ.

Одинъ лишь мигъ! Видѣніе сокрылось—
 И солнца шаръ всходилъ на небосклонъ.
 Въ пустынѣ тишина. Душа молилась,
 И не смолкала въ ней благовѣстный звонъ.

Духъ бодръ! Но все-жъ не ѣлъ я двое сутокъ,
 И начиналъ тускнѣть мой высшій взглядъ.
 Увы! какъ ты ни будь душою чутокъ,
 А голодъ вѣдь не тетка, говорятъ.

На западъ солнца путь держалъ я къ Нилу
 И вечеромъ пришелъ домой въ Каиръ.
 Улыбки розовой душа слѣды хранила,
 На сапогахъ—виднѣлось много дыръ.

Со стороны все было очень глупо
 (Я факты рассказалъ, видѣнье скрывъ).
 Въ молчаньи генераль, поѣвши супа,
 Такъ началъ важно, взоръ въ меня вперивъ:

¹⁾ Стихъ Лермонтова.

„Конечно, умъ даетъ права на глупость,
 Но лучше симъ не злоупотреблять:
 Не мастерица вѣдь людская тупость
 Виды безумья точно различать.

„А потому, коль вамъ прослыть обидно
 Помѣшаннымъ, иль просто дуракомъ, —
 Объ этомъ происшествіи постыдномъ
 Не говорите больше ни при комъ“.

И много онъ острить, а предо мною
 Уже лучился голубой туманъ,
 И, побѣжденъ таинственной красою,
 Въ даль уходилъ житейскій океанъ.

Еще невольникъ суетному міру,
 Подъ грубою корою вещества
 Такъ я прозрѣлъ нетлѣнную порфиру
 И ощутилъ сіянье божества.

Предчувствіемъ надъ смертью торжествуя
 И цѣль временъ мечтою одолѣвъ,
 Подруга вѣчная, тебя не назову я,
 А ты прости нетвердый мой напѣвъ!

Владиміръ Соловьевъ.

26—29 сент., 1898. Пустынька.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое ноября 1898.

Взиманіе земскихъ сборовъ—прежде и теперь.—Различные способы улучшить положеніе земскихъ финансовъ.—Предѣлы земскаго обложенія.—Васильское уѣздное земское собраніе.—Вопросъ объ отношеніи губернскаго земства къ ходатайствамъ уѣздныхъ земскихъ собраній.—Земская адвокатура.—Реакціонная печать и земство.

Неурожай нынѣшняго года, ослабившій, во многихъ губерніяхъ, платежныя силы населенія, опять ставитъ на очередь вопросъ о способахъ веденія земскаго хозяйства при явномъ несоотвѣтствіи между земскими расходами и земскими сборами. Тотъ же вопросъ возникаетъ, впрочемъ, и во многихъ другихъ мѣстностяхъ, не затронутыхъ недородомъ, и принимаетъ болѣе широкую форму: какъ обезпечить правильное поступленіе земскихъ сборовъ и какъ пополнять неизбѣжныя, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, ихъ недочеты? Земскія недоимки, вездѣ достигающія значительной высоты, зависятъ не столько отъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, въ родѣ неурожая или другого общественнаго бѣдствія, сколько отъ причинъ болѣе общихъ, коренящихся въ способѣ взиманія и въ самомъ характерѣ земскихъ сборовъ. Усилия властей, завѣдывающихъ одновременно взиманіемъ налоговъ государственныхъ и земскихъ, направлены преимущественно къ исправному поступленію первыхъ, хотя бы и въ ущербъ послѣднимъ. Значительно большая часть земскихъ сборовъ падаетъ, притомъ, на землю, обремененную, кое-гдѣ, свыше мѣры и совершенно обезсибливаемую неурожаемъ. Никакими опредѣленными, надежными средствами на случай непредвидѣннаго дефицита земство не располагаетъ. А между тѣмъ, въ числѣ земскихъ расходовъ много такихъ, производство которыхъ совершенно неотложно: нельзя же закрывать, отъ времени до времени, земскія школы и больницы, оставлять безъ ремонта земскія дороги, прекращать уплату жалованья служащимъ въ земствѣ. Отсюда три постоянныхъ заботы земскихъ учреждений: увеличеніе числа земскихъ доходныхъ статей, упорядоченіе взиманія земскихъ

сборовъ, организація земскаго кредита и экстраординарныхъ земскихъ ресурсовъ. Ни одна изъ этихъ задачъ не можетъ быть разрѣшена собственными силами земства, на почвѣ дѣйствующаго законодательства. Для земскихъ собраній открытъ только путь ходатайства передъ высшимъ правительствомъ, къ чему многія изъ нихъ обращались уже неоднократно и до сихъ поръ не перестаютъ обращаться. Остановимся, на этотъ разъ, на вопросѣ о взиманіи земскихъ сборовъ, разрабатываемомъ въ настоящее время, уже не впервые, с.-петербургскимъ губернскимъ земствомъ.

С.-Петербургская губернія не принадлежитъ къ числу тѣхъ, въ которыхъ земледѣліе составляетъ почти единственное или главное занятіе населенія. Не только въ подстоличныхъ уѣздахъ, но и въ болѣе отдаленныхъ, хлѣбопашество не даетъ достаточныхъ средствъ къ жизни; рядомъ съ нимъ вездѣ существуютъ промыслы, мѣстные или отхожіе, и неурожаи не имѣютъ здѣсь такого значенія, какъ въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ. Несмотря на это, цифра земскихъ недоимокъ, какъ общихъ, такъ и специальныхъ (напр. по обязательному страхованію рогатаго скота), въ большинствѣ уѣздовъ очень велика, и затрудняетъ не только развитіе, но и правильное веденіе земскаго хозяйства. Одно изъ уѣздныхъ земскихъ собраній—шлиссельбургское—пришло къ заключенію, что это зло можетъ быть устранено только радикальною мѣрою, и обратилось къ губернскому собранію съ просьбою возбудить ходатайство о томъ, чтобы всѣ земскіе расходы были приняты, наравнѣ съ государственными, на счетъ государственнаго казначейства. Комиссія, на разсмотрѣніе которой губернское собраніе передало просьбу шлиссельбургскаго земства, высказалась противъ ея удовлетворенія, находя, что та же цѣль можетъ быть достигнута съ гораздо большимъ удобствомъ, возстановленіемъ дѣйствія ст. 90 уст. о земск. повинн. въ той редакціи, какую она имѣла до введенія земскихъ учреждений. На основаніи этой редакціи (о возвращеніи къ которой с.-петербургское губернское земство ходатайствовало и раньше), вносимыми отъ плательщиковъ суммами покрывались сперва всѣ земскіе сборы, а затѣмъ уже казенныя подати и особыя взыскаія. Возвращеніе къ такому порядку устранило бы главную причину накопленія земскихъ недоимокъ, въ той ихъ части, которая касается сельскихъ обществъ. Только при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, встрѣчающихся сравнительно рѣдко, поступленіе платежей, лежащихъ на крестьянахъ, прекращается совершенно; въ большинствѣ случаевъ уменьшаются лишь его размѣры—и это уменьшеніе съ особенною силой отражается на земствѣ, разъ что ему не предоставлено закономъ никакого преимущества передъ казною, а на практикѣ земскіе интересы почти всегда приносятся въ жертву казен-

нымъ. Между тѣмъ, для земства недоборъ въ поземельныхъ сборахъ имѣеть несравненно большее значеніе, чѣмъ для казны. Въ государственномъ бюджетѣ поземельные налоги составляютъ менѣ одной десятой части всего дохода, въ бюджетахъ земскихъ—до восьми и даже девяти-десятихъ. Въ государственномъ хозяйствѣ недоимки поземельныхъ налоговъ уравниваются обыкновенно избыткомъ поступлений по другимъ статьямъ; въ земскомъ хозяйствѣ, почти всецѣло основанномъ на сборѣ съ земли, такое уравниженіе немислимо. Государство, въ случаѣ надобности, всегда можетъ прибѣгнуть къ кредиту; для земства онъ часто недоступенъ, или доступенъ только на крайне обременительныхъ условіяхъ. обращеніе поземельныхъ налоговыхъ платежей прежде всего на покрытіе земскихъ сборовъ было бы, поэтому, вполне согласно съ справедливостью. Ограждая интересы земства, оно соотвѣтствовало бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, истиннымъ интересамъ государства, для котораго далеко не безразлично все предпринимаемое земствомъ на пользу мѣстнаго населенія... На самой низшей ступени управленія существуетъ и теперь, *de facto*, нѣчто аналогичное тому, чего желаетъ земство: изъ платежей, вносимыхъ крестьянами, прежде всего покрываются мірскіе (т.-е. волостные и сельскіе) сборы. И это не можетъ быть иначе: накопленія мірскихъ недоимокъ не вынесли бы ни волость, ни сельское общество, не имѣющія другихъ источниковъ дохода, кромѣ мірскихъ сборовъ, или, въ лучшемъ случаѣ, удовлетворяющія изъ нихъ большую часть своихъ насущныхъ потребностей. Съ этой точки зрѣнія, положеніе земства отличается отъ положенія волости или села лишь весьма немногимъ; порядокъ, для послѣднихъ созданный самой жизнью, слѣдовало бы установить для перваго силою закона. Разсчитывать на практику здѣсь нельзя уже потому, что земскіе сборы, какъ и государственные, вносятся въ казначейство, между тѣмъ какъ мірскіе сборы поступаютъ непосредственно въ руки сельскихъ и волостныхъ властей.

Мысль о возвращеніи къ старому порядку распредѣленія налоговыхъ платежей встрѣтила, какъ и слѣдовало ожидать, ожесточенныя возраженія со стороны противниковъ земскаго самоуправленія ¹⁾.

Прежде—говорятъ намъ—земскія повинности опредѣлялись правительствомъ и выполнялись подъ непосредственнымъ наблюденіемъ администраціи, вслѣдствіе чего не могло быть сомнѣнія ни въ ихъ необходимости, ни въ неотяготительности ихъ для населенія; теперь „надзоръ за необремененіемъ населенія земскими сборами фактически совершенно не существуетъ“, и произволъ земскихъ учреждений въ повышеніи земскихъ расходовъ доходитъ до крайней степени. Сдер-

¹⁾ См. № 240 „Московскихъ Вѣдомостей“.

живаешь его нѣсколько только само населеніе, „отказываясь пополнять земскую кассу безъ крайнихъ понудительныхъ мѣръ“: земскія недоимки являются какъ бы „протестомъ противъ непопулярныхъ земскихъ поборовъ“. Возстановленіе прежней редакціи ст. 90 могло бы быть допущено, поэтому, въ такомъ лишь случаѣ, еслибы былъ установленъ предѣлъ земскаго обложенія, а земскіе расходы—поставлены подъ „прямой и опредѣленный контроль правительства“... Обставленное подобными условіями, возвращеніе къ прежнему порядку было бы для земства настоящимъ „Данаевымъ даромъ“.—Не говоря уже о неудобствахъ, сопряженныхъ — по крайней мѣрѣ въ настоящее время, до предоставленія земству новыхъ доходныхъ статей,—съ назначеніемъ предѣла земскаго обложенія, усиленіе административнаго контроля надъ земскими расходами было бы равносильно потерѣ той небольшой самостоятельности, которую еще сохраняетъ земство. Министерство внутреннихъ дѣлъ и его мѣстные органы обладаютъ и теперь болѣе чѣмъ достаточными средствами надзора, дающими имъ полную возможность предупреждать расходы, очевидно, непроизводительные или явно непосильные для населенія; идти еще дальше, допустить положеніе безапелляціоннаго административнаго veto на каждый земскій расходъ, значило бы отдать все земское дѣло въ полное распоряженіе администраціи, т.-е. фактически упразднить земство или сдѣлать его совершенно излишнимъ (къ чему и направлены, впрочемъ, всѣ усилія газетныхъ реакціонеровъ). Усматривать въ накопленіи земскихъ недоимокъ какой-то *протестъ* противъ „земскихъ поборовъ“ можетъ только тотъ, кто не знаетъ или не хочетъ знать дѣйствительности. Совершенно невѣрно, во-первыхъ, что ростъ земскихъ недоимокъ вездѣ и всегда прямо пропорціоналенъ росту земской смѣты. Недоимки накапливаются, сплошь и рядомъ, и тамъ, гдѣ земская смѣта остается почти неподвижной (и наоборотъ); увеличеніе ихъ зависитъ гораздо больше отъ способовъ взиманія, практикуемыхъ въ данной мѣстности, чѣмъ отъ прибавки нѣсколькихъ копѣекъ къ обложенію десятины удобной земли. Еще сильнѣе вліяютъ въ этомъ отношеніи общія причины, подрывающія благосостояніе населенія. Какіе плательщики, далѣе, „протестуютъ“, накопленіемъ земскихъ недоимокъ, противъ земскихъ „поборовъ“? Личные землевладѣльцы? Безспорно, со стороны нѣкоторыхъ изъ нихъ, индифферентныхъ или враждебныхъ къ земскому дѣлу, возможно тенденціозное, демонстративное уклоненіе отъ уплаты земскаго сбора; но мы увидимъ ниже, что оно осталось бы возможнымъ и при возстановленіи прежней редакціи ст. 90, такъ какъ эта статья касается только сельскихъ обществъ. Встрѣчается оно, во всякомъ случаѣ, не только тамъ, гдѣ земская смѣта растетъ быстро и сильно, но вездѣ, гдѣ есть наклонность къ

неисполненію гражданскаго долга—и гдѣ ее поощрять бездѣйствіе власти, взыскивающей земскіе сборы. Что касается до крестьянъ, то „протестовать“ противъ „земскихъ поборовъ“ они не могутъ по той простой причинѣ, что не знаютъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, куда именно идутъ вносимыя ими деньги. Крестьянину известна только общая цифра всѣхъ слѣдующихъ съ него сборовъ; распредѣленіе между ними cadaго дѣлаемаго имъ платежа зависитъ отъ начальства—сельскаго старосты, волостнаго старшины и т. д., или отъ уѣзднаго казначейства. Аргументація, основанная на мнимомъ „протестѣ“, падаетъ, такимъ образомъ, сама собою, свидѣтельствуя еще разъ о неразборчивости нашихъ „охранителей“ въ выборѣ полемическихъ приѣмовъ.

Ст. 90 уст. о земск. пов., въ прежней ея редакціи, появилась на свѣтъ въ то время, когда существовало еще въ полной силѣ различіе между податными и неподатными сословіями—и одни первыя несли на себѣ всю тяжесть казенныхъ и земскихъ сборовъ. Простое восстановление прежняго текста статьи обезпечило бы болѣе исправное поступленіе только той части земскаго сбора, которая вносится съ надѣльной земли, крестьянами, приписанными къ сельскимъ обществамъ. Между тѣмъ, земскій сборъ съ личныхъ землевладѣльцевъ составляетъ, въ большинствѣ уѣздовъ, весьма значительную долю земскихъ доходовъ, равняясь иногда земскому сбору съ сельскихъ обществъ. Необходимо было бы, поэтому, расширить дѣйствіе ст. 90, установивъ, что поземельные платежи личныхъ землевладѣльцевъ также идутъ прежде всего на покрытіе земскаго сбора. Еслибы въ счетъ государственнаго поземельнаго налога обращались только суммы, остающіяся за уплатою земскаго сбора, интересы казны совпали бы съ интересами земства, и это отразилось бы какъ нельзя болѣе благоприятно на земскихъ финансахъ. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что главной причиной накопленія земскихъ недоимокъ на земляхъ частнаго владѣнія является крайняя слабость мѣръ, принимаемыхъ для ихъ взысканія. Полиція не спѣшитъ, болѣею частью, исполненіемъ домогательствъ земскихъ управъ; проходятъ очень значительныя промежутки времени, прежде чѣмъ она приступаетъ къ описи имѣнія; до продажи съ публичнаго торга дѣло доходить такъ рѣдко, что ея возможность перестаетъ служить стимуломъ къ исправной уплатѣ земскаго сбора. Чѣмъ медленнѣе процедура взысканія, тѣмъ больше накопляется недоимокъ, тѣмъ труднѣе, слѣдовательно, ихъ погашеніе; бывають случаи, когда ихъ не покрываетъ даже сумма, вырученная отъ продажи имѣнія. Единственнымъ радикальнымъ средствомъ къ устраненію всѣхъ этихъ неудобствъ было бы предоставленіе земству права производить, черезъ посредство своихъ исполнительныхъ орга-

новъ, взысканіе недоимокъ, накопившихся на земляхъ частнаго владѣнія, съ точнымъ опредѣленіемъ сроковъ и порядка взысканія. Землевладѣльцы сохранили бы, конечно, право обжалованія каждаго дѣйствія, совершеннаго земскою управою или ея уполномоченнымъ. Въ концѣ концовъ въ выигрышѣ оказалось бы не только земство, но и сами землевладѣльцы, при нынѣшней системѣ часто, сами того не замѣчая, запутывающіеся въ недоимкахъ. Внести текущій земскій сборъ сравнительно нетрудно; настоящимъ бременемъ онъ становится только тогда, когда не уплачивается изъ года въ годъ и, съ присоединеніемъ пени, образуетъ все болѣе и болѣе крупныя суммы. Намъ извѣстны случаи, когда изъ нѣсколькихъ рублей ежегоднаго сбора составлялись недоимки въ нѣсколько десятковъ и даже сотенъ рублей, разорительныя для земства, но крайне опасныя и для самихъ владѣльцевъ.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что самымъ простымъ выходомъ изъ затрудненій, въ которыя поставлено земство, былъ бы именно тотъ, о которомъ предлагаетъ ходатайствовать шлиссельбургское уѣздное земское собраніе, т.-е. принятіе всѣхъ земскихъ расходовъ на счетъ казны. На самомъ дѣлѣ, однако, это было бы равносильно полному извращенію земскихъ учреждений. Получая всѣ свои средства изъ тѣхъ же источниковъ и тѣмъ же путемъ, какъ и другія отрасли государственнаго управленія, земство неизбѣжно вошло бы въ составъ административнаго механизма; земскія управы, и теперь уже имѣющія слишкомъ много точекъ соприкосновенія съ присутственными мѣстами, перестали бы отличаться отъ нихъ тѣмъ бы то ни было существеннымъ, а земскія собранія приняли бы характеръ исключительно совѣщательный. Кто держитъ, по извѣстному французскому выраженію, шнурки кошелька, тотъ не расположенъ отказываться отъ права регулировать расходы, производимые изъ этого кошелька. Слишкомъ наивно было бы думать, что финансовое вѣдомство ограничится ролью земскаго сборщика податей или земскаго кассира, безпрекословно отпускающаго земству всѣ суммы, включаемыя въ земскій бюджетъ. Расходы, производимые изъ общегосударственныхъ средствъ, непременно предполагаютъ одобреніе государственной власти, въ лицѣ того или другаго ея представителя. Теперь для производства земскихъ расходовъ достаточно отсутствія спора со стороны администраціи; тогда для него понадобилось бы прямо выраженное ея согласіе. Получилось бы, такимъ образомъ, именно то положеніе вещей, о которомъ мечтаютъ противники земскихъ учреждений. Ходатайство о его водвореніи, идущее отъ самого земства, было бы тѣмъ-то въ родѣ покушенія на самоубійство. Другое дѣло, еслибы государство предоставило въ распоряженіе земства извѣстную часть

того или другого опредѣленнаго дохода или разрѣшило бы ему дѣлать, въ заранѣе установленныхъ предѣлахъ, надбавки къ тѣмъ или другимъ государственнымъ сборамъ (какъ это практикуется уже теперь по отношенію къ сбору съ патентовъ и свидѣтельствъ на право торговли). Земство осталось бы, въ такомъ случаѣ, хозяиномъ *своихъ* средствъ, и для новыхъ ограниченій его самодѣятельности не было ни повода, ни предлога. Трудно ожидать, однако, чтобы новые источники дохода, только-что упомянутые нами, могли замѣнить собою земскій поземельный сборъ и упразднить, этимъ самымъ, вопросъ о болѣе правильномъ его поступленіи.

Кстати о земскомъ обложеніи. Если вѣрить газетамъ, министерство финансовъ предлагало установить теперь же высшія нормы обложенія, въ размѣрѣ сборовъ, опредѣленныхъ земскими раскладками на 1897-й годъ. Къ нѣскольکو иному заключенію пришла коммиссія, образованная ad hoc при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ: она нашла, что впредь до окончанія оцѣночныхъ работъ по закону 8-го іюня 1893 г. не слѣдуетъ устанавливать предѣловъ обложенія, а достаточно предложить начальникамъ губерній слѣдить за тѣмъ, чтобы возрастаніе земскаго обложенія противъ существующаго было допускаемо лишь въ случаяхъ настоятельной необходимости. Различіе между обоими мнѣніями заключается, такимъ образомъ, только въ степени ихъ рѣшительности: первое закрѣпляетъ существующіе оклады, какъ максимальныя нормы, безусловно и силою закона, второе—административнымъ воздѣйствіемъ, допускающимъ исключенія изъ общаго правила. Справедливымъ и цѣлесообразнымъ нельзя, съ нашей точки зрѣнія, признать ни того, ни другого. Существующіе оклады земскихъ сборовъ до крайности различны: если въ иныхъ уѣздахъ они несообразно высоки, то во многихъ другихъ дальнѣйшій ихъ ростъ вполне возможенъ безъ обремененія плательщиковъ и необходимъ въ интересахъ населенія. Далекое не вездѣ, напримѣръ, для народнаго здоровья сдѣлано все, что можетъ и должно сдѣлать земство; далеко не вездѣ число земскихъ школъ соответствуетъ средствамъ земства и потребностямъ народной массы. Къ чему же останавливать или затруднять движеніе впередъ, тѣмъ болѣе желательное, чѣмъ сильнѣе оно запоздало? Къ чему подводить всѣ земства подъ мѣрку, подходящую только къ немногимъ? Уже лучше было бы установить предѣлъ земскаго обложенія, основанный на отношеніи сбора къ цѣнности или доходности имѣній; тогда, по крайней мѣрѣ, ничто не мѣшало бы росту земскихъ смѣтъ въ уѣздахъ, въ которыхъ еще слишкомъ мало развита земская дѣятельность. На какомъ основаніи, притомъ, губернаторы могли бы возражать противъ *всякаго* увеличенія земскихъ смѣтъ, даже весьма скромныхъ? Вѣдь имъ принадлежитъ

право протеста только противъ постановленій, явно нарушающихъ интересы мѣстнаго населенія — а постановленія о новыхъ земскихъ расходахъ представляются, сплошь и рядомъ, вполне соответствующими этимъ интересамъ или даже прямо требуются ими. Мы думаемъ, поэтому, что въ газетныя сообщенія вкралась ошибка. Досто-вѣрно въ нихъ, повидимому, только одно: что разрѣшеніе вопроса о предѣлахъ земскаго обложенія отложено до окончанія оцѣночныхъ работъ, предпринятыхъ въ силу закона 8-го іюня 1893 г.

Мы исходили до сихъ поръ изъ предположенія, что земство, призванное къ исполненію обширныхъ и сложныхъ задачъ, въ высшей степени важныхъ для населенія, заинтересовано въ увеличеніи своихъ средствъ, насколько оно возможно безъ непосильнаго обремененія плательщиковъ. Къ несчастію, это предположеніе не всегда и не вездѣ оправдывается на практикѣ. Земское положеніе 1890 года, положивъ въ основаніе земской избирательной системы элементъ сословный и закрѣпивъ за дворянствомъ господствующую роль въ земскихъ собраніяхъ, создало опасность, все болѣе и болѣе усиливающуюся — опасность равнодушія къ общему благу, опасность служенія не столько цѣлому, сколько одной, безъ того уже привилегированной его части. Сначала она уравновѣшивалась — а мѣстами [уравновѣшивается и теперь — традиціями, завѣщанными двадцатипятилѣтнею дѣятельностью прежняго земства; но по мѣрѣ того, какъ слабѣетъ воспоминаніе объ этой дѣятельности, все болѣе и болѣе берутъ верхъ новыя вѣянія. Все болѣе и болѣе, особенно въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, гдѣ гласные отъ крестьянъ, не столько избираемые, сколько назначаемые и стѣсненные присутствіемъ земскихъ начальниковъ, слишкомъ часто играютъ роль безмолвныхъ статистовъ, — распространяется тенденція къ сбереженіямъ во что бы то ни стало, къ ограниченію земской инициативы. Исходя изъ той мысли, что земскія школы и больницы не нужны для высшихъ сословій, дворянское большинство все чаще и чаще противится дальнѣйшему ихъ росту или даже объявляетъ ходъ назадъ, постановляя, на примѣръ, передать земскія школы въ вѣденіе духовенства. Понятно, что земскимъ собраніямъ, вступившимъ на этотъ путь, чужда забота о приращеніи земскихъ средствъ; они готовы даже сами приложить руку къ ихъ уменьшенію, если оно выгодно для дворянъ-землевладѣльцевъ. Вотъ, на примѣръ, что произошло во время послѣдней сессіи васильскаго (нижегородской губерніи) уѣзднаго земскаго собранія ¹⁾. Двѣ изъ числа

¹⁾ См. № 264 „Нижегородскаго Листка“.

мѣстныхъ землевладѣльцевъ обратились въ собраніе съ ходатайствомъ о сложеніи съ нихъ пени (съ одной—507, съ другой—421 руб.), въ виду обремененія ихъ имѣніи долгами и труднаго экономическаго положенія. Докладывая эти просьбы, предсѣдатель уѣздной земской управы, А. А. Демидовъ, предложилъ собранію обсудить общій вопросъ о сложеніи пени со всѣхъ землевладѣльцевъ уѣзда, „матеріальныя силы которыхъ рядомъ неурожаевъ весьма ослаблены“. По мнѣнію г. Демидова, не слѣдовало бы насчитывать пени и впредь, по крайней мѣрѣ до 1 января 1900 г. Противъ предложенія предсѣдателя управы выступилъ предсѣдатель собранія, находя, что льготы могутъ быть оказываемы въ отдѣльныхъ случаяхъ, а не огульно. Другой гласный указалъ, что общая льгота была бы несправедлива по отношенію къ исправнымъ плательщикамъ. За предложеніе высказались многіе гласные, опираясь, между прочимъ, на то, что пенями, какъ доходами сверхсѣтными, собраніе, по разъясненію сената, можетъ распоряжаться какъ ему угодно. Въ концѣ концовъ собраніе постановило всю накопившуюся пеню сложить со счетовъ и до 1-го января 1900 г. пеню за невзносъ въ срокъ земскихъ платежей не начислять ¹⁾. Это постановленіе тѣмъ болѣе характеристично, что въ томъ же засѣданіи собраніе отклонило предложеніе одного изъ гласныхъ пригласить женщину-врача, необходимую въ особенности для татарскихъ селеній. Для существенно-важнаго расхода у собранія не оказывается средствъ—а оно лишаетъ себя добровольно одного изъ крупныхъ источниковъ дохода! Освобожденіе отъ пени не только за прошедшее, но и за будущее время уничтожаетъ одно изъ главныхъ побужденій къ исправному взносу срочныхъ платежей и неизбежно, поэтому, должно уменьшить ихъ поступленіе. Сложеніе пени разумно и справедливо лишь тогда, когда для него имѣются на лицо серьезныя основанія, указанныя владѣльцемъ и провѣренныя управою. Отсюда необходимость разсматривать отдѣльно каждое ходатайство о сложеніи пени и принимать во вниманіе, при его разрѣшеніи, исключительно то, что есть, а не то, что будетъ (или не будетъ). Весьма возможно, что 1899-й годъ окажется во всѣхъ отношеніяхъ благопріятнымъ для сельскаго хозяйства и позволить землевладѣльцамъ уплатить не только текущій земскій сборъ, но и недоимки или значительную ихъ долю; зачѣмъ же создавать искусственно такія условія, при которыхъ и то, и другое становится гораздо менѣе вѣроятнымъ? Зачѣмъ забѣгать впередъ и раздавать всѣмъ и каждому льготы, о которыхъ просить только немногіе? Да и что это за „рядъ неуро-

¹⁾ Припомнимъ, что пеня за несвоевременный взносъ земскихъ сборовъ подлежать только личныя землевладѣльцы, а не сельскія общества.

жаевъ“, разстроившихъ, будто бы, хозяйство землевладѣльцевъ васьскаго уѣзда? Сколько намъ помнится, послѣ 1891 г. васьскій уѣздъ ни разу не значился въ спискѣ мѣстностей, особенно сильно пострадавшихъ отъ неурожая... Въ той части, которая касается неначисления пени въ 1899 г., постановленіе васьскаго собранія кажется намъ не только неправильнымъ, но и незаконнымъ. Признанное за земствомъ право *слагать* пеню не равносильно праву вовсе *упразднить* ее въ будущемъ, на болѣе или менѣе продолжительное время. Нельзя считать пеню доходомъ безусловно сверхсмытнымъ: по новымъ правиламъ составленія земскихъ смѣтъ, въ ихъ активъ вносятся, между прочимъ, пени и недоимки въ той суммѣ, поступленіе которой въ смѣтномъ году признается вѣроятнымъ—а эта сумма едва-ли можетъ равняться нулю... До сихъ поръ такія постановленія, какъ только-что разобранное нами, встрѣчаются рѣдко, такія собранія, какъ васьское, составляютъ меньшинство; но есть, къ сожалѣнію, достаточный поводъ думать, что ихъ будетъ все больше и больше. „Теперь въ Россіи“—пишутъ намъ изъ провинціи—„два сорта дворянскихъ собраній: въ собраніяхъ перваго сорта дворяне чинно сидятъ въ мундирахъ и не курятъ; на земско-дворянскихъ собраніяхъ или на дворянскихъ собраніяхъ втораго сорта дворяне развалились сидятъ въ пиджакахъ и курятъ“. Въ настоящую минуту эти слова примѣнимы, и то, болѣею частью, *суп grano salis*, только къ единичнымъ случаямъ; въ будущемъ, не особенно отдаленномъ, они могутъ сдѣлаться вѣрнымъ отраженіемъ земской жизни. Какъ ни велики вишія препятствія, съ которыми должно бороться земство, еще серьезнѣе сѣмена разложенія и порчи, заключающіяся въ самомъ его составѣ. Предупредить ихъ развитіе можетъ только пересмотръ избирательной системы, созданной Положеніемъ 1890 года.

При дѣйствіи земскаго Положенія 1864 года, право ходатайства передъ правительствомъ о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ принадлежало одинаково губернскимъ и уѣзднымъ земскимъ собраніямъ. Положеніемъ 1890 года оно сохранено за одними губернскими собраніями; уѣзднымъ собраніямъ предоставлено только вносить въ губернское предположенія о ходатайствахъ, съ которыми уѣздъ считалъ бы полезнымъ обратиться къ высшей власти. Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ разсматривается въ настоящее время вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли возстановить прежній порядокъ, т.-е. вновь уравнять, въ отношеніи къ ходатайствамъ, права губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собраній. Нельзя сказать, чтобы этотъ вопросъ принадлежалъ къ числу особенно важныхъ. Если разногласіе между земствами губернскимъ и

уѣзднымъ имѣть серьезное значеніе, оно непременно дойдетъ до свѣденія центральной власти, или путемъ официального представленія, или путемъ печати. Возьмемъ, для примѣра, недавній случай, обратившій на себя общее вниманіе: брянское уѣздное земское собраніе рѣшило просить о присылкѣ въ уѣздъ православныхъ миссіонеровъ, въ виду упадка среди народа религіозно-нравственнаго просвѣщенія—а орловское губернское земское собраніе постановило подобнаго ходатайства не возбуждать ¹⁾. Объ этомъ много и долго говорили въ газетахъ—и еслибы вѣдомство православнаго исповѣданія нашло желаніе брянскаго земства заслуживающимъ уваженія, отъ него зависѣло бы принять мѣры къ его исполненію, несмотря на отрицательный отвѣтъ орловскаго губернскаго земства. Мы готовы, однако, признать, что дѣйствующій законъ о ходатайствахъ подлежитъ измѣненію—но не въ смыслѣ простого возвращенія къ порядку, существовавшему до 1890 г. Интересы земствъ уѣздныхъ и губернскаго такъ тѣсно связаны между собою, что едва-ли цѣлесообразно признавать за первыми право возбужденія ходатайствъ безъ вѣдома и участія послѣдняго: особенную важность мнѣніе губернскаго собранія имѣть, конечно, въ тѣхъ случаяхъ, когда ходатайство, проектируемое уѣзднымъ земствомъ, затрогиваетъ не одинъ только уѣздъ, а нѣсколько уѣздовъ или всю губернію. Губернское земство можетъ подкрѣпить его новыми соображеніями и данными, восполнить его пробѣлы, дать ему болѣе широкую постановку—или, наоборотъ, выставить на видъ его односторонность, непрактичность, несовмѣстность съ желаніями и нуждами большинства населенія; менѣе очевидна, но столь же несомнѣнна польза проведенія уѣздныхъ ходатайствъ черезъ губернское земство и тогда, когда они касаются непосредственно одного только уѣзда. Приведемъ примѣръ, подтверждающій нашу мысль. Въ прошедшемъ году нѣсколько уѣздныхъ собраній с.-петербургской губерніи возбудили ходатайства о назначеніи министерствомъ народнаго просвѣщенія пособій на открытіе новыхъ земскихъ школъ, въ которыхъ крайне нуждаются уѣзды, но которыхъ они не могутъ содержать всецѣло на собственные средства. Если бы каждое изъ этихъ ходатайствъ поступило въ министерство прямо изъ уѣзда, удовлетвореніе или неудовлетвореніе ихъ зависѣло бы, быть можетъ, отъ случайныхъ обстоятельствъ, благопріятныхъ для одного уѣзда, неблагопріятныхъ для другого; только губернское собраніе могло, сгруппировавъ ходатайства, указать наиболѣе справедливый и ни для кого

¹⁾ Въ виду нареканій, которымъ до сихъ поръ подвергается это рѣшеніе орловскаго губернскаго земства, не мѣшаетъ замѣтить, что противъ ходатайства брянскаго уѣзднаго собранія высказался, въ свое время, одинъ изъ специальныхъ духовныхъ журналовъ (если память намъ не измѣняетъ—„Церковный Вѣстникъ“).

не обидный способ ихъ разрѣшенія. Мы думаемъ, поэтому, что всѣ безъ исключенія ходатайства уѣздныхъ земскихъ собраній должны проходить черезъ губернское собраніе, но съ тѣмъ, чтобы ни одно изъ нихъ не было отклоняемо имъ окончательно, а всѣ были направляемы дальше, съ заключеніемъ губернскаго собранія. Ограждая уѣзды отъ возможнаго, хотя и мало вѣроятнаго произвола губернскаго земства, этотъ порядокъ обезпечивалъ бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, полноту мотивировки ходатайствъ, поддержанныхъ губернскимъ собраніемъ, и обнаруживалъ бы слабыя стороны ходатайствъ, имъ не поддержанныхъ. Всѣ ходатайства доходили бы до правительства въ достаточно разработанномъ видѣ, тѣмъ значительно облегчалось бы ихъ разрѣшеніе. Еслибы масса уѣздныхъ ходатайствъ оказалась слишкомъ большою, можно было бы установить такой порядокъ: ходатайства уѣздныхъ земствъ, найденныя губернскимъ собраніемъ не заслуживающими уваженія, возвращаются въ уѣздъ, съ объясненіемъ причинъ, по которымъ губернское земство отказывается отъ ихъ поддержки; уѣздное земское собраніе разсматриваетъ отзывы губернскаго земства и, если не убѣдится его доводами, даетъ ходатайству, прямо отъ себя, дальнѣйшій ходъ, т.-е. представляетъ его, вмѣстѣ съ мнѣніемъ губернскаго земства и своими возраженіями, на усмотрѣніе правительства.

Какъ ни далеко отъ „политики“ порядокъ, опредѣляющій отношеніе губернскаго земства къ ходатайствамъ уѣздныхъ земскихъ собраній, реакціонная печать пытается обратить и его въ орудіе подкopa подъ земское дѣло. Она спрашиваетъ себя, произошло ли, подъ вліяніемъ этого порядка, *качественное* измѣненіе земскихъ ходатайствъ, или же только уменьшилось ихъ количество? Чтобы дать правильный отвѣтъ на этотъ вопросъ, нужно было бы сравнить ходатайства уѣздныхъ земствъ, представленныя при дѣйствіи прежняго закона (т.-е. непосредственно уѣздными собраніями), съ ходатайствами ихъ, прошедшими, на основаніи земскаго Положенія 1890 г., черезъ губернскаго собранія. Ничего подобнаго „Московскія Вѣдомости“ (№ 264) не дѣлаютъ, ограничиваясь повтореніемъ обычныхъ выходовъ противъ широкаго пользованія правомъ ходатайства. „Отличительной чертой „земскихъ ходатайствъ въ 90-хъ годахъ,—воскликаетъ московская газета,—является все то же стремленіе раздвинуть предѣлы земской компетенціи и даже проникнуть весьма далеко за эти предѣлы. Не говоримъ уже о ходатайствахъ, отмѣченныхъ духомъ бессмысленныхъ мечтаній; но подавляющее большинство остальныхъ представляетъ собою не ходатайства о *мѣстныхъ* пользахъ и нуждахъ, а попытки вліянія на разрѣшеніе въ желаемомъ ими смыслѣ тѣхъ или другихъ государственныхъ вопросовъ. Достаточно указать многочисленныя ходатайства послѣдняго времени объ отмѣнѣ закона о дорожныхъ капиталахъ и объ обращеніи средствъ этихъ капиталовъ въ фонды на

народное образованіе, ходатайства о возстановленіи судебныхъ уставовъ въ ихъ первоначальной редакціи, о земской адвокатурѣ и т. д. Такимъ образомъ можно признать положительно, что въ отношеніи качества земскихъ ходатайствъ цензура губернскихъ собраній не дала, ожидавшихся результатовъ. Въ своемъ „охранительномъ“ усердіи газета не видитъ—или не хочетъ видѣть,— что ходатайства, ею осуждаемыя, всѣ или почти всѣ исходили отъ *самихъ* губернскихъ собраній, помимо уѣздной инициативы. Понятно, что ихъ не могла коснуться „цензура“, предоставленная губернскому собранію по отношенію къ уѣзднымъ. Рядомъ съ этой главной ошибкой, уничтожающей весь смыслъ статьи, допущены, по обыкновенію, и другія. Забыто, напримѣръ, что законъ 1-го іюня 1895 г. прямо предоставилъ земству право просить объ обращеніи суммъ, предназначенныхъ для образованія дорожнаго капитала, на какой-либо другой предметъ (или на уменьшеніе земскаго обложенія). Именно этимъ правомъ и пользовались земства, считавшія развитіе народнаго образованія дѣломъ еще болѣе важнымъ, чѣмъ улучшение путей сообщенія. Изъ того, что подобныя ходатайства не были удовлетворяемы правительствомъ, еще не слѣдуетъ, чтобы они были несогласны съ закономъ. Ходатайствъ объ *отмѣнѣ* закона 1-го іюня 1895 г. мы не знаемъ; если они и были гдѣ либо заявлены, то это—рѣдкое исключеніе. Не припомнимъ мы также ходатайствъ о „возстановленіи судебныхъ уставовъ въ ихъ первоначальной редакціи“. Если подъ этимъ именемъ московская газета разумѣетъ ходатайство о сохраненіи или возстановленіи выборнаго мирового суда, то нужно совсѣмъ особое интерпретаціонное искусство, чтобы признать вопросъ о *мѣстной* юстиціи неотносящимся къ *мѣстнымъ* ползамъ и нуждамъ.

Чѣмъ полнѣе, въ данномъ случаѣ, разладъ между темой и аргументаціей, тѣмъ вѣроятнѣе предположеніе, что настоящая цѣль реакціонной газеты—нѣчто гораздо большее, нежели возвращеніе къ прежнему порядку возбужденія уѣздныхъ ходатайствъ. „Тогда какъ гласные въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ“—читаемъ мы въ той же статьѣ—„въ большинствѣ состоятъ дѣйствительно изъ представителей сословій, изъ людей земли, выходящихъ прямо изъ нѣдръ народа, знающихъ его мировоззрѣніе и бытъ, губернскія земскія собранія все чаще и чаще наполняются представителями интеллигенціи и тѣми отщепенцами дворянскаго сословія, которые приносятъ ему въ послѣднее время столько зла... Всѣ отрицательныя стремленія земствъ находятъ себѣ поддержку прежде всего въ губернскихъ земствахъ—и наоборотъ, если въ земской средѣ и встрѣчается оппозиція явнымъ увлеченіямъ и тенденціозности, то она обыкновенно исходитъ отъ земствъ уѣздныхъ“. Какимъ образомъ губернское земское собраніе, всѣ члены котораго (кромя предводителей дворянства и представи-

телей разныхъ вѣдомствъ) избираются уѣздными земскими собраніями. можетъ такъ рѣзко отличаться отъ послѣднихъ—это секретъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Одни и тѣ же лица не могутъ быть, очевидно, „представителями сословія“ въ уѣздномъ собраніи, „представителями интеллигенціи“—въ губернскомъ; столь же невозможно допустить, чтобы „представители сословія“, „люди земли“, составляющіе большинство въ уѣздныхъ собраніяхъ, посылали отъ себя въ губернское собраніе именно „представителей интеллигенціи“, неизвѣстно какимъ образомъ попавшихъ въ уѣздные гласные. Правда, въ губернское собраніе почти никогда не выбираютъ крестьянъ, и это весьма прискорбно: но вѣдь это неизбѣжно до тѣхъ поръ, пока гласные отъ крестьянъ составляютъ менѣе одной трети уѣзднаго собранія, а гласнымъ отъ дворянъ принадлежитъ абсолютное большинство голосовъ. И что же? Противъ всякаго измѣненія этого порядка возстаютъ именно тѣ, которые, когда нужно, ведутъ лицемѣрную рѣчь о „людяхъ земли, выходящихъ прямо изъ нѣдръ народа“... На самомъ дѣлѣ разница между губернскими и уѣздными собраніями сводится къ тому, что съ расширеніемъ задачъ расширяется и кругозоръ, растетъ инициатива, выясняется связь между отдѣльными явленіями жизни и общими ихъ причинами. Оппозиція уѣздныхъ земствъ губернскому. въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, гдѣ она дѣйствительно существуетъ, обуславливается, болѣею частью, именно отсталостью одного или нѣсколькихъ уѣздовъ сравнительно съ другими (напр. въ тамбовской губерніи—нѣкоторыхъ сѣверныхъ уѣздовъ сравнительно съ центральными и южными). Какъ бы то ни было, губернскія земскія собранія болѣе свободны отъ рутинны, болѣе прогрессивны, чѣмъ уѣздныя—и вотъ разгадка того недоброжелательства, съ которымъ относится къ нимъ реакціонная печать. Говоря противъ цензуры губернскаго земства надъ уѣздными ходатайствами, органы этой печати говорятъ, въ сущности, противъ сохраненія за губернскимъ земствомъ права ходатайства о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ—или даже противъ самаго существованія губернскихъ земскихъ собраній. Имъ хотѣлось бы заключить земскую жизнь въ узкія рамки уѣзда, уничтожить крупныя центры, въ которыхъ растетъ ея напряженность, ея интенсивность, и благодаря которымъ она обращаетъ на себя общее вниманіе, нарушая тишь и гладь обычнаго русскаго безмолвія.

Къ числу ходатайствъ, которыя реакціонная печать ставитъ въ вину губернскимъ земствамъ, принадлежатъ, какъ мы видѣли выше, ходатайства о земской адвокатурѣ. Здѣсь противники земства нѣсколько забѣжали впередъ: ходатайства объ устройствѣ земской адвокатуры возможны и даже весьма вѣроятны въ будущемъ, но до сихъ поръ въ нихъ не было надобности, потому что земства считали себя

въ правѣ организовать, безъ особаго разрѣшенія, юридическую помощь населенію. Теперь прав. сенатъ разъяснилъ, что такого права земство, на основаніи дѣйствующихъ узаконеній, не имѣетъ, и это разъясненіе, обязательное для земскихъ учреждений, оставляетъ для нихъ открытымъ только путь ходатайства объ измѣненіи или дополненіи закона. Болѣе чѣмъ странно заранѣе объявлять чуть не преступленіемъ желаніе достигнуть, легальными средствами, вполне невинной цѣли. Что масса населенія, особенно сельскаго, нуждается въ юридическихъ совѣтахъ, безпристрастныхъ и компетентныхъ—въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія; столь же безспорно и то, что всего удобнѣе и легче эта нужда можетъ быть удовлетворена именно земствомъ. Совершенно естественно, поэтому, просить объ устраненіи преграды, которую, какъ призналъ сенатъ, представляетъ собою, въ данномъ случаѣ, молчаніе закона. Чтò побуждаетъ реакціонную печать вооружаться противъ незаявленныхъ еще ходатайствъ—этого она вовсе не скрываетъ. Земская адвокатура—по ея мнѣнію—„изобрѣтеніе, направленное исключительно противъ института земскихъ начальниковъ“; она должна составить „противовѣсъ ихъ вліянію и значенію въ сельской жизни“. Земскій адвокатъ „завалилъ бы жалобами уѣздныя учрежденія и, можетъ быть, вполне парализовалъ бы хорошія стороны мѣстной реформы 1889 года“¹⁾. Въ такихъ опасеніяхъ малолестнаго для нынѣшнихъ судебно-административныхъ учреждений. Представимъ себѣ, что вопросъ объ устройствѣ земской адвокатуры возникъ бы лѣтъ 15—20 тому назадъ, когда дѣйствовалъ еще въ полной силѣ мировой судъ. Пришло ли бы тогда кому-нибудь въ голову утверждать, что земская адвокатура поколеблетъ значеніе мировыхъ судей, „завалитъ жалобами“ мировые сѣзды и прав. сенатъ? Конечно—нѣтъ. Для всѣхъ было бы совершенно ясно, что правильно поставленному и правильно функционирующему суду не страшны никакія жалобы, что повѣрка судебныхъ рѣшеній высшими инстанціями даже желательна для самихъ судей, въ особенности если жалующимися являются не закулисные „аблакаты“, не полу-грамотные кляузники, а образованные юристы, стоящіе, вдобавокъ, подъ контролемъ общественнаго учрежденія. Чѣмъ же объяснить панический страхъ, внушаемый реакціонной печати одною мыслью о возможномъ увеличеніи числа жалобъ на рѣшенія и распоряженія земскихъ начальниковъ? Сознаніемъ, что многія изъ нихъ не выдерживаютъ сколько-нибудь серьезной критики и остаются въ силѣ только вслѣдствіе юридической беспомощности населенія? Или опасеніемъ, что вѣроятность жалобы побуждаетъ земскимъ начальникамъ поступать „по усмотрѣнію“, т. е. не стѣсняясь закономъ?.. Открещиваясь отъ земскихъ адвока-

¹⁾ См. №№ 287 и 247 „Московскихъ Вѣдомостей“.

товъ, какъ отъ нечистой силы, охранители спокойствія и всевластія земскихъ начальниковъ упускаютъ изъ виду, что, кромѣ дѣлъ, подвѣдомственныхъ администраторамъ-судьямъ, въ уѣздѣ есть еще не мало другихъ, правильному направленію которыхъ могла бы способствовать земская адвокатура. Нелегко, напримѣръ, крестьянину лично искать или отвѣчать передъ уѣзднымъ членомъ окружного суда. Еще настоятельнѣе потребность въ опытныхъ и честныхъ адвокатахъ сдѣлается тогда, когда на мѣстахъ появятся вновь проектируемые судебною комиссіею участковые судьи, съ кругомъ дѣйствій гораздо болѣе широкимъ, чѣмъ у нынѣшнихъ уѣздныхъ членовъ окружного суда. А если осуществится предположеніе комиссіи, допускающее участіе защиты, въ важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлахъ, съ момента заключенія предварительнаго слѣдствія,—къ кому будутъ обращаться, въ уѣздной глуши, подсудимые изъ бѣднѣйшихъ классовъ деревенскаго и городского населенія?.. Не скоро еще мы дождемся того времени, когда въ каждомъ уѣздномъ городѣ будутъ жить присяжные повѣренные или ихъ помощники—а пока этого нѣтъ, единственнымъ выходомъ изъ ненормальнаго положенія представляется такъ или иначе организованная земская адвокатура. Доказавъ на практикѣ ея возможность, земство пустило въ оборотъ плодотворную мысль, осуществленіе которой, несмотря на встрѣченныя ею препятствія, составляетъ, думается намъ, только вопросъ времени.

Говоря о текущихъ земскихъ вопросахъ—о порядкѣ взиманія земскихъ сборовъ, о земскихъ ходатайствахъ, о земской адвокатурѣ,—мы постоянно наталкивались на давно знакомую намъ тенденцію, излюбленное орудіе которой—заподозриваніе и извращеніе всего сдѣланнаго и дѣлаемаго земствомъ, а конечная цѣль—уничтоженіе или искалѣченіе земскихъ учреждений. Приведемъ еще два примѣра, бросающихъ яркій свѣтъ на намѣренія и приемы реакціонной печати. Въ харьковской губерніи, или по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ ея уѣздахъ, туго развивается дѣятельность земскихъ складовъ для продажи земледѣльческихъ орудій. Весьма вѣроятно, что это зависитъ отъ нераспорядительности или неумѣлости мѣстныхъ земскихъ управъ, отъ избытка формальностей, которыми обставлена продажа, особенно въ кредитъ. Еслибы недоброжелатели земства ограничились указаніемъ на эти отдѣльные факты, они не вышли бы изъ предѣловъ права, безспорно принадлежащаго печати; но они поспѣшили сдѣлать изъ нихъ общій выводъ, идущій прямо въ разрѣзъ съ истиной. Въ области воспособленія земледѣлію“, — восклицаетъ харьковскій сотрудникъ „Московскихъ Вѣдомостей“ (№ 265), въ статьѣ, озаглавленной: „Одна изъ земскихъ неурядицъ“, — „земство (т.-е. земскія учрежденія вообще) не хотѣло ничего вѣдать, а если предпринимало кое-что, то какими-

то урывками, мѣропріятіями случайными, безсистемными, въ концѣ концовъ терпѣвшими полное фіаско“. Для подобныхъ увѣреній нужна особенная смѣлость. Именно земство, и только земство заботилось до сихъ поръ объ улучшеніи крестьянскаго хозяйства путемъ распространенія улучшенныхъ орудій, сѣмянъ и способовъ обработки. Земство московское, вятское, пермское, тверское и многія другія достигли въ этомъ отношеніи крупныхъ или даже блестящихъ результатовъ. Въ московской губерніи, напримѣръ, есть уѣзды, гдѣ плугъ рѣшительно вытѣсняетъ соху, гдѣ травосѣяніе прочно вошло въ крестьянскій обиходъ. Если можно ожидать, въ скоромъ времени, повсемѣстнаго появленія губернскихъ агрономовъ, какъ агентовъ министерства земледѣлія, то образцомъ для этого учрежденія послужать земскія агрономическія организаціи, подобно тому, какъ образцомъ для устройства уѣздной врачебной части въ западныхъ губерніяхъ послужила земская медицина. Что же значать, въ сравненіи съ этой капитальной заслугой земства, единичныя ошибки, неизбежныя при многочисленности уѣздныхъ земскихъ управъ и крайне разнообразіемъ ихъ составъ? Позволительно ли возводить такія ошибки на степень „одной изъ земскихъ неурядицъ“?.. Другой примѣръ еще болѣе характеристиченъ. Самарское губернское земство минувшимъ лѣтомъ открыло въ новоузенскомъ и николаевскомъ уѣздахъ лечебно-продовольственные пункты для пришлыхъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Къ пріемнымъ покоямъ были здѣсь присоединены ночлежные пріюты и дешевыя чайныя и столовыя съ раздачей пищи. Завѣдываніе пунктами было поручено студентамъ-медикамъ. Это вызвало грозную филиппику со стороны „Московскихъ Вѣдомостей“ (№ 198). „Недоучившіеся молодые люди“—воскликаетъ газета—„призваны не только подавать медицинскую помощь, къ чему они далеко еще не могутъ быть признаны способными, но и завѣдывать лечебно-продовольственными пунктами съ массой пришлаго рабочаго народа; они поставлены во главѣ дѣла и въ непосредственное соприкосновеніе съ бродячими толпами рабочихъ... Неужели самарское губернское земство не знаетъ, къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ привело *всегда* это соприкосновеніе учащейся молодежи, *иногда* увлеченной разными социалистическими бреднями, съ рабочими массами ¹⁾? Если самарская губернская земская администрація не считаетъ, можетъ быть, нужнымъ ограждать рабочій людъ отъ возможности пропаганды всякихъ противогосударственныхъ и противобщественныхъ ученій, то хотя бы дѣятели земства немного подумали объ интересахъ самой учащейся молодежи“. Наклонность газетныхъ псевдо-охранителей къ добровольному принятію на себя полицейскихъ

¹⁾ Очень типично это сопоставленіе словъ *всегда* и *иногда*.

функцій рѣдко выступала на видъ болѣе беззащитно и въ болѣе антипатичной формѣ. Къ занятію земскихъ должностей и къ исполненію земскихъ порученій, въ чемъ бы они ни заключались, не допускается, ни то безъ вѣдома и согласія административной власти. Не подлежитъ, слѣдовательно, никакому сомнѣнію, что студенты-медики, приглашенные къ завѣдыванію самарскими лечебно-продовольственными пунктами, были приглашены съ разрѣшенія губернскаго начальства; столь же несомнѣнно и то, что въ Самарѣ, какъ и вездѣ, это начальство озабочено больше всего предупрежденіемъ пропаганды „противогосударственныхъ и противообщественныхъ ученій“. Напоминаніе ему объ этой обязанности имѣеть, очевидно, только одну цѣль: побудить его къ принятію такихъ мѣръ, которыя, говоря языкомъ юридическимъ, могутъ быть названы превышеніемъ необходимой обороны. Искусственно возбужденная подозрительность видитъ опасность даже тамъ, гдѣ ея нѣтъ и слѣда—и, для пресѣченія мнимаго зла, сплошь и рядомъ налагаетъ veto на безспорно доброе дѣло... „Соприкосновеніе учащейся молодежи съ рабочими массами“ безчисленное множество разъ океанчивалось совершенно благополучно: чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить исторію недавнихъ неурожаевъ и эпидемій. Отказываться отъ драгоценныхъ, иногда *незамѣнимыхъ* услугъ только потому, что кое-гдѣ и кое-кому, вопреки всякому вѣроятію, онѣ могли бы привести къ злоупотребленіямъ—значило бы принимать на себя тяжелую отвѣтственность передъ бѣдствующимъ населеніемъ. Вѣроятность злоупотребленій мы отрицаемъ потому, что студенты-медики, исполняющіе земскія порученія, снабжены аттестаціей университетскихъ властей, подтверждающей полицейское удостовѣреніе о ихъ благонадежности—а *незамѣнимыми* или трудно замѣнимыми услуги учащейся молодежи могутъ быть названы всегда, когда въ основаніи ихъ лежитъ самоотверженная преданность народу, всего болѣе свойственная ранней молодости. *Способность* подавать медицинскую помощь студенты-медики доказали во время войны, во время эпидемій; еще легче, конечно, они могутъ справиться съ хозяйственною стороною дѣла, требующею только усердія и честности... Не знаемъ, какія послѣдствія имѣло, въ данномъ случаѣ, „предостереженіе“ московской газеты; но если оно и оказалось „покушеніемъ случайно-негодными средствами“, то нравственное его значеніе не измѣняется отъ того нисколько... Вся эта травля земскихъ учреждений принадлежитъ къ числу самыхъ позорныхъ явленій въ исторіи нашей печати.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1898.

Открытие парламентской сессіи во Франціи.—Засѣданіе палаты депутатовъ 25 (13) октября и паденіе министерства Бриссона.—Дѣло Дрейфуса и антисемиты.—Рѣшеніе кассационнаго суда.—Англо-французскій споръ о Фашодѣ.

Открытие парламентской сессіи во Франціи ожидалось на этотъ разъ съ особеннымъ нетерпѣніемъ; палатѣ депутатовъ предстояло выяснить то положеніе, которое съ каждымъ днемъ становилось все болѣе натянутымъ и запутаннымъ. Министерство Бриссона подверглось во время вакацій тяжелому внутреннему кризису, измѣнившему отчасти его составъ и характеръ, подъ вліяніемъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ; оно потеряло такого популярнаго министра, какъ Кавеньякъ, и возбудило противъ себя вражду представителей арміи своимъ рѣшеніемъ допустить пересмотръ процесса Дрейфуса. Министерство, смѣнившее умѣренный кабинетъ Мелина, не имѣло за собою прочнаго большинства въ парламентѣ; оно вступило во власть подъ знаменемъ борьбы съ „дрейфуссарами“ и достигло наибольшаго успѣха, благодаря памятной официальной рѣчи, которою будто бы окончательно устранялся вопросъ, вызывавшій столь горячіе споры. Разоблаченіе подлога, совершеннаго полковникомъ Анри, уничтожило иллюзію „патриотовъ“, рукоплескавшихъ категорическимъ заявленіемъ Кавеньяка, и послужило поворотнымъ моментомъ въ политикѣ кабинета. Слѣпое довѣріе къ главному штабу рушилось, и самъ генераль Буадефрѣ, безусловно полагавшійся на Анри, долженъ былъ публично признаться въ ошибкѣ и выйти въ отставку. Бриссонъ и нѣкоторые изъ его коллегъ отреклись отъ своихъ прежнихъ взглядовъ по дѣлу Дрейфуса; они убѣдились въ необходимости пересмотра, противъ котораго раньше возставали, и вынуждены были разойтись съ главнымъ штабомъ въ пониманіи сравнительной важности интересовъ, затронутыхъ въ данномъ случаѣ. Разладъ съ представителями арміи давалъ себя сильно чувствовать при замѣщеніи должности военнаго министра; ни одинъ изъ видныхъ генераловъ не соглашался или не могъ усвоить ту точку зрѣнія, что нельзя жертвовать даже ничтожнѣйшею человѣческою личностью изъ уваженія къ догмату непогрѣшимости военнаго суда, и что этотъ странный догматъ вовсе не нуженъ для авторитета и достоинства арміи. Генераль Цурлинденъ, назначенный министромъ уже послѣ официальнаго возбужденія вопроса о пере-

смотря процессу, считая своимъ долгомъ покинуть министерство, заявивъ публично о своей безусловной солидарности съ идеями своихъ предшественниковъ; замѣнившій его генералъ Шанюанъ былъ скорѣе свидѣтелемъ, чѣмъ участникомъ министерскихъ рѣшеній, въ силу которыхъ дѣло Дрейфуса передано кассационному суду. Противъ „измѣнническаго“ правительства велась шумная и энергическая кампанія среди людей, отличающихся наибольшою безцеремонностью въ нападеніяхъ и ругательствахъ,—среди бывшихъ буланжистовъ, съ Рошфоромъ во главѣ, и ихъ союзниковъ-антисемитовъ, вдохновляемыхъ Дрюмономъ. Кабинетъ, начавшій съ того, что заслужилъ восторженное одобреніе Деруледа, окончилъ принятіемъ мѣры, которая для патріотовъ-шовинистовъ была величайшимъ преступленіемъ противъ отечества. Страсти разыгрались до нелѣпости; газетная полемика грозила перейти на улицу, и общественное настроеніе въ Парижѣ имѣло въ себѣ нѣчто болѣзненное, ненормальное. Печать серьезно обсуждала уже слухи о готовившемся будто бы военномъ переворотѣ, и значительная часть публики вѣрила въ основательность этихъ опасеній. Судьба кабинета зависѣла, впрочемъ, не отъ воинственныхъ „патріотовъ“ и антисемитовъ; она была рѣшена заранѣе умѣренными группами палаты.

Въ самый день открытія парламента, 25 (13) октября, въ десять часовъ утра, состоялось въ Бурбонскомъ дворцѣ многолюдное собраніе партіи республиканцевъ-прогрессистовъ, подъ предсѣдательствомъ Рибо и при дѣятельномъ участіи Мелина, Поэнкарэ, Барту и другихъ вліятельныхъ парламентскихъ вождей умѣренно-либеральнаго направленія. Послѣ непродолжительныхъ преній это собраніе *единогласно* приняло слѣдующую резолюцію, предложенную Шарлемъ Ферри: „группа республиканцевъ-прогрессистовъ, рѣшившись отказать въ своемъ довѣрїи кабинету борьбы и разлада между республиканцами, переходитъ къ очередному порядку“. Дальнѣйшее обсужденіе касалось лишь способовъ и формъ осуществленія этой резолюціи. Мелинъ совѣтовалъ не выступать съ самостоятельнымъ запросомъ о политикѣ министерства, а ограничиться участіемъ въ преніяхъ по предъявленнымъ уже интерпелляціямъ; Поэнкарэ склонялся къ возможно мягкой и сдержанной атакѣ, а Барту, не раздѣляя мнѣній націоналистовъ и антисемитовъ, находилъ, что кабинетъ поступалъ крайне непостоятельно и противорѣчиво; что онъ опирался на элементы, съ которыми позднѣе сталъ воевать, и издавалъ циркуляры, которыхъ не думалъ примѣнять на практикѣ (напр. относительно судебного преслѣдованія клеветническихъ нападокъ на армію и ея начальниковъ). Въ сущности, умѣренные республиканцы желали свергнуть Бриссона прежде всего потому, что его министерство состояло изъ такъ назы-

ваемых радикаловъ, приверженцевъ подоходнаго налога, и что въ числѣ министровъ былъ самъ авторъ мнимо-соціалистической податной реформы, Леонъ Буржуа; ненавистная буржуазнымъ либераламъ идея подоходнаго налога не была оставлена кабинетомъ и легко могла вновь сдѣлаться предметомъ законодательныхъ попытокъ, съ нѣкоторыми шансами успѣха. При такихъ условіяхъ, министерство прямо шло на встрѣчу своему паденію, и обострившаяся агитація по дѣлу Дрейфуса создавала лишь удобную почву для натиска, исходъ котораго не трудно было предвидѣть. Радикалы и соціалисты не въ состояніи были сами по себѣ поддержать кабинетъ Бриссона, а союзниковъ въ палатѣ они не имѣли: и правая, и лѣвая, и центръ—стремились по разнымъ причинамъ отдѣлаться отъ правительства, которое ни одной изъ этихъ главныхъ составныхъ частей возможнаго большинства не внушало симпатіи и довѣрія. Всѣ знали заранѣе, что битву начнутъ націоналисты и антисемиты, и что они поведутъ ее съ свойственною имъ безпощадною прямолинейностью; умѣреннымъ республиканцамъ и консерваторамъ оставалось лишь выразить настроеніе палаты въ соответственныхъ дипломатическихъ формулахъ. Въ дѣйствительности, первымъ и наиболѣе яркимъ застрѣльщикомъ выступилъ въ засѣданіи Поль Деруладъ; но планъ атаки былъ нарушенъ и едва не привелъ къ неудачѣ, благодаря чрезмѣрной пылкости пресловутаго поэта „возмездія“.

Начало засѣданія 25-го октября было довольно прозаическое. Министръ финансовъ Пейтраль внесъ бюджетъ 1899 года и просилъ палату какъ можно скорѣе назначить бюджетную комиссію, чтобы успѣть своевременно утвердить бюджетъ до конца года; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ представилъ проектъ закона о государственномъ подоходномъ налогѣ, и палата тотчасъ же согласилась передать этотъ проектъ въ спеціальную комиссію. Предложеніе подобныхъ задачъ парламенту звучало уже ироніей; оно встрѣчено было насмѣшливыми возгласами съ разныхъ сторонъ. Палатѣ было не до бюджета и не до финансовыхъ реформъ. Президентъ Дешанель прочиталъ списокъ запросовъ, обращенныхъ къ правительству, и предложилъ послѣднему высказаться о назначеніи дня для обсужденія ихъ. Бриссонъ взошелъ на трибуну и произнесъ краткую рѣчь при общемъ, все болѣе и болѣе усиливавшемся шумѣ. „Цѣлый рядъ интерпелляцій—сказалъ министръ-президентъ—касается пересмотра дѣла Дрейфуса, которымъ занята теперь уголовная палата кассационнаго суда. Передавая этотъ вопросъ кассационному суду, правительство желало изъять изъ области политики обсужденіе предмета, который никогда не долженъ былъ покидать судебную почву. Поэтому необходимо выдѣлить изъ числа предъявленныхъ запросовъ тѣ, которые относятся къ пересмотру; но правительство остается въ распо-

раженіи палаты, если рѣчь зайдетъ объ общей его политикѣ“. По-видимому, въ принципѣ ничего нельзя было сказать противъ такой постановки вопроса; но мыслимо ли было отдѣлить процессъ Дрейфуса отъ общей политики, когда вся внутренняя политика давно уже вертится около этого судебного дѣла и связана съ нимъ необратимыми заявленіями и дѣйствіями самого правительства? Если Бриссонъ смотрѣлъ на спорный вопросъ какъ на специально судебный, то почему онъ говорилъ о немъ въ своей вступительной министерской деклараціи и допустилъ обстоятельное обсужденіе его въ парламентской рѣчи своего товарища по кабинету, Кавеньяка? Очевидно, бывшій военный министръ не имѣлъ никакихъ судебныхъ полномочій и не пользовался никакими судебными приемами для того, чтобы категорически рѣшать вопросъ о виновности или невинности Дрейфуса, и онъ высказывался исключительно какъ политическій дѣятель, а не какъ судья; тѣмъ не менѣе Бриссонъ былъ тогда солидаренъ съ нимъ и даже извлекъ изъ успѣха его рѣчи несомнѣнную пользу для правительства. Обнаруженный позднеѣ подлогъ Анри могъ поколебать убѣжденіе въ справедливости приговора, но не измѣнить принципиальный взглядъ на судебный или политическій характеръ дѣла. Противники имѣли основаніе нападать на министерство именно за то, что оно, вопреки своимъ первоначальнымъ заявленіямъ, дало официальный ходъ требованію пересмотра и рѣшилось на этотъ шагъ „самовольно“, не спросивъ мнѣнія палаты.

Дерулэдъ, въ своемъ отвѣтѣ Бриссону, указавъ отчасти на эту слабую сторону принятой министерствомъ позиціи, но по обыкновенію затемнилъ свою мысль громкими фразами и безсодержательными возгласами. „Есть нѣсколько родовъ республики, — заявилъ онъ, между прочимъ, — республика социалистическая, республика оппортунистская, республика радикальная; я же кричу: да здравствуетъ республика французская!“ При этомъ предполагается само собою, что подъ республикою французскою слѣдуетъ разумѣть республику Дерулэда и его единомышленниковъ, и что всѣ остальные роды республики не могутъ считаться французскими. Старый и хорошо знакомый всѣмъ способъ разсужденія! И въ нашей печати существуютъ публицисты, провозглашающіе чисторусскими только свои собственные мнѣнія, хотя бы самыя нелѣпыя и анти-національныя по существу. Всякій понимаетъ, что и радикальная республика, и оппортунистская, и социалистическая—суть только различныя формы и проявленія французской республики вообще, что всѣ онѣ одинаково порождены условіями французской политической жизни и проникнуты однимъ и тѣмъ же національнымъ духомъ. Смѣшно утверждать, что небольшая горсть французовъ, раздѣляющихъ идеи Дерулэда, представляетъ собою цѣлую французскую націю, а осталь-

ная масса населенія состоитъ какъ будто изъ самозванцевъ. Высказавъ нѣсколько парадоксовъ въ этомъ родѣ, Деруладъ обвинилъ Бриссона въ нарушеніи примыхъ обязательствъ, возложенныхъ на него палатой, и коснулся затѣмъ своей любимой темы—неприкосновенности и непогрѣшимости военного класса, нуждающагося будто бы въ защитѣ. „Защита арміи—воскликнулъ онъ—не можетъ быть оставлена въ рукахъ людей, извращающихъ правосудіе. Палата должна заставить исчезнуть это бѣдственное правительство. Только этой цѣной страна избавится отъ невыносимаго гнета, хотя бы при этомъ намъ пришлось загрязнить нашимъ голосованіемъ генерала Шануана“... Плохо связанная логически, отрывочная рѣчь Дерулада прерывалась шумными сценами, которыя, впрочемъ, по французскимъ газетнымъ отчетамъ, не имѣли того значенія, какое придано имъ почему-то въ телеграммахъ нашихъ газетъ. Соціалистъ Басли напомнилъ оратору объ его буланжизмѣ и подвергся за это нападенію Поленъ-Мэри; произошли обоюдныя „оскорбленія дѣйствіемъ“, не выходявшія однако изъ предѣловъ частной схватки. Случаи кулачной расправы въ публичныхъ собраніяхъ и парламентахъ давно уже перестали казаться чѣмъ-то особеннымъ и исключительнымъ; они повторяются повсюду, гдѣ люди горячаго темперамента и противоположныхъ мнѣній сходятся слишкомъ близко между собою. Идея „разоруженія“ не проникла, повидимому еще въ народные и общественные нравы даже въ передовыхъ культурныхъ странахъ Европы. Столкновеніе между Басли и Мэри обратило на себя мало вниманія, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ выступилъ задѣтый словами Дерулада военный министръ, генералъ Шануанъ, и неожиданно заявилъ о своей отставкѣ, сообщивъ въ то же время о своей солидарности съ предѣстниками по вопросу о дѣлѣ Дрейфуса. Озадаченный поступкомъ военного министра, Бриссонъ постѣшилъ объяснить палатѣ, что генералъ Шануанъ участвовалъ въ совѣщаніяхъ кабинета о пересмотрѣ процесса и ничѣмъ не обнаруживалъ желанія выйти въ отставку; заявлять же объ этомъ своемъ рѣшеніи въ парламентъ, помимо главы министерства, значило явно нарушить принятые обычаи. По этому поводу Бриссонъ предложилъ палатѣ оказать ему содѣйствіе въ необходимомъ огражденіи единства и преобладанія гражданской власти въ республикѣ. Нѣкоторыя республиканскія группы готовы были отложить свое намѣреніе немедленно повончить съ министерствомъ, въ виду поразившаго ихъ инцидента съ генераломъ Шануаномъ; но не было уже почвы для компромисса, и къ вечеру кабинетъ Бриссона не существовалъ. Генералъ Шануанъ конечно поступилъ только какъ человекъ военный, мало свѣдущій въ конституціонныхъ и парламентскихъ дѣлахъ; это видно уже изъ того, что послѣ первой своей оплошности онъ со-

вершилъ другую—отправился къ президенту республики для подачи просьбы объ отставкѣ, чѣмъ подвергъ себя непріятности отказа въ приѣмѣ, съ напоминаніемъ объ обычномъ порядкѣ сношеній черезъ президента совѣта министровъ, т.-е. въ данномъ случаѣ черезъ Бриссона. Такъ какъ генераль Шануанъ не имѣлъ, очевидно, никакого повода желать возбудить противъ себя неудовольствіе президента Фора, то надо предположить, что онъ просто не зналъ существующихъ обычаевъ; притомъ самыя нарушенія, допущенныя имъ, были чисто формальныя и не могли имѣть никакихъ серьезныхъ послѣдствій. Онъ полагалъ, что, какъ министр, онъ непосредственно подчиненъ палатѣ и президенту республики; эта ошибка была бы существенна, еслибъ онъ хотѣлъ сохранить министерскій портфель вопреки главѣ кабинета, но неправильный способъ удаленія не долженъ былъ бы вызывать слишкомъ придирчивую оцѣнку. Почтенный генераль и безъ того поставилъ себя въ крайне странное положеніе: онъ принялъ министерскій постъ послѣ Цурлиндена, когда отъ новаго военнаго министра именно и требовалось согласіе на пересмотрѣ дѣла Дрейфуса, и онъ былъ бесспорно министромъ, когда этотъ пересмотръ былъ рѣшенъ, а между тѣмъ оказывается, что онъ былъ будто бы противъ пересмотра, подобно Цурлиндену и Кавеньяку. Удивительно только, почему онъ вспомнилъ о такомъ своемъ взглядѣ на дѣло лишь въ засѣданіи палаты 25-го октября, послѣ оскорбительныхъ словъ Деруэда.

Отставка Шануана, заявленная при такихъ условіяхъ, произвела необыкновенное волненіе въ палатѣ и побудила правительство потребовать перерыва для совѣщаній съ президентомъ республики. Два часа спустя, засѣданіе возобновилось, и Бриссонъ могъ надѣяться еще на благопріятный для себя поворотъ въ настроеніи большинства. Онъ довелъ до свѣдѣнія палаты, что декретъ о назначеніи новаго военнаго министра будетъ подписанъ въ тотъ же вечеръ; онъ просилъ поэтому отсрочить дальнѣйшія пренія на два дня, до четверга, но предварительно подтвердить принципъ первенства гражданской власти. Соціалисты Фурниеръ и Бось поддержали предложеніе, мотивируя его необходимостью „спасенія республики“, причемъ Бось называлъ Шануана „мятежнымъ генераломъ“. Оппортунистъ Эрнестъ Рошъ возражалъ, ссылаясь на то, что первая гражданская власть есть палата, которую правительство должно было созвать мѣсяцемъ раньше; сами министры выказали неуваженіе къ гражданской власти, и потому не заслуживаютъ довѣрія палаты. Графъ де-Мэнъ, отъ имени правой, рѣзко осуждаетъ министерство; Бодри д'Ассонъ предлагаетъ даже предать министровъ суду. Де-Лапортъ, Рибо, Мелинъ, Барту, Поэнкарè и другіе, отъ имени „всѣхъ республиканцевъ“, согласны на

требуемую отсрочку, противъ которой, однако, возстаетъ Кавеньякъ. Въ отвѣтъ на нападки Бержэ и де-Маги, по поводу безнаказанныхъ оскорбленій арміи въ печати, министръ юстиціи Сарррень говоритъ, что онъ лично три раза обращался къ военному министру съ просьбою уполномочить его преслѣдовать судомъ виновныя газеты, такъ какъ преслѣдованіе не можетъ имѣть мѣста безъ жалобъ или заявленій со стороны обиженныхъ; но всякій разъ военный министръ отклонялъ преслѣдованіе. Однако этотъ недостатокъ судебныхъ мѣръ противъ печати продолжалъ служить главнымъ предметомъ обвиненій противъ министерства. Наконецъ, палата приступила къ голосованіямъ отдѣльныхъ резолюцій и различныхъ къ нимъ прибавокъ, болѣе или менѣе коварныхъ. Фраза о первенствѣ гражданской власти принята большинствомъ 559 голосовъ противъ 2; дополненіе Бержэ, порицающее правительство за допущеніе газетныхъ выходокъ противъ арміи, отклонено 274 голосами противъ 261; прибавка представителя правой, де-Маги, приглашающая министерство положить конецъ газетной кампаніи противъ арміи, принята, несмотря на возраженія Бриссона, 296 голосами противъ 243. Послѣдняя дополнительная оговорка, предложенная Берто, Мезюреромъ и Дюжарденъ-Бометцомъ, и выражающая надежду на присканіе правительствомъ мѣръ для прекращенія упомянутой кампаніи противъ арміи, отвергнута 286 голосами противъ 254. Противъ кабинета Бриссона высказалось такимъ образомъ большинство сначала 53, а потомъ 32 голосовъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что это большинство было бы гораздо значительнѣе, еслибы не случай съ Шануаномъ, побудившій умѣренныя республиканскія партіи отказаться отъ немедленной рѣшительной атаки противъ ненавистнаго имъ „радикальнаго“ министерства.

Побѣда осталась въ сущности за умѣренными, хотя торжествовали націоналисты и антисемиты, которые въ тотъ же день успѣли еще устроить безпорядки на улицахъ Парижа, въ окрестностяхъ Бурбонскаго дворца и площади Согласія; было нѣсколько раненыхъ, въ томъ числѣ одинъ полицейскій комиссаръ. Любопытно, что площадь Согласія, какъ бы въ насмѣшку надъ своимъ названіемъ, чаще всего служитъ ареною явныхъ несогласій, доходящихъ до грубыхъ стычекъ. Вожди и представители націоналистовъ привѣтствовались криками: „долой жидовъ! смерть жидамъ!“—какъ будто окончившаяся борьба въ парламентѣ происходила съ евреями или изъ-за евреевъ. Правда, источникомъ всѣхъ волненій Франціи за послѣдніе два года было дѣло еврея Дрейфуса, осужденнаго въ 1894 году по обвиненію въ измѣнѣ и отбывающаго нынѣ свое наказаніе у береговъ Діаны, на Чортовомъ островѣ,—и эта историческая роль какого-то темнаго судебного дѣла кажется чудовищною загадкою для толпы. Не было ни-

чего легче, какъ возбудить въ народной массѣ подозрѣніе, что агитация создается и поддерживается еврейскими капиталами, и что все зло въ еврейхъ, а не въ чемъ-либо другомъ. Дрюмонъ, Рошфоръ и другіе подобные имъ искатели популярности и наживы обрабатывали эту тему съ удивительнымъ богатствомъ фантазіи; всѣ непріятныя и тягостныя явленія политической и общественной жизни связываются такъ или иначе съ синдикатомъ Дрейфуса или приписываются еврейскому вліянію и владычеству; министры, депутаты, сенаторы, журналисты, придерживающіеся нежелательныхъ мнѣній, объявляются измѣнниками, подкупленными еврействомъ; одна газета даже высчитала, что синдикатъ „дрейфусаровъ“ истратилъ на подкупы ровно 137 миліоновъ франковъ. Съ этой точки зрѣнія выходитъ, что вся Франція продажна, что передовые и образованные люди ея готовы продать за деньги честь и совѣсть, что можно купить ея правительство, министровъ и депутатовъ, не только для какого-нибудь безразличнаго или полезнаго промышленнаго дѣла, въ родѣ прорытія Панамскаго перешейка, но и для прямыхъ преступленій противъ отечества. Если все движеніе въ пользу пересмотра дѣла Дрейфуса могло быть создано закулисными еврейскими вліяніями и подкупами, то чѣмъ должна представляться намъ сама современная Франція? И люди, изображающіе свою страну въ видѣ безнадежной общедоступной клоаки, выдаютъ себя за патріотовъ и привѣтствуются толпою, какъ истинные граждане, какъ проповѣдники національнаго величія и могущества. Злѣйшіе враги французовъ не рисуютъ Францію такою, какою выставляется она въ писаніяхъ и рѣчахъ Дрюмона, Рошфора, Деруледа и ихъ единомышленниковъ. При нѣкоторой долѣ здраваго смысла невозможно допустить, что, съ одной стороны, евреи стали бы помѣщать крупные капиталы въ дѣло, не обещающее никакихъ реальныхъ выгодъ, и что, съ другой стороны, во Франціи нашлись бы общественные и политическіе дѣятели, способные сознательно и, такъ сказать, публично продавать себя за деньги ради избавленія какого-то измѣнника отъ заслуженной кары, не останавливаясь предъ цѣлымъ рядомъ очевидныхъ опасностей для внутренняго спокойствія страны и для ея разнообразныхъ общихъ интересовъ. Националисты и антисемиты несомнѣнно клеветаютъ на Францію; ихъ болѣзненный бредъ, ежедневно наполняющій столбцы популярныхъ и наиболее распространенныхъ газетъ, есть одно изъ печальнѣйшихъ явленій современной французской журналистики. Беззастѣнчивыя выдумки, наглядно опровергаемыя фактами, смѣняются одна другою и повторяются изо дня въ день въ самыхъ различныхъ сочетаніяхъ; живость этихъ сообщений и рассказовъ обличалась всячески, и изобрѣтатели ихъ не разъ формально объявлялись клеветниками, по приго-

ворамъ суда,—и тѣмъ не менѣ существующій въ публикѣ спросъ на сенсаціонныя извѣстія обезпечиваетъ прочный успѣхъ газетамъ этого рода. Мало того: эти сенсаціонныя свѣдѣнія, носящія на себѣ явную печать неудачнаго фантазерства, перепечатываются солидными органами печати, передаются по телеграфу за границу и появляются, между прочимъ, въ нашихъ газетахъ, въ качествѣ достовѣрнаго матеріала для пониманія и оцѣнки французскихъ дѣлъ. Мы имѣли уже случай указывать, что почти исключительно такого рода матеріаломъ пользуется, напр., „Новое Время“ въ своихъ отчетахъ о внутренней политикѣ Франціи.

Какъ ни относиться къ событіямъ французской политической жизни за последнее время, но одинъ основной фактъ признается всѣми и не подлежитъ, кажется, никакому спору,—фактъ поразительнаго господства дѣла Дрейфуса надъ всевозможными вопросами и задачами внутренней политики въ современной Франціи. Никогда и ни въ одной странѣ не было еще, кажется, судебного процесса, который настолько поглощалъ бы политическую жизнь цѣлой націи и такъ долго и сильно волновалъ бы общественное мнѣніе. Дѣло это было уже почти забыто, и никто не придавалъ ему серьезнаго значенія, когда сенаторъ Шереръ-Кестнеръ предпринялъ свои первые робкіе шаги въ пользу пересмотра процесса, въ виду существованія нѣкоторыхъ данныхъ, указывавшихъ на возможность судебной ошибки. Съ тѣхъ поръ дѣло Дрейфуса постепенно и неудержимо разрастается до степени центрального вопроса французской политики. Всѣ усилія правительства и генеральнаго штаба потушить дѣло и успокоить разыгравшіяся страсти оказались напрасными. Изъ-за этого дѣла смѣнилось иѣскольکو военныхъ министровъ,—генераль Бильо, Кавеньякъ, генералы Цурлиндентъ и Шануанъ, палъ начальникъ генеральнаго штаба Буадефръ, уволены въ отставку полковники Патидю-Кламъ и Пикарь, погибъ полковникъ Анри, и наконецъ пало министерство Бриссона. На этомъ дѣлѣ основалъ свою политическую карьеру Дрюмонъ, глава французскихъ антисемитовъ; изъ-за этого же дѣла пострадалъ Эмиль Золя, вынужденный нынѣ проживать внѣ Франціи. Послѣ горячей и страстной борьбы дѣло попало теперъ на путь правосудія, и шумные толки и споры затихли на время, въ ожиданіи авторитетнаго рѣшенія кассаціоннаго суда. Разсмотрѣніе дѣла должно было начаться какъ разъ на слѣдующій день послѣ рокового для министерства засѣданія палаты,—и по всей вѣроятности Бриссонъ, домогаясь отсрочки парламентскихъ преній на два дня, руководился лишь естественнымъ желаніемъ дождаться результата предстоявшаго обсужденія дѣла Дрейфуса въ кассаціонномъ судѣ. Кассаціон-

ный судъ призванъ былъ высказаться только о томъ, имѣются ли въ дѣлѣ законные поводы къ пересмотру рѣшеннаго дѣла, согласно ко-дѣтайству жены осужденнаго офицера, въ виду новыхъ обстоя-тельствъ, обнаруженныхъ послѣ приговора; но вопросъ о виновности или невинности Дрейфуса оставался при этомъ въ сторонѣ, такъ какъ рѣшеніе подобныхъ вопросовъ по существу не входитъ въ кругъ компетенціи кассационной палаты. Выслушавъ обстоятельныя рѣчи докладчика Бара, генеральнаго прокурора Мано и адвоката Морнара, кассационный судъ, въ засѣданіи 29 (17) октября, постановилъ дать ходъ прошенію г-жи Дрейфусъ и произвести добавочное слѣдствіе для выясненія фактовъ, касающихся допущенныхъ неправильностей при первоначальномъ рѣшеніи дѣла; вмѣстѣ съ тѣмъ, судъ призналъ преждевременнымъ удовлетвореніе требованія генеральнаго прокурора о томъ, чтобы отбываніе осужденнымъ наказанія было прекращено. Дѣло Дрейфуса, бывшее такъ долго тяжелымъ кошмаромъ для Франціи, приближается уже къ законной и спокойной развязкѣ. Те-перь выяснилось окончателно, что противъ осужденнаго не было выставлено никакой другой улики, кромѣ „бордеро“, и что эксперты, изслѣдовавшіе почеркъ этого документа, не могли придти къ согла-шенію относительно принадлежности его Дрейфусу. Что касается его мнимаго частнаго признанія, засвидѣтельствованнаго капитаномъ Лебрень-Рено, то, какъ объяснилъ членъ-докладчикъ кассационнаго суда, Баръ, оно заключаетъ въ себѣ намекъ на сознательную передачу незначительныхъ и не-секретныхъ документовъ, съ цѣлью получить взамѣнъ болѣе важныя,—что не составляло бы преступленія госу-дарственной измѣны; но и это признаніе всегда рѣшительно и без-условно отвергалось Дрейфусомъ. Въ печати много говорилось объ имѣющихся въ военномъ министерствѣ секретныхъ свѣдѣніяхъ и ули-кахъ, дававшихъ основаніе нѣсколькимъ министрамъ и генераламъ категорически подтверждать виновность осужденнаго; эти таинствен-ные документы, если они существуютъ, должны будутъ также под-вергнуться разсмотрѣнію суда, при новомъ разбирательствѣ дѣла по существу, и тогда разъяснится, быть можетъ, легенда о письмѣ германскаго императора къ графу Мюнстеру, которое, по словамъ нѣмецкихъ официозныхъ газетъ, есть не что иное, какъ грубая и глупая поддѣлка. При обычномъ легковѣрїи даже выдающихся фран-цузскихъ дѣятелей во всемъ, что относится къ чужимъ государствамъ и правительствамъ, не было бы ничего удивительнаго и въ суще-ствованіи упомянутаго секретнѣйшаго письма, въ которомъ Виль-гельмъ II заранѣе устраиваетъ, будто бы, Дрейфуса при германскомъ генеральномъ штабѣ на случай войны съ Франціею. Всѣ эти ребя-ческія исторїи перестанутъ наконецъ смущать наивные умы, и если

только вновь не вмѣшаются уличныя страсти, питаемыя невѣжествомъ, то агитація по дѣлу Дрейфуса получить правильный и законный исходъ, соответствующій требованіямъ чуткой общественной совѣсти французской націи. Во всякомъ случаѣ дѣло это, по своей оригинальной и вполне исключительной судьбѣ,—одно изъ любопытнѣйшихъ, какія когда-либо возникали въ судебной практикѣ западной Европы.

При самомъ разгарѣ полемики относительно пересмотра дѣла Дрейфуса появились въ газетахъ тревожные слухи о военныхъ приготовленіяхъ Франціи и Англіи, въ виду возникшаго спора о малоизвѣстной африканской мѣстности, занятой сначала французами, а потомъ англичанами. Всѣ заговорили о Фашодѣ, какъ о чемъ-то важномъ и существенномъ, чего ни одна изъ спорящихъ сторонъ не можетъ уступить другой безъ ущерба для своего національнаго достоинства. Фашода находится въ области верхняго Нила, на пути отъ Хартума къ югу; туда попала еще въ началѣ іюля (нов. ст.) французская экспедиція Маршана, которой поручено было комиссаромъ сѣверной части французскаго Конго, Ліотаромъ, изслѣдовать территорію отъ верхняго Убанги (притока р. Конго) до теченія Нила. Маршанъ водворился въ Фашодѣ и бѣдствовалъ, ожидая подкрѣпленій и припасовъ; нѣкоторые изъ его спутниковъ умерли отъ болѣзней, а одинъ былъ „съѣденъ крокодиломъ“. Въ распоряженіи французовъ было около сотни вооруженныхъ туземцевъ, одно судно и нѣсколько лодокъ; въ августѣ на нихъ напали дервиши (махдисты) и были съ трудомъ отбиты. Предвидя новое нападеніе болѣе значительныхъ непріятельскихъ силъ, Маршанъ послалъ судно по рѣкѣ къ югу, въ надеждѣ на отысканіе помощи. Въ это именно время подвигался къ югу по теченію Нила египетскій главнокомандующій („сирдаръ“), сэръ Гербертъ Китченеръ, занявшій передъ тѣмъ Хартумъ и разгромившій дервишей при Омдурманѣ; въ дорогѣ онъ наткнулся на тотъ самый непріятельскій отрядъ, который долженъ былъ съ новыми силами напасть на французовъ. Сэръ Китченеръ разсѣялъ дервишей и завладѣлъ ихъ судномъ и 11 лодками; очевидно, онъ, самъ не зная этого, спасъ Маршана и его спутниковъ отъ истребленія. О французской экспедиціи онъ имѣлъ уже свѣдѣнія отъ туземцевъ и отъ своего (т.-е. англійскаго) правительства, предупреденнаго французскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Сэръ Китченеръ прибылъ въ Фашоду 20-го сентября (нов. ст.) и засталъ тамъ Маршана съ восемью офицерами и 120 туземными солдатами; послѣ первыхъ привѣтствій онъ тотчасъ же заявилъ имъ, что присутствіе французовъ въ долинѣ нижняго Нила не можетъ быть допущено Англіею, и что онъ, Китченеръ, долженъ водрузить здѣсь

египетскій флагъ, въ виду безспорной номинальной принадлежности всей этой области Египту. Маршанъ возражалъ, ссылаясь на инструкціи своего правительства, но не могъ и думать о сопротивленіи. Такова была встрѣча между представителями двухъ передовыхъ европейскихъ народовъ въ пустынной африканской мѣстности, гдѣ люди стѣдаются иногда крокодилами.

Между Парижемъ и Лондономъ завязалась оживленная дипломатическая переписка. Англія доказывала, что на ея сторонѣ двойное и безспорное право,—во-первыхъ, право верховенства Египта надъ всѣми землями по Нилу, и, во-вторыхъ, самостоятельное право завоеванія. Франція имѣла за собою въ Фашодѣ право перваго занятія; но экспедиція Маршана была лишена военно-завоевательнаго характера и могла удержаться на мѣстѣ и спастись отъ неминуемой гибели исключительно лишь при помощи явившихся на выручку соперниковъ-англичанъ. Французы, обязанные своимъ спасеніемъ войскамъ сэра Китченера, очутились въ странномъ положеніи, и ихъ ссылки на право перваго занятія имѣли отчасти комическій оттѣнокъ. Дипломаты обѣихъ державъ обнаружили тонкое искусство діалектики въ этомъ важномъ международномъ спорѣ. Англійская „синяя книга“ съ документами по этому дѣлу возбудила патріотическія чувства въ англійской печати; въ свою очередь французская „желтая книга“ произвела большой эффектъ во Франціи и доставила популярность министру иностранныхъ дѣлъ Делькассѣ, который сумѣлъ въ своихъ депешахъ соединить твердость тона съ обстоятельною дѣловитостью аргументаціи, не упустивъ притомъ случая вставить нѣсколько громкихъ и внушительныхъ словъ о французской національной чести и достоинствѣ. Въ концѣ концовъ, споръ принялъ болѣе миролюбивое направленіе; быть можетъ, обѣ стороны вспомнили о выраженномъ ими еще недавно глубокомъ сочувствіи къ идеѣ „разоруженія“.

МИРЪ—ИЛИ НОВАЯ ВОЙНА?

Письмо въ Редакцію.

Не разъ выражая свои взгляды и свое мнѣніе на страницахъ „Вѣстника Европы“, по поводу мотивовъ и дѣйствительныхъ основаній къ прошлой испанско-американской войнѣ, я, конечно, отнюдь не рассчитывалъ придти съ его обзорѣмъ иностранной политики къ полному соглашенію; съ самаго начала я такъ и понялъ его точку зрѣнія, что, какъ бы то ни было, все-таки миръ былъ бы предпочтительнѣе войны, и Америкѣ слѣдовало бы избѣжать войны, несмотря ни на что и во всякомъ случаѣ; словомъ—миръ во что бы то ни стало!—такъ какъ всякая война, съ кѣмъ бы то ни было и при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, недостойна величайшей современной республики міра, отъ которой ожидалось нѣчто лучшее, чѣмъ употребленіе старыхъ, избитыхъ, безобразныхъ, дискредитованныхъ способовъ для разрѣшенія международныхъ столеновій! Для меня лично все это, конечно, вполне знакомо и понятно, но коренной американецъ,—а въ рѣшеніяхъ 19—22 апрѣля народныя массы несомнѣнно участвовали здѣсь своимъ давленіемъ почти цѣликомъ—не обинуясь, назвалъ бы такую точку зрѣнія чистѣйшимъ доктринерствомъ, безусловно непригоднымъ уже по одному тому, что оно не разрѣшаетъ, такъ или иначе, живой, раздражающей всю страну и требующей немедленнаго отвѣта, жизненной проблемы, непосредственно касающейся ея собственнаго повседневнаго благополучія. Смотрѣть сложа руки, день за днемъ, годъ за годомъ, какъ сильный обижаетъ слабого на нашемъ собственномъ порогѣ—оказалось такъ же невозможнымъ для всего американскаго народа, какъ было бы невозможнымъ для отдѣльнаго средняго американца пройти мимо взрослого

тирана, истязующаго женщину или ребенка. По сю сторону океана, жизненная правда всегда сильнѣе прописной морали, и обычные американскіе методы мышленія, конечно, мало знакомы европейскому публицисту. Въ глазахъ здѣшняго народа, встать въ подобномъ случаѣ на ультра-отвлеченную точку зрѣнія—значило бы умыть руки, и изъ-за недозрѣлой еще до способности разрѣшать самыя мучительно-живыя задачи доктрины—пожертвовать своимъ ближнимъ и не только не бросить находящейся въ нашихъ рукахъ веревки утопающему, но еще и оттолкнуть его сознательно отъ берега. Имѣя все это въ виду, я въ моихъ соображеніяхъ совсѣмъ не касался основного положенія въ обозрѣніи, хотя и отлично понималъ его, и стремился только къ восстановленію истины относительно фактической стороны дѣла, полагая, что такое восстановление сыграетъ хотя бы роль „смягчающихъ вину обстоятельствъ“; въ окончательномъ же вердиктѣ: „виновенъ“—я не сомнѣвался ни на одну секунду, ибо, вставъ на вышеизложенную точку зрѣнія, и нельзя было вынести намъ, грѣшнымъ, ничего иного.

Въ настоящій моментъ война съ Испаніей, *de facto*, уже кончилась; ея финансовая и военная истощенность, ея общее безсиліе и народная апатія таковы, что, какъ факторъ, сколько-нибудь серьезный въ современномъ положеніи дѣлъ, она какъ бы перестала существовать. Но, къ сожалѣнію, благодаря своеобразности и сложности результатовъ войны, опасность новыхъ осложненій, если даже не съ нею, то съ другими европейскими государствами, далеко еще не миновала. Этой опасности, какъ она, будемъ надѣяться, ни отдаленна, въ самой значительной степени способствуетъ современное, крайне и по разнымъ причинамъ возбужденное состояніе сильнѣйшихъ военныхъ европейскихъ державъ. Здѣсь, у насъ, все чаще и чаще высказываются серьезныя опасенія, какъ бы слабость Китая, соперничество занятыхъ его фактическимъ дѣлежемъ государствъ, соприкосновенность Филиппинскихъ острововъ съ восточно-тихо-океанскимъ вопросомъ, честолюбіе германскаго императора, наконецъ, начиненное динамитомъ внутреннее состояніе Франціи, не вызвали бы, такъ или иначе, въ видѣ даже громоотвода, какого-нибудь новаго американскаго столкновенія? Общее недоброжелательство европейскихъ правительствъ и народовъ къ „дядѣ Саму“ можетъ, чего добраго, послужить основой къ такому взрыву, съ которымъ не совладаютъ никакіе принципы, никакія доктрины; да и онъ самъ, съ теченіемъ времени сознавъ всю силу этого недоброжелательства, находится теперь далеко не въ уступчивомъ настроеніи, перевозѣ больше обыкновеннаго, и его общественное мнѣніе занято иностранными дѣлами гораздо больше, чѣмъ внутренними. Настоящимъ письмомъ я намѣренъ очертить это настроеніе и выяснить его причины—

предупреждая читателя, что въ немъ, какъ и въ предъидущихъ моихъ сообщенияхъ по поводу этого конфликта, онъ найдетъ только добросовѣстно изложенную фактическую сторону дѣла,—то именно, чѣмъ здѣсь, „не мудрствуя лукаво“, живетъ теперь изо дня въ день весь народъ.

Дѣйствительное положеніе дѣла на островахъ Кубѣ и Порто-Рико теперь уже выяснено съ безусловной точностью. Донесенія генерала Вуда, американскаго военнаго губернатора провинціи и города Сантъ-Яго, сданныхъ уже больше двухъ мѣсяцевъ тому назадъ, больше чѣмъ поучительны. Такъ, первымъ, поступившимъ на его разсмотрѣніе, официальнымъ заявленіемъ было требованіе мѣстнаго католическаго епископа провинціи о выдачѣ ему жалованья, въ опредѣленномъ испанскимъ режимомъ размѣрѣ въ 18.000⁰⁰ въ годъ золотомъ; на испанскихъ Антильскихъ оо. до сихъ поръ держится серебряная валюта. Эта громадная сумма составляетъ его личное жалованье; на содержаніе же причта, дворца, прислужниковъ, и т. д., полагаются особья, соответственныя, также очень значительныя суммы. Во всей провинціи Сантъ-Яго всего около 270.000 жителей обоого пола, всѣхъ цвѣтовъ и религій, и такихъ провинцій на островѣ Кубѣ шесть, каждая съ такимъ же отдѣльнымъ епископскимъ управленіемъ. $\frac{9}{10}$ этого населенія рѣшительно умираютъ съ голода; теперь уже признано, что возстаніе сократило бѣлое населеніе острова на 60%, цвѣтное—на 15%, но жалованье епископа было уплачено сполна по день занятія города американскими властями, и онъ же оказался первымъ съ своимъ требованіемъ. Само собою разумѣется, что какъ епископы эти, такъ и всѣ ихъ штаты—поголовно присылаемыя временно изъ Испаніи личности, не имѣющія съ кореннымъ кубанскимъ населеніемъ ничего общаго, кромѣ языка и религіи. Если читатель приметъ въ соображеніе, что въ С.-Ам. Союзѣ, гдѣ богатство жителей, *per capita*, больше, чѣмъ въ двадцать разъ превышаетъ кубанское,—за исключеніемъ президента Союза, получающаго \$ 50.000⁰⁰ въ годъ, высшимъ жалованьемъ оказывается получаемое членами верховнаго федеральнаго суда—\$ 10.000⁰⁰ въ годъ, и министрами — \$ 8.000⁰⁰, сенаторы федеральнаго сената получаютъ только \$ 5.000⁰⁰, а губернаторы большинства штатовъ—отъ \$ 1.500⁰⁰ до \$ 4.000⁰⁰,—то онъ, конечно, сообразить и самъ, какое впечатлѣніе произвело на наши массы опубликованіе такого епископскаго жалованья въ небольшомъ провинціальномъ, захолустномъ городишкѣ уже давно доведеннаго до абсолютнаго нищенства острова Кубы. Изслѣдованіе положенія дѣла народнаго образованія въ провинціи Сантъ-Яго извлекло на свѣтъ божій еще болѣе поразительные факты. Оказалось, что хотя въ кубанскомъ бюджетѣ ассигнованы на этотъ предметъ довольно значительныя, сравнительно, суммы,—деньги эти почти цѣликомъ рас-

ходовались на содержаніе разныхъ совѣтовъ и инспекторовъ, испанскихъ чиновниковъ, а очень немногія, существовавшія de facto, школы должны были поддерживаться изъ мѣстныхъ общественныхъ суммъ. Въ самомъ городѣ Сантъ-Яго расходовалось свыше пятидесяти тысячъ долларовъ золотомъ въ годъ на такое, якобы, народное образованіе, тогда какъ въ дѣйствительности въ немъ была только одна народная школа, на которую отпускалось изъ нихъ всего около двухъ-сотъ долларовъ серебромъ въ годъ. Таможенное дѣло оказалось еще, если возможно, въ худшемъ положеніи — издержки взиманія превышали доходъ, — тогда какъ за первый же мѣсяцъ американскаго управленія, принявшаго цѣликомъ испанскіе же тарифы и освободившаго отъ всякихъ пошлинъ всѣ ввозные сѣбствыя припасы, оказалось до \$ 40.000⁰⁰ чистаго дохода. Это ужъ не газетныя корреспонденціи, не частныя изслѣдованія и донесенія, а прямо официальные факты, которыхъ ничто не можетъ поколебать.

Разоренность острова Кубы превышаетъ всякое вѣроятіе. Крайне сырой и въ то же время интенсивно-знойный тропическій климатъ удивительно быстро обращаетъ плантацію въ дикую заросль, требующую гигантской работы для своей расчистки. Нѣтъ ни построекъ, ни рабочаго скота, ни земледѣльческихъ орудій. Все развалилось, сгнило, истлѣло, заржавѣло. Около ста тысячъ нагихъ, голодныхъ, давно отбившихся отъ своихъ домовъ и обычныхъ занятій инсургентовъ, снабженныхъ въ то же время и огнестрѣльнымъ, и холоднымъ оружіемъ, разбросаны по всему острову маленькими отрядами и кучками. Необходимы десятки милліоновъ долларовъ для того, чтобы успокоить ихъ и пристроить къ какому-нибудь дѣлу. Слишкомъ три года они жили впроголодь, безъ одежды и жалованья; считаютъ страну у себя въ долгу, недовольны перемиріемъ и требуютъ — и денегъ, и обзаведенія всѣмъ необходимымъ. Не мало между ними и такихъ, которые предпочитаютъ ту, въ сущности, разбойничью жизнь, къ которой они привыкли, чему бы то ни было другому. Для ихъ умиротворенія однихъ денегъ недостаточно — необходимы и изъ ряду вонъ выходящія административныя способности, и тонкое пониманіе мѣстныхъ условій, энергичная, упорная и въ то же время самая осторожная борьба съ этими непокорными элементами, особенно въ офицерской средѣ. Культурные способы и методы не годятся для этого класса аборигеновъ, развращенныхъ въ конецъ и долготѣнимъ игомъ, и кровавымъ возстаніемъ. Чисто-испанскіе элементы населенія въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще хуже этихъ экзъ-инсургентовъ. Съ тѣхъ поръ какъ сдѣлались извѣстны условія мирнаго протокола, громадное ихъ большинство круто измѣнило свою политику. Конечно военные и гражданскіе чины, тѣ „ташкентцы“, о которыхъ я говорилъ въ одномъ изъ моихъ предыдущихъ

писемъ, своимъ арбитрарнымъ, безчеловѣчно-жестокосердымъ управленіемъ вызвавшіе и возстаніе, и войну, успѣли сдѣлаться настолько ненавистными мѣстному населенію, что имъ и мечтать нельзя о томъ, чтобы оставаться на островѣ; но всѣ дѣловые элементы, купцы, фабриканты, владѣльцы плантацій и дѣловыхъ предприятий—тоже почти безъ всякихъ исключеній пріѣзжіе кровные испанцы—поголовно намѣрены остаться при своемъ имуществѣ и дѣловыхъ интересахъ и сдѣлаться гражданами Кубы. Благодаря своимъ матеріальнымъ средствамъ, они обладаютъ большимъ влияніемъ на мѣстныхъ дѣла, боятся утратить его, боятся кубанской мести, и шумятъ теперь едва ли не больше всѣхъ остальныхъ элементовъ населенія. Ихъ отношеніе къ настоящему положенію дѣлъ всего лучше характеризуется слѣдующимъ эпизодомъ. Пять мѣсяцевъ тому назадъ, когда была объявлена война, ихъ патріотическій энтузіазмъ въ пользу родины, между прочимъ, ознаменовался подпиской на постройку броненосца для испанскаго флота, подпиской, принесшей свыше \$ 800.000⁰⁰. Островъ, какъ извѣстно, былъ немедленно и очень дѣйствительно блокированъ американскимъ флотомъ, и деньги эти такъ и остались до сихъ поръ на храненіи у маршала Бланко. Теперь подписавшіе ихъ эксъ-патріоты требуютъ ихъ назадъ, и, получивъ категорическій отказъ, даже вчинили уже гражданскій искъ для достиженія своей цѣли!

Какъ извѣстно, по предварительному мирному протоколу, Испанія безусловно отказалась отъ своихъ суверенныхъ правъ на острова Кубу и Порто-Рико, и обязалась немедленно начать съ нихъ эвакуацію своихъ военныхъ силъ. До сихъ поръ въ этомъ направленіи не было сдѣлано ни одного дѣйствительнаго шага, хотя установленныя протоколомъ общія военныя комиссіи давно назначены и давно находятся на мѣстахъ. Здѣшняя пресса утверждаетъ, что секретныя инструкции министерства Сагасты испанскимъ комиссіямъ предписываютъ имъ прежде всего по возможности отсрочивать всякія рѣшенія и замедлить дѣйствительное начало эвакуаціи на возможно долгое время—объясняя такой образъ дѣйствій тѣмъ, что Испанія все еще рассчитываетъ на возможность европейскаго вмѣшательства по поводу рѣшенія вопроса объ окончательной участи Филиппинскихъ острововъ,—вмѣшательства, которое можетъ перевернуть и предварительный мирный протоколъ, и участь острововъ Кубы и Порто-Рико.

Занятіе американскими войсками и затѣмъ захватъ острова Порто-Рико оказались однимъ изъ самыхъ неожиданныхъ инцидентовъ и результатовъ войны. Быстрое паденіе Сантъ-Яго захватило еще невысадившимся на берегъ Кубы посланное генералу Шафтеру поддѣрженіе, и находившійся при нихъ главнокомандующій арміей генералъ Майльсъ нашелъ эти силы достаточными для занятія Порто-

Рико, и занявъ его послѣ самаго незначительнаго сопротивленія. Американскій отрядъ былъ встрѣченъ мѣстнымъ населеніемъ съ самымъ восторженнымъ энтузіазмомъ—всюду появилось звѣздное знамя, и началось поголовное возстаніе противъ испанскаго ига. Многолѣтняя скрытая ненависть выразилась самымъ положительнымъ образомъ, испанскіе отряды всюду должны были отступить, боясь за свой тылъ, и занятіе острова оказалось настоящимъ триумфальнымъ шествіемъ для американскихъ войскъ. Порто-Рико хотя и небольшой, но очень богатый островъ, съ 800.000 населенія, и испанскій гарнизонъ, отрѣзанный отъ всякаго сообщенія съ метрополіей американскимъ флотомъ, не могъ и надѣяться оказать какое-либо существенное сопротивленіе нашествію въ виду общаго возстанія; словомъ, въ теченіе первыхъ же нѣсколькихъ дней выяснилось внѣ всякаго сомнѣнія, что и тутъ испанское владычество неминуемо пришло къ концу—и министерство Сагасты благоразумно уступило и этотъ островъ Америкѣ, предавъ предварительно „измѣнниковъ“ настоящей анаемѣ въ своемъ откровенномъ сообщеніи о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ на островѣ—прессѣ и народу.

Предварительный мирный протоколъ установилъ такимъ образомъ безусловную уступку Порто-Рико и фактическій протекторатъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ надъ Кубой до ея умиротворенія и установленія прочныхъ республиканскихъ учреждений. Этотъ фактъ самымъ кореннымъ образомъ измѣнилъ положеніе всѣхъ остальныхъ Антильскихъ острововъ, Большихъ и Малыхъ. Всѣ они почти совершенно однородны и по климату, и по главнымъ элементамъ населенія, и по своимъ произведеніямъ; американскій Союзъ доселѣ служилъ ихъ главнымъ рынкомъ, и экспортнымъ, и импортнымъ—и фактическое присоединеніе Кубы и Порто-Рико и неизбежное въ самомъ близкомъ будущемъ соотвѣтственное измѣненіе ихъ таможенныхъ тарифовъ относительно Союза грозитъ безчисленными опасностями всѣмъ остальнымъ Антилламъ, въ чьемъ бы владѣніи они ни находились. Подписаніе вашингтонскаго протокола немедленно вызвало на нихъ сильнѣйшее броженіе, особенно на островѣ Ямайкѣ, въ пользу присоединенія къ Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ; созвана была общая конференція представителей всѣхъ Антилл на островѣ Барбадосѣ, и почти единогласно проведены самыя восторженные резолюціи въ этомъ смыслѣ. А увѣренность въ томъ, что однимъ изъ первыхъ осязательныхъ результатовъ войны будетъ немедленное прорытіе американскимъ правительствомъ Никарагуаскаго или Панамскаго канала, взволновала и всю центральную Америку, британскій Гондурасъ, Никарагуа, Санъ-Сальвадоръ, Гватемалу, Коста-Рику, даже Колумбію. Возбужденіе это все растетъ, и уже успѣло до извѣстной

степени остановить и охладить иллюзію объ англо-американскомъ союзѣ, и во-очію убѣдить сомнѣвавшихся въ ихъ абсолютной безсодержательности.

Какъ частный вопросъ объ умиротвореніи и установленіи прочнаго правительства на островѣ Кубѣ, такъ и въ особенности общій— объ остальныхъ Антиллахъ—чреватъ всяческими возможностями; и я лично думаю, что американскому правительству потребуется и громадный запасъ терпѣнія, и исключительная государственная мудрость, для того, чтобы въ концѣ концовъ выйти изъ этихъ осложненій съ честью и не вызвать новыхъ, несравненно болѣе серьезныхъ поводовъ къ дальнѣйшимъ недоразумѣніямъ съ значительнымъ числомъ европейскихъ державъ, прямо и непосредственно заинтересованныхъ въ вѣсть-индскихъ водахъ, а также и съ многочисленными центрально-американскими и островными народностями. Весь ихъ умственный и нравственный жизненный складъ, всѣ ихъ обычаи и нравы, весь ихъ государственный и общественный строй, такъ радикально различествуютъ отъ здѣшнихъ, что непримиримыя столкновения на каждомъ шагу не только возможны, но и весьма вѣроятны,—а конфликтъ между американскимъ упорствомъ и послѣдовательностью съ воспламененностью и неводержностью латинскихъ расъ можетъ легко привести къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ.

Читатель, конечно, знаетъ изъ газетъ, что настоящая война ввела нѣкоторые, совершенно новые и небывалые въ военныхъ лѣтописяхъ приемы; такъ, сдавшаяся въ Сантъ-Яго армія Торала была перевезена въ Испанію на американскій счетъ: здѣшнее правительство вычислило, что это самый скорый и, въ концѣ концовъ, самый дешевый способъ отъ нея окончательно отдѣлаться. Такой же новизной слѣдуетъ признать и тотъ пунктъ предварительнаго мирнаго протокола, который касается Филиппинскихъ острововъ. Испанія была безнадежно побита, и, ища мира, конечно не постояла бы и передъ уступкой Филиппинъ,—а Макъ-Кинлэй ограничился тѣмъ, что выговорилъ безусловно только морскую станцію, рѣшеніе же о ихъ конечной участи предоставилъ смѣшанной комиссіи съ равнымъ числомъ членовъ отъ обѣихъ сторонъ. Объясненіе этого страннаго на первый взглядъ факта заключается исключительно въ томъ, что онъ не хотѣлъ отлагать подписанія мирнаго протокола, и въ то же время не желалъ себя связывать ничѣмъ относительно дальнѣйшей судьбы этихъ острововъ, такъ какъ ни самъ онъ, ни правительство, ни народъ, еще не успѣли тогда выяснитъ самимъ себѣ — нуженъ имъ этотъ отдаленный архипелагъ или нѣтъ? Макъ-Кинлэй желалъ имѣть время для того, чтобы успѣло высказаться общественное мнѣніе, выдающіеся государственные люди всѣхъ партій и дѣловыхъ

интересовъ, а также ученые,—словомъ, весь народъ. Это его постоянная политика по всѣмъ существеннымъ вопросамъ. Переговоры о мирѣ были сравнительно неожиданны и окончились очень быстро; народъ былъ всецѣло занятъ военными дѣйствіями, и ему некогда было заниматься подробно частностями мирныхъ условий, тѣмъ болѣе, что здѣшняя пресса и общественное мнѣніе не считали министерства Сагасты достаточно прочнымъ и сильнымъ, чтобы довести какіе-либо мирные переговоры до конца. Никто не предвидѣлъ той апатіи, которую на дѣлѣ проявилъ испанскій народъ по поводу всего этого разгрома; полный военно-морской „коллапсъ“ послѣдовалъ необыкновенно быстро, и, въ главныхъ чертахъ, удивительно повторилъ недавній опытъ Италіи съ Абиссиніей. Здѣсь ждали или большого сопротивленія, или революціи въ Испаніи, а съ нею всевозможныхъ задержекъ, и потому основательно приготавливались къ продолжительной войнѣ. Во всемъ этомъ всѣ радикально ошиблись, но Макъ-Кинлей не позволилъ этой ошибкѣ задержать конца военныхъ дѣйствій хотя бы на одну минуту, и рѣшилъ удовольствоваться крайне великодушными и даже неопредѣленными, сравнительно, условіями перемирія. Благодаря всему этому, вопросъ о Филиппинахъ оказывается возможнымъ разобрать, съ одной стороны, безпристрастно и неторопливо, при возможно меньшихъ вліяніяхъ шовинистскихъ стремленій—а съ другой, принять въ соображеніе взгляды всѣхъ здѣшнихъ партій и общее международное положеніе на дальнемъ Востоцѣ, все болѣе и болѣе угрожающее.

Дѣйствительное положеніе дѣлъ въ настоящій моментъ таково: американскія войска заняли городъ Манилу съ боя уже послѣ подписанія протокола, и взяли въ плѣнъ и всѣ испанскія главныя власти, гражданскія и военныя, и весь гарнизонъ. Въ то же время инсургенты, подъ предводительствомъ энергичнаго и способнаго Агвинальдо, провозглашеннаго главой исполнительной власти филиппинской республики, въ числѣ около 40.000, хорошо сравнительно вооруженныхъ, захватили не только весь островъ Люсонъ, но и другіе главныя острова, вездѣ разбивъ и плѣнивъ деморализованные испанскіе гарнизоны. Собранный изъ представителей всѣхъ главныхъ острововъ конгрессъ туземцевъ засѣдаетъ въ г. Малолосъ, въ нѣсколькихъ десяткахъ миль отъ Манилы, и, повидимому, находится въ совершенномъ согласіи съ Агвинальдо. Необходимо имѣть въ виду, что жителей на Филиппинахъ не менѣе 10—11 милліоновъ, большинство которыхъ состоитъ изъ дикихъ воинственныхъ племенъ, совсѣмъ не причастныхъ современной цивилизаціи; насколько Агвинальдо и его конгрессъ представляютъ ихъ—сказать, конечно, трудно, но несомнѣнно, что они держатъ ихъ въ достаточномъ повиновеніи, и въ данный моментъ съ ними необходимо считаться такъ или иначе и

Испаніи, и Америкѣ. До сихъ поръ между ними и американскими войсками не было никакихъ недоразумѣній или столкновеній, и, по-видимому, адмиралъ Дюи, облеченный главной властью, такой же искусный дипломатъ, какъ и морякъ. Тѣмъ не менѣе, Агвинальдо, на легкой намекъ о томъ, что, въ виду перемирія, не худо бы было разоружить это многочисленное, плохо организованное и совсѣмъ не дисциплинированное инсургентское войско, отвѣтилъ категорическимъ отказомъ и издалъ официальную прокламацію къ американскимъ правительству и народу, въ которой самымъ положительнымъ тономъ заявляетъ, что неопредѣленность мирнаго протокола и неизвестность того рѣшенія, къ которому придется въ Парижѣ смѣшанная испанско-американская коммиссія, не позволяютъ ему разоружиться, такъ какъ населеніе Филиппинскихъ острововъ рѣшило безповоротно ни въ какомъ случаѣ не подчиняться снова испанскому владычеству; что оно требуетъ или независимости, или формальнаго протектората Соединенныхъ Штатовъ,—и мгновенно положить оружіе, какъ только получить увѣренность въ этомъ послѣднемъ. Въ то же время Агвинальдо отправилъ двухъ пословъ и въ Вашингтонъ, и въ Парижъ, для участія въ коммисіи, если они будутъ къ тому допущены. Насколько онъ и его конгрессъ искренни—сказать, конечно, трудно; воспитаны они въ школѣ традиціоннаго испанскаго коварства и вѣроломства, и полагаются безусловно на ихъ увѣренія, конечно, небезопасно. Курьезнѣе всего то, что и здѣсь, какъ и на Кубѣ, испанскіе купцы и дѣловые люди стоятъ поголовно за присоединеніе къ Америкѣ; даже доминиканскіе и францисканскіе монахи, ненавидимые всѣмъ туземнымъ населеніемъ самымъ искреннимъ образомъ, интригуютъ въ томъ же смыслѣ и въ станѣ Агвинальдо, и въ его конгрессѣ, и въ самой Манилѣ. Испанскіе государственные люди, высказываясь публично каждый за себя, поголовно, якобы, противятся удержанію Филиппинъ за Испаніей; они говорятъ, что съ паденіемъ вѣкового испанскаго престижа, съ уничтоженіемъ флота, съ пораженіями, понесенными всюду ихъ мѣстными войсками, подавленіе возстанія совершенно безнадежно, и оно только будетъ бесполезно истощать въ будущемъ и такъ уже достаточно пустое испанское государственное казначейство. Мысли эти высказываются ими, конечно, неофициально, и изъ этого совсѣмъ не слѣдуетъ, чтобы испанское правительство готово было уступить Филиппины Америкѣ, здѣшняя же пресса думаетъ, что ими просто подготавливается общественное мнѣніе у себя дома, и что въ рѣшительный моментъ Испанія пожелаетъ продать острова эти какому-нибудь надежному заступнику въ будущемъ,—напримѣръ, хотя бы столь разнообразно-многообразному германскому императору. Въ теченіе всей войны,

Германія періодически раздражала здѣшнее общественное мнѣніе, что по меньшей мѣрѣ было безапатно. Ея эскадра въ Манильскомъ заливѣ была все время ненормально сильна; ея отдѣльныя суда всюду совали свой носъ; ея флагманскій корабль во время манильскаго сраженія послалъ свой катеръ за убѣгавшимъ испанскимъ генераль-губернаторомъ Аугусти; ея инженеры изслѣдовали угольные копи на островѣ Сэбу; одинъ изъ ея крейсеровъ взялъ на бордъ осажденный инсургентами и готовый къ сдачѣ испанскій гарнизонъ въ Илдо. Что не всѣ эти инциденты были простыми газетными сплетнями, слѣдуетъ изъ того, что вашингтонское правительство не разъ находилось вынужденнымъ успокоивать здѣшнее общественное мнѣніе особыми официальными сообщеніями; а что оно и въ настоящій моментъ далеко не довольно германской „аттитюдой“ и желаетъ обезопасить себя на всякій случай,—это ясно изъ того, что только-что получены приказы немедленно отправить изъ Санъ-Франциско въ Маниллу еще двѣ полныя пѣхотныя бригады съ ихъ артиллеріей, и посланы изъ Нью-Йорка два броненосца перваго ранга, „Орегонъ“ и „Эйгоуз“, новый динамитный крейсеръ „Буффало“, корабль-морская мастерская „Вулканъ“ и съ ними пять большихъ угольныхъ пароходовъ, дабы вся эта эскадра могла добраться до Маниллы по возможности скорѣе и безъ всякихъ задержекъ. Что не инсургенты и не Испанія вызвали эти обширныя подкрѣпленія, особенно морскія, говорить конечно излишне, тѣмъ болѣе, что эскадра Дюи уже была подкрѣплена послѣ манильской битвы двумя сильными мониторами и однимъ крейсеромъ. Другимъ серьезнымъ доказательствомъ того, что правительство Союза считаетъ положеніе дѣлъ вообще ненадежнымъ, служитъ тотъ фактъ, что хотя, по подписаніи мирнаго протокола, и было объявлено о роспускѣ по домамъ ста тысячъ волонтеровъ,—мѣра эта и до сихъ поръ приведена въ исполненіе только отчасти, и то только въ формѣ временныхъ отпусковъ чиновъ изъ особенно пострадавшихъ въ кампаніяхъ въ Сантъ-Яго и на Порто-Рико частей, такъ что наличныя военныя силы Союза все еще значительно превышаютъ двѣсти тысячъ штыковъ.

Еще съ 7-го прошлаго іюля своими резолюціями о присоединеніи Сандвичевыхъ острововъ, прошедшими большинствомъ около двухъ третей голосовъ въ обѣихъ палатахъ, федеральный конгрессъ, этотъ единственный уполномоченный представитель всего народа, оформилъ до известной степени преобладающія теченія общественнаго мнѣнія. Съ тѣхъ поръ расширители (expansionists) и присоединители (annexationists)—какъ называютъ себя сторонники возможнаго расширенія настоящихъ границъ Союза—постоянно росли и въ числѣ, а глав-

ное, и въ своемъ вліяніи на народныя массы. Саратовская конвенція, созванная изъ представителей самыхъ передовыхъ, самыхъ интеллигентныхъ сферъ всего Союза, послѣ нѣсколькихъ дней самыхъ оживленныхъ дебатовъ, подавляющимъ большинствомъ голосовъ высказалась въ пользу политики наивозможнаго расширенія. Блестящее финансовое и торговое положеніе страны, готовое на всяческія жертвы и случайности, до извѣстной степени способствуетъ распространенію этихъ теченій именно въ настоящій моментъ, давая имъ въ этомъ, столь существенномъ, отношеніи самое солидное основаніе. Въ самомъ дѣлѣ, никогда еще С.-А. С.-Штаты не проявили такъ осязательно своего богатства и своихъ неограниченныхъ податно-платежныхъ способностей. Несмотря на то, что еще до объявленія войны было издержано изъ свободной наличности государственнаго казначейства на экстраординарныя „вооруженія“ пятьдесятъ милліоновъ долларовъ, и что съ конца прошлаго апрѣля военныя издержки превышаютъ милліонъ долларовъ въ день,—наличность эта съ двухсотъ милліоновъ, въ день объявленія войны, возросла до 350 въ настоящій моментъ, а запасъ золота—со 140 милліоновъ достигъ до 250. Правда, что за это время было получено казначействомъ, за счетъ внутренняго займа ¹⁾ въ 200 мил., около 100 мил.; но заемъ этотъ оказался совершенно излишнимъ, такъ какъ доходъ съ внутренняго военнаго налога,—war revenue tax,—высчитывавшійся всего въ 20 м. въ мѣсяцъ, даетъ въ дѣйствительности около 50, и не только сполна покрываетъ всѣ экстраординарныя издержки, но и оставляетъ ежемѣсячно значительный избытокъ. Деньги скопляются въ государственномъ казначействѣ такъ быстро, что уже чувствуется нѣкоторая тугость въ денежномъ обращеніи, и все чаще и чаще слышатся голоса о необходимости созыва экстренной сессіи конгресса для отмѣны военнаго налога, не потому, чтобы онъ былъ слишкомъ тяжелъ, а потому что онъ переполняетъ казначейство и вытягиваетъ безъ нужды слишкомъ много денежныхъ знаковъ изъ обращенія. Въ то же время торговый международный балансъ въ пользу Союза никогда еще не достигалъ такихъ громадныхъ размѣровъ, какъ нынѣ; коммерческій годъ, законченный 30 іюня 1898 г., опредѣлилъ этотъ балансъ въ нашу пользу на сумму въ 600 мил. долл., тогда какъ за тотъ же періодъ времени Германія показываетъ балансъ противъ себя въ 175 м. д., а Великобританія—въ 575 м. За прошлый іюль мѣсяцъ балансъ этотъ въ пользу Союза

¹⁾ Покрытаго, между прочимъ, слишкомъ 7 разъ въ суммахъ не выше \$ 20.000⁰⁰ на одно лицо и принесшаго значительную премію, несмотря на то, что онъ былъ выпущенъ всего изъ 3% годовыхъ; теперь онъ котируется уже по 107% за сто.

быль 55 м., а за августъ превысилъ 80 м., такъ что золото не-
удержимо течетъ сюда со всѣхъ концовъ міра. Аргументируя въ пользу
политики „расширенія“, членъ федеральной палаты представителей
Шафротъ, передъ самымъ закрытіемъ очередной сессіи конгресса, въ
блестящей рѣчи сгруппировалъ цѣлую массу самыхъ подавляющихъ
статистическихъ данныхъ. Хотя населеніе Союза составляетъ едва $\frac{1}{21}$
населенія всего земного шара, его собственность, по самой умѣ-
ренной оцѣнкѣ, стоитъ около $\frac{1}{4}$ всей собственности міра. Больше
трети всѣхъ желѣзныхъ дорогъ міра находится въ предѣлахъ Америки,
и ихъ ежегодный заработокъ составляетъ больше $\frac{2}{5}$ заработка всего
остального. Въ то же время, тогда какъ всѣ наши перевозочныя компа-
ніи перевозятъ ежегодно 845 м. тоннъ на протяженіи 100 миль, весь
остальной міръ перевозитъ всего 503 милліона. Число паровыхъ силъ
въ нашемъ торговомъ флотѣ составляетъ больше трети того же числа
у всѣхъ остальныхъ націй міра. Изъ 13 м. кипъ производимаго всѣмъ
міромъ хлопка, мы производимъ 10 м. и потребляемъ цѣлую четверть
всего производства. Мы же производили больше $\frac{1}{4}$ всего производи-
маго земнымъ шаромъ зерна. Добыча угля достигла въ 1897 г. какъ
разъ цѣлой трети добычи всего міра—200 милл. тоннъ изъ 600. Въ
нашихъ предѣлахъ находится больше половины всѣхъ телеграфныхъ
линій міра—2.506.000 миль изъ 4.908.000. Слишкомъ $\frac{2}{7}$ всѣхъ ра-
ботающихъ на земномъ шарѣ машинъ дѣйствуютъ въ Союзѣ же. Изъ
17 милліардовъ отправляемыхъ ежегодно на земномъ шарѣ писемъ
слишкомъ 5 приходится на долю Америки—и такъ далѣе, почти до без-
конечности. Только по числу постоянныхъ войскъ Союзъ стоитъ не-
только неизмѣримо ниже любой третьестепенной европейской дер-
жавы, но даже и такихъ маленькихъ народностей, какъ Болгарія,
Сербія или Данія. Оказывается, что прошло то время, когда можно
было сравнивать богатство и производительность Америки съ какимъ-
либо другимъ отдѣльнымъ государствомъ; чтобы имѣть подходящій кри-
теріумъ для сравненія, нужно теперь брать весь остальной міръ, какъ
одно цѣлое. „Расширители“, вооружась этимъ и тому подобнымъ ма-
териаломъ, утверждаютъ, что такой гигантскій ростъ не можетъ про-
должаться, если территоріальные предѣлы страны будутъ оставаться
неподвижными; что жизненные силы націи начнутъ притупляться и
пойдутъ на вырожденіе; что эволюція здорова только тогда, когда
она дѣйствуетъ во всѣхъ направленіяхъ и вліяетъ одновременно
на всѣ элементы государства; что исторія всѣхъ странъ, всѣхъ на-
родовъ и всѣхъ вѣковъ учитъ этому;—словомъ, что „расширеніе“—не-
избѣжный законъ, естественная потребность, искусственная задержка
которыхъ излишнимъ консерватизмомъ и доктринерствомъ только

извратить ихъ пути и отзовется пагубной сторицей въ непосредственномъ будущемъ... Необходимо упомянуть при этомъ, что ожидаемое распаденіе Китая и неизбѣжные въ глазахъ всѣхъ здѣшнихъ вліятельныхъ государственныхъ людей и знатоковъ положенія дѣла на дальнемъ Востокѣ серьезнѣйшіе перевороты на противоположныхъ Америкѣ берегахъ Тихаго океана—негласно, но въ высшей степени существенно обостряютъ всѣ эти соображенія. Полагаютъ, что Союзу необходимъ надежный оплотъ по ту сторону океана; что дальнѣйшее устраненіе отъ прамого, энергичнаго участія въ дѣлахъ дальняго Востока въ предстоящихъ въ нихъ пережѣнахъ безвозвратно лишитъ Союзъ голоса въ нихъ и въ будущемъ, и что крайне недалековидно было бы упустить тѣ преимущества, которыя такъ кстати дала ему въ руки судьба и испанское упорство. Доктрина Монро,—говорятъ они,—какъ и всякая другая чисто политическая теорія, начинаетъ отживать свой вѣкъ, и уже утратила свою цѣлесообразность постольку, поскольку она касается новыхъ условий на Тихомъ океанѣ. Каналь черезъ Панамскій перешеекъ ¹⁾ придвинетъ къ Америкѣ дальній Востокъ и радикально измѣнитъ существующія отношенія. Американцамъ не только слѣдуетъ, но совершенно необходимо быть готовыми ко всѣмъ этимъ переворотамъ—а безъ фактической, близкой точки опоры въ тѣхъ водахъ они будутъ совершенно безсильны.

Само собой разумѣется, что я привелъ только основы, канву, такъ сказать, для всѣхъ этихъ соображеній; читатель и самъ въ состояніи развить ихъ въ любомъ направленіи. Нельзя, конечно, отрицать ихъ въ высшей степени серьезное принципиальное значеніе; въ практическомъ же отношеніи они въ настоящій моментъ особенно вліяютъ на рѣшеніе вопроса объ окончательной участи Филиппинъ. Что наше общественное мнѣніе все больше и интенсивнѣе склоняется съ каждымъ днемъ въ пользу безусловнаго присоединенія всего этого архипелага, и что наше правительство, въ началѣ склонявшееся-было, по видимому, въ пользу захвата одной морской станціи, а потомъ острова Людона цѣликомъ, начинаетъ теперь уступать болѣе широкимъ народнымъ требованіямъ—едва ли все это подлежитъ теперь сомнѣнію. Дѣло въ томъ, что въ данномъ случаѣ требованія „практической“ политики совершенно совпадаютъ съ принципиальными требованіями „расши-

¹⁾ Упомяну вкратцѣ, что испанско-американской войнѣ безспорно слѣдуетъ отдать справедливость въ томъ, что она несомнѣнно рѣшила вопросъ объ этомъ каналѣ въ утвердительномъ смыслѣ—уже состоялось соглашеніе всѣхъ здѣшнихъ политическихъ партій въ томъ направленіи, что слѣдующій же конгрессъ признаетъ его государственною необходимостью, ассигнуетъ необходимыя средства и удостовѣритъ безвозвратно его навѣржно быстрое осуществленіе.

рителей". Сохраненіе испанскаго владычества въ какой бы то ни было формѣ, въ части ли архипелага, или на всемъ его пространствѣ, повидимому, едва ли осуществимо и, во всякомъ случаѣ, было бы противно основнымъ требованіямъ гуманности, во имя которой Америка объявила войну. И Испанія, и Америка, и инсургенты—отлично понимаютъ это. Независимость архипелага тоже едва ли практична, и во всякомъ случаѣ крайне опасна за предполагаемую неустойчивостью такой независимости, вѣроятностью и даже несомнѣнностью въ такомъ случаѣ быстрого подпаденія острововъ вліяніямъ европейскихъ державъ, и вслѣдствіе образованія такимъ образомъ новаго сильнаго и непріязненнаго Америкѣ оплота. Даже самые ярые противники политики „расширенія“ не могутъ не признать, что если, съ точки зрѣнія доктрины Монро и принятыхъ доселѣ основъ иностранной политики Союза, присоединеніе къ нему Филиппинъ и является крайне нежелательнымъ,—въ то же время и подпаденіе ихъ вліянію Германіи, Англіи, или даже какого бы то ни было другого сильнаго военного европейскаго государства, будетъ, пожалуй, еще опаснѣе для прямыхъ современныхъ американскихъ интересовъ на дальнемъ Востокѣ, и ни въ какомъ случаѣ не должно быть допущено; гораздо уже предпочтительнѣе было бы, если это только возможно, оставить ихъ въ рукахъ слабой Испаніи, чѣмъ позволить переходъ ихъ владѣній въ чьи бы то ни было другія руки. Увѣренность въ томъ, что какой бы то ни было практичный компромиссъ крайне труденъ и, по крайней мѣрѣ въ данный моментъ, кажется просто недостижимымъ,—эта увѣренность распространяется во вліятельныхъ американскихъ сферахъ все больше и больше, и вызываетъ самыя серьезныя опасенія. Активная оппозиція политикѣ „расширенія“ суживается съ каждымъ днемъ именно благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ.

Принимая въ соображеніе все вышеизложенное, нельзя не видѣть, что ближайшее будущее полно неожиданностей и опасностей, и что предложенное Россіей разоруженіе, какъ ни увлекательно для всѣхъ истинныхъ друзей мира и цивилизаціи, едва ли найдетъ наше время благопріятнымъ для себя. Неразрѣшенный и разрѣшенный только съ необыкновенными трудностями вопросъ о Филиппинахъ имѣетъ гораздо большее общее значеніе, чѣмъ это обыкновенно принято думать,—если не самъ по себѣ, то по возможнымъ и вѣроятнымъ послѣдствіямъ. Едва ли можно отрицать, что, какъ бы ни опредѣлилась общая иностранная будущая политика Союза, онъ уже и теперь быстро и неудержимо идетъ къ тому, чтобы быть готовымъ, во что бы то ни стало, защищать свои, до сихъ поръ совершенно игнорированные международной политикой, американскіе интересы на Тихомъ океанѣ

и дальнемъ Востока, — интересы все растущіе и неминуемо сталкивающиеся до известной степени съ интересами Европы. Предсказывать, какъ именно отзовется этотъ новый, могучій факторъ на общемъ положеніи дѣлъ, и съ какимъ успѣхомъ онъ займетъ подобающее ему мѣсто, — было бы, конечно, крайне неблагодарнымъ трудомъ, — но и упускать изъ виду его значеніе было бы, въ то же время, верхомъ государственной непредусмотрительности.

П. А. Тверской.

1-ое октября 1898.

Лосъ Анжелесъ, Калифорнія.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1898.

— Памятники древняго русскаго зодчества. Изданіе Импер. Академіи Художествъ. Составилъ академикъ В. В. Сусловъ. Четыре выпуска. Спб. 1895—98.

Изученіе русской древности, въ разныхъ ея сторонахъ, за послѣднее время привлекаетъ не мало ученыхъ и любителей и обѣщаетъ въ послѣдствіи принести свои поучительные результаты; нельзя однако не пожалѣть, что до сихъ поръ эти изученія все еще остаются слишкомъ отрывочны: нѣтъ обыкновенно какихъ-либо общихъ обзорѣній, которыя изложили бы тотъ или другой отдѣлъ русской археологіи въ цѣломъ составѣ—по крайней мѣрѣ настолько, насколько достигли того изслѣдованія въ настоящее время. Немногіе опыты цѣльныхъ изложеній (гр. Уварова—о каменномъ вѣкѣ, г. Полевого-Замысловскаго, г. Кондакова и гр. Толстого, г. Покровскаго, Забѣлина и др.), большей частью остаются незаконченными или только намѣченными. Археологи-специалисты обыкновенно (что по складу ихъ работы весьма естественно) увлекаются тѣмъ частнымъ отдѣломъ предмета, которымъ заняты, и пугаются обобщеній, потому что имъ больше чѣмъ кому другому бываютъ видны недослѣдованные пункты; пробѣлы въ самомъ фактическомъ матеріалѣ дѣлаютъ общій выводъ рискованнымъ, и это ихъ устрашаетъ,—они довольствуются изслѣдованіемъ частныхъ вопросовъ.

Это положеніе вещей имѣетъ однако свои весьма прискорбныя послѣдствія, которыя отражаются на самомъ существѣ дѣла. Археологія, оставаясь собраніемъ чисто специальныхъ изслѣдованій, не обобщеннымъ до такой цѣльности (хотя бы въ извѣстныхъ отдѣлахъ), чтобы стать доступной обыкновенному образованному человѣку, пребываетъ достояніемъ исключительнаго круга специалистовъ и любителей, и отсюда получается, или поддерживается, то невѣжественное отношеніе къ самымъ предметамъ древности, на которое слышатся

постоянныя жалобы археологовъ, а при такомъ отношеніи—гибель самыхъ древностей... Русскія древности вообще сохранились мало; но и то сравнительно древнее, что уцѣлѣло, продолжаетъ исчезать на нашихъ глазахъ: старыя зданія „реставрируются“ такъ, что отъ старины не сохраняется даже и слѣда, и, напр., вмѣсто оригинальнаго архаическаго зданія получается новѣйшій глупый сарай; фрески замазываются штукатуркой или замѣняются рыночною „живописью“; древнія рукописи еще не такъ давно выкидывались изъ монастырскихъ книгохранилищъ какъ ненужный хламъ и т. п. Такъ происходило и происходитъ не только въ захолустьяхъ, но и въ большихъ центрахъ: въ киево-печерской лаврѣ произведены въ послѣднее время „реставраціи“, вслѣдствіе которыхъ нѣсколько любопытныхъ и характерныхъ памятниковъ старины исчезло.

Въ этомъ положеніи вещей особеннаго сочувствія заслуживаютъ археологическіе труды, въ которыхъ имѣется въ виду изслѣдованіе извѣстнаго цѣльнаго отдѣла нашей древности, не только описаніе, но и изображеніе, которое на худой конецъ можетъ сохранить видъ памятника, какъ онъ дожилъ до нашихъ дней. Подобный трудъ предпринялъ г. Сусловъ по изученію русскаго сѣвернаго зодчества,—трудъ, который онъ ведетъ постоянно уже многіе годы. Первымъ приступомъ къ этой работѣ была, если не ошибаемся, небольшая книжка: „Матеріалы къ исторіи древней новгородско-псковской архитектуры“ (1888). Этотъ предметъ уже занималъ нашихъ археологовъ, но г. Сусловъ, повидимому, нашелъ въ прежнихъ трудахъ мало опоры для своихъ изысканій. „Въ отношеніи новгородско-псковской архитектуры,—говорилъ онъ,—правда, существуютъ общіе взгляды на внѣшнія типичныя стороны памятниковъ, но затѣмъ, въ виду простыхъ формъ и повторенія ихъ въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, вопросъ о новгородско-псковской архитектурѣ считался законченнымъ. Между тѣмъ, кромѣ развѣ общаго (и то гадательнаго) плана новгородско-софійскаго собора, мы почти ничего не знаемъ о тѣхъ архитектурныхъ формахъ, которыя были принесены въ Новгородъ изъ Греціи, и о томъ, какимъ образомъ получился извѣстный типъ новгородско-псковскихъ церквей XIV и XV ст., т.-е. при какихъ условіяхъ появлялись тѣ или другія формы, то или иное ихъ развитіе“.

Въ этомъ первомъ трудѣ авторъ хотѣлъ только въ видѣ опыта намѣтить тотъ ходъ архитектуры, гдѣ „съ появленія византійскихъ формъ входили элементы запада и, соединяясь съ народнымъ творчествомъ, смѣшивались въ зависимости отъ практическихъ условій жизни новгородцевъ“. Авторъ говорилъ здѣсь только о каменной церковной архитектурѣ по сохранившимся памятникамъ, не касаясь деревянныхъ церквей, гражданской и крѣпостной архитектуры, живо-

писи, рѣзбы, чеканки и пр. Описавъ архитектурныя особенности древнѣйшихъ новгородскихъ и псковскихъ церквей, авторъ находитъ, что это зодчество всегда искало своей самостоятельности, и хотя потомъ, въ XIV—XV вѣкѣ, когда установился извѣстный шаблонный типъ церквей и зодчество почти не развивалось, то внутреннее искусство, производство разныхъ церковныхъ вещей (рѣзба по дереву, чеканка и пр.), „видимо шло довольно смѣло, и если заносились какія-либо новыя формы, всѣ онѣ получали какой-то своеобразный русскій оттѣнок“. Съ упадкомъ общинной жизни Новгорода, когда наконецъ прекратилась самостоятельность Новгорода, измѣнился и самый ходъ искусства: начинаются громадныя выселенія изъ Новгорода, изъ Москвы являются намѣстники и владыки, и новгородская архитектура получаетъ характеръ московской. Чтѣ же стало съ новгородскими и псковскими мастерами? Одни,—говоритъ г. Сусловъ,—бѣгутъ цѣлыми артелями на сѣверныя окраины и продолжаютъ главнымъ образомъ деревянную плотничную архитектуру; другіе, лучшія силы, требуются на каменную работу въ Москву. „Всѣ лучшія вещи Новгорода, а затѣмъ и Пскова, потянулись цѣлыми возами въ Москву. Последняя, съ уничтоженіемъ татарскаго ига, вызываетъ къ себѣ разныхъ художниковъ и обстраивается съ какимъ-то лихорадочнымъ воодушевленіемъ. Вотъ здѣсь-то и сталкиваются лицомъ къ лицу два сильныхъ направленія искусства—одно чисто народное, выразившееся во многихъ чертахъ новгородско-псковской каменной архитектуры и въ деревянныхъ постройкахъ со всевозможною рѣзбою по дереву, а другое—въ цѣлой массѣ различныхъ вліяній византійско-ломбардской архитектуры, и все, чтѣ родилось и воспиталось на нашей почвѣ, дало блестящій рѣшительный ударъ наноснымъ формамъ и съ могучей силой выступаетъ на арену самостоятельной жизни. Не мудрено, что въ XVI ст. столько скопилось у насъ новыхъ конструктивныхъ и художественныхъ формъ среди продолжавшагося тогда владимиро-суздальскаго зодчества, что подъ первыми же руками талантливаго художника является та комбинація архитектурныхъ формъ, которая весьма полно и оригинально вылилась въ церковь Василия Блаженнаго. И какъ только этотъ блестящій починъ величественно поднялся среди другихъ искусствъ, то народное творчество, боявшееся сначала показаться въ ряду окружающихъ насъ тогда иноземныхъ формъ, съ этихъ поръ начинаетъ окончательную борьбу за самостоятельность и съ полнымъ успѣхомъ выходитъ на свою давно желанную дорогу. Новгородско-псковскіе мастера начали припоминать, что въ ихъ новыхъ каменныхъ работахъ выходятъ какіе-то знакомые, давно родные имъ мотивы, и мы видимъ, что въ XVI и XVII вѣкахъ по всей

Руси великой пошло одно, такъ сказать, органически сложившееся національное русское искусство“.

Въ 1889 является новый рядъ трудовъ г. Суслова. Во-первыхъ, „Очерки по исторіи древне-русскаго зодчества“ (съ 16-ю таблицами и 21 рисункомъ въ текстѣ). Здѣсь собраны различныя наблюденія и изученія автора во время путешествій автора на сѣверѣ, востокѣ и югѣ Россіи, которыя отчасти возвращаются и къ прежней его темѣ. Въ „Очеркахъ“ помѣщены статьи: Взглядъ на одну изъ формъ наружнаго покрытія древне-русскихъ церквей,—результатъ изслѣдованій, сдѣланныхъ совмѣстно съ Н. В. Никитинымъ и А. М. Павлиновымъ при научной экскурсіи членовъ VII археологическаго сѣзда въ Ростовъ; Памятники древней деревянной архитектуры въ южной Россіи; Замѣтки о калмыцкихъ и древне-русскихъ постройкахъ (въ Астрахани, Казани, Нижнемъ-Новгородѣ, Владимірѣ, Суздальѣ, Юрьевѣ-Польскомъ); О древнихъ деревянныхъ постройкахъ сѣверныхъ окраинъ Россіи,—а именно въ архангельской и вологодской губерніяхъ; Древніе соборы въ г. Романовѣ-Борисоглѣбскѣ.

Въ книгѣ: „Путевыя замѣтки о сѣверѣ Россіи и Норвегіи“ (1888—1889), г. Сусловъ разсказываетъ о новомъ путешествіи для изслѣдованій о сѣверно-русскомъ искусствѣ, особливо зодествѣ. Цѣлью путешествія были архангельская и олонецкая губерніи, но авторъ выбралъ путь черезъ Швецію и Норвегію, не безъ особаго предположенія, а именно: авторъ хотѣлъ „познакомиться съ древнимъ искусствомъ сосѣдней страны и получить ясное представленіе, поскольку оно имѣло отношеніе къ нашему сѣверному искусству“. Путешествіе въ Скандинавіи было непродолжительно: въ Стокгольмѣ авторъ осмотрѣлъ „Сѣверный музей“ и затѣмъ отправился по желѣзной дорогѣ въ Дронтгеймъ, потомъ въ Вардэ и оттуда въ Колу. Въ стокгольмскомъ музеѣ г. Сусловъ обратилъ особенное вниманіе на старинные бытовые предметы, и нашелъ, что эти предметы (какъ, напр., ящики, пряжки, кружки и т. п.) „въ высшей степени интересны не только по своимъ сложнымъ и весьма художественнымъ украшеніямъ, но и потому, что они имѣютъ (въ рѣзбѣ по дереву) поразительное сходство съ подобными вещами въ нашемъ поморьѣ; тѣ и другія имѣютъ почти одинаковыя формы и основныя линіи орнаментовъ, состоящихъ почти исключительно изъ геометрическихъ фигуръ, комбинирующихся въ различныя розетки, пояски, рамки и т. п.“. Точно также „въ характерѣ древней шведско-норвежской мебели чувствуется много общаго съ нашею древней деревянной мебелью“, и вообще относительно подобныхъ домашнихъ вещей между скандинавскими вещами музея и нашими сѣверными и „въ общихъ формахъ, и въ орнаментистикѣ, почти не увидимъ разницы“. Между тѣмъ, въ памятникахъ

церковной архитектуры между двумя странами нѣтъ ничего общаго, и въ орнаментѣ скандинавской архитектуры можно замѣтить два направления: одно—сходное съ нашимъ сѣвернымъ, другое—извѣстное подъ именемъ собственно „скандинавскаго“, состоящаго изъ густыхъ растительныхъ сплетеній и фантастическихъ животныхъ. Такъ какъ въ искусствѣ нашего сѣвера этого различія незамѣтно, то г. Сусловъ дѣлаетъ такое предположеніе: церковная скандинавская архитектура была заимствована съ Запада, а орнаментика была унаслѣдована отъ древности; при этомъ, тотъ разрядъ украшеній, который сходенъ съ нашимъ сѣвернымъ, „по всѣмъ вѣроятіямъ явился въ Скандинавіи позднѣе, чѣмъ у насъ, такъ какъ онъ *болѣе распространенъ* въ русскомъ искусствѣ. Это отчасти подтверждается и тѣмъ, что новгородцы еще въ IX вѣкѣ (?) славились рѣзбою по дереву“. Это заключеніе, намекающее на заимствованіе, остается однако весьма гадательнымъ.

Переходя къ нашему сѣверу, авторъ не ограничивается архитектурными описаніями, но передаетъ также черты сѣвернаго быта, поморскихъ промысловъ, способовъ передвиженія (весьма первобытныхъ), рассказываетъ о Печенгскомъ и Соловецкомъ монастыряхъ, и т. д. Въ рисункахъ встрѣчаются изображенія нѣсколькихъ оригинальныхъ деревянныхъ церквей и образчики мѣстнаго пейзажа. На пути, въ архангельской и олонецкой губерніяхъ, снято было много фотографій, приобрѣтены мѣстныя фотографіи видовъ, типовъ и древностей Соловецкаго монастыря,—и въ научномъ интересѣ сдѣланы для Академіи художествъ подробные рисунки (планы, фасады, разрѣзы, частію реставраціи) наиболѣе замѣчательныхъ памятниковъ архитектурной древности.

Въ своемъ первомъ трудѣ, специальномъ очеркѣ памятниковъ, г. Сусловъ сопроводилъ текстъ однѣми „таблицами“ (между прочимъ на черномъ фонѣ, весьма нечеткими) съ мелкими изображеніями и архитектурными намеками; въ послѣдующихъ книгахъ онъ даетъ отчетливые рисунки.

Въ 1896 г. онъ принялъ участіе въ изслѣдованіи древностей города Ладоги, Н. Е. Бранденбурга: „Старая Ладога“, гдѣ г. Суслову принадлежать рисунки и техническое описаніе.

Наконецъ, самымъ крупнымъ трудомъ по древне-русскому зодчеству, гдѣ г. Сусловъ принялъ участіе, является новѣйшее изданіе Академіи художествъ, заглавіе котораго мы привели въ началѣ. Это—цѣлое обширное предпріятіе, основанное на матеріалахъ Академіи и составляемое подъ редакціею г. Суслова. Въ предисловіи къ „Памятникамъ древняго русскаго зодчества“ мы читаемъ:

„Изданіе памятниковъ древняго русскаго зодчества вызвано, съ одной стороны, интересомъ нашего общества къ возрождающейся оте-

чественной архитектурѣ, а съ другой—значительнымъ скопленіемъ въ Академіи матеріала по этому вопросу, собраннаго ея бывшими воспитанниками. Въ виду возрастающаго съ каждымъ годомъ числа построекъ въ русскомъ стилѣ, сама собою возникла потребность къ болѣе широкому изученію нашихъ древнихъ памятниковъ зодчества; между тѣмъ, опубликованный матеріалъ въ этой области является весьма недостаточнымъ. Удовлетворительное изданіе памятниковъ русской старины должно несомнѣнно благотворно отозваться на серьезномъ ознакомленіи съ ними, а также и на правильномъ развитіи современной русской архитектуры“.

Академія Художествъ начала заботиться объ изученіи отечественной старины со вступленіемъ въ президенты ея А. Н. Оленина (1817—1840), который, какъ извѣстно, между прочимъ былъ и любителемъ археологіи. Съ этою цѣлью посылались отъ Академіи художники въ различныя губерніи Россіи для собиранія древностей и воспроизведенія въ рисункахъ выдающихся древнихъ памятниковъ искусства. Такимъ образомъ составились обширныя коллекціи рисунковъ; но, за немногими исключеніями, эти рисунки оставались неизданными и мало доступными даже для специалистовъ.

„Художественный матеріалъ по древне-русскому искусству, имѣющийся въ распоряженіи Академіи, состоитъ изъ трудовъ слѣдующихъ лицъ: Рихтера, Горностаевыхъ, Мартынова, Даля, Леонова, Веселовскаго, Павлинова, Сулова, Соловьева, Преображенскаго и Авдѣева.

„Работы означенныхъ лицъ въ количествѣ болѣе 800 листовъ, не считая альбомные наброски, касаются разныхъ памятниковъ русскаго искусства, сохранившихся преимущественно въ среднихъ и сѣверныхъ губерніяхъ. Лишь незначительная часть этого матеріала была обнаружена въ спеціальныхъ изданіяхъ и въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ. Сознательная настоятельную потребность въ опубликованіи означенныхъ работъ, Совѣтъ Императорской Академіи Художествъ, съ утвержденія ея Августѣйшаго Президента, постановилъ въ 1892 г. приступить къ изданію академическаго собранія рисунковъ по древне-русскому искусству и поручить это дѣло академику В. В. Сулову. Вмѣстѣ съ этимъ была образована особая коммиссія для разрѣшенія главныхъ вопросовъ по изданію.

„Исслѣдованіе нашихъ древнихъ памятниковъ искусства въ началѣ, очевидно, не могло имѣть общей системы, а потому и собранный матеріалъ представляется до извѣстной степени отрывочнымъ. Вслѣдствіе этого предполагается издавать памятники въ видѣ сборника художественнаго матеріала. Въ составъ каждаго выпуска изданія будутъ входить: каменные и деревянные церковныя сооруженія, камен-

ныя и деревянныя частныя постройки, стѣнная церковная иконопись, орнаментальная роспись, раскраска изразцовъ и архитектурныхъ частей зданій, образцы металлическаго производства, рѣзного и пр.

„Памятники со старинной раскраской или живописью предположено издавать хромофотографіею, остальные—гелиографіею.

„Каждый издаваемый памятникъ будетъ сопровождаться краткимъ пояснительнымъ текстомъ, касающимся лишь фактическихъ свѣдѣній о немъ“.

Таковъ планъ. До сихъ поръ вышло четыре выпуска. Изданіе—въ форматѣ большого листа, принятомъ для художественныхъ изданій; рисунки—прекрасно исполненные, большинство въ краскахъ, передающихъ древнія росписи и изразцовыя украшенія и т. п.; рисунки сопровождаются отдѣльными листами объяснительнаго текста (составляемаго г. Суловымъ), гдѣ сообщаются историческія свѣдѣнія о памятникѣ и даются архитектурныя описанія.

Весь этотъ матеріалъ исполненъ историческаго и художественнаго интереса. Въ четырехъ вышедшихъ выпускахъ помѣщены, напр., слѣдующіе рисунки: каменные церкви (и ихъ отдѣльныя части) въ главнѣйшихъ пунктахъ древняго русскаго зодчества—Москвѣ, Ярославлѣ, Суздаль, Ростовѣ, Переяславлѣ-Залѣсскомъ, Киевской и Троицко-Сергіевской Лаврахъ, Муромѣ, Соликамскѣ, Балахнѣ (нижегородской губ.); гербовыя ворота въ московскомъ Кремлѣ, нынѣ не существующія; деревянныя церкви и частныя деревянныя постройки, дома и избы, изъ архангельской, олонецкой, вологодской, казанской губ.; образцы раскраски и росписи (церковныя своды, галереи, кіоты, деревянные порталы, царское мѣсто и пр.). Это—конечно еще только начало изданія, которому предстоитъ принять обширные размѣры, если оно обниметъ (какъ и было бы должно) всѣ главнѣйшіе памятники стараго русскаго зодчества и смежныхъ искусствъ.

Любители древняго русскаго зодчества ожидаютъ, что его изученіе окажетъ свое дѣйствіе и на „правильное“ развитіе архитектуры современной; эту надежду имѣютъ вообще любители стараго искусства, въ томъ числѣ поэзіи, насколько она сохранилась. Но этотъ вопросъ гораздо болѣе сложенъ, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Вопервыхъ, исторія, которая заставила (у насъ особливо съ XVIII вѣка) забыть о древнемъ искусствѣ, напр. зодествѣ, вовсе не была произвольномъ,—она представляла народненіе новыхъ потребностей практическихъ, новыхъ интересовъ, умственныхъ и художественныхъ, которые были ранѣе невѣдомы и имѣли недаромъ свою притягательную силу. Объемъ знаній несомнѣнно расширялся, и необходимо долженъ былъ возникнуть процессъ переработки старыхъ понятій и броженіе художественныхъ вкусовъ. Такимъ образомъ, „двухъ-вѣковое гоненіе“

(В. Сусловъ, Очерки, 1889, стр. 124) не было однимъ голымъ произволомъ и насиліемъ; если это старое искусство, самобытное и своеобразное, теперь „призвало науку“ (см. тамъ же), то эта наука есть именно новый элементъ, принесенный исторіей. Во-вторыхъ, старое искусство во всякомъ случаѣ отражало въ себѣ бытъ, мировоззрѣніе, настроеніе своего вѣка, которые потомъ не могли не испытать историческихъ измѣненій, и простое возстановленіе старины не отвѣчало бы новому историческому состоянію общества: новое искусство требовало бы не одного повторенія старины. Подражаніе, конечно, возможно, и напр. среди извѣстныхъ привычныхъ формъ старины, въ Москвѣ, Ярославлѣ, Ростовѣ, художественному инстинкту оно можетъ удовлетворять; но простое подражаніе не есть живая дѣятельность искусства. Въ новѣйшей поэзіи подражаніе старымъ формамъ всего чаще бывало неудачно, и поэтическое воссозданіе возможно только для сильныхъ талантовъ; то же конечно и въ другихъ искусствахъ, — но сильный талантъ есть и самостоятельная личность, и художественная сила.

Къ сожалѣнію, цѣна изданія очень высокая, а именно: первый выпускъ, 26 листовъ рисунковъ съ объяснительнымъ текстомъ, стоитъ 16 руб.; второй, 14 листовъ—9 руб.; третій, 15 листовъ—11 руб., и четвертый, 15 листовъ—12 руб., итого—63 руб. Вѣроятно, стоимость исполненія такъ велика, что Академія не могла назначить цѣны болѣе умѣренной; но по крайней мѣрѣ было бы, кажется, возможно облегчить покупку разсрочками, какъ это дѣлается издателями.—А. П.

— Собраніе сочиненій Каронина (Н. Е. Петропавловскаго). Съ портретомъ, факсимиле и біографическимъ очеркомъ. Редакція А. А. Попова. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Два тома. М. 1899.

Настоящее изданіе гораздо полнѣе тѣхъ „Разказовъ“ (1891—92), о которыхъ мы имѣли случай говорить („В. Европы“, 1893). Цѣлый рядъ разказовъ и бытовыхъ очерковъ, не вошедшихъ въ прежній сборникъ, придаетъ настоящему изданію особенный интересъ. Таковы: Деревенскіе нервы; Братья; Путешествія мужиковъ; Свѣтлый праздникъ; Золотоискатели; По Ишиму и Тоболу; Очерки Донецкаго бассейна и др. Новое изданіе любопытно и біографическимъ очеркомъ, который даетъ понятіе о симпатичной личности и тяжелой судьбѣ даровитаго писателя, — но только понятіе, а не ясное и полное представленіе. Вѣроятно, какія-нибудь внѣшнія обстоятельства помѣшали редактору изданія дать болѣе подробную біографію, — но, судя по немногимъ подробностямъ, здѣсь сообщеннымъ, можно видѣть, что эта печальная

біографія можетъ представить характерныя черты какъ личности писателя, такъ и времени, когда ему привелось дѣйствовать.

Каронинъ, или Николай Элпидифоровичъ Петропавловскій (1853—92), былъ самарскій уроженецъ, сынъ деревенскаго священника. Жизнь была скудная, но на лонѣ природы, которая такъ овладѣвала мальчикомъ, что Петропавловскій всегда потомъ тяготился городскою жизнью, и его тянуло въ деревню. Учился онъ въ самарской семинаріи, но перешелъ изъ нея въ гимназію, въ поискахъ за болѣе живымъ преподаваніемъ, — и подъ вліяніемъ товарищескихъ бесѣдъ и чтенія у него стали складываться его жизненные идеалы. „Случайное знакомство съ нѣкоторыми личностями, глубоко преданными народнымъ интересамъ и уже успѣвшими выработать опредѣленную систему убѣжденій, помогло окончательному опредѣленію взглядовъ Петропавловскаго и на его личныя задачи“. Но, прибавляетъ тутъ же біографъ, — „хорошее время, полное надеждъ и кипучей жизни, оказалось непродолжительно. 5 августа 1874 года Петропавловскій долженъ былъ разстаться съ гимназіей, не кончивъ курса, разстаться съ семьей, съ родной деревней, гдѣ онъ проводилъ эти послѣдніе дни. Наступили цѣлые мѣсяцы мытарствъ, въ которые онъ перебивалъ и въ Саратовѣ, и въ Москвѣ, въ самыхъ невозможныхъ и физическихъ, и нравственныхъ условіяхъ, потомъ болѣе 3½ лѣтъ въ Петербургѣ. За эти годы онъ почти не слышалъ близко человѣческаго голоса, не видѣлъ ни одного знакомаго лица, не получалъ даже никакихъ извѣстій отъ своихъ родныхъ, не имѣлъ денегъ... Эти годы онъ цѣликомъ отдалъ задачѣ пополненія знаній и тѣмъ же поискамъ отвѣтовъ на вопросы, которые ставила русская жизнь. Это характерно для Петропавловскаго. Онъ не только никогда не спускался до приспособленія къ „обстоятельствамъ“, но считалъ необходимымъ всякія обстоятельства, каковы бы они ни были, приспособлять къ себѣ и къ своимъ задачамъ. Перечиталъ онъ за это время массу, изучилъ французскій и англійскій языки“.

Такимъ образомъ, онъ былъ еще юношей, когда ему пришлось переживать эти тяжкія испытанія. Очень жаль, что біографъ не нашелъ возможности яснѣе рассказать эти событія: въ нихъ очевидно заключаются факты, которые со всею точностью опредѣлили бы міровоззрѣніе и особенности писателя — очень характернаго для цѣлаго отдѣла нашей повѣсти.

Но и тѣмъ, что указано, не окончились тяжелые опыты Петропавловскаго. Съ 1878 г. онъ могъ уже подумать объ устройствѣ своей жизни. Онъ остался въ Петербургѣ, существовалъ случайной работой, сталъ семьяниномъ, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ „разцвѣтавшая было надежда и свѣтлая полоска, пробившаяся въ его жизнь, опять

зачеркнуты. Опять годы разлуки съ женой, съ друзьями и товарищами... Они были для него гораздо мучительнѣе недавняго, только было-кончившагося тоже нелегкаго времени, и, несмотря на это, они опять были шагомъ впередъ въ его внутреннемъ развитіи. Онъ продолжалъ лихорадочно работать, спѣша пользоваться каждою минутой. Въ это время онъ окончательно рѣшилъ посвятить себя литературѣ и написалъ свои первые рассказы“...

Въ декабрѣ 1880 г. онъ, по словамъ біографа, получилъ на нѣкоторое время возможность жить „въ этихъ совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ“. Онъ жилъ въ Петербургѣ и въ деревнѣ, а затѣмъ (повидимому, въ концѣ 1881) ему пришлось надолго поѣхать въ тобольскую губернію, гдѣ онъ два года прожилъ въ Курганѣ и три года въ Ишимѣ. Это опять были годы настоящаго бѣдствія. „Чисто личные обстоятельства, — говоритъ біографъ, — у него сложились крайне тяжелыя, какихъ онъ раньше въ такой мѣрѣ не зналъ: онъ съ семьей страшно нуждался, потому что прекратилась возможность зарабатывать средства къ жизни. Его литературная работа въ журналѣ, гдѣ онъ считалъ-было себя постояннымъ сотрудникомъ, случайно оборвалась... Нужно было отыскивать другое литературное пристанище, что ему было не легко при той полной опредѣленности его міросозерцанія и той требовательности къ литературному дѣлу, какими онъ отличался. Литература всегда была для него храмомъ. Теперь приходилось идти на улицу“. Біографъ подразумѣвалъ, конечно, случившееся тогда запрещеніе „Отечественныхъ Записокъ“. Дальше біографъ говоритъ: „Знавшіе его въ то время говорятъ прямо, что это была „ужасная“ жизнь, такая жизнь, въ которой и очень сильные люди падаютъ духомъ и разбиваются. Эти годы легли самою тяжелою гирей на тотъ грузъ, который началъ съ самой цвѣтущей поры человѣческой жизни тянуть его въ могилу. Гиря росла, постепенно надламывая его слабое тѣло“.

Одинъ собратъ по литературѣ видѣлъ Петропавловскаго въ Ишимѣ, и еще въ началѣ его пребыванія здѣсь изображаетъ его слѣдующимъ образомъ:

„Это былъ уже не бодрый, свѣжій юноша, а вполне сложившійся человѣкъ, писатель съ опредѣленной физиономіей и установившеюся репутацией, только по прежнему ласковый, добрый, до женственности деликатный, съ тѣми же скорбно-вдумчивыми глазами, съ тою же улыбкой, которая всегда чаровала всѣхъ. Но была въ немъ и разительная перемена: онъ казался совсѣмъ изможденнымъ, совсѣмъ больнымъ, — до того былъ онъ худъ и блѣденъ; первая мысль при взглядѣ на него была мысль о зломъ недугѣ, о послѣдней степени чахотки.“

Но тогда ея еще не было,—все это было продуктомъ въ конецъ почти разбитыхъ, истерзанныхъ нервовъ“.

Въ это время онъ сдѣлалъ между прочимъ описаніе южныхъ округовъ тобольской губерніи, за которое ему присуждена была премія отъ Западнаго Отдѣла Географическаго Общества.

Только въ половинѣ 1886 г. онъ получилъ возможность вернуться на родину, жилъ и работалъ въ Казани, Екатеринбургѣ и на уральскихъ заводахъ, въ Нижнемъ-Новгородѣ. Эти первые годы по выѣздѣ изъ Ишима заняты были поисками „такого угла, гдѣ онъ могъ бы чувствовать себя спокойно и выбиться изъ постоянной необезпеченности“; но нужда не покидала его. Съ 1889 года онъ поселился въ Саратовѣ, гдѣ его матеріальное положеніе стало нѣсколько лучше; ему удалось позить и въ любимой имъ деревнѣ. Лѣто 1891 онъ прожилъ въ Святыхъ-горахъ, въ харьковской губерніи, и здѣсь началась болѣзнь, горловая чахотка, которая свела его въ могилу въ маѣ 1892.

Очень любопытно то, что сообщаетъ тотъ же знакомецъ Петропавловскаго объ его литературныхъ взглядахъ. „Петропавловскій отстаивалъ положеніе, что намъ, беллетристамъ, пора оставить одни *типы людей*, которыхъ наберется у насъ цѣлая портретная галерея, а изображать одни *типы общественныхъ явленій*, пользуясь для этого людскими типами лишь какъ средствомъ, очерчивая ихъ слегка, поскольку это нужно для главной цѣли. Онъ думалъ, что каждая общественная эпоха опредѣляетъ собою характеръ и рамки творчества, налагаетъ на художника свои обязанности и задачи. И, прилагая это положеніе къ данному моменту, онъ также горячо отстаивалъ мысль, что задача современнаго художника сводится къ тому, чтобы, главнымъ образомъ, будить и шевелить чувства читателя, а не давать ему одно спокойно-объективное изображеніе. Теорій, схемъ, положеній, портретныхъ типовъ—собрано уже много, но мало и плохо *чувствуется*, —чувство не развилось еще или спить, и нужно будить его картиной, не гоняясь за детальною обрисовкой отдѣльныхъ чертъ каждаго лица, за протокольною правдой явленія или отдѣльнаго типа“.

Самъ Каронинъ, какъ и нѣсколько другихъ писателей его поколѣнія, дѣйствительно стремились къ тому, чтобы ихъ произведенія будили чувство читателя изображеніемъ общественныхъ явленій, т. е. вмѣстѣ съ „чувствомъ“ будили и его общественное сознаніе. Самъ писатель такимъ тяжкимъ опытомъ извѣдалъ явленіе общественной жизни, такъ болѣзненно ощутилъ ихъ противорѣчіе съ идеаломъ, и лично былъ такъ исполненъ мягкимъ любящимъ чувствомъ къ народу и народной жизни, что естественно долженъ былъ придти къ упомянутому выводу. Онъ не могъ не думать, что писатель не исполняетъ своего „долга“, если даетъ читателю только такъ называемыя „объектив-

ныя“ произведенія, т.-е. произведенія безразличныя, художественныя анекдоты, изъ которыхъ ничего не слѣдуетъ для его нравственнаго сознанія и для пониманія той общественности, гдѣ онъ живетъ и дѣйствуетъ,—и можетъ дѣйствовать хорошо или очень худо.

Итакъ, это—опять вопросъ о „чистомъ“ искусствѣ, которому такъ несправедливо противопоставляютъ искусство „тенденціозное“. Не говоря о томъ, что едва ли когда-нибудь, въ вѣчномъ историческомъ броженіи и въ вѣчныхъ волненіяхъ самой личной жизни, могло существовать дѣйствительное „чистое“ (т.-е. отвлеченное отъ жизни) искусство,—относительно того, о чемъ думалъ Каронинъ, едва ли справедливо было бы сказать, что онъ искалъ „тенденціознаго“ искусства. Онъ искалъ только болѣе серьезнаго пониманія писателями той жизни, которую они трудятся изображать; онъ искалъ настоящаго искусства, которое не ограничивалось бы поверхностью и анекдотической стороной дѣйствительности и, напротивъ, умѣло бы понять и изобразить жизнь въ ея глубокомъ смыслѣ, который не остался бы для читателя безразличнымъ. Русская литература имѣла уже великаго писателя, который такъ понялъ значеніе искусства; надо было только напомнить это пониманіе и развить его дальше, въ примѣненіи къ наступившимъ новымъ явленіямъ нашей общественной исторіи.

— А. А. Кауфманъ. Къ вопросу о причинахъ и вѣроятной будущности русскихъ переселеній. М. 1898.

Г-нъ Кауфманъ ставитъ вопросъ, давно занимающій и правительство, и специалистовъ политической экономіи и русскаго народнаго быта и хозяйства, и рѣшаемый весьма различнымъ, даже прямо противоположнымъ образомъ. Взгляды автора на мудреный вопросъ заслуживаютъ тѣмъ больше вниманія, что авторъ не есть ни кабинетный теоретикъ, ни энтузіастъ-народникъ, а изслѣдователь, положившій не мало труда на изученіе народнаго хозяйства въ западной Сибири: его многотомныя изслѣдованія въ этой области представляютъ крупную авторитетную работу. Въ самомъ началѣ настоящаго разсужденія г. Кауфманъ устраняетъ оба весьма распространенные взгляда на народныя переселенія: одинъ, оптимистическій, который видитъ въ переселеніяхъ „проявленіе особо присущихъ русскому народу колонизаторскихъ способностей, помогшихъ русскому сѣрому зипуну приобщить къ культурѣ такія разнообразныя мѣстности, какъ архангельскій сѣверъ и кубанскія степи, какъ амурская тайга и предгорья Тянь-Шаня“; и другой взглядъ, пессимистическій, по которому переселенія представляютъ „явленіе отрицательное, продуктъ некультур-

ности и инертности нашей земледѣльческой массы, мало того—даже продуктъ какихъ-то особенныхъ, характеризующихъ русскаго мужика бродяжескихъ инстинктовъ“. Г-нъ Кауфманъ не считаетъ нашихъ переселеній какой-нибудь именно русской особенностью. Правда, цифра всѣхъ нашихъ переселеній статистически точно не опредѣлена, но главная масса идетъ въ Сибирь, и здѣсь есть достаточно точныя данныя; собравъ ихъ, г. Кауфманъ находитъ, что когда въ Россіи за 18 лѣтъ (по 1896 годъ) переселилось до 2% стомилліоннаго населенія, въ одни Сѣверо-Американскіе Штаты за 24 года (съ 1871 по 1894) переселилось изъ Великобританіи, Германіи и Швеціи до 8, 5 и 12 процентовъ всего ихъ населенія. Далѣе, между западными и русскими переселеніями есть существенная разница: въ то время, какъ первыя представляютъ собою именно эмиграцію, т.-е. выселеніе, удаленіе изъ страны, вторыя являются только разселеніемъ, передвиженіемъ въ предѣлахъ одного государства.

Причиною переселеній полагается обыкновенно малоземелье, недостаточность надѣловъ; но авторъ объясняетъ, что это обстоятельство надо понимать весьма относительно: переселяются вовсе не одни обездоленные бѣдняки, но и зажиточные хозяева; и надѣлы не были бы недостаточны—при другомъ способѣ хозяйства. Авторъ именно думаетъ, что переселеніе вообще—„результатъ одной и той же основной причины: относительнаго, *при данной системѣ хозяйства и полеводства*, перенаселенія и проистекающаго изъ него малоземелья, и *кризиса* существующей въ той или другой мѣстности *системы* хозяйства и полеводства“... „Данная густота населенія не позволяетъ продолжать вести, въ данной мѣстности, хозяйства на установившихся издавна основаніяхъ: населеніе должно либо перейти къ болѣе интенсивной культурѣ, соотвѣтствующей данной степени густоты населенія, либо искать большаго простора и возможности продолжать вести хозяйство на прежнихъ основаніяхъ. Переселенцы выбираютъ послѣдній исходъ“...

Авторъ считаетъ это очень естественнымъ, такъ какъ во всякомъ хозяйствѣ прежде, чѣмъ переходить къ новымъ болѣе сложнымъ, а также и болѣе дорогимъ формамъ веденія дѣла, бываетъ стремленіе удерживать до послѣдней возможности старыя приемы, но главное: „для того, чтобы перейти къ болѣе высокой культурѣ, недостаточно одной *необходимости* въ такомъ переходѣ; нужно еще *сознаніе* этой необходимости, нужна и *возможность* произвести необходимую реформу въ своемъ хозяйствѣ—другими словами, нужны соотвѣтствующіе знанія и капиталъ; не обладая ни тѣмъ, ни другимъ, крестьянинъ видитъ передъ собою, въ сущности, одинъ исходъ—переселеніе“...

Авторъ останавливается потомъ на различныхъ подробностяхъ

предмета, указываетъ прежнія мѣры самого правительства о переселеніяхъ государственныхъ крестьянъ въ министерство Киселева, для болѣе равномернаго распредѣленія населенія и земли; отмѣчаетъ различные взгляды самой власти на вопросъ за послѣднее время; дѣлаетъ, наконецъ, любопытныя соображенія о количествѣ „свободныхъ“ земель, способныхъ принять новое населеніе въ Сибири, и т. д. Относительно послѣдняго, г. Кауфманъ опять расходится съ общераспространенными мнѣніями. А именно: до сихъ поръ продолжаютъ говорить объ „огромномъ выборѣ земель“ для переселенца въ Сибирь. Такъ писалъ Ядринцевъ, по мнѣнію котораго Сибирь можетъ пропитать болѣе 50 милліоновъ населенія; г. Исаевъ думалъ, что въ тобольской и томской губерніяхъ можетъ вновь поселиться до 6—6½ милліоновъ жителей; публицистъ журнала „Русская Мысль“ насчитывалъ, что Сибирь можетъ помѣстить до 100 милліоновъ населенія. Мѣстные изслѣдователи еще съ конца восьмидесятыхъ годовъ предостерегали противъ этихъ широкихъ расчетовъ и указывали, что громадная площадь даже культурной полосы Сибири занята необитаемыми горными странами, огромными болотами, безводными степями и непроходимыми дѣбрями, и что во многихъ изъ населенныхъ теперь районовъ, удобныхъ для культуры, уже замѣчаются признаки „перенаселенія“, конечно относительнаго, — и г. Кауфманъ вполне соглашается съ справедливостью этихъ предостереженій. „Какъ ни дико, — говоритъ онъ, — звучитъ фраза: „въ Сибири мало земли“, въ Сибири съ ея 12 милліонами квадратныхъ верстъ, — тѣмъ не менѣе пришлось убѣдиться въ томъ, что въ Сибири земли дѣйствительно мало: тѣ 5,6, можетъ быть 7 милліоновъ десятинъ, на заселеніе которыхъ можно, въ лучшемъ случаѣ рассчитывать въ ближайшемъ будущемъ, это — ничего въ сравненіи съ тѣми надеждами, которыя возлагались на Сибирь, ничего въ сравненіи съ тѣмъ количествомъ земли, какое было бы необходимо для дѣйствительно широкой постановки переселенческаго дѣла, — для того, чтобы отливъ переселенцевъ могъ серьезно отразиться на хозяйственной жизни сельскаго населенія Европейской Россіи“. Конечно, съ теченіемъ времени условія будутъ измѣняться и улучшаться: болота будутъ осушаемы, дѣбри будутъ расчищены и область населеній расширится, — но все это потребуетъ очень много времени, и все-таки „эти районы будутъ, сравнительно, очень невелики, ростъ колонизаціонной площади будетъ очень медленнымъ и никоимъ образомъ не дастъ права рассчитывать на возможность широкой, т. е. быстрой колонизаціи“.

Общій результатъ переселеній г. Кауфманъ находитъ достаточно благоприятнымъ, — но замѣчаетъ, что это заключеніе требуетъ значительныхъ оговорокъ. Благоприятный результатъ можетъ быть при-

знанъ относительно раньше прибывшихъ переселенцевъ, которые поселялись въ лучшихъ мѣстностяхъ; но этого результата нельзя при-мѣнять къ нынѣшнимъ, а особенно къ *будущимъ* переселенцамъ. Давно замѣчено, что переселенцы, оставаясь въ Сибири, уже начинали мѣнять мѣста осѣлости, и въ послѣднее время эти переходы становятся все чаще. Такъ, съ 1880 по 1889, переселенцы, мѣнявшие мѣста, составляли 9 процентовъ; въ 1890 ихъ было уже 17, въ 1892 году—23; въ 1893 г.—27 процентовъ. „Но,—говоритъ авторъ,—еще болѣе неопровержимымъ доказательствомъ возрастающей рискованности переселеній, какъ результата *ухудшающихся* условий водворенія, является растущее въ ужасающей прогрессіи *обратное* переселеніе. А именно, авторъ приводитъ такія цифры: съ 1885 по 1893 въ Россію вернулось изъ Сибири около $3\frac{1}{2}$ процентовъ изъ общаго числа переселенцевъ этого періода, между тѣмъ какъ въ 1896 г. такихъ обратныхъ переселенцевъ изъ Сибири было уже почти 40 процентовъ! Бывали, конечно, частныя причины такихъ возвращеній—тоска по родинѣ, неумѣнье взяться за дѣло на новомъ мѣстѣ; но „въ *массѣ* случаевъ обратное переселеніе—несомнѣнный показатель возрастающей трудности отысканія подходящаго мѣста для поселенія и необходимыхъ для прочнаго обзаведенія условий“.

Въ результатѣ своихъ соображеній о роли переселеній въ общемъ ходѣ русскаго народнаго хозяйства авторъ приходитъ къ заключенію, что переселеніе есть не болѣе какъ жалкій палліативъ, который можетъ только задержать неизбѣжный кризисъ въ хозяйственномъ и культурномъ развитіи страны: этотъ палліативъ можетъ быть до нѣкоторой степени полезенъ только при условіи, что одновременно съ нимъ къ уврачеванію страданій народнаго хозяйственнаго организма будутъ приняты, „въ широкомъ масштабѣ“, другія, „болѣе радикальныя“ средства, т.-е. тѣ самыя, о какихъ авторъ говорилъ ранѣе, именно введеніе, вмѣсто прежнихъ первобытныхъ формъ хозяйства, другихъ, болѣе современныхъ, для чего нужны съ одной стороны капиталъ, съ другой—знаніе. Въ своемъ нынѣшнемъ положеніи переселеніе окажетъ, быть можетъ, нѣкоторое улучшеніе въ хозяйствѣ какой-нибудь волости или уѣзда, но по вліянію на общій ходъ народнаго хозяйства оно „представляетъ собою *нуль*“. Переселеніе „безсильно стать *факторомъ* развитія русскаго народнаго хозяйства, а остается лишь болѣзненнымъ *симптомомъ* его ненормальнаго положенія,—наружнымъ страданіемъ, происходящимъ отъ глубокихъ внутреннихъ причинъ“.--Т.

— Коркуновъ, Н. М. Исторія философіи права, второе изданіе. Спб. 1898.

Въ 1896 году появилось первое изданіе „Исторіи философіи права“ проф. Коркунова. Вызванное необходимостью дать слушателямъ учебникъ, первое изданіе носило слѣды спѣшной работы. Талантливому автору не удалось объединить разнообразнаго и обширнаго матеріала въ стройное цѣлое; нѣкоторые отдѣлы были разработаны болѣе подробно, чѣмъ то требовалось общимъ планомъ сочиненія, другіе, напротивъ того, были представлены только въ формѣ бѣглыхъ очерковъ; встрѣчались и фактическіе промахи, столь естественные при спѣшной работѣ. Во второмъ изданіи, въ коемъ удержанъ планъ перваго, существенные недостатки устранены, и потому оно вполне правильно названо „дополненнымъ и переработаннымъ“. Объемъ второго изданія вдвое больше объема перваго. Многіе отдѣлы прибавлены, и матеріалъ представленъ въ болѣе законченной и цѣльной формѣ.

Обратимъ вниманіе на особенности этого курса „Исторіи философіи права“. несомнѣнно самаго удобнаго и приспособленнаго для университетскаго преподаванія изъ всѣхъ русскихъ печатныхъ курсовъ. Курсъ Пялянкевича устарѣлъ; „Очерки исторіи философіи права“ слишкомъ рано умершаго проф. Бершадскаго не доведены до конца и страдаютъ крупными недостатками; превосходный курсъ проф. Б. Н. Чичерина слишкомъ объемистъ (4 тома); такимъ образомъ, съ внѣшней стороны только курсъ проф. Коркунова можетъ служить удобнымъ руководствомъ для студентовъ. Со стороны содержанія, книга проф. Коркунова тоже вполне удовлетворяетъ своему назначенію; въ ней удачно выбранъ матеріалъ, лишнее опущено, необходимое представлено, въ большинствѣ случаевъ, сжато и отчетливо. Особенностью курса служитъ богатство свѣдѣній, заимствованныхъ изъ области права, въ замѣнъ специально философскаго матеріала. Напр., проф. Коркуновъ начинаетъ свой курсъ прямо съ софистовъ, не касаясь предшествовавшей софистамъ греческой и восточной философіи, и это можно только одобрить. Свѣдѣнія, сообщаемыя, напр., проф. Рѣдкинымъ, въ первомъ томѣ его сочиненія, съ такою подробностью, несомнѣнно интересны, но относятся къ общей исторіи философіи,—къ исторіи же философіи права никакого отношенія не имѣютъ. Въ этомъ устраненіи общаго философскаго элемента есть однако и своя опасная сторона: вѣдь преподаваемый предметъ не даромъ называется исторіей „*философіи права*“, т.-е. предполагается существованіе этой связи между исторіей развитія общихъ идей и правовыхъ теорій; эта зависимость съ теченіемъ времени мѣнялась и, можетъ быть, слабѣла, по мѣрѣ того какъ право отграничивалось отъ другихъ сродныхъ ему областей, но она

никогда не исчезала, и безъ ущерба для теоріи права исчезнуть не можетъ. Проф. Коркуновъ въ своемъ талантливомъ введеніи указалъ на особое значеніе для правовѣда изученія исторіи философіи права. „Нельзя понять,—говоритъ онъ,—и положительнаго права, не имѣя понятія о томъ, какими теоретическими воззрѣніями руководствовались люди, созидавшіе обычаи, законодательство, судебную практику“. Это, можетъ быть, слѣдовало выразить еще общѣе: положительнаго права нельзя понять, не зная міровоззрѣнія лицъ, созидавшихъ право. Въ виду этого, въ выборѣ и устраненіи исторіи общихъ идей изъ курса философіи права нуженъ особый тактъ. Ежели усиленіе элемента историко-правового и слѣдуетъ одобрить, то все-же необходимо, чтобы ясно чувствовалась связь между господствующимъ направлениемъ въ философіи и развитіемъ права: „Критика чистаго разума“ Канта непосредственно не имѣла, конечно, вліянія на развитіе права, но г. Коркуновъ, совершенно основательно, рѣшился не обходить молчаніемъ это крупное обвиненіе, ибо косвенно своимъ вліяніемъ философія Канта отразилась и на обработкѣ правовыхъ теорій. „Критикѣ чистаго разума“, однако, проф. Коркуновъ удѣляетъ слишкомъ обширное мѣсто; онъ излагаетъ содержаніе ея болѣе подробно, чѣмъ это дѣлается во многихъ общихъ курсахъ исторіи философіи. Очевидно, что и въ другихъ случаяхъ (какъ, напр., въ эпохѣ возрожденія) слѣдовало выбрать болѣе характерное философское явленіе и показать связь его съ обработкою права; но, къ сожалѣнію, этого не сдѣлано. Благодаря тому, получается впечатлѣніе нѣкоторой пестроты и незаконченности, т.-е. основная мысль проф. Коркунова, что въ изложеніе исторіи философіи права должно внести большее количество чисто правового матеріала, чѣмъ это обыкновенно дѣлается, проведена недостаточно послѣдовательно. Вторая особенность курса проф. Коркунова состоитъ въ томъ, что онъ удѣляетъ много вниманія изученію права въ Россіи и излагаетъ исторію главнѣйшихъ представителей и ихъ идей. И эта особенность заслуживаетъ полнаго одобренія. „Русскому юристу стыдно не знать своихъ предшественниковъ“ (стр. 264), говоритъ проф. Коркуновъ; но ежели слѣдуетъ одобрить такую идею проф. Коркунова, то выполненіе все-же вызываетъ нѣкоторыя замѣчанія. Одна пятая книги посвящена русскимъ правовѣдамъ; не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что идеи русскихъ юристовъ, приводимыя въ книгѣ проф. Коркунова, представляютъ въ большинствѣ случаевъ, за немногими исключеніями, лишь болѣе или менѣе точное воспроизведеніе идей западныхъ ученыхъ философовъ,—поэтому врядъ ли была необходимость въ столь подробномъ изложеніи въ общемъ курсѣ исторіи философіи права. Многія свѣдѣнія, сообщаемыя проф. Коркуновымъ, болѣе любопытны съ точки зрѣнія исторіи куль-

туры; они могли бы найти мѣсто даже въ общей исторіи просвѣщенія Россіи, но не въ курсѣ „Исторіи философіи права“. Такъ, напр., что Дильтей купилъ себѣ, въ 1760 году, въ Москвѣ домъ за 1.800 рублей (286 стр.); что онъ часто являлся нетрезвымъ на лекцію и велъ себя неприличнымъ образомъ (стр. 287), за что и былъ удаленъ изъ университета... все это пусть будетъ интересно, но это вовсе не относится къ исторіи развитія идей философіи права...

Третья особенность курса проф. Коркунова состоитъ въ томъ, что онъ отводитъ весьма ограниченное число страницъ древности (78 стр.), еще меньше—среднимъ вѣкамъ (отъ 79-й стр. до 113), и налегаетъ главнымъ образомъ на новое и новѣйшее движеніе науки. Эта черта, какъ мнѣ кажется, связана съ первой изъ указанныхъ особенностей. Проф. Коркунову кажется необходимымъ изложеніе развитія правовыхъ понятій, и такъ какъ подробный анализъ этихъ понятій принадлежитъ по преимуществу новому времени, то онъ на немъ и останавливается съ особенной тщательностью. Правильна ли эта точка зрѣнія,—объ этомъ можно спорить. Если въ древней философіи и нельзя найти подробнаго разбора многихъ юридическихъ понятій, зато связь ихъ съ основными этическими понятіями болѣе очевидна; если исторія философіи права имѣетъ своей задачей выясненіе основныхъ понятій и исторію развитія ихъ, то объ анализѣ началъ слѣдуетъ особенно заботиться; проф. Коркуновъ держался, очевидно, иного взгляда,—поэтому, въ общемъ, его книга производитъ впечатлѣніе ряда отдѣльныхъ очерковъ, причемъ заботы о томъ, чтобы получилась цѣльная картина развитія,—не замѣтно.

Обратимся теперь къ частностямъ изложенія. Проф. Коркуновъ, мы сказали, прямо начинается философію грековъ съ софистовъ. Слѣдовало бы хоть нѣсколько словъ сказать о предшественникахъ софистовъ, ибо смыслъ софистики замѣчается главнымъ образомъ въ отрицаніи предшествовавшаго развитія греческой мысли; этого отрицанія нельзя по достоинству оцѣнить, не зная, въ чемъ состояло положительное содержаніе ученія предшественниковъ. Благодаря такому началу *ex abrupto*, и философію Платона приходится характеризовать лишь какъ „дальнѣйшее развитіе философіи Сократа“ (стр. 25), въ то время, какъ въ дѣйствительности эта философія представляетъ собою синтезъ всего предшествовавшаго развитія, поведшій Платона далеко за предѣлы Сократовскаго философствованія. Теоретическія воззрѣнія Платона характеризуются слишкомъ бѣгло, ученіе объ идеяхъ недостаточно опредѣлено, зато на политической сторонѣ ученія гениальнаго грека проф. Коркуновъ останавливается подробно, причемъ онъ высказываетъ оригинальное, хотя, какъ мнѣ кажется, и едва ли вѣрное воззрѣніе на Платона. Политическое ученіе Платона обык-

новенно характеризуютъ терминомъ коммунизма. Проф. Коркуновъ, напротивъ, находитъ, что „по внутреннему своему существу учение Платона во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ прамую противоположность коммунизму“; однако, проф. Коркунову удалось лишь указать на то, что мотивы, руководившіе Платономъ, отличны отъ тѣхъ, какими руководствуются нѣкоторые изъ коммунистовъ, по существу же—ихъ ученія принадлежать, несомнѣнно, къ одному и тому же порядку. Учение Аристотеля изложено съ достаточной подробностью и тщаніемъ. Глава II-ая названа: „философскія ученія у римлянъ“, и въ этой главѣ говорится о стоикахъ и римскихъ юристахъ, причемъ, можетъ быть, недостаточно отгѣнено, что римляне не прибавили къ ученію греческихъ стоиковъ ничего принципиально новаго; объ эпикурейцахъ и скептикахъ, этическое учение воихъ имѣетъ значеніе, въ курсѣ проф. Коркунова ничего не говорится; философія среднихъ вѣковъ представлена лишь въ лицѣ Августина и Тома Аквината, причемъ замѣтно, что Тому Аквината проф. Коркуновъ изучалъ по первоисточникамъ. Нѣсколько отрывочное изложеніе уступаетъ мѣсто систематическому лишь начиная съ XVII вѣка; однако и въ новой философіи встрѣчаются нѣкоторые не совсемъ понятные пробѣлы: почему, напр., проф. Коркуновъ говоритъ о Кантѣ и Гегелѣ и не упоминаетъ о Фихте, въ то время какъ система Фихте имѣла по преимуществу этической характеръ, и нѣкоторыя изъ его сочиненій оказали несомнѣнное вліяніе на развитіе воззрѣній на общество и государство; стоить только вспомнить связь теоретическихъ воззрѣній социализма съ ученіями Фихте. Опустивъ Фихте, проф. Коркуновъ въ то же самое время останавливается на французскихъ философахъ начала XIX столѣтія, которые въ общемъ ходѣ этико-юридическихъ понятій значенія не имѣли; напр., имя Кузена заслуживало бы упоминанія только въ очеркѣ развитія историографіи исторіи философіи. Изъ всѣхъ французскихъ философовъ конца XVIII вѣка заслуживаетъ упоминанія безъ сомнѣнія Кондиллякъ, какъ наиболѣе характерный выразитель эпохи непосредственно предшествующей революціи; между тѣмъ, ни о Кондиллякѣ, ни о Гольбахѣ, ни о Гельвеціѣ, мы не находимъ въ „Курсѣ“ проф. Коркунова ни слова. Онъ говоритъ довольно подробно о самомъ гениальномъ французѣ до-революціоннаго періода, о Руссо, но Руссо не можетъ служить представителемъ общаго теченія мысли конца XVIII вѣка: онъ стоялъ выше общаго уровня, и его вліяніе замѣтно не столько на современникахъ, сколько въ позднѣйшее время, напр., на Кантѣ. Въ четвертой главѣ послѣдней части проф. Коркуновъ говоритъ о позитивизмѣ, причемъ упоминаетъ о предшественникахъ Конта, подробно излагаетъ принципы „Курса положительной философіи“ и слѣдитъ за вліяніемъ позитивизма

на юриспруденцію—эта глава принадлежит къ лучшей изъ всего курса. Последняя глава, названная „Утилитаріанизмъ“, разсматриваетъ одного только Бентама, о которомъ, какъ мнѣ кажется, уже въ силу хронологическихъ соображеній, слѣдовало говорить ранѣе позитивизма. На Бентамѣ курсъ прерывается; настоящаго конца книга не имѣетъ, ибо не доведена до настоящаго времени и не высказано никакихъ заключительныхъ соображеній о томъ, къ чему привела или можетъ привести исторія этико-правовыхъ понятій. Въ общемъ, несомнѣнно, „Курсъ“ проф. Коркунова весьма полезенъ и, по всей вѣроятности, найдеть себѣ широкое примѣненіе въ университетскомъ преподаваніи. Это дастъ возможность автору сдѣлать въ слѣдующихъ изданіяхъ кое-какія поправки...—Э. Радловъ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ, въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Алехторовъ, Е. А.—Биргивская хрестоматія. Сборникъ статей для переводовъ на русскій языкъ, для класснаго и домашняго чтенія. Ч. I. Оренб. 98. Стр. 79.

Андреевъ, И.—Вольтеръ. По Колина, Ваньеру, Штраусу и др. Перев. съ нѣм., п. р. Д. Протопопова. Спб. 99. Стр. 150. Ц. 1 р.

Арнольдъ, Ф. К. Русскій гѣсъ. Т. II. ч. 1, съ 17 эстамп. и 125 гравюр. 2-е изд. Спб. 98.

Бальмонтъ, К.—Тихина. Лирическія поэмы. Стр. 150. 98. Ц. 1 р.

Б., Б.—Сборникъ образцовъ диктанта, выбранныхъ изъ произведеній русскихъ писателей. Правонаписаніе согласовано съ руковод. Академіи Наукъ. Рига. 98. Стр. 200. Ц. 80 к.

Баранцевичъ, К. С.—Золотые дни. Разсказы и сказки. М. 98. Стр. 324. Ц. 75 к.

Бюмъ, Боррисъ и Боркгаузенъ.—Сооруженіе желѣзныхъ дорогъ. Т. II. Верхнее строеніе желѣзныхъ дорогъ, съ 299 черт. въ текстѣ. Перев. Н. Д. Богуславскаго. Стр. 206. Т. III: Мастерскія, съ 119 рис. и 3 табл. Перев. В. С. Кюббе. Спб. 98. Стр. 143. Ц. 8 р. и 2 р. 50 к.

Бокъ, К. Э., д-ръ.—Книга о здоровомъ и больномъ человѣкѣ. Настольная книга п. руководителю семьи. Перев. д-ра С. Орѣчина. Т. I. Спб. 98. Стр. 352. Подп. Ц. 4 р.

Бунинъ, Ив. А.—Подъ открытымъ небомъ. Стихотворенія. М. 98. Стр. 62.

Бюхеръ, К.—Четыре очерка изъ народнаго хозяйства. Перев. п. р. В. Э. Дена. Спб. 98. Стр. 44. Ц. 60 к.

Вальтеръ, В. Г.—Въ защиту искусства. Мысли музыканта по поводу статьи Л. Н. Толстого: „Что такое искусство?“. Спб. 99. Стр. 62. Ц. 40 к.

Ветерова, С. А.—Русскія книги, съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ. Вып. XXVII и XXVIII (Бунаковъ-Бычковъ). Спб. 98. Стр. 289—334. Ц. 35 к.

Винаверъ, М. М.—Старыя и новыя вѣянія въ европейской адвокатурѣ. Спб. 98. Стр. 82.

- Виноградовъ, П. Г.*—О прогрессѣ. М. 98. Стр. 63. Ц. 30 к.
- Гаршинъ, Всев.*—Третья книжка рассказовъ. Съ приложеніемъ 2 портр. и биографіи.—А. М. Скабичевского. Изд. 5-е. Спб. 98. Стр. 277. Ц. 1 р.
- Гитцукъ, А.*—Календарь Крестный на 1899 годъ. М. 98. Стр. 63. Ц. 15 в.
- Головинъ, К. (Орловскій).*—Баловень счастья. Повѣсть. Спб. 98. Стр. 116. Ц. 60 в.
- Геманъ, Ф.*—Пробужденіе еврейской націи. Путь къ окончательному рѣшенію еврейскаго вопроса. Перев. съ нѣм. Од. 98. Стр. 107. Ц. 40 к.
- Герасимовъ, Н.*—Путь къ истинѣ (Dhammapada). Изреченіе буддійской нравственной мудрости. Перев. съ предисловіемъ. М. 98. Стр. 100. Ц. 60 к.
- Градоскій, А. Д.*—Собраніе сочиненій. Т. I. Спб. 99. Стр. 419. Ц. 2 р. 50 в. Цѣна по подпискѣ за 9 томовъ—15 р.
- Гричаренко, Грицько.*—Наши люди на селѣ. Юрьевъ (Дерить). 98. Стр. 45. Ц. 15 в.
- Гумловичъ, Л.*—Очеркъ исторіи социологін. Спб. 99. Стр. 130. Ц. 40 к. Перев. съ польск. Е. Леонтьевой.
- Даль, В. И.*—Полное собраніе сочиненій (Кавказъ Луганскаго). Спб. 98. Стр. 399 (Безвлатное приложеніе къ ж. „Новь“).
- Русскія сказки. Спб. 98. Стр. 312 (Тоже).
- Джудръ, Г.*—Исторія цивилизаціи отъ древнѣйшаго до нашего времени. Т. I. Перев. съ франц. А. Позенъ, п. р. А. Коропчевскаго, съ рис. въ текстѣ: М. 98. Ц. 1 р.
- Зильберштейнъ, I.*—Сводъ этики Іуданзма (по Библии, Талмуду и раввинской письменности). Часть I. По Библии. Варш. 99. Стр. 92. Ц. 40 в.
- Зинченко, Николай.*—Россія и Китай. Краткій историческій очеркъ русско-китайской торговли. Спб. 98. Стр. 16. Ц. 10 в.
- Иберверъ-Гейнце.*—Исторія новой философіи въ сжатомъ очеркѣ. Перев. съ 8-го нѣм. изд. Я. Колубовскій. Второе русск. изд., дополн. и передѣл. Вып. 1. Спб. 98. Стр. 320. Ц. 2 р. 50 в.
- Иохельсонъ, В. И.*—По рѣкамъ Ясачной и Каргодану. Древній и современный юкагирскій бытъ и письмена. Спб. 98. Стр. 36.
- Кароимъ (Н. Е. Петропавловскій).*—Собраніе сочиненій. Съ портретомъ, факсимиле и биографическимъ очеркомъ. Т. I—II. М. 99. Стр. 714—733. Ц. 3 р.
- Крыловъ, Викторъ.*—Стихотворенія. Спб. 98. Стр. 215. Ц. 1 р. 50 в.
- Кусаковъ, М. С.*—Призрачье спроть крестьянскаго сословія въ 1-мъ уч. Духовщинскаго уѣда, Смоленской губ. Смол. 98. Стр. 74. Ц. 50 к.
- Кузнецовъ, Н.*—Къ фаунѣ „Macrolepidoptera“ псковской губерніи. Спб. 98. Стр. 47.
- Лалаевъ, М.*—Наши военно-учебныя заведенія, подъ главн. начал. в. кн. Михаила Николаевича. 1860-63 гг. Спб. 98. Стр. 80. Ц. 1 р.
- Леруа-Болье, П.*—Новыя англо-саксонскія общества. Австралія и Новая Зеландія, Южная Америка. Перев. съ франц. Спб. 98. Стр. 342. Ц. 2 р.
- Лысовъ, А.*—Народное образованіе въ Тюменскомъ округѣ въ 1897 г. Тюмень. 98. Стр. 25 in 4°.
- Мамонтовъ, М. И.* Указатель изданій министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, по сельско-хозяйственной и лѣсной части. Спб. 98. Стр. 179.
- Маргеритъ, П. и В.*—Пумъ. Изъ исторіи маленькаго мальчика. Пер. съ франц. Е. Н. Тихомировой. М. 98. Стр. 119. Ц. 35 в.
- Марксъ, Карлъ.*—Капиталь. Критика политической экономіи. Т. I, кн. 1,

вып. 1. Процессъ производства капитала. Перев. съ 4-го нѣм. изд. подъ ред. П. Струве. Спб. 99. Стр. 300. Цѣна за оба вып. 3 р.

Мельниковъ, М. О.—О писательствѣ. Спб. 98. Стр. 278. Ц. 1 р. 50 к.

Мельниковъ, П. И.—Полное собраніе сочиненій (Андрея Печерскаго). Спб. 98. Стр. 295 (Безплатное ежемѣсячное приложеніе къ ж. „Новь“).

Микуличъ, В.—Черемуха.—Новенькая. Студентъ. Спб. 98. Стр. 260. Ц. 1 р.

— Мимочка. Изд. 2-е. Спб. 98. Стр. 266. Ц. 1 р.

— Зарницы. Изд. 2-е. Спб. 98. Стр. 226. Ц. 1 р.

Милль, Д. С.—Система логики, силлогистической и индуктивной. Перев. съ англ. п. р. В. И. Ивановскаго. Вып. V. М. 98. Стр. 449—608.

Михайловъ, И. В., д-ръ.—Вредныя послѣдствія раннихъ браковъ. М. 98. Стр. 26.

Независимый.—Этика обыденной жизни. Изд. 3-е. Спб. 99. Стр. 162. Ц. 1 р.

Немировичъ-Данченко, В. И.—На пути къ счастью. Ром. въ 2 ч. Спб. 98. Стр. 528. Ц. 1 р.

Немировъ, Г. А.—„Русь“ и „Варягъ“. Происхожденіе словъ. Забѣтки для выясненія древнѣйшей исторіи петербургскаго края. Спб. 98. Стр. 44.

Орловъ, Н. А.—Походъ Суворова въ 1799 г. По запискамъ Грязева. Спб. 98. Стр. 211. Ц. 2 р.

Пачеръ, Г., д-ръ.—Женщина. Разборная модель тѣла женщины. 26 отдѣльных частей въ краскахъ, съ пояснительн. текстомъ и 8 рис. Перев. д-ръ А. Фейнбергъ. Спб. 98. Ц. 1 р.

Плоссъ, Г., д-ръ.—Женщина въ естествовѣдѣніи и народовѣдѣніи. Антропологическое изслѣдованіе. Перев. съ 6-го нѣм. изд., дополн. и переработан. д-ромъ М. Бартельсомъ, п. р. д-ра А. Фейнберга. Вып. 1—5. Спб. 98. Стр. 320. Цѣна по подл. 10 р.

Покровская, М. И.—Улучшеніе жилищъ рабочихъ въ Англіи. Спб. 99. Стр. 111. Ц. 60 к.

Порфирьевъ, П.—Бв. Горацій Флаккъ. Оды. Кв. 1. Перев. въ стихахъ, съ примѣч. Спб. 98. Ц. 50 к.

Потапенко, И. Н.—Два таланта. Повѣсть, съ рис. М. 98. Стр. 153. Ц. 50 к.

Прустъ, А., и Валла, Г.—Гигиеническое леченіе невралгій. Перев. съ франц. М. Петрункевича. М. 99. Стр. 251. Ц. 1 р.

Пятуховъ, С. П.—Стеклодѣліе. Руководство для производства бутылочнаго, листового, посуднаго и прочаго стекла, съ изложеніемъ теоретическихъ данныхъ для заводской практики. Съ 198 рис. въ текстѣ. Спб. 98. Стр. 315. Цѣна 3 р. 20 к.

Регель, Э., д-ръ.—Содержаніе и воспитаніе растений въ комнатахъ. Ч. I. Отдѣлъ общій и выгонка. Изд. 7-е, вновь обработанное Р. Э. Регелемъ. Съ 408 политипажамъ. Спб. 98. Стр. 581. Ц. 3 р.

Саводникъ, В. Ф.—Стихотворенія. 1891—1898 гг. М. 98. Стр. 156. Ц. 1 р.

Слюсаренко, О. В.—Указатель текущей педагогической литературы за 1898 г. Вып. 1. М. 98. Стр. 117.

Сорель, А.—Монтескье. Перев. съ франц. П. Виноградова. Спб. 98. Стр. 140. Ц. 40 к.

Суперанскій, М. Ф.—Симбирскъ и его прошлое (1645—1848 гг.). Историческій очеркъ. Симб. 98. Стр. 30. Ц. 15 к.

Спрошевскій, В.—Матросы корабля „Надежда“. Съ 10 рис. Спб. 99. Стр. 80. Ц. 35 к.

- Фаминцынъ, А.*—Современное естествознаніе и психологія. Сиб. 98. Стр. 216. Ц. 1 р.
- Фиттеръ, Э.*, проф.—О наследственномъ сифилисѣ. Съ нѣм. подъ ред. д-ра П. Крушеле. Харьк. 99. Ц. 80 к.
- Финдейзенъ, Ник.*—Каталогъ нотныхъ рукописей, писемъ и автографовъ М. И. Глинки, хранящихся въ рукописномъ Отдѣленіи Имп. Публ. Библиотеки въ Спб. съ приложеніемъ описанія рукописей и предметовъ, находящихся въ томъ же Отдѣленіи, касающихся жизни и дѣятельности Глинки. Сиб. 98. Стр. 133. Ц. 3 р.
- Фобиницкій, И. Я.*—Курсъ уголовного судопроизводства. Т. II, вып. 2: Движеніе процесса. Спб. 98. Стр. 178.
- Фортуатовъ, А. Ф.*—Населеніе и хозяйство Австраліи. М. 98. Стр. 45. Ц. 25 к.
- Франкъ, Луи.*—Охрана материнства. Перев. съ франц. д-ра А. Рахманова. съ предисл. проф. А. Маѣева. М. 98. Стр. 96.
- Фруль, С. Г.*—Стихотворенія. Т. II и III. Сиб. 98. Стр. 254 и 288. Ц. 1 р. 50 к. и 1 р. 25 к. За три тома 4 р. 50 к.
- Цуриковъ, Я.*—Природныя богатства Тифлиса. Тифл. 98. Стр. 37.
- Шантени-де-ла-Шоссей, Д. Л.*—Иллюстрированная исторія религіи. Перев. съ нѣм. п. р. В. Линдъ. Вып. 6. Спб. 98. Стр. 80.
- Шимкевичъ, В.*—Популярныя біологическія очерки. Съ 65 рис. и 4 портр. Спб. 98. Стр. 203. Ц. 1 р. 25 к.
- Шоу, Альб.*—Городскія управленія въ западной Европѣ. Съ англ. А. Бяловескій. М. 99. Стр. 651. Ц. 2 р. 50 к.
- Шумагеръ, Ар.*—Указанія по вопросу о народныхъ чтеніяхъ, организуемыхъ попечительствами о народной трезвости. Спб. 98. Стр. 42.
- Юндша, Клименсъ.*—Еврейскій Донъ-Кихоть. Произведеніе еврейской жаргонной литературы. Перев. съ польскаго В. Ф. Борозничъ. Каа. 99. Стр. 104. Ц. 80 к.
- Этельмейеръ, П. К.*—Критика научныхъ и художественныхъ ученій гр. Л. Н. Толстого. М. 98. Стр. 71. Ц. 35 к.
- Техническій итогъ XIX-го вѣка. М. 98. Стр. 107. Ц. 80 к.
- Велла, Стан.*—Brzegami Bosny i Narenty. Варш. 99. Стр. 307.
- Raphael-Baury.*—Mariage sur le tard. Roman. Par. 98. Стр. 342. Ц. 3 фр. 50 сент.
- Архивъ Клиники внутреннихъ болѣзней. С. П. Боткина. Т. XIII, за 1888—89 гг. Спб. 90. Стр. 156. Ц. 2 р.
- Горное дѣло и металлургія на Всероссийской промышленной и художественной выставкѣ 1896 г. въ Н.-Новгородѣ. Вып. 6, группа II: Железо. Ц. р. Н. Нестеровскаго. Сиб. 98. Стр. 764.
- Данныя для учета доходности мелкихъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій въ Москвѣ. По работамъ столичныхъ податныхъ инспекторовъ и торговыхъ депутатовъ. М. 98. Стр. 82.
- Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана. Съ 1 окт. 1897 г. по 1 окт. 1898 г. Подъ ред. директора Коллегіи Я. И. Степовича. Кіевъ. 98. Стр. 298.
- Искусство и художественная промышленность. Ежемѣсячное иллюстрированное паданіе, предпріятое съ Высочайшаго соизволенія Имп. Общ. поощр. художествъ въ Спб., п. р. Н. П. Собко. № 1 и 2: октябрь и ноябрь 1898. Стр. 136. Ц. 2 р. Подп. ц. 6 р. безъ доставки.

— Матеріалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ и инородцевъ Западной Сибири. Вып. XXII. Спб. 98. Стр. 391 и 197.

— Общедоступныя изданія Новгородскаго уѣзднаго земства. № 8. О выдѣлкѣ черепицы и кирпичей; огнестойныя крыши и строенія. № 9: Приспособленія для необходимаго оздоровленія жилыхъ помѣщеній, инж. Кржиштоловича. Новг. 98.

— Описаніе отдѣльныхъ русскихъ хозяйствъ. Министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Вып. I—VIII: Тульская, Орловская, Курская, Воронежская, Рязанская, Саратовская и Тамбовская губерніи. Спб. 98.

— Полный каталогъ волшебныхъ фонарей для непрозрачныхъ картинъ на бумагѣ, изобрѣтеніе полковн. артилл. Машиновскаго. М. 98. Стр. 112. Ц. 20 к.

— Разсказы о разныхъ странахъ и народахъ. III: Великая пустыня и описаніе Сахары. Состав. С. Круковская. Съ 22 рис. Спб. 98. Стр. 94. Ц. 40 к.

— Сборникъ консульскихъ донесеній. Вып. IV. 1898. Мин. вн. дѣлъ. Спб. 98. Стр. 271—356. Ц. 75 к.—вып.

— Сборникъ постановленій земскихъ собраній Новгородской губерніи за 1897 г. Съ приложеніемъ докладовъ и отчетовъ Губернской Управы. Новг. 98.

— Сборникъ правовѣднія и общественныхъ знаній. Труды Юридическаго Общества, состоящ. при Имп. Москов. унив. и его статистич. отдѣленія. Т. VIII. М. 98. Стр. 295 и 96.

— Сельско-хозяйственный обзоръ Вятской губерніи за 1896—97 гг. Вят. 98. Стр. 120.

— Старина и новизна. Историческій сборникъ, издаваемый при Обществѣ ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія. Въ память имп. Александра III. Вып. 2. Спб. 98. Стр. 384. Ц. 2 р.

— Теорія государства у славянофиловъ. Сборникъ статей И. С. и К. С. Аксаковыхъ, А. В. Васильева, А. Д. Градовскаго, Ю. О. Самарина и С. О. Шарапова. Спб. 98. Стр. 95.

— Труды Комиссіи по вопросу объ организаціи земско-статистическихъ отдѣльныхъ изслѣдованій. Февр. 1898. М. 98. Стр. 193.

— Труды Комиссіи по вопросу объ алкоголизмѣ, мѣрахъ борьбы съ нимъ, и для выработки нормальнаго устава заведеній для алкоголиковъ. Журналы засѣданій и доклады Русскаго Общества охраненія народнаго здравія. Вып. I. Спб. 98.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Adolphe Brisson. Pointes sèches. Paris, 1898. Стр. 360.

„Pointes sèches“—третья книга, которую Адольф Бриссонъ посвящаетъ современнымъ французскимъ дѣятелямъ въ самыхъ различныхъ областяхъ духовной жизни. Прозаики и поэты, политики, журналисты, актеры и актрисы составляютъ его галерею сжато, но твердо написанныхъ портретовъ. Онъ старается передать въ нихъ не только духовный, но и физическій обликъ писателя или артиста, и говорить поэтому лишь о тѣхъ парижскихъ знаменитостяхъ, которыхъ имѣлъ случай часто наблюдать, бесѣдуя съ ними наединѣ или встрѣчая ихъ въ обществѣ. Такая портретная живопись весьма отлична отъ обычныхъ приемовъ критики, которая имѣетъ дѣло съ творчествомъ художника, не принимая, большею частью, во вниманіе личность писателя, его внѣшнюю обстановку, привычки и т. д. Но если Бриссона,—съ его манерой опредѣлять писателя нѣсколькими бѣглыми штрихами,—нельзя назвать литературнымъ критикомъ, то во всякомъ случаѣ его родъ письма—очень полезное пособие для критиковъ. Бриссонъ умѣетъ схватить быстро мѣняющуюся физиономію французской жизни въ тотъ или другой опредѣленный моментъ, и приготавливаетъ тѣмъ матеріалъ для будущаго историка даннаго момента.

Но и не для будущаго историка, а для современнаго читателя книга Бриссона представляетъ интересъ, благодаря тому, что въ ней собраны очерки о наиболѣе интересныхъ новыхъ писателяхъ, и самые эти очерки, благодаря своему характеру непринужденной бесѣды, вводятъ читателя въ духовную атмосферу французской жизни. По книжкѣ Бриссона иностранный читатель составитъ себѣ иногда болѣе полное представленіе объ интеллектуальномъ Парижѣ, чѣмъ по болѣе серьезнымъ чисто критическимъ очеркамъ. Бриссонъ знакомитъ съ писателями, какъ въ обществѣ знакомитъ съ новоприбывшими гостями. Это своего рода „introduceur des ambassadeurs“ и въ такомъ качествѣ онъ и занимаетъ видное положеніе во французской журналистикѣ. Салонъ, въ который онъ вводитъ литературныхъ гостей—газета „Temps“; въ ней появлялись отдѣльные очерки и бесѣды его прежде, чѣмъ онъ собралъ ихъ въ томикъ освященнаго обычаямъ формата. И

предыдущія книжки Бриссона: „La comédie littéraire“ и три серіи „Portraits intimes“, составились изъ такихъ же очерковъ,—и во всѣхъ этихъ книгахъ французская современность изображена съ легкой манерой, удобной для читателя нашихъ дней, которому нѣтъ времени углубляться въ произведенія искусства. Самый родъ критики, который избралъ и такъ успѣшно развилъ Бриссонъ—продуктъ новѣйшей французской культуры. Всѣ хотятъ знать все, что происходитъ въ мірѣ идей, но рѣдко кто углубляется въ самостоятельное изученіе того, что создается писателями и мыслителями. Нужны резюме, „последнія слова“. Кромѣ того, публика интересуется фizioноміей писателя, его привычками жить—и вотъ эти потребности вызвали къ жизни нѣчто среднее между репортерствомъ и критикой. Бриссонъ—одинъ изъ талантливыхъ представителей этого рода, и книги его поэтому имѣютъ успѣхъ и у публики, и у его собратьевъ по перу.

Прежнія книжки Бриссона носили преимущественно хвалебный характеръ. Бриссонъ платилъ за любезность принимавшихъ его у себя писателей комплиментами ихъ таланту. Въ „Pointes sèches“ онъ однако измѣнилъ своей привычкѣ къ похваламъ, и во многихъ очеркахъ книги проглядываетъ скептическая и даже ироническая нота по отношенію къ нѣкоторымъ любимцамъ толпы. Такъ, Эмиль Бержеръ, ядовитый шутникъ, не знающій преграды своимъ нападкамъ и остроумнымъ выходкамъ, выходитъ на портретъ Бриссона далеко не тѣмъ добродушнымъ весельчакомъ, какимъ его принято считать. Бриссонъ менѣе всего умалняетъ талантъ Бержеръ, и въ краткихъ чертахъ рисуетъ его блестящую литературную карьеру. Бержеръ былъ, по словамъ Бриссона, баловнемъ счастья съ молодыхъ лѣтъ. Онъ, правда, провалился на экзаменъ на степень бакалавра, но тогда же написалъ одноактную пьесу, которая сразу была принята въ „Comédie Française“. Въ семнадцать лѣтъ онъ уже пожиналъ лавры драматурга. Ни Александръ Дюма, ни Ожье, ни Пальеронъ, не могли похвастать столь раннимъ успѣхомъ. Потомъ Бержеръ обратился къ журналистикѣ. Онъ сталъ писать въ „Figaro“, съ 1864 г., за подписью „Jean Rouge“, потомъ сотрудничалъ въ „Gaulois“, въ „Voltaire“, „Bien Public“ и другихъ газетахъ. Тамъ онъ брался за всѣ сюжеты, пробовалъ свои силы во всѣхъ литературныхъ родахъ, писалъ сказки, романы, статьи объ искусствѣ, сатиры, бытовые очерки. Его живость, блестящее остроуміе и въ особенности виртуозный стиль дѣлаютъ его первокласснымъ юмористомъ. „Бержеръ,—говоритъ Бриссонъ,—настоящій Стернь, только менѣе флегматичный, почти Раблэ, только безъ его философскаго ума и здраваго смысла. Что касается здраваго смысла, то, уже начиная съ этихъ поръ, Бержеръ не изъявляетъ никакихъ притязаній на него. Бержеръ презираетъ здравый смыслъ. Онъ самъ является какъ бы

парадоксомъ, воплощеннымъ въ образѣ человѣческомъ. Ему нравятся шутивыя разсужденія, которыя держатся на остріѣ, подобно шапкамъ клоуна“. Но, отдавъ должное таланту Бержера, Бриссонъ набрасываетъ тѣнь на чистоту его намѣреній и доказываетъ, что большинство полемикъ у Бержера порождены его личными неудачами. Если онъ ведетъ атаку противъ театровъ, директоровъ театровъ и въ особенности противъ драматурговъ, пользующихся успѣхомъ у публики, то это потому, что онъ самъ—авторъ „Capitaine Frakasse“, не принятаго въ „Одеонѣ“; если онъ врагъ академіи и почетнаго легіона, то и это имѣетъ свои личныя причины. Такимъ представляется талантливый юмористъ его скептическому поклоннику.

Такой же двойственностью отмѣченъ въ книгѣ Бриссона портретъ Жоржа Онэ. Бриссонъ выступаетъ какъ бы защитникомъ Онэ противъ травли, которая, съ легкой руки Жюль Лемэтра, началась противъ автора „Maitre de Forges“. Бриссонъ видитъ въ этомъ походѣ противъ любимца средней публики отчасти ловкій приемъ критика, только-что выступившаго тогда въ литературѣ. Когда Лемэтръ писалъ свою жестокую статью, онъ въ ней извинялся за то, что, говоря о литературѣ, занимается Жоржемъ Онэ; онъ повиновался различнымъ мотивамъ и выказалъ, между прочимъ, нѣкоторое коварство. Онъ былъ молодъ, стремился къ славѣ и считалъ, что низверженіемъ какого-нибудь кумира онъ сразу составитъ себѣ громкое имя. Жоржъ Онэ оказался намѣченной имъ жертвой. Бриссонъ считаетъ несправедливымъ огульное осужденіе всѣхъ романовъ Онэ и имѣетъ смѣлость утверждать—послѣ Лемэтра и Анатоля Франса, указавшаго Онэ мѣсто „въ литературы“,—что „Maitre de Forges“ имѣетъ литературныя достоинства. Колоссальный успѣхъ этого романа Бриссонъ объясняетъ реакціей противъ натурализма и тѣмъ, что авторъ „Maitre de Forges“ въ достаточной мѣрѣ удовлетворялъ потребностямъ средней публики въ „идеализмъ и чувствительности“. Но помимо дешеваго идеализма, удовлетворявшаго среднюю публику, Бриссонъ находитъ болѣе серьезныя качества въ романѣ Онэ,—искусную интригу, пластичность въ обрисовкѣ характеровъ, живость дѣйствія, дающаго иллюзію жизни. Романъ Онэ, конечно, обладаетъ этими качествами, но они не спасаютъ его отъ пошлости, характеризующей всѣ произведенія Жоржа Онэ. При всемъ желаніи возстановить литературное имя романиста, уничтоженнаго приговорами нѣсколькихъ критиковъ, Бриссонъ не можетъ долго удержаться въ роли защитника. Защищая „Maitre de Forges“, онъ приносить въ жертву всѣ другіе романы Онэ: „Comtesse Sarah“, „Volonté“, „Lise Fleuron“ и другіе, и сосредоточиваетъ на нихъ тѣ нападки, которыя обыкновенно направляются на всѣ романы Онэ безъ исключенія. Переходя на болѣе естественный для него тонъ порица-

ня, Бриссонъ указываетъ на стиль Онэ, какъ на главную причину его литературной несостоятельности. Онъ приводитъ множество образчиковъ языка изъ романовъ Онэ. По нимъ видно, до чего Онэ не владеетъ даромъ изображать словомъ. Онъ употребляетъ въ описаніяхъ самыя общія опредѣленія, говоря, что отель какого-нибудь графа или князя былъ „феерически“ освѣщенъ, что „оживленная, веселая“ толпа двигалась въ „опьяняющей“ атмосферѣ, при звукахъ „упоительной“ музыки и т. д. Очевидно, что подобнаго рода описанія не могутъ вызвать никакого образа въ воображеніи читателя. А такимъ языкомъ, пестрящимъ самыми расплывчатыми, лишенными всякой картинности выраженіями („Ея розовый ротикъ имѣлъ нѣжныя очертанія ликовъ мадоннъ“... „Мадамъ Д. имѣла „прелестную“ квартиру, „дивную“ обстановку и т. д.) написаны всѣ романы. Обличивъ бѣдность языка и вмѣстѣ съ тѣмъ отсутствіе художественности у Онэ, Бриссонъ уже не имѣетъ возможности продолжать предпринятую имъ защиту. Онъ даже забываетъ свою роль защитника и позволяетъ себѣ шутить надъ своимъ клиентомъ: „Насъ увѣряютъ“,—говоритъ онъ,—„что имя Жоржа Онэ, утратившее прежнюю популярность во Франціи, широко пользуется ею въ южной Америкѣ. Слава этого писателя подобна солнцу: заходя на одномъ пунктѣ земного шара, она поднимается у антиподовъ. Можетъ быть, она вернется озарять Францію, свершивъ кругосвѣтное путешествіе“. Конечно, участь писателя, который вызываетъ подобныя шутки даже у своихъ сторонниковъ, не завидна.

Бриссонъ останавливается въ своихъ очеркахъ на нѣкоторыхъ другихъ любимцахъ публики. Таковы, напр., романистъ Марсель Прево и знаменитый своими „mots“ журналистъ Орельенъ Шолль (Aurélien Sholl). Бриссонъ признаетъ талантъ Прево, но очень справедливо доказываетъ, что той новизны, которую Прево самъ себѣ приписываетъ, въ его романахъ совершенно нѣтъ, и что весь характеръ его произведеній противоположенъ намѣреніямъ, высказаннымъ въ его предисловіяхъ. Одаренный тонкимъ пониманіемъ современности и нарождающихся въ обществѣ вкусовъ и требованій, Прево понялъ въ самомъ началѣ своей литературной дѣятельности, что публика устала отъ романовъ, въ которыхъ „ничего не происходитъ“, и что близка реакція противъ реализма, дающаго сухую и обезцвѣченную картину дѣйствительности. Прево хотѣлъ стать во главѣ литературнаго движенія, отвѣщающаго новымъ требованіямъ. Онъ вступилъ за „попранныя права воображенія“ въ романѣ, и, написавъ романъ въ новомъ родѣ, обратился къ Александру Дюма съ просьбой присоединить къ нему предисловіе-манифестъ. Въ такихъ условіяхъ возникъ романъ „La Confession d'un apanant“, ставшій предметомъ ожесточенной полемики. Прево выдумалъ и названіе для вызваннаго имъ къ жизни литературнаго жанра: „La

Confession d'un amant" названа была „романтическимъ романомъ“. Прево говорилъ въ предисловіи: „я увидѣлъ никѣмъ не занятый стулъ и сѣлъ на него“. Молодому писателю не замедлили указать, что „незанятый стулъ“ на самомъ дѣлѣ служилъ уже многимъ писателямъ, что Андрэ Террѣ, Гекторъ Мало, Шербюльѣ и нѣсколько другихъ авторовъ писали такіе же „романтическіе романы“, какъ и онъ. Но Прево не уступалъ своихъ правъ на роль новатора и продолжалъ быть въ собственныхъ глазахъ и по мнѣнію публики созидателемъ новаго или во всякомъ случаѣ возобновленнаго „романтическаго романа“. Бриссонъ доказываетъ, что это новаторство Прево—мнимое, что „романтический романъ“, рисующій пропасть между идеалами человѣка и его дѣйствительной жизнью, всегда существовалъ. Кромѣ того, Прево въ своихъ романахъ идетъ въ разрѣзъ съ обѣщаніями, которыя онъ даетъ въ предисловіяхъ. Желая избѣгнуть и слащавости всецѣло выдуманыхъ сюжетовъ, и сухости научныхъ анализовъ, т.-е. держаться по срединѣ между отвлеченностями романтизма и грубостью натурализма, Прево даетъ торжественное обѣщаніе, что въ книгахъ его не будетъ ни „разоблаченій, касающихся мало изслѣдованныхъ классовъ населенія, ни примѣненій различныхъ медицинскихъ теорій или метафизическихъ открытій“. А между тѣмъ „Demi-Vierges“—именно эту дѣйствительную неизслѣдованную общественнаго класса, разоблаченіе, касающееся нравовъ исключительной среды. Въ „Lettres de femmes“ у Прево всѣ очерки посвящены далеко не здоровымъ натурамъ съ нормальной психологіей, а опять-таки исключительнымъ, полу-истеричнымъ женщинамъ, которыя ищутъ искусственнаго возбужденія нервовъ и обладаютъ очень своеобразными вкусами. Прево обнаружилъ такимъ образомъ совершенно инныя литературныя свойства, чѣмъ тѣ, которыя нужны для созидателя чувствительнаго „романтическаго романа“. „Прево,—говоритъ Бриссонъ, резюмируя свой обстоятельный очеркъ объ этомъ романистѣ,—разсудочный, холодный и чуждый состраданія скептикъ. Его рѣдко что-либо трогаетъ. Въ его романахъ нѣтъ любви, озаряющей творчество Мопассана. И все-таки онъ нравится и производитъ обаятельное впечатлѣніе. Грація художника скрадываетъ рѣзкость мыслителя; Прево—первоклассный прозаикъ. Языкъ его—сочный, прозрачный, звучный и напоминаетъ своимъ богатствомъ стиль Жоржъ-Зандъ. Онъ не миниатюристъ, подобно Альфонсу Додэ, и не заботится о законченности и отдѣлкѣ отдѣльныхъ „могсеаихъ“. Нельзя выдѣлить изъ его произведеній картинъ, имѣющихъ самостоятельный интересъ. Описанія, портреты, отступленія, вилетены въ рассказъ, развивающійся очень оживленно и быстро. Марсель Прево весь отражается въ своемъ стилѣ. Не будучи наиболѣе чувствительнымъ изъ современныхъ писателей, онъ—одинъ изъ самыхъ умныхъ среди нихъ“.

Умнымъ писателемъ иного рода является и Орельенъ Шолль, блестящій представитель чисто парижскаго бульварнаго ума. Бриссонъ обрисовываетъ въ краткихъ чертахъ карьеру этого талантливаго журналиста, какъ бы созданнаго самой природой для того, чтобы царить въ литературныхъ кофейняхъ своими мѣткими и остроумными изреченіями и питать парижскую прессу своими „mots“. Какъ всѣ лучшіе парижане, Шолль родился въ провинціи. Его родина—Бордо. Жажда славы привлекла его въ Парижъ еще въ очень юномъ возрастѣ. Поборовъ всѣ домашнія препятствія, заручившись небольшою суммой денегъ, онъ добрался въ дилижансѣ до Парижа. „Шолль инстинктивно направился прямо къ „Boulevard des Italiens“,—повѣствуетъ въ шутливомъ тонѣ Бриссонъ,—и передъ ярко освѣщеннымъ крыльцомъ ресторана Тортона услышалъ внутренній голосъ, возвѣщавшій ему: здѣсь ты будешь царить! Шолль попалъ сразу въ кругъ журналистовъ остроумныхъ и легкомысленныхъ отчасти по природѣ, отчасти по цензурнымъ условіямъ, затруднявшимъ во времена имперіи серьезное обсужденіе важныхъ вопросовъ дня. Его ближайшими товарищами и единомышленниками были: весельчакъ Шарль Монслѣ, авторъ беззаботныхъ застольныхъ пѣсень, Эдмонъ Абу, Сарсэ, Кларти, Рошфоръ. Шолль сталъ писать сначала въ „Naiade“, „Satan“, „Nain Jain“ и наконецъ перешелъ въ „Figaro“ и сразу сталъ знаменитымъ, наполняя нѣсколько разъ въ недѣлю столбцы газеты остроумной болтовней на всевозможныя темы. Предметъ бесѣды былъ для него безразличенъ, но таково было мастерство его манеры, что имя его сразу окружено было легендой. Дуэли, полемики, еще болѣе возвеличили его славу, и Шолль сдѣлался даже законодателемъ моды. Онъ ввелъ въ употребленіе монокль, очень импонирующій толпѣ, благодаря дерзкому, вызывающему виду, который онъ придаетъ лицу. Было рѣшено, что всякій журналистъ, не интересующійся исключительно одной политической экономіей, долженъ непременно носить монокль. И по примѣру Шолля всѣ стали носить монокли.

Шолль не довольствовался писаніемъ своихъ хроникъ въ „Фигаро“. Онъ изошрялъ свое остроуміе и въ живой бесѣдѣ, ежедневно появляясь въ опредѣленные часы въ своемъ сафѣ и тамъ поражая собеседниковъ цѣлымъ фейерверкомъ изреченій и эпиграммъ, очень мѣткихъ и злыхъ. Такъ создавались остроты, расходившіяся потомъ по всему Парижу. Конечно, при этомъ Шоллю приписывалось много того, чего онъ никогда не произносилъ. Въ настоящее время Шолль—уже убѣленный сѣдинами старикъ, но, по свидѣтельству Бриссона, онъ еще сохранилъ неизсякаемую веселость прежнихъ лѣтъ, соединенную съ доброжелательнымъ, мягкимъ отношеніемъ къ людямъ.

Отдавая дань почтенія писателямъ прежнихъ поколѣній, доживаю-

щихъ свой вѣкъ среди совершенно иначе воспитаннаго и настроеннаго поколѣнія, Бриссонъ удѣляетъ въ своей книгѣ много мѣста молодымъ. Интересны портреты Гюисманса, Жоржа Куртелэна, автора остроумной и тонко задуманной комедіи „Vouhourouche“, поэта Анри Ренье, драматурговъ Бека, Порто-Риша и другихъ.

Въ общемъ, новая книга Бриссона, какъ и предъидущія, интересна обиліемъ свѣдѣній о писателяхъ новыхъ и старыхъ, доживающихъ свой вѣкъ или вступающихъ въ кругъ бойцовъ. Интересны эти очерки еще и тѣмъ, что всѣ они проникнуты однимъ духомъ и отражаютъ очень полно современную умственную жизнь Франціи.

II.

Jules Renard. Bucoliques. Paris, 1898. Стр. 341.

Жюль Ренаръ создалъ особый жанръ во французской литературѣ послѣднихъ лѣтъ. Общему стремленію къ утонченности, къ психологическому анализу, доведенному до мельчайшихъ отгѣнковъ, онъ противопоставилъ изображеніе природы, предметовъ внѣшняго міра, простой и тихой жизни, въ которой ничего не происходитъ. Въ противоположность „городскому“ характеру большинства современныхъ писателей, произведенія Жюля Ренара обнаруживаютъ любовь къ полямъ и лѣсамъ, духовную близость къ зрѣлищамъ природы. „Онъ самъ называетъ себя „охотникомъ за образами и впечатлѣніями“, т.-е. за тѣмъ, что внѣшній міръ даетъ взорамъ художника. Противоположная потребность—жажда познать себя, проникнуть въ глубь собственной души, постичь всѣ ея движенія—питается сложными переживаниями среди культурнаго общества; художникъ же, чуткій къ тому, что внѣ его, ищетъ красоты въ непосредственномъ общеніи съ природой. Много разъ во французской литературѣ возникало стремленіе внести внѣшнюю природу въ искусство. Романтизмъ обязанъ своимъ успѣхомъ возрожденію чувства природы. Руссо, Шатобрианъ, Жоржъ-Зандъ боролись противъ привычекъ французскаго ума, болѣе склоннаго къ разсудочному искусству, къ психологическому анализу и философскимъ обобщеніямъ, чѣмъ къ непосредственной поэзіи, воплощенной въ природѣ. Но уже у позднѣйшихъ представителей романтической школы чувство природы измѣнилось, стало болѣе условнымъ и постепенно переходило въ экзотизмъ, т.-е. опять-таки въ болѣе отвлеченное увлеченіе невѣдомыми, воображаемыми красотоми чуждыхъ странъ. Въ дальнѣйшемъ теченіи литературной жизни во Франціи природа все болѣе отходитъ на второй планъ. Люди—отдѣльная личность и общественныя группы—поглощаютъ вниманіе

романистовъ и драматурговъ, и въ поэзіи проявляется такое же тяготѣніе къ тому, что скрыто въ чувствахъ и настроеніяхъ людей, а не воплощено въ зрѣлищахъ внѣшней природы.

Въ новѣйшей французской литературѣ отчужденность отъ природы еще усилилась; предметы внѣшняго міра, зрѣлища внѣшней природы, не интересуютъ сами по себѣ, а лишь какъ отраженія человѣческихъ настроеній; даже анализъ чувствъ и страстей носить у новѣйшихъ писателей болѣе отвлеченный характеръ, какъ будто бы не самъ человѣкъ—наиболѣе достойный предметъ искусства, а то, что онъ бессознательно воплощаетъ собой—его отношеніе къ основамъ жизни.

Среди этого отвлеченного искусства, свѣжее, проникнутое любовью къ жизни, дарованіе Жюль Ренара составляетъ отрадное исключеніе. Жюль Ренаръ не примыкаетъ ни къ одной изъ новѣйшихъ литературныхъ школъ и не имѣетъ ни учителей, ни послѣдователей среди писателей современной Франціи. Онъ наблюдаетъ природу и выносить изъ этихъ наблюдений очень своеобразныя поэтическія настроенія. Деревенскія идилліи Ренара совершенно иного типа, чѣмъ обычныя описанія природы и восхищенія ея красотами. Ренаръ не отдѣляетъ себя, зрителя, отъ жизни природы, и поэтому не восторгается тѣмъ, что видитъ, не описываетъ своихъ *états d'âme*. Онъ какъ будто сливается съ жизнью природы, и неодушевленные зрѣлища внѣшняго міра кажутся ему проникнутыми столь же глубокой жизнью, какъ его собственная личность. Такъ, въ одномъ разсказѣ—*„Une famille d'arbres“*—онъ говоритъ о семьѣ деревьевъ, какъ о чемъ-то живомъ, и рисуетъ подробности этой вѣковой жизни: „Я могу приблизиться къ нимъ, только пройдя черезъ засушенную солнцемъ долину. Они не живутъ у самой дороги изъ боязни шума, а селятся на невоздѣланныхъ поляхъ вблизи водъ, какъ одинокія птицы. Издали они кажутся непроницаемыми, но какъ только я приближаюсь, стволы ихъ разступаются. Они принимаютъ меня съ осторожностью. Мнѣ хочется отдохнуть, освѣжиться, но я догадываюсь, что они слѣдятъ за мной и не довѣряютъ мнѣ. Они живутъ семьями,—самыя старыя по срединѣ, а молодыя, у которыхъ только начинаютъ пробиваться первые листы, разбросаны вокругъ, только не слишкомъ удаляясь отъ центра. Они умираютъ долго, и мертвецы ихъ продолжаютъ стоять, пока не разсыплются въ пыль. Они ощупываютъ другъ друга своими длинными вѣтвями, какъ бы для того, чтобы убѣдиться ощупью, какъ слѣпые, что всѣ на лицо. Они гнѣвно размахиваютъ вѣтвями, когда вѣтеръ пытается вырвать ихъ изъ земли. Но между собой они никогда не спорятъ и всегда согласно шелестятъ. Я чувствую, что они—настоящая семья“. Въ этомъ слияніи съ безмолвной

природой проявляется новый вид пантеизма,—не прежнее стремление одухотворить природу, отыскивая скрытое въ ней божество, а нѣчто болѣе смиренное и вмѣстѣ съ тѣмъ поэтическое,—пониманіе природы душой, непосредственное, чуждое разсудочности слияніе съ ней. Ренаръ—не философъ; онъ не пытается подчинить природу разуму; повинуваясь инстинктивному влеченію къ ней, онъ видитъ себя только такой же частицей мірозданія, какъ все вокругъ него. Онъ всѣмъ своимъ существомъ чувствуетъ стихійность своего существа—и она становится источникомъ его поэтическихъ вдохновеній. Ренаръ написалъ цѣлый рядъ разсказовъ о природѣ, и въ нихъ его пантеизмъ новаго типа выясняется со всей своей твердостью, смиреніемъ, спокойствіемъ и, главное, поэзіей. Въ „Vignerons dans sa vigne“, „Histoires naturelles“, „Les Roses“ и въ только-что вышедшемъ томикѣ „Bucoliques“ жизнь природы рисуется слитно съ жизнью людей, столь же драматичная, съ такими же индивидуальными чертами и столь же стихійная вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ и жизнь человѣческая.

Природа, играющая первостепенную роль въ творествѣ Ренара, не исчерпываетъ его однако. Отъ болѣзненныхъ лѣсовъ и водъ идиллической художникъ переходитъ къ картинамъ деревенской жизни, въ которой въ одинаковой степени участвуютъ домашнія животныя и люди; и эта совмѣстность жизни, это общее слѣдованіе требованіямъ природы, открытая жизнь безъ всякихъ стѣсненій, преградъ и осложненій городской культуры, не унижаетъ человѣка, а напротивъ, дѣлаетъ его свободнымъ и даетъ ему ясность духа. Поэтическое изображеніе этой инстинктивной жизни чуждо всякой такъ-называемой „толстовщины“, всякаго принципиальнаго возвращенія къ землѣ во имя нравственныхъ требованій. Ренаръ только описываетъ то, что онъ видитъ, что радуетъ его взоръ и питаетъ воображеніе, влюбленное въ зрѣлища природы.

Въ послѣднихъ своихъ книгахъ Ренаръ начинаетъ изображать по преимуществу людей съ болѣе обособленной и сложной психологіей, чѣмъ сельское населеніе, сливающееся въ своихъ потребностяхъ и привычкахъ съ безмятежнымъ существованіемъ природы и животныхъ. Но, включивъ культурную жизнь города въ область своихъ наблюденій, Ренаръ не могъ стать исповѣдникомъ свѣтскихъ дамъ и праздныхъ фатовъ, на подобіе другихъ французскихъ романистовъ-психологовъ. Нельзя относиться одинаково и къ тишигѣ деревень, и къ шумихѣ любовныхъ драмъ, разыгрывающихся среди суеты пустой жизни съ ея призрачной сложностью. Очевидно, Ренаръ долженъ былъ отмежевать себя въ изображеніи современной жизни уголокъ, куда еще не заглядывалъ любопытствующій взоръ психологовъ. Такою область Ренаръ нашелъ, изучая дѣтскую душу. Ребенокъ по природѣ—инстинк-

тивное существо, и это дѣлаетъ его близкимъ художнику, отзывчивому ко всѣмъ проявленіямъ жизни, какъ бы они ни были различны по практическому значенію. Ренаръ не дѣлаетъ различія между тѣмъ, что считается важнымъ и неважнымъ у людей, и поэтому онъ съ особымъ мастерствомъ рисуетъ душу ребенка, воспримчивую ко всѣмъ впечатлѣніямъ внѣшней жизни. Но дѣти, интересующія Ренара, живутъ не простой жизнью полей. Они осуждены воспринимать впечатлѣнія искусственной культурной сферы, откликаться на явленія, чуждыя ихъ инстинктивной чистотѣ и природнымъ простымъ чувствамъ. На этихъ контрастахъ инстинктивной жизни и невольнаго участія въ искусственной атмосферѣ городской жизни со всѣми ея условностями Ренаръ строитъ драматизмъ своихъ дѣтскихъ рассказовъ. Онъ создалъ въ „Poil de carotte“ оригинальный типъ ребенка, рано развившагося умомъ въ неподходящей лихорадочной сферѣ столичной суеты и направляющаго свой сарказмъ на самого себя. „Poil de carotte“ — рыжий, неуклюжій ребенокъ; онъ всегда въ антагонизмѣ съ окружающими и мучается тѣмъ, что онъ смѣшонъ въ своемъ неуѣднѣ ни справиться съ обстоятельствами, ни подчиниться имъ. Онъ облегчаетъ свою наивно, но глубоко страдающую душу насмѣшками, неистощимыми островами надъ всѣми и въ особенности надъ самимъ собой, уморительными рассказами о своихъ неудачахъ — но въ этомъ юморѣ сквозитъ жестокая нотка, подчеркивающая трагизмъ молодой души, стѣсненной искусственными условіями жизни.

Юморъ Ренара — болѣе свѣтлый въ дѣтскихъ рассказахъ, составляющихъ половину „Biscoliques“. Трудно себѣ представить нѣчто болѣе свѣжее и непосредственно поэтическое, чѣмъ рассказы о Бергѣ и Пьерѣ со всѣми ихъ испытаніями, мыслями и пониманіемъ окружающаго. Въ этихъ двухъ дѣтяхъ какъ бы воплощено челоѣчество въ его младенческую пору: все въ нихъ просто, и вмѣстѣ съ тѣмъ все это глубоко отражаетъ бессознательную мудрость жизни. Дѣти веселы, наивно эгоистичны и уже инстинктивно соблюдаютъ свою выгоду въ своемъ ограниченномъ міркѣ. Когда мать грозитъ Пьеру оставить его безъ десерта, онъ урезониваетъ ее: „Я совѣтую тебѣ, мама, отыскать другое наказаніе. Я не люблю сладкаго, даже кремъ мнѣ не по вкусу. Если ты мнѣ не дашь его, это не будетъ лишеніемъ. Поэтому, ты отлично можешь дать мнѣ его“. Отецъ, гордый своими педагогическими теоріями, развиваетъ ихъ съ достоинствомъ передъ своимъ сыномъ. „Видишь ли, — говоритъ онъ, — на этотъ разъ я тебѣ прощаю, но въ слѣдующій разъ ты будешь наказанъ на часъ, потомъ, если опять провинишься, на два часа и т. д. Ты понялъ?“ — „О, да, папа“, — отвѣчаетъ иронически сынокъ, — „я понялъ. Твой методъ восхитителенъ“. Берта также читаетъ проповѣди своей матери и подав-

ляетъ ее логикой своихъ разсужденій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эти дѣти безконечно довѣрчивы и полны любви—въ этомъ ихъ стихійная сила. И затѣмъ они поражаютъ неожиданнымъ проявленіемъ какихъ-то непонятныхъ желаній. Пьеру хочется изобрѣсти такое число, котораго еще никто не зналъ, которое больше квадрильона. Берта боится „чего-то“ въ темной комнатѣ,—не разбойниковъ, не *groque-mitaine*'а, а именно „чего-то“,—или вдругъ среди игры въ песокъ спрашиваетъ, можно ли играть „пылью мертвецовъ“. Эта смѣсь наивности, житейской мудрости, веселости и чего-то безсознательно таинственнаго составляетъ поэзію разсказовъ Ренара.—З. В.

III.

G. F. Keary. The Journalist. London, 1898. Стр. 307.

Романъ молодого англійскаго романиста Кири—„Журналистъ“ (*The Journalist*)—одна изъ интересныхъ новинокъ литературнаго сезона въ Англии. Успѣхъ „Журналиста“ среди лондонской публики и въ значительной части печати объясняется главнымъ образомъ бытописательной стороною романа. Кири рисуется міръ писателей, литературные клубы, затрогиваетъ разныя литературныя „злобы дня“, говоритъ о литературныхъ лагеряхъ, рисуется портреты и каррикатуры журналистовъ, имѣющихъ успѣхъ, и тѣхъ, кто его напрасно добивается,—все это въ достаточной степени интригуется средняго англійскаго читателя, знакомя его съ сравнительно мало извѣстной стороною лондонской жизни. Англійскіе романисты изображаютъ обыкновенно или свѣтское общество, „верхнія десять-тысячъ“ (*the upper ten thousand*), составляющія „сливки“ общества, или же, въ угоду демократическимъ вкусамъ современности, берутъ свои сюжеты изъ жизни рабочихъ кварталовъ Лондона. Специально журнальная среда и психологія писателя сравнительно мало изображались въ англійской беллетристикѣ. Герои у Кири и та жизнь, которую они ведутъ, имѣютъ поэтому интересъ новизны.

Для иностраннаго читателя эта бытовая сторона романа представляетъ сравнительно мѣньшій интересъ. Она только показываетъ, что Англія все болѣе утрачиваетъ прежнюю обособленность нравовъ и общаго характера жизни. Въ лучшихъ произведеніяхъ англійской литературы чувствовалась всегда крайняя самобытность, и, вплоть до самаго послѣдняго времени, въ каждомъ англійскомъ писателѣ сказывался островитянинъ, который во всемъ—въ жизни, въ мысляхъ и во вкусахъ—имѣетъ свои несхожіе ни съ чѣмъ другими принципы.

Но сила времени повляла и на стойкую обособленность островитянь. И самая жизнь, и отраженіе ея въ искусствѣ, начинаютъ все болѣе сближать Англію съ остальной Европой. Нравы англійскаго общества утрачиваютъ свою обычную замкнутость, англійская эксцентричность становится достояніемъ исторіи, и въ изображеніи быта современной Англіи европейскій читатель нерѣдко узнаетъ знакомыя ему черты.

Литературные нравы и свѣтская жизнь въ изображеніи Кири уже не представляютъ, такимъ образомъ, ничего специфически англійскаго, кромѣ, быть можетъ, усовершенствованнаго комфорта, клубовъ и нѣкоторыхъ вполнѣ англійскихъ формъ общественной жизни въ богатыхъ замкахъ и въ лондонскихъ салонахъ. Самые же интересы, разговоры, условія литературнаго успѣха, о которыхъ такъ много говорится въ романѣ,—все это такъ же относится къ Англіи, какъ и ко всякой другой европейской странѣ. Типичность англійскаго литературнаго быта очень любопытна; отразивъ ее—быть можетъ, безсознательно,—Кири придавъ историческій интересъ своему роману и далъ еще одно доказательство того, что самая характерная черта нашего времени—космополитизмъ.

Болѣе интереснымъ, чѣмъ бытовая сторона „Журналиста“, является его психологическое содержаніе. Кири описываетъ жизнь писателя, средняго по таланту, начиная съ первыхъ его шаговъ въ литературѣ и до того момента, когда въ сорокъ слишкомъ лѣтъ онъ покончилъ со всѣми своими стремленіями, вошелъ въ „колею“ и чувствуетъ себя побѣжденнымъ жизнью. Это постепенное созрѣваніе молодого писателя, различныя вліянія жизни и литературы и упорная работа времени и среды надъ индивидуальными порывами—составляютъ драматическій элементъ романа. Психологія героя, Ричарда Во, интересна тѣмъ болѣе, что авторъ сильнѣе всего настаиваетъ на интеллектуальныхъ переживаніяхъ молодого писателя, рисуя лишь слабыми намеками его очень обыденную любовную исторію. Но, къ сожалѣнію, художественная сторона романа стоитъ ниже его замысла. То, что есть своеобразнаго въ душевной жизни Ричарда Во, расплывается среди слишкомъ пространныхъ описаній свѣтскихъ сборищъ и, главное, безконечныхъ разговоровъ и споровъ о Золя, Ибсенѣ, о сѣверной драмѣ, символическомъ искусствѣ и другихъ заѣзженныхъ вопросахъ дня. Почему-то англійская критика превозноситъ Кири именно за эти, по общему мнѣнію, блестящіе діалоги и пренія о новомъ и старомъ искусствѣ. Нужна, очевидно, англійская привычка къ разговорамъ на обѣдахъ и вечерахъ „общества“, ко всей банальности англійскаго „small talk“, чтобы найти свѣжесть и новизну въ литературныхъ бесѣдахъ, которыя ведутся въ романѣ Кири членами „Pugaeap club“. Самъ авторъ, очевидно, тоже придаетъ главное значеніе тому,

что составляет какъ бы фонъ романа, т.-е. общей физиономіи лондонскаго журнальнаго міра, отдѣльнымъ портретамъ литературныхъ львовъ, ироническому изображенію невѣжества и шарлатанства, изъ которыхъ на половину составляется успѣхъ писателя.

Такое отношеніе къ роману у Кири едва ли правильно. Если авторъ „Журналиста“ обладаетъ нѣкоторой свѣжестью таланта, выдѣляющей его изъ общей массы шаблонныхъ англійскихъ беллетристовъ, то свѣжесть эта сказалась гораздо болѣе въ психологическомъ замыслѣ романа, чѣмъ въ бытовыхъ подробностяхъ.

Ричардъ Во испытываетъ на себѣ рядъ вліяній извнѣ, и среди нихъ крѣпнетъ, созрѣваетъ и старѣется въ сравнительно короткій срокъ личность молодого писателя. Первый толчокъ даетъ ему жажда успѣха, честолюбіе довольно поверхностнаго характера. Онъ выступилъ рядомъ остроумныхъ бесѣдъ въ видной газетѣ, обратилъ на себя вниманіе, и его радуешь мелкая монета успѣха, — дружеское рукопожатіе вліятельнаго критика, приглашеніе въ аристократическій салонъ и, главное, то, что онъ сталъ членомъ литературнаго клуба, куда проникаютъ лишь избранные. Когда онъ вступаетъ въ завѣтную курительную комнату клуба, гдѣ засѣдаютъ боги журнальнаго Олимпа, — онъ чувствуетъ приливъ гордости и понятной молодой радости. Жизнь ему кажется прекрасной, всѣ бесѣды съ болѣе близкими литературными друзьями захватываютъ его, вдохновляютъ къ работѣ, и всякія встрѣчи въ обществѣ, вниманіе женщинъ возбуждаютъ въ немъ только умственный интересъ. Сердце въ немъ молчитъ, вѣрное памяти умершей возлюбленной его юности. Но положеніе дѣлъ скоро мѣняется — опьяненіе первыхъ успѣховъ проходитъ, и молодой писатель начинаетъ чувствовать внутреннюю отчужденность отъ литературной среды, съ такимъ радушіемъ принявшей его въ число своихъ собратьевъ. Онъ разочаровывается въ умѣ и знаніяхъ знаменитаго критика, присутствуя нѣсколько разъ при ловкихъ маневрахъ, которыми тотъ старается поддержать ничѣмъ не заслуженную имъ репутацію. Другіе „львы“ обнаруживаютъ, при болѣе близкомъ знакомствѣ, дутость своей славы. Но не только эти разочарованія въ отдѣльныхъ людяхъ вліяютъ на молодого писателя — онъ начинаетъ понимать, до чего пагубно для писателя держаться старыхъ путей, до чего неуклонное слѣдованіе традиціямъ, давая легкій успѣхъ, умерщвляетъ мысль и парализуетъ всякое движеніе впередъ. Въ себѣ онъ чувствуетъ силу бороться противъ избитыхъ формъ въ литературѣ — и два новыхъ вліянія поднимаютъ въ немъ творческую силу. Первое изъ нихъ — чисто литературное. Онъ знакомится съ оригинальнымъ писателемъ, полу-датчаниномъ, полу-англичаниномъ, авторомъ пьесы мистическаго характера. Въ пьесѣ Джонсона, очевидно навѣянной Ибсеномъ, ставится также

своеобразная психологическая проблема: молодая женщина, инстинктивно стремящаяся къ материнству, но бездѣтная, уходитъ отъ мужа и хочетъ хоть тѣмъ отчасти исполнить свое призваніе, что беретъ къ себѣ ребенка крестьянки, которой она глубоко завидуетъ за ея материнство. Эта пьеса глубоко волнуетъ Ричарда, какъ нѣчто новое, разбивающее рамки условности. Но кромѣ своей пьесы, Джонсонъ вліяетъ на Ричарда загадочностью своей жизни и своимъ рѣзкимъ умомъ, своими нападками на застои въ англійскихъ литературныхъ кружкахъ, съ ихъ преклоненіемъ передъ „среднимъ читателемъ“, создающимъ успѣхъ книги. Ричардъ подпадаетъ подъ личное обаяніе Джонсона, ѣдетъ за нимъ въ Германію, путешествуетъ съ нимъ—и возвращается въ Англію новымъ человѣкомъ, которому члены „Pugaeen“ уже далеко не кажутся жрецами истиннаго искусства. Этому духовному перерожденію Ричарда способствуетъ также переживаемая имъ любовная исторія. Онъ знакомится съ молодой красавицей, Кларой Варбуртонъ; мужъ ея—военный, увлеченный службой, жалующийся на то, что въ колоніяхъ недостаточно воюютъ съ туземцами; онъ получаетъ повышеніе по службѣ и уѣзжаетъ командовать своей бригадой въ Индію, оставляя временно жену въ Англи на попеченіи родныхъ и друзей. Клара съ первой встрѣчи поражаетъ молодого писателя оригинальностью своего насмѣшливаго ума. Онъ чувствуетъ близость къ ней въ своемъ инстинктивномъ протестѣ противъ условности и банальности окружающей среды. Они часто видятся. Кларѣ нравится „мальчикъ“, и она увѣрена, что питаетъ къ нему материнскія чувства: она, какъ героиня Джонсона, страдаетъ отъ обманутыхъ надеждъ на материнство, и вся оживляется, лаская чужихъ дѣтей; она кажется тогда Ричарду мадонной—съ выраженіемъ дѣвической чистоты и глубины материнскаго счастья на лицѣ. Клара и Ричардъ часто встрѣчаются; она устраиваетъ такъ, чтобы имъ приходилось вмѣстѣ проводить дни и недѣли въ гостяхъ у ея же родственниковъ. Дружба и близость ихъ растетъ, отражаясь, однако, очень различно въ душѣ молодого писателя и молодой женщины, которая, до того, не испытала глубокой настоящей любви. Клара начинаетъ сильно любить Ричарда и страдать отъ его отсутствія. Онъ же извлекаетъ изъ своей дружбы съ умной, красивой женщиной только пищу для ума. Онъ укрѣпляется въ своемъ стремленіи къ самобытности, относится скептически къ тѣмъ любимцамъ публики, которыхъ прежде почиталъ, и очень непринужденно относится къ Кларѣ, общество которой ему отраднo. Когда ему приходитъ мысль путешествовать по Германіи и навѣстить Джонсона, Ричардъ уѣзжаетъ съ легкимъ сердцемъ и даже не предупреждаетъ Клару. Весь этотъ періодъ жизни Ричарда—отъ первой встрѣчи съ Кларой и Джонсономъ—до того, какъ онъ отправляется

въ Германію—цвѣтущая пора его жизни. Душа его свободна отъ всякихъ личныхъ связей и открыта всѣмъ вліяніямъ, поднимающимъ творческую силу. Онъ не нуждается въ поддержкѣ толпы, критически относится, къ общепризнаннымъ талантамъ, къ лъвамъ сезона, и вѣрить въ свои силы, въ то, что онъ пишетъ, хотя его рукописи, которыя прежде принимались издателями съ готовностью, начинаютъ возбуждать нѣкоторое колебаніе.

Все мѣняется съ возвращеніемъ Ричарда въ Англію. Онъ не сумѣлъ воспользоваться до конца тѣми двумя силами, которыя судьба послала ему — и жизнь побуждаетъ его. Вліяніе Джонсона было плодотворно, пока личность страннаго датчанина оставалась въ тѣни и какъ бы только олицетворяла собой далекій сѣверъ, проповѣдь сильной воли, свободной личности. Но Ричарда влечетъ желаніе стать ближе къ этому для него роковому челобѣку, — сорвать съ него покровъ таинственности. Онъ этого достигаетъ, проникнувъ въ частную жизнь Джонсона—и находитъ около возвышеннаго строгаго сѣверянина его друга—кутилу музыканта, увлекающаго Джонсона въ свои грязныя похождения. Ричардъ путешествуетъ съ обоими друзьями — и уже выносить изъ этого совмѣстнаго странствованія не одно облагораживающее вліяніе вдохновеннаго таинственнаго датчанина, но и воспоминаніе о циническихъ теоріяхъ его товарища. Возвращаясь въ Англію, Ричардъ разбиваетъ вторую опору своего творческаго духа—дружбу съ Кларой. На одномъ изъ свиданій молодая женщина, глубоко страдающая въ душѣ и твердо рѣшившись никогда не выдавать Ричарду тайну своей любви къ нему, объявляетъ ему о своемъ скоромъ отъѣздѣ въ Индію. Ричардъ, измѣняя своему „интеллектуализму“ и своей свободѣ, начинаетъ говорить Кларѣ о своей любви и цѣлуетъ ее противъ ея воли. Эта грубость разбиваетъ всѣ чары. Клара уѣзжаетъ, не увидавъ болѣе Ричарда—и для него начинается иная жизнь безъ вдохновенія, безъ вѣры. Вѣшняя жизнь течетъ по прежнему, прежніе „львы“ продолжаютъ быть предметами поклоненія и царить въ „Ругаеап“, но молодой энтузіастъ Ричардъ ступшевывается. Идти своимъ путемъ ему оказалось не по силамъ, пойти по теченію—не по душѣ; онъ остался на перепутьи между старымъ и новымъ, способный только на критику и отрицаніе существующаго, а не на созиданіе новаго. Плодъ такого отрицанія—самая книга Кири, какъ обличителя современныхъ литературныхъ нравовъ въ Англіи.—З. В.

НЕКРОЛОГЪ.

Яковъ Петровичъ Полонскій.

Род. въ Рязани 6 дек. 1819 г.; сконч. въ Слб. 18 окт. 1898 г.

Умеръ поэтъ *задушевнаго чувства*. Этимъ не исчерпывается поэзія Полонскаго, но это, конечно, самая отличительная ея особенность. Надо всёю разнообразіемъ житейскихъ, общественныхъ и историческихъ мотивовъ, освѣщенныхъ мягкимъ свѣтомъ его поэзіи, господствуетъ у Полонскаго эта внутренняя основа простого и глубокаго человѣческаго чувства. Эта простота проявляется даже тамъ, гдѣ по сюжету всего менѣе можно было бы ее ожидать. Послѣ Пушкина и Лермонтова, но не по ихъ слѣдамъ, Полонскій отдалъ поэтическую дань Кавказу. Величіе природы, живописность туземнаго быта, героизмъ разнаго рода—русскій и черкесскій, мужской и женскій—все это у него на заднемъ планѣ, а по срединѣ—задушевная простота чувства, выступающаго и въ его прощаніи съ Кавказомъ:

....Одинокое сердце оглянется
И забьется знакомой тоской.
Вспомню домикъ твой, дворикъ, увѣшанный
Виноградными кистями, тѣнь,
Гдѣ, твоимъ лепетаньемъ утѣшенный,
Я вкушала безмятежную глѣнь.....

Чѣмъ, кромѣ простоты задушевнаго чувства, отличаются тѣ стихотворенія Полонскаго, которыя стали популярными пѣснями: „Погадай-ка мнѣ, старушка“; „Мой костеръ въ туманѣ свѣтитъ“; „Въ одной знакомой улицѣ“? И на тѣ жизненные темы, которыя возбуждали въ другихъ поэтахъ обличительное негодованіе въ ту или другую сторону, Полонскій отзывался съ тою же задушевною простотою, напримеръ: „Что мнѣ она? не жена, не любовница, и не родная мнѣ дочь“... Поэтъ не былъ слѣпъ къ сложности исторической жизни, но болѣе всего онъ отзывался на тѣ простыя человѣческія отношенія, которыя скрываются за этою сложностью: такъ, въ запутанной и темной исторической трагедіи—второй имперіи—онъ отмѣтилъ только два лица—мать и сына. А удивительный „Кузнечикъ-Музыкантъ“, въ которомъ та же глубина чувства превращаетъ зачинавшуюся сатиру въ идиллію и заканчиваетъ такую трогательною элегіей?.. А какъ та же

сила задушевности боролась у Полонскаго съ классическою формою и подъ конецъ одолѣвала ее („Аспазія“, „Кассандра“)!.. Много оставилъ Полонскій для исторіи русской литературы, но то, что останется отъ него въ душѣ русскаго народа, пока живъ русскій языкъ,—то все написано имъ какъ главнымъ послѣ Пушкина поэтомъ простого задушевнаго чувства. Это въ немъ самое цѣнное, что сразу вспомнилось при вѣсти о его кончинѣ. А подробная оцѣнка его поэзіи—впередѣ.

Владиміръ Соловьевъ.

23 окт. 1898 г.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 ноября 1898.

Дѣло ксендза Вѣлякевича и комментаріи къ нему въ печати.—Официальное опроверженіе по дѣлу сектантовъ села Екатериновки.—Двѣ рѣчи финляндскаго генералъ-губернатора.—Особое совѣщаніе по вопросу о воинской повинности въ Финляндіи.—Письмо лифляндскаго генералъ-суперинтендента въ редакцію „Сиб. Вѣдомостей“.

Религіозный фанатизмъ принадлежитъ, повидимому, къ числу тѣхъ страстей, которыя, какъ остатокъ давно пропешаго, дремлютъ въ глубинѣ человѣческой души и пробуждаются, порою, съ поразительною силой. Не гарантируетъ отъ такихъ пробужденій ни одно исповѣданіе, не создаетъ противъ нихъ непреодолимаго оплота ни ростъ вѣротерпимости, ни общее смягченіе нравовъ. Они возможны въ самыхъ культурныхъ странахъ, хотя, конечно, степень ихъ вѣротности и интенсивности обратно пропорціональна степени культуры. Если они не вызываются и не поощряются извнѣ,—они относятся всецѣло къ области личной психологіи или, лучше сказать, психопатологіи; объясненія имъ можно искать только въ личныхъ свойствахъ изувѣра, въ болѣзненныхъ особенностяхъ его природы. Съ этой именно точки зрѣнія слѣдуетъ смотрѣть на недавнее „ковенское дѣло“—дѣло ксендза Вѣлякевича, обвиняемаго въ истязаніи нѣсколькихъ женщинъ. Какъ ни возмутительны приписываемыя ему дѣйствія—говоримъ: *приписываемыя*, потому, что о *доказанности* ихъ до судебнаго рѣшенія не можетъ быть еще рѣчи,—къ обобщеніямъ, неблагоприятнымъ для всей католической церкви въ Россіи или хотя бы для католическаго духовенства ковенской епархіи, они не дадутъ никакого повода. Къ насилію, пыткамъ, лишенію свободы католическое духовенство, какъ сословіе, не прибѣгаетъ въ настоящее время даже въ тѣхъ государствахъ, гдѣ оно пользуется господствующимъ или вліятельнымъ положеніемъ; можно ли предположить, что оно дозволяетъ или допускаетъ ихъ тамъ, гдѣ къ нему могутъ относиться недо вѣрчиво и подозрительно, гдѣ представители власти всѣ принадлежатъ къ другой церкви, гдѣ въ средѣ общества и печати довольно широко распространена вражда къ ксендзамъ и къ костелу? Можно ли предположить, что католическій епископъ или хотя бы настоятель костела смотрѣлъ сквозь пальцы на злодѣянія, прямо подходящія подъ дѣйствіе уголовнаго закона и грозящія скандальнымъ процессомъ, а затѣмъ и новыми стѣсненіями для всего русскаго католическаго духовенства. Одно изъ двухъ: или истязаніе „грѣшниковъ“ входитъ въ

кругъ дисциплинарныхъ мѣропріятій, рекомендуемыхъ или терпимыхъ католическою церковью—но въ такомъ случаѣ злоупотребленія этого рода давно сдѣлались бы извѣстными правительству и публикѣ; или оно противно обычаямъ и правиламъ этой церкви—и въ такомъ случаѣ отвѣтственность за него всецѣло падаетъ на фанатика, дѣйствовавшаго по собственному побужденію, безъ вѣдома своего начальства. Таковы указанія простого здравого смысла—но само собою разумѣется, что они необязательны для реакціонной и ультра-націоналистической печати. Она признаетъ, во-первыхъ, доказаннымъ, что побудительной причиной преступныхъ дѣйствій Бѣлякевича было „служеніе призраку Польши, культивированіе въ народѣ ненависти къ Россіи“ („Московскія Вѣдомости“, № 261). Между тѣмъ, мотивы преступления всего меньше поддаются опредѣленію на основаніи слуховъ и догадокъ. Слѣдствіе, какъ и всегда, ведется въ тайнѣ; никто не можетъ знать съ достовѣрностью, что показываютъ свидѣтели и что говорить самъ Бѣлякевичъ. По мнѣнію епископа Паллюліона ¹⁾, Бѣлякевичъ систематически и страстно преслѣдовалъ незаконныя сожительства, все равно, съ православными или съ католиками. Съ этимъ мнѣніемъ согласенъ, повидимому, и прокуроръ ковенскаго окружного суда, не нашедшій въ дѣлѣ Бѣлякевича „ничего политическаго, нивакихъ особенныхъ мотивовъ“. Подтверждается оно отчасти даже разсказомъ, помѣщеннымъ въ одной изъ полонофобскихъ и католикофобскихъ газетъ („Свѣтъ“, № 247): изъ двухъ женщинъ, которыхъ истязалъ Бѣлякевичъ, только одна (Жуковская) была, будто бы, въ связи съ русскимъ. Правда, истязаніе другой (Бернатовичъ) приписывается тому, что она держала Жуковскую у себя на квартирѣ; но даже самый завзятый охранитель чистоты нравовъ едва ли можетъ считать квартирохозяйку отвѣтственною за поведеніе жилицы... Несомнѣнна, далѣе, въ глазахъ усердствующей печати виновность іерархическихъ начальниковъ Бѣлякевича—виновность или прямая, если они знали о его преступныхъ дѣйствіяхъ, или косвенная, если они о нихъ не знали. „Если епископъ“—говорятъ „Московскія Вѣдомости“—„не зналъ о подвигахъ Бѣлякевича, то, значитъ, Бѣлякевичъ, свободный отъ всякаго контроля государственной власти, въ дѣйствительности остается столь же свободнымъ и отъ контроля своего епископа“. То же самое разсужденіе повторяется и по отношенію къ папѣ, при чемъ рѣчь идетъ уже не объ одномъ ксендзѣ Бѣлякевичѣ, а о *ксендзахъ* во множественномъ числѣ, какъ будто бы истязаніе ксендзами своихъ прихожанъ было чѣмъ-то общепринятымъ и зауряднымъ. Чтò такое, однако, контроль епископа надъ священниками и

¹⁾ См. корреспонденцію изъ Ковно въ № 8115 „Новаго Времени“.

тѣмъ болѣе, контроль папы надъ епископами? Очевидно—не что иное, какъ наблюдение за исполненіемъ обязанностей, проистекающихъ изъ священнаго сана. Если священникъ проповѣдуетъ съ каедръ ученіе, несогласное съ догматами церкви, если онъ нарушаетъ установленныя ею обряды, если онъ открыто, не какъ частное лицо, а какъ служитель вѣры, вторгается въ чуждую ей политическую область, если частная его жизнь служить предметомъ соблазна для вѣрующихъ,—это не можетъ и не должно оставаться, à la longue, неизвѣстнымъ его начальству: оно имѣетъ множество средствъ раскрыть истину и, раскрывъ ее, обязано принять соотвѣтствующія мѣры, подъ опасеніемъ упрека въ „слабомъ смотрѣніи“ или въ бездѣйствіи власти. Совсѣмъ иное дѣло—проступки, совершаемые въ тайнѣ и одинаково противныя какъ гражданскимъ, такъ и церковнымъ законамъ. Обнаруживать ихъ и возбуждать противъ виновнаго уголовное преслѣдованіе — задача свѣтской власти; духовное начальство отвѣтственно, въ подобныхъ случаяхъ, только тогда, когда оно, зная о преступленіи или рядѣ преступленій, ничего не предпринимало для ихъ предупрежденія и пресѣченія. Совершенно нелѣпо восклицать, какъ это дѣлаютъ „Московскія Вѣдомости“: „и мы принуждены признавать самостоятельность Бѣлякевича, его свободу дѣйствій во имя самостоятельности (католической) церкви“! Нисколько не принуждены, какъ это и показало самое арестованіе Бѣлякевича и привлеченіе его къ сѣдствію. Уваженіе къ самостоятельности иновѣрной церкви требуетъ только одного—примѣненія къ ея служителямъ общаго юридическаго начала: quilibet praesumitur bonus, donec probatur contrarium... Нелзя заподозривать настроеніе всендза только потому, что онъ—всендзъ; здѣсь, какъ и всегда, нужно, по извѣстному Щедринскому выраженію, „ожидать поступковъ“. Когда „поступки“, запрещенныя закономъ, совершены и раскрыты, они должны повлечь за собою надлежащую кару; но даромъ предвидѣнія не обладаетъ никто, и принятіе мѣръ противъ *будущаго* преступника не входитъ въ кругъ обязанностей ни церковной, ни гражданской власти.

Если вѣрить корреспонденту „Новаго Времени“, мѣстные представители суда и управленія относятся къ дѣлу Бѣлякевича далеко не одинаково. Прокуроръ ковенскаго окружнаго суда заявилъ корреспонденту, что обобщать дѣло Бѣлякевича, сваливать его вину на другихъ—нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній, и что противъ ковенскихъ всендзовъ вообще онъ, прокуроръ, ничего не имѣетъ. Должностныя лица административнаго вѣдомства (какія именно—этого изъ корреспонденціи не видно) держатся другого мнѣнія: они объясняютъ дѣйствія Бѣлякевича не только религіознымъ фанатизмомъ, но и нена-

вистью къ русскимъ, общему ему съ другими ксендзами и выражающеюся, между прочимъ, въ требованіи отъ прихожанъ знанія молитвъ не на родномъ ихъ языкѣ (жмудскомъ или литовскомъ), а непременно на польскомъ. Интересы католицизма въ ковенской губерніи, имѣющей, при 32 православныхъ церквахъ, 900 католическихъ костеловъ ¹⁾, ограждены совершенно достаточно, и если ксендзы все-таки занимаютъ боевыя позиціи и прибѣгаютъ къ террору, то поступаютъ они такимъ образомъ въ интересахъ польской „ойчизны“. „Католики и поляки“—говорилъ корреспонденту „одинъ изъ самыхъ видныхъ и опытныхъ администраторовъ края“—между собою солидарны, евреи между собою солидарны, русскіе—нѣтъ. Когда судъ освободилъ Бѣлякевича подъ залогъ въ пять тысячъ рублей ²⁾, эти 5 тысячъ были тотчасъ же собраны среди мѣстныхъ польскихъ помѣщиковъ и присяжныхъ повѣренныхъ; мы же никакъ не можемъ между собой столковаться“. Признаемся откровенно: въ нашихъ глазахъ болѣе чѣмъ сомнительна или точность передачи словъ, сказанныхъ корреспонденту, или компетентность его собесѣдниковъ. Чтò общаго между вопросомъ о языкѣ, на которомъ должны быть читаемы молитвы, и вопросомъ о мотивахъ преступленія, въ которомъ обвиняется Бѣлякевичъ? Допустимъ, что многіе изъ числа ксендзовъ—не только поляки по происхожденію, но и польскіе патриоты по настроенію; слѣдуетъ ли отсюда, что они способны истязать женщинъ за близкія отношенія къ православнымъ или становиться сообщниками истязаній, зная о нихъ и ничего не дѣлая для ихъ прекращенія? Какимъ образомъ, съ другой стороны, можно ожидать отъ русскихъ, да еще, вдобавокъ, отъ русскихъ должностныхъ лицъ, такой же солидарности, какая существуетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ средѣ поляковъ или евреевъ? Между людьми, подвергающимися однимъ и тѣмъ же ограниченіямъ, стѣсненіямъ или преслѣдованіямъ, естественно образуется внутренняя связь, проявляющаяся съ особенною силой, когда нужно отстоять, поддержать, защитить одного изъ нихъ. При извѣстныхъ условіяхъ это явленіе повторяется вездѣ и всегда, какія бы ни принимались противъ него принудительныя мѣры; съ улучшеніемъ условій оно исчезаетъ само собою. Понятно, что ничего подобнаго не бываетъ въ тѣхъ сферахъ, откуда исходятъ ограниченія и стѣсненія: здѣсь нѣтъ мѣста для развитія чувствъ, вызываемыхъ общностью гнета. Еще меньше можетъ идти рѣчь о солидарности между представителями различныхъ отраслей управленія. Каждое должностное лицо обязано дѣйствовать на

¹⁾ Эти цифры вполне соотвѣтствуютъ числу православныхъ и католиковъ въ ковенской губерніи, какъ оно опредѣляется самимъ корреспондентомъ (47.160 и 1.239.330).

²⁾ Нѣсколько времени спустя Бѣлякевичъ былъ вновь заключенъ подъ стражу.

основаніи закона, примѣняя его по своему крайнему разумѣнію, независимо отъ національности и вѣроисповѣданія тѣхъ лицъ, съ которыми оно имѣетъ дѣло. Если прокуроръ не видитъ въ дѣлѣ Бѣлякевича ничего другого, кромѣ единичной вспышки религіознаго фанатизма, а представитель администраціи—напр. полиціймейстеръ или чиновникъ особыхъ порученій—считаетъ его продуктомъ сословно-національныхъ тенденцій, то это не можетъ не отозваться на ихъ образѣ дѣйствій, и попытка установить между ними искусственное согласіе была бы равносильна требованію, чтобы одинъ изъ нихъ поступилъ вопреки своему убѣжденію... Едва ли, наконецъ, можно утверждать, что интересы католической религіи въ ковенской губерніи „ограждены совершенно достаточно“; краснорѣчивымъ доказательствомъ противнаго служить всѣмъ памятное еще „крожское дѣло“.

Газеты, поспѣшившія обратить процессъ Бѣлякевича въ орудіе своихъ специфическихъ стремленій, съ особеннымъ усердіемъ выводятъ изъ него заключеніе о необходимости преобразования католическихъ духовныхъ семинарій. „Московскія Вѣдомости“ ставятъ этотъ вопросъ прямо; корреспондентъ „Новаго Времени“ наводитъ на него окольнымъ путемъ, напоминая, что изъ той же ковенской духовной семинаріи, въ которой воспитывался Бѣлякевичъ, вышелъ и шавельскій ксендзь Рымейко (привлеченный къ административной отвѣтственности по поводу его образа дѣйствій при введеніи въ западномъ краѣ новаго порядка чтенія молитвъ иновѣрными воспитанниками учебныхъ заведеній). Весьма возможно, что въ положеніи католическихъ духовно-учебныхъ заведеній есть тѣ или другія аномаліи: но реформа, предпринятая подъ давленіемъ предвзятой враждебной мысли, едва ли привела бы къ желанной цѣли. Объ учебномъ заведеніи нельзя судить по нѣсколькимъ отдѣльнымъ его ученикамъ, нельзя уже потому, что, кромѣ воспитанія, есть множество другихъ вліяній, обуславливающихъ развитіе юноши и въ стѣнахъ, и, тѣмъ болѣе, за стѣнами школы. Въ особенности рискованно возлагать на учебное заведеніе хотя бы небольшую долю отвѣтственности за такіе исключительные факты, какъ приписываемые Бѣлякевичу—факты, заставляющіе предполагать въ ихъ виновникѣ глубокую извращенность психическаго строя. О степени легкомыслія газетныхъ обличеній можно судить уже по сопоставленію именъ Бѣлякевича и Рымейко: Бѣлякевича, нарушившаго—если основательны взводимыя на него обвиненія—самыя элементарныя требованія гуманности и нравственности, и Рымейку, обнаружившаго недостатокъ сдержанности и такта... „Увлеченія“ обличителей идутъ, впрочемъ, еще дальше: одинъ изъ нихъ прямо требуетъ отчета о причинахъ снисхожденія, оказываемаго уже не мало пострадавшему ксендзу Рымейкѣ. „Я слышалъ“—съ такимъ замѣчаніемъ

обратился корреспондентъ „Новаго Времени“ къ епископу Паллюіону, — „что Рымейко, послѣ своего заточенія въ монастырѣ, не имѣлъ права занимать мѣсто въ ковенской епархіи, въ особенности же въ Шавляхъ“. — „Но куда же мнѣ было его дѣть!“ — воскликнулъ, въ отвѣтъ на это, епископъ. „Я представилъ его на філію, генераль-губернаторъ мнѣ отказалъ; потомъ представилъ его въ викаріи, и до сихъ поръ отвѣта не получилъ. Что же мнѣ съ нимъ дѣлать! Не умирать же ему съ голоду! Въ Шавляхъ у него осталось кое-какое хозяйство и книги, настоятель востела его кормить, ну, онъ и живетъ себѣ въ Шавляхъ. Мессу онъ служить, но въ процессіяхъ не участвуетъ и проповѣдей не говоритъ“. При такихъ условіяхъ указаніе, въ газетной корреспонденціи, на неправильный образъ дѣйствій епископа по отношенію къ Рымейкѣ должно быть названо по меньшей мѣрѣ невеликодушнымъ. Удовольствіе въ точномъ исполненіи своихъ раснораженій администрація имѣетъ полную возможность и безъ содѣйствія печати...

Рѣзкій контрастъ съ „обличительными“ статьями, вызванными въ газетахъ дѣломъ Бѣлякевича, представляетъ „письмо“ въ „Руси“ (№ 99) Влад. Серг. Соловьева. Остроумное по формѣ, глубокое по содержанию, оно написано на тему о комарахъ и верблюдахъ, вполне подходящую къ данному случаю. Чтобы оцѣнить его по достоинству, нужно прочесть его съ начала до конца; но объ основной его мысли можетъ дать понятіе слѣдующая короткая цитата. Приведа евангельскія слова: „вожаки слѣпые, отцѣживающіе комара, верблюда же поглощающіе“, авторъ продолжаетъ: „я былъ бы неправъ, еслибы говорилъ, что нужно пить вино и чай съ комарами. Но вѣдь противъ такихъ комаровъ, какъ ковенскій всендзъ, существуютъ хорошія сѣтки, которыя я вполне уважаю: полиція и юстиція. А я хотѣлъ только сказать, что нечего думать о комарахъ, когда въ горлѣ застрялъ верблюдъ, и не хорошо беспокоиться о чужомъ сучкѣ, когда у себя въ глазу бревно“. Старинный афоризмъ: „лежачаго не бьютъ“, Вл. С. Соловьевъ весьма удачно дополняетъ новымъ: „довлѣетъ острогъ сидящему въ немъ“. Наша реакціонная печать руководствуется, повидимому, прямо противоположнымъ правиломъ.

Около года тому назадъ у насъ былъ приведенъ, со словъ „Приазовскаго края“, рассказъ объ отобраніи дѣтей у шалопутовъ села Екатериновки, мелитопольскаго уѣзда, таврической губерніи ¹⁾. Недавно въ той же газетѣ (№ 237) появилось официальное опроверже-

¹⁾ См. 1897 г., дек., 885 стр.

ніе этого разсказа, подписанное екатеринославскимъ епархіальнымъ миссіонеромъ А. Дородниѣкимъ. „Фактъ отобранія дѣтей“—читаемъ мы въ опроверженіи—„дѣйствительно имѣлъ мѣсто, но обстоятельства, сопровождавшія его, искажены корреспондентомъ „Приазовскаго края“ до неузнаваемости. Къ числу такихъ обстоятельствъ принадлежать: *тридцать* семействъ сектантовъ, торжественный выходъ на крыльцо властей и чтеніе оттуда циркулярнаго распоряженія, рѣчь священника о деморализаціи сектантства, цѣлованіе одеждъ у духовенства и многое другое“. По удостовѣренію миссіонера, подтверждаемому сообщеніемъ екатериновскаго волостного правленія, семей, у которыхъ были отобраны дѣти, всего *четыре*; никакою торжественностью отобраніе дѣтей не сопровождалось; единственный присутствовавшій при немъ священникъ никакой „растерянности“ не проявилъ и слезъ рукавомъ не утиралъ. Отобраніе дѣтей происходило на основаніи распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ, въ два пріема, въ 1892 и въ 1895 г. (въ послѣдній разъ—у тѣхъ семей, которыя раньше обѣщали воспитывать дѣтей въ духѣ православія, но не исполнили обѣщанія). Первоначальнымъ поводомъ къ возбужденію дѣла послужило сообщеніе миссіонерскаго комитета, вызванное заявленіемъ одной крестьянки (Бондаренко), что мужъ ея всячески ее угнетаетъ за нерасположеніе къ сектѣ и требуетъ отъ нея, между прочимъ, истребленія плода еще во чревѣ, чтобы у нихъ не было дѣтей.—Такова фактическая сторона опроверженія, особенно настаивающаго на томъ, что отобраніе дѣтей у шалопутовъ с. Екатериновки совершилось „тихо, незамѣтно, безъ всякой толпы, какъ вообще исполняются распоряженія высшаго начальства, гдѣ субъективныя мнѣнія и чувства не должны имѣть мѣста“. Самое существованіе у шалопутовъ нѣжныхъ родительскихъ чувствъ подвергается сомнѣнію, въ виду вышеприведеннаго заявленія крестьянки Бондаренко. „Пора, наконецъ“—воскликаетъ авторъ опроверженія,—„пора сознать всѣмъ защитникамъ нашихъ мнимо-угнетенныхъ сектантовъ, что законы гуманнѣйшаго русскаго народа не преслѣдуютъ сектантовъ за ихъ религіозныя заблужденія, и что если время отъ времени и возникаютъ отдѣльные эпизоды преслѣдованія сектантовъ, то причиною этому всегда бываютъ сектанты, своими дѣйствіями нарушающіе основные государственные законы“. Событіе въ Екатериновкѣ было не чѣмъ инымъ, какъ примѣненіемъ закона: „изъ-за чего же въ этомъ случаѣ поднимать шумъ? Почему во всѣхъ другихъ случаяхъ примѣненія закона обыкновенно такого шума не бываетъ? Почему же тѣ же частные охранители государственныхъ интересовъ проходятъ молчаніемъ многочисленныя случаи примѣненія закона къ ворами, убійцамъ и прочимъ темнымъ дѣятелямъ? Неужели они ду-

мають, что нарушение интересовъ церкви менѣ вредитъ основнымъ началамъ государственной жизни, чѣмъ, напримѣръ, коноградство“?

Дальше выражается предположеніе, что „весь тотъ шумъ, который подняли либеральныя газеты, съ легкаго почина гр. Л. Толстого, по поводу отобранія дѣтей у сектантовъ, возбужденъ не сочувствіемъ къ угнетенному положенію сектантовъ, а чувствомъ ненависти къ святой православной церкви“. Не будемъ говорить о томъ, насколько умѣстны подобныя предположенія въ официальномъ опроверженіи, напечатаніе котораго обязательно для газеты въ силу закона. Для насъ достаточно указать на внутреннюю ихъ несостоятельность. Чтобы понять „шумъ“, вызванный въ печати событіемъ въ Екатериновкѣ — если только можно назвать шумомъ нѣсколько газетныхъ и журнальных замѣтокъ, одинаково скромныхъ и по содержанію, и по формѣ—нѣтъ надобности прибѣгать къ рискованнымъ догадкамъ; нужно только припомнить, что такое насильственное разлученіе родителей съ дѣтьми, въ особенности если оно должно имѣть послѣдствіемъ и нравственное отчужденіе между тѣми и другими. Родительскія чувства у сектантовъ — тѣ же, какъ и у православныхъ; болѣе чѣмъ странно сомнѣваться въ ихъ существованіи или въ ихъ искренности и глубинѣ только потому, что *одинъ* изъ сектантовъ *будто бы* требовалъ отъ своей жены изгнанія плода (заявленіе жены, враждебно относящейся къ мужу, не можетъ, очевидно, считаться достовѣрнымъ доказательствомъ). Присутствовала ли при отобраніи дѣтей въ с. Екатериновкѣ цѣлая толпа или только немногіе, произошло ли оно „тихо“, „незамѣтно“ или при громкихъ выраженіяхъ отчаянія—это совершенно безразлично; значеніе самаго факта во всякомъ случаѣ остается неизмѣннымъ. Сдержанная, нѣмая скорбь не легче той, которая находитъ исходъ въ рыданіяхъ и вопляхъ. „Субъективныя мнѣнія и чувства“ не поддаются предписаніямъ начальства, даже высшаго; подавить ихъ въ себѣ невластны иногда даже сами исполнители приказа, если должностное лицо не убило въ нихъ человѣка. Неважно, далѣе, число семействъ, у которыхъ отобраны дѣти; горе каждаго изъ нихъ не становится меньше отъ того, что оно раздѣляется не двадцатью-девятью, а лишь тремя другими ¹⁾. Еслибы отобраніе дѣтей постигло только *одну* семью, впечатлѣніе отъ него все-таки было бы потрясающее; припомнимъ, какъ отнеслось европейское общественное мнѣніе, лѣтъ сорокъ тому назадъ, къ отобранію (въ бывшихъ папскихъ владѣніяхъ) одного ре-

¹⁾ Разница между цифрами корреспонденціи и опроверженія (30 и 4) объясняется, быть можетъ, тѣмъ, что въ первой шла рѣчь о всѣхъ случаяхъ отобранія дѣтей въ с. Екатериновкѣ, а въ последнемъ—только объ имѣвшихъ мѣсто въ 1895 г.

бенка у одного еврея Мортары. Удивляться тому, что подобные случаи обращают на себя общее вниманіе, тогда какъ многочисленные приговоры надъ ворами, убійцами и другими „темными дѣтелями“ проходятъ незамѣченными,—значить не понимать глубокаго различія между сектантами и обыкновенными преступниками, между отобраніемъ дѣтей и обыкновенными наказаніями. Уголовная кара за воровство или убійство—явленіе нормальное, неизбѣжное, повсемѣстное; отобраніе дѣтей у родителей, отступившихъ отъ господствующей церкви—явленіе исключительное, несогласное съ основными началами вѣротерпимости и чемыслимое, въ настоящее время, въ другихъ европейскихъ государствахъ. Русскій народъ совершенно правильно называется „гуманнѣйшимъ“; но отсюда еще не слѣдуетъ, что такими же и всѣ законы должны быть. Стремленіе къ измѣненію тѣхъ изъ нихъ, которые идутъ въ разрѣзъ съ священнымъ чувствомъ родительской любви, не имѣетъ ничего общаго съ „ненавистью“, въ которой авторъ опроверженія такъ смѣло обвиняетъ либеральную печать; напротивъ того, оно вполне совмѣстно съ глубокимъ уваженіемъ къ вѣрѣ и церкви.

Дѣйствующее уложеніе о наказаніяхъ (ст. 190) грозитъ тюрьмою родителямъ, которые, бывъ по закону обязаны воспитывать дѣтей своихъ въ православной вѣрѣ, будутъ воспитывать ихъ по обрядамъ другого христіанскаго исповѣданія; та же статья предписываетъ отдавать дѣтей на воспитаніе родственникамъ или опекунамъ православнаго исповѣданія. Проектъ новаго уголовного уложенія, составленный особою редакціонною комиссіею и внесенный на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, сохраняетъ, для подобныхъ случаевъ, уголовную кару (замѣняя тюрьму заточеніемъ), но ничего не говоритъ объ отобраніи дѣтей. Ошибочно было бы думать, однако, что съ утвержденіемъ проекта отобраніе дѣтей исчезнетъ изъ нашего законодательства. Оно и теперь совершается въ большинствѣ случаевъ не на основаніи уложенія о наказаніяхъ и не въ силу судебныхъ рѣшеній, а на основаніи устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій (Св. Зак. т. XIV, ст. 39 и 57) и въ силу распоряженій министра внутреннихъ дѣлъ. Высочайшаго утвержденія эти распоряженія требуютъ только въ такомъ случаѣ, если мѣра, которую министръ признаетъ необходимою, превышаетъ его власть—а предѣлы власти министра опредѣлены въ этомъ отношеніи не особенно точно. Отобраніе дѣтей, т.-е. отдача ихъ на воспитаніе постороннимъ лицамъ, закономъ прямо не установлено; охраненіе православія дѣтей, родители которыхъ уклонились въ ересь или расколъ, можетъ быть достигнуто, слѣдовательно, и безъ употребленія столь крайняго сред-

ства (напр., обязательнымъ посѣщеніемъ школы, въ которой преподается ученіе православной церкви). Уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій принадлежитъ въ числу наиболѣе устарѣвшихъ отдѣловъ нашего законодательства; онъ настоятельно нуждается въ пересмотрѣ, который и будетъ, вѣроятно, предпринятъ въ непродолжительномъ времени. Нужно надѣяться, что статьи, касающіяся отступившихъ отъ православія, въ новой редакціи устава будутъ существенно измѣнены, и повтореніе событій, совершившихся въ селѣ Екатеринбургѣ, сдѣлается навсегда невозможнымъ.

Нашимъ читателямъ извѣстна, безъ сомнѣнія, рѣчь, которую произнесъ, при вступленіи въ должность, новый финляндскій генераль-губернаторъ. „Россія“—сказалъ, между прочимъ, генераль-адъютантъ Н. И. Бобриковъ—„едина и нераздѣльна, какъ единъ и нераздѣленъ ея Императорскій престолъ, подъ сѣнію котораго великое княжество достигло своего современнаго благосостоянія. Казалось бы, поэтому, въ душѣ каждаго финлянца, которому дороги интересы его родины, стремленіе къ единенію съ Россіей должно быть всегда естественнымъ чувствомъ... *Оставляя неприкосновенными, въ предѣлахъ Высочайшаго рескрипта 1891 г., особенности Финляндіи—ея церковное устройство, права, преимущества и внутреннее управленіе,*—насколько они, конечно, не противорѣчатъ пользѣ и достоинству Россіи, государственная власть не допуститъ, однако, дальнѣйшаго распространенія въ край всего того, что можетъ препятствовать сплоченію великой Имперіи“. Успокоительными для Финляндіи являются подчеркнутыя нами слова, значеніе которыхъ едва ли ослабляется оговоркой о пользѣ и достоинствѣ Россіи. Если особенности Финляндіи не заключали въ себѣ до сихъ поръ ничего несомнѣннаго съ матеріальными и нравственными интересами Россіи—а это доказывается какъ нельзя лучше подтвержденіемъ ихъ въ 1891 г., когда уже былъ поставленъ на очередь такъ называемый „финляндскій“ вопросъ,—то нѣтъ ни малѣйшаго основанія ожидать чего-либо иного въ будущемъ. Полезное для части государства—если оно не вредитъ другимъ частямъ ¹⁾—всегда полезно и для цѣлаго. Процвѣтаніе Финляндіи, констатируемое въ рѣчи генераль-губернатора, составляетъ одну изъ лучшихъ страницъ русской исторіи XIX-го вѣка. Не подлежитъ ника-

¹⁾ Мы знаемъ, что финнофобы попрекаютъ Финляндію за каждый рубль, расходуемый на нее изъ русскаго бюджета; но такіе попреки едва ли требуютъ опроверженія, тѣмъ болѣе, что многое, предпринимаемое, повидимому, спеціально для Финляндіи служитъ на самомъ дѣлѣ всей имперіи.

кому сомнѣнію, что оно достигнуто „подъ сѣнію Императорскаго престола“,—но столь же несомнѣнно и то, что оно оказалось возможнымъ лишь благодаря упомянутыхъ въ рѣчи „особенностямъ“ великаго княжества; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить положеніе Финляндіи съ положеніемъ прилегающихъ къ ней русскихъ губерній... Въ государственной жизни, какъ и въ частной, чувства возникаютъ сами собою, являясь, конечно, косвеннымъ результатомъ фактовъ, но отнюдь не прямымъ продуктомъ требованій или предписаній. Подъ это общее правило подходит и стремленіе къ внутреннему единенію великаго княжества съ имперіей; оно будетъ расти тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше будетъ попытокъ установить, путемъ одностороннихъ мѣръ, вѣншее единство, обезпечивающее Финляндію. Для *распространенія* условий, могущихъ препятствовать сплоченію имперіи,—о чемъ говорится въ рѣчи,—въ Финляндіи нѣтъ мѣста, такъ какъ ни одна „особенность“ ея не можетъ быть усилена или обострена безъ согласія центральнаго правительства.

Кромѣ рѣчи, упомянутой выше и напечатанной во всѣхъ газетахъ, генераль-адъютантъ Бобриковъ, если вѣрить гельсингфорскому корреспонденту „Московскихъ Вѣдомостей“, произнесъ еще другую, обращенную къ представителямъ русской и мѣстной печати. Пресса, по мнѣнію генераль-губернатора, должна быть честною, справедливою, точною; задачей ея должно быть служеніе интересамъ отечества. Специально мѣстнымъ журналистамъ ген. Бобриковъ сказалъ слѣдующее: „Я понимаю пользу и значеніе прессы, и во мнѣ честная и правдивая печать всегда встрѣтитъ сторонника, иная же—строгаго карателя. Я убѣжденъ, что мнѣ не придется прибѣгать къ мѣрамъ кары, ибо я надѣюсь, что печать пойметъ свои задачи на пользу нашего общаго дорогого отечества“. Что печать должна быть честной, правдивой, точной, что она должна служить интересамъ отечества,—это разумѣется само собою; но не такъ легко установить на практикѣ значеніе каждаго изъ этихъ требованій. У насъ широко распространенъ взглядъ, признающій честность и правдивость монополіей одного направленія, одной группы органовъ печати; широко распространена также привычка думать, что интересы отечества могутъ быть понимаемы только въ одномъ, заранѣе предопредѣленномъ смыслѣ. Позволительно ожидать, что не съ этой точки зрѣнія отнесется къ финляндской печати новый генераль-губернаторъ. Услужливые друзья, болѣе опасные, чѣмъ враги, уже теперь усердно проповѣдуютъ необходимость строгихъ мѣръ, указывая даже газеты, на которыя должна обрушиться цензурная кара; удивляясь снисходительности генерала Гончарова (временно исправлявшаго должность гене-

раль-губернатора), они выражаютъ надежду, что при генераль-адъютантѣ Бобриковѣ наступятъ другіе порядки ¹⁾. И что же, между прочимъ, они считаютъ преступнымъ? Рисунокъ, символически изображающій первое представленіе генераль-губернатору финской газеты „Matti Meikäläinen“: мужчина во фракѣ, раскланиваясь передъ генераль-адъютантомъ Бобриковымъ, подноситъ ему объемистую книгу, съ надписью: „Suomen Perustus Laki“ (въ переводѣ „Московскихъ Вѣдомостей“—„финскіе конституціонные законы“). Ничего предсудительнаго въ этомъ рисункѣ, очевидно, нѣтъ: что Финляндія имѣетъ свои основные законы—это фактъ безспорный, а между словами: *основные* и *конституціонные* (въ обширномъ смыслѣ) разница почти неуловима.

Мы упоминали въ предыдущей хроникѣ о созывѣ чрезвычайнаго сейма „для согласованія устава о воинской повинности въ великомъ княжествѣ финляндскомъ съ началами, дѣйствующими въ семь дѣлъ въ имперіи“. Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ (№ 217) напечатана обширная статья, излагающая исторію и настоящее положеніе этого вопроса. Проектъ новаго устава о воинской повинности въ Финляндіи, составленный взамѣнъ дѣйствующаго устава 1878 г., рѣшено направить сначала въ финляндскій сеймъ, а затѣмъ, вмѣстѣ съ заключеніемъ земскихъ чиновъ края, въ государственный совѣтъ; но прежде, чѣмъ дать ему это направленіе, Высочайше повелѣно было учредить особое совѣщаніе, для составленія редакціи Высочайшаго предложенія, при которомъ проектъ долженъ быть переданъ чрезвычайному сейму. Въ составъ совѣщанія вошли К. П. Побѣдоносцевъ (предсѣдатель), гр. Ѳ. Л. Гейденъ, статсъ-секретарь Э. В. Фришъ, военный министръ А. Н. Куропяткинъ, министръ юстиціи Н. В. Муравьевъ, генераль Н. И. Бобриковъ, генераль-лейтенантъ С. О. Гончаровъ и генераль-лейтенантъ В. Б. Прокопѣ. Совѣщаніе нашло желательнымъ предоставить чрезвычайному сейму возможность высказать наиболѣе обстоятельно свое заключеніе о новомъ уставѣ во всѣхъ его частяхъ, чтобы и государственный совѣтъ, при обсужденіи проекта въ видахъ государственной пользы цѣлой имперіи, полнѣе и правильнѣе могъ оцѣнить и принять во вниманіе особенныя потребности великаго княжества финляндскаго. Вслѣдствіе сего особое совѣщаніе признало полезнымъ, чтобы земскіе чины на предстоящемъ сеймѣ высказались по самому существу главнѣйшихъ положеній устава, имѣющихъ отношеніе къ особливимъ мѣстнымъ интересамъ края. На основаніи этихъ соображеній предложеніе сейму редактировано совѣ-

¹⁾ См. № 271 „Московскихъ Вѣдомостей“.

шаніемъ въ слѣдующемъ видѣ: „единство всероссійской арміи требуетъ установленія полнѣйшаго единообразія въ законоположеніяхъ, опредѣляющихъ порядокъ ея комплектованія въ мирное и военное время; поэтому предлагаемый нынѣ чрезвычайному сейму проектъ устава о воинской повинности Высочайше повелѣно было составить, въ отгѣну положеній устава о воинской повинности въ великомъ княжествѣ финляндскомъ, утвержденного Его Императорскимъ Величествомъ 6-го (18-го) декабря 1878 года, и Высочайшаго Манифеста отъ того же числа и года, на слѣдующихъ основныхъ началахъ, одобренныхъ въ Бозѣ почивающимъ Августѣйшимъ Нашимъ Родителемъ и Нами: сроки службы, правила о состояніи, учетѣ и призывѣ запаса и ополченія, льготы, порядокъ опредѣленія численности комплектованія—установлены одинаковые съ соответственными сроками, правилами, льготами и порядками общаго устава о воинской повинности въ Имперіи, а также исключено изъ нынѣ дѣйствующаго финляндскаго устава все, неотносящееся непосредственно къ отбыванію воинской повинности и подлежащее включенію въ проектъ Положенія объ устройствѣ и управленіи финскими войсками. При согласованіи на сихъ основаніяхъ проекта устава о воинской повинности въ великомъ княжествѣ финляндскомъ съ началами, дѣйствующими въ семь дѣлѣ въ Имперіи, отъ земскихъ чиновъ ожидается заключеніе о томъ, насколько новые порядки, проектируемые уставомъ, практически удобопримѣними по мѣстнымъ условіямъ къ укладу финляндской жизни“. Къ журналу совѣщанія сдѣлана однимъ изъ его членовъ слѣдующая приписка: „Вполнѣ соглашаясь съ содержаніемъ журнала, а дополняю его лишь однимъ своимъ заявленіемъ, сдѣланнымъ во время засѣданія особаго совѣщанія: когда вопросъ зашелъ объ измѣненіи финляндскихъ законовъ, я, ссылаясь на Высочайшій манифестъ 25-го октября 1894 г., подтверждающій права и привилегіи великаго княжества, напомнилъ о существующемъ порядкѣ измѣненія финляндскихъ законовъ, указанномъ въ сеймовомъ уставѣ 1869 года.—Викторъ Прокопѣ“. Журналъ особаго совѣщанія Высочайше утвержденъ и переданъ финляндскому сенату.

Еслибы редакціи предложенія, выработанной особымъ совѣщаніемъ, не были предпосланы мотивы, на которыхъ она основана, можно было бы думать, что отъ сейма ожидается одно заключеніе о практической удобопримѣнимости законопроекта къ мѣстнымъ условіямъ, къ „укладу“ финляндской жизни. Соображенія, изъ которыхъ исходило совѣщаніе, устраняютъ возможность такого предположенія: они удостовѣряютъ, что сейму предоставляется высказать свое мнѣніе объ уставѣ *во всѣхъ его частяхъ*. Хотя нѣсколько дальше и говорится о *главнѣйшихъ положеніяхъ, имѣющихъ отношеніе къ особливымъ мѣстнымъ интересамъ*

края, но, въ виду предъидущаго, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что здѣсь разумѣются *всѣ* главнѣйшія положенія устава, которыя, конечно, всѣ касаются мѣстныхъ интересовъ края. Вопросъ, затронутый генераль-лейтенантомъ Прокопе, вовсе, повидимому, не былъ разсмотрѣнъ совѣщаніемъ, молчаніе котораго, очевидно, не можетъ считаться равносильнымъ отрицательному рѣшенію. Всего вѣроятнѣе, что обсужденіе этого вопроса было признано не входящимъ въ предѣлы задачи совѣщанія. Важность замѣчанія, сдѣланнаго генераль-лейтенантомъ Прокопе, несомнѣнна уже потому, что нѣкоторые постановленія нынѣ дѣйствующаго въ великомъ княжествѣ устава о воинской повинности были объявлены, Высочайшимъ манифестомъ 6-го декабря 1878 года, *основными* законами Финляндіи. Если для уничтоженія дѣйствующаго закона (въ томъ специальномъ смыслѣ, какой это слово имѣетъ въ Финляндіи) требуется вообще согласіе сейма, то тѣмъ болѣе это можетъ быть примѣнимо къ отмѣнѣ или измѣненію закона основнаго. Употребленное совѣщаніемъ выраженіе: „*заключеніе сейма*“, едва ли можетъ быть понимаемо какъ признаніе за сеймомъ, въ настоящемъ случаѣ, значенія исключительно совѣщательнаго учрежденія.

Въ сентябрьской книгѣ журнала (стр. 370), по поводу обвиненій, высказанныхъ въ отчетѣ оберъ-прокурора св. Синода, лютеранскихъ пасторовъ, мы должны были ограничиться выраженіемъ нѣкотораго недоумѣнія съ нашей стороны, за отсутствіемъ болѣе подробныхъ фактическихъ указаній въ отчетѣ; „какъ бы то ни было, — заключили мы, — весьма интересно знать, что скажутъ въ свою защиту представители лютеранскаго духовенства въ прибалтійскомъ враѣ“...

На дняхъ, въ № 282 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, отъ 14 октября с. г., появилось письмо лифляндскаго генераль-суперинтендента, вызванное именно отзывомъ того же отчета „о положеніи православія въ рижской епархіи“, отпечатаннымъ въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ и другихъ изданіяхъ, слѣдующаго содержанія:

„Всеподданнѣйшій отчетъ по вѣдомству православнаго исповѣданія за 1894 и 1895 годы оглашенъ особеннымъ изданіемъ въ С.-Петербургѣ 1898 г. Отдѣлъ „о положеніи православія въ рижской епархіи“ отпечатанъ въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ 1898 г., перепечатанъ въ „Рижскомъ Вѣстникѣ“. Наконецъ, „Правительственный Вѣстникъ“ 1898 г., въ № 209, также сообщилъ о семъ въ своемъ фельетонѣ въ видѣ сокращеннаго извлеченія. Такимъ образомъ, эта глава упомянутаго „отчета“ печатью распространена въ весьма обширной мѣрѣ. Этотъ фактъ довольно замѣчателенъ въ виду того, что этотъ отчетъ весьма строго относится къ дѣятельности лютеранскихъ пасторовъ и

помѣщиковъ въ отношеніи ихъ къ православной церкви и къ принадлежащимъ къ оной прихожанамъ. Отчетъ виѣняетъ лютеранскимъ пасторамъ въ вину „подстрекательство“ противъ православной церкви (стр. 180), „влонамѣренное распушеніе въ народѣ ложныхъ слуховъ“ (стр. 180), „скрытую пропаганду“ (страница 181) среди православныхъ, „хитрые приемы для предупрежденія присоединенія лютеранъ къ православію“ (стр. 181),—словомъ, „отчетъ“ описываетъ положеніе православной церкви въ такомъ видѣ, будто бы она преслѣдуется въ Прибалтійскомъ краѣ и поставлена въ необходимость бороться—съ опаснѣйшимъ коварствомъ и съ „зловредною дѣятельностью лютеранскихъ пасторовъ“ (стр. 180).

„Нельзя не удивляться тому, что столь одностороннія заявленія могли служить основаніемъ для официального „отчета“, между тѣмъ какъ хорошо извѣстно, что православная церковь ограждена всѣми возможными средствами гражданской власти, и что ей, притомъ, поставлено въ обязанность обращать иновѣрцевъ въ православіе, между тѣмъ какъ другія исповѣданія лишены даже права принципиальнаго заступничества за сущность своихъ вѣроученій и за такую дѣятельность подвергаются даже уголовной отвѣтственности. О томъ свидѣтельствуютъ довольно ясно какъ законъ, такъ и практика.

„Такое положеніе православной церкви, особенно въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, привело къ тому, какъ и усматривается изъ официального „отчета“, что нынѣ отъ лютеранскихъ пасторовъ требуется содѣйствовать „упроченію дѣла православія въ Прибалтійскомъ краѣ“ (стр. 183), чтобы не заслужить названія „враждебныхъ пропагандистовъ“ (стр. 181).

„Представляется излишнимъ вдаваться въ разборъ отдѣльных, приводимыхъ въ „отчетѣ“, обвиненій и опровергать подлежащія заявленія. Неоднократно въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, именно съ 1884 г., были представляемы правительственнымъ учрежденіямъ достовѣрныя изложенія по предмету междучерковныхъ отношеній въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, оглашеніе коихъ представило бы картину, совершенно противорѣчащую изложеніямъ упомянутаго официального „отчета“. Чтѣ „отчетъ“ нынѣ опять повторяетъ, то уже давно разъясняемо и опровергаемо было, какъ, напр., и въ извѣстномъ докладѣ графа Бобринскаго отъ 1864 года, представленномъ Государю Императору Александру II непосредственно и еще нынѣ очень замѣчательномъ.

„Было бы бесполезно вновь доказывать неосновательность нынѣ опять приводимыхъ такихъ же обвиненій. Нельзя не предвидѣть, что всякія возраженія не будутъ приняты въ соображеніе и безпристрастно уважены.

„При такихъ обстоятельствахъ я считаю долгомъ отъ имени ливонскаго евангелическо-лютеранскаго духовенства прямо отвергнуть взводимыя вновь и безъ малѣйшихъ доказательствъ въ „отчетѣ“ противъ насъ обвиненія, и предаю дѣло Господу Богу. Онъ въ свое время услышитъ вопль уповающихъ на Него и ожидающихъ того времени, когда не только въ Сводѣ Законовъ т. I ст. 44, но въ самомъ дѣлѣ и въ Россійской Имперіи каждому христіанину предоставлено будетъ „безпрепятственно“ слѣдовать тому вѣроисповѣданію, къ которому онъ по совѣсти своей принадлежитъ, по примѣру постановленія Св. Правительствующаго Синода отъ 5 августа 1825 г., коимъ опредѣлено: „за послѣдовавшею уже смертію родителей Минны Стимерь, какъ виновниковъ того, что она была крещена по лютеранскому исповѣданію, — причисленіе или непричисленіе ея къ греко-россійской церкви предоставить ея, Минны, совѣсти“.

ПОПРАВКА.

Въ октябрьской книгѣ журнала, на стр. 619, 620 и 621, слово: калучерь, слѣдуетъ читать: „калугерь“ (или калогерь—обычное привѣтствіе въ греческихъ монастыряхъ, съ которымъ обращаются къ старѣйшимъ монахамъ).

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. С т а с ю л е в и ч ѣ .

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

Прогрессъ и художественная промышленность. Ежегодное иллюстрированное издание Имп. Общества поощренія художествъ въ С.-Петербургѣ, подъ ред. Н. П. Собко. № 1 и 2; октябрь и ноябрь 1898 г. Стр. 136, in 4°. Ц. 2 р. Подл. и 6 р.

Новое периодическое издание, только-что появившееся въ свѣтъ въ двойномъ выпускѣ, за тексты и наступающей зимой, имѣетъ обширную и весьма разнообразную программу: въ него входятъ художественная хроника, обзорная отечественныхъ и иностранныхъ художественно-промышленныхъ выставокъ, музеевъ, школъ, заводовъ, фабрикъ, мастерскихъ и т. п.; обзоры художественныхъ и аутарныхъ производствъ и дѣятельности художниковъ и художественныхъ учреждений; обзоры отечественной и иностранной литературы по искусствамъ, археологическимъ и т. д., до областей промышленныхъ и горныхъ фирмъ. Само Общество, предпринявшее настоящее издание, по своему уставу предназначено не только „содѣйствовать успѣхамъ художественныхъ произведеній въ Россіи, поощрять дарованія русскихъ художниковъ, распространять художественное образование среди ремесленниковъ“, но и „способствовать развитію вкуса въ обширномъ во всѣхъ слонахъ общества“. Первые два выпуска однимъ своимъ обилиемъ могутъ вполне удовлетворять каждому, обладающему самымъ требовательнымъ вкусомъ и знаніемъ; издание снабжено многочисленными и превосходно исполненными иллюстраціями, заглавными буквами, заставками, картинками съ живѣйшихъ оригиналовъ, факсимилью и т. п.; бумага и печать не оставляютъ желать ничего лучшаго и при всѣхъ томъ издаваніе, по дѣлѣ, весьма общедоступно. Въ первыхъ выпускахъ помѣщены статьи М. М. Антокольскаго, по поводу книги гр. Л. Н. Толстого объ искусствѣ; В. В. Стасова, о В. М. Васнецовѣ, о портрѣ Верещаго и его палатѣ, о Кинжвинѣ гр. Л. П. Толстого; А. П. Сомова, о новихъ Рембрандтѣ и Эльштейнѣ въ Эрмитажѣ, и др. Сверхъ упомянутыхъ иллюстрацій въ текстахъ, отдельные выпуски имѣютъ восемь особыхъ приложеній. Изъ историческаго очерка судьбы художественныхъ журналовъ въ Россіи, составленнаго Н. П. Собко, видно, что въ теченіе пятидесяти лѣтъ было сдѣлано восемнадцать попытокъ основать подобнаго изданія, но всѣ онѣ кончались болѣе или менѣе печально и были весьма недолговѣчны; пожелаемъ новой попыткѣ достигнуть участіа предшествовавшихъ ей и вновь достигнуть той дѣли, которую поставило себѣ „Общество поощренія художествъ“, предпринявъ настоящее издание.

А. Гузевичъ. Война и народное хозяйство. Сиб., 1898. Стр. 188. Ц. 1 р.

Экономическія и финансовыя условія будущей войны, по мнѣнію г. Гузевича, слишкомъ мало обращали на себя вниманіе, а между тѣмъ эти условія совершенно измѣняютъ характеръ военныхъ предпріятій въ новѣйшее время сравнительно съ прошлымъ. Исходъ „грандіозной по размѣрамъ“ борьбы между первоклассными европейскими государствами долженъ рѣшиться „совершенно въ истощеніи моральныхъ и материальныхъ силъ и средствъ одной изъ сто-

ронтъ“; а „при разрушеніи экономическаго благосостоянія страны, при истощеніи материальныхъ средствъ борьбы должна участіа и нравственная сила народа“. Авторъ не останавливается надъ вопросомъ, для чего и для кого нужна эта будущая колоссальная война, походя на сознательное самоубійство государствъ и народовъ; онъ старается только доказать, что необходимо заранее имѣть въ виду подготовку военныхъ предпріятій въ экономическомъ отношеніи, для избѣжанія опасныхъ замѣшательствъ и кризисовъ. Въ книгѣ собрано по этому вопросу много свѣдѣній и высказаны нѣкоторые дѣльныя замѣчанія.

Выводный мировой судъ. Сборникъ статей. Сиб. 99. Стр. 104.

Сборникъ статей о мировомъ судѣ появляется какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ систематическіе его противники, повидному, не успѣли, тысячу разъ повторилъ одно и то же. „Настоящая книга — говорится въ предисловіи — имѣетъ цѣлью напомнить, что сдѣлать выборный мировой судъ для развитія въ народѣ уваженія къ закону и доверія къ суду; напомнить, что такое мировой судъ и какое значеніе для его дѣятельности имѣетъ система выбора мировыхъ судей сѣмимъ населеніемъ“. Въ составъ сборника вошли статьи Бруна, Джаміева, Оболенскаго, П. Окузова и два официальныхъ документа: „Замѣчанія Сиб. стовичнаго мирового съѣзда по вопросу о выборности мировыхъ судей“, и извлеченіе изъ ответа министерства юстиціи, за 1886-87 г., откуда видно, что уже десять лѣтъ тому назадъ было заявлено съ самой компетентной стороны, что „дѣятельность мировыхъ судебныхъ установленій въ разсуждаемый періодъ можетъ быть признана весьма удовлетворительною, какъ въ смыслѣ правильности поставленныхъ мировыми судьями рѣшеній, такъ и въ отношеніи судопроизводства“...

Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго. Т. I. Сиб. 99. Стр. 419. Ц. 2 р. 50 к. По подл. за 8 томовъ — 15 руб.

Вскорѣ исполнится десять лѣтъ со дня безвременной кончины (род. 1841 г., ум. 1889 г.) проф. Сиб. университета А. Д. Градовскаго, а потому весьма кстати предпріято нынѣ собраніе его научныхъ публицистическихъ трудовъ, такъ какъ многіе изъ нихъ за это время сдѣлались уже библиографическою рѣдкостью, не утративъ однако своего научнаго значенія. Въ настоящій томъ, которымъ открывается изданіе, вошли труды покойнаго изъ самыхъ первыхъ лѣтъ его дѣятельности, конца 60-хъ и начала 70-хъ годовъ.

Сочиненія В. Г. Бѣлинскаго, въ четырехъ томахъ. Съ портретомъ и факсимиле автора. Т. I и II. Стр. 940 и 1148. М. 98. Ц. тома 65 коп.; всѣ 4 тома — 2 р. 50 к.

Новое изданіе сочиненій Бѣлинскаго, благодаря своей компактности, можетъ сдѣлаться весьма общедоступнымъ по дѣлѣ, причѣмъ однако не пострадала и внѣшняя изданія. Въ первомъ томѣ помѣщены произведенія, относящіеся ко второй половинѣ 30-хъ годовъ, а второй томъ ограничивается первымъ третию годами 40-хъ годовъ.

въ 1899 г.

(Тридцать-четвертый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМЯСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ
отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:		
	Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой	14 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „
За границы, въ госуд. почтов. совѣзѣ	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „

Стѣбельная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разорочив годовой подписки на журналъ, подписка по мѣсяцамъ въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ и октябрѣ, принимается — безъ повышения годовой цѣны подписки.

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычнымъ уступкою

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полугодіе и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

- въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
- въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риквера, Невск. просп., 14; А. Ф. Циверлинга, Невскій пр., 20, и товарищества „Издатель“, Невск. пр., 68—40.

ВЪ КИЕВѢ:

- въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

- въ книжныхъ магазинахъ П. П. Монтвола, на Кузнец.-Мосту; Карбасникова, на Молодой Коха, и въ Конторѣ Н. Понкина въ Петровскихъ линияхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

- въ книжн. магаз. Е. П. Расава Дерибасовская улица.

ВЪ ВАГНАВѢ:

- въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, Новый-Сибѣрь.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ имя, отчество, имя и фамилию ближайшаго почтоваго утреченія, съ (NB) *допускается* вылата журналовъ, если нѣтъ такого жванія въ самомъ мѣстожителствѣ подписчика. — 2) *Перемѣны адресовъ* должны быть въ Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе и сельскіе переходы въ иногородіе, оплачиваются 1 руб., а иногородные, переходы въ дальнѣе 40 коп. — 3) *Жалобы* на несправности доставки составляются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеименованныхъ мѣстахъ и, согласно обязанности Почтоваго Департамента, не *возможна* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Въ* на полученіе журнала подписантъ Конторой только тѣмъ изъ иногородныхъ или иноземныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтоваго выкупа.

Издатель и отвѣтственный редакторъ М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Сиб., Галерія, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Авадей, пер., 7.

ВЪСТАНКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

WABERN COLLEGE LIBRARY
DEC 27 1898
WABERN, MASS.

ИСТОРИИ-ПОСЛАТНИКИ

ЖУРНАЛЪ

ТРИДЦАТЬ-ТРЕТИЙ ГОДЪ. — КНИГА 12-я.

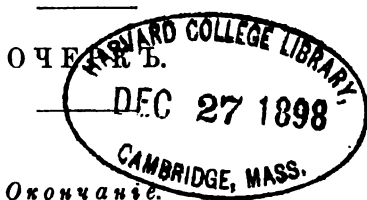
ДЕКАБРЬ, 1898.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 12-я. — ДЕКАБРЬ, 1898.

I.—ИВАНЪ БЕДОРОВИЧЪ ГОРБУНОВЪ.—IX-XII.—Окончаніе.—А. О. Кош	157
II.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Изъ Гейне; Мухѣв.—II. Коваль.—Въ старомъ парѣ — Дни бивалотъ...—О. Н. Михайловой.	152
III.—ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЯ ВОЛЪЗНИ РАБОЧИХЪ.—Очеркъ.—III-IV.—Оконча- ніе.—Ив. Керчигера.	190
IV.—БАНКРОТЪ.—Повѣсть.—Н. Стаховичъ.	513
V.—ДВѢ ИТАЛИ.—З.	509
VI.—ЧЕРНАЯ ДѢВУШКА.—Рассказъ.—Гр. Ге	627
VII.—ИЗЪ ГОРДОСТИ.—Эскизъ изъ ром. „Par orgueil“, M. A. de Bovet.—Ю. З.—а.	653
VIII.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I-II.—А. М. Жемчужникова.	710
IX.—ИЗЪ ДѢВУШЬЯГО МІРА.—The maiden's Progress, by V. Nihil.—XIV-XVII — Окончаніе.—Съ англ. А. В.—г—	713
X.—ХРОНИКА.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Предполагаемое введеніе зем- скихъ учреждений въ девяти западныхъ губерніяхъ.—Главныя отступленія отъ общеземскаго типа: отсутствіе уѣздныхъ собраній; значительное число назначенныхъ членовъ губернскихъ земскихъ собраній; выборъ губернскихъ главныхъ на уѣздныхъ избирательныхъ собраніяхъ и на волостныхъ сходахъ; назначеніе председателей и членовъ земскихъ управъ; подчиненіе уѣздныхъ управъ губернскимъ.—Положеніе дѣлъ въ неурожайныхъ губерніяхъ.	360
XI.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Восшествіе на тронъ въ Англій.—Рѣчи лорда Сольсбери и Чамберлена.—Внутреннія противорѣчія въ теоріи „наро- дническихъ вооруженій“.—Нѣкоторыя факты: отщепеніе Крита отъ турецкихъ повѣсь, жирный раздѣлъ Африки и части Китая.—Вильгельмъ II на Востока.	375
XII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—М. О. Меньшиковъ, О писателѣствѣ.—А. П.— Герои и героическое въ исторіи, Т. Карлейля, перел. В. Живинско.—Виль- гельмъ ф. Рудольфъ, Р. Гайма.—Жизнь и творчество крестьянъ харьков- ской губерніи, В. В. Иванова.—Т.—Новыя книги и брошюры.	380
XIII.—ЗАМѢТКА.—Новая книга г. О. Елизьева и поправки къ ней.—„Чего до- стигаи и чего домогаются впередъ достигнуть финансы по пути отпаденія (?) отъ русской государственной власти“, О. Елизьева. М. 1898.—Л. Мухомо- лина	405
XIV.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. Jules Lemaitre, Impres- sions de Théâtre.—II. Ed. Rod, Le Ménage du pasteur Naudie.—III. Nadi- son, Gedichte, Verdeutschung v. Fiedler.—З. В.	412
XV.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Проектъ положенія о личномъ наймѣ и контролѣ частной прислуги въ Петербургѣ.—Различное отношеніе къ де- голаризирующимъ сторонамъ.—Возстановленіе аттестатной прислуги.—Лу- дскій способъ разрѣшенія вопроса о прислугѣ.—Открытіе вакциннаго тѣ- ла М. Н. Муравьеву и П. С. Нахимову.—Сорокалѣтіе ученой дѣятельности В. П. Герье.—„Русскій Начальный Учитель“ о числѣ школъ и учащихся въ губ. губерніи	421
XVI.—МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.—„Вѣстникъ Европы“ за 1898 году	461
XVII.—АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ авторовъ въ статьяхъ въ „Вѣстникъ Европы“ за 1898 годъ.	463
XVIII.—ВНЕПОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Статистическія свѣдѣнія по началному народному образованію въ Россійской Имперіи за 1896 годъ, изд. на народн. проэктивѣ.—Городскія управленія въ западной Европѣ, Либ. Шен- Перек. А. Баллаславо.—Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ, В. П. Семевскаго.—Казовала. Финская народная медицина. Для знатоковъ, пере- велъ Э. Гранстремъ. Изд. 2-ое, съ 40 илр. рис.	463
XIX.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; I-XXIV стр.	

ИВАНЪ ФЕДОРОВИЧЪ ГОРБУНОВЪ

IX *).

Живая наблюдательность Горбунова и его способность всматриваться во внутреннее содержаніе того или другого явленія русской жизни, влагая его въ яркое изображеніе, — не могли ограничиться однимъ *настоящимъ*. Какъ истинный художникъ, онъ умѣлъ представлять себѣ и *прошлое* въ выпуклыхъ и жизненныхъ образахъ.

Изучая нашу старую исторію, вдумываясь въ событія и общественный складъ XVII, XVIII-го и первой половины настоящаго вѣка, онъ въ рядѣ произведеній оставилъ очерки эпохъ, строя жизни и господствовавшихъ въ то или другое время возрѣвій на коренныя условія общественныхъ отношеній. Имъ захвачены и давно прошедшіе — и недалекіе сравнительно годы, отрѣзанные отъ насъ и нашихъ взглядовъ широкою благотворною бороздою реформъ шестидесятихъ годовъ. Поэтому онъ является авторомъ бытовыхъ сценъ, на исторической дѣлалдѣ, причемъ его необыкновенное умѣнье усвоить себѣ

*) См. выше: нояб., 5 стр.

особенности и характерныя свойства языка въ различные періоды русской жизни даетъ ему возможность воссоздавать прошлое съ особенною правдоподобностію. Знатокъ родной исторіи чувствуется въ оригинальной формѣ его произведеній изъ области старой письменности, и ихъ шуточное подчасъ содержаніе заключаетъ въ себѣ нерѣдко мѣткія и сжатія указанія на цѣлый рядъ вещей, отошедшій въ вѣчность.

Но и помимо произведеній въ этомъ послѣднемъ родѣ, въ очеркахъ, изложенныхъ преимущественно въ видѣ воспоминаній и дневниковъ („Изъ московскаго захолустья“, „Мысли на парадномъ подъѣздѣ“, „Забытый домъ“, „Дневникъ дворецкаго“ и др.), проходятъ предъ нами въ разномъ освѣщеніи, дающемъ въ своей совокупности цѣльный и—судя по обнародованнымъ за послѣднія тридцать лѣтъ матеріаламъ—исторически вѣрный образъ, такія фигуры, какъ, на примѣръ, архимандритъ Фотій, графъ Закревскій и многіе другіе. Проходятъ исчезнувшіе типы приживаловъ изъ заудалыхъ родовъ („княжна съ флюсомъ и княжна безъ флюса“) и величавыхъ генераловъ александровскаго времени, украшенныхъ иностранными орденами „святой Маріи Тверезіи“ и „святого Парамерита“ (pour le mérite), по объясненію швейцара, дежурящаго на парадномъ подъѣздѣ,—проходить рядъ людей, живемъ взятыхъ изъ прошлаго.

Есть у Горбунова цѣлый историческій рассказъ: „Царь Петръ Христа славить“, съ эпиграфомъ: „они (дьяки) учинили то дуростью своею негораздо и такого не бывало, чтобы его государевыхъ пѣвчихъ дьявовъ, которые отъ него Христа славить ѣздятъ во дворъ къ себѣ не пущать и за такую ихъ дерзость и безстрашіе быть имъ въ приказѣхъ безкорыстно и никакыхъ имъ почестей и поминковъ ни у кого ничего ни отъ какихъ дѣлъ не имать...“ Вотъ какъ отмѣчаетъ Горбуновъ раздвоеніе между Москвою и ея молодымъ государемъ, вызванное началомъ переворота, произведеннаго этимъ „грознымъ властелиномъ судьбы“, стянувшимъ „бразды рукой желѣзной“. Тяжелое время переживали москвичи въ послѣдній годъ XVII столѣтія. Пять мѣсяцевъ съ ужасомъ натывались они на стрѣлецкіе трупы, висѣвшіе на стѣнахъ Бѣлаго и Земляного города и валявшіеся на Красной площади... „Блудозрѣлицное неистовство“ являли собою въ глазахъ благочестивыхъ людей обритые, въ венгерскихъ кафтанахъ, бояре. Кремлевскій дворецъ, дворъ великаго государя московскаго, былъ запертъ. Святѣйшій патріархъ лежалъ на смертномъ одрѣ. Великій государь не показывался больше народу, подобно его предкамъ, во всемъ блескѣ

ни величїи „царскаго сана“, въ большомъ царскомъ нарядѣ, въ сопровожденїи родовитыхъ бояръ „въ золотыхъ ферезахъ“: въ селѣ Преображенскомъ онъ стоялъ въ офицерскомъ мундирѣ иноземнаго покроя во главѣ своего лейбъ-регимента, салютуя князю Кесарю“...

Не менѣе рельефна и полна жизни картина Москвы въ 1812 г., наканунѣ ея взятїя французами, когда „народъ со всѣхъ концовъ тронулся“, ряды войскъ все напирають, напирають, стискиваются, останавливаются, съ трудомъ разступаясь, чтобы дать дорогу „Владычицѣ“ въ дорогой ризѣ, и священникъ Маргаритовъ, увидавъ въ оторопѣвшей толпѣ своего прихожанина, протискивается къ нему, кропитъ его святой водой и дрожащимъ отъ волненїя голосомъ говоритъ: „зрите и мужайтесь, подобаетъ бо всѣмъ симъ быти, обаче и тогда не кончина“... Таково же и описанїе Москвы, разоренной послѣ пожара, когда, послѣ ухода французовъ, слуга, оставленный при покинутомъ домѣ, получаетъ наконецъ возможность написать своему господину: „при семъ рабски имѣю честь вашему превосходительству присовокупить, что по головѣ меня гладили... только словъ я ихнихъ разобрать не могъ; при семъ взяли часы изъ угловой гостиной“... Воспоминанїя объ этомъ „забытомъ домѣ“ представляютъ характерныя черты смѣны поколѣній и ихъ взглядовъ въ старомъ московскомъ дворянскомъ гнѣздѣ. Какъ въ молодомъ организмѣ вслѣдъ за тяжкою болѣзнью чувствуется приливъ свѣжихъ силъ и особое жизнерадостное настроенїе, такъ и въ барской Москвѣ патриотической подъемъ духа, вызванный войною и ея бѣдствїями, смѣняется усиленной жаждой удовольствїй и, за отсутствїемъ общественной дѣятельности, учащеннымъ биенїемъ пульса жизни частной. Но и это настроенїе проходитъ; раскаты грома и шумъ отдаленной петербургской бури 14-го декабря, холера тридцатаго года и разныя внѣшнія обстоятельства кладутъ свой отпечатокъ на московскую жизнь. Раны, нанесенныя войною, забыты одними, отходящими,—не испытаны другими, вновь пришедшими,—а Западъ манитъ къ себѣ разными сторонами своей жизни. Барскїе дома, несмотря на затрудненїя, которыми обставлена отлучка за границу, начинаютъ подолгу пустовать, и стѣны ихъ говорятъ краснорѣчиво о прошломъ лишь неотлучнымъ свидѣтелямъ пережитаго—старымъ и вѣрнымъ слугамъ исчезнувшаго нынѣ типа. Для этихъ слугъ настоящее еще полно своеобразныхъ впечатлѣній и выводовъ изъ прошлаго. Когда въ „забытомъ домѣ“ молодые господа, равнодушные къ покидаемому гнѣзду, „шумно снимаются съ явора, надолго

уѣзжая на „теплыя воды“, въ чужіе края, дворецкій Михаилъ Егоровичъ въ тяжеломъ недоумѣніи трое сутокъ приводитъ домъ въ порядокъ, закрываетъ мебель и занавѣшиваетъ хмурые лики генераловъ двѣнадцатаго года. „Платова онъ закрылъ особенно тщательно, промолвивъ: „муха—вѣдь она дура, вѣдь она и тебя, батюшку, не пожалѣетъ... Блюхера онъ оставилъ открытымъ“.

Переживая, вмѣстѣ съ выводимыми имъ лицами, прошлые времена, Горбуновъ не могъ, конечно, пройти молчаніемъ крѣпостного права, бросавшаго почти на всѣ явленія русской жизни свою мрачную тѣнь. Въ дневникѣ дворецкаго, посвященномъ изо дня въ день описанію, подъ угломъ зрѣнія престарѣлаго слуги, распутной и расточительной жизни молодого знатнаго барина, не умѣющаго съ достоинствомъ носить свое старое имя и соблюдающаго лишь вѣшнимъ и поверхностнымъ образомъ домашнія традиціи предковъ, есть эпизоды, рисующіе созданныя крѣпостною зависимостью отношенія. Баринъ недавно достигъ совершеннолѣтія. „По случаю рожденія его сіятельства, исполнилось двадцать четыре года, былъ въ нашемъ домѣ молебень съ водосвятиемъ,—записано въ дневникѣ,—вечеромъ были танцы съ дѣвицами, а цыганскій таборъ пѣлъ пѣсни, кончили забавляться съ солнышкомъ“. Но предъ его волею склоняется масса дворовыхъ и челядинцевъ, и по пословицѣ: „гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость“, на нее возлагаютъ они свои житейскія упованія, от нея ждутъ гнѣва и безропотно принимаютъ его. Но какъ много недѣлаго произвола и безсознательной, можетъ быть, жестокости и въ этомъ гнѣвѣ, и въ этой милости! Лавка Лаврушку, котораго въ *субботу* пришлось отпаивать квасомъ, послѣ того, какъ онъ, пара вчетверомъ барина въ Суконныхъ баняхъ, повалился замертво, въ *понедѣльникъ* приказано наказать въ оранжереѣ, но должно быть на его строптивый нравъ это не дѣйствуетъ, и въ слѣдующую субботу ему велѣно „забрить лобъ“, но онъ обѣжитъ, и когда черезъ пять недѣль является изъ бѣговъ, то неожиданно встрѣчаетъ смягченіе кары: приказано вновь наказать его въ оранжереѣ и выдать ему паспортъ. Поѣхавъ къ Яру, молодой хозяинъ „душъ“ остается тамъ цѣлый день, вслѣдствіе чего вучерь Глѣбъ отмораживаетъ себѣ носъ, по словамъ доктора—„безвозвратно“, почему и въ больницу идти не желаетъ. Ему черезъ нѣсколько дней выдается вольная, ибо „безъ носу—не вучерь“... „Былъ у племянницы своей на Поварской улицѣ, — говорится въ дневникѣ,—услыхалъ, что господа ея отправляются по веснѣ на теплыя воды, а ее отдають замужъ за выѣздного Родіона Михайлова, а ея есть желаніе, по

нелюбви къ нему, выеупиться на волю. Плачетъ. Совѣтоваль господамъ покориться. Противъ моихъ словъ говорила—лучше утоплюсь. Она дѣвица молодая, красивая, а онъ кривой. Вся причина въ баринѣ: желаетъ, чтобъ ея господскаго приказанія слушались“. Черезъ недѣлю въ дневникѣ записано: „племянница моя и крестная дочь Любовь Ивановна отъ грозящей ей неминуемой бѣды быть замужемъ за Родиономъ, проглотила три булавки и скончалась въ судорогахъ, въ чемъ священнику на духу и покаялась... Упокой, Господи, душу ея въ селеніяхъ праведныхъ! Вчера цѣлый день плакалъ. Мать ея, сестру мою Надежду, свезли въ больницу: чувствуетъ приближеніе живота“... Въ другомъ мѣстѣ дневника, отмѣчая, что умеръ скоростижно отъ угара камердинеръ покойнаго графа, Григорій Никитинъ, старый дворецкій прибавляетъ: „жену привезано отправить на скотный дворъ, а малолѣтнихъ раздать въ ученье. Квартальному за хлопоты десять рублей и суена на брюки“... Ученью подвергаются, впрочемъ, не одни малолѣтніе. Приходится обучаться по новому и старому человѣку. Одна изъ владѣтельница „забытаго дома“ проситъ повара генерала Барванова взять поучить ея стараго повара Дмитрія, которому, по мнѣнію генеральскихъ поварятъ, „по божьему-то въ богадельню пора“... „Воля господская,—говоритъ имъ со вздохомъ старикъ,—ихняя воля... велить и фалеторомъ сядешь;—кто жъ имъ можетъ въ кушаньѣ потрафить: то имъ съ перцемъ давай, то зачѣмъ перецъ кладешь;—запарные левашники ужъ какъ я умѣю: положишь на блюдо-то—воруется, словно живой, а онѣ кушать не могутъ. Да все!.. возьмите вы галантиръ—оттянешь его чище зеркала, причесываться можно, а они говорятъ: ты меня какъ собаку кормишь; такой въ себѣ капризъ имѣютъ, что ни одинъ поваръ на нихъ угодить не можетъ“... Но бываютъ и добрые дни. На пасху баринъ „христосовался со всѣми, по три раза, денежное положеніе роздано, какъ при покойномъ графѣ: по три рубля; тремъ семействамъ дворовыхъ людей объявили вольную, повару Герасиму, камердинеру Владиміру и старой горничной покойной графини—Егоровнѣ. И могутъ они вольными жить въ нашемъ домѣ и служить его сіятельству по прежнему. А на повара,—прибавляетъ въ своемъ дневникѣ дворецкій,—разставляла зубы Марья Алексѣевна, хотѣла его вымѣнить у графа на садовника Филиппушу: Богъ не попустилъ“!

Несмотря однако на возможность и даже на тогдашнюю закономѣрность такихъ проявленій барской воли, въ большинствѣ случаевъ, за исключеніемъ проявленій крайней жестокости,

люди, рожденные въ крѣпостной зависимости, молчаливо мирились съ условіями послѣдней, создававшими своего рода „*consortium omnis vitae*“ для помѣщиковъ и для тѣхъ, кто составлялъ ихъ „крещеную собственность“. Долгіе годы преемственного терпѣнія, мягкость и добродушіе русской природы выработали такимъ образомъ типъ старыхъ слугъ, преданность которыхъ господамъ и вѣрность ихъ интересамъ кажется нынѣ почти легендарною. У слуги стараго времени радости и скорби семьи, гдѣ онъ жилъ, были его скорбями и радостями; онъ ревниво оберегалъ честь дома и болѣлъ сердцемъ, видя ея умаленіе. Онъ не могъ не цѣнить значенія вольной, но, несмотря на горькія подчасъ условія своей жизни, нерѣдко даже гордился своею принадлежностью опредѣленному лицу, съ судьбою котораго была связана и его судьба. „Я прирожденный камердинеръ, а не мѣщанинъ какой-нибудь,—говоритъ слуга въ „Утрѣ молодого человѣка“,—и всѣми силами и умѣньемъ оберегаетъ своего барина отъ увлеченій и мотовства. Въ разгарѣ спора между крѣпостнымъ и вольнонаемнымъ лакеями о преимуществахъ соціального положенія каждаго изъ нихъ, старикъ слуга, выходя изъ себя, кричитъ: „это вы—холопъ, а я—природный лакей! Моя душа барская, а ваша окладная, потому вы несчастный мѣщанинъ. Я коли какой непорядокъ на улицѣ сдѣлаю, должны меня къ моему барину съ будочникомъ предоставить, а васъ на веревкѣ въ часть поведутъ; вы на запяткахъ стоите, а я при моемъ господинѣ всегда въ комнатахъ“.— „Что вы выражаетесь?—восликаетъ окладная душа...—Я не выражаюсь, а правду говорю! Вы холопъ, а не я!“—отрѣзываетъ барская душа.

Какъ изображеніе чувствъ, отношеній и міросозерцанія такого стараго слуги—особенно интересенъ уже упомянутый дневникъ дворецкого, со своею надписью: „Сія тетрадь принадлежитъ дому его сіятельства графа Павла Павловича дворовому его человѣку Емельяну Дыркову. Приобрѣтена покупкою пятидесяти копѣекъ ассигнаціями. Описаніе жизни въ домѣ его сіятельства. Описывалъ собственноручно крѣпостной дворовый его человѣкъ своею охотою. Емельянъ Дырковъ. 1847 году“. Въ этомъ дневникѣ нарисованъ искусною рукою и самъ авторъ, и его господинъ, сдѣлавшійся обладателемъ повидимому огромнаго состоянія и ведущій самую безшабашную жизнь въ домѣ, гдѣ еще недавно все было чинно, истово и строго... Онъ возвращается на разсвѣтѣ, встаетъ въ четыре часа дня, пропадаетъ по двое сутокъ въ цыганскомъ таборѣ, гдѣ самъ пляшетъ,—то чрезвогодничаетъ, то обуревается внезапными аппетитами къ моченымъ

яблокамъ и т. п., занимается по цѣлымъ часамъ стрѣльбою изъ пистолета въ оранжереѣ, пѣніемъ романсовъ, игрою на гитарѣ и „разрисовываніемъ птицы въ клеткѣ“, пробуетъ силу, тягаясь на пальцѣ съ кучерами и разрубая пополамъ живую собаку, устраиваетъ у себя, несмотря на „выговоры доктора Топорова“, оргіи, причемъ „прислугѣ быть не привязано“,—ведетъ крупную азартную игру и лишь иногда въ постели читаетъ „смѣшную книжку“. На службу не ходитъ, хотя ему и „присылаютъ чинъ, какъ онъ значится по канцеляріи“. По временамъ имъ овладѣваетъ внѣшнее благочестіе, онъ ѣздитъ въ Лавру, простаиваетъ подолгу на молитвѣ, читаетъ „четь-минею“, служитъ у себя молебны съ знаменитыми и дорогими пѣвчими и принимаетъ многочисленное духовенство и знатныхъ особъ. Но эти промежутки становятся все рѣже и рѣже,—въ домѣ появляются темныя личности,—наконецъ надвигается, при угрозѣ со стороны родныхъ взятіемъ въ опеку и подачею „на высочайшее имя, чтобы на Кавказъ“ — матеріальное разореніе и наступаетъ трагическая развязка уголовного характера.

Болишь отъ всего этого сердце стараго, искренно-вѣрующаго и добраго слуги. Сначала онъ отмѣчаетъ лишь факты, въ нихъ красно-рѣчивой неприглядности, но потомъ начинаетъ выражать тревогу. „Большихъ денегъ стоитъ графу эта цыганка“; „при такой расточительной жизни графъ можетъ разориться“; „великій былъ шумъ у насъ сегодня въ домѣ,—слава Богу, что графъ не былъ въ игру замѣшанъ,—великое будетъ несчастье, коли графъ себя не сократитъ“, отмѣчаетъ онъ разновременно въ дневникѣ.

Чаще и чаще рисуются ему въ воспоминаніяхъ и сновидѣніяхъ прежнія времена домашняго порядка и общаго почета его господамъ. „Топно жить становится,—пишетъ онъ,—Господи! какъ вспомнишь, что нашъ за домъ былъ! пожалуй, что ниже предводителя и господъ-то у насъ не бывало! Никто къ намъ изъ знакомыхъ не ѣздитъ, и подобный нашъ домъ сталъ обыкновенному дому, если не хуже... Помяни, Господи, во царствіи твоёмъ раба твоего графа Павла и рабу твою графиню Софію. Большіе господа были!“ Но онъ продолжаетъ строго надзирать за барскимъ добромъ и, презирая въ душѣ новыхъ гостей барина — цыганъ, игроковъ и людей подозрительной профессіи, тѣмъ не менѣе тщательно записываетъ, на сколько персонъ былъ сервированъ столъ и что было подано. Здоровье его, однако, слабѣетъ, и несмотря на оставшійся послѣ покойнаго графа лекарственный порошокъ *кремартакторъ*, принимаемый имъ съ большою для себя пользою, — онъ начинаетъ чувствовать „отагченіе

ногъ“. Записавъ видѣнный имъ сонъ, въ которомъ Любушка— умершая отъ проглоченныхъ булавокъ дѣвушка—приходила къ нему въ висейномъ платьѣ, съ золотымъ вѣнцомъ на головѣ и двумя херувимами въ рукахъ,—спрашиваетъ онъ себя: „не зоветь ли это она меня къ себѣ?“ Несмотря на ликующій вокругъ него грѣхъ, вѣра его тверда. Какъ трогательно частое обращеніе старика отъ картинъ житейской грязи и злобы къ величавымъ словамъ молитвъ и гѣснощѣній! „Ей, Господи Царю, даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія! —Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!—О, дивное чудо! Невидимыхъ Содѣтель за челоуѣколюбіе плотію пострада!“—пишетъ онъ въ разныхъ, особо тягостныхъ для него по содержанию, мѣстахъ дневника. За то какою наивною гордостью звучитъ въ началѣ дневника запись, когда случилось такъ, что на одинъ день въ домѣ повѣяло былою торжественностью. По настоянію тетокъ, молодой графъ даетъ балъ „при полномъ освѣщеніи всего дома, съ ужиномъ на шестьдесятъ челоуѣкъ, при прислугѣ въ новыхъ ливреяхъ и хорѣ музыкантовъ за тюлевою занавѣсью въ малой гостиной“. Старому слугѣ, при видѣ барина, танцующаго съ княжною, думается, „не намѣчаютъ ли ему княжну въ невѣсты?“ „Все въ руцѣ Божьей — восклицаетъ онъ въ упованіи на новые побѣги родословнаго древа и восхищаясь разговоромъ генераль-губернатора съ генеральшею, замѣняющею хозяйку, причемъ они „другъ другу противъ сказанныхъ словъ выговаривали“, и замѣчаютъ: „знатные люди! высокаго чину! Подумаешь, до какой высокой степени Богъ можетъ вознести челоуѣка!“

Какъ характеренъ, наконецъ, для изображенія возрѣній и способа дѣйствій тогдашней административной юстиціи — эпизодъ съ оскорбленнымъ купцомъ! „Вчерашняго числа,—записано въ дневникѣ,—графъ въ театрѣ одному купцу далъ плюху. Хочетъ судиться. Потребовали графа къ военному губернатору, но онъ не поѣхалъ, по болѣзни, а отправилъ съ теткою просьбу къ губернатору: просить отъ купца защиты“. Дальнѣйшія распоряженія напоминаютъ знаменитый совѣтъ комендантши Бѣлогорской крѣпости въ „Капитанской дочкѣ“:—графа сажаютъ на Ивановскую гауптвахту, а купца забираютъ въ тверскую часть. „Купца заставили помириться,—говоритъ затѣмъ дневникъ,—приходилъ квартальный, отбиралъ отъ графа подписку, что онъ впредь *драться не будетъ* и *кутца прощаетъ*. Дано три рубля“. Трагическій эпизодъ, на которомъ прерывается дневникъ, имѣетъ уже прямое отношеніе къ уголовной юстиціи сороковыхъ годовъ. Съ самаго начала записей Емельяна Дырова—въ эпическую ткань его описанія влетаетъ, какъ красная нить, нѣкая Вѣра

Аванасьева и ея отецъ, имѣющіе какую-то прикосновенность къ театру. Они, повидимому, уже довольно давно знакомы съ графомъ, который ужинаетъ съ отцомъ до разсвѣта и играетъ съ дочерью на фортепіано. Мало-по-малу отецъ Вѣры Аванасьевны, сначала благодарящій за то, что имъ не гнушаются, дѣлается persona grata въ домѣ. Его принимаютъ въ постели, пьютъ съ нимъ чай, онъ читаетъ „Апостолъ“ во время молебна и сопровождаетъ графа въ Лавру, куда тотъ ѣдетъ прямо съ гауптвахты, послѣ того, какъ „протилъ купца“, — его „допускаютъ“ на балу сидѣть съ музыкантами, причемъ онъ тайно уноситъ съ собою ананасъ. Подарки ему идутъ crescendo. Сначала лягавый кобель, потомъ пѣньковая трубка, которая „была съ покойнымъ графомъ подъ Бородинымъ, а ему подарена фельдмаршаломъ“, наконецъ, къ еще большому сокрушенію старика слуги, графская соболья бекеша и шляпа... Въ дневникѣ оказываются вырванными болѣе половины страницъ, относящихся къ цѣлому лѣту, такъ что продолженіе его начинается съ переноса... „а она склонности къ нему не имѣетъ и какъ по замѣчанію хочетъ себя соблюсти и выговаривала на счетъ жизни и что въ карты играетъ, а онъ на колѣнкахъ плакалъ и божился цыганскій духъ изъ дому вывести и образомъ покойной графини цѣловалъ, а она его по головѣ гладила и какъ бы сама прослезилась“... Все, однако, какъ видно, остается по прежнему, только отецъ Вѣры Аванасьевны забираетъ все большую силу. Къ концерту, въ которомъ его дочь будетъ играть, модный портной шьетъ ему, за счетъ графа, новый коричневый фракъ со свѣтлыми пуговицами и бѣлый жилетъ; пріѣхавъ пьяный на лихачѣ и не будучи допущенъ, въ отсутствіе графа, въ его кабинетъ, онъ буянитъ и требуетъ денегъ на извозчика. „Обругалъ насъ всѣхъ, прирожденныхъ дворовыхъ графскихъ слугъ, холоуями, — записано въ дневникѣ, — а Владимира налаживался бить, но только тотъ присутствія духа не потерялъ и сказалъ: „тронь!“ Послѣ концерта всѣ поѣхали къ Яру, а оттуда пріѣхали въ домъ въ два часа ночи. „Вѣру Аванасьевну графъ и его пріятель Линева ввели на лѣстницу подъ руки, — она хохотала и била, какъ бы въ шутку, Линева вѣромъ, — говорила, что у нея голова кружится, что она пьяная, и дѣйствительно, какъ мною замѣчено, глаза у нея помутились. Приказано въ шампанское налить мараскину. Графъ стоялъ на колѣняхъ и цѣловалъ у нея руки, а она — то расхохочется, то заплачетъ. Все спрашивала — гдѣ отецъ? А Герасиму приказано возить его, пьянаго, по всей Москвѣ и изъ саней не выпускать. На рукахъ снесли въ желтую го-

стину и заперлись. Какъ ударили къ заутрени, вырвалась изъ гостиной развращенная, металась по всему дому, кричала и кусала руки. Графъ былъ въ безчувствіи. Бросилась въ переднюю, хотѣла бѣжать на улицу: прислуга не допустила. Линева съ кучерами завернула ее въ салопа и велѣла кучеру Трофиму везти домой, а тотъ пьяный, не понявши дѣла, свезъ ее въ Екатерининскую больницу.—Это происходитъ во вторникъ,—въ воскресенье „объ случаѣ въ нашемъ домѣ говоритъ вся Москва“, а въ понедѣльникъ „Вѣра Аванасьевна скончалась въ Екатерининской больницѣ и, какъ полагаютъ, отъ какихъ-то порошковъ“.—Черезъ недѣлю дневникъ обрывается окончательно слѣдующею записью: „Графа свезли на гауптвахту. Завтра весь домъ пригонять къ присягѣ. Упокой, Господи, раба твоего графа Павла и рабу твою Софію,—сестру мою рабу Надежду, и дочь ея Любовь, и меня грѣшнаго созовуни! Глаза бы на свѣтъ не глядѣли...“.

Разсказывая объ участи „Вѣры Аванасьевны“, дневникъ не только передаетъ правдоподобное и вполнѣ возможное по условіямъ мѣста и времени „описаніе жизни въ домѣ его сіятельства“, но содержитъ въ себѣ указаніе на дѣйствительное событіе, рисующее собою, между прочимъ, и высоту нашихъ до-реформенныхъ судебныхъ порядковъ. Это разбиравшееся въ Москвѣ, въ концѣ сороковыхъ годовъ, ужасное дѣло о семнадцатилѣтней фигурантѣ московскихъ театровъ Аршининой, проданной своимъ отцомъ, театральнымъ музыкантомъ, знатному молодому человѣку, который напоилъ ее возбуждающимъ растворомъ и привелъ тѣмъ въ состояніе полового бѣшенства, коимъ воспользовались кромѣ него и другіе негодяи, окружавшіе его. Несчастная дѣвушка была возвращена домой лишь на третій день, съ разрушительнымъ мѣстнымъ воспаленіемъ и омертвѣніемъ и въ состояніи полного сумасшествія, изъ котораго не выходила до самой своей страдальческой кончины. Московскіе судьи того времени нашли справедливымъ и непостыднымъ ограничиться отдачею главнаго виновника въ солдаты или военные писцы съ выслугою и безъ потери правъ—и присужденіемъ отца жертвы за *потворство разврату дочери* къ трехмѣсячному лишенію свободы...

Составленіе историческихъ разсказовъ имѣетъ одну особенность, отмѣченную еще Монтескьё. Авторамъ ихъ приходится влетать въ свой трудъ *вымышленные* факты, основанные однако на фактахъ *отрицныхъ* или естественно изъ нихъ вытекающіе. Выходя за предѣлы простой и безцвѣтной хроники событій и изслѣдуя ихъ общую связь, причины и послѣдствія, автору, желаю-

щему въ живыхъ образахъ и краскахъ представить, *какъ именно* произошло или совершалось то или другое и какъ проявлялъ себя тотъ или другой дѣятель—приходится воссоздавать это путемъ фантази и психологическаго анализа человѣческой природы и *однородныхъ* отношеній. Быть можетъ, дѣйствительность была и нѣсколько иная; быть можетъ, на пути психическаго развитія описываемой личности были существенныя отклоненія отъ теоретически намѣченнаго авторомъ; но если настоящіе, не подлежащіе спору факты и свѣдѣнія таковы, что даютъ *право* на сдѣланные выводы, которые, въ конечномъ результатѣ, приводятъ къ тому же, что было и въ дѣйствительности, то у произведенія нельзя отнимать названія *историческаго*, ибо оно правдоподобно передаетъ смыслъ и значеніе былого... Даже строгій историкъ не всегда можетъ вытравить изъ себя художника и оградить свое *ислѣдованіе* отъ *воссозданія*. Достаточно припомнить Маволя и Костомарова и въ особенности Шерра въ его „Menschliche Tragikomödie“, или Карлейля въ его „Исторіи французской революціи“. Не даромъ Эдмондъ Гонкуръ говоритъ: „l'histoire est un roman qui a été,—le roman c'est l'histoire qui aurait pu être“.

Мы видѣли у Горбунова изображеніе домашняго строя, имѣющее полную житейскую достовѣрность и опирающееся въ существенной своей части, въ послѣдовательномъ заключительномъ аккордѣ, на фактъ, занесенный на темную страницу исторической хроники нашего суда. Но есть у него и явно вымышленный рассказъ, который тѣмъ не менѣе имѣетъ историческую правдоподобность, благодаря яркому и вѣрному воплощенію существовавшихъ личностей, въ которомъ чувствуется долгое и внимательное изученіе дѣйствительныхъ и непререкаемыхъ историческихъ данныхъ. Это—сказаніе „о нѣкоторомъ зайцѣ“. Въ немъ какъ живой, со своимъ особымъ, полу-мистическимъ, дѣланымъ слогомъ, встаетъ архимандритъ Фотій, злобѣщій лицемѣръ, то работливо вопіявшій къ „мечу свѣтскому“ и умѣвшій ловко приспособиться къ жестокости официального смиренномудрія начала двадцатыхъ годовъ;—нѣсколькими словами тонко очерчено отраженіе вліянія Фотія на министръ духовныхъ дѣлъ и исповѣданій—князь А. Н. Голицынъ и на мѣстныхъ „правительствахъ“ поставленными между невольною боязнью доносовъ юрьевскаго архимандрита и страхомъ предъ мрачными фигурами графа Аракчеева и его любовницы—крестьянки Настасьи Минкиной, о которой тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ Кампенгаузенъ писалъ временщику: „дозвольте, мой милостивецъ, чтобъ я васъ

могъ съ чистаго сердца поздравить съ наступающей именинницей вашей!“ — „Вчера, въ четвертовъ, послѣ малаго повечерія, — пишеть Фотій ввязю Голицыну, — въ тонцѣмъ снѣ пребываль и присные мои дали повои очима своима и вѣждама своима дреманіе. И се гласъ нечеловѣчь, а собаки нѣкоторыя лаяли и визжали и ко святымъ вратамъ бросались, а всадники на коняхъ трубили въ трубы и хлопали бичами. Я выслать службу вопрошить — какія ради нужды монастырь окружили? Нѣкій человекъ, подобіемъ миеологическій центавръ, отвѣтствовалъ — якобы заяцъ въ монастырѣ скрывается. А у меня заяцъ въ монастырѣ давно пребываль, подъ камнемъ жилъ (писано бо есть: „камень прибѣжище зайцемъ“) и кормилъ я его руками своима и того зайца центавры изъ монастыря изгнали и псамъ на растерзаніе отдали, а нѣкоторая пестрая псица старцу Досвѣею рясу, подаренную Анною, изорвала. Защити, другъ великій!“ — Князь Голицынъ очевидно боится быть невнимательнымъ къ просьбѣ своего „друга“, который, въ случаѣ надобности, съумѣеть, конечно, обратиться и въ ядовитаго недруга. Онъ спѣшитъ написать новгородскому губернатору и, довольно двусмысленно отвѣчая Фотію, что „очень грустить“, что нарушили *безмолвіе* послѣдняго, *необходимое для спасенія души*“, тутъ же поддѣлывается подъ его тонъ, находя, что „врагъ темный и оскверненный всегда съ нами и за нами и нѣсть, яже укрыться отъ него“... Новгородскій губернаторъ оказывается, однако, человекѣмъ довольно наивнымъ, хотя и исполнительнымъ. По собранымъ имъ лично свѣдѣніямъ, заяцъ затравленъ дворовыми Аракчеева „по приказанію Анастасіи Θεодоровны, для ея стола и сданъ повару Порфирію“. Эти же дворовые застрѣлили трехъ *частныхъ* гусей дьякона Островидова и изжарили крестьянскую овцу, дѣлая все это именемъ Анастасіи Θεодоровны... Дѣло начинаетъ принимать северный оборотъ, ибо такимъ образомъ обнаруживается, что „врагъ темный и оскверненный“ — не кто иной, какъ наложница всемогущаго временщика, даже заочно называемая не иначе, какъ только по имени и отчеству... Но находчивый и еще болѣе исполнительный капитанъ-исправникъ — въ два-три хода разыгрываетъ запутанную партію, чреватую послѣдствіями. „Получивъ словесное повелѣніе вашего превосходительства, — рапортуеть онъ губернатору, о разслѣдованіи затравленнаго зайца, — оный заяцъ по *неласнымъ* свѣдѣніямъ и *присяжнымъ* показаніямъ, оказался не монастырскимъ, монастырскій же, по пойманіи онаго, будетъ доставленъ отцу архимандриту. Касательно гусей, то отецъ дьяконъ отъ оныхъ отказался и при-

зналъ таковыхъ перелетными, а люди, распространявшіе тревожные слухи, заключены въ тюремный замокъ“.

Дѣло покончено—и въ томъ, *какъ* оно покончено, нѣтъ ничего неправдоподобнаго. Если вдуматься, то за дьякономъ, вынужденнымъ признать своихъ гусей перелетными, и за „влетѣвшими въ острогъ“ владѣльцами овцы—нарисуется цѣлая картина рабочей суматохи и всякаго насилія, предпринятаго для „заманья“ дѣла. И картина эта едва ли даже преувеличена. Стоитъ вспомнить хотя бы приводимые Ровинскимъ, въ его рѣчи къ судебнымъ слѣдователямъ въ 1860 году, примѣры того, какъ производились слѣдствія во времена его молодости, т.-е. уже въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ. Эти крестьяне, высланные въ Москву изъ рязанской губерніи *по стану* для отобранія отъ нихъ подписки, что они представляютъ *украденные у нихъ* тулупъ и поддевку для оцѣнки, забытой при возвращеніи вещей;—эти бушцы, жалующіеся на кражу у нихъ четырехъ боченковъ сельдей и попадающіе, совершенно неожиданно, сами подъ слѣдствіе о томъ, откуда они этихъ сельдей взяли и имѣютъ ли право торговать ими;—этотъ мѣщанинъ, томящійся въ острогѣ по обвиненію въ *праздной ѣздѣ* по улицамъ,—конечно мало чѣмъ уступать дьякону съ гусями и крестьянамъ съ овцою...

Видѣвъ лично и переживъ ту тьму, которую смѣнилъ свѣтъ преобразованій Александра II, Горбуновъ съ душевной радостью рисуетъ признаки обновленія, совершавшагося у него на глазахъ. Не разъ въ своихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ съ глубокою благодарностью обращается онъ къ памяти Освободителя. Но движеніе вперед и измѣненіе сложившагося строя не можетъ, несмотря на свою желательность и историческую неизбежность, не имѣть и тѣневыхъ сторонъ. Городская жизнь, чрезвычайно развившаяся въ послѣдніе годы, съ ея фабриками, отхожими промыслами и нездоровыми приманками—дѣйствуетъ на деревню въ своемъ родѣ опустошительно, внося разложеніе въ ея нравственные и бытовые устои. Горбуновъ, со свойственной ему правдивостью, отмѣчаетъ это вліяніе. „С.-Петербургъ отъ насъ далеко, говоритъ у него „въ дорогѣ“ крестьянинъ-извозчикъ,—которые вотъ съ нашей стороны живутъ тамъ въ половыхъ, или по мастерству по ваѳому—придетъ въ деревню и сейчасъ себя такъ означаетъ, что съ нашимъ мужицкимъ разговоромъ и не подступишься. Куцую штучку надѣнетъ—спинжакъ, что ли, по ихнему и такъ онъ понимаетъ, что въ спинжакѣ въ этомъ вся сила... Бѣда эти санктъ-петербургскіе спинжаки. Другой горечь, а довазываетъ!“ — „Не по закону ты жить сталъ“,

—говорить старуха записавшемуся въ мѣщане.— „Тетушка Матрена,—отвѣчаетъ тотъ, — надѣнь спинжавъ-то, и ты по другому заживешь. Въ деревнѣ за сохой ничего не обучишься,—соха—она соха и есть. Простой кто ежели человѣкъ“ ... „Что-жъ ты соху-то позоришь?—прерываетъ его старый крестьянинъ,—соху-то намъ Богъ въ руки далъ!“ — „Матушка, Фегла Семеновна, одинъ вѣдь разъ живемъ,—воскликаетъ купецъ, привычшій „чертить“,—одинъ разъ живемъ!.. Помремъ—все останется... Вѣдь не въ лаптяхъ ходимъ, голубушка, есть на что“ ... — „Что ты про лапти говоришь,—отвѣчаетъ богатая старуха-купчиха,—я сама въ лаптяхъ хаживала. Ты лапти не кори“.—„Я не въ тому“.— „То-то не къ тому! Покойникъ сертукъ-ать надѣлъ, когда весь свой полный капиталъ скопировалъ, да и то, бывало, говорить: неловко, Семеновна, давай опять поддевку надѣну — поддевка-то, говорить, насъ съ тобой вывормила...“

X.

Не одна разговорная великорусская рѣчь, въ ея видоизмѣненіяхъ сообразно общественному положенію изображаемыхъ лицъ, была искуснымъ орудіемъ въ умѣлыхъ рукахъ Горбунова. Знаете ли бытовую исторію древней Руси, онъ превосходно владѣлъ языкомъ различныхъ періодовъ XVII и XVIII вѣка. Этимъ языкомъ писалъ онъ письма къ пріятелямъ, на немъ излагалъ многіе свои рассказы и представлялъ оцѣнку разныхъ событій, бытовыхъ явленій или официальныхъ порядковъ. Но не въ одномъ выработанномъ внимательнымъ изученіемъ источниковъ языкъ состояла художественная особенность Горбунова. Онъ умѣлъ всѣмъ своимъ умственнымъ складомъ переселяться въ эпоху, соответствующую языку, понимать и улавливать ея особенности и говорить о томъ или другомъ современномъ намъ явленіи, оставаясь въ предѣлахъ міросозерцанія той эпохи и общественной среды, къ которой принадлежалъ пишущій или говорящій. Онъ пренебрегалъ нетрудною, при извѣстномъ знаніи языка, задачею —изобразить мысли и взгляды *нынѣшняго* человѣка словами и оборотами стариннаго языка; у него за безупречною точностью этого языка всегда слышался и современный языку человѣкъ, въ томъ видѣ, въ какомъ намъ представляютъ его историко-бытоваго изслѣдованія Соловьева, Забѣлина, Костомарова, Пыпина, Тихонравова и др. Поэтому, когда какая-нибудь грамота или письмо Горбунова переносятъ читателя въ давно-прошедшее

время, яркими чертами рисуя тогдашнюю дѣйствительность, передъ нимъ встаютъ—воевода на далекой границѣ русскаго царства,—посланный за западный „рубежь“ бояринъ,—подъячіе, приказные, подсудимые, — московскіе „запойные и заблудные“ люди, — и наконецъ самъ „верховой (т.-е. придворный) скоморохъ Ивашка Ѳедоровъ“, какъ любилъ называть себя И. Ѳ. Горбуновъ.

Замѣчательнымъ доказательствомъ глубокаго искусства, съ какимъ владѣлъ старымъ русскимъ языкомъ Горбуновъ, служить, между прочимъ, указаніе Т. И. Филиппова на то, что составленное имъ описаніе поѣздки русскаго боярина въ Эмсъ ввело даже книжныхъ археологовъ въ недоумѣніе, такъ что ученый знатокъ старины П. И. Саввантовъ счелъ это описаніе за копію съ подлиннаго статейнаго списка XVII вѣка и удивлялся, что уже и въ то время за границею существовала рулетка. Точно также ввелъ многихъ компетентныхъ лицъ въ заблужденіе относительно своей подлинности, благодаря своему выдержанному языку, и составленный Горбуновымъ указъ царя Алексѣя Михайловича о нѣмцахъ и еретикахъ.

Рядъ шуточныхъ привѣтствій и наставленій, написанныхъ Горбуновымъ на церковно-славянскомъ языкѣ, показываетъ, что и съ нимъ онъ былъ знакомъ основательно и могъ бы, пожалуй, не уступить въ этомъ знаніи Костомарову, оставившему много превосходныхъ писемъ на этомъ языкѣ, образчикомъ которыхъ можетъ служить недавно опубликованное письмо къ Н. В. Барсукову отъ „недостойнаго и паче всѣхъ человѣкъ грѣшнѣйшаго старца Николая еже на рѣцѣ Невѣ суца“, отъ 24 ноября 1862 г. Вотъ, напримѣръ, „статья, како увѣщевати глаголемаго лампописта“, —т.-е. москвича, излюбившаго приготовляемый въ лучшихъ московскихъ трактирахъ особый напитокъ изъ пива, сахару, лимона и поджареннаго хлѣба, называемый *Лампо* (пополамъ). „Рци ми, о лампописте, коея ради вины къ душепагубному и умопомрачающему напою — алемански же речется лампопѣ — присталъ еси? Не вѣси ли, о лампописте, егда ти суцу въ пьянственномъ пребываніи вси бѣси великаго града Москвы, со слободы и посады, ливоствуютъ и гласомъ радованія восклицаютъ: се, книжникъ лампопистомъ содѣяся и сыномъ отца нашего Вельзевула учинися; руками плещутъ, очима помизаютъ. Оле, твоего безумія лампописте! Не имаши тайнаго зрѣнія и не разумѣваеши, яво въ бѣлыхъ ризахъ, окрестъ ти стоящіе, не служи гостинника Тѣстова, а бѣси ярославскіе, отъ нихъ же главоболѣзненные напои приемиши; не вѣси, нерадѣнія твоего

ради, яко дымъ, исходящій изъ сосуда — дыханія Вельзевуловы суть“.

Мы говорили уже о томъ, какъ интересовала Горбунова судебная реформа. Видѣвши во всей красѣ простоту и стремительность стараго административнаго суда въ московскихъ захолустьяхъ, отправляемаго полицейскимъ комиссаромъ, онъ описалъ свои впечатлѣнїя, по поводу воспоминаній о рѣдкой раскольничей рукописи, будто бы озаглавленной „о нѣкоторомъ комиссарѣ, како стяжалъ и о купцѣ“, въ которой яко бы говорится: „не Богъ сотвори комиссара, но бѣсъ начерта его на пещѣ и вложи въ него душу злонравную, исполненную всякия скверны, во еже прицѣплитися и обрати всякую душу христіанскую“. Немногимъ лучшія впечатлѣнїя вынесъ онъ и изъ знакомства съ общими судами и тѣми паразитами, которые ютились около нихъ, благодаря формальнымъ узамъ, опутывавшимъ преисполненное всякаго рода затяжекъ и отсрочекъ судопроизводство, не имѣвшее дѣла съ живымъ человѣкомъ, а лишь съ ворохомъ бумагъ. Въ разсказахъ его мелькають ярвія фигуры „иверскихъ“ юристовъ-дѣльцовъ и вѣдомыхъ лжесвидѣтелей, засѣдавшихъ въ Охотномъ ряду въ трактирѣ „Шумла“, гдѣ „вѣдалось ими и оберегалось всякое московскихъ людей воровство, и пойдѣпы, и волокита“. Любящая народъ душа Горбунова почувала всю важность судебного преобразования не только въ смыслѣ водворенія правосудія, но и въ смыслѣ поднятія народной нравственности. Онъ сталъ посѣщать суды, живо интересуясь не однимъ исходомъ дѣлъ, но и самымъ ихъ процессуальнымъ движеніемъ, вникая во всѣ его особенности. Ему чрезвычайно былъ дорогъ въ особенности судъ присяжныхъ. Исходъ и самое возбужденіе такихъ дѣлъ, какъ напр. дѣла властнаго миллионера Овсянникова, обвинявшагося въ поджогѣ мельницы, или дѣла опиравшейся на обширныя связи игуменьи Митрофаніи, невыслымыя при старыхъ судебныхъ порядкахъ и связанныхъ формальною рутиною дѣятеляхъ, радовали его несказанно и служили матеріаломъ для разнообразнѣйшихъ вариантовъ въ его разсказахъ въ дружескомъ кругу.

Живая мысль его переносилась въ далекое прошлое и рисовала судъ присяжныхъ въ рамкахъ и условїяхъ этого прошлаго.

Результатомъ этого явился въ 1878 году указъ тогдашнему предсѣдателю петербургскаго окружнаго суда *„отъ государя, царя и великаго князя окольничему нашему, Анатолю Федоровичу“*.

„Били намъ челомъ всякихъ чиновъ люди, — говорилось въ указѣ, — емлютъ де съ нихъ въ разбойномъ привазѣ подьячіе деньги не малыя, волочатъ и убытчатъ безъ расудку. И намъ

бы, великому государю, ихъ пожаловати—велѣти для сыску татинныхъ и разбойныхъ и убивственныхъ дѣлъ быти человѣку доброму, кому бѣ въ такихъ дѣлѣхъ можно было вѣрять. И мы, великій государь, всякихъ чиновъ людей пожаловали, велѣли тебѣ, Анатолю, сидѣти въ разбойномъ приказѣ безотступно и всякія татинныя и разбойныя дѣла вѣдати. И кому грѣшною мѣрою учинится смерть, или который человѣкъ удавится или, вина опився, сгорить, или кто межъ собою подерется хмельнымъ дѣломъ и убьетъ, и про то сыскивать подлинно—и которые людей волочатъ и убитчатъ, и тѣхъ людей вѣдати и оберегати и расправу промежъ всякими людьми чинити безволокитно—и въ поклеванныхъ искѣхъ, и въ подметѣ, и въ бою, и въ грабежу, и кто крадетъ, и разбиваетъ, и до смерти людей убиваетъ, и въ какой сварѣ зубомъ ухватитъ и носъ отъястъ,—и женскій полъ и дѣвичь, которыя, по насердкѣ, на всякихъ чиновъ людей б..... сказываютъ для своей бездѣльной корысти потому жѣ сыскивати накрѣпко всякими сыски. И кто въ городѣ корчму держитъ и татинною рухлядью промышляетъ,—и мнишецаго чину и гостиной сотни запойныхъ людей и чаровницъ и которыя дѣвки въ скоморошествѣ оголяются, глазами помизающе, сквернаго ради смѣшенія—сыскивати подлинно. А какова вора или тата или убійцу изымаютъ и приведутъ и видоконъ ставить къ кресту къ цѣлованію. А учнутъ видоконъ показывать подлинно и у него дворы и животы описывать и сажати въ тюрьму до указу. И будетъ воровство его и въ какихъ причинахъ онъ бывалъ сыщется до прима, вынявъ изъ тюрьмы, судити въ разбойномъ приказѣ при всенародномъ множествѣ, а въ помочъ ему ставити подъячаго добраго, который бы вины его очищаль. Да для сидѣнья жѣ въ разбойномъ приказѣ пожаловали мы, великій государь, велѣли выбирать судей по двѣнадцати человѣкъ да по два изъ лучшихъ, среднихъ и молодчихъ людей, добрыхъ, небражниковъ, которые бѣ были душою прямы и всѣмъ людямъ любы. И тѣхъ людей приведчи къ крестному цѣлованію, а доводчику велѣти воровы вины честь. А какъ доводчикъ вины его прочтетъ и тебѣ, Анатолю, ставити его съ видоконъ на очи и допрашивать накрѣпко. А какъ подъячій учнетъ воровы вины очищать и противъ того подъячаго потому жѣ говорить. А слушавъ вашихъ рѣчей, выборные судьи пойдутъ въ другую палату, за приставы, чтобъ сговору какого промежъ ихъ съ народомъ не было. А пришедъ въ палату судять сопча боевой часъ и больши, чего воръ доведется. И будетъ вышедчи скажутъ, что за воровъ вина есть и тебѣ судити по уложенію. А

будеть учинишь ты не по уложенію, а тотъ воръ или тать или убойца или ворчемниѣ ударить челомъ въ нашу царскую думу, что учинилъ ты не по уложенію и того вора судити вдругорядъ иными судьи. А тебѣ, Анатолю, будетъ учинилъ ты не по уложенію съ простоты—вины нѣтъ; а будетъ учинилъ ты по насердѣ на того вора, или тата, или убойцу, или ворчемниѣ—наша царская опала съ записью въ разрядной книгѣ“.

Къ этого же рода удивительнымъ—по правдивости языка, по стилю и по краскамъ—документамъ относится написанная въ семидесятыхъ годахъ, во время возникновенія въ Петербургѣ обширнаго дѣла о скопческой ереси, челобитная самого Горбунова, будто бы вызваннаго въ качествѣ свидѣтеля по подобному же дѣлу въ концѣ XVII вѣка (когда и самой скопческой ереси еще не существовало) съ рассказомъ о томъ, какъ и о чемъ онъ былъ допрашиваемъ. Къ сожалѣнію многія существенныя ея части, заключающія и тонкую сатиру на одностороннюю оцѣнку доказательствъ въ подобныхъ дѣлахъ, неудобны для печати. Приходится ограничиться лишь небольшими выписками изъ этой жалобы Ивашки Ѳедорова, который „бьетъ царю челомъ“, и повѣствуетъ, что „изыманъ я пристава и волоченъ гнѣшъ до губныя избы и великія отъ того ихъ волоченія мнѣ, сиротѣ твоему, чинены убытки: одноряду вишневою, твое государево жалованье, изодрали всю безъ остатка и однорядочка къ свѣтлому дню у меня нѣтъ. И губной староста, да подъячій учили меня бить и за волосы таскать и истерзавъ довольно стали говорить распросныя рѣчи съ пристрастіемъ: „на Москвѣ живучи, Ивашка, ты лихихъ людей знавалъ ли и за пьянствомъ съ ними ходилъ ли? и будетъ ты лихихъ какихъ людей знавалъ и еретичество ихъ вѣдалъ, съ Гуріемъ на ходилъ ли? и ходючи съ нимъ и т. д.“. Слѣдующіе за тѣмъ вопросы поразительны по своей неожиданности,—художественны въ своей непосредственной наивности и въ то же время вполне соотвѣтствуютъ сущности преступленія, въ которомъ обвиняется впадшій въ ересь Гурій. Допросъ оканчивается требованіемъ сказать: „и онъ Гурій убоюнъ ѣлъ ли и смердящую бѣсовскую богоненавистную табаку пилъ ли? Да онъ же Гурій на Москвѣ живучи, ежедень скрывался—и то тебѣ, кто скрывалъ и поровиль ему вѣдомоль?“—Но усердіе тогдашняго слѣдователя, несмотря на энергическіе и чувствительные аргументы, предшествовавшіе допросу Ивашки, не исторгаетъ ничего полезнаго для дѣла по существу, ибо „я, сирота твой, памятуячи страшный судъ, противъ тѣхъ распросныхъ рѣчей сказалъ прямо вправду:

на Москвѣ живучи въ скоморохахъ—лихихъ людей не зналъ; всякихъ заблудныхъ, и зерщиковъ, и скомороховъ, и мнищецкаго чина и гостиной сотни запойныхъ людей зналъ довольно— и за пьянствомъ съ ними ходилъ и *составныя затѣйныя слова* говаривалъ, а это Гурія то мнѣ невѣдомо, а онъ, Гурій, человекъ смиренный“...

Если приведенная выше грамота соответствовала идеальному для своего времени судопроизводству, то челобитная эта соответствовала печальной дѣйствительности, когда свидѣтель мало чѣмъ отличался отъ подсудимаго. Стоитъ припомнить. Котошихина, житіе Аввакума и т. п. Вообще трудно жилось русскому человѣку въ XVII вѣкѣ. Съ востока и запада враждебно окружали его иноземцы, возбуждая его крайнее недовѣріе,— чуждые ему по вѣрѣ, по образу жизни, по языку,—всегда могущіе то угрожать силою, то дѣйствовать хитростью и коварствомъ. Противъ всѣхъ надо было быть насторожѣ. Но зорко слѣдя за ними издалека, не мѣшало узнать и поближе, что они за люди и какимъ обычаемъ живутъ. И вотъ изъ-подъ пера Горбунова выливается сначала письмо изъ Эмса, а потомъ, въ 1885 г., донесеніе царскаго воеводы о битвѣ на Кушкѣ.

„Въ нынѣшнемъ 377 году,—такъ начинается письмо,—прислана мнѣ твоя, великаго государя, грамота. Написано: — ѣхать тебѣ, Ивану, въ разные города нѣмецкаго государства и смотрѣть тѣхъ городовъ люди и намъ, великому государю, отписывать... и ѣхавъ землями нѣмецкаго государства не грабить, не пьянствовать и съ нѣмцы разговорныя слова говорить и отвѣтъ держать примѣрившись, съ вымышленіемъ, бояся нашей опалы и жестокаго истязанія безо всякія пощады. А будетъ который начальныи нѣмецкій человекъ спросить—какія ради нужды посланъ? говорить: посланъ для его великихъ государевыхъ дѣлъ. А даровъ ему не давать. А прилучится который нѣмчинъ прошать будетъ, и тому дать кормы небольшіе да деньгами на пиво, по три алтына на человека“. Нашъ XVII-ый вѣкъ въ своей рѣчи и возрѣніяхъ такъ и глядитъ со всѣхъ строкъ письма! Овазывается, что „городъ Емца не великъ, а сталь онъ въ горахъ, а въ немъ вода живая, а та вода шипитъ... и у котораго, человека нутро болитъ, али утнѣ, али порча, али ина хворь, и дохтуры тоя болѣзнь своимъ дохтурствомъ смотрять и ту живую воду велеть пить и голымъ въ той водѣ сидѣть. А люди московскаго государства тоя воды не пьютъ, а пьютъ они ренское во множествѣ и здравы бывають. А ренское вино доброе“... Затѣмъ идетъ описаніе рулетки, столь смутившее Савваятова отпечаткомъ правди-

вости, положеннымъ на него искусною рукою Горбунова. „Палата построена каменная,—повѣствуетъ бояринъ,—большая, а въ ней сидитъ нѣмчинъ и *вралетку вертитъ и прыгунца пуцаетъ*—бѣленькій, не великъ. А кругъ того нѣмчины народное множество—и иныхъ государствъ люди, и жида, и езовиты, и женки, и дѣвки, и старыя бабы, и воровскіе заблудные люди—и кладутъ тому нѣмчину золотые амбургскіе и угорскіе и ефимки, и нѣмчинъ тѣ деньги емлетъ и вралетку вертитъ почасту“. Если царскому боярину пришлось увидеть много интереснаго за границею, то царскому воеводѣ (генераль-лейтенанту Комарову, разбившему афганцевъ на Кушеѣ и занявшему городъ Пенде 18-го марта 1885 г.) пришлось пережить тревожныя минуты, требовавшія стойкости и большой рѣшительности.

Онъ стоялъ съ „великаго государя ратными, пѣшими и конными людьми на Кушеѣ рѣкѣ, и вѣдомо ему учинилося, что англійскіе люди ссылаются съ афганскимъ мурзою и говорятъ воровскія развратныя рѣчи, наговаривая, чтобы со своими татарами соединячася къ злomu воровству ихъ присталъ и противъ твоихъ, великаго государя ратныхъ людей, учинилъ бой, и мурза, предався въ неискусенъ умъ, тѣхъ рѣчей слушалъ“... Желая кончить дѣло миролюбиво, воевода ссылается съ мурзою, но тотъ указываетъ, что ему велѣно слушать англичанъ, при чемъ „королевинъ англійскій капитанъ“ (серъ Чарльзъ Уетъ) посылаетъ письмо воеводѣ, который отправляетъ своего уполномоченнаго (подполковника Закржевскаго) говорить съ англичанами. „И спедчися говорили. Англійскіе люди говорили: вы де въ Индею идете. А полуполковникъ съ товарищи говорилъ: мы де въ Индею будемъ когда нашъ великій государь похочеть. А таперво мы въ Индею не идемъ,—а пришли для береженья новыхъ государевыхъ городовъ, которые ударили челомъ великому государю, чтобы быть имъ со всѣми людьми подъ его високою рукою.—А будетъ государь вашъ похочеть и вы въ Индею пойдете ли?—Коли великій государь, его пресвѣтлое царское величество похочеть, и въ томъ будетъ его воля, и мы въ Индею пойдемъ того жъ числа, какъ указъ будетъ.—А зачѣмъ де вамъ итти въ Индею: у вашего государя земли довольно?—У государя нашего земель много, и въ умъ не вмѣстится, а въ Индею намъ итти, чтобы милордамъ вашимъ и купцамъ и прочимъ королевинимъ англійскимъ людямъ надъ московскимъ государствомъ дуровать было негораздо. И какъ мы будемъ въ Индею и вамъ-то будетъ за страхъ, а московскому государству утѣшеніе.—И пивъ боевой часъ ренское, разошлись“. Вопросъ

остался открытымъ и на утро мурза ударилъ съ татарами на государевыхъ людей, но они бились „врѣшостоительно“, такъ что татары, „видя надъ собою великаго государя ратныхъ людей промысль и жестокій приступъ и пожарное разореніе— побѣжали розно, а англійскіе люди, снявъ порченки, тожь побѣжали и городъ Пинжа отъ татаръ и англійскихъ людей очистился, а мурза англійскаго королевина капитана за бороду дралъ: въ своей-де землѣ вамъ не сидится, пришли къ намъ заводитъ смуту“. „А городъ Пинжу (Пенде) я взялъ для прицѣпленія онаго къ твоёму великодержавному скиетру“—кончаетъ воевода свое донесеніе, приобрѣтающее, благодаря Горбунову, почти эпическій характеръ по содержанію и по выдержанности языка.

Иалишне доказывать вѣрность этого языка и тона, господствующаго во всѣхъ приведенныхъ произведеніяхъ Горбунова. Каждый, читавшій различныя бумаги конца XVII вѣка, оцѣнитъ бытовую и стилистическую ихъ близость къ несомнѣннымъ подлинникамъ и даже законодательнымъ актамъ, въ родѣ Уложенія царя Алексѣя Михайловича. Достаточно привести хотя бы находящійся у насъ подъ руками отрывокъ изъ слѣдственнаго дѣла 1692 года: „да онъ же Дмитрій Тверитиновъ, будучи перегибатемень не токмо духомъ, но и тѣломъ и утѣшно-вѣжливо говоря и мастера совратился въ люторову ересь — и другихъ соврати“... или часть челобитной ушедшаго изъ турецкаго плѣна стрѣльца. „И шелъ я,—говорится въ ней,—холопъ твой Ивашка, съ товарищи своими черезъ многія земли нагъ и босъ, и во всякихъ земляхъ призывали насъ на службу и давали жалованье большое, и мы, холопы твои, христіанскія вѣры не покинули, и въ иныхъ земляхъ служить не хотѣли, и шли мы, холопы твои, на твою государскую милость. Милосердый государь, царь и великій князь Михайлъ Ѳедоровичъ всея Россіи! пожалуй меня, холопа твоего, съ моими товарищи за наши службишка и за полонское нужное терпѣніе своимъ царскимъ жалованьемъ, чѣмъ тебѣ праведному и милосердому государю объ насъ бѣдныхъ Богъ извѣститъ“, при чемъ на оборотной сторонѣ челобитной имѣется помѣта думнаго дьяка: „751 г. іюня въ 20 день государь пожаловалъ тому стрѣльцу... велѣть дать корму по 2 алтына, а достальнымъ всѣмъ дѣтямъ боярскимъ по 8 денегъ, казакамъ по 7, пашеннымъ крестьянамъ по 6 денегъ, для того, что освободились безъ оуупу и отослать подначало къ патриарху для исправленья, для того, что у папы пріимали савраментъ“. Или, наконецъ, можно привести челобитную царю Алексѣю Михайловичу отъ первыхъ

русскихъ актеровъ, подъячаго Василя Мѣшалкина съ товарищи, приводимую П. О. Морозовымъ въ его „Исторіи русскаго театра“:—„по твоему великаго государя указу, отослалъ насъ, холопей твоихъ, въ нѣмецкую слободу для изученія комидійнаго дѣла къ магистру Ягану Готфрету, а твоего великаго государя жалованья корму намъ, холопомъ твоимъ, ничего не учинено, и нынѣ мы, холопи твои, по вся дни ходя къ нему, магистру, и учася у него, платышкомъ ободрались и сапоженками обносились, а пить, ѣсть нечего, и помираемъ мы, холопи твои, голодною смертію. Пожалуй насъ, холопей своихъ: вели, государь, намъ свое великаго государя жалованье на пропитаніе поденный кормъ учинить, чтобъ намъ, холопомъ твоимъ, будучи у того комидійнаго дѣла, голодною смертію не умереть“.

Способность свою переноситься въ XVII вѣкъ, становясь въ способахъ выраженія и самомъ міросозерцаніи своемъ человекомъ этого вѣка, Горбуновъ примѣнялъ не только къ очерку порядка вещей или событій болѣе или менѣе значительной важности. Онъ любилъ излагать такимъ образомъ иногда мелкія происшествія своей жизни и вообще сноситься съ пріятелями, при чемъ его юморъ усугублялся челобитнымъ тономъ. Такъ, въ альбомѣ покойнаго Михаила Ивановича Семейскаго онъ записалъ цѣлый шуточный рассказъ о путешествіи своемъ съ товарищемъ своимъ Б. по Волгѣ и Камѣ, для совмѣстнаго участія въ спектакляхъ и чтеніяхъ. „Бьетъ челомъ,—пишетъ онъ,—сирота твой государевъ, потѣшнаго приказа скоморохъ Ивашка Ѳедоровъ. Жалоба мнѣ государь того же приказа на скомороха на Ѳедьку Алексѣева. Въ нынѣшнемъ году сошелъ я на стругъ внизъ по Волгѣ рѣкѣ до Перми великія для своихъ сиротскихъ промыслишеовъ“... Описавъ какъ къ нему на стругъ (пароходъ) вышелъ у Работокъ на встрѣчу товарищъ и „крестъ цѣловалъ, чтобы ѣхать вмѣстѣ и что Божьей помощью испромыслимъ дѣлать на двѣ стороны ровно, а ему чтобы развратныя рѣчи не говорить и не ругаться; а мнѣ, Ивашѣ, ѣдучи съ нимъ, съ Ѳедькою, Камою рѣкою, на берегъ и въ лѣса не сбѣжать“,—Горбуновъ жалуется, что „нынѣ тотъ Ѳедька, забывъ страхъ Божій и крестное цѣлованіе, умышляетъ дурно: въ расчетахъ творить хитрость, а себѣ корысть, ѣсть пшину и мертвечину и иное скарредное и пить почаству; да онъ же, Ѳедька, рейтарскаго строя съ маеоромъ играетъ въ зернь и отъ той его игры сталъ онъ безъ портокъ. Царь-государь! смилуйся,—воскликаетъ онъ,—пожалуй, чтобы мнѣ отъ того Ѳедьки не придти въ конечное разореніе!“—Такъ, въ 1890 году, Горбуновъ написалъ

посланіе въ Москву, начинающееся словами: „вѣдомо намъ учинилося“ и содержащее въ себѣ великолѣпный и подробный рассказъ о томъ, какъ въ бѣловаменной, во всѣхъ бражныхъ станахъ и у „нѣмчина Яра“ въ мясопустную седмицу пьянство преумножается и въ какихъ дѣйствіяхъ оно выражается. Рассказъ этотъ, по характеру дѣяній „бражниковъ“ совершенно невозможенъ для передачи въ печати, ибо описываетъ недвусмысленнымъ и любящимъ точность языкомъ XVII столѣтія тѣ безобразныя сцены, которыми сопровождается обычный въ нѣкоторыхъ слояхъ нашего общества и въ народѣ масляничный разгулъ и „чревоненство“, доводящее до разбирательства у мировыхъ судей и выражающееся, между прочимъ, въ томъ, что „въ мясопустную седмицу на Москвѣ всѣ убогіе дома и бражныя тюрьмы полны увѣчными, избитыми, опившимися и умопьяченными“. Посланіе кончается такъ: „и какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ и вы бы заказывали накрѣпко, чтобы московскіе люди отъ горькаго пьянства отстали и во всю мясопустную седмицу въ домѣхъ своихъ сидѣли и во всякомъ благочестіи пребывали, а кому, по нуждѣ, сидѣть не можно и тѣ бы мимо бражныхъ становъ не ходили, а случится идти мимо бражныхъ становъ, шли бы не озираючись, памятуячи жену Лотову. А которые боярскіе дѣти не послушаютъ и по бражнымъ станамъ ходить будутъ и тѣхъ изъ бражныхъ становъ выбивать силою и сапоженки сымать и платышко отбирать до увазу“...

Въ началѣ XVIII вѣка, въ образный и цѣльный по своему источнику русскій языкъ, особливо въ языкъ оффиціальныи, вторглась масса иностранныхъ словъ, замутившихъ его чистоту и придавшихъ ему новый, странный и очень часто несимпатичный характеръ. Однимъ изъ свойствъ его сдѣлалась изломанность и дѣланность, съ которыми потомъ пришлось бороться до XIX вѣка, причемъ настоящій русскій языкъ постепенно завоевалъ свои одно время поруганныя права и наконецъ сталъ снова на высоту, вызвавшую трогательную просьбу Тургенева: „берегите нашъ языкъ, нашъ прекрасный русскій языкъ, этотъ кладъ, это достояніе, переданное намъ нашими предшественниками, въ числѣ которыхъ блистаетъ Пушкинь,—обращайтесь почтительно съ этимъ могущественнымъ орудіемъ: въ рукахъ умѣлыхъ оно способно совершать чудеса“...

Еще при Петрѣ, въ его распоряженіяхъ, указахъ и законодательныхъ актахъ, въ его письмахъ слышится прекрасный старый языкъ нашъ. „Не суетный на совѣсти нашей возымѣли

страхъ“, пишеть онъ по поводу духовнаго регламента. „Не рабствуя лицепріятію, не болѣзнуя враждою и не плѣняясь страстями“,—говорить онъ въ другомъ мѣстѣ. Письма его, изданныя академикомъ Бычковымъ, полны оборотовъ и выражений конца XVII вѣка, но иностранныя слова уже часто вѣдряются среди нихъ и сплетаются съ ними, по временамъ безъ всякой нужды, не имѣя себѣ оправданія даже и въ нѣкоторой бѣдности стараго языка для выраженія отвлеченныхъ понятій. „Воюя тайнымъ коварствомъ на истину въ образѣ правды“,—пишеть Петръ въ одну изъ тяжелыхъ минутъ своей великой и многотрудной жизни — и въ то же время увѣковѣчиваетъ въ одномъ изъ указовъ, вставляемыхъ, по его повелѣнію, въ зеркало, такіа выраженія, какъ „чинить мины подъ фортецію правды“... Но послѣ Петра нашъ официальный языкъ, проникающій все болѣе и болѣе сверху внизъ, портится гораздо сильнѣе, особливо при Аннѣ Іоанновнѣ и въ первые годы царствованія Елизаветы Петровны. Въ указахъ говорится о „дѣлахъ штатскаго теченія“, являются названія „парадная бета“ (ложе), „каструмъ долорисъ“ (при похоронахъ), „драдорная (drag d'or) матерія“, „синтура (ceinture) фюзоральная“ и т. п. Можно бы привести множество подобныхъ выражений, указывающихъ нитѣмъ неоправдываемое пренебреженіе къ родному языку, но это не имѣетъ отношенія къ предмету настоящаго очерка. Мы упоминаемъ о языкѣ XVIII вѣка лишь для того, чтобы сказать, что и онъ былъ знакомъ Горбунову, хотя имъ онъ пользовался гораздо рѣже. Такъ исторія о нѣкоторомъ зайцѣ начинается со слѣдующаго письма Петра Великаго, въ которомъ въ точности соблюдена даже орѳографія государя. „Мингеръ графъ.—Зазаеца благодарствую і тово заеца немешпаеъ на асамблей с ели і івашку хмельницава многожды неленосно тревожили понеже заецъ вельми жыренъ былъ и шпігусомъ zelo чиненъ чаели и животу не бытъ да сілою ідействіемъ івашки іпредстательствомъ отца нашего всешутейшего Кура живы суці и е здравіі перебуваемъ і отомъ подлино вамъ отъ пісываю“. Даря М. И. Семейскому рѣдкій литографированный портретъ цесаревича Константина Павловича съ подписью: „Константинъ первой, императоръ Всероссийскій“, бывший въ продажѣ лишь самое короткое время и затѣмъ изъ нея изыятый послѣ оглашенія отреченія великаго князя отъ престола, Горбуновъ пишеть: „прилагаемая при семъ персона (такъ въ первой половинѣ XVIII в. назывался портретъ) сущессора въ надлежащей конфиденціи у васъ находится имѣеть, и никому генерально оную не объявлять и отъ подмыкъ

(т.-е. отъ простонародья) всячески скрывать надлежитъ, дабы каковой бездѣльный человѣкъ малоуміемъ своимъ сатисфакціи не учинилъ и въ тайную канцелярію о семъ не донесъ; а я милостивцу впредь служить готовъ"... Въ одной изъ своихъ милыхъ и продуманныхъ письменныхъ шутокъ, которую онъ любилъ рассказывать и на память, Горбуновъ послѣдовательно разрабатываетъ одинъ и тотъ же предметъ на языкѣ трехъ столѣтій, съ тонкою обрисовкою перехода отъ добродушнаго индивидуализированія, свойственнаго распоряженіямъ старины, къ формалистическимъ приѣмамъ, нерѣдимымъ въ бюрократической практикѣ настоящаго.

„Бьетъ челомъ и плачется сиротишка твоя, государевъ, разбойнаго приказа писчиеъ Павликъ,—начинается челобитная XVII вѣка, въ которой „писчиеъ“ объясняетъ, что привязано ему сидѣть въ приказѣ безотступно, получая половинное жалованье противъ другихъ подъячихъ, да сапоги, да однорядеу и шапку,—но такъ какъ первые поистѣли, а вторая износилась, отчего „въ приказѣ ходить нудно: пальцы прихватываетъ и ногамъ тягота великая“ — то и проситъ велѣть себя, сиротишку, обути. На челобитной оказывается помѣта: „объявлено государево жалованье: дать однорядеу, да сапоги, да шапку“.

Иная уже резолюція на челобитной XVIII вѣка. Просителю привязано его сіятельствомъ генераль-аншефомъ, генераль-адъютантомъ и преображенскаго полка бригадиромъ быть въ юстиць-коллегіи у письменныхъ дѣлъ безъ срока, а затѣмъ отъ той же коллегіи послѣдовало распоряженіе—отъ оной коллегіи отставить. „А мнѣ, низайшему, при холодной атмосферѣ, жить въ резиденціи невозможно. А посему...“ — пишетъ онъ, и добивается неожиданнаго распоряженія—„опредѣлить ея императорскаго величества на молочный дворъ для смотрѣнія, а кормъ оттуда же натурою“. Нетрудно замѣтить тонкую разницу въ характерѣ и языкѣ этихъ ходатайствъ. Писчиеъ Павликъ—при несложности правительственной машины своего времени обращается къ власти, такъ сказать, непосредственно, ссылаясь лишь на то, что „онъ, сирота, сидючи въ разбойномъ приказѣ, о твоёмъ великаго государя дѣлѣ радѣлъ“... Дворцовые перевороты середины XVIII в. и развитіе служебнаго механизма сказываются во второмъ ходатайствѣ. Уже считается необходимымъ сослаться на то, что проситель опредѣленъ на службу по приказанію сильнаго чело- вѣка и быть можетъ временщика, въ родѣ Бирона—и на то, что онъ, низайшій, служилъ „интересу“ своей повелительницы. Очевидно, что между этимъ *низайшимъ* и *сиротишкой* XVII вѣка

не даромъ протекло цѣлое столѣтіе воспоминаній и наблюдений. Пришлось сдѣлаться не простымъ просителемъ, а дипломатомъ. И какъ умѣлъ Горбуновъ придать послѣдней челобитной надлежащую окраску! Какъ невольно видится за нею цѣлый періодъ исторіи, про который графъ Никита Панинъ докладывалъ Екатеринѣ II: „сей эпокъ заслуживаетъ особое примѣчаніе, въ немъ все было жертвовано настоящему времени, хотѣніямъ припадочныхъ людей и всякимъ постороннимъ малымъ приключеніямъ въ дѣлахъ“, и когда не только просители изъ „сиротъ“ обращались въ „нижайшихъ“, но когда даже сенаторы подписывались „всеподданнѣйшіе и природные В. И. В. рабы“, а генераль и оберъ-прокуроры называли себя, въ официальномъ рапортѣ 1744 года, „по присяжной всеподданнической рабской должности и вѣрности всепослѣднѣйшими рабами“.

Прошеніе XIX столѣтія, — склоннаго вообще ступевывать личность предъ государственными или даже фискальными требованіями, — не потребовало много времени на прочтеніе. „Прослуживъ безпорочно тридцать лѣтъ, — пишетъ проситель, — и не имѣя возможности, при настоящей дороговизнѣ хлѣба и мяса“... „По непредставленію марокъ оставить безъ послѣдствій“, — отвѣчаетъ ему резолюція надлежащаго начальства...

XI.

Отношеніе И. Ѳ. Горбунова къ театру и сценѣ было двойное. Онъ былъ, въ рядѣ своихъ изслѣдованій — историкомъ русскаго театра. Онъ былъ съ 1854 года артистомъ на сценѣ императорскаго театра — сначала въ Москвѣ, а потомъ, съ 1855 г. — въ Петербургѣ.

Роль театра въ Россіи была съ половины XVIII вѣка очень видная. Его вліяніе на наши нравы несомнѣнно, и бывали періоды, когда онъ являлся настоящею, просвѣтительною, въ широкомъ смыслѣ слова, школою для общества. Не даромъ въ воспоминаніяхъ современниковъ о сороковыхъ годахъ, когда лучшіе представители и наиболѣе яркія проявленія благородныхъ сторонъ общественнаго развитія сосредоточивались преимущественно въ Москвѣ, мысль о сценѣ Малаго театра почти неразрывно сливается съ памятью о московскомъ университетѣ — и имена Грановскаго, Иноземцева и Крылова — переплетаются съ именами Мочалова и Щепкина. Нельзя, быть можетъ, сказать, чтобы русское общество было жадно на театральныя зрѣлища, но что оно всегда было вос-

примчиво къ тому, что ему даетъ сцена — это едва ли подлежать сомнѣнію. Такая сознательная воспримчивость, рождающая строгую оцѣнку и критику, помогла русскому театру, несмотря на его, сравнительно съ западной Европой, недавнее существованіе, стать на надлежащую, а въ нѣкоторые годы даже и на завидную высоту. Еще при Екатеринѣ II, всего чрезъ сто лѣтъ послѣ проникновенія къ царскому двору представленій въ родѣ интерлюдій или „малой прохладной комедіи о презрѣдной добродѣтели и сердечной чистотѣ въ дѣйствѣ о Іосифѣ“ — мы уже имѣемъ національную сцену съ прекрасными исполнителями и собственнымъ репертуаромъ. Неизмѣримая пропасть лежитъ между пониманіемъ публики, посѣщающей театръ во второй половинѣ XVIII вѣка, и наивнымъ взглядомъ посла московскаго царя къ флорентійскому двору — Лихачева, который писалъ въ 1658 году: „комидій было при насъ во Флоренскѣ три игры разныхъ“, при чемъ его заинтересовало вовсе не содержаніе и исполненіе пьесы, а то, что „объявились палаты — и бывъ палата, и внизъ уйдеть, и того было шесть перемѣнъ; да въ тѣхъ же палатахъ объявилоса море, а въ морѣ рыбы, а на рыбахъ люди ѣздятъ, а вверху палаты небо, а на облакахъ сидятъ люди; и почали облака и съ людьми на низъ опущаться, подхвата съ земли челоуѣка подъ руки, опять вверху же пошли; да спущался съ неба на облакѣ съдъ челоуѣкъ въ коретѣ, да противъ его въ другой коретѣ прекрасная дѣвица; а аргамачки подъ коретамъ какъ быть живы, ногами подрягиваютъ“...

Вотъ почему исторія нашего театра достойна глубокаго и внимательнаго изученія. Это, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ значительной степени и исторія господствующихъ въ обществѣ настроеній и вкусовъ. Но изслѣдованіе ея можетъ быть производимо съ тройкой точки зрѣнія. Можно направить трудъ на систематическое изложеніе введенія и упроченія театра въ Россіи, правительственныхъ мѣръ, направленныхъ къ этому и постепеннаго развитія въ театральномъ дѣлѣ частнаго почина. Это будетъ, такъ сказать, *внѣшняя исторія театра*. Можно сосредоточить изученіе на проявленіяхъ вліянія театра на народъ и на значеніи его, какъ одного изъ факторовъ развитія общественнаго самосознанія и художественнаго пониманія, изобразивъ постепенное измѣненіе репертуара и, если можно такъ выразиться, взаимодѣйствіе сцены и зрительной залы. Это будетъ *внутренняя исторія театра*. Можно, наконецъ, обратиться къ жизни и личнымъ свойствамъ представителей сценическаго искусства, къ особенностямъ ихъ дарованія, къ ихъ способамъ ис-

полненія — и въ рядѣ живыхъ образовъ показать, *какъ* понимались и истолковывались подлежащія сценической передачѣ произведенія искусства въ разные періоды существованія у насъ театра. Это будетъ въ сущности самая трудная, но и самая интересная *критико-біографическая исторія сцены*. Нѣтъ сомнѣнія, что полная исторія русскаго театра должна заключать въ себѣ всѣ три рода изслѣдованій. Но такой исторіи, требующей громаднаго труда, знанія и личныхъ свѣдѣній, у насъ еще нѣтъ. Есть лишь рядъ чрезвычайно почтенныхъ ученыхъ изслѣдованій Тихонравова, Морозова и др., преимущественно по внѣшней исторіи театра, — есть интересные опыты изученія внутренней исторіи его. Но критико-біографическая часть разработана сравнительно гораздо меньше. Отдѣльныя воспоминанія и записки современниковъ слишкомъ отрывочны и субъективны, историческіе матеріалы для точныхъ выводовъ еще недостаточны и не всегда строго провѣрены — и въ попытке критико-біографической исторіи театра иногда вносится, быть можетъ невольно, значительный элементъ фантазіи. Между тѣмъ, славныя имена русской сцены — Волковъ, Плавильщиковъ, Резанцовъ, Шупериятъ и др. — заслуживаютъ серьезныхъ біографій. Горбуновъ со строгою разборчивостью и кропотливостью археолога собиралъ точныя данныя для такихъ біографій, тщательно провѣряя ихъ достовѣрность и отменяя, не безъ боли, какъ онъ самъ сознавался, разныя позднѣйшія украшенія и сочувственные вымыслы. Изъ его рукъ, въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, и преимущественно въ нашихъ историческихъ журналахъ, стали выходить фрагменты цѣльной и вѣрной біографической исторіи театра. Онъ занимался этимъ дѣломъ очень усердно, и былъ очень строгъ къ себѣ, лишь послѣ долгой провѣрки выпуская въ свѣтъ свои статьи или читая ихъ въ „русскомъ литературномъ обществѣ“. На ряду съ этимъ онъ собиралъ воспоминанія о русскихъ артистахъ, ихъ портреты, письма, старыя афиши, официальные бумаги, до нихъ относившіяся, и т. п. Изъ этихъ предметовъ, изъ этихъ вещественныхъ воспоминаній о прошломъ составилось цѣнное собраніе, помѣщенное имъ въ фойе Александринскаго театра. Горбуновъ охотно отдавался воспоминаніямъ о прошломъ русской сцены, которую любилъ искренно, и горячо желалъ видѣть всегда на неизмѣнной высотѣ. Онъ благоговѣлъ предъ именами Садовскаго и Мартынова. Садовскій разбудилъ въ немъ талантъ рассказчика. Встрѣчаясь съ Горбуновымъ въ „молодой редакціи Москвитянина“, онъ имѣлъ на него большое вліяніе. Будучи самъ превосходнымъ рассказчикомъ, владѣя въ совершен-

ствѣ даромъ говорить вызывающія неудержимый смѣхъ вещи съ самымъ серьезнымъ лицомъ, Провъ Михайловичъ далъ своими разсказами первый толчокъ вдумчивому юмору Горбунова. Послѣдній однако не былъ его подражателемъ, а пошелъ своею дорогою, не переставая чтить и прославлять своего „пробудителя“. У Садовскаго было, повидимому (къ величайшему сожалѣнію, разсказы его не собраны, и тѣ, кто ихъ слышалъ лично, постепенно сходятъ въ могилу), больше соли, но и больше сочиненности въ томъ, что онъ передавалъ въ дружеской бесѣдѣ. Его повѣствованія о французской революціи, о Наполеонѣ на островѣ Эльбѣ, при чемъ слово Эльба передѣлывалось болѣе, чѣмъ своеобразно, и другіе разсказы были полны захватывающаго юмора. Стоить припомнить описаніе острова, на которомъ заточенъ великій полководецъ: „ни воды, ни земли,—одна мгла поднебесная и союзный часовой ходить!“ Несомнѣнно, что такъ могъ говорить простой русскій человѣкъ, поставленный въ исключительное положеніе разсказчика историческаго эпизода и передающій его по-своему, но у Горбунова этотъ русскій человѣкъ, представленный въ условіяхъ своей обыденной жизни, проще и глубже. У Садовскаго—особенность языка, картинъ и выраженій; у Горбунова—не только это, но и особенность міросозерцанія и отношенія къ жизни. Русскій человѣкъ у Садовскаго намъ забавенъ, у Горбунова—намъ близокъ и понятенъ...

Когда въ очеркахъ Горбунова говорится о театрѣ, въ нихъ, напримѣръ въ „Бѣлой залѣ“, въ „Рыбной ловлѣ“ и др., постоянно упоминается съ чувствомъ благодарнаго уваженія имя Садовскаго. „Ты знаешь ли, гдѣ скрывается талантъ у актера?“—спрашиваетъ новичка старый провинціальный актеръ, Хрисанфъ Николаевичъ, и отвѣчаетъ: „въ глазахъ! Посмотри когда-нибудь въ глаза Садовскому... А у Мочалова какіе глаза-то были! Я имѣлъ счастье играть съ этимъ великимъ человѣкомъ въ Воронежѣ. Онъ игралъ Гамлета, а я—Гильденштерна. — „Сыграй мнѣ что-нибудь.—Я не умѣю, принцъ“. Онъ уставилъ на меня глаза—все существо мое перевернулось. Лихорадка по всему тѣлу пробѣжала. Какъ кончилъ я сцену—не помню. Вышелъ за кулисы—меня не узнали.—„Ты хочешь играть на душѣ моей, а не можешь сыграть на простой дудѣ!“—и губы стараго актера дрожать, а глаза наполняются слезами...

Садовскій и Мочаловъ не даромъ сливаются въ памяти Хрисанфа Николаевича. Самъ Садовскій разсказывалъ, что когда, послѣ многихъ мытарствъ, онъ поступилъ, наконецъ, въ 1839 году на московскую сцену, дебютировавъ въ водевилѣ „Любовное

зелье или Цирюльникъ-стихотворецъ“ — ему пришлось играть маленькую комическую роль послѣ представленія „Короля Лира“. Занавѣсъ надъ умершимъ страдальцемъ-королемъ опустился, театръ гремѣлъ отъ рукоплесканій. Вполнѣ уже одѣтый, Садовскій встрѣтился за кулисами съ Лиромъ — Мочаловымъ, шедшимъ въ уборную, — и тотъ взглянулъ на него такъ, что Садовскій совершенно потерялся. Предъ нимъ стоялъ вовсе не Мочаловъ, а настоящій король, „король отъ головы до ногъ“, и столько было мрачнаго огня, душевной муки и глубины въ его взорѣ, все еще какъ будто устремленномъ на Корделию, что у будущаго знаменитаго артиста почти подкосились ноги. Образъ Садовскаго сливался у Горбунова съ воспоминаніемъ о собственномъ его дебютѣ въ Москвѣ, въ 1854 году, который совершился подъ руководствомъ и съ благословенія Садовскаго, въ бенефисъ послѣдняго, причемъ Горбуновъ игралъ роль молодого купца въ пьесѣ Владыкина „Образованность“.

Образъ другого знаменитаго артиста, служителя и творца жизненной правды на сценѣ, А. Е. Мартынова, дорогой и близкій Горбунову, былъ у него, по его личнымъ заявленіямъ, неразлученъ съ постановкою на петербургской сценѣ „Грозы“, Островскаго, въ которой Горбуновъ игралъ свою лучшую роль — Кудряша. Горбуновъ благоговѣнно собиралъ все, что относилось къ памяти о Мартыновѣ, и часть добытыхъ имъ матеріаловъ о послѣднихъ дняхъ жизни и кончинѣ его помѣстилъ въ „Русской Старинѣ“. Тѣ, кто видѣлъ этого по истинѣ великаго русскаго артиста, не забудутъ, не въ состояніи забыть его — и непередаваемые звуки голоса молодого Кабанова предъ трупомъ жены: „это вы ее убили, маменька, вы!“ — конечно часто звучать въ ихъ ушахъ при мысли о Мартыновѣ. Тяжела была судьба этого богато одареннаго человѣка... Поступивъ, благодаря совершенной случайности, въ театральное училище въ Петербургѣ, онъ былъ предназначенъ быть „первымъ танцовщикомъ“, затѣмъ готовился въ декораторы и, наконецъ, былъ выпущенъ на сцену на комическія роли. Онъ исполнялъ ихъ мастерски. Не даромъ извѣстный итальянскій пѣвецъ Лаблашъ, самъ выдающійся комикъ, на вопросъ — чему онъ смѣется, глядя на игру Мартынова на невѣдомомъ ему русскомъ языкѣ, отвѣчалъ: „по-русски я не понимаю ни слова, но я *понимаю Мартынова*“. Но комизмъ былъ не исключительною и не главною чертою таланта Мартынова. Въ смѣхѣ русскаго человѣка почти всегда есть нота затаенной скорби. „Горькимъ смѣхомъ моимъ посмѣюся!“ Была эта нота и у Мартынова, и какая нота! Медленнымъ и тяжелымъ путемъ

вела его судьба, заставляя смѣшать публику, смѣшать заразительно и неудержимо, въ то время, когда подъ его „видимымъ смѣхомъ“ давно уже накипѣли „незримыя міру слезы“. Эти слезы пробились, наконецъ, благотворною и возвышающею душу струею въ строго драматическихъ роляхъ Мартынова въ пьесѣ Чернышева: „Не въ деньгахъ счастье“, и въ особенности въ „Грозѣ“, Островскаго. На мѣстѣ актера, одно появленіе котораго еще недавно, въ какомъ-нибудь нелѣпомъ водевилѣ въ родѣ „Дона Ранудо, де-Калибрадось или чтѣ и честь, коли нечего ѣсть“ (sic!), возбуждало громкій, заранѣе готовый, смѣхъ зрительной залы, внезапно выросъ человѣкъ, властно и могущественно заглядывающій въ самую глубину потрясеннаго сердца зрителей и силою своего генія дѣлающій его лучше, чище, добрѣе... Роль молодого Кабанова была апогеемъ славы Мартынова, она же была и его лебединой пѣснью. Въ августѣ 1860 года его не стало. Воспримчивое общество шестидесятихъ годовъ почувствовало свою потерю, и похороны тѣла высокаго художника, привезеннаго изъ Харькова, были первообразомъ того, чтѣ пришлось впоследствии видѣть на похоронахъ Достоевскаго и отчасти Тургенева. „Гроза“ была поставлена образцово во всѣхъ отношеніяхъ. Линская была удивительная Кабанова. Холодомъ вѣяло отъ нея. Снѣткова создала поэтической и цѣльный образъ Катерины, а сцена свиданія Кудряша-Горбунова съ Варварою-Левѣевой была проведена имъ съ такою жизненною правдою и эстетическимъ чутьемъ, что заставляла забывать, что находишься въ театрѣ, а не притаился самъ, теплою весеннею ночью, на нависшемъ надъ Волгою берегу, въ густой листвѣ, въ которой свиститъ и щелкаетъ настоящій соловей.

Горбуновъ дебютировалъ на петербургской сценѣ 16 ноября 1855 года, въ бенефисѣ Леонидова, въ пьесѣ Стаховича „Ночное“, и вслѣдъ затѣмъ выступилъ публично рассказчикомъ сценъ изъ народнаго быта. Въ этой послѣдней роли являлся онъ преимущественно и всего охотнѣе во все время своей сценической службы. Здѣсь онъ былъ самымъ собою, не стѣсненный въ своемъ творествѣ заранѣе данными рамками и задачею. Онъ вступилъ на сцену въ счастливую эпоху перерожденія театральнаго репертуара. Герои мелодрамъ и трагедій, которымъ приходилось, на примѣръ, предлагать злодѣю пить ядъ не только подъ „ножомъ Провопа Ляпунова“, но даже и „подъ анаемой святого царства“ — уступили мѣсто представителямъ такъ называемыхъ „фрачныхъ ролей“ и тонкій художникъ, какъ В. В. Самойловъ, не былъ болѣе вынужденъ изображать чухонца и пѣть ломанымъ

языкомъ якобы патриотическіе куплеты, въ родѣ: „лайба плыгъ моя не пусть, какъ я шель на Тавастгусъ“... Сцена приблизилась къ жизни и драматургія наша, подѣ влияніемъ Островскаго, Потѣхина, Чернышева и др., стала проще, и выше и серьезнѣе. Въ бытовыхъ роляхъ комедій Островскаго Горбуновъ бывалъ нерѣдко очень хорошъ. Мы уже говорили о Кудряшѣ, въ лицѣ котораго онъ изобразилъ памятную и типическую фигуру. Не менѣе хорошъ былъ онъ въ Аeonѣ („Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ“) и въ Гришѣ („Воспитанница“). Но вообще говоря, онъ былъ актеромъ посредственнымъ. Нѣкоторыя мелкія подробности въ гримированіи, въ одеждѣ — иногда бывали у него чрезвычайно удачны и поражали бытовою правдивостью, но въ общемъ его исполненіе въ комедіяхъ современнаго репертуара, написанныхъ на тему той или другой злобы дня, совсѣмъ не выдѣлялось надъ общимъ уровнемъ. И это оттого, что онъ самъ былъ вполне самостоятельный художникъ, самъ творецъ, а не только истолкователь содержанія чужихъ произведеній. Его самобытная и творческая натура, чуждая условныхъ и предвзятыхъ приемовъ и способовъ, вовсе не была склонна къ простому, хотя бы и талантливому выполненію даннаго рецепта. Поэтому, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, пришедшихся ему вполне по душѣ ролей, предъ зрителемъ всегда стоялъ Иванъ Федоровичъ Горбуновъ, а не представляемое имъ, выведенное авторомъ лицо. Но такъ какъ авторъ не всегда имѣлъ въ виду изобразить именно Ивана Федоровича, то видѣвшій Горбунова на сценѣ часто и не выносилъ изъ игры его какого-либо яркаго впечатлѣнія, подобнаго выносимому изъ сценъ, передаваемыхъ имъ въ качествѣ рассказчика.

Не представляя ничего выдающагося какъ актеръ, Горбуновъ, однако, глубоко понималъ сценическое искусство и любилъ его сознательно, тревожась за его судьбу всегда, когда оно, по его мнѣнію, уклонялось отъ своего настоящаго пути... Любилъ онъ и его представителей, съ ихъ трудными шагами въ началѣ, съ ихъ тернистымъ, несмотря на успѣхи, путемъ — позже. Въ его очеркахъ есть полныя теплаго участія картины быта провинціальныхъ актеровъ. Жизнь многихъ изъ нихъ, полная лишений, неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ, тягостныхъ отношеній съ антрепренерами, трагикомическихъ встрѣчъ съ „меченатами“, разочарованій въ себѣ на ряду съ болѣзненнымъ самолюбіемъ и самообольщеніемъ, проходитъ предъ читателями этихъ очерковъ.

„Ну, Богъ тебя благословить, — говоритъ старый актеръ

Хрисанфъ Николаевичъ молодому человѣку, начинающему свою артистическую карьеру,—можетъ, посчастливится, будетъ знаменитымъ актеромъ... Да, путь нашъ узкій, милый человѣкъ, и много на немъ погубило хорошихъ людей. Мельпомена-то бываетъ безсердечна: выведетъ тебя на сцену въ плащъ Гамлета, а сведетъ съ нея четвертымъ казакомъ въ „Сюпинъ Шуйскомъ“. Старайся! Не свернись! Вышелъ на сцену — забудь весь міръ. Ты служишь великому искусству!“

Въ этихъ же очеркахъ встрѣчаются очевидно выстрадавныя замѣчанія очевидца тѣхъ перемѣнъ во вкусахъ и настроеніи публики, которыя невольно переживала наша сцена. Горбуновъ отмѣчаетъ, какъ лѣтописецъ, цѣлыя эпохи въ исторіи современнаго сценическаго искусства въ Россіи. Онъ описываетъ публику низшаго уровня въ смыслѣ развитія, и впечатлѣніе, произведенное на нее, когда въ половинѣ 60-хъ годовъ „съ обнаженными чреслами“ показалась на сценѣ „la Belle Hélène“, отчего встрепенулось и молодое поколѣніе, и старцы, „и охватила,—говорить Горбуновъ съ горечью, — оперетка все мое любезное отечество „даже до послѣднихъ земли“. Гдѣ не было театровъ, она располагалась въ сараяхъ, строила наспѣхъ деревянные павильоны, эстрады въ садахъ и т. п. Появились опереточные антрепренеры изъ актеровъ, изъ прожившихся помѣщиковъ, изъ артельщиковъ, былъ одинъ отставной унтеръ-офицеръ, одинъ лакей и т. п. Бросились въ ея объятія достойныя лучшей участи дѣвушки, повыскакивали со школьной скамьи недоучившіеся молодые люди, актеры всѣхъ столичныхъ и провинціальныхъ театровъ были „поверстаны“ въ опереточные пѣвцы“... „Даже слава и гордость русскаго театра, — продолжаетъ онъ съ негодованіемъ, — П. М. Садовскій, уступая не духу времени, а требованію начальства, долженъ былъ напаялить на себя дурацкій костюмъ аркадскаго принца“. Когда, такимъ образомъ, драма была вынуждена, — по выраженію Горбунова, — „посторониться“, что обошлось не безъ борьбы, на помощь опереткѣ вдругъ появился куплетъ. „Въ одинъ прекрасный вечеръ, выскочилъ на сцену въ черномъ фракѣ, — повѣствуетъ Горбуновъ, — куплетъ и запѣлъ:

Денегъ въ Россіи нѣтъ—смѣло
Каждый готовъ произнестъ.
Нѣтъ у насъ денегъ на дѣло —
На безобразіе есть!

- Bravo!—закричали поврежденные нравы и задумались.
- Правда! Чудесно!—закричалъ Назаръ Ивановичъ, погля-

дывая на Ивана Назарыча:—расчесывай, расчесывай хорошенько"! И стала куплетъ расчесывать поврежденные нравы. И распростирился тоже по всему лицу земли русской и засѣлъ не только въ театрѣ, но и въ клубахъ, и въ трактирахъ, даже на открытомъ воздухѣ... Почтительно отошелъ въ сторону и далъ дорогу куплету веселый водевиль, много лѣтъ царившій на сценѣ"...

XII.

Нашъ бѣглый и далеко не полный очеркъ творческой дѣятельности вполне народнаго художника законченъ. Остается добавить къ нему краткія свѣдѣнія и воспоминанія о личности И. О. Горбунова.

Приходится поступить вопреки обычному правилу французскихъ авторовъ, которые ставятъ впереди „l'homme“, а затѣмъ изучаютъ „l'oeuvre“. Быть можетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ человѣкъ и его дѣло не сливаются между собою органически, или гдѣ извѣстныя части того, что онъ произвелъ, не могутъ быть достаточно ясно поняты и оцѣнены безъ знанія свойствъ его ума и характера, и особенныхъ условій его жизни — такой пріемъ и необходимъ, облегчая задачу изслѣдователя и трудъ читателя. Но это нужно далеко не всегда. Часто въ практической дѣятельности человѣка, въ его творческой работѣ высказываются сами собою такія свойства его личности, что существенныя и достойныя сохраненія отъ забвенія черты его духовнаго образа выступаютъ сами собою, свободныя притомъ отъ излишнихъ подробностей. Развѣ въ борьбѣ Ровинскаго съ дореформенными судебными порядками, въ его работѣ по созиданію судебныхъ уставовъ и въ его изслѣдованіяхъ въ области русскаго искусства не чувствуется его нравственный и художественный обликъ? Развѣ д-ръ Гаазъ, вопіющій въ тюремномъ комитетѣ, провожающій далеко за Москву идущія по этапу партіи арестантовъ и грозящій губернатору „ангеломъ Господнимъ“, который ведетъ „свой статейный списокъ“, не виденъ въ этомъ со всею своею глубоко-любящею и гнѣвною за людей душою? Такъ и Горбуновъ смотритъ изъ совокупности того, что онъ писалъ и рассказывалъ, всею своею личностью. Для внимательно перечитавшаго его разбросанныя сцены, припомнившаго его рассказы и вдумавшагося во все это, должно становиться яснымъ, что и какъ чувствовалъ и думалъ Горбуновъ, т.-е. раскрываться душевный складъ, составляющій главное въ личности человѣка.

Поэтому мы ограничимся немногими дальнѣйшими свѣдѣніями о Горбуновѣ. Онъ родился въ 1831 году, въ семьѣ служившаго при волнинской фабрикѣ (московской губерніи и уѣзда) двороваго челоуѣва помѣщицы Баташевой, Федора Тимоѣевича Горбунова. Къ отцу и къ матери сохранялъ онъ всю жизнь нѣжное уваженіе. Очень не любя переписки вообще, онъ сообщалъ имъ, однако, подробно о всѣхъ своихъ шагахъ въ Петербургѣ, въ началѣ своей артистической карьеры. Въ трудныя минуты онъ просилъ мать помолиться за него и высказывалъ увѣренность, что благодаря этому все кончится прекрасно. „Материнская молитва,—говоритъ онъ въ письмѣ, отъ 22 апрѣля 1855 г.,—со два моря вынимаетъ“, и подписывается „покорнымъ сыномъ и преданнымъ другомъ“. Религіозное чувство не покидало его никогда. Оно сильно привлекало его и къ проявленіямъ своего внѣшняго выраженія. Онъ зналъ „писаніе“ и многія части нашего богослуженія наизусть, — любилъ читать памятники церковной письменности и въ предсмертныя свои дни съ видимымъ удовольствіемъ слушалъ чтеніе „Цвѣтной Тріоди“. Онъ не только любилъ простой русскій народъ, но онъ имѣлъ радость сливаться съ нимъ въ одномъ чувствѣ безыскусственной и нелицемѣрной вѣры. Учился и воспитывался онъ въ Москвѣ, въ училищѣ, учрежденномъ при Набилковской богадельнѣ, основаніе которой описалъ впоследствии въ разсказѣ о холерномъ бунтѣ въ Замоскворѣчѣ. Затѣмъ онъ былъ ученикомъ второй и третьей московскихъ гимназій.

Время его ученія не оставило въ немъ хорошихъ воспоминаній. „Бываютъ минуты,—говоритъ онъ въ письмахъ другу въ іюль 1855 г.,—когда я вспомню „лѣта моей юности, лѣта невозвратно минувшаго счастья“,—вспомню о своихъ бездарныхъ и тупоголовыхъ учителяхъ и вѣчно нетрезвыхъ надзирателяхъ; вспомню своего чадолюбиваго инспектора, который, для болѣе вѣщаго поощренія насъ въ наукахъ, хотѣлъ замѣнить розги какимъ-либо болѣе чувствительнымъ инструментомъ, — вспомню и покойнаго директора, который заставлялъ насъ насильно читать въ свободное время Макробиотику Гуфеланда“.

Онъ вышелъ изъ шестого класса и былъ, слѣдовательно, въ смыслѣ формальнаго багажа знаній, *недоучкою*. Но недоучка этотъ проникалъ на лекціи въ университетъ, водился со студентами и, несмотря на свою крайнюю бѣдность и необходимость бѣгать по урокамъ въ Замоскворѣчье, учился живому знанію родной исторіи и родного слова самостоятельно, упорно и плодотворно, удивляя впоследствии разнообразіемъ своихъ свѣдѣній. Свѣжее и тонкое

критическое чувство помогало ему разобраться во всей массѣ жадно прочитываемаго, а огромная память прочно забирала въ себя все недостойное забвенія. Такъ выработался изъ него человѣкъ съ достаточнымъ общимъ образованіемъ и специалистъ въ области русской словесности, имѣвшій опредѣленные и серьезно обоснованные литературные вкусы и взгляды.

Отсутствіе опредѣленнаго общественнаго положенія заставляло однако окружающихъ долго смотрѣть на молодого Горбунова „свысока“, и ему жилось тяжело. „Помните,—пишетъ онъ въ 1856 г. въ Москву своей знакомой С. И. И., объясняя, почему считаетъ ее своимъ искреннимъ другомъ, — помните когда меня отнесли къ числу людей *никуда негодныхъ*, когда я, не вида никакого исхода, прозябалъ въ Сыромятникахъ. Вы однѣ протягивали мнѣ руку и говорили со мною *по душѣ*“.

Знакомство въ началѣ пятидесятихъ годовъ съ „молодою редакціею Москвитянина“—и, слѣдовательно, съ Островскимъ, Садовскимъ, Писемскимъ, Аполлономъ Григорьевымъ, Алмазовымъ, Эдельсономъ, Т. И. Филипповымъ и А. А. Потѣхинимъ—имѣло большое вліяніе на развитіе Горбунова. Кружокъ молодой редакціи распозналъ въ скромномъ рассказчикѣ „Утра квартальнаго надзирателя“ и сценъ изъ быта фабричныхъ -- настоящаго художника и, по выраженію Т. И. Филиппова, „усвоилъ себя“ Горбунова. Поощряемый новыми знакомыми, послѣдній сталъ вдумчивѣе и серьезнѣе относиться къ своимъ рассказамъ и записывать ихъ. Такъ приготовилъ онъ для печати нѣсколько своихъ сценъ. Въ это же время онъ сталъ „грѣшнить“, какъ самъ выражался, стихами. Одинъ его романсъ былъ положенъ на музыку извѣстнымъ Дюбюкомъ. Въ письмѣ къ С. И. И., отъ 18 февраля 1855 г., онъ приводитъ свои стихи для пѣнія, „Гитара“, посвященные ей. Вотъ ихъ начало:

„Говори хоть ты со мною,
Душка семиструнная!
Грудь моя полна тоской...
Ночь такая лунная...“

„Видишь—я въ ночной тиши
Плачу, мучусь, сѣтую!
Ты допой же, доскажи
Пѣсню недопѣтую!“

Въ началѣ 1855 года, Тургеневъ, имѣвшій случай слышать въ Москвѣ рассказы Горбунова, и Писемскій, жившій въ это время въ Петербургѣ, стали усиленно звать Горбунова въ Петербургъ. Весною того же года онъ, не безъ большой тревоги о томъ, какъ

устроится его жизнь, пріѣхалъ на ихъ зовъ и сталъ появляться въ обществѣ, какъ рассказчикъ сценъ изъ народнаго быта. Новизна у насъ того рода искусства, представителемъ котораго былъ Горбуновъ, и отсутствіе въ петербургскомъ обществѣ первой половины пятидесятихъ годовъ настоящаго и живого интереса къ бытовой жизни народа, быть можетъ, могли бы долго не давать возможности проявиться въ истинномъ свѣтѣ и продолжать развиваться далѣе его таланту. Городъ, въ которомъ, по выраженію одного нѣмецкаго писателя, „улицы постоянно мокры, а сердца постоянно сухи“, могъ запугать и лишить энергіи молодого артиста въ новомъ, мало знакомомъ дотолѣ родѣ творчества. Трудно было ожидать и серьезной оцѣнки, и поддержки, со стороны тогдашней эстетической критики, размѣнявшейся, по смерти Бѣлинскаго, на мелкую и стертую монету общихъ мѣстъ и близорукихъ сужденій. Самъ Горбуновъ вынесъ изъ ближайшихъ встрѣчъ съ нѣкоторыми представителями тогдашней печати не особенно выгодное о нихъ мнѣніе. „Съ петербургской литературой, — пишетъ онъ отцу своему, — я познакомился: купцы, а не литераторы!“ Не всѣ однако были *купцы* и среди нихъ свѣтился кроткимъ и согрѣвающимъ огонькомъ высокоразвитой князь Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій. Его познакомили съ Горбуновымъ, пріютившимся въ это время у драматическаго актера старой школы и прекраснаго, по общимъ отзывамъ, человѣка—Леонидова, въ старинномъ петербургскомъ домѣ Жако-Шамо, у Чернышева моста. Одоевскій, глубокій знатокъ искусства, оцѣнилъ талантъ молодого рассказчика и значеніе его сценъ изъ народнаго быта. Приглашенный на знаменитыя субботы Одоевскаго, при чемъ хозяинъ умѣлъ съ любовью и свойственной ему тихою восторженностью дать ему случай проявить свое дарованіе какъ слѣдуетъ, Горбуновъ завоевалъ себѣ симпатіи слушателей и, благодаря этому, предъ вступленіемъ на петербургскую сцену уже пользовался извѣстностью и нѣкоторою поддержкою въ обществѣ. Это придало ему, какъ видно изъ его писемъ того времени, бодрости и энергіи. Но Одоевскій пошелъ далѣе. Онъ представилъ Горбунова одной изъ замѣчательнѣйшихъ женщинъ, посланныхъ судьбою Россіи—великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Чуткая душой, богато одаренная и глубоко образованная, сильная волей и умомъ, игравшая большую роль въ начинаніяхъ преобразовательнаго царствованія, великая княгиня любила отыскивать, приближать къ себѣ и поддерживать талантливыхъ людей во всѣхъ областяхъ знанія и дѣятельности. Одоевскій зналъ, что она оцѣнитъ и дарованіе Горбунова, и что ея провицательному пониманію не будутъ чужды сцены изъ

быта того народа, которому—мыслью и словомъ—она служила такъ, какъ служить своему родному. Онъ не ошибся, и Горбуновъ нашелъ въ Еленѣ Павловнѣ не только усердную слушательницу своихъ разсказовъ, но и покровительницу, предстательство которой открыло ему врата петербургской казенной сцены,—что, въ свою очередь, помогло ему упрочиться въ Петербургѣ.

Въ этомъ Петербургѣ провелъ онъ затѣмъ тридцать лѣтъ, сдѣлавшись однимъ изъ популярнѣйшихъ въ немъ людей. Но ни его извѣстность, ни общепризнанность его таланта, ни связи и отношенія съ самыми разнообразными общественными сферами, не имѣли вліянія на его душевный складъ и на отношенія его къ людямъ. Онъ неизмѣнно оставался человѣкомъ простымъ и скромнымъ, добрымъ и неразсчетливымъ. Его жизнь вовсе не была свободна отъ терній. Онъ извѣдалъ на своемъ вѣку и клевету, и зависть, онъ постоянно долженъ былъ заботиться о заработкѣ, онъ зналъ горечь безусловной подчиненности и, подобно Садовскому, вынужденъ былъ играть Меркурія въ „Орфей въ аду“. Его разсказы очень часто, если можно такъ выразиться, расхищались и обезцвѣчивались неумѣлымъ исполненіемъ и произвольными, иногда пошлыми вставками. Подъ его именемъ издавались сборники фальсификацій, въ которыхъ, употребляя выраженіе Тургенева, знаніе народнаго быта „и не ночевало“.

„Иванъ Федоровичъ“, иначе „Ванюша Горбуновъ“—былъ желаннымъ гостемъ повсюду. „На него“ приглашали, его пребываніемъ у себя хвастались, встрѣчу съ нимъ въ гостяхъ, въ собраніи, въ дорогѣ—считали счастливымъ и завиднымъ случаемъ. И это потому, что ему всегда было радостно доставить кому-либо удовольствіе. Отсюда вытекала широкая готовность служить своимъ талантомъ, и служить щедро, безъ всякихъ ломаній и необходимости упрашиванія. Когда онъ появлялся среди гостей, преимущественно за трапезою, всѣ уже были увѣрены, что само собою сдѣлается то, что вдругъ среди собесѣдниковъ окажется *генералъ Дитятинъ*, или что Иванъ Федоровичъ, улыбнувшись нерѣшительно и обведя всѣхъ глазами, начнетъ какой-нибудь изъ своихъ неподобныхъ разсказовъ. Онъ бывалъ не въ силахъ отвѣчать на общія ожиданія молчаніемъ, въ спокойной увѣренности, что его имя и извѣстность уже „сдѣланы“. Его простой и ласковой душѣ претило разсчетливо и постепенно снисходить на просьбы. Какъ электрическая банка, онъ былъ всегда заряженъ живыми образами и давалъ блестящую искру при первомъ прикосновеніи. Но бывали случаи, когда онъ долженъ былъ страдать глубоко. Проснувшійся

въ немъ, иногда не взирая на обстановку, глубокой артистъ и художникъ болѣлъ душою отъ окружающаго непониманія. Очень часто гостепріимные и любезные собесѣдники, въ отдѣланной „въ стилѣ“ столовой, или въ изящномъ салонѣ, восхищались лишь тѣмъ, какъ онъ рассказывалъ, не проникая въ то, что онъ рассказывалъ, или, уловивъ одну внѣшнюю сторону, ложно истолковывали смыслъ и значеніе слышанной сцены. Годами установившіяся отношенія, нежеланіе „огорчить“, добродушіе и терпимость, переходившія въ значительной мѣрѣ въ слабость характера, дѣлали то, что у Горбунова не хватало силы ограничить кругъ своихъ слушателей лишь тѣми, кто его дѣйствительно понималъ, и понималъ притомъ правильно. Съ другой стороны, его художественная натура приобрѣла потребность высказываться, дѣлиться своимъ богатствомъ и, мечтая о пониманіи, часто довольствоваться однимъ лишь общимъ вниманіемъ окружающихъ. Французская поговорка: „qui a bu—boira“ примѣнима не къ однимъ любителямъ хмеля. Для артиста, для художника становится необходимымъ то, что итальянцы выражаютъ словомъ „ambiente“, которое обозначаетъ одновременно и привычную среду, и условія, и обстановку. Нуждался въ этомъ „ambiente“, хотя бы и неполномъ и неудовлетворяющемъ его самолюбіе художника, и Горбуновъ. Этимъ злоупотребляли часто, и такъ какъ по чрезвычайной своей скромности онъ не умѣлъ „импонировать“ и дать, гдѣ нужно, почувствовать свою цѣну, то въ нѣкоторыхъ кружкахъ, преимущественно въ такъ называемомъ „свѣтѣ“, сложился тотъ взглядъ на него, о которомъ мы говорили въ началѣ нашего очерка.

„Забавникъ“ всегда рассказывалъ прекрасно, но когда среди смѣха и рукоплесканій, въ концѣ обѣда или ужина, приведенные въ веселое настроеніе гости забрасывали генерала Дитятина „нелѣпыми вопросами, или приставали къ Ивану Федоровичу съ просьбами о такихъ рассказахъ, въ которыхъ игривая форма преобладала надъ содержаніемъ, или самое содержаніе было нецензурно, его глаза смотрѣли грустно и на губахъ появлялась мимолетная горькая складка. Быть можетъ, въ шумномъ одобреніи окружающихъ ему слышалось въ эти минуты безжалостное: „смѣйся, папцъ!“ итальянскаго композитора... Намъ передавали, что разъ, послѣ одного изъ такихъ ужиновъ, гдѣ рассказанныя по настойчивой просьбѣ присутствующихъ сцены особаго рода, построенныя на воспоминаніяхъ молодого „кипѣнья крови и силъ избытка“, были приняты гораздо болѣе восторженно, чѣмъ глубокия сцены изъ народнаго быта, — Горбуновъ, возвращаясь

поздно ночью на извозчикѣ, сталъ съ горечью говорить своему молодому спутнику о замѣченномъ имъ отгнѣѣ въ одобреніяхъ. Въ его голосѣ слышались слезы обиды за себя и за искусство, и вдругъ, круто переимѣнивъ тему разговора, взволнованный и разгоряченный, онъ съ умиленіемъ сталъ говорить о русской литературѣ и ея лучшихъ представителяхъ, и о томъ, что „они не умрутъ“. Извѣстенъ, впрочемъ, случай, гдѣ, не зная, какъ отдѣлаться отъ назойливыхъ приглашеній свѣтской дамы, желавшей непременно „видѣть своимъ гостемъ Ивана Ѳедоровича“, онъ приѣхалъ, былъ чрезвычайно „корректенъ“ въ своемъ бѣломъ галстухѣ и фракѣ и, прослуцавъ ужасно весь вечеръ, уѣхалъ, не рассказавъ ничего...

Если свѣтскій и бюрократическій Петербургъ не щадилъ подчасъ души художника, то хлѣбосольная Москва, гдѣ онъ всегда бывалъ желаннымъ гостемъ, не щадила и его здоровья, выражая свою симпатію къ нему непрерывными пирами и неотступными угощеніями, вредно вліявшими на него и, въ виду его слабого характера создававшими поводы къ преувеличенному представленію о его привычкахъ и наклонностяхъ. Но Москву любилъ онъ нѣжно, и въ ней ему дышалось легче, чѣмъ въ Петербургѣ. Всѣ лучшія воспоминанія молодости и первыхъ опытовъ творчества влекли его къ ней. Каждый годъ онъ непременно бывалъ въ Москвѣ великимъ постомъ и оставался до Ѳоминой недѣли. Когда наступала пасхальная заутреня и надъ чутко затихшимъ городомъ, съ ярею освѣщенными, безчисленными церквами раздавались первые могучіе удары колокола Ивана Великаго, когда торжественно настроенная толпа на Кремлевской площади зажигала свѣчи, а въ дверяхъ старинныхъ соборовъ показывались хоругви крестныхъ ходовъ,—Горбуновъ уже былъ тутъ, внимательно вглядывающійся и вслушивающійся во всѣ проявленія народнаго настроенія на великомъ праздникѣ. Его плѣнялъ московскій говоръ, московская старина. „Здѣсь вѣдь каждый камень говорить“,—пояснялъ онъ.—Онъ зналъ исторію московскихъ улицъ и урочищъ, изучилъ своеобразные обычаи Замошкворѣчья старыхъ лѣтъ, повѣрья и привычки московскаго просто-народья. Ему были знакомы московскія „заведенія“ со всѣми особенностями не только ихъ кухни, но и ихъ привычныхъ посѣтителей. Онъ изучилъ на практикѣ, что такое „воронины блины“,—сошедшіе нынѣ со сцены „пирогъ подъ скрипку“ на Тверской и—знаменитая когда-то, незамѣнимая столовая въ „Сундучномъ ряду“. Коренной москвичъ просыпался въ немъ, снисходительный къ недостаткамъ Бѣлокаменной, цѣнитель ея скрытыхъ до-

стойнствѣ, ревнивый поклонникъ ея старины, восторженный почитатель незабвеннаго прошлаго московскаго театра и московскаго университета, предъ которымъ этотъ „недоучка“ преклонялся. Недаромъ, познаваясь въ Петербургѣ съ молодымъ студентомъ и полюбивъ его, Горбуновъ принесъ ему въ подарокъ портретъ Гравовскаго и просилъ беречь его *какъ святыню*. Новое, выхваченное изъ нѣдръ Москвы выраженіе или просто отдѣльное словечко внушало ему, бывало, дѣтскую радость. Однажды, попавъ случайно, при посѣщеніи пріѣзжаго пріятели, въ незнакомое московское семейство, онъ, обреченный судьбою слышать обыкновенно правильную, но безцвѣтную русскую рѣчь петербургскихъ образованныхъ дамъ и дѣвицъ, былъ такъ восхищенъ оригинальными, живыми оборотами разговора молодой москвички, выросшей среди традицій стараго московскаго дома, что остался, разговорившись съ нею и прислушиваясь къ ея умной, чисто-русской, колоритной и образной рѣчи, цѣлый вечеръ, далеко за полночь, заставивъ напрасно поджидать себя въ другихъ мѣстахъ. „Вѣдь какъ она меня за сердце застегнула! какъ застегнула!“ — говорилъ онъ на другой день пріятели, восхищаясь языкомъ своей мимолетной знакомой.

Нѣжный, заботливый семьянинъ, нетребовательный къ жизни, умѣвшій понимать чужое горе, расточительно щедрый, когда у него были деньги, Горбуновъ былъ чуждъ эгоистической замкнутости или унылаго настроенія духа. Онъ слишкомъ любилъ для этого людей вообще. Въ личныхъ отношеніяхъ онъ былъ всегда готовъ на услугу, постоянно привѣтливъ и весело шутливъ. Не любя оставаться безъ занятія, онъ въ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ или серьезныхъ собраніяхъ, прислушиваясь къ происходящему, излагалъ свои подчасъ скептическіе выводы въ письменныхъ подражаніяхъ (иногда на старинномъ языкѣ), неожиданныхъ стихотворныхъ пародіяхъ, или въ другихъ шуткахъ... „Же доръ, тю доръ, иль доръ и т. д.“, — написалъ онъ однажды на клочкѣ бумаги, отвѣчая на вопросительный взглядъ сосѣда въ концѣ чтенія ученаго изслѣдованія, которое не отличалось ни ясностью, ни живостью. „Сидящю же честному сунду и сладцѣ дремлюще внимающе гласоу ярости исходящю изъ оустъ и т. д.“, — изобразилъ онъ полуустановомъ, съ украшенной завитками первой буквою, сидя въ одномъ изъ ученыхъ сборищъ. Какъ истинный русскій человекъ, онъ любилъ шутить и надъ самимъ собою и рассказывать разныя недоразумѣнія, случавшіяся съ нимъ, конечно вслѣдствіе необыкновенной простоты, съ которою онъ себя держалъ. Не разъ вспоминалъ онъ, какъ однажды, на охотѣ

съ Некрасовымъ и его друзьями, они расположились закусывать; онъ пошелъ открывать консервы, и когда проголодавшійся и нетерпѣливый Некрасовъ врынулъ ему: „ну, Ванюша, поскорѣе!“, то одинъ изъ загонщиковъ, видя его простое русское лицо, подбѣжалъ къ нему и тономъ приказанія сказалъ „слышь, Ванька, — поживѣе, вишь господъ требуютъ“! Разсказывая о первыхъ своихъ артистическихъ шагахъ въ Москвѣ, онъ передавалъ, съ необыкновенной образностью и живостью, свое первое свиданіе съ всевластнымъ въ Москвѣ графомъ Закревскимъ, который зачѣмъ-то его потребовалъ. Молодого человѣка провели во „внутренніе покоя“ генераль-губернаторскаго дома. гдѣ камердинеръ, чистившій въ уборной комнатѣ, чрезъ которую пришлось проходить, графскія рейтузы, посмотрѣлъ на него съ внушительнымъ презрѣніемъ. Закревскій обошелся съ нимъ пріятливо, проводилъ его до дверей кабинета и, въ знакъ особой ласки, приложилъ свою гладко-выбритую щеку къ его щекѣ, произведя на воздухъ звукъ поцѣлуя. Камердинеръ это видѣлъ и, когда юноша Горбуновъ проходилъ мимо, подскочилъ къ нему, захлебываясь отъ умиленія, произнесъ: „графъ васъ полюбили!“ — и чмокнулъ его въ плечо.

Живой юморъ не покидалъ Горбунова и тогда, когда онъ повѣствовалъ о своихъ невгодахъ. Описывая, напримѣръ, свою артистическую круговую поѣзду съ извѣстнымъ пѣвцомъ М., онъ помѣщаетъ, въ качествѣ эпиграфа къ письму, выписки изъ краткихъ описаній Воронежа по географіямъ Гейма, Арсеньева, Ободовскаго и др., и отрывки якобы изъ частныхъ писемъ—гимназиста и актера: „мамаша, если вы не возьмете меня изъ воронежской гимназіи—я удавлюсь“!.. и—„сборовъ никакихъ“! На „Птички пѣвчія“ было 18 рублей. Я такого подлаго города еще и не видывалъ“... „То-есть я вамъ доложу!—пишетъ Горбуновъ далѣе извѣстной петербургской артисткѣ — такъ намаяться, какъ мы съ М. намаялись,—не дай Богъ никому! Прислушайте, голубка... Въ оба эти спектакля термометръ показывалъ 4⁰. Выходя на сцену, я физически находился въ такомъ же положеніи, въ какомъ ежегодно на масляницѣ пребываютъ балконные комики. Въ Казани, 22 мая, Господь Богъ послалъ снѣжку съ сѣвернымъ вѣтеркомъ и чуть-чуть не заставилъ насъ отказать концертъ. Мы поспѣшили въ Саратовъ, думая тамъ укрѣпиться. Погода благоприятствовала: было жарко, даже душно. По выходѣ въ свѣтъ нашей афиши, народъ тронулся за билетами. Баба шла на М—ова, а дворянство и купечество на Горбунова... Нужно вамъ сказать, что концертъ нашъ давался на Волгѣ, въ лѣтнемъ помѣщеніи дворянскаго собранія. Начала со-

браться публика, начали собираться и тучи. „Я помню чудное мгновенье“...—началь нѣжно М..., а на Волгѣ заоралъ американскій пароходъ... „Передо мной явилась ты“, ... а подѣ окошкомъ завизжала собака... „Проходимъ мы это съ приказчикомъ съ Ивановъ Ѳедоровымъ“... началъ Горбуновъ,—грянулъ ливень, засвистали пароходы, забѣгали по террасѣ гуляющіе. Такъ вся наша обѣдня... Пріѣхали въ Тамбовъ—тамъ лошадиная ярмарка и лошадиные вкусы. У всякаго въ рукахъ вьютище, говорятъ только о лошадяхъ и посѣщаютъ только циркъ. Чтò намъ здѣсь Богъ пошлетъ,—ужь и не знаю“...

Въ интереснѣйшихъ личныхъ воспоминаніяхъ о бывшихъ литературныхъ и сценическихъ дѣятеляхъ, и въ особенности въ воспоминаніяхъ о Писемскомъ, Горбуновъ былъ неистощимъ. Оригинальная, чрезвычайно талантливая, „неладно скроенная, но плотно сшитая“ личность извѣстнаго писателя, какъ живая вставала предъ слушателями и въ обстановкѣ частной жизни, и на литературныхъ чтеніяхъ, и въ визитахъ исключительнаго свойства. Въ послѣднемъ отношеніи воспоминанія Горбунова о поѣздѣ съ Писемскимъ, отличавшимся чрезвычайною трусостью, на корабль генераль-адмирала, лѣтомъ 1855 года, въ виду непріятельской эскадры, стоявшей предъ Кронштадтомъ, имѣли глубоко-комическій, несмотря на свою правдивость, характеръ. Около этого же времени Писемскій, писавшій тогда такую замѣчательную вещь, какъ „Тысяча душъ“, угрюмо сказалъ Горбунову о начинающемъ „великомъ писателѣ земли русской“ по поводу „Севастопольскихъ разсказовъ“, отрывки изъ которыхъ онъ только что прослушалъ:— „этотъ офицершкѣ всѣхъ насъ заклюеть! хоть бросай перо“...

До конца жизни любилъ Горбуновъ молодежь. Онъ возлагалъ на нее большія надежды, не смущаясь временными и переходящими явленіями. Ему доставляло удовольствіе приходиться бесѣдовать съ молодыми людьми, знакомить ихъ съ русской жизнью, съ ея реальными условіями, чаяніями и невзгодами, и рисовать предъ ними поучительныя картины прошлаго. „Насъ, батюшка,—говаривалъ онъ,—чаще спрашивайте, все расскажемъ, ничего не утаимъ“...

Въ концѣ восьмидесятихъ годовъ здоровье Горбунова сильно и замѣтно пошатнулось. Его чаще стали видѣть задумчивымъ и иногда даже раздражительнымъ. Упорный диабетъ подтачивалъ его крѣпкій и выносливый организмъ. Онъ сталъ разсѣяннымъ и, упорно отрицая свою болѣзнь, какъ будто внутренно „махнулъ рукою“ на будущее, не желая серьезно лечиться. Но одинъ

разъ въ году, 14 сентября, празднуя день своихъ именинъ и собирая къ себѣ — по давно заведенному обычаю — на кулебяку друзей и добрыхъ знакомыхъ, онъ оживлялся по-старому, разсылая свои приглашенія на старинномъ языкѣ разныхъ эпохъ и поднося гостямъ остроумное меню строго обдуманной трапезы. „Худородный рабъ твоего благородія, зовомый Иванецъ, Ѳедоровъ сынъ, Тимоѳеевича, — пишетъ онъ въ одномъ изъ такихъ приглашеній, — много челомъ бьетъ и извѣствуетъ, что онъ, Иванецъ, въ Воздвиженъе честнаго и животворящаго креста Господня прилучился быть имянинникъ. И тебѣ бы, государю, меня, Иванца, пожаловать — моего хлѣба соли приушаты и впредь меня, Иванца, въ своей милости держать до скончанія моего живота, а я тебѣ, государю, рабъ и служебникъ съ женишкой своею и съ дѣтишками. А будутъ къ ѣствѣ сослужебникъ твоего благородія, да царскія казны оберегатель (да не имуть царское)... А ѣства будетъ московская и иныхъ городовъ, и съ Дону, и отъ рѣки великія“. — „Высокородный господинъ, — пишется въ другомъ приглашеніи, — случился я, низайшій, 14 сентября, въ часъ пополудни, имянинникъ и соберутся ко мнѣ, низайшему, нѣкоторые гости, и будетъ трапеза пирогомъ съ грибами и разною конфетурою и Вашему Высокородству, меня, худороднаго и худоумнаго, пожаловать не презреть моей хлѣбъ-соли, а я низайшій и т. д.“. На изящномъ меню, нарисованномъ покойнымъ Богдановымъ къ 14 сентября 1891 года, значились, между прочимъ: ветчина московская, городская — *жамбонъ*, — марсала *на манеръ настоящей*, телятина — *лево*, — лафитъ *серпуховской*, высокой, *тревье* и т. д.

Съ утра въ радостномъ и приподнятомъ настроеніи, съ довольною улыбкой на устахъ, цѣлуясь троекратно со своими посѣтителеми, Горбуновъ сердечно наслаждался тѣмъ, что у него собрались люди, которыхъ онъ любилъ и въ искренность которыхъ онъ вѣрилъ, а быть можетъ, и тѣмъ, что, тоже любя и цѣня его, никто изъ нихъ не смотритъ на него съ нетерпѣливымъ любопытствомъ и не ждетъ отъ него какаго-нибудь, якобы увеселительнаго, рассказа...

Въ 1894 году онъ отпраздновалъ этотъ день въ послѣдній разъ. Здоровье окончательно подломилось весною 1895 г., а къ зимѣ на организмъ, уже подточенный разрушительнымъ недугомъ, налетѣло воспаленіе легкихъ, и 24 декабря Ивана Ѳедоровича не стало. Онъ встрѣтилъ смерть спокойно и съ вѣрою — и скончался безъ особыхъ страданій. Русское общество лишилось рѣдкаго художника, въ трудѣ котораго сочувствіе къ на-

роду и знаніе народа переплетались неразрывно. Тѣ, кто лично узналъ его и умѣлъ его понимать, потеряли еще больше. Они могли по мѣсяцамъ и болѣе не видѣть Горбунова, но имъ было отрадно сознавать, что онъ *есть*, что существуетъ еще среди нихъ этотъ милый и живой изобразитель народнаго юмора и представитель, въ своеобразной формѣ, раздумья надъ русскою жизнью. Теперь это сознание исчезло... Но память о Горбуновѣ живетъ въ душѣ его знавшихъ. Ей не слѣдуетъ изгладиться и на страницахъ исторіи русскаго искусства и литературы.

Если намъ удалось немного оживить эту память и хотя бы самыми слабыми и несовершенными штрихами дать выглянуть изъ-подъ фюры поверхностныхъ сужденій и предвзятыхъ взглядовъ образу *настоящаго* Горбунова—наша цѣль достигнута...

А. Ѳ. Кони.

3 іюля 1898 г.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

МУШКЪ.

О лѣтней noci грезилъ я во снѣ.
Передо мной—добыча разрушенья,
Безмолвныя виднѣлись при лунѣ
Развалины эпохи Возрожденья.

Кой гдѣ столбы дорическихъ колоннъ
Петронуты вздымались изъ праха
И съ вызовомъ глядѣли въ небосклонъ,
Не вѣдая предъ молніями страха.

Разбитые—вездѣ лежали здѣсь
Фронтонъ рядъ, порталъ, обвитый лавромъ,
И статуи—людей съ звѣрями смѣсь:
Сатиры, сфинксъ съ химерой и центавромъ.

Изъ мрамора виднѣлся саркофагъ,
Петронутый подъ грудкою развалинъ,
И въ немъ мертвецъ, съ поворнностью въ чертахъ,
Поконлся, недвиженъ и печаленъ.

Тотъ саркофагъ съ усиленіемъ большимъ
 Каріатидъ толпа приподнимала;
 На цоколѣ высокомъ и надъ нимъ
 Лѣпныхъ фигуръ виднѣлося не мало.

Съ разгульною толпой своихъ боговъ
 Являлся тамъ Олимпъ во всемъ величѣи,—
 Адамъ и Ева—въ поясъ изъ листовъ
 Облечены стыдливо, для приличья.

Тамъ былъ Парисъ, Еленою плѣненъ,
 И Гекторъ самъ въ вооруженъи бранномъ;
 Вотъ Моисей, а рядомъ—Ааронъ,
 Юдиѣ, Эсѣиръ и Олофернъ съ Аманомъ.

Вотъ богъ—Амуръ, Меркурій, Аполлонъ,
 Вулканъ, супругъ красавицы Венеры,
 Пріапъ и Вакхъ съ Силэномъ, и Плутонъ
 Съ похищенною дочерью Цереры.

Вотъ и осель краснорѣчивый тотъ,
 Который везъ когда-то Валаама;
 Упившійся съ дѣтьми своими Лотъ
 И жертвоприношенье Авраама.

Вотъ голова Крестителя видна,—
 Ее несетъ царю Иродіада...
 Апостоль Петръ съ ключами, Сатана
 И грѣшники во тѣмѣ кромѣшной ада.

Тамъ не одинъ изящный барельефъ
 Изображалъ Юпитера побѣду,
 И царь боговъ, Данаей овладѣвъ,
 Преслѣдовалъ, подъ видомъ птицы, Лэду.

Со свитою Діана мчится въ лѣсъ
 На дивій ловъ, при громкихъ звукахъ рога,
 И женщиной одѣтый Геркулесъ
 Прядеть кудель смиренно у порога.

Вотъ и народъ Израиля. Тельцамъ
 Привоситъ онъ моленіе, какъ Богу;

Объ истинѣ вѣщаетъ мудрецамъ
Христось-Дитя, пришедшій въ синагогу.

Здѣсь—эллинскій и іудейскій духъ;
Подчеркнуты контрасты очень рѣзко,
И только плющъ, обвинившійся вокругъ,
Ихъ обрамляетъ общей арабеской.

Межъ тѣмъ, какъ я глядѣлъ вокругъ себя,
Сознаніемъ душа была объята,
Что тотъ мертвецъ—не кто иной, какъ я,
Мертвецъ въ гробу, украшенномъ богато.

Тутъ въ головахъ замѣтилъ я цвѣтокъ;
Загадочный—лиловый съ золотистымъ,
Онъ страненъ былъ, но каждый лепестокъ
Проникнуть былъ очарованьемъ чистымъ.

Въ ту ночь, когда лилася кровь Христа
(Въ народѣ есть преданіе объ этомъ),—
Впервые онъ расцвѣлъ въ тѣни креста
И потому зовется *страстоцвѣтомъ*.

Какъ будто бы въ застѣнкѣ палача,
На немъ видны орудья мукъ Христовыхъ:
Все, отъ креста, веревокъ и бича,
До молота—съ вѣнцомъ изъ иглъ терновыхъ.

Такой цвѣтокъ, мой осѣняя гробъ,
Какъ женщина, склонялся къ изголовью;
Онъ цѣловалъ глаза мои и лобъ,
И руки мнѣ онъ цѣловалъ съ любовью.

О, чары сна! Цвѣтокъ лиловый въ мигъ
Чудесное постигло превращенье:
Я въ немъ узрѣлъ любимый женскій ликъ.
Она, она! Въ томъ не было сомнѣнья.

Тебя узналъ въ лобзаньяхъ я твоихъ,
Ты надо мной рыдала безнадежно.
Нѣтъ у цвѣтовъ горючихъ слезъ такихъ
И такъ цвѣты лобзать не могутъ нѣжно!

Хотя открытъ не въ силахъ былъ очей,
 Но милый ликъ я созерцалъ духовно;
 Блѣдна, какъ тѣнь, въ сіяніи лучей
 Ты надо мной склонялася любовно.

Молчали мы,—но думы всѣ твои
 Угадывалъ я сердцемъ—и желанья;
 Нѣтъ прелести въ обмѣнѣ словъ любви,
 Цвѣтокъ ея—стыдливое молчанье.

Чарующій, безмолвный разговоръ!
 Повѣрять ли, что въ дивномъ созерцаньи,
 Какъ сонъ любви, какъ свѣтлый метеоръ,
 Промчалась ночь блаженства и страданья!

Что молвили мы оба въ тишинѣ—
 Не спрашивай! Пускай волна отвѣтитъ,
 О чемъ она журчитъ другой волнѣ?
 Спроси, зачѣмъ червякъ во мракѣ свѣтитъ?

О чемъ листва шепталась съ вѣтеркомъ?
 Зачѣмъ цвѣты благоухаютъ лѣтомъ?
 Но что другъ другу молвили съ цвѣткомъ
 Мертвецъ его—не спрашивай объ этомъ.

И долго ль я, покояся въ гробу,
 Блаженствовалъ въ отрадномъ сновидѣннѣ—
 Не знаю самъ, но я молилъ судьбу
 Продлить навѣкъ мое успокоенье.

О, смерть! Лишь тамъ, въ могильной тѣмѣ твоей,
 Мы счастья вполнѣ узнаемъ сладость;
 Порывъ, борьбу безумную страстей—
 Жизнь выдаетъ обманчиво за радость.

Но—горе миѣ! Прервался дивный сонъ:
 Послышался внезапно шумъ ужасный,
 И мой цвѣтокъ спугнулъ собою онъ,—
 Встревоженъ имъ, исчезъ цвѣтокъ прекрасный.

Возня и крикъ, проклятыя, цѣлый адъ!
 Прислушавшись къ бесплодному раздору,

Я понялъ тутъ, что барельефовъ рядъ
Затѣялъ вдругъ отчаянную ссору.

Воскресшіе изъ мрамора—опять
Заспорили два вражескіе стана,
И Моисей слѣпшилъ перекричать
Проклятьями языческаго Пана.

Пока живетъ и дышетъ человекъ—
Споръ двухъ началъ продлится—безпредѣленъ:
Здѣсь Истина съ Красою спорить вѣкъ,
И съ варваромъ не примирится эллинъ.

Такъ я внималъ потоку бранныхъ словъ,
Но вдругъ, среди отчаяннаго гама,
Всѣхъ заглушилъ—и смертныхъ, и боговъ—
Осель, что везъ когда-то Валаама.

Мнѣ слухъ терзалъ его глупѣйшій ревъ;
Я всей душой невольно возмущился,
Почувствовавъ неудержимый гнѣвъ,
Я вскрикнулъ самъ—и сразу пробудился!

II.

К О В Ы Л Ъ.

На волѣ росъ степной ковыль,
Вблизи журчалъ потокъ,
Шепталъ таинственную былъ
Залетный вѣтерокъ.

Любилъ онъ ясную лазурь,
Просторъ и солнца блескъ,
Любилъ могучій грохотъ бурь,
Волны мятежной плескъ.

Любилъ весенній первый громъ
Въ проснувшемся лѣсу,
Ручей, сверкавшій серебромъ,
И радуги красу.

Но какъ-то разъ, вруя песокъ,
 Пригнувъ къ землѣ ковыль, —
 Вдругъ поднялась съ большихъ дорогъ
 Удушливая пыль.

Она зловѣщей тучей шла,
 Отвѣсною стѣной,
 И въ мигъ, ея густая мгла
 Затмила свѣтъ дневной.

Она легла, какъ мертвый слой,
 На цвѣтъ полей и нивъ,
 Живое все своею мглой
 Жестоко схоронивъ.

Бороться съ ней? Но чѣмъ и какъ?
 Оружья нѣтъ въ рукахъ:
 Чѣмъ поразить зловѣщій мракъ,
 Неуловимый прахъ?

О, буря, мощною грозой
 Когда же грянешь ты
 И животворною слезой
 Прольешься съ высоты?

Омоетъ ливень дождевой
 Удушливую пыль,
 И вновь изъ праха головой
 Поднимется ковыль.

ВЪ СТАРОМЪ ПАРКѢ.

Я иду тропой лѣсною,
 И, сплетаясь надо мною,
 Вѣтви тихо шелестятъ;
 Межъ узорчатой листвою
 Блещетъ небо синевою
 И притягиваетъ взглядъ.

У плотины, въ полдень знойный,
 Словно дремлетъ тополь стройный;
 Гдѣ прозрачнѣй и быстрѣй
 Ручеекъ журчить въ оврагѣ—
 Онъ купаетъ въ свѣтлой влагѣ
 Серебро своихъ кудрей.

На прудѣ волшебнo сонномъ,
 Камышами окаямленномъ,
 Распустился неньюфаръ...
 Тишинѣ я внемлю чутко,
 И таинственно и жутко—
 Обаянье этихъ чаръ.

Межъ зелеными лугами
 И крутыми берегами
 Дремлютъ тихія струи;
 Словно въ грѣзахъ сновидѣнья,
 Ждешь невольнo появленья
 Очарованной ладья.

Не причалить ли неслышно
 Къ камышамъ, растущимъ пышно,
 Чолнъ волшебный,—и меня
 Не умчить ли онъ съ собою,
 Тамъ, за далью голубою—
 Въ царство радостнаго дня?

III.

Дни бываютъ... Сладкой муки
 Сердце чуткое полно,
 И завѣтныхъ пѣсенъ звуки
 Въ сердцѣ зрѣютъ, какъ зерно.

Засявъ среди ненастья
 Темной ночи грозовой,—
 Въ мертвый холодъ безучастья
 Вторгся лучъ любви живой.

Все, что сердцу смутно снилось,
Что бесплодно я зову—
Предо мною все отерлось,
Все предстало на яву.

Надъ собой не чую гнета,
Снова дышется вольнѣй...
Что-то плачетъ, шепчетъ что-то
И поетъ въ душѣ моей.

О. МИХАЙЛОВА.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЯ БОЛѢЗНИ РАБОЧИХЪ

О Ч Е Р К ъ .

Окончаніе *).

III.

Обратимся теперь къ другимъ отраслямъ промышленности и посмотримъ, какъ онѣ вліяютъ на здоровье рабочихъ. Прежде всего остановимся на весьма важной по распространенію обработкѣ желѣза и чугуна, и въ частности—на горнозаводскихъ рабочихъ.

Изъ числа всѣхъ фабрикъ европейской Россіи въ 1882 г. желѣзодѣлательныя составляли свыше 3% общаго числа и давали занятіе почти $\frac{1}{6}$ части всего фабричнаго населенія. Кромѣ того, съ каждымъ годомъ эта отрасль промышленности развивается больше и больше: въ теченіе десяти лѣтъ (1881—90) выплавка чугуна удвоилась, а желѣза и стали увеличилась на $\frac{1}{3}$. При томъ богатствѣ руды, которое заключаютъ въ себѣ Уралъ, Кавказъ и Сибирь, а также и югъ Россіи, ей предстоитъ блестящая будущность. вмѣстѣ съ ея ростомъ возрастетъ и число рабочихъ, а потому небезынтересно посмотрѣть на тѣ условія, при которыхъ имъ приходится работать.

Разсматривая металлургическія (огневныя) работы, можно замѣтить, что, несмотря на все ихъ разнообразіе, рабочіе нахо-

*) См. ноябрь, 228 стр.

дятся почти въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ. При выработкѣ чугуна, при обжиганіи руды, наконецъ при всѣхъ кричныхъ и пудлинговыхъ печахъ, рабочій подвергается дѣйствию страшнаго жара, ослѣпительнаго свѣта отъ раскаленнаго металла и усиленному мышечному напряженію. При этомъ, конечно, интенсивность вредныхъ вліяній при различныхъ работахъ различна. Такъ, дѣйствию высокой температуры будетъ больше всего подвергаться рабочій при пудлинговыхъ и кричныхъ печахъ,—при обработкѣ же металловъ температура гораздо ниже. Угаръ всего рѣзче чувствуется тамъ, гдѣ происходитъ выдѣленіе горючихъ газовъ, напр. у генераторовъ сталелитейныхъ печей; копоть и дымъ—у доменныхъ, пудлинговыхъ и кузнечныхъ печей. Ослѣпительный свѣтъ всего больше ударяетъ въ глаза рабочихъ, находящихся при тѣхъ же пудлинговыхъ печахъ; особенное же напряжение мускуловъ требуется при ручномъ пудлингованіи, прокладкѣ и кузнечныхъ работахъ ¹⁾.

Особенно вредна работа при пудлинговыхъ, сварочныхъ и кричныхъ печахъ. По прошествіи какихъ-нибудь 3—5 минутъ рабочій, обливаемый потомъ, съ раскраснѣвшимся лицомъ, налитыми кровью глазами, страшно учащеннымъ пульсомъ (90—120 въ 1 минуту) и дыханіемъ, выбѣгаетъ на холодъ и тушитъ внутренній жаръ огромнымъ количествомъ воды. Многіе рабочіе въ теченіе 12 часовъ работы выпиваютъ до 9 литровъ воды, а Румъ видѣлъ случаи, когда рабочій выпивалъ 16¹/₂ литровъ въ теченіе 11¹/₂ часовъ. Д-ръ Никольскій наблюдалъ рабочихъ, которые за одинъ разъ выпили по 3—4 и болѣе фунтовъ воды ²⁾.

Температура тѣла нерѣдко повышается до 38—39 градусозъ и больше. Потѣніе такъ велико, что при высыханіи рубаха рабочаго дѣлается твердою отъ покрывающей ее коры поваренной соли, и д-ръ Никольскій не разъ видѣлъ эту соль на плечахъ и спинѣ рабочихъ. Такое потѣніе нисколько не удивительно, ибо температура околопечного пространства и особенно того мѣста, которое находится около заслонки, необыкновенно высока. По наблюденію д-ра Спасскаго, противъ печи, когда открыта заслонка, нельзя стоять даже на разстояніи сажени, и температура быстро доходитъ до 100° Ц., хотя заслонка открывается всего на 2—3 секунды. Температура же около печи обыкновенно равняется 45—52° Ц. Время года, не имѣющее вліянія

¹⁾ Святловскій. Различн. отрасли металл. съ санит. точки зрѣнія. Вѣстн. Общ. Гиг. 1894, 7 кн., стр. 18.

²⁾ Никольскій. Къ вопросу о вліяніи горнозав. раб. Вѣстн. Общ. Гиг. 1895 г. 8 кн., стр. 110.

на температуру мѣста противъ заслонки, сильно отражается на температурѣ остального пространства. По изслѣдованію Мартена, при вѣшной температурѣ въ 16—17° Ц., воздухъ на разстояніи 1½ шаговъ отъ печи нагрѣвался до 51,2°, на разстояніи 3 шаговъ—до 43—44°, шести шаговъ—28°; въ жаркіе дни жаръ около печей доходилъ до 65°¹⁾. Д-ръ Бертенсонъ говоритъ, что не только у самыхъ печей температура крайне высока (яйцо, привязанное къ шеѣ рабочаго, сваривается), но и въ среднемъ пространствѣ завода, благодаря тѣсотѣ, она доходитъ до 40° R. ¹⁾.

Несмотря на обильную испарину, которая наблюдается у рабочихъ, охлажденіе ихъ тѣла не можетъ достигнуть той степени, чтобы вполне уравнивать дѣйствіе повышенной температуры, и тѣло рабочаго остается разгоряченнымъ въ теченіе по крайней мѣрѣ 20 минутъ послѣ каждой усиленной работы около печки; затѣмъ температура быстро понижается. Такое охлажденіе обыкновенно происходитъ при крайне ненормальныхъ условіяхъ, способствующихъ простудѣ. Обыкновенно работаютъ въ помѣщеніяхъ холодныхъ, доступныхъ вѣтру, и нерѣдко термометры, повѣшенные на спинѣ и груди рабочаго, показываютъ разницу въ 20°. Послѣ работы у печи, рабочіе отправляются отдохнуть у выхода завода на сквозномъ вѣтру, при t° въ 12° и ниже. Разстегнутая и неподпоясанная мокрая рубашка можетъ, конечно, только способствовать простудѣ, но никакъ не предохранить отъ нея рабочаго.

Такія условія пудинговыхъ работъ должны вредно вліять на рабочихъ, и дѣйствительно д-ръ Спасскій нашель, что всѣ занятые у огня рабочіе склонны къ инфекціоннымъ заболѣваніямъ, начиная отъ простаго насморка и кончая воспаленіемъ легкихъ, и острымъ желудочно-кишечнымъ болѣзнями. Послѣднія обуславливаются массой выпитой тотчасъ послѣ работы холодной воды, нерѣдко сейчасъ же вызывающей давленіе подъ ложечкой, рвоту, поносъ и пр. Вдыханіе угольной пыли и копоти также способствуетъ бронхіальнымъ катаррамъ, и въ мокротѣ такихъ рабочихъ всегда находятъ частицы угля. Та же копоть и дымъ вредно вліяютъ на глаза рабочихъ, хотя вообще здѣсь главную роль играютъ высокая температура и ослѣпительный свѣтъ. Усиленные мышечныя напряженія ведутъ къ перерожденію сердца, gry-

¹⁾ Эрисманъ. Профессіон. гигиена, стр. 367.

²⁾ Никольскій. Цит. соч. В. Общ. Гиг. 1895 г., кн. 8, стр. 111.

жамъ и расширенію венъ ¹⁾. Профессоръ Лайэ также утверждаетъ, что большая часть внутреннихъ болѣзней, наблюдаемыхъ на литейныхъ заводахъ, представляетъ результаты разныхъ перемѣнъ температуры, непрерывно повторяющихся въ этой профессіи.

По нѣкоторымъ спеціальнымъ изслѣдованіямъ, оказалось, что заболѣванія дыхательныхъ органовъ у горнозаводскихъ рабочихъ встрѣчаются чаще, чѣмъ у крестьянъ. По даннымъ Румы, въ легочныхъ заболѣваніяхъ фабричнаго и нефабричнаго населенія Мотовилихинскаго завода замѣчается рѣзкая разница. Легочные больные среди рабочихъ этого завода составляютъ 18,85% всѣхъ больныхъ, а у крестьянъ такихъ больныхъ значительно меньше. Напр., въ пермской городской амбулаторіи ихъ было 12,25% всѣхъ больныхъ, въ пермскомъ уѣздѣ 12,6%, въ 4-мъ тамбовскомъ участкѣ 12,2%, въ ижевской больницѣ 11,85%, въ выштымскомъ заводѣ воспаленіемъ легкихъ въ теченіе 6 лѣтъ болѣло 12%.

Относительно вліянія горнозаводскихъ работъ на происхожденіе крупозной пневмоніи есть нѣкоторое, правда небольшое, количество данныхъ, собранныхъ докторомъ Никольскимъ. Изъ нихъ видно, что на долю рабочихъ приходилось 50,9% всѣхъ больныхъ воспаленіемъ легкихъ. Если сравнить заболѣванія рабочихъ и не-рабочихъ, то окажется, что первые хвораютъ въ четыре раза больше вторыхъ. Этотъ фактъ уже самъ по себѣ указываетъ на существованіе въ горнозаводскихъ работахъ какихъ-то условій, ведущихъ къ заболѣваніямъ. Эти условія сразу выяснятся, если посмотрѣть на распредѣленіе больныхъ по отдѣльнымъ работамъ. Оказывается, что наибольшее (24,7%) количество больныхъ приходится на пудлинговыхъ рабочихъ, второе мѣсто занимаютъ дровоподставщики, третье—кузнецы, дальше идутъ рудокопы, работающіе на золотыхъ промыслахъ, доменные и др. ²⁾.

Тотъ фактъ, что наибольшее число больныхъ даютъ пудлинговые рабочіе, является понятнымъ вполне, послѣ описанія тѣхъ условій, при которыхъ имъ приходится работать: постоянный переходъ отъ страшной жары къ холоду вызываетъ предрасположеніе къ простудѣ и легочнымъ заболѣваніямъ.

Далѣе, видное мѣсто по количеству больныхъ занимаютъ дро-

¹⁾ Спасскій. Опытъ изуч. вліянія нѣкоторыхъ ижевскихъ оружейниковъ на ихъ здоровье.

²⁾ Никольскій. О вліяніи горнозав. работъ, В. Общ. Гиг. 1895 г., кн. 8, стр. 109.

воподставщики, т.-е. рабочіе (обыкновенно малолѣтніе и подростки), занимающіеся подбрасываніемъ дровъ въ печи. Находясь большею частью у печи въ такой же атмосферѣ, какъ пудлинговые, они кромѣ того постоянно подвергаются сквозняку. Кузнецы, слѣдующіе за дровоподставщиками, подвергаются рѣзкимъ перемѣнамъ температуры, благодаря плохому устройству кузницъ и вліянію металлической и угольной пыли. На горныхъ заводахъ обыкновенно употребляется древесный уголь, дающій массу пыли, замѣтной даже простымъ глазомъ, и кузнецы вдыхаютъ ее въ значительномъ количествѣ.

Среди работающихъ подъ землею или въ лѣсу въ сырое, холодное время, наибольшее количество больныхъ дали рудокопы и промысловые рабочіе. По словамъ Румы, на нижнетагильскомъ заводѣ воспаленіе легкихъ у рудокоповъ встрѣчалось почти въ $2\frac{1}{2}$ раза чаще, чѣмъ у остального мужского населенія, и въ $4\frac{1}{2}$ раза чаще, чѣмъ у женщинъ. Подобное явленіе вполне зависитъ отъ условій работъ въ рудникахъ. „Въ рудничной обстановкѣ рабочаго,—говоритъ Рума,—мы находимъ такія условія, которыя вполне могутъ быть признаны этиологическими моментами этого (воспаленія легкихъ) заболѣванія, и значительное преобладаніе надо приписать всецѣло руднику, а не случайнымъ обстоятельствамъ“¹⁾. Быстрые переходы отъ жаркой атмосферы рудника въ холодную, при совершенно мокромъ тѣлѣ и сыромъ платьѣ, несомнѣнно содѣйствуютъ легочнымъ заболѣваніямъ.

Нисколько не лучше условія труда на золотыхъ промыслахъ, такъ какъ работы ведутся самымъ примитивнымъ способомъ, и золотопромышленники менѣе всего обращаютъ вниманіе на положеніе рабочихъ. Д-ръ Никольскій, на основаніи личныхъ наблюденій, пришелъ въ убѣжденію, что эти рабочіе больше другихъ нуждаются въ защитѣ закона. Д-ръ Бертенсонъ говоритъ, что этотъ трудъ, особенно зимой, когда разрабатываются болѣе глубокія росыпи, производится при условіяхъ, самымъ разрушительнымъ образомъ дѣйствующихъ на здоровье рабочихъ. На рабочихъ въ шахтахъ падаетъ постоянно въ видѣ дождя почвенная вода; земля на днѣ шахты превращается въ жидкую грязь, вершка 3—4 глубиной, и въ этой грязи долженъ лежать рабочій. Сапоги промокаютъ насквозь, и многіе рабочіе, несмотря на желѣзное здоровье, страдаютъ ревматизмомъ. На

¹⁾ Рума. Къ гигиенѣ рудокоповъ, стр. 149.

сквозь промокшій рабочій выльзаетъ прямо на тридцатиградусный морозъ и, быстро покрываясь ледяной корой, бѣжитъ въ сосѣдному балаганчику, гдѣ ему даютъ большую рюмку „хозяйской водки отъ смертельной простуды“. Если присоединить къ этому скверное помѣщеніе и плохое питаніе, то условія жизни этихъ рабочихъ будутъ вполне понятны¹⁾.

Наименьшее количество больныхъ воспаленіемъ легкихъ было среди служащихъ, работа которыхъ отличается меньшей трудностью. Они не подвержены рѣзкимъ переѣнамъ температуры и сверхъ того сравнительно лучше обезпечены.

Относительно возраста больныхъ рабочихъ замѣчено, что наибольшее (23,3%) число приходится на возрастъ отъ 26 до 30 лѣтъ, затѣмъ отъ 21 до 25 и отъ 31 до 35 лѣтъ. Въ слѣдующихъ возрастахъ заболѣванія уменьшаются, но съ 46-ти до 50 лѣтъ—снова увеличиваются. Почти то же самое наблюдалось на Путиловскомъ заводѣ, гдѣ максимумъ больныхъ приходился на 25—30 лѣтъ, затѣмъ слѣдовали 20—25 лѣтъ и 30—35 лѣтъ. До 45 лѣтъ заболѣваемость уменьшалась, но съ 45 до 50 лѣтъ снова поднималась.

Въ концѣ своей работы г. Никольскій дѣлаетъ слѣдующіе выводы: 1) изъ легочныхъ заболѣваній у горнозаводскихъ рабочихъ видное мѣсто занимаетъ воспаленіе легкихъ, причемъ рабочіе заболѣваютъ чаще не-рабочихъ; 2) наибольшее количество заболѣваній приходится на работающихъ у огневыхъ работъ вообще, какъ наиболѣе подвергающихся рѣзкимъ переѣнамъ температуры; 3) изъ внѣшнихъ причинъ заболѣваній наиболѣе важно нужно признать быстрыя переѣны температуры.

Разсмотрѣнныя нами группы болѣзней у горнозаводскихъ рабочихъ не охватываютъ всѣхъ болѣзней, которыми они страдаютъ. Съ другой стороны, мы описали болѣзни далеко не у всѣхъ категорій рабочихъ, и потому продолжимъ наше описаніе дальше.

Плющеніе и прокатка металла совершаются при условіяхъ, почти аналогичныхъ съ условіями огневыхъ работъ вообще. „Прокаточная мастерская,—говоритъ г. Святловскій,—похожа скорѣе на адъ, чѣмъ на одно изъ изобрѣтеній цивилизаціи. Страшный грохотъ, убійственная температура, всюду извивающіяся полосы раскаленного желѣза, обливающіеся потокомъ рабочіе съ щипцами въ рукахъ—такая картина достойна Данте. Здѣсь каждый невѣрный шагъ грозитъ серьезнымъ несчастіемъ, и рабочіе считаютъ эту работу труднѣе работы при доменныхъ печахъ. Му-

¹⁾ Бартеясовъ. Санитарно-врачебное дѣло на промыслахъ Урала, стр. 112.

скулы страшно напрягаются, приходится быть въ повышенной отъ раскаленнаго металла температурѣ, страдать отъ ослѣпительнаго блеска, чада, угара, угольной пыли, и ежеминутно можно получить ожогъ по своей или чужой неосторожности. Понятно, что работающіе въ этихъ мастерскихъ страдаютъ тѣми же болѣзнями, какъ и огневые¹⁾.

Послѣ прокатки, желѣзо подвергается ковкѣ, обыкновенно ручной. Между тѣмъ изъ всѣхъ ручныхъ работъ, работа кузнеца требуетъ наибольшаго мышечнаго напряженія и всего скорѣе ведетъ къ общему истощенію. Его мышцы, несмотря на свою видимую величину, быстро изнашиваются и даже неспособны производить обычную работу нормальной мышцы. Кромѣ того, кузнецы страдаютъ невралгіею сѣдалищнаго перва, всевозможными воспаленіями слизистой оболочки и поврежденіями глазъ. Между прочимъ, многіе французскіе изслѣдователи единогласно признали, что болѣзни кузнецовъ, выковывающихъ гвозди, развиваются подъ влияніемъ утомленія отъ спеціальныхъ тѣлодвиженій, жары и испорченнаго воздуха мастерскихъ²⁾. Изъ чисто профессиональныхъ болѣзней у кузнецовъ наблюдался спазмъ во время подниманія руки, т.-е. то же, что замѣчалось у писцовъ, швей, граверовъ, телеграфистовъ и другихъ представителей профессій, въ которыхъ работа сопровождается комбинированными и сложными движеніями. Затѣмъ, Мах. Verneil констатировалъ развитіе катаракты, сыпи и ревматизма³⁾. Въ виду тяжести и вреда работы, ее слѣдовало бы совершенно запретить для малолѣтнихъ и подростковъ.

Въ тѣсной связи съ металлургическими работами стоитъ изготовленіе различныхъ аппаратовъ изъ желѣза и чугуна. Обработка металловъ въ холодномъ состояніи раздѣляется на столько операций, что описать ихъ всѣ не представляется никакой возможности. Да этого и не требуется для нашей цѣли, такъ какъ въ гигиеническомъ отношеніи они приносятъ почти одинаковый вредъ. Напримѣръ, въ котельныхъ мастерскихъ стоитъ шумъ пожалуй еще большій, чѣмъ въ механическихъ тѣлцяхъ. Разговоры совершенно немыслимы, и нервная система страшно раздражается. Благодаря этому шуму, большинство завлещиковъ становятся „глухарями“ и способны воспринимать лишь особенно высокіе или низкіе звуки. Иногда рабочій совсѣмъ пере-

¹⁾ Святловскій. Различныя отрасли металлургіи, В. Общ. Гиг. 1894, кн. 7, стр. 19.

²⁾ Ibid., стр. 20—21.

³⁾ Ibid., стр. 25.

стаетъ слышать разговоръ при полной тишинѣ, и начинаетъ разбирать слова, если начнутъ шумѣть.

Особенно изнурительна и вредна работа котельщиковъ, которымъ все время приходится стучать тяжелымъ молотомъ и принимать при этомъ самыя неудобныя, неестественныя позы. Чаще всего приходится это дѣлать тѣмъ работникамъ, которые забираются внутрь котла. Руки такихъ рабочихъ, кромѣ ссадинъ, мозолей, сведеній и ушибовъ, поражаются еще особой сыпью; сами же они, по словамъ Пуанкарё, нерѣдко страдаютъ отъ прогрессивной атрофіи мышцъ и искривленій скелета, сердцебіенія, перерожденія сердца и легочнаго кровотеченія. А Шевалье даже считаетъ, что у каждаго добраго котельщика бываетъ искривленіе позвоночника и сведенныя внутрь колѣни. Съ теченіемъ времени плечо той руки, которая управляетъ молотомъ, опускается внизъ и въ то же время отодвигается назадъ, а на другой сторонѣ получается боковое искривленіе ¹⁾).

Кромѣ того, при всякомъ ударѣ молота, вмѣстѣ съ пылью, нерѣдко отскакиваютъ металлическіе осколки, причиняющіе серьезные пораненія. Больше всего страдаютъ глаза, и работникъ часто совсѣмъ лишается зрѣнія. При чисткѣ же старыхъ мѣдныхъ резервуаровъ рабочей отбиваетъ ударами молота толстые слои зеленой ржавчины и отравляется ею. Точно также при чисткѣ мѣдныхъ трубъ огнемъ ему приходится подвергаться дѣйствію дыма и мѣдной пыли ²⁾).

Остановимся еще на изготовленіи ножей, при которомъ практикуются точильныя работы. При такихъ работахъ происходитъ значительное отдѣленіе кремневой пыли отъ точильнаго камня и металлической—отъ обтачиваемаго предмета. Такое выдѣленіе пыли особенно сильно при сухомъ способѣ точенія и уменьшается при мокромъ. Но благодаря тому, что при второмъ способѣ работа идетъ медленнѣе, онъ въ Россіи употребляется рѣдко, несмотря на весь вредъ, наносимый пылью здоровью рабочихъ. Не нужно думать, что мокрый способъ точенія совершенно устраняетъ вліяніе пыли, нѣтъ,—она продолжаетъ выдѣляться и раздражать слизистыя оболочки и дыхательныя органы. Кромѣ того, шлифовка камней производится сухимъ способомъ и даетъ массу кварцевой пыли. Относительно вреда кварцевой и металлической пыли для легкихъ работающихъ не можетъ быть никакого сомнѣнія; Напіасъ показалъ, что

¹⁾ Ibid., стр. 27.

²⁾ Ibid., стр. 29.

каменотесы, точильщики иголь и *ножевишки* даютъ отъ 60 до 80% больныхъ чахоткой ¹⁾.

Болѣютъ, вонечно, не только фабрично-заводскіе рабочіе, но и рабочіе другихъ отраслей промышленности, и потому скажемъ о нихъ нѣсколько словъ. Съ условіями работы на рыбныхъ промыслахъ, захватывающихъ до 100 тыс. человекъ, мы уже познакомились раньше; теперь посмотримъ, какъ они вліяютъ на здоровье рабочихъ. Кромѣ длиннаго дня и плохого питанія, астраханскій рабочий не мало страдаетъ отъ крайне негигіеническихъ условій работы. Плохо очищенные плоты, лари и чаны, казармы, почернѣвшія отъ копоти, грязи, съ грудями мусора подъ лавками, хлѣбопекарни съ тысячами таракановъ и кучами сора въ углахъ, полуразвалившіяся бани; кашеварни, содержащія хуже хлѣбовъ; переполненныя отхожія мѣста, помои, разлитыя передъ домами жилыхъ помѣщеній—такова санитарная картина промысловъ ²⁾.

Самое соленіе рыбы производится при условіяхъ, сильно способствующихъ заболѣванію рабочихъ. Дѣло въ томъ, что чаны для соленія рыбы врыты въ землю почти до почвенной воды, которая, поднимаясь во время половодья, можетъ ихъ разрушить. Для предохраненія чановъ, въ днѣ ихъ просверлены отверстія, такъ что почвенная вода проникаетъ въ нихъ, а затѣмъ, въ лѣтніе жары, начинаетъ гнить. Нечистоты изъ рѣки удаляются выкачиваніемъ прямо въ рѣбу, причеъ эта очистка „иногда связана съ отравленіемъ рабочихъ на смерть газами, которыми насыщенъ воздухъ внутри чановъ“. Выброшенныя нечистоты загрязняютъ воду и въ половодье разносятся по всему промыслу, превращая его въ клоаку ³⁾.

Подобныя условія работъ на рыбныхъ промыслахъ ведутъ къ развитію разнообразныхъ болѣзней. Особенно часты ревматизмы у неводныхъ рабочихъ, профессиональные уколы и порѣзы кожи у плотовыхъ рабочихъ и др. Затѣмъ идетъ цѣлый рядъ поврежденій, для предупрежденія которыхъ не принимается никакихъ мѣръ: паденіе рабочихъ въ чаны, паденіе тачекъ на головы и спины рабочихъ, занимающихся владкой рыбы. Эти ненормальныя условія особенно сильно отражаются на беременных жен-

¹⁾ Святловскій. Различ. обл. мет. В. Общ. Г., стр. 31.

²⁾ Шмидтъ. Къ гигиенѣ рыби. пром., стр. 130.

³⁾ Ibid., стр. 65.

щинахъ, у которыхъ часто случаются выкидыши и преждевременные роды.

Хотя по договорамъ съ рабочими беременныя женщины не должны приходять на промыслы, но онѣ приходять, гонимыя нуждой, и вслѣдствіе массы работы остаются тамъ все время. По вычисленіямъ д-ра Шмидта, беременныхъ женщинъ на промыслахъ оказалось 13⁰/₁₀₀ общаго ихъ числа, и, конечно, большинство ихъ рискуеть своимъ здоровьемъ и жизнью будущихъ дѣтей. Законъ такимъ образомъ остается жертвой буевой. Кроме того, страдаютъ не только дѣти неродившіяся, но и живыя, приводимыя матерями. Дѣти приходять главнымъ образомъ съ весенними работницами: одинъ ребенокъ приходиться весною на 1,73 женщинъ, а осенью—на 5,6 женщинъ. Объясняется эта разница тѣмъ, что осеннимъ рабочимъ приходится возвращаться домой въ холода, и потому они не берутъ съ собой дѣтей; весенніе же надѣются на лѣтнее время, но всегда ошибаются. Каждое лѣто изъ привозимыхъ дѣтей умираеть 6,5⁰/₁₀₀, что, конечно, нисколько не удивительно при существующихъ условіяхъ промысловой жизни.

Условія промысловой жизни сдѣлаются еще болѣе неприглядными, если принять во вниманіе полное почти отсутствіе за ними надзора и лечебной помощи. Хотя въ 1878 году и были приглашены для надзора два врача, но они не въ состояніи даже объѣхать 639 промысловъ, раскинутыхъ на пространствѣ въ 1.000 верстъ длины и 200 в. ширины. Впрочемъ, нѣкоторые крупные промышленники нанимають для леченія фельдшеровъ и приглашають для надзора врачей, которые показываются въ годъ 3—6 разъ и существенной пользы не приносятъ. Поэтому безусловно необходимо установить болѣе серьезный контроль за рыбными промыслами и улучшить медицинскую помощь населенію. До сихъ поръ промыслы почему-то обращали на себя мало вниманія, хотя по числу занятыхъ рабочихъ и условіямъ работы не уступаютъ многимъ фабричнымъ производствамъ. Безусловно вредное вліяніе ихъ на рабочихъ должно быть уничтожено, а для этого промыслы должны быть подчинены особой инспекціи, которая могла бы оградить рабочихъ отъ эксплуатаціи и наблюдать за санитарными условіями работы.

При описаніи профессиональных заболѣваній среди различныхъ группъ рабочихъ, мы почти совсѣмъ не касались травматическихъ поврежденій, такъ какъ хотѣли поговорить о нихъ

отдѣльно. Прежде всего нужно сказать, что статистики несчастныхъ случаевъ въ Россіи почти совершенно не существуетъ. Объясняется это плохимъ состояніемъ фабричной медицины и несовершенствомъ нашего фабричнаго законодательства. Въ то время, когда на Западѣ вопросъ объ огражденіи машинъ разработанъ детально и изобрѣтена масса оградительныхъ приборовъ, у насъ онъ еще только намѣченъ и не получилъ законодательной санкціи. Фабрикантамъ, конечно, не интересно доставлять точныя свѣдѣнія о травмахъ, пораненіяхъ, на фабрикахъ, а фабричные инспектора не имѣютъ возможности добыть точныя свѣдѣнія по этому вопросу. Въ Англіи о всякомъ несчастіи, влекущемъ неспособность къ труду, немедленно доносится фабричному врачу и инспектору, и, благодаря этому, тамъ имѣются очень подробныя свѣдѣнія о несчастныхъ случаяхъ. Въ Германіи фабричный инспекторъ также почти всегда узнаетъ о поврежденіяхъ на фабрикахъ по газетамъ, отчетамъ кассъ и т. п.

Благодаря лучшему надзору за огражденіями машинъ, число несчастныхъ случаевъ въ Англіи и Германіи значительно меньше, чѣмъ въ Россіи, и съ каждымъ годомъ оно уменьшается. Въ Англіи, въ 1850 году, одно увѣче приходилось на 143 чел.; въ 1872 году—одно на 210 чел. Въ Саксоніи въ 1883 году одно увѣче приходилось на 100 рабочихъ; во французскихъ горныхъ копанияхъ и рудникахъ процентъ увѣчей равняется $1\frac{1}{2}$. По даннымъ больничныхъ кассъ въ Германіи, для всѣхъ фабрикъ 1 несчастный случай приходится на 434 чел., въ томъ числѣ на хлопчато-бумажныхъ 1 на 288; на желѣзныхъ дорогахъ 1 на 51 чел., въ рудникахъ—1 на 37 человекъ. Изъ всѣхъ несчастныхъ случаевъ 15% было тяжелыхъ; въ 18,5% послѣдовала смерть и въ 50,9%—постоянная, но неполная инвалидность ¹⁾. Любопытно между прочимъ данныя о сельскихъ рабочихъ въ Германіи. Въ 1891 году изъ нихъ было застраховано $12\frac{1}{2}$ милл. человекъ, а подверглось несчастнымъ случаямъ 19.918 чел., т.-е. 1 несчастье приходилось на 622 рабочихъ; изъ числа пострадавшихъ 11,23% умерли, 3,44% навсегда потеряли способность къ работѣ, и 45,75% отдѣлались серьезными увѣчьями. На долю травматическихъ поврежденій приходилось болѣе 98% ²⁾.

Въ Россіи число несчастныхъ случаевъ должно быть значительно выше. По вычисленіямъ г. Святловскаго, на сахарныхъ за-

¹⁾ Г. Юлосъ. Страхование раб. въ Германіи, Русск. М., 1895 г., кн. 4.

²⁾ Святловскій. Обзоръ успѣховъ пром. и фабр. гигиены, Вѣстн. Общ. Гиг., 1895, 8, стр. 157.

водахъ страдалъ 1 изъ 14 раб., на шерстомойняхъ—1 изъ пяти; по г. Пескову—1 изъ 20 чел., а по свѣдѣнiямъ г. Эрисмана, ставильщики московскихъ фабрикъ дали 30,3 увѣчья на 100 рабочихъ ¹⁾. На шести бумагопрядильныхъ мануфактурахъ московскаго уѣзда съ 6,718 рабочихъ, травматическихъ поврежденiй было 10% общаго числа рабочихъ, а на нѣкоторыхъ доходило до 22%; на ярецвской мануфактурѣ они составляли 13,5% общаго числа рабочихъ. На послѣдней фабрикѣ въ настоящее время число несчастныхъ случаевъ значительно уменьшилось и составляетъ всего 1% рабочихъ. Произошло это благодаря огражденiю опасныхъ частей машинъ, хотя отсутствiе огражденiй менѣе опасныхъ частей, ночная работа, дѣтскiй трудъ и др. почти вчетверо повышаютъ у насъ % поврежденiй, сравнительно съ англiйскими фабриками. Вообще же, по г. Святловскому, на каждую тысячу человекъ, обрабатывающихъ металлы, приходится 58,6%; обрабатывающихъ животныя продукты—41,6%; волокнистыя вещества—37,6%; вкусовыя и пищевыя вещества—10,4%; минеральныя вещества—9,2%; на писчебумажныхъ фабрикахъ—9% несчастныхъ случаевъ ²⁾.

На одномъ цѣпочно-проволочномъ заводѣ близъ Варшавы, имѣвшемъ 600 рабочихъ, въ теченiе двухъ лѣтъ было 236 несчастныхъ случаевъ, т.-е. болѣе $\frac{1}{3}$ рабочихъ получили увѣчье. Правда, большая часть пораненiй были легкiя, но за то мастерскiя этого завода сравнительно хорошо обставлены: онѣ просторны, проходы между машинами широки, ручной трудъ въ большинствѣ случаевъ замѣненъ машиннымъ и проч. Очевидно, что на другихъ хуже поставленныхъ заводахъ число увѣчiй будетъ еще больше.

На горныхъ заводахъ, рудникахъ и промыслахъ съ 1872 по 1890 годъ пострадало 15 тыс. человекъ, изъ которыхъ 20% приходилось на убитыхъ. Увѣчьямъ на заводахъ подверглось 55% общаго числа пострадавшихъ; смертныя случаи дали 4—9%; на рудникахъ и промыслахъ увѣчья составили 45%, а смертныя случаи—35—45% ³⁾. Кеппенъ, давшiй далеко не полную статистику увѣчiй за 10 лѣтъ на уральскихъ заводахъ, приводитъ слѣдующiя поразительныя цифры. На пермскомъ заводѣ, гдѣ велись довольно точныя записи, на 1 тыс. человекъ приходилось 32,4 пострадавшихъ, изъ нихъ 6,1 тяжело и 0,57

¹⁾ Святловскiй. Фабр. рабочiй, стр. 129—30.

²⁾ Ibid., стр. 141.

³⁾ Никольскiй. Фабрично-зав. отдѣлъ на Всеросс. гигиен. выставкѣ. Мед. Бес. 1894, сент.-октябрь.

убитыхъ. По всѣмъ же заводамъ пострадавшихъ было 9,6, убитыхъ 0,04, тяжело раненыхъ 1,7, легко—7,8, умершихъ 0,17. Самая опасная работа въ рудникахъ даетъ 17,7 увѣчій на 1 тыс. рабочихъ. По сравненію съ Германіей, число несчастныхъ случаевъ у насъ вдвое болѣе. При этомъ число убитыхъ также гораздо больше, потому что машины плохо или совсѣмъ не ограждаются. Сравнивая число убитыхъ въ Германіи и Россіи, получаемъ слѣдующія цифры: въ германскихъ горныхъ заводахъ убитые дали 0,7%, въ Россіи—4,7%; въ германскихъ металлическихъ рудникахъ 2,7%, въ Россіи—36,6% всѣхъ пострадавшихъ. Въ рудникахъ царства польскаго число убитыхъ рабочихъ было почти вдвое больше, чѣмъ въ рудникахъ Верхней Силезіи ¹⁾.

Всѣ эти данныя, конечно, не являются точными, такъ какъ плохая организація медицины и желаніе фабрикантовъ скрыть убитыхъ и увѣчныхъ не даютъ возможности получить о нихъ болѣе или менѣе правильныя свѣдѣнія. Въ силу этого иногда въ отчетахъ врачей встрѣчается нелѣпный выводъ, по которому убитыхъ на заводѣ было больше, чѣмъ увѣчныхъ. Неполнота матеріала не даетъ возможности изслѣдовать этотъ важный вопросъ съ надлежащей полнотой и освѣтить его всесторонне. Тѣмъ не менѣе и имѣющійся у насъ матеріалъ представляетъ нѣкоторый интересъ. Травматическія поврежденія на многихъ фабрикахъ занимаютъ довольно видное мѣсто среди остальныхъ болѣзней рабочихъ. Такъ, на сахарныхъ заводахъ подольской и кievской губерній въ больницахъ лежало отъ 17 до 20%; то же самое замѣчалось и на привислянскихъ заводахъ. Уже самый фактъ больничнаго леченія заставляетъ предполагать, что большая часть этихъ поврежденій относится къ болѣе или менѣе опаснымъ, лишаящимъ пострадавшаго на нѣсколько дней способности въ работѣ. И дѣйствительно, 26% получили ожоги паромъ или горячими жидкостями, около 32% пострадали отъ машинъ, и остальные—отъ паденія ²⁾. По г. Святловскому, пораненія на сахарныхъ заводахъ харьковской губерніи также отличаются тяжелымъ характеромъ, особенно ожоги паромъ и горячей водой ³⁾. На томашевскихъ суконныхъ фабрикахъ травматическія поврежденія составляютъ 12% всѣхъ заболѣваній.

Всѣ данныя о травматическихъ поврежденіяхъ ясно указываютъ на зависимость ихъ отъ рода работъ. Всякое производ-

¹⁾ Цыфир. по Святловскому. В. Общ. Гиг. 1894, 7 кн., стр. 25.

²⁾ Сулима. О состояніи мед.-сан. части въ свеклосах. зав. подольск. губ. за 1894 годъ, стр. 85.

³⁾ Святловскій. Фабр. рабочій, гл. VI.

ство имѣть тѣ или инныя машины или механизмы, производящіе пораненія и увѣчья при плохомъ огражденіи, невнимательности и пр. Такъ, на гусевской фабрикѣ рабочіе разныхъ производствъ различно страдаютъ отъ пораненій. Для всѣхъ рабочихъ процентъ поврежденій составляетъ 1,8% всѣхъ; для рабочихъ хрустальной фабрики—2,4%; работающихъ на торфѣ—1,3%; чернорабочихъ—6,4%. Если сравнить число поврежденій каждой группы рабочихъ съ общимъ числомъ поврежденій, то окажется, что 63,3% получены работающими при машинахъ, 10%—на хрустальной фабрикѣ, 22%—чернорабочими и 4,4%—работающими на торфѣ.

Большой процентъ увѣчий у работающихъ при машинахъ ясно говоритъ за то, что онѣ плохо ограждены или не ограждены совсѣмъ. И дѣйствительно, если посмотримъ, какими частями машинъ произведены поврежденія, то увидимъ слѣдующую картину фабричныхъ порядковъ. Оказывается, что 39% поврежденій причинены частями двигательныхъ механизмовъ, 25%—частями ткацкого станка, около 16%—мюльной машиной, затѣмъ работами въ слесарной, кузницѣ, литейной и на кардъ-машинѣ. Если даже выкинуть отсюда поврежденія въ слесарной, кузницѣ и литейной, такъ какъ ихъ трудно бываетъ избѣжать, то все-таки получимъ 58% всѣхъ поврежденій, совершенно лишнихъ и происшедшихъ вслѣдствіе недостаточнаго огражденія машинъ ¹⁾. На жирардовскихъ мануфактурахъ на машины пришлось 93,4% всѣхъ поврежденій, а остальные произошли или внѣ фабрики, или отъ другихъ причинъ. Изъ числа этихъ поврежденій половина могла быть устранена настойчивостью администраціи, усиленіемъ надзора и надлежащимъ выясненіемъ рабочимъ опасности, сопряженной съ извѣстной работой ¹⁾.

Фабричная администрація очень любитъ объяснять причины несчастій неосторожностью рабочихъ, ихъ легкомысліемъ и проч., но довѣрять ей нужно съ большой осторожностью. Хотя вопросъ о причинахъ несчастій у насъ мало изслѣдованъ, но все-таки есть кое-какія данныя, косвенно указывающія на нихъ. Такъ, напримѣръ, д-ръ Бертенсонъ, изслѣдовавшій металлургическіе заводы на Уралѣ и въ царствѣ польскомъ, нашелъ большинство заведеній крайне тѣсными, а огражденіе машинъ—никуда негоднымъ. На одномъ громадномъ заводѣ, вырабатывавшемъ въ годъ болѣе 1½ милл. пудовъ чугуна и стали, не только

¹⁾ Самарскій Вѣстн. 1897 г., № 55.

²⁾ Святловскій. Фабричный рабочий, стр. 158—9.

не было новыхъ усовершенствованныхъ приборовъ и приспособленій по огражденію здоровья рабочихъ, но даже не соблюдались существующія требованія закона. Понятно, что на болѣе мелкихъ заводахъ положеніе дѣлъ еще хуже. Вездѣ изслѣдователь встрѣчалъ полное отсутствіе предохранительныхъ мѣръ по части предупрежденія несчастій и даже нежеланіе предупредить рабочихъ насчетъ опасностей исполняемыхъ ими работъ. Такими же точно порядками отличается и большинство нашихъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ. Очень часто на этихъ заводахъ не существуетъ огражденій многихъ опасныхъ машинъ, въ родѣ рѣзущихъ металлъ, прокаточныхъ и др. А между тѣмъ огражденіе не только возможно, но даже и весьма просто. Возьмемъ, напр., прокатные вальки, употребляемые въ массѣ производствѣ и отличающіеся сотнями приспособленій. Несмотря на крайнее разнообразіе, эти машины одинаково часто грозятъ пальцамъ, а иногда и всей рукѣ рабочаго. При этомъ для устраненія несчастій недостаточно даже внимательности, а обязательно нужны огражденія. За границей въ настоящее время изобрѣтено много простыхъ приборовъ, которые пропускаютъ предметъ между вальками, но задерживаютъ пальцы и руку работника. Насколько полезны эти приспособленія, показываютъ вычисленія швейцарскаго инженера Шуллера, показавшаго, что при ихъ примѣненіи изъ двадцати случаевъ несчастій на валькахъ не было бы 17-ти ¹⁾. На нашихъ заводахъ такой защиты не существуетъ, хотя завести ее крайне легко и дешево. Вообще въ русскомъ заводничамъ вполне примѣнимы слова бельгійскаго инженера Готтрана: „если примѣненіе простыхъ устройствъ для предохраненія рабочихъ отъ опасностей, которымъ они ежеминутно подвергаются, до сихъ поръ не находитъ себѣ большого примѣненія, то причины этого лежатъ въ рутинѣ и косности владѣльцевъ промышленныхъ заведеній“ ²⁾.

Наше фабричное законодательство въ дѣлѣ огражденія рабочаго отъ несчастныхъ случаевъ поставлено крайне нераціонально. Въ сущности говоря, оно почти совершенно не ограждаетъ рабочаго, по крайней мѣрѣ внѣ желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ предпріятій. Всѣ другія промышленныя предпріятія подведены подъ общіе гражданскіе законы, возлагающіе отвѣтственность за причиненный вредъ и убытки. При этомъ рабочий долженъ доказать, что несчастье произошло по винѣ предпри-

¹⁾ Святловскій. Вѣстн. Общ. Гиг. 1894, 8 кн., стр. 33—4.

²⁾ Gottrand. La prévention des accidents du travail dans les usines. Rev. univers. des mines.

нимателя. Все это сильно затрудняетъ для рабочаго возможность получить вознагражденіе за увѣчье, тѣмъ болѣе, что и размѣръ его не установленъ. Въ настоящее время предполагается измѣнить этотъ законъ, и министерство финансовъ даже составило особый проектъ спеціального закона объ отвѣтственности предпринимателей за несчастія съ рабочими. По новому проекту прежде всего измѣнена система представленія доказательствъ, т.-е. доказывать свою невиновность долженъ предприниматель, а не рабочій. Владѣльцы промышленныхъ заведеній и другихъ предприятий освобождаются отъ отвѣтственности только тогда, когда докажутъ, что причиной несчастія было: 1) непреодолимая сила; 2) проступокъ посторонняго предпріятію лица; 3) умыселъ или вина пострадавшаго. Въ проектѣ также опредѣляется и размѣръ вознагражденія, причемъ въ случаѣ смерти рабочаго пенсія можетъ равняться 60% платы.

Однако этотъ проектъ пока не сдѣлался закономъ, и потому болѣе интереснымъ и важнымъ является предполагаемое страхованіе рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, уже примѣняемое на нѣкоторыхъ заводахъ. Вопросъ этотъ обсуждался на нижегородскомъ промышленномъ съѣздѣ, сдѣлавшемъ слѣдующее постановленіе: „По подробномъ обобужденіи вопроса о томъ, которая изъ двухъ системъ обезпеченія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, т.-е. страхованіе рабочихъ—или изданіе особаго закона объ имущественной отвѣтственности предпринимателей за тѣлесныя поврежденія и смерть рабочихъ, должна быть признана наиболѣе совершенною, съѣздъ пришелъ къ заключенію, что таковой должно быть признано страхованіе рабочихъ. Обращаясь засимъ въ предложеніямъ объ осуществленіи этой системы, съѣздъ призналъ, что съ точки зрѣнія интересовъ, какъ рабочихъ, такъ и нанимателей, наилучшею формою обезпеченія участи рабочихъ (и ихъ семействъ), утрачивающихъ по тѣмъ или инымъ причинамъ способность къ труду и снискиванію себѣ или своей семьѣ пропитанія, представляется такое обязательное страхованіе рабочихъ, которое не преслѣдовало бы коммерческихъ выгодъ и потому находилось бы въ непосредственномъ вѣдѣніи правительства, и что заботы объ обезпеченіи участи увѣчныхъ, больныхъ и дряхлыхъ рабочихъ должны имѣть въ виду не только исключительно фабрично-заводскихъ рабочихъ, но по возможности и рабочихъ, занятыхъ въ другихъ отрасляхъ промышленной дѣятельности“¹⁾.

¹⁾ Цитир. по Русск. Бог. 1896, 10 кн., стр. 185—6.

Нечего, конечно, доказывать, что введеніе обязательнаго государственнаго страхованія рабочихъ было бы наиболѣе цѣлесообразной мѣрой для огражденія рабочихъ. Хотя наши промышленники сильно возстаютъ противъ новыхъ расходовъ, связанныхъ съ обязательнымъ страхованіемъ, но ихъ жалобы совершенно неосновательны. Большинство несчастій является результатомъ тѣхъ ненормальныхъ условий, которыя существуютъ на фабрикахъ. Такъ называемая „собственная неосторожность“ рабочихъ въ большинствѣ случаевъ вызвана тѣми же тяжелыми условиями работы. Такъ, продолжительная работа отражается на числѣ несчастій потому, что утомленному рабочему легче попасть въ машину, упасть и пр. На фабрикахъ привислинскаго края число несчастныхъ случаевъ до обѣда составляло 37%; послѣ обѣда—51%, ночью—12%. На томашевскихъ суконныхъ фабрикахъ число несчастныхъ случаевъ до обѣда равнялось 23,5%; послѣ обѣда—60%, ночью—7,3%; неизвѣстно когда—8,4%¹⁾. Данные о несчастныхъ случаяхъ на западно-европейскихъ фабрикахъ говорятъ точно такъ же о зависимости ихъ отъ дней и часовъ дня. Въ Германіи 6% несчастныхъ случаевъ произошло между 6 и 7 часами утра; 11% между 7—8 часами, 12% между 8—9 ч.; 15% между 9—10 ч.; 23% между 10—11 ч., и 23% между 11—12 ч. дня. Очевидно, число несчастій увеличивается съ утомленіемъ отъ работы и достигаетъ максимума между 10—12 ч., т.-е. послѣ 4-часовой работы. Послѣ обѣда число несчастныхъ случаевъ опять постепенно увеличивается до чая, а затѣмъ послѣ чая до конца работы²⁾.

На многихъ фабрикахъ, благодаря тому, что недостаетъ времени для чистки машинъ и послѣднія не останавливаются, рабочіе принуждены чистить ихъ на ходу, и нерѣдко получаютъ увѣчья. Святловскій говоритъ, что число несчастій въ субботу въ 2—3 раза превышаетъ такое число ихъ въ другіе дни недѣли и составляетъ почти треть (31%) всѣхъ несчастій³⁾. Въ Англіи точно также несчастія чаще случаются въ концѣ недѣли, въ пятницу или въ субботу, что объясняется чисткой въ эти дни машинъ и при томъ на ходу.

Въ нашихъ свѣдѣніяхъ ничего не говорится о вліяніи времени года на количество несчастій, но есть данныя о вліяніи возраста. Принято вообще думать, что менѣе опытные, т.-е. молодые рабочіе, больше подвергаются несчастіямъ, чѣмъ старые.

¹⁾ Стерлингъ. Цитир. соч., В. Общ. Гиг. 1895, 12.

²⁾ Никольскій. Сан. очеркъ Мед. Бес. 1896 г., № 1.

³⁾ Святловскій. Фабр. раб., стр. 245.

Лайэ утверждаетъ, что на долю малолѣтнихъ приходится 41%, на 15—25-лѣтнихъ 36,4%, на долю 25—40-лѣтнихъ 13,1% и стариковъ—9,5%. То же самое почти выходитъ и по даннымъ о гусевской мануфактурѣ, а именно: на долю 10—20-лѣтнихъ пришлось почти 43% всѣхъ поврежденныхъ, на долю 20—30 лѣтнихъ—25% и т. д. Такимъ образомъ, болѣе $\frac{2}{3}$ поврежденныхъ приходится на самую здоровую и молодую часть рабочихъ, что уже одно заставляетъ требовать лучшаго огражденія машинъ.

Этихъ данныхъ слишкомъ недостаточно, чтобы дѣлать изъ нихъ несомнѣнные выводы о связи возраста съ опасностью поврежденныхъ, тѣмъ болѣе, что эта зависимость оспаривается нѣкоторыми изслѣдователями. Такъ, г. Святловскій ставитъ ее въ связь съ количествомъ дѣтей и стариковъ на фабрикахъ и заводахъ, хотя приводитъ слишкомъ мало доказательствъ. Скорѣе можно предположить, что здѣсь имѣетъ вліяніе малое знакомство съ машинами. По крайней мѣрѣ на гусевской фабрикѣ чѣмъ опытнѣе былъ рабочій, т. е. чѣмъ больше онъ работалъ на фабрикѣ, тѣмъ рѣже получалъ поврежденія—и наоборотъ. Работавшіе отъ 1 мѣсяца до 1 года получили 29,6% всѣхъ поврежденныхъ; работавшіе отъ 1 до 5 лѣтъ—22%; отъ 5 до 10 лѣтъ—17% и т. д. Работавшіе отъ 1 мѣсяца до 1 года получили въ три раза больше поврежденныхъ, чѣмъ работавшіе 20—30 лѣтъ. Къ сожалѣнію, данныхъ по другимъ заводамъ нѣтъ, и потому этотъ вопросъ остается не вполне выясненнымъ.

IV.

Ненормальные и часто вредныя условія работы въ различныхъ отрасляхъ промышленности, описанныя выше, заставляютъ обратить на нихъ большее вниманіе, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ. Въ данномъ случаѣ, по справедливымъ словамъ Солсбери, „дѣло идетъ не о политикѣ или философій, а объ общественномъ здоровьѣ“. Наше фабричное законодательство или совершенно игнорировало этотъ вопросъ, или было настолько неопредѣленно, что промышленникъ при желаніи (а когда его нѣтъ!) могъ прекрасно его обходить. Напримѣръ, на практикѣ массу недоразумѣній породила та неопредѣленность понятій: „фабрика“ и „заводъ“, которая встрѣчается въ фабричномъ законѣ. Во время изданія правилъ этому вопросу не придавалось большого значенія, а между тѣмъ практика показала, что многіе фабриканты пользуются этой неопредѣленностью для обхода закона. Они нерѣдко заставляютъ работать у себя малолѣтнихъ, хотя бы по закону

нихъ производства относились къ числу тѣхъ вредныхъ производствъ, на которыхъ работа малолѣтнихъ воспрещена. Съ другой стороны, и самый списокъ вредныхъ производствъ значительно устарѣлъ и требуетъ пересмотра и дополненія.

Между прочимъ, на послѣднемъ профессиональномъ съѣздѣ фабричный инспекторъ Рыковскій указалъ на тѣ обходы, которые практикуютъ фабриканты относительно малолѣтнихъ рабочихъ. Напримѣръ, примѣненіе на основаніи § 5 правилъ, непрерывнаго 6-часового труда для малолѣтнихъ рабочихъ привело только къ увеличенію среди нихъ заболѣваній. Малолѣтній рабочий, являясь на фабрику въ 5—5½ ч. утра, не можетъ обойтись безъ пищи въ теченіе шести часовъ непрерывной работы. Въ виду этого имъ приходится ѣсть урывками, во время хода опасныхъ машинъ, т.-е. одной рукой работать, а другой держать завтракъ; или же они должны бросаться нѣсколько разъ отъ машины къ завтраку и отъ завтрака къ машинѣ. Такое снѣжное и неправильное принятіе пищи въ пыльныхъ фабричныхъ залахъ порождаетъ среди нихъ массу желудочныхъ заболѣваній, лишніа увѣчья, которыхъ не было бы при нормальной, внимательной и не столь продолжительной работѣ, и служатъ для фабрикантовъ предлогомъ къ удлиненію 6-часовой непрерывной работы до 7-часовой. Въ данномъ случаѣ они всегда могутъ оправдаться тѣмъ, что малолѣтніе во время работы тратили время на ѣду, и что непрерывная 6-часовая работа превратилась въ прерывную, могущую продолжаться 8 часовъ ¹⁾.

Всѣ такіа неясности закона должны быть уничтожены и фабричное законодательство улучшено, сообразно съ требованіями науки и справедливости. Прежде всего, конечно, долженъ быть уменьшенъ рабочий день и уничтожена ночная работа и работа малолѣтнихъ. Въ этомъ отношеніи уже имѣются строго определенныя требованія, выраженныя въ слѣдующихъ тезисахъ: 1) максимальный рабочий день для взрослыхъ въ восемь часовъ; 2) воспрещеніе работы дѣтей моложе 14 лѣтъ на фабрикахъ; 3) уничтоженіе 8-часовой прерывной работы для подростковъ и установленіе 6-часовой; 4) воспрещеніе ночной работы для тѣхъ производствъ, въ которыхъ это возможно; 5) воспрещеніе ночныхъ работъ для женщинъ и подростковъ; 6) воспрещеніе работъ женщинъ на вредныхъ для нихъ производствахъ; 7) учрежденіе лучшаго надзора за примѣненіемъ фабричнаго закона. Всѣ эти требованія давно уже выставлены на Западѣ и большин-

¹⁾ Труды I отд. съѣзда русск. дѣят. по технич. образов., стр. 94.

ствомъ признаются какъ справедливыя и возможныя для исполненія. Для Россіи они такъ же безусловно необходимы и примѣнимы; съ нихъ-то и слѣдуетъ начать реформу нашего отсталого фабричнаго законодательства.

Но кромѣ введенія этихъ требованій необходимо также улучшить и исправить существующія у насъ правила объ открытіи промышленныхъ заведеній и надзорѣ за производствомъ въ нихъ работъ. Недостатки существующихъ правилъ сознаны уже давно, и еще въ 1894 году особая ольхинская коммиссія приступила къ выработкѣ „проекта положенія объ устройствѣ и содержаніи промышленныхъ заведеній и складовъ и надзорѣ за производствомъ въ нихъ работъ“. Эта коммиссія въ 1896 году опубликовала свои труды и новый проектъ правилъ, представляющій весьма интересное знаменіе времени. По этому проекту всѣ заведенія, въ томъ числѣ и ремесленныя, дѣлятся на невредныя для здоровья и вредныя; для первыхъ разрѣшеніе дается фабричнымъ инспекторомъ, которому подается только заявленіе объ открытіи; для вторыхъ же требуется разрѣшеніе губернскаго фабричнаго присутствія.

При бѣгломъ чтеніи можетъ показаться, что новый проектъ ограждаетъ не только интересы промышленности, но и интересы рабочихъ. Такъ, всѣ заведенія, представляющія опасность для здоровья окрестнаго населенія или рабочихъ, а также причиняющія безповойство сосѣднимъ жителямъ, открываются лишь послѣ согласія губернскаго фабричнаго присутствія и при условіи введенія обязательныхъ приспособленій для огражденія рабочихъ отъ несчастій. При этомъ передъ открытіемъ такого заведенія уведомляются всѣ общественныя учрежденія и населеніе, причемъ они могутъ въ мѣсячный срокъ заявить о вредѣ для нихъ новаго заведенія. Совѣтъ по дѣламъ промышленности составляетъ, измѣняетъ и дополняетъ общій списокъ вредныхъ заведеній; издаетъ правила объ охраненіи здоровья рабочихъ, объ организаціи медицинской помощи и руководитъ мѣстными присутствіями. Такимъ образомъ, новый проектъ является повидимому весьма широкимъ и захватывающимъ большую часть фабрично санитарныхъ вопросовъ. Но въ дѣйствительности значеніе его сильно уменьшится, если посмотрѣть на него болѣе детально и показать, какъ онъ будетъ примѣняться на практикѣ. Сначала рассмотримъ исторію этого проекта и тѣ вліянія, подѣ которыми онъ выработывался.

Прежде всего нужно отмѣтить тотъ фактъ, что кромѣ чинов-

никовъ въ этой комиссіи постоянно засѣдали свѣдущіе фабриканты, тогда какъ другія свѣдущія лица, въ родѣ гг. Эрисмана, Погожева, были приглашены всего одинъ разъ. Такой составъ комиссіи не могъ не отразиться на новомъ проектѣ, и онъ дѣйствительно носитъ на себѣ явные слѣды преобладающаго вліянія крупныхъ фабрикантовъ. Во время преній гг. крупные торгово-промышленники настолько ясно выставили свое *profession de foi*, что съ нимъ необходимо познакомиться болѣе подробно, тѣмъ болѣе, что комиссія сообразовала свой проектъ главнымъ образомъ съ ихъ желаніями.

Жалобы заводчиковъ и фабрикантовъ на стѣснительность существующихъ правилъ открытія промышленныхъ заведеній начались уже давно, и, конечно, на первый планъ выставлялся пресловутый вопросъ о „стѣснительности ихъ для развитія промышленности“. Уже нѣсколько лѣтъ фабриканты вопіютъ о ненормальной системѣ дѣйствующаго теперь порядка изданія мѣстныхъ обязательныхъ постановленій по фабричной санитаріи и энергично добиваются его измѣненія. По этому вопросу годъ тому назадъ московскимъ отдѣломъ общества для содѣйствія русской промышленности и торговли была подана особая записка, подробно излагавшая всѣ недостатки существующихъ правилъ.

Главнымъ недостаткомъ ихъ признавалась неопредѣленность, разнообразіе и нерѣдко произвольность требованій, предъявляемыхъ къ заводчикамъ при открытіи заведеній. Другимъ недостаткомъ осталась некомпетентность фабричныхъ присутствій въ разработкѣ техническихъ вопросовъ. Даже техники, по словамъ московскихъ фабрикантовъ, не обладаютъ достаточной „практической опытностью“, что, конечно, уже есть не больше какъ *pop-sens*.

Основываясь, очевидно, на своей опытности, московскіе фабриканты *de facto* добились того, что мѣстныя постановленія фабричныхъ присутствій на практикѣ почти не примѣняются. Такъ, московское присутствіе за первые восемь лѣтъ своего существованія не издало никакихъ постановленій; большинство же приступило къ изданію только въ 1892 году. Правила, составленные ими, не отличаются ни полнотой, ни точной формулировкой требованій. Вообще, какъ вѣрно выразились сами фабриканты въ вышеупомянутой докладной запискѣ, существующій способъ изданія обязательныхъ правилъ „не отличается быстротой“ ¹⁾.

¹⁾ Погожевъ. Дѣйствительный порядокъ изд. обязательныхъ постановленій по фабрич. санитар., *Общ.-сан. обозр.* 1896, 14, стр. 316.

Понятно, что промышленники, призванные обсуждать новый проект, постарались по возможности отгнать стѣснительность существующихъ правилъ, получивъ кромѣ того помощь со стороны нѣкоторыхъ представителей фабричной инспекціи. Такъ какъ въ совѣщаніяхъ участвовали исключительно представители крупной промышленности, то они главнымъ образомъ и выступали съ тирадами о стѣснительности для торговли существующаго порядка по изданію обязательныхъ правилъ и необходимости лишить земства, думы и фабричныя присутствія права издавать обязательныя постановленія. Въ своихъ рѣчахъ они главнымъ образомъ указывали на различіе въ дѣятельности существующихъ учреждений и на неопредѣленность издаваемыхъ правилъ. Въ этомъ отношеніи крайне любопытно засѣданіе коммиссіи 1 мая 1893 года, такъ какъ на немъ представители нашей буржуазіи вполне проявили свою „практическую опытность“, свои аппетиты и свободу отъ наукъ.

Одинъ изъ крупныхъ московскихъ фабрикантовъ крайне сожалѣлъ, что городское и земское управленія пользуются правомъ издавать обязательныя постановленія по санитарной части, хотя заботы о здоровьѣ рабочихъ „переданы въ вѣдѣніе фабричныхъ присутствій“. Это тѣмъ болѣе неправильно, что въ такихъ обязательныхъ постановленіяхъ „все сваливается въ одну кучу: и вопросы санитарные, и техническіе, и экономическіе“. И все это, продолжалъ фабрикантъ, „прикрывается требованіями санитарной науки, которыя между тѣмъ оказываются очень измѣнчивыми: сегодня выставляются одни, завтра—другія“. Такъ, на примѣръ, московское земство, руководясь санитарными требованіями, отмѣняетъ одно постановленіе и издаетъ прямо противоположное, которое должно повести къ перестройкѣ нѣсколькихъ фабрикъ. Оно требуетъ, чтобы въ рабочемъ помѣщеніи не было сплошныхъ наръ, но извѣстно, что „существуютъ фабрики, гдѣ рабочіе спятъ на самыхъ станкахъ“; затѣмъ требуется проходъ между койками не менѣе аршина, благодаря чему цѣлая треть рабочихъ должна быть выброшена изъ нынѣшнихъ помѣщеній. Хотя фабриканты и опротестовали это постановленіе, но вѣд протестъ, можетъ быть, и не достигнетъ цѣли.

Но г. фабрикантъ въ своихъ обвиненіяхъ не останавливается на этомъ, а идетъ дальше и окончательно приходитъ въ ужасъ отъ необузданности земства. Оказывается, что земство издало такое постановленіе, въ силу котораго „нельзя спускать съ фабрики воду не только въ рѣки, но и въ овраги, и чуть ли не всякій житель обязанъ свои нечистоты удалять и дезинфициро-

вать, — требованіе прямо невозможное, но „я, — прибавляетъ скромно заводчикъ, — не считаю себя компетентнымъ, чтобы подробно его опровергать“. Такимъ образомъ, огражденіе почвы отъ загрязненія и удаленіе нечистотъ кажется г. фабриканту чѣмъ-то невѣроятнымъ, и, очевидно, только его скромность мѣшаетъ ему разнести такое требованіе въ пухъ и прахъ.

По его же мнѣнію, загрязненіе рѣкъ отбросами не причиняетъ вреда обывателямъ, да и вообще вредъ отъ промышленныхъ заведеній значительно преувеличенъ. Въ доказательство этого онъ приводитъ слѣдующія положенія: 1) существующее относительно порчи фабриками рѣкъ представленіе страдаетъ преувеличеніями; на самомъ дѣлѣ фабрики не особенно загрязняютъ рѣки; 2) интересы фабрикантовъ должны стоять выше удобствъ ближайшихъ жителей, интересовъ рыбопромышленности и т. п.; 3) у насъ такихъ производствъ, по сосѣдству съ которыми пропадала бы растительность, „совсѣмъ мало и, можно сказать, они даже почти совсѣмъ неизвѣстны“, а жалобы жителей на сосѣдство химическихъ заводовъ происходятъ отъ желанія „окрасить свои крыши“ за счетъ фабриканта; 4) шумъ и безпокойство отъ фабрикъ, котловъ, паровыхъ молотовъ и проч. — „дѣло привычки“ и равносильно звону колоколовъ въ заутрени „для непривыкшихъ лицъ“ и т. д. ¹⁾. Этотъ ораторъ не остался, конечно, безъ поддержки, и его слова со всѣхъ сторонъ были подтверждены такими же „практически-опытными“ людьми. Одинъ изъ петербургскихъ писчебумажныхъ фабрикантовъ защищалъ безвредность спуска въ Неву ежедневно около 2 тыс. ведеръ всякихъ нечистотъ, отбросовъ и грязныхъ водъ, и жаловался на невозможность исполнить предъявленное къ нему требованіе дезинфицировать привозимое къ нему тряпье. Затѣмъ, онъ же доказывалъ „невозможность ежедневно мыть полы, стѣны и очищать воздухъ“, благодаря большой величинѣ зданій и тому, что такое требованіе повело бы лишь къ усиленію заразы, ибо „если мыть полъ горячей водой и она будетъ попадать въ щели, то опасность зараженія увеличится“. Другой фабрикантъ былъ крайне недоволенъ тѣмъ, что земство „предъявило требованіе, чтобы устроенъ былъ фильтръ и еще Богъ знаетъ что такое“. Конечно, такія требованія земства „трудно выполнимы на практикѣ, но еще большее затрудненіе встрѣчается въ тѣхъ случаяхъ, когда вы не можете точно узнать, что же собственно обязаны вы сдѣлать, а вамъ просто говорить — очистите воду и

¹⁾ Ibid., стр. 317—18.

только". Очевидно, что этотъ заводчикъ требуетъ подробнаго разъясненія своихъ обязанностей, такъ какъ имѣетъ о нихъ смутное представленіе и даже говоритъ что-то непонятное: „Богъ его знаетъ, что такое“!

Противъ права земства издавать обязательныя постановленія высказались даже владимірскіе фабриканты, давно уже ведущіе съ нимъ войну и протестующіе почти противъ каждаго постановленія. Эта борьба началась еще въ самомъ началѣ изданія закона 1886 года, и о ней стѣдуетъ сказать нѣсколько словъ. Когда фабричное присутствіе задумало издать обязательныя постановленія объ огражденіи машинъ, то для выработки проекта пригласило фабричныхъ инспекторовъ и восемь директоровъ по различнымъ отраслямъ промышленности. На приглашеніе отозвалось всего трое, но когда правила начали примѣняться, то многіе фабриканты стали жаловаться министру финансовъ на ихъ „полную непригодность и непримѣнимость въ дѣлу“. По распоряженію министра финансовъ для пересмотра этихъ правилъ устроено было особое засѣданіе фабричнаго присутствія съ участіемъ директоровъ фабрикъ и представителей отъ фабрикантовъ. Однако, существенныхъ поправокъ сдѣлано не было, а все дѣло ограничилось редакціонными поправками, послѣ чего фабриканты уже не жаловались.

Почти такая же исторія повторилась съ постановленіемъ фабричнаго присутствія, касающимся санитарной обстановки фабрикъ и медицинской помощи рабочимъ. Въ эти постановленія вошли правила, составленныя губернскимъ земскимъ собраніемъ 1892 года и утвержденныя губернаторомъ, но фабриканты возстали противъ нихъ лишь тогда, когда они были изданы, какъ обязательныя. Они успѣшили обжаловать ихъ фабричному присутствію, но послѣднее, не считая возможнымъ собственною властью измѣнять постановленіе земства, утвержденное губернаторомъ, предложило имъ обратиться въ земское собраніе. Фабриканты не преминули, конечно, поднять крики о стѣснительности новыхъ правилъ и своей безпомощности въ борьбѣ съ земствомъ, но въ концѣ концовъ должны были исполнить эти правила ¹⁾.

Очевидно, что наши фабриканты уже давно борются за свои интересы и отстаиваютъ ихъ довольно успѣшно. Одинъ изъ фабрикантовъ, защищая необходимость свободы для промышленности, даже сослался на заявленіе московскаго головы временъ Закрев-

¹⁾ А. Никулинъ. Очерки изъ исторіи примѣненія закона 1886 года, стр. 48—51.

скаго, который, поддерживая въ Петербургѣ московскихъ фабрикантовъ и прося „заставить мѣстную власть умѣрить свое рвеніе“, угрожалъ тѣмъ, что въ противномъ случаѣ Москва опустѣетъ и останутся только „попъ, холопъ и подъячій“¹⁾. Такимъ образомъ, ссылка на паденіе промышленности есть очень давнее изобрѣтеніе и практиковалась нашими фабрикантами много лѣтъ тому назадъ.

Сторону фабрикантовъ въ комиссіи приняли также и нѣкоторые представители интеллигенціи. Такъ, бывшій окружной фабричный инспекторъ московской губерніи, г. Никитинскій, заявилъ, что „фабрики и заводы терпятъ различныя неудобства не столько при своемъ основаніи и открытіи, сколько при своемъ дальнѣйшемъ существованіи“. Неудобства же эти обусловливаются тѣмъ, что различныя власти издають совершенно различныя обязательныя постановленія. Благодаря тому, что эти постановленія не согласованы между собою, между ними встрѣчаются разногласія и противорѣчія, порождающія недоразумѣнія. Для улучшенія дѣла г. Никитинскій требовалъ установленія одной власти, которая могла бы издавать обязательныя постановленія²⁾. Одинъ изъ техниковъ, графъ Сюзоръ, указывалъ на то, что земскія и думскія постановленія имѣютъ совершенно случайный и неопредѣленный характеръ. Сопоставляя всѣ постановленія земства, можно найти въ нихъ полную разнородность: въ одномъ уѣздѣ разрѣшается то, что въ другомъ запрещено и наоборотъ; то же самое и въ городахъ³⁾.

Нѣкоторыя изъ заявленій фабрикантовъ справедливы, и многіе недостатки дѣйствующихъ правилъ дѣйствительно существуютъ и требуютъ измѣненія, но во всякомъ случаѣ не такого, какого добиваются фабриканты. Нельзя прежде всего не отмѣтить крайняго преувеличенія въ обвиненіяхъ земства и думъ. Изъ свода мѣстныхъ обязательныхъ постановленій по 244 пунктамъ Россіи можно сдѣлать слѣдующіе выводы: 1) земско-думскія обязательныя постановленія обнаруживали разногласіе между собою только въ началѣ ихъ развитія, но въ послѣднее время всюду представляютъ повтореніе почти однихъ и тѣхъ же легко выполнимыхъ требованій и нормъ, сообразно съ особенностями мѣстной промышленности; 2) прежніе недостатки фабричныхъ присутствій обусловливались неполнотою фабричнаго законодательства и плохимъ ихъ составомъ; 3) изданіе обязательныхъ мѣстныхъ

¹⁾ Труды ольхинской комиссіи. Т. I, стр. 56.

²⁾ Ibid., стр. 76.

³⁾ Ibid., стр. 20.

правиль является менѣе стѣснительнымъ для промышленниковъ средствомъ выясненія задачъ государственнаго законодательства по охранѣ здоровья и жизни рабочихъ. Въ силу этого нужно согласиться съ предложеніемъ Пироговскаго съѣзда врачей въ Кіевѣ—ходатайствовать о расширеніи правъ земствъ и городовъ издавать обязательныя санитарныя постановленія ¹⁾. За предоставленіе земствамъ и городамъ права издавать и дополнять обязательныя постановленія стоялъ между прочимъ московскій губернаторъ, по мнѣнію котораго подробная регламентація въ самомъ законѣ нежелательна, такъ какъ „техника быстро развивается, условія производства видоизмѣняются и потому регламентація могла бы представить нѣкоторыя неудобства“ ²⁾.

Сильныя нападки на существующія правила со стороны большинства комиссіи привели къ тому, что въ новомъ проектѣ сдѣланы большія уступки въ пользу фабрикантовъ и при томъ исключительно крупныхъ. Такъ самый порядокъ открытія заведеній является выгоднымъ лишь для большихъ заведеній, но весьма стѣснителенъ для мелкихъ и среднихъ. Явочный порядокъ открытія заведеній, по мнѣнію гг. Янжула и Эрисмана, представляетъ массу затрудненій и можетъ даже повести къ матеріальнымъ убыткамъ. Большинство мелкихъ предпринимателей, невѣжественныхъ и необразованныхъ, съ трудомъ будетъ разбираться въ признакахъ вреднаго и безвреднаго производства, и противъ нихъ возникнетъ масса дѣлъ о нарушеніи правилъ. Сосредоточеніе же всѣхъ дѣлъ въ губернскихъ фабричныхъ присутствіяхъ можетъ повлечь лишь къ усиленію той волокиты, на которую жалуются уже въ настоящее время.

Съ другой стороны, новый проектъ предоставилъ фабрикантамъ слишкомъ большую роль въ совѣтѣ и губернскихъ фабричныхъ присутствіяхъ. Совѣтъ будетъ состоять изъ 15 промышленниковъ и 15 чиновниковъ; представители же санитаріи почти совершенно отсутствуютъ, хотя это учрежденіе является высшей инстанціей по всѣмъ санитарно-техническимъ вопросамъ, касающимся фабрично-заводской промышленности. Отсутствуютъ также представители городовъ и земствъ, хотя они болѣе другихъ заинтересованы въ этомъ дѣлѣ и могли бы принести пользу своими совѣтами.

Благодаря такому составу совѣта, въ немъ будутъ преобладать исключительно купцы, и многіе спеціальныя и важныя во-

¹⁾ А. Погожевъ. Дѣйствующій порядокъ изданія обяз. пост., Общ.-сан. об. 1896, 14, стр. 319—20.

²⁾ Труды комиссіи. Т. I, стр. 38.

просы будутъ рѣшаться главнымъ образомъ на основаніи ихъ „практической опытности“. При отсутствіи нѣсколькихъ санитаровъ, которые могутъ не быть вслѣдствіе служебныхъ обязанностей, едва ли можно ожидать правильнаго разрѣшенія вопросовъ, касающихся здоровья рабочихъ. Для того, чтобы такіе вопросы могли быть рѣшены безпристрастно и правильно, необходимо увеличить число членовъ совѣта врачами-спеціалистами, которые подготовляли бы различные фабрично-санитарные вопросы и давали свое заключеніе. Кромѣ того, необходимо туда ввести представителей земствъ и городовъ, такъ какъ они болѣе заинтересованы въ томъ или иномъ рѣшеніи такихъ вопросовъ, чѣмъ представители различныхъ вѣдомствъ.

Весьма также одностороненъ составъ губернскихъ фабричныхъ присутствій. На этихъ присутствіяхъ лежитъ обязанность разрѣшать многіе санитарные и техническіе вопросы, имѣющіе значеніе для окружающаго населенія, а между тѣмъ, по проекту, въ немъ будетъ одинъ врачъ, одинъ техникъ и два фабричныхъ инспектора. Хотя здѣсь число представителей промышленности равняется только пяти человѣкамъ, т.-е. одной трети всѣхъ, но зато многіе изъ остальныхъ членовъ слишкомъ заняты своими обязанностями, чтобы серьезно работать по дѣламъ присутствія. Небольшое число спеціалистовъ тоже можетъ мѣшать правильному рѣшенію вопросовъ; поэтому составъ присутствій слѣдовало бы увеличить санитарными врачами, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существуетъ санитарный надзоръ. Исторія санитарнаго надзора за фабриками въ такихъ губерніяхъ, какъ московская и владимірская, показала всю ту пользу, которую могутъ принести санитарные врачи, если они независимы и снабжены надлежащими полномочіями. Если во многихъ мѣстностяхъ работа санитарныхъ врачей не принесла существенной пользы, то причины этого нужно искать въ недостаткахъ существующаго фабричнаго закона, лишающаго врачей права вмѣшиваться въ порядки фабрикъ, и въ недостаточномъ числѣ врачей. Кромѣ того, вступивъ, можно сказать, въ неизслѣдованную область, санитарные врачи должны были прежде всего ознакомиться съ окружающими ихъ условіями, и потому принялись за собраніе разнообразныхъ свѣдѣній о фабрикахъ и заводахъ. Съ теченіемъ времени появились и практическія мѣропріятія, принесшія кое-какую пользу. Такъ, напримѣръ, въ курской губерніи, подъ вліяніемъ обязательныхъ постановленій, владѣльцы заводовъ начали улучшать санитарное положеніе своихъ заведеній. Одни изъ нихъ рѣшили перестроить свои заведенія; другіе

расширили помѣщенія для рабочихъ; третьи заводятъ новые порядки, соотвѣтствующіе санитарнымъ требованіямъ. Самыя мастерскія расширились, сдѣлались болѣе высокими и свѣтлыми; большинство подвальныхъ этажей обращается въ склады, а жилища помѣщенія переносятся въ верхніе этажи. Помѣщенія держатся въ чистотѣ, дворы очищаются, рабочіе снабжаются хорошою водою ¹⁾.

Едва ли можно ожидать чего-либо подобнаго при введеніи новыхъ правилъ. Г-нъ Погожевъ, писавшій о нихъ, приходитъ къ заключенію, что новый проектъ „въ самомъ корнѣ нарушаетъ всѣ прежнія начинанія и заботы правительства, общественныхъ учреждений и лучшихъ представителей русской промышленности по охраненію жизни и здоровья рабочихъ. Принятіе таковаго проекта было бы рѣзкимъ шагомъ назадъ ради неправильно понимаемыхъ выгодъ отдѣльныхъ предпринимателей и въ ущербъ развитію отечественной промышленности“ ²⁾. Тѣ шаги впередъ, которые сдѣлала фабричная санитарія въ послѣднее время, будутъ забыты, и санитарная техника вернется къ прежнему положенію.

Помимо преобладающаго вліянія представителей крупнаго капитала, новый проектъ страдаетъ еще крайне неполной организаціей надзора за примѣненіемъ новыхъ правилъ. Весь надзоръ возлагается на фабричную инспекцію и полицію, а мѣстныя учрежденія, частныя лица и рабочіе, жизни которыхъ или здоровью угрожаетъ опасность отъ производства, имѣютъ лишь право жаловаться въ фабричное присутствіе. Но при такомъ положеніи дѣль, какъ вѣрно замѣтили гг. Янжуль и Эрисманъ, „надзоръ не достигнетъ цѣли, ибо онъ является случайнымъ и несистематизированнымъ“. Фабричная инспекція у насъ состоитъ изъ техниковъ, т.-е. лицъ, далеко не всегда компетентныхъ въ вопросахъ гигиены, и потому эти вопросы могутъ ими игнорироваться тѣмъ болѣе, что въ инструкціи инспекторамъ на санитарію обращается очень мало вниманія. Эти вопросы останавливаютъ вниманіе фабричнаго инспектора, такъ сказать, попутно. При той массѣ работы, которая возложена на фабричныхъ инспекторовъ, и недостаточномъ ихъ числѣ—нельзя ожидать дѣйствительно серьезнаго и обстоятельнаго наблюденія за примѣненіемъ новыхъ правилъ.

Такое наблюденіе не будетъ полнымъ даже и при увеличе-

¹⁾ „Новое Время“, 1894 г., № 6629.

²⁾ А. Погожевъ. Дѣйствит. порядокъ, Общ.-сан. об., 1886, 14, стр. 365.

ни числа фабричныхъ инспекторовъ, такъ какъ безъ дѣятельнаго участія общества, печати и санитарныхъ органовъ, имъ невозможно будетъ услѣдить за всѣми нарушениями правилъ и своевременно устранить ихъ. Между тѣмъ, новый проектъ предоставляет (ст. 91, п. 6.) мѣстнымъ общественнымъ учреждениямъ только доводить до свѣдѣнія фабричныхъ инспекторовъ о нарушенияхъ правилъ, но лишаетъ ихъ самостоятельныхъ дѣйствій. Это не только умаляетъ значеніе этихъ учреждений, но въ то же время и лишаетъ фабричную инспекцію серьезныхъ помощниковъ. Какъ бы ни былъ старателенъ фабричный инспекторъ, онъ физически не можетъ все знать и замѣнить общественный контроль. Надѣяться на бдительность полиціи тоже довольно рискованно, особенно въ глухихъ мѣстностяхъ. Поэтому ст. 91 новаго проекта должна быть измѣнена сообразно съ 114 ст. Земскаго Положенія и 113 ст. Городоваго Положенія, которыя представляютъ этимъ учреждениямъ право слѣдить за санитарнымъ благоустройствомъ заведеній и собственно властью прекращать замѣченныя нарушенія.

Мы не будемъ входить въ дальнѣйшее обсужденіе этого проекта, такъ какъ онъ неудовлетворителенъ въ своихъ основныхъ пунктахъ. Мелкіе недочеты и частности хотя и имѣютъ значеніе, но совершенно ступшевываются передъ основнымъ недостаткомъ проекта—преобладаніемъ классовыхъ интересовъ хозяевъ надъ интересами рабочихъ. Пока этотъ главный недостатокъ не будетъ исправленъ, до тѣхъ поръ трудно ожидать серьезнаго огражденія здоровья рабочихъ. А между тѣмъ, описанные выше факты ясно говорятъ за необходимость такого огражденія, ибо безъ него вредныя условія работъ могутъ сильно пошатнуть здоровье рабочихъ и ихъ дѣтей. Такъ какъ здѣсь идетъ вопросъ объ общественномъ здоровьѣ, то надобно надѣяться, что новый проектъ будетъ измѣненъ въ лучшую сторону, а здоровье рабочихъ будетъ защищено съ достаточной полнотой.

И. КЕРЧИКЕРЪ.

БАНКРОТЪ

ПОВѢСТЬ.

I.

Пароходъ летѣлъ быстро; позади него тянулся пѣнистый слѣдъ, надъ нимъ носился и таялъ въ воздухѣ бѣлый дымокъ, а внизу разсѣваемая колесами волны сердито кипѣли, пѣнились и глухо ворчали.

Уже вечерѣло. Послѣ жаркаго дня пріятно повѣяло прохладой, и въ то же время на пароходѣ стало замѣтно нѣкоторое оживленіе.

Публика, соблазненная хорошимъ вечеромъ, расположилась на палубѣ; тамъ-и-сямъ слышались разговоры, смѣхъ, отрывочныя восклицанія.

Григорій Павловичъ Голиневичъ помѣстился въ сторонѣ отъ другихъ. Онъ курилъ и разсѣянно смотрѣлъ на берега рѣки.

По сторонамъ мелькали поля, сады, хижины, заборы, церкви и кладбища, узкія и почти отвѣсно спускавшіяся въ рѣкѣ живописныя тропинки. Въ дорогѣ, особенно когда человекъ одинъ, мысли часто возвращаются къ прошлому. Въ душѣ Григорія Павловича вставали далекія воспоминанія. Картины изъ его собственной жизни то быстро мелькали, то задерживались въ яркомъ освѣщеніи и потомъ смѣнялись одна другой.

Худощавое лицо молодого человека по временамъ хмурилось, тонкія губы нервно складывались въ горькую усмѣшку, острые сѣрые глаза сверкали недобрымъ огнемъ.

Голиневичу вспомнилось его раннее дѣтство. Онъ росъ въ забросѣ, хоть и былъ единственнымъ въ семьѣ ребенкомъ, пока

не родилась сестра Варя. Это случилось, когда ему шель уже шестой годъ. Къ тому времени его отецъ успѣлъ уже спустить всѣ свои наслѣдственные недвижимыя и переселился съ семьей въ губернской городъ Хрѣновскъ, гдѣ и прожигалъ послѣдніе остатки. Отецъ не служилъ, но дѣла у него было по горло. Онъ рыскалъ по городу съ цѣлью гдѣ-нибудь перехватить денегъ, прятался отъ кредиторовъ, угощалъ гостей, придирался къ домашнимъ, выигрывалъ и проигрывалъ въ карты. Мать выѣзжала, принимала у себя и безпрестанно терзалась муками ревности, вѣчно подозрѣвая отца въ измѣнахъ. Имъ обоимъ было не до дѣтей. Малютка Варя сдана была на руки прислуги, и братъ съ малыхъ лѣтъ привыкъ о ней заботиться.

Дѣвочка росла одна, не зная ни дѣтскихъ игръ, ни общества сверстницъ. Съ самаго ранняго дѣтства въ ея характерѣ стала проявляться склонность къ самоуглубленію и мечтательности. Она любила уединяться и могла цѣлыя часы просиживать на одномъ мѣстѣ, о чемъ-то мечтая или раздумывая. По вечерамъ, когда онъ готовилъ уроки, Варя усаживалась около него и сидѣла тихо, какъ взрослая.

Случалось, ея утомленная головка склонялась въ дремотѣ, — тогда онъ бережно бралъ сестренку на руки и уносилъ въ дѣтскую. Иногда онъ испытывалъ къ ней такую жалость, что слезы рвались у него изъ глазъ. Время шло, и его любовь къ сестрѣ росла и превращалась въ какую-то исключительную, почти фантастическую. Живо помнитъ онъ зимніе вечера того года, когда Варя стала бѣгать въ гимназію. Бывало, въ гостиной ведутся веселые, шумные разговоры, а онъ въ сосѣдней комнатѣ зашиваетъ Варинъ башмачокъ или замазываетъ чернилами поблѣвшіе швы ея старенькой шубки. Сколько разъ она жаловалась ему, что ей стыдно въ гимназіи, что она одѣта хуже всѣхъ, что надъ ней смѣются! И однажды, вся взволнованная, она заговорила сдавленнымъ голосомъ: „Отчего, Гриша, намъ такъ плохо? Чѣмъ мы хуже другихъ? Чтѣ мы кому сдѣлали? Вѣдь Богъ все видитъ, все можетъ, такъ пускай же бы взялъ да и сдѣлалъ такъ, чтобъ и намъ было хорошо“!..

Онъ досталъ урокъ. И какъ же онъ былъ счастливъ, когда, сжимая въ рукѣ первую заработанную пятирублевку, побѣждалъ покупать для Вари лакомства и подарка!....

Проходъ далъ короткій тревожный свистокъ.

Григорій Павловичъ вздрогнулъ и выпрямился. Показалась пристань, и въ тотъ же мигъ на нижней палубѣ началась невообразимая сутолока. Стувъ бросаемихъ тяжестей, дѣтскій

визгъ и плачь, крики и брань, толкотня и возгласы, — все перемѣшалось, слилось въ какой-то адскій шумъ. Стояли долго: накачивали нефть, принимали большую партію переселенцевъ. Когда снова тронулись, надвигалась уже ночь. Становилось свѣжо, и пассажиры вскорѣ одинъ за другимъ разбрелись. Григорій Павловичъ остался: ему не хотѣлось ни спать, ни читать.

Было почти совсѣмъ темно. Съ правой сторонѣ чернѣлъ густой лѣсъ; лѣвый берегъ весь потонулъ въ туманной мглѣ; внизу волны все такъ же кипѣли и что-то глухо ворчали. Григорій Павловичъ снова опустился на скамью. Прерванные мысли продолжались, но приняли нѣсколько иное направленіе. Шестъ лѣтъ назадъ онъ въ первый разъ проѣзжалъ по этимъ мѣстамъ, можетъ быть даже на этомъ самомъ пароходѣ. Онъ ѣхалъ тогда въ Петербургъ. Какъ радостно билось у него сердце при первомъ взглядѣ на этотъ заманчивый Петербургъ, сулившій такъ много новаго и хорошаго! Съ какимъ благоговѣніемъ онъ тогда думалъ объ университетѣ, какъ торжественно самъ себя клялся заниматься серьезно, не пропуская ни одной лекціи! Это настроеніе омрачалось тогда только мыслью о повинной сестренцѣ, и въ первые дни разлуки ему все казалось, что не слѣдовало покидать ее. Потомъ онъ нѣсколько успокоился на томъ, что четыре года пройдутъ быстро, а тамъ, поступивъ на службу, онъ тотчасъ же возьметъ Варю къ себѣ.

И онъ мечталъ, какъ устроить ей жизнь, какъ окружить ее довольствомъ, и радовался, что она не будетъ терпѣть лишеній. Хорошо мечтается въ двадцать лѣтъ, но вышло все не такъ, какъ мечталось!..

Въ Петербургѣ онъ очень скоро завертѣлся: послѣ восьми-лѣтняго томленія въ гимназій, веселая кружковая жизнь показалась слишкомъ увлекательной. Въ концѣ года онъ неудачно влюбился и сошелся съ женщиной, доставившей ему цѣлый рядъ безконечныхъ душевныхъ мукъ. Онъ отбился отъ занятій — и годъ пропалъ даромъ. Отецъ послѣшилъ придратъ къ тому, что онъ не перешелъ на второй курсъ, и пересталъ высылать деньги. Онъ голодалъ, хворалъ, проваливался на экзаменахъ и все-таки тянулъ безнадежную лямку изъ-за грошеваго существованія. Въ самыя трудныя минуты его поддерживала мысль, что онъ долженъ жить для сестры. Изъ ея писемъ онъ зналъ, что дома у нихъ дѣла шли все хуже. Отецъ окончательно завязъ въ долгахъ, заскучалъ, сталъ часто прихварывать. Но Григорій Павловичъ не чувствовалъ въ немъ ни малѣйшей жалости. О матери онъ думалъ съ состраданіемъ: эта кроткая женщина, обезличенная

своей покорностью, никогда не имѣла собственной воли. Но отецъ... О, этотъ виновникъ дней! Именно виновникъ: навязалъ жизнь и бросилъ на произволь! Вытолкулъ въ эту жизнь безъ матеріальной и нравственной поддержки. Ступай, изворачивайся, какъ самъ знаешь!.. И у такихъ, вотъ, отцовъ еще хватаетъ духу предъявлять дѣтямъ какія-то свои права!.. Такъ или почти такъ онъ тогда думалъ. Но когда послѣ трехлѣтней разлуки свидѣлся съ отцомъ, сердце у него дрогнуло отъ жалости. Старый жуиръ все еще бодрился, топорщился, старался держаться съ прежней независимостью; но это плохо ему удавалось. Старческая дряблость и беспомощность входили въ свои права. Вообще въ первый прїѣздъ, послѣ трехлѣтней отлучки, онъ вынесъ тяжелыя впечатлѣнія. Мать билась какъ рыба объ ледъ, чтобы въ угоду отцу замаскировать какъ-нибудь всюду замѣтное оскудѣніе. Это тоже не удавалось: нужда на каждомъ шагѣ такъ и бросалась въ глаза. Наружность сестры] измѣнилась къ лучшему. Изъ довольно неуклюжаго подростка Варя превратилась въ красивую, стройную дѣвушку. Но безрадостное дѣтство видимо навсегда положило на нее отпечатокъ: улыбка рѣдко освѣщала ея лицо, въ серьезныхъ, вдумчивыхъ глазахъ по временамъ отражалась глубокая грусть...

Мать и сестра отказывали себѣ во всемъ; отецъ, какъ бы не замѣчая этого, все еще придерживался многихъ дорогихъ привычекъ!

Брату тогда стало страшно за сестру. Неужели она такъ и похоронитъ свою молодость, не узнавъ лучшихъ сторонъ жизни? Онъ посовѣтовалъ ей искать мѣсто, но она ни за что не соглашалась бросить безпомощныхъ стариковъ. И опять недобрыя чувства противъ отца закипали въ немъ. Беспомощный старикъ! Однако этотъ старикъ взялъ отъ жизни не только свою долю радостей, но еще захватилъ и чужую... Этотъ старикъ рѣшилъ, что нищета будетъ лучшей школой для его дѣтей, и прожилъ все безъ остатка!.. Онъ ломалъ голову, чѣмъ бы помочь сестрѣ, и не могъ ничего придумать. Такъ и уѣхалъ въ страхъ за ея будущее. Ея доброта можетъ обойтись ей далеко не дешево, пожалуй будетъ стоить ей цѣлой жизни. Доброта и покорность сами по себѣ прекрасныя вещи, но онъ не хотѣлъ бы ихъ для сестры: съ ними ей плохо придется, онѣ дѣлаютъ изъ женщины рабу... Примѣръ на лицо—ихъ мать...

Голиневичъ всталъ и началъ ходить взадъ и впередъ по палубѣ, продолжая думать о прошломъ.

Два года назадъ онъ еще разъ прїѣзжалъ въ Хрѣновскъ.

Отца въ живыхъ уже не застала; мать была при-смерти. Она умирала въ тоскѣ и мукахъ позднего раскаянія. Передъ смертью она сознала, какъ мало думала о дѣтяхъ, и это сознание грызло ее до конца... Въ первое время послѣ похоронъ Варя не находила себѣ мѣста отъ тоски и жалости къ дорогой покойницѣ. Блѣдная, сильно похудѣвшая, бродила она по комнатамъ. Особенно по ночамъ, когда поднималась метель и вьюга, ей чудились ужасныя картины. Иногда, глядя на разрисованныя морозомъ окна, Варя съ ужасомъ восклицала:

— Что если мама проснулась и бьется въ гробу?

Богъ-знаетъ до чего бы довели ее эти тоскливыя безсонныя ночи, еслибъ тетка Марья Антоновна не увезла Варю къ себѣ на хуторъ. Съ тѣхъ поръ онъ и не видалъ сестры. Вотъ уже около года, какъ онъ числится кандидатомъ на судебныя должности, но до назначенія еще далеко. До тѣхъ поръ онъ не можетъ взять сестру къ себѣ. Ей впрочемъ и не дурно у Марьи Антоновны. Варя и въ дѣтствѣ любила хуторъ Зарѣчье, и всегда радовалась, когда ее отпускали къ Марьѣ Антоновнѣ...

Пароходъ снова далъ рѣзкій короткий свистокъ. На берегу замелькали огоньки. Это—Хрѣновскъ.

Голиневичъ тотчасъ же представилъ себѣ общую форменную фізіономію родного города. На главной улицѣ помѣщается зданіе присутственныхъ мѣстъ, квартира губернатора, лучшая аптека и дома болѣе зажиточныхъ горожанъ; главную улицу пересѣкаютъ другія улицы, которыя въ свою очередь пересѣкаются переулками; на срединѣ города большая площадь съ двумя корпусами лавокъ и соборною церковью; на другой площади на краю города—семинарія, приютъ, больница, острогъ... И всѣ эти зданія какъ будто построены по одному и тому же плану, что и въ другихъ городахъ...

На пароходѣ засуетились, забѣгали съ узлами, подушками и чемоданами. Григорій Павловичъ отправился въ каюту за своимъ багажомъ. Въ Хрѣновскѣ ему незачѣмъ останавливаться. Онъ сейчасъ же отправится на почтовый дворъ и возьметъ лошадей до Зарѣчья.

II.

Заказавъ лошадей, Голиневичъ вошелъ въ станціонную комнату. Едва онъ успѣлъ окинуть взглядомъ давно знакомую обстановку, какъ въ ту же комнату вошелъ небольшого роста старичокъ въ подрясникѣ и круглой широкополой шляпѣ и тотчасъ

же воскликнулъ, подходя бѣглымъ шагомъ къ Григорію Павловичу:

— А, въ намъ, наконецъ, пожаловали!

Это былъ священникъ села Сосновки. Къ его приходу принадлежалъ и хуторъ Зарѣчье, стоявшій всего въ двухъ верстахъ отъ Сосновки. Голиневичъ давно зналъ отца Петра и съ дѣтства привыкъ уважать старика.

— Вотъ и прекрасно!.. Тетенку и сестрицу обрадуете!— весело говорилъ отецъ Петръ, обнимая Григорія Павловича.— А на долго ли, позвольте узнать, пожаловали?

— Всего на двѣ недѣли.

— Чтò такъ?

— Нельзя иначе... отпускъ на двадцать-восемь дней, а въ дорогѣ, туда и обратно—четыренадцать...

— Маловато! Маловато!.. И отдохнуть у насъ, такъ сказать, на лонѣ природы, не успѣете!..

— Чтò дѣлать!.. А вы, батюшка, какъ это попали сюда? Вы развѣ тоже на почтовыхъ, а не на своихъ?

— Такъ случилось. Благочинный вызвалъ по экстренному дѣлу, а коренникъ мой захворалъ...

Порѣшили ѣхать въ одной повозкѣ. Какъ только выѣхали за городъ, и лошади пошли привычной ровной рысцой, отецъ Петръ съ большимъ оживленіемъ заговорилъ о сосновскихъ новостяхъ. Самой важной и самой пріятной для него новостью—былъ слухъ, что въ Сосновку скоро пріѣдетъ помѣщикъ, проживавшій въ Петербургѣ.

— Пускай пріѣдетъ! Пусть онъ, голубчикъ, только явится, мы съ нимъ потолкуемъ!—тихо говорилъ отецъ Петръ и началъ перечислять всѣ нужды сосновцевъ. Надѣлы малы, земля вся выпажана, арендная плата высока... Въ волостной кассѣ—пусто, и мужики давнымъ-давно прозакладывали мѣстному кулаку самихъ себя... Надо непременно отереть волостной ломбардъ; школьное зданіе совсѣмъ обветшало, и въ морозы ребятишки заболѣваютъ въ школѣ... А хворать въ Сосновкѣ—не приведи Богъ! Не угодно ли тащить больного за сорокъ верстъ, да въ большой морозъ либо въ распутицу!..

— А сами вы, батюшка, какъ поживаете? Все по прежнему работаете и дома, и въ полѣ?

— Тружусь, тружусь, повуда въ силахъ!..

— Да зачѣмъ вамъ, одинокому?

— А какой же примѣръ показалъ бы я простолюдину? Это нынѣшній нашъ братъ, форсунъ, настоящій чиновникъ, думаетъ,

что вся сила — въ словесныхъ поученiяхъ, а по-моему важнѣе всего примѣръ лично христіанской жизни самого проповѣдника!..

Старикъ долго еще говорилъ на эту тему, наконецъ смолкъ и, кажется, задремалъ. Григорій Павловичъ думалъ подъ однообразный звукъ колоколовъ. Теплая весенняя ночь и разговоръ священника дѣйствовали на него успокоительно.

Отецъ Петръ представлялъ собою вымирающій типъ стараго духовенства. Своими пастырскими обязанностями онъ не тяготился и всегда неуклонно исполнялъ ихъ; философскими вопросами не задавался и всякихъ мудреныхъ толкованій благоразумно избѣгалъ, чувствуя себя по этой части не довольно состоятельнымъ. Поученiя въ храмѣ онъ говорилъ рѣдко, и говорилъ совсѣмъ не краснорѣчиво, но зато въ словахъ простыхъ, понятныхъ, и съ такимъ чувствомъ, что слова его хватили за душу. Нерѣдко послѣ его проповѣди прихожане выходили изъ церкви съ задумчивыми, растроганными лицами. Своихъ прихожанъ отецъ Петръ зналъ не только по именамъ и въ лица, но и по характеру, по наклонностямъ каждаго, и внутренне считалъ себя отвѣтственнымъ за каждую ввѣренную ему душу. Чуждый гордыни, властолюбія и честолюбія, онъ одушевлялся истинно христіанскою любовью къ своей паствѣ.

Погруженный въ раздумье, Григорій Павловичъ и не замѣтилъ, какъ они проѣхали разстояніе въ сорокъ верстъ. Когда взобрались на пригорокъ, съ котораго Сосновка видна была какъ на ладони, стало совсѣмъ свѣтло.

Село живописно раскинулось между лѣсомъ и узкой рѣчкой. Почти на двѣ версты тянулась кривая улица крестьянскихъ избъ; на краю села—обширная помѣщичья усадьба, окруженная съ трехъ сторонъ садомъ и паркомъ; передъ стариннымъ барскимъ домомъ съ флигелями, погребами и другими надворными постройками разстилался большой дворъ, обнесенный кирпичной оградой съ высокими чугунными воротами. За помѣщичьей усадьбой стоялъ маленькій домикъ отца Петра.

Голиневичъ простился со старикомъ, сказалъ, что пришлетъ за своими вещами, и пошелъ въ Зарѣчье пѣшкомъ.

Шелъ онъ медленнымъ шагомъ, то задумчиво смотря себѣ подъ ноги, то обидывая взглядомъ красивую холмистую мѣстность.

Полосы озимыхъ и яровыхъ хлѣбровъ, разбросанныя по холмамъ, казались пушистыми зелеными коврами; кустарники и молодой березнякъ сверкали яркой свѣжей зеленью. Майское солнце грѣло совсѣмъ по лѣтнему.

III.

На балконѣ хуторскаго домика сидѣли трое: хозяйка дома Марья Антоновна, небольшого роста тучная женщина лѣтъ подъ шестьдесятъ, ея племянница Варя, молодая стройная дѣвушка, и Григорій Павловичъ Голиневичъ.

На столѣ передъ ними стояли пустые стаканы, остывшій самоваръ, тарелки съ творогомъ, ветчиной, хлѣбомъ. Очевидно, сидѣвшіе вончили ужинъ. Разговоръ между ними не клеился. Братъ и сестра изрѣдка перекидывались отрывистыми фразами; Марья Антоновна упорно молчала. Она была не въ духѣ съ самого утра, какъ только узнала, что Гришинъ отпускъ кончается, и онъ уѣзжаетъ послѣ завтра; а тутъ еще, вотъ сейчасъ, за ужиномъ, этотъ же Гриша сказалъ, что не позже какъ черезъ годъ Варя переѣдетъ къ нему въ Петербургъ. Извѣстіе это такъ опечалило Марью Антоновну, что она дрожащей рукой заслонила глаза отъ свѣта, чтобы скрыть набѣгавшія слезы. За послѣдніе два года она такъ привязалась къ племянницѣ, что вся холодѣетъ при мысли о разлукѣ съ нею. Уѣдетъ веница ея ока, свѣтъ ея жизни, и опять—скучная, одинокая старость!..

Но старуха покорилась необходимости: нельзя же молодой дѣвушкѣ вянуть въ глуши, безъ людей, безъ всякихъ развлеченій; ей уже двадцать лѣтъ, а она до сихъ поръ не знаетъ жизни...

Марья Антоновна поднялась, проглотила подступавшія слезы и стала убирать посуду.

Братъ и сестра отправились въ садъ.

Вечеръ былъ чудный, тихій и теплый. Въ росистомъ саду пахло отцвѣтающей сиренью; тамъ-и-сямъ перекликались соловьи. Одинъ изъ нихъ пѣлъ такъ восхитительно, что Варя встала со скамьи и потихоньку пробралась къ нему ближе. Но соловей, такъ чудно гремѣвшій за минуту назадъ, вдругъ смолкъ, очевидно перелетѣвъ на другое мѣсто. Немного погодя, смолкли остальные, и весь садъ погрузился въ спокойную тишину. Дѣвушка вернулась и сѣла на прежнее мѣсто, возлѣ брата. Оба молчали: имъ не хотѣлось нарушать обружавшую тишину.

Молчаніе длилось долго; наконецъ, Варя сказала: — Жаль тетю, а расстаться съ ней все-таки придется. И такъ уже два года я здѣсь тунейдствую.

— Ну, вотъ! Дѣлала же все-таки что-нибудь?

— Ничего ровно. Хозяйство здѣсь маленькое и давнымъ-давно налажено... Тутъ мои неумѣлыя руки совсѣмъ не нужны...

— Въ прошломъ году ты писала, помнится, что хочешь просить мѣсто сельской учительницы?

— Просила, но близко не было вакансій, а далеко—тетя не пускаетъ... Ахъ, да что же мы все обо мнѣ!—спохватилась дѣвушка:—ты про себя ничего и не рассказал! Такъ быстро промелькнули эти двѣнадцать дней, что мнѣ и сейчасъ кажется, будто ты только-что пріѣхалъ...

— Да мнѣ и рассказать-то про себя нечего. Все та же старая исторія бѣдняка-студента, живущаго уроками... Перебывался кое-какъ и скрѣпя сердце бралъ деньги отъ людей, которыхъ иногда презиралъ...

— За что?

— Въ семьяхъ, гдѣ я репетировалъ, происходило какъ разъ то же самое, что и въ нашей семьѣ. Отцы прожигали жизнь и деньги; матери безпомощно ныли или трепались по магазинамъ да по театрамъ и откупались отъ своихъ обязанностей къ дѣтямъ коробками конфетъ. Я помогалъ учиться будущимъ шалопаямъ, злился самъ на себя, на весь свѣтъ и проклиналъ минуту своего рожденія...

— Боже мой! И мнѣ объ этомъ не писалъ!

— Нѣсколько лѣтъ такой собачьей жизни въ конецъ измочалили мои нервы... Я съ трудомъ владѣю собой, и самъ знаю, что я невыносимъ въ самыхъ обыденныхъ сношеніяхъ съ людьми. Часто одинъ видъ человѣка бываетъ мнѣ противенъ, а разговоръ выводитъ изъ себя.

— Ты совсѣмъ отшатнулся отъ людей!

— Не могъ, еслибы и хотѣлъ... Въ томъ-то и дѣло, что, постоянно вращаясь среди людей, я былъ въ высшей степени одинокъ!

— Мое одиночество все-таки лучше твоего... Мнѣ не съ кѣмъ дѣлиться мыслями, но, по крайней мѣрѣ, не нужно кривить душой, не нужно дѣлать того, что мнѣ противно... Говорить не съ кѣмъ, но зато думать—сколько угодно... И еслибы ты, Гриша, зналъ,—продолжала она послѣ небольшой паузы:—сколько я тутъ передумала! Особенно въ зимніе вечера: си-дишь себѣ, кругомъ—ни звука, а мысли такъ и набѣгаютъ одна за другой... Часто дѣтство вспоминается, мои глупыя жалобы, слезы. Помнишь, какъ я завидовала богатымъ, какъ стыдилась своей бѣдности? Мнѣ и теперъ хотѣлось бы имѣть много-много

денегъ, но не для себя, не для того, чтобы жить въ свое удовольствіе...

— А для чего же?

— Ахъ, это все мечты, глупыя, несбыточныя...

— Ну, выкладывай ихъ, подавай сюда твои мечты! Что-жь бы ты стала дѣлать съ деньгами?

— Мало ли что! Ты только подумай, что я никогда не имѣла возможности помочь кому-нибудь въ нуждѣ. Я только здѣсь, у тети, стала подавать нищимъ, а прежде и этого не могла дѣлать, потому что никогда не имѣла карманныхъ денегъ. Бывало, въ жаръ бросаетъ отъ стыда, когда встрѣтишь нищаго. Мучительно сознавать себя бесполезной, а помочь этому невозможно... Тетя сама едва концы съ концами сводить, и говорить, что нельзя крыть чужую крышу, когда сквозь свою каплетъ. Это вѣдь и правда, но съ такой горькой правдой душа не хочетъ мириться!..

— А вотъ погоди, будешь жить у меня, тогда и помогать станешь по возможности.

— Да, конечно, въ дѣйствительности хорошо и это, то-есть по возможности. Но въ мечтахъ мнѣ этого мало. О, въ мечтахъ я не разсуждаю, не разсчитываю! Я раздаю направо и налево, я не жду, пока у меня попросятъ, не жду, пока меня позовутъ, и сама иду на встрѣчу каждой чужой бѣдѣ... Я сама ищу, угадываю, гдѣ кроется нищета, порокъ, горе или болѣзнь...

— Однако...

— Постой! Я сама, безъ зова, поспѣваю всюду, у меня громадный запасъ знаній, и я не съ пустыми руками вхожу и туда, гдѣ деньги безсильны...

— Дѣйствительно, твои мечты крылаты и умѣютъ уносить тебя за предѣлы возможнаго!

— Смѣшно, правда?.. даже глупо, но я вѣдь это высказываю только тебѣ, въ первый и послѣдній разъ въ жизни! И, знаешь, когда размечтаешься, сознание несбыточности мечтаній мало-по-малу отодвигается, потомъ совсѣмъ исчезаетъ, и получается такое высокое наслажденіе, что я не знаю, съ чѣмъ его и сравнить!..

— А каково-то возвращаться къ дѣйствительности?

— Горько... и стыдно. Сейчас и приходитъ въ голову, что вотъ я сыта, одѣта, сижу въ теплой комнатѣ, а въ это время сколько слезъ льется, сколько раздается стонъ, проелятій...

Она умоляла. Голосъ у ней пресѣкся, застрялъ въ горлѣ.

Оба опять долго молчали. Вдруг чудно гремѣвшій соловей снова залился; за нимъ откликнулись и другіе.

— А вотъ въ такіа чудныя ночи навѣрно мечтаешь о личномъ счастьѣ?

— О, да! И тутъ тоже я себя не ограничиваю, даю полный просторъ моему воображенію. Да и зачѣмъ? По-моему, если ужъ взлетать въ вышину, то совсѣмъ подѣ небеса, чтобъ земли не было видно, чтобъ духъ захватывало. Начнешь мысленно пересоздавать свою жизнь и увлечешься до того, что подѣ конецъ видишь себя надѣленной необычайнымъ умомъ, талантами, красотой...

— Тутъ, откуда ни возмись, влюбленный красавецъ, еще секунда—и ты его жена!

— Вотъ и не угадалъ! Въ моихъ мечтахъ нѣтъ мѣста замужеству. Именно въ томъ моя гордость и находить удовлетвореніе, что я не думаю о личной любви, я ее знать не хочу. Понимаешь, у меня все есть, все: умъ, красота, богатство, таланты, мнѣ стоитъ только протянуть руку, чтобъ взять это личное счастье, то-есть любовь; но я не беру его, я отъ него отворачиваюсь... Нѣтъ, даже не отворачиваюсь, а просто не замѣчаю... Я его знать не хочу!

— Откуда же и когда явились такіа мысли?

— Не знаю; можетъ быть, въ тотъ моментъ, когда я въ первый разъ поняла, о чемъ плакала мама... Позже, уже безъ тебя, мама не скрывалась отъ меня, и я не разъ видѣла, какъ она ночи напролетъ не спала, когда отца не было дома. А, помню я эти долгія тоскливыя ночи и такіе же долгіе унылые дни! Я видѣла, что мама живетъ, дышетъ однимъ ожиданіемъ. Она теряла аппетитъ, сонъ и какъ тѣнь бродила по комнатамъ... Разъ какъ-то, когда отца не было нѣсколько дней, она, вся измученная напраснымъ ожиданіемъ, вдругъ быстро подошла ко мнѣ и, съ тоской хрустнувъ пальцами, скоро-скоро заговорила: „Ахъ, отчего онъ не возвращается? Признался бы только, и я все ему прощу“!..

— Это-то вотъ и скверно, что она все прощала,—замѣтилъ Григорій Павловичъ. — Говорятъ, что женщина, простившая обманъ, навсегда утрачиваетъ собственное достоинство въ глазахъ мужчины.

— А бѣдная мама думала не такъ! Она говорила, что въ открытомъ признаніи вины есть что-то трогательное, виденъ поворотъ къ лучшему, слышится стонъ скорби и раскаянія... Когда въ первый разъ признаніе вырвалось у нея, она видимо засты-

дилась, но потомъ ужъ перестала и скрывать, что человекъ, оскорблявшій, измучившій ее, разбившій всю ея жизнь, ей дорогъ, что онъ одинъ царитъ и властвуетъ въ ея душѣ, въ немъ одномъ сосредоточилась вся ея внутренняя психическая жизнь!.. Если я заговаривала съ ней, пробовала отвлечь ее отъ мрачныхъ мыслей, она или не слыхала, или отвѣчала разсѣянно, невпопадъ. Она вся отдавалась чувству ожиданія, и чуть, бывало, услышитъ какой-нибудь шорохъ, шумъ шаговъ или звонокъ, вдругъ вся встрепенется, заволнуется и сорвется съ мѣста.

— И ты, бѣдняга, натерпѣлась, глядя на нее!

— Да. Но хуже всего было то, что я ничѣмъ не могла помочь. Онъ оскорблялъ, она прощала, и такъ безъ конца. Каждый день и каждый часъ онъ убивалъ въ ней силы, покуда не взялъ все, оставивъ ей только стыдъ, жалость къ себѣ самой да позднія сожалѣнія!..

У дѣвушки снова дрогнулъ голосъ, и она вздохнула.

— Да, я не только въ мечтахъ, а всегда думаю, что я не возьму такого обманчиваго счастья, хотя бы оно само давалось мнѣ въ руки. Не возьму, потому что за него надо расплачиваться слишкомъ дорогой цѣной. Да и что это за счастье, если оно убиваетъ способность страдать и радоваться за другихъ? Раньше я говорила себѣ: любовь, то-есть страсть—зло; оно порабощаетъ душу, туманитъ разумъ; съ нею надо бороться, какъ съ врагомъ...

— А теперь?

— Теперь я думаю, что даже самая борьба эта унизительна. Я просто не допускаю и мысли о такой любви. Еслибъ я полюбила такой любовью, я стала бы самой себѣ отвратительна, я возненавидѣла бы себя!..

— Все это слова! Ты говоришь такъ потому, что не испытала.

— А ты?

— Я испытала, знаю, — глухо проговорилъ Голиневичъ и умолкъ. Ему слишкомъ тяжело было говорить о своей любовной исторіи. На разпросы сестры онъ отвѣчалъ отрывисто и потомъ сказалъ:

— Не стоитъ говорить о подробностяхъ. Скажу только, что съ моимъ юношескимъ пыломъ я налетѣлъ на мерзавку, чуть-было не покончилъ съ собой, а когда перестрадалъ мою любовную горячку, — самъ себѣ поглялся всю жизнь плевать на всякіе любовные соблазны!

Нѣсколько минутъ оба молчали.

— Такъ, значить, ты не пойдешь замужъ?—спросилъ онъ, стараясь стряхнуть нахлынувшія воспоминанія.

— Никогда!—убѣжденно воскликнула Варя.

— Положимъ, со временемъ, можетъ, и передумаешь; но во всякомъ случаѣ хорошо и то, что ты не слишкомъ падка до замужества.

— Нѣтъ, не передумаю. Мнѣ всегда противно было видѣть, когда дѣвушка, имѣющая возможность свободно располагать своею жизнью, непременно стремится въ замужеству, старается отыскать кого-нибудь, кто взялъ бы ее подъ свою опеку... Требуя равенства, а сами добровольно закрѣпощаютъ себя, входя въ яро, добровольно становятся чьей-то собственностью...

— Значить, ты отвергаешь бракъ во имя свободы?

— Да. Въ бракъ всегда есть притѣсняемый и притѣснитель, а я не хочу быть ни тѣмъ, ни другимъ. Однако, какъ мы засидѣлись!—перебила она себя, вставая и указывая глазами на востокъ, гдѣ показалась свѣтлая полоса.

— Погоди, погоди! Еще два слова: а что если потомъ твои душевныя силы утратятся, тебѣ захочется отдыха, сердечной привязанности, а впереди у тебя только унылое одиночество?

— Почему-жъ непременно одиночество да еще и унылое? Не только же свѣту, что въ окошкѣ!.. Какъ будто только личной любовью и красна жизнь!.. А дружба и просто хорошія человѣческія отношенія? А природа, искусство, наслажденія ума? Наконецъ, кромѣ всего этого есть еще главное—стремленіе въ уменьшенію человѣческихъ страданій.

Голиневичъ не возражалъ. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Вдругъ свѣтлая полоса на востокѣ разгорѣлась въ цѣлое зарево и позолотила темную сѣть вѣтвей. Легкій вѣтерокъ зашелестилъ листьями, въ вустахъ раздалось радостное чириканье.

— Въ самомъ дѣлѣ мы засидѣлись,—проговорилъ Григорій Павловичъ:—должно быть три часа,—добавилъ онъ, поднимаясь съ мѣста.

IV.

Нѣсколько дней спустя, въ Сосновеу пріѣхалъ помѣщикъ, Борисъ Петровичъ Ильчевскій, человѣкъ еще молодой, лѣтъ тридцати съ небольшимъ. Въ Сосновеѣ онъ не бывалъ съ дѣтства и постоянно жилъ въ Петербургѣ. Тамъ же онъ кончилъ курсъ по юридическому факультету, и кончилъ съ грѣхомъ пополамъ. Диплома онъ добивался только для того, чтобъ имѣть

право называться человѣкомъ съ высшимъ образованіемъ, а служить не думалъ. Еще на первомъ курсѣ Борисъ Петровичъ слылъ самымъ бойкимъ и фантошнымъ студентомъ своего кружка. Въ самой ранней юности онъ былъ уже достаточно отравленъ ядомъ каскадныхъ удовольствій. Онъ принадлежалъ къ многочисленному классу петербуржцевъ, изо дня въ день убивающихъ свое время и деньги на однообразную, хотя и шумную жизнь ресторана, съ его казеннымъ весельемъ, кутежами и развратомъ. Въ женщинѣ онъ видѣлъ только забаву, считалъ себя большимъ знатокомъ и цѣнителемъ женской красоты. Сколько-нибудь серьезныхъ отношеній къ женщинѣ, налагающихъ обязанности, онъ старательно избѣгалъ, какъ избѣгалъ и семейныхъ домовъ, гдѣ требовалась извѣстнаго рода корректность. Онъ самъ открыто признавался, что дышетъ свободно только въ обществѣ женщинъ легкаго нрава. Умственныхъ наслажденій онъ не признавалъ и во время своего студенчества съ товарищами-тружениками не знался. Внутренно онъ подсмѣивался надъ ихъ корпѣньемъ за книгами и былъ увѣренъ, что если они отзываются презрительно о роскоши и пустотѣ свѣтской жизни, то только потому, что все это имъ недоступно. Онъ признавалъ въ жизни однѣ привлекательныя стороны, а до остального ему не было дѣла. Больше всего онъ боялся потерять здоровье, а вмѣстѣ съ нимъ и способность наслаждаться благами жизни, которыми такъ щедро надѣлила его судьба. Его нельзя было назвать красавцемъ, но свободные, смѣлые приемы въ обращеніи, умѣнье искусно поддержать разговоръ, овладѣть вниманіемъ окружающихъ,—все это привлекало къ нему каждаго, кто съ нимъ сходилъ.

Большую частью лицо его носило выраженіе самой непоколебимой, свѣтски-нахальной самоувѣренности, презрительнаго ко всему равнодушія и цинизма не совсѣмъ нравственнаго чловѣка; но онъ умѣлъ, когда было нужно, притворяться такимъ безпечнымъ, веселымъ и добродушнымъ, что, глядя на него, оживлялись даже самыя хмурыя, унылыя лица.

Въ послѣднюю зиму онъ почувствовалъ какую-то небывалую усталость, сталъ нервничать и какъ будто началъ утрачивать вкусъ къ жизни. Онъ испугался, обратился къ врачамъ; ему посоветовали отдыхъ въ деревнѣ, и, скрѣпя сердце, онъ рѣшилъ послѣдовать совѣту. Уѣзжая изъ Петербурга, Борисъ Петровичъ прощался съ пріятелями такъ, какъ будто уѣзжалъ въ ссылку въ самыя отдаленныя мѣста.

Въ Сосновкѣ на первыхъ порахъ онъ скучалъ и отъ нечего дѣлать писалъ длиннѣйшія посланія пріятелю. Онъ любилъ раз-

глагольствовать о себѣ, носиться съ своей особой, и одно время велъ даже дневникъ, въ которомъ, впрочемъ, были записаны только любовныя встрѣчи и приключенія. Не имѣя возможности говорить о себѣ самомъ, онъ сталъ писать и вскорѣ вошелъ во вкусъ этого занятія.

Въ первыхъ письмахъ къ своему другу Бакшееву, онъ называлъ себя заживо погребеннымъ, но, спустя недѣли три по приѣздѣ, писалъ уже слѣдующее:

„Мой дорогой Константинъ! Счастье наконецъ улыбнулось мнѣ и здѣсь, въ моемъ добровольномъ заточеніи. Судьба сжалась надо мной и приподнесла мнѣ роскошный сюрпризъ, олицетворенный въ образѣ прелестнѣйшаго существа въ мірѣ. Это типъ интересной брюнетки: глаза—бархатные, общающіе, такъ и сверкаютъ на чудномъ, словно выточенномъ личиѣ; фигурка стройная, нѣжная и гибкая. Впрочемъ, не стану вдаваться въ подробности: едва ли когда-нибудь словесное описаніе вызвало въ воображеніи слушателя живой человѣческой образъ. Замѣчу только, что на видъ ей лѣтъ двадцать, и вся она дышетъ свѣжестью, граціей и какимъ-то дѣвственнымъ изяществомъ. Ухаживать за ней я стану очень настойчиво, и мнѣ кажется, что это очаровательное созданіе общаетъ многое множество совершенно новыхъ, еще неизвѣданныхъ ощущений. Имя ея—Варвара Павловна, Варя; не правда ли,—чудное имя? Впрочемъ, сама она такъ восхитительна, что я, кажется, простилъ бы ей, еслибъ она называлась Маврой, Акулиной или даже Перепетуйей. Она не только восхитительна, но въ высшей степени своеобразна и совсѣмъ непохожа на нашихъ дѣвицъ изъ общества. Ни одной чертой не напоминаетъ она этихъ мнимо-наивныхъ куволовъ, съ ихъ худо скрытой готовностью повиснуть кому-нибудь на шею. Жаль только, что она не замужня; но въ силу обстоятельствъ приходится мириться съ этимъ, и былъ бы я дуракъ-дуракомъ, еслибы сталъ разсуждать на тему о чести, нравственности и прочее. Предоставимъ это плѣшивымъ и безногимъ старцамъ, которымъ, впрочемъ, ничего больше и не остается. Я увѣренъ, что милой диваркѣ предстоитъ супружество съ какой-нибудь мелкой сошкой—такъ пускай же воспоминаніе о нашемъ романѣ оживляетъ ея безцвѣтное существованіе. Сейчасъ я называлъ ее диваркой, и не даромъ: вотъ уже третья недѣля какъ я знакомъ съ ней, но едва-едва добился нѣсколькихъ встрѣчъ—еслибъ ты зналъ, какихъ ухищреній стоили мнѣ эти встрѣчи!—но и онѣ не повели ни къ чему. Одни короткіе отвѣты, серьезные, точно испуганные взгляды—ничего больше! Я

махнулъ бы на нее рукой, еслибъ могъ предполагать въ ней деревяшку, и еслибъ не видѣлъ, что она вся соткана изъ нервовъ и пламени. Она поминутно мѣняется въ лицѣ: вспыхнетъ заревомъ и сейчасъ же погаснетъ, а чудные глаза ея то вдругъ тускнѣютъ и меркнутъ, какъ бы отъ затаенной печали, то снова загораются горячимъ блескомъ. Завтра отправляюсь къ нимъ въ Зарѣчье — она живетъ съ тетвой въ двухъ верстахъ отъ моей Сосновки — и начну правильную атаку. Пожелай же мнѣ, Костя, удачи, и непременно предложи тостъ за мой успѣхъ “ ...

V.

Борисъ Петровичъ зачастилъ на хуторъ.

Марья Антоновна была отъ него въ восторгѣ. Замѣчая его ухаживанье за Варей, старуха мысленно выдавала уже племянницу замужъ, и благодарила Бога за посланное счастье сиротѣ. Марья Антоновна была до сихъ поръ межъ двухъ огней: она не видала ничего хорошаго въ предполагаемомъ Вариномъ переселеніи въ Петербургъ, — Гриша можетъ жениться, и тогда изволь-ка смотрѣть въ глаза невѣсткѣ! — но съ другой стороны страшно было и удерживать на хуторѣ Варю, засадить ее въ глуши! Теперь же все это улаживалось само собой, и еще такъ хорошо, что лучшаго и желать нельзя.

По вечерамъ Ильчевскій часто засиживался до полуночи, рассказывалъ о петербургской жизни, о театрѣ, о литературѣ и писателяхъ, о журналахъ и современномъ литературномъ направленіи. Говорилъ онъ живо, занимательно, съ увлеченіемъ. Какъ почти всѣ свѣтскіе люди, онъ смѣло касался предметовъ совершенно ему незнакомыхъ, и съ замѣчательной ловкостью маскировалъ свое невѣжество. Слушая его, можно было подумать, что онъ много читаетъ, много знаетъ. Варя иногда не понимала того, что онъ говорилъ, но спрашивать стѣснялась. Никогда еще ея робость и застѣнчивость не проявлялись такъ сильно, какъ въ первое время знакомства съ Ильчевскимъ. Она постоянно водновалась, краснѣла, и если иногда говорила, ей все казалось, что она говорить глупо. Ее особенно смущали ласкающіе, нѣжные взгляды Ильчевскаго. Подъ этими взглядами ей было такъ неловко, что иногда она не выдерживала ихъ, и быстро выходила, почти выбѣгала изъ комнаты. Между тѣмъ, Ильчевскій все чаще и чаще бывалъ въ какомъ-то странномъ возбужденномъ состояніи. То онъ былъ необычайно оживленъ,

весель, то вдругъ становился задумчивъ. Обычное спокойствіе покидало его. Часто въ разговорѣ онъ вдругъ обрывалъ, умолкалъ, глаза его переставали улыбаться и подергивались не то грустью, не то тревогой. Въ такія минуты Варѣ становилось жаль его, но въ то же время она ловила себя на этой жалости и думала: „какія горести и печали могутъ быть у этого празднаго барина“? Ильчевскій, напротивъ, увлекался ею все сильнѣе. Въ концѣ іюня онъ писалъ Бакшееву:

„Держу пари, Константинъ, что ты подозрѣваешь милую дѣвушку въ посягательствѣ на мою свободу. Напускная недо-ступность съ цѣлью подзадорить и проч. Нѣтъ, другъ, этотъ устарѣлый пріемъ я распозналъ бы скоро. Тутъ совсѣмъ не то, даже слишкомъ не то, и пожалуй было бы лучше, еслибъ у дѣвушки было побольше житейскаго опыта и умѣнья носить маску. Конечно, для меня тогда пропала бы интересъ новизны, зато не было бы неприятнаго сознанія, что я не въ честномъ бою, а нападаю, такъ сказать, изъ-за угла, и мой медъ не, былъ бы отравленъ дегтемъ... Бываю на хуторѣ почти каждый день. Домикъ у нихъ крошечный, и съ перваго взгляда видно, что онѣ бѣдны, какъ странствующіе артисты, только безъ артистическаго неряшества. Вокругъ нихъ такъ и вѣетъ патриархальной дворянской опрятностью и порядочностью. Замѣтно, что Варя чувствуетъ себя прекрасно въ этой бѣдной стародавней обстановкѣ, и, кажется, искренно презираетъ матеріальныя блага жизни. Со мной она уже не такъ дичится, но зато усвоила какой-то строгій, даже суровый тонъ“...

Къ этому письму Борисъ Петровичъ черезъ день сдѣлалъ такую длинную приписку:

„Вчера, Кости, мои дѣла нѣсколько подвинулись впередъ. Она была у меня въ домѣ, и притомъ одна, безъ тетки. Но убери, сдѣлай милость, твою скверную улыбку, и слушай дальше. Вотъ какъ это было: я возвращаюсь съ прогулки; утро прелестное; я жизнерадостенъ, какъ щенокъ, и въ душѣ у меня поютъ соловьи; меня неудержимо влечетъ въ Зарѣчье, но я раздумываю: не лучше ли пойти туда вечеромъ? Однако, послѣ минутнаго раздумья, поворачиваю къ хутору, и вдругъ вижу — она! Одѣта скромно, съ такой трогательной простотой, какую только можно себѣ вообразить: какое-то темненькое платьице и круглая соломенная шляпа, обвитая узкой лентой. Словомъ—бѣдная пастушка, только безъ барашка и собачки. Но по мѣрѣ приближенія она все меньше походила на пастушку и своимъ серьезнымъ, строгимъ лицомъ скорѣе напоминала англійскую миссъ,

посѣщающую „хижины своихъ бѣдныхъ“. Только вмѣсто традиціонной корзиночки съ бисеквитами и малиновымъ вареньемъ — въ рукѣ книжка, романъ изъ самыхъ забористыхъ, съ идейной завязкой. Я, разумеется, предпочелъ бы корзиночку; но счастью книжка была мнѣ знакома по рецензїи, а для начала разговора этого было достаточно. Я заговорилъ о романѣ, и все пошло гладко. Началъ я выкладывать все когда-либо слышанное и вычитанное по женскому вопросу; потомъ коснулся стремленія къ общему благу, и кончилъ чуть ли не скорбью о недостижимости идеала или чѣмъ-то въ этомъ родѣ. Она слушала всю эту дребедень съ напряженнымъ вниманіемъ, затѣмъ попросила у меня книгъ. Въ это время мы подходили къ Сосновеѣ, и я, пользуясь случаемъ, предложилъ ей заглянуть въ мою бібліотеку. По ея лицу мелькнули смущеніе и нерѣшимость, но черезъ мигъ она оправилась и, гордо закинувъ голову, проговорила: — Хорошо, пойдемте!

„Правда, она пробыла у меня какъ разъ столько, сколько нужно для того, чтобъ выбрать двѣ-три книжки, ни одной минуты дольше, но все же первый шагъ къ сближенію уже сдѣланъ. Увы, Костя, еще одинъ только шагъ, а между тѣмъ эта дѣвочка, сама того не зная, совсѣмъ заполонила меня. Она постоянно въ моихъ мысляхъ, ея милое лицо — въ моемъ воображеніи“...

VI.

По возвращеніи въ Петербургъ, Григорій Павловичъ подумалъ-было хлопотать о зачисленіи его кандидатомъ при хрѣновскомъ окружномъ судѣ, но потомъ раздумалъ. Ему хотѣлось познакомиться съ Петербургомъ. Вѣдь она ничего, кромѣ хрѣновскаго театра, не видала, и онъ воображалъ, въ какой восторгъ приведутъ ее настоящая музыка, пѣніе, тонкая артистическая игра. Въ ея впечатлительной натурѣ, конечно, проявится и глубокое пониманіе искусства. Только бы получить мѣсто здѣсь же, въ Петербургѣ. На этотъ счетъ онъ возлагалъ большія надежды на Карповича, своего близкаго знакомаго. Съ Карповичемъ онъ сошелся на короткую ногу давно, еще, кажется, на первомъ курсѣ, и съ тѣхъ поръ дружескія отношенія продолжались, хоть видѣлись они и не часто. Застать Карповича дома было большой рѣдкостью: знакомыхъ у него масса во всѣхъ слояхъ общества, а самъ онъ, по натурѣ добрякъ, безкорыстнѣйшій хлопотунъ, вѣчно гдѣ-то пропадалъ. Все онъ кого-то

выручалъ, кому-то помогать, о комъ-то хлопотать. Изъ-за того и университетъ бросилъ. Походилъ на лекціи что-то года два, и пересталъ. Махнулъ на дипломъ рукой и сталъ, какъ выразался самъ, изучать науку жизни. Изъ дому онъ получалъ не мало, но денегъ у него никогда не было. „Не понимаю, за что меня деньги не любятъ“!—воскликала онъ съ добродушной улыбкой, похлопывая по пустому карману.

И точно, его не любили деньги: утромъ получить, но за день разъ пять успѣтъ „войти въ положеніе“ того, другого, и глядишь—къ вечеру въ кошельѣ пусто. Заручившись общаіемъ Карповича—у него и въ министерствѣ были знакомства,—Голиневичъ радовался, что еще нѣсколько мѣсяцевъ, — и Варя оживить его тоскливую одинокую жизнь. Подумываетъ онъ и о томъ, что позднѣе, когда сестра освоится съ новой жизнью, испытаетъ разныя развлеченія, она можетъ поступить на курсы. Конечно, пока онъ живъ, сестра не будетъ ни въ чемъ нуждаться, но у него часто ноетъ грудь, и вообще его здоровье не надежно. Такихъ средствъ, какъ, напримѣръ, иголка, переписка, частныя уроки, теперь уже недостаточно, и женщина, желающая прожить самостоятельно, должна специализироваться иначе, должна пріобрѣтать знанія, которыя могли бы лучше обезпечить ее. Всецѣло занятый мыслями, какъ бы доставить сестрѣ возможно больше удобства, Голиневичъ сталъ иногда заходить на аукціоны, приглядывался и прицѣнивался къ разнымъ вещамъ, соображая, какъ лучше обставить квартиру къ пріѣзду сестры. Такъ проходило лѣто. Варя какъ-то писала брату, что сосновскій помѣщикъ относится совершенно равнодушно къ нуждамъ сосновцевъ, что отецъ Петръ уже совсѣмъ разочаровался въ своихъ надеждахъ на его помощь; хотя Ильчевскій прямо и не отказываетъ, но всѣ его отвѣты какіе-то неопредѣленные, уклончивые. Отецъ Петръ вздыхаетъ и говоритъ, что ничего нельзя ожидать хорошаго отъ этого человѣка, очевидно зачерствѣвшаго въ свѣтской, празднои жизни; а у нея, у Вари, иногда мелькаютъ соблазнительныя мысли о томъ, что хорошо бы попытаться разбудить въ немъ всѣ его хорошіе инстинкты, вызвать въ немъ жажду добра и полезной дѣятельности. Она думаетъ, что для этого достаточно только пріязни, искренности, наконецъ—дружбы. И все казалось ей такъ просто и такъ ясно, что Голиневичъ невольно улыбнулся, и вслухъ проговорилъ:

— Моя дорогая наивная мечтательница!

Вскорѣ Григорій Павловичъ забылъ объ этомъ письмѣ: ему пришлось дня черезъ два ѣхать въ командировку, гдѣ его охва-

тили другой міръ, другіе интересы. Онъ, впрочемъ, и не придавалъ серьезнаго значенія Варинымъ мыслямъ насчетъ обращенія Ильчевскаго въ ея вѣру.

VII.

Тѣмъ временемъ Ильчевскій писалъ Бакшееву: „Слушай, Константинъ, я въ опасности: глупѣю, теряю самообладаніе, а это—слишкомъ зловѣщій признакъ! Вчера мы вдвоемъ сидѣли въ ихъ крошечной гостиной, слабо освѣщенной одной дешевой, подслѣповатой лампочкой. Марья Антоновна отправилась во все-нощной. Кстати: старушка очень запаслива и, не довольствуясь заготовкой соленья и варенья, хочетъ припасти себѣ еще и добрую порцію райскаго блаженства. Итакъ, мы сидѣли вдвоемъ. Я мысленно одобрялъ Марью Антоновну за ея заботливость о будущей жизни и любовался Варей. Она говорила о только-что прочитанной повѣсти; чтò она говорила — не помню, хоть зарѣжь, да я, кажется, и не слушалъ, но зато видѣлъ, что она волновалась, что въ повѣсти ее что-то задѣвало, и она говорила горячо. Глаза ея горѣли, лицо пылало. Я глядѣлъ на нее съ видомъ внимательнаго слушателя, едва скрывая свой восторгъ. Вдругъ кровь во мнѣ закипѣла, забурлила, бросилась въ голову. Не помня себя, я схватилъ ея руки и жадно припалъ къ нимъ губами. Въ эту минуту въ сосѣдней комнатѣ раздались тяжелые шаги... Можешь себѣ представить мое дурацкое положеніе! Когда вошла Марья Антоновна, мнѣ оставалось только откланяться. Сегодня весь день ломаю голову: какъ объяснить ей мой неумѣстный порывъ? Боюсь, что онъ не пройдетъ мнѣ даромъ, и пожалуй придется начинать съизнова. Начинать, когда счастье, можетъ быть, было уже совсѣмъ близко! А старая индюшка вырвала у меня изъ рукъ такой случай, какового теперь, пожалуй, не скоро дождешься!.. Но знаешь, Костя, сейчасъ явилась идея: не проще ли взять да и сдѣлать формальное предложеніе? Чтò, ты удивленъ? Не хочешь вѣрить? Но пойми, я въ тискахъ; изъ моего настоящаго положенія только два выхода: бракъ или отступленіе. О послѣднемъ не можетъ быть и рѣчи: отказаться отъ нея—выше моихъ силъ! Мнѣ ли не знакомы всевозможные паровозизмы любовной горячки, я ли не испыталъ самыхъ жгучихъ страстей, но то, чтò я испытываю теперь—нѣчто ни съ чѣмъ несравнимое. Остается—бракъ. И если хорошенько пораздумать, то онъ совсѣмъ уже не такъ и страшенъ, какъ мы при-

выкли думать. Чѣмъ онъ меня стѣснить? Что такое въ сущности женитьба для мужчины? Перебѣна квартиры, обстановки — не больше. Жилъ одинъ, потомъ — вдвоемъ, вотъ и все. Чѣмъ собственно я рискую? А между тѣмъ, мнѣ предстоитъ отрада имѣть около себя наивное существо, постоянно витающее вдали отъ всякихъ житейскихъ дрязгъ и будничныхъ интересовъ. По правдѣ сказать, мы слишкомъ привыкли къ пороку, привыкли купаться въ грязи, а тутъ на меня повѣяла чистая атмосфера идеализма и умственного изящества. Повѣяла незнакомымъ и потому могучимъ очарованіемъ, предъ которымъ разомъ померкли всѣ наши прежнія утѣхи и радости. Вижу, у тебя готовъ сорваться вопросъ: — надолго ли померкли? — Не знаю. Но будь, что будетъ, я рѣшаюсь на бракъ "...

Едва дождавшись вечера, Ильчевскій отправился въ Зарѣчье. Всю дорогу онъ обдумывалъ подходящія фразы, наконецъ рѣшилъ, что скажетъ о своей любви просто и коротко. Варя такъ цѣломудренна, что вѣроятно испугается слишкомъ пылкаго выраженія чувствъ. Но всѣ эти обдумыванія пропали даромъ: въ нему вышла Марья Антоновна и сказала, что Варѣ нездоровится. Завязался тотъ незначительный разговоръ, когда люди говорятъ не о томъ, что ихъ въ ту минуту больше всего интересуетъ.

Ильчевскій не садился, а нервно переходилъ отъ окна къ окну. Наконецъ, увидѣвъ моментъ, когда наступила пауза, онъ поспѣшно протиснулся. Онъ готовъ былъ бы прибить себя за свой глупый порывъ, очевидно оскорбившій дѣвушку. Она считаетъ себя оскорбленной, потому что не знаетъ о его намѣреніи просить ея руки. Онъ могъ бы все это объяснить Марьѣ Антоновнѣ, но за что же онъ лишитъ себя удовольствія видѣть внезапную радость на миломъ лицѣ дѣвушки? Все, разумѣется, кончится къ общему благополучію, — только въ чему эта досадная проволочка! Онъ чуть не вернулся съ полъ-дороги, чтобы высказать все Марьѣ Антоновнѣ, и снова передумалъ: чѣмъ дальше поскучаетъ Варя въ своемъ одинокомъ раздумьѣ, тѣмъ съ болѣшимъ восторгомъ приметъ его предложеніе.

VIII.

Варя въ послѣднее время нѣсколько освоилась съ Борисомъ Петровичемъ, перестала дичиться, сдѣлалась разговорчивѣе. Слушая его, она иногда думала: „человѣкъ, такъ много знающій,

умѣющій такъ хорошо говорить—не можетъ быть дурнымъ“. Ей казалось, что отецъ Петръ не правъ, называя Ильчевского зачерствѣвшимъ эгоистомъ; казалось, что только свѣтское воспитаніе и роскошь усыпили въ Борисѣ Петровичѣ лучшія стороны его души; что, столгнувшись ближе съ печальными сторонами жизни, онъ станетъ другимъ человѣкомъ.

Но когда Ильчевскій, не совладѣвъ съ своей страстью, бросился къ ней, обжегъ ея руки горячими поцѣлуями, Варя потерялась, утратила руководящую нить и не знала, что дѣлать.

Она бросилась въ свою комнату, подбѣжала къ окну и высунулась на половину. Скоро-скоро вдыхала она свѣжій воздухъ тихой ночи.

Спазмъ сдавилъ ей горло, вся кровь прилила къ щекамъ. Ощущеніе гадливости охватило весь ея организмъ. Она ничего не думала, не чувствовала себя оскорбленной, даже не сознавала, что случилось, только видѣла передъ глазами искаженное страстью лицо Ильчевского, и гадливое отвращеніе не покидало ея. Долго не могла она опомниться, не могла собрать мыслей и все стояла у окна. Наконецъ, успокоившись, она стала соображать, что теперь приходится отказаться отъ мелькавшей отрадной надежды вліять на Ильчевского, приходится признать свою несостоятельность,—и на нее напало уныніе.

Опять ея жизнь пойдетъ безцѣльно и праздно!.. Она обвела глазами звѣздное небо, вдругъ почувствовала собственное ничтожество, и слезы брызнули изъ ея глазъ. Всю ночь ей чудилось блѣдное, искаженное лицо Ильчевского, а въ первую минуту пробужденія ее охватила радость, что все это только сонъ. Вскорѣ, однако, предстала и неприятная дѣйствительность.

— Вотъ тебѣ письмо отъ Бориса Петровича, — проговорила, входя въ комнату, Марья Антоновна.

Въ коротенькой запискѣ Ильчевскій просилъ принять его, дозволить разъяснить недоразумѣніе.

Варя встала разбитая, съ замирающимъ сердцемъ и тяжелой головой. Чего бы она не сдѣлала, чтобы только избѣжать этого свиданія!

Она подошла къ столу и опустила на стулъ, собираясь написать отказъ, просить Ильчевского отложить свиданіе, но перо прыгало въ ея дрожащихъ пальцахъ, въ головѣ вмѣсто мыслей былъ только смутный и давящій хаосъ. Она бросила перо: лучше отложить до завтра, когда она, можетъ быть, хоть сколько-нибудь оправится.

Едва успѣла она одѣться и выйти въ столовую къ чаю, какъ

явился Ильчевскій. Не обращая вниманія на разливавшую чай Марью Антоновну, онъ стремительно подался впередъ и протянул Варѣ руку. Старуха догадалась, что готовится объясненіе, и безшумно, бѣглыми шагами удалилась изъ комнаты.

Выслушавъ Ильчевскаго, Варя долго молчала: она не могла говорить отъ волненія, а не потому, что обдумывала отвѣтъ.

Борисъ Петровичъ удивленнымъ взглядомъ смотрѣлъ на нее. Въ ея опущенныхъ глазахъ, въ ея блѣдномъ и грустномъ лицѣ онъ не видѣлъ и тѣни того, что можно бы назвать радостью. Онъ долго вопросительно смотрѣлъ ей въ лицо; она все еще медлила отвѣтомъ.

— Да?—чуть слышно спросилъ Ильчевскій.

Варя, наконецъ, пересилила свое волненіе.

— Нѣтъ!—твердо отвѣтила она.

Отвѣтъ ошеломилъ Ильчевскаго. Въ первый разъ въ жизни онъ растерялся, нѣсколько секундъ не находилъ словъ, а въ это мгновеніе дѣвушка быстро скрылась.

Встрѣтивъ въ дверяхъ Марью Антоновну, Ильчевскій сухо, въ немногихъ словахъ передалъ ей о случившемся. Когда старуха стала его утѣшать, обнадеживать, совѣтовала повременить, онъ чуть не прокричалъ ей:

— Говори, говори, глупая индюшка! Хорошо тебѣ временить, а побывала бы ты въ моей шкурѣ!

Злость на самого себя, на весь свѣтъ разбирала его. На обратномъ пути изъ Зарѣчья онъ встрѣтилъ отца Петра и вспомнилъ, какъ, бывало, мать бросала потихоньку булавку при встрѣчѣ священника. Помимо воли, рука Ильчевскаго поднялась и прикоснулась къ золотой булавкѣ его галстука, но тотчасъ же и опустила: онъ самъ себя устыдился.

Поровнявшись съ помѣщикомъ, старикъ заговорилъ—было о чемъ-то хозяйственномъ, но Борисъ Петровичъ рѣзко оборвалъ его:

— Извините, батюшка, мнѣ некогда!

Отецъ Петръ долго глядѣлъ ему вслѣдъ.

По намекамъ Марьи Антоновны, старикъ догадался, что молодой помѣщикъ ухаживаетъ за Варей, но относился къ этому по-своему.

— Мало ли ихъ, столичныхъ шалопаевъ, готовыхъ отъ праздности и скуки, либо ради прихоти, смутить чистую душу дѣвушки!—говорилъ онъ про себя.—Онъ догадывался, что Марья Антоновна надѣется выдать племянницу за Ильчевскаго, но приписывалъ эту надежду женскому легкомыслию, и въ душѣ не одобрялъ старуху.

— Хорошо было бы, еслибы этотъ баринъ женился на Варварѣ Павловнѣ; да нѣтъ, гдѣ же, какая она ему партія!— заключилъ про себя старикъ, провожая взглядомъ Ильчевскаго.

Того же дня вечеромъ Борисъ Петровичъ писалъ: „Я пораженъ, Костя, я уничтоженъ! Она отказала, отказала наотрѣвъ, не подавая надеждъ, не требуя времени на это общепринятое, пошлое „подумаю“. Прямо, рѣшительно сказала: „нѣтъ“—и кончено! А ты еще подозрѣвалъ ее въ хитрыхъ расчетахъ! Нѣтъ, другъ, въ ней столько же фальши, сколько въ насъ съ тобой... ну, хоть готовности къ самопожертвованію. Тетка ея всполошилась, раскудаhtалась—еще бы: такая партія!—и увѣряетъ, что не нужно еще терять надежды. Я цѣпляюсь за ея увѣренія, хотя по временамъ они кажутся мнѣ соломинкой утопающаго. Я хожу какъ потерянный, въ головѣ все одно и то же, всѣ мои помыслы стремятся къ чудной дѣвушкѣ. Ахъ, эта стройность и грація, эти большіе глаза, пугливые и печальные, эти дивныя черныя косы! Я, кажется, съ ума схожу“!..

IX.

Марья Антоновна ждала воскресенья, чтобы зайти послѣ обѣдни къ отцу Петру и сообщить ему о сватовствѣ Ильчевскаго. Она хотѣла просить старика поговорить съ Варей, посоветовать ей не торопиться отказомъ такому завидному жениху. Если она не рѣшается сейчасъ дать согласіе, то пусть же по крайней мѣрѣ подумаетъ. Гдѣ же это видано, чтобы такъ отзывали? Вѣдь это прямо-таки оскорбленіе Борису Петровичу.

Въ ожиданіи воскресенья, Марья Антоновна занималась такимъ труднымъ и непривычнымъ дѣломъ, какъ составленіе письма племяннику Григорію Павловичу. Она просила его о томъ же, о чемъ намѣревалась просить отца Петра, и закончила письмо убѣдительною просьбой немедленно написать Варѣ. На это письмо старуха возлагала большія надежды: Варя очень любила брата.

Кромѣ всего этого, Марья Антоновна постоянно заговаривала съ племянницей насчетъ того, что въ настоящее время такіе люди, какъ Борисъ Петровичъ, большая рѣдкость, что каждая благоразумная дѣвушка сочла бы за честь и за большое счастье понравиться ему и проч. Всѣ эти разговоры до того раздражали дѣвушку и до того ей надоѣли, что она почти не жила дома. Она боялась теперь ходить по направленію къ Сосновеѣ, и ходила въ противоположную сторону. Погода, къ счастью, стояла

хорошая, и Варя постоянно совершала далекия прогулки. Она любила природу, и лицомъ къ лицу съ ней чувствовала себя свободнѣе и лучше, чѣмъ въ стѣнахъ дома. Проходя мимо сжатыхъ полей, мимо красиво пестрѣвшихъ деревьевъ, она задумчиво всматривалась въ даль. Въ воздухѣ плавно носились нити паутины, громко гудѣли шмели, сытые воробьи глядѣли смѣло, гдѣ-то вдали рѣзко заливалась какая-то голосистая птица... Кругомъ кипѣла жизнь, замѣчалось какое-то всеобщее довольство, а мысли Вари были невеселыя, горькія мысли. Куда ей дѣвать свои силы, свою жажду полезнаго дѣла? Сколько добра было бы сдѣлано, еслибъ не замѣшалась любовь!.. Не даромъ она всегда съ гадливымъ отвращеніемъ думала объ этомъ чувствѣ. Не замѣшайся оно, и ея дружба съ Ильчевскимъ все укрѣплялась бы, наконецъ дала бы ей власть надъ нимъ, а тогда она съумѣла бы призвать его къ добру... Теперь все это рухнуло. Она боится даже встрѣтиться съ нимъ и не въ силахъ будетъ говорить. Ей все мерещится его отвратительно измѣнившееся лицо, какъ-то звѣрски плотоядное.

Внезапное сопривосновеніе съ реальнымъ проявленіемъ страсти возмутило всю ея душу, и она трепетала при одной мысли видѣться съ Ильчевскимъ, говорить съ нимъ. Оставалась еще надежда, что онъ скоро покинетъ Сосновку, но вскорѣ выяснилось, что Борисъ Петровичъ и не думаетъ собираться въ Петербургъ. Онъ уѣзжалъ въ свое другое имѣніе, но дней черезъ десять вернулся. Спустя двѣ недѣли послѣ личнаго объясненія, Ильчевскій повторилъ предложеніе письменно. Въ концѣ письма онъ говорилъ, что готовъ перемѣнить свой образъ жизни, увѣрялъ Варю, что будетъ дѣйствовать по указанію ея гуманныхъ чувствъ, поможетъ ей осуществить всѣ ея планы.

Покуда Варя читала письмо, Марья Антоновна сторала отъ нетерпѣнія. Дѣвушка прочитала и задумалась. Марья Антоновна не выдержала.

— Варя!—окликнула она, едва скрывая раздраженіе.

Варя повернула къ ней голову.

— Что же ты не даешь мнѣ прочесть?

Дѣвушка покраснѣла. На лицѣ у нея проступили смущеніе и досада.

— Ничего новаго... Повторяетъ предложеніе...

— Опять?—радостно вскрикнула Марья Антоновна.—И ты снова обидишь его рѣзкимъ отказомъ?? Нѣтъ, Варя, это невозможно! Ты хоть обсуди, разберись въ мысляхъ... Это такъ неожиданно...

Она встала-было со стула, потомъ снова опустилась и выжидательно глядѣла на племянницу.

Дѣвушка молчала, только нетерпѣливо шевельнула бровями. Ей и жаль было тету, и въ то же время досадно на нее. Она знала, что Марья Антоновна желаетъ ей добра; но ей неприятно было теткинo стараніе выдать ее за Ильчевского. Варѣ оно было противно потому, что вѣдь тетка хлопочетъ изъ-за его богатства.

— Наконецъ, разсуди хоть то, — заговорила Марья Антоновна, — что у тебя будутъ средства помогать бѣднякамъ, а развѣ для твоей сострадательной души это не великая отрада? — Голубка моя, — добавила она, — ты сама не знаешь, отъ чего ты отказываешься!..

Варя встала и, молитвенно сложивъ руки, тихо проговорила:

— Тетя, дорогая, не говорите больше объ этомъ, оставьте меня!.. Я не знаю еще... можетъ быть... — Она быстро повернулась и вышла.

Марья Антоновна облегченно вздохнула: если согласилась подумать, значить — сдаться!

Х.

Прочитавъ теткинo письмо, Голиневичъ усмѣхнулся: плохого ходатая выбрала себѣ старуха. Онъ не только не станетъ „урезонивать“ Варю, но, напротивъ, очень радъ за нее. Значить, она не на вѣтеръ говорила, что не пойдетъ замужъ. Да и что такое этотъ Ильчевскій? Должно быть, препорядочная дрянъ уже потому, что равнодушенъ къ крестьянскимъ нуждамъ. На этихъ мысляхъ его засталъ Карповичъ. Въ разговорѣ выяснилось, что Карповичъ зналъ одно время и даже часто встрѣчалъ у общихъ знакомыхъ какого-то Ильчевского, но едва ли это — тотъ самый...

— Да нѣтъ, это другой! Тотъ бы не присватался, не таковский! — добавилъ Карповичъ. — Это надо будетъ разузнать.

Спустя нѣсколько дней, онъ сообщилъ Голиневичу, что именно этого Ильчевского онъ и знаетъ.

— Что-жъ это за птица?

— Такъ себѣ, праздный вивѣръ, женолюбъ...

— Пошлякъ и подлець?

— Нѣтъ; просто свищъ. Вотъ какъ пустой орѣхъ: раскуси скорлупу — внутри одна пыль. Многіе впрочемъ находили, что въ немъ есть что-то обаятельное, покоряющее... И, кажется, онъ имѣлъ успѣхъ у женщинъ, не слишкомъ падкихъ до нравствен-

ныхъ качествъ. Правда, у него прекрасныя манеры, много свѣтскаго лоска и вообще...

— Вообще у него, какъ у большинства этихъ свѣтскихъ тунеядцевъ, культурна одна только внѣшность, а нутро самое плебейское, неотесанное!

— Имѣй, однако, въ виду, что у него солидное состояніе.

— Плевать намъ на его состояніе!

— А по здѣшнему—это партія завидная, и каждая дѣвушка, не задумываясь, пошла бы за него.

— Сестра на деньги не польстится.

— Твоя сестра странная дѣвушка,—сказалъ Карповичъ, задумчиво глядя на Варинъ портретъ.

— Да; она, впрочемъ, росла въ слишкомъ нездоровой атмосферѣ, и это наложило на нее свой отпечатокъ.

XI.

Нѣсколько дней Варя уединялась. Цѣлыми часами сидѣла она запершись въ своей комнатѣ или одиноко бродила въ лѣсу, въ полѣ. Въ ней происходила внутренняя борьба.

Отдать всю свою жизнь, всѣ силы, всю себя, ради возможности дѣлать добро—развѣ это не подвижъ? Сдѣлать это тихо, безъ фразъ, никому не признаваясь!.. Но хватить ли у нея силъ безропотно принести себя въ жертву? А какой подвижъ обходится безъ страданія? Развѣ легко солдату повидать по чужой волѣ родной домъ, родной очагъ и подставлять грудь подъ пули? Развѣ женщина, побѣхавшая на край свѣта лечитъ проваженныхъ, не страдала отъ всевозможныхъ лишеній? Да мало ли жертвъ люди приносятъ, а она вотъ не рѣшается, носится съ своей особой.. Но вѣдь она не любитъ Ильчевскаго, и честно ли вступать въ бракъ съ человѣкомъ, къ которому не чувствуешь ни малѣйшаго влеченія? Нѣтъ, въ этомъ она не видитъ ничего безчестнаго, и теперь, въ виду ея цѣли, это даже и лучше: личная любовь всегда была и будетъ помѣхой всему хорошему, всегда будетъ неволей, насиліемъ человѣческой свободы.. И снова въ душѣ дѣвушки возникаетъ надежда, что ея безцѣльная жизнь можетъ получить серьезный смыслъ; благородная роль подвижницы туманила ей голову и увлекала все сильнѣе; затѣмъ опять нападалъ страхъ и сомнѣніе въ собственныхъ силахъ.

Въ одну изъ минутъ такихъ горькихъ сомнѣній она написала обо всемъ брату, прося у него совѣта и поддержки. За-

канчивалось письмо словами: „часто вижу во снѣ грустное лицо мамы. Не знаю, религіозна я, или нѣтъ, но по временамъ мнѣ вѣрится въ загробный міръ и думается, что, можетъ быть, умершіе смотреть на насъ оттуда“.

Отославъ письмо, дѣвушка нѣсколько успокоилась и стала ждать отвѣта.

Но все-таки ей тяжело было дома. Когда ее охватывали мучительные припадки душевной смуты, она уходила въ садъ или на дорогу. Иногда ей казалось, что, рѣшаясь на бракъ, она измѣняетъ самой себѣ, своимъ мечтамъ, всему тому, что она любила, съ чѣмъ сжилась и сроднилась. Она обращалась къ природѣ, какъ бы ища у нея одобренія. Деревья тихо покачивали своими верхушками, опавшіе листья уныло шелестѣли подъ ногами, и въ этомъ покачиваніи, въ этомъ шелестѣ ей чудился укоръ. Тогда она рѣшала, что непременно откажетъ Ильчевскому, и это ее успокаивало, но не надолго.

Разъ какъ-то она возвращалась съ прогулки въ довольно мирномъ настроеніи.

Стоялъ теплый и ясный сентябрьскій день. Тишина опустѣвшихъ полей, береза, медленно роняющая желтые листья, свирда сѣна съ молчаливой птицей на вершинѣ,—все какъ бы задумалось и приняло; все какъ будто дышало какою-то ласковой, трогательной грустью.

Варя уже приближалась къ хутору, какъ ее облинула сосновская учительница, Анна Петровна Силина, немолодая, некрасивая дѣвушка, съ хмурымъ лицомъ, угловатыми манерами и рѣзкой, отрывистой рѣчью.

Она на дняхъ только вернулась изъ другого уѣзда, гдѣ провела каникулы.

— А я къ вамъ на минутку,—сказала Анна Петровна, поворачившись съ Варей,—только проститься. Сдала школу и завтра уѣзжаю: поступаю на фельдшерскіе курсы.

— Учительство бросаете?

— Какое тутъ учительство! Ихъ прежде всего кормить да лечить надо... Вѣдь если „сытое брюхо къ ученью глухо“, то больное да голодное—и подавно!.. Вѣдь тутъ страхъ что дѣлается!..

И она стала рассказывать, что въ Сосновкѣ вчера похоронили молодую женщину, умершую въ родахъ. Повитухи пѣрили женщину въ банѣ, поили водкой, давали рвотный камень, подвѣшивали къ палатамъ и встряхивали за ноги. Акушерку не могли разыскать, а врача привезли только на третьи сутки, когда несчастную уже замучили.

Слушая рассказъ, Варя смертельно побѣднѣла и захохла.

— Что тутъ охать!—досадливо проговорила Силина:—отъ вашихъ стоновъ никому не легче! И развѣ это единичный случай? Развѣ тутъ мало дѣлается возмущающихъ душу гадостей? Насмотрѣлась я всего. Я видѣла, какъ грудныхъ младенцевъ совали въ горячую печь на хлѣбной лопатѣ, видѣла, какъ отравлялись купоросомъ да сулемой; знаю, что къ нарывамъ и язвамъ прикладываютъ глину, овечью шерсть и всякія нечистоты...

— Боже мой, Боже!—снова глухо проговорила Варя. Анна Петровна иронически усмѣхнулась.

— Странно, что вы этого раньше не знали!—Варя вспыхнула, на глазахъ ея навернулись слезы стыда за себя. Какъ ничтожна и жалка она съ своей бессильной скорбью, съ своими бесплодными порывами! Что она дѣлала эти два года, что? Смѣшная, жалкая мечтательница!..

Все это быстро пронеслось въ головѣ Вари, но она молчала. Иронія и рѣзкости Силиной всегда стояли между дѣвушками и мѣшали ихъ сближенію. Почти у самой усадьбы Марья Антоновны Силина остановилась и сказала:

— Впрочемъ, можно и здѣсь проститься, очень тороплюсь. Дѣвушки стояли нѣсколько минутъ молча, наконецъ Анна Петровна спросила:

— А вы что думаете дѣлать? Скоро уѣдете къ брату?

Варѣ не хотѣлось откровенничать, но и не отвѣчать она считала не деликатнымъ.

— Есть кое-какіе планы, но я еще не рѣшила,—сухо проговорила она.

— Что же мѣшаетъ? Если насчетъ денегъ затрудненіе, то это—плевое дѣло: только на дорогу у тетеньки возьмите, а тамъ—товарищество выручить. Свѣтъ вѣдь не безъ добрыхъ людей и не клиномъ сошелся!..

— Нѣтъ, меня затрудняютъ не деньги, а такъ, являются сомнѣніе въ своихъ силахъ, страхъ...

— Это-то и скверно. Разъ есть цѣль и стремленіе что-нибудь сдѣлать для ближняго,—личныя соображенія надо гнать прочь...

— Это легко сказать! Бываютъ положенія, когда при всемъ желаніи трудно побѣдить жалость къ себѣ.

— А... Тогда надо махнуть на все рукой и жить празднымъ тунеядцемъ. Лучше ничего не дѣлать, чѣмъ дѣлать на половину, съ оглядкой да съ расчетцемъ! Надо отдавать или всю себя, или ужъ совсѣмъ закрыть глаза и заткнуть уши, чтобъ не ви-

дѣть чужихъ страданій, не слышать стонѡвъ и воплей!.. Да: все или ничего! Компромиссы тутъ невозможны!.. Однако, прощайте, спѣшу къ отцу Петру.—Она наскоро пожала Варѣ руку и пошла обратно. Весь остальной день Варѣ нездоровилось: то въ жаръ бросало, то знобило. Легла она рано, но ей долго не спалось. Мысли ея были безпорядчны, мелькали какими-то обрывками, пережитое мѣшалось съ настоящимъ. Она старалась не думать о томъ, что слышала отъ Силиной; но чѣмъ больше она старалась, тѣмъ упорнѣе воображеніе рисовало ей ужасныя картины. Наконецъ мысли совсѣмъ спутались, слились въ какой-то хаосъ и она уснула.

Ей снилось, будто она очутилась въ какой-то темной гушинѣ лѣса; она старается выбраться оттуда, бродитъ ощупью, натывается на деревья, на кочки, царапаетъ себѣ лицо. И вдругъ свѣтъ: къ ней подходитъ мать, беретъ ее за руку и куда-то везетъ. Онѣ идутъ долго, но наконецъ приходятъ въ ярко освѣщенную избу, гдѣ толпятся люди; всѣ что-то говорятъ, куда-то указываютъ; она глядитъ по направленію ихъ рукъ и холодѣетъ отъ ужаса: на лавкѣ лежитъ женщина съ запрокинутой назадъ головой, съ лицомъ, искаженнымъ муками; изъ груди женщины вырываются какіе-то хриплые, свистящіе стоны. Варя порывается къ ней, силится закричать—и не можетъ: ноги точно приросли, горло будто сдавилъ кто-то. А стоны женщины становятся все громче, все пронзительнѣе и наконецъ сливаются въ одинъ долгій нечеловѣчскій вопль. Варя проснулась вся въ холодномъ поту...

Вскорѣ она опять заснула и болѣзненное сновидѣніе продолжалось. Этотъ страшный лихорадочный сонъ тянулся безконечно: дѣвушка просыпалась, тотчасъ же опять засыпала и снова видѣла все то же. Только къ разсвѣту она уснула спокойнѣе.

Утромъ ей тяжело было подняться, но она все-таки встала и одѣлась, боясь оставаться въ постели, чтобы совсѣмъ не расхвораться.

Цѣлый день она не могла отвязаться отъ видѣнной во снѣ картины и все время въ ухахъ ея раздавались укоры Силиной, слышался ея послѣдній суровый завѣтъ:

— „Все или ничего, компромиссы тутъ невозможны!“—Къ вечеру у нея наконецъ явилась рѣшимость побороть свое отвращеніе къ браку. Но когда она сказала объ этомъ тетѣ, ей опять стало холодно и жутко. Марья Антоновна на мигъ обрадовалась, но, взглянувъ на племянницу, вдругъ оторопѣла: въ лицѣ дѣвушки не было ни кровинки, а глаза горѣли нездоровымъ блескомъ.

— Ты совсѣмъ больна!—въ испугѣ воскликнула Марья Антоновна.

— Не обращайтесь на меня вниманія, прошу васъ!

— Но на тебѣ лица нѣтъ! Чтѣ съ тобой? Дитя мое, если тебѣ такъ тяжело, то зачѣмъ же спѣшить?.. Съѣздимъ въ монастырь, помолимся, а тогда ужъ и примешь рѣшеніе, какое тебѣ Господь положитъ на душу.

— Нѣтъ, я уже рѣшилась.

Вечеромъ пришелъ отецъ Петръ. Узнавъ отъ Марьи Антоновны о Варинѣмъ рѣшеніи, онъ пристально взглянулъ на дѣвушку и пережѣнилъ разговоръ. Старикъ весь остальной вечеръ былъ разсѣянъ, какъ бы чѣмъ-то озабоченъ. При прощаньѣ онъ благословилъ Варю, и, опять пристально взглянувъ на ея печальное лицо, тихо произнесъ:

— Такъ ли, иначе ли, вамъ надо пристроить къ хорошему дѣлу вашу горячую душу, но избирайте путь, который указываетъ сердце... Добро всегда одно, только формы его разнообразны... И не надо вставлять себя въ тѣсныя рамки!..

Дѣвушка прижалась головой къ его плечу, и въ первый разъ за все время ея душевной борьбы слезы облегчили ей грудь.

ХІІ.

„Ставь, Константинъ, крестъ надо мною,—писалъ Ильчевскій,—и скажи всѣмъ нашимъ, что для васъ я умеръ, я не существую: я женюсь!

„Варя, наконецъ, согласилась быть моею женою, и я счастливъ безмѣрно, безпредѣльно. Я пьянѣю отъ счастья и дѣлаю такіе промахи, что самъ себѣ удивляюсь. Не дальше какъ вчера, показывая ей заново отдѣланныя комнаты, я подвелъ ее къ нашей будущей спальнѣ, и тогда только понялъ мою безтактность, когда почувствовалъ, какъ рука Вари дрогнула на моей рукѣ, а на миломъ личикѣ затрепетали тѣни страданія. Я постоянно долженъ сдерживаться: слишкомъ шумныя выраженія восторга пугаютъ и смущаютъ ее. Сама она не любитъ говорить о своихъ чувствахъ, вообще говорить мало, но, кажется, вся она—въ мечтахъ о благѣ меньшей братіи. Вижу, ты морщишься: это старо, избито, всѣмъ надоѣло. Согласенъ; но еслибъ ты хоть разъ взглянулъ на мою Варю, то понялъ бы, почему я смотрю севозъ пальцы на всѣ эти наивныя бредни. Потомъ онѣ, конечно, отойдутъ на задній планъ, сами собой улягутся и, я увѣренъ, мнѣ

не придется съ ними считаться; но теперь у меня не хватает духу противорѣчить. Да и нельзя же молодой, красивой женщины ставить въ счетъ всякій пустякъ! Я не согласенъ съ тобой, что глупость въ хорошенькой женщины привлекательна, но признаюсь, всегда боялся не совсѣмъ пріятной въ молодой женщины разсудительной практичности. И надо бы тебѣ видѣть, съ какой смѣшной дѣловитостью Варя произноситъ, своими алми губками, что-нибудь въ такомъ родѣ: „Мы не будемъ жить исключительно для себя; только тупой, самодовольный эгоизмъ можетъ удовлетворяться личнымъ счастьемъ!“ И все это она говоритъ пресерьезно, очевидно воображая, что открываетъ Америку. Я ей поддакиваю, хоть въ это время мнѣ хотѣлось бы говорить ей всякій пламенный вздоръ и всю ее осыпать поцѣлуями. Бываютъ минуты, когда я испытываю почти невыносимыя муки, но и въ самыхъ этихъ мукахъ есть своего рода наслажденіе. Когда я беру на себя роль будущаго благодѣтеля сосновцевъ, изъ ея груди по временамъ вырываются возгласы переполненной радости, а глаза свѣтятся и сіяютъ какъ звѣзды. На дняхъ я въ какихъ-нибудь полчаса кругомъ облагодѣтельствовалъ всю Сосновку. Я завалилъ мужиковъ хлѣбомъ, топливомъ; выстроилъ имъ просторныя, свѣтлыя избы, образцовую школу, больницу; досталъ имъ фельдшера, питающаго органическое отвращеніе къ водеѣ, и безкорыстнѣйшаго врача, готоваго положить за бѣдняковъ свою душу. Хоровое пѣніе, свѣтвыя картины и воскресныя чтенія пришлись имъ до того по вкусу, что дорога въ кабакъ вдругъ заросла бурьяномъ, а жирный цѣловальникъ сталъ худъ какъ щепка. Но я великодушенъ, я сказалъ ему нѣсколько теплыхъ, прочувствованныхъ словъ, и это мгновенно перевернуло все его, цѣловальничье, міровоззрѣніе: онъ предалъ кабакъ анаемѣ и сдѣлался скромнымъ, трудолюбивымъ пчеловодомъ. Словомъ, все шло прекрасно, только, разсуждая о пчеловодствѣ и огородничествѣ, я что-то сморозилъ, и Варя посмотрѣла на меня широко открытыми глазами. Къ счастью, я очень быстро оправился и поспѣшилъ свернуть на то, что восхищенъ и пораженъ ея умомъ, отзывчивостью, великодушіемъ; женщина любить, чтобы ее ставили на пьедесталъ, въ этомъ она видитъ поэзію, отъ которой у нея слегка кружится голова. Я увѣренъ, что и въ моей Варѣ кроется эта милая женская слабость. Впрочемъ, въ ней все мило, все очаровательно, и я люблю ее до безумія! Вѣришь ли, Константинъ, вспоминая все пережитое, я не нахожу ни одного волненія, которое хотѣлъ бы вновь пережить, и ни одна изъ женщинъ, которыхъ я зналъ,

недостойна стать рядомъ съ моей несравненной Варей. Вчера тетя увезла ее въ сосѣдній монастырь говѣть, и, не видя ея, я нахожу большое наслажденіе думать о ней, излагать мысли о ней на бумагѣ. Вблизи Варя вызываетъ во мнѣ жажду объятій, поцѣлуевъ; отсутствующая—она кажется мнѣ окруженной ореоломъ идеализма, поэзій, и я самъ какъ будто нахожусь подъ впечатлѣніемъ какого-нибудь великаго произведенія поэзій или музыки "...

Кончивъ письмо, Ильчевскій хотѣлъ-было вложить его въ конвертъ, потомъ развернулъ сложенный вчетверо листъ и написалъ:

„P. S. Дня черезъ два или три Варя пріѣдетъ, и недѣли черезъ двѣ мы повѣнчаемся. Теперь, Константинъ, прощай надолго—мнѣ будетъ не до писемъ“.

ХІІІ.

Григорій Павловичъ въ сильномъ волненіи нѣсколько разъ перечитывалъ письмо Вари.

Она проситъ совѣта и поддержки, но что онъ ей скажетъ? Прежде всего ему хотѣлось бы сказать:

— Брось все и пріѣзжай! Бракъ не можетъ и не долженъ быть дѣломъ великодушія, и никакія побужденія и цѣли въ немъ неумѣстны, если нѣтъ любви или по крайней мѣрѣ симпатіи, влеченія... Но какъ взять на себя отвѣтственность за всю будущую жизнь сестры? При томъ же онъ все-таки ничего опредѣленнаго объ Ильчевскомъ не знаетъ. Тутъ онъ вспомнилъ опять Карповича, и побѣждалъ къ нему: можетъ быть, Карповичъ сообщитъ ему еще какія-нибудь подробности.

Ничего новаго Карповичъ сказать не могъ, только старался успокоить Голиневича: вѣдь Ильчевскій могъ измѣниться къ лучшему; если онъ добивается брака, значитъ—полюбилъ серьезно, а любовь, говорятъ, творитъ чудеса и прочее. Наконецъ онъ умолекъ и долго шагалъ по комнатѣ. Вдругъ онъ остановился, хлопнулъ себя по лбу и воскликнулъ:

— А знаешь, вѣдь я имѣю полнѣйшую возможность узнать, что такое этотъ Ильчевскій *теперь* и какъ онъ относится къ твоей сестрѣ!

Карповичъ припомнилъ, какъ мѣсяца два назадъ ему пришлось быть на одной пирушкѣ, гдѣ за Ильчевскаго пили и много толковали въ шутивномъ тонѣ о какихъ-то его письмахъ. Къ

этимъ толкамъ Карповичъ отнесся тогда безъ всякаго вниманія, но вотъ теперь припоминаеть, что говорилось о новомъ увлеченіи Ильчевскаго, и нѣсколько разъ произнесено было: „деревенская идиллія“.

— Быть не можетъ, чтобы въ этихъ письмахъ не говорилось о твоей сестрѣ,—замѣтилъ Карповичъ;—надо разспросить Бакшеева.

— Бакшеева, бѣлобрысаго, толстаго офицерика?

— Да; онъ вѣдь первѣйшій другъ Ильчевскаго.

Уговорились разспросить Бакшеева какъ можно скорѣе. Съ тѣмъ и разстались. Голиневичъ рѣшилъ, что если ничего опредѣленнаго черезъ недѣлю не узнаеть, то бросить все и махнетъ самъ въ Зарѣчье. Въ министерствѣ косо посмотрятъ на него за эту отлучку, но чтѣ же дѣлать? Чортъ съ ней, со службой, когда дѣло идетъ о Варинѣ будущности!

Возвращаясь отъ Карповича къ себѣ, Голиневичъ все время думалъ о сестрѣ. Изъ ея писемъ не видно, чтобы Ильчевскій ей нравился, и трудно понять, почему она вдругъ перемѣнила свой взглядъ на замужество. Она прямо не признается въ своемъ послѣднемъ письмѣ, что у нея есть какія-то другія цѣли и побужденія, но должно быть есть. Помнится, она еще при первомъ знакомствѣ съ Ильчевскимъ писала, что хотѣла бы попытаться „разбудить въ немъ его хорошіе инстинкты“. И какъ онъ могъ не обратить вниманія на это? Ему нужно было тогда охладить ее, не дать разгораться этой мечтѣ, хотя и трогательной, но наивной до смѣшнаго. Впрочемъ, кто-жъ его знаетъ, каковъ теперь этотъ Ильчевскій. Можетъ быть, чистая душа Вари облагородить его умъ и сердце. На другой день явился Карповичъ и, бросивъ на столъ пачку писемъ, принялся съ увлеченіемъ расхваливать Бакшеева.

— Молодчина, настоящая военная косточка!.. Чуть только я объяснилъ, въ чемъ дѣло, онъ безъ лишнихъ словъ, живо отперъ ящикъ письменнаго стола, отобралъ и вручилъ мнѣ вотъ эти писульки... Я хотѣлъ-было просмотрѣть ихъ тамъ же, у него въ квартирѣ, а онъ схватилъ ихъ, засунулъ мнѣ въ карманъ и сказалъ, что дарить ихъ тебѣ на память.

„Пусть, говорятъ, другъ вашъ успокоится: въ этихъ письмахъ Борька Ильчевскій превозноситъ его сестру до небесъ, молится на нее“!—Я, разумѣется, радъ-радѣшенекъ, потому что спѣшу, да и самъ ты лучше поймешь, чтѣ и какъ.

Карповичъ схватилъ шапку и протянулъ Голиневичу руку. Тотъ, не замѣчая протянутой руки, жадно набросился на письма.

Онъ пробѣжалъ ихъ вѣско, потомъ подобралъ по числамъ и еще разъ перечиталъ. Кончивъ послѣднее, онъ порывисто всталъ и воскликнулъ:

— Подлецъ, подлецъ! Все это тягучее краснорѣчье—одно издѣвательство, одинъ сплошной цинизмъ!

Долго шагаль онъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Ему не хотѣлось вѣрить, чтобы Варя, съ ея чуткостью, не разгадала Ильчевскаго.

— Не можетъ быть, чтобы въ концѣ концовъ она не разглядѣла въ немъ подлеца!—снова воскликнулъ онъ, подходя къ звонку.

Онъ позвонилъ и велѣлъ позвать извозчика, а самъ сталъ вѣско укладываться. Было два часа ровно, а въ половинѣ третьяго отходилъ курьерскій поѣздъ.

Григорій Павловичъ рѣшилъ ѣхать немедленно, и надѣялся поспѣть въ Зарѣчье еще въ-время. Чемоданъ былъ почти уложенъ, какъ въ дверь постучались и подали депешу. Она была отъ Марьи Антоновны.

„Сейчасъ повѣнчались. Поздравь молодыхъ телеграммой“,— пробѣжалъ Голиневичъ и опустилъ руки. Все кончено, и поворотъ уже невозможенъ, хоть бы онъ летѣлъ на крыльяхъ!

Въ ту же минуту онъ бросился запираеть дверь: мысль вого-нибудь видѣть казалась ему невыносимой. Онъ пролежалъ весь остатокъ дня. Грудь у него болѣла и ныла, на душѣ было холодно и пусто. Имъ овладѣло ощущение, какое люди испытываютъ послѣ похоронъ близкаго человѣка. Онъ какъ бы самъ себя хоронилъ.

Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ ему жить теперь? Кому онъ нуженъ, какой смыслъ въ его существованіи? Варѣ не нужны ни онъ самъ, ни его заботы. Съ этихъ поръ ему нѣтъ мѣста въ ея душѣ, тамъ теперь царить и властвуетъ человѣкъ чужой и, главное, скверный человѣкъ. Такой человѣкъ переѣннится къ лучшему не можетъ, но пусть бы онъ хоть притворился, пускай бы она была счастлива, хоть въ невѣдѣніи!..

— Да, она должна быть счастлива, иначе я перерѣжу ему горло!—пробормоталъ Григорій Павловичъ, поднимаясь съ кровати.

Онъ накинулъ пальто, поднялъ воротникъ, надвинулъ на глаза фуражку и вышелъ. Онъ боялся встрѣчь и хотѣлъ только подышать воздухомъ, чтобы хоть сколько-нибудь успокоить расхолодившіеся нервы.

Шагая по улицамъ, онъ все время думалъ о сестрѣ. Съ ка-

кой стороны ни взять — бракъ ея не представляетъ ничегó хорошаго. Если у нея были какія серьезныя цѣли и стремленія, то онѣ разсѣются какъ туманъ: на такихъ господчиковъ, какъ Ильчевскій, можетъ вліять только скверная, безсердечная женщина, да и вообще участь такихъ кроткихъ женщинъ, какъ Варя—въ замужествѣ незавидная участь, особенно если она привяжется къ мужу, полюбитъ его. Тогда она погибла, она—раба. Мужчины любятъ глупо, безумно, только вапризныхъ, жестовихъ женщинъ, скупыхъ на ласки и нѣжность. Только такая страсть вѣчно жаждетъ и не находитъ полного удовлетворенія. Иначе въ чемъ же разгадка непонятной власти дурныхъ, безсердечныхъ женщинъ? На каждомъ шагу мы видимъ образованныхъ, умныхъ и добрыхъ людей, трепещущихъ передъ ничтожнѣйшею изъ женщинъ, дѣлающихъ величайшія низости. Прекраснѣйшіе люди бросаютъ въ нищету женъ, дѣтей, заставляютъ ихъ проливать слезы. И все это дѣлается сплошь да рядомъ ради холодной, бездушной красивой куклы, иногда даже некрасивой, а только грубой, настойчивой, живой... Таковую бы вотъ жену нужно Ильчевскому, она бы скрутила его по рукамъ и по ногамъ... А Варя... Гдѣ ей! Чтò, еслибы она прочитала его письма, еслибы знала, что Ильчевскій видитъ въ ней только игрушку?..

Долго бродилъ Григорій Павловичъ въ глубокомъ раздумьѣ. Было уже далеко за полночь. Прохожіе попадались все рѣже; онъ не замѣчалъ времени и поворачивалъ изъ улицы въ улицу.

XIV.

Почти два года крѣпился Голиневичъ и не ѣхалъ на родину. Онъ получилъ мѣсто съ хорошимъ окладомъ и въ средствахъ не стѣснялся; но онъ не хотѣлъ быть навязчивымъ, все ждалъ отъ сестры приглашенія. Кромѣ того, онъ не довѣрялъ самъ себѣ, боялся, что не сумѣетъ сдерживаться и сразу станетъ съ Ильчевскимъ въ дурныя отношенія, а это можетъ повредить Варѣ. Онъ зналъ по письмамъ, что Ильчевскіе тогда же, вскорѣ послѣ свадьбы, переѣхали въ Хрѣновскъ. Въ послѣднее время у него все чаще мелькала мысль перевестись на службу куда-нибудь въ провинцію. Чтò ему Петербургъ теперь, когда онъ не могъ уже переселить сюда сестру? Одиночество ему страшно надоѣло, а онъ былъ постоянно одинокъ. Онъ не запрашивался отъ людей, но чувствовалъ, что знакомые и сослуживцы его не любятъ, что среди нихъ онъ лишній, онъ только тяго-

титъ собою. Его считали чопорнымъ, потому что онъ не любилъ ни циничныхъ шутокъ, ни свабрѣзныхъ анекдотовъ. Единственный человѣкъ, котораго онъ любилъ, Карповичъ,—какъ нарочно уѣхалъ надолго въ Кіевъ.

Остальные знакомые были или неинтересные, самые обыкновенные люди, или лживые, чего Голиневичъ совсѣмъ не выносилъ, и крайне былъ къ этому чуждъ. Усвоенная съ дѣтства наблюдательность и житейскій опытъ сдѣлали то, что отъ него не могла ускользнуть ни малѣйшая фальшь людская, какъ бы она ни была хорошо прикрыта; женскаго общества онъ избѣгалъ вообще, а молодыхъ, кокетливыхъ женщинъ—просто ненавидѣлъ.

Такъ проходилъ мѣсяцъ за мѣсяцемъ, такъ миновало почти два года. Наконецъ его сильно потянуло на родину. Онъ уже не въ силахъ былъ противиться и, отбросивъ всякія соображенія относительно Ильчевского, взялъ двухмѣсячный отпускъ.

Въ Хрѣновскѣ онъ опять не останавливался, только взялъ лошадей до Зарѣчья. Ему хотѣлось сперва повидаться съ Марьей Антоновной и разспросить ее о Варинѣ житьѣ.

Въ письмахъ Марья Антоновна постоянно выражалась уклончиво и осторожно, но племянникъ зналъ, что въ разговорѣ тетка отброситъ свою осторожность и выболтаетъ все.

Пріѣхалъ Григорій Павловичъ сюрпризомъ, и потому Марья Антоновна долго заливалась радостными слезами. Наконецъ, выплакавшись и успокоившись, старуха начала передавать разныя подробности изъ жизни Ильчевскихъ.

Изъ ея словъ выяснилось, что между Варей и ея мужемъ полная рознь во взглядахъ и вкусахъ.

— Этого надо было ожидать,—замѣтилъ Голиневичъ:—они совсѣмъ не пара.

— Ахъ, Боже мой, кто же знаетъ? Варя сама виновата.

— Напримѣръ?

— Да какъ же: все не по ней, все ей не нравится. Борисъ Петровичъ жить не можетъ безъ общества, а она тяготеетъ выѣздами и приѣмами. Онъ любитъ видѣть ее хорошо одѣтой, постоянно заказываетъ ей дорогіе туалеты, а она говоритъ, что стыдно ходить въ шелку да въ кружевахъ, когда другіе ходятъ въ лохмотьяхъ.

— А онъ, конечно, вышучиваетъ ее?

— Онъ къ ней ласковъ, вѣжливъ, но жизнь идетъ все-таки такъ, какъ онъ хочетъ. У нихъ постоянно толкуются гости, по вторникамъ вечера...

— Бѣдняжка! Воображаю, какъ она устаетъ. Она никогда не любила сборищъ и всегда находила ихъ безцѣльными, скучными, совсѣмъ ненужными.

— Мало ли что находила! Вышла замужъ такъ и надо приноравливаться къ мужу. Да и чего ей? Другая бы на ея мѣстѣ жила пригѣваючи, а она все какъ будто о чемъ-то грустить, печалится; не хочетъ жить, какъ всѣ добрые люди живутъ, а все бы по своему, все что-нибудь выдумываетъ...

— Выдумываетъ? Что же?

— Да вотъ только недавно уступила ему хоть въ томъ, что допустила къ себѣ горничную, а до сихъ поръ все сама для себя дѣлала: и комнату убирала, и платье себѣ чистила, даже починая, гладила, штопала — все сама. Онъ и такъ и этакъ, то ласково, то съ усмѣшкой уговариваетъ, а она все свое: „здоровому человѣку стыдно жить праздно“!..

Голиневичъ вздохнулъ; онъ вспомнилъ, какъ Варя не разъ говорила, что, превращая людей въ комнатную прислугу, мы ихъ развращаемъ, дѣлаемъ ихъ неспособными къ полезному труду, такими же тунеядцами, какъ мы сами. Еще дѣвочкой, лѣтъ двѣнадцати, Варя конфузилась, когда прислуга пыталась надѣвать ей калоши, и всегда уклонялась отъ этого. Тяжело ей ломать себя!

— Такъ, вы говорите, уступила мужу и теперь принимаетъ услуги горничной?—спросилъ онъ.

— Насилу удалось мнѣ уговорить. Ты, говорю, въ мелочахъ уступай, если ужъ тебѣ хочется добиться главнаго. А главное у нея—это ея разныя затѣи. На первыхъ порахъ ей удалось упротить мужа отпустить лѣсу на школу и еще кое-что сдѣлать для крестьянъ, а потомъ, какъ увидалъ Борисъ Петровичъ, что затѣямъ этимъ не будетъ конца, и пріостановился: прямо не отказывается, но видимо уклоняется. Теперь вотъ она все добивается больницы и пріюта для крестьянскихъ сиротъ, а къ веснѣ мечтаетъ выстроить баракъ для переселенцевъ. Ихъ теперь страхъ сколько проходить мимо Сосновки! И въ самомъ дѣлѣ бѣдствуютъ, жалость беретъ: мужики въ избы не пускаютъ, боятся заразы,— такъ иной разъ и мокнуть въ полѣ подъ дождемъ съ ребятами да съ больными... Ну, это, положимъ, слѣдовало бы построить, но больницу, да еще родильный покой—это ужъ, какъ хочешь, разорительно.

— Но вѣдь и земство придетъ на помощь. Ильчевскому только нужно похлопотать да ассигновать для почина извѣстную сумму или землю пожертвовать да лѣсу на постройку...

— Не нравится ему это, замѣтно морщится, когда Варя начинаетъ говорить объ этомъ.

— Мало ли что не нравится! Зачѣмъ женился? жилъ бы себѣ празднымъ шалопаемъ!

Марья Антоновна всполошилась:

— Что ты это, Гриша, Господь съ тобой? да развѣ можно такъ? Борисъ Петровичъ—хорошій человѣкъ!

— Гмъ, да... конечно...—пробормоталъ Голиневичъ.

— А Варя, повторяю, сама виновата: не жалѣетъ совсѣмъ себя.. Не бережетъ, все волнуется...

— Какъ ея здоровье? Судя по фотографіи, она значительно похудѣла, вообще какъ-то измѣнилась.

— Можетъ быть потому, что она въ такомъ положеніи... и, кажется, уже во второй половинѣ. Ты только и виду не подавай, что знаешь: очень она не любитъ говорить объ этомъ, конфузится и смущается до слезъ. Въ послѣднее время часто ходитъ такая печальная, иной разъ и глаза бывають заплаканы. Впрочемъ, самъ все увидишь,—добавила она и вздохнула.

На другой день Григорій Павловичъ собрался въ Хрѣновскъ. Провожая его, Марья Антоновна просила:

— Ради Бога, Гришенька, не вмѣшивайся ты въ ихъ дѣла! Варя теперь—отрѣзанный ломоть, и намъ съ тобой лучше подалее!..

Голиневичъ и самъ понималъ, что лучше держаться подалее, а потому остановился въ гостинницѣ. Только почистившись въ номерѣ, онъ отправился, какъ посторонній гость, къ Ильчевскимъ. Когда онъ входилъ, зять поднялся ему на встрѣчу. Голиневичъ впился въ него глазами, и въ одинъ мигъ разглядѣлъ каждую черту его облика. Высокаго роста, бѣлокурый, съ большими темно-сѣрыми глазами, оттѣненными густыми темными рѣсницами, онъ былъ очень представительнъ; только русые усы, закрученные стрѣлками, нѣсколько портили общее впечатлѣніе, придавая его наружности видъ пошлаго фатовства.

Заговорилъ онъ съ шуриномъ какимъ-то ласковымъ, успокаивающимъ тономъ, хотя тотъ казался совершенно спокойнымъ.

Голиневичъ все время слѣдилъ за собой, чтобы ничѣмъ не выдать своей неприязни. Онъ даже стерпѣлъ, когда Ильчевскій, ведя его подъ-руку въ столовую, нѣжно прижималъ къ своему боку его локоть. За обѣдомъ говорилъ почти одинъ Ильчевскій, и говорилъ, надо правду сказать, живо, интересно.

Варвара Павловна говорила мало.

Она замѣтно похудѣла. Блѣдность и нѣкоторая утомленность

придавали ея лицу еще болѣе выразительности и духовной силы. Очевидно, она возмужала духовно, но по ея взгляду и голосу было видно, что ей недоставало яснаго спокойствія души. По временамъ лицо ея принимало такое выраженіе, какъ будто она чувствовала во всемъ тѣлѣ усталость и безпробудную тоску. Узнавъ, что братъ остановился въ гостинницѣ, она убѣдительно просила его переѣхать къ нимъ. Ильчевскій поддержалъ ея просьбу такъ радушно, что Голиневичъ согласился. Затѣмъ сталъ бы онъ топорщиться, если зять держится такъ, что придаться рѣшительно не къ чему? Притомъ же было слишкомъ соблазнительно находиться постоянно около сестры, оказывать ей хотя бы мелкія услуги, говорить съ ней глазъ на глазъ безъ помѣхи.

XV.

Изъ разговора въ концѣ обѣда выяснилось, что Ильчевскій мало бываетъ дома. Онъ засѣдалъ въ качествѣ почетнаго мирового судьи въ сѣздѣ, предсѣдательствовалъ въ разныхъ комитетахъ, собраніяхъ, имѣлъ обширное знакомство.

— Всѣ эти визиты, обѣды, вечера,—говорилъ онъ съ лѣнивой усмѣшкой,—скучны и безцвѣтны...

— А хуже всего эти ежедневныя сборища по вечерамъ,—перебила его жена:—совершенная бессмыслица... Еще мужчины, ну, хоть за картами, а дамы... я никакъ не могу понять!.. Сначала, чуть соберутся, можно подумать, что всѣ необычайно рады другъ другу, разговариваютъ какъ будто съ захватывающимъ интересомъ; но не пройдетъ и полчаса, какъ всѣ эти разговоры безнадежно замираютъ... Наступаютъ длиннѣйшія паузы, съ трудомъ подавляется нервная зѣвота, но всѣ сидятъ почему-то, и сидятъ...

— Собираются потому, что никто не хочетъ отстать отъ другихъ. Живя въ провинціи, необходимо считаться съ извѣстными традиціями...

— Но, Боже мой, вѣдь это добровольное мученичество!.. Кружокъ общества небольшой, всѣ давнымъ-давно примелькались другъ другу, даже надоѣли; общая жизнь такъ бѣдна интересами и впечатлѣніями, что говорить совсѣмъ не о чемъ, и все-таки постоянно собираются, и каждый день происходитъ одно и то же, только стѣны мѣняются...

— Нельзя же иначе, всѣ такъ живутъ...

— Да кому же это нужно? Гдѣ цѣль, гдѣ смыслъ таковой жизни?

Варвара Павловна начинала сильно волноваться.

— Но какъ бы ни была женщина серьезна по своимъ взглядамъ и вкусамъ, ей нельзя хоронить себя въ четырехъ стѣнахъ,— замѣтилъ Борисъ Петровичъ и потомъ шутливо добавилъ:— И что было бы съ нами, еслибъ такіа хорошенькія, какъ ты, женщины всѣ попрятались? жизнь бы стала скучной и прозаичной, потому что въ женской красотѣ—вся поэзія жизни...

Эта растянутая фраза вдругъ вызвала въ головѣ Голиневича воспоминаніе о письмахъ Ильчевского, къ которому онъ опять почувствовалъ нѣсколько охладѣвшую ненависть. Онъ понималъ, что для гостя—его долгое молчаніе почти неприлично, что ему нужно что-нибудь сказать, но молчалъ, дѣлая видъ будто ѣсть съ аппетитомъ, чтобъ не выдать голосомъ и глазами охватившей его злости.

„Какъ онъ звѣрски ѣсть“!—подумалъ про себя Ильчевскій, а вслухъ заговорилъ о Петербургѣ.

Только-что встали изъ-за стола, какъ вошелъ отецъ Петръ. Поздоровавшись съ хозяевами и троекратно поцѣловавшись съ Григоріемъ Павловичемъ, старикъ сейчасъ же началъ:

— Былъ я, Варвара Павловна, въ Калиновеѣ, все узналъ подробно. Вчера ѣздили мы съ учителемъ. Оказывается, что калиновскій пріютъ и мы можемъ взять за образецъ...

Находясь подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ интересовавшаго его дѣла, старикъ принялся излагать подробности.

Пріютъ воспитываетъ круглыхъ крестьянскихъ сиротъ и даетъ имъ необходимыя въ крестьянскомъ быту сельско-хозяйственныя знанія; въ зимнее время дѣти посѣщаютъ школу, находящуюся въ одномъ дворѣ съ пріютомъ; по вечерамъ дѣти занимаются ремеслами; лѣтнія занятія дѣтей ведутся подъ руководствомъ завѣдующаго пріютомъ, получившаго сельско-хозяйственное образование; дѣтей назначаютъ на работы сообразно съ ихъ силами и возрастомъ; старшія дѣти ежедневно назначаются дежурными по кухнѣ, для ухода за домашнимъ скотомъ и для уборки двора; эти дежурства больше всего развиваютъ въ дѣтяхъ ловкость, споровку и аккуратность.

Отецъ Петръ передалъ все это живо, съ увлеченіемъ, не замѣчая, что хозяинъ дома нѣсколько разъ посмотрѣлъ на часы.

— Начинали, знаете, съ малаго,—продолжалъ отецъ Петръ, —въ очень скромныхъ размѣрахъ, а нынѣ, благодаря субсидіи отъ министерства земледѣлія, пріютъ приобрѣлъ собственную

землю, которую до сихъ поръ арендоваль, и намѣренъ вести полевое хозяйство по возможности образцово...

Ильчевскій всталъ, протянулъ отцу Петру руку.

— Извините, батюшка, долженъ оставить васъ.

— Сдѣлайте милость, Борисъ Петровичъ, не стѣсняйтесь! Мы вотъ тутъ потолкуемъ съ Варварой Павловной, а къ вамъ ужъ потомъ обратимся за болѣе существенной поддержкой...

— Радъ служить, чѣмъ могу... До свиданія, батюшка, мое почтеніе!

Онъ подошелъ къ женѣ, поднесъ ей руку къ губамъ и проговорилъ:

— До свиданія, милая, я вернусь поздно,—и вышелъ нѣсколько ускоренной походкой.

Голиневича въ комнатѣ не было: онъ въ это время уѣзжалъ за своими вещами въ гостиницу.

Когда онъ вернулся,—отца Петра уже не засталъ.

Братъ и сестра провели вечеръ вдвоемъ.

Разговоръ между ними не клеился. Какъ это часто бываетъ съ людьми, которые долго не видались и хотѣли бы многое сказать другъ другу,—они не знали, съ чего начать.

Нѣсколько разъ собирался Григорій Павловичъ спросить сестру, счастлива ли она, но все не рѣшался: его останавливала какая-то смутная тревога. Они говорили съ долгими паузами, говорили о ненужныхъ пустягахъ; оба понимали, что каждому изъ нихъ хочется заговорить о другомъ, и оба чувствовали себя неловко.

Въ одиннадцать часовъ, ссылаясь на усталость, Голиневичъ пожелалъ сестрѣ спокойной ночи и направился къ выходу; но у самой уже двери онъ не выдержалъ и, круто обернувшись, спросилъ:

— Какъ же вообще тебѣ живется?

— Я... я... ничего!—оторопѣло отвѣтила Варвара Павловна. Густая краска залила ей щеки.

— Счастлива ли ты? Не сожалѣешь ли...

— Нѣтъ, нѣтъ, Гриша, не надо объ этомъ!.. Иди, уже поздно... Потомъ поговоримъ...

Голиневичъ не сталъ больше разспрашивать. Онъ постоялъ съ секунду и медленно вышелъ. Жалость защемила ему сердце.

XVI.

Быль второй часъ ночи. Вся квартира Ильчевскихъ точно замерла. Въ передней сонный лакей дожидался Бориса Петровича. Въ полуосвѣщенной залѣ одиноко бродила Варвара Павловна. Вопросы брата не выходили у нея изъ головы и вызывали цѣлый рой мыслей. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ей живется? Счастлива ли она? Есть ли въ ней прежняя вѣра въ себя, или она должна наконецъ признать себя несостоятельной?

Эти вопросы и раньше вставали передъ ней, но она умѣла какъ-то отмахиваться отъ нихъ; теперь ужъ ей отъ нихъ не отдѣлаться, да и надо же когда-нибудь глянуть въ глаза дѣйствительности, надо подвести итогъ своего двухлѣтнаго супружества. Чтò она сдѣлала въ эти два года? Чего достигла? Ничего! или почти ничего! Она до сихъ поръ жила будущимъ, и только теперь съ мучительнымъ стыдомъ пришла къ сознанию, что, кажется, она взялась не за свое дѣло. Она должна была съ перваго дня замужества смѣло, энергично стремиться къ своей цѣли, бороться со всякими помѣхами, а она не умѣла быть настойчивой; она думала, что достигла главнаго. Ей казалось, что мужъ любить ее не только какъ женщину, но и какъ друга, какъ человѣка близкаго, любить со всѣми отгѣнками истиннаго чувства. Ея сердце стало отливаться на это чувство, въ ней самой совершился какой-то внутреннй переворотъ. Взрывы стыда и негодующей гадливости, которые проявлялись въ ней при первыхъ супружескихъ ласкахъ, становились слабѣе, она стала привыкать къ мужу, стала относиться къ нему довѣрчиво и сдѣлалась уступчива. Да, она не сумѣла отстоять свою свободу и какъ-то незамѣтно для себя самой подчинилась во всемъ. Своего подчиненія она тогда и не стыдилась, потому что и не замѣчала его. Она уже начинала вѣрить, что между ними устанавливаются прочныя дружескія отношенія, какъ вдругъ получила первый толчокъ, заставившій ее внимательно взглянуть въ Бориса Петровича. Это случилось спустя мѣсяца два послѣ свадьбы, при переѣздѣ изъ Сосновки въ Хрѣновскъ. Она не хотѣла разставаться на зиму со своими цвѣточками и хотѣла перевезти ихъ. Правда, ея маленькіе жасмины и розы въ большихъ комнатахъ, среди роскошныхъ пальмъ и другихъ дорогихъ растеній, казались такими жалкими, приниженными; но когда мужъ посмотрѣлъ на нихъ съ пренебрежительной гримасой, она почувствовала обиду. Какъ не могъ онъ понять, что

она не въ силахъ бросить дорогіе ей цвѣтки, что она сама ходила за ними и привязалась къ нимъ, какъ къ живымъ существамъ! Все это она высказала ему, но Борисъ Петровичъ громко расхохотался. Потомъ онъ хотѣлъ смягчить свою грубую выходку какими-то цвѣтистыми фразами, да было уже поздно: ясно, что ему незнакомо чувство деликатности. Съ этого-то времени она и стала наталкиваться на разныя охлаждающія открытія. При утонченной вѣжливости и свѣтскомъ лоскѣ, Борисъ Петровичъ поражалъ своей крайней неразвитостью по вопросамъ душевной жизни, невѣжествомъ въ литературѣ, равнодушіемъ къ книгѣ, къ научнымъ открытіямъ, къ общественнымъ вопросамъ. У него ничего не было своего, онъ пробавлялся только газетой, повторялъ газетныя новости и анекдоты; у него часто вырывались грубыя, циничныя шутки—вслѣдъ за самыми нѣжными изліяніями. Все это отталкивало ее отъ мужа, мѣшало ихъ нравственному сближенію, наконецъ приводило ее въ уныніе, и въ душу ея заползали прежнія дѣвическія сомнѣнія. Она гнала ихъ отъ себя, старалась увѣрить себя, что все лучше—впередѣ, что она выполнить свою задачу. Да и некогда ей было подолгу вдумываться: съ самаго перѣзда изъ Сосновки Борисъ Петровичъ весь отдался шумной городской жизни и устроилъ такъ, что у нихъ ежедневно толпились гости.

Самъ онъ бывалъ дома только во время обѣда, но и то почти всегда при постороннихъ. Такая жизнь продолжается и до сихъ поръ.

Съ каждымъ днемъ она все больше теряетъ вѣру въ себя. Мужъ ея—человѣкъ свѣтскій, ищущій только радостей и веселья; ему нужна подруга во всемъ блескѣ и обаяніи красоты, здоровья, а она хирѣетъ, не можетъ скрывать своего унынія. Съ самаго начала беременности, ея здоровье какъ-то быстро пошатнулось. И вотъ, теперь, ей кажется, что бракъ ея—не больше какъ роковая ошибка...

Часы громко пробили два.

Варвара Павловна оторвалась отъ своихъ думъ и вдругъ почувствовала страшную усталость. Она приложила ладонь ко лбу, соображая какъ бы спросонья, гдѣ она и что надо дѣлать.

Кое-какъ добралась она до спальни и, вся разбитая, не раздѣваясь, прилегла на кровать.

Ей вспомнилась недавняя жизнь въ маленькомъ домикѣ Марьи Антоновны. Правда, она и тамъ часто мучилась сознаниемъ своего безсилія, но тогда по крайней мѣрѣ она засыпала, подъ

своимъ байковымъ старенькимъ одѣяломъ, съ чистой совѣстью, съ успокаивающей мыслью, что и сама она живетъ въ бѣдности... Теперь, окруженная роскошью, она жалея самой себя. Что у нея общаго съ людьми, которыхъ она видитъ у себя каждый день? Имъ она просто смѣшна—съ ея старомодными стремленіями, съ отсталостью. Всѣ люди ея круга только и твердятъ, что нужно жить и жить, нужно спѣшить взять отъ жизни какъ можно больше счастья. Но пусть ея дѣли смѣшны, пусть онѣ отзываются прописью—она все-таки не измѣнитъ имъ, пока жива!.. Состраданіе къ обиженной судьбой темной массѣ никогда не можетъ быть опошлено, избито. Никогда не отречется она отъ этого луча правды, единственнаго просвѣта въ ея безрадостной жизни съ самаго ранняго дѣтства!.. И однакоже она живетъ и живетъ среди туеядцевъ. Она все приглядывается къ нимъ, надѣется встрѣтить въ комъ-нибудь сочувствіе, поддержку!.. Только теперь, только сегодня ей стало ясно, что ни въ комъ ничего нѣтъ, за что можно было бы схватиться. Она очутилась въ пустомъ пространствѣ и по прежнему одинока... А здоровье все уходитъ, съ каждымъ днемъ увеличивается слабость, и все чаще охватываетъ леденящій ужасъ при мысли о предстоящихъ родовыхъ мукахъ!..

Тихія слезы текли по щекамъ Варвары Павловны, скатывались на подушку и высыхали.

Она ихъ не вытирала, продолжая лежать неподвижно въ ползабытьѣ, полная жалости къ самой себя. За что она отдала свою молодость, здоровье, всѣ свои силы? Она добилаь только того, что незамѣтно для самой себя унизилаь до полнаго рабства. Ея жизнь—безпрерывная цѣпь лжи...

Ей постоянно приходится лицемѣрить, говорить не то, что въ мысляхъ, дѣлать то, чего не хочется, что кажется лишнимъ, совсѣмъ ненужнымъ, съ любезнымъ вниманіемъ слушать всякій вздоръ... Побѣждать въ себѣ антипатіи, жать руку людямъ, которыхъ въ душѣ презираешь—все это такъ мучительно, что она готова была бы бѣжать отъ всего этого, куда глаза глядятъ!.. Еще годъ, два такой жизни, и вся эта пошлость заполнить и ее... Она и теперь уже становится терпимѣе, и то, что прежде возмущало ее до глубины души, теперь только слегка задѣваетъ ее. Отъ такой терпимости недалеко и до полнаго опошленія. И безъ того уже внутри у нея все какъ будто привизлосъ и загрязнилосъ, на душѣ накопилосъ много всякаго житейскаго сору...

Отъ легкаго стука въ дверь Варвара Павловна подняла го-

лову. Тутъ только она вспомнила, что лежитъ одѣтая, и сообразила, что должно быть очень поздно.

— Ты не спишь? — раздался вопросъ Ильчевскаго изъ-за пріотворенной двери.

Она съ трудомъ поднялась, быстро смахнула платкомъ слезы. Ильчевскій вошелъ осторожно, взялъ ее за руку, поцѣловалъ въ лобъ и сѣлъ въ стоявшее у кровати кресло.

— Какъ ты себя чувствуешь? — спросилъ онъ.

Она хотѣла сказать, что ей нехорошо, нездоровится, но слова не вышли изъ горла: его вопросъ — не болѣе какъ условная вѣжливость хорошо воспитаннаго человѣка, и въ сущности ему нѣтъ до нея никакого дѣла. Ее тоже не интересовало, какъ онъ провелъ время, гдѣ былъ и проч., но изъ вѣжливости, усвоенной ею за два года совмѣстной жизни, и она задала нѣсколько вопросовъ.

Въ черномъ скюртукѣ, въ бѣломъ галстухѣ, онъ былъ очень молодежавъ, и по лицу его пробѣгала улыбка; глаза блестя и весело. Онъ былъ весь подъ впечатлѣніемъ удачно проведеннаго вечера, во всемъ существѣ его замѣтно было полное удовлетвореніе.

Отвѣчая на вопросы, онъ разсѣянно скользилъ взглядомъ по блѣдному лицу жены, по всей ея фигурѣ, одѣтой въ темный фланелевый капотикъ. Передъ его глазами все еще носился яркій, полный жизни и здоровья образъ другой женщины, съ которой онъ только-что разстался.

— Ты утомлена? — снова спросилъ онъ, вглядываясь пристальнѣе въ лицо жены: — тебя утомляетъ городская жизнь, но здѣсь нельзя же запереть дверь знакомымъ; а вотъ постъ наступаетъ, — ты могла бы провести его въ Сосновкѣ.

Варвара Павловна обрадовалась. Она дѣйствительно утомляется, и очень рада отдохнуть въ деревнѣ. Она и сама не разъ думала объ этомъ, но ее удерживало то, что, въ случаѣ нездоровья, тамъ не скоро дождешься доктора и акушерки. Пока она говорила, Борисъ Петровичъ думалъ, глядя на нее, что она сильно подурнѣла, и находилъ, что вообще хрупкія женщины очень быстро хирѣютъ. Не дальше какъ два года назадъ онъ съ ума сходилъ по Варѣ, а теперь она, какъ женщина, почти не существуетъ для него. Нѣжная жалость вдругъ ворвалась къ нему въ сердце, но въ то же время въ головѣ его мелькало, что помочь ей, облегчить ея страданія онъ не въ силахъ, а отказываться отъ житейскихъ радостей для совмѣстнаго нитья — было

бы глупо. Лучше всего сдѣлать такъ, чтобъ они не мѣшали другъ другу.

Онъ повторилъ, что ей необходимо пожить въ деревнѣ, и сталъ увѣрять, нѣжнымъ, ласковымъ тономъ, что будетъ навѣщать ее очень часто, а если она захочетъ, то можно пригласить врача навѣщать ее каждую недѣлю.

— Да этого пожалуй и не нужно, — возразила Варвара Павловна: — вѣдь со мной, конечно, побѣдетъ Гриша, и въ случаѣ чего можетъ привести врача.

— Ну, вотъ и прекрасно, — сказалъ Борисъ Петровичъ, вставая: — а ты ложись, не засиживайся, — прибавилъ онъ, уходя.

Варвара Павловна сидѣла еще нѣсколько минутъ, облокотясь на подушку, потомъ, нѣскоро раздѣвшись, легла съ отрадной мыслью, что скоро уѣдетъ въ деревню. Тамъ опять все прежнее, все дорогое! Ребятишки прибѣгутъ съ подснежниками, съ пучками раннихъ полевыхъ цвѣтовъ. Она стала забываться, и въ полудремотѣ передъ ней мелькали знакомыя картины деревенскаго лѣта. Ей чудилось, будто она слышитъ шелестъ листьевъ, стрекотанье птицъ и еще какіе-то смутные лѣсные звуки; чудилось, будто видить зеленыя волны полей, сверкающую изгибами рѣчку, безоблачное голубое небо. У нея захватываетъ духъ отъ прилива радости, ей хочется крикнуть:

— Какъ чуденъ Божій міръ! какъ хотѣлось бы сдѣлать что нибудь хорошее, дать кому-нибудь много-много счастья! — Но она подавляетъ въ себѣ этотъ крикъ; ей становится стыдно собственной экзальтаціи, и потомъ она боится, что это можетъ показаться смѣшнымъ.

XVII.

У Ильчевскихъ собирались по вторникамъ. Въ кабинетѣ и въ залѣ всегда играли въ карты; въ большой гостиной хозяйинъ занималъ дамъ. Хозяйка была плоха по этой части: летучіе разговоры, въ которыхъ слегка касаются всего, ничего не разбирая толкомъ, не давали ей мыслямъ удовлетворенія и вызывали въ ней чувство какой-то безпомощности. Раньше Варвара Павловна смотрѣла на эту игру въ разговоры съ досадливымъ недоумѣніемъ, пыталась возражать, спорить, но когда убѣдилась, что все это продѣлывается съ единственной цѣлью убить какъ-нибудь время — никогда не вставляла ни слова. Ильчевскій обыкновенно незамѣтно, но ловко управляетъ разговоромъ.

Говорили о театрѣ, о свѣжей сплетнѣ, циркулирующей въ

обществѣ, о народномъ образованіи, о политикѣ, о новомъ романѣ и о послѣднемъ научномъ открытіи. Этимъ виногретомъ Ильчевскій бывалъ доволенъ и старался, чтобы разговоръ не заставался на одной темѣ. Вторникъ, на которомъ въ первый разъ присутствовалъ Голиневичъ, былъ особенно оживленъ. По случаю начинавшейся масляницы проводили время очень шумно. Обѣды, завтраки, катанья, танцевальные вечера, пикники, ужины — смѣнялись одни другими.

У Ильчевскихъ гостей собралось больше обыкновеннаго. До ужина вечеръ шель по обычной программѣ, но потомъ кто-то заигралъ на роялѣ вальсъ, и нѣсколько паръ понеслись по паркету. Спустя недолго, въ залѣ все закружилось и завертѣлось въ какомъ-то бѣшенномъ вихрѣ. Шелестъ платьевъ, восклицанія, хохотъ, блестящіе глаза и пылающія щеки усиливали нервное возбужденіе танцующихъ.

Дамы съ трудомъ переводили духъ; кавалеры быстро подбѣгали къ дамамъ, жадно подхватывали ихъ за талію, съ азартомъ вертѣли ими въ разныя стороны и почти на лету перебрасывали ихъ одинъ другому.

Варвара Павловна не могла танцевать и, глядя издали на танцующихъ, съ удивленіемъ замѣчала, что въ этомъ всеобщемъ возбужденіи не видно было безпечнаго, откровеннаго и молодого веселья. Картина имѣла характеръ чего-то вакхическаго, чего-то почти неприличнаго.

Голиневичъ весь вечеръ вслушивался въ то, что говорилось вокругъ, но не подмѣтилъ ни одной свѣтлой или дѣльной мысли, ничего новаго, оригинальнаго во всей этой бессвязной болтовнѣ. Въ возгласахъ и восклицаніяхъ не слышно было ни смѣлаго задора, ни увлеченія—и хоть бы капля живой струи между всѣмъ этимъ пустымъ вздоромъ! Но когда послѣ ужина начались танцы, всѣ лица преобразились до неузнаваемости.

Григорій Павловичъ съ особымъ вниманіемъ всматривался въ Софью Львовну Никулину.

Сестра говорила ему, что эта барыня ей нравится больше другихъ, что она таетична, никогда не говоритъ глупостей, не занимается пересудами. Онъ уже видѣлъ ее днемъ и подмѣтилъ на ея лицѣ почти неуловимые признаки кольдъ-врема и пудры, а также и то, что ея красивыя полныя губы были слегка подпѣчены карминомъ. Вечеромъ она казалась бодрою и свѣжею, какъ бы послѣ только-что принятой ванны. Но и теперь она не понравилась Голиневичу. Она сидѣла поодаль отъ всѣхъ, блистая бѣлизной лица и яркостью очень наряднаго и моднаго туалета.

Въ ея взглядѣ свѣтилось спокойное сознание собственной вызывающей красоты. Высоко поднятая голова ея съ пышными свѣтлыми волосами была слегка откинута назадъ; отъ ея полныхъ плечъ и рукъ, отъ покроя платья, крѣпко облегаващаго талию и ясно обрисовыващаго всѣ очертанія стана, вѣяло чѣмъ-то смѣлымъ, почти дерзкимъ, чѣмъ-то такимъ, что должно было дѣйствовать на чувственность мужчины. „Самодовольная, породистая корова“, — рѣшилъ про себя Голиневичъ. Но во время танцевъ онъ на минуту залюбовался ею. Щеки Софьи Львовны пылали, грудь вздымалась, глаза искрились. Эти глаза и смѣялись, и загорались страстью, а губы улыбались улыбкой, полной нѣги и влюбленнаго восторга. Казалось, каждая черта этого молодого лица трепетала отъ внутренняго огня, когда она кружилась съ Ильчевскимъ. Голиневичъ невольно перевелъ взглядъ на сестру. Отъ болѣзненно блѣднаго личика Вари, отъ всей ея худощавой фигурки вѣяло чѣмъ-то такимъ чистымъ, умиротворяющимъ, что Григорій Павловичъ мысленно воскликнулъ: — Голубка моя, милая, дорогая!

Ея прелестное лицо съ большими, глубокими и задумчивыми глазами напоминало картину, изображавшую грезу, мечту, чистую евангельскую любовь. Когда онъ снова посмотрѣлъ на Софью Львовну, она вся показалась ему слишкомъ грубою. Было что-то вульгарное во всей ея мощной, грѣшной плоти.

Ильчевскій вальсировалъ только съ Никулиной. Онъ бросалъ на нее слишкомъ выразительные взгляды, подсаживался къ ней такъ близко, что ея платье прикрывало его колѣни, вообще очень откровенно ухаживалъ за нею. Лицо ея говорило ясно, что и она къ нему равнодушна. Замѣтивъ все это, Голиневичъ встревожился. Недоставало только этого! Онъ помнилъ, съ какимъ презрѣніемъ Варя говорила до замужества о любви и ревности, но мало ли что говорится! Слова — одно, жизнь — другое. Оставаясь зрителемъ какаго-нибудь явленія жизни, можно судить и такъ, и этакъ; а когда подобное явленіе задѣнетъ тебя самого, притиснетъ тебя, что называется, къ стѣнѣ, тогда заговоришь совсѣмъ другимъ языкомъ. Вѣроятно, Варя привязалась къ мужу, и муки ревности могутъ отозваться на ея здоровьѣ.

Григорій Павловичъ далъ себѣ слово стараться всѣми силами не допускать сестру до подозрѣній и догадокъ. Онъ зналъ по себѣ, что разъ что-нибудь подобное запошится подъ черепомъ — и кончено, и закипитъ мучительная работа. Очевидно, Ильчевскій не намѣренъ щадить и оберегать жену, да онъ и неспособенъ на это. Такого сорта люди бываютъ нѣжны и предупре-

дительно къ женщинѣ, пока добиваются обладанія ею; но разъ грубый аппетитъ удовлетворень, женщина становится для нихъ вещью, принадлежностью домашняго обихода, нѣвотораго рода удобствомъ. Ея внутренній міръ интересуеть ихъ такъ же, какъ прошлогодній снѣгъ.

Пока Голиневичъ все это думалъ, вальсъ кончился—и гости стали прощаться. Вскорѣ гостиная и зала опустѣли.

Было уже около трехъ часовъ, и Варвара Павловна ушла въ себѣ.

Въ кабинетѣ на одномъ столѣ еще доигрывали робежь. Немного погода, игра кончилась. Всѣ отправились вслѣдъ за хозяиномъ въ столовую, гдѣ уже все было послѣ ужина прибрано. На столѣ стояло только вино, нѣсколько сортовъ сыру и ящикъ съ сигарами.

Въ числѣ четырехъ запоздавшихъ партнеровъ былъ и присяжный повѣренный Никулинъ, мужъ Софьи Львовны.

Это былъ сутуловатый, тщедушный, съ желчнымъ лицомъ человекъ, въ золотыхъ очкахъ, прикрывавшихъ его мутные глаза. Онъ слылъ въ городѣ за большого умника, хваталъ солидные куши, на судѣ говорилъ блестящія рѣчи. Видъ у него былъ такой, какъ будто онъ носилъ въ себѣ какія-нибудь застарѣлыя печеночныя или ревматическія боли. Ему не было еще и сорока лѣтъ, но онъ казался старше. Оставался онъ недолго, пока продолжался картежный разговоръ. Не отвѣчая на просьбу хозяина остаться, Никулинъ поспѣшно откланялся. Едва за нимъ затворилась дверь, всѣ тотчасъ же принялись надъ нимъ подшучивать. Смѣялись надъ его семейной жизнью, надъ его ревностью, дѣлали какіе-то двусмысленные намеки насчетъ его жены.

Посудачивъ и позлословивъ достаточно насчетъ Никулиныхъ, перешли къ обобщеніямъ. Говорили о женщинахъ, объ утратѣ ими женственности, о томъ, что женщины становятся слишкомъ разсудительны и скучны.

Вино окончательно развязало языки, и разговоръ свели на личныя воспоминанія.

Каждому хотѣлось рассказать про себя что-нибудь скандальное, похвастаться своей находчивостью или опытностью въ любовныхъ дѣлахъ. Ильчевскій былъ особенно въ ударѣ. Онъ говорилъ больше всѣхъ и, описывая свои любовныя похождения, вдавался въ такія отвратительныя подробности, что Голиневичъ не могъ больше слушать и незамѣтно оставилъ компанію. У себя въ комнатѣ онъ долго шагалъ изъ угла въ уголъ. Тревожныя мысли одолевали его. Очевидно, Ильчевскій остался такимъ же

поплякомъ, какимъ былъ до женитьбы. Тоскливый видъ Вари ясно говоритъ, что она разгадала его или, по крайней мѣрѣ, близка къ этому.

XVIII.

На другой день Софья Львовна заѣхала послѣ обѣда къ Ильчевскимъ пригласить Варвару Павловну кататься на тройкахъ, но та отказалась: ей нездоровилось съ утра.

Посидѣвъ недолго, Никулина встала. Варвара Павловна пошла проводить ее до прихожей. Ильчевскій, на волѣняхъ застегивая Софьѣ Львовнѣ теплыя ботинки, что-то очень долго копался; она беззаастѣнчиво приподняла платье и съ такимъ самодовольнымъ видомъ протянула сперва одну ногу, потомъ другую, какъ будто она была выскочка изъ мѣщанъ, не привыкшая къ подобнымъ услугамъ. Укутавъ Софью Львовну въ платокъ и ротонду, Ильчевскій поспѣшно набросилъ шубу и бѣглымъ шагомъ вынулъ вслѣдъ за Никулиной, не сказавъ женѣ ни слова, даже не взглянувъ на нее.

Голиневичъ подумалъ, что человѣкъ въ разгарѣ страсти всегда бываетъ звѣрски жестокъ. Ему мало одной измѣны любящему существу, ему надо еще унижить это существо, насмѣяться надъ нимъ, всячески издѣваться, — словомъ, терзать и мучить его безъ жалости, безъ пощады. Это какой-то злорадный крикъ торжествующей жестокости, и въ этомъ, вѣроятно, есть своего рода наслажденіе или опьяненіе.

Голиневичъ взглянулъ на сестру. Она уже выходила изъ комнаты, и ему не удалось видѣть выраженіе лица. Спустя полчаса, она пришла въ его комнату, и опять онъ не могъ ничего разглядѣть на ея лицѣ: надвигались сумерки, а зажечь лампу она не позволила, ссылаясь на то, что свѣтъ больно рѣжетъ глаза. Григорій Павловичъ пододвинулъ ей кресло, самъ сѣлъ напротивъ и молча ждалъ. Онъ былъ увѣренъ, что Варя страдаетъ отъ ревности. Молчаніе показалось ему долгимъ, и онъ не выдержалъ.

— Ты хочешь что-нибудь сказать?—спросилъ онъ.

— Да. Помнишь, ты въ первый день твоего пріѣзда спрашивалъ, какъ мнѣ живется? Тогда я ничего не сказала тебѣ, но теперь мнѣ хочется высказать все, что наболѣло и накупѣло у меня на душѣ... Тяжело, Гриша, жить, не дѣлаясь ни съ кѣмъ жизнью души!..

Она умолила, но черезъ минуту продолжала дрожащимъ, взволнованнымъ голосомъ:

— Я какъ въ пустынѣ въ этомъ огромномъ домѣ съ его ненужною роскошью!.. Вся эта обстановка и пустота нашей жизни надоѣли мнѣ до тошноты. Все это гнететъ и давитъ меня съ самаго утра, какъ только я проснусь... Я очутилась въ роли дѣвочки, которой постоянно дѣлаютъ замѣчанія, читаютъ нотации... Мужъ вѣжливо со мной и какъ бы вскользь дѣлаетъ свои замѣчанія, но онъ умѣетъ ихъ дѣлать такъ, что у меня не хватаетъ духу, или какъ будто я не въ правѣ ему возражать! Я дѣйствую какъ лунатикъ, какъ автоматъ, и въ то же время мнѣ стыдно, что я такъ живу, стыдно за свою унижительную покорность, за неумѣнье дать отпоръ! Мнѣ кажется, что я уже ношу на себѣ отпечатокъ приниженности и зависимости... И неужели же, Гриша, мнѣ еще долго придется подчиняться чужимъ вкусамъ и взглядамъ?—воскликнула она горестно, и въ ея голосѣ послышались слезы. „Не долго, а всегда“!—подумалъ Голиневичъ, а вслухъ проговорилъ:

— Надо имѣть, Варя, терпѣнiе; у тебя еще вся жизнь впереди; не надо только унывать!

— Я на все, на все согласна, только не на такую жизнь! Пусть лучше горе, пусть какая-нибудь бѣда случится, надвинется что-нибудь угрожающее; тогда я по крайней мѣрѣ испытаю что-нибудь сильное, что разомъ встряхнетъ меня. Вѣдь если такъ пойдетъ дальше, то и сама я потону въ этой бессмыслицѣ, какъ всѣ эти люди, которыхъ я у себя вижу каждый день! Всѣ они въ свое время вѣроятно къ чему-нибудь стремились, желали другой жизни и опустили незамѣтно для самихъ себя...

— Успокойся, Варя,—сказалъ Григорій Павловичъ, зажигая спичку, чтобъ засвѣтить лампу.

Варвара Павловна снова просила не зажигать огня, и послѣ небольшой паузы воскликнула:

— Все, все лучше, чѣмъ такое жалкое, нелѣпое существованiе!

— Говорила ты объ этомъ съ мужемъ?

— Съ нимъ нельзя говорить: все, что мнѣ дорого, для него не существуетъ; во всему, что для меня свято, онъ относится шутя или съ иронiей...—Она вздохнула и хрустнула пальцами.

— Теперь, о чемъ бы я ни заговорила, мужъ меня останавливаетъ, увѣряетъ, что мнѣ нельзя волноваться, что я должна заботиться только о себѣ...

— И онъ правъ въ этомъ отношенiи.

— Ахъ, эта беременность!.. Рожать дѣтей и воспитывать ихъ въ такихъ условіяхъ, какъ мы сами живемъ—просто преступно!..

Въ комнатѣ пронесся тихій стонъ. Лунный свѣтъ надалъ на лицо Варвары Павловны. Оно было очень блѣдно, по щекамъ медленно катились и блестѣли двѣ слезинки.

— Ты бы прилегла, отдохнула,—сказалъ Голиневичъ.

Варвара Павловна отрицательно покачала головой.

— О, еслибъ я могла спать! Теперь сонъ для меня былъ бы истиннымъ благомъ!..

Она встала. Григорій Павловичъ зажегъ свѣчу, чтобъ провѣдывать сестру. Въ дверяхъ они столкнулись съ Ильчевскимъ.

— А, вотъ ты гдѣ!—обратился онъ къ Варварѣ Павловнѣ и, пристально взглянувъ на ея лицо, подумалъ:— „Теперь этотъ братецъ какъ разъ кстати... Пусть себѣ выслушиваетъ душевныя изліянія сестрицы! Женщины въ ея положеніи всегда чувствуютъ потребность ныть, а затѣмъ, изливъ всѣ свои печали, она успокоится, и ей будетъ легче“.

Въ столовой они застали только-что пріѣхавшую Марью Антоновну.

За чаемъ разговоръ вертѣлся преимущественно около Зарѣчья и Сосновки.

Между прочимъ Марья Антоновна упомянула, что привезла Варѣ письмо отъ отца Петра.

Когда Варвара Павловна сказала, что на будущей недѣлѣ собирается въ Сосновку, Марья Антоновна пришла въ ужасъ.

— Чтò ты это? Вѣдь теперь въ Калиновкѣ ярмарка и дорога такъ разбита обозами, что я и сама едва доѣхала! Нѣтъ ужъ, надо отложить по крайней мѣрѣ до апрѣля!..

Варвара Павловна возражала, Ильчевскій ее поддерживалъ. Старушка совсѣмъ всполошилась, и когда племянница зачѣмъ-то вышла, она съ негодованіемъ набросилась на зятя:

— А вы, Борисъ Петровичъ, чѣмъ бы отговорить жену, сами еще подбиваете ее! Вѣдь она на седьмомъ мѣсяцѣ, въ самомъ опасномъ періодѣ беременности!..

— Да, да,—согласился Ильчевскій:— вы правы! Простите, я забылъ...

— То-то забыли, а этого забывать нельзя!..

Голиневичъ съ удивленіемъ глядѣлъ на тетку. Всегда кроткая, ласковая, она вдругъ преобразилась, въ ея глазахъ сверкали гнѣвъ и укоръ.

— Да,—заговорилъ послѣ значительной паузы Ильчевскій:—

дѣторожденіе—одна изъ самыхъ печальныхъ сторонъ женской жизни.

Марья Антоновна не обратила вниманія на эту фразу, вряд ли даже слышала ее, и, наскоро допивъ свой чай, простилась, говоря, что сильно устала и хочетъ отдохнуть съ дороги.

— Вы находите, что материнство—самая печальная сторона женской жизни?—спросилъ Григорій Павловичъ:—это новость!

— Конечно. Если ужъ оно необходимо, то пусть себѣ и будетъ, но только для дурнушекъ. Пусть себѣ онѣ рожаютъ сколько угодно—имъ терять нечего!.. Обидно главнымъ образомъ за хорошенькихъ женщинъ. Вы видите сами, на что стала похожа Варя!.. Потомъ она, конечно, поправится, но все ужъ не то. Не будетъ прежней гибкости стана, нѣжной свѣжести лица... У многихъ женщинъ грубѣетъ даже голосъ...

У Голиневича клокотало въ груди. Онъ дѣлалъ неимоверныя усилія, стараясь подавить подступавшую злость, но наконецъ не выдержалъ.

— Я просилъ бы васъ, Борисъ Петровичъ, относиться къ этому серьезнѣе,—проговорилъ онъ медленно, тихимъ, сдавленнымъ голосомъ.

Ильчевскій слегка закинулъ голову и, прищурившись, нѣсколько секундъ глядѣлъ на собесѣдника молча. Голиневичъ весь поблѣднѣлъ и снова медленно проговорилъ:

— Порядочный человекъ обязанъ хоть изъ жалости заботиться о здоровьи близкой ему женщины.

— Вы хотите учить меня порядочности?

— Нѣтъ, я только хочу напомнить вамъ, что чувство жалости есть одно изъ самыхъ существенныхъ основъ нравственности.—Голиневичъ произнесъ это почти задыхаясь. Ильчевскій опять молча смѣрилъ его взглядомъ и, не проронивъ ни слова, взялся за газету.

Голиневича бросило въ жаръ. Въ немъ кипѣло бѣшенство. Какъ могъ онъ говорить серьезно съ этимъ наглецомъ!.. Почему онъ не держится съ нимъ его же пренебрежительно-вѣжливаго тона, холоднаго и равнодушнаго, безъ малѣйшаго оттѣнка искренности? Какъ онъ могъ забыть, что этотъ наглецъ неуязвимъ въ своей бронѣ свѣтской дрессировки?..

Голова Григорія Павловича кружилась отъ всѣхъ этихъ горѣвшихъ и жегшихъ его мыслей. Онъ сознавалъ необходимость найти какой-нибудь выходъ изъ своего неловкаго положенія, и ничего не могъ придумать.

XIX.

— Отецъ Петръ пишетъ, — заговорила Варвара Павловна, входя въ столовую, — что въ Сосновеѣ продается домъ церковнаго старосты, какъ разъ пригодный для больницы...

Голиневичъ всталъ и направился къ двери.

— Куда же ты, Гриша? Остайся! — сказала Варвара Павловна, бросая на него укоряющій взглядъ. Онъ сѣлъ на прежнее мѣсто.

— Онъ пишетъ еще, — продолжала Варвара Павловна, — что намъ нужно торопиться, такъ какъ крестьянское общество хочетъ приобрести этотъ домъ для волостнаго правленія.

Борисъ Петровичъ поморщился. Когда жена подошла къ нему и, положивъ руку на его плечо, сказала: — Я отвѣчу отцу Петру, что мы купимъ, — онъ взялъ ее за талию, бережно усадилъ рядомъ съ собой, и началъ говорить.

Видно было по всему, что онъ намѣревался высказывать уже готовые, давно обдуманныя мысли.

— Прежде всего, я попрошу тебя не огорчаться, — началъ онъ, взявъ руку жены, — не перебивать меня и выслушать внимательно. Видишь ли, я всегда удивлялся и не могъ понять, зачѣмъ ты портишь себѣ жизнь. Ты молода, красива, живешь въ хорошихъ матеріальныхъ условіяхъ. Тебѣ бы только радоваться да гордиться тѣмъ, что и сама ты — источникъ радостей и наслажденій, а между тѣмъ ты тратишь время и силы на какую-то бесплодную скорбь о меньшей братіи. Ну, помогай бѣднякамъ, я ничего противъ этого не имѣю... Напротивъ, твоя доброта трогаетъ и умиляетъ меня, но...

— Но какъ разъ въ мѣру, — отозвалась Варвара Павловна: — какъ разъ настолько, чтобы не помѣшать вамъ въ-время остановитъ меня!

— Трогаетъ и умиляетъ, — сповойно продолжалъ Ильчевскій: — но должна же ты понять, что нельзя же вѣчно скорбѣть и печалиться о томъ, чему помочь невозможно...

— Невозможно! — горестно воскликнула Варвара Павловна. Она давно уже освободила свою руку изъ руки мужа, и теперь хрустнула пальцами, что всегда дѣлала, когда начинала сильно волноваться. Ильчевскій зналъ за ней эту привычку, но не обратилъ вниманія.

— Да, невозможно, — повторилъ онъ: — даже въ Англіи, странѣ всякихъ передовыхъ идей, свободныхъ учреждений, есть

нищенство, пролетариатъ... Всѣмъ давно извѣстно, что низкія культурныя начинанія не приводили къ результатамъ, которыхъ отъ нихъ ожидали... Мало того, всѣ эти начинанія приносятъ въ концѣ концовъ вредъ... Благотворительныя общества плодятъ нищенство, воспитательные дома и родовспомогательныя заведенія поощряютъ развратъ...

— Но что-жъ изъ этого слѣдуетъ? Что надо дѣлать?

— Изъ этого слѣдуетъ, что надо мириться съ этой печальной стороной жизни и, не мудрствуя, жить, какъ живутъ всѣ.

— Живутъ разное,—перебилъ Голиневичъ.—Есть люди, живущіе жизнью сытой свиньи, но есть, слава Богу, и порядочные люди.

— Напримѣръ?

— Хоть бы, напримѣръ, такіе, которые думаютъ, что каждый обязанъ стремиться къ уменьшенію человѣческихъ страданій.

— И прежде всего, конечно, къ уменьшенію собственныхъ страданій. Моя личная жизнь—тоже вѣдь человѣческая жизнь.

— А если вамъ и такъ хорошо?

— Но если я стану распинаться за другихъ, тогда и мнѣ хорошо не будетъ, и другимъ...

— Однако мы уклонились отъ предмета,—замѣтила Варвара Павловна:—такъ какъ же насчетъ пріобрѣтенія дома?

— Сейчасъ я говорилъ тебѣ, что не препятствую тебѣ, т.-е. не препятствовалъ до сихъ поръ въ твоихъ затѣяхъ, но теперь вижу, что имъ, кажется, и конца не будетъ. Надо же имѣть голову на плечахъ... Я вѣдь не Крезъ, а на пріютъ и больницу нужны солидныя затраты. Кромѣ того, я не сочувствую...

— Вамъ просто жаль денегъ,—перебила Варвара Павловна,—и сочувствіе тутъ ни при чемъ.

— Нѣтъ, я убѣжденъ, что больница совсѣмъ не нужна. Ты говоришь, что теперь сосновцы отравляютъ и калѣчатъ себя сулемой да купоросомъ; но станетъ ли имъ легче отъ того, что ихъ будетъ отравлять и калѣчить фельдшеръ? Разница вѣдь будетъ только въ названіи медикаментовъ.

— Фельдшеръ дѣйствуетъ по указанію врача,—замѣтилъ Голиневичъ.

— Врача-ремесленника. Талантливый врачъ сюда не пойдетъ, а пойдетъ ремесленникъ, который и за ремесло свое взялся съ голоду, и всѣ пять лѣтъ спалъ и видѣлъ только дипломъ, то-есть вѣрный кусокъ. Добросовѣстныхъ отношеній къ дѣлу и солидныхъ знаній отъ него и требовать нельзя. Онъ весь уйдетъ

въ стремленіе къ наживѣ. Исключенія, конечно, есть и среди нихъ, но я говорю о большинствѣ. Да это и понятно: наголодавшись за пять лѣтъ студенчества, они не могутъ быть равнодушны къ деньгамъ...

— Кому же охота голодать вѣчно!—промолвилъ Голиневичъ.

— Всѣмъ намъ извѣстно, какъ врачи увлекались матеріальными интересами; иные не стыдились публично ратовать и противъ бесплатныхъ амбулаторій, и противъ женщинъ-врачей—за то, что тѣ идутъ на меньшіе оклады, и тѣмъ подрываютъ ихъ экономическое положеніе.

— Намъ нѣтъ дѣла до этого, намъ нужны ихъ знанія.

— Какія тамъ знанія!

Барвара Павловна почти не слушала словъ мужа. Она давно уже привыкла къ его разглагольствованію. Теперь она раздумывала о томъ, какимъ образомъ убѣдить его купить домъ, а тамъ ужъ видно будетъ, какъ дѣйствовать дальше. Съ пріютомъ можно подождать, но больница необходима. Сколько ужасовъ насмотрится она и наслушается всякій разъ, когда побываетъ въ Соновѣ: тамъ лекарки замучили, тутъ ребенокъ умеръ отъ угару, а тамъ трудно больной вторую недѣлю не своимъ голосомъ кричить, смерти у Бога просить...

— О знаніяхъ не намъ судить!—сказала Голиневичъ.

— Какія знанія! Бродятъ ощушью...

— Неправда! Медицина развивается, дѣлаетъ открытія... Нынѣшній новичокъ знаетъ во сто разъ больше, чѣмъ зналъ опытный врачъ лѣтъ двадцать назадъ. Врачъ никогда не перестаетъ учиться.

— Да, учатся, учатся, — подхватилъ Ильчевскій, — а насморкъ лечить не умѣютъ! Электричествомъ выдумали... Ха-ха!.. Втыкаютъ въ носъ иглы, заставляютъ больного лить слезы, корчиться и коряжиться отъ головной и зубной боли, а затѣмъ уже, послѣ десяти часовъ такихъ истязаній, насморкъ слабѣетъ! Не угодно ли?.. Какъ вамъ это нравится?.. Ха-ха!..

— А хирургія, по вашему, не шагаетъ съ изумительной быстротой? Не дѣлаетъ изумительнѣйшихъ открытій?

— Правда, дѣлаетъ. Но за то вѣдь въ жертву каждому ея открытію приносятся сотни и тысячи человѣческихъ жертвъ.

Барвара Павловна поднялась съ мѣста.

— Я все-таки хотѣла бы знать, что мнѣ отвѣтить на письмо отца Петра.

— Милая, вѣдь я уже сказалъ, что не мѣшаю тебѣ помогать бѣднякамъ, хоть и удивляюсь, какъ ты не хочешь понять,

что всякая частная благотворительность приноситъ только вредъ, — это доказано экономистами и моралистами...

— Довольно фразъ и общихъ мѣстъ, Борисъ Петровичъ, слишкомъ довольно! — проговорила Варвара Павловна. — Скажите прямо, что вы не хотите ни приюта, ни больницы.

— Нѣтъ, Варя, я этого не говорю... Можетъ быть со временемъ... Словомъ, мы поговоримъ объ этомъ въ другой разъ, и вообще я нахожу, что въ твоёмъ теперешнемъ положеніи не слѣдуетъ обременять себя большими заботами.

— О, Боже мой, вѣчно одинъ и тотъ же припѣвъ! — воскликнула Варвара Павловна. Глаза ея наполнились слезами, и чтобы скрыть ихъ, она поспѣшно удалилась.

— Опять будетъ волноваться и плакать! — сказалъ Борисъ Петровичъ, обращаясь къ шурина. — Хоть бы вы какъ-нибудь развлекли, успокоили ее... Я не могу, не выношу ея слезъ!..

— А вы думаете, меня ея слезы приводятъ въ восторгъ? — оборвалъ его Голиневичъ.

XX.

Нивулинъ уѣхалъ по дѣламъ въ Кіевъ, на цѣлый мѣсяцъ. Софья Львовна, пользуясь свободой, заѣзжала къ Ильчевскимъ чуть не каждый день. Иногда она увозила съ собой Бориса Петровича, и Голиневичъ съ тревогой слѣдилъ за сестрой. Не замѣчая никакихъ проявленій ревности, онъ былъ увѣренъ, что она ничего не видитъ, не подозрѣваетъ, и страшно боялся за будущее.

На второй недѣлѣ поста любители давали спектакль въ пользу семьи недавно умершаго учителя гимназіи. Варвара Павловна не хотѣла ѣхать.

— Почему? — спросилъ Борисъ Петровичъ.

— Какъ-то неловко. Вызовы, апплодисменты, радостное волненіе исполнителей, — все это какъ-то не вижется съ мыслью о смерти...

— Но вѣдь это принято, это дѣлается сплошь да рядомъ, и притомъ цѣль благая!

— Можно бы просто сдѣлать подписку... Впрочемъ, я никого не осуждаю, только сама не могу веселиться, если предложатъ для веселья служить смерть. Мнѣ все казалось бы, что на меня съ укоромъ смотритъ покойникъ.

— Какалъ щепетильность! — воскликнулъ насмѣшливо Ильчев-

скій, но тотчасъ же переѣнилъ тонъ, и совершенно серьезно добавилъ, что въ женщинѣ такая утонченность чувствъ понятна и даже привлекательна.

Голиневичъ, бывшій тутъ же, подивился такой быстрой переѣнѣ въ тонѣ Ильчевского, но когда тотъ съ необычайной нѣжностью простился съ женой, эта переѣна показалась ему подозрительной. Мысль, что Ильчевскій такъ нагло на каждомъ шагу обманываетъ Варю, не давала Григорію Павловичу покоя и невыносимо терзала его. Чтобы какъ-нибудь разсѣяться и освѣжиться, онъ вышелъ на улицу. Проходя мимо театра, онъ вдругъ почувствовалъ почти неодолимое желаніе посмотрѣть на Ильчевского и Софью Львовну. Онъ повернулъ къ театральному подъѣзду. Билетовъ въ послѣднихъ рядахъ не оказалось, а ему не хотѣлось быть замѣченнымъ. Послѣ минутнаго раздумья, онъ рѣшилъ занять мѣсто во второмъ ряду. Окинувъ взглядомъ ложи, Григорій Павловичъ нервно усмѣхнулся. Напрасно онъ безпокоился! Ильчевскій и Никулина были такъ заняты другъ другомъ, что не замѣтили бы, еслибъ онъ сѣлъ съ ними рядомъ.

Ильчевскій постоянно наклонялся къ Софьѣ Львовнѣ, почти касался ея волосъ, а она такъ и сіяла своей дерзкой, безстыдной красотой.

Передъ концомъ спектакля Голиневичъ выбрался на подъѣздъ, закрылъ лицо воротникомъ и шапкой, и сталъ ждать. Спустя недолго, показался Ильчевскій съ Никулиной. Усадивъ свою даму, онъ быстро вскочилъ въ сани.

— Въ „Москву“!—крикнулъ онъ кучеру, обнимая станъ Софьи Львовны.

— Свиданія въ грязныхъ номерахъ гостинницъ, — вотъ до чего дошло!—пробормоталъ Григорій Павловичъ брезгливо.

Подходя къ дому, у самаго фонаря, онъ почти носъ съ носомъ столкнулся съ Никулинымъ.

— А я вотъ только-что вернулся съ курьерскимъ, жены дома нѣтъ... сказали у васъ; оказывается, тоже нѣтъ,—говорилъ онъ впопыхахъ, и, наскоро пожавъ Голиневичу руку, пустился почти бѣгомъ. Перебѣжавъ улицу, онъ вдругъ обернулся и прокричалъ скороговоркой:

— Въ театрѣ были?.. Видѣли жену?

Григорій Павловичъ притворился, будто не слышитъ, торопливо взбѣжалъ на крыльцо и позвонилъ. Никулинъ, однако, успѣлъ нагнать его.

— Вы изъ театра?—повторилъ онъ:—жену не видали тамъ?

— Не замѣтилъ, не замѣтилъ!—съ суровой поспѣшностью

сказалъ Голиневичъ:—я смотрѣлъ на сцену. „Несчастный обманутый ревнивецъ“!—думалъ онъ, взбираясь по лѣстницѣ. Онъ вспомнилъ, какъ надъ Никулинымъ смѣялись, издѣвались надъ его ревностью, говорили, что жена „вьетъ изъ него веревки“, рассказывали, какъ онъ неожиданно возвращается изъ своихъ поѣздокъ, чтобы накрыть жену. Вотъ и теперь онъ вернулся неожиданно и мечется какъ угорѣлый, въ то время какъ жена съ любовникомъ въ гостинницѣ. Неужели въ каждой семьѣ скрывается драма? Неужели въ бракѣ кто-нибудь непременно долженъ страдать?

Въ домѣ было темно и тихо.

Григорій Павловичъ ощупью пробрался въ сестриной комнатѣ. Въ щель неплотно притворенной двери виденъ былъ свѣтъ.

Въ потемкахъ Голиневичъ на что-то наткнулся и произвелъ легкій шумъ.

— Кто тамъ?—раздался голосъ Варвары Павловны.

Голиневичъ пріотворилъ дверь и заглянулъ. Молодая женщина лежала нераздѣтая на кушеткѣ. Слабый свѣтъ голубого фонарика падалъ на ея прелестный лобъ, исполненный мысли и благородства; какая-то особенная, неуловимая красота была въ его линіяхъ, въ рисункѣ бровей. На лицѣ ея отражалось спокойствіе, задумчивое и тихое, какъ окружающая ее тишина. Было что-то умилятельное, что-то дѣтски-чистое во всей ея позѣ, когда, поднявшись на локоть, она глядѣла брату на встрѣчу.

— Отчего ты не въ постели? Уже поздно.

— Не стоитъ и ложиться; все равно не усну до разсвѣта.

Григорію Павловичу представилось, что она ждетъ мужа. Она до разсвѣта будетъ прислушиваться къ звонку, можетъ-быть пойдетъ къ нему, къ мерзавцу, который теперь развратничаетъ въ грязномъ номерѣ гостинницы!.. Она подойдетъ къ мужичиѣ, пресыщенному ласками другой женщины!..

Все это вихремъ пронеслось въ мозгу Голиневича. Кровь бросилась ему въ голову; смѣсь злобы, обиды, ненависти всколыхнулась въ его груди и подкатила къ горлу.

— Спокойной ночи!—проговорилъ онъ, не глядя на сестру и пряча лицо отъ свѣта. Въ своей комнатѣ, не зажигая огня, онъ, какъ былъ, не раздѣваясь, бросился въ постель и, уткнувшись въ подушку, заплакалъ мучительными, злыми слезами.

XXI.

Прибѣжавъ домой, Никулинъ узналъ, что Софьи Львовны все еще нѣтъ. Тутъ онъ вспомнилъ, что забылъ спросить у слуги, дома ли самъ Ильчевскій. Если нѣтъ, то значить они гдѣ-нибудь вмѣстѣ. Онъ послалъ за извозчикомъ, чтобы снова пуститься на поиски, а самъ забѣжалъ въ дѣтскую. Два мальчика, семи и пяти лѣтъ, крѣпко спали въ своихъ кроваткахъ. Онъ разбудилъ няню. Та вскочила и глядѣла на него испуганными глазами. Она служила всего второй мѣсяць, и врядъ ли, какъ думалъ Никулинъ, что-нибудь смыслила во взаимныхъ отношеніяхъ господъ. Онъ былъ увѣренъ, что нянька еще не научилась лгать и поддѣлываться къ щедрой на подарки барынѣ.

Освѣдомившись о здоровьѣ дѣтей, Никулинъ спросилъ, не хворала ли и не скучала ли барыня.

Нянька вдругъ смѣшалась и скоро-скоро заговорила:

— Нѣтъ, слава Богу, не хворали... а только все такія скучныя... Все объ васъ вспоминали, скоро ль, моль, они приѣдутъ? И все-то барыня дома, даже жалость смотрѣтъ. Вотъ только нынче впервой...

Никулинъ скрипнулъ зубами и кинулся вонъ изъ дѣтской. Очевидно, жена успѣла уже подкупить и эту служанку. Въ маленькой гостиной Софьи Львовны стоялъ запахъ дорогой сигары. Изъ всѣхъ знакомыхъ только Ильчевскій курить такія сигары. Невыносимыя муки ревности въ одинъ мигъ охватили весь организмъ Никулина. Какъ могъ онъ вѣрить въ расположенность жены къ Варварѣ Павловнѣ? Развѣ его жена способна привязаться къ подобной женщинѣ?.. Надо быть совершеннѣйшимъ идиотомъ, чтобы вѣрить въ эту дружбу!.. А онъ вѣрилъ, онъ постоянно отмахивался отъ возникавшихъ подозрѣній!.. Онъ подошелъ къ столу, на которомъ стояла хрустальная кружка съ водой, и выпилъ всю воду залпомъ. Это освѣжило его, помогло разобраться въ своихъ мысляхъ. Онъ сообразилъ, что въ такомъ состояніи ему лучше не видаться съ женой до завтра, и снова вышелъ изъ дому. У подъѣзда его ждалъ извозчикъ, но онъ отпустилъ его и пошелъ гвѣшкомъ, надѣясь хоть сколько-нибудь успокоиться.

Онъ подумалъ-было, что всѣ эти опасенія—выдумка его ревнивой натуры. А, эта проклятая ревность! Сколько униженій, сколько стыда вытерпѣлъ онъ изъ-за этого мучительнаго чувства! Онъ знаетъ, что въ обществѣ онъ смѣшонъ; надъ нимъ, ко-

вечно, подтрунивають, можетъ-быть говорятъ о немъ съ улыбкой презрительнаго сожалѣнія!.. Вѣчный роконосецъ, не умѣющій накрыть жену!.. Да, онъ ни разу не накрылъ ея; но откуда же эти вѣчно терзающія его подозрѣнія? Вотъ и сейчасъ: какъ онъ ни старается расхолодить себя, а они все сильнѣе сверлятъ и распалаютъ его мозгъ, полосуютъ его сердце. Онъ чувствуетъ, что жена измѣняетъ ему на каждомъ шагу. Она лова и смѣла до дерзости, а такимъ всегда все сходитъ съ рукъ. Ее выдаютъ только ея живые глаза... Гдѣ она теперь? Что она говоритъ этому Ильчевскому?..

И передъ глазами Никулина замелькали въ яркомъ освѣщеніи такія картины, что онъ остановился разомъ и схватился за голову.

— О, мѣла-мѣченская!—стономъ вырвалось у него.

Онъ опять стремительно зашагалъ по тротуару, точно какая-то невѣдомая сила его толкала впередъ и впередъ. Съ широко раскрытыми глазами, съ судорожно вздрагивающимъ лицомъ, онъ шель, почти бѣжалъ, по временамъ останавливался, что-то бормоталъ и опять бѣжалъ. Онъ былъ близокъ къ сумасшествію, почти утратилъ сознание дѣйствительности.

Было уже очень поздно.

Мѣсяцъ скрылся, фонари потускнѣли; улицы безмолвствовали; ночь тихо совершала свой путь надъ спящимъ городомъ.

XXII.

На другой день Никулинъ проснулся позже обыкновеннаго и чувствовалъ себя очень нехорошо. Голова у него горѣла, во рту было сухо, во всемъ тѣлѣ чувствовалась какая-то ноющая, тупая боль. Нѣсколько минутъ онъ не могъ ничего сообразить, но вдругъ вспомнилъ, что ночью, возвратясь домой, слишкомъ много выпилъ вина. Въ одинъ мигъ со всѣми подробностями пронеслась передъ нимъ вся вчерашняя ночь. Она кончилась тѣмъ, что онъ пытался залить виномъ свои терзанія—и не могъ. Онъ пилъ и пилъ, но не пьянѣлъ, не находилъ забвенія.

Никулинъ поднялся съ дивана,—онъ ночевалъ въ кабинетѣ,—и сталъ торопливо одѣваться. Онъ былъ почти одѣтъ, когда въ дверь постучали.

— Отчего же ты за мной не прислалъ вчера?—живо и весело заговорила, входя, Софья Львовна.

Свѣжая и душистая, она была очень эффектна въ своемъ бѣломъ пеньюарѣ, съ распущенными по плечамъ пышными волосами.

Никулинъ нервно пригусилъ губу, сился овладѣть собой, овладѣть внезапно нахлынувшими на него вчерашними ощущеніями.

— Куда не прислалъ?

— Да развѣ тебѣ не сказали?—воскликнула Софья Львовна съ досадливымъ изумленіемъ:—вѣдь я говорила, на всякій случай, прислугѣ, что изъ театра заѣду къ Ильчевскимъ...

— Послѣ спектакля я самъ былъ у Ильчевскихъ,—подхватилъ Никулинъ.

— На минутку...—безъ малѣйшаго смущенія продолжала Софья Львовна,—а отъ нихъ къ Ивановымъ.

— Къ Ивановымъ?.. Ты вѣдь у нихъ запросто не бываешь!

— У нихъ былъ званый вечеръ.

Онъ глядѣлъ на жену пристально и сурово.

— Ты опять не въ духѣ?—проговорила она, подсаживаясь къ мужу совсѣмъ близко и заглядывая ему въ лицо.—Удивляюсь, какъ тебѣ не надоѣстъ до сихъ поръ скучная и унижительная роль вѣчнаго ревнивца!..

Онъ отвернулся и процѣдилъ сквозь зубы:

— Роль вѣчнаго рогоносца тоже не очень красива.

— А, вотъ что!.. Ты опять бросилъ дѣла и легъ сломя голову!.. Не понимаю, не могу понять...

— Гдѣ тебѣ понять!—злобно прошипѣлъ Никулинъ, и въ его глазахъ засвѣтилась ненависть. Софья Львовна выпрямилась, высоко подняла голову; глаза ея потемнѣли, сверкнули гнѣвнымъ презрѣніемъ и казались чудовищно прекрасными на ея поблѣднѣвшемъ лицѣ.

Взглядъ Никулина постепенно смягчался и вдругъ загорѣлся страстью. Этотъ взглядъ заставилъ Софью Львовну, съ подавленнымъ отвращеніемъ, отодвинуться слегка отъ мужа. Онъ потянулся къ ней, припалъ головой къ ея колѣнямъ и спряталъ лицо въ мягкихъ складкахъ ея пеньюара. Софья Львовна усмѣхалась жестокою, злою усмѣшкой и, положивъ руку на опущенную голову мужа, вкрадчиво говорила:

— Ахъ, ты мой выпятокъ глупенькій! Какъ тебѣ не стыдно такъ оскорблять меня!..

— Прости, прости!—безсвязно лепеталъ онъ:—сжался надо мной!.. прости!..

— Ну, мнѣ пора одѣваться,—проговорила Софья Львовна, вставая и слегка отстраняя голову мужа.

Никулинъ поднялъ голову и встрѣтилъ злой, торжествующій взглядъ жены. Глухое бѣшенство снова овладѣло имъ, но онъ его осидилъ и не сказалъ ни слова.

Когда жена наградила его холоднымъ поцѣлуемъ и пошла къ двери, онъ проводилъ ее утомленнымъ, тоскливымъ взглядомъ.

— О, Господи, какая муза!—глухо простоналъ онъ и, порывисто вставъ съ мѣста, рванулъ верхній бортъ жилета такъ сильно, что пуговицы посыпались на полъ.

Въ то же время Софья Львовна мысленно сравнивала мужа съ Ильчевскимъ.

— Какая разница! — восклицала она про себя: — тотъ ловокъ, красивъ и смѣлъ, самоувѣренъ даже въ своей дерзости!.. А этотъ... это—гадина! Тошнотворная гадина, умѣющая только отравлять жизнь!..

Она приложила къ носу ладонь, которую сейчасъ цѣловалъ мужъ, и съ гадливымъ отвращеніемъ отдернула: ей показалось, что отъ руки ея пахнетъ аптекой.

— Гадость какая! — прошептала она, тщательно вытирая платкомъ ладонь:—онъ лечится украдкой отъ какихъ-то тайныхъ болей!

XXIII.

Голиневичъ пилъ свой утренній чай одинъ. Варвара Павловна заспалась позже обыкновеннаго. Ильчевскій въ послѣднее время часто запаздывалъ, но на этотъ разъ было иначе. Онъ явился, когда Григорій Павловичъ кончалъ первый стаканъ.

— А Вари? Она еще не выходила?—спросилъ онъ разсѣянно, очевидно съ мыслью о чемъ-то другомъ.

Его свѣжее лицо, стрѣлками закрученные усы, бѣлыя, выхлещенныя руки съ розовыми, тщательно отточенными ногтями, весь его самодовольный видъ, словно ужалилъ Голиневича. Онъ судорожно схватилъ свой стаканъ и залпомъ глотнулъ остатокъ чая. Онъ намѣревался напомнить Ильчевскому еще разъ о необходимости скрывать отъ Вари его связь съ Никулиной и долго молчалъ, запасаясь хладнокровіемъ.

— Вчера ночью я встрѣтилъ Никулина, — началъ наконецъ Григорій Павловичъ.

— Уже?.. Вернулся? Вотъ чудакъ!

— Почему чудакъ?

— По всему. Во-первыхъ, онъ стыдится своего мѣщанскаго происхожденія и, какъ настоящій „парвеню“, старается придерживаться каждой буквы свѣтскаго кодекса, — а это безтактно, этимъ онъ только выдаетъ свою неопытность въ этомъ дѣлѣ... Кромѣ того, онъ смѣшонъ и вульгаренъ своей ревностью, кото-

рую онъ не умѣетъ скрывать даже въ обществѣ, которая такъ унижаетъ его.

— А, ревность! Съ этого надо было начать! Но почему, спрашивается, ревность смѣшна и унижительна? Онъ жену любить, а гдѣ любовь, тамъ и ревность. Считать это чувство унижительнымъ—просто предразсудокъ. Это чувство такъ же естественно, какъ и всякое другое, съ той, впрочемъ, разницей, что оно во сто кратъ сложнѣе и мучительнѣе. Тутъ все: и обида за свою поруганную любовь, и страхъ потерять любимое существо, и гнѣвъ за обманъ, и горечь незаслуженныхъ страданій, и стыдъ передъ самимъ собой за эти страданія, и, наконецъ, болѣзненный страхъ показаться смѣшнымъ или жалкимъ.

— Что же, Никулинъ, по обыкновенію, рыскалъ по городу, разыскивая жену?—перебилъ Ильчевскій.

Годиневичъ, не отвѣчая на вопросъ, продолжалъ:

— Возмутительно, когда ревность, величайшее изъ всѣхъ нравственныхъ страданій, вызываетъ смѣхъ! Почему человѣкъ не стыдится рыдать надъ трупомъ дорогого покойника? Почему не стыдятся колотится головой объ его гробъ?.. Только пошлякъ или глупецъ можетъ издѣваться надъ муками ревности!..

Годиневичъ чувствовалъ, что теряетъ самообладаніе, и замолчалъ, стараясь овладѣть собой.

— Сколько пылу и краснорѣчія!—насмѣшливо проговорилъ Ильчевскій:—вамъ непременно надо сдѣлаться адвокатомъ и брать на себя защиту всѣхъ подсудимыхъ ревнивцевъ!

Въ то же время пытливо поглядывая на собесѣдника, онъ думалъ: „Что это съ нимъ?... Точно съ цѣпи сорвался!“

— Благодарю за совѣтъ,—сказалъ, послѣ небольшой паузы, Григорій Павловичъ:—очень можетъ быть, что я воспользуюсь имъ и сдѣлаюсь адвокатомъ. Очень можетъ быть также, что буду защищать на судѣ Никулина, когда онъ убьетъ свою жену или ея любовника, но теперь...

— Неужели вы думаете, что онъ дойдетъ до этого?

— Да, вчера ночью видъ у него былъ очень нехорошъ, и еслибъ онъ увидалъ Софью Львовну съ вами въ гостинницѣ...

— А, вы, кажется, слѣдите за мной?..

— Нѣтъ-съ, на такое вниманіе къ вамъ я, признаюсь, не способенъ, а вчера узналъ случайно. Да вы, кажется, и не заботились о сохраненіи своихъ похиженій въ тайнѣ, если во весь голосъ отдавали приказаніе кучеру на театральномъ подъѣздѣ. Но теперь я хочу говорить не о Никулинѣ и не о себѣ, а главнымъ образомъ—о моей сестрѣ...

— Она васъ уполномочила?

— Она пока ничего не знаетъ, и я просилъ бы васъ вести себя такъ, чтобы она и дальше ничего не подозрѣвала, по крайней мѣрѣ до родовъ. Вѣдь вы знаете, что, по словамъ акушерки, она переживаетъ самый опасный періодъ беременности.

— Да вы о чемъ хлопочете? Увѣряю васъ, что ваши опасенія совершенно напрасны. Варя, съ ея голубиной чистотой и наивностью, ни о чемъ такомъ и не думаетъ, тѣмъ болѣе, что постоянно витаетъ въ своихъ мечтахъ.

— И вамъ не стыдно обманывать? Не стыдно грязнить эту чистоту?

— Въ любовныхъ дѣлахъ обманъ позволителенъ. Въ любви, какъ и на войнѣ, всѣ средства допускаются. Да, наконецъ, придавать серьезное значеніе всему этому по меньшей мѣрѣ наивно... Чтò тутъ особеннаго, что я ищу въ красивой женщинѣ развлечения для своего сердца? Вѣдь и сердце, подобно другимъ органамъ, требуетъ извѣстнаго упражненія...

Голиневичъ поблѣднѣлъ и какимъ-то хриплымъ, прерывистымъ голосомъ воскликнулъ:

— Какое презрѣніе къ людямъ, какое холодное, резонерское отношеніе къ людскимъ поступкамъ и чувствамъ! Это просто возмутительно!

„Возмущайся, голубчикъ, на здоровье, сколько тебѣ угодно,— думалъ Ильчевскій,— а сестрицѣ все-таки ничего не скажешь! Напротивъ, самъ же будешь служить мнѣ громоотводомъ и помимо воли избавишь меня отъ семейныхъ бурь“... Борисъ Петровичъ снова подумалъ, что „братецъ“ пріѣхалъ очень кстати, и тутъ же рѣшилъ на всѣ его неприятныя выходки смотрѣть сквозь пальцы.

— И охота вамъ, милѣйшій Григорій Павловичъ, вѣчно топорщиться и кипятиться изъ-за пустяковъ!—сказалъ онъ вслухъ спокойнымъ, почти ласковымъ тономъ.

— А знаете ли, милѣйшій мой Борисъ Петровичъ, чтò я подумалъ, когда впервые узналъ про васъ отъ Карповича? Я подумалъ наугадъ, что въ васъ культурна только внѣшность, а нутро самое плебейское, неотесанное!.. И теперь все больше и больше убѣждаюсь, что не ошибся.

— А я вотъ сейчасъ думалъ, что вамъ почему-то непременно хочется поссориться со мной, и тоже, кажется, не ошибся; но я васъ не понимаю: неужели вы думаете, что наша ссора Варѣ будетъ пріятна?

Голиневичъ опомнился.

— Извините,—пробормоталъ онъ, вставая:—у меня скверный характеръ... я раздражителенъ, — и быстро вышелъ изъ комнаты.

Онъ мысленно обругалъ себя идиотомъ и далъ себѣ слово впередъ избѣгать всякихъ разговоровъ съ Ильчевскимъ. Только такимъ образомъ можно избѣгать ссоръ и непріятностей.

Но не прошло и двухъ дней, какъ Григорій Павловичъ не сдержалъ слова и наговорилъ Ильчевскому колкостей и дерзостей. Онъ дошелъ уже до того, что не могъ безъ раздраженія видѣть зятя и отъ каждой его фразы закипалъ гнѣвомъ. Разглагольствованія Ильчевскаго приводили Голиневича просто въ ярость, и между ними чуть не каждый день происходили отчаянныя пикировки. Только присутствіе Варвары Павловны нѣсколько сдерживало обоихъ.

XXIV.

Дня два спустя, Голиневичъ встрѣтилъ на улицѣ Никулину и пошелъ съ нею рядомъ.

Когда разговоръ какъ-то прервался, Софья Львовна освѣдомилась про Варвару Павловну. Какъ разъ въ это время они подходили къ квартирѣ Никулиныхъ. У Голиневича мелькнула вдругъ мысль поговорить съ Софьей Львовной о всей неприглядности ея поведенія относительно его сестры. Какова бы ни была женщина, она въ такихъ случаяхъ всегда отзывчивѣ мужчины. Онъ попросилъ позволенія зайти къ ней, узнавъ сначала, что самого Никулина нѣтъ дома.

— Вы такъ часто спрашиваетесь о здоровьѣ сестры и съ такимъ участіемъ,—заговорилъ Григорій Павловичъ, входя вмѣстѣ съ Никулиной въ ея гостиную,—какъ будто она и въ самомъ дѣлѣ васъ интересуеть.

Она густо покраснѣла.

— Конечно, интересуеть.

— Врядъ-ли...

— Чтò?!.. Вы говорите какимъ-то страннымъ тономъ!

— Оставимъ, Софья Львовна, всякіе тоны да фасоны и поговоримъ прямо, по совѣсти!..

— Я ничего не понимаю... Чтò же вамъ угодно?

— Мнѣ угодно, чтобы вы меня выслушали.

— Хорошо, я слушаю,—сухо проговорила Софья Львовна, откидываясь на спинку кресла и опуская вѣки съ видомъ полнаго равнодушія.

— Бросьте Ильчевского, прогоните его!

— А, вотъ вы съ чѣмъ!—еще болѣе сухо сказала она.—
Вашей сестрѣ неприятно, что Борисъ Петровичъ ухаживаетъ за
мною?

— Она не выноситъ фальши вообще; кромѣ того, она лю-
битъ васъ, и ей тяжело будетъ узнать, что она обманута ея му-
жемъ и вами.

— Да развѣ я виновата, что она не сумѣла удержать при
себѣ мужа? Да и что за преступленіе въ томъ, что я позволяю
ухаживать?..

— Когда ухаживаютъ, то не прячутся въ номерахъ гостини-
ницъ!—запальчиво вскричалъ Голиневичъ.

Никулина выпрямила станъ и поблѣднѣла.

— Вы дерзки до нахальства!—воскликнула она, вставая и
окидывая его высокомернымъ взглядомъ.

— Не уходите, ради Бога, не уходите! Еще два слова!

Она опустила въ кресло.

Голиневичъ съ минуту смотрѣлъ на нее сумрачно и не на-
ходилъ словъ.

— Что же вы?—она нетерпѣливо топнула ногой.—Чего
вы хотите?.. Ваша сестра фантазерка, отъ такихъ всегда бѣгутъ!..

— Не смѣйте такъ говорить про Варю!—вскипѣлъ Голи-
невичъ.—Вамъ ее не понять!.. Гдѣ вамъ!..

— Ну, конечно! Однакоже и она все-таки снизошла до та-
кого низменнаго чувства, какъ ревность!..

— Ни до чего она не снизошла и ничего еще не знаетъ,
почему я и прошу васъ...

— Въ угоду ей прогнать Ильчевского?..

— Если не прогнать, то хоть быть осторожнѣе... Зачѣмъ
вамъ аффишировать его отношенія къ вамъ? Ради пустого жен-
скаго тщеславія, вы рискуете уронить себя въ глазахъ вашего
общества! Что вы будете дѣлать, если всѣ отъ васъ отвер-
нутся?

— Не беспокойтесь, никто не отвернется!.. Всѣ эти будто
бы добродѣтельные дамы, въ сущности, не больше, какъ мокрыя
курицы!.. Всѣ онѣ сами жаждутъ поклонниковъ!..

— Поклонникъ—не любовникъ, и дѣлать!..

— Вы дерзвѣй мальчишка! — перебила Голиневича Софья
Львовна. Брови ея сдвинулись, яркій румянецъ вспыхнулъ на
щекахъ.

Вдругъ полу-презрительная, полу-заносчивая усмѣшка скольз-
нула по ея свѣжимъ губамъ.

— Вы дерзкій мальчишка, — повторила она: — но вы искренни, и сердиться на васъ нельзя... Вамъ можно говорить правду, и я вамъ прямо говорю: я хочу жить, хочу счастья!..

— Счастья, основаннаго на чужомъ страданіи!..

— Пустое! Мертвой моралью, прописями нельзя жить! Вольно же вашей сестрѣ ныть, вмѣсто того...

— Если не Варю, то хоть вашего мужа пожалѣйте!

— Его жалѣть?! Онъ взялъ отъ жизни, что могъ, женился уже истрепанный, съ гнилымъ здоровьемъ, и теперь хотѣлъ бы еще сдѣлать изъ меня сидѣлку!..

— Зачѣмъ же вы шли за него?

— Ахъ, что вы понимаете въ жизни! Вышла потому, что не нашлось никого лучше по положенію, по матеріальнымъ средствамъ.

— Можно было и совсѣмъ не выходить, жить самостоятельной жизнью.

— Жизнью старой дѣвы? Благодарю покорно! Переносить насмѣшки, безпрестанные уколы самолюбію... Нечего свазать, хороша самостоятельность!

— А теперешняя ваша жизнь развѣ лучше? Характеръ вашего мужа таковъ, что отъ него всего можно ожидать... Въ минуту изступленія онъ убьетъ васъ! Я его видѣлъ въ такомъ состояніи.

Краска вдругъ сбѣжала съ лица Никудиной, въ ея глазахъ отразился испугъ, испугъ загнаннаго звѣря. Но черезъ мигъ она съ какимъ-то дерзкимъ отчаяніемъ крикнула:—А, мнѣ все равно!

Въ этомъ возгласѣ слышалось что-то страдальческое, что-то вымученное. Голиневичъ входилъ къ ней почти съ ненавистью, а теперь глубокая жалость стѣснила ему грудь.

— И за что вы любите Ильчевского?—заговорилъ онъ послѣ небольшой паузы:—сердце у него нехорошее, умъ неблагородный, невозвышенный.

— Сама не знаю,—задумчиво сказала Софья Львовна:—у него какая-то сатаническая власть надо мной...

— Власть негодяя!—горячо подхватилъ Голиневичъ.—Негодяй всегда властвуетъ надъ женщиной, потому что неразборчивъ въ средствахъ. Онъ беретъ женщину хитростью, лестью, дерзостью, нахрапомъ, какъ придется... А потомъ, принизивъ, вьетъ изъ нея веревки, пока не броситъ для новой страсти!.. Вы этого хотите, этого дожидаетесь, Софья Львовна?

Она молчала. Голиневичъ нервно теребилъ свою бородку, глаза его тревожно бѣгали въ нетерпѣливомъ ожиданіи.

Софья Львовна встала. Голиневичъ взялъ шапку и вопросительно смотрѣлъ ей въ упоръ.

Она отвела затуманенный взоръ отъ его взгляда и съ досадливымъ жестомъ воскликнула:

— Вѣдь я ужъ вамъ сказала... Чтò же мнѣ дѣлать?..

— Надо, Софья Львовна, что-нибудь надо дѣлать!.. Надо взять себя въ руки, надо побороть свою страсть. У васъ дѣти... Наконецъ, вы живете съ мужемъ, живете на его средства, а дѣлить свою любовь, ради матеріальныхъ выгодъ, между мужемъ и любовникомъ—безчестно! Тутъ одинъ шагъ до проституціи, а проституція—агонія нравственной смерти женщины!..

— Какъ вы смѣете!.. Убирайтесь вонъ!..

— Я уйду, сейчасъ уйду,—заторопился Голиневичъ, направляясь къ выходу:—простите, я не хотѣлъ васъ оскорбить... Прощайте!—У самой двери онъ обернулся и прокричалъ:

— Но помните, помните, Софья Львовна, что этого рода рабство—рабство самое позорное, унижительное!..

— Довольно, уходите!—почти простонала Никулина, затыкая пальцами уши.

Голиневичъ страдалъ отъ негодованія и жалости. „Вотъ женщины!!—думалъ онъ, шагая по тротуару:—вотъ онѣ, женщины! Отдаваться нелюбимому человѣку, человѣку, внушающему отвращеніе, ради того, чтобы не видѣть насмѣшекъ какаго-нибудь пошляка или идиота!.. Вотъ онѣ пути вѣковыхъ предразсудковъ! Тутъ-то вотъ и кроется, тутъ и сидитъ легкій взглядъ на женщину даже лучшихъ людей“!..

XXV.

Дома онъ засталъ мальчиковъ Софьи Львовны. Она говорила ему, еще при встрѣчѣ съ нимъ на улицѣ, что послала черезъ дѣтей цвѣтущій гіацинтъ Варварѣ Павловнѣ.

Красивые, здоровые малыши неустанно вертѣлись, дурачились и болтали всякій вздоръ.

При прощаньѣ, когда Варвара Павловна сказала:—Передайте мамѣ поклонъ,—младшій тотчасъ же подхватилъ:

— А у мамы насморекъ вчера былъ, она все сморкалась...

— Неправда, — перебилъ старшій мальчуганъ, таинственно понижая голосъ:—не насморекъ, а мама все плакала... Видите, мама у насъ красивая, а папа сердитый... и они поссорились...

А Маша вчера прибѣжала и говорить няѣ: „теперь, небось, прищемила хвостъ, баринъ засадилъ дома“!.. Это она про маму... Прищемила хвостъ!.. ха-ха!.. Маша у насъ потѣшная!..

— Что за дикое воспитаніе!—сказалъ Голиневичъ, по уходѣ дѣтей.

— Да,—согласился Ильчевскій.—Софья Львовна далеко не образцовая мать.

Варвара Павловна въ разговоръ не вслушивалась. Она восхищалась гадяиномъ и теперь унесла его въ большую залу, гдѣ и занялась перемѣщеніемъ цвѣтовъ, создавъ для этого всю прислугу.

Быль конецъ марта, то именно время, когда, по собственному выраженію Варвары Павловны, растенія просыпались и начинали жить. Появлялись свѣжіе листья, отростки, завязь бутоновъ, приводившіе ее въ таковой восторгъ, что она нерѣдко вслухъ обращалась къ нимъ въ нѣжныхъ, ласкающихъ выраженіяхъ.

Растеній было очень много, и ей пришлось долго возиться съ ними.

— И слава Богу, что Софья Львовна не образцовая мать!—проговорилъ Голиневичъ на слова Ильчевскаго.

— Почему же?

— А потому, что эти такъ называемыя образцовыя матери противны!.. Онѣ эгоистичны до жестокости и ради прихоти своего ребенка готовы отнять у чужого все! Онѣ восхищаются только своими дѣтьми и всегда стараются унижить чужихъ, всегда злобно подхватываютъ каждый промахъ, каждую неловкость чужого ребенка. Такія матери не только противны, но и преступны, потому что, не задумываясь, развиваютъ въ дѣтяхъ тщесловіе, жажду похвалы, первенство,—наконецъ, приучаютъ ихъ къ роскоши!.. Гдѣ же тутъ преступленіе? Заботы воспитанія именно и должны сводиться къ тому, чтобы обезпечить дѣтямъ максимумъ пріятныхъ ощущеній и допустить только минимумъ страданій. Надо, чтобы дѣти развивались и росли сповойно, не пускаясь въ какія-то умствованія да исканія, и думали бы только о себѣ... Пусть себѣ дѣти будутъ и добры, но только потому, что доброта имъ нравится, а не въ силу какого-то отвлеченнаго долга.

— Такъ, такъ!—криво усмѣхаясь, подхватилъ Голиневичъ и хотѣлъ продолжать, но въ эту минуту Варвара Павловна позвала обѣдать.

За обѣдомъ Ильчевскій пилъ больше обыкновеннаго и становился болтливъ. Вставъ изъ-за стола, всѣ перешли въ кабинетъ.

Вскорѣ Варвару Павловну зачѣмъ-то вызвали. Минуть черезъ десять она вернулась, вся раскраснѣвшись, и скоро, сбивчиво заговорила:

— А вдова кондуктора вернулась ни съ чѣмъ! Только время даромъ потеряла!.. Господи, Господи, гдѣ же, наконецъ, правда?

— Да не волнуйся же такъ!—остановилъ ее мужъ:—въ чемъ дѣло?

А дѣло было въ томъ, что два года назадъ кондукторъ товарнаго поѣзда, при сцѣпѣ вагоновъ, попалъ подъ колеса, его перерѣзало пополамъ и, послѣ нѣсколькихъ часовъ страданій, кондукторъ скончался. Его вдова и шестеро малолѣтнихъ дѣтей остались безъ всякихъ средствъ. На просьбу вдовы о пособіи—какъ будто въ такихъ случаяхъ еще нужно ожидать просьбъ!— послѣ долгихъ проволочекъ вышло распоряженіе о выдачѣ на всю семью пенсіи по одиннадцати рублей въ мѣсяцъ. Кто-то увѣрилъ несчастную, обезумѣвшую отъ горя женщину, что ей выгоднѣе отказаться отъ этой жалкой пенсіи и просить единовременнаго пособія; ей растолковали также, что и эта ничтожная пенсія сократится, когда дѣти выростутъ, по меньшей мѣрѣ на двѣ трети. Вдова отказалась отъ одиннадцати рублей и вновь подала прошеніе. Съ тѣхъ поръ прошло около двухъ лѣтъ, а на просьбу вдовы никакого отвѣта.

Варвара Павловна поддерживала семью, обращалась за совѣтами къ людямъ свѣдущимъ, но всѣ отвѣчали уклончиво, пожимая плечами. Варвара Павловна отправила на свой счетъ вдову въ городъ, гдѣ было главное управленіе дороги.

И вотъ теперь несчастная вдова вернулась ни съ чѣмъ и оттуда.

— Ходила я, матушка, ходила,—разсказывала вдова:—а все ничего! Кто говорить—срокъ пропустила, кто говорить—прийти черезъ мѣсяцъ, а то опять говорить, что просьба не туда подана и не ладно написана!..

На вопросъ Ильчевского—„въ чемъ дѣло?“—Варвара Павловна ничего не отвѣтила, только съ печальнымъ укоромъ посмотрѣла на мужа. Сколько разъ говорила она ему объ этомъ дѣлѣ, сколько разъ, отправивши вдову, выражала при немъ надежду, что, можетъ быть, дѣло пойдетъ на ладъ, а онъ, оказывается, и забылъ обо всемъ этомъ! Она и сейчасъ хотѣла просить его принять въ этомъ дѣлѣ участіе, но, взглянувъ на него, безнадежно вздохнула и задумалась. Она соображала, что еще можно сдѣлать. Нѣсколько минутъ всѣ молчали. Наконецъ Ильчевскій отозвался:

— Сейчасъ я вспомнилъ... по праву, Варя, на этомъ дѣлѣ надо поставить крестъ... Ну, помогай семьѣ... Наконецъ, сиротъ можно какъ-нибудь устроить, можно въ комитетъ обратиться.

— Ахъ, не въ этомъ дѣло!—съ досадой воскликнула Варвара Павловна:—тутъ возмутительна несправедливость! Вѣдь получаютъ же инженеры за увѣчья десятки тысячъ!.. А тутъ на семь человѣкъ семьи—одиннадцать рублей!..

Ильчевскій пожалъ плечами и вздохнулъ.

— И подумать только,—продолжала Варвара Павловна:—что отъ полуживого, пополамъ перерѣзаннаго человѣка,—человѣка, истекающаго кровью!—еще успѣли отобрать формальное показаніе, что онъ пострадалъ по собственной оплошности!..

Голиневичъ, молча, понуривъ голову, шагаль по комнатѣ.

Варвара Павловна встала и тихо направилась къ двери. По ея щекамъ катились крупныя слезы.

— Варя, куда ты?—остановилъ ее мужъ:—ради Бога, не вознуйся напрасно... Посиди съ нами.

— Не могу,—глухо сказала она, не оборачиваясь.

XXVI.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе.

— Это тянется дольше, чѣмъ я думалъ,—проговорилъ Ильчевскій,—и наконецъ становится скучнымъ.

— Чтò-сь?

Голиневичъ круто повернулся и уставился на собесѣдника злыми глазами.

— Да вотъ эти стоны и вздохи.

— Вѣдь они не мѣшаютъ вашимъ сердечнымъ упражненіямъ съ госпожей Никулиной!

— Увы, я теперъ нахожусь при печальномъ интересѣ!—съ комическимъ вздохомъ произнесъ Ильчевскій:—аргусъ дома и не скоро уѣдетъ!.. При томъ же у нея, говорятъ, насморкъ, а вѣдь это ужасно!—женщинѣ можно все простить, но только не насморкъ...

— Ну, однако, до свиданія! Я плохой цѣнитель подобныхъ остротъ. Лучше пойду спать.

— Полноте, останьтесь побесѣдовать.

Ильчевскій позвонилъ и велѣлъ подать вина.

Усѣвшись поудобнѣе въ креслѣ и раскуривъ сигару, онъ лѣниво произнесъ:

— За стаканомъ вина и хорошей сигарой отчего и не побесѣдовать?

— Отчего же и не побесѣдовать; только о чемъ? Мнѣ уже давно извѣстно, что все ваше міровоззрѣніе заключается въ томъ, что, во-первыхъ и прежде всего, надо заботиться о самомъ себѣ; во-вторыхъ—тоже о себѣ, и въ-третьихъ—опять-таки о себѣ!

— Ха-ха! сказано недурно!—А, знаете, вы отличный собесѣдникъ! Вашъ вызывающій тонъ какъ-то приятно подзадориваетъ...

— Благодарю за любезность, но не могу отвѣтить тѣмъ же, ибо ваши тягучія разглагольствованія мнѣ совсѣмъ не нравятся.

— У всякаго своя манера говорить. Мнѣ, напримѣръ, не нравится ваша—вѣчно говорить грубости.

— Меня манерамъ некому было учить.

— Э, да о чемъ мы толкуемъ! Давайте лучше пить!

Ильчевскій наполнилъ стаканы.

— Давайте пить, — сказалъ Голиневичъ, присаживаясь къ столу: — только предупреждаю, я во хмелю неповаженъ, и впереди прошу извинить, если назову васъ подлецомъ.

— Я тоже бываю рѣзокъ въ возбужденномъ состояніи, и, можетъ быть, назову васъ дуракомъ... не понимающимъ своихъ выгодъ...

— Выгодъ?—вскипѣлъ Голиневичъ:—въ 'вакомъ, позвольте узнать, смыслѣ?—допрашивалъ онъ, срываясь съ мѣста и наступая на Ильчевскаго:—въ какомъ-сѣ?

— Въ такомъ, что вы совсѣмъ заглушили въ себѣ вкусъ къ жизни, вѣчно негодуете, точно какой-то уязвленный... Не понимаете выгоды и удобства жить безъ этого кипѣнья и умѣть пользоваться своими преимуществами... Вы молоды, образованны...

— Довольно и безъ меня на свѣтѣ нахаловъ, помнящихъ только свои права, свои привилегіи и думающихъ, что міръ созданъ для нихъ.

— Не будь у васъ этого мрачнаго взгляда,—было бы лучше и вамъ, и... ну, хоть бы вашей сестрѣ, которую вы такъ любите... и она васъ...

— При чемъ тутъ сестра?

— Вы могли бы убѣдить ее, что она только даромъ теряетъ время въ безвкусной, скучной жизни и кончитъ все-таки сознаниемъ, что всѣ ея скорби о меньшей братіи—сущій вздоръ.

— Вѣдь вы на дняхъ прочли объ этомъ ей цѣлую лекцію!..

Вы повторяетесь, Борисъ Петровичъ, а это—нехорошій признакъ... Старѣетесь, вотъ чтѣ.

Ильчевскій чуть-чуть поморщился, но продолжалъ:

— Да, всѣ эти печалованія о меньшей братіи — просто наивны. Нельзя же не согласиться съ тѣмъ, что если даже мы отдадимъ этой братіи все, чтѣ имѣемъ, не оставивъ себѣ ничего, то и тогда получится только одна ничтожная капля на безчисленное множество жаждущихъ...

— Вотъ какъ вы все это кудреватѣ изложили! А можно бы и проще, по-мужицки: я, молъ, не солнышко, всѣхъ не обогрѣю.

— А потомъ всѣ эти заботы наши о народѣ, о его развитіи совсѣмъ не нужны, даже вредны. Теперь мужикъ слѣпъ и глухъ, но зато онъ меньше и страдаетъ; у него нѣтъ нашихъ запросовъ, но нѣтъ и тоски отъ неудовлетворенности...

— Ха-ха!.. Такой, напримѣръ, тоски, какъ у васъ!

— Давъ ему зрѣніе и слухъ, мы сдѣлаемъ его несчастнымъ.

— И то: теперь у него этого самаго счастья—хоть отбавляй, а мы вдругъ стараемся его обездолить!—Голиневичъ отпилъ изъ своего стакана; Ильчевскій докончилъ свой и снова налилъ вина.

— Да, теперь мужику лучше, чѣмъ будетъ потомъ, когда онъ проснется и прозрѣтъ... Теперь, по крайней мѣрѣ, ему не мѣшаютъ спокойно спать разные идеалы да идеи...

— А вамъ они мѣшаютъ?

— Мнѣ? Нисколько. Но до этого мужику далеко!

— До чего это?

— До того, пока онъ пережуетъ всѣ эти бредни и выплюнетъ...

— Какъ вы?

— Да, я плюю на все это.

— Вотъ это я понимаю. Ей-ей, вамъ можно поставить пятерку за находчивость! Въ самомъ дѣлѣ: свяжись только съ этими выдумками, сейчасъ тебя и на цугундертъ: докажи, дескать, жизнью, фактами, каковъ ты есть, потому, молъ, что всѣ эти самые идеалы да идеи—призываютъ къ труду, къ жертвамъ, словомъ—пошла писать губернія!

— При томъ же все это ужъ страшно надоѣло, всѣмъ набилѣ оскомину.

— Да, это удобно:—не признаю—и баста! Чтѣ съ меня возмешь, коли я самъ открыто плюю на все!

— Положимъ, не на все... я признаю наслажденія...

— Да неужели? Это неподобно!—воскликнулъ Голиневичъ и разразился такимъ злымъ смѣхомъ, что съ посоловѣвшихъ глазъ

Ильчевскаго вдругъ соскочилъ хмель и въ нихъ свернуло раздраженіе, но, въ мигъ совладавъ съ собой, онъ продолжалъ:

— Мы эгоисты по природѣ и прежде всего намъ присуще желать не тяготы въ видѣ какихъ-то условныхъ обязанностей, не подвиговъ самоотреченія, а наслажденій,—ихъ я только и признаю... Да...—Онъ потеръ себѣ лобъ, какъ бы собираясь съ мыслями, потомъ позвонилъ и опять потребовалъ вина. Черезъ минуту, хорошо вымуштрованный слуга безшумно откупоривалъ вино, убиралъ посуду и на его лицѣ не отражалось ни луча мысли; но, выходя изъ комнаты и ловко притворяя дверь ногой, онъ презрительно покосился на господъ и въ головѣ его пронеслось: „Вишь, сколько вылакали, а все мало! Съ мужикомъ нянчатся, облагородить его стараются, а у самихъ только и на умѣ, что карты, развратъ да пьянство... Болтуны проклятые!.. У каждаго женатаго любовница, а свернословятъ почище всякаго мужа даже трезвые... За картами иной возьметъ въ прикупкѣ вмѣсто туза двойку—сейчасъ и загнетъ такое слово, что и хорошій извозчикъ свазать постѣсняется... А туда же, въ комитетахъ гадать о смягченіи нравовъ“!..

Этотъ петербургскій лакей, человѣкъ бывалый, почитывалъ газеты, любилъ вслушиваться въ господскія бесѣды и вообще наблюдать господъ.

Когда онъ вышелъ, Ильчевскій проговорилъ:

— Я потерялъ нить разговора... о чемъ мы...

— О наслажденіи.

— Да, да!.. Не имѣй я средствъ, я добивался бы только того, чтобы обезпечить себѣ полную чашу наслажденія... Оно—единственная цѣль жизни и кромѣ него ничего нѣтъ, къ чему бы стоило стремиться.

— И пожалуй добивались бы, не разбирая средствъ?

— Очень можетъ быть.

— Однако вы откровенны!

— Не считаю нужнымъ притворяться и лгать.

— Хорошее дѣло! Жаль только, что вы не всегда были такъ правдивы. Еслибъ все сказанное сейчасъ было сказано три года назадъ при моей сестрѣ, вы были бы свободны... не связали бы себя бракомъ...

— Ахъ, я совсѣмъ не помню, что я тогда ей говорилъ!.. Да и гдѣ же помнить бредъ влюбленнаго?..

— Зато я хорошо помню!—Ѣдо усмѣхнулся Голиневичъ:—тѣмъ болѣе, что на дняхъ случайно нашелъ у себя одно изъ

вашихъ писемъ къ Бакшееву, въ которомъ вы издѣваетесь надъ міровозрѣніемъ вашей невѣсты.

Сѣрые глаза Голиневича метали искры злости; онъ выхватилъ изъ бокового кармана слежавшуюся бумажку и, швырнувъ ее на столъ, произнесъ:—Жаль, что уцѣлѣло только это одно, какъ-то случайно, а всѣ остальные, я помню, рвали въ клочки.

Ильчевскій не обратилъ вниманія на письмо.

— Всѣ остальные?—проговорилъ онъ, очевидно что-то соображая:—но какъ они къ вамъ попали?...

— Мнѣ ихъ отдалъ Бакшеевъ.

— А, Костя! — Ильчевскій вдругъ ожилъ, пріободрился.— Костя Бакшеевъ! Славный малый, не правда ли? Вотъ и онъ такъ же смотритъ на жизнь, и всѣ практическіе люди давно признали, что въ жизни все случайно, все—результатъ счастливыхъ или несчастныхъ случайностей... Говорятъ, напримѣръ, что, получая отъ жизни, отъ общества то и другое, надо и возвращать тѣмъ или другимъ. Но за что я стану возвращать, когда я...

— Ну, ужъ, извините, это даже и не умно: захватывать себѣ все, ничего не оставляя другимъ, умѣютъ и животныя!

— Но, позвольте, за что я стану возвращать, когда я знаю, что самъ я получилъ, благодаря слѣпому случаю? Не вздумай, напримѣръ, мой родитель гарцовать послѣ обильнаго завтрака верхомъ и не упади съ лошади,—онъ, вѣроятно, разорился бы, какъ и вашъ. Прежде чѣмъ раскланяться съ здѣшнимъ міромъ, онъ, вонечно, постарался бы спустить все, и я, какъ вы, остался бы при печальномъ интересѣ... Тогда, можетъ быть, и я сталъ бы трактовать о какихъ-то тамъ гражданскихъ доблестяхъ, высшихъ интересахъ да идеалахъ...

Голиневичъ привсталъ, оперся обѣими руками о край стола и не сводилъ съ собесѣдника пристальнаго взгляда; глаза его горѣли гнѣвомъ.

— Обо всѣхъ этихъ пустягахъ,—продолжалъ Ильчевскій,—на которые давнымъ-давно пора махнуть рукой, пора ихъ сдать въ архивъ...

— Неправда! Вы сами знаете, что всѣ эти измышленія—ложь! Ложь, выдуманная людьми для того, чтобъ ублаживать ими совѣсть, потому что какъ-ни-какъ, а совѣсть у каждаго чело-вѣка по временамъ стучится въ сердце, хоть и не громко...

— Пустое!.. Все на свѣтѣ вздоръ, кромѣ...

— А честь, совѣсть?

— Вздоръ!

— Самоотверженная любовь?

— Вздоръ!

— Человѣческое достоинство?

Голиневичъ задыхался, едва сдерживая злость.

— Все вздоръ, все пустяки, — повторялъ Ильчевскій. — Надо стремиться только къ тому, чтобы пить и пить полной чашей отъ радостей жизни, хватать отъ жизни все, что можно, и выжимать изъ нея сокъ до послѣдней капли!..

— Но... но это ужасно! Это — полное нравственное банкротство! — воскликнула Варвара Павловна. Ильчевскій и Голиневичъ не замѣтили, какъ она появилась въ дверяхъ.

Блѣдная, съ широко открытыми глазами, стояла она, прислонясь къ косяку, съ трудомъ держась на ногахъ. Она сдѣлала нѣсколько шаговъ и опустилась, почти упала въ кресло. Ильчевскій бросился-было къ ней, — она отстранила его рѣзкимъ жестомъ.

— Не смѣйте ко мнѣ подходить! — тихимъ, сдавленнымъ стономъ вырвалось у нея. И вдругъ всѣ черты ея лица дрогнули и слезы внезапно брызнули ключомъ. Она быстро выхватила платокъ и закрыла имъ свое искаженное муками лицо.

Ильчевскій съ минуту оторопѣло помялся на мѣстѣ, потомъ безшумно, на цыпочкахъ пробрался въ прихожую, торопливо накиннулъ пальто, схватилъ шапку и скрылся за дверью.

Голиневичъ побѣждалъ за водой.

Воды въ столовой не оказалось; пришлось звонить и ожидать. Когда онъ вернулся, со стаканомъ въ рукахъ, Варвара Павловна читала забытое на столѣ письмо. Она слышала, когда братъ говорилъ Ильчевскому про это письмо, видѣла даже, какъ онъ бросилъ его на столъ, и тогда же хотѣла взять и прочитать его. Но все сказанное ей мужемъ послѣ этого до того поразило ее, что она, стоя въ дверяхъ, вся превратилась въ слухъ и про письмо забыла. Теперь бумажка бросилась ей въ глаза. Голиневичъ растерянно смотрѣлъ на сестру. Въ головѣ его промелькнуло было, что нужно отнять письмо, не позволить читать дальше; но онъ тутъ же сообразилъ, что объ этомъ нечего и думать: Варвара Павловна быстро разбирала хорошо знакомый почеркъ и теперь уже кончала послѣднюю страницу. Дочитавъ до конца, она уронила письмо на столъ, склонила голову на руки и блѣдное лицо ея точно окаменѣло.

Голиневичъ не смѣлъ нарушить молчаніе.

XXVII.

И надо же было уцѣлѣть этому несчастному письму! Голиневичъ вспомнилъ, что, читая письма, рвалъ и бросалъ ихъ на полъ, а надъ этимъ послѣднимъ задумался насчетъ приписки и, должно быть, машинально сунулъ его въ карманъ. Онъ самъ себѣ не могъ объяснить, зачѣмъ спряталъ его теперь, на дняхъ, когда нашелъ его въ своихъ бумагахъ. Еще менѣе было ему понятно, зачѣмъ онъ заговорилъ объ этомъ письмѣ съ Ильчевскимъ. Чего онъ хотѣлъ? Развѣ онъ не имѣлъ случая убѣдиться, что Ильчевскій неувязимъ? Какъ могъ онъ самъ, своей рукой, нанести сестрѣ такую рану, какъ могъ усугубить ея страданія? Пусть бы она не знала, что и въ самую лучшую пору ея жизни всѣ ея дѣвическія мечты, стремленія, все, что она считала святымъ, неприкосновеннымъ, было уже поругано, осмѣяно! Пускай бы она не знала, что и тогда уже лучшія требованія ея души, весь ея внутренній міръ былъ загрязненъ человѣкомъ, въ которомъ она не сумѣла разгадать циника и пошляка! Пусть бы ей оставалось хоть то слабое утѣшеніе, что когда она отдавала ему себя, онъ былъ чище и лучше!.. Голиневичъ долго сидѣлъ молча, тоскливо поглядывая на сестру и не смѣя заговорить. Наконецъ, онъ сталъ просить ее уйти къ себѣ и лечь въ постель. Она безъ словъ покачала головой и сдѣлала знакъ оставить ее одну, не обращать на нее вниманія.

Когда братъ удалился изъ комнаты, она подошла къ окну.

Было уже около полуночи, но уличное движеніе еще не прекращалось.

Варвара Павловна съ тупымъ равнодушіемъ смотрѣла на освѣщенную улицу. Единственнымъ исходомъ изъ овладѣвшаго ею отвращенія ко всему на свѣтѣ казалась ей смерть. Сколько нужды, горя и мелочной суеты кишѣло вокругъ!.. Люди неутомимо борются съ житейскими невзгодами, сами не зная—для чего... Для того только, чтобы добиться маленькихъ радостей, которыя потонуть въ массѣ страданій!.. И какъ жалки казались ей всѣ эти идущіе и ѣдущіе люди теперь, когда она рѣшилась избавить себя отъ этого мелочного, недостойнаго существованія!.. Да, рѣшилась, но почему же она медлитъ? Неужели у нея недостаетъ мужества умереть? О, позорная женская трусость!.. Какой стыдъ и какое несчастіе родиться женщиной!.. Она сжала руки и хрустнула пальцами.

Вдругъ она почувствовала острую боль въ спинѣ. Мысль о беременности точно ужалила ее.

Варвара Павловна выпрямилась, но тотчасъ же со стономъ опустилась въ кресло.

Равнодушіе на ея лицѣ смѣнилось отчаяніемъ. А, вотъ оно—препятствіе! Въ эти послѣдніе часы она забыла, что жизнь ея связана съ другою жизнью. Она не имѣетъ права умереть, она должна жить для того, чтобы произвести на свѣтъ дитя, будущаго человѣка... Можетъ быть, будущаго Ильчевского!..

— Я съ ума сойду!—прошептала она, прижимая къ вискамъ холодныя ладони.

Спустя недолго, Голиневичъ заглянулъ къ ней потихоньку черезъ дверь. Она сидѣла неподвижно и смотрѣла въ одну точку, очевидно ничего не замѣчая. Она думала о будущемъ ребенкѣ. Нѣтъ, она не дастъ ему погибнуть; она не допуститъ, чтобы ея дитя походило на отца! Съ самаго ранняго дѣтства она станеть слѣдить за нимъ, искоренять въ немъ дурныя инстинкты, она научитъ его любить добро... Надо только выбраться поскорѣй отсюда въ Зарѣчье, гдѣ никто не помѣшаетъ ей воспитывать свое дитя такъ, какъ ей подскажетъ ея сердце и разумъ. Ильчевскій не станеть удерживать ребенка... На чтѣ онъ ему? Хорошъ отецъ!.. Варвара Павловна вспомнила собственное дѣтство, своего отца, печальную жизнь матери. Ей стало страшно за себя.

Надо бѣжать отсюда какъ можно скорѣе.

Завтра же вонъ изъ этого постылаго дома, отъ этихъ людей, погрязшихъ въ мелочахъ, заглушившихъ въ себѣ все человѣческое! Вонъ, вонъ отсюда, изъ этого живого лѣса бездушныхъ людей! Здѣсь ей предстояла участь ея матери!..

Варвара Павловна вдрогнула всѣмъ тѣломъ и вдругъ почувствовала необычайную усталость. Умъ пересталъ работать, на душѣ стало холодно и пусто. Она откинулась на спинку кресла и опять уставилась, тупымъ взглядомъ, въ одну точку. Такъ просидѣла она еще сколько-то времени.

Она прозябла и судорожно зѣвала, но не имѣла силъ подняться.

Голиневичъ послалъ нарочнаго за Марьей Антоновой въ Зарѣчье, потомъ собрался ѣхать за врачомъ, но передъ уходомъ опять завернулъ къ сестрѣ. Почти слѣдомъ за нимъ въ комнату осторожно вошелъ Ильчевскій.

— Успокойся, Варя, прости!—заговорилъ онъ тихо:—я былъ грубъ, рѣзовъ... Такъ не говорятъ при женщинахъ, но... я тебя не видалъ...

Барвара Павловна опять вздрогнула. Невыносимая мука пронеслась какими-то зигзагами по ея лицу и снова исказила всё его черты.

Собравъ всё силы, она приподнялась и вдругъ пошатнулась, хватая рукой воздухъ.

Голиневичъ едва успѣлъ поддержать ее. Онъ отвелъ ее въ спальню и уложилъ.

— Уснуть бы, Гриша, уснуть бы на вѣкъ!—шептала она, зѣвая и сжимаясь всёми тѣломъ.

XXVIII.

На разсвѣтъ Голиневича разбудилъ стукъ въ дверь.

— Гриша!—послышался тихій голосъ Марьи Антоновны.— Голиневичъ вскочилъ, наскоро одѣлся и выбѣжалъ.

— Что такое? Что случилось?—спросилъ онъ.

— Муки начались. Надо за докторомъ и акушеркой... Несчастіе, преждевременные роды!—шептала Марья Антоновна поблѣвшими губами.

Голиневичъ схватился за голову; ноги у него подкашивались. Вдругъ онъ опамятовался, пересилилъ себя и сказалъ:

— Разбудите Бориса Петровича.

— Попробуй ты, я не могла достучаться.

Ильчевскій лежалъ на диванѣ и крѣпко спалъ, слегка похрапывая.

Голиневичъ громко окликнулъ его, затѣмъ два раза толкнулъ въ плечо и, не добудившись, винулся въ прихожую, а оттуда на улицу.

За акушеркой Голиневичъ послалъ, а къ врачу самъ поѣхалъ. Когда онъ привезъ доктора, акушерка была уже возлѣ больной.

Въ домѣ происходила какая-то таинственная суета. По комнатамъ безшумно и торопливо сновали слуги; акушерка, отозвавъ въ сторону врача, что-то шопотомъ передавала ему; немного погодя, къ нимъ, съ озабоченнымъ лицомъ, подошла Марья Антоновна и увела обоихъ въ комнату больной. Голиневичу стало жутко.

День прошелъ какъ-то странно. Подавали чай и завтракъ, но никто не садился за столъ. Ильчевскій проснулся около полудня и потребовалъ чаю въ кабинетъ. Марья Антоновна часто выходила, на ходу комкала и прижимала къ заплаканнымъ гла-

замъ платокъ, и опять исчезала. Голиневичъ бродилъ изъ комнаты въ комнату, видѣлъ все, что дѣлалось кругомъ, и ничего не понималъ, ни о чемъ не могъ думать. Въ головѣ былъ какой-то хаосъ, изъ котораго ясно выдѣлялось только то, что Вара страдаетъ, что, можетъ быть, она уже отходить, можетъ быть умерла.

Онъ то-и-дѣло подходилъ къ двери, прислушивался, что дѣлается въ комнатѣ больной.

Тамъ время отъ времени раздавались глухіе стоны. Проходилъ часъ за часомъ, а Голиневичъ все бродилъ и бродилъ. Къ вечеру онъ едва держался на ногахъ, но не садился, боясь уснуть. Раза два къ нему подходилъ Ильчевскій, что-то шопотомъ спрашивалъ и, не дождавшись отвѣта, снова уходилъ. Въ полночь стоны больной стали громче. Голиневичъ весь похолодѣлъ, почти потерялъ сознание. Онъ стоялъ у окна, приложившись къ холодному стеклу лбомъ, когда до его руки дотронулся докторъ и сказалъ:

— Послушайте, не позвать ли мужа? Она очень плоха!

Голиневичъ мигомъ опомнился.

— Она хочетъ его видѣть?

— Нѣтъ, я такъ думаю...

— Ну, такъ не надо!

Докторъ пристально посмотрѣлъ на него своими умными сѣрыми глазами и отправился въ кабинетъ.

Связь Ильчевскаго съ Нигулиной ни для кого не была тайной; зналъ о ней и докторъ.

Предполагая, что болѣзнь Варвары Павловны была вызвана сценами ревности, онъ мысленно не одобрялъ свою пациентку, хоть и жалѣлъ ее. Вообще докторъ съ полупрезрительнымъ сожалѣніемъ думалъ о людяхъ, способныхъ видѣть въ любви какую-то поэзію, что-то духовное, какъ бы возвышенное, не понимающихъ, что это—простое влеченіе другъ къ другу половъ, и не умѣющихъ относиться къ этому влеченію легче и проще. „Не могутъ понять, что любовь—такая же простая потребность, какъ одежда или пища, только обставленная множествомъ всевозможныхъ иллюзій“!—подумалъ онъ съ досадой, подходя къ двери кабинета.

Ильчевскій дремалъ въ креслѣ.

Докторъ передалъ ему, что положеніе больной очень серьезно, и предложилъ повидаться съ нею. Ильчевскій испугался, даже слегка поблѣднѣлъ, но не выдалъ себя и повидимому тоскливо проговорилъ:

— Боюсь, что я встревожу ее своимъ страдальческимъ видомъ.

— Дѣло ваше, — сухо сказалъ докторъ: — моя обязанность предупредить.

— Да, я понимаю... Благодарю васъ... Можетъ быть, потому, когда я нѣсколько успокоюсь, но теперь боюсь, что не сумѣю скрыть моего отчаянiя.

— Дѣло ваше, — еще болѣе сухо повторилъ докторъ и направился къ двери.

— Погодите!.. Еслибъ вы знали, что я переживаю теперь... Пропишите мнѣ что-нибудь успокоительное! — ткнулъ Ильчевскiй жалобно.

— Ничего не надо, пройдетъ и такъ! — насмѣшливо усмѣхнувшись, отвѣтилъ докторъ.

Но Ильчевскiй дѣйствительно страдалъ. Его одолѣвали раздражающiя, даже вызывающiя злость на самого себя мысли. Всегда, всю жизнь, при какой-либо неприятности онъ находилъ поводъ оправдать себя, свалить свою вину или ошибку на другихъ, но теперь, какъ ни старался, не могъ найти себѣ оправданiя.

Онъ и только онъ одинъ виноватъ въ своей женитьбѣ. Какъ мальчишка — увлекся до полнаго ослѣпленiя, какъ идиотъ — повѣрилъ въ прелести домашняго очага!.. Вотъ онѣ, эти прелести. Не угодно ли?.. А можетъ быть это еще только цвѣточки!.. Ему невыразимо жаль Варю, и онъ сдѣлалъ бы все, чтобы помочь ей, но вѣдь онъ безсиленъ! Идти же къ ней и напрасно разстраивать себя видомъ ея страданiй — глупо... у него и такъ совсѣмъ разстроены нервы... Какой ужасный, томительный день! Все въ домѣ перевернулось. Онъ не ѣлъ цѣлый день: не могъ же онъ обѣдать, когда никто не садился за столъ! Кусокъ не пошелъ бы ему въ горло при видѣ „братца“ съ его трагическимъ лицомъ!.. О, Боже мой, когда же это кончится?.. Ильчевскiй посмотрѣлъ на часы. Было около полуночи. Онъ почувствовалъ приступы голода, и не зналъ, что дѣлать. Онъ не рѣшался потребовать ужинъ въ кабинетъ: тутъ онъ никогда не ужиналъ, и теперь было бы похоже на то, что онъ ѣсть украдкой. Вдругъ у него мелькнула мысль, что можно поужинать въ ресторанѣ. Онъ всталъ и началъ поспѣшно переодеваться.

Въ корридорѣ онъ столкнулся съ докторомъ.

— Ну, что? — спросилъ Ильчевскiй.

— Разрѣшилась мертвымъ, — громко отвѣтилъ врачъ.

XXIX.

Девять дней больная безпрестанно теряла сознание и бредила. Марья Антоновна и Григорій Павловичъ почти не отходили отъ нея. Она ни разу не спросила про мужа и только просила перевезти ее въ Зарѣчье какъ можно скорѣе.

— Я не хочу, не могу оставаться въ этомъ домѣ,—повторяла она всякій разъ, какъ только приходила въ себя:—эти стѣны давятъ меня... Тутъ нечѣмъ дышать!... Скорѣй бы, скорѣй въ Зарѣчье!..

Ильчевскій не рѣшился показываться больной на глаза послѣ того, какъ при его появленіи она лишилась чувствъ. Голиневичъ переживалъ тяжелое, мучительное время. Онъ жилъ подъ вѣчнымъ страхомъ, подъ бременемъ тяготѣвшей надъ нимъ грозы. Минутами въ душу его закрадывалась надежда, но потомъ страхъ охватывалъ еще съ большею силой, и онъ весь трепеталъ въ ожиданіи надвигавшейся бѣды. Тоска, безпрестанная тревога и бессонныя ночи довели его самого до какого-то болѣзненнаго состоянія.

По временамъ ему чудилось, будто Варя уже умерла, и онъ впивался въ ея лицо глазами, съ замираніемъ сердца прислушивался къ ея дыханію. Въ такія минуты ему казалось, что какъ только сестра перестанетъ дышать, онъ самъ упадетъ замертво.

Цѣлыми часами не отводилъ онъ глазъ отъ ея прозрачнаго лица, и когда представлялъ себѣ это лицо мертвымъ, его охватывалъ леденящій ужасъ.

Доктора все еще находили новыя средства, и это давало Голиневичу хоть слабую тѣнь надежды. Марья Антоновна ни на что уже не надѣялась. Она не спала, не ѣла, но имѣла еще силы удерживаться отъ слезъ въ присутствіи больной, видимо обольщавшей себя надеждой. Въ первые дни болѣзни Варвара Павловна догадывалась, что она близка къ смерти, даже выражала желаніе умереть. Но потомъ мысль о смерти смѣнилась жаждой жизни, явилась надежда, а затѣмъ и увѣренность въ выздоровленіи. Весь десятый день съ самаго утра больная была въ какомъ-то возбужденномъ состояніи, увѣряла, что ей легче, что она скоро-скоро поправится. На нее страшно было смотрѣть: носъ совершенно заострился, прозрачное лицо приняло синеватый оттѣнокъ, а она все хваталась за жизнь. Невыносимая жалость тѣснила грудь Голиневича, когда она говорила, едва шевеля запекшимися губами.

— О, теперь я знаю, какъ жить!.. Теперь я съумѣю жить просто, не задаваясь никакими несбыточными цѣлями!.. Богъ наказалъ меня за гордость, и теперь я стану жить просто, со смиреніемъ!.. И добро буду дѣлать просто на каждомъ шагу... Кого накормлю, кого одѣну или утѣшу, а главное—буду спасать дѣтей... буду слѣдить и узнавать, гдѣ есть несчастныя, обиженные судьбой дѣтишки!..

Осенью она собиралась ѣхать съ братомъ въ Петербургъ, а лѣто провести въ Зарѣчьѣ.

Въ полдень больная выразила желаніе видѣть отца Петра; за нимъ тотчасъ же послали. Вскорѣ явился докторъ, пробылъ всего минутъ пять и ничего не прописалъ. Голиневичъ сказалъ ему, что больная слишкомъ много говоритъ.

— Пусть себѣ говоритъ,—отвѣтилъ докторъ:—можетъ скоро умолкнуть навсегда!..

А она, какъ бы пользуясь разрѣшеніемъ, говорила и говорила, чуть слышнымъ голосомъ.

Апрѣльскій день былъ ясный и теплый. Яркіе лучи пробивались сквозь спущенныя сторы, и, глядя на нихъ, больная шептала:

— Ахъ, что тамъ дѣлается за окномъ!.. Солнце, зелень, птицы, бабочки... Такъ бы, кажется, и понеслась туда!.. Теперь ужъ я ни одной минуты не потрачу на тоску и слезы... За чѣмъ тосковать?.. Въ жизни такъ много хорошаго!..—Къ вечеру она стала тревожиться, что отецъ Петръ долго не пріѣдетъ, а она желала бы исповѣдаться.

— Это ускоритъ мое выздоровленіе,—говорила она.

Марья Антоновна вышла распорядиться, чтобы привезли городского священника съ дарами. Голиневичъ остался при больной.

Она притихла, нѣсколько минутъ молчала, потомъ заерыла глаза и снова зашептала, какъ бы въ бреду:

— Гриша, я вижу звѣзды, мириады звѣздъ, вижу цвѣты... слышу шелестъ листьевъ, музыку... Мнѣ кажется, будто какаятто гармонія возносится отъ земли къ небу... А тамъ, можетъ быть, мама за насъ молится...

Какъ ни тихо вошла Марья Антоновна, но больная услышала, полуоткрыла глаза и сказала, что ей хочется спать. Потомъ она стала просить брата пойти отдохнуть. Голиневичъ уступилъ, чтобы только не раздражать ее противорѣчіемъ. Онъ не спалъ нѣсколько ночей и теперь не хотѣлъ поддаться сну. Но едва онъ опустился на стулъ, имъ овладѣлъ тяжелый, непреодолимый сонъ. Ровно въ полночь онъ проснулся внезапно,

какъ бы отъ сильнаго толчка, сразу пришелъ въ себя и поспѣшилъ въ комнату больной.

Тамъ, стоя на колѣняхъ, молилась Марья Антоновна; отецъ Петръ тихо читалъ отходную; поодаль въ тѣни стоялъ Ильчевскій, низко-низко опустивъ голову.

— Все кончено, кончено! — молнией пронеслось въ головѣ Голиневича.

Нечеловѣческимъ усиленіемъ подавилъ онъ сдавившее горло рыданіе и вышелъ вонъ.

XXX.

На другой день послѣ похоронъ Марья Антоновна и Григорій Павловичъ уѣхали въ Зарѣчье. Въ ожиданіи открытія навигаціи, Голиневичъ прожилъ у тетки двѣ недѣли.

Наканунѣ отъѣзда онъ лежалъ у себя на кровати въ невыносимой тоскѣ.

Въ комнату вошла Марья Антоновна, медленно приблизилась къ нему, обхватила руками его шею и вся затряслась отъ рыданій. Въ этомъ молчаливомъ рыданіи было что-то раздражающее. У Голиневича сердце заняло такъ больно, что онъ едва удержался отъ стона. Марья Антоновна плакала долго. Наконецъ, выплакавшись, она заговорила дрожащимъ голосомъ:

— Тошно мнѣ, Гришенька, тошно!.. Мѣста себѣ не нахожу, не знаю, что съ собой дѣлать!.. И зачѣмъ я тогда уговаривала нашу голубку, зачѣмъ отдала ее недоброму человѣку!..

Марья Антоновна вытерла снова набѣжавшія слезы и передала въ немногихъ словахъ свой недавно созрѣвшій планъ.

Она давно рѣшила, что послѣ смерти отдастъ хуторъ, то-есть всю землю съ усадьбой и лѣсомъ, во владѣніе монастыря, но теперь перерѣшила и хочетъ завѣщать все это ему, Гришѣ, съ тѣмъ, чтобы онъ, въ память Вари, открылъ въ усадьбѣ пріютъ для сиротъ.

— Пусть ея душевѣнка порадуетса хоть на томъ свѣтѣ! — закончила старуха, облегченно вздохнувъ. Голиневичъ посмотрѣлъ на тетку съ завистью. Чего бы онъ онъ не далъ, чтобы вѣрить, какъ она вѣрить, но у него нѣтъ и этого утѣшенія!..

Въ Хрѣновскѣ онъ узналъ, что пароходъ отходитъ вечеромъ. Приходилось ждать нѣсколько часовъ. Голиневичъ взялъ билетъ, устроилъ въ каютѣ свой багажъ и отправился на владбище.

„Какая нелѣпость вся наша жизнь!“ — думалъ, онъ стоя у свѣжей могилы сестры.

— Прощай, Варя, прощай, дорогая моя!—громко произнесъ онъ, отходя отъ могилки.

Онъ шелъ по пустынному кладбищу, ярко освѣщенному солнцемъ: птицы, какъ ни въ чемъ не бывало, радостно чиркали, взлетая при его приближеніи; почки березы издавали благоуханіе.

Когда онъ вышелъ въ ворота кладбища, ему показалось, будто онъ оставляетъ за собой часть самого себя, и снова невыносимая тоска стѣснила ему грудь. Онъ хотѣлъ бы плавать, но слезъ не было. По дорогѣ къ пристани онъ вспомнилъ, что надо зайти къ Ильчевскому, взять книги и портфель съ документами, которые онъ забылъ, уѣзжая въ Зарѣчье.

XXXI.

Ильчевскій былъ дома. Голиневичъ входилъ къ нему въ довольно мирномъ настроеніи. Онъ былъ подъ впечатлѣніемъ грустныхъ размышленій на кладбищѣ. Но при первомъ взглядѣ на Ильчевскаго, всѣ мысли разомъ выскочили у него изъ головы, въ груди закипѣла злость. Его вылощенная фѣзіономія, съ тщательно расправленными стрѣлковидными усами, показала Голиневичу еще болѣе пошлой и отвратительной.

Ильчевскій сидѣлъ у письменнаго стола и что-то писалъ.

— А, вы за письмомъ,—сказалъ Голиневичъ, не здороваясь.—Ужъ не любовная ли переписка? можетъ быть, затѣвается новый романъ?

— Напротивъ, я заканчиваю старый,—сухо проговорилъ Ильчевскій. Онъ видимо былъ не въ духѣ.

— Значить, это письмо и есть развязка?

— Да, это отвѣтъ на письмо Софьи Львовны. Она, видите ли, наватала мнѣ цѣлое огромное посланіе на тему о томъ, что я теперь свободенъ, а ей надоѣло обманывать мужа, и проч., и проч. Хорошо еще, что у нея хватило смысла предварительно написать! А что еслибъ она прямо нагрязнула, какъ снѣгъ на голову, а? Со всѣмъ своимъ женскимъ скарбомъ да еще, пожалуй, и съ милыми малютками? Это тоже бываетъ, и нерѣдко... „Я твоя, бери меня всю!“—ну, и пришлось бы брать ее всю, со всѣми ея корзинами, баулами да картонками... Не выгнать же!..

— „Дрянъ!—мысленно воссыпала Голиневичъ:—вотъ онъ весь тутъ и больше у него ничего уже нѣтъ за душой“!..

— Бѣдная Софья Львовна!—проговорилъ онъ вслухъ.—Что же вы ей отвѣчаете?

— Я ей пишу, что я разстроены, боленъ, что на дняхъ уѣзжаю и потомъ поѣду поправлять здоровье за границу... А главное, я разъясню ей, что никакими прочными узами связывать себя не намѣренъ... Довольно и одной ошибки въ этомъ смыслѣ... Мой бракъ—огромная ошибка, и я за нее дорого заплатился!.. Одному Богу извѣстно, что я пережилъ за послѣднее время!..

— Бѣдная Софья Львовна!—повторилъ Голиневичъ.

— Да, мнѣ самому жаль ее. Но вѣдь она не дѣвочка и должна была раньше понять, что если сходятся съ женщиной, живущей съ мужемъ, то, конечно, для того, чтобъ избѣжать болѣе прочной связи, отъ которой не легко будетъ отдѣлаться...

— Но что жъ вы будете дѣлать? Не вѣеъ же довольствоваться сердечными упражненіями?—Голиневичъ уставился на собесѣдника злыми глазами.

Ильчевскій ничего не отвѣтилъ. Голиневичъ подождалъ немного, потомъ собралъ свои книги, взялъ портфель и молча простился съ Ильчевскимъ.

У самой двери онъ, однако, не вытерпѣлъ и, круто повернувшись, проговорилъ:

— А будущее-то ваше неказисто! Вѣдь вамъ, если не ошибюсь, подь-сорокъ: не сегодня-завтра вы станете отъ хорошей жизни припадать на ноги, а тамъ и не опомнитесь, какъ превратитесь въ безнадежнаго паралитика!.. И будетъ тогда какая-нибудь сидѣлка или экономка щипать да пинать васъ, тыкать вамъ ложкой въ зубы... Ха-ха!.. Тогда мы посмотримъ, на что вамъ пригодится ваше ироническое отношеніе къ жизни, посмотримъ, какъ вы будете трепетать отъ страха смерти!..

Ильчевскій приподнялся. Но онъ мигомъ овладѣлъ собой, снова опустился на мѣсто и медленно произнесъ:

— Нѣтъ-съ, я не доставлю вамъ подобнаго зрѣлища...

Оба стояли неподвижно и въ упоръ глядѣли другъ на друга. Обоихъ душила злоба. Тяжелое молчаніе длилось нѣсколько секундъ.

Наконецъ, Голиневичъ опомнился и вышелъ.

XXXII.

Голиневичъ проснулся и посмотрѣлъ на часы—половина двѣнадцати. Его компаньоны по каютѣ спали первымъ вѣрнымъ сномъ. Онъ приподнялся на диванѣ и выглянулъ въ окно. На-

канувъ весь день моросилъ скучный дождь, и теперь ночь была темная. Въ каютѣ тѣсно и душно; раздается неприятное храпѣніе спящихъ. Голиневичъ одѣлся, вышелъ на верхнюю палубу и сталъ ходить. Ему нужно было двигаться, чтобы хоть сколько-нибудь заглушить грызущую тоску. Мрачныя думы давили его мозгъ.

Онъ одинокъ, онъ никому не нуженъ, онъ какъ бы оторванъ отъ жизни! Кто тутъ виновать? Тяжелое, безотрадное дѣтство сгубило и его, и Варю... Еслибъ она и не умерла, то все равно никогда не знала бы счастья... А онъ? Правду сказала Ильчевскій, что онъ—какой-то уязвленный. Вѣдь онъ самъ, не живя, отвернулся отъ жизни, отъ людей... Что онъ видѣлъ, что зналъ? Никогда онъ не испыталъ на себѣ ни теплой женской ласки, ни горячаго порыва. Ни разу не испыталъ онъ обаянія душевной красоты любящей женщины!.. Онъ видѣлъ только модныхъ щеголихъ на гуляньяхъ, актрисъ—издали, со сцены, зналъ только продажныхъ женщинъ... Даже наслажденія, хотя бы купленной лаской, онъ не могъ брать безъ страданія! Онъ жалѣлъ несчастныхъ, выбѣгающихъ на людную улицу на ловлю мужчинъ... Онъ страдалъ за женщину, негодовалъ на все чело-вѣчество, создавшее такой возмутительный видъ погони за хлѣбомъ...

Сжавъ плотно тонкія губы и заложивъ за спину руки, Голиневичъ шагаль и шагаль, перебирая прошлое. Все его прошлое такъ же уныло и безпросвѣтно, какъ эта темная ночь!

А въ этой темнотѣ почти неотступно носится образъ единственнаго дорогаго существа. Вотъ передъ нимъ ея страшно исхудалое лицо... Большіе глаза горятъ сухимъ, лихорадочнымъ блескомъ, безкровныя губы чуть слышно просятъ жизни... Вотъ она лежитъ на столѣ, озаренная свѣчами въ высокихъ церковныхъ подсвѣчникахъ, вся въ чемъ-то бѣломъ, воздушномъ, усыпанная свѣжими цвѣтами... Голова ея покоится на бѣломъ атласѣ, окаймленномъ розами... Ея лицо, полное ледяного спокойствія, навсегда сомкнуло свои рѣсницы!..

Голиневичъ вдругъ остановился, хватаясь за сердце, — кругомъ было все еще темно.

— Скорѣй бы разсвѣтъ!.. Какъ безконечно тянется время!.. Голиневичъ присѣлъ на скамью и бессильно положилъ голову на сжатыя руки.

Н. Стахевичъ.

ДВѢ ИТАЛІИ

— *Alfredo Niceforo, L'Italia barbara contemporanea, 1899.*

Ломброзо, какъ бы ни казалось парадоксальнымъ его учение о преступныхъ типахъ, объ аномальности гениальныхъ, имѣеть, во всякомъ случаѣ, ту неоспоримую заслугу, что онъ далъ сильный толчокъ къ научнымъ изслѣдованіямъ въ итальянскомъ обществѣ, и вся живая, ищущая правды молодежь становится въ ряды его учениковъ. Вотъ и теперь предъ нами книга, написанная однимъ изъ учениковъ Ломброзо, Альфредомъ Ничефоро: „*L'Italia barbara contemporanea*“ („Современная варварская Италия“); эта книга достойна самаго серьезнаго вниманія. Для итальянскихъ государственныхъ людей она можетъ служить строгимъ предостереженіемъ противъ ихъ политики, которая не только не улучшила положенія южной Италіи почти за 30 лѣтъ объединенія, а наоборотъ, еще болѣе бросила въ варварство. Беспорядки по поводу налоговъ и хлѣбныхъ цѣнъ служатъ, кажется, страшнымъ шементамъ для цѣлости націи. Тѣмъ не менѣе, стоящіе у правленія, повидимому, продолжаютъ начавшійся процессъ разложенія и какъ бы всѣми средствами стараются еще ускорить этотъ процессъ.

Ничефоро говоритъ о южной Италіи и объ островахъ Сардиніи и Сициліи, которые вмѣстѣ составляютъ половину Италіи, — и всегда сопоставляетъ ее съ сѣверной. Если послѣдняя цивилизована, то первая находится еще въ варварской стадіи развитія. Но интересно было бы также прослѣдить ходъ прогресса за весь періодъ національнаго существованія и въ сѣверной Италіи. Мы бы получили болѣе полную картину жизни всего

итальянскаго королевства. Слишкомъ много имѣется данныхъ, говорящихъ объ упадкѣ столь расцвѣтшей въ первый періодъ своей національной жизни сѣверной Италіи. Въ послѣднее десятилѣтіе этотъ упадокъ съ каждымъ годомъ идетъ crescendo. Но остановимся на нашей „варварской“ Италіи.

Еще Massimo d'Aseglio, около 50 лѣтъ тому назадъ, писалъ: „Италія сдѣлана: недостаетъ итальянцевъ“. А Ломброзо недавно сказалъ: „Италія одна, но не объединена“ („è una, ma non unificata“). Италія до сихъ поръ представляетъ самую причудливую мозаику, гдѣ разница между отдѣльными провинціями такъ велика, что почти можно считать жителей принадлежащими къ разнымъ расамъ. Особенно рѣзка разница между сѣверной и южной Италіей. Профессоръ Серджи (Sergi) прямо заключаетъ, что антропологически сѣверяне—германскаго происхожденія, а южане—латинскаго. Въ своей книгѣ: „Ari ed Italici“, Серджи открылъ новую расу—„средиземную“. По его мнѣнію, дѣленіе расъ по цвѣту кожи или глазъ—слишкомъ поверхностно. Форма черепа только можетъ служить твердымъ научнымъ признакомъ той или другой расы. Дѣленіе на черную, бѣлую, желтую расы—безсмыслица, потому что члены одной и той же расы могутъ по условіямъ приспособленія принять тотъ или другой цвѣтъ кожи и вообще мѣнять внѣшніе физическіе признаки. Взявъ же за критерій неизмѣняющуюся форму черепа, Серджи пришелъ къ слѣдующей антропологической гипотезѣ. Въ доисторическія времена изъ Африки, приблизительно изъ той мѣстности, куда итальянцы отправились воевать, изъ Эритреи и Абиссиніи, одно племя—съ длиннымъ, элегантнымъ, формы эллипсоидной и пятигранной, черепомъ—разсыпалось по бассейну Средиземнаго моря и по всей Италіи. Найденныя свайныя жилища принадлежатъ именно этому племени. Это и есть „средиземная“ раса. Въ началѣ металлической эпохи съ востока появилось другое племя другого типа, съ бронзовымъ оружіемъ, которое распространилось въ Европѣ по всѣмъ направленіямъ. Черепъ этого новаго племени—толстый и короткій, низкій, сфероидальный, приплюснутый, объемистый и тяжелый; лицо широкое, челюсти тяжелыя. Это—„арійская“ раса, къ которой принадлежатъ кельты, славяне, германцы. Въ нововаменную эпоху оно спустилось и въ Италію, поселилось по бассейну По и прогнало средиземныя племена. Позже было другое нашествіе этого племени, которое заняло Альпы, венеціанскую и болонскую провинціи. Потомъ нашествіе пошло дальше на югъ до Тибра. Итакъ, на югѣ остались средиземныя племена, а на сѣверѣ—арійцы, подраздѣленные на прото-

кельтовъ и прото-славянъ, до береговъ Тибра. Въ концѣ VIII столѣтія до Р. Х. произошло новое нашествіе „средиземцевъ“, съ высокой культурой, которые отвоевали у арійцевъ Умбрию. Они названы этруссами. Тогда старые средиземцы съ новыми соединились и основали Римъ. Теорія Серджи принята Ломброзо, Ранке, фонъ-Гельдеромъ, Лиссауэромъ, Некке и др.

Итакъ, сѣверяне нынѣшней Италіи, пьемонтцы, ломбарды, венеціане, романьолы, антропологически—братья германцевъ, славянъ и французовъ-кельтовъ. Южане же — братья испанцевъ, южныхъ французовъ, грековъ и большой части южныхъ русскихъ. Какъ физически сѣверные итальянцы отличаются отъ южныхъ, такъ и психологически. Пьемонтець сильно напоминаетъ по своему характеру нѣмца. Сициліецъ—грека и испанца. Арійцы имѣютъ сильно развитое чувство соціальной организаціи; у средиземцевъ, наоборотъ, индивидуалистическое чувство сильно развито. Сѣверяне сильны въ массѣ, южане—въ личностяхъ. Всѣ грандіозные факты прошлаго—въ средиземной расѣ, или у такъ называемыхъ латинскихъ народовъ, можно приписать инициативѣ отдѣльныхъ личностей,—геніямъ, создавшимъ имперію, искусство, литературу; въ арійской расѣ, т.-е. въ кельтахъ, славянахъ и германцахъ, индивидуализмъ слабъ, и только послѣ римскаго завоеванія они получили сильный толчокъ къ прогрессу.

Статистика даетъ намъ достаточныя указанія того, насколько глубоко различіе между обѣими Италіями: это—два міра, двѣ цивилизаціи, мѣшающія одна другой.

I.

Есть извѣстныя преступленія, свойственныя примитивнымъ обществамъ, и другія, свойственныя современнымъ и цивилизованнымъ обществамъ. И въ этомъ отношеніи разница между югомъ и сѣверомъ громадная. Разныя формы преступности хорошо объяснены въ книгѣ Сигеле: „*Delinquenza settaria*“. Одну онъ назвалъ атакической, другую—эволютивной. Первая форма имѣетъ въ своемъ основаніи грубую силу, насиліе; вторая—обманъ. Въ обществѣ съ первобытной или варварской культурой будутъ преобладать убійство, грабежъ, захватъ, причиненіе убытковъ; въ цивилизованномъ обществѣ преобладаетъ мошенничество, обманъ, обольщеніе. Конечно, обѣ формы преступности существуютъ въ одномъ и томъ же цивилизованномъ обществѣ, потому что цивилизація не означаетъ совершенное исчезновеніе

варварства. Весь вопрос—въ количествѣ и тенденціи той или другой формы преступленія.

Въ годы 1890—94 на 100.000 жителей приходилось преступленій: въ сѣверной Италіи—142.67; въ центральной—279.86, и въ южной вмѣстѣ съ островами—460.49. Эти преступленія атавистическаго характера—убійства, тяжелыя пораненія, грабежи, захваты личности для выкупа. Изъ этихъ данныхъ мы видимъ, что югъ въ сравненіи съ сѣверомъ даетъ въ три раза больше варварскихъ преступленій. Центръ же занимаетъ среднее мѣсто между югомъ и сѣверомъ. Въ трехъ специфическихъ для юга и острововъ видахъ преступленія символизируются отжившіе остатки варварскаго общественнаго быта: въ бригантствѣ, мафіи и каморрѣ.

„Бригантство“—самая типическая форма дикой преступности. Вооруженное нападеніе совершается въ Сардиніи въ такомъ же родѣ, какъ походъ одного дикаго племени на другой. Это носитъ названіе „bardana“ въ Сардиніи. Нападающіе бросаются на цѣлыя стада, пастухи защищаютъ ихъ, и кто больше убилъ людей, тотъ возносится въ героя. Разбойники становятся на трупы убитыхъ товарищей и кричатъ: „Cogaaggio! sorgia su mortu su bibu!“ („Смѣлѣй! На мѣстѣ мертваго становится живой!“). Читая Стэнли, Ливингстона и Швейнфурта о жизни дикихъ племенъ Африки, мы имѣемъ ту же картину предъ собою... Бригантство въ цивилизованныхъ странахъ—вещь невозможная.

Въ Италіи, въ тѣхъ провинціяхъ, въ которыхъ виденъ ростъ культуры, бригантство теперь исчезло, хотя столѣтія тому назадъ существовало. Такъ, Бергамо, въ Ломбардіи, дающій теперь самый незначительный процентъ грабежей, въ XVII столѣтіи былъ наводненъ разбойниками, которые блуждали по лѣсамъ, нападали на деревни и города. Въ то время какъ Джирдженти даетъ 61 на 100.000 жителей, Бергамо—только 3 убійства.

Мафія—преступленіе, такъ же свойственное нецивилизованному обществу, какъ банкротство злостное—современному. Мафія не есть шайка преступниковъ; это—индивидуальный и коллективный духъ возмущенія противъ принципа власти, тенденція разрѣшать всякій вопросъ концомъ ножа и своей силой. Сицилійская мафія состоитъ изъ трехъ элементовъ, которые нынѣ являются остатками старины: изъ феодальнаго духа, изъ арабскаго духа независимости и гордости и изъ средневѣковыхъ рыцарскихъ традицій. Мафія—частная власть, желающая заставить общественную власть дѣлать по-своему, какъ средневѣковой баронъ диктовалъ свои законы императору. Мафіозъ имѣетъ вокругъ себя вѣрныхъ

слугъ, какъ баронъ—своихъ „bravi“. Мафіозъ самъ учиняетъ судъ и расправу, и никогда не обратится къ помощи суда и закона, считая это унижительнымъ для себя. Въ настоящее время мафія очень сильна въ Сициліи; сильная личность имѣетъ вокругъ себя вѣрноподанныхъ и съ помощью послѣднихъ заставляетъ другихъ слушаться и исполнять ея волю. Мафіозами бываютъ синдики, депутаты, землевладѣльцы; они требуютъ для своихъ кліентовъ въ коммунальной администраціи всякихъ уступокъ и услугъ, добиваются отъ судебной власти, чтобы ихъ друзей не подвергали суду за преступленія, чтобы тихонько была возвращена конфискованная контрабанда. И все дѣлается по волшебному мановенію мафіоза. Вся общественная жизнь Сициліи зависитъ отъ мафіи.

Въ мафіи, кромѣ духа феодализма, замѣтна черта дикой независимости, привитой сицилійцамъ арабами. Малѣйшее оскорбленіе вызываетъ въ сицилійцѣ жажду кровавой мести. Обычай, слова, физическій типъ говорятъ о сильной примѣси арабской крови къ этой расѣ. Неаполитанцы—не то, неаполитанцы—трусы, и въ нихъ арабскаго ничего нѣтъ. Въ мафіи еще сохранилось средневѣковое рыцарство. Дуэли на ножахъ безъ секундантовъ очень часты. Раненый никогда не выдастъ того, кто его ранилъ. Смертельно раненый даетъ поцѣлуй своему противнику и совѣтуетъ ему убѣжать, чтобы не попасться властямъ. Картины на простыхъ повозкахъ изображаютъ рыцарей. Надписи гласятъ: „Карлъ Великій и его рыцари“, „Роландъ и Ронсеваль“, „Дуэль Оливьера“, „Благословеніе епископа Турпина“, „Родомонть во Франціи“ и проч. Народъ сицилійскій знаетъ прекрасно имена и похождения всѣхъ этихъ рыцарей, пѣвцы объ этомъ поютъ, въ театрахъ даются представленія изъ рыцарскихъ походовъ; если кто умѣетъ читать, то непременно купитъ рыцарскій романъ. Этотъ рыцарскій духъ выразился въ мафіи.

Третій видъ атаквистическаго преступленія, свойственнаго югу Италіи,—это каморра, родина которой—Неаполь. Для поступленія въ каморру существуетъ цѣлый рядъ церемоній, формулъ, символовъ, ритуаловъ, напоминающихъ собой обычай примитивныхъ племенъ. Каморра управляется своими собственными законами, сильно смахивающими на неписанные законы „клана“ дикарей. Напр., надо „лизать кровь товарища“ для вступленія въ общество. Оно имѣетъ свой собственный судъ, свои понятія о чести, которыхъ нельзя переступить безнаказанно. Въ каморрѣ есть цѣлая іерархія, и повышеніе чинамъ совершается постъ экзамена въ видѣ кровавой дуэли. Вендетта обязательна для всей

группы, которая считается семьей; за обиду одного члена отомщают другіе и не только обидчику, но и всякому члену той группы, въ которой тотъ принадлежитъ. Вендетта вообще распространяется на родню. Каморристы татуируются, какъ дикари, говорятъ на особомъ метафорическомъ жаргонѣ, устраиваютъ эротическіе балы, которые, подобно оргіямъ многихъ примитивныхъ племенъ, носятъ чуть ли не религіозный характеръ.

Отъ дуновения культуры эти атавистическія формы преступности сглаживаются, теряютъ свои рѣзкости и жестокость и замѣняются болѣе мягкими, но не исчезаютъ. Южная Италія со своими характеристическими видами преступленій, —которыя, по выраженію Сигеле, являются тѣнью общества, —находится въ той стадіи развитія, которая уже пройдена Европой, —въ стадіи варварской культуры.

II.

Грамотность—одинъ изъ главныхъ признаковъ цивилизаціи, и ходъ ея въ данномъ обществѣ говоритъ намъ, прогрессируетъ ли она, или стоитъ на мѣстѣ, или же регрессируетъ. Въ варварскомъ состояніи культура равна нулю; въ средніе вѣка культура ограничивается нѣкоторыми слоями, какъ, напр., духовенствомъ; въ современномъ цивилизованномъ государствѣ культура охватываетъ все большія и большія массы населенія. Въ 1873 г. Левассеръ далъ сравнительную таблицу процента учащихся въ первоначальныхъ школахъ. Въ Саксоніи было 17 учащихся на 100 жителей, въ Вюртембергѣ 15,5, въ Швейцаріи 15,5, въ Пруссіи 15, въ Великобританіи 12, во Франціи 13. Турція же дала 1 процентъ, Венецуэла—0,3, Египеть—0,3, Россія—0,2. Предъ нами, такимъ образомъ, два типа цивилизаціи: высшій и низшій.

Италія даетъ опять цифры, говорящія о рѣзкой разницѣ между сѣверомъ и югомъ, а центръ является и въ этомъ отношеніи переходной ступенью. Статистика 1875—76 гг. и послѣднихъ лѣтъ показываетъ, что въ то время, какъ Пиемонтъ, Ломбардія, Лигурія, венеціанская провинція все болѣе и болѣе дѣлаются грамотными, въ южныхъ провинціяхъ, Калабріи, Пуліи, Базиликатѣ и проч., очень мало прибавляется грамотныхъ, —почти въ одинаковой степени все время.

Въ 1881 году безграмотныхъ, начиная съ 6-лѣтняго возраста, на 1.000 жителей, было: въ сѣверной Италіи 40,86, центральной—64,61, южной—75,19.

Новѣйшія данныя болѣе подробны. Въ 1892 году въ сѣверной Италіи на 100 новобранцевъ было безграмотныхъ 24,68, въ центральной—44,51 и въ южной—57,41.

Въ 1893 году изъ числа подписавшихъ брачный контрактъ въ сѣверной Италіи было 26,81 безграмотныхъ, на 100 сочетавшихся бракомъ, въ центральной 52,78 и въ южной—73,86. Неаполь, самый большой городъ южной Италіи, является диваремъ въ сравненіи съ Туриномъ и Миланомъ. Безграмотныхъ новобранцевъ въ 1892 году въ Туринѣ—11,52%, Миланѣ—18,92% и Неаполѣ—44,59%. Безграмотныхъ жениховъ и невестъ въ 1893 г.: въ Туринѣ—6,34, Миланѣ—18,32, Неаполѣ—49,02.

Въ элементарныхъ школахъ въ 1893—94 году на 100 дѣтей школьнаго возраста, т.-е. отъ 6 до 12 лѣтъ, было: въ сѣверной Италіи 88, въ центральной 67, а въ южной 47. Коммуны тратятъ на обученіе на каждого обитателя сѣверной Италіи 2,45 лиры, въ центральной 2,19, а въ южной 1,38.

Какъ коммуны относятся къ обученію, видно изъ донесенія депутата Торрани за 1897 годъ. Въ Абруццахъ многія коммуны считаютъ школу самымъ послѣднимъ дѣломъ. Когда является школьный инспекторъ, господа администраторы прячутся, чтобы не слышать вѣчной жалобы на недостатки школы. Назначили учителя, какъ велитъ законъ, а дальше имъ никакого дѣла нѣтъ до школы. Одинъ инспекторъ южныхъ провинцій объясняетъ причины такого отвращенія къ школѣ со стороны коммунальнаго управленія, между прочимъ, тѣмъ, что эти мѣстности долгое время находились подъ господствомъ власти, которая ненавидѣла азбуку, а теперь эта ненависть передана по наслѣдству въ видѣ равнодушія и нѣкотораго инстинктивнаго отвращенія къ школѣ. Въ Сициліи нѣкоторыя коммунальныя администраціи, составленныя изъ людей стараго закала, прямо ведутъ войну со школой, подъ пустымъ предлогомъ экономіи, что не мѣшаетъ имъ въ то же время тратить тысячи лиръ на оркестръ, на театръ, на празднества и процессіи. Подъ школы идутъ самыя худшія помѣщенія, грязныя, темныя, тѣсныя,—о гигиенѣ ни малѣйшаго понятія. Въ Сардиніи еще хуже, если только возможно. Въ послѣдніе годы не мало было случаевъ закрытія народныхъ школъ, потому что управленія коммунъ не хотятъ ассигновать необходимыхъ суммъ. Крестьяне же сами особенной потребности къ обученію еще не чувствуютъ. Совершенно иначе дѣло обстоитъ на сѣверѣ.

О степени культурности двухъ Италій можно еще судить по

распространенности игры въ „лотто“. Сѣверяне тоже играютъ, но очень слабо въ сравненіи съ южанами: если итальянецъ въ среднемъ рискуетъ 2 лирами 80 centesimi въ годъ на эту игру, то неаполитанецъ рискуетъ цѣлыми 15 лирами и 75 cent. Неаполитанцы не пьютъ, зато опьяняются лотереєю. Игра увлекаетъ всѣхъ, а нѣкоторые прямо дѣлаются помѣшанными на ней. Матильда Серао съ рѣдкимъ мастерствомъ рисуетъ этихъ безумцевъ, которые забываютъ все для своей пагубной игры. Начиная съ аристократовъ, которые видятъ, какъ они разоряются съ каждымъ днемъ больше и больше, до самыхъ послѣднихъ чистильщиковъ сапогъ, всѣ ждутъ отъ субботы счастья и носятъ всѣ свои деньги, закладываютъ драгоценности, воруютъ, впадаютъ въ лапы ростовщиковъ и ростовщицъ, чтобъ имѣть возможность поставить въ банкъ свою лепту, доходщую иногда до тысячъ лиръ за-разъ. Серао рисуетъ въ своемъ романѣ „Paese di Ciccagna“ стараго аристократа, который одержимъ безуміемъ игры въ лотто; день и ночь занятъ онъ мыслью о выигрышѣ для того, чтобы имѣть возможность выдать единственную свою дочь замужъ и спасти честь своего имени. Онъ окружаетъ себя друзьями кабалистами и спиритами, такими же безумцами, какъ и онъ, возится съ медумомъ-шарлатаномъ, такъ-называемымъ „assistito“, т.-е. всегда окруженнымъ духами, и, наконецъ, когда онъ уже все велѣлъ распродать и заложить своимъ старымъ вѣрнымъ слугамъ, и во всемъ palazzo даже на обѣдъ не хватаетъ, онъ начинаетъ мучить свою дочь, чтобъ она, какъ невинное, чистое созданіе, призывала духа и спрашивала его, какія „pimegi“ надо ставить, чтобы получить большой выигрышъ. Кончается тѣмъ, что дочь въ смертельномъ ужасѣ и въ страшной лихорадкѣ видитъ духа и отвѣчаетъ отцу на всѣ его требованія. Старикъ ее такъ долго мучилъ, что она умерла отъ воспаления мозга.

Но кромѣ стараго аристократа, Серао рисуетъ и другихъ лицъ разныхъ слоевъ, которыхъ эта пагубная страсть сначала разоряетъ, а потомъ приводитъ къ страшнымъ катастрофамъ.

Всѣ предразсудки неаполитанцевъ съ фотографической вѣрностью сняты съ дѣйствительности, ибо всѣ научные изслѣдователи и всякій, кто знакомъ съ жизнью Неаполя не только по книгамъ, говорятъ объ этомъ. Для романиста это представляетъ прекрасный матеріалъ; социологъ же видитъ въ этомъ признакъ страшной отсталости, „варварства“, какъ выражается Ничефоро. Выиграть, разбогатѣть сразу—доминирующая страсть всего неаполитанскаго населенія. Для того, чтобы выиграть, приходится

прибѣгнуть или къ вычисленіямъ, или къ сверхъ-естественной силѣ, божественной или дьявольской—не важно. Главное, чтобы получить „хорошіе нумера“. Особенно вѣрять, что монахи обладаютъ способностью заглядывать въ тайны будущаго, такъ какъ они это узнаютъ отъ умершихъ святыхъ. И вотъ монаховъ, въ особенности тѣхъ, которые пользуются особой славой, благодаря своей строгой жизни, еженедѣльно осаждаютъ вопросами. Монахъ не обязанъ сказать цифры—достаточно, если скажетъ какое-нибудь слово. Слово сію же минуту перевладычивается по кабалѣ на цифры. Бѣда та, что каждый слушатель истолковываетъ по-своему слова монаха, или „assistito“, или какой-нибудь гадальки. Если не выходитъ, то это не значитъ, что нельзя знать настоящихъ выигрышныхъ цифръ; это только значитъ, что слова невѣрно были истолкованы. Вотъ нѣсколько фактовъ, показывающихъ, до какого фанатизма доходитъ эта вѣра въ возможность получить „настоящія, хорошія“ цифры.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, полиція нашла на углу одного изъ грязныхъ переулковъ Неаполя умирающаго монаха. Онъ еще могъ разсказать, что нѣсколько неизвѣстныхъ лицъ заперли его въ погребъ, и еженедѣльно, наканунѣ игры въ субботу, спрашивали у него числа. Такъ какъ они не выигрывали, то его подвергали пыткѣ, и послѣ нѣсколькихъ недѣль избили до смерти, вытащили его ночью на улицу и бросили.

Въ 1892 году полиція подобрала на улицѣ нѣкоего Калигари, котораго неаполитанцы прозвали Cagli-Cagli. Нѣсколько человекъ заманили его въ одинъ домъ и стали допрашивать. Чтобы онъ не лгалъ, а далъ истинные „нумера“,—его раздѣли; одни крѣпко держали за руки и за ноги, а кто-то взялъ длинную желѣзную вилку, наткнулъ кусокъ сала и, наваливъ вилку, сталъ проводить по его спинѣ. У несчастнаго, дѣйствительно, вся спина была обожжена точно раскаленнымъ желѣзомъ.

Въ Неаполѣ есть также масса колдуновъ и вѣдьмъ, которые имѣютъ сношенія со святыми или съ дьяволомъ, и продаютъ свои „нумера“ за нѣсколько soldi. Если найдется такой священникъ, который согласится на „черную службу“, т.-е. прослужить молебень въ честь сатаны, то послѣдній сейчасъ же даетъ „terno“, самый большой лотерейный выигрышъ. И говорить, что среди духовенства, шатающагося по переулкамъ Неаполя и не знающаго, чѣмъ пережить день, находятся такіе охотники.

Кромѣ официальной государственной лотереи, есть еще „маленькая“ игра, воровская, воспрещенная, въ которой камористы играютъ большую роль.

III.

Въ Европѣ замѣчаютъ слѣдующее явленіе: съ увеличеніемъ культуры, процентъ рожденій уменьшается. Въ странахъ, стоящихъ во главѣ культуры, процессъ ограниченія рождаемости выражается въ слѣдующихъ данныхъ:

Года:	Франція:	Германія:	Англія:	Бельгія:
1873	100	100	100	100
1878	96	97	100	99
1885	93	94	87	95
1890	87	92	81	92

Чѣмъ безграмотнѣе народъ, тѣмъ выше процентъ рожденій. Спенсеръ полагаетъ, что цивилизація вліяетъ на плодовитость, и съ ходомъ прогресса необходимо уменьшается число рожденій. Среди низшихъ классовъ рождаемость больше, чѣмъ среди высшихъ, которые болѣе культурны. И въ Италіи замѣчается уменьшеніе рожденій: въ 1890 году 36,03%, а въ 1896—35,11%. По областямъ на 1.000 новорожденныхъ въ сѣвер. Италіи—33,20; въ центральной—34,87, и въ южной—37,29.

Эта разница въ 4,09 на тысячу говоритъ также о низшей культурѣ юга и острововъ. Зато въ смертности мы имѣемъ прямой указатель культуры: чѣмъ меньше смертность, тѣмъ выше культура, чѣмъ больше, тѣмъ ниже. Вообще во всей Европѣ замѣтно уменьшеніе процента смертности. Такъ, по вычисленіямъ Лапласа, въ концѣ XVIII вѣка смертность во Франціи была 34%, а теперь 22,2%. Въ Италіи въ 1774 году въ миланскомъ герцогствѣ смертность была 41,3 на тысячу, а теперь 27,9. Въ началѣ этого столѣтія въ Римѣ умирали 39%, теперь—26,7%. Нынѣ смертность Италіи по мѣстностямъ такова: въ сѣверной Италіи—2,87%; въ центральной—2,08%; въ южной—3,27%.

Такъ было въ среднемъ за періодъ 1872—75 г. Въ 1895 году: въ сѣверной Италіи—23,77%; въ центральной—24,07%; въ южной—29,00%.

Незаконнорожденныхъ, среди которыхъ вообще смертность больше, тѣмъ не менѣе больше въ сѣверной Италіи—74,38 на 1.000 новорожденныхъ,—чѣмъ въ южной—52,10%.

Если рассмотримъ самоубійство, то окажется, что за періодъ 1864—1877 на 1 милліонъ обитателей въ сѣверной Италіи было по 45,2 самоубійства ежегодно, въ центральной—по 37,7 и въ южной—11,8. Въ 1895 г. сѣверъ даетъ—85,8, центръ—

68,6 и югъ—34,2. Это печальное приобрѣтеніе, ростъ самоубійствъ, кажется, очень мало говорить въ пользу особой культурности, тѣмъ не менѣе, мы видимъ, что разстояніе между югомъ и сѣверомъ—все еще громадное. Еслибы судить пришлось о культурѣ исключительно по проценту самоубійствъ, то Италія сдѣлала удивительные успѣхи въ цивилизации. Но всѣ данныя, выше приведенныя и приводимыя ниже, говорятъ совершенно противоположное.

IV.

Сѣверная Италія почти можетъ сравняться съ самыми передовыми странами въ Европѣ по своей индустріи. Стѣдуетъ только проѣхать по всему полуострову, чтобы видѣть рѣзкую разницу между сѣверной и центральной Италіей съ одной стороны и южной и островной—съ другой. Въ Удино и Беллуно вы имѣете гидравлическія и дорожныя постройки; въ окрестности Турина—шахты, какъ и вѣкругъ Генуи, въ Ломбардіи и венеціанской провинціи. Металлургическіе и механическіе заводы въ *Alessandria*, въ Комо, Новарѣ, Туринѣ, Генуѣ, Венеціи. Въ Новарѣ добывается гранитъ, въ *Alessandria*—фабрики цементовъ, въ Удине—горшечное производство; въ Ровиго и Болоньѣ обжигаютъ известь. Химическіе продукты приготавливаются въ большомъ количествѣ въ Миланѣ, Туринѣ, Веронѣ, Феррарѣ. Индустрія сѣстныхъ припасовъ сильно развита въ Кремонѣ, Веронѣ, Болоньѣ. Ткацкое производство прекраснаго качества—въ Брианцѣ, Комо, Кунео, Новарѣ, Удине, Сондріо, Виченцѣ, Миланѣ, Генуѣ, Туринѣ. Разныя другія отрасли промышленности можно видѣть въ Туринѣ, Порто-Мауриціо (въ Лигуріи), въ Мантуѣ. Словомъ, на сѣверѣ распространена въ сильной степени обработка шолка, льна, конопли, кожи, шерсти, кирпича, дерева, желѣза, мрамора, драгоценныхъ камней, бумаги, мыла, химическихъ продуктовъ, сѣстныхъ и пр. и пр.

На югѣ изъ всего этого имѣются однѣ только шахты. Въ Сициліи 27.800 рабочихъ на сѣрныхъ шахтахъ, въ Сардиніи—9.800. Другихъ заводовъ, фабрикъ, нѣтъ и въ поминѣ. Въ 1878 году статистика указывала на громадную разницу между сѣверомъ и центромъ съ одной стороны, югомъ—съ другой: для юга данныя почти тѣ же самыя по сіе время. Фабрикъ на сѣверѣ 3.650 было, когда на югѣ всего 179. Рабочихъ на фабрикахъ для выдѣлки шолка—около 200.000, а на шерстяныхъ фабрикахъ 22.000 на сѣверѣ; на югѣ—соотвѣтственно 6.000

и 2.700. Ткацкихъ станковъ на сѣверѣ свыше 2 миллионѣвъ, на югѣ—немного больше 9 тысячъ. Паровыхъ котловъ въ сѣверной и центральной—3.994, а въ южной и островной—465. Та незначительная индустрія, которая существуетъ на югѣ, имѣетъ характеръ примитивный, ручной.

Разрѣшеній на открытіе промышленныхъ предпріятій въ 1893 году выдано 477 для сѣвера, для центра—143, а для юга—62. На югѣ есть цѣлыя провинціи, которыя не имѣютъ ни *одного* разрѣшенія, напр. Базиликата; Сардинія и Калабрія—по два всего, между тѣмъ какъ Ломбардія получила цѣлыхъ 195 разрѣшеній за 1893 годъ.

Агрикультура на сѣверѣ достигла высокой степени развитія; на югѣ и на островахъ она—еще въ самой примитивной степени. Въ Сициліи въ центральныхъ провинціяхъ господствуютъ латифундіи, безконечныя пространства земли безъ обработки; въ Сардиніи—то же самое; на югѣ Италіи—тоже.

Данныя, которыя имѣются о распредѣленіи экстенсивной и интенсивной формъ агрикультуры для областей Италіи, очень неточны, такъ какъ земли не измѣрены, владѣльцы недовѣрчивы, и, чтобы не пришлось платить налоговъ, даютъ невѣрные указанія; мѣстныя же власти не особенно любятъ земледѣліе и мало интересуются имъ. Признакомъ интенсивной культуры служатъ виноградъ и огороды. Часто одна и та же земля идетъ подъ хлѣбъ и подъ виноградъ. Приблизительныя цифры 1894 года указываютъ слѣдующее.

Экстенсивная культура (на 100.000 гектаровъ) въ сѣверной Италіи—17,010 гект., въ средней—19.333 гект.; въ южно-островной—20.081. Интенсивная культура (на 100.000 гект.) въ сѣверной Италіи 26.903 гект.; въ средней—27,573 гект.; въ южно-островной—10.532.

Эти цифры говорятъ намъ, что на югѣ, если земля культивируется, то большей частью подъ пшеницу и овесъ, дающіе меньшіе доходы, чѣмъ виноградъ, огородныя растенія, фрукты, культура которыхъ преобладаетъ на сѣверѣ.

„Сѣверная и южная Италія,—говоритъ Ghorrali, —разсматриваемыя съ экономической точки зрѣнія, находятся въ діаметрально противоположныхъ условіяхъ. Сѣверныя провинціи представляютъ „Англію“ Италіи: тутъ индустрія процвѣтаетъ, въ земледѣліи все болѣе и болѣе распространяются новѣйшіе усовершенствованные способы обработки. На югѣ же вся экономическая жизнь носитъ еще патріархальный характеръ: лавка, мастерская замѣняетъ фабрику. Въ своихъ главныхъ линіяхъ южная

Италія воспроизводитъ фizioномію среднихъ вѣковъ; она представляетъ цѣль прошлаго, привязанную къ ногамъ современной Италіи“.

Послѣ сравнительнаго статистическаго обзора двухъ Италій, остается разсмотрѣть каждую часть „варварской“ Италіи въ отдѣльности и потомъ подвести итогъ.

V.

Сардинія—одна изъ самыхъ отсталыхъ странъ въ Европѣ. Коллективная мораль сардинцевъ, въ особенности въ областяхъ Nuogo и Ogliastra, которыя можно назвать „преступнымъ поясомъ“, совершенно напоминаетъ первобытную мораль дикарей. Разбойникъ, грабитель—герой въ глазахъ сардинцевъ. Они не понимаютъ, какъ это кодексъ наказываетъ за убійство. Пастухи области Nuogo хвалятся среди своихъ знакомыхъ и родныхъ своими разбойничьими подвигами. Одинъ сардинскій писатель говоритъ про нихъ, что кто не умѣетъ красть или грабить—считается у нихъ человѣкомъ нивуда негоднымъ, а кто донесетъ на вора—подлецъ. Пастухи соединяются между собою для нападений на какую-нибудь деревню гораздо больше изъ храбрости и для славы, чѣмъ для хищенія. Извѣстно, что нѣкій Опано Liberato, за голову котораго полиція назначила 4.000 лиръ, обвиняющійся въ пяти грабежахъ, одномъ убійствѣ, одномъ растлѣніи и другихъ преступленіяхъ, и считающійся до сихъ поръ въ бѣгахъ, спокойно занимается въ теченіе 15 лѣтъ въ своей глуши разведеніемъ стада скота. Для поимки какого-нибудь разбойника высылаются цѣлые батальоны карабинеровъ и солдатъ. Въ 1895 году карабинеры осаждали городокъ Tortoli, и на утро нашли единственный трупъ, но безъ головы, съ бѣлой кожей и тонкими руками. Голову товарищи отрѣзали, чтобы полиція не узнала, и унесли. Корреспонденція изъ Sassari, отъ 25 декабря 1897 года, говоритъ, что въ окружности Nuogo (провинціи Сассари) около 40 бѣглыхъ составили шайку, и дня не проходитъ, чтобы не было грабежа или убійства. Особенно страшны братья Elia, которые убѣжали, прежде чѣмъ полиція ихъ арестовала за воровство, и дали клятву другимъ такимъ же молодцамъ изъ ближайшей мѣстности отомстить за несправедливость полиціи. Первый подвигъ ихъ былъ тотъ, что они убили полевого сторожа у одного помѣщика по ошибкѣ, принявъ перваго за послѣдняго. Помѣщикъ безъ вооруженной свиты не показы-

вается. Тогда война началась противъ его собственности. Свыше 50 быковъ зарѣзано, пастуховъ избиваютъ до полусмерти, женщинъ насилюють, такъ что никто не рѣшался идти работать на полѣ помѣщика, и маслины бралъ, кто хотѣлъ. Одинъ изъ слугъ помѣщика убилъ разбойника изъ этой шайки; черезъ мѣсяць его нашли убитымъ, съ отрѣзанными головой и руками. Они не только убиваютъ, но еще предають пыткамъ. На стѣнахъ домовъ города Нуого можно было читать объявленіе, воспрещавшее подъ страхомъ смерти работать у такого-то помѣщика. Трое ослушались и заплатились жизнью.

„Бриганты“ пользуются симпатіями всѣхъ. Даже интеллигенты, писатели, съ энтузіазмомъ говорятъ и пишутъ о похиженіяхъ бригантовъ, возмущаясь полиціей. Въ пѣсняхъ воспѣваются разбойники. Вотъ какъ рассказывается въ пѣсняхъ о знаменитомъ разбойникѣ De Rosas, котораго одинъ крестьянинъ хотѣлъ выдать карабинерамъ: „оба (De Rosas и его товарищъ) какъ только увидѣли мужика, выстрѣлили въ него собственной своей чудесной и полной добродѣтели рукою. Только крикнули ему страшнымъ голосомъ, чтобъ онъ бросилъ свое ружье, какъ оба попали въ него съ ловкостью. Крестьянинъ умеръ и никто его не услышалъ“. „Когда Джіованни вмѣстѣ съ Чичіо (De Rosas), солнце затмевается и земля дрожитъ. Когда оба участвуютъ въ схваткѣ, одинъ быстрѣе другого“. „Чичіо и Джіованни знамениты. Сердце у нихъ изъ бронзы. Кто идетъ имъ на встрѣчу, готовъ себѣ гробъ“. „Бандиты, убивающіе шпионовъ, хорошо дѣлають: зачѣмъ они идутъ за поисками вознагражденія? Они васъ будутъ уважать, если вы, о, бриганты, будете защищаться, какъ волки храбрые и какъ львы“!

Обычай напоминають здѣсь нравы дикарей. Мелодія пѣсень, танцы—тоже остались такими же, какъ много вѣковъ тому назадъ. Вся культура сардинскаго народа застыла въ первобытной формѣ. Есть, правда, и исключенія. Кальяри—чисто европейскій городъ, и жители много успѣли въ культурѣ.

Причины такой отсталости заключаются, главнымъ образомъ, въ историческомъ изолированномъ положеніи острова. Онъ и теперь почти забытъ итальянскимъ правительствомъ. Въ XI вѣкѣ папа Гильдебрандъ жалуется, что „люди изъ Сардиніи сдѣлались для Рима большими иностранцами, чѣмъ обитатели самыхъ отдаленныхъ странъ земли“. Cattaneo описываетъ исторію острова такъ: „Въ первые годы арагонцевъ островъ имѣлъ коммерческія сношенія съ пизанцами, генуэзцами, венеціанцами, неаполитанцами, марсельцами, греками и евреями изъ Берберіи. Феодализмъ

аррагонцевъ прогналъ всѣхъ этихъ людей. Въ 1479 г. прогнали съ острова всѣхъ корсиканскихъ купцовъ, въ 1492 году введена инквизиція и изгнаны евреи, которые въ теченіе 15-ти вѣковъ занимались тамъ промышленностью. Въ самое короткое время древней житницы римскаго народа уже не доставало зерна для обсемененія полей. Сассари, второй городъ королевства, до того упалъ, что населеніе не превышало 3.000 душъ. Всякая связь съ матерью Италіей была порвана, и именно тогда, когда всѣ чудеса итальянской мысли возрождались вмѣстѣ съ Колумбомъ, Маккиавелли, Аріостомъ и Миккель-Анджело". Это—узкое пространство моря, отдѣляющее Сардинію отъ полуострова, какъ-то сильнѣе изолировало островъ, чѣмъ цѣлый океанъ.

Кромѣ изолированности, пагубно было вліяніе испанскаго феодализма, начавшагося около XV вѣка. Въ теченіе двухъ вѣковъ островъ долженъ былъ выносить гнетъ правительства, которое грабило, мотало и ничего не дѣлало для подданныхъ, даже не заботилось объ общественной безопасности.

Всѣ народы, которые завоевывали островъ, грабили и ничего не оставляли взамѣнъ; савойское правительство тоже очень мало заботилось о насажденіи культуры. Эти исторически неблагоприятныя обстоятельства еще усиливаются тѣмъ, что и антропологически раса сардинская—совершенно вырождающаяся. Профессоръ Серджи изслѣдовалъ свыше сотни череповъ сардинцевъ, собранныхъ Ничефоро въ разныхъ мѣстахъ Сардиніи, и нашелъ въ нихъ такую массу аномальностей, что вопросъ о вырожденіи расы не подлежитъ никакому сомнѣнію.

VI.

Сицилію въ сравненіи съ Сардиніей можно уже считать цивилизованной, но и она, какъ уже сказано выше, представляетъ намъ остатокъ феодализма. Сицилійская жизнь гораздо сложнѣе и разнообразнѣе, и трудно ее охватить однимъ общимъ опредѣленіемъ, одной формулой. Прошлое Сициліи необыкновенно богато, и всѣ народности, которыя завоевывали райскій островъ, не проходили, какъ въ Сардиніи, а поселялись надолго и оставили поэтому свои слѣды повсюду. Въ характерѣ сицилійца можно найти подвижность и гордость сарацинъ, тщеславіе грековъ, хвастливость испанца. Сохранились и обычаи всѣхъ этихъ народностей. Въ одномъ мѣстѣ цивилизація пустила ужъ корни, въ другомъ—еще самая дикая самобытность. Изъ всѣхъ остатковъ отъ

прошлаго самую главную окраску сицилійской жизни даетъ—феодализмъ, проявляющійся во всей моральной жизни общества и народа, и не только въ области преступленій. Какъ въ Сардиніи, бригадъ пользуется и здѣсь уваженіемъ у самыхъ честныхъ людей. И сицилійскія народныя пѣсни восхваляютъ добродѣтели „malandrini“, т.-е. людей съ скверной репутаціей, которые у сицилійцевъ имѣютъ совершенно противоположное значеніе.

Экономическая жизнь Сициліи—чисто феодальнаго характера: аристократы-латифундисты—съ одной стороны, крестьянство—съ другой; буржуазіи нѣтъ. Семейная жизнь высшихъ классовъ напоминаетъ восточную. Женщинъ прячутъ отъ глазъ чужихъ. Народъ также не заставляетъ работать женщинъ на поляхъ. Любовь къ роскоши и блеску свойственна всѣмъ.

Предразсудки и суевѣрія—такіе же, какъ въ Неаполѣ. И тутъ о Богѣ меньше думаютъ, чѣмъ о святыхъ, чудодѣйственныхъ статуяхъ и иконахъ и о сатанѣ. Въ ноябрѣ 1896 г. въ Мессинѣ пропалъ ребенокъ. Послѣ полиція узнала, что нѣсколько крестьянъ въ поискахъ за кладомъ принесли невинную жертву Богу. Въ Сициліи даются еще средневѣковыя мистеріи въ народныхъ театрахъ и въ деревняхъ. Въ городахъ Палермо, Мессинѣ, Катаніи цивилизація наложила лапъ на верхніе слои, но народъ мало чѣмъ отличается отъ крестьянства. Во время возстаній 1848—49 и 1860 гг. происходили сцены до того дикія, что не вѣрится просто, еслибъ это не были историческіе факты. Сотнями вооруженные ружьями и пиками бунтовщики въ Палермо заходили въ дома, откуда вытаскивали свои жертвы и медленно убивали ихъ. Многие носили на пикахъ головы убитыхъ по городу. Случалось, что зубами рвали внутренности убитыхъ. Во время возстанія 1866 года женщины Misilmeri носили куски мяса убитыхъ солдатъ и карабиньеровъ и кричали: „A sei gnapa la cagna du surdatu! A otto chidda du carabinieri!“ (Шесть гранъ мясо солдата! 8—карабиньеровъ!)

VII.

Весь югъ Апеннинскаго полуострова находится также въ самомъ дикомъ состояніи. Въ Калабріи жизнь общественная и частная ничѣмъ не отличается отъ жизни самыхъ глухихъ уголковъ Сициліи. Жители отличаются тѣмъ же гордымъ, воинственнымъ, часто жестокимъ характеромъ, что и сицилійцы. Мафія и каморра и тутъ распространены. Гимназисты городовъ

и деревень хвастаются, что они—мафіозы, и таковъ и ихъ внѣшній видъ. Природа самая богатая, мѣстность одна изъ лучшихъ въ Европѣ, но страшно запущена. Въ средніе вѣка лигурскіе и венеціанскіе мореплаватели по пути къ востоку проходили черезъ эти земли и сѣяли опустошенія на своемъ пути. Развалины анжуйскихъ и испанскихъ построекъ до сихъ поръ видны, а въ легендахъ народа еще жива память о нашествіяхъ африканскихъ пиратовъ, похищавшихъ женщинъ и имущество. Но бурбонскій абсолютизмъ сильнѣе и живѣе чувствуется до сихъ поръ.

Жители Пуліи отличаются уже другимъ характеромъ: апатичны до крайности, податливы, слабы, какъ и жители неаполитанской провинціи. Грегоровіусъ подтверждаетъ эту характеристику. „Народъ живетъ въ условіяхъ временъ анжуйскаго и аррагонскаго дома. Онъ апатично живетъ, безъ движенія, безъ надежды, точно заснувъ на землѣ, какъ жилъ тысячи лѣтъ тому назадъ, забытый міромъ и забывшій самъ себя“. Не только обычаи старины сохранились, но даже форма домовъ. На равнинахъ Пуліи „дома напоминаютъ жилища троглодитовъ“,—говоритъ одинъ изъ современныхъ французскихъ наблюдателей.

Неаполь — моральная столица юга. По внѣшности городъ какъ будто и прогрессировалъ, но внизу, подъ этимъ лакомъ, осталась та же первобытная дикость. Въ безчисленныхъ переулкахъ—грязь страшнѣйшая; всѣ отправленія совершаются на улицѣ, на виду у всѣхъ, въ самой патріархальной формѣ. Неаполь, за исключеніемъ главныхъ улицъ, гдѣ введено электричество, имѣющихъ очень приличный видъ, сильно напоминаетъ собой старое гетто въ Римѣ, которое теперь помнятъ еще очень хорошо, такъ какъ оно очень недавно уничтожено. Гетто и теперь служитъ сравненіемъ: „тутъ такъ грязно, какъ въ гетто“, говорятъ римляне. Неаполитанцы боятся мыла и воды, такъ что сѣверяне смотрятъ на нихъ съ презрѣніемъ и говорятъ: „Боже мой! Неужели это наши братья“? Неаполитанскіе нищія имѣютъ всемірную славу. Развратъ тоже невозможный. Даже по главной улицѣ Толедо, гдѣ самые богатые магазины, нѣтъ проходу отъ женщинъ. Часто осаждаютъ и мужчины, предлагающіе „picci-gilla“ — „маленькую“. Можно ему плюнуть въ лицо, выругать, дать пощечину—онъ пробормочетъ что-то и исчезнетъ въ одной изъ этихъ лабиринтообразныхъ улицъ.

Неаполитанцы—труссы, но въ душѣ добры и легкомысленны, какъ дѣти. Это народъ женственный, такой же капризный, увлекающійся, и со слабой волей. Вся исторія неаполитанцевъ гово-

рять, что они никогда не защищались, какъ слѣдуетъ, а поддавались первому завоевателю. Masaniello—рѣдкое исключеніе. Александръ Дюма говоритъ про нихъ, что они всегда бѣжали отъ врага, будь они подѣ бурбонскимъ правительствомъ или національнымъ. Коллективнаго мужества нѣтъ у нихъ и въ поминѣ. Национальнымъ патриотизмомъ они очень мало прониклись, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ личностей-идеалистовъ. Неаполитанскіе ладзароне становились на сторону бригантовъ, подѣ командой кардинала Руффо, для подавленія образовавшейся партизанской республики въ 1799 г., и когда вели республиканцевъ-патриотовъ, хотѣвшихъ освободиться отъ ига Бурбоновъ, на висѣлицу, народъ пѣлъ слѣдующую пѣсенку:

Viva lu papa santu
 Che ha mannatu i cannuccini
 Per ammazzare i giacobini!
 Viva la forza e masto Donato!
 Sant' Antonio sia lodato!

(Да здравствуетъ святой папа, пославшій пушки, чтобы убить якобинцевъ! Да здравствуетъ висѣлица и maestro Donato (палачъ), да будетъ благословенъ св. Антоній!)

Высшій классъ тоже чувствуетъ очень мало потребности въ свободѣ и прогрессѣ. Карнавалъ, пѣсенки, любовныя похождения—въ этомъ проходитъ вся жизнь ихъ. До чего неаполитанское общество пало—видно изъ слѣдующаго: въ дѣтскомъ пріютѣ, содержимомъ на счетъ города, слѣдовательно и подѣ его контролемъ, въ прошломъ году открылось, что изъ 900 дѣтей, принятыхъ въ пріютъ за нѣсколько лѣтъ, въ живыхъ осталось всего три! Этотъ чудовищный фактъ былъ сообщенъ въ парламентъ, много говорили объ этомъ; одинъ депутатъ, членъ комиссіи, которая должна была слѣдить за пріютомъ, оправдывался самой пустой отговоркой,—и слѣдствие идетъ до сихъ поръ!.. „Дѣти Мадонны“, какъ народъ называетъ подкидышей, очень мало нарушили сонъ докторовъ пріюта, администраціи города и всего итальянскаго общества.

Испанцы и Бурбоны оставили свои неизгладимые слѣды на неаполитанскомъ населеніи. Изъ него всѣми средствами выбивали налоги, подавляли всякую инициативу, всякую свободу; страшнѣйшій произволъ царилъ до 1860 г., когда Неаполь былъ присоединенъ къ Италіи, и озвѣрѣніе народа легко объясняется этимъ. Но и національное правительство до сихъ поръ мало сдѣлало для поднятія уровня массъ на югѣ.

Правительство „третьяго Рима“ не имѣетъ ни достаточно силы, ни желанія, чтобы извлечь южную Италію изъ ея варварскаго состоянія. Настоящее время—время затишья. Авторъ полагаетъ, что будущіе историки обозначать нынѣшній періодъ періодомъ декадентства. Бурбонизмъ сдѣлалъ южную Италію варварской. Настоящее правительство, увлекшись миражемъ высшей политики и внѣшняго могущества, разрушаетъ и убиваетъ всю Италію, отнимаетъ послѣднюю энергію у націи и приближаетъ ее къ полному банкротству. Послѣ того какъ національное объединеніе совершилось, — а это была самая чудная страница въ современной исторіи, — патриоты, ведшіе за собой народъ, превратились въ орду и набросились на свою же націю, чтобы поскорѣе нажиться, захватить лучшія мѣста. Вокругъ этихъ патриотовъ группируются кліенты, родные, и всѣ жадно ищутъ теплыхъ мѣстечекъ. Начались грабежи банковъ, и нѣтъ почти ни одного государственнаго человѣка, который бы не былъ замѣшанъ въ этомъ. Юстиція, съ своей стороны, подкуплена и даетъ возможность преступникамъ избѣгнуть заслуженнаго наказанія. Послѣ банковъ, парламентаризмъ и бюрократія представляютъ сильныя средства для обогащенія. Въ то время, какъ страна нуждается въ самыхъ безотлагательныхъ реформахъ во всѣхъ областяхъ, правящіе классы думаютъ о своихъ личныхъ выгодахъ. Нынѣшніе патриоты потеряли чувство національности. Мученики сложили свои головы для великаго дѣла, а оставшіеся, окруженные ордой жаждущихъ теплаго мѣстечка, потеряли всякіе идеалы. Бюрократія и войско должны дать пищу этимъ голоднымъ. За 50 лѣтъ итальянской жизни число чиновниковъ учетверилось. Для того, чтобы положеніе этого класса было прочно, приходится создавать себѣ крѣпкую защиту, въ видѣ войска. Militarизмъ развивается въ Италіи не изъ потребности защищать страну отъ внѣшнихъ враговъ, а для поддержки бюрократіи. Низшіе классы должны выносить на своихъ плечахъ этотъ высшій классъ, и не смѣютъ роптать. Результатъ—„бѣлая смерть“, т.-е. медленное вымираніе отъ голода, невѣжество и моральное паденіе. Италія находится какъ бы въ агоніи. Нынѣшнее поколѣніе не въ состояніи вырвать Италію изъ этого положенія. Нужны новые люди съ новыми силами и новыми идеалами, — вотъ заключеніе, къ которому можно придти, по прочтеніи книги Ничефоро.

„ЧЕРНАЯ ДѢВУШКА“

РАЗСКАЗЪ.

За кулисами холодно, мрачно. Сквозь тусклое окно, затянутое слоем пыли, гдѣ-то тамъ, на высотѣ подлугъ, еле пробиваются лѣтніе октябрьскіе лучи. Желтый язычокъ огня стеариноваго огарка сильно колышется на изрѣзанномъ и исчерченномъ карандашами столѣ; суфлеръ, ёжась отъ сквозняка и держа ладони рупоромъ, надрывается, откидываясь то вправо, то влѣво. Темная бездна за его спиной гудитъ отраженными голосами.

Репетиція идетъ довольно бойко; большинство бормочетъ роли по тетрадамъ, въ пальто, съ зонтиками и палками въ рукахъ. Спектакль репетируемой пьесы долженъ состояться сегодня; стараются запомнить главнымъ образомъ мѣста.

Кончивъ свое „явленіе“, выхожу покурить. Состояніе духа отвратительное... Положимъ, городъ хорошій, театральный, платятъ исправно, но уже такова участь актера: вѣчно быть недовольнымъ, вѣчно желать чего-то лучшаго; а лучшее нивогда не приходитъ.

Спустившись въ корридоръ, я задумчиво иду мимо каменныхъ арокъ. Папироса вынута, вотъ уже чиркнула спичка—вспыхнулъ огонекъ, и я испуганно отшатываюсь; изъ темной ниши неожиданно выступаетъ впередъ какая-то черная фигура. Я успѣваю разглядѣть сверкающіе глаза, руки, судорожно поднятыя къ горлу... Спичка погасла, красный червячокъ конвульсивно искривился, почернѣлъ—мы остались въ темнотѣ.

— Кто это?..

Тихо... Я вглядываюсь въ темноту... Черная фигура—здѣсь, въ двухъ шагахъ... Мнѣ слышно ея взволнованное дыханіе.

— Кто здѣсь?..

Вторично не получивъ отвѣта, поворачиваю обратно и дѣлаю нѣсколько шаговъ.

— Не уходите... не уходите!..—вдругъ раздается дрожащій полушопотъ.

Возвращаюсь.

— Вамъ чего-нибудь надо?

— Васъ...

„Гмм... Значить, одна изъ „психопатокъ“... Сейчасъ будетъ благодарить за высокое, за „блаженство дивныхъ минутъ“... и въ концѣ концовъ попросить фотографическую карточку или по меньшей мѣрѣ вручить таковую для надписи“.

— Чтò приважете?

— Ахъ, это трудно... Только, ради Бога, не смѣйтесь... Мнѣ такъ стыдно... такъ страшно...

„Ну вотъ, вотъ...“

— Помилуйте, смѣяться?.. Тутъ такъ темно—пройдемъ въ фойе.

— Ахъ, нѣтъ, ради Бога, не надо!.. Мнѣ такъ страшно... такъ много, много надо сказать... Простите, я васъ безпокою, но я... я увѣрена... мнѣ такъ показалось... вы такой добрый...

„Вѣдь вотъ, никогда не начнутъ сразу, непременно подходы!“

Я вдругъ озлился, ужъ почему—не знаю... Просто съ утра былъ золь.

— Вамъ, вѣроятно, карточку?..

— Какую?—удивилась незнакомецъ.

— *Мую* карточку?..

— Нѣтъ... зачѣмъ?.. Мнѣ совсѣмъ не то...

— Ну-съ?..

— Мнѣ необходимо поговорить съ вами, много-много сказать... Я увѣрена, что только вы, одинъ вы... Ахъ, такъ не скажешь...

Она внезапно схватила мои руки, прижала ихъ къ своей груди и, вся трепеща, задыхаясь, стала бормотать умоляющимъ голосомъ, съ сильнымъ южнымъ акцентомъ, ударяя на „о“:

— Прошу, прошу васъ, позвольте мнѣ придти къ вамъ!.. Я должна вамъ открыть свою душу... У меня никого нѣтъ... Вся моя жизнь—въ этой надеждѣ... Ради Бога, позвольте!..

Тутъ я узналъ ее.

Съ мѣсяцъ тому назадъ, у насъ, за кулисами, появилась какая-то странная черная дѣвушка, очень бѣдно одѣтая, очень застѣнчивая. Она постоянно улыбалась не совсѣмъ обычной улыб-

вой, потупляла глаза и жалась къ декораціямъ. Изъ-за портала или ободранной лѣсной кулисы вѣчно выглядывала ея склоненная голова. Говорили, что антрепренерша разрѣшила незнакомкѣ присутствовать на всѣхъ репетиціяхъ, что эта дѣвушка — просто помѣшанная, мечтавшая поступить въ актрисы.

Первое время косились, потомъ стали заговаривать, подтрунивать, потомъ просто надѣваться надъ ней самымъ пошлымъ и грубымъ образомъ. То въ двухъ шагахъ отъ портала, гдѣ навѣрное пряталась черная, сутуловатая фигура дѣвушки, говорили невозможныя сальности, то надѣвали ей на голову вѣнокъ Офеліи и увѣряли, что она — олицетворенная героиня Шекспира.

Бѣдняжка краснѣла, терялась, съ жалкой улыбкой прятала лицо и никогда никому не отвѣтила рѣзко, даже обиженно.

Какъ-то репетируя, я просто утомился видомъ напряженно стоящаго человѣка, схватилъ стулъ, отнесъ его за кулису и поставилъ передъ незнакомкой, предлагая сѣсть. Она задохнулась, судорожно оперлась о спинку стула и, не найдя, видимо, словъ, опустила голову.

Я продолжалъ репетировать, искоса поглядывая въ сторону „черной дѣвушки“. Одно время она точно снимала съ своего лица паутину, потомъ, робко озираясь, медленно опустила на самый кончикъ стула, сгорбилась и, вытянувъ шею впередъ, принялась ловить каждое мое слово.

Этотъ зритель невольно заставилъ меня играть... Чортъ знаетъ изъ какаго самолюбія я воодушевился, поднялъ тонъ, и репетиція пошла „въ голосъ“, что называется — во всю.

Съ тѣхъ поръ черная дѣвушка больше не появлялась. Постепенно о ней забыли — и вотъ...

— Если вамъ угодно, я съ большимъ удовольствіемъ, но... вашъ визитъ... За нами, актерами, большой глазъ...

— Ахъ, мнѣ все равно!.. Пусть говорятъ, пусть... Я увѣрена, вы, вы... Позвольте придти!..

— Сдѣлайте одолженіе! Когда?..

— Я всегда могу... Умоляю васъ!..

Эпизодъ со стуломъ былъ еще свѣжъ; поэтому, продолжая быть галантнымъ, я сказалъ:

— Репетицію мы окончимъ черезъ часъ: я къ вашимъ услугамъ отъ трехъ до пяти. Вечеромъ спектакль.

— Въ три можно, да?.. Я приду!..

— Сдѣлайте одолженіе. Вамъ угодно подождать, или...

— Нѣтъ, нѣтъ, я знаю, гдѣ вы живете.. Я сама приду...

Благодарю, благодарю васъ!..

Она порывисто схватила мою руку и утонула въ темнотѣ.

Возвращаясь на сцену, я уже забылъ свою галантность и, признаться, посылалъ къ дьяволамъ всѣхъ психопатокъ на свѣтѣ. Отъ трехъ до пяти надо было успѣть пообѣдать, прочесть роль, отдохнуть, отъ пяти до шести напиться чаю, собрать вещи и къ началу седьмого уже сидѣть въ уборной передъ зеркаломъ, а тутъ... Значить—обѣдать наскоро, значить—не спать...

II.

Звонокъ.

Незнакомка скользнула въ прихожую, какъ тѣнь, и замерла словно въ ожиданіи побоевъ.

— Вы аккуратны.

— Я помѣшала... Я надоѣдаю...

— Ахъ, нисколько, помилуйте, очень радъ...

Я чувствовалъ себя тоже нѣсколько взволнованнымъ, какъ каждый холостякъ, впускающій въ себѣ молодую женщину и желающій быть чрезвычайно любезнымъ.

Не снимая драповой кофты, гостя вошла въ комнату, слушающую мнѣ и гостиной, и кабинетомъ, и столовой. Забѣтивъ приборъ на столѣ, она всполошилась.

— Ахъ, вы будете обѣдать?.. Пожалуйста, пожалуйста, обѣдайте, прошу васъ!..

— Что вы, помилуйте, я совсѣмъ не голоденъ... Обѣдъ не уйдетъ.

Я страшно хотѣлъ ѣсть, но настойчиво придвинулъ кресло къ письменному столу и жестомъ пригласилъ гостя его занять.

Она сѣла, восторженно, робко оглядывая стѣны.

Тамъ висѣли лавровые и серебряные вѣнки, мои портреты въ роляхъ, все это убранное красными и бѣлыми лентами съ золотыми надписями. Всюду, на стульяхъ, на диванѣ, валялись разноцвѣтныя подушки отъ подношеній.

Пока незнакомка жадно пожирала своимъ блестящимъ взоромъ мои трофеи, я успѣлъ рассмотреть ее впервые при полномъ освѣщеніи.

Это была дѣвушка лѣтъ двадцати, сутуловатая, очень блѣдная, очень нервная, съ желтыми дряблыми щеками, выпуклыми глазами цвѣта туманнаго неба, съ искривленной улыбкой на влажныхъ губахъ. Вздернутый носъ съ круглыми ноздрями и ямка на подбородкѣ придавали ея лицу что-то необыкновенно дѣтское, наивное; въ то же время сильно развитая грудь, по-

стоянно двигающіеся пальцы, игра синеватыхъ тѣней на лицѣ говорили о натурѣ страстной, чувственной, живущей глубоко и сильно.

Преодолевая волненіе, гостя принялась стягивать съ себя нитяныя перчатки, очень ветхія, распустившія усики вокругъ дыръ на пальцахъ... Руки... ахъ, женскія руки! какъ онѣ много говорятъ!.. ея руки были обезображены множествомъ заусеницъ и объѣденными ногтями.

— Вы постоянно живете здѣсь?

— Нѣтъ, я пріѣзжая.

— А! Давно вы пріѣхали?

— Да... нѣтъ... въ началу спектаклей... Я изъ деревни... У тетки хуторъ... Я тамъ почти постоянно...

— Вы, вѣроятно, очень любите театр?

Она даже отшатнулась.

— О!.. Развѣ можно не любить театр?!.. Я... ахъ, вы будете смѣяться... я съ дѣтства грежу театромъ, какъ помню себя... Я постоянно играю сама... У насъ глушь... На хуторѣ я, тетка и рабочіе... Управляюсь съ хозяйствомъ и ухажу съ енижкой въ садъ или въ степь... Тамъ я играю, играю... Вы знаете, я лазаю по деревьямъ, какъ мальчижь... (она стала говорить все быстрой и быстрой). Такъ залѣзу на дерево, качаюсь на вѣткѣ и читаю стихи... Меня тетка хотѣла выдать замужъ за... ну, это все равно... Тамъ есть одинъ помѣщикъ... не совсѣмъ богатый, но и не бѣдный... Я и убѣжала сюда...

— Вотъ какъ!.. Значить, вы бѣглая?.. улыбнулся я.

— Не совсѣмъ. Тетка знаетъ, гдѣ я, и уже два раза писала. Пусть!.. Я вѣдь не робкая... Я опять убѣгу, и ужъ такъ... А можетъ быть и вернусь...

Она хрустнула пальцами, потомъ спохватилась.

— Ахъ!.. Вѣдь я вамъ не сказала своей фамиліи!..

— Пожалуйста, не трудитесь.

— Нѣтъ, нѣтъ, вѣдь я не боюсь... Но она такая смѣшная... Меня зовутъ Вереска... Она не годится для сцены?.. правда?..

— Вереска?.. Мм.. да... пожалуй.

— А имя мое Елена... Елена Вереска.

— Позвольте ужъ и отчество.

— Назаровна...

— Елена Назаровна... Вашъ отецъ, вѣроятно, малороссъ?..

— Да, онъ умеръ.

— Это замѣтно.

— Чтѣ?

— Не то, что онъ умеръ, а что вы—малороссіянка... У васъ довольно сильный акцентъ.

Гостыя испугалась.

— Неужели? Это нехорошо?..

— Для сцены?.. Нехорошо... Но вѣдь акцентъ можно исправить, хотя малорусскій акцентъ—одинъ изъ самыхъ упорныхъ.

— О, я исправлю, я исправлю!..

— Вы желаете поступить на сцену?

— О, да, да... но я не знаю, смѣю ли?.. На сцену!.. Боже мой, Боже мой!..

Черная дѣвушка даже задохнулась и опять хрустнула пальцами.

— Ну, вотъ мы и договорились. Вы желаете поступить на сцену и не знаете, есть ли у васъ талантъ, какъ вообще начинаютъ?

— Да.

— Вы желаете, чтобы я провѣрилъ васъ и затѣмъ указалъ путь къ началу?..

— Да, да!.. Умоляю!..

Она сложила руки и вся потянулась ко мнѣ, какъ люди сильно вѣрующіе тянутся къ иконѣ.

Съ каждой минутой я убѣждался, что имѣю дѣло не съ обыкновенной барышней или дамой, какія обращались ко мнѣ десятками съ той же просьбой. У тѣхъ всегда бывало одно изъ трехъ побужденій: или жажда блистать мишурой въ чадѣ атмосферы подмостковъ; или расчетъ подороже продать себя съ выставки, гдѣ товаръ искусно подвращенъ и пикантно обнаженъ; или—нужда. Последнее—рѣже всего. О любви къ искусству ради искусства я не говорю, какъ о такомъ исключеніи, котораго, признаться, не встрѣчалъ. Положимъ, всѣ онѣ дышали этой любовью, всѣ онѣ умирали безъ театра, всѣ готовы были даже на отчаянныя жертвы—лишь бы служить „высокому и прекрасному“, „пробуждать чудныя чувства“, обнажать пороки, воспѣвать добродѣтель и красоту во имя блага, но... поскобливъ всѣ эти восторги и умиранія, всегда можно было найти побужденія болѣе простыя.

Впервые я почувалъ не то. Ужъ одно качаніе на вѣтвяхъ подъ собственную декламацію чего-нибудь да стоило.

— Надо мной всѣ смѣются,—продолжала она еле слышно:—меня считают помѣшпанной... Ахъ, они не добрые!..

— Вы говорите про нашихъ актеровъ?

— Да... Я, правда, странная...

„Положимъ, зайцы-то у тебя въ головѣ скачутъ“... — подумалъ я.

Она какъ будто прочла мою мысль.

— Это отъ одиночества... Вѣдь я росла совершенно одна, въ степи...

— Какъ же вы познакомились съ театромъ?

— Изъ книгъ. Я много-много читала, все, что пришлось; и учебники, и журналы... что попадетъ, то и читаю. Пробовала учиться по-французски—учебникъ нашла у священника,—да не вышло, многихъ листовъ не хватало.

„Должно быть, небогатый, но и не бѣдный помѣщикъ ей книги носилъ“...

Она и тутъ меня поймала.

— „Ниву“ привозилъ мнѣ тотъ... женихъ мой...— Вереска улыбулась. — Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!.. Я за него все равно бы не пошла...

— Отчего же?

Она добросовѣстно обдумала мой глупый вопросъ и просто отвѣтила:

— Не люблю его...

— Онъ, должно быть, старше васъ?..

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ... но онъ... нехорошій... не знаю... нѣтъ... я просто не могла бы его любить... А вамъ зачѣмъ это?

Я немного сконфузился.

— Видите ли... Когда ко мнѣ обращаются дѣвицы съ такими же просьбами, какъ у васъ, я обыкновенно совѣтую имъ выйти замужъ. Сцена для большинства—очень горькое поприще. Она такъ часто не оправдываетъ и сотою доли надеждъ, что лучше постараться выйти замужъ, чѣмъ всю жизнь потомъ бороться и съ нищетой, и съ закулисными дразгами.

Тутъ я произнесъ своими словами монологъ Кина къ Аннѣ Демби. Вереска слушала не шевелясь, и когда, давъ волю своей краснорѣчивой желчи, я умолялъ,—съ глубокимъ изумленіемъ произнесла:

— Такъ что же?

— Какъ? Вамъ этого мало?..

— Жертвы... тѣмъ лучше!.. Развѣ можно безъ жертвъ?... Чѣмъ больше, тѣмъ лучше!.. тѣмъ дороже!.. Ахъ, жить для театра, подъ насмѣшками, или когда ненавидятъ... А игра? Вѣдь этого не отымутъ?..

— Бываетъ, что и отымутъ. Станутъ обходить ролями, станутъ...

— Ну, я уйду, пойду исвать, гдѣ лучше...

— А жить на чтó вы будете?

— Я живу теперъ на шесть рублей въ мѣсяцъ и уже счастлива, потому что меня пускаютъ даромъ въ театръ.

Лучистый огонь засвѣтился въ ея выпукло-сѣрыхъ глазахъ, спина выпрямилась, лицо сдѣлалось строгимъ, только едва замѣтная судорожная улыбка подрагивала на губахъ.

Странно созданъ человекъ! Меня вдругъ охватила не то зависть, не то грусть... Чего мнѣ было жаль? Утраченной вѣры въ возможность жить для искусства, исконверганныхъ надеждъ, смерти въ себѣ самомъ того живого духа, который оправдываетъ всѣ условности нашей профессіи и на самомъ дѣлѣ обращаетъ въ чистыхъ жрецовъ? Или я почувалъ въ своей собесѣдницѣ силу, и по актерской замашкѣ уже ревновалъ ее къ своему богу?

Какъ бы то ни было, пройдясь по комнатѣ, я остановился передъ книжной полкой и, по минутномъ размышленіи, досталъ почему-то Надсона.

— Давайте читать.

— Сейчасъ?

— Чего же откладывать? Рано или поздно... Вы Надсона читали?

— Нѣтъ...

— А вообще вслухъ читали когда-нибудь?

— Очень мало... теткѣ...

— О знакахъ препинанія, тонѣ, колоритѣ понятіе имѣете?

— Нѣтъ... Надо останавливаться на знакахъ препинанія?

— Да... Но тѣмъ лучше, что вы совсѣмъ неопытная, — значитъ, увидимъ самый корень. Читайте такъ, какъ бы вы читали теткѣ, — или нѣтъ: какъ бы вы читали самой себѣ, качаясь на вѣткѣ.

Я открылъ книгу и случайно попалъ на стихотвореніе „Грезн“.

— Ну-съ!..

Она долго задыхалась и снимала съ лица паутину, какъ тогда, за кулисами. Пальцы трепетно разстегивали кофту; обтрепанное вороново крыло на шляпѣ съ поломанными перьями дрожало.

— Прочтите сначала про себя.

Черная дѣвушка, шевеля губами, впилась въ стихотвореніе. Я закурилъ папиросу, продолжая наблюдать. Брови Елены Верески то сдвигались, то поднимались кверху, лицо озарялось то радостью, то печалью, то восторгомъ, то тоской ожиданія...

Дверь въ прихожей взвизгнула.

Появилась Матрена. Свирѣпо поглядѣвъ на гостю, она подняла свой грязный передникъ.

— Обѣдать подавать, что-ли?..

Я замахалъ рукой.

— Подождите, послѣ...

— Простынетъ, чего жъ его ждать? Плиту погасили.

— Хорошо, хорошо, уходите.

Матрена собрала что-то на своихъ губахъ лакированными пальцами, глубоко вздохнула и, шлепая туфлями, ушла.

Моя гостя даже не оглянулась: она, очевидно, ничего не видѣла и не слышала.

— Прочли?

— Да...

— Нравится?

— О, да!..

— Итакъ—давайте вслухъ.

Я забился подальше на диванъ, чтобы не смущать дебютантку.

Вереска погладила лобъ, провела пальцами по измятой сѣрой рубашкѣ, вытѣзшей изъ-подъ верхней одежды.

— Снимите кофточку, такъ неудобно.

— Нѣтъ, ничего... Сейчасъ...

Еще минуты двѣ колебанія—и экзаменъ начался.

Боже мой, что это было за чтеніе!.. Нѣтъ возможности передать, изъ чего оно состояло. Едва слышно вылетали обрывки фразъ, полуслова, полудыханія. Невольно рисовалось поле сраженія, гдѣ всѣ войны передрались и лежали полумертвые въ неописанномъ хаосѣ, перемѣшавшись съ пушками, ружьями, издавая стоны и глухіе, отрывистые вздохи.

Я зналъ стихотвореніе, но долго ничего не могъ разобрать. Малорусскій акцентъ отчетливо покрывалъ общую кашу неожиданныхъ звуковъ. Можно съ увѣренностью сказать, что такъ—никто въ мірѣ никогда не читалъ.

По временамъ я едва удерживалъ порывы безумнаго смѣха, но... какое-то неуловимое предчувствіе чего-то глубоко зарытаго въ необыкновенномъ чтеніи „черной дѣвушки“—глушило мой смѣхъ.

Я не далъ ей дочитать до конца и всталъ.

— Хорошо... позвольте... Да довольно... Я уже вижу...

Она откинулась на спинку стула; ея блѣдное лицо покрылось потомъ, глаза устремились въ одну точку, еще видимо не

оторвавшись отъ образовъ пира, робкаго пажа и прекрасной королевы, воспѣтыхъ въ стихотвореніи.

— Простите... я въ затрудненіи... Такъ вообще не читаютъ, — заговорилъ я, съ трудомъ подбирая слова.

Она вдругъ перебила:

— Я раздѣнусь...

И не ожидая моихъ услугъ, медленно, съ кошачьимъ изгибомъ, стала стягивать съ себя кофту.

— Позвольте я помогу...

— Не надо... благодарю васъ... Жарко.

По первому взгляду на ситцевую рубашку можно было отгадать, что корсетъ отсутствовалъ.

Оправивъ измятые рукава, гостя вытерла глаза пуховымъ шарфомъ; взоръ ея все еще былъ устремленъ на пажа и королеву...

Я ждалъ вопросовъ, оканья—ничуть не бывало, и молчали мы довольно долго.

— Это Надсонъ?—спросила она.

— Да.

— Тутъ все его стихи?

— Его... Но это всё... Онъ не много успѣлъ написать.

— Отчего?

— Умеръ...

Она вздрогнула и задумалась, потомъ еле внятно прошептала послѣдній стихъ, на которомъ я прервалъ ее: „Такъ въ дѣтствѣ я мечталъ“...

— Мнѣ можно будетъ унести эту книгу? Я скоро привнесу назадъ...

— Можно, можно, пожалуйста.

Опять мы оба замолчали... Положеніе становилось глушимъ.

— Итакъ, давайте объясняться, — рѣшилъ я приступить къ дѣлу.—Я уже сказалъ вамъ, что такъ не читаютъ, но дѣло не въ томъ. Главное—у васъ сильный акцентъ; прежде всего надо его искоренить... Но это въ будущемъ, а теперь — прочтите-ка мнѣ что-нибудь навзусь. У васъ вѣдь есть какіе-нибудь излюбленные стихотворенія или отрывки?..

— Есть...

— Чтò же?

— Я много знаю изъ Пушкина...

— Вотъ и прекрасно.

— Хотите „Русалку“?

— Очень хочу.

Черная дѣвушка, теперь ставшая на половину сѣрой, поднялась со стула.

— Вы не смѣетесь?..

— Помилуйте!..

Она неровно сдѣлала два шага, приглаживая пальцами обѣихъ рукъ пряди желтовато-каштановыхъ волосъ, свисшихъ на виски.

— Снимите шляпку, она стѣсняетъ.

— Да... да...

Резинка, зацѣпившись за гребень, щелкнула. Дѣвушка положила шляпку на столъ, скрестила руки на груди, прижавъ ладони въ елочницамъ, потомъ, подойдя къ стѣнѣ, прислонилась бокомъ, почти спиной ко мнѣ,—такъ и начала читать...

Опять долженъ сказать: никогда ничего подобнаго я не слышалъ... Это не было ни чтеніе, ни игра... это была сама жизнь, сама правда. Условность сценическихъ положеній всегда принудить хотя бы генія придать любому моменту незамѣтную искусственную окраску въ болѣе напряженномъ голосѣ, въ движеніяхъ рукъ, головы. „Черная дѣвушка“ не имѣла понятія ни о какихъ условностяхъ театра. Она разучивала свои роли на деревьяхъ, въ стогахъ сѣна, на берегу рѣки, въ кустахъ сирени, или въ бессонныя ночи на своей узкой и жесткой кровати, разметавшись въ жару вдохновенія, устремивъ воспаленные глаза въ темноту, наполненную яркими живыми образами. Сказать, что это былъ экспромтъ самороднаго таланта—нельзя. Правда, передо мной несомнѣнно обнажался талантъ огромный, самобытный, но въ то же время я видѣлъ страшную по своей болѣзненной оригинальности работу, работу нѣсколькихъ лѣтъ, упорную, кропотливую... Она сжилась съ этой сценой, она ее почувствовала во всѣхъ мелочахъ, и теперь, управляемая вдохновеніемъ, гармонично развивала въ длинной цѣпи едва уловимыхъ оттѣнковъ... Не было возможности услѣдить, поймать ту спайку, которая разграничивала артиста отъ изображаемаго лица: они сливались цѣльно и неизмѣнно.

Говорила и Наташа, и князь, что усложняло задачу, ставило ее на почву рискованной подражательности. Меня поразило, какъ просто и легко вышла изъ этого положенія Елена Вереска. Не было противной актерской мгновенной смѣны интонацій,—говорила одна русалка; рѣчи князя шли какъ бы отъ нея, какъ бы передаваемые ею; поэтому, слегка освѣщенные горькой ироніей, онѣ были согрѣты ея собственнымъ горемъ.

И откуда степная дикарка взяла эти натуральные паузы,

иногда необычайно длинные, но одухотворенныя цѣлой гаммой ощущеній, пронесившихся на ея мертвенно-блѣдномъ лицѣ? Я ясно видѣлъ, что все это переживалось, что любовь, страхъ, ожиданіе, жгучая душевная боль потрясали ее съ ногъ до головы, можетъ быть, даже выпуклѣе, чѣмъ это могло быть въ дѣйствительности.

Начала она тихо, какъ обыкновенно тихо разговариваютъ о самыхъ интимныхъ вещахъ два взволнованныхъ любовника. Признаніе о беременности совершенно не походило на все слышанное мною до сихъ поръ. Наши ученицы или актрисы придаютъ фразѣ выраженіе стыдливаго упрека; онѣ опускаютъ голову и выжимаютъ изъ себя признаніе отрывистымъ лепетомъ.

Вереска-Наташа уже любила ребенка; въ ея голосѣ прозвучала тоска, страхъ за участь своего дѣтища, бросаемаго отцомъ; глаза смотрѣли прямо въ глаза любовника съ мутнымъ огнемъ страданія и уже зародившагося презрѣнія къ этому жалкому отродью, способному на подлую измѣну во имя условности свѣта.

На признаніе князь восклицаетъ: „Несчастная“! Это восклицаніе на сценѣ почему-то всегда отдаетъ комизмомъ. Неудачно ли оно поставлено Пушкинымъ, или вина актеровъ, не умѣющихъ избѣжать водевильнаго оттѣнка,—не знаю; скорѣй виновна актриса, своимъ вышеприведеннымъ институтскимъ тономъ не дающая настроенія ни публикѣ, ни князю. Елена Вереска и тутъ выручила партнера. Ея князь не глупо испугался и не отшатнулся, какъ ужаленный; онъ не скоро нашелъ дыханіе для злополучнаго слова, а найдя, все еще подавленный стыдомъ, подъ горящимъ взоромъ любовницы, скользнулъ имъ по воздуху, потупясь въ сторону... Такимъ образомъ сцена вышла какъ разъ наоборотъ въ смыслѣ общепринятыхъ интонацій.

А вотъ и монологъ—одинъ изъ классическихъ у Пушкина.

Что можетъ быть нелѣпѣе монолога на сценѣ?.. Нуженъ огромный талантъ, огромная сила выразительности, чтобы сохранить иллюзію правды. Пронзосить на сценѣ монологи такъ, какъ Вереска произнесла монологъ „Русалки“, конечно, нельзя: ее бы никто не услышалъ. Она его продумала. По едва уловимому шопоту, я, сидя въ трехъ шагахъ, еле разбираю отдѣльныя мѣста... Но это опять была сама жизнь,—самая тонкая, художественная правда, какую только мнѣ приходилось встрѣчать. Идя наперекоръ актерскому шаблону, въ концу монолога Вереска совсѣмъ затихла, но я невольно дрожалъ, такъ какъ передо мной шевелилось что-то безумное, страшное... Когда она

сдѣлала движеніе къ рѣкѣ, я уже не сомнѣвался, что Наташа утонетъ вотъ сейчасъ, на моихъ глазахъ... и еслибы теперь передъ этой „черной дѣвушкой“ была рѣка—она бы непременно бросилась и утонула...

Никогда не забуду одного движенія въ послѣднее мгновеніе. Наташа прижала къ себѣ ребенка, своего еще не родившагося ребенка—да такъ и бросилась... Можетъ быть, этотъ жестъ, взятый въ отдѣльности, вышелъ бы на сценѣ смѣшнымъ или уродливымъ,—не берусь судить; но въ общемъ тонъ исполненія онъ былъ страшно силенъ и драматиченъ. По крайней мѣрѣ я не улыбнулся, а, глубоко потрясенный, вскочилъ. Наташа спускалась на дно рѣки, т.-е., скорчившись, лежала на моей кушеткѣ лицомъ внизъ. Минута пролетѣла въ молчаніи, потомъ раздались подавленные стоны... Они нарастали все сильнѣй и сильнѣй, наконецъ рыданія вырвались наружу.

Стоить женщинѣ заплакать—ей сейчасъ же подають воду. Я это зналъ, но самъ воды никогда не пью,—значить, графина у меня не оказалось, а извлекать воду изъ умывальника я счелъ неудобнымъ, и мнѣ оставалось бѣжать въ кухню. Тамъ, разумѣется, пришлось торговаться съ Матреной изъ-за стакана. Она все еще негодовала, что я не обѣдаю, угрожая выбросить обѣдъ свиньямъ, которыхъ, впрочемъ, во дворѣ не было...

Возвращаюсь обратно съ стаканомъ—Елена Вереска уже диво хохочетъ. На мои упрасиванія выпить воды—мотаеть головой... Я утомился и сѣлъ... Сосѣди... Боже мой, что должны были думать сосѣди!..

Къ счастью, истерика была непродолжительна; хохотъ постепенно перешелъ въ всхлипыванія, потомъ въ вкюту... По многимъ признакамъ я догадался объ отсутствіи носового платка у гостыи, и принесъ ей свой... Просморкавшись, вытеревъ глаза и лицо, „черная дѣвушка“ сразу проглотила всю воду и встала.

— Вамъ надо обѣдать... Простите... — прошептала она съ растерянной улыбкой, щуря припухшія, красныя вѣки...

— Нѣтъ, не беспокойтесь, еще есть время...

— Вы вечеромъ играете... Я пойду...

И опять ничего не спрашиваетъ!.. Взяла свой пуховый шарфъ, однимъ движеніемъ надѣла шляпку, потянулась за кофтой...

Я не противорѣчилъ и помогъ одѣться. Когда нитяныя перчатки тоже оказались на мѣстѣ, гостыя вдругъ пошатнулась и сѣла.

— Дайте еще воды... пожалуйста...

Снова пришлось бѣжать въ кухню...

Второй стаканъ такъ же залпомъ былъ осушенъ до дна, но Вереска уже не встала, а, положивъ ногу-на-ногу, охватила колѣно обѣими руками и глубоко задумалась.

Я понялъ, что настала очередь говорить.

— Видите ли, Елена Назаровна, я вамъ прямо скажу: такъ постоянно играть нельзя. Жизни не хватитъ и на годъ. Это не искусство.

Я обстоятельно развилъ свой взглядъ, совѣтуя обратить вниманіе на главное, что ложилось преградой между нею и театромъ — на ея здоровье: временно уѣхать въ деревню, забывъ про всякія роли, стихи, и зажить одной растительной жизнью...

Она глухо отвѣтила:

— Я прожила такъ, какъ вы говорите, девятнадцать лѣтъ, и еслибы не книжки и не роли, то навѣрное сошла бы съ ума.

На это я указалъ, что самымъ убійственнымъ ядомъ для нея было — при страстной любви къ искусству — сомнѣніе въ возможности служить ему, но что теперь... Я говорилъ о ея оригинальномъ талантѣ, блестящемъ будущемъ, убѣждая заняться прежде всего леченіемъ...

„Черная дѣвушка“ качала головой.

— Нѣтъ... нѣтъ... только не въ деревню... Меня вылетитъ одинъ театръ... Я знаю... Здѣсь, за кулисами, я ожила... Вѣдь я была еще хуже... Тетка и то говорила, что меня уже надо посадить въ больницу, потому и сватала за помѣщика... Ужасъ, ужасъ!.. Нѣтъ, ради Бога!.. умоляю васъ!.. Не надо въ деревню!..

Я растерянно пожалъ плечами.

„Чортъ знаетъ! можетъ быть, ты и права“, — мелькнуло въ головѣ.

— Какъ же быть?.. Надо, значить, пристроиться въ трущбѣ...

— О, да, да!..

— Попробуемъ...

Вереска такъ и вспыхнула; безумная радость озарила ее всю, щеки обрасялись румянцемъ, глаза заискрились... Она даже похорошѣла.

— Вы съ антрепренершей знакомы?..

— Да... немного... Я просилась въ трушу, — она отказала, но разрѣшила бывать на спектакляхъ и репетиціяхъ...

— Гмм... Значить, жалованья не дастъ...

— Я не прошу жалованья...

— Да вѣдь и шесть рублей на улицѣ не валяются... Вотъ что... не знаю, выйдетъ ли прокъ, — я переговорю съ режиссеромъ, попрошу его занимать васъ на выходъ... Статистка по-

лучаютъ у насъ по 30 копѣекъ въ вечеръ, на десять вечеровъ
разсчитывать можно, значить три рубля будутъ обезпечены...
Вы хорошо пишете?..

— Нѣтъ, скверно...

— Я думалъ насчетъ переписки ролей... Ну, да ужъ какъ-
нибудь рублей 15 наскребете...

Затѣмъ я назначилъ „черной дѣвушкѣ“ часы для подгото-
вительныхъ занятій.

Прощаніе было трогательно. Трещина отъ восторга, Вереска
сжимала мои руки и все переспрашивала, правда ли, что у нея
есть способности.

Уже совсѣмъ уходя, она вспомнила о Надсонѣ, вернулась,
бережно прижала его къ груди... Какъ на грѣхъ—гребень вы-
летѣлъ изъ волосъ, и тѣ распустились. Дѣвушка торопливо за-
крутила ихъ, не глядя въ зеркало, и наконецъ вышла за порогъ,
вся красная, съ припухшими вѣками, съ воссами, торчащими
изъ-подъ шляпки въ разныя стороны.

На мой послѣдній поклонъ въ корридорѣ она вдругъ звонко
разсмѣялась.

— Что вы?

— Ничего... такъ...

— Я, кажется, догадываюсь.

— О чемъ?..

— Гмм... не очень богатый помѣщикъ вѣроятно останется
съ носомъ.

Она даже съѣжилась отъ смѣха и убѣжала, прикрывая лицо
Надсономъ и шарфомъ.

Еслибы кто-нибудь встрѣтилъ насъ въ эту минуту—репу-
тація Елены Верески погибла бы навсегда...

— Матрена, обѣдать!..

Матрена не замедлила явиться съ миской въ рукахъ; она
сурово поставила ее на столъ.

— Никакъ ревѣла?..

— Гостя?..

— Кто же еще...

— Н-да, плакала...

— Заревешь!..

Матрена покосилась на кушетку. Тамъ еще валялся ском-
канный носовой платокъ...

— То-то вы за водой прыгали... Ахъ, безстыжія!..

— Вздоръ говорите.

— Чего же она ревѣла?..

— Роль проходила...

— Ро-о-ль?.. Знаемъ мы эту роль...

— Ну, ну, пожалуйста!..

— Креста на васъ нѣтъ... Сказано: актерщикъ...

— Вотъ что, Матрена: думайте, что вамъ угодно, а на сторонѣ дѣвушку не марайте,—оно зря выйдетъ.

— Зря... какъ же... Драть ее надо... Мать-то, небось, не знаетъ... Вотъ ужъ я ей скажу...

— Да она сирота, прѣвзжая.

Матрена дернула себя за носъ и даже локоткомъ подперлась.

— Сирота-а?

Это открытіе неожиданно вернуло намъ добрую репутацію. Очевидно, почтенная женщина не могла допустить, чтобы я обидѣлъ сироту.

— Чего же ее разносило?

— Въ театръ хочеть...

— Ишь-ты... Въ актерки?

— Да...

Она грустно повачала головой.

— Городъ-то, городъ... всѣхъ пожретъ, и сироту не пожалѣетъ... Охъ, грѣхи наши тяжкіе, Мать Пресвятая Богородица, спаси насъ и помилуй!..

Матрена собрала испарину со всей нижней половины лица, вытерла руку о животъ и, поглаживая голыя локти, побрела за жаркимъ...

III.

Вечеромъ, въ антрактѣ, я зашелъ въ уборную къ примдоннѣ. Та растирала на рукахъ арбатскую пудру.

— Вы Елену Вереску знаете?

— Какую Вереску?

— „Черную дѣвушку“.

— А! знаю. Это сумасшедшая?

— Не совсѣмъ... Она больна театральнымъ зудомъ.

— Не все ли равно?

— Она очень талантлива...

— Перестаньте!.. Какой тамъ талантъ! Престо кривляка.

Въ началѣ онѣ поклонницы, обожательницы, а потомъ—глядишь, и сами лѣзутъ на сцену...

— Я ее слушалъ: это нѣчто совсѣмъ исключительное.

— Да вѣдь у васъ, мужчинъ, всегда такъ.. Повиснетъ дѣвушка на шеѣ, застонетъ—вы и давай открывать таланты... Она мнѣ тоже читала...

— Какъ, и вамъ?...

— Ну, разумѣется!.. Лѣзла, лѣзла... Чтобы отвязаться, я какъ-то и приняла ее... Стала она читать монологъ Маріи изъ „Керимъ-Гирея“... Ну, я не выдержала и расхохоталась... Богъ знаетъ что такое!.. Ничего не разберешь: задыхается, стонетъ... Фу!.. Кривлявъ не люблю.

— Все-таки, Надежда Степановна, надо помочь...

— Охъ, ужъ эти подписки!.. Конца имъ нѣтъ...

— Да не о подпискѣ рѣчь: помочь ей пристроиться на выходѣ.

— Вы съ ума сошли!.. Такую-то въ театръ?

— Почему же нѣтъ?.. Вынести письмо или сказать пару словъ—не Богъ вѣсть что.

Примадонна даже обидѣлась.

— Я-то тутъ при чемъ? Поговорите съ Люковой или съ Олимпійцемъ... Только во что она одѣваться будетъ?

— Съ міру по нитѣй—голому рубашка. Хламу-то у васъ много... соберите кое-что...

Пристальный взглядъ.

— Вамъ это надо?..

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Клянусь—тутъ чистое искусство...

Беру ее набѣленную руку и цѣлую въ ладонь (чтобы не стереть бѣлизны, разумѣется).

— Вѣдь вы добрая... Такъ только пугаете...

Шлепокъ по щекѣ.

— Хорошо... соберу... а пристраивать—это уже ваше дѣло, мужчинское..!

— Въ бенефисъ—займете?..

— Милый, да что же ей дать?

— Говорю—на выходѣ!.. Ну, два слова какихъ-нибудь...

— Увидимъ...

— Надежда Степановна...

— Уходите!.. Второй звонокъ—а я еще безъ платья.

Складываю ладони, умильно наклонивъ голову.

— Прелестъ... ангель доброты... на выходѣ...

Рововая туфля поднимается на воздухъ.

— Ну?!

Посылаю воздушный поцѣлуй и медленно проскальзываю въ дверь.

Рядомъ—высокая рулада... „Энженю“ пробуетъ голосъ... „Ладно!.. примадонна-то—наша“!..

Лечу къ режиссеру. Тотъ одержимъ маніей величія, почему въ труппѣ его и окрестили Олимпійцемъ. Въ сущности, это человекъ добрый.

Олимпіецъ игралъ; я застаю его поправляющимъ румяна на щекахъ,

Недоумѣвающіе взгляды, пожатія плечъ — все какъ слѣдуетъ.

— Я-то при чемъ? Обратитесь къ Люковой...

— Къ Люковой я пойду только отъ васъ...

Это смягчаетъ первоначальную интонацію.

— Хорошо... Когда понадобится—займу.

Антрепренерша—уже немолодая дѣва, существо мягкое, безвольное и презирающее актеровъ, растерянно мямילה: „Къ чему, зачѣмъ? труппа и безъ того полна“.—Въ результатѣ—на мои клятвы, что примадонна даже отдаетъ Верескѣ половину своего чуднаго гардероба—объявила: если режиссеръ нашелъ это возможнымъ и нужнымъ, то противъ участія г-жи Верески въ спектакляхъ она ничего не имѣетъ, но безъ жалованья, на разовыхъ, поднятыхъ до одного рубля.

IV.

Первый выходъ „черной дѣвушки“, взявшей фамилію Назаровой, былъ назначенъ въ бенефисъ примадонны. Дебютантка должна была изобразить камеристку, докладывающую о приходѣ портного. Затѣмъ на сценѣ происходитъ примѣрка бального платья. Примадонна спрашиваетъ: хорошо ли она дѣлаетъ реверансъ; камеристка отвѣчаетъ, что „очень хорошо-съ!“, затѣмъ собираетъ картонку и уходитъ. Вотъ и вся роль.

Зная капризность бенефициантки, я трусилъ. Дебютантка могла сконфузиться, промолчать, сказать не въ-время, не сумѣть подать платье, и въ концѣ концовъ или совсѣмъ не уйти со сцены,—что тоже бываетъ,—или уйти не въ ту дверь.

Первые дни Вереска являлась ко мнѣ аккуратно. На третьемъ же урокѣ она стала читать громче и правильнѣе, слѣди за акцентомъ и, что важнѣе всего въ данномъ случаѣ, сама научилась ловить себя на неправильномъ произношеніи. О тщательномъ изученіи роли камеристки я уже и не говорю... Она меня этими двумя фразами положительно измучила. „Да такъ

ли, да хорошо ли, да не лучше ли такъ “...—тысячу разъ кланялась, входила, выходила, дѣлала реверансы, улыбалась, удивлялась, восторгалась, всплескивала руками, какъ бы одѣвала и раздѣвала меня передъ воображаемымъ трюмо... Но вотъ и репетиція.

Въ пьесѣ участвовала вся труппа. Нечего и говорить, какіе взгляды и замѣчанія выдержала дебютантка. Ее обстрѣливали со всѣхъ сторонъ, маленькія актрисы презрительно сторонились. Олимпіецъ глядѣлъ съ мрачнымъ недоумѣніемъ. Несчастная дрожала какъ листъ.

Кто изъ актеровъ не знаетъ, что репетиція для дебютанта куда мучительнѣе самого спектакля!.. Тамъ и костюмъ, и гримировка какъ бы наладываютъ маску, за которой чувствуешь себя гораздо покойнѣе. Наконецъ—тамъ имѣете дѣло съ публичной, т.-е. съ судьями болѣе или менѣе безпристрастными.

Не то на репетиціи. Здѣсь судьи всегда жестоки, безжалостны, грубы и пристрастны елико возможно. Ядовитыя улыбки, смѣхъ, какъ бы невзначай брошенное слово — дѣлаютъ свое дѣло: дебютантъ окончательно теряетъ равновѣсіе; ему кажется, что онъ летитъ въ какую-то темную, удушливую бездну...

Конечно, моя Вереска съ пераго же шага оглохла и ослѣпла... Конечно, она была смѣшна съ своей потерянной, жалкой улыбкой, съ дрожащими поломанными перьями на шляпкѣ, съ слезами на глупо вытаращенныхъ глазахъ, съ трясущимися руками и ногами.

И все это изъ-за двухъ фразъ? Да, но сказать двѣ фразы куда труднѣе, чѣмъ сыграть настоящую роль. Нѣтъ времени овладѣть собой, услышать собственный голосъ. Только оправился — глядь, а роль ужъ и сыграна и не на чемъ отыгратъся...

— Помните: кричите!..—шепнуть я передъ самымъ выходомъ дебютантѣ, и направился въ рампѣ, гдѣ у суфлерскаго столика величественно возвышалась фигура Олимпійца.

Какъ разъ когда Вереска появилась въ дверяхъ, я спросилъ его, читалъ ли онъ сегодняшнюю рецензію? (Въ ней хвалили Олимпійца за наканунѣ сыгранную роль.)

— Чтò?.. Нѣтъ... просматривалъ... Винавать... позвольте, сейчасъ... Съ начала, съ начала!.. Позвольте выходи, я не слышалъ!..

Больше мнѣ ничего и не надо было. Задавая вопросъ Олимпійцу, я однимъ ухомъ уловилъ какой-то безпомощный лепетъ камеристки.

Повторить-то она, конечно, лучше...

Примадонна сидитъ съ обиженно-изумленнымъ видомъ... Она уже злится...

Помощникъ, щипля бороду, высочилъ впередъ.

— Пожалуйте къ выходу... Еще разъ!

Вереска стоитъ съ недоумѣніемъ, глядя на насъ.

— Повторяютъ, пожалуйста!.. Ну-съ?.. Что же вы?..

— Идіотка!..—буркнула примадонна, поведя плечами.

Кругомъ смѣшви.

— Будьте любезны повторить, я не слышала, — процѣдаль Олимпіецъ холодно и строго.—Не задерживайте репетицію...

Наконецъ, та догадалась.

„Г. портной Оберни проситъ позволенія у герцогини войти. Онъ принесъ бальное платье“.

Вошла хорошо, реверансъ сдѣлала отчетливо, проговорила внятно.

Олимпіецъ поправилъ пэнсъ-нэ.

— У васъ слышно: „*позволенія*“... Не „*позволенія*“, а „*позволенія*“. Во-вторыхъ, зачѣмъ реверансъ?..

Примадонна обидѣлась еще больше, но уже на режиссера: реверансъ было ей указаніемъ!

— Если лакеи кланялись во время доклада, значитъ—камеристки дѣлали реверансы!

— Хорошо, но... почему же реверансы? Мнѣ кажется, просто поклонъ... Дамы, я понимаю, но камеристки...

— Вотъ именно камеристки!.. Это не современные горничныя!..

— Да мнѣ рѣшительно все равно,—понялъ наконецъ режиссеръ происхожденіе реверанса. — Отъ этого ни ваша роль, ни пьеса ничего не выиграютъ и не проиграютъ...

Примадонна вскочила.

— Нѣтъ, вотъ именно моя роль проиграетъ!.. Потому что въ слѣдующей сценѣ я прохожу цѣлый урочъ реверансовъ, и то, что горничная кланяется лучше меня, отгвняетъ мою роль, мое происхожденіе...

Олимпіецъ поднесъ обѣ руки къ лицу ладонями наружу.

— Извольте, извольте.

— Повторите, пожалуйста, такъ нельзя... Это не репетиція...—простонала примадонна въ сторону Верески.

Я уже былъ на выходѣ и снова шепнулъ:

— Сдѣлайте полуреверансъ, слегка.

На этотъ разъ прошло совсѣмъ хорошо. Герцогиня сидѣла

спиной, слѣдовательно не видѣла ея полупоклона, а „*музволенія*“ замѣнилось— „*позволенія*“.

Олимпіецъ кивнулъ головой, репетиція продолжалась.

Сцена съ переодѣваніемъ была отложена до генеральной, и притворно-восторженное: „Очень хорошо-съ!“ попало на мѣсто и довольно удачно.

Спектакль...

Что о немъ сказать?.. Одѣлась Вереска прекрасно и была очень мила въ своемъ бѣломъ чепчикѣ, походя на невиннаго младенца... Полуреверансъ, докладъ и „очень хорошо-съ“ — миновали превосходно. Много аплодировали—примадоннѣ, конечно, подносили массу цвѣтовъ, подарковъ...

Вереска восторженнымъ взоромъ слѣдила за ходомъ спектакля. Она упивалась этой чадной атмосферой, утопая въ блаженствѣ отъ осязанія бѣлиль и румянъ на своемъ лицѣ, отъ вида самой себя въ коротенькой юбочкѣ, отъ сознанія, что и она незамѣтнымъ винтикомъ попала въ грохочущую машину, что она—*актриса*, что богъ, ея дивный, чарующій богъ—такъ близокъ, что робкой, дрожащей рукой и она кладетъ свою крошечную долю ойміама на золотую курильницу его священнаго алтаря...

V.

Занятія наши прервались сами собой. Нѣсколько разъ, утомленный бессонными ночами, я просто проспалъ время уроковъ, потомъ и ученица стала манкировать... Правда, успѣхи она дѣлала большіе, но играть ужъ ей не давали. Помимо камеристки, заняли еще два или три раза—безъ словъ, вотъ и все...

Какъ-то въ началѣ января она пришла ко мнѣ очень блѣдная, худая и объявила:

— Уѣзжаю...

— Куда?..

— Домой...

— А театръ?..

— Я вернусь... О, я вернусь!..

На всѣ разспросы она мучительно повторяла:

— Надо, надо...

Къ чему я разспрашивалъ?.. Довольно было взглядѣться въ эти провалившіеся глаза.

„Черная дѣвушка“ просто изнемогала отъ нужды. На дворѣ стояли жестокіе морозы, а та же ветхая драповая кофточка еле

прикрывала ея похудѣвшія плечи. Гдѣ она обѣдала? Не знаю. Она получила изъ театра всего девять рублей и прожила на нихъ всю зиму, платя за каморку гдѣ-то на окраинѣ по два рубля въ мѣсяцъ. Оставались гроши. Какъ жить?.. О, другія находятъ пути... и вельзя винить ихъ... Вѣдь ѣсть необходимо...

Очевидно, Вереска не могла сломить своей чистой дѣтской, глубоко талантливой натуры...

Наканунѣ я заплатилъ въ ресторани двадцать съ чѣмъ-то рублей... Мнѣ стало больно... и серебряные вѣнки на стѣнахъ показались отвратительны.

Я придвинулся ближе.

— Возьмите у меня немножко денегъ.

Она, какъ подкошенная, склонилась на столъ и зарыдала.

Я глядѣлъ на эти дрожащія плечи и думалъ:

„Да, не твои силы и не твой талантъ нуженъ, чтобы проложить себѣ дорогу на нашемъ подломъ болотѣ... Всѣ искусства ведутъ къ поднятію духа, стремятся оторвать человѣка отъ звѣря. Такъ понимаютъ, такъ и относятся къ гѣмъ, кто имъ честно служить. Да, всѣ—кромѣ нашего. Къ чему лицемерить?.. мы служимъ не искусству, а толпѣ, ея развлеченію и разврату. Такъ всегда было, во всѣ времена, такъ и теперь. Театръ—школа?.. Почему же на преподавательницъ этой школы смотреть какъ на доступныхъ женщинъ?.. Почему званіе музыкантши, художницы, писательницы не кладетъ этого клейма?.. Вѣдь исторія не говоритъ, что онѣ отличались образцовой нравственностью. Почему однѣ могутъ встрѣтить поддержку въ обществѣ путемъ стипендій, пособій, а другія—только продажей своего тѣла или происками завуалисныхъ интригъ?.. Значитъ, мы служимъ не искусству... Да и есть ли оно?.. Не пройдетъ ли еще много вѣковъ, прежде чѣмъ театральная школа станетъ на ряду съ академіей художествъ, консерваторіей или университетомъ... Да и станетъ ли когда-нибудь“?..

Вереска отдышалась.

— Благодарю васъ... Не надо.

— Я не разорюсь...

— А дальше какъ?..

— Дальше?.. Получите мѣсто и возвратите.

— Получу мѣсто?.. Нѣтъ, я не скоро получу мѣсто... Надо переждать...

Настаивать... когда она права... Я слишкомъ хорошо зналъ театръ, чтобы не понимать этого...

Мы простились...

Я поцѣловаль руку „черной дѣвушки“, не боясь испортить бѣлизну, — она была чиста...

Сезонъ оконченъ, всѣ разъѣхались.

VI.

Новый сезонъ, новый городъ...

Получаю письмо... Почеркъ убійственный, кривыя буквы лѣзутъ во всѣ стороны... Видны бессильныя старанія загнать ихъ въ строчку... Тутъ влясы, тамъ потеки, какъ будто отъ слезъ.

„Наконецъ-то узнала вашъ адресъ... Ахъ, какъ много, много надо сказать!.. Я все еще дома... Каждый день ложусь и встаю съ мыслью о васъ и о театрѣ... Неужели не скоро наступитъ минута, когда можно будетъ вернуться къ вамъ?.. Не бойтесь, я больше не буду надоѣдать вамъ ни просьбами, ни слезами, ни своимъ ужаснымъ чтеніемъ и игрой... Я теперь сама занимаюсь тайкомъ... У меня отобрали всѣ книги и тетради, но я кое-что припрятала... Чтобы не попасться, ухожу въ садъ и провожу все время на деревьяхъ... Тамъ меня слушаютъ только птицы... за то мечты уносятъ далеко-далеко... Какъ мнѣ стыдно за первое впечатлѣніе, которое я произвела на васъ, которое всегда производила и на другихъ... Правда, я была больна... Я помню ваши совѣты, и все думаю о здоровьѣ... Мнѣ кажется, я очень, очень поздоровѣла... Только почему-то грудь ноетъ сильнѣй и сильнѣй и въ ухахъ шумить... Нѣтъ, я не могу вамъ лгать!.. Я написала: „почему-то“ — и мнѣ стало стыдно... Я вамъ признаюсь... Этой весной, только тронулась рѣка — такая невыразимая тоска охватила меня, такъ потянуло и за облачками, свободно убѣгавшими вдаль, и за льдинками, уносимыми рѣвкой... что я хотѣла утопиться... Свѣтило солнце, меня видѣли и скоро нашли... Я захворала, мнѣ обрили голову... Теперь я почти здорова, вотъ только шумъ въ ухахъ... Это меня страшно мучить... Неужели я оглохну?.. Какъ же я буду играть“?..

Въ концѣ было:

„Умоляю: откликнитесь на мое письмо, поддержите мой духъ... Я изнемогаю... Хоть двѣ строки!.. Вѣдь вы въ моемъ раю!.. Каждое ваше слово будетъ для меня голосомъ неба... Хоть что-нибудь“!..

А вотъ еще P. S.:

„Меня все сватаютъ за помѣщика... но я борюсь... Я его просто возненавидѣла съ тѣхъ поръ, какъ онъ назвалъ театръ

„чортовымъ балаганомъ“... Нѣтъ, нѣтъ, ни за что!.. Вѣдь это равносильно навсегда отказаться отъ искусства, равносильно смерти“...

Письмо застало меня самого угнетеннымъ и желчнымъ болѣе, чѣмъ когда-либо. Я отвѣтилъ слишкомъ правдиво, слишкомъ рѣзко:

„Неужели вы не убѣдились, проведя годъ за кулисами подъ градомъ глумленій и чуть не умирая съ голоду, что театръ не для васъ?!.. Вы все грезите о какихъ-то идеальныхъ режиссерахъ, священнодѣйствіи... Нѣтъ этого!.. Нѣтъ и нѣтъ!.. Нашъ театръ—торговое предпріятіе, а не храмъ!.. Нужна кожа гипопотама, мозги идиота или самоувѣренная наглость, чтобы пройти къ намѣченной цѣли. Бросьте иллюзію, не мучьте себя напрасно!.. Идеальные режиссеры и антрепренеры, безкорыстно помогающіе талантамъ стать на ноги, живутъ только въ воображеніи гимназистокъ... Поймите же, наконецъ: у насъ легко дѣлаютъ карьеру или жены и любовницы покровителей, заправиль, вліятельныхъ актеровъ, рецензентовъ,—или пройдохи, умѣющія водить за носъ, но не брезгающія ничѣмъ остальнымъ. Развратъ, деньги и реклама—вотъ три рычага, возносящіе на пьедесталь. Умѣнье повернуть одинъ изъ нихъ—талантъ, идущій впереди таланта актрисы. Безъ него—тяжелая, неблагодарная лямка, полутѣнь и нужда, висящая надъ головой, какъ камень, готовый сорваться каждую минуту: Быть хорошей матерью и воспитать честныхъ людей—куда выше, чѣмъ, теряя по дорогѣ совѣсть, разумъ и сердце, наконецъ взобраться на пьедесталь... Хорошо—взберетесь, но придетъ минута, оглянетесь на себя и страшно станетъ: во чтѣ, во что вы превратились!.. Все изломано, издергано, забрызгано грязью... Что-то завистливое, злобное, лицемѣрное очутилось тамъ, гдѣ еще недавно живымъ ключомъ били чувства, способныя на добро... Помните Матрену?.. Она по-своему опредѣлила: „Городъ-то, городъ, все пожретъ“!.. И вѣрно,—пожретъ“!..

Можетъ быть, я сгустилъ краски, но я ихъ не выдумалъ, я взялъ ихъ съ натуры... Тѣмъ не менѣе, дня черезъ два сомнѣніе и страхъ овладѣли мной... Да вѣдь такой отвѣтъ измученной, больной, страдающей дѣвушкѣ равносильно удару ножомъ въ сердце! Не теряя ни минуты, пишу второе письмо, предлагая денегъ на проѣздъ и хлопоты по устройству дебюта—отвѣта нѣтъ и нѣтъ...

Вскорѣ я успокоился и махнулъ рукой... Тѣмъ лучше... При всѣхъ удачахъ—наслажденія первыхъ минутъ пронесли бы вых-

ремь, а тамъ—разочарованія, горечь... Ей, вотъ именно ей, было бы очень тяжело...

Вѣроятно, поразмыслила и вышла замужъ за не „очень блѣднаго помѣщика“... а можетъ быть—повѣсилась на излюбленной вѣткѣ, но ужъ ночью, чтобы никто не видѣлъ.

Вотъ и три года миновали... а о „черной дѣвушкѣ“ ни слуху, ни духу...

Такъ и погасъ этотъ блѣдный, робкій лучъ невзшедшаго солнца на нашемъ парусиновомъ небѣ... Понятно—почему!.. Настоящее солнце для парусины не годится. Нуженъ рефлекторъ изъ стали, два уголька вольтовой дуги и мѣдный проводникъ... Тогда солнце свѣтитъ и ночью...

„Общая участь“... какъ говорить Гораціо у Шекспира—а я добавлю: участь всего живущаго идеаломъ въ нашъ... *реальный* вѣкъ...

Григорій Ге.

ИЗЪ ГОРДОСТИ.

Эскизъ изъ романа: „Par orgueil“, m-lle Marie Anne de Bovet.

I.

— И что бы вамъ найти мужа для моей внучки!—говорила часто своимъ знакомымъ дамамъ адмиральша де-Рошморъ. Ей неизмѣнно возражали тѣмъ, что mademoiselle Сибилла такъ прелестна, что ей будетъ не трудно самой найти себѣ мужа.

Но старуха покачивала скептически головою, хорошо зная, что нѣтъ ничего хуже для дѣвушки, какъ принадлежать къ богатой семьѣ, не имѣя собственнаго состоянія. Адмиральша имѣла, правда, сто тысячъ франковъ годового дохода, но изъ нихъ двадцать тысячъ составляли ея вдовью пенсію, а остальное придется раздѣлить послѣ ея смерти между четырьмя ея дѣтьми: тремя замужними дочерьми и сыномъ, капитаномъ перваго ранга. Второго ея сына, Жоффрау де-Рошмора, бывшаго секретаря французскаго посольства въ Константинополь, не было уже въ живыхъ.

Жоффрау де-Рошморъ, женатый на лэди Гильдѣ Кольвинъ, дочери англійскаго посланника и безприданницѣ, обладалъ умомъ живымъ и острымъ, но склоннымъ къ химерамъ и нѣсколько страннымъ. Онъ былъ бутылка и игрокъ, вѣчно нуждался въ деньгахъ, и кончилъ тѣмъ, что, бросивъ дипломатію, занялся финансовыми операціями на Востока. Ему везло лѣтъ десять подрядъ. Зимомъ онъ жилъ въ Египтѣ съ женой и двумя дѣтьми, дочерью Сибиллой и сыномъ Джеральдомъ, а лѣтомъ—его жена и дѣти гостили у родныхъ, то въ Англіи, то во Франціи. Затѣмъ Джеральда помѣстили въ іезуитское училище въ Парижѣ, поручивъ

надзоръ за нимъ бабѣ, адмиральшѣ де-Рошморъ. Кончивъ курсъ, онъ поступилъ въ Сень-Сирскую школу; Сибиллѣ только что минуло 15 лѣтъ, когда она и братъ ея осиротѣли. Мать ихъ скончалась въ Каирѣ, а Жоффруа уѣхалъ съ дочерью въ Парижъ, явился немедленно къ адмиральшѣ и объявилъ ей напрямикъ:

— Я разорился; потеря милости хедива, неудачныя операціи,—словомъ, я лишился всего, но долговъ у меня нѣтъ, и честь осталась неприкосновенной. Я уѣзжаю въ Техасъ. Говорятъ, тамъ можно при энергіи разбогатѣть на коннозаводствѣ. У меня есть тамъ старый товарищъ, и я вступаю съ нимъ въ компанію... Оставляю вамъ Сибиллу; вы теперь—ея единственная опора. Простите причиненныя вамъ мною огорченія; я самъ теперь искупаю прошлое тяжелой цѣной. Но краснѣть вамъ за меня не придется, я не сдѣлалъ ничего безчестнаго... Благоговите меня, тамап, мы долго не увидимся.

На другой день онъ уѣхалъ, а черезъ недѣлю пришла телеграмма отъ французскаго консула въ Нью-Йоркѣ, увѣдомлявшая адмиральшу, что наканунѣ прибытія парохода графъ де-Рошморъ, чистя свой револьверъ, нечаянно застрѣлился. Адмиральшѣ припомнилось волненіе сына при прощаніи съ нею,—волненіе, несвойственное его твердой натурѣ, и она поняла, что смерть эта не была случайностью. Она не ошибалась: Жоффруа не зналъ никого въ Техасѣ, а уѣхалъ такъ далеко только для того, чтобы обставить свое самоубійство какъ можно правдоподобнѣе, конца же плаванія онъ дождался для того, чтобы не быть опущеннымъ въ море, а погребеннымъ на родинѣ, въ гробницѣ предковъ.

Несмотря на свои преклонные годы и сопряженные съ ними немощи, адмиральша сохранила крѣпость духа. Она хорошо поняла, почему сынъ ея лишилъ себя жизни, и хотя порицала его, какъ христіанка, но извиняла, какъ свѣтская женщина, понимающая, что онъ не могъ перенести потери всего своего положенія. Она скрыла правду отъ Сибиллы и скоро привязалась къ ней нѣжнѣе, чѣмъ къ ея покойному отцу, котораго всегда рѣдко и мало видѣла. Но, несмотря на всю свою любовь къ ней, она не могла оставить ей по завѣщанію болѣе двѣсти тысячъ капитала; она только рѣшила—дать ей эту сумму въ приданое, въ счетъ наслѣдства. Само по себѣ приданое было недурно, по о mademoiselle де-Рошморъ принято было думать, что она не можетъ жить въ скромной обстановкѣ. И кавалеры призадумывались.

Сама Сибилла, благоразумная по природѣ, не стремившаяся ни къ роскоши, ни къ удовольствіямъ, была убѣждена, что не дорожить богатствомъ, какъ это свойственно людямъ, не испытавшимъ лишеній. Широкое довольство окружало ее въ домѣ отца и у родныхъ въ Англіи; то же самое нашла она и въ домѣ бабушки. Мыслимо ли приучать къ умѣренности дѣвушку-безприданницу, растущую среди роскоши, когда къ ея услугамъ и лошади, и экипажъ, и цѣлый полкъ прислуги? Адмиральша понимала, что переходъ отъ этой роскоши къ иной жизни будетъ очень тягостенъ для Сибиллы, если его не скраситъ бракъ по любви. Но подобные браки рѣдкость, и къ тому же нельзя сказать, чтобы они были наиболѣе счастливыми. Будь еще Сибилла красавицей, ее было бы легче пристроить, хотя и большой красоты мужчины побаиваются, если не могутъ предложить взаимнѣе большого богатства.

Но Сибилла не была ни красавицей, ни дурнушкой; у нея были чудесные свѣтло-золотистые волосы, воздушные, пушистые, непокорные, обрамлявшіе ореоломъ ея лицо; хорошо сложенная, хотя еще худощавая, она отличалась превосходнымъ цвѣтомъ лица и ослѣпительною бѣлизною зубовъ. Глаза ея были невелики, но живые, неопредѣленнаго зеленовато-сѣраго оттѣнка; въ минуты оживленія въ нихъ мелькали огненные искорки, какъ у молоденькаго, еще невѣроломнаго котенка. Остальныя черты лица были неправильны, ротъ немного великъ, носъ средній. Снисходительные судьи признавали за нею красоту молодости, но сужденіе это было ошибочно: красота молодости, сотканная всецѣло изъ свѣжести и чистоты, скоропреходяща, а бываетъ другая красота—духовная, исходящая изнутри и развивающаяся подъ вліяніемъ жизненнаго опыта, страсти, свободнаго расцвѣта личности. Внимательный наблюдатель подмѣтилъ бы въ Сибиллѣ именно подобный темпераментъ, удѣлъ великихъ чаровницъ, волшебныя чары которыхъ берутъ начало въ неисчерпаемыхъ тайникахъ ихъ души. Характеръ у нея былъ симпатичный и веселый, натура рѣшительная, хотя и разсудительная; она отличалась тактомъ, деликатностью и полной непринужденностью дѣвушки изъ хорошей семьи, увѣренной въ себя и всегда умѣющей удержаться на должной чертѣ между смѣлостью и застенчивостью. Полная жизни и здоровья, она обладала утонченно-гордой душой, но не сознавала своей внутренней сложности; отъ бабушки она унаслѣдовала прямоту сужденій, ясный и положительный умъ, а англо-саксонская кровь ея матери привила ей энергію, выносливость, пренебреженіе къ опасности и пре-

зрѣніе къ слабости. Была ли въ ней частица испорченности отца—то было тайной ея дѣвственной души.

Къ браку Сибилла не питала никакого отвращенія, но не вносила въ этотъ вопросъ ни малѣйшей сантиментальности: она считала, что выйти замужъ ей такъ же необходимо, какъ брату ей необходимо служить. И то, и другое—нормально. Весь вопросъ лишь въ томъ, за кого ей выходить. О любви она не мечтала потому, что не отличалась мечтательностью, а также и потому, что слишкомъ ясно сознавала, что любовь—роскошь, безъ которой множество женщинъ прекрасно обходятся. „Съ милымъ рай и въ шалапѣ“—это не прельщало ея; за деньгами она не гналась, но и спускаться съ высоты своего общественнаго положенія не желала. Она готова быть милой, преданной и вѣрной подругой для своего будущаго мужа, но нѣкоторая привязанность между супругами представлялась ей необходимой сверхъ всего.

Этимъ дѣло, впрочемъ, не ограничивалось. Аристократка по природѣ, Сибилла не хотѣла выходить замужъ за человѣка простаго происхожденія, не изъ тщеславія или высокомерія, а въ силу того убѣжденія, что ей легче ужиться съ равнымъ себѣ. За титуломъ она не гналась,—титулъ всегда можно купить, но дорожила родовитостью, связями, чистотою крови. Пристроиться при такихъ условіяхъ ей было трудновато, и хотя въ душѣ адмиралша была согласна съ нею, но все же осталась недовольна отказомъ Сибиллы выйти замужъ за сына разбогатѣвшаго подрядчика, Жюля Лабургада. Сибилла оставалась глуха на всѣ уговоры бабушки. Она заранѣе примиряется съ замужествомъ безъ энтузіазма, но не можетъ однако чувствовать къ мужу отвращеніе; а эти грубые, разбогатѣвшіе выскочки, лишь слегка подернутые лакомъ цивилизаціи, внушаютъ ей одно это чувство. Да и самое его богатство черезчуръ колоссально,—можно довольствоваться меньшимъ, и напрасно бабушка увѣряетъ ее, что дѣло не въ знатномъ имени, а въ одномъ богатствѣ!—вѣдь сама же она надѣется, что Джеральдъ сдѣлаетъ выгодную партію именно потому, что онъ—графъ де-Рошморъ. И господинъ Лабургадъ влюбленъ не въ нее, а во всѣхъ ея предковъ, адмираловъ, генераловъ, звѣздоносцевъ и посланниковъ. Генеалогическое дерево ея рода, фамильные портреты, гипнотизируютъ его. А вѣрно, все это имѣетъ цѣнность, если онъ предлагаетъ въ обмѣнъ свои семь или восемь милліоновъ. Она знаетъ, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ найти для нея вполне подходящаго мужа въ ихъ кругу, но и вводить въ свою среду сына какого-то каменщика—по меньшей мѣрѣ неудобно.

— Да будь еще дѣло только въ этомъ,—докончила Сибилла, видя, что бабушка побѣждена:—миѣ могли бы доказать, что я просто тщеславна и глупа. Но передъ чувствомъ всѣ доводы безсильны. А этого человѣка я не только не могла бы полюбить, но прямо возненавидѣла бы. И подумайте, что тогда могло бы случиться... Вѣдь грѣхъ палъ бы на вашу голову, бабушка...

Подобный аргументъ былъ вызванъ самымъ воспитаніемъ, даннымъ Сибиллѣ старухой, познакомившей ее съ жизнью, а потому адмиральша только улыбулась. Лабургадь получила вѣжливый отказъ, но отнынѣ на просьбы адмиральши пристроить ее внучку отвѣчали уклончиво, думая про себя: „черезчуръ ужъ барышня разборчива“.

Однако одинъ изъ окружавшихъ Сибиллу мужчинъ внушалъ одно время смутныя надежды адмиральшѣ. То былъ нѣкій Фабрицій Пизани, съ которымъ Сибилла встрѣтилась у своей тетки, г-жи Дорѣ де-Флэксъ, бездѣтной и богатой женщины, очень сердечно относившейся къ Сибиллѣ. „Красавецъ Пизани“—такъ величали его въ свѣтѣ, на языкѣ котораго слово это выражаетъ не физическую красоту, а ту совокупность изящества и элегантности, что создаетъ успѣхъ подобнымъ мужчинамъ. Это—„декоративные“ господа, всюду бывающіе, вездѣ пріятные—салонныя знаменитости. Отецъ его былъ итальянецъ и принадлежалъ къ хорошей семьѣ; мать—француженка, а самъ онъ родился во Франціи и перешелъ во французское подданство. Совершенно свободный и обладающій недурнымъ состояніемъ, онъ велъ утонченную, лѣнивую жизнь дилеттанта. Какъ это часто случается съ богато и разнообразно одаренными натурами, которымъ незначѣмъ извлекать матеріальную пользу изъ своихъ природныхъ способностей, онъ бесплодно разбрасывался, рисовалъ изящныя картинки, писалъ изысканные стихи. Но, глубоко понимая и любя искусство, онъ самъ сознавалъ недостатки своихъ произведеній, и если преподносилъ, когда было нужно, свои сонеты, триолеты и рондо, блестящіе по формѣ и чисто итальянскіе по духу, прекраснымъ дамамъ, за которыми ухаживалъ, то нивогда своихъ стиховъ не печаталъ. Не выставялъ онъ также нигдѣ и тѣхъ хорошенькихъ картинокъ, что раздаривалъ своимъ знакомымъ.

— Къ чему? — говорилъ онъ:—литераторовъ и художниковъ и безъ того слишкомъ много. Впрочемъ, ни одинъ истинный артистъ не любитъ тѣснаго общенія съ толпой, и дѣлаетъ это только по неволѣ. А когда имѣешь счастье въ томъ не

нуждаться, — съ какой стати отдавать себя живьемъ на съѣденіе зѣвакамъ, ядовитымъ критикамъ и вѣроломнымъ льстецамъ!

Онъ отличался такою музыкальною памятью, что могъ сыграть на роялѣ и спѣть любую Вагнеровскую оперу, прослушавъ ее всего разъ; но самъ не согрѣшилъ ни однимъ романсомъ, потому что подобное любительство представлялось ему глупой претензіей. Не желалъ онъ быть и салоннымъ виртуозомъ, и садился играть только тогда, когда чары музыки могли служить ему подспорьемъ въ дѣлѣ оболъщенія: вѣдь волшебные звуки музыки будятъ желанія, ослабляютъ волю, усыпляютъ совѣсть. Это пренебреженіе къ салоннымъ успѣхамъ, отличительная черта его характера, проистекало не изъ скромности, а изъ нѣкотораго высокомерія. Онъ наслаждался прекраснымъ, отворачивался отъ уродливаго и постоянно вращался въ свѣтѣ, гдѣ всегда ловко, блестяще и изящно разсуждалъ объ искусствѣ и любви, вѣчныхъ темахъ свѣтской бесѣды. Словомъ, то былъ чистѣйшій типъ дилеттанта.

Онъ оставался такимъ и въ любви, въ которую вносилъ болѣе воображенія, нежели чувственности, и на которую смотрѣлъ тоже какъ на художественное наслажденіе. Довольно холодный по темпераменту, онъ велъ себя подлѣ каждой женщины такъ, что она могла считать его безумно влюбленнымъ въ нее, тогда какъ на дѣлѣ ни одна изъ нихъ не кружила ему головы. Онъ не былъ ни скептикомъ, ни циникомъ, но, увлекаясь во всемъ красотою, онъ привыкъ считать нравственнымъ все то, что прекрасно, и это извратило его природную прямоту. Онъ никакъ не могъ согласиться со старой поговоркой, гласящей: „безобразенъ, какъ смертный грѣхъ“, и находилъ, что грѣховно одно безобразное. Не взирая на такую нравственную распущенность, онъ вовсе не былъ тѣмъ Донъ-Жуаномъ, какимъ его выставляли. Продажная любовь казалась ему невѣроятно глупой; волокитство за простой мастерицей оскорбляло его эстетическое чувство, и стоило ему начать интригу со свѣтской дамой, онъ пускался въ такіа ухищренія, что зачастую упускалъ удобную минуту, но быстро утѣшался, находя, что предварительныя смѣлыя ухаживанія куда интереснѣе самой влюбленности, которая можетъ завести невѣдомо куда.

Приглашая его погостить осенью въ своемъ замкѣ, тетка Сибиллы рассчитывала на сближающую дачную жизнь съ ея катаньями, гуляньями и садовыми играми, влекущими за собою постоянное непринужденное общеніе. Хотя Сибилла вообще держала себя непринужденно съ мужчинами, что вызывало даже нѣ-

которое осужденіе,—все же въ свѣтѣ молодыхъ дѣвушки всегда стѣснены. Взгляды Фабриція Пизани на взаимныя отношенія половъ были таковы, что не подходили къ дѣвическимъ приличіямъ, а потому онъ никогда не обращалъ вниманія на молодыхъ дѣвицъ. Но въ ту осень онъ только-что порвалъ съ одной давнишней связью, ему было немного скучно, и онъ внезапно заинтересовался здоровой и сильной натурой Сибиллы. Однако, искушеніе было весьма мимолетно, и стоило ему сопоставить свою эгоистически безпечальную жизнь съ супружескими обязанностями, какъ онъ немедленно отступилъ. Матеріальныя соображенія только поддѣржили его рѣшимость. Онъ не гнался за выгодной партіей, но и уменьшать свое благосостояніе ничуть не желалъ: приданого Сибиллы ей хватить едва на туалетъ, а привыкнувъ къ подобной роскоши въ жизни, она не можетъ оказаться благоразумной женой человѣка, годовой доходъ котораго не превышаетъ 30-ти тысячъ франковъ. Какъ эстетикъ, онъ даже не могъ представить себѣ Сибиллу въ иной рамкѣ. Въ тому же она сама ничѣмъ не ободряла его, влюбленность его не росла, и отношенія держались на почвѣ товарищества. Быть можетъ, ея сердце и открылось бы ему, постучись онъ въ него сильнѣе, но, несмотря на все свое пристрастіе къ любовнымъ опытамъ, онъ находилъ, что съ молодой дѣвушкой подобныя опыты не безопасны, потому что ведутъ прямо къ браку. Неотразимымъ онъ себя не считалъ, а быть принятымъ только потому, что партія онъ не дурная, онъ не хотѣлъ. И вотъ, поразмысливъ обо всемъ, онъ повинулъ замокъ де-Флэксъ, встрѣтился вскорѣ въ Ниццѣ съ professional beauty, лэди Родерикъ Сень-Моръ, и имѣлъ честь понравиться ей. Красавица брюнетка только-что поссорилась съ однимъ знаменитымъ теноромъ di forza, человѣкомъ грубымъ, и ее прельстилъ этотъ изящный, средняго роста, стройный Фабрицій, нервный, съ тонкими чертами лица, живыми и мягкими глазами, насмѣшливой и манищей улыбкой и курчавой темно-рыжеватой бородкой клиномъ.

Но когда Сибилла встрѣтила его вновь въ Парижѣ, онъ былъ уже свободенъ отъ чаръ знаменитой кокетки. Никто не зналъ, раздѣляла ли Сибилла разочарованіе своей родни, потому что она была необщительна, какъ это зачастую бываетъ съ веселыми, непринужденными натурами. Ни бабушка, ни тетя, не допрашивали ее—и все обошлось молчаливо.

Тѣмъ не менѣе, Сибилла начинала тяготиться своимъ ожидательнымъ положеніемъ. Ей было 24-е года, и она уже на-

чинала спрашивать себя, не напрасно ли отвергла сына подрядчика, какъ въ одинъ прекрасный вечеръ, на раутѣ въ англійскомъ посольствѣ, она встрѣтилась неожиданно съ своимъ кузеномъ со стороны матери. Клодъ Олифаунтъ, графъ Боклеркъ, былъ единственный сынъ и наслѣдникъ маркиза Лайсмора. Сибилла встрѣчала его въ дѣтствѣ, когда гостила у своихъ англійскихъ родственникововъ, а потомъ потеряла его изъ вида. Теперь ему было 32 года. Это былъ типъ чистѣйшаго аристократа-британца, здороваго и крѣпкаго, благодаря постояннымъ упражненіямъ въ спортѣ, обязательнымъ для каждаго джентльмена. У него были сѣро-голубые, стального блеска глаза, глядѣвшіе ясно и немного жестко, правильный, энергичный профиль, острые зубы, сверкавшіе здоровой бѣлизной изъ-подъ шелковистыхъ, бѣлокуро-рыжеватыхъ усовъ. Онъ былъ высокъ ростомъ и красивъ, безупречно-изященъ и корректенъ, со спокойно-увѣренной, нисколько не фатовской, но немного дерзкой осанкой, съ высокоомѣрными, немного пренебрежительными манерами.

Весьма неглупый и довольно образованный, онъ говорилъ на нѣсколькихъ языкахъ, исколесилъ чуть-ли не весь земной шаръ и имѣлъ знакомыхъ во всѣхъ столицахъ Европы. Не болтливый въ обществѣ, онъ держался безукоризненно, но кутежи, вино и карты—уже наложили на него свой отпечатокъ. Когда его представили адмиральшѣ, та пригласила его къ обѣду на другой же день; потомъ онъ катался съ Сибиллой на конькахъ въ Булонскомъ-лѣсу, ѣздилъ съ дамами въ оперу, гдѣ превѣжливо просмучалъ весь вечеръ, а въ другой разъ съезъ кухню и ея тетеу въ Новый-циркъ, гдѣ очень веселился, а затѣмъ они поѣхали поужинать въ ресторанъ. Онъ забавлялъ Сибиллу, какъ нѣчто совсѣмъ новое, но ни о чемъ серьезномъ она не думала, какъ вдругъ, танцуя какъ-то съ нею котильонъ, онъ спросилъ ее со своимъ равнодушно-спокойнымъ видомъ:

— А какъ вы думаете, кузина Сибилла, не выйти ли вамъ за меня замужъ?

— По правдѣ вамъ сказать,—отвѣчала она, смѣясь:—я совсѣмъ объ этомъ не думала, и вы захватили меня врасплохъ. Развѣ необходимо отвѣчать сейчасъ же?

— Да, желѣзо слѣдуетъ ковать пока оно горячо. Впрочемъ, тутъ, во Франціи, это вамъ покажется немного безцеремонно, хотя вы и полу-англичанка?

— Потому-то я и не очень удивлена. Все же, кузень, мнѣ необходимо переговорить съ бабушкой.

— Сколько у васъ усложненій!—замѣтилъ онъ лѣнивымъ,

скупающимъ тономъ, излюбленнымъ британскою золотою молодежью.—Завтра утромъ мнѣ необходимо уѣхать...

— А отложить отъѣздъ на нѣсколько дней нельзя?

— Невозможно, ма снѣге... Я получилъ телеграмму отъ моего тренѣра о болѣзни моей скаковой кобылы. Скачки близко, и мнѣ необходимо убѣдиться самому, въ чемъ дѣло, тѣмъ болѣе, что за послѣднее время мнѣ не везло.

— О, конечно, колебаться между вашей скаковой лошадейю и мною никакъ нельзя,—отвѣчала она съ улыбкой.

— Не сердитесь, Сибилла. Вы черезчуръ разсудительны для того, чтобы не понимать, что я не могу пренебрегать своими интересами.

— Я и не сержусь... Мнѣ забавно.

— Отлично. Сдѣлаемте такъ: я уѣду въ Калѣ не съ утреннимъ, а съ вечернимъ поѣздомъ, а вы дадите мнѣ отвѣтъ завтра до шести часовъ вечера.

— А если до тѣхъ поръ вопросъ не будетъ рѣшенъ?

— Тогда я повторю свое предложеніе черезъ недѣлю. Но къ чему тратить время даромъ? Жизнь такъ коротка, а размышленія такъ утомительны... и такъ бесполезны... Долго ли отвѣтить: да или нѣтъ?

Сибилла опять размѣялась и позволила ему придти за отвѣтомъ на слѣдующій день до пяти часовъ.

Узнавъ эту исторію, адмиральша сначала удивилась, но очень скоро сообразила, что внучка ея будетъ со временемъ маркизой Лайсморъ, одною изъ знатнѣйшихъ дамъ Великобританіи, и пришла въ восторгъ. Сибилла также разсудила, что замужъ выходить ей пора, предложеніе же вузена для нея вполне лестно, потому что онъ могъ сдѣлать болѣе блестящую партію. Когда ровно въ пять часовъ лордъ Боклергъ явился, помолвка состоялась.

Далѣе все шло такъ быстро, что задумываться было некогда. Женихъ торопился необыкновенно, и Сибилла охотно ему уступила, потому что къ ухаживаньямъ мужчинъ привыкла — и періодомъ жениховства не дорожила. Контрактъ былъ скоро подписанъ, и свадьба состоялась въ одной изъ аристократическихкихъ парижскихъ церквей, при самой блестящей обстановкѣ. Выходя подъ-руку съ мужемъ, чрезвычайно красивымъ въ живописной формѣ своего полка, Сибилла услышала восторженное замѣчаніе какой-то кумушки въ толпѣ:

— Какого, однако, красавчика подцѣпила!

Сибилла слегка покраснѣла, а по высококомѣрно-холодному лицу ея мужа промелькнула неуловимая усмѣшка.

Молодые уѣхали въ тотъ же вечеръ на Лаго-Маджіоре, а черезъ три мѣсяца лэди Боклеркъ вернулась одна и остановилась у бабушки. Графъ уѣхалъ, какъ было сказано, по дѣламъ въ Америку, а молодая женщина была въ такомъ положеніи, что сопровождать его не могла. Несмотря на основательность выставленныхъ предлоговъ, въ свѣтъ пошли разные слухи. Была ли тутъ супружеская драма,—никто не зналъ. Сибилла была непроницаема и много выѣзжала, слишкомъ много, говорили иные, находя, что ея поведеніе похоже на вызовъ. Но отъѣздъ Сибиллы въ Англію на лѣто къ роднымъ мужа положилъ конецъ всѣмъ толкамъ. Въ концѣ года она родила въ семьѣ мужа сына, и только тогда разрывъ между супругами сталъ очевиденъ. Сибилла проводила остатокъ зимы въ Италіи съ одной пріятельницей, а графъ, по слухамъ, сопровождалъ по свѣту какую-то кафе-шантанную пѣвицу. И тутъ всѣмъ стало понятно, почему семья ея мужа приняла такъ открыто сторону Сибиллы. Мало-по-малу унялись и самые злые языки. Въ Парижѣ лэди Боклеркъ бывала рѣдко и мало, а когда вскорѣ умерла ея бабушка, она переселилась и вовсе въ Лондонъ, гдѣ заняла въ свѣтъ видное мѣсто. Но Лондонъ далеко, и въ Парижѣ о ней забыли, какъ забывается всякій остывшій скандалъ.

II.

Какъ-то весною пріѣхалъ въ Лондонъ Фабрицій Пизани, у котораго были тамъ родственники. Хотя онъ не видалъ Сибиллы цѣлыхъ восемь лѣтъ, и хотя многіе женскіе образы заслоняли за это время ея образъ въ его сердцѣ, гдѣ она чуть-было не водворилась,—первый его визитъ былъ къ ней. Въ эпоху ея свадьбы онъ былъ на Востокѣ и узналъ ея исторію только изъ противорѣчивыхъ слуховъ. Всякая душевная тайна неотразимо манила его, и онъ много думалъ надъ оригинальной смѣлостью поведенія молодой женщины, явно оскорбленной въ своемъ достоинствѣ. Дома онъ ея не засталъ и сильно на это досадовалъ.

Вечеромъ онъ поѣхалъ въ оперу, гдѣ пѣли братья Решке и пѣвица Мельба. Огромная зала Ковентгарденскаго театра сіяла блескомъ брилліантовъ и бѣлизной женскихъ плечъ. Въ антрактахъ кузень Фабриція, сэръ Максвелъ, знавшій въ Лондонѣ всѣхъ и вся, развертывалъ передъ нимъ цѣлую скандальную хроніку большого свѣта. Скоро онъ обратилъ вниманіе Фабри-

ція на одну ложу бенуара, говоря ему, что вошедшее въ нее лицо—самъ герцогъ Корнваллисъ. И, обернувшись въ противоположную сторону, онъ добавилъ:

— А вотъ, разумѣтся, и лэди Боклеркъ въ ложѣ своей свекрови, лэди Лайсморъ.

— Лэди Боклеркъ?

— Ну, да, сама красавица Сибилла!..

„Красавица Сибилла“! Какъ странно звучали эти слова для Фабриція. Думалъ ли онъ, что mademoiselle де-Ропморъ заслужить когда-нибудь это прозвище? Онъ изумлялся происшедшей въ ней метаморфозѣ, хотя черты ея собственно не измѣнились. Она была задрапирована въ мягкія складки шолка Liberty, нѣжнаго тона блѣдной бирюзы, и сверкала брилліантами, но красиль ее не этотъ нарядъ. Только плечи ея замѣтно измѣнились, приобрѣли полноту и пышность тридцатилѣтняго возраста, когда женщина расцвѣтаетъ вполнѣ, не теряя прежней стройности и гибкости. Воздушные бѣловурые волосы окружали попрежнему ореоломъ ея молодое лицо. А между тѣмъ перемѣна въ ней была несомнѣнная, хотя и неувидимая! Это была другая женщина. „Она жила, вотъ и вся разгадка“,—подумалъ Фабрицій, добавляя мысленно:—„и какъ это можно влюбляться въ дѣвушекъ“? И онъ продолжалъ наблюдать за нею издали. Благоговѣнно слушала музыку публика,—публика Ковентгарденскаго театра, съ разборомъ аплодирующая, и, за исключеніемъ нѣмецкой публики, быть можетъ, единственная, не раздражающаяся аплодисментами вслѣдъ за послѣдней вокальной нотой, не дожидаясь конца всей симфонической идеи.

Въ антрактѣ Фабрицій прошелъ въ ложу лэди Лайсморъ, найти которую было нетрудно, благодаря обычаю выставлять на дверяхъ имя владѣльца ложи. Сибилла встрѣтила его привѣтливо, жалѣла, что онъ не засталъ ее днемъ, пригласила его къ себѣ на завтра къ двумъ часамъ, на lunch, потому что въ Лондонѣ это—единственная возможность побесѣдовать на свободѣ. Лэди Лайсморъ, высокая, худощавая дама, съ необычайно черными бандо волосъ, со строгимъ, леденящимъ лицомъ, въ сущности добрѣйшая женщина, обошлась съ нимъ тоже весьма милостиво и пригласила бывать у нея.

Другой вошедшій въ ложу господинъ, высокій и красивый, но немного тяжеловатый, съ длинными каштановыми усами, съ сѣдиной на вискахъ, съ носомъ хищной птицы и выцвѣтшими глазами утомленнаго вивѣра, говорилъ Сибиллѣ, что собирался самъ быть у нея завтра въ два часа, и очень жалѣеть, что она

пригласила другого гостя.—Но кто же мѣшаетъ вамъ явиться?—Сибилла сдѣлала ему этотъ вопросъ скорѣе беззаботнымъ, чѣмъ любезнымъ тономъ. Но она назвала Фабрицію своимъ другомъ дѣтства и, быть можетъ, не пожелаетъ принимать никого болѣе, а этому господину необходимо поговорить съ нею съ-глазу-на-глазъ, онъ имѣетъ нѣчто предложить ей... Въ такомъ случаѣ она приметъ его въ часъ, послѣ прогулки верхомъ, хотя рѣшительно не понимаетъ, чтѣ ему угодно...

Вернувшись на свое мѣсто, Фабрицій освѣдомился у Максвелла, кто этотъ „верзила“, котораго онъ сейчасъ видѣлъ въ ложѣ лэди Боклеркъ, и который входитъ теперь въ ложу герцога Корнваллиса.

— Это полковникъ сэръ Арчибальдъ Лесли, приближенный герцога, блестящій представитель веселящагося свѣта, спортсменъ, клубменъ, отчаянный кутила и игрокъ... Кажется, онъ имѣетъ виды на вашу прекрасную пріятельницу...

Хотя такая манера говорить о лэди Боклеркъ и не нравилась Фабрицію, но онъ подумалъ, что все это, въ сущности, въ порядкѣ вещей и наблюдать за этимъ будетъ весьма любопытно...

На другое утро въ гостиной перваго этажа хорошенькаго домика, занимаемаго Сибиллой въ Берлей-свервъ вестъ-эндскаго квартала, въ низенькомъ креслѣ сидѣлъ въ небрежной позѣ сэръ Арчибальдъ Лесли. Это былъ любимый уголокъ Сибиллы; тутъ вся мебель была въ чисто-англійскомъ вкусѣ, бѣлая лаковая, обитая дорогими полковыми матеріями нѣжныхъ тоновъ. На окнахъ прозрачныя свѣтлыя шторы, повсюду хорошенькія бездѣлушки. Воздухъ былъ пропитанъ ароматомъ букетовъ розъ и туберозъ и неуловимымъ запахомъ духовъ.

Сибилла вошла, извиняясь, что немного запоздала. И безъ того она уже очень скоро переодѣлась, а это должно цѣниться тамъ, гдѣ мужчины тратятъ болѣе времени на туалетъ, чѣмъ женщины. Элегантный и до крайности изысканный костюмъ Лесли какъ нельзя лучше оправдывалъ ея замѣчаніе.—О, ничего, онъ обладаетъ настоящимъ терпѣніемъ охотника.—Да? Тѣмъ лучше для него. А она, вотъ, считаетъ, что нѣтъ на свѣтѣ вещи, которую стоило бы ждать. И она небрежно прилегла на свѣтло-лиловую кушетку, а Лесли умѣстился на пуфѣ у ея ногъ, къ большому неудовольствію большой шотландской собаки, не спускавшей съ гостя враждебнаго взора. Разговоръ начался обменомъ насмѣшливыхъ фразъ, но скоро Лесли заявилъ, что пойдетъ прямо къ цѣли, какъ она это любитъ. И тѣмъ болѣе,—

замѣтила лэди Боклеркъ,—что она голодна какъ волея... И такъ, что ему отъ нея нужно?...—Очень просто: онъ хочетъ обладать ею...

— Словомъ, совершенные пустяки... И это пришло вамъ въ голову такъ, вдругъ?..

— О, лэди отлично знаетъ,—возразилъ онъ,—что онъ давно ее любить...—Нисколько! она такихъ вещей никогда не знаетъ, по принципу...—Онъ просить допустить, что онъ ее любить, вѣрить, желаетъ обладать ею, и притомъ онъ облекъ свою мысль въ такую галантную форму... Ей эта форма неприятна?—О, нѣтъ, ей все равно, но ей хочется знать, почему именно вчера, въ 11 часовъ вечера, у него явилось желаніе сообщить ей эту интересную новость. Онъ вѣдь намекнулъ, что хочетъ что-то предложить ей. Но что же?

Онъ просто пожелалъ положить къ ея ногамъ еще одну любовь и преданность.

Она улыбнулась и замѣтила, что въ числѣ его пороковъ имѣется, однако, одна добродѣтель... наивные называютъ это цинизмомъ, а умные—отверовенностью. И такъ, пусть онъ говоритъ всю правду.—Нѣтъ! онъ знаетъ женщинъ! Онъ всегда проситъ правды, а выскази ее, и онъ васъ возненавидятъ.—Пора бы ему, однако, знать, что она вообще не похожа на остальныхъ женщинъ и почти лишена предразсудковъ,—отвѣчала лэди Боклеркъ.

И такъ, она требуетъ, чтобы онъ высказался? Прекрасно. Если не сегодня-завтра ей понадобится дружеская помощь—онъ сочтетъ себя счастливейшимъ изъ смертныхъ, если выборъ ее падетъ на него... Всѣ добиваются чести служить ей... но онъ думаетъ, что его услуги могутъ быть наиболѣе цѣлесообразны. Это все, что онъ хотѣлъ сказать ей.—Неужели? Очень тонко сказано, онъ могъ бы быть превосходнымъ дипломатомъ. Въ цѣломъ же, смыслъ его словъ таковъ: милѣйшая лэди Боклеркъ, я знаю, что времена нынче тяжелыя и инымъ бѣдникамъ свѣтскимъ дамамъ бываетъ трудненько сводить концы съ концами. Я имѣю основаніе предполагать, что у васъ имѣются кой-какіе долгишки, и съ радостью готовъ вывести васъ изъ затрудненія, если только вы пообѣщаете мнѣ свою признательность?... Развѣ не такъ? Напрасно онъ протестуетъ противъ формы,—оба они выше этихъ лицемѣрій... А потому она ужъ заодно ставитъ ему вопросъ: извѣстна ли ему цифра ея долговъ?.. На минуту Лесли опѣшилъ.

— Вы сконфузились? Или боитесь, что цифра окажется чересчуръ крупной? Нѣтъ? Цифра не страшная... всего тысяча гиней. И еслибы лэди Боклеркъ продавала себя, то такъ дешево ку-

шить ее все-таки было бы нельзя... Прощайте, сэръ Арчибальдъ.

И, вся дрожа, но спокойная, она внезапно направилась къ двери.

Такъ и есть, она разсердилась, и все потому, что сама придала его предложенію грубую форму. Онъ и не думалъ предлагать ей никакой постыдной сдѣлки, и не ожидалъ отъ нея такого отношенія къ дѣлу. Онъ хорошо помнить, какъ недавно въ ея присутствіи обсуждали какой-то свабрѣзный случай, въ которомъ деньги и любовь были тѣсно связаны, и она замѣтила тогда, что нѣтъ большаго счастья въ любви, какъ доставлять любимому существу все нужное. Такъ какъ до сихъ поръ она не отвергала его ухаживаній, то онъ и позволилъ себѣ предложить ей прямо и честно свои услуги. Но если съ ея стороны это лишь ловушка, игра, то имъ никогда не сговориться, такъ какъ онъ не смотритъ на любовь какъ на игру.

— Само собой, разъ вы изъявляете претензію вносить въ нее честность.

При этихъ небрежно брошенныхъ словахъ, злой огонекъ сверкнулъ въ глазахъ Лесли, и онъ сказалъ, указывая на одинъ изъ многочисленныхъ фотографическихъ портретовъ на столигъ:

— Вы разсчитываете на него? Повѣрьте, что онъ ничего для васъ не сдѣлаетъ.

— Довольно,—рѣзко возразила Сибилла, теряя терпѣніе.— Я уже просила васъ удалиться... Не заставляйте меня позвонить и велѣть лакею выпроводить васъ.

— Мнѣ остается лишь смиренно извиниться. Оправданіе мое въ томъ, что вы не приучили меня къ подобной строгости. Должно быть это правда, что Бовлеръ собирается вернуться, чтобы вновь сдѣлать изъ васъ честную женщину.

Хотя онъ поразилъ ее въ самое сердце, она отпарировала ему быстрѣе молніи:

— Смотрите, какъ бы вамъ самому не лишиться раньше своей чести!

— Господинъ Пизани!—доложилъ появившійся лакей.

Выходя, Лесли задѣлъ собаку за хвостъ, и та свирѣпо на него зарычала, точно говоря: „какъ бы я васъ куснула, если бы не была благовоспитаннымъ животнымъ“... И собака повернулась къ нему спиной.

— Ваша собака тоже обидчива, — замѣтилъ Лесли уже на порогѣ, усмѣхаясь.

— Это потому, что она всегда раздѣляетъ мнѣніе своей госпожи, а высказываетъ его—еще откровеннѣе.

Фабрицій проводилъ Лесли взглядомъ и сказалъ, лаская животное, довърчиво терпееся о него:

— Я раздѣляю мнѣніе вашей собаки объ этомъ господинѣ. Вчера мой кузень Максвелъ разсказалъ мнѣ о немъ довольно-таки некрасивыя вещи.

— У Максвеля презлой языкъ.

— Развѣ не правда, что полковника Лесли подозрѣваютъ въ несовсѣмъ правильной игрѣ въ карты?

— Какъ знать!

— Понимаю! Подобное сомнѣніе стѣдуетъ подтвержденію! — Да, но намекнуть объ этомъ самому Лесли весьма рискованно. На дуэли въ Англіи, правда, не дерутся, но вы рискуете быть избитымъ палкой; а если еще окажется, что вы были неправы, то общественное мнѣніе будетъ противъ васъ. Ей, какъ полу-французенкѣ, подобные нравы противны, но она должна замѣтить, что англичане не даютъ понапрасну воли своему языку. Напримѣръ, вздумай кто-нибудь отказаться играть съ Лесли, не доказавъ, что онъ плуствуетъ, — тотъ будетъ имѣть право обозвать публично обидчика негодяемъ и клеветникомъ. Обидчикъ имъ и прослыветъ, а сэра Арчибальда сильнѣе подозрѣвать въ плутовствѣ не будутъ. Не слѣдуетъ забывать, что въ Англіи-то и зародился принципъ невинности подсудимаго до той минуты, пока его виновность не доказана. Но приди кому-нибудь фантазія изобличить Лесли, за нимъ примутся слѣдить съ неумолимымъ терпѣніемъ, а когда удастся его уличить, онъ будетъ исключенъ изъ арміи. Вотъ и все.

Глаза Сибиллы горѣли страннымъ блескомъ и загадочная улыбка блуждала по ея губамъ...

Фабрицій замѣтилъ, что самооборона — наилучшій залогъ свободы, и англичане прекрасно это понимаютъ.

— Англичане практикуютъ не одну самооборону, — сказала ему Сибилла, — а также и защиту слабого противъ сильнаго. Это, разумѣется, противорѣчитъ обще-распространенному понятію объ эгоизмѣ и грубости коварнаго Альбіона. Совершенно напрасно считаютъ англо-саксонскую расу простою — она, напротивъ, весьма сложна по внутреннему содержанію. И часто ея темпераментъ подчиняется личной волѣ. Она понимаетъ, что англичане не пріятны Фабрицію, какъ во многомъ не пріятны они и ей, но это потому, что оба они принадлежатъ къ латинской расѣ, особенно онъ. Отъ смѣшенія этихъ двухъ расъ получаютъ довольно любопытные продукты, разобраться въ которыхъ нелегко...

— А вы позволите мнѣ попытаться?

— Пожалуй. Но я боюсь, чтобы труды ваши не оказались напрасны; я не вполне увѣрена даже, что понимаю саму себя.

— Иду на рискъ! И если сфинксъ пожретъ меня, я не стану роптать.

Но Сибилла не поддержала этой лирики, а вернулась къ вопросу о любопытномъ британскомъ рыцарствѣ. Въ подтвержденіе она рассказала Фабрицію одинъ случай съ антипатичнымъ ей Лесли, свидѣтельницаю котораго она была сама. Сэръ Арчибальдъ, облеченный въ безукоризненный фракъ, выходилъ какъ-то изъ самаго великосвѣтскаго лондонскаго клуба, въ обѣденный часъ. На улицѣ онъ увидалъ громаднаго дѣтину, рыжаго, краснощекаго мясника, тузившаго какого-то бѣднягу тряпичника, нечаянно задѣвшаго его своей ручной телѣжкой. Лесли хладнокровно подошелъ къ дѣтинѣ, схватилъ его за шиворотъ, и нѣсколькими мастерскими приемами бокса отшвырнулъ его на мостовую. Такъ же спокойно онъ бросилъ ему въ лицо свою визитную карточку, предлагая искать съ него удовлетворенія судомъ, если ему такъ нравится. Дѣтина, конечно, сейчасъ же удраля; собравшаяся толпа осталась довольна тѣмъ, что джентльмэнъ такъ ловко его отдѣлалъ, а блестящій полковникъ вернулся въ клубъ, чтобы поправить бантъ галстука и орхидею въ петлицѣ, и если и опоздалъ въ тотъ вечеръ на обѣдъ, то, разумѣется, и не подумалъ сослаться на задержавшій его инцидентъ, тѣмъ болѣе, что такая простая вещь и сама по себѣ никому не интересна. Да не подумаетъ Фабрицій, что этотъ фактъ дѣлаетъ ей Лесли симпатичнѣе: дѣло очень просто, она страстно любитъ утонченность во всемъ, но не пренебрегаетъ и проявленіями силы. Въ Англіи вяжется и то, и другое; онъ еще не знаетъ страны, а потому не можетъ понять ее. Приятно ли ей здѣсь? О, да, приятно, но она беретъ отсюда только то, что ей по душѣ.

— Значить, вы уѣхали отъ насъ навсегда? — И ставя ей этотъ вопросъ, онъ вспомнилъ таинственность ея соломеннаго вдовства, и сталъ искать на ея лицѣ слѣдовъ волненія или сожалѣнія. Но ничего не прочелъ онъ на этомъ лицѣ, и она отвѣчала ему невозмутимо:

— Да, я имѣю полное основаніе поселиться здѣсь навсегда. Сынъ мой долженъ воспитываться на родинѣ, а его семья стала давно и моею. Послѣ смерти бабушки, связь моя съ Франціей ослабѣла... Братъ мой женился на богатой и живетъ далеко; мой дядя, де-Рошморъ, вѣчно въ плаваніи, а отношенія мои къ теткамъ всегда были поверхностны. По пути на югъ и оттуда, я

дѣлаю имъ короткіе визиты. Это не позволяетъ мнѣ забыть окончательно далекую, законченную главу моей жизни.

— Да, жизнь часто похожа на театръ: когда послѣ антракта вновь поднимается занавѣсъ, оказывается, что между двумя актами случилось много новаго.

— Для меня то время было только прологомъ...

И загадочная улыбка вновь промелькнула на ея губахъ, а въ душѣ Фабриція шевельнулась смутная досада, что онъ упустилъ тогда этотъ „прологъ“ изъ рукъ.

А не жалко ей друзей Парижа?—Друзья, вѣрнѣе—свѣтскіе знакомые, находятся повсюду, а что касается парижской атмосферы, то Лондонъ не уступитъ ей по части испорченности. Впрочемъ, леди Боклеркъ ничего не имѣетъ противъ испорченности, это—обычная атмосфера свѣта, и стоитъ только умѣть лавировать въ ней. Ни малѣйшей горечи не подмѣтилъ Фабрицій въ ея словахъ. На странную драму ея супружеской жизни она даже не намекнула. Зная, что женщины склонны скорѣе рисоваться своей скорбью, онъ оцѣнилъ эту душевную гордость, и ему еще сильнѣе захотѣлось проникнуть ея тайну. И между ними завязалась самая милая, непринужденная бесѣда. Сибилла сказала, что очень рада его видѣть, и что ей пріятно вспомнить съ нимъ прошлое. Онъ тоже радъ, и ему тутъ такъ хорошо, что онъ не уйдетъ, пока она его не прогонитъ... А вѣдь именно ей пора его прогнать... Или нѣтъ!.. Онъ ничѣмъ не занятъ?—Отлично, пусть онъ посидитъ тутъ, пока она переодѣнется, а потомъ она возьметъ его съ собою къ сэру Фердинанду Сэнтону, президенту Королевской Академіи.

— Ахъ, да... вашъ Веласкецъ.

— Именно. Онъ не только великій художникъ, но и милѣйшій человекъ, въ нѣкоторомъ родѣ мѣстное учрежденіе и сила... Я представляю васъ ему,—это необходимо для всякаго знатнаго иностранца. Онъ сдѣлалъ мнѣ честь написать мой портретъ, и сегодня у него должны собраться мои друзья, чтобы взглянуть на этотъ новый шедевръ. Его домъ—одна изъ здѣшнихъ достопримѣчательностей, и вамъ непременно надо побывать тамъ.

Въ эту минуту въ гостиную вошла гостя, которую Сибилла встрѣтила радостнымъ восклицаніемъ, представила ей Фабриція и оставила ихъ вдвоемъ. Это была лучшая пріятельница Сибиллы, Маріонъ Морганъ, авторъ серьезныхъ, подробныхъ и любопытныхъ исторически-художественныхъ очерковъ итальянскаго возрожденія. Фабрицій былъ знакомъ съ ея произведеніями,

изобличавшими дилеттанта-мыслителя, художественнаго критика, одареннаго возвышеннымъ, необычайно изящнымъ стилемъ и философскимъ, чуткимъ къ красотѣ, умомъ. Читалъ Фабрицій и ея романъ изъ флорентинской жизни,—живое и яркое изображение этой сладострастной, коварной эпохи. Хотя онъ не имѣлъ наивности составлять себѣ представленіе объ авторѣ по ея книгамъ, все же его поразилъ внѣшній видъ этой женщины, написавшей такую страстную поэмѣ любви. Контрастъ между ея любовью къ красотѣ и пониманіемъ любви съ ея внѣшностью женщины, очевидно не знающей личной любви, былъ до того рѣзокъ, что его покорило, какъ отъ фальшивой ноты. Отсутствіе красоты почти всегда выкупается въ женщинѣ присущей ей женской прелестью, но необходимо выдѣлать и обставить какъ должно эту прелесть. А Маріонъ Морганъ, очевидно, объ этомъ не думала, удѣляя нѣкоторое вниманіе лишь маленькой, изящной ножкѣ, что такъ рѣдко встрѣчается у англичанокъ, которую она удостоивала обувать въ черный шоль. Но ея близорукіе, мутно-голубые глаза подъ рипсе-пез, точно привинченнымъ къ носу, ея короткіе, жидкіе волосы неопредѣленнаго цвѣта, приглаженные, а не причесанные, вся ея худоцавая фигурка, облеченная въ одинъ изъ тѣхъ костюмовъ мужского покроя, которые бывають хороши только на красиво-сложенныхъ женщинахъ, когда еще ихъ сухость смягчена кой-какими изящными фіоритурами, — все обличало въ ней пренебреженіе къ самому элементарному кокетству. Она была совершенно проста и естественна, безъ всякаго признака неловкости и робости, отличающихъ обыкновенно физически обдѣленныхъ женщинъ. Она первая такъ мило вышучивала свое безобразіе и до того его преувеличивала, что у собесѣдника являлось желаніе противорѣчить ей.

Разговоръ сейчасъ же коснулся Итали, и миссъ Морганъ говорила о ней такъ тонко, съ такимъ знаніемъ и пониманіемъ ея, на такомъ чистомъ, краснорѣчивомъ и образномъ французскомъ языкѣ, что Фабрицій поддался очарованію, спрашивая себя, куда дѣвалось вдругъ безобразіе этой странной дѣвушки, съ такими рѣзкими, неграціозными движеніями? Она сидѣла передъ нимъ, закинувши небрежно ногу на ногу, и курила точно студентъ, но онъ совсѣмъ уже забылъ, что она лишена всякой женской прелести...

День былъ лѣтній и солнечный. Фабрицій ѣхалъ теперь съ обѣими пріятельницами въ открытомъ экипажѣ, и, рассматривая обѣихъ женщинъ, сидящихъ напротивъ него, спрашивалъ себя, не выбрала ли лэди Боклеркъ миссъ Морганъ какъ выгодный

контрасть для себя. Но, присмотрѣвшись внимательно, онъ образилъ, что ихъ связываетъ серьезная, прочная дружба. Хотя мужчины, опираясь на примѣръ Кастора и Поллукса, охотно приписываютъ себѣ монополію дружбы, — она процвѣтаетъ между женщинами не менѣе, чѣмъ между ними, при чемъ и тамъ и тутъ она бываетъ тѣмъ тѣснѣе, чѣмъ невозможнѣе соперничество.

Онъ чувствовалъ себя теперь до того превосходно, что принялъ мысленно рѣшеніе послѣдовать совѣту Максвелля и нанять элегантную холостую квартиру одного его пріятеля, внезапно уѣхавшаго путешествовать. Сибилла, очаровательная въ своемъ легкомъ, батистовомъ, свѣтло-лиловомъ платьѣ и въ большой черной шляпкѣ на своихъ бѣлокурыхъ волосахъ, обратилась къ нему:

— Не вздумайте заговорить съ сэромъ Фердинандомъ по-англійски; встати, и говорите-то вы неважно. Онъ обратится къ вамъ сначала по-французски, и даже на парижскомъ жаргонѣ, а узнавъ, что вы полу-итальянецъ, перейдетъ на чистѣйшее тосканское нарѣчіе. Если къ нему явятся нѣмцы, испанцы, даже русскіе, онъ станетъ говорить съ каждымъ на его родномъ языкѣ. Разъ къ нему заѣхалъ грекъ, и они разговорились на языкѣ Гомера. Злоязычные, завистливые люди, всегда готовые оклеветать знаменитость, увѣряютъ, что онъ иногда нарочно принимаетъ цѣлый космополитическій персоналъ.

— И не только онъ успѣлъ научиться всѣмъ этимъ языкамъ, а онъ ухитряется еще быть весьма недурнымъ скульпторомъ и писать весьма приличные стихотворенія, — вмѣшалась миссъ Морганъ. — Кромѣ того, онъ превосходный спортсменъ и фехтовальщикъ. И вотъ одинъ изъ его милыхъ собратій отпустилъ какъ-то по его адресу острое словечко: „Я слыхалъ, что онъ занимается и живописью“. Къ сожалѣнію, онъ разбрасывается, безразсудно тратитъ свои богатые дары, и не успѣваетъ сосредоточиться настолько, чтобы создать достойное его произведеніе. Живетъ онъ по-царски, и ему нужно много денегъ. Долговъ у него куча, пишетъ онъ нынче меньше, а расходовъ не сокращаетъ. Всѣ сливки общества бываютъ на его знаменитыхъ пирахъ, до принца Уэльскаго и герцога Корнваллиса включительно... Да, встати, Сибилла, герцогъ тоже пріѣдетъ взглянуть на твой портретъ.

И она внезапно умолгла. Молчала и Сибилла, и разговоръ не возобновился. Своро они подѣхали къ дому знаменитаго художника.

Въ обширной, чрезвычайно простой, залитой свѣтомъ мастер-

своей, всѣ стѣны которой были увѣшаны этюдами художника, Фабриція представили высокому господину, стройнаго и крѣпкаго сложенія, съ тонкимъ лицомъ, голубыми, необычайно живыми глазами, съ могучимъ лбомъ, обрамленнымъ густыми, шелковистыми сѣдыми волосами, съ улыбающимся умнымъ ртомъ и выхоленной, слегка серебращейся бородой. Онъ радушно привѣтствовалъ Фабриція, но поспѣшно удалился, и Фабрицій могъ спокойно предаться наблюденіямъ, что онъ такъ любилъ.

Гости толпились передъ портретомъ во весь ростъ лэди Боклеркъ, написанномъ ловко и блестяще, но вычурно. Миссъ Морганъ спросила Фабриція, что онъ думаетъ о немъ?—О, то же самое, конечно, что и она: талантъ огромный, но дѣланный и поверхностный. Развѣ мы сами не поверхностны и не лишены внутреннего содержанія? Художники отражаютъ въ своихъ произведенияхъ эпоху.

Фабриція заинтересовалъ издали какой-то эскизъ на стѣнѣ, и онъ направился въ ту сторону, но по дорогѣ его остановила Сибилла. Она бесѣдовала съ кѣмъ-то, стоящимъ спиной къ Фабрицію. Это былъ герцогъ Корнваллисъ, и Сибилла представила ему Фабриція, какъ своего друга, пріѣхавшаго погостить въ Англию. Фабрицій глубоко поклонился и почтительно пожалъ протянутую ему благосклонно руку. Герцогъ сказалъ ему нѣсколько милостивыхъ фразъ и изъявилъ надежду, что ему понравится въ Англии, и что лэди Боклеркъ съумѣетъ задержать его у нихъ подольше, послѣ чего снова обратился къ Сибиллѣ, а Фабрицій отошелъ къ другимъ гостямъ. Довольно громко герцогъ сказалъ:

— Лэди Боклеркъ, сэръ Фердинандъ согласенъ со мною и утверждаетъ, что во многомъ обязанъ своему оригиналу. Онъ хотѣлъ даже увѣрить меня, что всѣмъ ему обязанъ; простите, но я протестовалъ.

Сибилла возразила, что и герцогъ, и сэръ Фердинандъ—большіе льстецы. По ея мнѣнію, волшебныя чары художника со всѣмъ преобразили ее.

— Вашъ голосъ, какъ голосъ оригинала, не авторитетенъ. Кажется, вѣжливость требуетъ обвинять художника въ томъ, что онъ не понялъ модели, и это часто справедливо. И хотя нашъ дорогой президентъ не слышитъ меня, я вынужденъ сознаться, что онъ воздалъ оригиналу должное.

— Надо отдать справедливость герцогу,—шепнула миссъ Морганъ Фабрицію:—что его комплименты всегда мѣткі. Онъ обладаетъ безукоризненнымъ тактомъ.

— Это всегда говорится о великихъ міра сего. Не мы ли сами изъ снобизма толкуемъ такъ всѣ ихъ рѣчи?

— Да ужъ вы не анархистъ ли! Это теперь въ модѣ, особенно во Франціи.

— Это правда, монархизмъ устарѣлъ, а республиканскія убѣжденія приняли удивительно буржуазный характеръ... Но почему вы это спросили?

— Потому, что вы выразились иронично о герцогѣ.

Въ первую минуту Фабрицій растерялся.

— Развѣ я былъ ирониченъ? Это просто скверная парижская привычка выпшучивать. Напротивъ, я глубоко чту его, какъ герцога, а что же я могу имѣть противъ него лично?

Да, что онъ можетъ имѣть противъ него? И вдругъ ему вспомнились вчерашнія слова Максвелля о герцогѣ и Сибиллѣ, и въ немъ вспыхнула глухая досада. Онъ взглянулъ на герцога, разговаривавшаго съ Сибиллой, и подъ улыбающейся невозмутимостью этого красиваго лица ему почудилось торжествующее выраженіе влюбленнаго побѣдителя.

Когда герцогъ уѣхалъ, разговоры стали развязнѣе. Сэръ Фердинандъ завладѣлъ Фабриціемъ, показывая ему подробно мастерскую. Скоро мимолетная досада Фабриція исчезла, и онъ съ удовольствіемъ принялъ предложеніе Сибиллы подвезти его. Они уѣхали вдвоемъ, потому что миссъ Морганъ уже съ кѣмъ-то исчезла. Сибилла торопилась; ей предстояло еще заѣхать на музыкальный five o'clock, побывать во французскомъ посольствѣ, прокатиться по парку и ѣхать куда-то на обѣдъ въ 8^{1/2} ч. Куда именно, она не помнила, но пригласительная карточка у нея въ уборной. А потомъ концертъ у богачей Берри, гдѣ будутъ играть Сарасате и Падеревскій, пѣть Эмма Кальве и Морель; Фелисія Малле исполнить пантомиму, Иветта Гильберъ пропоетъ шансонетки, а испанская танцовщица Кандиди, изъ-за которой всѣ сходятъ съ ума, будетъ танцевать. Говорятъ, что и сама Сара заѣдетъ послѣ спектакля. Только денежные цари могутъ позволить себѣ подобную программу.

— Кажется, и герцогъ Корнваллисъ бываетъ у этихъ Берри, — замѣтилъ немного сухо Фабрицій.

— Я и не подозрѣвала, что вы такой аристократъ.

— Вовсе нѣтъ. Но я не терплю этихъ денежныхъ мѣшковъ.

— Я тоже. Но вѣдь кому-нибудь надо же глотать трюфели этихъ богатыхъ выскочекъ и пить ихъ шампанское. Такъ ужъ лучше мы покажемъ имъ, какъ это слѣдуетъ сдѣлать изящнѣе. Погодите, васъ тоже потомъ пригласить.

— Я готовъ, любопытно взглянуть... А сегодня герцогъ будетъ?

— Я его объ этомъ не спрашивала.

Она не лгала, потому что онъ самъ предупредилъ ее, что будетъ.

Разставаясь съ Сибиллой, Фабрицій спросилъ ее:

— И весело вамъ такъ жить?

— Иногда весело. Въ остальное же время я вооружаюсь терпѣніемъ. Но вы застали разгаръ сезона... Бываютъ и перемены.

— И вы счастливы?—спросилъ онъ послѣ легкаго колебанія.

Загадочная улыбка промелькнула вновь на губахъ Сибиллы.

— Восточная мудрая сказка рассказываетъ, что когда стали искать безусловно счастливаго человѣка, таковымъ оказался бѣднякъ, не имѣвшій даже рубашки. Это счастье не по мнѣ, и я довольствуюсь тѣмъ, что имѣю. До свиданія!

III.

Въ прекрасный юньскій день Фабрицій катался верхомъ по Ричмондскому парку. Пока его лошадь шла шагомъ по тѣнистой уединенной аллеѣ, Фабрицій отдался раздумью. Не разъ встрѣчался онъ за это время съ Сибиллой, на раутахъ, обѣдахъ, въ театрѣ, но не узналъ о ней ничего новаго. Не было сомнѣнія въ томъ, что герцогъ Корнваллисъ ее замѣтилъ, но далеко ли зашло дѣло? Сначала Фабрицій думалъ, что въ немъ говорить любопытство психолога, но скоро любопытство это приняло такіе размѣры, что Фабрицій не могъ заблуждаться долѣе на свой собственный счетъ. Очевидно, онъ заново влюбляется въ Сибиллу. Неужели онъ бѣжалъ отъ молодой дѣвушки, чтобы добиваться потомъ благосклонности молодой женщины? И мысль эта была ему неприятна. Но вѣдь все это случилось нечаянно, безъ всякаго расчета съ его стороны; всему виной поразительная переменна въ Сибиллѣ. Заинтересованный этой переменною, онъ думалъ, что въ немъ говорить мимолетная вспышка, желаніе разгадать тайну этого женскаго сердца, какъ отразились на ней ея супружеская трагедія, внезапно раскрывшая передъ ней всю грубость жизни и пороки, и эти семь лѣтъ соломеннаго вдовства посреди легкихъ нравовъ свѣта? Не желая никого расспрашивать, онъ рѣшилъ произвести дознаніе лично, чтобы не слышать чужихъ пересудовъ.

Лошадь его спотынулась, и легкій толчокъ вывелъ его изъ раздумья. Поднявъ голову, онъ увидалъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ себя коляску, въ которой различилъ Сибиллу. Сначала онъ думалъ подъѣхать къ ней и предложить сопровождать ее, но внезапно ему вспомнилась гдѣ-то услышанная имъ подробность о томъ, что герцогъ Корнваллисъ имѣетъ въ Ричмондскомъ паркѣ охотничій павильонъ, гдѣ бываетъ инкогнито... Вотъ куда ѣдетъ лэди Боклеркъ—и сопровождать ее, по меньшей мѣрѣ, глупо... Онъ сейчасъ же свернулъ въ сторону и внезапно выѣхалъ на дорогу, какъ будто на встрѣчу экипажу Сибиллы. Раздалось удивленное восклицаніе, экипажъ остановился; Сибилла протянула ему руку, и ему при этомъ почудилось, что она покраснѣла. На ея равнодушный вопросъ, возвращается ли онъ въ Лондонъ, онъ притворился, что не знаетъ дороги, и назвалъ своей цѣлью такое мѣсто, къ которому былъ какъ разъ спиной... Она обратила его вниманіе на это, и онъ рассыпался въ благодарностяхъ, несмотря на ея мало-одобрительный тонъ. Онъ видитъ, что и она ѣдетъ въ ту же сторону, и ему чрезвычайно пріятно продолжать путь съ нею. И хотя онъ сознавалъ, что его ревнивое шпионство—неумѣстная выходка, онъ повернулъ лошадь и поѣхалъ рядомъ съ экипажемъ. Сибилла вновь откинулась на подушки и сосредоточенно молчала.

— Ахъ, да,—сказала она внезапно:—предупреждаю васъ, что вы получите приглашеніе отъ моей невѣстки, лэди Росмондъ, старшей дочери лорда Лайсмора, на празднества—по случаю совершеннолѣтія ея старшаго сына—въ ея шотландскомъ имѣніи. Бузананъ-Тоуэрсъ—историческій замокъ, и я нарочно устроила, чтобы васъ пригласили. Для васъ это будетъ интересно.

— Вы слишкомъ добры. Когда состоятся эти торжества?

— Въ Троицынъ день.

Она добавила, что по окончаніи празднествъ они останутся въ семейномъ кружкѣ, и вдругъ Фабрицію припомнилось его пребываніе въ замкѣ де-Флэксъ, восемь лѣтъ тому назадъ, когда одно его слово могло бы измѣнить жизнь ихъ обоихъ. И онъ жалѣлъ теперь, что не сказалъ этого слова.

— Здѣсь мы съ вами разѣзжаемся,—неожиданно и рѣшительно сказала она на поворотѣ одной аллеи. Ему оставалось только откланяться ей. Она замѣтила ему вдогонку черезъ плечо:—Если вы пріѣдете въ субботу утромъ на вокзалъ св. Панератія къ вурьерскому поѣзду, отходящему въ четверть одиннадцатаго въ Единбургъ, вы будете имѣть удовольствіе путешествовать со мною...

Онъ такъ и сдѣлалъ, но удовольствіе совмѣстной поѣздки было испорчено для него присутствіемъ ея сына Реджинальда, прехорошенькаго мальчугана въ матросскомъ костюмѣ, съ длинными свѣтло-золотистыми волосами, обрамлявшими свѣжее, бѣлое и розовое личико съ большими синими глазами. Фабриціи считалъ дѣтей предметомъ роскоши и терпѣлъ только красивыхъ. Сибилла, очевидно, нѣжно любила этого ребенка отъ челоуѣка, нанесшаго ей, по всей вѣроятности, жестокое оскорбленіе.

Подъ-вечеръ они высадились на маленькой желѣзнодорожной станціи, принадлежавшей семьѣ Росмондъ, какъ и вся эта мѣстная линія, выстроенная еще покойнымъ герцогомъ. Самое помѣстье было огромное, а замокъ, со всѣми оранжереями, конюшнями, службами, псарней и башнями, представлялъ собою истинно царское жилище. Доходы этихъ громадныхъ наслѣдственныхъ земель не покрываютъ расходовъ на ихъ содержаніе.

Настоящій герцогъ Росмондъ, обладатель этого царскаго помѣстья и цѣлой вереницы титуловъ, составлялъ полный контрастъ съ окружавшимъ его великолѣпіемъ, и контрастъ этотъ сейчасъ же поразилъ Фабриція. Герцогъ былъ маленький, тщедушный челоуѣчекъ съ гладко-выбритыми щеками, близорукими глазами и рѣдкими волосами. Молчаливый и кроткій по природѣ, онъ отличался скромностью, робостью и необыкновенной вѣжливостью. Онъ точно просилъ прощенія за то, что осмѣливается занимать на свѣтѣ такое видное мѣсто. Безукоризненно прямодушный, проникнутый сознаніемъ обязанностей, налагаемыхъ его положеніемъ, онъ добросовѣстно исполнялъ все, что полагалось, внося въ это немного ребяческую серьезность и тщаніе, присущее посредственнымъ умамъ.

— Герцогъ — рабъ и мученикъ своей знатности, — сказала про него Сибилла.

Съ того дня какъ смерть его отца, 25-ть лѣтъ тому назадъ, сдѣлала его обладателемъ майората, онъ ни разу не поступилъ такъ, какъ ему того хотѣлось бы. Ему приходилось вести жизнь, совершенно противорѣчившую его скромнымъ вкусамъ. Его окружала пышность, тогда какъ онъ былъ бы гораздо счастливѣе посреди болѣе простой обстановки; у него имѣлся цѣлый полкъ прислуги, а камердинеру его было нечего дѣлать; онъ любилъ тишину, а принужденъ былъ устраивать блестящіе приемы. Самъ онъ не охотился, но держалъ охоту для сосѣдей. Въ качествѣ крупнаго землевладѣльца, онъ занимался агрономіей, сельскимъ хозяйствомъ, скотоводствомъ, а также рыболовствомъ, потому что у него были и береговые участки. Но всѣ эти разнообраз-

ныя занятія были ему не по душѣ, а была у него своя страсть: онъ собиралъ коллекцію афишъ и программъ всѣхъ сортовъ, всѣхъ странъ и на всѣхъ языкахъ, иллюстрированныхъ или обыкновенныхъ. Коллекцію эту онъ имѣлъ въ виду завѣщать Британскому музею, а пока ему пришлось пристроить для нея еще одну башню. Ему хотѣлось бы посвятить себя исключительно этой коллекціи, но времени у него на это не было, и онъ поручилъ все дѣло одному своему университетскому товарищу-неудачнику, котораго сдѣлалъ у себя библіотекаремъ.

Жена его, высокая дама, сильно смахивавшая на мужчину, обладала лошадинымъ профилемъ, рѣзкими чертами лица и грубымъ голосомъ. Все существо ея носило печать глубокой скуки, заразительно дѣйствовавшей на ея собесѣдниковъ и мало-одобрительной. На дѣлѣ она проявляла банальную любезность, удѣляя каждому гостю ровно столько вниманія, сколько ему подобало. Она принадлежала къ тому сорту англичанъ, которые не признаютъ ничего внѣ своего отечества, и могутъ исколесить весь свѣтъ, не поддавшись космополитизму. Не признавая въ теоріи никого, кромѣ своихъ соотечественниковъ, на практикѣ она только терпѣла остальныхъ, хотя, въ сущности, не ихъ была вина, если они не родились дѣтьми Великобританіи. А потому она оказала прекрасный пріемъ Фабрицію Пизани, тѣмъ болѣе, что онъ былъ лишенъ титула; она признавала только англійскую знать и питала непобѣдимое недовѣріе къ итальянскимъ маркизамъ, французскимъ графамъ, русскимъ князьямъ и нѣмецкимъ баронамъ! Безузоризненно добродѣтельная сама, она считала добродѣтель не только самымъ первымъ долгомъ женщины, но главной обязанностью знатной дамы. Вся скандальная хроника свѣта, всѣ эти исторіи, достовѣрныя или нѣтъ, глубоко огорчали ее, и она считала необходимымъ тушить всякій вспыхнувшій скандалъ. И пока подозрѣваемая женщина не оказывалась безнадежно скомпрометтированной, она такъ твердо защищала ее и прикрывала своей собственной безупречностью, что въ ея присутствіи робко смолкали самые отпѣтые сплетники. Примѣрная жена своему хилому супругу, она любила и уважала его какъ мужа, но еще болѣе какъ герцога Росмонда. Она нѣжно любила и превосходно воспитала своихъ семерыхъ дѣтей, а если оказывала нѣкоторое предпочтеніе старшему, лорду Буванану, такъ это потому, что тотъ былъ наслѣдникомъ имени и титула. Но какъ ни гордилась она именемъ Росмондъ, она не забывала, что принадлежить по рожденію къ роду Лайсморовъ, почему и прощала Сибиллѣ ея полу-французское происхожденіе, твердо помня, что

она—жена ея брата Боклерка. Герцогиня Викторія, Вйки—въ домашнемъ кругу,—была ни добра, ни зла, а только безусловно корректна.

Въ этой аристократической средѣ, гдѣ царили благопристойность и благовоспитанность, гдѣ все шло спокойно, точно разъ навсегда заведенная машина, Фабрицій сразу почувствовалъ себя превосходно. За обѣдомъ онъ предавался своему излюбленному занятію—наблюденіямъ. Сосѣдкой его была сестра хозяйки дома, лэди Гладисъ, миссисъ Вилье-Кемпбель по мужу, женщина не первой молодости, съ совершенно безцвѣтнымъ лицомъ и жидкими волосами, до того незамѣтная, что ее можно было бы принять за простую гувернантку, не сверкай великолѣпные сафиры на ея атласномъ платьѣ кофейнаго цвѣта, прискорбно схожаго съ цвѣтомъ ея лица. Но стоило ей заговорить—и природное благородство сейчасъ же ярко выступало въ ней. Она была добра, проста, очень образованна, умѣла поддерживать разговоръ и въ-время молчать. Фабрицій слѣдилъ издали за оживленной Сибиллой, спрашивая себя неотступно: „Что таится у нея въ прошломъ? А въ настоящемъ? Что у нея на сердцѣ“?

Послѣ обѣда дамы удалились въ гостиную, а мужчины остались курить. Французы находятъ этотъ обычай дикимъ, но это сужденіе неправильно: ухода, дамы избираютъ лучшую долю, не дожидаясь, чтобы мужчины сами оставили ихъ, чтобы удрать потихоньку въ курилку. Когда всѣ опять сошлись, Фабрицію удалось поговорить довольно долго съ Сибиллой, и они условились пойти на слѣдующее утро къ обѣднѣ въ католическую церковь.

Когда дамы удалились,—мужчины ушли въ курилку и долго сидѣли тамъ. Всѣ переодѣлись предварительно въ шолковые или фланелевые вестоны разнообразнѣйшихъ оттѣнковъ, такъ какъ гардеробъ всякаго элегантнаго англичанина изобилуетъ всевозможными сюрпризами, не хуже женскихъ гардеробовъ. Закурили сигары и даже трубки. Фабрицій охотно ушелъ бы къ себѣ, но онъ находилъ, что если не хочешь мѣнять свои привычки, то бесполезно мѣнять среду, а потому и остался съ другими. Каждый наперерывъ старался оказать ему любезность, и ему пришлось сначала выдержать длинный, безцвѣтный разговоръ съ хозяиномъ дома, а потомъ имъ завладѣлъ маркизъ Лайсморъ, желая оказать особое вниманіе пріятелю Сибиллы. Это былъ 70-лѣтній старикъ, съ удивительно тонкой таліей, поразительно изящными чертами лица и небольшой сѣдой бородой. Онъ улыбался тонкой улыбкой стараго дипломата и отличался привѣтливими, мягкими манерами. Въ заключеніе, Фабрицій попалъ въ

плѣнь къ мистеру Вилье-Кемпбелю, умному весельчаку, отважному охотнику и страстному любителю моря, гдѣ онъ проводитъ все свободное отъ засѣданій палаты общинъ время, катаясь на собственномъ парусномъ катерѣ. Но ничто не интересовало Фабриціи. Машинально разговаривая, онъ думалъ свою неотвязную думу, слышалъ только голосъ Сибиллы, видѣлъ передъ собою ея прощальную улыбку...

На слѣдующее утро, возвращаясь изъ церкви, Сибилла отослала экипажъ и повела Фабрицію черезъ паркъ, желая показать ему пресловутую Бузанановскую рододендровую рощу. Роща эта утопала теперь въ цвѣтахъ.

— Я не могу осуждать васъ за ваше предпочтеніе, отдаваемое французенкамъ, — говорила Сибилла. — Но не забывайте, что вы здѣсь въ странѣ флѣрта.

— Я не люблю его... По моему, дѣвушекъ слѣдуетъ уважать безусловно, иначе онѣ много теряютъ...

— Пожалуй... Но иногда уваженіе къ нимъ доходить до того, что ихъ совсѣмъ забываютъ любить.

Быль ли это намекъ на прошлое? Въ тонѣ Сибиллы слышалась легкая иронія, но ни тѣни горечи. — Да, она права, но извиненіе мужчинъ — въ томъ, что они не знаютъ, какъ приступить къ дѣвушкамъ. Имъ оттого не легче? Возможно, но все же эта манера англичановъ ловить мужей съ помощью флѣрта весьма непріятна, хотя онъ отнюдь не сомнѣвается, что онѣ, все-таки, безупречныя дѣвушки и будутъ такими же женами. Впрочемъ, флѣртъ — вещь глупая, а настоящее удовольствіе — это ухаживанье за молодыми женщинами.

— О, безнравственный французъ!.. Здѣшнія дамы добродѣтельны... когда онѣ добродѣтельны...

Вотъ это-то и непріятно. Дѣло не въ безнравственности, нельзя же вѣчно быть безнравственнымъ. Но такіе, какъ онъ, для здѣшнихъ дамъ не существуютъ. Можно быть и добродѣтельной, и слегка повокетничать: а то что проку въ тѣхъ женщинахъ, которые не занимаются мужчинами!

— Вы же ихъ осуждаете, когда онѣ это дѣлаютъ.

— Это мы изъ ревности... Намъ хочется, чтобы всѣ женщины старались намъ нравиться, даже если мы не влюблены въ нихъ. И женщины должны быть обольстительны или вазаться такими. Безъ легкаго, тонкаго кокетства женщина ничего не стоитъ. Возьмите, на примѣръ, маленькую миссисъ де-Лесль... Она могла бы быть прелестной, если бы хоть немного принарядилась, а то можно подумать, что она себя умышленно уродуетъ...

— Именно умышленно. Мужъ ея—настоящій Отелло, довольно рѣдкій типъ на родинѣ Шекспира. Служилъ онъ офицеромъ въ Индіи и встрѣтился какъ-то въ деревнѣ, во время отпуска, съ этой маленькой Анни, третьей или четвертой дочерью одного епископа... И къ этому вамъ слѣдуетъ привыкать. Завтра у насъ обѣдаетъ тоже одинъ епископъ съ цѣлымъ эскадрономъ дочекъ, хорошихъ невѣстъ и бойкихъ барышень... Анни была безприданница, но ни одинъ влюбленный англичанинъ надъ этимъ не задумывается. Черезъ недѣлю они были помолвлены.

— Вотъ-то скоропалительность! Впрочемъ, браки тутъ оттого не несчастливѣ...—сказавъ это, онъ спохватился, но слишкомъ поздно, и Сибилла замѣтила:

— Но и не счастливѣе. Бракъ всегда—лотерея. Мужъ Анни вышелъ въ отставку и увезъ жену въ свое имѣніе, гдѣ они и живутъ круглый годъ точно дивари. Онъ ревнуетъ жену во всему міру, хочетъ, чтобы она принадлежала ему одному. Онъ приходится единственнымъ племянникомъ герцогу Росмонду, почему и не могъ отказать отъ поѣздки сюда, но съ его стороны это величайшая жертва. Жена его боготворить, уступаетъ во всемъ его волѣ и совсѣмъ собою не занимается... Но теперь ей придется декольтироваться каждый вечеръ, и для бѣднаго де-Лесля это будетъ пыткой.

— О, Боже, не станутъ же люди смотрѣть на ея плечи, хотя они стоютъ вниманія. Нехорошо только, что они не одного цвѣта съ шеей...—Мужу ея это нравится. Дездемона избавила бы себя отъ многихъ неприятностей, еслибы подражала этой Анни.—Впрочемъ, въ Англіи не убиваютъ по страсти, а такъ какъ по закону за убійство вѣшаютъ, то эта перспектива расколodитъ любого ревнивца, почему здѣсь скорѣе разводятся.

— Но какъ же поступали прежде? Измѣняли, полагаю, не рѣже, убивали меньше, и не разводились вовсе.

— Какъ-нибудь устраивались, — возразила Сибилла. — Изъ всякаго положенія можно найти выходъ, что гораздо предпочтительнѣе скандала...

Когда они очутились передъ замкомъ, Сибилла освѣдомилась у лакея, пріѣхалъ ли съ ночнымъ поѣздомъ лейтенантъ Монтэгу, и получила утвердительный отвѣтъ. Фабрицій не разъ встрѣчался въ Лондонѣ съ этимъ Монтэгу, рослымъ офицеромъ, прозваннымъ „маленькимъ Бобби“, что противорѣчило его громадной фигурѣ.

— Вы такъ нетерпѣливо ждали пріѣзда этого верзилы? —

спросилъ Фабрицій, на что Сибилла отвѣчала насмѣшливо и сухо:

— Я имѣю къ нему дѣло...—Она поручила лакею передать лейтенанту Монтэю, что ждетъ его послѣ завтрака въ библиотекѣ, и ушла къ себѣ.

Фабрицій самъ не понималъ, отчего онъ злится? Неужели онъ ревнуетъ ее въ этому молокососу? Какой вздоръ!..

Празднества въ Букананъ-Тоуэрсѣ начались съ того, что избирательные комитеты графства явились привѣтствовать молодого лорда Буканана, будущаго представителя ихъ въ палатѣ общинъ. Молодой человѣкъ отвѣчалъ имъ настоящими политическими рѣчами, и это побудило Фабрицію обратить вниманіе на героя этихъ празднествъ, которымъ онъ до сихъ поръ менѣе всего интересовался. Онъ оказался умнымъ и образованнымъ. Пройдя черезъ кембриджскій университетъ, онъ перешелъ въ одинъ изъ нѣмецкихъ университетовъ, а въ промежуткахъ между ученіемъ успѣлъ объѣхать Индію и весь крайній Востокъ, Америку и Канаду. Теперь онъ собирался посѣтить Австралію.

Празднества продолжались три дня, и никто изъ вассаловъ герцога не былъ забытъ или обдѣленъ. Послѣ парадной трапезы третьяго дня состоялись живыя картины подъ руководствомъ сэра Фердинанда Сэнтонна, пріѣхавшаго съ цѣлымъ новымъ транспортомъ гостей, а затѣмъ танцы. Невзрачная фигурка хозяина дома до того терялась посреди грандіознаго великолѣпія всей обстановки, что кто-то изъ гостей обратилъ на это вниманіе другихъ. Но Фабрицій возразилъ:

— Хотя я и рискую прослыть снобомъ, но лично мнѣ герцогъ кажется почти величественнымъ въ этой атмосферѣ пышности.

— Вотъ гдѣ тайна престижа великихъ міра сего,—наравно учительно замѣтилъ Бобъ Монтэю.—Не протестуйте, господа, а спросите лучше, какъ думаютъ объ этомъ дамы.

Фабрицій пожалѣлъ, что нечаянно вызвалъ эти неприятыя слова.

Наканунѣ отъѣзда гостей, Вилье-Кемпбель предложилъ желающимъ морскую прогулку. Предложеніе его было одними принято, другими—нѣтъ. Не приняла его и Сибилла, говоря, что непременно уѣзжаетъ на слѣдующій день, потому что приглашена къ богачамъ Берри на всю недѣлю скачекъ. Герцогиня промолчала изъ благовоспитанности, а Бобъ Монтэю объявилъ, что тоже ѣдетъ къ Берри. Это было безтактно, и Фабрицій злорадно отмѣтилъ про себя его неловкость.

Какъ ни уговаривали Сибиллу остаться еще на два дня, она не сдавалась, а на замѣчаніе одного изъ родственниковъ, что ее никогда не считали такой ярой любительницей свачекъ, она возразила:

— Да, я мало интересуюсь ими.

— Кстати объ этихъ Берри,—вдругъ заявила Анни де-Лесль невпопадъ, какъ и всегда:—я прочла сегодня въ „Morning Post“, что герцогъ Корнваллисъ тоже общалъ бытъ у нихъ...

Вышло неловко. Первымъ заговорилъ Вилье-Кемпбель:

— Лесли тоже приглашенъ. Я слыхалъ, что будетъ крупная игра.

Посыпались всевозможныя замѣчанія. Сибилла сидѣла невозмутимо. Герцогиня успѣшила замять этотъ разговоръ; вопросъ о морской прогулкѣ возобновился, и Фабрицій тоже отказался принять въ ней участіе, ссылаясь на необходимость вернуться немедленно въ Лондонъ.

— Отчего вы не хотите остаться? — спросила его, немного спустя, Сибилла.—Онъ отвѣчалъ, что безъ нея ему тутъ дѣлать нечего, потому что его приняли здѣсь только ради нея.—Это только доказываетъ, что онъ незнакомъ съ англійскимъ,—нѣтъ, вѣрнѣе—съ шотландскимъ гостепрѣимствомъ. Отнынѣ онъ будетъ здѣсь всегда желаннымъ гостемъ, тутъ ли она, или нѣтъ.—Все равно, онъ предпочитаетъ уѣхать, но надѣется, что ему скоро удастся вновь увидѣть ее, если только она не погибнетъ совсѣмъ въ этомъ капицѣ золотого тельца, куда общала ввести и его.

— Непремѣнно... въ другой разъ.

— На этотъ разъ вы довольствуетесь своими обычными обожателями?

Она отвѣчала съ серьезной улыбкой:

— Я ѣду туда только для одного человѣка... Нѣтъ, не для того, о которомъ вы думаете... Если же вамъ хочется непременно знать, для кого, то слушайте: меня влечетъ туда полковникъ Лесли.

И улыбка ея обострилась.

„Отчаянная кокетка, вотъ и все“, — разочарованно подумалъ Фабрицій.— „Какъ жаль“!..

IV.

Недѣлю спустя, весь Лондонъ читалъ слѣдующія строки въ утреннихъ газетахъ:

„Мы предпочли бы умолчать о скандалѣ, происшедшемъ въ

замѣть одного изъ членовъ палаты общинъ, извѣстнаго своимъ богатствомъ. Но исторія эта, въ несчастію, настолько огласилась, что мы не можемъ пройти ее молчаніемъ. Одинъ изъ высшихъ чиновъ арміи, принятый въ большомъ свѣтѣ повсюду, позволилъ себѣ неправильность въ игрѣ въ баккара, и это не взирая даже на присутствіе высокой особы, удостоивающей его своего особаго расположенія. Мы приведемъ болѣе обстоятельныя подробности тогда, когда наши свѣдѣнія подтвердятся настолько, что мы не будемъ рисковать ввести въ заблужденіе публику насчетъ этой прискорбной исторіи“.

Вѣсть эта разнеслась сейчасъ же повсюду, а для гостинныхъ и клубовъ загадки тутъ не было. На другой же день появилась новая замѣтка:

„Наши читатели сами поняли, на кого мы намекали вчера. Отнынѣ нѣтъ никакой нескромности назвать имя, которое теперъ уже у всѣхъ на устахъ. Прискорбный инцидентъ случился у мистера Лорана Берри, въ замѣть котораго гостилъ герцогъ Корнваллпсъ. Назовемъ въ числѣ гостей, собравшихся туда, чтобы имѣть счастье встрѣтиться съ герцогомъ,—графиню Боклеркъ, миссъ Маріонъ Морганъ, знаменитую authoress, полковника сэра Арчибальда Лесли, лейтенанта Роберта Монтэю, вице-адмирала Гаскойна, многихъ выдающихся парламентскихъ дѣятелей и тузовъ финансоваго міра.

„Повидимому, сэра Арчибальда Лесли подозрѣвали уже съ нѣкоторыхъ поръ. За игрой его было рѣшено слѣдить, и вотъ разъ вечеромъ, когда герцогъ Корнваллпсъ удалился уже въ свои апартаменты, присутствующіе гости убѣдились во-очію, что полковникъ позволилъ себѣ нѣсколько разъ передернуть. Приводя здѣсь это обвиненіе, мы не можемъ не оговориться, что приводимъ только слухи. Говорятъ, что сначала полковникъ Лесли защищался необыкновенно энергично и сослался на своего высококачественнаго покровителя. Но послѣ бесѣды съ герцогомъ въ присутствіи хозяина дома, его старшаго сына, лейтенанта Монтэю и вице-адмирала Гаскойна, своихъ понтеровъ, говорятъ, что полковникъ далъ слово никогда болѣе не играть въ карты, за чтѣ ему было обѣщано молчаніе о случившемся.

„Какимъ образомъ огласилась эта тайна? Въ первую минуту это кажется удивительнымъ, но вѣдь не слѣдуетъ забывать, какъ трудно скрыть совершенно подобную исторію отъ многочисленной домашней челяди. Нечего и говорить, что гости мистера Берри не могутъ быть заподозрѣны въ этой огласкѣ“...

Третій рассказъ кончался иначе:

„Говорятъ, что герцогъ не допустилъ къ себѣ полковника Лесли, вполне вѣрившись честному слову игроковъ, уличившихъ полковника, особенно лейтенанта Монтэгу, взявшаго на себя обязанность прослѣдить игру сэра Арчибальда. Приписывать же огласку фактовъ, подлежащихъ тайнѣ, домашней прислугѣ, какъ дѣлаютъ это иные изъ нашихъ собратій, могутъ только люди, не слышавшіе разсказа одного изъ офицеровъ, очевидцевъ этой исторіи. Значитъ ли это, что полковникъ уже нарушилъ данное слово и тѣмъ развязалъ остальныхъ. Въ виду недавности всего случившагося, предположеніе это неправдоподобно, и мы предпочитаемъ не вѣрить существованію какого бы то ни было договора, потому что мы не можемъ допустить нарушение слова со стороны одного изъ присутствовавшихъ“.

По другимъ свѣдѣніямъ можно было, дѣйствительно, предположить, что полковникъ Лесли не давалъ никакого обѣщанія, потому что оно было бы равносильно полному признанію... При подобныхъ условіяхъ обвинять некого, а потерпѣвшій воленъ обличать клевету.

Но если газеты, трепеща предъ грознымъ закономъ о пасквилѣ, не обвиняли прямо, то ни одна изъ нихъ не отрицала возможности вины. Иныя утверждали, что полковникъ Лесли не прибѣгалъ къ заступничеству герцога, котораго вовсе не было въ загѣ во время игры; другія утверждали противное. Возгорѣлась отчаянная полемика; радикальныя газеты поощряли огласку, требуя, чтобы уличенный въ неправильной игрѣ офицеръ не сохранялъ своего почетнаго званія военнаго. Впрочемъ, самое лучшее—ждать окончанія слѣдствія, конечно производящагося въ главномъ штабѣ. Консервативныя газеты жалѣли объ огласкѣ, помѣшавшей замѣть прискорбное дѣло, потому что общественная нравственность никогда не выигрываетъ отъ выставки на показъ слабостей и пороковъ. Единичный фактъ не можетъ затрогивать чести британской арміи въ глазахъ каждаго здравомыслящаго гражданина. Дѣло начальства добиться добровольной отставки виновнаго. Газетная полемика всполошила и общественный муравейникъ. Повсюду пошли нескончаемые толки и пересуды. Но неизмѣнно самые горячіе, бурные споры завершались чѣмъ-нибудь совершенно безобиднымъ замѣчаніемъ: „Все это весьма прискорбно“...

Какъ-то разъ у Максвелла, въ присутствіи Фабриція, кто-то намекнулъ, что полковникъ былъ, пожалуй, жертвой тайныхъ возней.—А развѣ у сэра Арчибальда имѣлись такіе свирѣпыя враги?—А если тутъ замѣшана женщина?—Но это еще худшее

обвиненіе—и примѣнить его не къ кому.—Но куда же дѣвался самъ Лесли?—Онъ скрывается.—Ну, вотъ, будь это только клевета, развѣ онъ спасовалъ бы?—А если дѣйствительно замѣшана женщина, то и исцать ему не съ вою.—Ну, все-же Берри отвѣтственъ, какъ хозяинъ дома. Да и Монтэгу трубитъ объ этомъ повсюду, и будь это неправда—Лесли давно бы исполосовалъ его хлыстомъ.—На-дняхъ полковника видѣли въ главномъ штабѣ.—А какой у него былъ видъ?—Надменный, по обыкновенію.—Да, его на это хватить.—Нисколько, его встрѣтили на черингъ-эроскомъ вокзалѣ, и, говорятъ, на немъ лица не было.—Удралъ, значить, на континентъ! Скверно.—Вовсе нѣтъ, уѣхалъ къ себѣ въ имѣніе. Такъ ли, сякъ ли, а фактъ тотъ, что онъ точно сквозь землю провалился.

Фабрицій призадумался, а когда и его кузенъ Максвелъ присоединился къ мнѣнію о возможности тайнаго женскаго вмѣшательства, онъ прямо вспылить.

— Иныя женщины вполне способны на это, — возразилъ тотъ съ своей слегка насмѣшливой флегмой.—Впрочемъ, я ничего не утверждаю. Лесли плутовалъ въ картахъ, это доказано. Онъ самъ попался въ подставленную ему ловушку. Чтò же тутъ дурного? Сорвавшій съ него маску—только исполнилъ общественный долгъ.

Фабрицій припомнилъ, что ему уже разъ говорили, что это непременно случится, и спросилъ, почему этого не сдѣлали раньше.

— Э! топ шер, развѣ вы не знаете, какая царить въ клуббахъ беззаботность. Такія грязныя исторіи и поднимать-то страшно: въ случаѣ неудачи, самъ рискуешь осрамиться. Но подъ вліяніемъ иныхъ давленій люди иногда рѣшаются,—чтò и сдѣлалъ нашъ отважный маленькій Бобби.

— Вы какъ будто что-то знаете.

— Ровно ничего. Я возстановляю факты по собственному разумѣнію. И вотъ какъ мнѣ представляется вся эта исторія. Лесли—циникъ, нахаль и ядовитъ, какъ змѣя. Допустимъ, что какая-нибудь женщина имѣетъ на него зубъ. И вотъ она тихонько подстраиваетъ такую мечь, которая въ то же время обличаетъ общественное злоупотребленіе. Для этого она заручается помощниками. Полковникъ имѣлъ всегда глупость идти по стопамъ герцога въ любовныхъ похожденияхъ. А потому допустимъ, что онъ ухаживаетъ за близкой герцогу женщиной; та открываетъ своему высокому покровителю глаза, и герцогъ, вопреки своей обычной добротѣ, приходитъ въ негодованіе и предоставляетъ

вѣроломнаго любимца его судьбѣ. Все это, какъ видите, очень просто, и некрасиво только поведеніе самого Лесли, поплатившагося за свое нахальство. Скоро о немъ позабудутъ вовсе... Наконецъ, я, быть можетъ, и ошибаюсь, хотя гипотеза и вѣроятна.

Фабрицій понималъ ея вѣроятіе лучше всѣхъ. Вскорѣ въ газетахъ появилась краткая замѣтка, гласившая о назначеніи другого офицера на мѣсто Лесли, вычеркнутаго изъ списковъ арміи потому, что „ея величество не нуждается болѣе въ услугахъ этого офицера“. Это было до того жестоко, что Фабрицій похолодѣлъ отъ ужаса.

Во все время этого скандала, Сибиллы не было въ Лондонѣ, и Фабрицій не видѣлъ ея; но когда скандалъ поутихъ, онъ получилъ отъ Сибиллы приглашеніе отобѣдать съ нею на слѣдующій день. За столомъ въ началѣ между ними царилъ нѣкоторая неловкость. Сибилла не заикнулась объ исторіи Лесли, но Фабрицій, наконецъ, не вытерпѣвъ, заговорилъ о ней, и, конечно, они заспорили. Когда Фабрицій намекнулъ, что тутъ должна быть тайна, разъ честный офицеръ рѣшился нарушить данное слово, она сейчасъ же возразила, что секретъ, извѣстный пятнадцати лицамъ, не можетъ считаться секретомъ. Наконецъ, хотя Берри и хорошие люди, отъ нихъ нельзя требовать скромности и таѣта, необходимыхъ въ такомъ дѣлѣ.

— Да, тѣ, кто выбрали ихъ своимъ орудіемъ,—знали, что дѣлали.

Сибилла не сморгнула. Въ такомъ случаѣ нечего обвинять одного Боба Монтэю; онъ легкомысленный повѣса и всегда можетъ проговориться.—Полно, не дѣйствоваль ли онъ съ умысломъ?—Что же, онъ предполагаетъ, что Бобу было выгодно обезчестить Лесли. Зачѣмъ?—Чтобы понравиться какой-нибудь прекрасной дамѣ... Надо надѣяться, что эта дама вознаградила своего рыцаря по заслугамъ...

Легкая краска бросилась Сибиллѣ въ лицо и гнѣвный огонекъ сверкнулъ въ ея глазахъ, но она сейчасъ же овладѣла собой и улыбнулась.—О, доблестному рыцарю служить наградой позволеніе носить цвѣта своей дамы.

— Все же мечь слишкомъ жестока.

— Не слѣдуетъ судить объ этомъ, не зная, каково было оскорбленіе,—серьезно отвѣчала Сибилла.—Сама жизнь виновата въ этой жестокости, а люди защищаются по мѣрѣ своихъ силъ.

Фабрицій понималъ, что ему не слѣдуетъ идти дальше, но онъ не могъ остановиться. Какъ это неприятно, что все это слу-

чилося при герцогѣ, и какъ жаль, что онъ бываетъ въ такихъ домахъ, гдѣ подобныя исторіи всегда возможны!—Отнынѣ герцогъ въ такихъ домахъ бывать не будетъ.—Вотъ какъ! Онъ ей это обѣщалъ?—Да, она взяла на себя смѣлость намернуть ему на это. И Сибилла высокомерно оборвала разговоръ. О, какъ мало интересовался теперь Фабрицій психологіей этой женщины! Онъ былъ просто влюбленъ и безумно ревновалъ, понимая, что сердце ея занято не имъ. Онъ любовался ею. Какъ прелестна она въ этой странной, длинной туникѣ изъ индійскаго мягкаго шолка блѣднаго цвѣта морской волны, такъ чудно гармонирующаго съ ея нѣжнымъ цвѣтомъ лица и золотистыми волосами. Египетскіе аграфы изъ ляписъ-лазури придерживали драпировки на плечахъ, а ея безупречно прекрасныя, изящныя руки, плечи и шея выступали во всей своей красотѣ. Она сидѣла спокойная и улыбающаяся, точно не чувствуя на себѣ его страстнаго, жгучаго взгляда.

Къ концу обѣда ей подали письмо. Хотя Фабрицій сейчасъ же отвернулся, онъ успѣлъ разсмотрѣть квадратный блѣдно-желтый конвертъ изъ толстой веленовой бумаги, безъ всякаго вензеля или герба. Фабрицій былъ такъ настроенъ, что въ этомъ обыкновенномъ явленіи ему почудилась тайна. Ему показалось, что Сибилла слегка покраснѣла, и что въ глазахъ ея промелькнуло смущеніе, колебаніе и какъ бы сожалѣніе.

— Скажите, что хорошо,—отвѣтила она лакею.

Они перешли въ большую гостиную нижняго этажа, и между ними закралась смутная неловкость, ими самими не сознаваемая. Фабрицій досадовалъ, что она принимаетъ его такъ чинно тутъ, а не въ своемъ „будуарѣ“, какъ всегда. Онъ сознавалъ, что это глупо, что англійскій этикетъ требуетъ этой чинности послѣ обѣда, и что нарушеніе этого правила скандализировало бы прислугу; но раздраженъ онъ былъ до того, что придирался ко всему.

Вечеръ былъ душный, и хотя широкія окна, выходившія въ паркъ, были распахнуты, воздуху было мало, и Сибилла обмахивалась большимъ вѣеромъ изъ павлиньихъ перьевъ. По ея просьбѣ, Фабрицій сѣлъ за рояль. Исполнивши *Rêverie* Шумана, онъ перешелъ къ вещицамъ Грига и Мошковскаго, а потомъ къ отрывкамъ изъ Вагнера. Отъ *Лоэнгрина*, *Тангейзера* и *Валькири* онъ перешелъ къ *Зигфриду*, *Парсифалу* и, наконецъ, къ прелюдіи *Тристана*, этой дивной и скорбной симфоніи любви, любви роковой, любви смертельной, любви плотской, любви нервовъ, символу и синтезу любви. Онъ игралъ долго, съ увлеченіемъ,

самъ пьянѣя отъ этой сладострастной музыки. Висѣвшее противъ него зеркало отражало Сибиллу, слушавшую его въ мечтательной позѣ, съ полу-прищуренными глазами и блуждающей улыбкой на полу-открытыхъ губахъ. Но внезапно взглядъ его упалъ на фотографическій портретъ въ серебряной рамкѣ съ короной. Не разъ видалъ онъ этотъ портретъ и не обращалъ на него вниманія, но сегодня кровь бросилась ему въ голову, онъ скомкалъ конецъ пьесы и всталъ, ссылаясь на усталость.—Еще бы! Она поблагодарила его и предложила прохладительнаго питья. И пока онъ пилъ, онъ чувствовалъ на себѣ ея взглядъ, какой-то странный. Разговоръ не вязался. Она рвала машинально на ключки полученную записку, украдкой взглядывая въ глубину гостиной. Фабрицій взглянулъ туда же и замѣтилъ столовые часы, стрѣлка которыхъ показывала 11; слегка потягиваясь и подавляя зѣвокъ, она сказала:

— Конечно, это съ моей стороны не любезно, но мы съ вами немного устали, и не слѣдуетъ забывать, что мы ѣдемъ завтра на гонку въ Генлэ. Самый удобный поѣздъ десятичасовой и опоздать на него не слѣдуетъ.

— Иначе говоря, вы меня выпроваживаете.

— Замѣйте, — вѣжливо. Къ тому же, мы такъ скоро увидимся...

Никогда еще Фабрицій не допускалъ себя до ревниваго шпионства, но сегодня, пройдя уже порядочный конецъ по парку, онъ повернулъ обратно и очутился вновь передъ домомъ Сибиллы. Огни были потушены вездѣ, свѣтились только окна ея спальни въ верхнемъ этажѣ. Ему стало вдругъ стыдно, и онъ чуть-было не ушелъ, какъ вдругъ освѣтились окна того будуара, куда его сегодня не допустили. Онъ спрятался подъ деревьями. Скоро къ дому Сибиллы подъѣхала рысю карета, запряженная превосходною лошадейю, и остановилась. Изъ кареты вышелъ господинъ во фракѣ, и Фабрицій узналъ въ немъ именно того, кого ожидалъ увидѣть. Посѣтитель позвонилъ, дверь моментально отворилась и сейчасъ же захлопнулась за нимъ. Кучеру въ черной ливреѣ не было отдано никакихъ приказаній, но онъ сейчасъ же тронулъ лошадь и уѣхалъ.

„Болванъ! — заскрипѣлъ съвозъ зубы Фабрицій. — Ну, вотъ, ты хотѣлъ убѣдиться лично, и убѣдился, нечего сказать, приличнымъ способомъ“!..

V.

Недѣля гонокъ въ Генлэ, отстоящемъ отъ Лондона всего на часъ ѣзды, считается самой фешенебельной цѣлью прогулки. Вокзалъ принимаетъ въ эти дни особенно праздничный видъ; весь блестящій свѣтъ стекается сюда. Цвѣточницы такъ и снуютъ между группами. Передъ раскрытой дверкой вагона, гдѣ онъ заранѣе занялъ два мѣста, Фабрицiй ходилъ взадъ и впередъ, ожидая Сибиллу. Утромъ, проснувшись, онъ чуть-было не телеграфировалъ ей, что не можетъ ѣхать, но непобѣдимое желанiе влюбленнаго видѣть, слышать и говорить съ предметомъ страсти погнало его на станцію.

Сибилла явилась въ самую послѣднюю минуту. Чего онъ волнуется? Она не опоздала. А въ Англiи всегда такъ: хотя бы въ Индiю уѣзжали, — являются въ отходу поѣзда, а иначе, съ этой манiей перемѣщенiя, жизни не хватитъ.

Въ вагонѣ она сидѣла съ немного утомленнымъ видомъ, съ наслажденiемъ вдыхая время отъ времени пряный аромать снопа пестрой гвоздики, положеннаго Фабрицiемъ ей на колѣни, улыбаясь какой-то далекой, загадочной улыбкой. Вотъ она подавила зѣвокъ... Не плохо ли она спала? Ничуть, она всегда отлично спить. Вставать рано утромъ всегда неохота. Вотъ и теперь ей еще хочется спать. Онъ видитъ, что она хорошо сдѣлала, отославши его вчера пораньше... Онъ съ трудомъ воздержался отъ дерзкаго отвѣта и только смотрѣлъ на нее въ упоръ. Но она выдерживала его взглядъ такъ невозмутимо, что онъ первый опустилъ глаза.

Волшебное зрѣлище представляетъ въ Генлэ Тэмза, съ своей прозрачной голубой водной поверхностью между извилистыхъ зеленыхъ луговыхъ береговъ. Но ни красота окружающей природы, ни пестрая, оживленная картина безчисленныхъ лодокъ, разнообразно и изящно украшенныхъ цвѣтами и зеленью, съ яркими, нарядными туалетами сидѣвшихъ въ нихъ дамъ и свѣтлыми костюмами мужчинъ, ничто не веселило Фабрицiя. Онъ не выходилъ изъ мрачной задумчивости, и скоро Сибилла, пытавшаяся въ началѣ развеселить его, предоставила его самому себѣ. Онъ попробовалъ заинтересоваться гонкой, но видъ состязующихся гребцовъ, съ горящими какъ уголья глазами и потными лицами, показался ему до-нельзя противнымъ и смѣшнымъ. Но когда одинъ изъ побѣдителей, Бобъ Монтэю, явился на лодку, гдѣ находились Сибилла и Фабрицiй, видъ этого высо-

ваго молодца съ могучими руками и шеей, бѣлыми какъ у женщины, вывелъ Фабриція изъ себя. Побѣдителя громко привѣтствовали, и, подъ шумъ общаго гама, Фабрицій сказалъ на ухо миссъ Маріонъ Морганъ, которую онъ избралъ съ утра повѣренной своихъ волкихъ замѣчаній:

— Нечего сказать, вотъ подвигъ, достойный гренадерскаго офицера!

— А греческія преданія? А олимпійскія игры? А—*mens sana in corpore sano*?

— Полноте... просто своего рода каботинство, не болѣе; а что касается до ума, то этотъ юный герой—не что иное, какъ простодушный малый...

— Излишество ума имѣеть тоже свои неудобства,—замѣтила Сибилла, услышавшая его слова...—А съ простодушными какъ-то отдыхаешь... Да перестаньте дуться и ѣдьте съ нами пить чай въ Isthmian Club.

Скрѣпя сердце, онъ отправился съ Сибиллой, Маріонъ и Монтэю въ клубъ, но сегодня ему рѣшительно не везло. Среди элегантной толпы на лужайкѣ находился герцогъ Корнваллисъ, и съ замираніемъ сердца слѣдилъ издали Фабрицій за тѣмъ рукопожатіемъ, которымъ Сибилла обмѣнялась съ герцогомъ. Отнынѣ онъ слѣдилъ за каждымъ движеніемъ Сибиллы съ совершенно инымъ чувствомъ, чѣмъ прежде: то не было уже дилеттантское любопытство наблюдателя, а ревнивое волненіе влюбленнаго...

На обратномъ пути, и Сибилла, и онъ, утомленные дневными впечатлѣніями, молчали, и только она останавливала на немъ порою загадочный взоръ. Въ городѣ она попросила его посадить ее въ наемный кэбъ, потому что она отпустила сегодня изъ дому своего кучера.

— Если позволите, то я буду имѣть честь проводить васъ до дому.

Ему живо вспомнилось, что онъ видѣлъ вчера въ этотъ же часъ у ея дома, и голосъ его прозвучалъ такъ странно, что она съ удивленіемъ взглянула на него. Они подъѣзжали уже къ ея дому, когда она спросила его, долго ли думаетъ онъ пробить еще въ Лондонѣ. Онъ отвѣчалъ мрачнымъ тономъ, что скоро уѣзжаетъ.

— А!.. Вамъ тутъ болѣе не весело?

— Хуже: я боюсь почувствовать себя скоро несчастнымъ... нѣтъ, я уже несчастень.

— И вы больше никогда не вернетесь?

— Боюсь, что такъ... Я началъ-было изучать Англiю, но скоро явился одинъ интересъ, который заслонилъ собою все остальное... Занимающій меня вопросъ я изучилъ настолько, что съ меня довольно... Я не стремлюсь узнать то, чего еще не знаю...

Прощаясь съ нимъ на порогѣ своего дома, она сказала:

— Приходите завтра въ пять часовъ... Мнѣ хочется поговорить съ вами.

И на другой день она говорила ему:

— Я замѣчаю, что вы близко присматриваетесь къ моей жизни.

— Да, это правда, — и, краснѣя, онъ спросилъ: — быть можетъ, ей это неприятно? — Нимало; къ тому же она знаетъ, что это его любимѣйшее развлеченiе, и она понимаетъ, что ему хотѣлось разгадать ту загадку, что онъ встрѣчалъ въ ней. Но онъ хорошо сдѣлалъ, что не навелъ о ней справокъ у другихъ, а пытался разобраться самъ. Иначе онъ составилъ бы себѣ о ней совершенно превратное мнѣнiе. Что думаютъ о ней остальные—ей все равно, но онъ, во имя прошлаго и давности ихъ дружбы, имѣетъ право знать больше, чѣмъ другiе. Обстоятельства толкнули ее на такой путь, котораго она никогда не избрала бы сама. Онъ зналъ ее Сибиллою де-Рошморъ, и вотъ эта-то Сибилла и хочетъ довѣрить ему свою тайну, какъ другу. И, плотно усѣвшись въ низкомъ креслѣ, она рассказала ему слѣдующее. Выходя замужъ, она не чувствовала еще любви къ своему мужу, но твердо рѣшилась быть ему вѣрной и преданной женой, потому что обладала честною по природѣ натурой. Райскаго блаженства отъ брака она благоразумно не ожидала и невозможной добродѣтели отъ мужа не требовала. Считать его влюбленнымъ въ себя она имѣла полное право, потому что богатства ему не приносила. Но едва прожили они три мѣсяца на Лаго-Маджiore, какъ ей пришлось убѣдиться, что мужъ ей измѣняетъ. Была ли вообще между новобрачными нѣкоторая холодность, или потому, что Сибилла всегда любила проводить нѣсколько часовъ въ день наединѣ съ самой собою, но она не требовала постоянного присутствiя мужа, на что такъ падки молодыя жены. А лордъ Боклеркъ частенько оставлялъ ее одну, подъ предлогомъ упражненiй въ спортѣ, такъ излюбленномъ истыми британцами. И вотъ онъ переправлялся ежедневно на ту сторону озера, въ Палланцу, къ своей любовницѣ, которую онъ поселилъ тамъ одновременно

съ водвореніемъ жены на противоположномъ берегу. Это была давнишняя связь, прерванная лишь на время...

На этомъ мѣстѣ голосъ Сибиллы оборвался... Никогда не простить она этого оскорбленія... Фабрицій долженъ знать, что, за исключеніемъ самыхъ близкихъ родныхъ и ея друга Маріонъ Морганъ, эта тяжелая тайна неизвѣстна никому...

Узнала Сибилла правду про мужа совершенно случайно, отъ болтливаго итальянца-лодочника, катавшаго ее по озеру и не знавшаго, съ кѣмъ онъ говоритъ. Оказалось, что лордъ Боклеркъ давно уже состоялъ въ связи съ каскадной пѣвицей изъ „Альгамбры“, поссорился изъ-за нея съ родными и погрязъ въ омутѣ разврата. Его родители, лордъ и лэди Лайсморъ, постоянно дрожали, какъ бы ихъ сынъ не обвинчался съ каскадной пѣвицей, — въ Англіи подобные браки такъ легко заключаются. Нивакія вразумленія не дѣйствовали. Но вотъ Боклеркъ запутался въ дѣлахъ до того, что и ростовщики не могли помочь ему. Тогда лордъ и лэди Лайсморъ предложили ликвидировать всѣ его долги, но подъ тѣмъ условіемъ, что онъ женится и выберетъ себѣ жену изъ хорошаго круга. Они думали, что женитьба положитъ конецъ его связи, полагая, что сынъ ихъ не потерялъ еще окончательно свою честь. Бросая чистую дѣвушку въ его нечистыя объятія, они думали, что близость непорочной дѣвической души очиститъ его испорченную душу. Лордъ Боклеркъ принялъ ихъ предложеніе, но въ Англіи найти невѣсту ему было трудно, кредиторы сильно прижимали его, и вотъ онъ отправился въ Парижъ, гдѣ случайная встрѣча съ Сибиллой рѣшила все. Она подходила вполнѣ къ требованіямъ его родныхъ и даже приходилась имъ родственницей.

Все это Сибилла узнала отъ него самого, потому что потребовала отъ него немедленнаго объясненія. Разсказалъ онъ все это крайне вѣжливо, но имѣлъ наглость пожалѣть, что она узнала правду именно въ этотъ день, такъ какъ на завтра особа эта уѣзжаетъ изъ Италіи, и все могло бы быть исправлено. Цинизмъ этотъ пробудилъ въ Сибиллѣ не ревность, а бѣшенство, и она готова была убить мужа. Онъ оставилъ ее одну; она успокоилась и рѣшила просто уѣхать отъ него. Въ ней говорила оскорбленная гордость: это не простая измѣна, когда прощеніе возможно, а гнуснѣйшая продѣлка. Но какъ ей быть? Она хорошо понимала, что нарушить съ шумомъ и скандаломъ союзъ, освященный религіей и закономъ, нельзя, потому что это покроетъ позоромъ два безупречныхъ имени. Для ея бѣдной старухи-бабушки это будетъ страшнымъ ударомъ. Жить съ му-

земь она отнынѣ не можетъ, но слѣдуетъ найти удобный и приличный исходъ. Она заперлась у себя, и мужъ не беспокоилъ ея. Въ Палланцу онъ болѣе не ѣздилъ, потому что было незачѣмъ. Супруги встрѣчались только за столомъ, и его холодно-корректныя манеры не внушали неопытной Сибиллѣ никакихъ опасеній. Но вотъ разъ вечеромъ онъ явился въ ея спальню совершенно пьяный. До той поры она не замѣчала въ немъ этого порока—такъ хорошо онъ умѣлъ владѣть собою. Онъ бросился на нее. Ей подвернулся подъ руку арабскій кинжалъ, принадлежавшій ея отцу, и съ которымъ она нивогда не разставалась. Она всадила его въ мужа наугадъ. Онъ вырвалъ кинжалъ и, казалось, готовился заколоть ее, но спотынулся о медвѣжью шкуру, упалъ и выронилъ оружіе. Сибилла вновь завладѣла кинжаломъ; мужъ внушалъ ей теперь такое омерзѣніе, что вздумай онъ вновь броситься на нее—она заколола бы его какъ бѣшеную собаку. Но видъ крови отрезвилъ обоихъ. Онъ всталъ съ пристыженнымъ видомъ, сдѣлалъ надъ собою усиліе, оторвалъ рукавъ, при чемъ на плечѣ обнаружилась довольно глубокая рана, и попросилъ Сибиллу перевязать ее полотенцемъ. Затѣмъ онъ хладнокровно посовѣтовалъ ей смыть кровь, пока она свѣжа, и ушелъ къ себѣ, отказавшись отъ ея предложенія проводить его. На другой день онъ попросилъ ее забыть обо всемъ происшедшемъ, и она должна признаться, что тутъ онъ выказалъ себя настоящимъ джентльмэномъ. Натура у него была желѣзная, да и рана легкая,—и Сибилла уѣхала въ Парижъ, какъ только рана зажила. Она должна была написать ему оттуда и условиться насчетъ будущаго, но на другой же день онъ телеграфировалъ ей, что уѣзжаетъ въ Америку, а потомъ она узнала, что онъ вернулся къ своей любовницѣ и развѣзжаетъ вмѣстѣ съ нею. Съ тѣхъ поръ она его болѣе не видала. Лордъ Лайсмортъ явился немедленно въ Парижъ, умолялъ ее не затѣвать развода, и она уступила ему, тоже не желая публичнаго скандала. Къ тому же она готовилась стать матерью. Ея собственныя средства были невелики, и она приняла предложенія родни мужа, съ которою осталась въ наилучшихъ отношеніяхъ, и которая дѣлала все возможное, чтобы облегчить ея положеніе, считая себя невольною виновницей ея несчастія. Она обязалась жить въ Англіи. Ея сынъ, Реджинальдъ Олифаунтъ, наслѣдникъ титула маркиза Лайсмора, родился подъ кровлею дѣда. Не сразу полюбила она этого ребенка, этотъ живой залогъ ея ненавистнаго замужества. Но мать одержала въ ней верхъ, и она нѣжно привязалась къ крошкѣ Реджи,—къ сожалѣнію, очень похожему на

отца. Съ самаго ея возвращенія въ Парижъ, она никогда не принимала вида покинутаго Ариадны и никому не повѣряла нанесеннаго ей оскорбленія. Чувство личнаго достоинства не позволяло ей этого, да и рана была не сердечная, а она была молода, и ей хотѣлось жить. Поведеніе ея мужа возвратило ей свободу. За нею, конечно, ухаживали, и мужчины воображали, что она нуждается въ утѣшеніи. Нѣтъ, она хотѣла не утѣшеній, а реванша; она не хотѣла, чтобы ее жалѣли и удивлялись, какъ мужъ могъ пренебречь ею? Она добивалась мести за свою поруганную честь, за свое обманутое довѣріе, и не заботилась, какъ эта месть отразится на ея репутаціи. Она хотѣла имѣть толпу поклонниковъ, внушать восторгъ; пусть добиваются ея благосклонности, пусть трубятъ о ней повсюду. Но для подобной цѣли необходима рамка утонченностей роскоши, среди которыхъ женщина хорошеетъ и кажется особенно красивой. Вотъ почему она и согласилась на сдѣлку, предложенную ей родней мужа. И ей скоро удалось прослыть за модную женщину довольно легкаго поведенія, и если толки молвы дошли до лорда Боклерка, то онъ знаетъ теперь цѣну того, что онъ отвергъ. Но молва преувеличиваетъ, приписывая ей нѣсколькихъ любовниковъ. Любить она не хотѣла или не могла, а просто предавалась немного жестокому спорту разжиганія мужскихъ вожделѣній, не уступая никому. Тѣ, кто хвастаются ея благосклонностью, просто лгутъ изъ тщеславія или досады. Въ началѣ эти сплетни ее волновали, но потомъ она закалилась. Бываютъ и очень крупныя непріятности; случается подвергнуться оскорбленію, а это влечетъ подчасъ за собою крупное возмездіе...

Фабрицій понялъ, на кого она намекаетъ.

Выслушавъ ея рассказъ, онъ замѣтилъ ей, что, должно быть, она никогда не встрѣчала истинно любящаго сердца...—Впрочемъ, нѣтъ: кажется, одинъ разъ она отъ этой игры и воздержалась... Да, онъ не ошибается, иногда встрѣчаешься съ такою страстью, что съ нею шутить нельзя: все или ничего... Наконецъ, герцогъ—разъ уже Фабрицій принуждаетъ ее высказаться до конца—вполнѣ достойнъ любви... Кромѣ того, такая блестящая побѣда вполнѣ отвѣчала ея планамъ. Рано ли, поздно ли, а это было неминуемо. И вотъ она уступила герцогу... Ничего лучшаго и придумать было нельзя!

Говоря это, она улыбнулась такой прелестной, намѣренно циничной улыбкой, что Фабрицій не вытерпѣлъ... Положимъ, она права, но вѣдь въ такихъ случаяхъ приходится зависѣть отъ своего высокаго покровителя. Нельзя отвязываться ни отъ его

приглашенія... ни отъ его посѣщенія...—Ахъ! вотъ это прекрасно! онъ осмѣлился шпионить за нею! Тѣмъ хуже для него... Кто подслушиваетъ у дверей, тотъ рискуетъ услышать что-нибудь тяжелое для себя. Шпионство должно терпѣть кару. Но она на него не сердится, она не таитъ своей жизни, если и не выставляетъ ея напоказъ. Имѣющій очи, да видитъ... или угадывается.

— Но какъ приважете поступить влюбленному въ васъ ревнивцу?

Любить ее не надо. Поздно. Она любитъ другого...—Полно, такъ ли? Она только-что говорила объ удовлетвореніи своей гордости...—Вотъ именно, она, можетъ быть, способна любить не иначе, какъ изъ гордости...

— Вы клеветаете на себя.

— Нисколько. А хотите ли знать, что именно заставило меня отрѣшиться отъ обычной холодности? Герцогъ обратилъ вниманіе на лэди Родерикъ Сень-Моръ. И вотъ я вспомнила, что нѣкогда эта красавица отвлекла отъ меня интересовавшаго меня человѣка, и мнѣ показалось интереснымъ отбить у нея герцога.

Что она говоритъ?! Возможно ли это? И, глубоко потрясенный, онъ спросилъ.

— Вы любили меня, Сибилла?

Да, она полюбила бы его тогда, еслибы онъ этого захотѣлъ. Иныя гордыя дѣвственныя натуры не поддаются чувству, когда не имѣютъ основанія надѣяться на взаимность. А какъ могла она надѣяться на его взаимность, когда онъ ни разу объ этомъ не заикнулся!..

И пусть онъ теперь не оправдывается и не лжетъ—она предпочитаетъ не знать его тогдашнихъ побужденій. И пусть онъ не думаетъ, что его поведеніе ее огорчило; вовсе нѣтъ, въ чему ей скрывать правду! А просто, онъ промолчалъ тогда—изъ осторожности, а она—изъ гордости, и они прошли мимо одинъ другого, тогда какъ, пожалуй, могли бы быть счастливы вмѣстѣ. А всего лучше было бы, еслибы ихъ пути никогда не встрѣчались.—Почему? Развѣ это не реваншъ для нея—его жгучія, безплодныя сожалѣнія? И пусть она не говоритъ, что она сдѣлала ему зло... Какъ ни тяжело для него сознаніе прошлой ошибки, все же то, что онъ узналъ сегодня, вноситъ отраду въ его душу...—Вотъ и выходитъ, что ей слѣдовало промолчать... Пусть теперь они забудутъ обо всемъ и останутся друзьями...

— Друзьями? Теперь моя очередь отвѣтить: поздно! Если

всѣ эти воспоминанія прошлаго вызываютъ въ васъ лишь легкое умиленіе, то для меня это страшно важно, потому что съ той самой минуты, какъ я вновь встрѣтился съ вами, я всецѣло принадлежу вамъ. Забыть? Прошлое? Охотно, потому что это—тяжелое воспоминаніе. Но будущее, Сибилла? Вѣдь будущее въ нашей власти. Или вы воображаете, что жизнь для васъ кончена? Неужели вы думаете, что исполненіе притворной роли всегда будетъ наполнять вашу жизнь? Вы кинули вызовъ оскорбителю и восторжествовали надъ нимъ... прекрасно. Но вѣчная война и даже побѣды—утомляютъ подъ конецъ. Неужели вы думаете найти въ одномъ удовлетвореніи гордости то, чего вамъ не далъ ненавистный бракъ? Не говорите мнѣ, что вы не хотите любви... она говоритъ всего сильнѣе въ самыхъ гордыхъ сердцахъ...

И онъ завладѣлъ руками Сибиллы. Но она оттолкнула его, напомнивъ о томъ, кто былъ тутъ вчера, на этомъ самомъ мѣстѣ и почти въ той же самой позѣ... Фабрицій гнѣвно всталъ, и между ними наступило продолжительное молчаніе.

— Вамъ пора уходить, повдно, — сказала усталымъ голосомъ Сибилла.

Нѣтъ, онъ не можетъ разстаться съ нею такъ. Онъ любитъ ее, безумно любитъ, и никакія слова не въ силахъ это измѣнить.

— Къ чему любить, разъ я не свободна?

— Свободу всегда можно себѣ вернуть.

— Развѣ вамъ неизвѣстно мое непоколебимое рѣшеніе никогда не разрывать связывающихъ меня узъ?

— Вы отлично знаете, что я подразумѣваю вовсе не лорда Боклерка... Не возражайте, я вашъ всецѣло и навсегда. Я не въ силахъ оторваться отъ васъ, еслибы даже и захотѣлъ. Я просто стану ждать, сколько вамъ будетъ угодно.

Онъ снова завладѣлъ ея руками, поцѣловалъ ихъ и быстро вышелъ.

VI.

Сибилла, дѣйствительно, приняла нѣкогда рѣшеніе жить безъ любви. Три мѣсяца супружеской жизни съ такимъ испорченнымъ человѣкомъ, какъ лордъ Боклеркъ, вселили въ пей такое отвращеніе, что она поклялась изгнать навсегда любовь изъ своего сердца и обихода. Материнское чувство, глубокая привязанность къ немногимъ тщательно выбраннымъ друзьямъ и безпечальная жизнь въ обстановкѣ утонченной роскоши и художественныхъ

наслажденій—развѣ всего этого не достаточно для счастья? Ей нравилось внушать любовь мужчинамъ и самой не поддаваться любви. Но подобная игра не проходитъ безнаказанно и развращаетъ душу. Когда герцогъ обратилъ свое благосклонное вниманіе на Сибиллу, она искренно вообразила, что сердце ея согласно съ ея гордостью, и понимая, что паденіе неизбѣжно, искренно пыталась полюбить герцога. Онъ вполнѣ могъ внушить страсть женщинѣ: онъ былъ красивъ, обольстительно изященъ и надѣленъ блестящими душевными качествами. Подобно прирожденнымъ побѣдителямъ сердець, онъ обладалъ способностью всегда быть искренно влюбленнымъ въ каждую новую женщину. Весьма проникательный по природѣ, онъ сейчасъ же распозналъ въ Сибиллѣ здравый умъ, прямоту, энергію, гордость, и понялъ, что должны имѣться тайныя причины, толкнувшія ее повидимому на избранный ею путь. Она не заикнулась ему ни о чемъ, но онъ самъ догадался, въ чемъ дѣло, и сталъ окружать ее совершенно особыми вниманіемъ и уваженіемъ. Но хотя проявленіе его любви и трогали Сибиллу, она не полюбила его настолько, чтобы простить себѣ самой свое паденіе. И чтобы заглушить голосъ своей совѣсти, она повторяла себѣ, что это нужно для ея мести. Упрекая себя въ отсутствіи страсти, она утѣшала себя тѣмъ, что ей будетъ, по крайней мѣрѣ, не трудно перенести неизбѣжный разрывъ. Она знала, что это не могло длиться всегда. И то уже удивительно, что это непостоянное сердце занято ею вотъ уже два года. Не любя его сама, она и не пыталась удерживать герцога. Ея прямая натура начинала тяготиться созданнымъ ею положеніемъ. Опьяненіе мести прошло. Но какъ быть? Какъ сбросить съ себя добровольно надѣтую маску? Бросить свѣтъ она не могла, потому что все въ ней требовало жизни вокругъ себя.

Да и потребность любить, насильно подавленная ею, предъявляла теперь свои права, а Фабрицій, котораго она разъ чуть-чуть не полюбила, подвернулся именно тогда, когда она начинала чувствовать пустоту жизни безъ любви. Въ ней вспыхнуло прежнее чувство, и оно-то и побудило ее высказаться Фабрицію. Чтò будетъ съ ними дальше, она не знала, но себя она считала совершенно свободною. Даже семья ея мужа, сознавая его вину, не посягала нимало на ея свободу. Все зависѣло теперь отъ нея самой. И теперь она презирала себя за то, что отдалась безъ любви. Быть можетъ, искренняя любовь искупитъ ея прошлое поведеніе. У нея кружилась голова, точно на краю пропасти... Никому не признавалась она, даже своей

вѣрной Маріонъ, но та угадывала чутьемъ ея душевную борьбу и нѣжно наблюдала за своей подругой, немного поблѣднѣвшей, но по-прежнему непроницаемой...

Нѣсколько дней спустя, обѣ подруги сидѣли на террасѣ Вестминстерскаго дворца надъ Тэмзой, гдѣ такъ прохладно въ жаркіе лѣтніе дни. Сотни столиковъ разбросаны по террасѣ, а за ними сидятъ группы дамъ въ свѣтлыхъ лѣтнихъ туалетахъ. За этими гордыми стѣнами засѣдаетъ палата общинъ. Но депутаты не сидятъ тамъ цѣлый день, а выходятъ на террасу поболтать съ многочисленными посѣтителями, уѣзжаютъ обѣдать въ гости или спускаются въ ресторанъ при дворцѣ. Отъ пяти до семи часовъ галантные законодатели предлагаютъ на террасѣ чай своимъ прекраснымъ пріятельницамъ, и тутъ бывають всѣ сливки общества. Прислуживають гостямъ прехорошенькія maids, скромно, но кокетливо одѣтыя.

При первомъ звукѣ электрическаго звонка, депутаты, болтавшіе съ дамами или курившіе, бросаются обратно въ залу засѣданій, потому что звонокъ означаетъ приступленіе къ голосованію. Серьезные члены, остававшіеся въ залѣ засѣданій, сейчасъ же сообщаютъ своимъ сотоварищамъ, какой именно вопросъ обсуждался, и каждый узнаетъ, за чтѣмъ ему подавать голосъ. Для правительства и оппозиціи только и важно, чтобы вотировали всѣ.

На террасѣ Сибилла указывала Маріонъ на очаровательно хорошенькую, но чересчуръ разряженную и колоссально богатую американку, миссисъ Морриссонъ, съ нѣкоторыхъ поръ всюду вывозимую сидѣвшею подлѣ нея лэди Родерикъ Сень-Моръ. Красавица-американка была пустой, взбалмошной и безсердечной куколкой. За послѣднее время герцогъ Корнваллисъ такъ ухаживаетъ за этой новой красоткой, что дѣло было ясно. Пусть его ухаживаетъ,—Сибилла и не думаетъ оспаривать его у другой. Она знаетъ, что дружбы его она никогда не потеряетъ, а только это и важно, такъ какъ она глубоко его уважаетъ и дорожить его симпатіей. А все остальное давно уже тяготитъ ее. Когда же Маріонъ спросила ее, давно ли она помышляетъ объ этомъ разрывѣ, Сибилла отвернулась и отвѣчала:

— Кто можетъ опредѣлить навѣрное, когда ему пришла впервые та или другая мысль.

На дѣлѣ, она давно объ этомъ думала. Но ей хотѣлось удержать его еще при себѣ, чтобы покончить съ Лесли, а кромѣ нея никто не могъ бы добиться его нейтральности въ этомъ вопросѣ, безъ которой избавить его отъ Лесли было бы невозможно. Ей пришлось сознаться герцогу въ томъ, что люби-

мечь его указываетъ за нею. Лесли отлично понялъ, въ чемъ дѣло, а потому и не пытался обратиться къ своему высокому покровителю. Все вышло именно такъ, какъ она желала. Она хорошо поступила, избавивъ герцога отъ такого опаснаго любимца, но теперь ей почти жаль, что она поддалась тогда ненависти. Отнынѣ она не хочетъ болѣе ненавидѣть.—А увѣрена ли она, что не хочетъ болѣе любить?

— Замолчи, замолчи! — съ трепетомъ отвѣчала Сибилла.— Я сама не знаю еще, что сдѣлаю завтра. И пусть падетъ вина за мою испорченную жизнь на того, кто ее испортилъ и осквернилъ...

Въ эту минуту она думаетъ уѣхать—и подальше, хотя не знаетъ еще, куда именно...

Давъ ей немного успокоиться, Маріонъ заговорила съ нею о лордѣ Боклеркѣ. Она передала ей то, что слышала отъ своего брата, только-что вернушагося изъ Трансваала и встрѣтившагося тамъ съ Боклеркомъ. Боклеркъ пріѣхалъ туда охотиться, но, узнавъ объ экспедиціи, снаряжавшейся противъ какого-то дикаго племени, присоединился къ ней. Во время кампаніи понадобилось послать парламентаря къ одному изъ племенъ. Никто не рѣшался. Лордъ Боклеркъ вызвался самъ, взялъ съ собою переводчика, налетѣлъ на ошеломленныхъ дикарей, потребовалъ къ себѣ самого ихъ короля, предложилъ ему трубку, любезно представилъ ультиматумъ и вернулся обратно невредимымъ. Хладнокровіе его терроризировало дикарей, и они приняли его за колдуна. Пока въ человѣческой душѣ живутъ такая твердость и отвага, отчаяваться въ человѣкѣ нельзя. Нензлечимы только слабые духомъ.—Сибилла согласилась съ этимъ, и отъ всего сердца пожелала для своего сына, чтобы отецъ его исправился.

— Какъ знать, что ждетъ тебя въ будущемъ?.. Мирный исходъ былъ бы для тебя наилучшимъ...

Никогда! Впрочемъ онъ не посмѣетъ! И съ какой стати Маріонъ на это намекаетъ?—А потому, что на рассказы ея брата о Сибиллѣ Боклеркъ отвѣчалъ: „Да этакъ мнѣ захочется вернуться въ Англию, хотя бы для того, чтобы стать любовникомъ моей жены“.

Сибилла вспыхнула, и странная улыбка мелькнула на ея губахъ. Да! эта гнусная фраза вполне въ духѣ ея мужа.

Къ нимъ подошелъ Фабрицій; онъ попросилъ Сибиллу позволить ему проводить ее до дому и зайти къ ней, потому что онъ рѣшился уѣхать завтра, и ему нужно съ нею поговорить. Сибилла согласилась.

Очутившись вдвоемъ въ гостиной Сибиллы, они обмѣнялись

взволнованнымъ взглядомъ. — Итакъ, онъ уѣзжаетъ... значить, онъ раздумалъ ждать?.. — О, нѣтъ, онъ будетъ ждать... но тутъ ему тяжело... Онъ вернется, когда справится съ собою и не будетъ надобно ея видомъ своихъ терзаній...

Всевластные чары любви побѣдили Сибиллу, и она тихо спросила:

— Вы ѣдете завтра утромъ?

— Съ одиннадцати-часовымъ поѣздомъ въ Калѣ.

— А отсюда?..

Онъ поднялъ на нее изумленный взоръ. Что значить этотъ кроткій блескъ ея глазъ?

— Пока въ Парижъ.

— А потомъ?

Онъ отвѣчалъ неопредѣленнымъ жестомъ, а она сказала:

— Оставайтесь въ Парижѣ и ждите меня.

На этотъ разъ любовь смела все остальное въ душѣ Сибиллы. Гордость умоляла. Не теряя времени, она все устроила: потребовала обратно свою свободу, которую ей галантно возвратили, прося вѣрить въ почтительнѣйшую дружбу; привела въ порядокъ дѣла, оставила ребенка Лайсморамъ и уѣхала, давъ только имъ свой адресъ на континентѣ. Старики ни о чемъ не допытывались, не считая себя въ правѣ посягать на ея свободу. Въ Англии, впрочемъ, принято развѣзжаться въ разныя стороны, не сообщая даже своего адреса. А потому знакомые Сибиллы не удивлялись.

Сибилла наняла небольшой охотничій павильонъ въ Компьенскомъ-лѣсу, а Фабрицій поселился въ ближайшемъ мѣстечкѣ въ гостинницѣ. Никто ихъ тамъ не зналъ, и они свободно катались и гуляли по лѣсу. По вечерамъ Фабрицій уѣзжалъ къ себѣ, но какъ-то разъ сильнѣйшая гроза задержала его поздно у Сибиллы.. Горничная Сибиллы была безусловно предана ей, а остальная прислуга была нанята въ Парижѣ, и ничего не знала о своей госпожѣ.

И потянулись блаженные дни. Утомленная годами душевныхъ тревоженій и искусственной жизни, гдѣ все приносилось въ жертву самолюбію и гордости, Сибилла отдыхала душой. Она любила Фабриція всѣмъ сердцемъ, а страсти того не было границъ. Только сознаніе непрочности этого счастья омрачало ихъ восторги. Три мѣсяца прожили они душа въ душу. Но вотъ наступилъ октябрь, и, глядя на падающіе, пожелтѣвшіе листья, они съ грустью

думали о разлукѣ. Порядочность Сибиллы не позволяла ей ввести въ домъ Лайсморовъ, на охотничій сезонъ, своего любовника. Значить, ихъ ожидала трехмѣсячная разлука. Послѣ Рождества Сибилла прїѣдетъ съ ребенкомъ въ Италію къ вѣрной Маріонъ, и тамъ они опять будутъ вмѣстѣ, а потомъ вернутся всѣ въ Лондонъ. Но свѣтскія обязательства будутъ ежеминутно отрывать ее отъ него, а теперь онъ не могъ больше жить безъ нея. Несмотря на всѣ его мольбы, Сибилла не соглашалась требовать у мужа развода, не желая огорчать этимъ публичнымъ скандаломъ такъ хорошо отнесшихся къ ней отца и мать мужа. Когда она давала имъ обѣщаніе не затѣвать развода, она, правда, никого не любила, но простая честность не позволяетъ ей нарушить даннаго слова. Наконецъ, ея природная религіозность не позволяетъ ей разрывать узы, освященныя церковью, пока мужъ ея не сдѣлалъ ничего такого, что обезчестило бы его непоправимо... Но къ чему объ этомъ говорить,—они теперь такъ счастливы!..

По мѣрѣ того, однако, какъ время шло, безотчетная тоска все глубже закрадывалась въ ихъ душу. И внезапно одно мрачное, дождливое утро рѣшило все... Къ Сибиллѣ явился покрытый грязью, промокшій нарочный и подаль ей телеграмму. Она изменилась въ лицѣ, читая ее. Лордъ Лайсморъ опасно занемогъ, и ее вызывали немедленно къ нему.

Фабрицій почувствовалъ, что все погибло. Почему? Онъ и самъ не могъ объяснить, но блѣдность Сибиллы говорила, что и она раздѣляетъ его смутное опасеніе. Но она не предавалась сложнымъ размышленіямъ, вся охваченная тревогой за старика, къ которому была искренно привязана. Она лихорадочно искала указателя поѣздовъ; кажется, изъ Компьена идетъ курьерскій поѣздъ въ 5 ч. 14 м., и она поспѣетъ къ ночному пароходу. Въ сущности этотъ поспѣшный отъѣздъ ускоряетъ ихъ разлуку только на двѣ недѣли; но когда дѣло идетъ о смерти, задумываться нельзя. Онъ выѣхалъ съ нею въ Парижъ. Было рѣшено, что Фабрицій поселится въ павильонѣ Сибиллы, распустить лишнюю прислугу и будетъ ждать дальнѣйшихъ событій. Когда на вокзалѣ сѣверной желѣзной дороги она сѣла съ горничной въ вагонъ, они обмѣнялись грустной улыбкой, онъ поцѣловалъ поверхъ перчатки ея руку, и они разстались.

VII.

Семидесятилѣтній Лайсморъ, здоровый и крѣпкій старикъ, сохранилъ удивительную бодрость и многія привычки молодости. Между прочимъ, онъ былъ страстный охотникъ. И вотъ въ одно осеннее, холодное и туманное утро онъ простудился на охотѣ, схватилъ воспаленіе легкихъ, и скоро всякая надежда была потеряна. Вся семья собралась у его изголовья; прїѣздъ Сибиллы особенно его порадовала, потому что онъ питалъ въ ней истинно отеческую любовь съ нѣкоторой долей уваженія. Съ самаго начала онъ стужалъ положить конецъ всякимъ пересудамъ на ея счетъ и упрочить ея положеніе въ семьѣ, какъ жены его единственнаго сына и наслѣдника и какъ матери будущаго наслѣдника ихъ имени.

До послѣдней минуты маркизъ сохранилъ свое сознаніе и ясность духа честнаго человѣка и христіанина. Сибилла не отходила отъ него. Незадолго до агоніи, уже заплетающимся языкомъ, онъ попросилъ, чтобы ему привели маленькаго Реджинальда, положилъ на его свѣтлыя вудри свою уже холодбующую руку, другою взялъ за руку Сибиллу и взглядомъ благословилъ обоихъ. Слезы помѣшали Сибиллѣ разобрать тайный смыслъ этого потухающаго взора, но вскорѣ это должно было объясниться ей. Въ ту же ночь старикъ скончался. Лорду Боклерку была отправлена телеграмма уже на третій день болѣзни его отца, но никто еще не зналъ, дошла ли до него эта телеграмма.

Въ день похоронъ *solicitor*, завѣдывавшій дѣлами семьи до прїѣзда наслѣдника, передалъ Сибиллѣ запечатанный конвертъ, найденный имъ въ бумагахъ покойнаго. На конвертѣ стояла надпись: „Передать моей невѣсткѣ, графинѣ Боклеркѣ, послѣ моей смерти“. Не сразу вскрыла его Сибилла, заранѣе смущаясь передъ тѣмъ, что ожидало ее. Но когда она рѣшилась, — видъ листовъ, исписанныхъ уже слаббющей рукою, тронулъ ее. Она стала читать:

„Опасаясь, что мои преклонныя лѣта не восторжествуютъ надъ какимъ-нибудь злымъ недугомъ, я спѣшу исполнить свой долгъ прежде, чѣмъ предать себя Господней волѣ.“

„Я попросилъ вызвать мою дорогую невѣстку, Сибиллу Боклеркѣ. Но она можетъ прибыть, когда меня не будетъ уже въ живыхъ, или когда слабость помѣшаетъ мнѣ высказать ей все необходимое. Впрочемъ, избавляя ее отъ потрясающихъ сценъ у смертнаго ложа, я тѣмъ самымъ отнимаю у моего послѣдняго

желанія характеръ насилія. Я не хочу, чтобы она насилывала свою душу, желая скрасить мои предсмертныя минуты. Я знаю, какъ возвышенны ея чувства и великодушна ея душа, я знаю, какъ она любитъ своего ребенка, какъ привязана ко мнѣ и къ моей семьѣ, и увѣренъ, что она исполнитъ мое желаніе, если найдете это возможнымъ.

„Вы, конечно, догадываетесь, въ чемъ дѣло, милая Сибилла. Быть можетъ, вы думали уже не разъ, что настанетъ день, когда я скажу то, что вы прочтете дальше. Вы знаете, что я никогда не пытался смягчить передъ вами вину Боклерка. Я знаю, что обязанъ вамъ признательностью за то, что вы почтили наше имя, продолжая носить его. Еще разъ благодарю васъ въ эту торжественную минуту, — пусть таково будетъ мое послѣднее прощаніе.

„Недолгое знакомство ваше съ мужемъ показало вамъ его въ такомъ позорномъ свѣтѣ, что вы имѣете право быть строгой и неумолимой. Тѣмъ не менѣе, какъ отецъ, я знаю его лучше васъ, и, несмотря на все его гнусное поведеніе, я убѣжденъ, что въ немъ сохранилась природная честь, которая потомъ возьметъ свое. Нѣтъ сердца недоступнаго раскаянію! Я знаю, до чего онъ гордъ, и увѣренъ, что, быть можетъ, на другой же день прискорбной сцены, разлучившей васъ, онъ мечталъ о вашемъ прощеніи, но не посмѣлъ идти на встрѣчу отказу. Но время сдѣлало свое дѣло. Онъ понялъ, наконецъ, что сознаніе въ своей винѣ его не унижить, а возвыситъ. И вотъ онъ обратился ко мнѣ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, прося моего заступничества передъ вами и предоставляя мнѣ выборъ минуты, подходящей для этого сообщенія. Мнѣ некогда объяснять вамъ теперь, почему я колебался до настоящей минуты. И я не жалѣю объ этой отсрочкѣ, потому что думаю—вы отнесетесь лучше къ словамъ умершаго.

„Я хорошо знаю, что вы имѣете полное право быть непреклонной. Но вы также хорошо знаете, какія у меня могутъ быть основанія желать этого примиренія, и у васъ слишкомъ много сердца, чтобы не понять меня. Главнѣйшее основаніе, конечно,—вашъ ребенокъ, которому придется же объяснить, наконецъ, почему онъ не знаетъ своего отца, а слѣдовательно—опозорить этого отца.

„Къ тому же, рано ли, поздно ли, Боклеркъ вернется. Если смерть и пощадитъ меня еще, все-же конецъ мой близокъ. И вотъ онъ долженъ будетъ вернуться подъ отцовскій кровъ,—а вѣдь этотъ кровъ также и вашъ, дочь моя. Какovy будутъ тогда ваши взаимныя отношенія? Но самая лучшая изъ всѣхъ суще-

ствующихъ для подобныхъ положеній комбинацій ни къ чему не приведетъ. Что будетъ съ Реджи? Права ваши надъ нимъ неоспоримы, а между тѣмъ онъ—наслѣдникъ своего отца, котораго онъ никогда не видалъ!

„Но, помимо этого важнаго соображенія, у меня имѣется еще и другое. И здѣсь я обращаюсь къ благородству вашей души! Отъ васъ всецѣло зависитъ спасеніе и возстановленіе общественной чести вашего мужа. Для того, чтобы будущій маркизъ Лайсморъ занялъ вновь въ свѣтѣ подобающее ему мѣсто, ваше содѣйствіе необходимо. Вы одна можете вернуть ему утраченное. Вѣрьте, что онъ искупилъ уже свою вину добровольно наложеннымъ имъ на себя изгнаніемъ, а также сожалѣніемъ объ утраченной нѣжности. Теперь онъ созрѣлъ и сможетъ смыть пятно своей молодости. Вы знаете, какую отвагу выказалъ онъ недавно въ Трансваалѣ. Все остальное вполне зависитъ отъ васъ. Это дѣло достойно вашего женскаго великодушія: развѣ ваша гордость не была бы удовлетворена, если бы вамъ удалось вернуть вашему сыну отца?

„Осмѣлюсь ли добавить, дорогая дочь моя, что и для васъ лично все это можетъ быть полезно? Я понималъ лучше, чѣмъ вы думаете, почему вы такъ добивались свѣтскихъ успѣховъ и поклоненія, лестныхъ для гордости громкихъ побѣдъ. То было для васъ справедливымъ реваншемъ за жестокое разочарованіе, постигшее васъ въ началѣ вашей замужней жизни. Я не моралистъ, а просто свѣтскій человѣкъ, старикъ, снисходительный къ заблужденіямъ молодого сердца. А потому я и не пытаюсь насиловать чужую совѣсть. Но я слишкомъ высоко ставлю васъ, и увѣренъ, что настанетъ время, когда всѣ эти мимолетныя удовлетворенія гордости, замѣняющія для васъ то семейное счастье, въ которомъ отказала вамъ судьба, станутъ тяготить васъ. А что же можетъ всего лучше удовлетворять вашу гордость, какъ не ваше законное, первенствующее положеніе въ семьѣ, не лишенной знатности и значенія въ своей странѣ?

„Прося васъ вернуться къ совмѣстной супружеской жизни, я надѣюсь, что не требую отъ васъ черезчуръ тяжелой сердечной жертвы. Нѣсколько времени тому назадъ, я могъ бы утверждать это съ увѣренностью... И, конечно, я поступилъ бы лучше, высказавшись тогда же. Если же обстоятельства теперь измѣнились, то, быть можетъ, вы почерпнете мужество подавить свои чувства въ сознаніи совершенія вамъ добраго дѣла.

„Что же касается вашего личнаго достоинства, то оно только выиграетъ отъ вашего великодушія. Сынъ мой приметъ непре-

кословно всѣ ваши условія. Поручкой въ этомъ—мое слово. Онъ сознаётъ, что потерялъ всѣ права мужа. Но какъ носитель нашего имени, какъ отецъ вашего сына, онъ проситъ вернуть ему имъ самимъ покинутое мѣсто у его очага.

„Никто не знаетъ о моемъ ходатайствѣ за него, дорогая дочь моя. Я нарочно скрылъ его, чтобы вы могли спокойно обсудить свое рѣшеніе, не подвергаясь ничьему давленію. Когда состоялся этотъ бракъ, который долженъ былъ принести всѣмъ намъ радость, я былъ счастливъ, что вы стали моей дочерью. И никогда не приходилось мнѣ раскаяваться въ этомъ. Вы оправдывали всегда мои надежды, и я вѣрю, что вы превзойдете ихъ теперь и примете такое рѣшеніе, которое обезпечитъ миръ и честь моего дома.—Лайсморъ“.

Всю ночь проплакала Сибилла надъ этимъ письмомъ, а на утро пришла телеграмма отъ ея мужа, извѣщавшаго, что онъ высадится черезъ двѣ недѣли въ Соутгэмптонѣ. Сибилла уѣхала въ Лондонъ наканунѣ его пріѣзда, потому что хотѣла принять его тамъ, и въ знаменательный день старый камердинеръ невозмутимо выслушалъ слѣдующее привазаніе:

— Лордъ Боклеркъ... нѣтъ! лордъ Лайсморъ вернулся изъ Африки. Онъ будетъ здѣсь въ четыре часа... Никого другого я не принимаю.

И теперь она ждала этого человѣка, котораго не видала цѣлыхъ восемь лѣтъ, и который никогда не видалъ своего ребенка. Гнѣвъ и ненависть влоботали въ ней, потому что теперь-то и начнутся ея муки. Оскорбленная гордость давно отомщена, но что утѣшить теперь ея сердце? Зачѣмъ покойный Лайсморъ не высказался раньше, когда она готовилась порвать живыя узы, и когда для нея это было бы наилучшимъ исходомъ!.. За эти дни она получала почти ежедневныя письма отъ Фабриція, и отвѣчала ему полными грусти письмами. Не скрѣла она отъ него и возвращенія мужа; писала, что вынуждена дожидаться его, для приведенія въ порядокъ дѣлъ наслѣдства. Это было ложью только отчасти, но и за нее она упрекала себя... Все остальное зависѣло отъ поведенія ея мужа.

Сегодня, въ своемъ длинномъ черномъ платьѣ изъ *сѣре de Chine*, отгнѣняющемъ ея золотистые волосы и блестящіе глаза, она красивѣе, чѣмъ когда-либо, и сознаніе это вызываетъ у нея легкую усмѣшку. Ровно въ четыре часа у дома останавливается экипажъ, раздаются громкій звоночекъ, и въ ея гостиную входятъ новый маркизъ Лайсморъ, входитъ чужимъ, просителемъ. Для Сибиллы это торжество.—Въ свои сорокъ лѣтъ онъ красивъ по-

прежнему, хотя слегка отяжелѣлъ; въ волосахъ легкая сѣдина, лицо загорѣло. Мѣсяць тому назадъ онъ носился по пустынѣ въ небрежномъ костюмѣ искателя приключеній, а теперь онъ тщательно выбритъ, одѣтъ въ безупречный черный скюртукъ, избличающій поврой знаменитаго Пуля, и до мельчайшей подробности его костюмъ и осанка обличаютъ истаго британскаго аристократа. Его отважное сердце менѣе билось въ лагерь дикарей, чѣмъ теперь, подъ этимъ выжидающимъ неумолимымъ женскимъ взоромъ. Но стальные нервы не выдаютъ его. Твердо проходитъ онъ гостиную, увѣренный, но не самодовольный, подходитъ къ сидящей у камина Сибиллѣ, беретъ пассивно предложенную ему руку и почтительно подноситъ ее къ губамъ. Быстрый взглядъ его выражаетъ восхищеніе, и вновь легкая усмѣшка пробѣгаетъ по губамъ Сибиллы, но сейчасъ же она подавляетъ невольный вздохъ...

Мужъ заговорилъ. Онъ вернулся совершенно другимъ человекомъ, и хотя не хочетъ оправдываться, но долженъ сказать, что докажетъ ей на дѣлѣ происшедшую въ немъ перемену. Лучше, впрочемъ, поменьше говорить объ этомъ... Онъ прочелъ присланное ею письмо ему покойнаго отца и всецѣло отдаетъ себя въ ея руки. Отецъ не напрасно поручился за него. Сибилла ему отвѣчала.—Пусть онъ не забываетъ, что совмѣстная жизнь ихъ будетъ только показною, на дѣлѣ каждый изъ нихъ сохраняетъ свободу.—Онъ принялъ ея ультиматумъ—и, конечно, самое лучшее—забыть совсѣмъ о прошломъ ихъ обоихъ... Пусть она не подозрѣваетъ въ немъ злого умысла... Онъ не имѣетъ права рыться въ ея жизни... То былъ дурной сонъ... Онъ вышелъ изъ него исправившимся, а она стала еще прелестнѣе... Сибиллѣ вспомнилась фраза, приписанная ему Маріонъ Морганъ, и она повраснѣла отъ досады, что не чувствуетъ себя оскорбленною...

— А когда мнѣ удастся вернуть себѣ ваше уваженіе, быть можетъ, вы разрѣшите мнѣ попытаться заслужить и вашу любовь...

Отвѣчать было нечего. Все было кончено—и какъ скоро!.. Любовь ея погибла... Но подъ упорнымъ взглядомъ мужа Сибилла не выдала себя. Она предложила ему повидаться съ сыномъ.—Конечно, но что подумаетъ о немъ ребенокъ?—Ребенокъ слишкомъ малъ, чтобы думать о такихъ вещахъ, а отъ матери онъ не слыхалъ ничего такого, что бы помѣшало ему уважать отца...—Не стоитъ благодарности, она дѣйствовала во имя прин-

ципа... И она позвонила и приказала привести ей „мастера Реджинальда“.

— „Лордъ Боклеркъ“ только-что изволили вернуться,—поправилъ ее шокированный камердинеръ, а новый маркизъ и его жена не могли не обмѣняться улыбкой. То было первымъ звеномъ вновь завязавшихся узъ...

Лордъ Лайсморъ ходилъ по гостиной. Онъ замѣтилъ портретъ герцога Корнваллиса, взялъ его въ руки и невозмутимо обратился къ столь же невозмутимой Сибиллѣ.—Портретъ недавній. Герцогъ какъ будто похудѣлъ.—Да, это вслѣдствіе его послѣдняго сезона въ Мариенбадѣ... Наступила пауза.—А скверная штука—эта исторія съ Лесли,—снова заговорилъ онъ.—Очень скверная.—Говорятъ, тутъ замѣшана женщина?—Да, говорятъ.—Женщины отваживае мужчинъ, онъ всегда это утверждалъ... А что съ Лесли покончили, тѣмъ лучше! Фатъ и наглець!..

На порогѣ показался Реджинальдъ и остановился въ замѣшательствѣ при видѣ неизвѣстнаго господина, но сейчасъ же подбѣжалъ къ матери, которая сказала ему серьезно и по-английски, что случилось только при особо важныхъ случаяхъ:

— Это, Реджи, вашъ отецъ, вернувшійся домой изъ далекихъ странствій. Теперь онъ будетъ жить съ нами. Подѣлуйте его.

Ребенокъ вспыхнулъ, самъ не зная почему, и шагнулъ къ этому высокому незнакомому господину, видъ котораго внушалъ ему робость. Маркизъ притянулъ его къ себѣ, подвергъ внимательному обзору, положилъ на его свѣтлыя кудри свою сильную, но изящную руку и сказалъ:

— Надѣюсь, мой мальчикъ, что мы будемъ добрыми друзьями, когда получше познавемся. Но сегодня я освобождаю васъ отъ преждевременныхъ нѣжностей. Дайте мнѣ вашу руку, какъ это подобаеъ маленькому джентльмену.

Затѣмъ онъ его выпустилъ, всталъ и отошелъ къ окну. Готовый заплакать, но понимая смутно, что это будетъ неумѣстно, ребенокъ стоялъ посреди гостиной, вопросительно поглядывая на мать. Она улыбнулась и сказала ему нѣжно, по-французски, что онъ можетъ идти къ себѣ.

Когда онъ ушелъ, лордъ Лайсморъ обратился къ женѣ съ глубокимъ умилениемъ въ голосъ:

— Мнѣ писали, что онъ похожъ на меня... Къ сожалѣнію, это правда... Но вы сумѣете воспитать его душу...

Теперь все было сказано, и имъ оставалось только разо-

тись. Онъ передалъ ей приглашеніе сестры его, лэди Гладисъ, обѣдать сегодня у нея въ семейномъ кругу. Сибилла отвѣчала согласіемъ, освѣдомляясь, въ какой гостинницѣ онъ остановился, и предложила переѣхать, изъ приличія, къ ней. — Нѣтъ, онъ завтра уѣзжаетъ въ Лайсморъ... не присоединится ли и она къ нему? — Да, только не теперь... Пусть онъ уѣзжаетъ съ ребенкомъ... А ей надо съѣздить по дѣламъ въ Парижъ, и черезъ нѣсколько дней она вернется... — О, конечно, пусть она устроитъ всё свои дѣла... До свиданія. Позволяетъ она ему заѣхать за нею вечеромъ?

Она отвѣчала утвердительнымъ жестомъ и на этотъ разъ протянула ему руку.

Только-что онъ ушелъ, какъ ей подали телеграмму отъ Фабриціа: „Не могу долѣе быть безъ васъ. Могу ли ѣхать въ Лондонъ?“ Сибилла отвѣчала: „Выѣзжаю сама. Буду завтра утромъ съ первымъ поѣздомъ. Не встрѣчайте“. — А на слѣдующее утро Фабрицій принялъ ее въ свои объятія на порогѣ компенскаго павильона.

Узнавъ о принятомъ ею рѣшеніи, Фабрицій былъ внѣ себя, и произошла тяжелая сцена. Отъ нѣжности и объятій онъ переходилъ къ слезамъ и отчаянію, или упрекалъ ее въ жестокости и нелюбви къ нему. Истерзанная Сибилла успокаивала его, доказывала, что иначе поступить она не можетъ, и что сама мучится не менѣе его... Нѣтъ, болѣе, потому что терзаетъ любимаго человѣка изъ-за нелюбимаго. Но она смотритъ на это страданіе какъ на искушеніе, угодное Богу, потому что все-же любовь ея преступна. Господь хочетъ, чтобы она принесла себя въ жертву,—это успокоить ея мятежную душу. Со временемъ успокоится и онъ. И позднѣе, когда-нибудь, оба умнротворенные, они встрѣтятся друзьями.

— А теперь, Фабрицій,—добавила она, нѣжно обнимая его: —будемъ плакать вмѣстѣ... Для этого-то я и пріѣхала...

Онъ опустилъ голову къ ней на колѣни, а она утѣшала его, какъ ребенка, убаюкивая ласковыми, кроткими словами...

Черезъ полтора года, въ большой залѣ моднаго Savoy-Hôtel, гдѣ сливки общества собираются поужинать послѣ спектакля, появилась парочка, вызвавшая цѣлый потокъ замѣчаній:—Это правда, они помирились.—Это возвращеніе послѣ свадебной поѣздки...—Съ девятилѣтнимъ ребенкомъ въ качествѣ

третьяго лица!..—А это оригинально... обольстить свою собственную жену!—Какъ это на него непохоже!—Говорятъ, онъ проявилъ необычайное упорство.—Да гдѣ же они скрывались эти полтора года?—Сначала они жили въ Лайсморѣ, а потомъ ѣздили путешествовать.—И знаете, теперь къ ней и подступиться нельзя...—О, сэръ Фердинандъ, кто можетъ поручиться въ такихъ вещахъ?—Я, молодой человекъ... Иныя женщины сбиваются случайно съ пути, но, возвратившись на него опять, никогда болѣе не свернуть въ сторону.—Тѣмъ лучше! все хорошо, что хорошо кончается.

Лордъ Лайсморъ и Сибилла лавировали тѣмъ временемъ между столиками, обмѣниваясь улыбками и поклонами съ знакомыми. Сибилла сіяла въ своемъ бѣломъ бархатномъ платьѣ, затканномъ серебромъ, и въ знаменитомъ жемчужномъ фамильномъ ожерельѣ. Она была моложавѣе, чѣмъ когда-либо. Лайсморъ посѣдѣлъ, но пылалъ здоровьемъ и мужественной красотой. Видъ у него былъ по прежнему высокомѣрный, но подъ этимъ высокомѣріемъ чувствовалось что-то смягченное, что придавало ему неотразимое обаяніе.

— Клянусь Юпитеромъ, славная парочка!—раздался чей-то голосъ.—Сибиллѣ вспомнилось восклицаніе въ этомъ родѣ въ день ея свадьбы въ Парижѣ, и на этотъ разъ она улыбнулась.

Но вотъ изъ сосѣдней залы вышелъ герцогъ Корнваліисъ, обѣдавшій тамъ съ офицерами своего полка и проходившій теперь по общей залѣ. Гулъ голосовъ немного стихъ. Цуровнявшись съ новоприбывшей парочкой, герцогъ обратился къ лорду Лайсмору:

— Очень радъ видѣть васъ въ нашей средѣ, дорогой маркизь... и очень благодаренъ вамъ за возвращеніе свѣту лэди Лайсморъ. Надѣюсь, что отнынѣ вашимъ друзьямъ не придется жалѣть о вашемъ отсутствіи.

Лордъ Лайсморъ почтительно поклонился и поблагодарилъ своего высокаго собесѣдника за милостивое вниманіе. Герцогъ обернулся къ Сибиллѣ, которая слегка покраснѣла, но стояла невозмутимо-спокойно. Лордъ Лайсморъ почтительно отступилъ на нѣсколько шаговъ и заговорилъ съ офицерами, пока герцогъ обращался по-французски размѣреннымъ голосомъ къ Сибиллѣ:

— Искренно радъ встрѣчѣ съ вами. Надѣюсь, что часто буду имѣть это удовольствіе, но спѣшу немедленно сказать вамъ, какъ я доволенъ случившимся. Полагаю, что вы не найдете въ моихъ словахъ ничего кромѣ искренности и неизмѣнной къ вамъ симпатіи.

Она, разумѣется, не сомнѣвается нисколько, потому что доброта герцога известна ей.—Онъ просить ее считать его самымъ своимъ преданнымъ и почтительнымъ другомъ. И онъ надѣется, что она сохранитъ къ нему доброе чувство.—О, да, она глубоко чувствуетъ оказываемую ей честь и постарается доказать ему свою почтительную признательность...

— Итакъ, лэди Лайсморъ, до свиданія! — сказалъ герцогъ немного громче.

И, поцѣловавъ ей руку, онъ обернулся пожать руку маркизу, догадавшемуся, что аудіенція кончена, и во-время подоспѣвшему къ женѣ.

Черезъ минуту Сибилла и онъ сидѣли у маленькаго столика, и лордъ Лайсморъ спрашивалъ тономъ любовной галантности юнаго мужа:

— Чтò прикажете, Сибилла: кларетъ или шампанскаго?

— Все равно, Клодъ,—отвѣчала она мужу премило.

Долго Фабрицій Пизани мечталъ вновь увидѣть Сибиллу, хотя бы только для того, чтобы подышать однимъ воздухомъ съ нею. Но вотъ, пробѣгая какъ-то столбцы англійскихъ газетъ, которыя онъ просматривалъ единственно для того, чтобы встрѣтить ея имя, онъ натѣнулся на двѣ строки, рѣзнувшія его сердце точно холоднымъ лезвиемъ:

„Родились...—Лэди Гильда Олифаунтъ, дочь маркиза Лайсмора и маркизы Лайсморъ, рожденной де-Рошморъ“.

Никогда болѣе не увидитъ онъ Сибиллы, и никогда онъ не утѣшится!

Ю. З—А.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

Такъ прочевъ въ сердцѣ и въ мозгу
Высокій строй эпохи прошлой,
Что съ современностію пошлой
Я примириться не могу.

Но я, безсильный, ужъ не спору;
И, вспоминая старину,
Не столь волнуюсь и клянусь,
Какъ предаюсь тоскѣ и горю.

Что я?.. Пѣвецъ былыхъ вручинъ,
Скрижалей броненныхъ обломковъ;
Въ пустынномъ домѣ, въ часъ потѣмокъ,
Я—потухающій каминъ.

То трескъ огня совсѣмъ затихнетъ,—
Какъ будто смерть его пришла;
То дрогнетъ теплая зола,—
И пламя снова ярко вспыхнетъ.

Тогда тревожно по стѣнамъ
Толпой задвигаются тѣни,
И лица прежнихъ поколѣній
Начнутъ выглядывать изъ рамъ...

II.

О, когда бь мнѣ было можно
Упредить мой день послѣдній!
Чтобъ, еще владѣя духомъ
Не больнымъ, не помраченнымъ,
Я успѣлъ пойти проститься
Съ милой матерью-землею.
Въ благодатную погоду
Выйду я на воздухъ сельскій
И, укрытый темнымъ лѣсомъ,
Иль среди полей пустынныхъ,
Такъ я съ ней прощаться стану:
Съ непокрытой головою
На востокъ, на югъ, на западъ
И на сѣверъ поклонюся,
И скажу: прости, мѣръ Божій!
Преклоню потомъ колѣни
И земли коснусь поклономъ;
И задумаюсь надъ нею;
И быть можетъ, затоскуя,
Орошу ее слезами;
И скажу: прими отъ сына
Благодарность за хлѣбъ, за соль.
Долго ты его, родная,
Ублажала и кормила;
Жить онъ долѣе не въ силахъ;
Онъ теперь покоя просить;
Упокой его на вѣки!

Алексѣй Жемчужниковъ.

ИЗЪ ДѢВИЧЬЯГО МІРА

„The Maiden's Progress“, by V. Hunt.

Окончаніе.

XIV *).

Прошло два года. Вэрона Лауренсъ и Модерна бесѣдуютъ вдвоемъ, въ ожиданіи возвращенія мужчинъ съ охоты.

— Они теперь скоро будутъ,—замѣтила Вэрона.—Я естятъ голодна; а ты?

— Я никогда не бываю голодна...

— Ты слишкомъ много выѣзжаешь. Сколько вечеровъ было у тебя на прошлой недѣлѣ?

— Да, кажется, всѣ вечера подъ-рядъ. И такая тоска эти выѣзды, сказать невозможно! — со вздохомъ, устало произноситъ Модерна.

— Тогда къ чему же ты выѣзжаешь?

— Пожалуйста, Вэрона, не прикидывайся такой наивной! За два года твоей супружеской жизни ты не могла вѣдь такъ перемѣниться. Я выѣзжаю потому, что иначе нельзя.

— Да почему нельзя?

— Потому что... Право, не знаю... Если вдругъ перестану выѣзжать... И, наконецъ, это какъ-то входитъ въ привычку...

*) См. выше: ноябрь, 264 стр.

Ахъ, да не разыгрывай изъ себя дурочку, Вэрона! Сама прекрасно понимаешь...

— Да! Вы, свѣтскія дѣвушки, воображаете, что вы такъ ужъ необходимы! — поучительнымъ тономъ говорила Вэрона. — Я думаю, общество можетъ свободно обойтись безъ васъ; вѣдь обходится же оно безъ меня?

— „Еще бы! — возразила ей мысленно Модерна. — Вэрона никогда не была хорошенькой“. — Нѣтъ, въ томъ-то и ужасъ моего положенія, — продолжала она вслухъ, — что я сама не могу обойтись безъ общества... то-есть, по крайней мѣрѣ, не могу сидѣть дома. Меня все что-то подгоняетъ наряжаться, и причесываться, и выѣзжать, прыгать и болтать съ людьми, которымъ все равно, есть я на свѣтѣ, или нѣтъ.

— Пустяки! Ты хорошенькая, живая дѣвушка, и всякому приятно видѣть васъ у себя на вечерахъ: вы съ Пегги способствуете успѣху...

— О, да! — съ горечью подхватила Модерна — Мы часть неизбѣжной мебели, часть обстановки бала или раута; мы на нихъ необходимы, какъ гнутый стулъ, какъ блюдечко для мороженого. „Дѣвнцъ Масклинъ *нельзя* не пригласить“!.. Но, Боже мой, до чего я устала отъ этой вѣчной и однообразной сутолоки; отъ этого вѣчнаго шатанья по чужимъ домамъ, по чужимъ обѣдамъ и ужинамъ...

— Приятно имѣть тебя своей гостьей, нечего сказать! — сухо перебила ее Вэрона.

— Душа моя! Надѣюсь, ты не можешь допустить, чтобы я имѣла грубость дать замѣтить радушной хозяйкѣ, что я у нея скучаю? Я даже въ состояннн заставить ее и окружающихъ предположить, что, наоборотъ, я очень веселюсь... Но, зато, какъ я бываю зла, когда вернусь домой! Я наскоро глотаю свой крѣпкій бульонъ и бѣгу скорѣе спать, ни съ кѣмъ не говоря ни слова. Никогда больше я не разсуждаю съ Пегги про танцоровъ, да и они больше не проявляютъ ко мнѣ интереса: всѣ они ко мнѣ приглядѣлись, какъ и я къ нимъ.

— Ну, положимъ, ты и въ самомъ дѣлѣ давно выѣзжаешь, — небрежно замѣтила Вэрона.

— Мнѣ только бы хотѣлось на время, какъ въ сказкѣ, уйти прочь отсюда и опять вернуться: я бы тогда опять была готова выѣзжать, и робѣть въ первый разъ на „большомъ балу“, и красоваться въ воздушномъ бѣломъ платьѣ, съ отдѣлкою изъ незабудокъ...

— Ну, не думаю, чтобы тебѣ было теперь легко опять ка-

заться застѣнчивой или скромной; и, наконецъ, мужчинамъ должна нравиться всякая хорошенькая дѣвушка, но бойкая и не такая недотрога, или какая-нибудь простушка, только-что явившаяся на свой первый балъ.

— Однако, на такую недотрогу всякій разумный человекъ готовъ промѣнять любую остроумную собесѣдницу... какъ бы опытна и мила она ни была.

— Позволь, но и ты вѣдь не такъ еще стара... Тебѣ только двадцать-пятый годъ...

— А я чувствую, что мнѣ цѣлыхъ сто! Меня ничто ужъ больше не волнуетъ, даже не развлекаетъ... Я сама себѣ какъсь однообразной...

— Выходи замужъ!

— Всѣ вы заладили одну и ту же пѣсню!—сердито восклицаетъ Модерна.—Это глупо! И говорить больше не стоитъ: ты знаешь, что я никогда не выйду!

— Знаю, что ты такъ говоришь...

— А чтò я говорю, то и думаю!

— Ну, слушай: если тебѣ въ самомъ дѣлѣ общество такъ надоѣло, займись живописью, какъ бывало.

— Благодарю! Я ужъ довольно насмотрѣлась на свое немѣнье...

— Полно!—снисходительно говорить ей сестра.—Вотъ, иной разъ, тебѣ удаются премиленькіе стишки...

— Пустяки! Кто изъ дѣвицъ нынче не пишетъ? И я никогда не нашла бы сбыта своей работѣ, еслибъ не Долли Тримэнь. Чего мнѣ хочется, такъ это всепоглощающаго интереса къ жизни.

— Отчего бы тебѣ не заняться моими дѣтьми?

— Благодарю покорно!—язвительно возражаетъ Модерна.—Быть „тетей Модъ“, служить справочнымъ листкомъ и ходяческою хроникой всего семейства; вязать носки и сопровождать больныхъ родственниковъ на морскія купанья. Нѣтъ, ужъ благодарю покорно!

— Все это хорошо и прекрасно, но мое мнѣніе таково: и мотыльки, подобные тебѣ, когда-нибудь да перестаютъ порхать. Почему бы тебѣ не выйти замужъ? Тогда у тебя будетъ постоянный и усердный поклонникъ, вѣчно у ногъ твоихъ...

— Какъ? Для того только, чтобы я имъ помыкала? Для того, чтобы навсегда связать его брачными узами? Ничего болѣе жестокаго я и придумать не могу!

— Но это придумываетъ каждая дѣвушка. Дойдя до известнаго возраста, всякая невольно начинаетъ подумывать о томъ,

чтобы заручиться мужемъ, для котораго она была бы и осталась на вѣки самой прекрасной, самой обаятельной женщиной на свѣтѣ.

— Для него одного?! Да это просто дерзко.

— Ну, такъ найди себѣ такова, который считалъ бы тебя одинаково привлекательной и для другихъ; но зато не пеняй ни на кого, если онъ будетъ тебя ревновать и превратить всю жизнь твою въ адъ кромѣшный. Чѣмъ тебѣ не угоденъ м-ръ Браунъ?

— Онъ черезчуръ серьезенъ.

— Серьезные—самые лучшіе мужья! А м-ръ Донкинъ?

— Онъ предлагалъ, что сдѣлаетъ мнѣ жизнь „и лучше, и полнѣе“... Самые слова его были для меня уже обидой.

— А Гэвисайдъ? Я его позвала гостить только ради тебя.

— Напрасно! У него нѣтъ ни намека на юморъ!

— А Конистонъ? Ну, зачѣмъ ты ему отказала. Постарайся быть съ нимъ поласковѣе, когда онъ вернется...

— Но онъ уже вернулся; онъ теперь въ Парижѣ, и я ни за какія тысячи не согласилась бы возвратить прошлое.

— Но ты могла бы!.. Ну, а Дорси? Тотъ готовъ хоть сейчасъ жениться.

— Да, если я ему сама сдѣлаю предложеніе! Впрочемъ, не стоитъ объ этомъ говорить! У каждаго есть непременно какой-нибудь недостатокъ... Черезъ недѣлю я опять вернусь въ городъ, и все пойдетъ своимъ порядкомъ, какъ заведенная машина. Опять я буду выѣзжать и болтать всякій вздоръ, чтобы дразнить другихъ, и вообще влюблять въ себя и потѣшаться надъ людьми... Нѣтъ, нѣтъ, Вэрона! Я откажусь отъ общества и окунусь въ міръ „богеми“; все-таки тамъ хоть что-нибудь новое для меня найдется. Или пойду на сцену, или поступлю въ наборщицы... Ну, буду хоть чѣмъ-нибудь заниматься; а такъ жить, какъ теперь,— мнѣ просто невозможно!

— Что ты, Модерна! У тебя будутъ красные глаза!.. Да полно же! Сейчасъ наши вернутся...

— Мнѣ все равно! Мнѣ ни до чего... ни до кого дѣла нѣтъ!..—чуть не захлебываясь, говоритъ Модерна.

— Послушай! Еслибъ я не была увѣрена, что у тебя нѣтъ сердца, я бы могла подумать...

— Ну, что такое?

— ...Что ты влюблена!

— Я бы сама хотѣла!—горячо вырвалось у Модерны, и, помолчавъ, она прибавила:—Тебѣ стыдно за меня?

— Мнѣ просто противно слушать...

— Все-таки тогда было бы для чего жить на свѣтѣ и вол-

новаться, и тревожиться; было бы къ чему стремиться, о чемъ мечтать на яву и во снѣ.. Нѣтъ, ты представь себѣ, какой это восторгъ—тайкомъ получать письма и упиваться счастьемъ, читая ихъ! Представь себѣ горечь разлуки, и радость тайной встрѣчи, и прелесть тихой ночи, когда, глядя въ открытое окно, спрашиваешь себя: гдѣ-то *онъ* въ эту самую минуту; и сознавать, что ты влюблена... что ты...

— Какая ты... странная! Вотъ нивогда бы не подумала...

Но отчего же, въ такомъ случаѣ, ты не выходишь замужъ?

Модерна засмѣялась; но какъ-то натянуто звучалъ ея смѣхъ.

— Я вѣдь, кажется, тебѣ сказала, что хочу влюбиться; но про замужество я ничего не говорила! Это—дѣло совсѣмъ другое.

— Я нахожу, что ты говоришь рѣзко и... даже неприлично...

— Извини, я не на тебя намекала...

— Ты хочешь сказать, что я не люблю своего мужа?

— И сама не знаю,—задумчиво продолжала Модерна:—пойдешь скорѣе къ нимъ на встрѣчу!.. Но ты имъ командуешь, ты обращаешься съ нимъ, какъ съ какой-нибудь „старой старухой“; ты говоришь (я то-и-дѣло слышу!), что ты умѣешь съ нимъ управляться... Нѣтъ, вы себѣ представьте, что можетъ означать такое выраженіе, какъ „управляться“, относительно существа, которое боготворишь! Какъ тебѣ кажется, душевка Верона, могу я боготворить, на примѣръ, м-ра Гэвисайда? Но управляться съ нимъ я бы сумѣла, несомнѣнно!

На вечерѣ въ академіи м-съ Масклинъ издали провожаетъ глазами дочерей, которыя уходятъ подъ-руку со своими кавалерами: Билли Данверсомъ и Дорси.

— До самаго конца вечера я ихъ больше не увижу, — думаетъ она имъ вслѣдъ. Теперь вовсе не принято непременно возвращаться къ „старшимъ“; мнѣ это Пегги объяснила. Впрочемъ, теперь вообще не принято дѣлать то, чего не желаешь... сколько мнѣ кажется, по крайней мѣрѣ. Если Пегги думаетъ, что Билли готовъ ей сдѣлать предложеніе, она жестоко ошибается; я бы могла ей сообщить (но она у меня ни въ чемъ не проситъ совѣта), что если кто его интересуется, такъ это только... ея сестра, Модерна; но онъ слишкомъ влюбленъ въ самого себя для того, чтобы привязаться къ кому бы то ни было другому...

— На Пегги, все равно, никто не женится: слишкомъ у нея язычокъ остеръ. Все, что она ни скажетъ остроумнаго, воспита-

новляеть всѣхъ противъ нея. Модерна умнѣе, но въ ней есть что-то такое милое и болѣе женственное. Что ни говори, а объ онѣ— мои дѣти, и я имѣю право знать ихъ и судить о нихъ. О, я нашла бы много кой-чего о нихъ поразсказать! Я вижу гораздо больше и гораздо глубже, чѣмъ онѣ сами думаютъ. Со стороны виднѣе! Дочки предполагаютъ, что ихъ мать видитъ и понимаетъ только то, что онѣ ей сами скажутъ; но имѣтъ дѣло со взрослыми дѣвушками—нелегкая задача, и самое лучшее—дѣлать видъ, что замѣчаешь только то, что онѣ тебѣ разрѣшаютъ замѣчать. Такъ оно много спокойнѣе...

— Меня спрашиваютъ иной разъ, зачѣмъ я позволяю дочерямъ своимъ то или другое? „Позволяю“?! Но, Боже мой! Онѣ все равно творятъ свою волю; а это, наоборотъ, *матерямъ* „не позволяютъ“ то или другое; матери опять попали въ шквалу и находятся подъ постоянною опекою, сообразно съ современными обстоятельствами. Я то-и-дѣло „попадаюсь“; я „ничего не смыслю“; я „отстала отъ вѣка“. Но, можетъ быть, я сама не иду съ ними рука-объ-руку? На мой темный, непросвѣщенный взглядъ, „современность“, въ буквальномъ переводѣ, означаетъ: дурныя манеры, невмѣняемость, пошлость и вѣтренность, а говоря короче: себялюбіе!..

— Я терпѣть не могу Ибсена. А Модерна видѣла многое множество его пьесъ и заявляетъ, что она хочетъ жизнь „прожить“, она не смѣетъ „подавлять въ себѣ всякую индивидуальность“; она должна „развивать въ себѣ свои личныя, отличительныя свойства“. Она хочетъ до всего дойти сама, и не хочетъ довѣриться моему материнскому долготѣнному опыту: она вѣритъ только тому, до чего дошла собственнымъ опытомъ. Мать, существо старое, отжившее, загостившееся слишкомъ долго на семь свѣтѣ; существо неудобное во всѣхъ отношеніяхъ и требующее известной дрессировки, насколько она возможна при ея тупости и упрямствѣ...

— Мнѣ это больно; но я не могу помочь такому положенію дѣлъ, и потому стараюсь, насколько возможно, идти объ руку съ условіями современной жизни и „современной мысли“; читаю „Небесныхъ близнецовъ“ и „Бѣглые наброски“. Самое большее, что дозволяетъ мнѣ мое званіе хозяйки дома, это—хмуриться на ужаснѣйшія вещи, которыя вообще говорятся въ гостинныхъ; я даже согласна носить ихъ шляпки, чтобы не отставать отъ моды...

— Глупенькая, простоватая, но прагматичная Вэрона—вотъ единственная удачная изъ всѣхъ моихъ дочерей. Она вышла за-

мужъ, остепенилась и устроилась безъ всякихъ хлопотъ или неприятностей. У нея хорошенькое имѣнье въ Шотланди, парочка прелестныхъ дѣтишекъ, мужъ, который любить ее и бережетъ... А между тѣмъ, она—проще Модъ и Пегги...

— А! Вотъ идетъ Модерна. Она бросила своего кавалера—Дорси, и теперь у нея новый адъютантъ; кажется, тотъ самый писатель, который вывелъ ее въ своемъ романѣ. Я бы и говорить съ нимъ не стала, а она ничего, будто ей это все равно. Удивляюсь, какъ она не шокируетъ его? Бѣдная дѣвочка, какая она блѣдненькая, утомленная! И какъ она худѣетъ! Говорятъ, въ ней нравится ея „morbidezza“... кажется, такъ это называютъ? Нечего сказать, приятно матери слышать, что ея дочь называютъ „болѣзненной“, „мрачной“; но господа, въ родѣ м-ра Тримэна, этимъ восхищаются, и желаютъ писать съ нея портреты. Еще свѣтъ не производилъ такой здоровой дѣвушки, какъ моя Модерна. Посмотрѣли бы вы на нее, когда она ѣздитъ верхомъ или пускается въ „lawn-tennis“! Тогда вы не замѣтите въ ней и слѣда какой-то такой „morbidezz“ы!

— Нѣтъ, благодарю васъ, м-ръ Битгэмъ! Мнѣ тутъ прекрасно, и ни откуда не дуетъ. Благодарю васъ, я мороженого не хочу... —И для чего они пристають къ такой старухѣ, какъ я? Терпѣть не могу, когда мнѣ надоѣдаютъ! Мнѣ бы только посидѣть спокойно и закрыть глаза, чтобы дать имъ отдохнуть немножко. А „они“ всѣ любезничаютъ со мной, какъ бы изъ милости, потому что влюблены въ Модерну. И какое ихъ множество! Все, впрочемъ, премилые молодые люди, которыхъ я не прочь имѣть своими зятьями; но Модъ такихъ-то какъ разъ и не любитъ! Ей нравятся художники и журналисты,—все такіе люди, которые, какъ она говоритъ, „составили себѣ имя“. Я же, напротивъ, люблю особый типъ молодого англичанина, человѣка бодрого, здороваго. Онъ не портитъ себѣ глаза, просиживая ночи напролетъ надъ книжками; онъ не трагикъ и не педантъ, онъ—просто джентльмэнъ...

— Вотъ, напримѣръ, хоть бы Эдвардъ Конистонъ! Я его любила какъ родного сына, и такъ онъ намъ пришлось встать. Бывало, я совѣтовалась съ нимъ рѣшительно обо всемъ; съ мужемъ онъ работалъ въ качествѣ секретаря. Когда-то онъ былъ въ нее влюбленъ. Въ настоящее время онъ вернулся въ Англiю; Пегги получила отъ него письмо... Очень бы мнѣ хотѣлось, чтобы Модерна имъ заинтересовалась!..

— Не люблю я ея друзей,—представителей богемы! Можетъ быть, это выдающіеся таланты, но благовоспитанности въ нихъ

нѣтъ,—даже хотя бы самой заурядной. Не люблю я и этого Кронѳовскаго — съ его сѣрой фізіономіей, длинными космами и дурными зубами; онъ неизбѣжно приносить съ собою запахъ театральнѣй рампы, когда является съ визитомъ. Онъ — музыкантъ, и рветъ струны на моемъ роялѣ. Я терпѣть не могу миссъ Доли Тримэнтъ, или, какъ величаютъ ее въ ихъ кругу, „Д. Т.“; не выношу ни ея жаргона, ни ея неприличныхъ французскихъ разсказовъ, ни ея головы, остриженной подъ гребенку. Она распѣваетъ пѣсенки Иветтъ-Гильберъ, и не выпускаетъ даже тѣхъ стиховъ, которые Иветтъ считаетъ слишкомъ смѣлыми для нашей публики. Живетъ она надъ хлѣбопекарней, и увѣряетъ, что ея запахъ—„ароматъ боговъ“. Въ „Родныхъ Вскодахъ“ она подписывается „Церера“, а въ изданіяхъ „Ученыхъ Женщинъ“ — „Сибилла“; она принимаетъ подачи отъ лавокъ и магазиновъ, и живетъ, повидимому, чуть не впроголодь, пьетъ водку и читаетъ „Красненькій Листокъ“. Модерна находитъ, что она умна и энергична, и вообще „fin de siècle“. Я просто нахожу, что она неприличная особа,—вотъ и все!..

— Ея братъ, Нэдъ Тримэнтъ, просилъ у Модерны позволенія писать съ нея картину; онъ, кажется, „импрессионистъ“. Не знаю хорошенько, что значитъ это „импрессионистъ“, но мнѣ думается, что такая живопись не должна требовать многочисленныхъ сеансовъ...

— Но который это часъ? Кажется, первый? Вотъ ненавижу эту сутолоку и болтающую толпу! И какъ я ни добра и снисходительна отъ природы, а охотно бы осталась дома, и давнымъ-давно лежала бы себѣ въ постели. Вотъ было бы теперь прекрасно полежать!.. Да нѣтъ, все равно, я вѣдь и дома, лежа, не могу заснуть, когда ихъ дома нѣтъ: все прислушиваюсь, не заскрипитъ ли дверь, не защелкнетъ ли ключъ въ замкѣ? Ужъ лучше тутъ сидѣть...

— Нѣтъ, душечка моя, я нисколько не устала,—прерывая свои думы, говорить вслухъ м-съ Масклинъ, отвѣчая на вопросъ дочери.—Я закрыла глаза просто для того, чтобы мнѣ удобнѣе было думать. Мнѣ надо бы поговорить немножко съ м-съ Флемингъ, и я общала, что пойду съ адмираломъ смотрѣть твой портретъ. Иди себѣ, милочка моя, иди, не заботься обо мнѣ; мнѣ тутъ прекрасно!..

— Модерна—доброе дитя; вотъ Пегги никогда и въ умъ не придетъ забвѣжать посмотрѣть, что я и гдѣ я! Не знаю, съ кѣмъ это говоритъ Модерна. Какое это странное положеніе—не имѣть понятія о томъ, съ кѣмъ водить дружбу ваша собственная дочь!

Она, кажется, сговаривается съ этой женщиной вмѣстѣ идти обѣдать; вотъ и вчера она у кого-то обѣдала, а я не знаю—у кого? Вѣроятно, мнѣ было сказано объ этомъ, да я забыла.. Почему знать, можетъ быть даже у какихъ-нибудь молодыхъ людей? Обѣ мои дѣвочки имѣютъ въ своемъ распоряженіи собственные ключи, теряютъ ихъ безпрестанно, и двери остаются открыты для какихъ угодно воровъ и мошенниковъ. Это меня пугаетъ, и какъ меня ни увѣряютъ, что это ничего не значить, я все-таки не могу преодолѣть своей тревоги, въ которой, какъ онѣ говорятъ, никто, кромѣ меня, не виноватъ. Большею частью, дочери мои вывзажаютъ однѣ; не понимаю, къ чему имъ понадобилось сегодня тащить меня съ собою? По нынѣшнимъ временамъ вовсе нѣтъ надобности, чтобы молодыхъ дѣвицъ сопровождала непремѣнно почтенная особа.

— „Какъ это мило съ вашей стороны, миссъ Масклинъ, что вы привезли съ собой свою маманъ“!—сказала разъ Модернъ м-съ Ренсселеръ,—по всей вѣроятности, шутя, потому что улыбнулась.

— Но ни я, ни Модерна (я это замѣтила) не были довольны такой шуткой...

— Какъ? Ты опять вернулась? — воскликнула вслухъ мать Модерны.—Дитя мое! Да ты страшно блѣдна!.. Домой? Значить, соскучилась? Или тебѣ на что-нибудь досадно?.. Ну, хорошо, хорошо! Если хочешь, я готова ѣхать... только, вотъ, какъ Пегги?.. Поговори съ нею... вотъ она идетъ...

— Что-нибудь да не такъ!—продолжаетъ она думать—Кто-нибудь не пріѣхалъ, или не пригласилъ ее танцевать, когда она на это рассчитывала... Всѣ дѣвушки вѣдь таковы: хоть вся гостиная будь у ногъ ея,—ей нужды нѣтъ, если отсутствуетъ предметъ ея вниманія. Хотѣлось бы мнѣ знать, кто это таковъ? Еслибъ она только рѣшилась мнѣ сказать, я могла бы ей помочь! Но она не скажетъ. А между тѣмъ, несмотря на всю свою независимость, сегодня же ночью, вернувшись домой, она прижметъ головкой къ моему плечу и со слезами станетъ убирать, что „это ничего, право же, ровно ничего“! Но она „совершенно и безповоротно, глубоко, безнадежно несчастна!“— На это мать еще можетъ пригодиться!..

XV.

М-съ Фрэдъ Деверель зашла однажды въ мастерскую Нэда и смущенно задумалась передъ одною изъ картинъ, глядя на нее въ „*prince-nez*“.

— Нѣтъ, все равно, ничего не понимаю! — съ отчаяніемъ говоритъ она; — не особенно мнѣ нравится этотъ вашъ... импрессионизмъ! Только и всего за десять сеансовъ?

— Я самъ не особенно собой доволенъ, — пробормотала недовольный художникъ; — это еще надо „выписать“...

— А эти полосы, — красныя и синія, — на заднемъ планѣ?

— Развѣ вы не узнали? Это салонъ Локгарта. Миссъ Масклинъ — дѣвица современная; вотъ я и *написала* ее посреди лондонской улицы, на фонѣ лавочныхъ вывѣсокъ, кіосковъ и прочихъ знаменій современной цивилизаціи. Знаете, — холодный синій цвѣтъ, означающій трезвость, и огненный, кровавой, — цвѣтъ сырого мяса... Видите? Вглядитесь!

— Вижу, вижу! Сочетаніе красокъ, достойное духа времени. Ну, должна признаться, что Модерна — дѣвушка вовсе не тщеславная; когда мнѣ придется служить моделью...

Флосси Деверель запнулась, и за нее поспѣшили закончить Нэдъ Тримэнъ:

— Тогда ужъ вы пойдете къ художнику, „выписывающему“ корсеты и кружева, и онъ вамъ устроитъ такое лицо безъ морщинокъ и безъ складокъ, что просто восторгъ! И такихъ художниковъ тьма тьмущая! А, вотъ и она сама! Миссъ Масклинъ, пожалуйста! Скорѣе становитесь въ позу; кажется, сегодня выйдетъ весьма удачно!

— О, м-ръ Тримэнъ! — воскликнула Модерна, глядя на свой портретъ: — развѣ у меня губы сургучнаго цвѣта? Или, напротивъ, цвѣта краснаго генеральскаго сукна?

— Вы говорите, миссъ, какъ настоящій критикъ: а они вѣчно несутъ бессмыслицу! — возразилъ Нэдъ Тримэнъ. — Впрочемъ, есть критики, которые вобьютъ себѣ въ голову, что только ихъ идеалы и есть настоящіе, а вы, я твердо увѣренъ, ничего не смыслите въ законахъ искусства, и потому вашимъ мнѣніемъ нельзя пренебрегать. Вы улыбаетесь? Вотъ, вотъ: эту самую улыбку вы и должны мнѣ подарить.

— Конечно, я ничего не смыслю въ искусствѣ, но у меня есть свое особое мнѣніе, и я не увѣрена, будетъ ли оно согласно съ вашимъ?

— Кто насъ, художниковъ, обидитъ, какъ не наши друзья?— трагически замѣтилъ художникъ и углубился въ работу.

— Вы извините? Я зайду на минутку по-сосѣдству,— проговорила Флосси и ушла, оставивъ модель и художника вдвоемъ.

— Вы будете на сходѣ социалистическаго клуба „Впередъ“?..—спросилъ Нэдъ.

— Конечно, я состою членомъ.

— И поѣдете, конечно, вмѣстѣ съ Долли? — продолжалъ онъ.—Странно васъ видѣть въ этой компаніи!

— Это не особенно вѣжливо по отношенію къ вашей сестрѣ.

— Чтѣ же тутъ такого? Долли и въ самомъ дѣлѣ, какъ хищная птица, норовитъ съ кого-нибудь сорвать рецензію или интервью.

— Въ клубѣ бываютъ ужасно умные люди; потому-то я въ него и записалась.

— Положимъ, отъ этого къ вашимъ бѣлымъ крылышкамъ ничего не пристанетъ, а вамъ забавно. Вотъ я—другое дѣло. Я поневолѣ долженъ окунаться во всякую грязь въ поискахъ за сюжетомъ; надо же мнѣ всего испробовать...

— На долготерпѣливой публикѣ?

— Мы, артисты-художники, все равно, что странники въ землѣ приключеній... мы ищемъ новизны...

— Мнѣ кажется,—робко вставила Модерна свое словечко:—еслибы вы немножко тщательнѣе выписывали свои картины...

— Мало я вамъ объяснялъ принципы живописи! — смѣясь, возразилъ Нэдъ Тримэнъ. Самое важное — первое впечатлѣніе, которымъ картина поражаетъ наши зрительные органы. Всѣ подробности должны подчиняться требованіямъ воображенія, воспринимающаго эти впечатлѣнія. Картина должна сразу произвести эффектъ, или вовсе не производить его. Какъ молнія должна она броситься прямо въ глаза зрителю...

— И, зато, какъ молнія же исчезнуть... А чтѣ если устроить вращающіяся картины на выставкѣ?

— Вы сбиваетесь съ толку...

— И критики также... Молчу, молчу! Пишите.

Во время минутной тишины раздается звонокъ.

— А! Вѣроятно Конистонъ; онъ обѣщалъ зайти посмотрѣть на портретъ m-me Бельинфанта. Я обыкновенно не пишу никого въ костюмахъ, но изъ любезности къ нему я согласился сдѣлать ее маркизой... Помпадуръ. Вотъ и костюмъ ея лежитъ. Интересная женщина! Чертовски умна; вдова и богачка, и мо-

жетъ позволить себѣ всё прихоти, какія угодно. Я слышалъ про нее еще въ Парижѣ...

— А! Вотъ она какая особа!

— Миссъ Масклингъ! Пожалуйста, замѣйте, что я хочу именно указать только на то, что она имѣетъ возможность жить, какъ ей угодно. Въ Парижѣ она, что называется, „très-bien vue“... Говорятъ, Конистонъ собирается на ней жениться.

— А!.. Какимъ это образомъ?

— Не знаю; по слухамъ, онъ за нее когда-то дрался на дуэли; онъ ли скомпрометтировалъ ее, или она его,—уже, право, не знаю. Только фактъ тотъ, что она была замужемъ за какимъ-то звѣремъ, который ее билъ...

— И добилъ до того, что самъ умеръ... а ея горести и ея краса плѣнили Конистона, который теперь хочетъ на ней жениться?—подсказала ему Модерна.

— Да, приблизительно вѣрно сказано. Она теперь въ Лондонѣ и хочетъ увезти съ собою свой портретъ...

— Покажите!

— Я такъ и зналъ, что вы захотите его видѣть...

— Ну, пожалуйста!

— Извольте!.. Видите, это написано въ моемъ прежнемъ духѣ.

Модерна долго смотритъ молча.

— Я бы хотѣла, чтобы вы и меня такъ написали!—говоритъ она...

— Вы находите, что она красива?

— Восхитительна!—восторженно восклицаетъ Модерна.

„Молодецъ дѣвушка!—думаетъ про себя художникъ:—Ручаюсь, что она уже ревнуетъ къ этой женщинѣ, а между тѣмъ отдаетъ должное ея красотѣ“!—Смотрите, вотъ ея нарядъ: фижмы, и парикъ, и пышный лифъ...

— Да она съ меня ростомъ!

— Пожалуй...

— Боже, какъ долго Флосси не идетъ!—вдругъ восклицаетъ Модъ.—Вотъ бы вамъ пойти за ней!

— Очень мнѣ нужно!

— Не вамъ, но мнѣ!—высокомѣрно возражаетъ Модерна, и Наду остается только повиноваться.

— Вотъ какъ!—разсуждаетъ Модерна, оставшись одна:—Эдвардъ уже четвертый день какъ вернулся въ Лондонъ, а еще ни разу не заглянулъ ко мнѣ... Онъ удивится, что я здѣсь. Но кто она такая, эта женщина, которую онъ разсчитываетъ здѣсь

встрѣтить?.. Вотъ бы мнѣ нарядиться въ ея костюмъ! Интересно знать, что онъ на это скажетъ? Скорѣй, скорѣй!.. онъ сейчасъ придетъ: онъ и въ старину былъ до того аккуратень, что это меня всегда злило. Да это платье чудо, до чего мнѣ впоору... на мое собственное, конечно. Она, вѣроятно, порядочно таки толста?..

Разсуждая въ умѣ такимъ образомъ, она встала въ позу и подумала:

— Не хватаетъ только бѣлилъ и румянъ, и... нахальства, чтобы пополнить общую картину... Звонять!.. Отчего мнѣ вдругъ стало такъ жутко? Я вся дрожу!..

Въ комнату входитъ Конистонъ и торопливо направляется къ маркизѣ.

— А, Элиза!..

— Развѣ ее зовутъ Элизой? — сухо спросила Модъ, спускаясь съ эстрады.—Ну, какъ же вы поживаете? Помогите мнѣ снять всѣ эти доспѣхи, пока еще не пришли Флосси и Нэдъ Тримэнъ!—продолжала она, съ лихорадочной поспѣшностью принимаясь сдергивать съ себя платье маркизы.

— Ну, а вы какъ?—не спѣша, отвѣчалъ Конистонъ.— Но зачѣмъ вы нарядились въ костюмъ m-me Бельинфанте?

— Затѣмъ, чтобы разыграть изъ себя порядочную идиотку... Все равно, мое же собственное оружіе и обратилось мнѣ во вредъ!..

— Я васъ не понимаю,—холодно говоритъ Конистонъ.

— Тѣмъ лучше!—возражаетъ Модерна и, блѣднѣя, откидывается на спинку кресла.

— Вамъ дурно? Вы страшно поблѣднѣли...

— Устала позировать. А, вотъ и Флосси! Я могу уходить...

— Очень жалѣю, что меня не было дома; но надѣюсь, что миссъ Масклинъ заняла васъ...

— Прекрасно! Она даже устроила въ мою пользу маленькую сценку... М-ръ Тримэнъ, какое у васъ, однако, въ вашей манерѣ писать, замѣчается очаровательнѣйшее пренебреженіе къ деталямъ!

— Душа моя, что съ тобой случилось? — спрашивала тѣмъ временемъ Флосси у подруги. — Ты даже какъ-то вдругъ позеленѣла!

— Флосси, пожалуйста, поѣдемъ! Я больше не въ состояніи сидѣть сегодня на сеансѣ,—отвѣчала Модъ и сухо прибавила, обращаясь къ Конистону:—Очень рада, что вы вернулись

на родину. Не хотите ли быть моимъ гостемъ завтра на вечеринкѣ въ нашемъ „передовомъ“ клубѣ?

— Почту себя счастливымъ!

— Я вамъ пришлю билетъ, прощайте!.. М-ръ Тримэнъ, а вамъ могу дать знать хоть черезъ Флосси, когда будетъ у насъ слѣдующій сеансъ. Скажите Долли, что я за ней заѣду, и мы поѣдемъ вмѣстѣ прямо въ клубъ.

На вечерѣ въ клубѣ, раздѣваясь въ сѣняхъ, Долли Тримэнъ пристально всмотрѣлась въ свою спутницу и проговорила:

— Ну, и почтенный же у тебя видъ! Въ этомъ дѣвственно-чистомъ бѣломъ платьѣ ты даже черезчуръ прилична! Не понимаю, почему ты такъ скромно одѣваешься на наши вечера?

— Можетъ быть, я это дѣлаю нарочно,—замѣтила Модерна.

— Ну, все равно, ты очень мила. Вонъ тамъ я вижу стоитъ мой братъ, какъ святой вагой: ему нѣтъ цѣны, до того онъ некрасивъ... Ахъ, Модерна! Надо тебя познакомить съ моимъ издателемъ: онъ такъ и рвется, чтобы добиться твоего сотрудничества въ газетѣ.

— Вотъ нелѣпость!

— Нѣтъ, серьезно. Ему нужно твое имя; ты вѣдь имѣешь свободный доступъ въ высшее общество...

— Какія мерзости ты говоришь, Долли!

— Я говорю дѣло... Пойти мнѣ да побранить его за то, какъ онъ скомкалъ мою статью о „верхахъ“ омнибусовъ,—прибавила она, и обѣ пріятельницы вошли въ комнату, наполненную дымомъ и беспорядочною толпой людей.

— Ба! Это нашъ хорошенькій философъ и его тѣнь!—воскликнулъ художникъ де-Шагюонъ.

— Почему вы ее такъ называете?—спросила Флосси, которая бесѣдовала съ нимъ.

— Потому-что она премило разсуждаетъ о вопросахъ, въ которыхъ ничего не понимаетъ... да и слава Богу, что не понимаетъ! О той, о другой—я не говорю...

— О, эта „Д. Т.“ и ея пѣсенки слышимомъ мнѣ надоѣли! Она опередила даже направление „fin de siècle“... Какъ поживаете, миссъ Тримэнъ? Собираетесь танцовать въ своей короткой юбочкѣ?

— Ah, mademoiselle, bonsoir!—обратился къ Модериѣ профессоръ живописи. —Blanche comme une fée! Когда можно будетъ съ васъ сдѣлать эскизъ?

— Не знаю; вы, кажется, говорила, что къ вамъ надо приходить безъ провожатыхъ?

— Ah, pour ça, non! Mille fois non! Могу ли я работать, зная, что у меня за плечомъ возсѣдаетъ британская матрона? Всякое вдохновеніе способно отлетѣть!..

— Такъ я когда-нибудь къ вамъ загляну съ Вильямомъ, когда онъ пріѣдетъ въ отпускъ изъ Итона...

— Un garçon?.. Diable! Mademoiselle, merci; я предпочитаю набросать свой эскизъ на память...

— Знаете, я какъ-нибудь сама завезу къ вамъ Модерну,— успокоительно замѣтила Флосси Деверель, и тихонько шепнула подругѣ:—Ты не должна оттаптывать отъ себя такихъ гениальныхъ людей, глупышка! А вы, миссъ Долли, откуда къ намъ явились? Изъ какого-нибудь истъ-эндскаго притона или обиталища опиума?

— Истъ-Эндъ немножко устарѣлъ, и я думаю теперь обратить свое вниманіе на подонки высшихъ кварталовъ. „Трущобный мірокъ въ Бельуарѣ!“ — развѣ это не будетъ своего рода новинкой? Я прямо изъ закулиснаго міра театра „Тщеславія“. Тилли-Дру была чудо какъ хороша въ своей новой шансонетѣ, но бѣдная! Вы знаете, у нея жара не хватаетъ, пова она не хватить хорошенько Б. и С. ¹⁾. Ей самой это неприятно, но безъ этого она ничего не можетъ сдѣлать!—оживленно болтала журналистка.

— Чтò же дѣлать: „talent oblige“! — насмѣшливо вставила Флосси.

— Миѣ очень жаль, что меня тамъ не было, когда Тилли и Бесси (въ театрѣ имъ дали кличку: „чертенюкъ“ и „котенюкъ“) вцѣпились другъ въ друга! — продолжала Долли. — Въ третьемъ актѣ, когда танцуетъ Тилли и, понятію, хочетъ, чтобы все вниманіе было устремлено на нее, Бесси ухитряется выставить свою ножку. Уже Тилли грозила, грозила ей, что пожалуется антрепренеру,—все выпочемъ! Такъ вотъ вчера Тилли подошла къ ней и громко сказала:—„Ахъ ты, ты, ты“!..

— Очевидно, не находила словъ?..

— Да, сначала, но потомъ!.. — и Долли выразительно качнула головой.

— А съ кѣмъ это говорить миссъ Масклинъ?—перебилъ ее поэтъ Гонтрамъ Виръ.

— Съ моимъ братомъ.

— Непохоже!

¹⁾ Т.-е. брэнди (водки) и соды (съ содовой водою).

— Почему? Потому что онъ на видъ таковой добрый и таковой некрасивый?

— Совершенная противоположность своей сестры.

— Да! Могу похвалиться; какъ будто про меня сложена пѣсенка: „Не слишкомъ добра“... Терпѣть не могу вашихъ святыхъ и недотрогъ! Заходите ко мнѣ: дамъ чашку чая и сэндвичъ...

И въ самомъ дѣлѣ, Модерна углубилась въ бесѣду съ Нэдомъ Тримэномъ:

— И знаете,—говорила она горячо,—этотъ издатель предложилъ мнѣ писать очерки общественной жизни. Я отказалась: Еще бы! Разбирать и осмѣивать своихъ друзей и знакомыхъ!

— А Долли пишетъ.

— Но ея друзьямъ это, повидимому, нравится; а моимъ было бы непріятно.

— Видите ли, большинство ея друзей вынуждено прокладывать себѣ дорогу въ жизни, какъ и она сама. Имъ приходится бывать вездѣ...

— Долли все хочетъ, чтобы я съ ней пошла въ кафе-шантанъ...

— Не ходите съ ней, а подите со мной!

— Нѣтъ, я никогда бы на это не рѣшилась!

— Полноте! Какой же я мужчина... Я такъ некрасивъ!..

— Что же, можетъ быть... когда-нибудь...—сострадательно проговорила Модъ.

— Но я не смѣю задерживать васъ дольше: и то ужъ давно мечетъ на меня молніеносные взгляды какой-то замѣчательно-красивый господинъ, и я уже обмеръ отъ страха!

Модерна простилась съ нимъ и подумала про себя:

„А вѣдь Эдвардъ дѣйствительно здѣсь имѣетъ видъ принца крови среди этихъ людей!.. А! вы пришли?—вслухъ прибавила она.

— Вы сами меня пригласили.

— Есть у васъ здѣсь знакомые?—нервно допрашивала Модерна.

— Только художникъ Шагюонъ. Чей онъ гость?

— Миссъ Тримэнтъ!—побѣдоносно возглашаетъ Модъ.

— Я бы хотѣлъ представиться миссъ Тримэнтъ, — кротко заявляетъ онъ.

— Эдвардъ! Я вамъ этого не позволю...

— Чего вы не позволите? И почему вы не курите? — самым невинным тоном спросил Конистонъ.

— Вы сами знаете, что я не курю! — съ упрекомъ возразила Модъ.

— Нѣтъ, не знаю; я долго былъ въ отъѣздѣ. И, наконецъ, всѣ здѣсь курятъ. Есть ли у нихъ нервы, скажите, пожалуйста!

— Если вы пришли для того, чтобы насмѣхаться надъ моими друзьями...

— Я и не зналъ, что все это—ваши друзья; да и *не могутъ* они быть вашими друзьями! Впрочемъ, я постараюсь ничего и никого, кромѣ васъ, не замѣчать. Не будемъ о нихъ спорить; лучше потолкуемъ о васъ,—конечно, если вамъ не покажется напраснымъ—бесѣдовать съ такимъ постороннимъ человекомъ, какимъ я являюсь передъ вами. Я просто частное лицо, которое не имѣетъ возможности увѣковѣчить васъ въ печати, или хотя бы дать вамъ случай заполнить газетный столбецъ: „О дамскихъ дѣлахъ“...

— Эдвардъ! Вы злы, и беспощадны, и даже дерзки! Да развѣ вы не видите, что это и есть настоящіе, живые мужчины и женщины, которые въ тысячу разъ интереснѣе вашихъ глупыхъ, вздорныхъ франтовъ и пустоголовыхъ женщинъ, которыя трещать, не умолкая, въ залахъ и гостиныхъ...

— Всякому свое!..

— Можетъ быть,—продолжала Модерна,—можетъ быть, они немного грубоваты или даже безцеремонны, и слишкомъ прямо называютъ все своимъ именемъ; но зато это такіе люди, которые посредствомъ печатнаго слова ворочаютъ вселенной! Они—рычаги міра сего!

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что, можетъ быть, рычаги, да *не настоящіе!* Или вы полагаете, что и въ литературѣ, и въ журналистикѣ, нѣтъ своего рода тины, своей стоячей воды, которая гдѣ-нибудь въ глубинѣ влопочеть и бурлить, не вызывая волненія на поверхности воды?

— Недурно для прописи! Но ваши метафоры довольно-таки беспощадны,—смѣясь, сказала Модерна. — Я знаю, что вы ненавидите „богему“.

— Да; но не ту, не *настоящую* богему, полу-голодную, полу-нагую, у которой нѣтъ ни близкихъ, ни друзей, ни визитныхъ карточекъ, ни вечернихъ туалетовъ,—словомъ, ничего, ровно ничего, кромѣ печати гениальности, которая даетъ ей возможность подняться высоко...

— Да, понимаю, вы были бы покровителемъ Джонсона, какъ лордъ Соутгэмптонъ былъ покровителемъ Шекспира.

— Но въ душѣ моей ничего, кромѣ презрѣнія, я не питаю къ людямъ, которые обладаютъ всѣми свойствами богемы, за исключеніемъ ея гениальныхъ сторонъ. Эти люди гордятся своей невѣжливостью, и ставятъ себѣ въ заслугу не отвѣчать на письма, не держать своего слова, опаздывать къ условленному часу, и считаютъ, что достаточно вѣская причина для нарушенія законовъ божескихъ и человѣческихъ—сказать: „C'était plus fort que moi“. Не думаю, чтобы во всей этой комнатѣ нашелся хоть одинъ человѣкъ, у котораго были бы твердыя основы самыхъ начальныхъ понятій о долгѣ и совѣсти. И видѣть васъ, васъ—посреди нихъ! Голову свою дамъ на отсѣченіе, если еще хоть на минуту здѣсь останусь! Повойной ночи и... простите! Завтра вечеромъ увидимся у Флеминговъ.

— Не думаю; прощайте!—сухо возразила Модерна, и едва очутился за дверью Конистонъ, какъ она нервно обратилась къ Нэду, едва переводя духъ:—Завтра я съ вами ѣду на шансонетви... Добудьте мнѣ Долли!

— Она не можетъ, у нея репетиція.

— Ну, все-равно; тогда поѣдемте безъ нея, вдвоемъ. Напишите мнѣ... нѣтъ! лучше не надо. Кланяйтесь Долли,—не могу ее дольше дожидаться... Нѣтъ, пожалуйста, меня не провожайте! Я всегда одна возвращаюсь домой. Это—мой принципъ... Ну, прощайте!

XVI.

Лѣтній вечеръ.

Модерна поджидаетъ своего спутника, какъ сама назначила, въ Кенсингтонъ-Гарденъ, и досадуетъ на себя за свою затѣю.

— Даже противно, отвратительно! На какой скамейкѣ я ему назначила сойтись? Его нѣтъ; ужъ не ошиблась ли я? Это первый разъ въ жизни, что я назначаю свиданіе. И ждать его тутъ... унижительно! А чтѣ, если я отоюду подальше и вернусь запыхавшись, будто спѣшу, потому что запоздала?... Да какъ онъ смѣетъ заставлятъ себя ждать?!..

— Чего бы я не дала за то, чтобы вернуться! Но нѣтъ, не хочу давать надъ собой волю Эдварду! Тутъ ужъ не до веселья. Все время я буду терзаться и тревожиться. Лучше бы мнѣ было ѣхать къ Флемингамъ. Наши долго еще не вернутся домой, а я постараюсь поскорѣй покончить съ этою затѣей, и буду ужъ

давно въ постели, когда они прїѣдутъ. Побуду съ Нэдомъ недольше, чѣмъ того требуетъ простая вѣжливость и... Вотъ идетъ полицейскій... Боже, какъ онъ на меня смотритъ! Да нѣтъ же, я не дѣлаю ничего дурного; и наконецъ, нельзя меня арестовать за то, что я просто сижу на скамейкѣ! Я „не мну травы и не ломаю деревьевъ“... А вдругъ мнѣ встрѣтится кто-нибудь изъ прислуги? Они, вѣрно, сюда бѣгаютъ на свиданіе со своими возлюбленными... Вотъ идетъ Надъ!.. Ну, я пропала. Убратъся поскорѣй во-свояси и послать ему телеграмму, что я не буду...

Модерна поспѣшно подбираетъ платье и бѣжитъ прочь, сталкивается какъ разъ со своимъ спутникомъ.

— Миссъ Масклинъ!—вослицаетъ онъ.

— Какъ, это вы?—спокойно оборачиваясь, говоритъ она.

— А то кто же? Мнѣ очень жаль, что я васъ заставилъ дожидаться; но право же—ни одна женщина не была еще со мной такъ аккуратна...

— Вы говорите, точно имѣете обыкновеніе не запаздывать на свиданіе! (Ну, зачѣмъ я это говорю?)

— Однако, какъ вы сердитесь, что вы первую пришли на мѣсто!

— (Да какъ онъ смѣетъ говорить, что я сержусь?) О, не все ли равно?

— Нѣтъ, не все равно. Я прибѣжалъ сюда, чтобы поспѣть на пять минутъ скорѣе васъ... Скажите, вамъ пришлось долго меня ждать?

— Пожалуйста, не будемъ говорить объ этомъ!

— Ну, хорошо. Куда же мы направимся обѣдать? Я думаю, къ Ниеолини.

— А тамъ бываетъ настоящая богема? Самая низкопробная?

— Самая настоящая! На первый разъ—ужь чего ниже. Я васъ угощу настоящимъ итальянскимъ обѣдомъ. Для меня тамъ сдѣлаютъ все, что угодно. Во время обѣда мы потребуемъ лѣстокъ „Антрактъ“ и посмотримъ, гдѣ самое лучшее представленіе; впрочемъ, мнѣ кажется, что въ Тиволи. Мы возьмемъ ложу.

— Нѣтъ, я хочу сидѣть со всей публикой.

— Такъ вы социалистъ? Ну, дѣлайте, какъ вамъ угодно; только въ ложѣ вѣдь можно сидѣть такъ, что васъ не видно.

— Я вовсе не желаю прятаться, мнѣ нѣчего стыдиться... „А вѣдь я вру“!—думаетъ она про себя и садится въ наемный экипажъ. Надъ подсаживаетъ ее, поддерживая подъ локоть.

— Приважьте заѣхать на ближайшій телеграфъ; я хочу послать телеграмму своей портнихѣ.

— Съ горячею мольбою обождаю гарнировать лифъ? Надо измѣнить цвѣтъ бантовъ, сдѣлать голубые, вмѣсто бѣлыхъ? — шутя, подсказывала ей художникъ.

— Вижу, что вы все это понимаете...

— Еще бы! На то вѣдь я и портретистъ.

Экипажъ останавливается у телеграфной станціи; Модерна выходитъ и пишетъ на бланкѣ телеграмму.

— Какъ вы изволили написать это слово, миссъ?—спрашиваетъ ее телеграфистъ.

— „К-о-н“... кажется, достаточно ясно? — отвѣчаетъ Модерна и ѣдетъ дальше.— А что, — тревожно освѣдомляется она, — какъ вамъ кажется: мое платье довольно скромно?

— Конечно, и шляпа, и двѣ плотныя вуалетки. Но вы непоследовательны, вы только-что сказали, что вамъ нечего стыдиться...

— Почему же я должна непременно быть последовательна? — капризно замѣчаетъ Модерна въ то время, какъ они подъѣзжаютъ къ ресторану.

— Ну, какъ же вамъ нравится итальянскій обѣдъ? — говорить, подѣ-вонецъ его, Тримэнъ.

— Очень нравится; только все здѣсь такъ чисто и прилично, что я невольно задаю себѣ вопросъ: неужели у васъ въ Парижѣ, въ разныхъ вашихъ „Chat-noir“ или „Rat-mort“, все такъ же чинно и благопристойно?

— Ну, пожалуй, несовсѣмъ. Но для начала съ васъ и этого довольно. Сегодня вы запаслись двумя вуалетками; на слѣдующій разъ вы уже удовольствуетесь одной, а затѣмъ найдете, что ни одной не нужно.

— „Слѣдующій разъ“?!—переспрашиваетъ Модерна.— А который теперь часъ?

— Пожалуй, ужъ пора. Allons! — и Нэдъ любезно помогаетъ ей одѣться.

Добравъ до „Тиволи“, онъ всталъ и просилъ свою даму обождаю въ коляскѣ, пока онъ пойдетъ взять ложу.

— Что вы такъ тревожно оглядываетесь?—прибавилъ онъ.

— Смотрю, не увижу ли кого изъ знакомыхъ...

— Осторожная дѣвица! — проговорилъ, уходя, Тримэнъ и исчезъ за дверью театра.

Еще разъ выглянула Модерна изъ-подъ верха экипажа и вдругъ замѣтила Эдварда, который стоялъ у крыльца, подъ навѣсомъ.

— О, Эдвардъ! Вы получили мою телеграмму? Вы будете меня охранять?

— Конечно, съ удовольствіемъ; только ужъ устройте это сами. Вотъ онъ идетъ!

— А, Конистонъ! Какъ здоровье? Миссъ Масклингъ, пожалуйста: у насъ прехорошенькая ложа..

— М-ръ Тримэнъ, мнѣ очень жаль, но у меня такъ страшно разболѣлась голова, и... и я бы не хотѣла лишать васъ удовольствія... Я ужъ просила Конистона довести меня домой... Вы, конечно, поймете...

— Что вашъ опытъ васъ немного уже напугалъ?..—вѣжливо подсказалъ ей художникъ.—Во всякомъ случаѣ, вы со мной отобѣдали у Ниволини; по крайней мѣрѣ, мнѣ будетъ что вспоминать. Добрый вечеръ!

— Это онъ со злости!.. Чѣмъ вы это заслужили, и что это значить? Какъ это такъ случилось, что вы разбѣгаете вдвоемъ съ этимъ господиномъ? Вы меня позвали, и я явился; но не могу сообразить, что тутъ такое происходитъ?

— А то, что я поступила какъ дура.

— Прекрасно; но какъ же именно?

— Не могу входить въ подробности; но знаю только, что больше своего опыта не повторю. Всю жизнь мою ни разу не чувствовала я себя такой несчастной!

— Неужели онъ?..

— О, нѣтъ, онъ держалъ себя вполне прилично, съ своей точки зрѣнія. Я сама виновата; я сунула себя въ яму и теперь прошу васъ помочь мнѣ вылѣзть изъ нея. Ну, вотъ и все!

— Нѣтъ, далеко не все! Онъ—свинья и скотина, что смѣлъ предложить вамъ...

— Я сама напросилась, увѣряю васъ!.. Будетъ намъ осуждать бѣднаго Нэда; онъ такъ страшно некрасивъ, что, я думала, его не считаютъ мужчиной... Только и всего! А теперь, пойдете туда вмѣстѣ.

— Какъ! туда! Въ театръ? И вы хотите, чтобы я сдѣлалъ то же самое, за что я только-что его бранилъ?

— Но, Эдвардъ, вы—другое дѣло!

— Надѣюсь!—со смѣхомъ замѣтилъ Конистонъ:—а все-таки, лучше я васъ доведу домой...

— Лучше бы мнѣ было не посылать за вами,—проговорила Модерна и надулась.

— Нѣтъ, вы серьезно намѣрены остаться въ Лондонѣ?— допрашивалъ Билли Данверсъ старшую миссъ Масклинъ.

— Совершенно серьезно. Наши уѣдутъ на Ривьеру.

— Да что вы?..

— „Идіотва, что-ли“? Договаривайте прямо.

— Ну, ужъ если вы того хотите, я, признаюсь, не понимаю, какъ это дѣвушка не можетъ ужиться въ родительскомъ домѣ?

— Ну, а вашъ братъ, мужчина?

— Это другое дѣло! У насъ есть свои, особые отъ семьи, развлечения и интересы, служба... наконецъ, друзья... Мужчина хочетъ жить въ независимости и не терпитъ допросовъ...

— И дѣвушка также.

— Глупость! Въ сущности, она вовсе ничего этого не хочетъ, а если и захочетъ, то ей этого не полагается хотѣть, да и не пристало! Говорю вамъ такъ потому, что мнѣ это хорошо извѣстно. Вамъ хочется все дѣлать и вездѣ бывать одной; а когда вы этого добьетесь, то сами не знаете, что съ собой дѣлать; а попробуй кто-нибудь изъ мужчинъ не обратиться на васъ вниманія, или не отворить вамъ двери, или не предложить вамъ руку!.. Ему не сдобровать.

— Это все простая вѣжливость съ его стороны.

— Ну, однако, мужчина для женщины не станетъ отпирать дверей... Просто—эта привычка явилась сама собой, въ силу того, что женщина—слабое и отъ природы зависимое созданіе, и мы тотчасъ же сторонимся отъ васъ, женщинъ, какъ только отъ васъ отпадаютъ эти оба свойства, какъ только вы становитесь независимы. Я собственно считаю, что женщины теперь становятся препротивныя... Надѣюсь, однако, что гдѣ-нибудь да уцѣлѣетъ для меня милая, скромненькая дѣвушка подъ хорошимъ присмотромъ, съ хорошимъ, обеспеченнымъ положеніемъ... А кто изъ старшихъ будетъ вашимъ провожатымъ: тетя Лиза?

— Нѣтъ, домъ сдали внаймы на четыре мѣсяца, а я буду жить у пріятельницы... вы ее знаете, Долли Тримэнъ.

— Да, отчасти знаю. Кто ее не знаетъ? Не можетъ быть, чтобы вы такъ были близки съ этой... съ этою „Д. Т.“. Отъ васъ всѣ отшатнутся, помяните мое слово!

— Но она вполне прилична.

— Настолько же, какъ любая горничная! Она—ярая представительница богемы, въ обществѣ она не бываетъ. Ну, можетъ ли быть, чтобы вы...

— Я *никогда* не уѣду изъ Лондона.

— Зимую я васъ понимаю, но лѣтомъ! О, вы никогда не

разубѣдите меня: я увѣренъ, что васъ здѣсь должно удерживать что-нибудь вѣское... или... кто-нибудь...

Модерна молчать и затѣмъ возражаетъ:

— Думайте, что вамъ угодно, Билли: я васъ разувѣрять не стану. Но сейчасъ я жду къ себѣ миссъ Тримэнъ, а послѣ всего, что вы о ней говорили... До свиданія!.. Нѣтъ, я на васъ не сержусь!..

Вскорѣ послѣ ухода Билли, въ комнату стремительно влетаетъ Долли.

— Ну, что? Побѣдила?

Да.

— Горячее было сраженіе?

— Да, цѣлыхъ три дня мы ни о чемъ другомъ не говорили; а еще послѣдніе три дня мы и совсѣмъ перестали разговаривать между собою. Я—въ немилости, но все равно, поставлю на своемъ.

— Понятно, ты взрослая женщина! Я съ самаго начала чувала, что ты не подчинишься имъ. Такое унижительное притѣсненіе! Упечь тебя на цѣлыхъ три мѣсяца въ какія-то заграничныя дебри! Зато здѣсь мы навеселимся вволю, окунемся по горло въ самый источникъ жизни, насладимся ея кипучею волной... Это будетъ чудесно!

— Чудесно!—повторяетъ Модерна безъ малѣйшаго признака одушевленія.

— Какіе хорошенькіе, непринужденные ужины мы будемъ устраивать: ты будешь приглашать на нихъ своихъ мужчинъ, а я—своихъ. Можно позвать поэта Вира, только одного, безъ жены; она намъ все испортитъ. И новаго жильца въ третьемъ этажѣ, прехорошенькаго анархиста.

— Онъ можетъ, для забавы, принести съ собою свои разрывныя бомбы,—насмѣшливо встала Модъ.

— А Надъ—неоцѣненный собесѣдникъ! Кстати, онъ очень на тебя сердитъ: ты сдѣлала съ нимъ порядочную подлость: притворилась, что у тебя разболѣлась голова, а сама просто захотѣла уѣхать съ Конистономъ. Конистонъ меня презираетъ, но мнѣ все равно! Можешь и его приглашать къ себѣ на наши вечера. Я чужда мелочныхъ обидъ!

— Конечно, милочка! (Да Эдвардъ и самъ не пойдетъ, еслибъ я даже позвала его!) Все очень мило на словахъ, но на дѣлѣ...

— Да, относительно матеріальныхъ условій, я думаю, тебѣ будетъ довольно твоихъ „востюмныхъ“ денегъ; ну, сошьешь себѣ на два, на три платья меньше, вотъ и все!

— Конечно, Долли. Но все-таки... ужасно тяжело...

— Ужасно тяжело экономить? Не безпокойся, душка, я тебѣ помогу; во что бы то ни стало, я хочу жить съ тобою!

— Благодарю тебя, но не въ этомъ дѣло... Бѣдная мама...

— Ну, что такое: бѣдная твоя мама?

— Ты знаешь, до чего ей противно то, что я затѣваю, а между тѣмъ она сама пошла къ папѣ и просила, чтобы онъ меня простилъ, и заставила его написать для меня чекъ на 100 ф. Она мнѣ принесла и поцѣловала, и сказала, что для нея невыносима мысль, чтобы я была лишена того, что мнѣ необходимо и къ чему я привыкла, и спросила, хватитъ ли намъ на четыре мѣсяца?

— Да это просто роскошь!..

— И выразила еще надежду, что мой опытъ оправдываетъ ея ожиданія... Долли, да неужели ты не чувствуешь, какъ это трогательно?

— Lovely приемъ! Ваша мать умница, что и говорить...

— Меня такъ это растрогало! Я вдругъ почувствовала, что мой долгъ—ѣхать съ ними и бросить все остальное.

— Никогда бы я не подумала, что она такая хитрая, твоя мать! Да она для того только это и сдѣлала.

— Ну, Долли, полно!

— Что жъ дѣлать, если ты ужъ такъ перерѣшила. Прощай, мнѣ пора.

— Да, я рѣшила, Долли, и скажу мамѣ, что готова ѣхать съ ними.

— Упрямица! Въ сущности, я ни на минутку не повѣрю, чтобы ты раздумала и окончательно отъ меня отказалась. Ты сама знаешь,—улыбаясь, прибавила она,—что у тебя никогда не хватитъ духу уѣхать изъ Лондона, когда дѣло дойдетъ до этого, въ послѣднюю минуту!.. Au revoir. Сегодня еще увидимся.

Долли ушла, а Модерна невольюно задумалась:

— Вотъ и Билли тоже говорить. Удивляюсь, отчего бы мнѣ такъ было жалко уѣхать изъ Лондона?!..

XVII.

Въ Фоксширѣ, у м-съ Деверель, охота съ борзыми была въ полномъ разгарѣ. Она сама, ея мужъ и Модерна остались втроемъ.

— Фрэдъ, тебя хочеть видѣть сэръ Генри Грезмъ! — обра-

тилась къ мужу Флосси Деверель и, едва онъ отошелъ отъ нихъ, продолжала.—Послушай, Модерна! Будь полюбезнѣе съ Джорджемъ Провисъ: ты и вообразить себѣ не можешь, до чего его здѣсь цѣнятъ...

— По моему, онъ просто повѣса, бездѣльникъ...

— Все равно,—всѣ важные господа и богачи начинаютъ съ того, что бываютъ бездѣльниками и повѣсами; и наконецъ, ты сама умная женщина, и, конечно, съумѣешь такъ устроиться, чтобы имѣть съ мужемъ какъ можно меньше дѣла. Не уступай его Виолеттѣ Флемингъ и ея маменькѣ. Ты—самая умная, самая хорошенькая изъ всѣхъ лондонскихъ барышень,—я ему такъ и сказала; сказала еще, что ты танцуешь, какъ ангелъ, охотись съ борзыми и летаешь, какъ птица...

— Очень ему нужно... особенно послѣднее!—смѣясь, перебила ее Модерна.

— Въ нашемъ округѣ и для такого страстнаго охотника, какъ Провисъ, это обстоятельство имѣетъ большое значеніе. Да знаешь ли ты, что за него любая барышня-невѣста отдала бы „свѣтъ очей своихъ“; а тебѣ стѣитъ только шевельнуть мизинецъ, и еще вчера Арчеръ говорилъ...

— Арчеръ?! Ахъ, да: она боится, чтобы я опять въ него не влюбилась!

— Нѣтъ, не онъ, а... Эдвардъ Коннстонъ.

— Ну?.. Чтò же онъ сказалъ?—сухо спросила Модъ.

— О, онъ такой свѣтскій человѣкъ! Онъ считаетъ, что всякая дѣвушка изъ общества сдѣлаетъ глупость, если откажется отъ такой прекрасной партіи. Мы съ нимъ долго, долго вчера говорили, и все о тебѣ...

— *Только обо мнѣ?*

— Ну, положимъ, несовсѣмъ. А все-таки, онъ умѣетъ быть совсѣмъ очаровательнымъ, этотъ самый Эдвардъ Коннстонъ, особенно же... съ глазу-на-глазъ. Я вѣрю въ прелесть tête-à-tête'овъ; а ты?..—и Флосси ушла, не дождавшись отвѣта. Вдали показался капитанъ Провисъ.

— „Такъ ты меня нарочно оставляешь съ нимъ наединѣ“?—подумала Модерна ей вслѣдъ.—„А сама хочешь, чтобы я приняла его предложеніе, предоставляя тебѣ полную свободу кокетничать съ Эдвардомъ?.. Мнѣ все равно, вскружишь ты ему голову или нѣтъ; но я все-таки не хочу играть тебѣ въ руку! Я поведу свою игру самостоятельно, какъ захочу и какъ съумѣю“...

— А, капитанъ! Какъ поживаете?

— Благодарю васъ. Пріѣхаль посмотрѣть, какъ отличаются наши фоксширцы.

— Мнѣ также вздумалось прокатиться верхомъ, и я попросила конюха выбрать мнѣ лошадь...

— Конюха? Лошадь?—переспросилъ озадаченный Провисъ.— Я ее знаю: это Селима. Вы на ней—картинка!

— Я совсѣмъ не умѣю ѣздить. Я круглая невѣжда!—убѣдительно возражала Модерна, нарочно стараясь сѣсть болѣе неуклюже.—Смотрите, какой ласковый видъ у этихъ собачекъ! Какъ онѣ безмятежно поводятъ хвостомъ...

— Борзья дѣлають стойку! Какъ это такъ: „собачекъ“?—восклицаетъ онъ.

— А развѣ у васъ здѣсь не такъ говорится?—наивничаетъ Модерна...

Они тронулись въ путь, продолжая разговоръ, пока не доѣхали до рва, который надо было „взять“. Для Модерны такое препятствіе было сущей бездѣлицей; но она приложила всѣ усилія къ тому, чтобы притвориться неуклюжей и ничего не понимающей; она усердно понукала свою лошадь, но старушка Селима, видимо, ее не понимала и отказывалась скакать. Модерна свернула въ сторону и переѣхала ровъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ его края шли отлого.

— „Да она портитъ лошадь! Никогда этого еще не бывало“! Назадъ! Назадъ!..—кричитъ озадаченный капитанъ.—„Боже! да она наѣхала на борзую“!..

— Капитанъ, помогите! Я потеряла шляпу! — кричитъ ему въ отвѣтъ неловкая наѣздница.

— „Клянусь Юпитеромъ! Это ужъ черезчуръ! — негодуетъ про себя Провисъ.—Извольте вы ей сотню разъ подбирать шляпу?! Нѣтъ, ужъ извините! я умываю руки“!..

Онъ дѣлаеть видъ, что ничего не слышитъ, и слѣшнить ускакать въ противоположную сторону. Модерна остается одна и заливається громкимъ хохотомъ въ то время, какъ подъѣзжаютъ Флосси Деверель, Конистонъ и Билли Данверсъ.

— Модерна, что съ тобой? Ты вся въ грязи и царапинахъ!

— Знаю; но зато какъ мнѣ было весело!

— Гм! Что-то непохоже! Видно, Провисъ плохо заботился о тебѣ...

— О, Флосси, Флосси! Зачѣмъ ты ему рассказала, что я—прекрасная наѣздница?

— Да вѣдь это правда.

— А я себѣ почти весь день испортила тѣмъ, что старалась

доказать ему противное. Передай Конистону, что ваши планы относительно меня, къ сожалѣнiю, не состоятся. Билли, живи! Не отставайте отъ меня, и мы нагонимъ охоту!..

Модерна стегаетъ бѣдную Селиму и несется въ карьеръ.

— Да она свернетъ себѣ шею! Она такъ неосторожна! — замѣчаетъ ей вслѣдъ Конистонъ.

— Пустяки! Вы не понимаете женщинъ. Она притворяется; ее просто что-нибудь или... кто-нибудь вывелъ изъ себя...

Обѣдъ давно оконченъ. Десять часовъ вечера. Въ снѣгъ Модерну провожаетъ Эдвардъ Конистонъ: она идетъ къ себѣ, наверхъ.

— Покойной ночи, Эдвардъ.

— Покойной ночи!.. Но почему вы собрались такъ рано?

— Не знаю; голова болить... По крайней мѣрѣ, я такъ сказала.

— И вѣрно очень утомились послѣ всего таковаго... — холодно прибавляетъ онъ.

— Вы этого не одобряете?

— Да и вы сами также?

— Нѣтъ!

— И въ самомъ дѣлѣ, чего вамъ стѣсняться? Ваши танцы дѣлаютъ честь миссъ Летти Линдъ!

— Я вовсе не хотѣла танцевать; Флосси заставила меня... и такъ рѣшительно!.. Отказывать же неприятно.

— Конечно, вѣдь не подъ кустомъ же танцевать, украдкой? Для этого не надо и учиться. Бѣдная Виолетта Флемингъ готова бы полъ-жизни отдать за то, чтобы танцевать такъ же бойко...

— Мать не допустила бы ее... и, наконецъ, это ей не къ лицу... Флосси такъ ко мнѣ пристала!..

— Понятно, м-съ Деверель хочетъ, чтобы на ея сторонѣ осталась побѣда!

— Послушайте! — перебила его Модерна. — Я вѣдь и не подозрѣвала, что этотъ капитанишка — другъ семейства Деверель; сегодня же, навѣрное, кто-нибудь ему скажетъ, что я вовсе не такая дура и невѣжда, какую разыграла изъ себя.

— Вашъ вѣрный другъ и товарищъ, Билли, навѣрное разболтаетъ! — смѣясь, подтвердилъ Конистонъ.

— О, Эдвардъ, пожалуйста! — вдругъ обратилась къ нему Модерна. — Вы сдѣлаете, что я васъ попрошу?

— Если это возможно и... благоразумно.

— Конечно, нѣтъ!.. А все-таки, я рада, что вы здѣсь; хотя сначала, признаюсь, мнѣ это было неприятно.

— Вотъ какъ? Но почему же?

— А потому, что я твердо помню, какъ вы меня заставили поступить съ бѣднымъ Недомъ... Ну, чѣмъ онъ виноватъ, что „женщина обольстила“ его?—смѣется Модъ.—Съ тѣхъ поръ я не могу себя принудить перекинуться съ нимъ хоть словечкомъ.

— Развѣ я васъ бранилъ за это? Да и права не имѣю...

— Конечно, вы не отвѣтственны за мои поступки... Эдвардъ, пожалуйста... спрячьте меня въ „биллиардной“, такъ, чтобы они меня не видали, а мнѣ все будетъ слышно.

— Нѣтъ, не могу!—поспѣшно отвѣтилъ Конистонъ.

— Нѣтъ, можете, конечно! Вотъ, напримѣръ, за этой занавѣской очень удобно...

— Я нравственно отвѣчаю...

— Вы только-что сказали, что не отвѣтственны за мои поступки... Эдвардъ, послушайте! Мнѣ необходимо хоть одинъ единственный разъ послушать, какъ говорятъ между собой мужчины. Кругозоръ женщины ограниченъ, потому что ее нарочно держать въ полномъ невѣдѣніи... Она бродитъ, какъ въ умственныхъ шорахъ... Она многого и въ глаза не видала...

— И слава Богу!.. Но лучше не пытайтесь: васъ только огорчить...

— Я вовсе не такая нѣженка, и не обижусь, увѣряю васъ. Вы сами должны навести ихъ на разговоръ обо мнѣ...

— Милая, не надо!

— Эдвардъ, поймите: можетъ быть, это единственный случай въ моей жизни... Я общаю вамъ, что больше ужъ это не повторится!.. Мнѣ было бы полезно... поучительно...

— Ну, васъ ничто не исправитъ!—смѣется Конистонъ.

— Пожалуйста, сдѣлайте это для меня...

— Нѣтъ, милая, не надо!

Модерна передразниваетъ его сердито:

— Отстаньте съ вашимъ „милая, не надо“! И чего вы боитесь? Чтò можетъ случиться?

— Мужчины такіе скоты!

— Но вы, вѣроятно, говорите, не стѣсняясь, зло и остроумно?

— Напротивъ; мы глупы и скучны... какъ я не знаю чтò!

— Ну, все равно! Мнѣ спорить некогда. Хотите вы, или нѣтъ, мнѣ помочь? Я, все равно, обойдусь и безъ васъ. Но если вы сами спрячете меня, тогда будетъ меньше вѣроятія, что меня тамъ увидятъ. Ну, идете или нѣтъ?

— Да, какъ дуравъ!..—медленно слѣдуя за нею, говорятъ Конистонъ.

— Я вижу, что вы все-таки добры ко мнѣ,—нѣжно звучитъ голосъ Модерны, и вся ея изящная фигура скрывается за тяжелою портьерой.—Эдвардъ, смотрите, чтобы моихъ ногъ не было видно!.. О, какъ тутъ душно! Отъ этой занавѣски у меня горятъ щеки!

— Если-бъ отъ одной только занавѣски!.. Модерна, бросьте эту затѣю, выходите!.. Ахъ, нѣтъ, нельзя! Оставайтесь, они тутъ!..

Въ бильярдную входятъ братья Деверель, Билли, Провись, Гэвисайдъ и Грэмъ. Фрэдъ Деверель и Грэмъ играютъ на бильярдѣ; остальные курятъ.

— Чтò, много было вамъ съ охотою хлопотъ, а, Провись?—спросилъ послѣдній.—Я, кажется, немного потерялъ?

— Зато я потерялъ гораздо больше!—проворчалъ недовольный Провись.—Облава была чудесная, но мнѣ все дѣло испортили тѣмъ, что навязали эту танцовщицу... какъ ее, тамъ, зовутъ?

— Ну, Провъ, однако, признавайся: ты по ней сумасшествовалъ послѣ послѣдняго „охотничьяго“ бала?

— Ну? Въ самомъ дѣлѣ? Впрочемъ, тому уже прошло полгода; и вдобавокъ, эта пляска сегодня меня окончательно добила. Долженъ признаться, что считаю совершенно неприличнымъ для барышни высшаго круга подражать профессиональнымъ танцовщицамъ: она вѣдь думаетъ, что вся штука въ томъ, чтобы показывать свои ножи...

— Ну, однако, капитанъ, позвольте!.. Я, напримѣръ, увѣренъ...

— Что дальше этого свѣтскія барышни и не пойдутъ!—а граціи въ нихъ ровно столько же, сколько въ кенгуру, у которой ревматизмъ. Да вотъ, хотите, для примѣра, сравнить эту дѣвицу—чортъ ее знаетъ, какъ ее зовутъ?—напримѣръ, съ Китти Клейтонъ или съ Мани Брэсъ! Сравнительно съ ними, она—просто чурбанъ, невѣжда!

— И чего вы такъ на нее напали?

— И ты, Билли, напалъ бы на нее не хуже меня, еслибы она тебѣ испортила охоту. Въ сѣдлѣ она такой же чурбанъ, какъ и въ танцахъ...

— Ха-ха-ха!.. Ха-ха-ха! — поватились со смѣху Конистонъ и Билли.

— Да, да! Вамъ хорошо смѣяться, а мнѣ-то каково?.. Билли!.. чортъ, чего ты хохочешь? Не будь осломъ, да не скаль зубы,

какъ шаваль! Конистонъ! И съ вами тоже что-то неладное творится. Чтò это значить?

— Ахъ, ты, филинъ слѣпой! Ахъ, идіотъ!.. Осель! Значить, ты не знаешь...

— Никогда не слыхалъ?..

— Да чего?.. Чего?

— Того, что миссъ Маслинъ, то-есть барышня, которую мы зовемъ „Модерна“, потому что она больше другихъ идетъ объ руку съ направлениемъ нашихъ дней...

— Ну, такъ я-то чтò долженъ знать?

— Что миссъ Маслинъ (заливаясь хохотомъ, пояснилъ Конистонъ)... просто-на-просто... самая лихая и ловкая наѣздница въ охотѣ съ борзыми!

— Ха-ха-ха!—подхватилъ сэръ Генри Гремъ, натирая мѣломъ свой кій:—проведи тебя, Провъ, на этотъ разъ! Мнѣ даже странно, что ты не знаешь, какъ она беретъ препятствія! Какъ она ни неловка въ гостиной, а братъ рвы мастерица!

— Ну, Гремъ, однако!..

— Да я ничего дурного и не говорю!—спокойно цѣлся въ шаръ, возразилъ Гремъ.—Если вамъ нравятся такія,—ваша воля, а я такихъ не люблю!

— Не любите? А? Не любите?—сердито крикнулъ Конистонъ.

— Конечно, не люблю! По-моему, такъ себя вести неприлично, чертовски неприлично!

— Ч-ч-чортъ! Я...

— Полно, Конъ! Не пытайся ее защищать: я о ней того же мнѣнія. Это такая особа, которая воображаетъ, что всѣ увиваются за нею. Я ее помню еще на свадьбѣ ея сестры Вароны, — разсуждалъ капитанъ Гэвисайдъ.—Посмотри, чтò за прелесть миссъ Вioлетта Флемингъ, такая спокойная, кроткая...

— Но и скучная также! — возразилъ Билли.—Что же касается нравственныхъ принциповъ Модерны, не могу сказать, чтобы я былъ о нихъ высокаго мнѣнія... манеры у нея также не могу похвалить... Но съ нею не скучно, а ѣздитъ она верхомъ—первый сортъ!

— Билли, затени глотку!—вспылил Конистонъ.

— Но она вѣдь, дѣйствительно, прекрасно сидитъ въ сѣдлѣ, — а, чтò ты скажешь, Провисъ?

— Кулъ муки,—вотъ она чтò, ваша хваленая наѣздница!—возразилъ тотъ.

— Хотѣлось бы мнѣ знать, къ чему ей надо было тебя одурачить?—удивлялся Билли.

— Все равно! Пусть ее сунется еще разъ,—я ей покажу!..

— Не смѣйте ее трогать, Провъ!—вступился хозяинъ дома:—она и легкомысленна, и, можетъ быть, рѣзка, но...

— Она мнѣ немного сродни, да будетъ вамъ извѣстно!—заявилъ строго Конистонъ.

— А!.. Я не зналъ... Извиняюсь!..—смиренно проговорилъ капитанъ.

— Я не нуждаюсь въ вашихъ извиненіяхъ, только прошу васъ впредь оставить миссъ Масклинъ въ покоѣ!

— Повѣрьте, еслибы я только зналъ!.. Можете быть спокойны... Вы всё отправляетесь гулять? А я останусь; по болоту пришлось-таки порастраяться,—усталь ужасно!—Ну, покойной ночи!..—И капитанъ Провисъ, въ заключеніе, усердно зѣвнулъ, уходя.

Остальные понемногу послѣдовали его примѣру, и въ биллиардной остался одинъ только Конистонъ.

Модерна тихонько выходитъ изъ-за портьеры и, закрывая лицо руками, хочетъ проскользнуть мимо него.

— Милая! Мнѣ очень жаль...

— „Жаль?! жаль?!“... Теперь уже нечего жалѣть: все равно не поможешь! Вы сами меня подвели... Пустите!

— Все неприглядное, что они говорили...

— Я сама неприглядная... Пустите! Видѣть васъ не хочу, никого... никого!—восклицаетъ Модерна.—Никогда бы не подумала, что мужчины—такіе скоты!

— Но мы и есть скоты, настоящіе скоты!

— О, пожалуйста! Можете себя къ нимъ не причислять; вы извернулись превосходно, даже пытались меня защищать. Въ этомъ ваше преимущество передъ другими, но вы вѣдь знали, кто спрятанъ за драпировкой.

— Вы, кажется, намекаете на то, что я говорилъ бы иначе, еслибы васъ не было здѣсь?—замѣтилъ Эдвардъ.

— Почему я знаю? Все это звучало такъ благородно, возвышенно и... такъ красиво! Я думаю, вы все это нарочно!.. Пустите! я не знаю, что говорю...

— Вы видѣли, что я поссорился со своими друзьями?..

— Хороши друзья, нечего сказать: негодяи!

— Однако, они еще такъ недавно были и вашими друзьями! Они вѣдь ни въ чемъ не измѣнились. Не будьте къ нимъ несправедливы: таковъ ужъ заурядный человѣкъ. Они—самые обыкновенные люди; что у нихъ на умѣ, то и на языкѣ! Они и не гонятся за тѣмъ, чтобы смотрѣть на вещи глубоко, они

не чутки душою, не впечатлительны. Какъ себя держитъ дѣвушка, такую и оцѣнку отъ нихъ получаетъ. Женщина никогда не можетъ быть слишкомъ осторожна...

— Еще бы! въ такомъ мірѣ, который населяютъ хищные звѣри, готовые растерзать за каждое слово, за каждое движеніе, показавшееся имъ въ ложномъ свѣтѣ! О, я съ ума сойду! Вѣдь вотъ, живешь и говоришь, и думаешь въ простотѣ душевной, а они все истолковываютъ въ дурную сторону...

— Ну, да! Такая ужъ у нихъ привычка...

— И вамъ за нихъ не стыдно? — горячо вырвалось у Модерны.

— Нельзя брать на себя обязанность стыдиться за всѣхъ людей на свѣтѣ... Положимъ, Провисъ былъ слишкомъ обозленъ...

— А Греэмъ? А Гэвисайдъ?.. Я къ нимъ была всегда такъ ласкова, добра...

— Боюсь, что даже *черезчуръ* добра.

— Они оба такіе прѣстостатые, такіе скучные! Они у барышень въ такомъ пренебреженіи... Изъ жалости я къ нимъ была внимательна...

— Самый дрянной мужчина мнить о себѣ гораздо больше, чѣмъ лучшая изъ женщинъ.

— Я знаю, что для меня будетъ совершенно невозможнымъ дѣломъ завтра подать имъ руку, какъ обыкновенно. Будто я не подозреваю, какіе они въ корнѣ отвратительные, низкіе люди!

— Но прежде вѣдь вы думали иначе?

— Да, пока я ихъ не знала. Но какъ же я, напримѣръ, сяду за однимъ столомъ съ человѣкомъ, который воображаетъ, что я въ него влюблена?

— Боже мой! Развѣ это такая новость? Мужчины такъ честолюбивы!..

— Но для мужчины нѣтъ ничего унижительнаго влюбиться.

— А для женщины, по-вашему, наоборотъ?

— Послушайте! Не можемъ же мы тутъ стоять и спорить всю ночь напролетъ о вопросахъ отвлеченныхъ?

— Нѣтъ, конечно! Чтò же я задерживаю васъ... Идите себѣ, ложитесь спать!..

— Хорошо! — послушно отвѣтила Модерна, но на порогѣ обернулась къ Эдварду: — Вы такъ были добры ко мнѣ, а я... Не знаю, почему я такъ на васъ сердилась? Я сама виновата... моя настойчивость, упрямство... Хотите оказать мнѣ услугу?

— Какую? Вызвать Греэма на дуэль? Или ихъ всѣхъ?.. Да

они сами завтра же утромъ вызвали бы меня, еслибы поединкъ были въ модѣ!—со смѣхомъ заключилъ онъ.

— Да, вы ихъ осадили!.. Но не въ этомъ дѣло! Я хочу, чтобы вы вышли черезъ полчаса ко мнѣ,... за Восточныя ворота...

— Нѣтъ!—круто оборвалъ Эдвардъ.—Будетъ съ насъ безчинствовать всю ночь.

— Итакъ, Эдвардъ! Черезъ полчаса... у Восточныхъ воротъ... Ш... ш!.. не смѣть допрашивать! Приходите, приходите, милый, пожалуйста! Я васъ прошу, голубчикъ Эдвардъ! Вы *должны* мнѣ помочь!.. Я утоплюсь, если вы не придете...

— Вздоръ!—хриплымъ голосомъ перебилъ ее Конистонъ.—Постойте! Не могу слышать, когда вы такъ просите... Хорошо, я приду; но если вы ко мнѣ не выйдете, я подумаю, что вы избрали болѣе благоразумное рѣшеніе и легли спать. Вы обѣщаете обдумать этотъ вопросъ хорошенько... да и право, все это не такъ важно, какъ кажется на первый взглядъ...

Модерна простилась и пошла вверхъ по лѣстницѣ, но вдругъ остановилась.

— О, никогда бы я не подумала, что Билли будетъ противъ меня! Мой милый, мой дружокъ Билли, котораго я воспитывала чуть не съ дѣтскихъ лѣтъ...

— Не оплакивайте его: онъ того не стоитъ! У него сердца нѣтъ... Повойной ночи; спите хорошенько, да не забудьте...

— Нѣтъ, *сы*-то не забудьте!

И съ высоты лѣстницы еще разъ къ Эдварду доносится голосъ Модерны:

— Au revoir!..

Полчаса спустя, подходя къ воротамъ, Эдвардъ издали замѣтилъ Модерну и послушно послѣдовалъ за нею въ конюшню. Она мигомъ выватила пролетку и съ фонаремъ въ рукѣ принялась разбирать сбрую.

— Модерна!

— Вотъ! Натяните постромки!—подавая ихъ, сказала она вмѣсто отвѣта.—Я совершенно позабыла, какъ ихъ приладить...

— Но чтѣ же это значитъ?

— Живѣй! Ну, помогайте же, да не болтайте. Взнуздайте Китти. Я спѣшу на поѣздъ, который идетъ на югъ отъ сѣщенія дорогъ при Беллингтонѣ; вы ѣдете со мною; а оттуда доставите обратно и шарабанъ, и пони.

— Но куда же вы ѣдете?

— Прочь, прочь отсюда... Куда ни попало! Не хочу видѣть этихъ негодяевъ!

— Какая нелѣпость!

— Пусть такъ; а все-таки я возьму и уѣду!

— Но ваши всѣ за границей. Вы не можете вернуться въ пустой домъ.

— Я вернусь къ Долли; я теперь у нея живу. Въ Лондонъ я приѣду къ первому завтраку, а дорогой, изъ Старога-форта, пошлю ей телеграмму, что буду рано утромъ. О, Эдвардъ, пожалуйста не возражайте! Понятно, я и безъ вашей помощи могу запрячь Китти, но будьте добры, все-таки, помогите... Все въ порядкѣ; я оставила для Флосси традиціонную объяснительно-извинительную записочку въ моей комнатѣ и приволола ее къ подушечкѣ для булавокъ. Ей хорошо извѣстно, что я сумасшедшая...

— Я думаю, что вы и въ самомъ дѣлѣ потеряли рассудокъ... Ну, виданное ли это дѣло...

— Конечно, невиданное и неслыханное! Кто-то когда-то сочинилъ для меня надгробную надпись такого содержанія: „Она была создана для затруднительныхъ положеній“... И это вѣрно... Смирно, Китти, смирно!

— Нѣтъ, нѣтъ, Модерна, я вамъ не дамъ уѣхать! Ну, переждите же хоть до утра!

— Тогда я, значить, не уѣду и послѣ полудня!—воскликнула она и прибавила умоляющимъ голосомъ:

— Эдвардъ! Вы—мой единственный другъ! Я увѣряю васъ, что выйду изъ этого затрудненія, если вы мнѣ поможете!

Конистонъ пошелъ въ стойла и вывелъ оттуда пони,—хорошенькую Китти.

— Вы помните, что вы мнѣ только-что сказали?

— Нѣтъ, а что? Я вамъ наговорила сгоряча массу такихъ вещей, въ которыхъ мало-по-малу мнѣ, безъ сомнѣнія, придется каяться.

— Вы сказали, что я не взялся бы васъ отстаивать, еслибы не зналъ, что вы прячетесь за драпировкой?

— Ну, да!—усталымъ голосомъ, медленно влѣзая въ экипажъ, проговорила Модъ.—Пожалуй, вы и при другихъ обстоятельствахъ стали бы защищать меня, для того только, чтобы имъ противорѣчить... (Вы будете править? Да?) Вѣдь въ глубинѣ души вы все-таки съ ними согласны.

— Какъ? Я согласенъ съ Провомъ? О, Боже мой! Конечно, нѣтъ!

— Ну, можетъ быть, если не фактически, то по существу.

Вы сами знаете, что вы меня считаете... словомъ, что вы одобряете меня...

— Если вы спросите у меня моего мнѣнія, я вамъ отвѣчу, что съ моей точки зрѣнія васъ окружають дурные друзья и плохіе совѣтчики...

— Не вижу причины, которая дала бы вамъ право... всю вину взваливать на моихъ друзей! Каждый, прежде всего, самъ себя воспитываетъ, создаетъ себѣ тотъ или другой характеръ; каждый самъ за себя и отвѣчаетъ. Я родилась, я развивалась согласно законамъ, которыми было обусловлено мое развитие,— какъ дубъ зарождается, растетъ и вырастаетъ изъ жолудя. Никто мнѣ не препятствовалъ, никто не вмѣшивался въ дѣло моего развитія. Посмотрѣла бы я, какъ попробовалъ бы кто-нибудь вмѣшаться! Я всю жизнь дѣлала все, что хотѣла.

— Знаю, знаю! Ваша мать...

— Не смѣйте ничего говорить ей въ осужденіе! Могла ли она помѣшать чему бы то ни было? Я „росла, росла (какъ Топси, въ „Хижинѣ дяди Тома“) и выросла (какъ она же) дурная“.

— Не смѣйте бранить себя! Я вамъ запрещаю.

— Эдвардъ, говорите серьезно; не шутите!

— Чего ужъ серьезнѣе?— смѣясь, возражаетъ Конистонъ.— Я никому не позволяю васъ обижать, даже вамъ самой!

— Но и моихъ друзей вы не смѣете также обижать!

— Вашихъ идеаловъ?

— Да кто они, эти идеалы? Кажется, у меня ихъ вовсе нѣтъ.

— Такъ я бы вамъ совѣтовалъ ими обзавестись. Женщина безъ идеаловъ, по-моему, существо безчеловѣчное, неудобное и неестественное...

— Женщина безъ условныхъ идеаловъ, конечно, существо болѣе человѣчное, и прекрасное, и совершенное, и свободное... чѣмъ злополучная зауряд...

— Ну, ужъ вы расходились! — слегка похлестывая бичомъ свою пони, прервалъ ее Эдвардъ: — я начинаю думать, что условность въ нашей жизни— вещь необходимая и даже весьма картинная ея принадлежность. Какъ тончайшая сѣть, какъ воздухъ, окружаетъ она женщину, обвивая ее прозрачно-нѣжной, смягчающей дымкой, которая придаетъ ей видъ чего-то особеннаго, почти неземнаго... идеальнаго... если осмѣлюсь употребить такое выраженіе.

— Словомъ, чего-то такого, что мужчина постарается разрушить, какъ только сдѣлается ея мужемъ. Мужчины выбираютъ себѣ въ жены именно дѣвушку при такихъ условіяхъ... сколько

мнѣ кажется. Вотъ, напримѣръ, хоть Виолетта Флемингъ? У нея есть тончайшая сѣточка для волосъ, которою она придерживаетъ свои кудри, чтобы они не путались и не распускались; есть и крохотная книжечка-молитвенникъ, который она носитъ съ собою въ церковь; есть такія же крохотныя понятія о нравственности, которыя служатъ для нея мѣриломъ того, съ чѣмъ она должна считаться, поступая такъ или иначе. Она преисполнена всевозможныхъ мелкихъ привычекъ, которыя перешли бы въ несносную манію, если бы она была старой дѣвой. Кто женится на ней, тотъ все-равно что положить капиталъ въ банкъ, на проценты: оборотъ неспѣшный, но зато надежный!

— Д-да!—задумчиво согласился лордъ Конистонъ:—кто женится на ней, могъ бы попасть и на худшее. Да кто-нибудь и женится, я полагаю...

— Кто-нибудь?

— Только не я! — поспѣшно вставилъ Эдвардъ. — А Провись... Да! Провись—пожалуй.

— Вы знаете, Эдвардъ,—робко начала Модерна: — я вѣдь всегда думала, что вы женитесь на этой красивой дамѣ,—Бельинфанте, портретъ которой я видѣла въ студіи Тримэна...

— Въ самомъ дѣлѣ?.. Пойдите! Если вамъ все-равно, лучше бы подвинуть подушки нѣсколько назадъ, а? Не присмотрите ли вы пока за Китти, чтобы она не шалила, пока я все устрою.

Модерна вышла изъ экипажа и стала привѣтливой, нѣжной рукой водить по мордочкѣ пони.

— Милая, дорогая Китти! Какъ я тебя люблю!.. Ну что, Эдвардъ? Готово?

Она усаживается, и они ѣдутъ дальше.

— Нѣтъ! — продолжаетъ говорить Модерна: — я не думаю, чтобы вамъ годилась въ жены Виолетта Флемингъ. Помните, вы когда-то сдѣлали мнѣ предложеніе? Тогда я была еще молодой и глупенькой дѣвчонкой.

— Помню; а вы мнѣ отказали такъ вѣжливо и такъ серьезно. Но не такъ насмѣшливо, не такъ шутливо, какъ отказали бы теперь.

— Въ тѣ времена я во всемъ и всегда, даже въ танцахъ, отказывала съ весьма серьезнымъ видомъ. Я была настоящій грудной младенецъ!.. А вы? Вамъ никогда не было интересно узнать, кто такой вашъ соперникъ?

— Конечно, я не разъ, и даже очень часто, думалъ объ этомъ. Бывало, я пытливымъ взглядомъ слѣдилъ за всѣми гостями,

которые чаще другихъ бывали на приемахъ у вашей матери, и въ концѣ концовъ я остановился на поэтѣ Гонтрамѣ де-Вяръ. Но онъ всегда казался мнѣ такимъ осломъ!!.

— И *былъ* оселъ на самомъ дѣлѣ. А вѣдь вотъ не сдѣлалъ же мнѣ предложенія... ни разу!

— А говорить—обратное. Но вотъ что вы мнѣ скажите, Модерна, если ужъ мы напали на эту тему,—можетъ-быть, вы согласитесь мнѣ признаться... кто былъ, въ дѣйствительности, мой соперникъ?

— Атеръ; человекъ, съ которымъ я никогда ни слова не сказала...

— Такъ какъ же это случилось?

— Ну, просто, театральная горячка! Въ то время ею болѣло множество дѣвицъ, и всѣ онѣ пылали страстью къ Кольдеръ-Марстону. Цецилія Риддель даже исхудала и продолжала все худѣть, покуда не съѣздила въ Гертонъ. Вы и вообразить себѣ не можете, до чего мы всѣ по немъ съ ума сходили!

— А видѣли его лишь издали за огнями рампы. Что за странный народъ эти барышни! Ну, знаете, если бы вамъ пришлось быть свидѣтельницами того, какъ этотъ самый Кольдеръ-Марстонъ каждый вечеръ, изо дня въ день, вваливался пьяный въ трактиръ „Диваря“ и, не стѣсняясь, принимался поносить свою жену передъ пьяными людьми, которые тамъ сидѣли,—онъ весьма скоро потерялъ бы для васъ свое обаяніе, и вы бы живо разочаровались. Значитъ, вы изъ любви къ такому человеку, съ которымъ даже не перекинулись ни словечкомъ...!

— Развѣ для васъ это не ясно? Мы влюблялись въ Яго, и въ Гамлета; да! Мы даже особенно любили его въ роли Яго, но его самого, какъ человека, Марстона... Посмотрите на кончикъ хлыста: онъ мелькаетъ, извиваясь, какъ огненная змѣйка, надъ свѣтомъ фонаря. Луны не видно... а вы еще погнались такъ скоро!

Конистонъ разсмѣялся.

— Мнѣ всегда казалось, что вы—любительница „смотреть всякой вещи прямо въ глаза“. Развѣ вы трусите?

— Чего? Что вы меня вывалите? Понятно, не боюсь.

Молчаніе. Модерна пытливо вглядывается въ ночную темноту.

— А, кажется, ужъ виденъ сигнальный фонарь въ Беллигэмѣ.

— Но онъ не спущенъ?—тревожно восклицаетъ Эдвардъ.

— О, нѣтъ! У насъ еще масса времени впереди,—успоко-

ваетъ его Модерна.—О чемъ мы говорили? Ахъ, да! Вѣдь все-таки опасно было...

— Нисколько! Я пони удержу, не дамъ ей споткнуться.

— Я не про Китти говорю!—поправляетъ его Модерна и съ горечью прибавляетъ:—я говорю про опасность, которой вы счастливо избѣжали... опасность имѣть женою дѣвушку, которая „чертовски неприлична“!—которая „всюду и всѣмъ извѣстна“, и которую даже Билли Данверсъ не желаетъ защищать.

— Пожалуйста, не приводите выдержки изъ рѣчей этихъ идиотовъ!

— Но все это вѣдь сущая правда! Будь я мужчина, я сама никогда бы на себѣ не женилась. Я думаю, я сжила бы со свѣту своего мужа. А? Чтò вы скажете?

— Пожалуй... Я даже въ этомъ увѣренъ; еслибы онъ васъ не любилъ... конечно.

— *Даже* еслибы любилъ! Тѣмъ хуже для него! Но на это нѣтъ никакого вѣроятія: я не такого рода дѣвушка, въ которую влюбился бы мужчина, или на которой онъ захотѣлъ бы жениться. Да я сама не очень-то стремлюсь быть именно такою! Я не какая-нибудь красавица-черкешенка, которую растили и холили для того только, чтобы она исполняла свою *благородную* службу „замужней женщины“. Я еще не дожидка до такого идеала и устроила жизнь свою совсѣмъ иначе.

— Я вижу!—сухо замѣтилъ Конистонъ.

Водворилось тяжелое молчаніе.

— О, хоть бы ужъ поскорѣй пріѣхать! — вырывается невольно у Модерны.

— Чтò такъ? Неужели вамъ такъ страшно неловко сидѣть?

— Да! Отвратительно.

— Пойдите! Не можемъ ли мы такъ положить подушки, чтобы вамъ было удобнѣе сидѣть?

— Ахъ, совсѣмъ не то!—вертясь на мѣстѣ, возразила Модъ.

— Мнѣ неловко... неловко въ отвлеченномъ смыслѣ. Не понимаю, — горячо и раздраженно воскликнула она: — не понимаю, къ чему это нужно, чтобы я чувствовала себя такой ничтожной! Я не дѣлаю ничего дурного.

— Конечно, ничего дурного.

— А между тѣмъ вѣдь я чувствую себя какъ будто виноватой и пристыженной, и чуть не готова извиняться... И я чувствую себя какой-то одинокой, а вы возсѣдаете тутъ, подлѣ меня, и отъ васъ вѣетъ такимъ страшнымъ холодомъ...

— Себя переимѣнить я не могу; но отъ меня вовсе не вѣетъ

холодомъ, и вы это напрасно говорите. Впрочемъ, не могу же я править хорошенько и въ то же время сидѣть къ вамъ лицомъ? Какъ же теперь быть?

— Да никакъ! Только, пожалуйста, не выражайте своей спиною и затылкомъ, до какой степени вы находите поведѣніе мое предосудительнымъ и даже преступнымъ! Я сейчасъ разрываюсь...

— Нѣтъ, ради Бога, — *не надо!*

Ну, такъ пустите *меня* править!

— Въ такомъ случаѣ, мы опоздаемъ на поѣздъ! Будьте покойны, милая, и не выдумывайте ничего подобнаго. Я васъ ни въ чемъ не упрекаю... да и не имѣю на то ни права, ни охоты...

— Но я все-таки хотѣла бы, чтобы мы были друзьями!

— Да вѣдь мы и безъ того друзья, — возразилъ Конистонъ и, смѣясь, прибавилъ: — Только... только не ждите, чтобы я стѣдовалъ за вами по тому пути, куда васъ заведутъ ваши своеобразныя теоріи. Я, чтò называется, человѣкъ простой, и вдобавокъ, говоря откровенно, не сочувствую вашимъ взглядамъ.

— Какъ? Это вы-то человѣкъ простой?

— То-есть, вѣрнѣе говоря, устарѣлый въ своихъ воззрѣніяхъ. Я видывалъ людей на своемъ вѣку, я много путешествовалъ и я съ гораздо большимъ уваженіемъ отношусь къ женщинамъ, нежели большинство мужчинъ, про которыхъ я знаю, что ихъ постигли разочарованія. Никогда я еще не видывалъ, чтобы привело къ добру ненасытное любопытство и непостоянство тѣхъ женщинъ, которыя не могутъ примириться съ дѣломъ, заповѣданнымъ имъ законами тысячелѣтій... Такое поведѣніе по меньшей мѣрѣ неприлично!

— Я знаю, что съ вашей точки зрѣнія это не красиво. Для женщины — некрасиво (или даже: непристойно?) заявлять о своихъ правахъ... Но долженъ же кто-нибудь объ этомъ позаботиться, Эдвардъ! Ваши взгляды чрезвычайно узки!

— Ну, да. И я даже начинаю этимъ гордиться...

— Вы не понимаете женщинъ... ну, ни капельки!

— Но васъ, мнѣ кажется, я понимаю! О, какъ мнѣ жаль, какъ жаль...

— Чего вамъ жаль-то?

— Ничего, ничего! Прошу прощенія. Не будемъ больше спорить. Посмотрите лучше, не увидите ли вы сигнала на станціи?

— Онъ спущенъ! Поѣздъ вышелъ съ сосѣдней станціи! Какъ мы долго переливали изъ пустого въ порожнее!

— Не бѣда: какъ разъ поспѣемъ... Ну, вотъ и пріѣхали!

Стой, Китти, смирно! Модъ, я пойду, возьму вамъ билетъ. Эй, мальчякъ, поддержи-ка лошадь!..

Оба уходятъ на станцію и выходятъ на платформу.

— Съ этимъ поѣздомъ ни души, кромѣ васъ, — говоритъ Конистонъ. — Не поѣхать ли мнѣ проводить васъ, Модерна? Я не предлагалъ вамъ своихъ услугъ сначала, потому что боялся скомпрометтировать васъ; но теперь мнѣ уже положительно не нравится мысль отпустить васъ въ дальнія странствія одну...

— А назадъ-то вы съ кѣмъ поѣдете? — спросила Модъ, поднимаясь на площадку вагона. — Благодарю васъ, я ничего не боюсь!.. (Она вздрагиваетъ.) Фу, какъ холодно!

— Бѣдная! Вы вся такая худенькая и такая маленькая! Позвольте мнѣ поѣхать вмѣстѣ съ вами?

— Нѣтъ, благодарю васъ, не надо! Но все-таки вы меня навѣстите, когда вернетесь въ городъ? Да?

— Но гдѣ же именно?

— У Долли Тримэнъ!

— Вы развѣ туда ѣдете? — холодно и сдержанно проговорилъ Эдвардъ. — Нѣтъ, я не думаю, чтобы я могъ васъ навѣщать, пока вы у миссъ Долли; я лучше обожду, когда вы со всѣмъ вернетесь домой.

— Да, если вы намѣрены откладывать до тѣхъ поръ?!.. Я вижу, что должна буду обходиться безъ васъ. Покойной ночи! Сейчасъ поѣздъ тронется!

— Постараетесь обходиться безъ меня? — переспросилъ ее Конистонъ. — Не могу ли я, однако, быть вамъ хоть чѣмъ-нибудь полезенъ?..

— Нѣтъ, не можете. Впрочемъ, вы сами только-что отказались...

Поѣздъ трогается.

— Покойной ночи!.. — прибавляетъ она.

Поѣздъ уходитъ...

На Рождествѣ у Флеминговъ былъ вечеръ.

Модерна очутилась въ сторонкѣ отъ толпы въ полномъ одиночествѣ.

— Лучше бы мнѣ было лежать теперь въ гробу! — думала она. — Мнѣ минуло уже двадцать-семь лѣтъ, но я до этой минуты никогда еще не замѣчала, что я такъ стара! Я „быстра на ходу“ и „врѣпка на ногахъ“, какъ говорятъ про лошадей. Какъ пристально ни смотрю я въ зеркало, а ни одной морщинки не могу найти ни на лбу у себя, ни на лицѣ; танцевать я могу

хоть всю ночь напролетъ, не переставая, а между тѣмъ... „Мой день“, мой праздникъ конченъ, и чѣмъ скорѣе я приду къ этому убѣжденію, тѣмъ будетъ лучше для меня!

— Но, Боже мой, какъ онъ тянулся, этотъ праздничный день!

— Какъ посмотришь, какъ оглянешься на прошлое—оно было длинное-предлинное, а я не успѣла ничего сдѣлать путнаго. Положимъ, я дѣлала все то же, что дѣлаютъ мои сверстницы. и еще массу такого, чего барышни вообще не дѣлаютъ. Я парала перомъ по бумагѣ; я малевала; я брэнчала; я выступала на подмосткахъ; я все испробовала на себѣ; я изучила всѣ занятія и всѣ ремесла въ мірѣ... И вотъ къ чему пришла! Въ настоящую минуту я живу въ меблированныхъ комнатахъ вмѣстѣ съ одной женщиной-журналистомъ, надъ хлѣбной лавчонкой. Я перессорилась со *своими* по поводу все той же журналистки Долли; они выѣхали за границу, а я,—я осталась въ Лондонѣ одна... Да! *Одна*, потому что Долли не считается: она, все равно, никогда дома не сидитъ. Я совершенно независима... да, совершенно!..

— Сегодня рождественскій сочельникъ...

— Я вообще не податлива на сантиментальности, но все-же какъ-то жутко въ эти дни чувствовать себя одинокой. Мнѣ кажется, я могла бы даже отлепать въ себѣ нѣчто похожее на настоящее „рождественское“ чувство, но только не при Долли! О, до чего она мнѣ надоѣла! Я, кажется, скорѣе бы уѣхала къ своимъ въ Ривьеру, чѣмъ сидѣть тутъ съ нею, а это уже много значить! Впрочемъ, я сама этого хотѣла, а дѣлать по-своему всегда было для меня самымъ главнымъ наслажденіемъ. Значить, и жаловаться на свою судьбу мнѣ не приходится. Всю свою жизнь я дѣлала, что хотѣла, и конечно должна быть вполне довольна своей долей...

— Въ сущности, почему бы мнѣ не быть вполне счастливой и довольной?.. Въ общемъ, я много веселилась, много выѣзжала. За мной ухаживало множество народа; меня чествовали и баловали: въ меня влюблялись,—а это вѣдь почему-то принято считать особенно приятнымъ и... забавнымъ, но только не для нихъ... бѣдныхъ влюбленныхъ! Но вотъ вѣдь въ чемъ штука: ни одна женщина объ этомъ не подумаетъ—сначала, а, сообразить только потомъ...

— Я танцевала, я порхала и кокетничала, я болтала и, вообще говоря, веселилась и ставила себѣ въ обязанность доставлять себѣ удовольствія. Еслибы собрать всѣ тѣ башмаки, которые я истрепала, танцуя на балахъ,—то-то былъ бы громаднѣйшій

ворохъ! А платья, юбки, которыя я износила и порвала, наступаая на оборки ногами? А бузеты, которые мнѣ подносили, и которые я разоряла, исципывая безпощадно?! А любезности, которыя мнѣ расточали? А предложенія, на которыя я отвѣчала поголовнымъ и безпощаднымъ отказомъ?..

— О, да! Безъ сомнѣнїя, я имѣла успѣхъ, безспорный успѣхъ! Ну, а теперь-то, теперь? Что отъ этого блестящаго успѣха? Какая въ немъ польза? Къ чему все это нужно? Я многихъ огорчила, многихъ сдѣлала несчастными, но сама ни разу, сколько мнѣ кажется, ни одного разу не была влюблена. Безчисленное множество разъ мнѣ говорили, что у меня „нѣтъ сердца“. Но вѣдь мужчины всегда такъ говорятъ, если на ихъ исканїя женщина отвѣчаетъ отказомъ,—это служить утѣшенїемъ ихъ тщеславію. Интересно знать, вѣрно ли это наблюденїе по отношенїю ко мнѣ? Теперь никому дѣла нѣтъ, есть ли у меня сердце, или нѣтъ? Теперь у меня есть опредѣленное число друзей, съ которыми мы идемъ рука объ руку; они приглашаютъ меня на танцы (но безъ особаго восторга), и невоспитанность ихъ доходитъ до того, что они пускаются со мною въ разговоры о какой-нибудь „прелесть дѣвочкѣ, которая (смотрите, вонъ она тамъ сидитъ!) чудо какъ веселится!“ Теперь мужчины говорятъ про меня:—Она „добрый малый“ и вѣрный, настоящій „другъ“!.. „Другъ“? Дружбѣ нѣтъ мѣста въ бальной залѣ... По крайней мѣрѣ, между нами, дѣвушками, этого не существуетъ: никому изъ нихъ не нравится, чтобы ее занимали разговоромъ о другой, которая имѣетъ успѣхъ тутъ же, въ одной съ нею залѣ. Если васъ спросятъ, хороша ли она,—соглашайтесь, что да, не разстройвайте ея планы, если они у нея есть; предупредите ее, когда ея прическѣ грозитъ развалиться; представляйте ей кавалеровъ, которые вамъ не нужны...

— Я всегда такъ и дѣлала. Віолетта Флемингъ такъ же точно отнесется и ко мнѣ, если я поймаю ея взглядъ въ данную минуту. Но я не хочу, чтобы она меня жалѣла. Не хочу, чтобы она изъ милости уступала мнѣ своихъ кавалеровъ! Я ей скажу, что уже танцую, потому что не хочу танцевать ни со стариками, ни съ мальчишками. Лучше ужъ я высижу свое время сполна...

— Боже, какъ печально звучитъ музыка для танцевъ! Я прежде никогда этого не замѣчала. Кажется, я хоть сію минуту готова броситься на полъ и реветъ, реветъ неудержимо... вонѣчно, еслибы дала себѣ волю. Мнѣ чудится, что всѣ здѣсь танцующіе справляютъ тризну...

— А что, если я подойду въ м-съ Флемингъ и спрошу всѣмъ просто: ожидаетъ ли она, что и въ эту зиму ее постигнетъ инфлюэнца?.. Я, кажется, на все готова, — лишь бы не казаться скучающей, забытой! Нѣтъ, м-съ Флемингъ дремлетъ; но еслибъ она даже была въ состояніи бесѣдовать со мной, то ни о чемъ другомъ не стала бы мнѣ говорить, кромѣ совершенствъ и добродѣтелей своей Виолетты... Но, Боже мой! Я же сама ихъ вижу... ихъ всякій видитъ, эти удивительныя совершенства...

— Вонъ сидитъ и она сама, съ Эдвардомъ. Онъ смотритъ на нее такъ же точно, какъ смотрѣлъ, бывало, на меня, много, много лѣтъ тому назадъ... когда еще не потерялъ своего чувства уваженія ко мнѣ. Да!.. а теперь онъ положительно пересталъ меня уважать съ тѣхъ поръ, какъ узналъ, что я живу съ Долли, которую онъ считаетъ не особенно пріятной особой. Положимъ, я и сама такъ на нее смотрю; но дѣлать печего, я не могу въ этомъ признаться, не могу это дать замѣтить другимъ. Эдвардъ ни разу не навѣстилъ меня съ тѣхъ поръ, какъ я поселилась у нея, и избѣгаетъ со мною встрѣчаться съ тѣхъ поръ, какъ я тогда бѣжала отъ Флосси, какъ полоумная. Интересно бы знать, благополучно ли онъ доѣхалъ тогда одинъ, обратно? Съ тѣхъ поръ о Девереляхъ я ничего больше не слыхала. Надо полагать, что Флосси немножко разсердилась на меня... Мнѣ иногда казалось, что она ревнуетъ меня къ Эдварду.

— Бѣдный Эдвардъ! — продолжала думать Модерна, пристально глядя на него. — Какое у него серьезное лицо! Ему, чего добраго, противно даже взглянуть на меня? Намъ, конечно, приходится иногда встрѣчаться; а все-таки, мнѣ кажется, что онъ старается избѣгать всякой возможности со мною танцовать; онъ, повидимому, выжидаетъ такой минуты, когда я уже иду танцовать съ другимъ, или уѣзжаю, и тогда только подходитъ приглашать меня... Еслибы вдругъ случилось, что онъ подошелъ и заговорилъ бы со мной, я бы подумала, что пришелъ конецъ свѣту. Я даже предпочла бы, чтобъ онъ такъ и не подходилъ ко мнѣ: съ нѣкоторыхъ поръ мы какъ-то стѣсняемся другъ друга; и намъ пришлось бы только чувствовать обоюдное смущеніе и незвоность...

— Впрочемъ, что ужъ тутъ такого? Мнѣ нечего бояться, что онъ подойдетъ. Я слишкомъ ужъ противна! Для меня не было бы удивленіемъ, еслибъ я вдругъ узнала, что онъ женится на Виолеттѣ Флемингъ. Она такъ обаятельно молода, восторженна, наивна. Я знаю, что онъ такого, именно такого мнѣнія о ней... Но руки у нея!.. Самыя гусинныя, самыя красныя руки, какія

только мыслимо себѣ представить!.. О, неужели я злюсь или... завидую ей?!

— А, знаю, знаю этотъ вальсъ... онъ скоро кончится, и тогда всѣ придутъ сюда. Это—самая для меня тяжелая, ужасно тяжелая минута! Мнѣ только хотѣлось бы съ кѣмъ-нибудь—ну, хоть дѣлать видъ, что я занята разговоромъ. Какъ безгранично трудно и противно притворяться, что я будто сижу здѣсь, въ одиночествѣ, не по необходимости, а потому, что мнѣ это пріятно...

— О, нѣтъ, нѣтъ! Не могу больше терпѣть! Я выйду замужъ; выйду за перваго встрѣчнаго,—ну, хоть за м-ра Брауна. Онъ меня обожаетъ! Онъ увѣряетъ, что ему не страшна даже моя приверженность къ богемѣ. Онъ готовъ терпѣть даже мою близость съ Долли, изъ любви ко мнѣ. Должна признаться, что иной разъ у меня не хватаетъ на это мужества. Пожалуй, я согласна снизойти даже до того, чтобы дать ему поводъ подумать, что онъ мнѣ... несомнѣннѣе противень... Итакъ, я буду женой служителя алтара. Боже мой, какъ это ужасно! Но это единственный выходъ изъ моего положенія... Да, для меня единственный, это правда; но для него? Я его не люблю; да и какъ я могла бы полюбить его? Мнѣ пришлось бы объяснить ему мои чувства,—а вѣдь даже какой-нибудь м-ръ Браунъ и тотъ еще настолько благороденъ, что пожалуй не захочетъ жениться на женщинѣ, которая въ глаза говоритъ ему, что не любить его—и самое большее, что можетъ милостиво сносить его присутствіе около себя. А если я не скажу ему откровенно, это будетъ страшной низостью съ моей стороны. Нѣтъ, ужъ я лучше пойду въ монастырь! Тамъ скука, это правда, но все-таки ужъ не такая скука, какъ быть супругой м-ра Брауна!...

— Мнѣ бы хотѣлось, чтобы наши, наконецъ, вернулись домой. И я бы тоже къ нимъ вернулась, и разыграла бы изъ себя раскаявшуюся „блудную дочь“, просила бы у нихъ прощенія въ томъ, что хотѣла быть отъ нихъ независимой; просила бы разрѣшенія опять жить у нихъ по прежнему, „въ родительскомъ домѣ“... И эта жизнь вѣдь тоже порядочная скука; а все-таки гораздо лучше и менѣ стѣснительно, чѣмъ брачныя узы! Я тагъ и просижу, до самой смерти, въ старыхъ дѣвахъ...

— А, вонъ и всѣ идутъ! Надо мнѣ скорѣй сдѣлать видъ, что я чувствую себя весело и беззаботно... Я знаю уже не сегодня каждую мелочь въ рисунокѣ моего вѣера; онъ не разъ видѣлъ меня и еще не въ такихъ тяжелыхъ условіяхъ. Но я сдѣлаю видъ, что меня глубоко заинтересовалъ его рисунокъ; а смотрѣть впередъ передъ собою я могу и поверхъ его краевъ...

— А, вот первая парочка! Билли Данверсъ и миссъ Форестъ. Я была его первая любовь; но теперь Билли изо всѣхъ силъ старается доказать Грэсъ Форестъ, что это она впервые его воспламенила... Ну, и пусть его!

— М-съ Дженкинъ—и хозяйинъ дома!.. Она вдова. О, какъ миссъ Вэроной, бывало, ревновали къ ней! Бывало, мы изучали малѣйшія ея ужимки. Она тогда была уже вдовой, да такъ и осталась вдовою до сихъ поръ. Вѣроятно, она предпочитаетъ не выходить замужъ. Мнѣ тоже хотѣлось бы, чтобы меня кто-нибудь наградила званіемъ вдовы!.. Господи, да что-жъ я это говорю? Но она на цѣлыхъ десять лѣтъ старше меня, а смѣется со всѣмъ какъ дитя. Это оттого, что она вдовѣтъ...

— А, вот и Арчэръ Деверель. Онъ былъ дѣйствительно влюбленъ въ меня когда-то, а теперь, буквально, меня не выноситъ! „Оскорбленный мужчина“ въ тысячу разъ хуже оскорбленной женщины. Онъ и смотрѣть-то на меня не хочетъ. Да! Прощель мимо и даже не взглянуть!

Каково? Это Віолетта подъ-руку съ м-ромъ Дорси. Я думала, она сидитъ въ голубой гостиной съ Эдвардомъ. А Эдвардъ гдѣ же?.. Эдвардъ одинъ... одинъ!..

— Эдвардъ, вы можете довести меня домой?—Пожалуй, да, какъ хотите. Черезъ полчаса? Нѣтъ? Черезъ десять минутъ?—Хорошо; я пойду одѣваться...

— О, Боже! Чтò же это значить? Конецъ свѣта? Или начало?—подумала про себя Модерна.

Экипажъ останавливается у крыльца. Изъ него выходятъ лордъ Конистонъ и Модерна.

— Видите, вотъ хлѣбная лавчонка по одну сторону крыльца. А вотъ и нашъ подъѣздъ. Мы живемъ въ четвертомъ этажѣ; пожалуйста меня!—говоритъ Модерна, отпирая дверь собственнымъ ключомъ.—Ну, спокойной ночи!

— Позвольте проводить васъ наверхъ?

— О, я не боюсь,—заносиво отвѣчаетъ Модъ. — Правда, мы еще не удостоились имѣть газовый рожокъ.

Дверь отворяется; на лѣстницѣ темно, какъ въ преисподней или въ пропасти.

— Мнѣ надо бы съ вами кой о чемъ поговорить, — замѣчаетъ полу-вопросительно Конистонъ.

— Чего же вы молчали? Мы успѣли бы поговорить дорогой,—возражаетъ Модъ.—Очень намъ было нужно пускаться въ

разсужденія о погодѣ и о Виолеттѣ Флемингъ? Ну, хорошо, хорошо: идемте вмѣстѣ. Только заранѣе предупреждаю: Долли, по всей вѣроятности, еще сидитъ надъ своей корректурой... Помните, тутъ будетъ ступенька по дорогѣ, да потише! Не забудьте нашего анархиста: онъ живетъ во второмъ этажѣ.

— Хорошо!—соглашается Конистонъ, и оба начинаютъ медленно подниматься вверхъ по лѣстницѣ.

— А на этой площадкѣ кто живетъ?—спрашиваетъ онъ.

— „Сердце женщины“—еженедѣльное изданіе. Если бы здѣсь было свѣтло, вамъ было бы видно, что на дверяхъ прибита большая вывѣска. Я всегда стѣсняюсь заглядывать туда... О, Господи!

Модерна захыхалась. Она останавливается и тяжело переводитъ духъ.

— Не говорите такъ много, когда идете наверхъ. Вы не въ состояніи даже передохнуть,—замѣчаетъ Эдвардъ.

У Модерна вырывается какое-то восклицаніе.

— А? Вы, кажется, бранитесь?

— Нѣтъ!—слышится въ отвѣтъ ея усталый голосъ.—Я еще не настолько опустила. Просто я ногой запуталась въ своей оборкѣ, вотъ и все! О, этой лѣстницѣ, кажется, конца не будетъ!

— Вы слишкомъ много танцовали, вотъ и утомились!

— Нѣтъ, это не отъ танцевъ... А вотъ мы и пришли!—продолжаетъ она, отворяя дверь.—Да тутъ темно! Долли легла спать и потушила лампу.

— Я лучше уйду?—предложилъ Конистонъ.

— Нѣтъ ужъ, прошу васъ не оставлять меня одну, пока я не зажгу огня!—заявляетъ Модерна.—Въ этой комнатѣ все что-нибудь да чудится,—такъ я думаю со страху. Помогите мнѣ разыскать спички!

Модерна вздрагиваетъ и продолжаетъ:

— Вотъ тьма кромѣшная!.. Какъ холодно и грустно!..

— Да нѣтъ, ужъ вовсе тутъ не такъ темно! Только всегда бываетъ жутко въ этой неопредѣленной темнотѣ. Я смутно вижу васъ, какъ бѣлый метущійся призракъ...

Модерна почти кричитъ:

— Эдвардъ! Если вы начнете говорить о привидѣніяхъ, я громко закричу.

Она нервно шаритъ на столѣ и не находитъ спичекъ.

— Онѣ обыкновенно у насъ тутъ лежатъ въ китайской собачкѣ. И куда это угораздило Долли ихъ запропастить?.. Ай!.. Это что?

— Ничего! рояль былъ открытъ—и я задѣлъ за клавишу.

— Только-то? Какая же я дура! А я-то думала... О, Эдвардъ, отыщите спички. Я, кажется, не выдержу больше ни минуты. Ну, вотъ! Еще этого не хватало. Я ступнула головой о притолку. Какъ больно!.. Господи! Голова кружится... Гдѣ я?

— Въ моихъ объятіяхъ! О, неужели вы не захотите такъ остаться на вѣкъ?..

— Такъ вотъ чѣмъ приходится кончать!—проговорила Модъ, послѣ нѣкотораго молчанія.

— И это вамъ непріятно!

— Нѣтъ, не очень... Не до такой степени, какъ я ожидала... —О, Эдвардъ! До чего я изнемогла! Меня невыразимо утомили и наша богема, и Долли, и танцы, и литература, и сама жизнь, и все, все на свѣтѣ! Я думаю, вамъ это понятно?

— И даже не сегодня. Въ этомъ моя единственная заслуга: я всегда васъ понималъ.

— Да я-то сама того не стою, чтобы меня стараться понимать!.. Пойдите! Это Долли.

И въ самомъ дѣлѣ, слыша въ сосѣдней комнатѣ шорохъ, Долли Триманъ выглянула изъ-за двери.

— Модерна, это вы? Отчего такъ поздно?.. Ай!..—и она моментально скрылась за дверью, испугавшись Конистона.

— Отчего она исчезла?—спросилъ тотъ.

— Чтобы принарядиться,—пояснила Модъ:—но вамъ лучше уйти, прежде чѣмъ она вернется.

— Хорошо,—поворно согласился Эдвардъ.—А завтра вы позволите мнѣ къ вамъ придти на чашку чаю?

— Ко мнѣ и къ Долли?—многозначительно пояснила Модъ.

— Я готовъ терпѣть общество вашей Долли, готовъ терпѣть все, что вамъ угодно, лишь бы не разлучаться съ вами.

— Мнѣ и самой-то не особенно легко ее терпѣть, но все-таки сознайтесь, что вы нехорошо къ ней относились... Это у меня такъ сегодня было, минутное настроеніе,—прибавила она, откидывая назадъ пряди волосъ, сбившіяся на лобъ и на лицо.—Мнѣ теперь стыдно за себя; завтра и помину ни о чемъ не будетъ. Все будетъ хорошо...

— Хорошо для васъ, а для меня—дурно? То-есть, вы хотите сказать, что завтра вы раздумаете? Возьмете свои слова назадъ?

— Да развѣ вы счастливы?

— Еще бы!

— Вы всегда были такъ добры ко мнѣ! Но, кажется, мужчины любятъ, чтобы такой торжественный моментъ былъ болѣе торжественно обставленъ? Не правда ли, обстановка для этого должна быть болѣе поэтичная, а не такая жалкая, лишенная романтической подкладки. Передъ вами нервная женщина, полухистеричная, пугливая. Она боится темноты и плачетъ у васъ на плечѣ, потому что ей нездоровится; она устала сидѣть на балу, гдѣ никто ее не приглашалъ на танцы, и ея самолюбіе оскорблено, и вообще она... она... не имѣла успѣха.

— Неужели? А я и не замѣтилъ! Для меня вы—самая милая, самая красивая, самая прелестная на свѣтѣ!

— Красивая?—съ горечью переспросила Модъ.—Я очень рада, что теперь темно, и вамъ не видно, что у меня красные глаза... Какая я глупая!

— Ну и будьте глупой! Будьте глупой, но для меня восхитительной и обожаемой, неоцѣненной! Мнѣ дѣла нѣтъ до того, что именно привело васъ ко мнѣ, лишь бы вы пришли добровольно.

— Ну, вотъ я и пришла,—положивъ ему руки на плечо, съ тихою лаской въ голосъ проговорила Модерна.—Но, Эдвардъ, знаете, вы вѣдь собственно еще не сдѣлали мнѣ предложенія.

— Никакой мужчина не долженъ два раза просить руки женщины.

— Но вы...

— Ну, да, да! Я дѣйствительно одинъ разъ ужъ просилъ вашей руки, помните, тогда, давно... въ первый разъ? А во второй—я вами просто завладѣлъ, безъ всякаго спроса!

А. Б—г—

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1898.

Предполагаемое введеніе земскихъ учреждений въ девяти западныхъ губерніяхъ. — Главныя отступленія отъ общеземскаго типа: отсутствіе уѣздныхъ собраній; значительное число назначенныхъ членовъ губернскихъ земскихъ собраній; выборъ губернскихъ гласныхъ на уѣздныхъ избирательныхъ собраніяхъ и на волостныхъ сходахъ; назначеніе предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ; подчиненіе уѣздныхъ управъ губернскимъ. — Положеніе дѣлъ въ неурожайныхъ губерніяхъ.

Два мѣсяца тому назадъ, намъ пришлось отмѣтить ликованіе реакціонной прессы по поводу „отрадной вѣсти“, что въ западномъ краѣ земская реформа ограничится введеніемъ института земскихъ начальниковъ—т.-е. не состоится вовсе. Преждевременная радость скоро уступила мѣсто горькому разочарованію: „отрадная вѣсть“ оказалась вымышленною. Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ изготвленъ проектъ распространенія земскихъ учреждений на девять западныхъ губерній; извѣстно, съ бѣльшею или меньшею достовѣрностію, и содержаніе этого проекта, во многомъ отступающаго отъ земскаго положенія 1890-го года. Уѣздныхъ земскихъ собраній въ западномъ краѣ не предполагается. Губернскія земскія собранія образуются отчасти изъ членовъ по должности (губернскій и уѣздные предводители дворянства, предсѣдатель и члены губернской земской управы, представители вѣдомствъ духовнаго, удѣльнаго и государственныхъ имуществъ, городской голова губернскаго города), отчасти изъ выборныхъ гласныхъ; послѣдніе избираются, съ одной стороны, уѣздными избирательными собраніями, соединяющими въ себѣ (подъ условіемъ, конечно, избирательнаго ценза) личныхъ землевладѣльцевъ всѣхъ сословій, не исключая и крестьянскаго, съ другой—волостными сходами ¹⁾. Города Кіевъ и Вильно ставятся въ положеніе аналогичное съ Петербургомъ, Мо-

¹⁾ Гласнымъ отъ сельскихъ обществъ предполагается выдавать прогоны въ оба пути, въ размѣрѣ 3 коп. на версту, и суточные, въ размѣрѣ одного рубля.

свой и Одессой: гласные отъ нихъ избираются городскими думами. Въмѣсто лицъ русскаго происхожденія, по ихъ уполномочію, въ избирательномъ собраніи могутъ участвовать управляющіе имѣніями, если они также принадлежатъ къ числу лицъ русскаго происхожденія¹⁾; они могутъ быть также избираемы въ гласные. Гласными могутъ быть только лица, свободно владѣющія русскимъ языкомъ и умѣющія читать по-русски²⁾. Губернскимъ собраніямъ предоставляется возлагать предварительное разсмотрѣніе текущихъ дѣлъ на особыя мѣстные совѣщанія, образуемая, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, изъ губернскихъ по данному уѣзду гласныхъ и предсѣдателя и членовъ уѣздной управы. Предсѣдатели уѣздныхъ земскихъ управъ присутствуютъ, съ совѣщательнымъ голосомъ, въ губернскомъ земскомъ собраніи. Предсѣдатели и члены земскихъ управъ (какъ губернскихъ, такъ и уѣздныхъ) назначаются правительствомъ, безсрочно, *по возможности* изъ числа лицъ, владѣющихъ, въ предѣлахъ губерніи, недвижимымъ имуществомъ, дающимъ право на участіе въ земскомъ избирательномъ собраніи. Размѣры содержанія ихъ опредѣляются закономъ. Уѣздныя земскія управы, дѣйствуя, какъ и губернская, подъ надзоромъ губернскаго земскаго собранія, подчиняются ближайшему руководству и наблюденію губернской земской управы. Доклады по дѣламъ, подлежащимъ разсмотрѣнію губернскаго земскаго собранія, представляются уѣздными управами губернской управѣ, которая вносить ихъ въ собраніе съ своимъ заключеніемъ.

Итакъ, въ составъ земскихъ учрежденій западнаго края не должны входить уѣздныя земскія собранія. Такое земство будетъ чѣмъ-то существенно отличнымъ отъ знакомаго намъ типа земскихъ учрежденій — и вмѣстѣ съ тѣмъ чѣмъ-то мало согласнымъ съ основными началами мѣстнаго самоуправленія. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что коренной недостатокъ обоихъ земскихъ положеній, 1864 и 1890 г. — отсутствіе мелкой земской единицы, которая сливалась бы съ сельскимъ обществомъ или служила бы посредствующимъ звеномъ между нимъ и уѣзднымъ земствомъ. Уѣздъ слишкомъ великъ, его части, сплошь и рядомъ, слишкомъ разнородны, населеніе его окраинъ слишкомъ мало соприкасается съ центромъ. Это отражается, въ болѣе или меньшей степени, на всѣхъ отрасляхъ земскаго хозяйства, лишаетъ земство надежныхъ исполнителей на мѣстахъ, тормазитъ предпріятія, требующія, съ одной стороны, немалыхъ средствъ, съ другой — ближайшаго контроля. Каждое новое общественное бѣдствіе (неуро-

¹⁾ Лицами русскаго происхожденія считаются тѣ, которыя имѣютъ право приобрѣтать въ западныхъ губерніяхъ помѣщичьи имѣнія.

²⁾ Это правило предполагается сдѣлать общимъ для всѣхъ губерній, гдѣ введены земскія учрежденія.

жай, эпидемія, эпизоотія), каждое новое расширеніе земской дѣятельности, осуществившееся или проектируемое, выдвигаетъ на первый планъ мысль о всеобщей волости (или всеобщемъ приходѣ, всеобщемъ сельскомъ обществѣ), какъ о неотложномъ требованіи жизни—мысль, сходящую со сцены только въ минуты наибольшаго торжества реакціонныхъ стремленій. Возможно ли, въ виду этого, рассчитывать на успѣхъ земской организаціи, еще гораздо болѣе отдаленной отъ населенія? Не ясно ли, что если уѣздному земскому собранію не всегда по силамъ одинаково внимательное отношеніе ко всѣмъ частямъ уѣзда, одинаково успѣшная охрана ихъ специальныхъ интересовъ, то отъ губернскаго земскаго собранія тѣмъ меньше можно ожидать правильнаго разрѣшенія вопросовъ, касающихся только одного уѣзда, одной части уѣзда, одной волости? Не слѣдуетъ ли ожидать, что de facto рѣшающій голосъ будетъ принадлежать, въ подобныхъ случаяхъ, наиболѣе вліятельнымъ представителямъ даннаго уѣзда, т.-е. двумъ-тремъ членамъ собранія—или даже одному? При недовѣрїи большинства къ представителямъ уѣзда, возможенъ и другой исходъ, столь же нежелательный—рѣшеніе дѣла на основаніи догадокъ, не провѣренныхъ знаніемъ мѣстныхъ условій. Восполнить пробѣлъ, образуемый отсутствіемъ уѣздныхъ собраній, особія уѣздныя совѣщанія не могутъ, какъ вслѣдствіе малочисленности ихъ состава (выборныхъ гласныхъ полагается только отъ 3 до 7 на уѣздѣ), такъ и потому, что они ничего не рѣшаютъ, а только высказываютъ мнѣнія; самый созывъ ихъ, притомъ, зависитъ отъ усмотрѣнія губернскаго собранія. Совершенно призрачнымъ, наконецъ, является надзоръ губернскаго собранія надъ дѣйствіями уѣздныхъ управъ, извѣстными большинству собранія только по бумагамъ или по сообщеніямъ отдѣльныхъ лицъ, далеко не всегда точнымъ и безпристрастнымъ.

Всѣ указанные нами недостатки обостряются проектируемымъ составомъ губернскихъ собраній. Припомнимъ, что въ западномъ крайѣ предводители дворянства не выбираются сословіемъ, а назначаются правительствомъ; назначать предполагается, какъ мы видѣли, и предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ. Назначенныхъ членовъ губернскихъ собраній (считая и представителей вѣдомствъ) будетъ, такимъ образомъ—смотря по числу уѣздовъ въ губерніи—отъ 14 до 19 (а можетъ быть и больше, если нѣкоторыя губернскія управы будутъ образованы въ составѣ четырехъ или пяти лицъ). Немаловажную роль, несмотря на совѣщательный голосъ, будутъ играть, во многихъ случаяхъ, и назначенные предсѣдатели уѣздныхъ управъ, въ числѣ отъ семи до двѣнадцати. Выборныхъ губернскихъ гласныхъ будетъ отъ 39 до 53; отношеніе между ними и назначенными членами (не считая предсѣдателей уѣздныхъ управъ) будетъ колебаться между 3 : 1

и $2\frac{1}{4}$: 1. Другими словами, назначенные гласные будутъ составлять отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ общаго числа членовъ собранія. Изъ числа выборныхъ гласныхъ около одной трети (въ иныхъ губерніяхъ—нѣсколько больше, въ другихъ—нѣсколько меньше) приходится на долю сельскихъ обществъ. Способъ выбора гласныхъ отъ сельскихъ обществъ въ западныхъ губерніяхъ проектируется тотъ же, какой введенъ положеніемъ 1890 г. въ центральныхъ губерніяхъ. Каждый волостной сходъ избираетъ одного кандидата въ гласные; затѣмъ, губернаторъ выбираетъ изъ числа кандидатовъ опредѣленный росписаніемъ комплектъ гласныхъ отъ сельскихъ обществъ и устанавливаетъ очередь, на основаніи которой остальные избранныя лица замѣняютъ утвержденныхъ, въ случаѣ выгнѣтія послѣднихъ до окончанія трехлѣтняго срока. Что при такомъ порядкѣ выборы обращаются въ фикцію и гласные отъ крестьянъ являются, обыкновенно, не чѣмъ инымъ, какъ излюбленными людьми своего ближайшаго начальства—это не подлежитъ никакому сомнѣнію: именно поэтому способъ избранія гласныхъ отъ сельскихъ обществъ и составляетъ одну изъ самыхъ слабыхъ сторонъ земскаго положенія 1890-го года. Само собою разумѣется, что еще меньше онъ можетъ быть признанъ цѣлесообразнымъ для выборовъ въ губернское собраніе. Въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ центральныхъ губерній число гласныхъ отъ сельскихъ обществъ доходитъ до 15, рѣдко понижаясь до 4 или 5; въ московской губерніи, напримѣръ, оно равняется, въ среднемъ, восьми, въ саратовской и тамбовской—деяти. Волостей въ уѣздѣ бываетъ отъ десяти до тридцати; изъ избранныхъ волостными сходами кандидатовъ попадаетъ въ собраніе, такимъ образомъ, отъ $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$, и подборъ лицъ, удобныхъ и удобныхъ для администраціи, представляетъ все-таки нѣоторыя затрудненія. Въ губернскихъ собраніяхъ западныхъ губерній предполагается, на уѣздъ, не больше *двухъ* гласныхъ отъ сельскихъ обществъ, а на долю многихъ уѣздовъ (43 изъ 89, т.-е. почти половины) приходится только по *одному* гласному этой категоріи. Здѣсь, слѣдовательно, ничто не стѣсняетъ „усмотрѣніе“ администраціи: изъ 10—30 кандидатовъ всегда можно найти одного или двухъ, вполне, съ точки зрѣнія начальства, благонадежныхъ. Если присоединить, затѣмъ, гласныхъ отъ сельскихъ обществъ къ назначеннымъ членамъ собраній, то получатся слѣдующія цифры: для кievской губерніи—34, для подольской—35, для волынской—34, для витебской—33, для минской—30, для могилевской—33, для виленской—28, для ковенской—28, для гродненской—34. Гласныхъ отъ землевладѣльческихъ избирательныхъ собраній (съ присоединеніемъ къ нимъ, какъ лицъ выборныхъ, городскихъ головъ губернскихъ городовъ), въ кievской губерніи будетъ 39, въ подольской—27, въ волынской—29, въ витебской—32, въ минской—31, въ могилевской—32,

въ виленской—29, въ ковенской—26, въ гродненской—30. Итакъ, только въ трехъ губерніяхъ (кіевской, минской и виленской) послѣдняя цифра выше первой, и притомъ весьма немногимъ; въ остальныхъ шести назначенные члены собранія, вмѣстѣ съ гласными отъ сельскихъ обществъ, составляютъ абсолютное большинство, иногда довольно значительное. Чтобы понять все значеніе этого факта, необходимо дать себѣ отчетъ въ различіи между положеніемъ гласныхъ-крестьянъ въ уѣздномъ земскомъ собраніи—и положеніемъ ихъ въ собраніи губернскомъ, если они вошли въ составъ послѣдняго не по выбору перваго. Въ уѣздномъ собраніи крестьянинъ встрѣчается съ знакомыми, болѣе или менѣе, людьми и дѣлами. Его стѣсняетъ, конечно, присутствіе начальства, но ободряетъ, за то, общество близкихъ сосѣдей. Онъ хорошо знаетъ и многихъ изъ числа землевладельцевъ; ему извѣстно, что нѣкоторые изъ нихъ готовы стоять за интересы крестьянства, готовы поддержать заявленія и требованія, для которыхъ крестьяне затрудняются прискать надлежащую формулировку. Самая обстановка уѣзднаго собранія безпритязательна, свободна отъ формальностей. Здѣсь рѣдко произносятся длинныя рѣчи; главную роль играетъ обмѣнъ мыслей по чисто практическимъ вопросамъ; одно за другимъ слѣдуютъ короткія замѣчанія, въ самой простой, общедоступной формѣ. Привыкнувъ къ земскому дѣлу въ уѣздѣ, крестьянинъ можетъ съ честью занять мѣсто и въ губернскомъ собраніи, тѣмъ болѣе, что выборъ уѣзднаго собранія упадетъ, въ большинствѣ случаевъ, на самыхъ способныхъ, толковыхъ и независимыхъ гласныхъ отъ сельскихъ обществъ. Возьмемъ теперь крестьянина, прямо отъ сохи—или хотя бы изъ волостного правленія или волостного суда—попавшаго въ губернское земское собраніе, да еще, вдобавокъ, крестьянина-бѣлорусса, робкаго по природѣ, не освободившагося еще отъ преданій вѣкового гнета, не особенно хорошо владѣющаго русскимъ языкомъ. Товарищей-крестьянъ того же уѣзда у него нѣтъ; изъ другихъ представителей уѣзда онъ знаетъ, пожалуй, только должностныхъ лицъ, передъ которыми привыкъ трепетать у себя дома; въ губернскомъ городѣ, гдѣ онъ, можетъ быть, никогда раньше не бывалъ, онъ чувствуетъ себя какъ бы потеряннымъ,—wie verkauft und verrathen! Его подавляетъ торжественность открытія сессіи, смущаетъ нѣкоторая церемонность, постоянно господствующая въ засѣданіяхъ. Въ вопросахъ, служащихъ предметомъ обсуждения, для него почти все чуждо и мало понятно; дѣло идетъ, болѣею частью, объ уѣздахъ, извѣстныхъ ему только по имени; ораторы говорятъ иногда подолгу, не стараясь или не умѣя приспособиться къ степени развитія наименѣе подготовленныхъ изъ своихъ слушателей. Если крестьянинъ и усвоитъ себѣ смыслъ преній, онъ

едва ли рѣшится принять въ нихъ участіе, потому что не найдетъ словъ, которыя не звучали бы диссонансомъ среди правильно построенныхъ и хорошо сказанныхъ рѣчей. О самостоятельности дѣйствій, при такихъ условіяхъ, не можетъ быть и помину; подавать голосъ гласный-крестянинъ будетъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, или по прямому указанію властнаго надъ нимъ лица, или подъ косвеннымъ, но неотразимымъ вліяніемъ того, кто станетъ для него авторитетомъ. Весьма небольшого труда, поэтому, будетъ стѣять тому или другому изъ назначенныхъ членовъ собранія слоченіе гласныхъ-крестянь въ одну гибкую массу, послушную велѣніямъ или внушеніямъ—а руководитель этой массы будетъ, въ свою очередь, „творить волю пославшаго его“. Это окажется очень удобнымъ для администраціи, но едва ли полезнымъ для населенія, и во всякомъ случаѣ внесетъ въ земское дѣло элементъ неискренности, искусственности, мало благоприятный для его преуспѣанія.

Сколько-нибудь самостоятельными членами губернскихъ земскихъ собраній въ западномъ краѣ могутъ быть, въ силу вышеприведенныхъ соображеній, только гласные, выбранные уѣздными избирательными собраніями, т.-е. владѣльцы (на правѣ собственности и на правѣ вѣчнаго чинша) земельныхъ и другихъ недвижимыхъ имуществъ. Въ самомъ составѣ избирательныхъ собраній допущено, однако, отступленіе отъ общаго порядка, могущее отразиться весьма чувствительно и на результатѣ выборовъ. Избирательное право, по самому своему существу, есть право личное, не передаваемое, развѣ если его обладатель лишенъ возможности пользоваться имъ—лишенъ не случайно, не на короткое время, а въ силу причинъ постояннаго или длящагося свойства (поль, возрастъ). Единственное общее, т.-е. повсемѣстное исключеніе изъ этого правила допущено у насъ въ пользу неотдѣленныхъ сыновей, которые могутъ участвовать въ избирательныхъ собраніяхъ вмѣсто своихъ отцовъ, по ихъ довѣренностямъ. Другое изыятіе имѣетъ силу только въ немногихъ, отдаленныхъ и мало населенныхъ мѣстностяхъ (губерніи вятская, олонецкая и пермская, семь уѣздовъ вологодской и одинъ уфимской губерніи), немногочисленные (большую частью крупные) землевладѣльцы которыхъ рѣдко живутъ въ своихъ имѣніяхъ: законъ уполномочиваетъ ихъ передавать свое избирательное право управляющимъ ихъ имѣніями. Въ такихъ мѣстностяхъ этотъ порядокъ никому не наноситъ ущерба, никакой привилегіи или неравноправности не устанавливаетъ: онъ вызванъ, притомъ, необходимостью, такъ какъ иначе избирательныя собранія оказались бы слишкомъ малочисленными и самые выборы—невозможными. Въ западномъ краѣ онъ будетъ имѣть совершенно другое значеніе, какъ потому, что его предполагается распространить

только на землевладѣльцевъ русскаго происхожденія, такъ и потому, что въ западныхъ губерніяхъ не можетъ быть недостатка въ избирателяхъ. Изъ двухъ сосѣдей-землевладѣльцевъ одинъ будетъ имѣть право замѣнить себя своимъ управляющимъ, другой—не будетъ. Предположимъ, что первый никогда не живетъ въ своемъ имѣніи и весьма мало интересуется какъ собственнымъ хозяйствомъ, такъ и дѣлами уѣзда или губерніи, а второй, наоборотъ, только случайно—напр. по болѣзни или вслѣдствіе необходимой отлучки—лишенъ возможности прійхать на выборы, которые онъ аккуратно посѣщаетъ, какъ горячій радѣтель о пользахъ и нуждахъ своей мѣстности. Аномалия, обусловливаемая неравенствомъ правъ, становится здѣсь особенно замѣтной: для передачи голоса гораздо больше основанийъ было бы именно тамъ, гдѣ законъ ея не допускаетъ. Безспорно, живущихъ у себя въ имѣніи землевладѣльцевъ въ западномъ краѣ между русскими меньше, чѣмъ между поляками; но предоставленіе первымъ исключительнаго права, которымъ не пользуются послѣдніе, было бы прямымъ поощреніемъ абсентеизма, съ которымъ, наоборотъ, необходимо бороться. Нельзя сказать, притомъ, чтобы всѣ или почти всѣ землевладѣльцы польскаго происхожденія постоянно проживали въ своихъ имѣніяхъ: въ гродненской губерніи, на примѣръ, систематическихъ абсентеистовъ между помѣщиками-дворянами польскаго происхожденія насчитывается около 30% (163 изъ 570), между русскими — около 40%. Если замѣна себя управляющимъ будетъ разрѣшена послѣднимъ и не разрѣшена первымъ, это можетъ повліять весьма существенно на исходъ выборовъ, искусственно усиливъ число избирателей одной категоріи. Съ другой стороны, управляющіе имѣніями вовсе не составляютъ желательнаго элемента въ избирательныхъ и, тѣмъ болѣе, въ земскихъ собраніяхъ. Лишенные, въ большинствѣ случаевъ, всякой внутренней связи съ данною мѣстностью, всегда готовые промѣнять ее на другую, ничего не платящіе изъ своихъ личныхъ средствъ въ земскую кассу, они будутъ вносить въ отправленіе своихъ обязанностей или полнѣйшій индифферентизмъ, или пассивную покорность чужимъ инструкціямъ. Отсюда, иногда, только одинъ шагъ до готовности подчиниться такимъ вліяніямъ, которыхъ отнюдь не предусматривалъ довѣритель, въ моментъ выдачи уполномочія...

Соединеніе въ одномъ избирательномъ собраніи землевладѣльцевъ всѣхъ сословій имѣетъ, въ нашихъ глазахъ, безспорное преимущество передъ сословной избирательной системой, установленной земскимъ положеніемъ 1890-го года; въ особенности справедливо признаніе избирательнаго права за крестьянами-личными собственниками, въ центральной Россіи исключенными, съ 1890 г., изъ состава избирательныхъ собраній. Нельзя не замѣтить, однако, что порядокъ, нормаль-

ный самъ по себѣ, возбуждаетъ серьезныя недоумѣнія, когда онъ вводится только въ одной мѣстности, съ явнымъ отступленіемъ отъ общепринятаго. Если въ витебской или могилевской губерніи дворяне сливаются въ одну группу съ остальными землевладѣльцами, а въ сосѣднихъ губерніяхъ—смоленской или черниговской—выдѣляются въ особое собраніе, избирающее, притомъ, сравнительно большее число гласныхъ, если крестьяне-собственники здѣсь—признаются, тамъ—не признаются избирателями, то невольно возникаетъ сомнѣніе въ правильности одной изъ двухъ системъ, взаимно исключаящихъ друга друга. Одними это сомнѣніе можетъ разрѣшаться въ одномъ, другими—въ другомъ смыслѣ; но оно во всякомъ случаѣ вредитъ авторитетности порядковъ, приспособляемыхъ къ обстоятельствамъ. Съ нашей точки зрѣнія двойственность земскаго строя будетъ имѣть только ту хорошую сторону, что она можетъ облегчить возвращеніе, въ центральной Россіи, къ всеобщему земству, созданному въ эпоху великихъ реформъ императора Александра II... Нѣчто аналогичное слѣдуетъ сказать и о назначеніи губернскимъ гласнымъ отъ крестьянъ, въ западномъ краѣ, прогонныхъ и суточныхъ денегъ. Сама по себѣ эта мѣра справедлива и цѣлесообразна—но сочувствовать ей вполне можно будетъ только тогда, когда она будетъ распространена на всѣ земскія губерніи. Участіе крестьянъ въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ желательно и полезно не въ одномъ только западномъ краѣ.

Не менѣе важнымъ, чѣмъ отсутствіе уѣздныхъ земскихъ собраній, слѣдуетъ признать непримѣненіе выборнаго начала къ образованію земскихъ управъ. Правильное взаимодействіе между распорядительными и исполнительными органами земства мыслимо лишь при существованіи между ними внутренней связи, коренящейся въ общности происхожденія. Увѣренность, что рѣшенія собранія будутъ исполнены именно въ томъ смыслѣ, въ какомъ они постановлены, возможна только тогда, когда члены управы являются избранными собранія, солидарными съ нимъ и передъ нимъ отвѣтственными. Отсюда, въ нормальномъ земскомъ строѣ, срочность земскихъ исполнительныхъ должностей: измѣнившемуся послѣ новыхъ выборовъ, настроенію собранія должно соответствовать измѣненіе состава управы. Назначеніе правительствомъ предсѣдателя и членовъ земской управы встрѣчается, правда, и въ центральныхъ губерніяхъ, но лишь какъ исключеніе, довольно рѣдкое—и почти всегда отзывающееся неблагоприятно на ходъ земскаго дѣла. Возвести назначеніе на степень общаго правила, значить, въ сущности, обратить самоуправленіе въ управленіе, менѣе всего пригодное для завѣдыванія мѣстнымъ хозяйствомъ. Исполнительными органами земства должны быть мѣстные

землевладѣльцы, хорошо знакомые съ краемъ и прямо заинтересованные въ его благосостояніи; между тѣмъ, въ западныхъ губерніяхъ имущественный цензъ (для предсѣдателей и членовъ уѣздныхъ управъ пріурочиваемый, притомъ, не къ уѣзду, а къ губерніи) предполагается признать не необходимымъ, а только желательнымъ условіемъ назначенія. Допускается, такимъ образомъ, назначеніе лицъ, совершенно чуждыхъ данной мѣстности и рѣшительно ничѣмъ не отличающихся отъ чиновниковъ, сегодня служащихъ въ Сибири, завтра—на Кавказѣ, послѣ-завтра—въ остзейскомъ краѣ или царствѣ польскомъ... Другимъ отступленіемъ отъ общихъ земскихъ порядковъ, тѣсно связаннымъ съ принципомъ назначенія и съ отсутствіемъ уѣздныхъ земскихъ собраній, является подчиненіе уѣздныхъ земскихъ управъ руководству губернской земской управы. Изъ самостоятельнаго учрежденія (насколько можетъ быть рѣчь о самостоятельности при дѣйствіи земскаго положенія 1890-го года) уѣздная земская управа превращается въ низшую инстанцію, исполняющую указанія начальства, и становится присутственнымъ мѣстомъ, въ которомъ бумагописаніе неизбежно должно взять верхъ надъ живымъ дѣломъ... Менѣе существенно, но все же ненормально назначеніе предсѣдателямъ и членамъ земскихъ управъ однообразнаго содержанія, не зависящаго отъ размѣровъ земскихъ бюджетовъ. Опредѣляя цифру содержанія, земскія собранія центральныхъ губерній руководствуются, въ большей или меньшей степени, положеніемъ мѣстныхъ финансовъ. Въ глухомъ, бѣдномъ уѣздѣ предсѣдатель и члены управы почти всегда получаютъ меньше, чѣмъ въ богатомъ и густо населенномъ—и это совершенно согласно съ справедливостью, потому что въ первомъ дешевле жизнь, меньше дѣлъ у управы и меньше средствъ у населенія. Цифры содержанія, проектируемаго для земскихъ управъ западныхъ губерній (4.500 р.—предсѣдателю губернской управы, 3.000 р.—члену губ. управы, 2.000 р.—предсѣдателю уѣздной управы, 1.800 р.—члену уѣздной управы) довольно высоки, особенно послѣдняя. Въ проектѣ земскаго положенія, составленномъ въ 1887 г. гр. Д. А. Толстымъ, соотвѣтствующія цифры, кромѣ содержанія предсѣдателя уѣздной управы (или, какъ его называлъ проектъ, предсѣдателя уѣзднаго присутствія) были гораздо ниже (3.500, 2.000, 1.000 рублей)—и все-таки ихъ совокупность (1.759.000 руб.) превышала общую сумму вознагражденія, которое получали въ то время, по опредѣленію земскихъ собраній, предсѣдатели и члены земскихъ управъ (1.350.000 руб.). Правда, въ продолженіе десяти лѣтъ эта послѣдняя сумма значительно повысилась—но все же едва ли найдется много членовъ уѣздныхъ земскихъ управъ, содержаніе которыхъ доходило бы до 1.800 р. Несоразмѣрно велики и оклады губернскихъ управъ. Въ петербург-

ской губерніи, напр., выборный предсѣдатель губернской управы получаетъ до сихъ поръ только 4.200, членъ губернской управы — только 2.800 руб.

Намъ могутъ возразить, что къ земскому строю, проектируемому для западнаго края, непримѣнимы обычные критическіе приемы. Положеніе края таково, что о земствѣ обычнаго типа здѣсь не можетъ быть и рѣчи; большимъ шагомъ впередъ будетъ здѣсь уже самый фактъ введенія земскихъ учреждений, хотя бы и въ существенно иномъ видѣ, чѣмъ въ центральной Россіи. Въ болѣе или менѣе непродолжительномъ времени можно будетъ, притомъ, уничтожить различія, теперь неизбѣжны, и уравнивать западный край съ другими земскими губерніями. Согласиться съ такимъ возраженіемъ, по нашему мнѣнію, нельзя. Совершенно понятно, что въ 1864 г., когда только-что были подавлены попытки мятежа, земское положеніе не было распространено на западныя губерніи; неудивительно, пожалуй, и то, что ни въ семидесятыхъ годахъ, слишкомъ еще близкихъ къ возстанію, ни въ восьмидесятыхъ, ознаменованныхъ рядомъ контръ-реформъ, не возникалъ вопросъ о введеніи въ западномъ краѣ земскихъ учреждений. Началомъ новой эры можно считать именно высочайшій указъ 27 марта 1897 года, которымъ отмѣненъ особый процентный сборъ съ недвижимыхъ имѣній лицъ польскаго происхожденія. Въ этомъ указѣ, вмѣстѣ съ желаніемъ „изгладить въ народной памяти слѣды преступныхъ заблужденій“, выражена надежда, что монаршее снисхожденіе „въцѣще побудитъ польскихъ землевладѣльцевъ къ мирному развитію своего благосостоянія подѣ сѣнью російской державы“. Именно такому развитію могло бы способствовать примѣненіе къ западному краю, въ полной мѣрѣ и полномъ объемѣ, земскаго положенія 1890 г. Чѣмъ дальше это положеніе отъ идеала самоуправленія, тѣмъ больше вліяніе, предоставляемое имъ администраціи, тѣмъ меньше, очевидно, препятствій къ распространенію его на губерніи, до сихъ поръ оставшіяся непрічастными къ земской жизни. Посмотримъ, прежде всего, что можно сказать, съ политической точки зрѣнія, противъ учрежденія въ западномъ краѣ уѣздныхъ земскихъ собраний. Существуетъ предположеніе, что уѣздныя земскія собранія легче губернскихъ поддаются личнымъ и партійнымъ вліяніямъ, почему и возникаетъ, мѣстами, борьба между уѣздными и губернскими собраніями. Въ западныхъ губерніяхъ такая борьба могла бы разразиться съ особенною силой, вслѣдствіе неравномѣрнаго распредѣленія между уѣздами землевладѣльцевъ русской и польской національности. Мы думаемъ, что если губернскія земскія собранія и расходятся иногда—вовсе не особенно часто и не особенно рѣзко—съ уѣздными собраніями, то это объясняется не партійностью, будто бы преобладающею въ послѣднихъ,

а появленіемъ на сцену новыхъ вопросовъ, по которымъ еще не успѣла установиться демаркационная черта между земствами губерньскимимъ и уѣздными (таковъ, напримѣръ, вопросъ объ участіи губернскаго земства въ основаніи и содержаніи земскихъ училищъ). Дѣленіе на партіи здѣсь ни при чемъ: все сводится къ различному пониманію круга дѣйствій губернскаго земства. Личныя вліянія, правда, больше чувствуются въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ — но именно *личныя*, т.-е. прямо противоположныя *принципіальнымъ* или партійнымъ. Земскія *партіи*—если только можно называть этимъ громкимъ именемъ группы, создаваемые однородностью стремленій—формируются именно въ губерньскихъ земскихъ собраніяхъ, гдѣ этому способствуетъ и большая широта кругозора, и болѣе общее значеніе постановляемыхъ рѣшеній. Яблокомъ раздора между земскими охранителями и земскими прогрессистами являются, сплошь и рядомъ, ходатайства передъ правительствомъ, иніціатива которыхъ—если рѣчь идетъ о чемъ-нибудь болѣемъ, чѣмъ такъ называемые „интересы колокольни“, — почти всегда принадлежитъ губерньскимъ земскимъ собраніямъ. Если признается возможнымъ учредить, въ западномъ краѣ, губерньскія собранія, то еще меньше затрудненій представляло бы, поэтому, открытіе тамъ уѣздныхъ собраній, какъ необходимой составной части нормальнаго земскаго организма. Для враждебнаго столкновенія различныхъ національныхъ элементовъ въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ было бы гораздо меньше поводовъ, чѣмъ въ губерньскихъ. Практическій, житейскій характеръ текущихъ вопросовъ, сонная атмосфера уѣзднаго города, отсутствіе большой публики—все способствовало бы мирному, спокойному теченію уѣздныхъ сессій. Привыкнувъ, при такихъ условіяхъ, къ дружной работѣ, гласные разныхъ національностей переносили бы эту привычку и въ болѣе подвижную, болѣе оживленную обстановку губернскаго города. Иное дѣло, если они встрѣтятся здѣсь въ первый разъ: шероховатости, ничѣмъ предварительно не сглаженные, могутъ оказаться гораздо болѣе рѣзкими. При существованіи уѣздныхъ собраній губерньскому собранію приходится разрѣшать дѣла, касающіяся, болѣе или менѣе, цѣлой губерніи. Это, очевидно, уменьшаетъ вѣроятность разногласія, обусловливаемаго національными стремленіями—и наоборотъ, она значительно возрастаетъ, если губерньское собраніе, за отсутствіемъ уѣздныхъ, должно заниматься дѣлами отдѣльныхъ уѣздовъ. Представимъ себѣ, что въ болѣе части уѣздовъ преобладаютъ землевладѣльцы-поляки, и это преобладаніе отражается и на составѣ губерньскаго собранія. Если вѣденію послѣдняго подлежатъ только дѣла губерньскія, опасность предпочтенія уѣздовъ по преимуществу польскихъ, въ ущербъ уѣздамъ по преимуществу русскимъ, не можетъ быть особенно велика, потому что

въ основаніи рѣшеній должны лежать, за рѣдкими изъятіями, общія нормы, не поддающіяся произвольному измѣненію въ ту или другую сторону. Напротивъ того, губернскому собранію, исполняющему функции уѣздныхъ, гораздо легче примѣнить къ различнымъ уѣздамъ различныя мѣрки, сообразуясь съ племеннымъ составомъ населенія. То же самое, *mutatis mutandis*, можно сказать и о губернскомъ собраніи, въ которомъ господствовали бы представители русскаго землевладѣнія. Опасны; притомъ, не только дѣйствительныя злоупотребленія, которыя, по всей вѣроятности, встрѣчались бы не часто — опасна самая ихъ возможность, подрывающая довѣріе къ собранію. При русскомъ большинствѣ обиженными считали бы себя, сплошь и рядомъ, поляки, даже когда никакой обиды на самомъ дѣлѣ не было бы; при польскомъ большинствѣ роль жалующихся принадлежала бы русскимъ, съ тою только разницею, что въ послѣднемъ случаѣ было бы больше шансовъ удовлетворенія жалобъ, хотя бы и неосновательныхъ. вмѣсто сближенія и примиренія, явились бы, такимъ образомъ, новые поводы къ неудовольствію и раздраженію...

Противъ учрежденія уѣздныхъ земскихъ собраній можно привести еще одинъ аргументъ: затруднительность надзора за ними, въ виду отдаленности нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ мѣста пребыванія губернской администраціи. Едва ли, однако, этотъ аргументъ можетъ быть признанъ убѣдительнымъ. Въ каждомъ уѣздномъ городѣ губернская администрація имѣетъ нѣсколькихъ представителей (уѣздный предводитель дворянства — въ западномъ краѣ назначаемый правительствомъ, мировой посредникъ, уѣздный исправникъ), отъ которыхъ она можетъ получать точныя и полныя свѣденія о всемъ происходящемъ въ уѣздномъ земскомъ собраніи. На одномъ изъ нихъ — уѣздномъ предводителѣ — лежитъ, притомъ, отвѣтственность за дѣйствія и постановленія собранія, въ которомъ онъ предсѣдательствуетъ. Всѣ уѣздные города соединены съ своимъ губернскимъ городомъ телеграфными линиями, многіе — желѣзными дорогами. Сессія уѣзднаго собранія продолжается недолго; въ экстренныхъ случаяхъ губернаторъ самъ можетъ отправиться на это время въ уѣздный городъ, или послать туда довѣренное лицо. Да и что можетъ предпринять уѣздное собраніе такого, что требовало бы немедленныхъ мѣропріятій со стороны губернской администраціи? Скажемъ болѣе: какъ вообще оно можетъ выразить свое антиправительственное или антирусское настроеніе? Расточая земскія суммы въ пользу польскаго (католическаго) населенія и забывая о русскомъ (православномъ)? Всякая подобная попытка, если ее не сумѣютъ предупредить гласныя отъ сельскихъ обществъ, можетъ быть приостановлена въ самомъ началѣ протестомъ губернской администраціи. Облагая русское населеніе зем-

скими сборами въ большей мѣрѣ, чѣмъ польское? Этому мѣшаютъ дѣйствующія узаконенія—и еще больше будетъ мѣшать новая оцѣнка земельныхъ имуществъ (на основаніи закона 8-го іюня 1893 г.), когда она будетъ приведена къ концу. Уѣздъ — это уголокъ земли, менѣе всего удобный для тенденціозныхъ начинаній и болѣе всего благоприятный для простой, безпритязательной, будничной работы надъ развитіемъ народнаго благосостоянія; для „политики“ здѣсь рѣшительно нѣтъ мѣста... Правда, въ настоящее время земскія дѣла приурочены въ западномъ краѣ всецѣло къ губерніямъ, безъ всякаго активнаго участія уѣздовъ; но вѣдь именно этимъ и объясняется, отчасти, крайняя неудовлетворительность мѣстнаго земскаго хозяйства. Въ новый земскій строй едва ли есть основаніе переносить одну изъ самыхъ слабыхъ сторонъ существующаго порядка.

Въ пользу открытія въ западномъ краѣ только губернскихъ земскихъ собраній и тѣсно связаннаго съ этимъ выбора губернскихъ гласныхъ прямо уѣздными избирательными собраніями и волостными сходами—можно привести доводъ, съ перваго взгляда не лишенный серьезнаго значенія: можно сказать, что при существованіи уѣздныхъ земскихъ собраній и при выборѣ ими, на общемъ основаніи, губернскихъ гласныхъ, въ число послѣднихъ попадутъ только одни личные земледѣльцы—т.-е., въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, преимущественно поляки,—и масса русскаго населенія останется почти безъ всякаго представительства въ губернскомъ собраніи. Такой результатъ и съ нашей точки зрѣнія былъ бы крайне нежелателенъ; но предупредить его весьма легко и безъ изувѣченія земскаго строя исключеніемъ изъ него уѣздныхъ земскихъ собраній. Стоить только установить (для западнаго края), чтобы въ числѣ губернскихъ гласныхъ, избираемыхъ уѣзднымъ собраніемъ, непременно находились гласные отъ сельскихъ обществъ, хотя бы въ той самой пропорціи, какая проектируется теперь между обѣими категориями выборныхъ губернскихъ гласныхъ. Цѣль этимъ путемъ была бы достигнута гораздо лучше и вѣрнѣе: гласные-крестьяне, попавшіе въ губернское земское собраніе черезъ посредство уѣзднаго, оказались бы, какъ уже объяснено нами выше, несравненно болѣе способными къ активному, самостоятельному участию въ дѣлахъ собранія, чѣмъ гласные-крестьяне, присланные туда прямо волостными сходами (или, вѣрнѣе, администраціей). Ничто не мѣшало бы, далѣе, увеличить число гласныхъ отъ сельскихъ обществъ въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, а также процентное отношеніе губернскихъ гласныхъ, обязательно избираемыхъ изъ среды крестьянъ.

Не вызывается необходимостью, какъ намъ кажется, и второе существенно-важное отступленіе отъ основныхъ началъ земскаго самоуправ-

ленія—образованіе земскихъ управъ не по выбору земскихъ собраній, а по назначенію правительства. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что главная цѣль этого отступленія—недопущеніе въ составъ земскихъ управъ лицъ польскаго происхожденія, для которыхъ, за рѣдкими исключеніями, закрыть и доступъ на государственную службу въ западномъ краѣ. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, не настала ли пора отмѣнить или смягчить это послѣднее ограниченіе, мы думаемъ, что устраненіе поляковъ изъ области земской службы было бы сопряжено съ такими серьезными неудобствами, которыхъ не можетъ уравновѣсить проблематичная польза этой мѣры. Чѣмъ меньше извѣстная часть населенія принимаетъ участія въ чисто практической дѣятельности, въ служеніи государству и обществу путемъ заботы о мѣстныхъ интересахъ,—тѣмъ больше она остается склонною къ мечтамъ, находящимъ для себя пищу въ воспоминаніяхъ о прошломъ. Вынужденный досугъ усиливаетъ недовольство, въ особенности если для послѣдняго имѣются на лицо реальные поводы—а къ числу такихъ поводовъ легко можетъ присоединиться неумѣлое хозяйничанье пришлыхъ людей. Представимъ себѣ уѣздъ съ большимъ числомъ землевладѣльцевъ польскаго происхожденія, соединяющихъ въ себѣ всѣ условія для успѣшнаго завѣдыванія земскимъ хозяйствомъ. Они пользуются довѣріемъ населенія, готовы поработать на его пользу, тяготятся невольнымъ отчужденіемъ отъ всякаго общественнаго дѣла. Русскихъ землевладѣльцевъ, способныхъ и желающихъ занять мѣсто въ земской управѣ, въ уѣздѣ, наоборотъ, очень мало или нѣтъ вовсе. Управа, вслѣдствіе этого, наполняется пришельцами, не знающими ни мѣстности, ни ея жителей, равнодушными къ ихъ благосостоянію, выдающими въ земской службѣ только способъ „присстроиться“, въ ожиданіи лучшаго, и вносящими въ земское дѣло рутину единственнаго знакомаго имъ, канцелярскаго труда (что между „обрусителями“ западнаго края всегда было много людей такого типа—это всѣмъ извѣстно). Не ясно ли, что введеніе, при такихъ условіяхъ, земскихъ учреждений не только ничего не измѣнить къ лучшему, но создастъ новые источники племенной вражды и взаимнаго недовѣрія? Съ другой стороны, какой вредъ могли бы принести, даже при желаніи, поляки, избранные въ предсѣдатели или члены земскихъ управъ? Не говоря уже о принадлежащемъ администраціи во всѣхъ земскихъ губерніяхъ правѣ утвержденія—или неутвержденія—избранныхъ на земскія должности, что антиправительственнаго можетъ предпринять управа, состоящая подъ бдительнымъ административнымъ надзоромъ? Какимъ образомъ она можетъ окружить себя неподходящими, съ административной точки зрѣнія, людьми, разъ что на каждый ея выборъ можетъ быть наложено администраціей ничѣмъ не мотивированное, безапелляціонное veto? Мыслимо ли, въ

виду этого, обращеніе земскихъ школъ, больницъ, страховыхъ агентуръ, техническихъ бюро въ очаги политической агитаціи или хотя бы въ средоточія специфически-польскихъ тенденцій? Национальное чувство не нуждается въ такихъ внѣшнихъ точкахъ опоры; оно держится и даже растетъ среди всевозможныхъ ограниченій и стѣсненій.

Все сказанное нами до сихъ поръ сохраняетъ свою силу и въ такомъ случаѣ, еслибы проектируемому для западнаго края земскому строю былъ данъ характеръ временной мѣры. Навсегда не пишется и не издается ни одинъ законъ; рано или поздно наступаютъ обстоятельства, неизбѣжно вызывающія его измѣненіе или отмену. Различіе между постановленіями постоянными и временными имѣетъ смыслъ только тогда, когда дѣйствіе послѣднихъ съ самаго начала ограничено срокомъ короткимъ и опредѣленнымъ: въ противномъ случаѣ мѣра, временная по имени, легко можетъ оказаться дѣющею—*usque ad infinitum*. Чтобы убѣдиться въ справедливости этого замѣчанія, стоитъ только припомнить дѣйствующія у насъ правила о печати: временными называются не только тѣ изъ нихъ, которыя изданы въ 1882 г., т.-е. шестнадцать лѣтъ тому назадъ, но и тѣ, которыя уцѣлѣли изъ закона 6-го апрѣля 1865 г.!. Въ такой области общественной жизни, какъ земское самоуправленіе, временной законъ тѣмъ скорѣе можетъ, *de facto*, обратиться въ постоянный, что дѣйствіе его создастъ новыя комбинаціи условій, не легко поддающіяся измѣненію. Крѣпко будутъ держаться за свои позиціи пришлые предсѣдатели и члены управъ, зная, что ихъ власти придетъ конецъ съ распространеніемъ на западный край общеземскихъ порядковъ; противодействовать коренной реформѣ будутъ и тѣ изъ мѣстныхъ русскихъ землевладѣльцевъ, которымъ выгодно отстраненіе поляковъ отъ состязанія съ ними на поприщѣ земской службы,—и тѣ администраторы, которые видятъ въ правѣ назначенія на земскія должности желанное расширение своей власти. Вокругъ новыхъ учрежденій образуется, такимъ образомъ, цѣлая армія „охранителей“; дальнѣйшій шагъ впередъ окажется значительно затрудненнымъ, тѣмъ болѣе, что введеніе земскихъ учрежденій, хотя бы и въ искалѣченномъ видѣ, положить конецъ самымъ вопіющимъ недостаткамъ нынѣшняго порядка и водворить въ западномъ краѣ нѣкоторое подобіе земскаго благоустройства... Еслибы насъ спросили, что болѣе желательно—немедленное введеніе въ западномъ краѣ земскихъ учрежденій, съ тѣми отступленіями отъ общеземскаго строя, которыя указаны нами выше, или отсрочка земской реформы на нѣсколько лѣтъ, но затѣмъ осуществленіе ея въ полномъ объемѣ,—мы высказались бы за послѣднее изъ этихъ двухъ рѣшеній.

Какая бы ни была дальнѣйшая судьба разобраннаго нами проекта,

въ одномъ отношеніи онъ долженъ быть признанъ безусловно благоприятнымъ для земства: онъ удостовѣряетъ, что въ глазахъ министерства внутреннихъ дѣлъ земское самоуправленіе имѣетъ несомнѣнное преимущество передъ до-реформеннымъ, бюрократическимъ строемъ мѣстнаго хозяйства. Доказать противное реакціонная пресса въ послѣднее время старалась чаще и усерднѣе, чѣмъ когда-либо. Игнорируя или искажая общезвѣстные факты, она утверждала, что въ не-земскихъ губерніяхъ земское хозяйство не только обходится дешевле, но и ведется лучше, чѣмъ въ земскихъ. Къ иному выводу пришла, очевидно, министерство внутреннихъ дѣлъ, если оно высказалось, въ принципѣ, за распространеніе на западный край земскаго положенія 1890 г. Отступленія отъ этого положенія проектированы министерствомъ не потому, чтобы они составляли, сами по себѣ, перемѣну къ лучшему, а только потому, что они представляются ему *нужными въ настоящую минуту*. Положеніе учебной, медицинской, страховой, пожарной, почтовой части, насколько все это входитъ въ сферу земскаго хозяйства, официально признано болѣе удовлетворительнымъ въ земскихъ губерніяхъ. Что здѣсь гораздо выше процентъ врачей, больницъ (общихъ и специальныхъ), богаделенъ, сиротскихъ домовъ, гораздо лучше организація врачебной помощи, гораздо шире достигаемые ею результаты ¹⁾—это, авось, перестанетъ теперь быть предметомъ спора; не будутъ отрицать и того, что въ области попеченія о земледѣліи и промышленности отличительная черта земскихъ губерній—предпримчивость и прогрессъ, не-земскихъ—апатія и застой. При сравненіи земскихъ бюджетовъ въ губерніяхъ земскихъ и не-земскихъ не будетъ болѣе упускаема изъ виду стоимость такихъ повинностей (напр. дорожной и подводной), которыя въ губерніяхъ не-земскихъ сохранили характеръ натуральныхъ, а въ земскихъ болѣею частью переложены на деньги. У систематическихъ враговъ самоуправления будутъ отняты, такимъ образомъ, особенно излюбленные ими способы борьбы противъ земскихъ учреждений.

Область недорода хлѣбновъ оказалась въ нынѣшнемъ году менѣе обширной, чѣмъ въ прошломъ, но самый недородъ—болѣе полнымъ и интенсивнымъ. По свѣденіямъ министерства финансовъ, въ прошломъ году, ни въ одной губерніи не было сбора ниже 22 пудовъ съ десятины; въ текущемъ году онъ составляетъ въ уфимской губерніи

¹⁾ Приведемъ по этому поводу только одну цифру, съ которою намъ до сихъ поръ не приходилось встрѣчаться: въ девяти земскихъ губерніяхъ число сифилитиковъ, обращающихся къ врачамъ, въ семь разъ больше, чѣмъ въ девяти западныхъ губерніяхъ, между тѣмъ какъ распространеніе сифилиса въ тѣхъ и другихъ, судя по числу новобращенцевъ-сифилитиковъ, почти одинаково.

—19, въ симбирской 17, въ самарской и казанской—по 13 пудовъ, въ отдѣльных уѣздахъ падая еще ниже. Одинаково слабо уродились, во многихъ мѣстахъ, и озимые хлѣба, и яровые, и травы; въ саратовской губерніи—неурожай на подсолнуху, очень важную для крестьянъ какъ предметъ сбыта; въ симбирской губерніи нѣтъ даже лебеды, служившей подспорьемъ для голодающихъ въ 1891-92 г. Помощь пострадавшему населенію оказывается скорѣе и шире, чѣмъ въ прошломъ году; поѣздка министра внутреннихъ дѣлъ въ приволжскія губерніи послужила нагляднымъ доказательствомъ тому, что серьезность бѣдствія признана центральной администраціей. Рѣшено, какъ извѣстно, принять мѣры и къ поддержкѣ рабочаго скота, о чемъ безуспѣшно ходатайствовали, годъ тому назадъ, нѣкоторые земства. Своевременно принялось за дѣло помощи голодающимъ и общество Краснаго Креста, въ прошломъ году не выступавшее на сцену до конца марта. Гораздо меньше, чѣмъ въ 1891-92 и 1892-93 гг., слышно только о самостоятельной организаціи частной помощи. Дѣлаются, конечно, попытки привлечь вниманіе общества къ тѣмъ или другимъ особенно пострадавшимъ пунктамъ—но въ какой степени онѣ удаются, сказать трудно. Починъ этихъ попытокъ часто принадлежитъ тѣмъ самымъ лицамъ, которыя участвовали въ „кампаніи“ 1891-92 г. Въ чистопольскомъ уѣздѣ (казанской губ.) дѣйствуетъ, напримѣръ, госпожа Булыгина, въ корсунскомъ уѣздѣ (симбирской губ.)—госпожа Сѣрова (письма ихъ обѣихъ напечатаны въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“; газета кн. Ухтомскаго удерживаетъ свое мѣсто въ первомъ ряду тѣхъ органовъ печати, для которыхъ народная нужда важнѣе чѣмъ дѣло Дрейфуса или вопросъ о Фашодѣ. Семь лѣтъ тому назадъ, госпожа Булыгина могла, благодаря стекавшимся къ ней пожертвованіямъ, прокормить, съ октября по іюнь, цѣлую волость. Нынѣшній годъ, по ея словамъ, еще ужаснѣе: не только нѣтъ хлѣба, но нѣтъ ни картофеля, ни капусты, ни гороха, ни другихъ овощей, которыми привыкли питаться крестьяне; голодаетъ и скотина, за неимѣніемъ соломы. Работъ нѣтъ никакихъ, и работникамъ, не получающимъ продовольственной ссуды, остается умирать съ голоду. Между тѣмъ, пожертвованій поступило къ госпожѣ Булыгиной только 125 руб. (около 48 руб. отъ неизвѣстнаго, черезъ „С.-Петербургскія Вѣдомости“, и 74 руб. отъ Вольнаго Экономическаго Общества). Устроить столовыя въ той мѣстности, гдѣ она живетъ, невозможно, за неимѣніемъ крупъ и овощей: она желала бы, по крайней мѣрѣ, открыть пекарни, для надѣленія хлѣбомъ неполучающихъ ссуды ¹⁾. Какими средствами для помощи нуждающимся располагаетъ госпожа Сѣрова—этого изъ ея письма не видно;

¹⁾ Адресъ О. Н. Булыгиной—с. Красный Яръ, чистопольскаго уѣзда.

но она даетъ чрезвычайно интересную картину деревни, типичной, повидимому, для цѣлаго края. Настроеніе крестьянъ, сравнительно съ 1891 г., отличается крайнимъ упадкомъ духа—а потребности деревни нѣсколько увеличились, вслѣдствіе развитія грамотности и лучшаго пониманія требованій гигиены, такъ что сознаніе нужды еще тягостнѣе, чѣмъ прежде. „Въ 1891 г.,—говоритъ госпожа Сѣрова,—функционировало сельское попечительство, понаѣхало въ деревню много свѣжаго, бодрого люда, съ нервами, еще не притупленными лицецрѣніемъ вѣчнаго бѣдствія: живо была оказана помощь, и народъ пережилъ грозу“. Повторится ли то же самое въ нынѣшнемъ году—покажетъ время; покажутъ признаковъ оживленія еще слишкомъ мало... Особенно ужасна во время голодовокъ судьба дѣтей, остающихся безъ молока, вслѣдствіе распродажи коровъ или крайне скуднаго ихъ питанія ¹⁾). Невольно вспоминаешь, при этомъ, что въ 1891—92 г. петербургскій комитетъ грамотности образовалъ комиссію специально для устройства школьныхъ столовыхъ, работавшую весьма энергично и успѣшно. Предпринимаетъ ли что-либо подобное преемникъ комитета грамотности, т. е. общество грамотности—объ этомъ ничего не слышно. А между тѣмъ,—въ такую минуту, какъ переживаемая нами теперь, важна каждая активная сила, важно каждое учрежденіе, привыкшее къ самостоятельности и не ждущее приказа, чтобы принять участіе въ общемъ дѣлѣ. Нельзя отталкивать ничьей руки, протягиваемой для помощи народу; нельзя затруднять обществамъ и частнымъ лицамъ заботу о голодающихъ. Бѣдствіе такъ велико, что всѣмъ найдется дѣло. Прочитавъ письмо госпожи Булыгиной, мы пожалѣли еще разъ, что не дѣйствуетъ больше комитетъ для сбора пожертвованій, существовавшій весною и въ началѣ лѣта при Вольномъ Экономическомъ Обществѣ. Еслибы онъ продолжалъ свою работу, въ чистопольскомъ уѣздѣ давно, быть можетъ, появились бы пекарни, о которыхъ пишетъ госпожа Булыгина... До крайности странно, что до сихъ поръ приходится еще доказывать пользу участковыхъ попечительствъ, въ качествѣ органовъ помощи голодающимъ (какъ это дѣлаютъ, напримѣръ, „Пермскія Губернскія Вѣдомости“). Неужели опытъ послѣднихъ восьми лѣтъ не доказалъ еще съ достаточною ясностью, что вполне успѣшно борьба съ послѣдствіями неурожая можетъ быть ведена только на мѣстахъ, съ предоставленіемъ широкаго простора общественной и личной инициативѣ?!...

¹⁾ См. въ № 45 „Недѣли“ письмо г. Пругавина изъ Самары, озаглавленное: „Начало голода“.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1898.

Воинственное настроеніе въ Англіи.—Рѣчи лорда Сольсбери и Чамберлена.—Внутреннія противорѣчія въ теоріи „миролюбивыхъ вооруженій“.—Новѣйшіе факты: очищеніе Крита отъ турецкихъ войскъ, мирный раздѣлъ Африки и части Китая.—Вильгельмъ II на Востокаѣ.

Послѣднія рѣчи англійскихъ министровъ подтверждаютъ тотъ фактъ, что Англія серьезно готовилась къ войнѣ съ Франціею изъ-за спора о Фашодѣ и о верховьяхъ Нила. Воинственный духъ, какъ будто, овладѣлъ англичанами послѣ блестящаго окончанія англо-египетской кампаніи въ Суданѣ; побѣдитель при Омдурманѣ, „сирдаръ“ Китченеръ, сдѣлался героемъ дня, и прибытіе его въ Лондонъ подало поводъ къ цѣлому ряду торжествъ, въ которыхъ участвовали представители всѣхъ партій. Корпорація лондонскаго Сити официально привѣтствовала его дважды, въ одинъ и тотъ же день, 4-го ноября: утромъ ему поднесли званіе почетнаго гражданина столицы и почетную шпагу, а вечеромъ его чествовали банкетомъ въ резиденціи лорда-мэра, въ собраніи выдающихся дѣятелей парламента и правительства. Однимъ изъ первыхъ ораторовъ на этомъ банкетѣ былъ бывшій либеральный премьеръ, лордъ Розбери, который въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ говорилъ о великихъ заслугахъ Китченера. Его военныя дѣйствія, по словамъ Розбери, „украшили новымъ блескомъ даже безсмертную славу британской арміи и привели къ уплатѣ долга, который въ теченіе 13 лѣтъ лежалъ на совѣсти и сердцѣ каждаго англичанина; вмѣстѣ съ тѣмъ они устранили кровавую и варварскую тираннію“, составлявшую позоръ для человѣчества. Лордъ Сольсбери, предложившій тостъ за „здоровье сирдара“, указалъ на общій энтузіазмъ, съ какимъ англичане слѣдили за подвигами этого „великаго солдата“, и напомнилъ, между прочимъ, объ его драгоцѣнныхъ качествахъ дипломата и финансиста: Китченеръ необыкновенно разсчетливъ въ употребленіи государственныхъ средствъ, и по отзыву такого компетентнаго цѣнителя, какъ лордъ Кромеръ (Бэрингъ), „онъ былъ бы однимъ изъ первыхъ канцлеровъ казначейства, если бы не былъ однимъ изъ первыхъ генераловъ въ мірѣ“. Сирдаръ—„единственный генералъ, совершившій кампанію съ гораздо меньшими затратами, чѣмъ предполагалось“; онъ истратилъ на 300 тысячъ фунтовъ стерлинговъ меньше, чѣмъ назна-

чено было по смѣтѣ. Лордъ Сольсбери хвалилъ также дипломатическое искусство, обнаруженное Китченеромъ въ щекотливомъ столкновении съ начальникомъ французской экспедиціи, майоромъ Маршаномъ, и по этому поводу премьеръ сообщилъ слушателямъ пріятную новость, полученную имъ отъ французскаго посла утромъ того же дня,—что Франція отказалась отъ дальнѣйшаго занятія Фашоды. „Я не скажу,—продолжалъ лордъ Сольсбери,—что этимъ устранены всѣ поводы къ разногласіямъ между нами и французскимъ правительствомъ; но причина спора, имѣвшаго отчасти острый и опасный характеръ, устранена, и мы можемъ только радоваться этому“.

Нѣсколько дней спустя, 9 ноября, на банкетѣ въ Гильдголтѣ, по случаю вступленія въ должность новаго лорда-мэра, британскій премьеръ выразился еще яснѣе. „Мы недавно должны были обсуждать вопросъ объ европейской войнѣ, хотя и не въ смыслѣ очень близкой опасности, но во всякомъ случаѣ съ большою тревогою. Въ результатѣ все обошлось благополучно. Былъ моментъ, когда казалось, что будетъ иначе; но благоразуміе и здравый смыслъ, проявленные французскимъ правительствомъ въ этихъ необыкновенно трудныхъ обстоятельствахъ, избавили Европу отъ крайне опасной и грозной бури. Пока дѣла находились еще въ неопредѣленномъ положеніи, печать по обѣимъ сторонамъ Канала заставляла публику думать, что война, быть можетъ, ближе, чѣмъ была въ самомъ дѣлѣ. Правительство вынуждено было принять мѣры предосторожности, чтобы событія не застигли насъ врасплохъ, еслибы опасность внезапно предстала предъ нами. Эти мѣры предосторожности приняты были съ большою быстротою и съ несомнѣннымъ успѣхомъ. Необходимость такихъ мѣръ—или непосредственная необходимость—теперь миновала, и многіе удивляются, что эти приготовленія не тотчасъ прекратились. Но нельзя въ данный моментъ остановить всѣ предохранительныя мѣры, внутреннія возможною опасностью, и если эти предосторожности не остановлены немедленно, то это еще не значитъ, что чувства, которыми онѣ первоначально были вызваны, сохраняютъ свою силу“.

Лордъ Сольсбери вообще не раздѣляетъ вѣры въ осуществимость идеи разоруженія; онъ глубоко сочувствуетъ русскому проекту, но считаетъ пока обязанностью правительства обращать вниманіе на окружающія опасности и заботиться о необходимыхъ мѣрахъ для предотвращения ихъ. „Великое предложеніе Россіи, которое составитъ эпоху въ жизни людей“, сдѣлано при неблагоприятныхъ предзнаменованіяхъ: „первые могущественная сила американской республики введена въ кругъ націй, владычество которыхъ распространяется, и орудіемъ которыхъ служить въ извѣстной степени война“. „Я не имѣю въ виду ни малѣйшаго порицанія,—прибавилъ лордъ Сольсбери,—и не отказываю

въ симпатіи американской республикѣ въ ея трудныхъ задачахъ: но никто не станетъ отрицать, что появленіе ея въ ряду факторовъ азіатской и, быть можетъ, европейской дипломатіи есть важное и серьезное событіе, которое едва-ли приведетъ къ интересамъ міра, хотя, по всей вѣроятности, будетъ соответствовать интересамъ Великобританіи. Но что особенно заставляетъ насъ быть на-сторожѣ,—это то, что матеріалы и поводы для войны страшно выступаютъ со всѣхъ сторонъ. Мы видимъ націи, клонящіяся къ упадку и которыхъ правительства столь плохи, что не могутъ ни поддерживать власть самозащитою, ни обезпечить себѣ сочувствіе своихъ подданныхъ. Мы видимъ это съ разныхъ сторонъ, и мы видимъ также, что когда появляется такой феноменъ, всегда находятся сосѣди, которые по тѣмъ или другимъ побужденіямъ—изъ высшей ли филантропіи, или вслѣдствіе естественнаго желанія власти—расположены вступать между собою въ споры о томъ, кто будетъ наслѣдникомъ націи, падающей съ своего стараго мѣста. И это есть причина войны. Еще болѣе серьезны соображенія, вытекающія изъ недавнихъ событій; они показываютъ, что эти войны обрушиваются съ полиною неожиданностью и съ ужасающей быстротою. Военныя тучи поднимаются на горизонтѣ внезапно, не поддаваясь никакимъ расчетамъ, и черезъ мѣсяць или два послѣ перваго предостереженія можно уже очутиться лицомъ къ лицу съ перспективою войны, въ которой поставлено на карту самое существованіе государства. Вспомнимъ, что мы—великая колониальная и морская держава. Было нѣсколько великихъ морскихъ и колониальныхъ державъ, четыре или пять, но всѣ онѣ пали, потому что имѣли сухопутную границу, черезъ которую могли перейти враги и напасть на ихъ столицу. Мы не имѣемъ такой сухопутной границы, но если мы когда-либо допустимъ упадокъ нашей морской обороны до такого состоянія, что перейти въ наши предѣлы море будетъ столь же легко, какъ перешагнуть сухопутную границу, то наша великая имперія, простирающаяся по всѣмъ частямъ земного шара и повсюду охраняемая морскою силою, разрушится до основанія при первомъ ударѣ, нанесенномъ столицѣ Англіи. Все наше существованіе, не только все благополучіе, но и весь механизмъ, которымъ питаются и поддерживаются наши миллионы населенія,—зависятъ отъ нашей способности защищать наши берега отъ нападенія, а эта способность зависитъ отъ власти располагать въ каждый данный моментъ далеко болѣе значительными морскими силами, чѣмъ какія могутъ быть выставлены противъ насъ противниками. Если вы подумаете объ этомъ, то увидите, почему мы не можемъ допустить приостановки нашихъ морскихъ и военныхъ приготовленій при современномъ состояніи и настроеніи міра. Морскія и военныя силы должны быть

всегда на-готовѣ; но изъ этого не слѣдуетъ, что мы замышляемъ великія и опасныя предпріятія, или что мы одушевлены страстью къ завоеваніямъ или любовью къ войнѣ. Кромѣ небольшого и невліятельнаго меньшинства, едва-ли кто-либо въ Англіи относится къ войнѣ иначе, чѣмъ съ чувствомъ ужаса. Но и они (не одобряющіе войны въ принципѣ) готовы исполнить свой долгъ; они проникнуты рѣшимостью сохранить честь, ввѣренную ихъ защитѣ, и передать потомкамъ полученную отъ отцовъ имперію въ нетронutomъ и неуменьшенномъ видѣ. Поступая такъ, они неповинны въ жаждѣ войны и не подвергаютъ себя упреку въ измѣнѣ громко провозглашеннымъ принципамъ мира. Напротивъ, они поддерживаютъ, охраняютъ и даютъ единственную вѣрную опору тому миру, который составляетъ славу и основу нашей имперіи“.

Заявленія лорда Сольсбери дополняются любопытными комментаріями министра колоній, Чамберлена. Въ двухъ рѣчахъ о внѣшней политикѣ, произнесенныхъ имъ 15 и 16 ноября въ Манчестерѣ, Чамберленъ входить въ подробности, которыхъ не касался премьеръ; онъ говоритъ въ томъ же духѣ, но съ большею откровенностью, безъ обычныхъ дипломатическихъ умолчаній и оговорокъ. Чамберленъ не стѣсняется обвинять Францію въ постоянныхъ посягательствахъ на интересы и спокойствіе Англіи въ разныхъ частяхъ свѣта. „Фашода — только символъ, и французское занятіе этого пункта потому и взволновало англичанъ, что оно было заключительнымъ звеномъ цѣлаго ряда дѣйствій, несогласныхъ съ дружественными и сосѣдскими отношеніями. Уступчивость и миролюбіе британскихъ правительствъ принимались за малодушіе и страхъ, и мало-по-малу утвердился взглядъ, что государственные люди Англіи всегда уступать при надлежащемъ давленіи извнѣ. Это—весьма крупное недоразумѣніе, зависящее отъ полного непониманія британскаго характера,—и въ интересахъ мира, для котораго эта идея чрезвычайно опасна, надо желать, чтобы отъ нея отказались иностранныя кабинеты. Если инцидентъ съ Фашодой обезпечилъ намъ только этотъ результатъ, то онъ долженъ быть признанъ благотѣльнымъ. Въ то же время онъ показалъ, съ какимъ единодушіемъ британскій народъ можетъ идти на встрѣчу серьезнымъ событіямъ, и съ какимъ спокойствіемъ и довѣріемъ онъ можетъ готовиться къ отраженію грозящей опасности“... Чамберленъ отдаетъ справедливость вождямъ оппозиціи, которые дѣйствовали безусловно за-одно съ правительствомъ въ этомъ „трудномъ и даже опасномъ кризисѣ“. „Облегченіемъ отъ острой напряженности и отчасти непосредственной опасности — замѣтилъ министръ колоній — мы обязаны настолько же этому зрѣлищу абсолютно единодушнаго народа, сколько и тѣмъ военнымъ и морскимъ приготовленіямъ, о которыхъ иностран-

ная печать такъ много говорить и такъ мало знаетъ "... Соглашеніе съ Россією въ дѣлахъ дальняго Востока кажется британскому министру практически бесполезнымъ и мало надежнымъ; онъ предпочитаетъ опираться на тѣсную дружбу и солидарность съ Японією, Германією и особенно Соединенными Штатами. Но отъ дружбы и солидарности далеко еще до формальнаго союза. „Ошибаются тѣ, которые думаютъ, что Англія нуждается въ союзѣ для своей собственной безопасности или для того, чтобы другія державы таскали для нея каштаны изъ огня. Нѣтъ, мы можемъ стоять сами за себя, а если мы вступимъ въ союзъ, то мы будемъ столько же давать, сколько получать. Пока дѣло идетъ о нашей собственной чести и о нашихъ собственныхъ владѣніяхъ, намъ не потребуется никакой посторонней помощи, и британская имперія въ своей блестящей изолированности будетъ вполне въ состояніи заботиться о себѣ“. Только въ вопросахъ общаго интереса возможны совмѣстныя дѣйствія съ другими державами, и въ этомъ смыслѣ, по словамъ Чамберлена, „соединеніе двухъ великихъ родственныхъ народовъ, говорящихъ на англійскомъ языкѣ, было бы комбинаціею, для которой не были бы страшны никакіе другіе союзы; это была бы гарантія для спокойствія и цивилизаціи міра“.

Англичане готовились къ войнѣ съ Францією изъ-за пустынной африканской мѣстности, занятой горстью французовъ, и англійскіе министры громко заявляютъ объ этомъ, какъ о великой патріотической заслугѣ; они собирались поднять кровавую грозу, послѣдствія которой были бы неисчислимы. Между тѣмъ эти же государственные дѣятели считаютъ себя представителями и защитниками великихъ интересовъ общаго міра; они говорятъ прямо, что огромное большинство націи относится къ войнѣ не иначе какъ съ ужасомъ. Если судить по приподнятому тону англійскихъ политическихъ рѣчей и газетъ во время спора о Фашодѣ, то надо думать, что Англія—самая воинственная страна въ Европѣ. Нѣтъ ничего невозможнаго въ мірѣ, особенно въ области человѣческихъ отношеній; но трудно даже представить себѣ, чтобы въ концѣ нашего вѣка неожиданно возгорѣлась борьба между Англією и Францією. Всякія столкновенія и катастрофы ожидалось и предсказывались къ концу столѣтія; чаще всего имѣлись въ виду войны между Германією и Россією, между Францією и Германією, или между двумя континентальными коалиціями, наконецъ между Россією и Англією изъ-за Индіи и дальняго Востока,—но мысль объ англо-французской войнѣ была внѣ воинственныхъ соображеній и пророчествъ.

Официальный руководитель англійской внѣшней политики, лордъ Сольсбери, краснорѣчиво изобразилъ внезапное наступленіе этой опасности, какъ будто онъ и его товарищи по кабинету были въ данномъ

случаѣ орудіями слѣпого рока. Англія, завоевавшая обратно Суданъ для Египта, имѣла, быть можетъ, законное право требовать удаленія французовъ изъ занятаго ими пункта въ долину верхняго Нила, и всѣ искусственные аргументы французской дипломатіи уничтожались тѣмъ голымъ фактомъ, что французы не могли тамъ вовсе держаться безъ англійской помощи, и что подошедшія къ нимъ англо-египетскія войска генерала Китченера спасли ихъ не только отъ истребленія, но и отъ голода. Китченеръ явился туда, какъ покоритель цѣлаго края, послѣ разгрома полчищъ дервишей при Омдурманѣ; и очутившійся въ этомъ краѣ маленькій французскій отрядъ могъ только радоваться столь своевременному прибытію англичанъ. О серьезномъ правѣ оккупации не могло быть и рѣчи со стороны майора Маршана, при его положеніи; а занятіе маленькаго мѣстечка французами не исключало власти англичанъ надъ цѣлою областю и въ томъ числѣ и надъ Фашодою. Китченеръ дѣйствовалъ, какъ главнокомандующій въ военное время, и онъ даже не обязанъ былъ вступать въ дипломатическія пререканія съ иностранцами, найденными имъ въ очищенной отъ непріятеля территоріи; онъ могъ просто предложить французамъ подчиниться его распоряженіямъ или же удалиться, а впослѣдствіи лондонскій кабинетъ легко загладилъ бы эту военную невѣжливость обычными дипломатическими объясненіями. При нѣкоторой искренности и прямотѣ, инцидентъ съ самаго начала не представлялъ бы ничего опаснаго; споръ разрѣшался уже фактическимъ военнымъ господствомъ англичанъ въ предѣлахъ спорной мѣстности, и французы, конечно, не стали бы посылать войска въ Суданъ, къ верховьямъ Нила, противъ англо-египетской арміи. Какимъ же образомъ и откуда грозила Европѣ перспектива англо-французской войны? Мыслимо ли допустить, что французы вдругъ забудутъ о Германіи и о своихъ открытыхъ сухопутныхъ границахъ, и займутся безцѣльною борьбою съ Англіею изъ-за какихъ-то оазисовъ южнаго Египта? Едва ли кто-нибудь въ Англіи вѣрилъ въ возможность французскаго нападенія; если же французы не могли угрожать англичанамъ войною, то опасность, о которой говорили британскіе министры, зависѣла, очевидно, только отъ нихъ самихъ или была лишь условною фикціею. Британскіе патріоты и государственные дѣятели, повидимому, рассуждали такъ: мы потребовали очищенія Фашоды, наше требованіе не исполняется добровольно, а уступить или сдѣлать шагъ назадъ мы не можемъ; слѣдовательно, придется употребить силу, а употребленіе силы означаетъ войну; поэтому необходимы быстрыя военныя приготовленія, чтобы пойти на встрѣчу внезапно возникшей опасности. Есть нѣчто роковое въ такой цѣпи выводовъ и дѣйствій; катастрофа приближается сама собою,

послѣ того какъ сказано первое слово, отъ котораго нельзя отречься. Въ результатѣ вышло бы нѣчто ужасное—колоссальная борьба двухъ культурныхъ націй, изъ которыхъ ни одна не желаетъ воевать съ другою,—которыя связаны между собою сильнѣйшими жизненными экономическими интересами и дѣлами и имѣютъ всевозможные мотивы къ поддержанію хорошихъ взаимныхъ отношеній, по свидѣтельству самихъ британскихъ министровъ и патріотовъ. И хуже всего то, что устроители подобной войны смотрѣли бы на нее какъ на приговоръ судьбы, и заботились бы только объ одномъ — о нанесеніи возможно болѣе сильныхъ и жестокихъ ударовъ, для скорѣйшаго принужденія противниковъ къ заключенію мира. Теперь лордъ Сольсбери и Чамберленъ сочувственно отзываются о благоразуміи французскаго правительства, предупредившаго великое бѣдствіе; но не странно ли хвалить чужое благоразуміе за то, что оно помѣшало намъ сдѣлать отчаянный шагъ? Весь вопросъ могъ быть поставленъ иначе: Англія предупреждаетъ Францію, что вынуждена будетъ удалить Маршана изъ территоріи, занятой англо-египетскими войсками, и это рѣшеніе, обставленное самыми дружественными увѣреніями, ни въ какомъ случаѣ не могло бы побудить французовъ предпринять что-либо противъ Англіи. О войнѣ изъ-за такого факта странно было бы и говорить. Подобно тому какъ Маршанъ не сопротивлялся и не могъ сопротивляться поднятію египетскаго флага въ Фаходѣ, точно такъ же онъ долженъ былъ бы исполнить и просьбу о своемъ удаленіи; нашлись бы тысячи оправданій для совершившагося насилія, и споръ о верховьяхъ Нила никогда не вышелъ бы за предѣлы мѣстнаго и второстепеннаго конфликта. Не прибѣгая къ поспѣшнымъ вооруженіямъ и довольствуясь лишь фактическимъ осуществленіемъ своихъ требованій на мѣстѣ, Англія достигла бы своей цѣли безъ явной обиды для національнаго чувства Франціи. Военныя приготовленія, имѣющія характеръ угрозы, всегда оскорбляютъ противника и дѣлаютъ для него уступчивость крайне трудною, несомѣстимою съ правилами чести; уступка, которая, безъ этого, далась бы легко и не оставила бы послѣ себя никакого горькаго чувства, является уже униженіемъ національнаго достоинства, когда она вызвана угрожающими рѣчами и дѣйствіями противной стороны. Вотъ почему вооруженія, предназначенныя къ тому, чтобы побудить оппонентовъ къ миролюбію, чаще всего приводятъ къ войнѣ, ибо нельзя безнаказанно подвергать сомнѣнію мужество даже слабѣйшей націи и задѣвать чувствительныя струны чужого патріотизма. Система вооруженій для устрашающаго воздѣйствія на противниковъ не согласуется съ человѣческою психологіею и съ историческимъ опытомъ, по крайней мѣрѣ среди современныхъ культурныхъ народовъ; эта система есть въ

сущности рутина, полная внутреннихъ противорѣчій, и печально видѣть, что на нее до сихъ опираются дипломаты и правители даже въ области взаимныхъ отношеній такихъ державъ, какъ Франція и Англія. Ни французы, ни англичане, не поддаются чувствамъ страха, когда затронуты вопросы національной чести, и со стороны Англіи было не только безцѣльно, но и рискованно пугать французовъ оружіемъ и войною.

Замѣчанія лорда Сольсбери о многочисленныхъ поводахъ къ войнѣ между государствами и приводимые имъ по этому случаю примѣры наглядно опровергаются нѣкоторыми новѣйшими фактами, имѣющими значеніе уроковъ для будущаго. Раздѣлъ Африки между главными европейскими націями совершился и совершается безъ войны; раздѣлъ прибрежныхъ областей и портовъ Китая обходится пока также мирными способами; наконецъ, недавнее окончательное очищеніе Крита отъ турецкихъ войскъ достигнуто безъ помощи военныхъ дѣйствій противъ Турціи. Вопреки мнѣнію британскаго премьера, кровавыя распри не возникли даже при дѣлежѣ цѣлаго африканскаго материка между европейскими державами; крупные захваты въ Китаѣ не нарушали общаго мира, хотя отдѣльныя націи могли быть недовольны распредѣленіемъ добычи; точно такъ же нельзя отрицать возможности мирной развязки всего восточно-турецкаго вопроса. Мы остаемся при высказанномъ нами взглядѣ, что и судьба Кубы могла бы быть устроена Соединенными Штатами безъ формальной войны съ Испанією,—подобно тому, какъ и Кандія избавлена наконецъ отъ турецкаго гнета путемъ твердаго международнаго соглашенія. Любопытно, что несчастный критскій вопросъ, съ которымъ дипломатія возилась безуспѣшно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и который въ ея рукахъ обратился въ оружіе противъ Греціи, окончился благополучно лишь послѣ того, какъ перешелъ въ распоряженіе адмираловъ, не связанныхъ дипломатическою рутиною. Адмиралы, дѣйствующіе у береговъ Кандіи, легко осуществили на практикѣ тотъ „европейскій концертъ“, который долго былъ предметомъ насмѣшекъ и оставался для дипломатовъ только безсодержательною фикцією; а когда согласіе превратилось изъ мнимаго и условнаго въ реальное и дѣйствительное, то положеніе сразу измѣнилось кореннымъ образомъ. Лордъ Сольсбери въ своей гильдгольської рѣчи, упомянувъ объ этой перемѣнѣ въ дѣлахъ Крита, высказалъ оригинальную мысль, что „если бы всѣ кабинеты уволены были въ отставку и на мѣсто каждаго изъ нихъ назначили бы адмирала, то дѣла въ Европѣ пошли бы лучше, чѣмъ теперь“. Это юмористическое замѣчаніе представляетъ собою самую ядовитую оцѣнку традиционныхъ правилъ и приемовъ европейской дипломатіи, блестящимъ представителемъ которой служить нынѣшній британскій премьеръ.

Первая военная держава въ Европѣ, Германія, давно уже стоитъ въ сторонѣ отъ всякихъ воинственныхъ плановъ и увлеченій; она подаетъ англичанамъ примѣръ дѣйствительнаго миролюбія и весьма сдержанно относится къ частымъ намекамъ англійскихъ государственныхъ людей на желательность болѣе тѣснаго сближенія или союза между родственными націями, британскою и нѣмецкою. Германія отлично устраиваетъ свои дѣла и соблюдаетъ свои интересы, не возбуждая никакихъ щекотливыхъ международныхъ споровъ и не задѣвая чужихъ самолюбія; нѣмцы убѣдились на опытѣ, что политическіе и національные интересы гораздо вѣрнѣе и спокойнѣе обезпечиваются неустанною мирною работою, чѣмъ лихорадочными вооруженіями и дипломатическими эффектами, которымъ придавалъ такую важность еще князь Бисмаркъ. Идеи покойнаго канцлера о мирѣ и войнѣ, сверхъ ожиданія, значительно чаще повторяются въ новѣйшее время въ Англіи и Сѣверной Америкѣ, чѣмъ въ Германіи; нынѣшніе берлинскіе дипломаты и публицисты несомнѣнно болѣе миролюбивы и умѣренны, чѣмъ англійскіе или американскіе, и едва ли найдется теперь нѣмецкій министр, который сталъ бы говорить о внѣшней политикѣ въ духѣ и тонѣ Чамберлена. Самъ Вильгельмъ II, несмотря на свою репутацію любителя военнаго дѣла, посвящаетъ свою энергію и предпримчивость мирнымъ усиліямъ и задачамъ; даже въ сферѣ международныхъ связей и отношеній онъ достигаетъ многого съ тѣхъ поръ, какъ пересталъ надѣяться на одно лишь превосходство оружія. Недавнее путешествіе его съ императрицею на Востокъ имѣло большое политическое значеніе и едва ли пройдетъ безслѣдно для будущаго хода событій въ Турціи. Германія намѣтила свою долю участія въ турецкомъ наслѣдствѣ, не въ смыслѣ грубой военной добычи, а въ смыслѣ постепеннаго культурнаго завоеванія, на почвѣ дружескаго сближенія съ мусульманскимъ міромъ и его главою, турецкимъ султаномъ. Вильгельмъ II провелъ съ этою цѣлью больше пяти недѣль на Востокѣ (съ половины октября до двадцатыхъ чиселъ ноября нов. ст.), сдѣлался другомъ и гостемъ Абдуль-Гамида въ Константинополѣ и держалъ себя съ султаномъ такъ свободно, на равныхъ правахъ, какъ никогда еще не случалось христіанскому монарху. Германскій императоръ обставилъ свое путешествіе особеннымъ блескомъ и роскошью, такъ какъ внѣшность всегда играла большую роль для народовъ Востока; въ концѣ октября онъ совершилъ торжественный въѣздъ въ Іерусалимъ, присутствовалъ при освященіи новой евангелической церкви у Гроба Господня, подарилъ купленный у турокъ участокъ земли для новаго храма католикамъ и выказывалъ одинаковое вниманіе и сочувствіе представителямъ всѣхъ европейскихъ общинъ въ Палестинѣ. Тѣмъ временемъ въ областяхъ Малой Азіи множество

нѣмецкихъ рукъ находить себѣ полезное примѣненіе; нѣмецкая желѣзнодорожная компанія притягиваетъ къ себѣ и распространяетъ кругомъ тѣ культурные элементы, которыми такъ богата Германія; образуются цѣлыя нѣмецкія поселенія въ запущенныхъ издавна турецкихъ мѣстностяхъ; организуются техническія и промышленныя предприятия, и вліятельная нѣмецкая дипломатія считаетъ своимъ первымъ долгомъ покровительствовать всякимъ частнымъ начинаніямъ въ этомъ родѣ. Нѣкоторыя новыя крупныя концессіи въ пользу нѣмецкихъ предпринимателей въ Турціи получены несомнѣнно благодаря личному вліанію Вильгельма II. Пройдетъ извѣстное число лѣтъ, и мы можемъ увидѣть, что значительная часть Малой Азіи фактически занята или, вѣрнѣе, заработана нѣмцами и составляетъ какъ бы ихъ приобрѣтеніе; а подобныя завоеванія, основанныя на мирномъ культурномъ трудѣ, принадлежать къ числу самыхъ прочныхъ и законныхъ. Не мѣшаетъ напомнить, что передовые нѣмецкіе умы съ давнихъ поръ интересовались культурною миссіею нѣмцевъ въ турецкихъ земляхъ; знаменитый Лассаль не разъ говорилъ въ своихъ письмахъ, что турецкій Востокъ есть законный удѣлъ трудолюбивой германской расы, и эта идея исподоволь осуществляется на дѣлѣ. Такимъ образомъ, и ликвидація запутанныхъ турецкихъ дѣлъ готовится вовсе не тѣми способами, въ которые еще безусловно вѣрить лордъ Сольсбери. Безспорные новѣйшіе успѣхи Германіи на Востокѣ какъ нельзя яснѣе подтверждаютъ ту истину, что при современныхъ условіяхъ жизни существуютъ болѣе вѣрные способы дѣйствія, чѣмъ военныя,—для достиженія серьезныхъ политическихъ и экономическихъ выгодъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1898.

— М. О. Меньшиковъ. О писательствѣ. Спб. 1898.

Эта книга собралась, какъ замѣчаетъ авторъ въ предисловіи, изъ статей, писанныхъ имъ въ началѣ его сотрудничества въ „Книжкахъ Недѣли“. Въ то время намъ не случилось познакомиться съ этими статьями; но впоследствии г. Меньшиковъ не однажды увлекался въ довольно странные парадоксы, и мы съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ встрѣтили книгу, въ предметѣ которой для парадокса могла быть избыточная пища, между тѣмъ предметъ таковъ, что наше общество въ особенности нуждалось бы въ здоровомъ его объясненіи.

Авторъ останавливается въ книгѣ на слѣдующихъ темахъ: О литературѣ и писателяхъ; Литературное безсиліе; О чтеніи: Талантъ и публика; Призваніе журналистики; О талантъ и честности: О литературѣ будущаго; О критикѣ; Предѣлы литературы.

Опасеніе парадокса, къ счастью, не оправдалось. Правда, въ книгѣ г. Меньшикова иное можетъ показаться парадоксомъ для тѣхъ, чьи мнѣнія онъ оспариваетъ; но въ дѣйствительности основаніе взглядовъ, изложенныхъ въ этой книгѣ, есть высокое представленіе о значеніи литературы въ жизни общества и вытекающемъ отсюда нравственномъ долгѣ писателя. Если въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ можно не согласиться съ авторомъ, то въ цѣломъ его точка зрѣнія, для насъ по крайней мѣрѣ, чрезвычайно симпатична, и особенно своевременна въ настоящемъ положеніи нашей литературы. Стало общимъ мѣстомъ говорить объ этомъ положеніи, какъ объ „упадкѣ“; о немъ говорятъ даже тѣ, чья дѣятельность служить однимъ изъ явленій этого упадка и ему, по мѣрѣ силъ, содѣйствуетъ. Въ области художественнаго творчества, въ новѣйшей литературѣ—послѣ великой плеяды, дѣйствовавшей съ конца сороковыхъ годовъ,—дѣйствительно уровень понизился, быть можетъ, до новаго подъема исторической волны литературнаго

развитія. Но если нарожденіе сильныхъ талантовъ есть невѣдомая историческая судьба, не поддающаяся никакому расчету, то существуетъ и другая сторона „упадка“, подлежащая наблюденію, а также и воздѣйствию; это—упадокъ въ самомъ пониманіи нравственнаго и общественнаго значенія литературы и долга писателя. Такая мысль проходитъ и въ книгѣ г. Меньшикова.

Авторъ начинаетъ замѣчаніемъ одного писателя, что литература есть „громкое мышленіе народа“, и находить, что это дѣйствительно—не мысль, а мышленіе, т.-е. сырой процессъ, со всѣмъ шумомъ и мусоромъ всякаго процесса работы. „Ошибочно также думать,—продолжаетъ авторъ,— что литература есть работа только *лучшихъ* умовъ страны, что въ ней, какъ въ священной скинни, хранятся только высокіе завѣты мысли, собранные вѣками. Этотъ взглядъ возвышенъ, но не вѣрнѣе... Можетъ быть, и было время, когда письменность была доступна лишь аристократіи духа: на камень и пергаментъ заносились лишь боговдохновенныя рѣчи, откровенія пророковъ, законы вождей. Но эти времена давно прошли. Изобрѣтеніе бумаги, книгопечатаніе, появленіе журналистики, паровой скоропечатный станокъ, выбрасывающій по сту тысячъ экземпляровъ въ часъ, развитіе народнаго образованія, общее развитіе демократіи—все это растворяло шире и шире двери литературы, пока, въ наше время, онѣ не раскрылись настезь: въ литературу хлынулъ народъ, хаосъ мышленія котораго не пересталъ быть хаосомъ, сдѣлавшись громкимъ“.

На это могутъ возразить,—говоритъ авторъ,—что этотъ хаосъ, броженіе и столкновеніе идей, и представляетъ настоящую жизнь. Литература, спустившись съ высоты Парнасса, стала болѣе человѣческой, болѣе близкой и родной для массы,—но при этомъ,—говоритъ авторъ,—она какъ бы утратила свои „божественныя“ свойства. „Изъ нея исчезло творчество, она перестала покорять и вдохновлять сердца, разучилась „языку боговъ“ и измельчала до жалкаго уличнаго листка. Приобрѣвъ „жизненность“, литература потеряла свое безсмертіе; питаясь случаями, она непрерывно, вмѣстѣ съ ними, умираетъ; не можетъ умереть слово, воплощающее лишь вѣчныя явленія: оно живетъ съ ними. И только такое слово могло бы имѣть власть надъ жизнью, какъ верховный ея законъ. Приблизясь къ толпѣ и слившись съ случайною, незаконною (?) ея жизнью, современная литература утратила власть надъ людьми“.

Этотъ слишкомъ общій и рѣшительный приговоръ можно было бы поставить и совсѣмъ наоборотъ. Въ прежнее время, когда не было бумаги, книгопечатанія съ паровымъ станкомъ, не было народнаго образованія и „общаго развитія демократіи“, литература имѣла „власть“ только надъ очень небольшимъ кругомъ „людей“. Ея знаменитыя имена

извѣстны были въ сущности только въ этомъ кругѣ; въ немъ только могли, болѣе или менѣе, дѣйствовать и тѣ идеи, которыя создавались знаменитыми писателями. При всѣхъ недостаткахъ современной литературы, какіе указываетъ г. Меньшиковъ, нельзя отрицать того факта, что благодаря своему нынѣшнему распространенію, благодаря тому, что она „спустилась къ толпѣ“, литература могла внести въ умственную жизнь „толпы“ не мало такого, что могло содѣйствовать развитію въ этой толпѣ человѣческаго сознанія. До того времени, когда книгопечатаніе, развитіе народнаго образованія и т. д. произвели широкое распространеніе литературы, „толпа“ существовала (въ огромной степени, у насъ и доселѣ существуетъ) среди самаго первобытнаго мрака, среди не только матеріальной, но умственной и нравственной нищеты. Можно ли забыть, что „литература“ давно заботилась о школѣ для народа; можно ли сожалѣть, что школа успѣваетъ вносить нѣкоторый свѣтъ въ этотъ первобытный мракъ, иногда, быть можетъ, нѣсколько помочь толпѣ въ ея дѣйствительной и тяжелой „борьбѣ за существованіе“?

Авторъ, безъ сомнѣнія, не отвергаетъ этой стороны вліянія литературы, гдѣ ея приближеніе къ толпѣ, т.-е. къ народной массѣ, есть не прискорбный, а весьма благотворный и желательный фактъ; но, не отмѣтивъ его, авторъ впадаетъ въ односторонность, которая можетъ возбудить въ читателѣ недоумѣніе... Своимъ огульнымъ приговоромъ онъ хотѣлъ болѣе ярко указать другое явленіе современной литературы, гдѣ его осужденіе падаетъ на ея дѣйствительное зло,—хотя и здѣсь, какъ увидимъ, не обошлось безъ преувеличеній.

„Да,—продолжаетъ авторъ,—литература съ каждымъ днемъ теряетъ свое прежнее правящее (?) значеніе; ея облагораживающая сила падаетъ, изъ хозяина литература дѣлается слугою и даже, какъ это ни позорно, часто *лакеемъ* публики. Не говорите о чрезвычайномъ развитіи журналистики въ культурныхъ странахъ—это-то и есть конецъ собственно литературы. Журналистика, въ ея послѣднемъ предѣлѣ, есть *репортерство*... Воспроизвести событія, важныя и неважныя, со всѣми подробностями и разобрать ихъ со всѣхъ точекъ,—вотъ задача журналистики. Но важное, какъ все великое, встрѣчается рѣдко, и журналистика невольно превращается въ вихрь незначительныхъ, ничтожныхъ мелочей, развѣвающихъ вниманіе читателя и растворяющихъ его мысль... Журналистика втягиваетъ толпу въ литературу и качество мнѣній замѣняетъ количествомъ ихъ; въ толпѣ же какъ былъ хаосъ мысли, такъ и остается... Тысячи „интеллигентныхъ“ людей... (не смотря на свое чтеніе) остаются удивительно необразованными, грубыми, черствыми и узкими, то-есть такими, каковы чаще всего и авторы этихъ книгъ. Не будучи выше публики, *толпа* писателей не

можетъ вліять на *толпу* читателей сколько-нибудь благотворно, чаще же вліять дурно, какъ дурное общество. Давно подмѣчено развращающее вліяніе нѣкоторыхъ авторовъ. Есть сорта литературы, насыщенные ядомъ тонкой, иногда ароматной порнографіи, сословнаго тщеславія, національнаго шовинизма, денежной лихорадки, мошенничества и всякаго рода порока. Спускаясь съ вершинъ жизни и проникая до низменностей и пропастей ея, творчество, какъ горный ключъ, растворяетъ въ себѣ попутную грязь и, питая искусство, нерѣдко отравляетъ его. Современная литературная школа—натурализмъ—есть наиболѣе *жизненная* изъ всѣхъ школъ, наиболѣе загрязненная и наименѣе вліятельная... Она столько же васъ вдохновляетъ и учитъ, какъ и сама обиденная жизнь, т.-е. очень мало“.

И здѣсь авторъ слишкомъ поспѣшно сдѣлалъ свои заключенія. Если обратиться къ нашей литературѣ, — потому что въ концѣ концовъ онъ думаетъ въ особенности о ней, — было ли лучше, когда единственной частной газетой была „Сѣверная Пчела“? Читатель вовсе не страдалъ отъ „толпы“ писателей, но низменный нравственный уровень былъ на лицо. Сорта литературы, насыщенной ядомъ порнографіи, сословнаго тщеславія, шовинизма и т. п., были также на лицо, — только порнографія, при надзорѣ цензуры, распространялась не печатно, а письменно. Мы не питаемъ никакого пристрастія къ натурализму и не считаемъ полезнымъ приобрѣтеніемъ для „искусства“ ту грязь, въ которую онъ такъ любитъ погружаться, — но за нимъ есть и несомнѣнная заслуга: извѣстныя стороны, самый механизмъ общественной, даже политической жизни, никогда не бывали изображены такъ, какъ сдѣлано это въ нѣкоторыхъ романахъ Зола, — и вмѣстѣ съ этимъ открывались для суда общественнаго мнѣнія.

Новый рядъ парадоксовъ встрѣчаемъ далѣе.

„Для благотворнаго вліянія на общество, — говорятъ г. Менъшиковъ, — было бы недостаточно сильно поколѣніе даже такихъ талантовъ, какъ Тургеневъ, Гончаровъ и Толстой. Сколько бы мы ни были обязаны имъ тончайшими наслажденіями, по совѣсти мы должны признать *вліяніе* этихъ писателей на общество незначительнымъ; иначе общество было бы вовсе не тѣмъ, что оно есть (?)... Какъ и во времена Лермонтова, оно къ добру и злу *постыдно равнодушно*, хотя послѣ великаго поэта-юноши прошло полъ-вѣка и мы имѣли цѣлую плеяду большихъ писателей“. Въ чемъ же оказалось ихъ вліяніе? „Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, до Тургенева, Достоевскаго, Гончарова, Островскаго, Толстого, Некрасова, Щедрина, небольшая тогдашняя интеллигенція была одушевлена болѣе высокими идеалами, чѣмъ теперешняя, болѣе отзывчива на призывъ къ добру, болѣе способна на жертвы (?). Дальнѣйшее литературное вліяніе не усилило, а какъ бы

даже ослабило это горячее настроеніе, и въ концѣ литературнаго пятидесятилѣтія народъ (?) такъ же темень и несчастливъ, какъ и въ началѣ“.

Мы опять недоумѣваемъ. Русская „интеллигенція“ 30-хъ и 40-хъ годовъ, до Тургенева, Достоевскаго и т. д., была, столь немногочисленна, что извѣстна наперечетъ; дѣйствительно, она отличалась большимъ идеализмомъ, какого теперь мало,—но извѣстно, что ея идеализмъ былъ отвлеченный, кабинетный, книжный, и трудно понять, кого разумѣлъ г. Меньшиковъ, указывая на ея большую „отзывчивость на призывъ къ добру, способность на жертвы“. Напротивъ, дальнѣйшіе годы, 50-е и 60-е, на которые простиралось уже вліяніе Тургенева и его современниковъ, именно отмѣчены гораздо большимъ идеализмомъ, отзывчивостью къ добру и т. д. „Народъ“ поставленъ здѣсь весьма некстати — какъ бы въ видѣ укора дѣятелямъ нашей литературы. Русскіе идеалисты всегда составляли весьма небольшую часть общества, не въ ихъ силахъ было измѣнить судьбу народа,—но авторъ могъ бы не забыть, что интересъ къ народу въ нашемъ вѣломъ обществѣ развитъ былъ именно литературой, и что даже практически „идеалисты“ имѣли свою долю труда въ реформахъ, напр. крестьянской, которыя направлены были къ улучшенію народнаго быта. Одна фракція идеалистовъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ произвела то народничество, теоретическое и практическое, которое не имѣло въ прежней жизни русскаго общества ничего себѣ подобнаго.

Авторъ предвидѣлъ подобныя замѣчанія. „Намъ возразятъ,—говорить онъ,—неужели литература повинна въ несчастяхъ русскаго народа? Не литература ли, со времени Некрасова и юнаго Григоровича, толковала о народномъ горѣ,—до того, что даже наскучила публикѣ? Не литература ли предсказывала, въ лицѣ Успенскаго и народниковъ, народное истощеніе? Не она ли, съ Щедринымъ во главѣ, ополчалась на разныхъ хищниковъ, заѣдающихъ народъ? Былъ ли хоть одинъ самый мелкій вопросъ общественной и народной жизни, который печать не тормозила бы по сотнѣ разъ? И если изъ этого ничего не вышло, неужели литература виновата въ этомъ?“

И г. Меньшиковъ не усумнился кругомъ обвинить литературу.

„Да, виновна. Она виновна, какъ разумъ, который не только долженъ все предвидѣть и отъ всякой опасности предостеречь, но и обязанъ быть достаточно сильнымъ, чтобы заставить волю повиноваться себѣ. Литература виновна въ недостиженіи своихъ хорошихъ цѣлей уже тѣмъ, что ихъ не достигла.“

„Русская литература говорила много, но, очевидно, слѣдовало говорить еще больше. Она говорила иногда правильно и ясно, не

слѣдовало говорить еще правильнѣе и яснѣе. Иногда вспыхивалъ въ этой литературѣ яркій огонь, зажигавшій чуткую совѣсть, но слѣдовало разгораться цѣлымъ пожаромъ и навалить даже каменные сердца. Предположите, что въ надлежащее время и въ должномъ числѣ у насъ явились бы литературные пророки, которые ясно увидѣли бы ложь жизни и истинный, спасительный путь,—которые имѣли бы силу открыть это людямъ, поднять ихъ, возбудить, воспламенить, облагородить,—наша исторія сложилась бы совсѣмъ не такъ, какъ сложилась“:

Прекрасное пожеланіе,—къ сожалѣнію только трудно ожидать его совершенія. Въ этихъ строкахъ авторъ принимаетъ, что „литература“ есть воплощеніе разума и лучшихъ нравственныхъ цѣлей; но за нѣсколько страницъ передъ тѣмъ онъ самъ предупреждаетъ, что литература не есть только работа *лучшихъ* умовъ страны, что она есть отраженіе *хаоса* мнѣній и стремленій. И дѣйствительно, тотъ лучший, высокій, благородный трудъ нравственного сознанія, который объединяютъ (какъ и нашъ авторъ въ приведенныхъ выше строкахъ) подъ именемъ литературы, этотъ трудъ совершается при величайшихъ препятствіяхъ, въ тяжелой борьбѣ противъ хаоса и мрака. Дѣятели литературы состоятъ не изъ однихъ „друзей человѣчества“, но также изъ людей, нравственно испорченныхъ—себялюбивыхъ, своекорыстныхъ, обскурантизмомъ, проникнутыхъ не стремленіемъ къ общему благу, а всякой нетерпимостью—религіозной, національной, сословной и т. д.; и эти послѣдніе являются не одиночными представителями мрачныхъ тенденцій, а представителями цѣлыхъ слоевъ и круговъ общества, имѣющихъ интересъ въ сословной нетерпимости, обскурантизмѣ и т. д. и т. д., какъ, напр., цѣлый слой общества вооружался противъ освобожденія крестьянъ и въ настоящее время ратуетъ за отміну реформъ. Литература есть только отголосокъ реальной общественной борьбы, и бываютъ времена, когда тѣ представители лучшихъ задачъ литературы, къ которымъ нашъ авторъ предъявляетъ свои строгія требованія, должны заботиться только о томъ, чтобы сохранить теплющійся огонекъ литературы...

Авторъ требуетъ этого оживляющаго и возбуждающаго дѣйствія литературы безусловно, и несмотря даже на всѣ „независящія обстоятельства“, несмотря на приводимые „примѣры Радищева или Новикова“. По мнѣнію г. Меньшикова, эти независящія обстоятельства „дѣйствительно представляютъ силу, но она неборима лишь для слабыхъ душъ, „ничѣмъ не жертвующихъ ни злобѣ, ни любви“. Что значать независящія обстоятельства для настоящихъ пророковъ, для великихъ подвижниковъ и страстотерпцевъ духа?.. Вѣщее слово избранныхъ людей, вынесенное ими изъ глубины сердца, явилось въ

міръ въ видѣ новой и грозной силы: какъ атмосферное возмущеніе, оно опрокидывало не только физическія слабыя преграды, но и болѣе тяжкія—психическіе устои рутины, низвергало даже ту всесильную „Dummheit“, противъ которой, по словамъ Гёте, тщетно борются сами боги. Совершалось великое чудо: миллионы „дрожащей твари“ людской приходили въ броженіе, заражались страстной печалью бѣдняковъ - пророковъ, и на многія сотни и тысячи лѣтъ грузный ходъ исторіи склонялся по новому, невѣдомому до того, пути“...

Авторъ опять увлекся. Въ христіанскомъ мірѣ, во все время его существованія, былъ только одинъ пророкъ, склонившій такимъ образомъ ходъ исторіи по новому пути; но и донныи христіанское челоувѣчество не смогло осуществить на дѣлѣ его ученій, въ обществѣ и государствахъ.

Впрочемъ, самъ г. Меньшиковъ спохватился, что, пожалуй, злоупотребилъ словомъ „пророкъ“ въ примѣненіи не къ Лютерамъ и Магометамъ, а къ русскимъ писателямъ. „Одно сопоставленіе зауряднаго литератора съ пророкомъ звучитъ забавно“. Но,—продолжаетъ онъ,— „это сопоставленіе древнее и принадлежит не мнѣ. Лучшіе изъ писателей охотно называли себя пророками; вспомните Пушкинскаго или Лермонтовскаго „Пророка“—оба они написаны какъ „Credo“ поэзіи. Совсе не кокетничая съ публикой и не рядясь въ театральныя тоги, какъ дѣлаютъ бездарности, великіе писатели вполне искренно считали себя носителями какой-то высшей воли, носителями „глагола, жгущаго сердца“, обладателями пророческаго „всевѣднѣя“. И эта несомнѣнная для нихъ истина и для насъ должна быть несомнѣнной... Да, это были истинные пророки, но, къ несчастію для общества, они *пророчествовали* не въ мѣру долга. Ни Пушкинъ, ни Лермонтовъ (можетъ быть, вслѣдствіе ранней смерти), не сосредоточили и малой доли дарованія на своихъ пророческихъ задачахъ. Они владѣли способностью прозрѣнія въ суть вещей, но добровольно или невольнo уклонялись отъ наиболѣе важныхъ интересовъ и отдавались менѣе важнымъ... Къ сожалѣнію, волшебный лучъ свѣта, исходящій изъ великаго сердца, блуждалъ въ пространствѣ безъ опредѣленной цѣли; онъ освѣщалъ не темныя пропасти, гдѣ гнѣздилося, изнывая, бѣдное челоувѣчество, а красивыя снѣговыя вершины, „гдѣ носились лишь туманы да царя-орлы“. Напрасно „безсмысленный народъ“ взывалъ къ поэту: „свой даръ, божественный посланникъ, на благо намъ употребляй, *сердца собратъевъ исправляй*“... Извѣстно, какую презрительную рѣчь отвѣчаетъ на это поэтъ (уже не юноша: ему было тогда 28 лѣтъ)... Это могучее стихотвореніе, излившееся изъ сердца (иначе оно не было бы такъ великолѣпно), было измѣною себѣ, отрицаніемъ своего пророчества, и хотя Пушкинъ не могъ не быть

благотворною силой, но значеніе его было несоразмѣрно меньше, чѣмъ могло бы быть. То же слѣдуетъ сказать и о Лермонтовѣ“. Оба поэта, по словамъ г. Меньшикова, чувствовали, что истинное призваніе художника-пророка есть проповѣдь чистыхъ ученій любви и правды, что заслуга есть пробужденіе лирой добрыхъ чувствъ,—„но именно сами Пушкинъ и Лермонтовъ этой заслуги и не оказали“:—такое служеніе любви и правдѣ не было выдающеюся чертой ихъ поэзіи.

Приведенныхъ цитатъ достаточно, чтобы показать взглядъ автора на долгъ и значеніе литературы. При всѣхъ неточностяхъ и преувеличеніяхъ, какія есть въ изложеніи этого взгляда, въ немъ есть глубокая нравственная правда, и указать ее, быть можетъ, въ особенности важно для нашей литературы. Сколько ни находить авторъ отталкивающихъ явленій въ литературѣ западной (откуда онъ переселяется частію и къ намъ), эта литература живетъ столь широкою и свободною жизнью, что тамъ можетъ найтись противовѣсъ въ лучшихъ сторонахъ общественной мысли. Наша литература крайне стѣснена условіями своего существованія,—и если къ намъ легко могли приходять и водворялись на русской почвѣ даже такія безсмыслицы, какъ декадентство, то несравненно труднѣе существовать тому возвышенному идеализму, о которомъ напоминаетъ книжка нашего автора. Не всегда правильно г. Меньшиковъ понимаетъ происхожденіе нынѣшняго положенія литературы и средства къ повышенію ея уровня,—но ея современные нравственные недостатки онъ опредѣляетъ вѣрно и, насколько дѣятели ея, участники въ ея испорченности, могутъ быть доступны убѣжденію, онъ старается объяснить давнюю истину, что съ словомъ надо обращаться честно.

Мы упомянули выше, какъ г. Меньшиковъ негодуетъ и скорбитъ, что литература превращается въ журналистику и падаетъ до репортерства. Онъ утверждаетъ далѣе, что въ современномъ реальномъ романѣ нѣтъ поэзіи и нѣтъ нравственнаго вдохновенія, а есть только разсудочное; цѣль натуралистическаго искусства есть дѣйствительность, а не идеалъ, и въ концѣ концовъ изображеніе однихъ уродствъ и ненормальностей жизни дѣйствуетъ на читателя, т.-е. на общество, удручающимъ и обезиливающимъ образомъ; бессильна становится сама литература. Современный романъ „обетшалъ“, и „для новаго пророческаго слова великій художникъ найдетъ вѣроятно новый языкъ“. Но причинъ измелчанія, по мнѣнію автора, бесполезно искать въ самой литературѣ: „литературное оскудѣніе есть лишь частный случай болѣе широкаго явленія—всеобщаго, хотя, вѣроятно, временнаго упадка духа въ современномъ европейскомъ обществѣ“. Но, замѣ-

тимъ опять, общество русское имѣть свои особыя нравственно-бытвые условія.

Убѣжденный, что „пророчество“, направленное къ общему нравственному благу, есть основная и истинная задача поэзіи, авторъ относится отрицательно къ ученіямъ о „чистомъ искусствѣ“.

„Литература есть искусство,—говоритъ авторъ,—а истинное искусство несомнѣнно свободно, какъ свободенъ источникъ его — чувство. Только жалкіе подражатели, ремесленники искусства работаютъ безъ свободнаго вдохновенія, безъ горячей страсти къ своей работѣ. Они рабы; они ждутъ указанія или урока...“

„Въ этомъ *внутреннемъ* смыслѣ искусство свободно; но эта свобода составляетъ лишь частный случай свободы, какъ необходимаго условія для всякаго творчества: научнаго, философскаго и моральнаго...“

„Геній свободенъ въ своемъ источникѣ, но *внѣшняя* свобода проявленій его не безгранична. Абсолютная свобода—понятіе безумное, и въ природѣ ея нѣтъ... „Wie der Vogel singt...“, да, но соловей не можетъ пѣть малиновкой или скворцомъ. Онъ поетъ лишь какъ соловей... Художникъ зависитъ отъ природы и души своей, и въ этомъ смыслѣ искусство не свободно. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ привычки различать естественные предѣлы жизни, и мы всегда страдаемъ—то избыткомъ, то недостаткомъ свободы.“

„Напримѣръ, первыми и самыми опасными нарушителями „святой свободы искусства“ являются... ея упорные защитники. Такъ называемые „чистые“ эстетики, по насмѣлкѣ судьбы, всего крѣпче и неумолимѣе связываютъ искусство. Съ настойчивой, но странной логикой они доказываютъ, что чистое, свободное искусство должно служить лишь двумъ цѣлямъ: красотѣ и любви. Всего двѣ цѣли. Но если *только* двѣ цѣли, то какая же это свобода? Если творческая мысль ограничивается разъ навсегда двумя мотивами, то не есть ли это ниспроверженіе свободы искусства и грубѣйшая изъ тенденціозностей?“

Авторъ напоминаетъ чистымъ эстетикамъ Гомера, „тенденціознѣйшаго изъ поэтовъ, если стать на точку зрѣнія педантовъ эстетики“, Данта, Шекспира, Гёте: „всѣ они служили не только любви и красотѣ, но и разнообразнѣйшимъ и глубокимъ общественнымъ настроеніямъ; всѣ они, сознательно или безотчетно, своимъ высокимъ духомъ удовлетворяли главной жадѣ своего вѣка: политической, нравственной, религіозной, философской. Все это настолько очевидно, что быть въ глаза даже совершенно окаменѣвшимъ жрецамъ „чистаго“ искусства“, и т. д.

Приведемъ еще одну, послѣднюю, цитату. Остановившаяся на современномъ упадкѣ литературы, превращающейся въ репортерство, авторъ говоритъ:

„...Тѣ юноши, которые почувствуютъ въ себѣ власть духа и обрекутъ себя на счастливую, хотя часто и подвижническую дорогу, должны нести къ центрамъ жизни не только талантъ и не только энергію. Есть нѣчто еще болѣе драгоцѣнное и даже болѣе могущественное: это—*совѣсть*“ ...—А. П.

— Герои и героическое въ исторіи. Публичныя бесѣды Томаса Карлейля. Переводъ съ англійскаго В. И. Яковенко. Съ портретомъ автора и статьей переводчика о Карлейлѣ. Второе удешевленное изданіе. Спб. 1898.

„Великіе люди,—говорилъ Карлейль на первыхъ страницахъ своей книги,—какимъ бы образомъ мы о нихъ ни толковали, всегда составляютъ чрезвычайно полезное общество. Даже при самомъ поверхностномъ отношеніи къ великому человѣку, мы все-таки выигрываемъ кое-что отъ соприкосновенія съ нимъ. Онъ—источникъ жизненнаго свѣта, близость котораго всегда дѣйствуетъ на человѣка благотвѣтельно и пріятно. Это—свѣтъ, озаряющій міръ, свѣтъ, освѣщавшій тьму міра; это—не просто возженный свѣтильникъ, а скорѣе—природное свѣтило, сіяющее какъ даръ неба; источникъ природной, оригинальной прозорливости, мужества и героическаго благородства, распространяющій всюду свои лучи, въ сіяніи которыхъ всякая душа чувствуетъ себя хорошо“. Это и было основаніе, которое побудило Карлейля къ изученію роли героевъ въ исторіи.

Книга Карлейля давно была замѣчена въ нашей литературѣ,—и если до послѣдняго времени онъ не встрѣчалъ русскаго переводчика, причиной этому было, безъ сомнѣнія, то, что наша литература до сихъ поръ мало доступна для мужественной и прямой рѣчи европейскихъ мыслителей. Къ ихъ числу принадлежитъ и Карлейль. Второе изданіе „Героевъ“ показываетъ, что русскіе читатели сжумѣли оцѣнить этого оригинальнаго философа.

Въ началѣ своего предисловія г. Яковенко указываетъ, что было до сихъ поръ говорено о Карлейлѣ въ нашей литературѣ, и обрушивается на г. Карѣва, который въ своей книгѣ о „сущности историческаго процесса“ отнесся отрицательно ко взглядамъ Карлейля на значеніе героевъ въ исторіи; г. Карѣвъ находилъ, что взглядъ англійскаго историка не выдерживаетъ критики и противорѣчитъ новѣйшимъ понятіямъ объ этомъ предметѣ. Переводчикъ Карлейля въ негодованіи называетъ разборъ г. Карѣва „педантически-безжизненнымъ“ и указываетъ, что „въ Англии о Карлейлѣ, какъ историкѣ, думаютъ иначе“, и приводитъ отзывы Морлея, Стюарта Милля и Гарнетта (объ „Исторіи французской революціи“).

У насъ нѣтъ подъ рюбами упомянутой книги г. Карѣва, но, сколько можно видѣть изъ самыхъ обличеній, рѣчь идетъ здѣсь о совсѣмъ разныхъ вещахъ: г. Карѣвъ говорилъ только о героической теоріи Карлейля и не имѣлъ въ виду его чисто историческихъ сочиненій. Но въ первомъ случаѣ г. Яковенко, обличая г. Карѣва, ничего не доказалъ. Взглядъ, изложенный г. Карѣвымъ, не есть только его исключительный взглядъ, и чтобы вполнѣ опровергнуть отрицательное мнѣніе о героической теоріи, надо было обратиться къ европейской историографіи, къ которой взгляды г. Карѣва примыкаютъ, и, напр., нѣмецкая критика судила о взглядахъ Карлейля еще суровѣе,—туда бы и слѣдовало г. Яковенку въ своей защитѣ Карлейля обратить свои опроверженія,—притомъ нѣсколько болѣе вооружившись. Въ самой русской литературѣ г. Яковенко могъ бы найти и еще примѣръ недоувѣрія въ героической теоріи, напр. у г. Милюкова, который, упоминая Карлейля, считаетъ, что принимать историческій процессъ за созданіе личныхъ усилій героевъ есть „обманъ зрѣнія“ (Очерки ист. р. культуры, I, стр. 17).

Но, хотя бы теорія Карлейля была ошибочной или недостаточной, это не мѣшаетъ его книгѣ имѣть великій интересъ. Самъ переводчикъ признаетъ дальше, что вопросъ о значеніи „героевъ“ остается спорнымъ, но онъ справедливо замѣчаетъ, что, несмотря на то, „Карлейль вліяетъ самымъ благотворнымъ образомъ въ смыслъ подъема нравственнаго самочувствія, что, проникая въ самое сердце человѣка, онъ заставляетъ его страхнуть съ себя апатію, отрѣшиться отъ жалкаго прозябанія и, вопреки всему, устраивать свою жизнь сообразно своимъ убѣжденіямъ. Если онъ не сумѣетъ убѣдить васъ въ правильности своихъ воззрѣній, то во всякомъ случаѣ онъ заронитъ въ ваше сердце искру божественнаго огня, искру немилцебрнаго стремленія къ правдѣ въ своей жизни“. Мы желали бы согласиться съ мнѣніемъ переводчика, что для насъ, русскихъ, особенно въ настоящую пору, Карлейль „можетъ имѣть такое же значеніе, какое онъ имѣлъ для англичанъ въ свое время“, или даже до сихъ поръ имѣть. А именно, Карлейль имѣлъ, между прочимъ, на лучшихъ людей англійской литературы глубокое вліяніе въ выработкѣ ихъ нравственнаго и общественнаго мировоззрѣнія. Но для этого прежде всего было нужно, чтобы писатель былъ извѣстенъ въ русской литературѣ сполна; мы не увѣрены, возможно ли это и въ настоящее время — прежде это было невозможно.

Но это вліяніе можетъ дѣйствовать только при условіи извѣстной подготовки. Самъ Стюартъ Милль, слова котораго приводитъ г. Яковенко, замѣчаетъ, что далеко не сразу умѣлъ понять этого „поэта и созерцательнаго мыслителя“. „Карлейль, — говоритъ еще перевод-

чикъ,—это англійскій Руссо по силѣ своихъ чувствъ и страстей, а по глубинѣ своей мысли онъ выше Руссо. Но своеобразная манера писать и его языкъ долго служили камнемъ преткновенія для широкаго распространенія его сочиненій. Всякому, кто въ первый разъ читаетъ его, приходится дѣлать надъ собой нѣкоторое усиліе, пока онъ не освоится съ этимъ языкомъ и не научится цѣнить его особенностей“. Должно прибавить, что Карлейль и вообще нуждается въ объясненіи: его „вѣрующій радикализмъ“ переходилъ, наконецъ, въ настроеніе совсѣмъ реакціоннаго свойства.

Въ предисловіи не лишними были бы хотя краткія біографическія свѣдѣнія. Заглавіе книги напрасно не передано въ точности; книга называется „О герояхъ и поклоненіи героямъ“. Русская литература о Карлейль указана не сполна.

— Р. Гаймъ. Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ. Описаніе его жизни и характеристика. Переводъ съ нѣмецкаго. Приложеніе. Вильгельмъ ф. Гумбольдтъ: О границахъ дѣятельности государства. М. 1899. Изданіе К. Т. Солдатенкова.

Вильгельмъ Гумбольдтъ—еще великое имя, мало знакомое въ нашей литературѣ. У насъ извѣстно, если не ошибаемся, только одно его сочиненіе: „О различіи строя человѣческаго языка“ (*Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues*), переведенное нѣкогда Биларскимъ въ интересъ филологовъ. Въ нѣмецкой наукѣ и литературѣ это — одно изъ знаменитѣйшихъ именъ въ періодъ съ конца прошлаго столѣтія и до половины нынѣшняго: Гумбольдтъ (1767—1835) былъ знатокъ классической древности, эстетикъ, филологъ, государственный дѣятель и мыслитель, наконецъ—поэтъ. Это былъ одинъ изъ характерныхъ представителей могущественнаго движенія, которое совершалось тогда въ германской національной жизни, когда въ поэзій дѣйствовали Гёте и Шиллеръ, въ философіи—Кантъ и его современники, въ изученіи классическаго міра—школа Гейне и Фридриха Августа Вольфа и ихъ преемниковъ, и когда настойчивый критическій анализъ сталъ неизмѣннымъ свойствомъ нѣмецкой науки и, переживъ метафизическія увлеченія, сталъ основой ея богатаго развитія. Кромѣ этой стороны, тогдашнее движеніе имѣло и другую сторону—выработку нравственнаго идеала и характера: ставился вопросъ объ идеальной, все-сторонне развивающейся личности и переходилъ наконецъ на вопросъ объ обществѣ и государствѣ. Личность и дѣятельность В. Гумбольдта представляетъ особенный интересъ въ исторіи этого движенія какъ по силѣ его ума и дарованія, такъ и по разнообразію тѣхъ областей науки, поэзій и политической жизни, какимъ онъ посвящалъ свой

трудъ и изученіе. Біографія Гайма есть въ особенности исторія его внутренняго развитія и его идей.

Трактатъ Гумбольдта „О границахъ дѣятельности государства“, написанный еще въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія, извѣстенъ былъ тогда лишь въ небольшихъ отрывкахъ и изданъ былъ въ полномъ составѣ (за исключеніемъ нѣсколькихъ затерявшихся страницъ) только въ 1851. Онъ очень любопытенъ, какъ одинъ изъ первыхъ опытовъ научнаго построенія новой теоріи государства, которой, по идеямъ Гумбольдта, предстояло развиваться взаимнѣ стараго государства, создававшаго безконечную регламентацію и опеку. Раннее сочиненіе Гумбольдта было протестомъ противъ этой опеки, не оставлявшей обществу никакой свободы движенія, и защитой общественной самостоятельности и самаго человѣческаго достоинства.

Гаймъ уже достаточно извѣстенъ въ нашей литературѣ какъ историкъ и біографъ: переведены его книги о Гегелѣ и Гердерѣ, о романтической школѣ; въ томъ же стилѣ написана и біографія В. Гумбольдта. Изложеніе его—довольно тяжеловѣсно; онъ не даетъ ни широкой картины той сцены, на которой совершалась исторія лица, ни живыхъ портретовъ, но внимательно слѣдитъ за развитіемъ идей своего героя, его философскихъ и поэтическихъ интересовъ, и обиліе деталей мѣшаетъ цѣльному впечатлѣнію. Есть еще неудобство, которое встрѣчаетъ русскій читатель: Гаймъ считаетъ, конечно, упоминаемыя имъ лица и событія нѣмецкой жизни совершенно извѣстными нѣмецкому читателю, — между тѣмъ какъ русскому они нерѣдко извѣстны мало. Намъ кажется, что переводчикъ очень содѣйствовалъ бы пользѣ своего труда, еслибы въ подобныхъ случаяхъ дополнялъ текстъ хотя краткими примѣчаніями.

Собственныя имена переводчикъ иногда прямо ставитъ по-нѣмецки или по-французски: это совсѣмъ напрасно цестрить текстъ, и въ случаѣ надобности можно просто ставить иностранное написаніе въ скобкахъ. Къ сожалѣнію, у насъ очень распространена эта дурная манера. Напр. въ предисловіи переводчика къ трактату „О границахъ дѣятельности государства“: онъ былъ изданъ „привать-доцентомъ Сауер'омъ“; „въ основаніе Сауер'овскаго изданія“; „см. введеніе Сауер'а къ изданію“. Неужели русское письмо не въ состояніи передать имени этого Кауэра?—иначе, для послѣдовательности, нужно писать: „сочиненіе Humboldt'a“, „Schiller'овская драма“, „письмо къ Stein'y“ и т. д.!

— Жизнь и творчество крестьян Харьковской губерніи. Очерки по этнографіи края. Подъ редакціей В. В. Иванова. Изданіе Харьковскаго губернскаго статистическаго Комитета. Томъ I. Харьковъ, 1898.

Въ Харьковѣ идетъ вообще весьма дѣятельная работа по историческому и этнографическому изученію края. Не мало подобныхъ трудовъ находятъ мѣсто въ изданіяхъ университетскихъ и затѣмъ въ изданіяхъ Статистическаго комитета, какъ напр. „Календарь“ съ его приложеніями, гдѣ помѣщено, между прочимъ, много этнографическаго матеріала.

Новое изданіе Комитета названо нѣсколько громко; второе заглавіе объясняетъ, какое здѣсь разумѣется „творчество“: это народная поэзія и бытовая обычай. Заглавіе, однако, не точно, потому что и эта поэзія и обычай принадлежатъ творчеству не однихъ крестьянъ харьковской губерніи, а всего больше творчеству цѣлаго малорусскаго (частію и великорусскаго) племени.

Книга представляетъ большой томъ, болѣе тысячи страницъ, и произошла, какъ читаемъ въ предисловіи редакціи, слѣдующимъ образомъ:

„Запросы жизни и науки побудили Харьковскій губернскій статистическій Комитетъ приступить къ собиранію матеріаловъ по этнографіи и отдѣльно по обычному праву харьковскаго края. Полагая, что изученіе народной жизни доступнѣе тѣмъ интеллигентнымъ силамъ, которыя посвятили себя обученію подрастающаго населенія, Харьковскій статистическій Комитетъ обратился къ народнымъ учителямъ и учительницамъ съ предложеніемъ заняться изученіемъ народного быта и собираніемъ памятниковъ народнаго творчества. Попытка сплошнаго этнографическаго описанія губерніи, предпринятая Харьковскимъ статистическимъ Комитетомъ, при содѣйствіи народныхъ учителей и учительницъ, увѣчалась полнымъ успѣхомъ“.

Вышедшій теперь первый томъ заключаетъ въ себѣ сообщенія только по одному, старобѣльскому, уѣзду харьковской губерніи. Редакція сборника заявляетъ свою благодарность бывшему инспектору народныхъ училищъ этого уѣзда, г. Ознобишину, который поощрялъ учительскій персоналъ уѣзда къ этому труду, объясняя важность предпринимаемой работы для науки. Въ книгѣ собрано до пятидесяти частныхъ этнографическихъ описаній по селамъ и деревнямъ, и этимъ описаніямъ предпослана общая статья редактора изданія, г. Иванова: „Современная деревня харьковской губерніи“, гдѣ авторъ останавливается въ особенности на экономическомъ состояніи населенія, на земельныхъ отношеніяхъ, формахъ труда, выдѣленіи болѣе зажиточной части жителей въ особый классъ, на положеніи общиннаго владѣ-

дѣнія. Прибавимъ, что кромѣ этого сборника вышло подъ редакціей г. Иванова особое изслѣдованіе по обычному праву у крестьянъ харьковской губерніи (два выпуска).

Въ руководство мѣстнымъ этнографамъ дана была краткая программа, простое оглавленіе тѣхъ предметовъ народнаго быта, которые требовали описанія. Статьи получились вообще весьма любопытныя и вѣроятно точныя: предметъ описанія былъ постоянно на виду, и авторы могли говорить съ полнымъ знаніемъ дѣла. Содержание статей очень разнообразно, касаясь всѣхъ сторонъ крестьянской жизни: численность и наружность жителей, инородческія примѣси; языкъ, мѣстные слова; малоруссы и великоруссы и ихъ взаимныя отношенія; жилища, одежда, пища; формы труда—земледѣіе, кустарные промыслы и т. д.; бытъ внутренній—состояніе народа религиозное, умственное, нравственное; обычаи, обряды при разныхъ случаяхъ семейнаго быта, при церковныхъ и народныхъ праздникахъ и т. п.; повѣрья и суевѣрья, заговоры, пѣсни, сказки, мѣстные преданія и проч. Описанія неравномѣрны; большею частію онѣ сжаты, но тѣмъ не менѣе богаты фактами; одно, описаніе слободы Бѣло-Куракина, составленное г. Шинкаревымъ, занимаетъ цѣлыя сотни страницъ (349—489, 641—730) и, между прочимъ, любопытно по сообщеннымъ здѣсь преданіямъ о давнемъ владѣльцѣ этой слободы, князѣ Александрѣ Бор. Куракинѣ; преданія—полу-фантастическія (харьковская деревня рассказываетъ о парижской жизни), но заслуживаютъ вниманія историковъ этого княжескаго рода. Другое обширное описаніе, слободы Никольскаго, составлено гг. Калашниковыми. Разнообразный матеріалъ, рѣдко гдѣ собранный въ такомъ количествѣ изъ одной мѣстности, представляетъ множество подробностей для этнографическаго опредѣленія современнаго быта, а съ другой стороны, для исторіи народнаго преданія. Таково множество новыхъ пѣсень; любопытныя заговоры изъ понынѣ дѣйствующей практики вѣдуновъ и знахарокъ; полу-языческія молитвы и заклинанія, гдѣ между прочимъ достигаютъ до нашего времени древнія „живыя молитвы“; оригинальные мѣстные рассказы.

Населеніе харьковской губерніи смѣшанное. Къ основному малорусскому прибавляется—повидимому все въ возрастающей степени—пришлое населеніе великорусское. Объ ихъ отношеніяхъ г. Ивановъ (къ сожалѣнію, напрасно пишущій манернымъ языкомъ; авторъ хочетъ дѣлать его оригинальнымъ—но дѣлаетъ ухищреннымъ и неяснымъ) говоритъ: „Традиціонная вражда между „хоклами“ и „москалями“, коренное различіе ихъ бытовыхъ устоевъ начинаетъ сдвигаться. Эти „совсѣмъ разные народы“, столько лѣтъ живущіе бокъ-о-бокъ за своими „національными стѣнами“, начинаютъ „переглядыва-

ваться“, оказывать обоюдное вліяніе. Уравниваетъ ихъ общее теченіе жизни помимо ихъ воли. „Крутая“ рѣчь хохла дѣлается предметомъ насмѣшки со стороны хохловъ же „жупаныкивь“ (людей болѣе зажиточныхъ). „Русскіе“ начинаютъ употреблять хохлацкія выраженія, вводятъ въ свою жизнь хохлацкіе обычаи. Представители разныхъ національностей еще мало „берущца“ (заключаютъ браки); хохоль не женится на „московкѣ“, такъ какъ она „кислая“; но русскіе, особенно изъ богатыхъ, уже берутъ хохлушекъ. Презніе кочевники-промышленники изъ русскихъ осѣдаютъ въ хохлацкихъ селеніяхъ и принимаются въ общество... Обычаи слабо „пересаживаются“; но характерные обычаи временемъ разлагаются; костюмы не перенимаются, но національная одежда, сильно мѣшавшая слянію,—эти „плахты“, „запаски“, эти „сарафаны“, „юпки“—исчезаютъ подъ напоромъ болѣе дешеваго фабричнаго ситца. „Русскій“ устойчивѣе хохла: „москаля хоть въ росѣли варі, все винь, стѣрво, москаль“. Но у мѣстныхъ москалей замѣчается уже „выщелачиваніе“ (?) національныхъ особенностей. Выработывается нѣчто нейтральное, общее... Но въ частныхъ описаніяхъ приводится не мало данныхъ, которыя свидѣтельствуютъ, что племенная отчужденность еще довольно сильна и понынѣ. Такъ, въ описаніи Никольской слободы читаемъ, что мѣстные крестьяне „относятся къ великороссамъ недовѣрчиво и боязливо, считаютъ ихъ хитрыми, лукавыми, лѣнливыми, злыми и мстительными“, избѣгаютъ имѣть съ ними какое-нибудь дѣло; русскіе, съ своей стороны, „считаютъ малоросса грубымъ, упрямымъ и глуповатымъ“, „всегда стараются обмануть хохла, выпросить у него что-нибудь и вообще поживиться на его счетъ, за что послѣ смѣются надъ нимъ“. Обѣ стороны надѣляются другъ друга насмѣшливыми или ругательными прозвищами и рассказываютъ соответственные исторіи.

Мысль Харьковскаго Комитета собрать эти этнографическія описанія была дѣйствительно счастливая; надо только желать, чтобы изданіе было доведено до конца. Можно было бы также пожелать, чтобы харьковское предпріятіе послужило и для другихъ статистическихъ комитетовъ примѣромъ полезнаго и удобоисполнимаго дѣла: масса описаній, которая получилась бы этимъ путемъ, была бы богатымъ источникомъ не только этнографическихъ, но и социологическихъ изученій.—Т.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, въ Редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Аллу и Шето, адвокат.—Великіе адвокаты XIX вѣка, съ предисл. Ж. Симона. Перев. В. Быховскаго. Вып. 1-й, съ портретами. М. 98. Стр. 120. Ц. 75 к.

Аминторъ, фонъ.—За правду и за честь женщины. Сis-moll соната. Противъ „Крейцеровой сонаты“ Л. Н. Толстого. Переводъ съ нѣмецкаго М. Камыкова. Изданіе второе. Спб. 98. Стр. 104. Ц. 50 к.

Анненковъ, К.—Система гражданскаго права. Т. I. Введеніе и Общая часть. Изд. 2-е. Спб. 99. Стр. 672. Ц. 4 р.

Аттенская, А. Н.—Зимніе вечера. Разсказы для дѣтей. Изд. 4-е. Спб. Стр. 532. Ц. 2 р.

Архангельскій, А.—Есть лекціямъ по исторіи русской литературы. Программа лекцій съ указаніемъ источниковъ и пособій. вмѣсто введенія. I. Памятники устного народнаго творчества. Казань. 98. Стр. 38. Ц. 30 к.

Барятинскій, К. С.—Чудныя Ночи. Рождественскіе и пасхальныя разсказы и очерки. М. 99. Стр. 123. Ц. 45 к.

Блиновъ, свящ. Николай.—Языческій культъ Вотяковъ. Вятка, 98. Стр. 103. Ц. 30 к.

Бородина, Н.—Рыболовство и рыбный промыселъ въ западной Европѣ и Сѣверной Америкѣ. Ч. I: Рыболовство. Съ 106 чертеж. и рис. Спб. 98. Стр. 276. Ц. 1 р. 50 к.

Брандесъ, Г.—Литература XIX вѣка въ ея главнѣйшихъ теченіяхъ. Англійская литература. Перев. съ нѣм. М. Юшнина. Спб. 98. Стр. 340. Ц. 75 к.

Бульверъ-Литтонъ, Эд.—Ріецци, послѣдній изъ римскихъ трибуновъ. Перев. съ англ. С. Гулишамбаровою. Спб. 99. Стр. 518. Ц. 1 р.

Венеровъ, С. А.—Русскія книги, съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ. Вып. XXIX: Вычковъ-Вѣлоруссовъ. Спб. 98. Стр. 385—432. Ц. 35 к.

Вознесенскій, В.—Гидрогеологическія изслѣдованія въ Александровскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи. Спб. 98. Стр. 341.

Гаймъ, Р.—Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ, описаніе его жизни и характеристика. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе К. Т. Солдатенкова, М. 99. XIII, 529; VIII, 166 стр. Ц. 3 р.

Горбовъ, М. А.—Дантъ Алигьери. Божественная Комедія, часть вторая Чистилище. Перев. съ итальян., съ объясненіями и примѣчаніями. М. 98. Стр. 765.

Гофманъ, полковн.—Школа артиллерійскаго солдата. Ч. I: Книжка учителя молодыхъ солдатъ, канонира и вѣдоваго. Изд. 2-е. Спб. 98. Стр. 233.

Гюйо, М.—Собраніе сочиненій. Т. I: Исторія и критика современныхъ англійскихъ ученій о нравственности. Перев. Н. Южина. Спб. 98. Стр. 458.

Данилевскій, К. Л.—Управляемый летательный снарядъ. Харьк. 98.

Долановичъ, Анна.—Пчелиный домикъ. Повѣсть изъ жизни пчелъ. Съ рис. М. 98. Стр. 79. Ц. 40 к.

Дюковъ, д-ръ, Е.—За и противъ гомеопатіи. Харьк. 98. Стр. 103. Ц. 50 к.

Ермоловъ, В. Е.—Нашъ родной учитель. К. Д. Ушинскій. Біограф. очеркъ, съ портр. и рис. М. 99. Стр. 66. Ц. 20 к.

Еропкинъ, А. В.—Рязскій уѣздъ. Изслѣдованіе по нѣкоторымъ податнымъ вопросамъ надѣльнаго землевладѣнія. Рязскъ, 98. Стр. 114.

Заволжская, д-ръ, Юл. И.—Школьная гигиена. Съ 10 рис. Спб. 98. Стр. 176.

Ивановъ, В. В.—Жизнь и творчество крестьянъ Харьковской губерніи. Очерки по этнографіи края. Томъ I. Харьковъ, 1898. XXXII и 1012 стр. Ц. 2 р.

—— Обычное право крестьянъ Харьковской губерніи. Вып. 3. Харьковъ, 98. Стр. 240. Ц. 75 к.

- Ивнивъ*, А.—Друзья дѣтей. Сборникъ разсказовъ. М. 98. Стр. 74. Ц. 40 к.
 ——— Въ городѣ и деревнѣ. Сборникъ разсказовъ для дѣтей. М. 98. Стр. 54. Ц. 20 к.
- Ильинъ*, Влад.—Экономическіе этюды и статьи. Спб. 99. Стр. 290. Ц. 1 р. 0 коп.
- Инфантьевъ*, П. П.—Путешествія къ гѣснымъ людямъ. М. 98. Стр. 64.
- Канторовичъ*, Я. А.—Законы о бракѣ и разводѣ. Сборникъ постановленій дѣйствующаго законодательства, относящихся къ союзу брачному и расторженію брака, съ прилож. свода разъясненій по кассационнымъ рѣшеніямъ Сената. Спб. 99. Стр. 285. Ц. 1 р. 25.
- Карлейль*, Томасъ.—Герои и героическое въ исторіи. Публичныя бесѣды. Переводъ съ англійскаго, В. И. Яковенко. Съ портретомъ автора и статьей переводчика о Карлейлѣ. Спб. 98. Стр. 340. Ц. 1 р.
- Клоддъ*, Э.—Исторія первобытныхъ людей. Съ 38 рис. Перев. съ англ. М. Д. Энгельгардта. Спб. 98. Стр. 154. Ц. 40 к.
- Контъ*, Огюстъ.—Положительная философія, въ изложеніи д-ра Робине. Перев. съ франц. В. Предтеченскій. Спб. 98. Стр. 133. Ц. 50 к.
- Коркуновъ*, Н. М.—Русское государственное право. Т. I: Введеніе и общая часть. Изд. 3-е. Спб. 99. Стр. 573. Ц. 3 р.
- Коршъ*, В. Ф.—Всеобщая исторія литературы. Составлена по источникамъ и новѣйш. изслѣдованіямъ. Спб. 1880. Стр. 161—320.
- Котляревскій*, Н.—Міровая скорбь въ концѣ прошлаго и въ началѣ нашего вѣка. Спб. 98. Стр. 360. Ц. 2 р.
- Бруновъ*, А. В.—Маленькимъ читателямъ. Разказы въ прозѣ и стихахъ для дѣтей младшаго возраста. Съ рис. М. 98. Стр. 47. Ц. 35 к.
 ——— Новая авѣзочка. Три разсказа. М. 98. Стр. 46. Ц. 25 к.
- Лавриюла*, Антолю.—Къ вопросу о матеріалистическомъ взглядѣ на исторію. Переводъ съ франц. Спб. 98. Стр. 95. Ц. 50 к.
- Лавриновичъ*, Ю. Н. (Надеждинъ).—Съѣздъ начальниковъ промышленныхъ училищъ. Спб. 98. Стр. 45. Ц. 30 к.
- Лансонъ*, Г.—Исторія французской литературы. XVII вѣкъ. Перев. съ франц. З. Венгеровой. Спб. 99. Стр. 257. Ц. 1 р.
 ——— XVIII вѣкъ. Перев. съ франц. П. О. Морозова. Спб. 99. Стр. 230. Ц. 1 р.
- Лисачева*, Е.—Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи. 1086—1856 гг. Въ трехъ частяхъ. Удостоено Имп. Академіею Наукъ почетнаго отсыва. Спб. 99. Ц. 3 р.
- Мельшицъ*, Л.—Въ мірѣ отверженныхъ. Записки бывшаго каторжника. Т. II. Спб. 99. Стр. 402. Ц. 1 р. 50 к.
- Мушкинъ*, В. Ф.—Очеркъ магометанскаго права наследованія. Спб. 98. Стр. 236.
- Орловъ*, Е.—Александръ Македонскій и Юлій Цезарь, ихъ жизнь и военная дѣятельность. Съ портр. Спб. 98. Стр. 96. Ц. 25 к.
 ——— Демосеенъ и Цицеронъ, ихъ жизнь и дѣятельность. Спб. 98. Стр. 88. Ц. 25 к.
- Переферковичъ*, Н.—Что такое Шуханъ-Арухъ? Къ освѣщенію еврейскаго вопроса. Спб. 99. Стр. 225. Ц. 1 р. 30 к.
- Потяковъ*, Н. И.—Въ лучшіе годы. Собраніе стихотвореній. Изд. 2-е. Спб. 98. Стр. 256.

- Полыновскій, М. Б.*—Искорка. Юмористическія и сатирическія стихотворенія. 2-е изд. Од. 98. Стр. 107. Ц. 30 к.
- Порозовская, Б. Д.*—Мартинъ Лютеръ, его жизнь и реформаторская дѣятельность. Спб. 98. Стр. 112. Ц. 25 к.
- Раухфусъ, К. А.*—Успѣхи примѣненія противодифтерійной сыворотки въ Россіи. Спб. 98. Стр. 136.
- Ревилль, проф., Альбертъ.*—Какъ я повѣрилъ въ невиновность Дрейфуса. Перев. съ франц. Я. Билибина. Од. 98. Стр. 47. Ц. 25 к.
- Рибо, Т.*—Эволюція общихъ идей. Перев. съ франц. М. Гольдсмитъ. Спб. 98. Стр. 210. Ц. 60 к.
- С., Л.*—Основные вопросы воспитанія, по сочиненіямъ Пирогова. Съ его портретомъ. Спб. 99. Стр. 32. Ц. 25 к.
- Сабатье, А.*—Жизнь и смерть. Перев. съ франц. В. Обресимова. Спб. 98. Стр. 201. Ц. 75 к.
- Саммурскій, Н.*—Краткій очеркъ римскихъ древностей. Изд. 2-е, съ планомъ Рима и 185 рис. въ текстѣ. Спб. 99. Стр. 190. Ц. 1 р. 50 к.
- Сениловъ, І. П.*—Коммерческій Словарь. Спб. 98. Стр. 298. Ц. 2 р.
- Сеньюбосъ, Ж.*—Политическая исторія современной Европ. 1814—1896 г. Перев. съ франц. и р. проф. А. Трачевскаго, съ предисловіемъ автора, написаннымъ для русской публики. Спб. 98. Стр. 866. Ц. 1 р. 50 к.
- Сидней Веббъ.*—Положеніе труда въ Англіи за послѣднія 60 лѣтъ. Спб. 99. Стр. 32. Ц. 15 к.
- Смирновъ, В. Д.*—Герценъ, его жизнь и литературная дѣятельность. (Жизни замѣчательныхъ людей, Ф. Павленкова). Спб. 98. Стр. 160. Ц. 25 к.
- Соколовъ, Е. Ѳ.*—Положеніе начальнаго народнаго образованія въ Тобольской губерніи за 1896—97 учебный годъ. Тоб. 98. Стр. 34.
- Спенсеръ, Г.*—Хорошее и дурное поведеніе. Съ англ. Спб. 99. Стр. 122. Ц. 50 к.
- Тэнь, Маркъ.*—Эскизы, I—III. Перев. и р. И. Ф. Василевскаго (Буква). Изд. журн. „Стрекоза“. Спб. 98. Съ рис.
- Тиндаль, Дж.*—Уроки по электричеству. Съ англ. перев. Е. Прядтеченскій. Съ рис. Спб. 98. Стр. 143. Ц. 50 к.
- Тиченеръ, З. Б.*—Очерки психологіи. Перев. съ англ. М. Чепинской. Спб. 98. Стр. 286. Ц. 1 р.
- Трайль, І. Д.*—Общественная жизнь Англіи, отъ древнѣйшаго періода до настоящаго времени. Т. V: Отъ водаренія Георга I до битвы при Ватерлоо. Перев. съ англ. П. Николаева. М. 98. Стр. 544. Ц. 2 р. 50 к.
- Тэнь, Ип.*—В. Шекспиръ. Перев. съ франц. Од. 98. Стр. 92. Ц. 15 к.
- Филиттовъ, М. М.*—Историческія повѣсти. Спб. 98. Стр. 240. Ц. 1 р.
- Фулле, А.*—Психологія французскаго народа. Переводъ съ франц. Н. Кончевской. Спб. 99. Стр. 310. Ц. 1 р.
- Цертели, Е.*—Елена Іоанновна, великая княгиня литовская, русская, королева польская. Биографическій очеркъ въ связи съ исторіей того времени. Въ пользу Об-ва вспоможенія окончившимъ курсъ на с.-петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ. Спб. 98. Стр. II и 356. Ц. 1 р. 50 к.
- Циельбротъ.*—Нервность нашего времени, причины ея и средства къ устраненію. Переводъ Н. У. Спб. 98. Стр. 80. Ц. 25 к.
- Чепинскій, В.*—Вашингтонъ, его жизнь, военная и общественная дѣятельность. Съ портр. Спб. 98. Стр. 96. Ц. 25 к.
- Штейнгауеръ, И.*—Слово и слогъ. Учебное руководство къ постепенному

изученію русскаго языка. Вып. 1-й: Букварь и первая книга для чтенія, съ образцами рисованія по сѣткѣ, письменными упражненіями, матеріаломъ для чтенія и картинками въ текстѣ. Изд. 3-е. Спб. 98. Стр. 108. Ц. 25 к.

Юзефовича, Б.—Основы самопознанія. Философскій очеркъ для юношества. Кіевъ. 98. Стр. 91. Ц. 40 к.

Юревича, Г. Я.—Сборникъ арифметическихъ задачъ для начальныхъ училищъ. Ч. I и II. Спб. 99. Стр. 70 и 80. Ц. по 10 к.

Эстимасъ, А.—Соціальная жизнь животныхъ. Перев. съ франц. Ф. Павленковъ. Изд. 2-е. Спб. 98. Стр. 319. Ц. 1 р.

Cossa, Luigi, prof. à l'Université de Pavie. Histoire des doctrines économiques. Avec une préface de A. Deschamps, prof. agrégé à la Faculté de droit de l'Université de Paris. P. 99. Стр. XII + 574. Ц. 10 фр.

Lurys, Dr. Alexis.—Der eherne Reiter. Eine petersburger Erzählung von A. S. Puschkin. Deutsch, nebst Puschkin's Vorwort und Anmerkungen, sowie Anmerkungen Vor- und Nachwort des Uebersetzers. Leipz. 98. Стр. 125.

— Les calomnieurs de la Russie, par A. S. Pouchkine. Traduit du russe. St.-Pét. 94. Стр. 14.

— Einige Worte über A. S. Puschkin, seine deutschen Uebersetzer und deutschen Kritiker. Eine Erwiderung. Спб. 98. Стр. 22.

Petrinjensis, Dr.—Bosnien und das Kroatische Staatsrecht. Eine historisch-juridische Studie. Agram. 98. Стр. 261.

Piotrowski, St.—Niemy o Niemcach. Warszawa. 99. Стр. 63.

— Изданіе Историческаго Общества при Имп. Московскомъ университетѣ. Рефераты, читан. въ 96—97 гт. Т. II. М. 98. Стр. 408.

— Литературный Сборникъ „Волжскаго Вѣстника“. Каз. 98. Стр. 464. Ц. 1 р. 50 к.

— Маленькая Антологія. № 18: Поэты Финляндіи и Эстляндіи. Изд. п. р. Н. Невича. Спб. 98. Стр. 159. Ц. 50 к.

— Медицинскій отчетъ по вѣдомству императрицы Маріи за 1895—96 г. Спб. 98. Стр. 414.

— Отчетъ по Главному тюремному управленію за 1896 г. Спб. 98. Стр. 170 in 4°.

— Отчетъ по Лѣсному Управленію Министерства Земледѣлія и Госуд. Имуществу, за 1897 годъ. Спб. 98. Стр. 151, съ прилож. вѣдомостей.

— Программы чтенія для самообразования. 3-е изд. Спб. 99. Стр. 251. Ц. 40 к.

— Рецензія народныхъ изданій по медицинѣ и гигиенѣ. Труды Комиссіи по распространенію гигиеническихъ знаній въ народѣ. М. 98. Стр. 93. Ц. 50 к.

— Русскій торговый флотъ къ 1 января 1898 г. Спб. 98. Стр. 63.

— Сборникъ статей въ помощь самообразованію по математикѣ, физикѣ, химіи и астрономіи, составленныхъ кружкомъ преподавателей. Вып. IV. М. 98. Стр. 297—606. Ц. 1 р. 20 к.

— Сборникъ статей по вопросамъ, относящимся къ жизни русскихъ и иностранныхъ городовъ. Вып. VIII. М. 98. Стр. 128.

— Статистическія свѣдѣнія по начальному образованію въ Россійской Имперіи за 1896 годъ. Изд. Департамента Мин. Народ. Просвѣщенія. Спб. 98. Стр. 277, съ общими сводами и приложеніями.

— Торгово-промышленная Россія. Справочная книга для купцовъ и фабрикантовъ, составл. п. р. А. А. Блау, начальника Статистич. Отдѣл. Департамента Торговли и Мануфактуръ Министерства Финансовъ. Спб. 99. Столб. 2.763, съ Алфавитн. Указ. фамилій и фирмъ и картою пароходныхъ сообщеній, желѣзн. и почтов. дорогъ Росс. Имп. Ц. 10 руб.

НОВАЯ КНИГА Г-на О. ЕЛЕНЕВА

И ПОПРАВКИ КЪ НЕЙ.

— Чего достигли и чего домогаются впередъ достигнуть финляндцы по пути отъ-денія (?) ихъ отъ русской государственной власти. О. Еленева. 117 стр. 8°. Москва 1898 г.

Само заглавіе книги говоритъ столь же коротко, сколь и ясно, о томъ, что авторъ ея задался цѣлью не писать исторію, а собственно обвинить, во что бы то ни стало, въ тяжкомъ преступленіи финскій народъ. Съ самаго начала, авторъ завѣряетъ, что сочиненіе его „основано исключительно на официальныхъ документахъ и несомнѣнныхъ историческихъ фактахъ“, а въ концѣ книги, на трехъ послѣднихъ страницахъ ея, онъ предлагаетъ читателямъ раздѣленный на 16 статей собственный проектъ „Положенія для управленія финляндскими губерніями“. Этотъ проектъ долженъ, по мнѣнію автора, однимъ ударомъ положить конецъ дерзкимъ притязаніямъ финляндцевъ продолжать пользоваться внутреннимъ порядкамъ, установленнымъ съ начала истекающаго нынѣ столѣтія, а самая книга, можно думать, предназначена къ тому, чтобы представить мотивы къ упомянутому проекту г. Еленева. Но въ этихъ мотивахъ содержится цѣлая масса погрѣшностей, а также и оскорбленій многихъ извѣстныхъ лицъ въ Финляндіи, о чемъ нельзя не пожалѣть. Нѣтъ надобности перечислять всѣ эти погрѣшности; довольно ограничиться главнѣйшими изъ нихъ, чтобы охарактеризовать значеніе всей книги г. Еленева. Для полного и подробнаго опроверженія ея потребовался бы цѣлый томъ,—но чтобы обнаружить истинный характеръ сочиненія г. Еленева, достаточно ограничиться разборомъ главной части его содержанія.

Первое положеніе г. Еленева состоитъ въ томъ, что шведскіе основныя законы 1772 и 1789 гг., по его мнѣнію, не сохранили силы въ

Финляндіи, послѣ того, какъ эта страна въ 1809 г. была отдѣлена отъ Швеціи и соединена съ Россією. Конечно, онъ не можетъ отрицать существованія Высочайшаго манифеста 15 (27) марта 1809 г.; онъ даже приводитъ подлинный текстъ этого акта, которымъ императоръ Александръ I утвердилъ и удостовѣрилъ „религію, коренные законы, права и преимущества, воими каждое состояніе сего княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика, по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались“. Но г. Еленевъ называетъ этотъ манифестъ простою „привѣтственною грамотою“, и утверждаетъ, что подъ коренными законами подразумѣваются здѣсь не основные законы, а лишь общее уложеніе 1734 г. и церковный уставъ 1686 г. Если императоръ Александръ I въ разныхъ рѣчахъ и манифестахъ объявлялъ финляндцамъ, что онъ сохранилъ „la constitution“ и „les lois fondamentales“, то это, по объясненію г. Еленева, соотвѣтствовало тогдашнему настроенію императора, который, однако, не придавалъ своимъ словамъ серьезнаго значенія, а хотѣлъ только обезпечить себѣ вѣрность сословій въ виду предстоявшей борьбы съ Наполеономъ. „Всѣмъ извѣстно,—говоритъ авторъ,—что императоръ Александръ I любилъ употреблять громкія фразы и пользовался ими для своихъ цѣлей, какъ тонкій политикъ“.

Подобный взглядъ на слова и дѣйствія монарха—заимствованный, впрочемъ, г. Еленевымъ у Ордина,—былъ бы оскорбителенъ для памяти cadaго даже частнаго лица, а потому и представляется, по меньшей степени, легкомысленнымъ.

Высочайшій манифестъ 15 (27) марта 1809 г. едва ли можетъ быть, безъ униженія памяти Александра I, признанъ простою „привѣтственною грамотою“, изданною для того, чтобы неопредѣленными фразами обмануть финляндцевъ, какъ то очевидно представляется г. Еленеву. Самый актъ, какъ извѣстно и самому автору, былъ объявленъ при самой торжественной обстановкѣ, прочтенъ въ кафедральномъ соборѣ, въ присутствіи земскихъ чиновъ Финляндіи, собравшихся для принесенія присяги Александру I, какъ великому князю Финляндіи, и затѣмъ онъ былъ переданъ предводителю перваго сословія, ландмаршалу. Объ этомъ императоръ объявилъ всѣмъ жителямъ Финляндіи въ особомъ манифестѣ 23 марта (4 апрѣля) 1809 г., который въ подлинникѣ начинается слѣдующими словами:

„Ayant réuni les états de la Finlande en une Diète générale et reçu leurs serments de fidélité, Nous avons voulu à cette occasion par un acte solennel émané en leur présence et proclamé dans le sanctuaire de l'Être Suprême confirmer et assurer le maintien de la Religion, des lois fondamentales, les droits et les privilèges dont chaque état en

particulier et tous les habitants de la Finlande en général ont joui jusqu'à présent“.

Все это, по мнѣнію г. Еленева, было не больше, какъ театральная сцена. Александръ I утвердилъ,—продолжаетъ г. Еленевъ,—только уложеніе 1734 г. и церковный уставъ 1686 г. Но изъ текста манифеста ясно вытекаетъ, что имъ утверждаются всѣ дѣйствовавшіе передъ тѣмъ въ Финляндіи законы, какъ гражданскіе, такъ и государственные. Такъ именно понималъ манифестъ самъ императоръ, и притомъ не только въ рѣчахъ и манифестахъ, предназначавшихся для финляндцевъ, которыхъ, согласно толкованію г. Еленева, императоръ Александръ I хотѣлъ только усыпить,—онъ ясно высказывается въ томъ же смыслѣ и тогда, когда не могло быть и рѣчи объ „ораторскомъ“ искусствѣ. Въ рескриптѣ, отъ 14 (26) сентября 1810 г., въ которомъ Александръ I сообщалъ генераль-губернатору Штейнгейлю свою волю по вопросу о политикѣ, которую слѣдуетъ руководствоваться по отношенію къ Швеціи, онъ, между прочимъ, говоритъ:

„Съ присоединеніемъ Финляндіи къ Россіи, вся цѣль нашихъ къ сей странѣ предположеній была достигнута. Два главные правила отсюда проистекали:

„1) Чтобъ не входить ни подъ какимъ видомъ во внутреннія дѣла Швеціи.

„2) Чтобъ внутреннимъ устройствомъ Финляндіи предоставить народу сему несравненно болѣе выгодъ въ соединеніи его съ Россіею, нежели сколько онъ имѣлъ, бывъ подъ обладаніемъ Швеціи“...

Далѣе, излагается слѣдующее:

„Намѣреніе Мое при устройствѣ Финляндіи состояло въ томъ, чтобы дать народу сему бытіе политическое; чтобъ онъ считался не порабощеннымъ Россіи, но привязаннымъ къ ней собственными его очевидными пользами; для сего—

„1) Сохранены ему не только гражданскіе, но политическіе его законы“¹⁾, и т. д.

Такимъ образомъ, защищаемое г. Еленевымъ собственное его толкованіе манифеста 1809 г. совершенно опровергается этими словами монарха,—о которыхъ г. Еленевъ въ своемъ сочиненіи, впрочемъ, совсѣмъ умалчиваетъ, хотя этотъ рескриптъ едва ли ему былъ неизвѣстенъ. И тѣмъ не менѣе онъ находитъ, что встрѣчающіяся въ манифестѣ 9 (20) февраля 1816 года „фразы“ объ утвержденной для Финляндіи конституціи ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть поняты въ такомъ смыслѣ, что императоръ при этомъ имѣлъ въ виду прежніе шведскіе

¹⁾ Сборникъ историческихъ матеріаловъ изъ архива собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Выпускъ третій. Изданъ подъ редакціею Н. Дубровина. С.-Петербургъ, 1890 г.

основные законы, потому что онъ здѣсь говорить только о *гражданской свободѣ*, которою финляндцы пользовались согласно съ прежнимъ своимъ закономъ, а не о *политической свободѣ*, каковое выраженіе, по мнѣнію г. Еленева, вездѣ принято понимать, какъ совокупность конституціонныхъ правъ. Характерно при всемъ этомъ, что авторъ вовсе не приводитъ тѣхъ словъ манифеста, которыя не согласуются съ его взглядомъ, и затѣмъ говорить: „Послѣ такого громкаго вступленія слѣдовало ожидать, что въ этомъ манифестѣ Финляндіи даруются какія-нибудь весьма важныя права, осуществляющія надежды финляндцевъ на конституцію. Въмѣсто того, все дѣло ограничилось только тѣмъ, что Правительствующій Совѣтъ повелѣно называть впредь Финляндскимъ Императорскимъ Сенатомъ“. Между тѣмъ, въ текстѣ манифеста сказано, что финляндское высшее правительство должно получить то же названіе, какъ и высшее правительство въ имперіи и въ присоединенномъ къ ней съ недавняго времени царствѣ польскомъ, для выщяго ознаменованія *непосредственнаго отношенія финляндскаго правительства къ лицу монарха*, „безъ отиѣны однако въ настоящемъ его составѣ, а еще менѣе того въ конституціи и законахъ Нами для Финляндіи утвержденныхъ и силою сего во всѣхъ отношеніяхъ паки утверждаемыхъ“. *Переимѣна названія* финляндскаго правительства, дѣйствительно, не имѣла особеннаго политическаго значенія. Но ту часть этого акта, которую г. Еленевъ обходитъ молчаніемъ, финляндцы всегда высоко цѣнили, какъ несомнѣнное доказательство того, что имп. Александръ I не отказался и позже, когда уже кончилась борьба съ Наполеономъ, отъ принциповъ, которые руководили имъ въ 1809 г. Великія войны, которыя повели къ паденію Наполеона, были окончены. Императоръ былъ безспорно самымъ могущественнымъ монархомъ Европы. Сохранить ли онъ и послѣ того за Финляндіею тѣ права, которыя онъ обѣщаль въ то время, когда быстрое умиротвореніе страны могло вызываться общими политическими интересами Россіи? Въ настоящее время трудно опредѣлить, возникали ли тогда подобнаго рода сомнѣнія у финляндцевъ. Быть можетъ, что среди русскихъ государственныхъ дѣятелей высказывалось мнѣніе въ смыслѣ измѣненія той политики, которою руководствовались императоръ Александръ I и Сперанскій относительно Финляндіи. Какъ бы то ни было, въ манифестѣ 1816 г., Александръ I ясно и положительно разъяснилъ, для чего онъ предоставилъ Финляндіи тѣ порядки, какими жители ея передъ тѣмъ пользовались, и объявилъ, что онъ теперь „на всегдашнія времена“ возобновляетъ свое обѣщаніе „о святомъ сохраненіи“ особеннаго порядка для Финляндіи „подъ державою Нашею и Наслѣдниковъ нашихъ“. Здѣсь вовсе не имѣлось въ виду „осуществить надежды финляндцевъ на конституцію“, какъ полагаетъ

г. Еленевъ,—въ манифестѣ только подтверждено, что за Финляндію сохраняется ея прежнее устройство, обезпечивающее прочность положеннаго Александромъ I основанія для будущаго благоденствія страны.

„Конституція“, когда въ актахъ того времени рѣчь идетъ о Финляндіи, означаетъ не государственное учрежденіе, а только древнее гражданское уложеніе и церковный уставъ,—таково убѣжденіе автора книги. Между тѣмъ императоръ говоритъ о финляндскихъ законахъ, съ которыми будетъ сообразоваться *жизнь* страны. Въ данномъ случаѣ, очевидно, прежде всего имѣются въ виду основные законы, потому что только они содержатъ нормы осуществленія государственной власти. Далѣе, указывая на непосредственное отношеніе финляндскаго правительства къ лицу монарха, Александръ I констатируетъ важный, съ точки зрѣнія государственнаго права, фактъ, что финляндскія правительственныя власти остаются обособленными, или иначе Финляндія была бы провинціею.

Г-нъ Еленевъ ссылается на 4-ую ст. фридрихсгамскаго мирнаго трактата, отъ 17 сентября 1809 г., въ которомъ онъ видитъ неопровержимое доказательство неосновательности притязаній финляндцевъ. Здѣсь, по мнѣнію г. Еленева, императоръ, оставляя въ сторонѣ пріятныя для финляндцевъ фразы, „выражается вполнѣ автократически, и при томъ въ такой рѣшительной и ясной формѣ, которая не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Финляндія безусловно подчиняется самодержавной власти русскаго монарха“. Такое выраженіе не встрѣчается ни въ одной изъ 21 статьи трактата, такъ какъ этимъ трактатомъ опредѣлялись правовыя отношенія между Россійскою державою и *Швеціею*. Четвертую, а также шестую статью трактата можно только привести въ доказательство того, что императоръ Александръ I, окончательно установившій, за полгода передъ тѣмъ, въ согласіи съ земскими чинами, будущее отношеніе Финляндіи къ Россійской Имперіи, не желалъ, чтобы этотъ вопросъ сталъ предметомъ какаго-либо соглашенія съ Швеціею или былъ обставленъ какими-нибудь условіями со стороны шведскаго короля. Что касается международнаго права, то редакція трактата доказываетъ также, что императоръ Александръ I, принимая мѣры къ обезпеченію внутренней самостоятельности Финляндіи, не имѣлъ въ виду поколебать этимъ единство руссійской державы въ ея отношеніяхъ къ иностраннымъ державамъ. Только предвзятою мыслью автора можно объяснить то, что статья 4-ая мирнаго трактата, въ которой вовсе не говорится объ образѣ управленія Финляндіи, получаетъ въ глазахъ г. Еленева значеніе статьи закона, въ силу которой основные законы Финляндіи, утвержденные Александромъ I и всѣми его августѣйшими преемниками, не имѣли никакого значенія.

Далѣ, г. Еленевъ утверждаетъ, что при Александрѣ I и Николаѣ I и даже до 1863 г. правительственная власть въ Финляндіи осуществлялась помимо какихъ бы то ни было финляндскихъ основныхъ законовъ, и въ этомъ онъ видитъ новое доказательство важнѣйшаго изъ выставленныхъ имъ положеній, а именно, что имп. Александръ I никогда не утверждалъ прежнихъ шведскихъ основныхъ законовъ. Со времени боргоскаго сейма, земскіе чины не созывались, ни при Александрѣ I, ни въ царствованіе Николая I, а поэтому можетъ казаться, что прежній порядокъ былъ отмѣненъ, или Финляндія не пользовалась прежними правами.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что въ утвержденныхъ Александромъ I основныхъ законахъ вовсе не содержится опредѣленія о срочности сеймовъ. Согласно § 38 „Формы Правленія“ 1772 г., срокъ созыва сословій всегда зависѣлъ исключительно отъ благоусмотрѣнія монарха. Дѣйствительно, сеймъ въ теченіе длиннаго періода времени не созывался, но это и означаетъ только то, что ни Александръ I, ни Николай I, не находили нужнымъ созывать сеймъ. Но въ то же время, при обоихъ монархахъ, земскіе чины продолжали рѣшать всѣ такіе вопросы, по которымъ, согласно основнымъ законамъ 1772 и 1789 гг., было необходимо участіе земскихъ чиновъ.

Согласно съ этими же основными законами, законодательная власть, въ области основныхъ законовъ и общаго уложенія, осуществлялась монархомъ и земскими чинами совмѣстно; но затѣмъ монархъ, безъ всякаго участія земскихъ чиновъ, всегда могъ издавать постановленія, имѣющія силу закона, по вопросамъ административнаго и полицейскаго права. И дѣйствительно, всѣ постановленія, изданныя въ царствованіе имп. Александра I (за исключеніемъ трехъ законовъ, основывающихся на рѣшеніяхъ и проектахъ боргоскаго сейма), касаются именно такихъ вопросовъ, которые въ силу основныхъ законовъ рѣшаются безъ участія земскихъ чиновъ. Когда въ теченіе этого періода возникали вопросы, требовавшіе измѣненія общаго уложенія, то имп. Александръ I постановлялъ, чтобы они были переданы на обсужденіе сейма, который онъ намѣренъ былъ созвать. Сеймъ не состоялся, и проекты эти остались безъ движенія.—Въ теченіе тридцатилѣтняго царствованія императора Николая I законодательство по прежнему вращалось въ предѣлахъ административнаго и полицейскаго права. Только въ двухъ постановленіяхъ было оговорено, что обстоятельства времени не допускаютъ созыва сейма, но и данный законодательный вопросъ также не можетъ быть отсроченъ.

Въ 1835 г., по Высочайшему повелѣнію, была учреждена „комиссія для составленія систематическаго свода дѣйствующихъ постановленій, изданныхъ при прежнемъ и нынѣшнемъ правительствѣ“. Послѣ того,

какъ часть этой работы была окончена, имп. Николай I, въ 1842 г., поручилъ особой комиссiи рассмотреть составленный проектъ. Эта новая комиссiя въ представленномъ государю донесенiи, подвергнувъ проектъ строгой критикѣ, изложила въ частности, что общее уложенiе 1734 г., изданное въ свое время монархомъ и сословіями, согласно „Формѣ Правленiя“, должно быть измѣнено тѣмъ же путемъ, хотя бы только въ формальномъ отношенiи, и что первоначальная комиссiя не соблюдала надлежащимъ образомъ различiе между тѣми законоположенiями, по которымъ въ силу основныхъ законовъ требуется участiе земскихъ чиновъ,—и экономическимъ законодательствомъ, составляющимъ исключительное право монарха. Ознакомившись съ донесенiемъ комиссiи, имп. Николай I уважилъ сдѣланныя ею замѣчанiя и повелѣлъ составить новый проектъ съ тѣмъ, чтобы уложенiе 1734 г. оставлено было безъ измѣненiй.

Изъ этого ясно вытекаетъ, что не только Александръ I, но и Николай I допускалъ участiе земскихъ чиновъ въ законодательствѣ, въ томъ, конечно, видѣ, какъ это было опредѣлено въ основныхъ законахъ 1772 и 1789 гг. Такое утвержденiе не выразилось положительно, т.-е. созванiемъ сейма для участiя въ законодательныхъ трудахъ, тѣмъ не менѣе, однако, самый законъ не былъ подвергнутъ измѣненiю.

То же самое соблюдалось и при рѣшенiи финансовыхъ вопросовъ. Ординарный бюджетъ, на основанiи § 24 „Формы Правленiя 1772 г.“, утверждался монархомъ единолично. Ординарными доходами считались доходъ отъ государственныхъ имуществъ и публичныхъ учрежденiй, принятыя земскими чинами безсрочные налоги и разнаго рода сборы, взимаемые по таксамъ, утверждаемымъ монархомъ. Согласно указанной статьѣ закона, ординарный бюджетъ долженъ обнимать не только штаты содержанiя, но и особый кредитъ на непредвидѣнные расходы. На боргоскомъ сеймѣ Александръ I, въ особомъ финансовомъ законопроектѣ, передалъ всѣ относящiеся сюда вопросы на обсужденiе земскихъ чиновъ; при этомъ онъ замѣтилъ, что доходы Финляндiи должны употребляться исключительно на благо страны, и что величина налоговъ „должна соотвѣтствовать государственнымъ потребностямъ“, потому что „внутреннее управленiе страны можетъ быть свободнымъ и самостоятельнымъ лишь при томъ условiи, если страна располагаетъ достаточными средствами для удовлетворенiя своихъ потребностей“. Составленные на этомъ сеймѣ смѣтные исчисленiя и предположенiя положены были въ основанiе финансового управленiя Финляндiи. Въ государственномъ хозяйствѣ соблюдалась строгая экономiя, такъ какъ приходилось довольствоваться ординарными поступленiями, которыя лишь медленно увеличивались, вслѣдствiе есте-

ственного роста таможенного и других косвенных налоговъ. Земские чины не созывались, и потому не было случая вводить новыхъ налоговъ. Два раза только правительство распорядилось иначе: въ 1842 г., при введеніи упрощенныхъ основаній для исчисленія поземельнаго налога, и въ 1842 г., при изданіи новаго постановленія о гербовомъ сборѣ. Инициатива въ обоихъ этихъ случаяхъ, повидимому, исходила отъ финляндскаго сената, и притомъ все это вызывалось неотложными практическими потребностями. Послѣ 1863 г., оба эти финансовыя вопроса были окончательно урегулированы—и на этотъ разъ уже при участіи земскихъ чиновъ.

Если императоръ Николай I не созывалъ сейма, то это объясняется прежде всего отношеніемъ его къ общеевропейскимъ политическимъ движеніямъ того времени. Но и г. Еленевъ не можетъ утверждать, что онъ отмѣнилъ основные законы, такъ какъ они и при немъ оставались неотмѣненными. Развитіе страны, правда, затруднялось вслѣдствіе застою въ области законодательства, и средства казначейства не могли быть усиливаемы введеніемъ новыхъ налоговъ. Но, во всякомъ случаѣ, если не принимать въ расчетъ вышеуказанныхъ исключительныхъ случаевъ, то и при имп. Николаѣ I общій порядокъ оставался безъ измѣненія.

По примѣру своего предшественника, который неоднократно заявлялъ, что основные законы 1772 и 1789 гг. должны быть соблюдаемы, имп. Николай I также сообразовался съ опредѣленіями утвержденныхъ имъ законовъ. Когда учрежденная въ 1811 г. коммиссія финляндскихъ дѣлъ въ С.-Петербургѣ была признана излишнею и учрежденъ былъ нынѣшній статсъ-секретаріатъ, имп. Александръ I въ составившемся по этому поводу манифестѣ объявилъ, что онъ желалъ „установить для Финляндіи сообразный съ утвержденными Нами коренными законами и основными постановленіями сего края порядокъ по докладу Намъ дѣлъ, зависящихъ отъ разрѣшенія Высочайшей власти“. Слова эти, очевидно, относятся къ „Формѣ Правленія“ 1772 г., потому что ни въ какомъ другомъ законѣ не говорится о томъ, что статсъ-секретарь сообщаетъ по принадлежности и скрѣпляетъ бумаги, въ которыхъ объявляется рѣшеніе монарха. Императоръ назначалъ на финляндскія должности исключительно финляндцевъ, такъ какъ объ этомъ постановлено въ законахъ 1772 и 1789 гг. „При императорѣ Николаѣ,—замѣчаетъ г. Еленевъ,—также ничего не было сдѣлано для установленія русскаго контроля надъ дѣлами Финляндіи и для административнаго ея сближенія съ остальною Россією“. Это случилось вовсе не вслѣдствіе того, что на интересы Россіи, какъ полагаетъ г. Еленевъ, не обращалось вниманія, а потому что такія мѣры заключали бы въ себѣ отступленіе отъ основныхъ законовъ, со-

гласно которымъ управленіе Финляндіи осуществлялось исключительно финляндскими властями. Какъ императоръ Николай I смотрѣлъ на основные законы Финляндіи, это всего лучше видно изъ того факта, что по его повелѣнію былъ утвержденъ сводъ этихъ основныхъ законовъ и законовъ о государственныхъ властяхъ имперіи. Въ ст. 4-ой основныхъ законовъ сказано, что престолъ великаго княжества финляндскаго нераздѣльно соединенъ съ императорскимъ всероссійскимъ престоломъ. Далѣе, Финляндія упоминается въ статьяхъ объ императорскомъ титулѣ и гербѣ. Но глава о законахъ не содержитъ ни одного слова, которое касалось бы финляндскаго законодательства. Это вполне согласуется со взглядами, которыхъ придерживался Александръ I въ 1809 г., когда онъ, не подчиняя Финляндію, въ видѣ провинціи, общимъ правительственнымъ учрежденіямъ имперіи, утвердилъ за нею особое управленіе и особое законодательство. Г-нъ Еленевъ, конечно, умалчиваетъ о содержаніи упомянутыхъ законовъ имперіи, потому что они уже сами по себѣ опровергаютъ всѣ его соображенія, да и при томъ онъ не могъ бы утверждать, что великимъ дѣломъ кодификаціи русскихъ законовъ руководили дерзкіе финляндскіе интриганы, вліяніе которыхъ ему видится повсюду.

Замѣтимъ мимоходомъ, какъ характерно г. Еленевъ „основывается на официальныхъ документахъ“. Онъ, напр., приводитъ *съ ковычками* нѣкоторыя опредѣленія учрежденія правительствующаго совѣта 1809 г. (§§ 15—18), но при этомъ формулируетъ ихъ содержаніе въ такомъ видѣ, какъ будто въ нихъ не принято въ соображеніе предоставленное земскимъ чинамъ, по основнымъ законамъ 1772 и 1789 гг., право участія въ законодательствѣ и въ установленіи налоговъ. Проредактировавъ самъ текстъ закона, онъ пользуется своею редакціею для того, чтобы доказать, будто императоръ Александръ I не утверждалъ этихъ основныхъ законовъ. Между тѣмъ, учрежденіе 1809 г. имѣло единственною цѣлью организовать правительство Финляндіи. Права земскихъ чиновъ при этомъ вовсе не затрогивались.

Двѣ главы своего сочиненія г. Еленевъ назвалъ слѣдующимъ образомъ: „Пропаганда ученія о финляндскомъ государствѣ“ и „Продолженіе пропаганды о финляндскомъ государствѣ“.

Вотъ его собственныя слова: „Тотчасъ по кончинѣ императора Николая, въ Финляндіи начинается дѣятельная подготовка къ невооруженной и легальной революціи противъ русской власти“. Профессора и писатели „стали пропагандировать въ лекціяхъ и въ печати придуманное ими ученіе о финляндскомъ государствѣ, соединенномъ

съ Россією только единствомъ царствующаго дома, но имѣющемъ свои собственные основные законы“. Исторически это не совсѣмъ вѣрно, и во всякомъ случаѣ пришлось бы обвинять въ такомъ „ученіи“ императора Александра I; въ актахъ его времени Финляндія называлась государствомъ, націею съ политическимъ бытіемъ, управляемою согласно собственнымъ основнымъ законамъ. Затѣмъ слѣдуетъ обвинять также Сперанскаго, относившагося къ Финляндіи, какъ къ государству, а не какъ къ провинціи. Если обратимся къ финляндской литературѣ временъ Александра I, то найдемъ, что, напр., въ самой вліятельной тогдашней финляндской газетѣ „Abo Morgonblad“ 1821 г., въ статьѣ: „Взглядъ на наше отечество“ (En blick på vårt fosterland), говорилось слѣдующее: „Императоръ Александръ осуществилъ соединеніе нашей страны съ могущественною російскою державою такимъ образомъ, что императоръ не только не смотрѣлъ на насъ какъ на покоренный народъ, но предоставилъ намъ нашу конституцію. Александръ объявилъ, что Финляндія отнынѣ перестала быть провинціею, что она, напротивъ, будетъ пользоваться полноправнымъ самоуправленіемъ, подъ его благословеннымъ скипетромъ“.

При Николаѣ I это же „ученіе“ получило могущественную опору въ Высочайшемъ манифестѣ о восшествіи на престолъ отъ 12 (21) декабря 1825 г. и, какъ выше замѣчено, въ сводѣ законовъ. „Государственное право“ Финляндіи также въ его царствованіе читалось на юридическомъ факультетѣ университета, согласно уставамъ 1828 и 1852 гг. Систематическая разработка этого предмета ведетъ свое начало отъ лекцій и сочиненій выдающагося юриста И. Я. Нордстрема, состоявшаго профессоромъ университета съ 1834 по 1845 г. Даже иностранные юристы не оставались въ полномъ невѣдѣніи относительно внутренняго положенія далекой Финляндіи. Французскій юристъ О. Ф. Angelot издалъ въ 1834 г. сочиненіе подъ заглавіемъ: „Sommaire des législations des Etats du Nord, Danemark, Norvège, Suède, Finlande et Russie. Pour servir à l'étude de la législation comparée“. Здѣсь мы читаемъ: „La grande principauté de Finlande, apres avoir été pendant près de sept siècles reunie à la Suède, dont elle partagea les vicissitudes politiques et législatives, est depuis 1809 unie à la Russie, mais sans y être incorporée, et de manière qu'elle forme un petit Etat à part, ayant, comme naguère la Pologne, ses frontières, sa constitution, sa législation, son administration, son armée et ses finances particulières“. Затѣмъ, Анжелò подробно передаетъ содержаніе основныхъ законовъ 1772 и 1789 гг., утвержденныхъ манифестомъ 15 (27) марта 1809 г.

Этого довольно, чтобы усомниться въ утвержденіи г. Еленева, будто „ученіе о финляндскомъ государствѣ“ было выдуманно по восшествіи

на престолъ Александра II. Кромѣ того, вопреки мнѣнію автора, въ то время на первый планъ выступили вовсе не теоретическія ученія. Пробудилась надежда на болѣе широкій режимъ, а потому было доведено до свѣдѣнія монарха о желаніи финскаго народа, чтобы вновь былъ созванъ сеймъ.

Независимо отъ финляндскихъ авторовъ, выдающіеся русскіе ученые изслѣдовали вопросъ о правовомъ положеніи Финляндіи и пришли, въ главныхъ чертахъ, къ тому же результату, какъ и финляндскіе, а именно, что Финляндія не есть только провинція. Уже въ изданномъ въ 1866 г. сочиненіи: „О народномъ представительствѣ“, Б. Чичеринъ говоритъ, что даже русскіе основные законы признаютъ существованіе финляндскаго государства, неразрывно связаннаго съ Россією, но не входящаго въ составъ; Финляндія не инкорпорирована съ Россією, а лишь соединена съ нею подъ общимъ монархомъ. Профессоръ А. Градовскій въ своемъ капитальномъ трудѣ: „Начала русскаго государственнаго права“, первое изданіе котораго вышло въ 1875 г., приходитъ къ такому выводу: „слѣдовательно, Финляндія представляетъ совершенно обособленное во внутреннемъ управленіи государство, хотя и нераздѣльно связанное съ русскою императорскою короною“. Профессоръ В. Сергѣевичъ (Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, 1883) говоритъ между прочимъ, что присоединенная къ Россіи Финляндія волею императора Александра I-го стала государствомъ, и что верховная власть въ Финляндіи имѣетъ другой характеръ, чѣмъ въ Россіи, ибо монархъ правитъ Финляндію при содѣйствіи сейма. Приведемъ еще свидѣтельство двухъ русскихъ ученыхъ, которые, обладая необходимою научною компетенціею, изслѣдовали вопросъ о политическомъ положеніи Финляндіи. Профессоръ В. В. Ивановскій, въ своемъ сочиненіи: „Русское государственное право“ (Казань, 1895—1898), подвергъ этотъ вопросъ тщательному и всестороннему разсмотрѣнію, причемъ онъ, оставляя въ сторонѣ всякія политическія соображенія, на чисто юридическихъ основаніяхъ приходитъ къ тому заключенію, что соединеніе Финляндіи съ Россією ближе всего подходитъ къ реальной уніи, хотя нѣкоторыя неясности могутъ подать поводъ къ другому взгляду на дѣло. Г-нъ Д. В. Философовъ, въ статьѣ: „Финляндія и Россія“, недавно появившейся въ „Сборникѣ правовѣдннн и общественныхъ знаній“, т. VIII, по поводу сочиненія нѣмецкаго профессора Эллинека: „Ueber Staatsfragmente“ (о государственныхъ фрагментахъ), разсмотрѣлъ всѣ факторы, влияющіе на положеніе Финляндіи. Примыкая къ теоріи, согласно которой реальною уніею можетъ быть названо только такое соединеніе государствъ, которое основывается на договорѣ двухъ суверенныхъ государствъ, онъ не считаетъ возможнымъ отнести соединеніе Россіи и Финляндіи къ реальнымъ уніямъ. Но такъ какъ оче-

видно, „что верховная власть въ Финляндіи основывается на финляндскомъ законѣ, и что юридически она отдѣлена отъ имперской верховной власти“, великое княжество должно быть признано государствомъ, хотя и не сувереннымъ государствомъ, а подчиненнымъ суверенной имперіи.

Если г. Еленевъ обвиняетъ финляндцевъ въ томъ, что они выступили съ „ученіемъ о финляндскомъ государствѣ“ только въ видахъ пропаганды неосновательныхъ политическихъ притязаній, то онъ опять грѣшитъ противъ истины, такъ какъ и въ самой русской научной литературѣ высказывалось то же самое, и притомъ публицистами, авторитетъ которыхъ несомнѣненъ.

Въ главѣ о первомъ гельсингфорскомъ сеймѣ 1863 г., г. Еленевъ усиливается доказывать, что важное значеніе этого сейма въ политической жизни Финляндіи не соответствовало намѣреніямъ императора, а является только результатомъ коварной тактики финляндскихъ государственныхъ дѣятелей.

Александръ II, — говоритъ г. Еленевъ, — согласился на созваніе сейма по образцу боргоскаго, т.-е. совѣщательнаго собранія, но сенатъ такъ повелѣ дѣло, что сеймъ явился настоящимъ законодательнымъ собраніемъ, на подобіе прежнихъ шведскихъ „риксдаговъ“.

На это слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что такой взглядъ не соответствуетъ дѣйствительности. Въ манифестѣ Александра I, отъ 20-го января (1-го февраля) 1809 г., о созваніи общаго сейма въ городѣ Борго прямо говорится, что сеймъ долженъ состояться согласно дѣйствующимъ законамъ, т.-е. согласно шведскимъ законамъ о риксдагахъ, а эти риксдаги имѣли не одинъ совѣщательный характеръ.

Съ другой стороны, факты ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что Александръ II съ самаго начала вполне сознательно относился къ праву земскихъ чиновъ участвовать въ законодательствѣ съ рѣшающимъ голосомъ. Послѣ того, какъ генераль-губернаторъ донесъ государю, что множество законодательныхъ и финансовыхъ вопросовъ остаются безъ движенія, потому что они, согласно основнымъ законамъ края, не могутъ быть рѣшены административнымъ путемъ, императоръ, въ маѣ 1859 г., повелѣлъ сенату представить свѣдѣніе о тѣхъ дѣлахъ, которыя прежде всего должны бы быть рѣшены при участіи земскихъ чиновъ. Это Высочайшее повелѣніе было опубликовано въ официальныхъ вѣдомостяхъ Финляндіи. О немъ говорится также въ одномъ сочиненіи, часто цитируемомъ г. Еленевымъ. Такимъ образомъ, онъ не по невѣднію утверждаетъ, будто Александръ II смотрѣлъ на предстоящій сеймъ только какъ на совѣщательное собра-

ніе. Вопреки фактамъ, которые г. Еленеву не могли быть неизвѣстны, онъ излагаетъ исторію приготовительныхъ мѣръ и созванія сейма въ такомъ видѣ, какъ будто императоръ, озабоченный польскими дѣлами, не могъ внимательно относиться къ тому, что ему докладывалъ министръ статсъ-секретарь гр. Арнфельдъ. Между тѣмъ, въ теченіе четырехъ лѣтъ со времени упомянутого нами Высочайшаго повелѣнія сенату, состоявшагося въ маѣ 1859 г., до іюня 1863 г., когда былъ объявленъ манифестъ о созваніи сейма, разные вопросы, касавшіеся созванія сейма и подготовительныхъ мѣръ, восходили на собственное благовоззрѣніе государя. Въ 1861 г., императоръ склонился къ тому, чтобы еще отсрочить созваніе земскихъ чиновъ, и хотѣлъ предварительно передать нѣкоторые дѣла на заключеніе делегации изъ представителей четырехъ сословій. Объ этомъ было объявлено въ Высочайшемъ манифестѣ 29-го марта (10-го апрѣля) 1861 г. Въ томъ же номерѣ официальныхъ вѣдомостей, въ которомъ былъ опубликованъ этотъ манифестъ, напечатано также слѣдующее официальное сообщеніе: „Его Императорскому Величеству благоугодно было недавно, въ С.-Петербургѣ, пригласить предсѣдателя и одного члена государственнаго совѣта, генераль-губернатора Финляндіи, министра статсъ-секретаря и членовъ комитета для финляндскихъ дѣлъ, а также временно пребывавшаго въ С.-Петербургѣ предсѣдателя финансовой экспедиціи императорскаго сената; этимъ лицамъ государь императоръ соизволялъ прочесть проектъ Высочайшаго манифеста“ (а именно, проектъ упомянутого нами манифеста 29-го марта 1861 г.). Этотъ манифестъ начинается слѣдующими словами:

„Въ теченіе шести лѣтъ съ того дня, какъ Провидѣніе вручило Намъ судьбы финскаго народа, Мы имѣли случай неоднократно убѣдиться въ необходимости многихъ законодательныхъ мѣръ, отъ которыхъ существенно зависитъ преуспѣяніе края, какъ въ нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ развитіи, но которыя по основнымъ законамъ Великаго Княжества не могли быть приняты безъ содѣйствія государственныхъ чиновъ, и такимъ образомъ нѣкоторые дѣла съ самаго присоединенія Финляндіи къ Имперіи оставались въ прежнемъ положеніи“, и т. д.

Когда редакція нѣкоторыхъ пунктовъ манифеста подала поводъ къ извѣстному толкованію, что составленная изъ делегатовъ четырехъ сословій коммиссія временно будетъ осуществлять права, которыя по основнымъ законамъ принадлежать только сейму, и когда это обстоятельство было доложено государю, то уже 12-го (24) апрѣля императоръ, въ особомъ Высочайшемъ рескриптѣ, объявилъ по этому поводу, что относительно тѣхъ вопросовъ, по которымъ, въ силу основныхъ законовъ, требуется рѣшеніе сейма, коммиссія должна только пред-

ставить законопроекты, которые будут переданы земским чинамъ. Въ Высочайшемъ объявленіи, 23-го августа 1861 г., о 52 вопросахъ, подлежащихъ передачѣ на обсужденіе комиссіи, императоръ вновь указалъ на различіе между дѣлами, которыя по основнымъ законамъ подлежатъ разсмотрѣнію сейма, и тѣми, которыя относятся къ вѣдѣнію правительственной власти.

Въ достопамятной великодушной рѣчи, которою Александръ II, 18-го сентября 1862 г., открылъ сеймъ въ Гельсингфорсѣ, г. Еленевъ видитъ только результаты возней финляндскаго сенатора Снелъмана.

„Въ этой рѣчи,—говоритъ г. Еленевъ,—въ первый разъ отъ лица самой верховной власти признано существованіе основныхъ законовъ Финляндіи“. Это упоминаніе объ основныхъ законахъ, и также заявленіе государя о намѣреніи повелѣть составить къ слѣдующему сейму проектъ реформъ основныхъ законовъ, все это было только „приготовительнымъ маневромъ“ со стороны редактора рѣчи къ тому, чтобы выдвинуть потомъ на сцену шведскіе законы 1772 и 1789 гг. Столь же тяжело, по мнѣнію г. Еленева, согрѣшилъ редакторъ рѣчи, включивъ въ нее указаніе, что принципъ конституціонной монархіи присущъ правамъ финляндскаго народа.

Участвовали ли Снелъманъ, или кто-либо иной, въ редактированіи этой рѣчи, это совершенно безразлично. Это была рѣчь Александра II, а не кого-либо другого; она, навѣрно, не содержитъ ни одной мысли, которую императоръ, по зрѣломъ обсужденіи, не пожелалъ бы высказать. Что касается упоминанія основныхъ законовъ Финляндіи и правъ земскихъ чиновъ, то императоръ уже въ 1859 и 1861 гг. ясно выразилъ свои взгляды. Но въ тронной рѣчи заключалось еще нѣчто другое. Это была вѣсть о будущемъ и безпрепятственномъ развитіи, объявленная народу, который безъ малаго пятьдесятъ лѣтъ ждалъ полнаго осуществленія учрежденій, которыя были обезпечены за нимъ. Эти слова исходили изъ сердца монарха.

Александръ II лично явился въ Гельсингфорсѣ, чтобы открыть первый сеймъ, который уже такъ долго занималъ его мысли. Окруженный своими августѣйшими Сыновьями и министрами, онъ прочиталъ свою рѣчь въ присутствіи сословій. Эта рѣчь была великимъ дѣломъ, которое болѣе, чѣмъ какая-либо другая мѣра, укрѣпило узы, *тѣсно соединяющія Финляндію съ Россією.*

Но, въ глазахъ г. Еленева, императоръ въ данномъ случаѣ былъ только орудіемъ въ рукахъ финляндскихъ интригановъ!!..

Въ 1864 г., императоръ назначилъ комиссію для пересмотра основныхъ законовъ, согласно выраженному въ тронной рѣчи намѣренію.

Государь самъ утвердилъ программу работъ комиссіи. Въ этой программѣ было опредѣлено, что основные законы 1772 и 1789 г. должны быть соединены въ одинъ законъ, съ необходимымъ поясненіемъ текста древнихъ постановленій и съ тѣми измѣненіями и дополненіями, которыя были особо указаны въ программѣ. Кроме того, комиссія должна была составить полный проектъ сеймоваго устава въ видѣ кодификаціи, съ соответственными измѣненіями древнихъ шведскихъ законовъ о риксдагахъ.

Этотъ историческій фактъ особенно огорчаетъ г. Еленева. Въ утвержденіи основныхъ законовъ Александромъ I-мъ эти законы не были перечислены съ указаніемъ года ихъ изданія, потому что въ этомъ актѣ утверждались всѣ вообще основные законы, которые дѣйствовали въ Финляндіи до отдѣленія ея отъ Швеціи. Отсутствие подобнаго указанія—въ данномъ случаѣ совершенно излишняго—послужило поводомъ къ тому, чтобы внушить читателю совершенно несообразное мнѣніе, будто торжественное удостовѣреніе Александра I было только громкою фразою!

Но приведенная нами Высочайше утвержденная программа неопровержимо доказываетъ ложность подобнаго мнѣнія, а потому г. Еленевъ опять прибѣгаетъ къ излюбленному имъ способу толкованія историческихъ фактовъ: императоръ былъ обманутъ дерзкими составителями программы!

Передавъ такимъ образомъ содержаніе проекта комиссіи относительно новой „Формы Правленія“, въ извращенномъ видѣ, г. Еленевъ утѣшается, однако, тѣмъ, что этотъ проектъ не былъ переданъ земскимъ чинамъ, а остался безъ движенія. Причину такого исхода дѣла онъ видитъ въ замѣченномъ, будто бы, государемъ „враждебномъ“ настроеніи противъ Россіи среди сеймовыхъ представителей. Въ доказательство того, г. Еленевъ приводитъ выдержку изъ рѣчи, произнесенной императоромъ при закрытіи сейма. Государь выражаетъ здѣсь сожалѣніе, что „нѣкоторыя пренія сейма подали поводъ къ недоразумѣніямъ касательно отношеній Великаго Княжества къ Россійской Имперіи“. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что программа работъ комиссіи была утверждена 7-го декабря 1864 г., какъ указано также и у г. Еленева,—слѣдовательно, значительно *позже*, чѣмъ произнесены были эти слова. Анахронизмы, видимо, г. Еленева не затрудняютъ. При безпристрастномъ взглядѣ на дѣло скорѣе можно предположить, что (временная) отсрочка реформы финляндскихъ основныхъ законовъ была послѣдствіемъ событій, происшедшихъ не въ Финляндіи. Упомянутый законопроектъ былъ доложенъ государю послѣ печальнаго событія 4 апрѣля 1866 г. Не удивительно, если это и другія подобныя глубоко при-

скорбныя явленія охладили симпатіи великодушнаго монарха ко всякимъ реформамъ.

Вторая часть Высочайшей программы была, однако, осуществлена изданіемъ сеймоваго устава, принятаго земскими чинами въ 1867 г. и утвержденаго 15-го апрѣля 1869 г. Важнѣйшая реформа, проведенная въ этомъ новомъ основномъ законѣ, безъ сомнѣнія заключается въ периодичности сеймовъ. Этимъ на будущее время устранялась возможность продолжительнаго застоя въ законодательствѣ, испытаннаго странюю послѣ 1809 г. Большое практическое значеніе имѣютъ также улучшенія въ отношеніи состава сословій и порядка дѣлопроизводства на сеймахъ. Но взаимныя отношенія монарха и земскихъ чиновъ сеймовымъ уставомъ не были измѣнены. Относительно участія земскихъ чиновъ въ законодательствѣ и въ рѣшеніи финансовыхъ вопросовъ по прежнему остаются въ силѣ опредѣленія основныхъ законовъ 1772 и 1789 гг. Другими словами: прерогативы правительственной власти въ сеймовомъ уставѣ были ограничены только въ томъ отношеніи, что сеймъ теперь созывается черезъ каждыя пять лѣтъ, тогда какъ прежде созваніе сейма зависѣло исключительно отъ благоусмотрѣнія монарха.

Г-нъ Еленевъ придерживается, однако, другого взгляда на дѣло. Онъ не можетъ обойтись безъ того, чтобы не заподозрить козней и обмановъ финляндцевъ каждый разъ, когда финскій народъ, по великодушному соизволенію монарховъ, дѣлаетъ шагъ впередъ на пути улучшеній. Поэтому онъ пространно доказываетъ, что финляндцы, втиснувъ въ сеймовый уставъ § 71-ый, своимъ коварствомъ добились для земскихъ чиновъ права постановлять обязательныя рѣшенія по вопросамъ, касающимся основныхъ законовъ, тогда какъ имъ въ этомъ случаѣ долженъ бы принадлежать только совѣщательный голосъ. Въ § 71 сказано: „изданіе, измѣненіе, поясненіе или отмѣна основнаго закона могутъ послѣдовать не иначе, какъ по предложенію Государя Императора и съ согласія всѣхъ сословій“, и т. д. Такъ какъ проектъ „Формы Правленія“, составленный на основаніи вышеупомянутой программы, оставленъ былъ безъ послѣдствій, то этотъ параграфъ, по мнѣнію г. Еленева, слѣдовало бы исключить изъ сеймоваго устава или измѣнить въ такомъ смыслѣ, что согласіе всѣхъ четырехъ сословій требуется для постановленія рѣшенія о *заключеніяхъ*, представляемыхъ земскими чинами по вопросамъ, касающимся основныхъ законовъ. Благодаря нынѣшней редакціи параграфа 71, финляндцамъ, будто бы, удалось добиться постановленія, лишающаго верховную власть возможности свободно постановлять о введеніи или измѣненіи основныхъ законовъ въ Финляндіи.

Эти разсужденія и намеки лишены, однако, всякаго основанія. Въ

„Формѣ Правленія 1772 г.“, уже было опредѣлено, что монархъ, безъ согласія сословій, не издаетъ и не отмѣняетъ основныхъ или общихъ законовъ. Этотъ законъ 1772 г. не потерялъ силы вслѣдствіе того, что предполагавшая реформа его была отсрочена. Но, дѣйствительно, въ прежнихъ законахъ о сословномъ представительствѣ не было ясно выражено, когда для законнаго сеймоваго рѣшенія требуется согласіе всѣхъ четырехъ сословій, и когда достаточно согласія трехъ сословій. Эта неясность была устранена въ §§ 71 и 72—74 сеймоваго устава. Права земскихъ чиновъ при этомъ вовсе не были расширены.

Сеймовый уставъ былъ утвержденъ съ оговоркою, что права монарха сохраняются въ томъ видѣ, какъ они установлены въ „Формѣ Правленія 1772 г.“ и въ актѣ соединенія и охраненія 1789 г.

„Опять новая загадка и новое широкое поле для толкованій“, — замѣчаетъ по этому поводу г. Еленевъ. — Самъ онъ, впрочемъ, не затрудняется разрѣшить эту загадку. Хитрые финны помѣстили здѣсь ссылку на основные законы 1772 и 1789 гг., чтобы такимъ образомъ заручиться доказательствомъ, что законы эти признаны монархомъ. А императоръ опять, будто бы, не знаетъ, что творилъ!

Между тѣмъ, вовсе не трудно понять, отчего утвержденіе сеймоваго устава изложено въ приведенной нами редакціи. Въ тронной рѣчи 1863 г., императоръ выразилъ намѣреніе предоставить земскимъ чинамъ право законодательной инициативы и расширить ихъ права въ финансовыхъ дѣлахъ. Эти вопросы находились въ связи съ проектомъ новой „Формы Правленія“, и потому они, вмѣстѣ съ этимъ проектомъ, были отложены. Чтобы, однако, предупредить всякое слишкомъ широкое толкованіе опредѣленій новаго сеймоваго устава, при утвержденіи его было оговорено, что монархъ не отказывается отъ правъ, принадлежащихъ ему въ силу старыхъ основныхъ законовъ.

Финляндскіе совѣтники императора не могли же быть настолько провицательны, чтобы за двадцать лѣтъ до появленія сочиненія Ордина приготовить себѣ оружіе для защиты отъ нападковъ Ордина и его учениковъ.

Въ Высочайшемъ манифестѣ 18-го декабря 1878 года было объявлено, что нѣкоторыя статьи устава о воинской повинности, „въ виду особеннаго ихъ значенія и отчасти заключающихся въ нихъ измѣненій основныхъ законовъ“, должны считаться основными законами.

„Здѣсь, — говоритъ г. Еленевъ, — опять вставлено упоминаніе о прежнихъ основныхъ, т.-е. шведскихъ законахъ, наперекоръ тому факту, что дотолѣ русскіе императоры, въ теченіе 70 лѣтъ, не при-

знавали для себя обязательными никаких шведских законов о воинской повинности“.

Въ § 18 „Формы Правленія“ 1772 г. постановлено, что поселенная система войска остается въ силѣ, и что она подлежитъ измѣненію не иначе, какъ на основаніи рѣшенія монарха и сословій.

Согласно этому постановленію основныхъ законовъ, на боргоскомъ сеймѣ разсматривались вопросы о поселенномъ войскѣ и о казенныхъ сборахъ, которые землевладѣльцы должны были платить въ казну, пока они были освобождены отъ содержанія солдатъ по правиламъ поселенной системы.

Императоръ Николай I, въ манифестѣ 11 (23) іюня 1854 г., повелѣлъ вновь сформировать часть поселеннаго войска—„согласно короннымъ законамъ и прочимъ постановленіямъ“.

Слѣдовательно, оба августѣйшихъ предшественника Александра II признавали существованіе законовъ по вопросу объ организациі финляндскаго войска.

Пространныя сѣтованія г. Еленева по поводу порядка изданія этого закона только доказываютъ, что онъ затруднился различать, съ одной стороны, законъ о воинской повинности, который устанавливаетъ предѣлы и характеръ обязанности отдѣльныхъ гражданъ по отбыванію воинской повинности, а также организацию призыва военнообязанныхъ, по которой обезпечиваются интересы государства, какъ и частныхъ лицъ,—и, съ другой стороны, чисто военныя распоряженія по части обученія и подготовки войскъ. Рѣшеніе этихъ послѣднихъ вопросовъ должно зависѣть исключительно отъ военныхъ властей, а изданіе устава о воинской повинности относится къ задачамъ общаго законодательства, хотя и при этомъ требуется совѣщательное содѣйствіе военныхъ авторитетовъ.

Г-нъ Еленевъ утверждаетъ, что финляндскій сеймъ 1877 г. хотѣлъ, при помощи устава о воинской повинности, создать національную милицію, которою финляндскіе сепаратисты при благопріятномъ случаѣ могли бы воспользоваться, чтобы сбросить русскую власть!! Для этой цѣли было введено опредѣленіе объ учебныхъ сборахъ запаса. Въ доказательство такого безцеремоннаго обвиненія онъ приводитъ отрывки изъ рѣчей, произнесенныхъ во время преній по вопросу объ уставѣ о воинской повинности. Хотя эти цитаты вырваны изъ общей связи и настолько измѣнены напечатанными курсивомъ дополненіями, что онѣ уже не согласуются съ протоколомъ,—все-таки онѣ не содержатъ ни одного слова, которое давало бы право подозрѣвать сеймовыхъ депутатовъ въ какихъ-либо измѣнническихъ планахъ. Онѣ только доказываютъ, что въ пользу введенія воинской повинности приводилось и то соображеніе, что этимъ устранялся бы очевидный пробѣлъ въ

учрежденіяхъ великаго княжества и что на усиленіе обороны Финляндіи слѣдуетъ смотрѣть какъ на національное дѣло. Во всѣхъ этихъ преніяхъ нельзя найти ни малѣйшей тѣни сепаратистическихъ тенденцій, если не считать сепаратизмомъ и враждебностью къ Россіи, по примѣру г. Еленева, заботу о томъ, чтобы организація финляндскаго войска развивалась сообразно условіямъ, представляющимся въ краѣ.

Что касается въ частности опредѣленій объ учебныхъ сборахъ, запаса, то они были внесены въ уставъ по слѣдующимъ причинамъ. Многіе депутаты были принципиальными противниками идеи воинской повинности. Но и тѣ, которые склонялись въ пользу этой совершенно новой для Финляндіи системы, полагали, что если меньшинство военнообязанныхъ, на основаніи жеребьевки, въ теченіе трехъ лѣтъ будетъ состоять на дѣйствительной службѣ и затѣмъ въ теченіе восьми лѣтъ числиться въ запасѣ, тогда какъ большинство прямо зачислялось бы въ ополченіе, вовсе не отбывая дѣйствительной службы, — то такое неравномѣрное распредѣленіе воинской повинности слишкомъ рѣзко нарушило бы принципъ равенства передъ закономъ. Чтобы по крайней мѣрѣ нѣсколько смягчить это радикальное различіе, рѣшено было установить временные учебные сборы въ теченіе трехъ первыхъ лѣтъ для всѣхъ военнообязанныхъ, не призываемыхъ по жребію на дѣйствительную службу, и соотвѣтственно съ симъ измѣнить опредѣленія проекта касательно запаса войскъ. Благодаря этому измѣненію, — вызванному исключительно требованіями справедливости, а отнюдь не какими-либо политическими расчетами, — во всѣхъ условіяхъ получилось большинство въ пользу принятія устава о воинской повинности.

Согласно § 120 устава о воинской повинности, офицерами финскихъ войскъ могутъ быть только финляндскіе граждане. Въ этомъ постановленіи г. Еленевъ также видитъ проявленіе враждебности къ Россіи, особенно неумѣстное въ виду того обстоятельства, что финляндцамъ открытъ свободный доступъ въ русскія войска.

Это замѣчаніе мало основательно. Финляндцы, состоящіе офицерами въ русскихъ войскахъ, получили необходимую для сего подготовку въ русскомъ военномъ учебномъ заведеніи или въ финляндскомъ кадетскомъ корпусѣ, въ которомъ преподаваніе еще съ 20-хъ годовъ нашего столѣтія приноровлено къ тому, чтобы готовить воспитанниковъ къ поступленію не только въ финляндскія, но и русскія войска, вслѣдствіе чего особенное вниманіе обращается и на изученіе русскаго языка. Засимъ офицеры-финляндцы въ русскихъ войскахъ обязаны во всѣхъ отношеніяхъ приспособляться къ условіямъ русской жизни. Что же касается назначенія русскихъ офицеровъ

въ финскія войска, то вопросъ можетъ принять совершенно другой оборотъ. Не получивъ специальной подготовки для несенія службы въ Финляндіи, они лишь съ трудомъ могли бы освоиться съ господствующими въ краѣ условіями. Къ тому же незнаніе языка народа мѣшало бы имъ исполнять важнѣйшую обязанность офицеровъ въ мирное время, а именно: обученіе и нравственное воспитаніе солдатъ. Если же законодательство налагаетъ на гражданъ бремя воинской повинности, то оно должно будетъ также требовать соотвѣтственной компетентности отъ офицеровъ, которымъ поручается ихъ обученіе.

Г-нъ Еленевъ какъ будто не желаетъ понять, что въ Финляндіи живетъ народъ иной чѣмъ русскій. Онъ, между прочимъ, полагаетъ, что русскій языкъ слишкомъ мало распространенъ въ Финляндіи, и это онъ объясняетъ пассивностью сената въ дѣлѣ введенія обязательнаго преподаванія русскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ. Конечно, и здѣсь ему представляются политическіе мотивы.

Желательно, чтобы, при сужденіи объ этомъ вопросѣ, принималось въ соображеніе то, что въ данномъ случаѣ возможно и что невозможно.

Финскій народъ, какъ извѣстно, состоитъ изъ двухъ разнородныхъ элементовъ—финскаго и шведскаго. Такое положеніе вещей объясняется историческимъ прошлымъ, а прошлое это не можетъ быть вычеркнуто,—точно также, какъ, напр., двойственная національность Бельгіи. Поэтому каждый финляндецъ, поступающій на государственную службу, долженъ знать оба языка края, шведскій и финскій—иначе онъ не можетъ исполнять своихъ обязанностей передъ обществомъ. Необходимость изученія другого туземнаго языка, сверхъ родного, затрудняетъ основательное изученіе еще третьяго языка. Въ виду этого въ школахъ ученики могутъ ознакомиться только съ самыми элементарными основаніями русскаго языка. А какъ же имъ потомъ усовершенствовать свои знанія? Безъ долговременной практики нельзя вполнѣ освоиться съ языкомъ. Между тѣмъ, въ Финляндіи весьма рѣдко приходится примѣнять на практикѣ знаніе русскаго языка. Изъ 2.600.000 жителей Финляндіи русскихъ всего только около 7.000. Въ виду такой малочисленности русскаго элемента, лишь немногимъ финляндцамъ представляется случай объясняться по-русски. Не слѣдуетъ также забывать, что большинство людей, вступивъ на практическое поприще, настолько заняты своимъ дѣломъ, для добыванія средствъ къ существованію или достиженія цѣлей жизни, что они уже не могутъ заниматься языками. За отсутствіемъ же практики, знанія, приобрѣтенныя въ школѣ, скоро забываются.

Вотъ въ чемъ и заключается самая естественная причина того, что знаніе русскаго языка не получило и не можетъ получить широкаго распространенія въ Финляндіи. Однако, въ Финляндіи правительство озаботилось, чтобы русскіе въ своихъ сношеніяхъ съ правительственными учрежденіями не испытывали неудобствъ изъ-за языка. Переводчики состоятъ при всѣхъ учрежденіяхъ, гдѣ услуги ихъ могутъ понадобиться. Множество стипендій выдается студентамъ и молодымъ чиновникамъ для изученія русскаго языка въ Россіи. При замѣщеніи высшихъ правительственныхъ должностей, за послѣднее время, нерѣдко обращалось больше вниманія на знаніе русскаго языка, чѣмъ на необходимыя знанія для надлежащаго отправленія должности, что нельзя признать безусловно полезнымъ для страны, особенно въ виду того, что и среди этихъ должностныхъ лицъ лишь для немногихъ, по роду ихъ дѣятельности, важно знаніе русскаго языка.

Сочиненіе г. Еленева содержитъ, наконецъ, также подробную критику предварительнаго проекта кодификаціи основныхъ законовъ Финляндіи, составленнаго въ 80-хъ годахъ особою комиссіею, подъ предсѣдательствомъ А. фонъ-Вейсенберга. Такъ какъ г. Еленевъ вовсе не признаетъ дѣйствующей силы тѣхъ законовъ, которые содержатъ главный матеріалъ этого кодификаціоннаго труда, и кромѣ того не обнаруживаетъ желанія правильно понять источники финляндскаго права, то критика его не представляетъ возможности отвѣстись къ ней серьезно.

Въ заключеніе г. Еленевъ выступаетъ съ своимъ собственнымъ проектомъ уничтоженія Финляндіи:

Законодательною властью имперіи издается особое постановленіе объ управленіи финляндскими губерніями.

Финляндія перестаетъ быть великимъ княжествомъ и превращается въ группу губерній.

Какіе-либо основные законы для этихъ губерній не должны существовать.

Сеймъ формально сохраняется, но земскіе чины пользуются правомъ рѣшающаго голоса лишь по вопросамъ, касающимся измѣненія сеймоваго устава 1869 г., церковнаго устава 1867 г. (должно быть 1869 г.) и закона о финляндскомъ банкѣ 1867 г.

По остальнымъ законодательнымъ вопросамъ земскіе чины представляютъ только всеподданнѣйшія заключенія, если затребованы ихъ соображенія.

Всѣ законы и постановленія публикуются, во-первыхъ, въ русскомъ официальномъ текстѣ и сверхъ того въ переводѣ на мѣстныя нарѣчія.

О финансовыхъ правахъ земскихъ чиновъ ничего не говорится.

Всѣ російскіе подданные, имѣющіе право по законамъ имперіи вступать въ гражданскую службу, могутъ быть назначаемы на оную и въ губерніяхъ финляндскихъ“ (надо полагать, безъ обязанности знать законы и „нарѣчія“ этихъ „губерній“).

Вотъ существенное содержаніе всего проекта.

Г-нъ Еленевъ предусмотрительно не совѣтуетъ передавать этотъ проектъ на обсужденіе сейма, въ виду того, что это вызвало бы возраженія со стороны земскихъ чиновъ.

Проектъ этотъ слѣдуетъ обнародовать немедленно, безъ дальнѣйшихъ околичностей. Въ настоящее время это было бы еще совершенно невинной мѣрой; но если финляндскіе чиновники и публицисты успѣютъ извлечь изъ своихъ шведскихъ законовъ новыя ограниченія правъ русскаго монарха, то подобная мѣра можетъ получить „нежелательный характеръ *coup d'état*“!

Намъ вѣжется, что болѣе легкомысленнаго отношенія къ государственнымъ и общественнымъ вопросамъ невозможно себѣ представить!

Чтобы склонить читателя въ пользу проектируемаго имъ „государственнаго переворота“, г. Еленевъ въ своей книгѣ всюду говоритъ о господствующемъ въ Финляндіи враждебномъ отношеніи къ Россіи.

Такое враждебное настроеніе противъ Россіи, по его словамъ, особенно ярко выступило во время войны 1854—1856 гг. Но совершенно несогласно съ г. Еленевымъ высказался въ данномъ случаѣ императоръ Александръ II, 24-го марта 1856 г., когда онъ, занявъ предсѣдательское мѣсто въ финляндскомъ сенатѣ, произнесъ слѣдующія слова:

„J'ai à vous remercier de tout Mon coeur de la coopération cordiale que vous avez prêtée aux mesures pour la défense du pays, vous et tous Mes fidèles sujets de la Finlande. Mon Père comptait sur vous et vous avez tous rempli votre devoir“ (Протоколъ этого засѣданія императоръ подписалъ собственноручно).

Г-нъ Еленевъ утверждаетъ, что это враждебное настроеніе все возрастаетъ. Но еслибы въ его словахъ была хоть капля правды, то Государь Императоръ не осчастливилъ бы финскій народъ слѣдующими словами, при открытіи сейма 1897 г.:

„Открывая первый въ царствованіе Мое сеймъ земскихъ чиновъ Великаго Княжества Финляндскаго, Я съ душевнымъ удовольствіемъ изъявляю вамъ, какъ представителямъ всѣхъ сословій финскаго народа, благодарность и благоволеніе за ту непоколебимую вѣрность и преданность, которыми этотъ народъ постоянно радовалъ своихъ монарховъ“.

Но, можетъ быть, въ финляндской печати проявлялось непріязненное отношеніе къ Россіи? Нѣтъ! Въ теченіе 1883—1894 гт., а также за послѣднее время, нѣкоторыя русскія газеты и публицисты нападали на Финляндію и ея права съ яростью, достойною лучшаго дѣла, и непозволительно оскорбляли руководящія лица въ Финляндіи съ безпримѣрнымъ озлобленіемъ. Финляндскія газеты отвергали эти нападки и раскрывали лживость обвиненій, но за все время этой продолжительной полемики не было высказано ни одного слова порицанія или враждебности, направленаго противъ Россіи.

Г-нъ Еленевъ въ своей книгѣ, къ сожалѣнію, также не воздержался отъ приемовъ вышеупомянутыхъ публицистовъ извѣстной части русской печати. Коварство и интриги, систематическое обманываніе по отношенію къ монархамъ, дерзость и хитрость въ проведеніи честолюбивыхъ плановъ,—только такія качества онъ видитъ въ выдающихся дѣятеляхъ Финляндіи. Личности, которыя своею полезною и добросовѣстною дѣятельностью заслужили довѣріе монарховъ и почетное мѣсто въ исторіи своего края, осыпаются г. Еленевымъ самыми оскорбительными обвиненіями.

Защищать ихъ отъ такихъ обвиненій не приходится. Но не излишне указать, отчего г. Еленевъ и нѣкоторыя газеты стараются заподозрить особенно финляндскихъ министровъ статсъ-секретарей. Они полагаютъ, что на эту должность должны быть назначаемы русскіе, а по финляндскимъ основнымъ законамъ на такую должность могутъ быть назначаемы только финляндцы. Но они, конечно, не принимаютъ въ соображеніе, какія затрудненія и ошибки могли бы возникнуть, если бы министръ статсъ-секретарь, не будучи знакомъ съ финляндскими законами и внутреннимъ строемъ Финляндіи, не былъ въ состояніи дать необходимыя въ семъ отношеніи разъясненія при всеподданнѣйшемъ докладѣ или при сношеніяхъ съ министрами имперіи. Но если даже стать на почву подозрительности, то противъ всякихъ случайностей, которыя могли бы возникнуть въ будущемъ, существуетъ вѣрная гарантія, такъ какъ генераль-губернаторъ всегда, когда подлежитъ рѣшенію важный вопросъ, можетъ исходатайствовать разрѣшеніе присутствовать при всеподданнѣйшемъ докладѣ...

Каковы бы ни были проекты г. Еленева относительно будущаго Финляндіи, ея прошедшаго онъ не можетъ измѣнить, такъ какъ вся исторія этой страны представляетъ несомнѣнные факты въ доказательство того, что дальнѣйшее развитіе и культурные успѣхи шли не путемъ „отпаденія отъ русской государственной власти“, но тѣмъ путемъ, который съ 1809 г. предначертанъ ему самими монархами. Осуществлено было и намѣреніе Александра 1-го, которое,—по словамъ императора,—„при устройствѣ Финляндіи состояло въ томъ,

чтобъ онъ (народъ) считался не порабощеннымъ Россіи, но привязаннымъ къ ней собственными его очевидными пользами“.

Эта высокая мысль и честный трудъ народа принесли благіе плоды. Страна дѣлала постепенные успѣхи въ области нравственной и матеріальной культуры. Общественный порядокъ никогда не нарушался политическими преступленіями и тайными заговорами, которые во многихъ другихъ странахъ причиняли правительствамъ заботы и затрудненія. Стремленія финскаго народа никогда не переступали границъ того, что было обезпечено за нимъ. Національное честолюбіе его заключалось только въ томъ, чтобы безостановочно развивалось просвѣщеніе и производительный трудъ въ той странѣ, въ которой онъ обитаетъ съ незапамятныхъ временъ. Нигдѣ и никто не въ состояніи понять, чтобы такія стремленія могли вредить могущественной притомъ державѣ, съ которою Финляндія неразрывно соединена, или чтобы законы и учрежденія, составляющіе главное условіе существованія и культурныхъ успѣховъ финскаго народа, противорѣчили интересамъ и достоинству Россіи,—а именно это-то усиливается доказать г. Еленевъ въ своей книгѣ; неудивительно, что для достиженія такой цѣли ему было необходимо отступить отъ фактовъ, гдѣ они мѣшали ему,—создать факты, гдѣ ихъ не было, отложивъ при этомъ въ сторону обязательные для каждаго историка приемы исторической критики.

Л. Мехелинъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Jules Lemaitre. Impressions de Théâtre. Paris, 1898. Стр. 394.

Десятая серия „Impressions de Théâtre“ Жюль Лемэтра состоитъ изъ очерковъ о театральнѣхъ новинкахъ за послѣдніе два года. Среди разбираемыхъ авторовъ встрѣчается, конечно, много знакомыхъ именъ, и большинство пьесъ, обсуждаемыхъ критикомъ, принадлежитъ писателямъ вполне опредѣлившимся. Въ число писателей, о которыхъ говоритъ Лемэтръ, входятъ не только Ибсенъ, Мюссэ, Ришпенъ и тому подобныя знаменитости парижской и европейскіихъ сценъ, но даже древніе классики, какъ, напр., Эсхиль—по поводу постановки „Персовъ“ въ „театрѣ Одеонъ“.

Но Лемэтру приходится говорить и о массѣ молодыхъ драматурговъ, и говорить онъ о нихъ интересно и оригинально. Два года, отдѣляющіе десятую серію Лемэтровскихъ „Impressions“ отъ предыдущей, девятой серіи, были особенно плодотворны въ французской драматической литературѣ. За эти годы прославился Эдмондъ Ростанъ. Бриэ (Bréux), и нѣсколько еще болѣе молодыхъ драматурговъ, изъ которыхъ наиболѣе выдаются Анри Батайлъ (Henri Bataille) и Романъ Колюсь (Coulus). Лемэтръ отмѣчаетъ возродившееся у французскихъ писателей тяготѣніе къ обсужденію такъ называемаго „женскаго“ вопроса въ драмахъ и комедіяхъ: Но при этомъ оказывается, что драматурги заняты, главнымъ образомъ, обсужденіемъ юридической стороны, законами, опредѣляющими положеніе женщины, какъ жены и матери. Такова, напр., пьеса Эрвье: „Въ тискахъ“ (Tenailles). Авторъ ея съ нѣкоторымъ паэосомъ нападаетъ на разводъ въ томъ видѣ, какъ онъ практикуется во Франціи. Въ такомъ же родѣ другая пьеса—„Вассалка“ (La Vassale), Жюль Каза. Пьеса эта новая; она поставлена была въ Comédie Française и возбудила много толковъ. Жюль Лемэтръ высказывается противъ нея, говоря, что вообще не любитъ тенденціозныхъ пьесъ. Авторъ „Вассалки“ горячо защищаетъ права женщины на свободу. Онъ изображаетъ семью, въ которой и мужъ, и жена нарушили обѣтъ вѣрности, причемъ жена сдѣлала это уже въ видѣ мести, для того, чтобы показать, что она тоже „имѣетъ право“. Удовлетворивъ чувство мести, она готова продолжать со-

вмѣстную жизнь съ мужемъ, требуя для себя „равноправія“. Мужъ не соглашается на странныя условія жены, и героиня пьесы покидаетъ семью и дочь во имя своей самостоятельности. Жюль Лемэтръ справедливо говоритъ, что, несмотря на нѣкоторую Ибсеновскую приправу, пьеса Жюля Каза фальшива. Между такъ называемой „вассалкой“ и ея мужемъ разыгрывается вовсе не „правовая“ и принципиальная драма, а нѣчто болѣе интимное. Они оба одинаково страдаютъ, потому что мужъ также угнетенъ поступками жены, какъ и она его поступками, и расходятся они изъ-за чисто психологическихъ причинъ, изъ-за вѣчныхъ и непонятныхъ законовъ влеченія и антипатіи; вопросъ же о равноправіи и свободѣ съ точки зрѣнія закона пристегнуть лишь совершенно внѣшнимъ образомъ къ внутренней драмѣ. То же самое относится и къ большинству французскихъ пьесъ о бракѣ и разводѣ, о положеніи женщины и т. д. Уже Дюма началъ серію этихъ походовъ противъ закона, забывая, что душевная жизнь и страданія, чувства и страсти—подчиняются лишь своимъ роковымъ законамъ, и ничто не можетъ измѣниться отъ какихъ-либо законодательныхъ реформъ. Но французы слишкомъ привыкли считать формы жизни и всякія общественныя рамки самой сутью и привыкли понимать вопросъ о томъ, какъ жить—лишь въ смыслѣ законодательныхъ и общественныхъ условій. Такія пьесы, какъ „Вассалка“, или пьеса Эрве: „Законъ для мужчинъ“ (*La loi de l'homme*), также какъ и его „Въ тискахъ“, показываютъ, какъ твердо укоренился во французахъ формализмъ. Ибсенъ поднялъ вопросъ о свободѣ совѣсти и воплотилъ этотъ общій вопросъ въ судьбѣ женщины, какъ наиболѣе угнетеннаго и наиболѣе страстно желающаго свободы существа. Французскіе писатели, вдохновляясь Ибсеномъ, восприняли только эту внѣшнюю проповѣдь свободы и стали защищать женщину отъ закона. Много драмъ и комедій, о которыхъ говорить Лемэтръ въ своихъ очеркахъ, посвящены разбору, выясненію и обличенію все того же правового безсилія женщины.

Исключеніе изъ общаго правила составляютъ двѣ пьесы, о которыхъ Лемэтръ говоритъ съ особенной любовью. Это—„*Enfant malade*“, Романа Коолюса, и „*Ton Sang*“, Анри Батайля. Критикъ привѣтствуетъ cadaго изъ этихъ молодыхъ писателей за то, что они, какъ поэты, взглянули на женскую душу со стороны внутренней, психологической; они не рѣшаютъ вопроса, на что женщина имѣетъ право, или не имѣетъ права; ихъ занимаютъ лишь столкновения, создаваемые роковымъ теченіемъ чувствъ, предоставленныхъ самимъ себѣ. Пьеса Анри Батайля: „*Ton Sang*“, очень любопытна и по замыслу, и по исполненію. Въ ней дѣйствительность изображена съ большими подробностями, и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствіе все время происходитъ какъ

бы на границѣ дѣйствительности и мечты. Много совершается въ мѣрѣ полубезсознательномъ и похоже на поэтическое сновидѣніе. Въ центрѣ трагедіи—два брата, чрезвычайно различные по характеру и темпераменту. Максимъ, старшій, очень здоровъ, дѣятеленъ и обладаетъ сильнымъ, твердымъ умомъ. Онъ управляетъ фабрикой. Братъ его, Даниилъ, больной, анемичный юноша, неврастеникъ, очень мягкій по природѣ. Въ домѣ живетъ молодая дѣвушка, Марта, возлюбленная старшаго брата. Она же сидѣлка младшаго, который въ нее страстно влюбленъ и не знаетъ объ отношеніяхъ ея къ брату. Старая бабушка братьевъ все это знаетъ, и мечтаетъ лишь о томъ, чтобы вылечить Даниила или хотя не дать ему умереть. Но Даниилъ все болѣе ослабѣваетъ, и спасти его можно только посредствомъ переливанія крови. Марта предлагаетъ для этого себя. Операція удается; Даниилъ замѣтно поправляется и чувствуетъ, что совершенно выздоровѣетъ, если женится на Мартѣ. Бабушка уговариваетъ дѣвушку согласиться на бракъ и порвать со старшимъ братомъ. Но во время праздника, устроеннаго по случаю помолвки, Даниилъ узнаетъ, что Максимъ былъ возлюбленнымъ Марты. Тогда, чтобы исторгнуть изъ себя кровь, которую она ему дала, онъ срываетъ повязку, наноситъ себѣ удары ножомъ по рукѣ и умираетъ отъ потери крови. Въ этой исторіи масса реальныхъ подробностей: жизнь фабрики, отель въ Швейцаріи или Тироли, хирургическая операція—все это вполне обыденно. Но изъ этого почти пошлаго сюжета поэтъ сумѣлъ сдѣлать то, что приближаетъ его пьесу къ поэтической мечтѣ. Драматурги обыкновенно стараются изображать сильныя и глубокія страсти, и сюжетъ Батайля въ достаточной мѣрѣ могъ служить матеріаломъ для такого рода драматизма; но поэтъ извлекъ изъ него нѣчто менѣе рѣзкое и болѣе тонкое, чѣмъ страсть,—ощущенія, создаваемые болѣе всего воображеніемъ, оттѣнки страданія, художественную поэтическую грусть. Среди современной буржуазной дѣйствительности Батаиль увидѣлъ возможность чисто созерцательныхъ настроеній, тихихъ и печальныхъ. Поэтиченъ образъ больного юноши Даниила съ его странной любовью къ дѣятельной фабричной жизни, гуль которой до него доносится, которая его привлекаетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ кажется ему какимъ-то адомъ. Самая операція переливанія крови становится въ пьесѣ Батайля чѣмъ-то поэтическимъ: операція происходитъ за дверью, и кажется, какъ все, что невидно и о чемъ можно лишь догадываться, чѣмъ-то таинственнымъ. Прислуга, толпящаяся въ банальномъ номерѣ гостиницы передъ запертой нумерованной дверью, напоминаетъ загадочныхъ служанокъ или монахинь Метерлинка, толпящихся около глухой стѣны, за которой происходитъ нѣчто трагическое и необъяснимое. Восторгъ Даниила, который чувствуетъ въ своихъ жилахъ кровь

Марта, опять возводит банальное происшествіе въ нѣчто возвышенное, многозначительное. Но болѣе всего драма Батайля приближается къ сказочному видѣнію тѣмъ, что Марта, дѣвушка, любимая обоими братьями,—слѣпа. Этотъ физическій недостатокъ объясняетъ странную пассивность ея кроткой души. Она стала возлюбленной Максима, чтобы дать ему радость, но нѣжность ея души принадлежит Даниилу, съ которымъ ее роднитъ схожая судьба—его болѣзнь и ея слѣпота.

Но сердце ея томится, когда она должна порвать съ Максимомъ и послать ему письмо, продиктованное ею бабушкѣ и переписанное маленькимъ братомъ. Въ печали своей она полна трагической нѣжности и говорить странными, загадочными словами, напоминающими героинь Метерлинка. Прощаясь съ Максимомъ изъ любви къ Даниилу, она цѣлуетъ прежняго возлюбленнаго, глубоко его любя. Эта сказочная Марта владѣетъ страннымъ обаяніемъ именно потому, что живетъ волею другихъ. Все ея существо говоритъ: „Я хочу того, что вы хотите“. Ей самой отраднѣе эта пассивность, и она постоянно отмѣчаетъ ее въ себѣ. „Я всѣмъ принадлежу, и почему-то, сама не знаю почему, каждому различнымъ образомъ. Я рождена какою-то покорной рабой“. Слѣпота Марты создаетъ еще много поэтическихъ отбѣнокъ и осложненій дѣйствія и превращаетъ драму въ поэму больныхъ существъ. Написанная съ большимъ лиризмомъ, драма Батайля странно выдѣляется среди вышеназванныхъ драмъ и комедій о женщинѣ. Тутъ тоже рѣчь идетъ о женщинѣ, измѣняющей и мѣняющей свои отношенія и свои обязательства. Но здѣсь простыя происшествія подняты на высоту художественнаго вымысла, и благодаря этому они далеки отъ тенденціознаго изображенія общественныхъ нравовъ.

„Enfant malade“, Романа Коолюса, тоже полу-сказочная драма, но созданная не поэтомъ-мечтателемъ, а философомъ и моралистомъ новаго типа. Дѣло опять идетъ о женщинѣ и о томъ, какъ къ ней нужно относиться. Авторъ рѣшаетъ вопросъ нѣсколько наивно: онъ помнитъ слова Альфреда де-Виньи о томъ, что „женщина—больной ребенокъ“, и говоритъ, что по отношенію къ ней у мужчины одинъ только долгъ—быть безконечно добрымъ, прощать ее и оказывать ей поддержку. Вѣрность этой теоріи драматургъ доказываетъ примѣромъ своей героини и ея мужа, необычайно послѣдовательнаго моралиста. Жермена въ самомъ дѣлѣ „больное дитя“. Жанъ только изъ жалости къ ея внезапно вспыхнувшему къ нему чувству женится на ней. Изъ жалости же онъ предоставляетъ ей потомъ стать возлюбленной его друга и потомъ опять принимаетъ ее къ себѣ, готовъ дѣлить съ нею радость и горе, когда, разочарованная и усталая, она возвра-

щается къ нему. Тутъ нѣтъ и рѣчи о правахъ женщины, о разводѣ, о законахъ, но есть попытка человѣчно взглянуть на возможные осложненія въ людскихъ отношеніяхъ и стараться разрѣшить ихъ единственнымъ достойнымъ средствомъ—взаимной жалостью. Коолько, быть можетъ, не правъ, и современная женщина—не „больное дитя“, какъ онъ думаетъ; несомнѣнно только, что люди вообще, а не однѣ женщины въ частности—больныя и жалкія дѣти, если глядѣть на нихъ съ высоты просвѣтленнаго безстрастнаго пониманія, и поэтому всѣхъ ихъ нужно жалѣть, а не осуждать, и относительно всѣхъ такъ поступать, а главное, такъ думать, какъ Жанъ думалъ и поступалъ относительно своей жены.

Со свойственной ему гибкостью вкуса, Жюль Лемэтръ сочувствуетъ и начинаніямъ молодыхъ писателей, если они обнаруживаютъ искреннюю любовь къ прекрасному, и художникамъ прежнихъ поколѣній, уже сказавшихъ свое слово и отошедшихъ въ прошлое. Для всякаго искренняго служителя какой бы то ни было формы красоты Лемэтръ находитъ откликъ въ „одной изъ своихъ душъ“, какъ онъ самъ съ тонкой усмѣшкой говоритъ про себя. Однимъ изъ объектовъ его симпатій является на этотъ разъ Анри Мельякъ. Онъ посвящаетъ ему обстоятельное посмертное слово и даетъ чрезвычайно удачныя опредѣленія основной черты Мельяка, сдѣлавшей автора остроумныхъ, но, казалось бы, непритязательныхъ, поверхностныхъ, при всей своей веселости, комедій и водевилей—однимъ изъ самыхъ характерныхъ представителей французскаго юмора. Лемэтръ останавливается сначала на второстепенныхъ свойствахъ Мельяка, на томъ, что будущій историкъ найдетъ въ его комедіяхъ драгоцѣнный матеріалъ для сужденій о нравахъ, привычкахъ, особенностяхъ, языкѣ и образѣ мыслей свѣтскаго общества второй имперіи и начала третьей республики. По комедіямъ Мельяка будутъ изучать праздныхъ свѣтскихъ женщинъ и куртизанокъ этой эпохи, со всѣми привычками и подробностями ихъ жизни среди роскоши и сомнительнаго веселья. Но, конечно, не въ описаніи этихъ нравовъ значеніе Мельяка. Кромѣ него ихъ описывали и Дюма, и Ожье, и всѣ ихъ послѣдователи среди молодыхъ современныхъ драматурговъ. Лемэтръ спѣшитъ, однако, отдѣлать беззаботно веселаго Мельяка отъ моралистовъ, которыхъ принято считать въ нѣкоторомъ родѣ творцами современной комедіи. Театръ Мельяка Лемэтръ хвалитъ за отсутствіе тенденціи и всякаго рода общественной сатиры. Это было чѣмъ-то новымъ въ то время, когда выступилъ Лемэтръ. Начавъ очень скромно—съ водевилей, Мельякъ создалъ постепенно новый родъ комедіи, менѣе напряженной и искусственной, чѣмъ театръ Ожье и Дюма, менѣе теоретичной, болѣе интимной,—и

даже болѣе правдивой, несмотря на ея частое отклоненіе въ сторону фарса.

Но и это свойство комедій Мельяка, ихъ естественность и непринужденность, не опредѣляетъ собою ихъ главнаго значенія. Лемэтръ подходитъ все ближе къ цѣльному опредѣленію драматурга, говоря о реализмѣ пьесъ, о томъ, что въ нихъ часто встрѣчаются такъ называемыя на жаргонѣ натуралистовъ „tranches de vie“ (салонъ ясновидящей въ „Ma Cousine“; театральныи корридоръ въ „Roi Candaulé“; комната консьержа въ „La Boule“ и т. д.), что Мельякъ любитъ сочныя народныя выраженія, „des mots nature“, и такъ правдивъ въ своей острой наблюдательности, что, подобно Мольеру, не умѣетъ придумывать развязки пьесъ и заканчиваетъ свои комедіи какъ попало. Въмѣстѣ съ тѣмъ наблюдательный, правдивый бытописатель, Мельякъ не угрюмъ: правдивость сочетается въ немъ съ неистощимой фантазіей: „Belle Hélène“, „Barbe Bleue“, „La Grande-Duchesse“ и другія либретто къ оперетамъ Оффенбаха—блестящее доказательство этой стороны таланта Мельяка. Но реализмъ и фантастичность, веселость и правдивость комедій Мельяка лишь потому такъ просто и цѣльно слетаются между собой, что они проникнуты основнымъ свойствомъ французскаго юмора—добродушной насмѣшливостью, которая не знаетъ для себя предѣловъ. Французскій умъ не знаетъ святынъ и стремится разрушить всѣ кумиры. Мельякъ—чистѣйшій продуктъ этого духа непочтительности—*esprit irrévérencieux*. Въ этомъ его основное свойство,—то, что отличаетъ его отъ юмористовъ другихъ странъ, напр. отъ англичанъ, и лишаетъ его всякой сантиментальности, вооружая его ироніей и скептицизмомъ. „Я составилъ,—говоритъ Лемэтръ,—перечень разныхъ понятій, въ большей или меньшей степени почтенныхъ, надъ которыми смѣется Мельякъ въ одной оперетѣ: оказалось, что тамъ выставлены въ смѣшномъ видѣ любовь, цѣломудріе, пастушеская поэзія, романтическая литература, королевскій престижъ, принципы 89 года, вѣра въ свободу воли, наука—и наконецъ смерть. Если же, тѣмъ не менѣе, ему нравится добродѣтель, то онъ самъ не знаетъ и не можетъ объяснить, въ чемъ заключается ея основа“... Въ такомъ всеобъемлющемъ смѣхѣ есть дерзновеніе и сила, и въ немъ основа нео-эпикурейства, мирищагося съ пріятными и красивыми формами культурной жизни и отрицающаго всѣ традиціи, которыми она тѣшитъ свою жажду идеала. Считая идеальныя порывы человечества бесплодными, можно стать или пессимистомъ, или эпикурейцемъ; Мельякъ избралъ послѣднее. Его смѣхъ освобождаетъ его отъ философскаго углубленія въ жизнь, охраняетъ его отъ самообмана, обнажаетъ правду жизни и какъ-то естественно и незамѣтно примиряетъ съ существующимъ. Таковъ юморъ Мельяка, менѣе

поверхностный, чѣмъ кажется на первый взглядъ, и, что чрезвычайно важно, искренно гуманный. Лемэтръ отождествляетъ его съ „парижскимъ духомъ“, „l'esprit de Paris“, особой разновидностью esprit français. Среди многочисленныхъ опредѣленій, которыя дѣлались и часто дѣлаются, слова Лемэтра выдѣляются своей особой мѣткостью и тонкостью анализа. „Парижскій духъ (или, вѣрнѣе, парижскій юморъ) отличается тѣмъ, что онъ заключаетъ въ себѣ maximum доброты, совмѣстимой съ исканіемъ удовольствія, что въ немъ эгоизмъ смягченъ желаніемъ нравиться, что онъ вноситъ умиленіе или иронию въ то, что безъ этого стало бы холодной развращенностью, и никогда не впадаетъ ни въ грубый комизмъ, ни въ трагичность, не доходя до крайностей ни въ наслажденіи, ни въ страданіяхъ. Скептицизмъ приводитъ его къ свободѣ отъ страстей—весьма близкой къ мудрости, и къ мягкосердечію, которое, не будучи активнымъ, во многихъ случаяхъ, однако, замѣняетъ милосердіе“...

Характеристику Мельява Лемэтръ заканчиваетъ опредѣленіемъ новаго рода юмора, выработаннаго сложной и шумной культурной жизнью Парижа, обнажающей всѣ инстинкты въ человѣкѣ; она заставляетъ его забывать лишь свое лучшее „я“, свою духовную жизнь, для которой нужны тишина и трудъ, а не шумъ и суета.

Кромѣ названныхъ нами нѣсколькихъ очерковъ, въ книгѣ Лемэтра есть другія очень интересныя характеристики новыхъ писателей. Его „Театральныя впечатлѣнія“ на этотъ разъ особенно разнообразны и красиво написаны. Отмѣтимъ художественный разборъ небольшой комедіи Жюль Ренара: „Joie de rompre“; затѣмъ, страницы о пьесахъ Бріа, въ особенности о послѣдней и самой талантливой изъ нихъ: „Les trois filles de M. Dupont“. Въ статьѣ объ игрѣ Элеоноры Дузе Лемэтръ описываетъ внѣшность артистки, ея прекрасныя „милосердные глаза“, скорбное лицо, странное впечатлѣніе улыбки, обнаруживающей болѣзненные контрасты сверкающихъ зубовъ, блѣдныхъ губъ и матовой смуглости лица, не знающаго румянъ и бѣлизъ. Описание Лемэтра—мастерская живопись словами, возсоздающая въ воображеніи живой образъ великой артистки.

II.

Edouard Rod. Le Ménage du pasteur Naudié. Paris, 1898. Стр. 301.

Эдуардъ Родъ, профессоръ въ Женевѣ, извѣстенъ теоретичностью своихъ художественныхъ произведеній. Въ области романа онъ кажется случайнымъ гостемъ; все, что онъ имѣетъ сказать, выражается гораздо полнѣе и убѣдительнѣе въ его критическихъ и нравственно-

философскихъ сочиненіяхъ. Романы же являются у него какъ бы демонстраціей идей въ жизни, пробѣркой отвлеченнаго міросозерцанія на психологическихъ примѣрахъ. Проникнувшись нравственнымъ ученіемъ Толстого, онъ сталъ проповѣдовать нео-христіанство и писалъ на эту тему много хорошо обдуманнаго и заслуживающаго вниманія. Одновременно съ этимъ, въ его повѣстяхъ и разсказахъ отвлеченный долгъ ставился выше человѣческой жалости. Въ „La Sacrifiée“ любимая женщина приносится въ жертву голосу совѣсти, возстающему противъ незаслуженной счастливой любви. Всѣ лучшія повѣсти и романы Рода, какъ его „Sens de la vie“, „Course à la Mort“, „Silence“—написаны на отвлеченныя темы и рѣшаютъ болѣе теоретически, чѣмъ психологически, вопросъ о смыслѣ жизни и о значеніи смерти.

Новый романъ Рода, „Le Ménage du Pasteur Naudié“, носитъ такой же слегка поучительный характеръ и обличаетъ въ авторѣ профессора. Но сухость тона искупается искренностью и простотой незамысловатаго повѣствованія и серьезностью идейнаго замысла. Родъ задался вопросомъ о томъ, какъ слѣдуетъ исполнять свое призваніе,—если человѣкъ вѣритъ въ него, конечно,—когда для этого нужно принести въ жертву свои личные интересы. Для освѣщенія этой психологической задачи, Родъ избираетъ то поприще, на которомъ яснѣе всего выступаютъ контрасты отвлеченнаго долга и непосредственныхъ интересовъ жизни. Герой его—протестантскій пасторъ, вѣрный служитель церкви, мирно исполняющій свой незатѣйливый гуманный долгъ. Онъ живетъ въ тѣсномъ общеніи со своей паствой, принимаетъ къ сердцу всѣ нужды окрестныхъ поселянъ, пользуется ихъ полнымъ довѣріемъ и, сильно стѣсненный въ средствахъ, ведетъ самый скромный образъ жизни. Онъ—вдовець, у него четверо дѣтей; когда одинъ изъ его сыновей изорвалъ новое платье въ дракѣ съ товарищемъ, онъ серьезно озабоченъ неожиданнымъ расходомъ на новое. И вдругъ этому скромному, терпѣливому пастору судьба даетъ возможность совершенно измѣнить существованіе: въ него влюбляется молодая, капризная красавица, наслѣдница миллионнаго состоянія, и дядя ея предлагаетъ пастору Нодѣ ея руку. Въ первую минуту этотъ бракъ кажется совершенно немыслимымъ: Жанна на пятнадцать лѣтъ его моложе, она совершенно не знаетъ жизни; если ея полудѣтское сердце увлеклось благороднымъ порывомъ стать матерью для сиротъ и помощницей пастора въ его служеніи людямъ, то это случайное увлеченіе несомнѣнно пройдетъ такъ же быстро, какъ оно пришло, и ничего не можетъ выйти угоднаго Богу изъ этого неравнаго союза. Но голосъ разума не помогаетъ Нодѣ противостоять соблазну. Жанна ему очень нравится. Прежде въ немъ не могло возникнуть и мысли о ней; теперь эта мечта всецѣло имъ овладѣла. Онъ боится пока-

зять дѣвушкѣ, до какой степени онъ ее любить; доводами разсудка онъ старается отклонить симпатіи Жанны, которая ему вполне доверяется и только нѣсколько задѣта его кажущимся равнодушіемъ. Успокоивъ свою совѣсть честнымъ объясненіемъ съ Жанной, указавъ ей на всю трудность ея будущихъ обязанностей, семейныхъ и общественныхъ, Нодье счастливъ однако, что всѣ эти доводы ею отвергнуты, и женитьба на Жаннѣ, т.-е. нѣчто для него совершенно сказочное и несбыточное, становится фактомъ.

Но этотъ бракъ, по прошествіи перваго же года, становится источникомъ глубокой душевной драмы. Жанна сразу обнаруживаетъ свой истинный характеръ. Она увлеклась пасторомъ изъ пустого романтизма. Ей казалось интересной роль самоотверженной героини, заботы о дѣтяхъ, о паствѣ, но, подойдя ближе ко всѣмъ этимъ воображаемымъ радостямъ, она быстро разочаровалась въ нихъ. Дѣтей Нодье она не любитъ, и они въ ней видятъ чужую, отнявшую у нихъ любовь отца. Заботы о бѣдныхъ и страждущихъ ей надоѣдаютъ, и она очень скоро начинаетъ скучать и томиться. А Нодье между тѣмъ все болѣе привязывается къ молодому, красивому существу и любитъ Жанну сосредоточенной страстью, скрывая силу своихъ чувствъ подъ виѣшней почтенностью служителя церкви. Въ немъ происходитъ тяжелая борьба. Его призваніе столкнулось съ вопросомъ о земномъ счастьѣ. Въ угоду капризной Жаннѣ онъ долженъ вести роскошный образъ жизни, пользоваться доходами, которые тяготятъ его совѣсть, отдавать почти все свое время пустому свѣтскому образу жизни, между тѣмъ какъ душа его требуетъ иного, и въ немъ все болѣе властно и настойчиво поднимается вопросъ о необходимости выбора между долгомъ совѣсти и личнымъ счастьемъ. Жанна — воплощеніе земной радости, которая какъ будто дается ему и вмѣстѣ съ тѣмъ ускользаетъ изъ его рукъ, и она знаетъ, твердо знаетъ, что лишь тогда онъ будетъ ей милъ, когда забудетъ о своемъ призваніи. Прежде онъ могъ тѣшить себя тѣмъ, что молодая женщина станетъ идеальной подругой, сподвижницей его въ служеніи людямъ. Но теперь онъ видитъ, что это не такъ, что Жанна вполне равнодушна къ тому, о чемъ скорбитъ его душа. Стремиться къ счастью ея любви и вмѣстѣ съ тѣмъ думать о пасторскомъ долгѣ — значитъ, служить двумъ господамъ. Но что избрать, что окажется болѣе сильнымъ: отвлеченный долгъ или сила земной страсти? Пока пасторъ Нодье разбирается въ своихъ чувствахъ и хочетъ согласовать велѣнія долга и влеченія чувствъ, жизнь не ждетъ. Судьба рѣшаетъ вопросъ за него и готовитъ ему искупленіе за то, что онъ поддался соблазну и пошелъ на компромиссы. Нодье въ концѣ концовъ вернется къ непреклонному служенію высшему долгу, но прежде

чѣмъ онъ отвоевываетъ себѣ душевный покой, ему приходится пройти чрезъ тяжкія испытанія. Въ семейной жизни пастора разыгрывается драма. Жанна скучаетъ, она вполнѣ равнодушна къ мужу, не старается даже заглянуть въ его душевный міръ и не подозрѣваетъ ни о его страданіяхъ, ни даже о его мучительной любви къ ней. Но—какъ всегда въ „психологическихъ“ французскихъ романахъ—на горизонтѣ показывается молодой человѣкъ, и дѣйствіе романа постепенно сводится къ вопросу: будетъ адюльтеръ, или не будетъ? Нравственное чувство строгаго читателя можетъ успокоиться: адюльтера не будетъ; но въ этомъ заслуга—или вина—не Жанны. Она ищетъ только развлечения, и когда однообразіе ея жизни нарушается прїѣздомъ кузена Анри, она сразу забываетъ семью и мужа сначала для волнующихъ ее и его разговоровъ о томъ, что и она, и онъ, „непонятныя натуры“, потомъ для прогулокъ верхомъ и для флѣрта, который она рада была бы превратить въ нѣчто разбивающее ея семейную жизнь. Жанна знала Анри и до своего замужества, но не обращала вниманія на слишкомъ серьезнаго, занятаго своими книгами юношу. Теперь онъ явился передъ ней въ новомъ свѣтѣ мученичества. Послѣ долгихъ колебаній онъ рѣшился объявить отцу о томъ, что въ немъ изъяла вѣра и онъ не можетъ стать священникомъ, какъ это предполагалось. Жанна, которой надоѣла благочестивость мужа, видитъ въ религіозномъ кризисѣ Анри особаго рода подвигъ и преклоняется передъ нимъ. Анри не понимаетъ, что онъ просто интересенъ для скучающей молодой женщины, и сочувствіе ея становится для него источникомъ силы. Болѣзнь юноши—слѣдствіе его душевной борьбы—еще болѣе сближаетъ его съ Жанной, которая, вмѣстѣ съ матерью Анри, не отходитъ отъ кровати больного. Съ выздоровленіемъ Анри, наступаетъ самое опасное время для влюбленныхъ, не дающихъ себѣ отчета въ томъ чувствѣ, которое проснулось въ нихъ обоихъ. Они только подъ разными предлогами стараются какъ можно болѣе бывать вдвоемъ, и Жанна нетерпѣливо уклоняется отъ всѣхъ семейныхъ обязанностей, могущихъ помѣшать ей бытъ съ Анри. Отрезвленіе наступаетъ, однако, очень скоро. Анри первый рѣшается порвать сношенія, съ которыми совѣсть его не можетъ примириться. Предупредивъ мать и написавъ Жаннѣ искреннее письмо о мотивахъ своего поступка, онъ уѣзжаетъ въ далекое путешествіе. Жанна разочарована и въ немъ. Когда она была влюблена въ Нодѣ, ее отталкивала въ немъ его строгая добропорядочность и совѣстливость. Ея капризному незанятому воображенію хотѣлось бы, чтобы ради нея нарушались обѣты и законы—и въ Анри, смѣломъ мятежникѣ противъ церковнаго долга, она надѣялась встрѣтить достойнаго героя своего романа. Когда же и онъ рѣшается слѣдо-

вать лишь велѣніямъ совѣсти, она чувствуетъ величайшее презрѣніе къ жизни, разбивающей всѣ ея мечты. Однако, оставаясь въ домѣ пастора она не можетъ послѣ промелькнувшаго сна о болѣе яркомъ счастьѣ любви. Она уходитъ отъ мужа и требуетъ развода, безучастная къ дальнѣйшей судьбѣ человѣка, котораго она увлекла на иной путь, чтобы бросить его, когда игрушка надоѣла.

Исторія Жанны и Анри—очень обыденная и напоминаетъ типичные французскіе адюльтерные романы съ добродѣтельной развязкой (есть и такіе, хотя въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ романы съ грѣховнымъ концомъ). Интересъ романа Рода, однако, не въ этомъ банальномъ приключеніи, а въ томъ, какъ оно отражается на душевной драмѣ пастора Нодбѣ. Есть моментъ, когда страданія его утрачиваютъ всякую возвышенность. Оскорбленный возможностью измѣны Жанны, онъ переживаетъ всѣ муки ревности, не смѣя въ нихъ признаться. Онъ забываетъ свои сомнѣнія, не думаетъ уже о своемъ пасторскомъ долгѣ, забрасываетъ дѣтей, несправедливъ къ нимъ въ ихъ столкновеніяхъ съ Жанной, сознаетъ все это, но думаетъ только о томъ, чтобы не потерять Жанну, устраиваетъ ей сцены ревности, смѣняющіяся порывами нѣжности и мольбы, и совершенно утрачиваетъ власть надъ собою. Можно пожалѣть о томъ, что романистъ не показываетъ, какъ бы должна была закончиться душевная борьба Нодбѣ по исключительно внутреннимъ психологическимъ причинамъ: какъ бы онъ справился самъ съ явнымъ противорѣчіемъ велѣній совѣсти и требованій чувства. Очевидно, долгъ справедливаго и безстрастнаго служителя религіи требовалъ, чтобы онъ предоставилъ свободу женѣ, отрекся отъ богатства и роскоши, внесенныхъ ею въ его домъ, и самъ радостно и смиренно вернулся къ тихому и мирному исполненію своихъ обязанностей. Но служитель церкви полюбилъ и соблазнился земными радостями. Любовь заставляетъ его желать счастья, и онъ готовъ поступиться справедливостью, готовъ настаивать на своемъ правѣ и, въ силу его, удержать разлюбившую его жену. Это столкновение Родъ разрѣшаетъ, однако, не чисто психологически. Внѣшнія событія указываютъ пастору истинный путь, съ котораго его совлекло безуміе чувства. Жанна ушла отъ него противъ его желанія и временно поселилась у своей тетки (матери Анри), требуя развода. Пасторъ не можетъ настаивать на своемъ правѣ не допускать развода, потому что это покрыло бы его, какъ служителя церкви, величайшимъ позоромъ и отразилось бы на добромъ имени его дѣтей. Его обвинили бы въ желаніи удержать богатство жены, и никакихъ доказательствъ того, что имъ управляютъ другіе мотивы, онъ бы представить не могъ. Нодбѣ настаиваетъ долго на своихъ правахъ, возстаетъ противъ нечестивости развода, повинуюсь опять-

таки не тѣмъ церковнымъ велѣніямъ, о которыхъ онъ говоритъ, а голосу ревнивой страсти. Потомъ, подъ гнетомъ обстоятельствъ, на него находить просвѣтленіе. Къ нему въ домъ переселилась его старшая сестра, Анжелика, осиротѣвшая со смертью своего отца, знаменитаго ученаго; гордости всей семьи. Анжелика проникнута величіемъ духа, отличающимъ умершаго старца, и вноситъ въ семью брата тотъ же духъ мудрости и смиренія. Она своимъ тихимъ влияніемъ помогаетъ пастору „найти себя“. Онъ окончателно постигаетъ, что нельзя служить двумъ господамъ, и твердо вступаетъ на путь служенія Богу. Онъ рѣшается стать миссіонеромъ, оставить семью на попеченіе сестры. Прощальная его проповѣдь собираетъ въ церкви огромную аудиторію молящихся и любопытствующихъ. Но пасторъ разочаровываетъ тѣхъ, кто ожидалъ какихъ-нибудь отзвуковъ личной драмы въ послѣдней проповѣди. Онъ уже всецѣло отдался долгу вѣры и занятъ только мыслью о будущихъ дѣяніяхъ среди непросвѣщенныхъ массъ.

Романъ Рода заканчивается примирительнымъ аккордомъ, торжествомъ духа надъ страданіями и препятствіями жизни. Пасторъ Нодье—типичный представитель борьбы за призваніе, на чтò бы оно ни было направлено. Душевная драма Нодье могла произойти въ жизни художника, мыслителя, научнаго дѣятеля—всѣхъ, кто живетъ отвлеченными, безкорыстными задачами. Этотъ общечеловѣческій характеръ увеличиваетъ интересъ новаго романа Эдуарда Рода.

III.

S. J. Nadson. Gedichte. Autorisierte Verdeutschung im Versmass des russischen Originals, von Friedrich Fiedler. Leipzig.

Нѣмецкій переводчикъ лучшихъ русскихъ поэтовъ нашего прошлаго,—Пушкина, Лермонтова, Кольцова, гр. Алексѣя Толстого,—дѣлаетъ въ своемъ послѣднемъ томикѣ, вышедшемъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, большой шагъ впередъ — въ смыслѣ времени, конечно. Отъ классиковъ онъ переходитъ прямо къ новѣйшимъ поэтамъ, къ современникамъ. Предполагая, повидимому, познакомить нѣмецкихъ читателей съ наиболѣе характерными представителями новѣйшей русской поэзіи, г. Фидлеръ начинаетъ новую серію своихъ переводовъ съ покойнаго Надсона. Выборъ г. Фидлера можно назвать удачнымъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, но нельзя, вмѣстѣ съ тѣмъ, не привести противъ него нѣкоторыхъ возраженій. Всякій, кто любитъ русскую поэзію и питаетъ справедливое желаніе познакомить иностранныхъ читателей съ тѣмъ, чтò въ ней есть лучшаго и наиболѣе своеобразнаго, почув-

ствуетъ нѣкоторое разочарованіе при видѣ этого новаго томика переводовъ г. Фидлера. Зачѣмъ почтенный переводчикъ такъ быстро перешелъ къ новѣйшей русской поэзіи, когда еще остались неперевоенными многіе самобытные и глубоко интересные поэты прошлаго. Почему онъ сдѣлалъ такой быстрый переходъ прямо къ Надсону, не переведя ни Тютчева, ни Баратынскаго? Творчество этихъ поэтовъ по настроеніямъ своимъ, быть можетъ, болѣе близко современности, — не только русской, но и общеевропейской, — чѣмъ даже Надсонъ, — недавній кумиръ русской молодежи. Но и кромѣ этихъ поэтовъ, какъ много другихъ, на которыхъ слѣдовало бы остановиться внимательному переводчику! Прежде чѣмъ переходить къ новому поэту среди умершихъ, быть можетъ, слѣдовало бы заняться тѣми изъ живыхъ, которые принадлежатъ прошлому по характеру творчества. Избранныя стихотворенія Полонскаго (переводъ Надсона вышелъ до смерти послѣдняго) имѣли бы въ нѣмецкомъ переводѣ большой интересъ, какъ образцы неподдѣльнаго, чистаго лиризма. — Мы не сомнѣваемся, впрочемъ, что эти пробѣлы будутъ восполнены въ дальнѣйшихъ переводахъ г. Фидлера, и что съ теченіемъ времени всѣ перлы русской поэзіи станутъ доступными нѣмецкимъ читателямъ въ прекрасной передачѣ г. Фидлера.

Но если, въ самомъ дѣлѣ, переводъ Надсона не случайный и обусловленъ не однѣми личными симпатіями переводчика къ рано умершему поэту, то какъ начало серіи онъ имѣетъ несомнѣнное значеніе. Поэзія Надсона и длянщаяся усѣбъ ея въ нашемъ обществѣ — несомнѣнный историческій фактъ, заслуживающій вниманія. Иностранный читатель, если онъ захочетъ понять судьбу русской поэзіи, найдетъ въ поэзіи Надсона много интереснаго матеріала для ознакомленія съ художественными вкусами и мотивами душевной жизни у значительной части русскаго общества. Быть можетъ, поэзія Надсона ей покажется мало оригинальной, а художественная форма — недостаточно сильной, хотя и мелодичной. Но все-таки эта искренняя, то горячо негодующая, то расслабленно тоскующая поэзія обратитъ на себя вниманіе: въ ней — основные мотивы жизни цѣлаго поколѣнія.

О достоинствахъ перевода г. Фидлера мы на этотъ разъ распространяться не будемъ. Мы имѣли случай говорить о томъ, какъ онъ умѣлъ справляться съ трудностями въ поэзіи Пушкина и Лермонтова. Тѣмъ ярче и свободнѣе выходятъ его переводы поэмъ и стихотвореній, не требующихъ благоговѣйнаго отношенія къ каждому слову. Знаменитыя строфы Надсона: „Другъ мой, братъ мой“... и другія, сохраняютъ въ передачѣ всѣ свойства оригинала, весь свой несложный драматизмъ и всю привлекательную искренность молодого чувства. — З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 декабря 1898.

Проектъ положенія о личномъ наймѣ и контролѣ частной прислуги въ Петербургѣ.—Различное отношеніе къ договаривающимся сторонамъ.—Возстановленіе аттестаций прислуги.—Лучшій способъ разрѣшенія вопроса о прислугѣ.—Открытіе памятниковъ гр. М. Н. Муравьеву и П. С. Нахимову.—Сорокалѣтіе ученой дѣятельности В. И. Герье.—„Русскій Начальный Учитель“ о числѣ школъ и учащихся въ спб. губерніи.

Обычнымъ предметомъ „обывательскихъ“ разговоровъ въ Петербургѣ служатъ, какъ извѣстно—наравнѣ съ жалобами на погоду,—жалобы на извозчиковъ и на прислугу. Весьма вѣроятно, что среди извозчиковъ и прислуги отнюдь не меньшую роль играютъ жалобы на ѣздоковъ и на хозяевъ; вся разница въ томъ, что послѣдняя категория жалобъ гораздо рѣже проникаетъ въ печать, гораздо рѣже обращаетъ на себя вниманіе властныхъ и вліятельныхъ сферъ. Еслибы обѣ стороны находились въ одинаковыхъ условіяхъ, еслибы ихъ претензіи выслушивались и рассматривались съ одинаковымъ безпристрастіемъ, то пришлось бы, быть можетъ, признать, что ходячія, огульныя обвиненія, взводимыя на извозчиковъ и на прислугу, не менѣе преувеличенны и односторонни, чѣмъ знаменитая формула, провозгласившая „лѣнность грубаго простонародья“. А между тѣмъ, подобными обвиненіями поддерживается цѣлый рядъ предубѣждений, создающихъ, въ свою очередь, благоприятную почву для разныхъ экстраординарныхъ мѣропріятій. Только этимъ путемъ можно объяснить появленіе такихъ проектовъ, какъ обсуждаемое теперь въ с.-петербургской городской Думѣ „Положеніе о личномъ наймѣ и контролѣ частной прислуги въ гор. С.-Петербургѣ и пригородныхъ участкахъ“¹⁾.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что наемъ прислуги, какъ одинъ изъ видовъ личнаго найма, входитъ въ сферу дѣйствія общаго гражданскаго права и подлежитъ регулированію на томъ же основаніи и въ томъ же порядкѣ, какъ и всякое другое гражданское правоотношеніе. Если дѣйствующія по этому предмету узаконенія неполны или несовершенны, ихъ слѣдуетъ дополнить или исправить, сохраняя за ними, во всякомъ случаѣ, общее значеніе. Нельзя устанавливать особыя правила о наймѣ прислуги для *одного* города, хотя бы и столичнаго; нельзя издавать законъ, сила котораго ограничена городской чертою, и еще менѣе возможно *замѣнять* законъ, въ этихъ предѣлахъ, ин-

¹⁾ Оно напечатано въ № 22 „Извѣстій С.-Петербургской Городской Думы“, 1898 г.

струкціей или административнымъ распоряженіемъ. Проектъ положенія, составленный комиссією при с.-петербургскомъ градоначальникѣ и внесенный послѣднимъ на заключеніе городской Думы, соединяетъ въ себѣ всѣ признаки *законопроекта*—и вмѣстѣ съ тѣмъ приурочивается къ одному только Петербургу. Это—первая, коренная аномалія; изъ нея, а также изъ предвзятаго недовѣрія къ прислугѣ, истекаютъ всѣ другіе недостатки проекта. Онъ опредѣляетъ срокъ договора найма, его форму, способы его прекращенія, права, обязанности и отвѣтственность обѣихъ сторонъ, т.-е. все то, что составляетъ предметъ *общаго* законодательства о личномъ наймѣ. Одно изъ двухъ: или нововведенія проекта оправдываются самымъ характеромъ договора найма, соотвѣтствуютъ справедливости, вызываются требованіями жизни—въ такомъ случаѣ они должны быть распространены на всю Россію; или они не удовлетворяютъ этимъ основнымъ условіямъ—въ такомъ случаѣ для нихъ не должно быть мѣста и въ Петербургѣ.

Разсматриваемый съ формальной стороны, всякій законопроектъ долженъ отличаться точностью и опредѣленностью выраженій, избѣгать всякой казуистики и содержать въ себѣ только предписанія юридическаго свойства, т.-е. допускающія ту или другую санкцію, въ видѣ понудительнаго исполненія или уголовной кары. Проектъ положенія о наймѣ прислуги не соединяетъ въ себѣ ни одного изъ этихъ внѣшнихъ условій. Домашнею прислугою, по 1-й ст. проекта, признаются лица, „нанявшіяся для исполненія своимъ физическимъ трудомъ домашнихъ и хозяйственныхъ работъ и услугъ, не имѣющихъ ремесленнаго или фабрично-промышленнаго значенія“. Подъ это опредѣленіе не подходятъ ни кондукторы общественныхъ каретъ, ни банщицы, ни официанты въ гостиницахъ и ресторанахъ, трудъ которыхъ, очевидно, не имѣетъ *домашняго* характера; не подходятъ и бонны для присмотра за дѣтьми, трудъ которыхъ не можетъ быть названъ чисто *физическимъ*. Между тѣмъ, всѣ эти лица отнесены, въ ст. 3-й, къ домашней прислугѣ. Если домашней прислугой можно считать кондукторовъ общественныхъ каретъ, то почему же не поставлены на ряду съ ними лодочники, расмыслы, артельщики, положеніе которыхъ по отношенію къ своимъ хозяевамъ совершенно аналогично? Если трудъ бонны признаетъ физическимъ, то почему не признается такимъ же трудъ ключницъ или экономокъ? Не ясно ли, что перечень, составляющій содержаніе ст. 3-й, страдаетъ либо излишествомъ, либо неполнотою, какъ всякая попытка—все предвидѣть и все регламентировать? Еще опаснѣе подобныя попытки становятся тогда, когда рѣчь идетъ объ обстоятельствахъ, обусловливающихъ собою пользованіе правомъ. Сюда относится, напримѣръ, ст. 11-я проекта, опредѣляющая, когда именно договоръ найма можетъ быть на-

рушень (правильнѣе было бы сказать: „признавъ несостоявшимся“), еще до его осуществленія. Здѣсь предусматривается, между прочимъ, необходимость для нанявшагося выѣхать изъ Петербурга по требованію родителей или по поводу открывшагося наслѣдства. А если такая необходимость вызывается пожаромъ дома въ деревнѣ, или смертью родителей, или тяжелою болѣзнью ребенка? По буквальному смыслу ст. 11-й, это не освобождаетъ нанявшагося отъ обязанности приступить къ исполненію договора, хотя, конечно, причины, только что упомянутыя нами, отнюдь не менѣе важны, чѣмъ причины, предусмотрѣнныя проектомъ. Такою же неполнотою отличается и перечень обстоятельствъ, дающихъ прислугѣ право требовать увольненія раньше срока найма (ст. 33). Къ числу этихъ обстоятельствъ отнесено, на примѣръ, антигигіеническое *помѣщеніе* прислуги, но не отнесено антигигіеническое ея *питаніе*; отнесена смерть мужа служащей женщины, но не отнесена смерть жены служащаго мужчины ¹⁾; не отнесены другія семейныя бѣдствія, въ родѣ тѣхъ, которыя пропущены въ ст. 11-й. Къ ст. 33-й проекта намъ еще придется, впрочемъ, возвратиться, потому что она возбуждаетъ возраженія не только по формѣ, но и по существу... Какой смыслъ имѣютъ, далѣе, постановленія въ родѣ слѣдующихъ: „прислуга обязана служить честно и вѣрно, исполнять свои обязанности усердно и *безропотно* (!), вести себя трезво, прилично и благопристойно, обращаться съ другими слугами нанимателя—вѣжливо, съ имуществомъ его—умѣло“ (!); или: наниматель „обязанъ обращаться съ прислугой кротко и справедливо“ (ст. 13, 16, 20)? Вѣдь это не узаконенія, а наставленія, для которыхъ не должно быть мѣста въ положительномъ законѣ. Мы знаемъ, что такихъ наставленій немало въ нашемъ сводѣ (напр. въ уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій и даже въ законахъ гражданскихъ)—но это остатокъ старины, котораго не слѣдуетъ переносить въ новѣйшіе законодательные акты.

Общій духъ разбираемаго нами проекта выразился довольно ярко въ заголовкахъ двухъ главъ, третьей и четвертой. Первая изъ нихъ названа такъ: „Объ обязанностяхъ прислуги во время службы“; вторая— „Объ отношеніяхъ нанимателей къ прислугѣ, вытекающихъ изъ условій договора“. Такому различію терминовъ соотвѣтствуетъ, отчасти, и различіе содержанія. Обязанности прислуги опредѣлены съ гораздо большою строгостью, чѣмъ обязанности нанимателя, пользующагося, за то, значительно большими правами. По ст. 31 проекта, законными причинами къ увольненію прислуги во всякое время до срока окончанія дого-

¹⁾ Это замѣчаніе заимствовано нами изъ отзыва юрисконсульта городской управы; въ этомъ отзывѣ вообще много основательнаго.

вора считается, между прочимъ, обнаруженіе у прислуги прилипчивой или заразной болѣзни; но обнаруженіе такой болѣзни у нанимателя не даетъ прислугѣ, по ст. 33-ей, права на уходъ раньше срока,—а въдѣ опасность, въ обоихъ случаяхъ, совершенно одинакова. Поводомъ къ увольненію прислуги признается не только нанесеніе оскорбленія нанимателю или кому-нибудь изъ его семьи, или приближенныхъ, но и дерзкое обращеніе съ нанимателемъ, сплетни и разглашеніе о нанимателѣ чего-нибудь оскорбительнаго; поводомъ къ досрочному освобожденію прислуги отъ дальнѣйшей службы не признается даже оскорбленіе дѣйствиельно, нанесенное ей нанимателемъ или однимъ изъ членовъ его семейства. Можетъ, слѣдовательно, получиться такая комбинація обстоятельствъ: горничная или кухарка, которую ударилъ хозяинъ, должна будетъ испросить у него разрѣшеніе отлучиться для подачи на него жалобы, подѣ опасеніемъ очутиться въ положеніи виновной стороны (законною причиною къ досрочному увольненію прислуги признается, между прочимъ, недозволенная ея отлучка)! Этого мало: если наниматель будетъ признанъ виновнымъ въ оскорбленіи и приговоренъ къ аресту, горничная должна будетъ остаться у него въ услуженіи и во время содержанія его подѣ арестомъ, и послѣ его освобожденія, такъ какъ законнымъ поводомъ къ расторженію договора найма проектъ признаетъ только личное задержаніе служащаго, но не личное задержаніе нанимателя. Эквивалентомъ столь явной неправомерности едва ли можетъ служить право (или, какъ выражается проектъ, обязанность) нанимателя заступаться за прислугу и привлекать ея обидчиковъ къ суду безъ всякаго уполномочія со стороны потерпѣвшей прислуги (ст. 25 проекта); напротивъ того, это является ограниченіемъ правъ прислуги и низводитъ ее на одинъ уровень съ малолѣтними, неспособными къ самозащитѣ... Ограждая права нанимателя, проектъ не отступаетъ передъ нарушеніемъ общихъ началъ гражданскаго права и процесса. Вопреки основному правилу, по которому обязанность доказать убытокъ возлагается на потерпѣващаго, ст. 17-я позволяетъ нанимателю вычитать изъ наемной платы стоимость убытка, причиненнаго ему, по его мнѣнію, слугою, а послѣднему предоставляетъ лишь право жаловаться на то суду, обращая его изъ отвѣтчика въ истца и возлагая на него бремя доказательства. Вопреки основному правилу, по которому каждый отвѣчаетъ только за себя, ст. 18-ая признаетъ слугу отвѣтственнымъ за злоупотребленія другихъ слугъ, если онъ не донесетъ о нихъ нанимателю.

Особенно рельефно неодинаковое отношеніе проекта къ договаривающимся сторонамъ выразилось въ постановленіяхъ объ отвѣтственности ихъ за нарушеніе договора. По ст. 36-ой, наниматель, уволившій прислугу безъ законныхъ причинъ до истеченія срока найма,

обязанъ заплатить ей жалованье по срокъ договора. Сопоставленіе этого правила съ перечнемъ законныхъ причинъ досрочнаго увольненія прислуги приводитъ къ убѣжденію, что на практикѣ оно оказалось бы мертвою буквой. Въ самомъ дѣлѣ, законными причинами увольненія ст. 31-ая признаетъ, между прочимъ, *неумѣлость* прислуги и *небрежное отношеніе* ея къ своимъ обязанностямъ. Подъ эти два понятія, особенно подъ послѣднее, можетъ быть подведено все, что угодно. Если *умѣлость* прислуги можетъ, пожалуй, быть подтверждена экспертизой (во всякомъ случаѣ весьма дорогой и затруднительной), то доказать *усердіе*, т. е. опровергнуть обвиненіе въ *небрежности*, почти немислимо, особенно при возложеніи на прислугу роли истца, обязаннаго доказать свой искъ. Понятіе о небрежности въ высшей степени относительное и эластичное: нанимателю всегда легко будетъ отыскать и выдвинуть на сцену отдѣльный фактъ или даже рядъ фактовъ, свидѣтельствующій о какомъ-нибудь упущеніи со стороны прислуги. Въ иномъ положеніи окажется прислуга: причинъ, оправдывающихъ досрочное, съ ея стороны, прекращеніе договора, сравнительно мало, и ни одна изъ нихъ не отличается растяжимостью. Между тѣмъ, за „самовольный уходъ“ со службы прислуга подвергается аресту на время отъ одного до семи дней, и по отбытіи наказанія обязана возвратиться къ нанимателю, если послѣдній пожелаетъ ее принять (а если прислуга не пожелаетъ возвратиться?); въ противномъ случаѣ, сообразно съ прежнею ея службою и поведеніемъ, она или остается въ городѣ, для поступленія на новую службу, или высылается на родину, по распоряженію градоначальника, съ воспрещеніемъ жительства въ столицѣ на время отъ одного года до трехъ лѣтъ. Крайне несправедливымъ является уже лишеніе свободы за неисполненіе договора, угрожающее, притомъ, только одной изъ договаривающихся сторонъ; что же сказать о столь серьезномъ правоограниченіи, какъ высылка изъ столицы, съ воспрещеніемъ возвращаться туда въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго срока? Мы знаемъ, что такая мѣра практикуется, по разнымъ поводамъ, и въ настоящее время; но это—еще не причина узаконять ее для цѣлой категоріи случаевъ, важность которыхъ вовсе не соответствуетъ тяжести взысканія. Проектъ идетъ еще дальше: для всѣхъ тѣхъ, кто однажды поступилъ или хотя бы только выразилъ желаніе поступить въ ряды прислуги, онъ ограничиваетъ право жить въ столицѣ безъ мѣста мѣсячнымъ срокомъ (ст. 57 и 58). Какъ поступать съ прислугой, въ этотъ срокъ не нашедшей мѣста и не представившей особыхъ оснований для отсрочки—это въ проектѣ опредѣленно не выражено; но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что, по мысли его составителей, прислугѣ и здѣсь угрожаетъ высылка. Если въ служебной книгѣ

лица, обратившагося съ просьбой о выдачѣ ему билета на право проживанія безъ мѣста, имѣются три неодобрительныхъ аттестата, градоначальникъ въ правѣ отказать просителю и выслать его въ мѣсто приписки, съ воспрещеніемъ жительства въ столицѣ на срокъ отъ одного года до трехъ лѣтъ (ст. 60). Для одного класса гражданъ создается, такимъ образомъ, цѣлая серія ограниченій, крайне тяжелыхъ, иногда прямо разорительныхъ. Если крестьянинъ пріѣхалъ въ Петербургъ для пріисканія работы фабричной, ремесленной или просто поденной, ему не назначается для того никакого срока; но горе ему, если онъ захочетъ поступить въ дворники или кучера—и поиски мѣста не приведутъ къ цѣли въ теченіе одного мѣсяца. Почему и для чего признается нужной такая разниа — это неразрѣшимая загадка; нѣтъ никакихъ основаній думать, что неблагонадежныхъ элементовъ между желающими поступить въ услуженіе больше, чѣмъ между другими искателями мѣстъ и работы. Огульные мѣры предосторожности, направленные не противъ отдѣльныхъ лицъ, а противъ цѣлыхъ группъ, характеризуемыхъ чисто внѣшними, случайными признаками, едва ли когда-нибудь приводили къ желанной цѣли.

Въ довершеніе неравноправности между нанимателями и прислугой, проектъ восстанавливаетъ аттестацию послѣдней ~~первыи~~, отгѣненную со времени закрытія адресной экспедиціи. Непрактичность и несправедливость этой мѣры давно уже доказана опытомъ. Дурной аттестациі на практикѣ вовсе не существовало; наниматель, недовольный прислугой, ограничивался тѣмъ, что отгѣчалъ только время нахождения ея у него въ услуженіи. И такая отгѣтка представляла, однако, большія неудобства, въ виду полной неувѣренности въ безпристрастіи нанимателя. Проектъ пытается гарантировать это безпристрастіе двоякимъ способомъ: во-первыхъ—однимъ изъ тѣхъ наставленій, на которыя онъ такъ щедръ, и которыя лишены всякаго реального значенія (ст. 41: „аттестатъ долженъ быть написанъ безпристрастно и справедливо, чтобы не повредить прислугѣ и не ввести никого въ заблужденіе“); во-вторыхъ—предоставленіемъ прислугѣ, получившей пристрастный и несправедливый аттестатъ, права жаловаться въ судъ, который или предлагаетъ нанимателю дать другой аттестатъ, или же выдаетъ его отъ себя, съ указаніемъ, по какой именно причинѣ онъ выданъ судомъ (ст. 42). Обеспеченіе, такимъ образомъ создаваемое для прислуги, только кажущееся: многіе ли изъ ея среды будутъ имѣть и средства, и досугъ, и умѣнье, необходимые для веденія судебного процесса? Непреодолимымъ препятствіемъ для судебной защиты явится, притомъ, во многихъ случаяхъ высылка жалующагося изъ столицы, вслѣдствіе непріисканія имъ, въ срокъ, новаго мѣста—а пріискать мѣсто ему бу-

детъ трудно или невозможно—именно вслѣдствіе дурной аттестаціи, данной нанIMATEЛЕМЪ.

Для веденія списковъ прислуги, для снабженія ея служебными книжками (замѣняющими собою договоръ между нанIMATEЛЕМЪ и прислугой) и билетами на право проживанія безъ мѣста, для взысканія вновь устанавливаемыхъ сборовъ (15 коп. за служебную книжку, 1 рубль за переѣму мѣста служенія) и штрафовъ (за нарушеніе требованій проекта) предполагается учредить при управленіи с.-петербургскаго градоначальника особый „контроль частной прислуги въ гор. С.-Петербургѣ и пригородныхъ участкахъ“, состоящій изъ начальника, его помощника, трехъ дѣлопроизводителей, шести помощниковъ дѣлопроизводителя, казначея, бухгалтера, журналиста и архиваріуса. На содержаніе всѣхъ этихъ лицъ потребовалось бы 23.910 руб., на помѣщеніе, съ освѣщеніемъ и отопленіемъ, на наемъ писцовъ, курьеровъ и сторожей, на канцелярскія принадлежности и непредвидѣнные расходы—19.100 руб., а всего 43.010 рублей. Эта сумма должна быть покрыта изъ названныхъ выше сборовъ и штрафовъ; изъ нея же предполагается выдавать пособія и награды чинамъ контроля, а также наружной полиціи, за содѣйствіе успѣшному выполненію требованій положенія. Немного же, затѣмъ, окажется остатковъ, которые можно было бы употребить, согласно указаніямъ проекта, на нужды самой прислуги. Весьма легко можетъ случиться, что вся сумма сборовъ и штрафовъ, весьма чувствительныхъ для плательщиковъ, уйдетъ цѣликомъ на содержаніе учрежденія, функции котораго будутъ имѣть чисто формальный характеръ. А между тѣмъ, чинамъ контроля предполагается разрѣшить производство—не только въ общественныхъ заведеніяхъ, но и въ частныхъ домахъ, — „фактическихъ повѣрокъ“, съ цѣлью удостовѣренія, снабжена ли прислуга служебными книжками и внесены ли своевременно сборы за право служенія. Съ какими неудобствами подобныя повѣрки будутъ сопряжены и для самой прислуги, и для жителей столицы, нанимающихъ прислугу—это не требуетъ поясненія. Далекое не цѣлесообразнымъ слѣдуетъ признать и предоставленіе полицейскому учрежденію права награждать прислугу за *безупречную службу*. Оно можетъ вызвать предположеніе, что награды выдаются за услуги, оказанныя полиціи.

Слѣдуетъ ли заключить изъ всего вышесказаннаго, что объ упорядоченіи отношеній между нанIMATEЛЕМИ и прислугой не можетъ быть и рѣчи? Нѣтъ; мы думаемъ только, что къ этому дѣлу нужно приступить съ другой стороны. Ст. 89-ая проекта предоставляетъ градоначальнику право открыть *со временемъ* при контролѣ прислуги справочный отдѣлъ для указанія хозяевамъ—прислуги, а прислугѣ—свободныхъ мѣстъ. Намъ кажется, что именно съ подобнаго учрежде-

нiя слѣдовало бы начать, открывъ его, конечно, не при градоначальникѣ, а при городскомъ общественномъ управленiи. Обращенiе къ нему должно быть добровольнымъ, но отъ лицъ, прибѣгающихъ къ его содѣйствию, можно было бы требовать подчиненiя извѣстнымъ условiямъ (напр., отъ прислуги — представленiя свѣдѣнiй о томъ, гдѣ она находилась до тѣхъ поръ въ услуженiи), а также *небольшою* денежнаго взноса, который *весь* шелъ бы на надобности прислуги (престарѣлой, больной, или не по своей винѣ оставшейся безъ мѣста). За границей бюро для посредничества между нанимателями и прислугой (или вообще между работоискателями и работодателями) все чаще и чаще отерываются именно городами, и такія бюро оказываютъ обiимъ сторонамъ существенно-важныя услуги. У насъ, къ сожалѣнiю, плодотворная инициатива городскихъ общественныхъ управленiй значительно затруднена недостатками дѣйствующаго городского положенiя и въ особенности установленной имъ избирательной системы. Къ преобразованiю этой системы сводится всякая мысль о дальнѣйшемъ развитiи городского благоустройства...

Годъ тому назадъ, говоря о закладкѣ памятника гр. М. Н. Муравьеву, мы выставили на видъ явное искаженiе истины, допущенное въ слишкомъ усердныхъ газетныхъ панегирикахъ. Такимъ же безцеремоннымъ отношенiемъ къ исторической правдѣ отличаются многія изъ статей, вызванныхъ состоявшимся въ минувшемъ мѣсяцѣ открытiемъ виленскаго памятника. Въ одинаково ложномъ свѣтѣ выставляется значенiе гр. Муравьева и въ внѣшней, и въ внутренней политикѣ Россiи. „Англія, Франція и Австрія“—восклицаютъ, напримѣръ, „Московскія Вѣдомости“ (№ 306),—„обращались къ намъ съ дерзкими дипломатическими совѣтами, на которые мы при данныхъ обстоятельствахъ не могли отвѣтить такъ, какъ слѣдовало, потому что приходилось избѣгать разрыва, пока не было покончено дѣло усмиренiя мятежа... Патріотическія рѣчи (Каткова), показавшія западно-европейскимъ державамъ, что за царемъ стоитъ весь русскій народъ, не оставили бы дипломатической кампанiи, еслибы въ это время не послѣдовало назначенiе М. Н. Муравьева, который одинъ имѣлъ мужество заявить, что эра примирительной политики должна быть закончена, что надлежитъ сразу подавить мятежь, и который потребовалъ, чтобы притязанiямъ иностранныхъ державъ былъ данъ твердый отпоръ... Онъ покончилъ съ мятежемъ на Литвѣ, а за Литвой затихла и Польша, и замолчала европейская дипломатія. Послѣ энергическихъ нотъ, которыми заговорилъ кн. Горчаковъ, опираясь съ одной стороны на дѣйствiя Муравьева, съ другой—на патріотизмъ русскаго народа, Фран-

ція и Англія быстро умѣрили свои требованія“. Въ другой статьѣ („Новое Время“, № 8154) мы читаемъ, что М. Н. Муравьева „просили (?) сохранить хотя бы Литву“, и что онъ „оберегъ растерявшійся Петербургъ отъ униженія, въ виду коалиціи западныхъ державъ“. Никакимъ измышленіямъ не удастся, однако, затемнить факты, хронологическая послѣдовательность которыхъ краснорѣчивѣе самыхъ громкихъ фразъ. М. Н. Муравьевъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ 1 мая 1863 г.—а первыя отвѣтныя депеши кн. Горчакова, отклонившія, въ сдержанной формѣ, но *категорично*, представленія западныхъ державъ, отправлены не позже 21-го апрѣля. Для „требованія“, приписываемаго М. Н. Муравьеву, не было, слѣдовательно, никакого повода; „отпоръ“ иностраннымъ государствамъ былъ данъ еще до его призыва въ Вильно. О „примирительной политикѣ“ по отношенію къ мятежу уже съ самаго начала не было и рѣчи; мѣры противъ повстанцевъ принимались весьма дѣйствительныя; предпріятія Мѣрославскаго и Лангевича еще въ концѣ зимы окончились неудачей; въ губерніяхъ виленской и гродненской военное положеніе было объявлено 8-го февраля. Съ другой стороны, европейская дипломатія „замолчала“ задолго до окончательнаго подавленія возстанія—замолчала какъ потому, что русское правительство оставалось вѣрнымъ сразу занятой имъ позиціи, такъ и потому, что слишкомъ различны были виды и намѣренія кажущихся союзниковъ: Англія и Австрія едва ли думали серьезно о разрывѣ съ Россіей изъ-за польскаго вопроса. Если рѣчь кн. Горчакова, и прежде твердая, становилась, съ теченіемъ времени, все болѣе и болѣе энергичной, то достаточнымъ объясненіемъ этому служить быстро возрастающая боевая готовность Россіи и столь же быстро слабѣвшая,—какъ въ западномъ краѣ, такъ и въ царствѣ польскомъ,—интенсивность и экстенсивность мятежа. Пускай неумѣренные хвалители гр. Муравьева приведутъ доказательства, на основаніи которыхъ они утверждаютъ, что его просили (?) отстоять „хотя бы Литву“. Эти доказательства должны быть очень достовѣрны, очень убѣдительны, чтобы уравновѣсить противоположный выводъ, вытекающій изъ всего хода событий... Столь же неумѣренны тенденціозные хвалители гр. Муравьева въ оцѣнкѣ того, что сдѣлано имъ на пользу сѣверо-западнаго края. „Большая часть его неутомимой дѣятельности“ — утверждаютъ „Московскія Вѣдомости“ (№ 305)—„сразу была направлена на освобожденіе крестьянъ отъ панскаго гнета и произвола. Надѣленіе крестьянъ землею, организація крестьянскаго управленія, охрана народа отъ всякой эксплуатаціи пронесли славу Муравьева по всему народному морю“. И здѣсь фантазмагоріи разбиваются въ прахъ о цифры и факты. Указъ о прекращеніи въ пяти сѣверо-западныхъ губерніяхъ (виленской, ковневской, гродненской, минской и, отчасти, витебской) обязательныхъ от-

ношеній крестьянъ къ помѣщикамъ состоялся еще 1-го марта 1863 г., за два мѣсяца до назначенія М. Н. Муравьева; затѣмъ, еще 9-го апрѣля, послѣдовалъ указъ объ учрежденіи въ сѣверо-западномъ краѣ комиссій для провѣрки уставныхъ грамотъ. Инициатива лучшаго устройства литовскихъ и бѣлорусскихъ крестьянъ принадлежала, такимъ образомъ, не М. Н. Муравьеву; онъ только распространилъ принятыя раньше мѣры на моголевскую губернію и остальные уѣзды витебской. Что при осуществленіи ихъ на практикѣ М. Н. Муравьевъ дѣйствовалъ преимущественно въ интересахъ крестьянъ—это безспорно; но столь же несомнѣнно и то, что онъ руководился при этомъ чисто политическими соображеніями. Главный противникъ общаго освобожденія крестьянъ не могъ обратиться, *du jour au lendemain*, въ ревнителя народнаго блага. Сознавая, по всей вѣроятности, эту невозможность, панегиристы М. Н. Муравьева не выходятъ, обыкновенно, за предѣлы виленакаго періода его дѣятельности. Исключеніемъ, въ этомъ отношеніи, является статья въ „Новомъ Времени“, цитированная нами выше—но исключеніемъ, если можно такъ выразиться, робкимъ и именно потому весьма характеристичнымъ. „Достигнувъ въ 1857 г.“—говоритъ авторъ—„положенія министра, въ пору расцвѣта самыхъ широкихъ преобразовательныхъ замысловъ, тягостно пережитыхъ имъ еще въ юные годы ¹⁾, М. Н. Муравьевъ оказался среди тогдашнихъ дѣятелей въ положеніи исключительномъ. То, о чемъ мечтали и писали молодые офицеры въ двадцатыхъ годахъ, сдѣлалось предметомъ повседневныхъ сужденій и заботъ государственныхъ людей, стоявшихъ у престола. Могъ ли такой просвѣщенный человекъ, видѣвшій язвы отечества съ такою ясностью еще въ тридцатыхъ годахъ, не призывать всею душою лучшихъ порядковъ и прекращенія безправія и самовластія, противъ которыхъ онъ всю жизнь свою ратовалъ? Онъ это и доказалъ впоследствии на дѣлѣ, при устройствѣ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ западныхъ губерніяхъ. Между тѣмъ, его прославили крѣпостникомъ и ретроградомъ. Не умѣя подлаживаться подъ господствующій тонъ, М. Н. Муравьевъ покидаетъ одну должность за другою“. Мы назвали эту аргументацію робкой, потому что въ ней нѣтъ ни доказательствъ, опровергающихъ крѣпостничество М. Н. Муравьева, ни даже прямого увѣренія, что онъ стоялъ, въ 1857-61 г., за освобожденіе крестьянъ; все ограничивается неопредѣленной ссылкой на его прошедшее и указаніемъ на образъ дѣйствій, котораго онъ держался *впоследствии*, въ западномъ краѣ... Когда и какъ М. Н. Муравьевъ „ратовалъ противъ безправія и самовластія“, когда и гдѣ онъ провозгла-

¹⁾ Здѣсь имѣется въ виду близость М. Н. Муравьева, въ началѣ 20-хъ годовъ, къ будущимъ декабристамъ.

шаль крѣпостное право „язвой отечества“ — этого авторъ не объясняетъ; онъ хочетъ, чтобы мы приняли это на вѣру, только потому, что М. Н. Муравьевъ нѣкогда не былъ чуждъ великодушныхъ мечтаній. Кому же неизвѣстно, однако, что между мечтаніями молодости и дѣйствіями зрѣлаго возраста лежитъ, сплошь и рядомъ, цѣлая бездна, углубляемая иногда именно воспоминаніями о прошломъ и желаніемъ его загладить? Противодѣйствіе М. Н. Муравьева общей крестьянской реформѣ—историческій фактъ, подтвержденный свидѣтельствомъ современниковъ (напр. Я. А. Соловьева, П. А. Валуева); онъ сохраняетъ все свое значеніе, какъ бы ни смотрѣть на послѣдующую дѣятельность М. Н. Муравьева... Напрасно, наконецъ, авторъ приписываетъ выходъ М. Н. Муравьева изъ министерства государственныхъ имуществъ, а затѣмъ и изъ департамента удѣловъ и межевого корпуса, неумѣнью его „подаживаться подъ господствующій тонъ“. Въ концѣ 1861 и въ 1862 г., когда Муравьевъ удалился отъ дѣлъ, „господствующій тонъ“ былъ уже далеко не тотъ, что до освобожденія крестьянъ...

Та сторона дѣятельности гр. Муравьева, за которую ему воздвигнуть памятникъ въ Вильнѣ, была въ русской исторіи періодомъ ожесточенной борьбы, мало имѣющимъ общаго съ обычнымъ теченіемъ государственной и народной жизни. Нельзя, поэтому, ставить ее въ образецъ для всѣхъ и cadaго, выводить изъ нея уроки, примѣнимые и къ другимъ условіямъ, къ другой обстановкѣ. Совершенно напрасно, поэтому, совѣтуютъ русской „интеллигенціи“ „вникнуть въ душу М. Н. Муравьева, чтобы научиться у него любить Россію“ (см. „Московскія Вѣдомости“, № 305). Нѣтъ одного, для всѣхъ обязательнаго типа любви къ отечеству—но еслибы онъ и существовалъ, то воплощеніе его слѣдовало бы искать не въ гр. М. Н. Муравьевѣ и вообще не въ тѣ моменты, когда на первый планъ выступаетъ усмиреніе и укрощеніе... Не въ такіе моменты пролагаются „широкіе и вѣрные пути грядущему“ (выраженіе одного изъ ораторовъ, говорившихъ въ день открытія памятника гр. Муравьева): самое большее, чего отъ нихъ можно ожидать—это рѣшеніе старыхъ тяжбъ, не подающихся миролюбивой развязкѣ. Все остальное — дѣло созидательной работы, свободной отъ раздражающихъ традицій. Такой работой не было и не могло быть управленіе М. Н. Муравьева: въ его рукахъ даже такія мѣры, какъ устройство быта крестьянъ, принимали боевой характеръ... Въ только-что упомянутой нами рѣчи Н. В. Муравьева (министра юстиціи) мы находимъ ссылку на слѣдующія „пророческія“ слова М. Н. Муравьева, сказанныя имъ императору Николаю задолго до мятежа 1863 года: „никакія строгія, но справедливыя мѣры не страшны для народа; онѣ губельны для законопреступниковъ, но пріятны

массѣ людей, сохранившихъ добрыя правила и желающихъ блага общаго“. Много лѣтъ спустя,—продолжалъ ораторъ,—„изъ виленскаго дворца были блистательно примѣнены тѣ же разумѣйшія мѣры, и скоро правда вѣчная, правда, бьющая въ глаза всякому, не ослѣпленному страстью или расчетомъ, правда нравственная и законная неизбежно привела и къ распространенію русскаго просвѣщенія, и къ устройенію обездоленнаго крестьянства, къ охранѣ слабого отъ сильнаго, къ прекращенію стародавнаго сословнаго и племеннаго гнета“. *Пророческими* вышеприведенныя слова М. Н. Муравьева могутъ быть названы развѣ въ томъ смыслѣ, что они какъ бы предназначали исходную точку его позднѣйшей дѣятельности. Въ сущности они представляютъ собою не что иное, какъ вариацию на старую тему: que les méchants tremblent, que les bons citoyens se rassurent. Они идутъ лишь нѣсколько дальше, предполагая, что строгія мѣры внушаютъ „добрымъ гражданамъ“ не только успокоеніе, но и удовольствіе. Намъ кажется, что съ истинною добротой такое удовольствіе совершенно несовмѣстно, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда очевидна строгость, но сомнительна справедливость репрессивныхъ мѣръ. Въ составъ этихъ мѣръ почти всегда входитъ большая или меньшая доля того, что называется въ уголовномъ правѣ „превышеніемъ необходимой обороны“. Временныя, чрезвычайныя по своему существу, онѣ имѣютъ очень мало общаго съ правдой „вѣчной, нравственной, законной“. Онѣ не столько полагаютъ конецъ гнету, сколько перемѣщаютъ его, не столько охраняютъ слабого отъ сильнаго, сколько обращаютъ сильныхъ въ слабыхъ, нуждающихся въ охранѣ.

Несравненно болѣе близкимъ къ истинѣ, чѣмъ панегирики и апологии, кажется намъ взглядъ, выраженный въ статьѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ (№ 313): „Муравьевъ и Нахимовъ“. „Дѣятельность Муравьева“—говоритъ авторъ статьи (г. Міясскій)—„и до сихъ поръ еще оцѣнивается весьма неодинаково: чувствуется еще близость его времени, а нѣкоторыя появившіяся по поводу открытія памятника брошюры и воспоминанія не лишены извѣстной тенденціозности—лучшее доказательство того, что дѣло Муравьева не успѣло еще стать событіемъ въ полномъ смыслѣ историческимъ, что современное общество еще не пережило его вполне“. Указавъ на исключительныя условія, въ которыя былъ поставленъ Муравьевъ, допустивъ, что энергичный образъ дѣйствій могъ представляться единственно возможнымъ выходомъ изъ затрудненія, авторъ продолжаетъ: „и все же на днѣ души остается горечь сознанія при воспоминаніи о томъ, какой дорогой цѣною куплена была возможность потушить разгорѣвшійся пожаръ“. Совершенно правильно авторъ противопоставляетъ М. Н. Муравьеву П. С. Нахимова, открытіе памятника которому (въ Севасто-

полѣ) почти совпало съ виленскимъ торжествомъ. „Муравьевъ и Нахимовъ! Вотъ два лица, въ которыхъ легче найти все, что угодно, но только не черты сходства. Думали ли они когда-нибудь, что упадутъ рядомъ на страницы исторіи?.. Развѣ лишь то, что какъ одинъ, такъ и другой, боролись съ врагами своей родины: этотъ — съ внѣшними, тотъ — съ внутренними; но какъ различно они боролись!“ Къ памяти Нахимова, по справедливому замѣчанію автора, всё относится съ любовью. Его имя сохранится не только въ исторіи, но и въ устахъ народа. Такую же судьбу предвѣщаютъ, правда, и имени М. Н. Муравьева—но это одно изъ тѣхъ тенденціозныхъ преувеличеній, на которыя щедра ретроградная печать. „Не забылъ подвига Муравьева простой русскій народъ, который сердцемъ своимъ понялъ все значеніе дѣла, совершеннаго Муравьевымъ... Имя Муравьева-Виленскаго войдетъ въ народную легенду вмѣстѣ съ именами другихъ излюбленныхъ героев“ (см. „Московскія Вѣдомости“, № 305). Хорошо было бы, если бы эти слова дошли до свѣденія безпристрастнаго изслѣдователя, который, живя среди нашихъ потомковъ, будетъ имѣть возможность написать правдивую исторію русскихъ народныхъ легендъ второй половины XIX-го вѣка. Онъ защититъ народъ, мы въ этомъ увѣрены, отъ напраслины, взводимой на него современными псевдо-охранителями.

Достойнымъ эпилогомъ къ статьямъ, посвященнымъ „Московскими Вѣдомостями“ открытію виленскаго памятника, послужило небольшое письмо изъ Варшавы, напечатанное въ № 317 этой газеты. Оно доводитъ до всеобщаго свѣденія, что въ варшавскихъ газетахъ, вышедшихъ 8-го и 9-го ноября (т.-е. въ день открытія памятника гр. Муравьеву и въ слѣдующій за нимъ), не было ни строчки о виленскихъ торжествахъ, но помѣщенъ, за то,—сначала въ „Курьерѣ Польскомъ“, потомъ въ „Курьерѣ Поранномъ“—видъ памятника Собѣскому, открытаго во Львовѣ того же 8-го ноября. Только 10-го ноября въ варшавскихъ газетахъ появились краткія сообщенія, въ видѣ официальныхъ извѣстій, объ открытіи памятника гр. Муравьеву въ Вильнѣ. Къ этому сообщенію присоединяется корреспондентомъ слѣдующій комментарий: „ясно, что варшавскіе польскіе редакторы дѣйствовали на этотъ разъ, какъ это уже бывало, по взаимному соглашенію. Была ли бы возможна подобная дерзкая антиправительственная и антирусская демонстрація со стороны здѣшнихъ газетъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, до возобновленія толковъ о русско-польскомъ примиреніи“? Дальше слѣдуетъ жалоба на мѣстную „официозную“ газету—русскій „Варшавскій Дневникъ“, „ограничившійся небольшою замѣткой о посылкѣ въ Вильну адреса и вѣнка отъ русскихъ въ Варшавѣ и агентскими телеграммами о виленскихъ торжествахъ“. Какъ харак-

терно здѣсь возведеніе молчанія на степень *демонстраціи*, да еще *дерзкой!* Какъ ясно выразился въ немъ глубокой упадокъ нравственнаго чувства! Если тяжело, иногда невыносимо тяжело воспрещеніе говорить, то что же сказать о *требованіи говорить въ извѣстномъ смыслѣ?* Вѣдь это прямой вызовъ на ложь и лицемеріе, унижительное для принуждаемыхъ, совершенно бесполезное для принуждающихъ. Быть можетъ, нѣчто подобное случалось въ Варшавѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ—но какимъ образомъ уважающій себя органъ печати можетъ вздыхать по такомъ прошломъ и жаждать возвращенія къ нему?...

Мы видѣли выше, что къ числу непосредственныхъ результатовъ „строгаго, но справедливаго“ управленія гр. Муравьева поклонники его относятъ „распространеніе русскаго просвѣщенія“ въ сѣверо-западномъ краѣ. О степени этого распространенія можно судить уже по тому, что положеніе школьнаго дѣла въ западныхъ губерніяхъ официально признано уступающимъ положенію его въ губерніяхъ земскихъ ¹⁾. Хорошая иллюстрація къ этому выводу дана недавно „Сѣверо-западнымъ Словомъ“. Въ шести губерніяхъ сѣверо-западнаго края—говоритъ газета,—въ 1896 г. было всего 6.800 народныхъ школъ, съ 220 тыс. учащихся. Если же мы возьмемъ какую-либо земскую губернію,—положимъ, саратовскую,—то увидимъ, что здѣсь въ томъ же году было 1.800 школъ съ 150.000 учащихся. Такимъ образомъ, оказывается, что въ саратовской губерніи, при 2.350.000 населенія, было въ 1896 г. учащихся въ народныхъ школахъ гораздо болѣе половины общаго числа учащихся въ цѣлыхъ шести губерніяхъ сѣверо-западнаго края, при десяти милліонахъ населенія. Цифра школъ и учащихся у насъ еще болѣе значительно убавится, если мы примемъ во вниманіе, что въ числѣ 6.800 школъ въ 1896 году было 3.100 еврейскихъ хедеровъ, съ 50.200 учащихся. Хедеры, какъ извѣстно, въ счетъ образовательныхъ заведеній идти не могутъ, такъ какъ въ нихъ старые талмудисты-евреи обучаютъ мальчиковъ всего лишь талмудической премудрости на еврейскомъ языкѣ. Но сокращенную теперь цифру школъ съ 6.800 до 3.700 и цифру учащихся въ нихъ, съ 220.000 до 170.000, мы еще болѣе должны сократить, принявъ во вниманіе, что въ 1896 г. у насъ въ числѣ народныхъ министерскихъ и духовнаго вѣдомства школъ было около двухъ тысячъ школъ грамоты, совершенно неорганизованныхъ и считающихся болѣею частію только на бумагѣ. Слѣдовательно, школъ у насъ въ шести губерніяхъ края въ 1896 г. было не болѣе чѣмъ въ одной

¹⁾ См. выше, Внутреннее Обзоріе.

саратовской губерніи, съ приблизительно такимъ же числомъ учащихся. У насъ, въ цѣломъ краѣ, народное образованіе въ 1896 г. обошлось казнѣ въ 1.300.000 руб., тогда какъ въ томъ же году въ саратовской губерніи земствомъ на образованіе было израсходовано 460.000 руб., а въ херсонской—380.000 руб. Невѣжество нашего края окажется немалымъ по сравненію съ земскою Россіей, если особенно примемъ во вниманіе, что у насъ въ крестьянскомъ населеніи можетъ смѣло считаться 80—90 проц. неграмотныхъ, тогда какъ въ земскихъ губерніяхъ ихъ теперъ не болѣе 60 процентовъ“. Всѣ эти цифры очень краснорѣчивы и бросаютъ яркій ретроспективный свѣтъ на исторію начальной школы въ сѣверо-западномъ краѣ, тѣсно связанную, безъ сомнѣнія, съ административными традиціями, установившимися тамъ послѣ 1863-го года.

Въ минувшемъ ноябрѣ (29-го) мѣсяцѣ исполнилось сорокалѣтіе литературной дѣятельности Владиміра Ивановича Герье. Широко образованный ученый, талантливый профессоръ и писатель, В. И. Герье является вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательнымъ общественнымъ дѣятелемъ. Въ его жизни выдаются въ особенности три момента, дающіе ему прочное право на благодарность русскаго общества. Въ 1872 г. онъ добился открытія въ Москвѣ высшихъ женскихъ курсовъ—перваго правильно организованнаго высшаго учебнаго заведенія для женщинъ, перваго въ Россіи женскаго университета (или, лучше сказать, университетскаго факультета, такъ какъ предметами преподаванія были преимущественно науки словесно-историческія). Существовали и раньше, въ Петербургѣ и Москвѣ, публичные курсы (владимірскіе, аларчинскіе, лубянскіе), имѣвшіе цѣлью расширить и углубить женское образованіе; но ихъ устройство не обеспечивало ни достаточной подготовки слушательницъ, ни живой связи между ними и преподавателями. Отъ этихъ недостатковъ съ самаго начала были свободны курсы, устроенные В. И. Герье и въ общезитіи носившіе его имя. Они послужили образцомъ для высшихъ женскихъ курсовъ въ Казани, Кіевѣ, Петербургѣ, а также для реформированныхъ лубянскихъ курсовъ. До самаго закрытія высшихъ женскихъ курсовъ, состоявшагося въ силу распоряженія 1886-го года, курсы В. И. Герье, несмотря на скудость матеріальныхъ средствъ, не переставали расширяться и развиваться; число слушательницъ возросло съ 70 до 256. Что они не были вновь открыты, хотя бы на основаніяхъ, принятыхъ въ 1889 г. для петербургскихъ высшихъ курсовъ—это большая потеря для русскаго образованнаго общества... Съ 1873 г. В. И. Герье напечаталъ рядъ статей по уни-

верситетскому вопросу ¹⁾, являясь въ нихъ горячимъ противникомъ перемѣнъ, которыя уже тогда проектировались въ уставѣ 1863-го года. Никто не выставилъ на видъ съ такимъ авторитетомъ и такою убѣдительною силой опасность ломки зданія, соединявшаго въ себѣ всѣ условія дальнѣйшаго развитія и совершенствованія. Слова В. И. Герье остались безъ дѣйствія: уставъ 1884-го года осуществилъ все то, противъ чего онъ возражалъ въ семидесятыхъ годахъ — но за правильность возраженій говорить позднѣйшій опытъ (напр. по вопросамъ о государственномъ экзаменѣ и о гонорарѣ). Нужна была, во всякомъ случаѣ, большая энергія и глубокая вѣра въ правоту своего дѣла, чтобы бороться противъ господствующаго теченія — бороться противъ него, оставаясь на университетской кафедрѣ... Въ послѣдніе годы В. И. Герье провелъ, какъ гласный московской городской Думы и предсѣдатель городской комиссіи о пользахъ и нуждахъ, реформу капитальной важности — новую организацію общественнаго призрѣнія ²⁾. Если другія городскія думы, а затѣмъ, по возможности, и земства, послѣдуютъ примѣру Москвы, В. И. Герье будетъ принадлежать честь инициативы въ одной изъ самыхъ важныхъ отраслей самоуправленія. Въ области университетскаго преподаванія В. И. Герье былъ однимъ изъ первыхъ профессоровъ исторіи, организовавшихъ практическія занятія студентовъ по образцу нѣмецкихъ семинаріумовъ. Въ своихъ раннихъ ученыхъ работахъ В. И. Герье касался весьма разнообразныхъ темъ (борьба за польскій престолъ въ 1733 г.; развитіе исторической науки; Лейбницъ и его вѣкъ); позже онъ сосредоточился преимущественно на исторіи Рима, среднихъ вѣковъ и французской революціи. Этимъ темамъ посвящена и большая часть статей, помѣщенныхъ В. И. Герье въ нашъ журналъ ³⁾... По

¹⁾ См. „Вѣстн. Европы“, 1873 г., апр.; 1876 г., февр., окт. и ноябрь.

²⁾ См. Общ. Хроникѣ въ № 4 „Вѣстн. Европы“ за 1894 г. и №№ 1 и 4 за 1895 г., а также ст. В. И. Герье въ № 10 за 1896 г.

³⁾ В. И. Герье, въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ (1872-1898 гг.), напечаталъ въ „Вѣстникѣ Европы“: „Кронпринцесса Шарлотта, невѣстка Петра Великаго“ (1872, май и июль); „Университетскій вопросъ“ (апр. 1873); „Консерватизмъ у римлянъ“ (1875, сент.); „Свѣтъ и тѣни университетскаго вопроса“ (февр. 1876); „Наука и государство. Къ университетскому вопросу“ (окт. и нояб. 1876); „Теорія и практика женскаго образованія“ (1877, апр.); „Августъ и установленіе римской имперіи“ (1877, июнь, июль, авг.); „Ипполитъ Тэнъ, какъ историкъ Франціи“ (1878, апр., май, сент., дек.); „Политическія теоріи аббата Мабля“ (1887, янв.); „П. Н. Кудрявцевъ“ (1887, сент., окт.); „Методъ Тэна“ (1889, сент.); „Тэнъ и его значеніе въ исторической наукѣ“ (1890, янв., февр.); „Средневѣковое мировоззрѣніе“ (1891, янв., февр., мартъ, апр.); „Папа Иннокентій III“ (1892, янв., февр.); „Францискъ Ассизскій“ (1892, май, июнь); „Катерина Сиенская“ (1892, сент., окт.); „Тэнъ въ исторіи якобинцевъ“ (1894, сент., окт., ноябрь, дек.); „Новое общество исторіи при москов. университетѣ“ (1895, янв.); „Демократическій цезаризмъ во Франціи“ (1895, июнь, июль); „Университеты и

прежнему бодрый, неутомимый, В. И. Герье может спокойно смотреть на свое прошедшее и спокойно ожидать будущего. Имя его займет видное мѣсто въ исторіи русской науки, русскаго просвѣщенія и русской общественной жизни.

Въ журналѣ „Русскій Начальный Учитель“ (№ 8 и 9) появилась статья подъ заглавіемъ: „О числѣ училищъ с.-петербургской Дирекціи и состояніи ихъ въ 1897 г.“. Общая картина настоящаго положенія дѣла „начальнаго“ народнаго образованія въ спб. губерніи такова: на всю массу населенія губерніи, которое вмѣстѣ съ столицею достигаетъ двухъ милліоновъ жителей обоого пола, въ началѣ истекающаго нынѣ гражданскаго 1898 года имѣлось всего 845 „начальныхъ“ народныхъ школъ, непосредственно подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія, а также уѣзднымъ и городскимъ училищнымъ совѣтамъ. Для полноты этой картины недостаетъ, конечно, однородныхъ школъ другихъ вѣдомствъ, какъ-то: св. синода, воспитательнаго дома, военнаго министерства и друг., равно и содержимыхъ частными лицами. Въ тѣхъ 845 школахъ обучалось, въ началѣ нынѣшняго гражданскаго года, около 54.000 дѣтей обоого пола, въ возрастѣ отъ 8 до 12 лѣтъ; въ концѣ же послѣдняго учебнаго 1896—97 года выбыло, до окончанія трехлѣтняго срока ученія, свыше 12.000 дѣтей об. п. (болѣе 25⁰/₀) и окончило курсъ около 6.500 мальчиковъ и дѣвочекъ (3.900 мальчиковъ и 2.500, съ небольшимъ, дѣвочекъ). Было бы излишне—сравненіемъ такой картины положенія „начальнаго“ народнаго образованія въ спб. губерніи съ такою же картиною въ западно-европейскихъ государствахъ—доказывать, что наша губернія, несмотря на громадныя успѣхи школьнаго дѣла въ количественномъ отношеніи, со времени земскаго и городского общественнаго управленія, остается, тѣмъ не менѣе, далеко позади и потому имѣетъ предъ собою довольно обширное поле для дальнѣйшей дѣятельности; — все это слишкомъ извѣстно. Но авторъ упомянутой статьи о „числѣ“ обращается съ упрекомъ, и именно къ городу Петербургу, за то, что онъ если сдѣлалъ что-нибудь въ „количественномъ“ отношеніи, то, съ другой стороны, пренебрегъ улучшеніями школы въ „качественномъ“ отношеніи. „Казалось бы“,—говоритъ онъ,—„что въ крупныхъ умственныхъ центрахъ (ниже окажется, что дѣло идетъ собственно о г. Петербургѣ) прежде всего должно было явиться сознаніе, что необходимо

народъ въ Англии“ (1896, февр.); „Жизнь и сочиненія Мишле“ (мартъ 1896); „Книга Мишле о народѣ“ (апр. 1896); „Опытъ городского попеченія о бѣдныхъ“ (окт. 1896); „Второй годъ попечительства въ Москвѣ“ (окт. 1897); „Григорій VII и Августинъ“ (авг. 1898).

воспользоваться дозволеніемъ расширить и укрѣпить курсъ, который проходитъ народная масса, и изъ всѣхъ такихъ центровъ на первомъ мѣстѣ стоитъ, разумѣется, столица... Однако въ городскомъ общественномъ управленіи стремленія дать народной массѣ большее образование незамѣтно. Представители городского общественного управленія любятъ ежегодно при чтеніи отчета о состояніи школъ, содержащихъ городомъ, упоминать предъ собравшимися, что до передачи школъ въ вѣдѣніе городского училищнаго совѣта (изъ вѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія, въ 1877 г.) было всего 16 начальныхъ училищъ, а теперь ихъ 376 (въ нынѣшнемъ учебномъ году ихъ 396), но не упоминаютъ при этомъ, что для такого города, какъ Петербургъ, имѣющаго 1.130 т. населенія, значительно болѣе, чѣмъ во всей остальной губерніи, и 10 милліоновъ ежегоднаго дохода, этого числа недостаточно“...

На все это можно отвѣтить, прежде всего, почти тѣми же словами:—казалось бы, что, въ крупныхъ умственныхъ центрахъ, въ авторѣ вышеприведенныхъ разсужденій можно было бы предполагать болѣе близкое знакомство съ дѣломъ, о которомъ онъ говоритъ, а также съ существующими узаконеніями и съ дѣйствительными, а не вымышленными фактами. Объемъ курса въ начальныхъ народныхъ училищахъ и его программы опредѣлены не городскимъ общественнымъ управленіемъ, а извѣстнымъ закономъ 25 мая 1874 г. и циркулярами министерства народнаго просвѣщенія; въ училищахъ, содержащихъ городомъ и прежде всего для города, обучается 56% крестьянскихъ дѣтей, т.-е. пришлаго населенія; болѣе половины городского бюджета столицы уходитъ на обязательные расходы, а на необязательные, къ числу которыхъ принадлежитъ и народное образованіе, законъ дозволяетъ расходовать только остатки бюджета отъ обязательныхъ расходовъ. Заботы города и о качествѣ обученія, тѣмъ не менѣе, выразились ясно, но такимъ способомъ, значеніе котораго, повидимому, недоступно пониманію автора той статьи. Качество обученія, по его мнѣнію, зависитъ исключительно отъ продолжительности курса, а потому онъ не знаетъ лучше ничего другого, какъ предложить въ начальныхъ училищахъ *четырёхлѣтній* курсъ, вмѣсто *трехлѣтняго*. Между тѣмъ, городъ избралъ для той же цѣли болѣе вѣрный путь: качество обученія обуславливается, главнымъ образомъ, качествомъ персонала, а потому въ училищахъ города Петербурга для учащихся введенъ самый высшій образовательный цензъ; для привлеченія же лицъ съ такимъ высокимъ цензомъ городъ обезпечиваетъ ихъ матеріальное положеніе какъ хорошимъ вознагражденіемъ за трудъ, такъ и полною пенсією за 25 лѣтъ; одна часть учащихся пользуется, сверхъ того, квартирнымъ помещеніемъ, а другіе, вмѣсто того, получаютъ разъѣздныя, освобождаются

отъ вычета изъ жалованья за обученіе пѣвнью и имѣютъ, каждые 4 года, 10% прибавки къ жалованью, такъ что въ послѣднее четырехлѣтіе они могутъ получать жалованье въ 900 руб. и съ этого размѣра—полную пенсію. Авторъ статьи педагогическаго журнала, повидимому, не имѣетъ даже и понятія о послѣдней мѣрѣ, предпринятой городомъ для улучшенія не только качества обученія въ начальныхъ училищахъ города С.-Петербурга, но и вообще всей жизни школы, во всѣхъ ея отношеніяхъ. До сихъ поръ, существенный недостатокъ обученія, который встрѣчается, впрочемъ, повсюду, состоитъ не въ томъ, трехлѣтній или четырехлѣтній въ нихъ курсъ, а въ томъ, что въ этихъ школахъ, съ однимъ классомъ, по необходимости обучаются одновременно и однимъ и тѣмъ же лицомъ всѣ три возраста дѣтей вмѣстѣ, а потому классъ подраздѣляется на три отдѣленія—старшее (3-й годъ), среднее (2-й годъ) и младшее (1-й годъ). Еще съ 1895 г. городъ началъ устраивать училища совершенно новаго типа, съ тремя соединенными классами, гдѣ каждый учащій имѣетъ предъ собою весь классъ одного и того же возраста и умственнаго развитія—вслѣдствіе того, обученіе въ этихъ школахъ новаго типа существенно облегчилось, и явилась возможность сдѣлать въ три года гораздо болѣе, чѣмъ дѣлается въ четыре года въ училищахъ стараго типа, съ однимъ классомъ. Наконецъ, въ 1897 году, къ которому относится и та статья, городъ сдѣлалъ еще болѣе важный шагъ, и притомъ первый не въ одномъ Петербургѣ: въ этомъ году былъ отстроенъ на Вас. Острову городской домъ, обошедшійся въ 150 т. р., для „перваго василеостровскаго 12-класснаго училища“, съ 600 обучающихся обою пола. Вотъ что, такимъ образомъ, было сдѣлано въ послѣдніе годы городскимъ общественнымъ управленіемъ для улучшенія качества школьнаго дѣла въ столицѣ. Но авторъ вышеназванной статьи педагогическаго журнала „Русскій Начальный Учитель“—полагаетъ иначе. „Въ прежніе годы“—говоритъ онъ—„городское общественное управленіе (въ С.-Петербургѣ) гораздо лучше относилось къ школамъ и учащимся, хотя теперь заботы о школахъ и выразились почти цѣлой 1.000 циркуляровъ за одинъ 1897 годъ“. Но такъ какъ въ учебномъ году не болѣе 200 дней, то, по словамъ автора, выходитъ, что городская училищная коммиссія, будто бы, выпускала въ среднемъ до 5 циркуляровъ по училищамъ каждый день!! Нелѣпость такого заявленія очевидна сама собою; намъ, однако, представилась возможность съ точностью опредѣлить, какъ велика была, въ этомъ случаѣ, гипербола со стороны почтеннаго автора, и изъ справки въ городской Думѣ оказалось, что число циркуляровъ училищной коммиссіи въ 1897 г. было нѣсколько менѣе тысячи, а именно, всего—десять! Но это уже не гипербола, а прямо недобросовѣстное отношеніе автора

статьи къ читателямъ „Русскаго Начальнаго Учителя“; надобно думать, что редакция этого журнала будетъ въ другой разъ осторожнѣе относиться къ произведеніямъ автора, способнаго впасть въ подобныя „гиперболы“,—напоминающія даже школьникамъ начальныхъ училищъ извѣстную имъ Крыловскую басню о „римскомъ огурцѣ“!—а авторъ станеть теперь избѣгать мостовъ и предлагать, говоря: „поищемъ лучше броду“!..

О П Е Ч А Т К И:

Въ настоящей книгѣ журнала просить исправить:

<i>Стран.:</i>	<i>строч.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>слѣдуетъ:</i>
439	1 ст.	„шумно	шумно
446	15 ст.	совокупи	съ ними совокупи
447	5 ст.	поставленными	поставленныхъ
448	20 ст.	души“	души
461	12 „	государевъ	государевъ

NB.—Въ первой главѣ статьи: „И. О. Горбуновъ“ (ноябрь, 8 стр., 15 строч. сл.), по опискѣ, при упоминовеніи сочиненія „L'Art et la Nature“, вмѣсто Шербюлье, названъ Брюнетьеръ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. С т а с ю л е в и ч ъ.

МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ВЪ 1898 ГОДУ.

Въ 1898-мъ году экземпляры «Вѣстника Европы» распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

I. Въ губерніяхъ:

	экз.		экз.		экз.
1. Харьковск..	218	23. Иркутская .	60	45. Витебская .	48
2. Бѣевская. .	217	24. Нижегород.	60	46. Минская. .	47
3. Херсонск. .	193	25. Примор. об.	60	47. Сибирская. .	47
4. Екатериносл.	153	26. С.-Петербур.	60	48. Забайк. об.	45
5. Саратовск..	139	27. Владимірск.	59	49. Астраханск.	45
6. Тавричesk..	130	28. Московская.	59	50. Вилонская .	44
7. Варшавск. .	123	29. Лифляндск.	59	51. Псковская .	43
8. Черниговск.	98	30. Вятская . .	59	52. Уфимская .	43
9. Тифлисская.	98	31. Гродненская	58	53. Сызъ-Д. об.	40
10. Полтавская.	80	32. Рязанская .	58	54. Оренбургск.	40
11. Тамбовская.	79	33. Кубанск. об.	58	55. Ковенская .	38
12. Бессарабск.	79	34. Обл. В. Дон.	57	56. Закасп. об.	38
13. Орловская .	74	35. Костромская	57	57. Амурск. об.	34
14. Подольская.	73	36. Могилевск..	56	58. Тобольская.	33
15. Курская . .	70	37. Самарская .	56	59. Енисейская .	32
16. Тульская . .	65	38. Калужская .	54	60. Эстляндская	32
17. Волынская .	63	39. Ярославская	54	61. Ломжинская.	32
18. Воронежск..	63	40. Бакинская .	54	62. Пензенская.	30
19. Смоленская.	63	41. Томская . .	50	63. Акмол. об.	30
20. Пермская . .	60	42. Терская об.	48	64. Люблинская	28
21. Тверская . .	60	43. Кутаисская .	48	65. Плоцкая .	28
22. Новгородск.	60	44. Казанская .	48	66. Вологодская	25

67. Курляндск.	25	78. Петроковск.	19	89. Вазаская .	10
68. Архангельск.	25	79. Семирѣч. об.	19	90. Кѣлецкая .	9
69. Эриванская.	24	80. Дагест. обл.	18	91. С.-Михельск.	9
70. Сувальская.	23	81. Сѣдлецкая .	18	92. Тургайск. об.	7
71. Радомская .	22	82. Выборгская.	16	93. Тавастгусск.	6
72. Самарк. об.	21	83. Семипал. об.	16	94. Або-Вьернеб.	4
73. Ставропол. .	20	84. Ферганская.	14		
74. Олонецкая .	20	85. Черном. окр.	14		4.765
75. Карская об.	20	86. Уральск. об.	13		
76. Елисаветпол.	19	87. Калишская .	13		
77. Нидландская	19	88. Якутск. об.	10		

II. Въ С.-Петербургѣ	1.311
III. Въ Москвѣ.	570
IV. За границей	201

Всего: экз. 6.847

I. Слюсбергъ,

Управл. втораго журнала.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ «ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ»

въ 1898 году.

Авсѣенко, В. Г.—Карьера Вянгина, разск. (іюнь, 617).—Молодо-зелено (сент., 5; окт., 449).

Алексѣевъ, П.—Два ученыхъ съезда. Изъ поѣздки въ Канаду (апр., 720).—Вверхъ по Ленѣ въ почтовой лодкѣ (іюнь, 742).

Андреева, А.—Изъ воспоминаній о Ѡ. И. Буслаевѣ (окт., 689).

Арчъ, Ан.—Народная школа въ Швеціи (апр., 794).

Вакунина, Ек.—Воспоминанія сестры милосердія Крестовоздвиженской общины. 1854-1860 гг. (мар., 132; апр., 511; май, 55; іюнь, 578).

Варановскій, Ег. Ив.—Золотопрмышленность въ Восточной Сибири (іюль, 142).

Ватюшковъ, Ѡ.—Замѣтка по поводу новаго изданія „Слѣпотаго музыканта“, В. Короленко (май, 411).

В., Г.—Столѣтіе газеты „Allgemeine

Zeitung“ (февр., 832).—Результаты „уголовнаго осужденія“ (апр., 833).

В—г—, А.—Безпочвенники, ром. М. Барреса, съ франц. (янь., 232; февр., 725; мар., 233).—Сама природа, очеркъ Аллена, съ франц. (апр., 611).—„Ессе его“, ром. ф. Вольцгогена, съ нѣм. (май, 247; іюнь, 692).—Меньшая братія, ром., съ англ., G. Gissing (іюль, 272; авг., 641; сент., 247; окт., 713).—Изъ дѣвичьяго міра, съ англ., Hunt (нояб., 284; дек., 712).

Воборыкинъ, П. Д.—Тяга, ром. въ двухъ частяхъ (янь., 32; февр. 503; мар., 44; апр., 453; май, 5).

Вегровъ, А. Г.—Задачи медицины въ будущемъ (янь. 283).

Вѣловскій, Н.—Славянофилы, западники и Герценъ (нояб., 185).

В—ва, З.—Альфонсъ Додэ, некрол. (янь. 445).

Венгерова, Зин.—Анатоль Франсъ (авг., 731).

Венгеровъ, С. А.—Основные черты исторіи новѣйшей русской литературы (мар., 101).

Веселовскій, Алексѣй Н.—Очерки и наброски изъ старой и новой литературы (январь, 116).

Веселовскій, Ю. А.—Джакомо Леопарди (авг., 697; сентябрь, 125).

Винаверъ, М.—Адвокатская школа наканунѣ ея реформы (май, 106).

Виницкая, А. А.—Два разсказа: 1. Прослезился. II. На травѣ (июнь, 508).

Волконскій, князь М. Н.—Братья, разск. (ноябрь, 202).

Воропоновъ, Ф.—А. А. Рихтеръ, некрол. (апр., 888).

Гайдебуровъ, П. П.—У колыбели, стих. (май, 128).—Изъ лѣтнихъ картинокъ, стих. (октябрь, 584).

Га, Григорій.—Черная дѣвушка, разск. (декабрь, 627).

Герье, В. И.—Григорій VII и Августинъ; Божье царство и теократія (авг., 511).

Гиппиусъ, З. Н.—Въ родную семью. Очеркъ (мар., 177).

Г., Н.—Одиночество, стих. съ франц. (май, 325).

Головинъ, К. Ф.—Пощечина, разск. (ноябрь, 120).

Гришевская, И.—Изъ Гаунтмана, стих. (октябрь, 793).

Д—вичъ, Е.—Обязательное обученіе въ Пруссіи (сентябрь, 142).

Дмитріева, В. I.—Другъ Ксанто, разск. (авг., 546).

Евренновъ, А.—Стихотворенія: I—IV (июнь, 562).

Жемчужниковъ, А. М.—Ожиданіе, стих. (январь, 230).—Старая ракета, стих. (апр., 719).—Послѣдній портретъ В. А. Арцимовича, стих. (июнь, 784).—Стихотворенія: I—II (декабрь, 710).

Ж—цкѣй, И.—Новая монографія о гетманѣ Мазепѣ (июнь, 838).

З.—Два Италиа, очеркъ (декабрь, 608).

З.—Современные софизмы (июль, 323).

Захарьинъ, П. Н.—Поѣздка къ Шамилю въ Калугу, въ 1860 г. (авг., 601).

З—а, Ю.—Накипѣло Эскимъ изъ романа ш-ле Саго (май, 163).—Горсть избранныхъ, изъ ром. Е. Манслайг (сентябрь, 173; октябрь, 653).—Изъ гордости, изъ ром. Anne Bovet (декабрь, 652).

Зѣлинскій, Ф. Ф.—Художественная проза и ея судьба (ноябрь, 64).

Ивановъ, Вяч.—Стих. (сентябрь, 123).

Ивашкевичъ, Як.—Изъ энциграммъ и эпитафій на смерть Мольтера, перев. съ франц. (апр., 766).

Ильинъ, Н.—Стих. (сентябрь, 99).

Ирь-Боскменъ, Н. К.—Народная школа въ Финляндіи, въ городѣ и деревнѣ (авг., 776).

Иоллосъ, Г. Б.—Изъ жизни рабочаго населенія въ Берлинѣ (май, 326).—Культурныя назначенія и источники покрытія въ финансахъ Германіи (июль, 338).—Бисмаркъ (сентябрь, 304).

Карабчевскій, Н.—Французскій адвокат XVIII-го столѣтія (мар., 294).

Карбень, Н. И.—Заключенія университетскихъ совѣтовъ о системѣ гонора (январь, 394).

Керчкеръ, Ив.—Профессионалы болѣзни рабочихъ (ноябрь, 228; декабрь, 490).

Кони, Ан. Ф.—Иванъ Федоровичъ Горбуновъ (ноябрь, 5; декабрь, 437).

Кугушевъ, князь А.—Крымскіе сошеты Мицкевича (мар., 289; апр., 557).

К—ъ.—Народное просвѣщеніе въ Болгаріи (январь, 317).

Луговой, Ал.—Взятка, пов. (июль, 53; августъ, 481).

Марковъ, В. П.—Стих. (январь, 313; июнь, 574; июль, 231; ноябрь, 175).

Марковъ, Ев.—Славянская Спарта (июль, 85; августъ, 445; сентябрь, 48; октябрь, 601).

Мартенсъ, Ф. Ф.—Россія и Англія въ царствованіе императора Николая I

(январь, 5; февраль, 465; мартъ, 5).—Россия и Англія наканунѣ разрыва, 1853-54 гг. (апр., 563).

Мехолинъ, Л.—Новая книга г. О. Еленева и поправки къ ней (декабрь, 306).

Михайлова, О. Н.—Изъ А. Додэ, стих. I-III (февраль, 775).—Изъ Ж. Рипшена, стих. (июль, 139).—Изъ Гейне, стих. (декабрь, 482).

Н.—Въ дорогѣ, стих. (сентябрь, 353).

Назарьевъ, В.—Вешніе всходы (апр., 661).

О.—Исполненіе государственной росписи за 1896 г. (январь, 355).—Государственная роспись на 1897 г. (февраль, 779).

П., А.—Опыты культурной исторіи (февраль, 681).

П., Н. А.—Лѣто въ Гарцѣ (сентябрь, 100).

Покровская, М. И.—Женскій трудъ по устройству жилищъ для бѣдныхъ за границей (августъ, 764).

Поновъ, Г.—„Выше“, стих. (май, 245).

Поновъ, П. С.—Китайскій публицистъ (мартъ, 382).—Патріотическое движеніе въ Китаѣ (октябрь, 496).

Пыпинъ, А. Н.—Ближняя дѣятельность временъ Петра В. (июль, 236).

Р—тъ, С. И.—Въ южномъ Узльсѣ. Изъ путевыхъ замѣтокъ (мартъ, 203).—Неудавшаяся стачка въ Лондонѣ (май, 224).—Англійскіе рабочіе на досугѣ (сентябрь, 219).

Семеновъ, С.—Алексѣй Заводчикъ, разск. (июль, 182).

Синицынъ, А.—Е. М. Бакунина (июль, 214).

С., Л.—Особый родъ лжеученій (июнь, 847).

Слюзбергъ, Г. В.—Завѣщаніе Огюста Кюста (июнь, 522).

Слонимскій, Л. З.—Экономическія замѣтки. Наши промышленныя успѣхи и невзгоды (апр., 750).—Промышленная идеологія (июнь, 768).—Вооруженный миръ и проекты разоруженія (октябрь, 778).

С—овъ, П. П.—Два мѣсяца на о. Кубѣ (май, 129).

Соловьевъ, Вл.—Жизненная драма Платона (мартъ, 334; апр., 769).—Стих.: I. Мимо Трояды. II. Нильская Дельта (июнь, 766).—14 іюня 1896 г. (июль, 337).—На томъ же мѣстѣ, стих. (августъ, 762).—Три свиданья, стих. (ноябрь, 328).—Я. П. Полонскій, некрол. (ноябрь, 409).

Спасовичъ, В. Д.—Б. Д. Кавелинъ (февраль, 539).—Чествованіе памяти Палацкаго (октябрь, 532).

Стаховичъ, Н.—Банкротъ, пов. (декабрь, 519).

Сѣверовъ, Н.—Фабричныя правила въ Швейцаріи (октябрь, 587).

Тверской, П. А.—Борьба на о. Кубѣ и изъ-за Кубы (май, 344).—Женскій трудъ въ Америкѣ (июнь, 557).—Миръ или новая война (ноябрь, 365).

Т., гр. Е. В.—Лида. Ром. въ двухъ частяхъ (январь, 145; февраль, 629).

Тернеръ, Ф.—Экономическое положеніе крестьянъ въ Россіи (июль, 5).

Тихоновъ, Влад.—О томъ, какъ я былъ декадентомъ. Разск. (мартъ, 123).

Тищенко, Ф.—Защитникъ „воронъ“, разск. (май, 304).

Тхоржевскій, И.—Изъ Гюйо (мартъ, 201).

Янжулъ, И. И.—Великаны европейской промышленности (июнь, 453).

Федоровъ, А. М.—Стих. I-VIII (августъ, 724).

Хроника.

I. Внутреннее Обозрѣніе.—Истекшій годъ.—Правила и инструкція о продолжительности и распредѣленіи рабочаго времени.—Изъятія изъ общихъ нормъ: работы непрерывна, вспомогательна, сверхурочна.—„Правила въ руководство цензурѣ“ и безцензурная печать.—Общій духъ законовъ о печати и примѣненіе ихъ на практикѣ.—Двѣ губернаторскія рѣчи.—„Избирательное начало“ (Январь, 371).—Продовольственный вопросъ въ губерніяхъ воронежской и тульской.—Опросъ крестьянъ воронежскими земскими статистиками.—Мнѣнія земствъ о разнѣрахъ, срокахъ и видахъ продовольственной помощи.—Указанія опыта, какъ возможная основа будущаго продовольственнаго устава.—Новая серія дворянскихъ „проектвовъ“.—Тульское губернское дворянское собраніе.—Разные способы борьбы съ „несогласно-мыслими“.—Нѣчто о цензѣ.—Графъ И. Д. Деляновъ † (Февраль, 792).—Продовольственная нужда.—Извѣстія изъ уѣздовъ козловскаго и воронежскаго.—Письмо гр. Л. Н. Толстого.—Новый походъ противъ продовольственныхъ ссудъ.—Программа „бывшаго предводителя дворянства“ и книга П. А. Евреннова.—Рѣчь чернскаго уѣзднаго предводителя.—Ходатайство нижегородскаго дворянскаго собранія.—Переимѣна въ управленіи министерствомъ народнаго просвѣщенія.—Post-scriptum (Мартъ, 357).—Именной указъ и Высочайшій рескриптъ 24-го февраля.—Причины, отъ которыхъ зависитъ степень вниманія къ общественнымъ бѣдствіямъ.—Личныя впечатлѣнія отъ поѣздки въ воронежскую губернію.—Чрезвычайное воронежское губернское земское собраніе.—Письмо г. Писарева о положеніи дѣлъ въ епифановскомъ уѣздѣ (тульской губерніи).—Расширеніе круга дѣйствій суда присяжныхъ.—Ежегодный созывъ дворянскихъ собраній.—Рѣчь управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія (Апрѣль, 815).—Новый фазисъ продовольственнаго вопроса.—Призывъ Общества Краснаго Креста.—Сравненіе двухъ корреспонденцій.—„Московскія Вѣдомости“ и продовольственный вопросъ.—Пересмотръ продовольственнаго устава.—„Безпечность“ народнаго масса.—Препятствіе, встрѣченное тульскимъ губерн. земствомъ при разработкѣ вопроса о народномъ образованіи.—Post-scriptum (Май, 391).—Новые газетные дворянскіе „проекты“.—Сравненіе дворянскихъ программъ 1885 и 1898 гг.—„Изпомѣще-

ніе“ четырехъ тысячъ дворянскихъ семей, съ затратой миллиарда рублей.—Злоупотребленіе „ссылкою“ на государственные интересы.—„Привилегія“ или „обязанность“?—Опять „ограниченный разумъ подданныхъ“.—Умѣренный защитникъ сословности.—Совѣщаніе при варшавскомъ генералъ-губернаторѣ.—Положеніе продовольственнаго дѣла (Іюнь, 785).—Губернская реформа и отношеніе ея къ земскимъ учрежденіямъ.—Губернскіе органы министерства земледѣлія.—Рѣчь варшавскаго генералъ-губернатора.—Письмо не-дворянина о дворянскомъ вопросѣ.—Еще проектъ „воспособленія“.—Продовольственная нужда (Іюль, 360).—Новый недородъ хлѣбовъ и травъ.—Отчетъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода за 1894 и 1895 гг.—Австрійское согласіе, какъ „весьма опасный и вредный“ видъ раскола.—Распространительное толкованіе понятія объ „особенно вредныхъ“ сѣткахъ и дѣлаемые изъ него выводы.—Фактическое ограниченіе и юридическое измѣненіе закона.—Штундизмъ и молоканство.—Бывшіе греко-уніаты и правила 2-го іюля 1893 г.—Православіе и лютеранство въ прибалтійскомъ краѣ.—Статистическія данныя о церковныхъ школахъ.—Новыя законодательныя мѣры (Сентябрь, 364).—Влзкій конецъ работъ комиссіи для пересмотра законоположеній по судебной части.—Виборный мировой судъ въ столицахъ и большихъ городахъ.—Почетные мировые судьи.—Отношеніе мѣстной юстиціи къ судебно-административнымъ учрежденіямъ.—Мечты объ упраздненіи земства и реформа общественаго призрѣнія.—Земство на окраинахъ.—Высшее крестьянское управленіе“ (Октябрь, 794).—Взманіе земскихъ сборовъ—прежде и теперь.—Различные способы улучшить положеніе земскихъ финансовъ.—Пределы земскаго обложенія.—Васильское уѣздное земское собраніе.—Вопросъ объ отношеніи губернскаго земства къ ходатайствамъ уѣздныхъ земскихъ собраній.—Земская адвокатура.—Реакціонная печать и земство (Ноябрь, 335).—Предполагаемое введеніе земскихъ учрежденій въ девяти западныхъ губерніяхъ.—Главныя отступленія отъ общеземскаго типа: отсутствіе уѣздныхъ собраній; значительное число назначенныхъ членовъ губернскихъ земскихъ собраній; выборъ губернскихъ гласныхъ на уѣздныхъ избирательныхъ собраніяхъ и на волостныхъ судахъ; назначеніе председателей и членовъ земскихъ

управъ; подчиненіе уѣздныхъ управъ губернскимъ. — Положеніе дѣлъ въ неврожайныхъ губерніяхъ (Декабрь, 760).

II. Иностранное Обзоріе.—Особенности новѣйшей международной политики.—Система союзовъ и соглашеній.—Колониальная предприимчивость и военныя традиции.—Милитаризмъ и миролюбіе.—Главные событія истекшаго года.—Восточныя дѣла и турецкое общественное мнѣніе. — Парламентскія войны и стачки.—Министерскія перемѣны.—Рабочее движеніе (Январь, 398).—Одностороннія свѣдѣнія о французскихъ дѣлахъ.—Ошибки и иллюзіи читателей газетъ.—Рошфоръ и Дримоъ.—Странная судьба дѣла Дрейфуса.—Два военныхъ процесса и ихъ результаты (Февраль, 817).—Окончаніе процесса Эмиля Золя и его политическое значеніе.—Ошибочные выводы иностранной печати. — Вопросъ о дѣлѣ Дрейфуса и общественное мнѣніе во Франціи.—Правительственное сообщеніе о критическомъ вопросѣ (Мартъ, 391).—Европейское политика на дальнемъ Востоцѣ.—Соперничество великихъ державъ относительно Китая.— Два правительственныхія сообщенія. — Мирныя пріобрѣтенія и ихъ значеніе.—Заботы объ усиленіи флотовъ въ Англіи и Германіи.—Европейскій концертъ въ критическомъ вопросѣ.—Соединенные-Штаты и Испанія.—Перемѣна министерства въ Австріи (Апрѣль, 839).—Война между сѣвероамериканскими Соединенными-Штатами и Испаніею.—Политика президента Макъ-Кинлея и поведеніе партій въ обѣихъ палатахъ конгресса.—Возможныя послѣдствія войны.—Событія на дальнемъ Востоцѣ: занятіе гавани Вей-ха-вей англичанами.—Опять процессъ Золя (Май, 379).—Смерть Гладстона.—Его жизнь и дѣятельность.—Главнѣйшія черты его политической карьеры.—Рѣчь Чамберлена.—Событія на дальнемъ Востоцѣ.—Испанско-американская война. — Французскіе выборы (Іюнь, 810). — Неудовольствіе американцевъ по поводу отзывомъ европейской печати о войнѣ.—Письмо П. А. Тверского.—Возраженіе противъ нашихъ замѣчаній объ американской политикѣ относительно Кубы.—Прискорбныя увлеченія и погрѣбности американцевъ.—Перемѣна министерства во Франціи.—Парламентскіе выборы въ Германіи (Іюль, 379).—Побѣды и пораженія въ испанско-американской войнѣ.—Важнѣйшіе итоги событій.—Французскія дѣла.—Торжество патриотовъ надъ „дрейфуссарами“ и популярность Кавеньяка.—Князь Бисмаркъ † (Августъ, 800).—Дипломатическая нота 12-го августа.—Вопросъ о тягостяхъ вооруженнаго мира и проектъ международ-

ной конференціи.—Кончина „железнаго канцлера“.—Князь Бисмаркъ, какъ государственный дѣятель и германскій патриотъ.—Испанія и Соединенные Штаты.—Новое возраженіе П. А. Тверского (Сентябрь, 380).—Новыя извѣстія на Критѣ.—Европейская дипломатія въ турецкихъ дѣлахъ. — Равнодушіе нашихъ патриотовъ къ судьбѣ Кандии и крайнее увлеченіе дѣломъ Дрейфуса.—Политическій кризисъ во Франціи.—Пересмотръ дѣла Дрейфуса. — Убіеніе австрийской императрицы и мѣры противъ анархистовъ.—Дворцовый переворотъ въ Китаѣ и его значеніе (Октябрь, 814).—Открытие парламентской сессіи во Франціи.—Засѣданіе палаты депутатовъ 25 (13) октября и наденіе министерства Бриссона.—Дѣло Дрейфуса и антисемиты.—Рѣшеніе кассационнаго суда.—Англо-французскій споръ о Фашодѣ (Ноябрь, 353).—Воинственное настроеніе въ Англіи.—Рѣчи лорда Сольсбери и Чамберлена.—Внутреннія противорѣчія въ теоріи „миролюбивыхъ вооруженій“. — Новѣйшіе факты: очищеніе Крита отъ турецкихъ войскъ, мирный раздѣлъ Африки и части Китая. — Вильгельмъ II на Востоцѣ. — (Декабрь, 778).

III. Литературное Обзоріе.—Бенжаминъ Киддъ, Соціальная эволюція, съ предисл. Н. К. Михайловскаго и проф. Вейсмана. Перев. съ англ., изд. О. Н. Поповой.—Вениаминъ Киддъ, Соціальное развитіе. Съ предисл. проф. Вейсмана. Перев. съ англ. М. Чепниской, изд. Ф. Павленкова.—Л. З.—З. Н. Гиппиусъ (Мережковская). Зеркала.—Н.—Новыя книги и брошюры (Январь, 411). — Императоръ Александръ Первый, Н. К. Шильдера, т. III.—Сочиненія Н. С. Тихонова, т. III, ч. 1. — Мои воспоминанія, Ф. И. Буслаева. — Т.—Новыя книги и брошюры (Февраль, 842). Бумаги 1812 г., собр. П. И. Шуваловымъ, 2 ч.—Человѣчество въ доисторическія времена, Л. Нидерле, перев. съ чешск. Д. Анучина.—Южно-русскіе очерки и портреты, В. Горленко.—Воспоминанія о Костомаровѣ и Ал. Майковѣ.—Т.—Новыя книги и брошюры (Мартъ, 405). — Сочиненія Н. С. Тихонова, т. II. — Великорусскіе въ своихъ пѣсняхъ и обрядахъ и т. д., собр. П. В. Шейномъ, т. I, вып. I.—Миусинскіе и ачинскіе иеродцы.—На Востокѣ, Влад. Шуфа.—Т.—Всемирная торговля въ XIX в. и участіе въ ней Россіи.—Л. С.—Новыя книги и брошюры (Апрѣль, 853). Письма К. Н. Бестужева-Рюмина о Смутномъ времени.—А. Пыпина. — Указатель къ русскимъ повременнымъ изданіямъ и сборникамъ за 1708—1802 гг. и Историческому розысканію о нихъ. А. Н. Не-

устрова.—А. П.—Эпоха великихъ реформъ, 7-е изд. Гр. Джашиева.—Т.—Психологическая параллель: Иоаннъ Грозный и Петръ В., Е. Яроша.—Петръ Великий, ген.-шт. капитана Марченко.—Д. Новая книга и брошюра (Май, 391).—Протопопъ Аввакумъ, А. К. Бороzdина.—Сочиненія Н. С. Тихонравова, т. I.—А. Н. Пыпина.—Русскій биографическій словарь: Ибакъ-Ключаревъ.—Архивъ кн. Курякина, кн. VII.—Турецкія легенды о св. Софій, В. Д. Смирнова.—Т.—Новыя книги и брошюры (Июнь, 821).—Пятидесятилѣтняя память Бѣлинскаго.—Т.—Новыя книги и брошюры (Июль, 394).—Сборникъ учено-литературнаго Общества при импер. юрьевскомъ университетѣ т. I.—Журналы дежурныхъ генералъ-адъютантовъ. Царствованіе импер. Елизаветы Петровны. Выпускъ 1-й.—Хива, И. Захарьина (Якунина).—Д.—Новыя книги и брошюры (Августъ, 813).—Полное собраніе сочиненій М. Н. Загоскина. Т. I.—Народный театръ въ очеркахъ и картинкахъ, Ив. Щеглова.—Царевна Наталья Алексѣевна и театръ ея времени, И. А. Шляпкина.—В. Г. Бѣлинскій и чествованія его памяти, В. Глинскаго.—Д.—Новыя книги и брошюры (Сентябрь, 395).—Императоръ Александръ Первый, его жизнь и царствованіе, Н. К. Шиллера. Т. IV.—Статистическія свѣдѣнія о сохранившихся древнерусскихъ книгахъ XI-XIV вв. Сообщение Н. В. Волкова.—Общественная самопомощь въ Даніи, Норвегіи и Швеціи, П. Ганзена.—Главныя теченія русской исторической мысли, П. Миллюкова.—Собраніе сочиненій С. Шашкова.—Уроженцы и дѣятели Владимирской губерніи, А. В. Смирнова.—Очерки изъ исторіи населенія въ московскомъ государствѣ, М. Дяконова.—Т.—Новыя книги и брошюры (Октябрь, 826).—В. В. Сусловъ, Памятникъ древняго русскаго водчества, 4 выпуска.—А. П.—Собраніе сочиненій Каролина.—А. А. Кауфманъ, Къ вопросу о причинахъ и вѣроятной будущности русскихъ переселеній.—Т.—Н. М. Коркуновъ, Исторія философіи права.—Э. Радлова.—Новыя книги и брошюры (Ноябрь, 380).—М. О. Меньшиковъ, О писательствѣ.—Герои и историческое въ исторіи, Т. Карлейля, перев. В. Яковенко.—Вильгельмъ ф. Гумбольдтъ, Р. Гайма.—Жизнь и творчество крестьянъ Харьковской губерніи, В. В. Иванова.—Т.—Новыя книги и брошюры Декабрь, 788).

IV. Новости Иностранной Литературы.—I. M. Mulhall, Industries and Wealth of Nations.—С. Ра-тъ.—II. The Pamirs and the source of the Oxus, by G. Curzon, M. P.—Д. А. Б-чь.—III.

Réné Doumic, Etudes sur la littérature française.—3. В. (Январь, 426).—I. P. Schlentner, Gerhart Hauptmann, sein Lebensgang und seine Dichtung.—II. W. Stead, Satan's invisible world displayed.—III. Edm. Rostand, Cyrano de Bergerac, comédie en vers.—3. В. (Февраль, 857).—I.—Manuel de l'histoire de la littérature française, par F. Brunetière.—II.—Notes d'art et de littérature. Jos. Carperon.—III.—La Cathédrale, par J. Huysmans.—3. В. (Мартъ, 423).—I.—Emile Zola, „Paris“.—II.—H. Sudermann, Johannes.—3. В. (Апрѣль, 876).—I.—Max Nordau, Drohenschlacht.—II.—G. D'Annunzio, La Ville morte.—3. В.—(Май, 419).—I. G. Clemenceau, Les plus forts.—II.—Fr. Funck-Brentano, Légendes et Archives de la Bastille.—III. P. et V. Margueritte, Le Désastre.—3. В. (Июнь, 851).—Arvéd Barine. Névrosés.—Ferd. Carez. Auteurs contemporains.—Georges Pellissier. Etudes de littérature contemporaine.—3. В. (Июль, 415).—Henry Berenger, La Conscience Nationale.—Jean Richepin, La Martyre.—Emil Faguet, Drame Ancien. Drame Moderne.—3. В. (Августъ, 832).—I. Alphonse-Daudet, par Léon Daudet.—II. Gedichte von Alex. Pusckin, von Fr. Fiedler.—III. Die Frau des Weisen, v. Art. Schnitzler.—3. В.—IV. Fables choisies de Kryloff, par I. Schnitzler.—Т. (Сентябрь, 412).—I. Catulle Mendès, Le chercheur des tares.—II. L. Bazalguette, L'Esprit Nouveau.—III. Remy de Gourmont, Le II Livre des Masques.—3. В. (Октябрь, 846).—I. Points sèches, par Ad. Brissou.—II. Bucoliques, par J. Renard.—III. The Journalist, by G. F. Keary.—3. В. (Ноябрь, 404).—J. Lemaître, Impressions de Théâtre.—II. Ed. Rod. Le Ménage du pasteur Naudé.—III. Nadson, Gedichte.—3. В. (Декабрь, 832).

V. Изъ Общественной Хроникки.—Московский комитетъ для содѣйствія устройству студенческихъ общежитій.—Рѣчи проф. Виноградова и Чупрова, статьи проф. Филиппова.—Русскія общежитія и англійскіе „колледжи“.—„Вѣчные“ помощники присажанныхъ козвѣрныхъ.—Всеобщее обученіе и школа грамоты.—Рѣчь полтавскаго губернатора.—Post-scriptum (Январь, 452).—Тулское общество вспоможенія учащимъ и учившимъ.—Союзъ взаимопомощи русскихъ писателей и его тенденціозные противники.—Литературный третейскій судъ и судъ чести.—Еще нѣсколько словъ о гонорарѣ.—А. Д. Шумахеръ †.—Post-scriptum Февраль, 873).—Курское губернское земство и земская статистика.—Можайское уѣздное земство и уѣздникъ

агрономъ.—Вопросъ о губернскомъ агрономѣ въ с.-петербургскомъ губернскомъ земствѣ.—Выборы и партіи.—Ходатайство о возобновленіи учительскихъ съѣздовъ.—Оригинальная полемика.—Отвѣтъ на возраженіе.—Рѣчь управляющаго мин. нар. пр. 19 февраля (Мартъ, 439).—Взрывъ въ курскомъ Знаменскомъ монастырѣ.—Неосторожность „сенсационной“ прессы.—Попытка связать „пропаганду невѣрія“ съ заботой о народномъ благѣ.—Организація „народныхъ разсчетовъ“, предпринятая московской городской думой.—Несоогласованность закона о печати съ жизнью.—Еще о книгѣ Г. А. Евреинова.—Духоборцы на Кавказѣ и въ Сибири.—Продовольственный вопросъ въ В. Э. Обществѣ (Апрѣль, 890).—Пятидесятилѣтіе со времени смерти Бѣлинскаго.—Союзъ писателей и его право ходатайствовать о нуждахъ русской печати.—Возобновленіе „литературнаго смысла“.—Противорѣчіе между закономъ и жизнью.—Поправка.—Правительственное сообщеніе, 22 апрѣля, о положеніи продовольственнаго дѣла въ губерніяхъ, нуждающихся въ помощи (Май, 434).—Минскій процессъ.—Существенная разница между „обвинительнымъ актомъ“ и „окончательнымъ приговоромъ“.—Что такое „чрезвычайные способы разсѣдованія“?—„Глѣтъ“ или „раслушенность“.—Какъ иногда понимаютъ „улучшеніе“ положенія печати?—Нѣчто о „рыцарскихъ“ чувствахъ.—Всесословная школа и орловское дворянство. (Іюнь, 865).—Нѣмецкая книга о политикѣ и значеніе ея для русскаго общества.—Какъ понимаютъ свободу печати нѣмецкіе и русскіе публицисты.—Отголоски чествованія Бѣлинскаго.—Попытка вытѣснить Бѣлинскаго изъ „литературы“ въ „публицистику“ и провозгласить его „родоначальникомъ легкомысленной интеллигенціи“ (Іюль, 431).—Характерныя черты трехъ Городовыхъ Положеній, изданныхъ въ теченіе послѣдняго пятидесятилѣтія (1846—1892).—Видоизмѣненія главныхъ началъ, лежащихъ въ ихъ основаніи и определяющихъ: 1) отношеніе городской администраціи къ городскому общественному управленію, и 2) предѣлы избирательнаго права обывателей столицы.—Можетъ ли государственныи квартирный налогъ возмѣститъ городу ущербъ отъ закрытія, по закону, нѣкоторыхъ источниковъ городскихъ доходовъ? Необходимость, при этомъ, расширенія избирательныхъ правъ на плательщиковъ налога. (Августъ, 852).—Открытіе памятника императору Александру II-му въ Москвѣ и отголоски этого событія въ печати.—Лицевая и оборотная сторона сужденій о великихъ реформахъ.—Сотрудники императора; „подго-

товители“ и „исполнители“ реформъ.—Записки бывшаго земскаго начальника.—Нѣчто о глбности крестьянъ.—Письмо старообрядца.—Катковъ по отзывамъ его эпигоновъ и — В. Н. Чичерина.—М. Г. Чернышевъ † (Сентябрь, 431).—Продовольственный вопросъ.—Рѣчь и д. сибирскаго губернатора.—Общественныя запашки и работы, какъ условіе выдачи ссудъ.—Страдаетъ ли продовольственное дѣло отъ обилия „нянекъ“ или отъ чего-нибудь другого?—Новый финляндскій генераль-губернаторъ.—Продолженіе „Записокъ земскаго начальника“.—Съѣздъ городскихъ головъ.—М. А. Кавосъ † (Октябрь, 861).—Дѣло ксензда Бѣлякевича и комментарий къ нему въ печати.—Официальное опроверженіе по дѣлу сектантовъ села Екатериновки.—Двѣ рѣчи финляндскаго генераль-губернатора.—Особое сообщеніе по вопросу о военной повинности въ Финляндіи.—Письмо ливляндскаго генераль-суперинтендента въ редакцію „Сиб. Вѣдомостей“ (Ноябрь, 421).—Проектъ положенія о личномъ наймѣ и контролѣ частной прислуги въ Петербургѣ.—Различное отношеніе къ договаривающимся сторонамъ.—Возстановленіе аттестаций прислуги.—Лучшій способъ разрѣшенія въ проса о прислугѣ.—Открытіе памятниковъ гр. М. Н. Муравьеву и П. С. Нихимову.—Сорокалѣтіе ученой дѣятельности В. И. Герье.—„Русскій Начальникъ Учитель“ о числѣ школъ и учащихся въ сиб. губерніи (Декабрь, 845).

VI. Библиографическій Листокъ.—Н. Карѣевъ, Введеніе въ изученіе социологии.—Ф. Гиддингсъ, Основанія социологии.—Общественная жизнь Англіи, Г. Трайля, т. III.—А. Риль, Фридрихъ Ницше, какъ художникъ и мыслитель, пер. съ нѣм. З. Венгеровой.—О. Петерсонъ и Е. Балабанова, Западно-европейскій эпосъ и средневѣковой романъ, т. II.—К. Покровский, Путеводитель по небу.—„Мои воспоминанія“, акад. Ѳ. И. Булгаева. (Январь).—На досугѣ, сборникъ юрид. статей съ 1870 г., И. Я. Фойницкаго.—О географическомъ распредѣленіи государства. расходовъ Россіи, Н. П. Яснопольскаго.—Канада, Н. А. Крюкова.—Давидъ Рикардо и К. Марсъ, Н. И. Зиберъ—Музыкальные фелетоны и замѣтки П. И. Чайковскаго (Февраль).—Жизнь и труды М. П. Погодина, Николая Барсукова.—Финансово-Статистическій Атласъ. 1885—1895 г.—Чайные округа субтропическихъ областей Азіи, А. Н. Краснова. Архивъ села Михайловскаго.—Докъ, Джонъ. Опытъ о человѣческомъ разумѣ. Перев. съ англ. А. Н. Савина. (Мартъ).—Шекспиръ въ переводѣ А. Л.

Соколовскаго, въ 8 томъ.—Экономическое учение Маркса, Л. З. Слонимскаго.—Стихотворенія А. М. Жемчужникова, въ 2 томъ.—Теорія и практика желѣзнодорожнаго права, И. М. Рабиновича.—С. Булгаковъ, О рынкахъ при капиталистическомъ производствѣ. Изд. М. И. Водовозовой.—Иллюстрированный Словарь общепознанныхъ свѣдѣній. Подъ редакціей Эльпе (Апрѣль).—Конн, А. Ф., За послѣдніе годы, изд. 2-е, доп.—Кавелинъ, К. Д., Собраніе сочиненій, т. II.—Письма Иннокентія, митр. москов. и колом., собраны Ив. Барсуковымъ, кн. 2-я.—Германиа наканунѣ революціи и ея объединеніе, А. Трачевскаго.—Подходный налогъ въ Англии, И. Озерова (Май).—Народное образованіе на Всероссийской выставкѣ въ Н.-Новгородѣ, Е. П. Ковалевскаго.—Начальное народное образованіе въ тульской губерніи въ 1896—97 г.—Народные учителя и учительницы въ тульской губерніи, гр. П. С. Шереметева.—Общественная самопомощь въ Даніи, Норвегіи, Швеціи, П. Ганзена.— Стихотворенія, П. Я. (Іюнь).—Н. А. Бѣлоголовъ. Воспоминанія и другія статьи. 3-е изданіе.—К. Гуго. Новѣйшія теченія въ англійскомъ городскомъ самоуправленіи. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ ред. Д. Протопопова.—И. С. Влюхъ. Будущая война въ техничскомъ, экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Т. I-V.—А. Богдановъ. Краткій курсъ экономической науки.—Финляндія. Подъ редакціей Д. Д. Протопопова. Съ 51 иллюстр. Изд. О. Н. Поковой.—Эдм. Берте. Маленькія школьницы пяти частей свѣта. Сочиненіе, одобрен. французской академіей. Съ франц. М. Гранстремъ. Съ 104 рисунками (Іюль).—Иностранные капиталы, ихъ значеніе на экономическое развитіе страны. Часть первая. Теоретическія основанія. Опытъ иностранныхъ государствъ. В. Ф. Брандта.—Поль де-Рузье. Профессиональные рабочіе союзы въ Англии. Переводъ съ французскаго подъ редакціей и съ предисловіемъ П. Струве. Изд. О. Н. Поковой.—С. С. Арнольдъ. Задача пониманія исторіи. Проектъ введенія въ изученіе эволюціи человѣческой мысли. Изд. М. Ковалевскаго.—Аскоттъ Р. Гоопъ. Семь мудрыхъ школяровъ. Съ англійскаго М. Гранстремъ. Съ 96 рисунками (Августъ).—Императоръ Александръ Первый, его жизнь и царствованіе. Съ 450 иллюстр. Н. К. Шильдера.—Сборникъ статей проф. Н. М. Коркунова.—Антропология, Эд. Тэйлора.—Силы и законы природы, А. Лампа.—Дарвинизмъ, Ал. Уоллеа.—Иллюстрированная классификація луговыхъ травъ, А. Ю.

Лашкарева.—Гейрихъ Гейне, Собраніе сочиненій. Подъ ред. Петра Вейберга. (Сентябрь).—Исторія русской литературы, М. А. Н. Пыпина. Т. III.—Сочиненія К. К. Слущевскаго, въ 6 томахъ.—Братская помощь пострадавшимъ въ Турціи армянамъ. 2-е изданіе.—Сношенія Петра В. съ армянскимъ народомъ. Г. А. Эзовъ.—Опытъ упрощенія русскаго правописанья. Л. Ф. Воеводскаго, орд. проф. Имп. Новорос(с)ійскаго университета. (Октябрь).—„Искусство и художественная промышленность“, журн. п. р. Н. П. Собоко, № 1 и 2.—А. Гулевичъ, Война и народное хозяйство.—Выборный мировой судъ, сборникъ.—Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго, т. I.—Сочиненія В. Г. Бѣлинскаго, т. I и II (Ноябрь).—Статистическія свѣдѣнія по начальному народному образованію въ Россійской Имперіи за 1896 г., изд. мнн. народн. просвѣщенія.—Городскія управленія въ западной Европѣ, Альб. Шоу.—Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ, В. И. Семевскаго.—Калевала, перев. Э. Гранстрема (Декабрь).

VII. Извѣщенія.—I. Отъ Редакціи „Вѣстника Финансовъ, Промышленности и Торговли“.—II. Отъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. (Февраль, 886).—I. Отъ Комитета Общества для вспомошествованія нуждающимся переселенцамъ.—II. Отъ Харьковскаго Комитета по присужденію премій при Университетѣ, въ память 25-ти-лѣтія царствованія Имп. Александра II (Апрѣль, 905, Май, 452).—Отъ Правленія Спб. Общества вспомошествованія б. воспитанникамъ Кіевскаго Университета.—II. Отъ Комитета Общества для вспомошествованія нуждающимся переселенцамъ (Іюнь, 876).—Отъ Правленія Спб. Общества вспомошествованія б. воспитанникамъ Кіевскаго Университета. (Іюль, 443).—I. Отъ Правленія Спб. Общества вспомошествованія б. воспитанникамъ Кіевскаго Университета.—II. Отъ Комитета Общества для вспомошествованія нуждающимся переселенцамъ. (Августъ, 864).—Отъ Правленія Спб. Общества вспомошествованія б. воспитанникамъ Кіевскаго Университета; объ увѣковѣченіи памяти Н. Х. Бунге. (Сентябрь, 447).—I. Отъ Правленія Спб. Общества вспомошествованія б. воспитанникамъ Кіевскаго Университета; объ увѣковѣченіи памяти Н. Х. Бунге.—II. Отъ Комитета Общества для вспомошествованія нуждающимся переселенцамъ. Октябрь, 876).

СОДЕРЖАНІЕ

ШЕСТОГО ТОМА

Ноябрь — Декабрь 1898.

Книга одиннадцатая. — Ноябрь.

	стр.
Иванъ Федоровичъ Горбуновъ.—Очеркъ.—I-VIII.—А. О. КОНИ	5
Художественная проза и ея судьба.—I-VII.—Ф. Ф. ЗЪЛИНСКАГО	64
Пощечина.—Разсказъ.—К. О. ГОЛОВИНА	120
Свистъ.—Баллада Мицкевича.—Перев. В. П. МАРКОВА	175
Славянофилы, западники и Герцень.—Н. БЪЛОЗЕРСКАГО	183
Братья.—Разсказъ.—Кн. М. Н. ВОЛКОНСКАГО	202
Профессиональныя волзвни рабочихъ.—Очеркъ.—I-II.—ИВ. КЕРЧИКЕРА	228
Изъ давняго мира.—„The maiden's Progress“, by V. Hunt.—I-XIII.—Перев. А. Б.—Г—	264
Три свиданія.—Поэма.—ВЛ. С. СОЛОВЬЕВА	328
Хроника.—Внутреннее Овозрѣніе.—Взятіе земскихъ сборовъ—прежде и те- перь.—Различныя способы улучшить положеніе земскихъ финансовъ.— Предѣлы земскаго обложенія.—Васильское уѣздное земское собраніе.— Вопросъ объ отношеніи губернскаго земства къ ходатайствамъ уѣзд- ныхъ земскихъ собраній.—Земская адвокатура.—Реакціонная печать и земство	335
Иностранное Овозрѣніе.—Открытіе парламентской сессіи во Франціи.—Засѣ- даніе палаты депутатовъ 25 (13) октября и паденіе министерства Брис- сона.—Дѣло Дрейфуса и антисемиты.—Рѣшеніе кассационнаго суда.— Англо-французскій споръ о Фашодѣ	353
Миръ—или новая война?—Письмо въ Редакцію.—П. А. ТВЕРСКОГО	365
Литературное Овозрѣніе.—В. В. Суслевъ, Памятники древняго русскаго зодчества, 4 выпуска.—А. П.—Собраніе сочиненій Каронина.—А. А. Кауфманъ, Къ вопросу о причинахъ и вѣроятной будущности русскихъ переселеній.— Т.—Н. М. Коркуновъ, Исторія философіи права.—Э. Радлова.—Но- выя книги и брошюры	380
Новости Иностранной Литературы.—I. Points sèches, par Ad. Brisson.—II. Bucoliques, par J. Renard.—III. The Journalist, by G. F. Keary.— З. В.	404
Некрологъ.—Яковъ Петровичъ Половскій.—ВЛ. С. СОЛОВЬЕВА	419
Изъ Овещественной Хроники.—Дѣло ксендза Бѣлякевича и комментаріи къ нему въ печати.—Официальное опроверженіе по дѣлу сектантовъ села Екатериновки.—Два рѣчи финляндскаго генераль-губернатора.—Особое сообщаніе по вопросу о воинской повинности въ Финляндіи.—Письмо лиф- ляндскаго генераль-суперинтендента въ редакцію „Спб. Вѣдомостей“	421
Библиографическій Листокъ.—„Искусство и художественная промышленность“, журн. п. р. Н. П. Собко, № 1 и 2.—А. Гулевичъ, Война и народное хо- зяйство.—Выборный мировой судъ, сборникъ.—Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго, т. I.—Сочиненія В. Г. Бѣлинскаго, т. I и II.	
Овъявленія.—I-IV; I-XVI стр.	

Книга двѣнадцатая. — Декабрь.

	стр.
Иванъ Федоровичъ Горбуновъ. — IX-XII. — Окончаніе. — А. Θ. КОНИ.	437
Стихотворенія. — I. Изъ Гейне: Мухкѣ. — II. Ковылъ. — Въ старомъ паркѣ. — Дни бываютъ... — О. Н. МИХАЙЛОВОЙ.	482
Профессиональныя воланзы равочихъ. — Очеркъ. — III-IV. — Окончаніе. — И. КЕР- ЧИКЕРЪ.	490
Банкротъ. — Повѣсть. — Н. СТАХЕВИЧЪ	519
Два Италія. — З.	608
Черная давушка. — Разсказъ. — ГР. ГЕ	627
Изъ гордости. — Эскизъ изъ ром. „Par orgueil“, M. A. de Bovet. — Ю. З—А	652
Стихотворенія. — I-II. — А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА.	710
Изъ давничьего міра. — The maiden's Progress, by V. Hunt. — XIV-XVII. — Окон- чаніе. — Сь англ. А. В—Г	712
Хроника. — Внутреннее Овозрѣніе. — Предполагаемое введеніе земскихъ учрежде- ній въ девяти западныхъ губерніяхъ. — Главныя отступленія отъ обще- земскаго типа: отсутствіе уѣздныхъ собраній; значительное число на- значенныхъ членовъ губернскихъ земскихъ собраній; выборъ губер- скихъ гласныхъ на уѣздныхъ избирательныхъ собраніяхъ и на волост- ныхъ сходкахъ; назначеніе предсѣдателя и членовъ земскихъ управъ; подчиненіе уѣздныхъ управъ губернскимъ. — Положеніе дѣлъ въ неуро- жайныхъ губерніяхъ	760
Иностранное Овозрѣніе. — Воинственное настроеніе въ Англіи. — Рѣчи лорда Сольсбери и Чамберлена. — Внутреннія противорѣчія въ теоріи „миролю- бивыхъ вооруженій“. — Новѣйшіе факты: очищеніе Крита отъ турецкихъ войскъ, мирный раздѣлъ Африки и части Китая. — Вильгельмъ II на Вос- токахъ	773
Литературное Овозрѣніе. — М. О. Меньшиковъ, О писательствѣ. — А. П. — Герои и героическое въ исторіи, Т. Карлейля, перев. В. Яковенко. — Вильгельмъ ф.-Гумбольдтъ, Р. Гайма. — Жизнь и творчество крестьянъ харьковской губерніи, В. В. Иванова. — Т. — Новыя книги и брошюры	788
Замѣтка. — Новая книга г. Θ. Еленева и поправки къ ней: „Чего до- стигли и чего домогаются впередъ достигнуть финляндцы по пути отпа- денія (?) отъ русской государственной власти, Θ. Еленева. М. 1898. — Л. МЕХЕЛИНА	806
Новости Иностранной Литературы. — I. Jules Lemaitre, Impressions de Thé- atre. — II. Ed. Rod, Le Ménage du pasteur Naudié. — III. Nadson, Gedichte, Verdeutschung v. Fiedler. — З. В.	832
Изъ Овдественной Хроники. — Проектъ положенія о личномъ наймѣ и контролѣ частной прислуги въ Петербургѣ. — Различное отношеніе къ договари- вающимся сторонамъ. — Восстановленіе аттестацій прислуги. — Лучшій спо- собъ разрѣшенія вопроса о прислугѣ. — Открытіе памятниковъ гр. М. Н. Муравьеву и П. С. Нахичову. — Сорокалѣтіе ученой дѣятельности В. И. Герье. — „Русскій Начальникъ Учитель“ о числѣ школъ и уча- щихся въ сиб. губерніи	845
МАТЕРИАЛЫ ДЛѢ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ. — „Вѣстникъ Европы“ въ 1898 году	865
Алфавитный указатель авторовъ и статей въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1898 годъ	867
Библиографическій Листокъ. — Статистическія свѣдѣнія по начальному народ- ному образованію въ Россійской Имперіи за 1896 годъ, изд. мин. на- роднаго просвѣщенія. — Городскія управленія въ западной Европѣ. Альб. Шоу. Перев. А. Бѣловскаго. — Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промис- лахъ, В. И. Семейскаго. — Калевала. Финская народная эпопея. ДлѢ мно- щества, перевелъ Э. Гранстремъ. Изд. 2-ое, сь 40 ориг. рис.	
Объявленія. — I-IV; I-XXIV стр.	

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

Статистическія свѣдѣнія по начальному народному образованію въ Россійской Имперіи за 1896 годъ. Сиб. 98. Стр. 277 in 4°, съ общими свѣдѣніями въ отдѣлахъ.

Настоящее изданіе департамента народнаго просвѣщенія составляетъ „первую попытку“ къ собранію числовыхъ данныхъ по начальному народному образованію не только въ области самаго министерства, полученныхъ изъ его 12 учебныхъ округовъ и 3 областей, но и другихъ восьми вѣдомствъ, содержащихъ подобныя же начальныя школы, какъ-то: Св. Синода, Имп. Чело-вѣколюбиваго Общества и пяти министерствъ. Такъ какъ настоящая попытка является впервые, то изъ полученныхъ нами свѣдѣній нельзя заключить о размѣрѣ успѣховъ въ дѣлѣ народнаго образованія за послѣднюю четверть истегающаго вѣка; но эта попытка имѣетъ большое значеніе для будущихъ эпохъ: министерство народн. просвѣщенія признаетъ необходимымъ дѣлать періодически повторенія подобной статистической работы по начальному народному образованію. За то, благодаря настоящему сборнику статистическихъ свѣдѣній, мы имѣемъ наконецъ довольно точную картину современнаго положенія народнаго образованія, какъ начальнаго, такъ и его довершенія къ четырехкласснымъ училищамъ по Положенію 1872 года; мы видимъ уже теперь, что сдѣлано въ этой важнѣйшей области народнаго жизни, и что необходимо сдѣлать для того, чтобы не оставаться долѣе на одномъ изъ послѣднихъ мѣстъ въ ряду прочіихъ культурныхъ странъ. На 126 милліоновъ жителей обоего пола мы имѣемъ неже четырехъ милліоновъ училищъ обоего пола въ школахъ всѣхъ вѣдомствъ; изъ нихъ, около 2.810.000 обоего п. обучаются въ школахъ вѣдомства нар. просвѣщенія, и около 1.117.000 об. п.— въ церковно-приход. школахъ; за ними первое мѣсто по народному образованію принадлежитъ военному министерству; оно содержитъ болѣе 10.000 школъ, въ которыхъ числится свыше 300.000 учащихся, что, впрочемъ, говоритъ только о массѣ поступающихъ въ войска изъ народа безграмотными. Таблицы, составленныя другими вѣдомствами, представляютъ одно преимущество: онѣ имѣютъ рубрику расходовъ на содержаніе школъ; желательно было бы на будущее время ввести такую же рубрику и въ таблицу школъ вѣдомства министерства нар. просвѣщенія, съ подраздѣленіемъ ея на суммы, отпускаемыя казною, земствами и городами; частными учрежденіями и лицами — въ начальномъ народномъ образованіи. Отсюда можно было бы заключить и объ обстанѣ школьнаго дѣла; такъ, военное мин. издерживаетъ около 2.700.000 руб. на содержаніе своихъ 10.000 школъ, что даетъ на школу 270 руб.; очевидно, такъ имѣется на лицо даровой трудъ и даровое помѣщеніе. Св. Синодъ отпускаетъ, слѣдуетъ 4.700.000 руб. на содержаніе почти 35.000 школъ. Въ таблицахъ же министерства народнаго просвѣщенія, принята другая система: тамъ сообщается только число училищъ, содержащихся казною, земствами и городами, фабриками и частными лицами; такъ мы узнаемъ, что въ сиб. округѣ, изъ 2.300 школъ, казною содержится съ небольшимъ 400; земствами и городами—1.800; фабриками и заводами—всего 15 и частными лицами—свыше 40; но какія суммы отпускаются на ихъ содержаніе

—не показано, что, однако, имѣется въ таблицахъ другихъ вѣдомствъ. Такое финансовое допущеніе мы считали бы на будущее время особенно желательнымъ, такъ какъ при этомъ выяснилось бы и отношеніе государственнаго школьнаго бюджета къ бюджету въ полномъ его объемѣ.

Городскія управленія въ западной Европѣ. А. Д. Б. Шоу. Перев. А. Бѣловскаго. М. 98. Стр. 631. Ц. 2 р. 50 к.

Мы имѣли случай не такъ давно указать на переводъ подобнаго же труда К. Уго, посвященнаго специально городскому самоуправленію и хозяйству въ Англіи. Книга Шоу, обнимающая собою городскія порядки во всей западной Европѣ, представляетъ еще болѣе интереса для насъ, кто свѣдѣтъ за нашими городскими порядками и находится вопросомъ о причинахъ того, что русскіе города представляютъ болѣе примѣры безпорядка, чѣмъ порядка. При самомъ поверхностномъ сравненіи условій, при которыхъ дѣйствуетъ городское общественное управленіе у насъ и въ остальной западной Европѣ, оказывается естественнымъ и понятнымъ явленіемъ различіе въ результатахъ дѣятельности этого управленія у насъ и въ заграничныхъ городахъ.

В. П. Семевскій. Работы на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ. Историческое изслѣдованіе. Т. I—II. Изд. П. М. Сибирякова. Сиб., 1898. Стр. LXXXIV + 577 + 914. Ц. 2 р. за томъ.

Обширный трудъ г. Семевскаго представляетъ собою тщательно разработанную исторію промысловъ золотопромышленныхъ рабочихъ въ Сибири по архивнымъ матеріаламъ центральныхъ государственныхъ и мѣстныхъ правительственныхъ учрежденій, а также по давнимъ частнымъ помѣстнымъ и по личнымъ разслѣдованіямъ. Предпринятая почти десять лѣтъ тому назадъ по инициативѣ П. М. Сибирякова, эта капитальная работа доведена была до конца съ той наиболѣе добросовѣстностью, которая служитъ отличительной чертой историческихъ трудовъ В. П. Семевскаго. Истощающая полнота фактическихъ свѣдѣній, обстоятельность и точность въ изученіи деталей, большая опытность и искусство въ группировкѣ разнородныхъ данныхъ,— все это дѣлаетъ новую книгу почтеннаго автора весьма цѣннымъ вкладомъ въ нашу научно-историческую литературу. Г. Семевскій смотритъ на свое изслѣдованіе какъ на пособие „для созданія вполне научной исторіи промышленнаго труда въ Россіи“,—но мы думаемъ, что трудъ его имѣетъ и вполне самостоятельное значеніе.

Календаль. Финская народная эпопея. Для юношества, переводъ Э. Грайстремъ. Изд. 2-е, съ 40 ориг. рис. Сиб. 98. Стр. 368.

Новое изданіе „этого драгоценнѣйшаго сокровища эпической поэзіи“,—какъ выразился о Календаль Ив. Гримъ,—является въ значительно переработанномъ видѣ, и, какъ мы имѣли уже случай замѣтить, по поводу перваго изданія, назначается для нашего юношества; теперь подлинника весьма удачно переведъ развѣтритъ, близкимъ къ ивъучему, календальскому подлиннику, и украситъ пышно иллюстраціями.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1899 г.

(Тридцать-четвертый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ежемесячный журналъ исторіи, политикѣ, литературы

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ
отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:			По четвертямъ года:		
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	16 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союзу	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Стѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разерочки годовой подписки на журналъ, подписка по шестимѣсячю: въ январѣ и іюль, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюль и октябрѣ, принимается — безъ повышенія годовой цѣны подписки.

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычномъ уступкомъ.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полугодіе и четверть года:

въ ПЕТЕРБУРГѢ:

- въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
- въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цивизерлинга, Невскій пр., 20, и товарищества „Издатель“, Невск. пр., 68—40.

въ КІЕВѢ:

- въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

въ МОСКВѢ:

- въ книжныхъ магазинахъ: П. И. монтова, на Кузнец.-Мосту; Н. Карбасникова, на Моховой; въ „Русск. Мысли“ и въ Конторѣ Н. Ковской, въ Петровскихъ линіяхъ

въ ОДЕСѢ:

- въ книжн. магаз. „Образованіе“, Ришельевская, 12.

въ ВАРШАВѢ:

- въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжн. Складъ“ и Н. П. Карбасникова

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себя: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго ему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* вылата журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожителей подписчика. — 2) *Переменная адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ вѣрнаго адреса, при чемъ городскіе подписчики переходя въ иногородныя, доплачиваютъ 1 руб., а иногородныя, переходя въ городскіе — 10 коп. — 3) *Жалобы* на несправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ и, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранн. подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми ярлыками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Сиб., Гадерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Аппаратъ, 10 л., 28.

КРАТУРН

2 КНИГЪ ВЪ
ПО ФОРМАТА.

СРЕДНЬ ГОДА:

к. 3 р. 90 к. 3 р.

" 4 " - " 4 "

" 4 " - " 4 "

" 5 " - " 4 "

-1 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПО ПОЛНОМУ
ИЮНЬ, АПРѢЛЬ, МАЙ
И ДРУГИМ ПОДПИСКИМ

ВЪ УЧЕБНОМЪ

КВЪ:

ИНАХЪ: Н. И. М.
Ц.-Мосту; Н. Е.
ИХОВОЙ; ВЪ МАЙ
КОНТОРЪ Н. ПЕЧ.
ИХЪ ЛИНИЯХЪ.

СЪ:

"Образованіе"

Карбасникова.

и, отчество, фами-
ли ближайшего ка-
зета такого учре-
жденія бытъ сообщена
директору издательства,

въ г
Ред
объе
д. — 4
и нро
и.

Ъ.

ГРНА

